

Раздел 2.

**Быт и психология фронта
в документах послевоенного периода**

№ 1277**Из воспоминаний Л.М. Миляева¹***Дата не установлена*

Приказом народного комиссара обороны № 04192 от 24 сентября 1939 г. я был переведен из Тамбовского пехотного училища на должность командира роты курсантов Одесского пехотного училища. И прослужил в указанном училище в должностях командира роты курсантов, пом. командира батальона курсантов по огневой подготовке, начальника учебной части батальона, командира 4-й сводной роты курсантов (с момента боевых действий училища 1941 г.), командиром разведывательного батальона курсантов на фронте, пом. начальника учебного отдела училища (сентябрь 1941 г. – после прибытия с боевых действий). А в октябре 1941 г. я был направлен из г. Уральска учиться в Академию им. Фрунзе. В 1940 г. вступил в члены КПСС в училище.

В училище я командовал 19-й ротой курсантов, она была укомплектована из сверхсрочников, старшин и пом. ком. взводов. Такая рота была единственной во всей Советской Армии среди училищ. Рота, которой я командовал, была одна из лучших в училище и в округе по всем разделам боевой и политической подготовки и особенно по огневой и строевой подготовке.

Июнь 1941 г.

Я получил новое назначение на должность начальника учебной части батальона курсантов (номер батальона не помню, он стоял в лагере юго-западнее г. Одесса в 10-15 км) среди немецких колоний. В субботу, т. е. 21 июня 1941 г., во второй половине дня прибыл в лагерь. Конечно, ознакомиться со своими обязанностями еще не сумел.

На новом месте, тем более в палатке, было душно, плохо спалось. Лежал и все время думал о новых обязанностях.

Между прочим, о войне нам не было известно, разговоров на эту тему в училище не велось. В городе также ничего не было заметно о подготовке к войне. Как правило, после военного парада весь военный гарнизон выходил в лагерь, и в городе было мало военных, кое-где появлялись моряки из береговой службы и наши курсанты.

На рассвете 22 июня 1941 г. стало выходить солнце, я уже не спал. Курсанты постепенно стали подниматься без сигнала «подъем». Слышу голос некоторых дневальных и дежурных по ротам к нарушителям, заставляя их опять ложиться в постель.

Прошедшая ночь была у всего лагеря «нервозная», как будто бы ждали тревоги. В 5 часов утра раздался телефонный звонок, начальник училища полковник Шерстнев² вызвал к себе в город нашего командира батальона. Это еще больше повлияло на неорганизованность подъема. Я вышел из палатки. Тепло, греет июньское солнце, батальон уже весь на ногах, и курсанты чего-то ждут. В 6 часов утра мне комбат звонит по телефону и приказывает поднять батальон и готовить к маршу, но батальон уже

самостоятельно поднялся. Я поторопился к прибытию командира накормить батальон, отдать предварительные распоряжения командирам и дежурным о подготовке личного состава к маршу.

По радио объявлялось, что будет передано особо важное сообщение.

Вызвал я к себе начальника боепитания батальона, и он мне доложил о состоянии и количестве орудий и боеприпасов в батальоне и на складе. Оказалось на лицо две 37-мм пушки без снарядов, два тягача к ним «комсомольцы», один ящик винтовочных патронов и еще в цинке немного россypью вместе с осечками и один телефонный аппарат без кабеля – вот весь запас. Накануне, т.е. в субботу, были очередные стрельбы, и боеприпасы были израсходованы.

По прибытии начальника батальона от начальника училища в лагерь он сообщил, что немцы сегодня утром перешли наши государственные границы и пошли на нас войной. Бомбят пограничные города, ж.-д. узлы и глубокие тылы. На Одесском полигоне для учебного бомбометания (примерно, как вспоминаю, северо-восточнее Одессы) сегодня на рассвете выброшен воздушный десант по захвату полигона для последующего посадочного десанта. «Начальник училища приказал Вам, тов. Миляев, возглавить отряд курсантов по уничтожению выброшенного десанта».

Мною немедленно был сформирован отряд здесь же по тревоге в составе четырех взводов по 25 человек – всего 100 человек. Придали мне две 37-мм пушки на тягачах «Комсомолец». Здесь же много курсантов пожелали идти в сформированный мне отряд, сразу же был виден у курсантов, у советских людей патриотический дух. Я лично раздавал каждому из курсантов, стоявших в первых рядах взводов, по одной обойме патронов, а остальные имели только автоматические винтовки Симонова и к ним штык. К пушкам не было ни одного снаряда. У всего отряда было исключительно боевитое настроение, и многие говорили: «Патронов нет, штыками переколем немца!».

Формирование отряда происходило в минутах, время терять нельзя было. Мне подали обозную лошадь с рваным седлом, комбат подал мне руку и пожелал счастливо воевать. Весь лагерь провожал нас с большим вниманием и огорчением, почему оставшиеся не попали в отряд.

Я вперед выслал, как разведку, головной взвод и вслед за ним повел остальной отряд. Интересно подметить – когда мы проходили через немецкую колонию, то все население вышло нас встречать (или провожать). Все немцы были одеты в праздничную одежду, с плясками и гармошками. Признаться, нам даже было приятно, что нас так провожают, т.е. поднимают нам дух. Но на второй день уже было известно, что эти немцы настроены против советского народа и они веселились в честь военных действий Германии.

Шли мы на выполнение боевой задачи броском, переменной ускоренным шагом. Тогда мы ходили много, курсанты и командиры были хорошо втянуты в маршевую подготовку, обязательно в лагерь или городок

возвращались с броском и взятием штурмовой полосы, и отстающих никогда не было.

На подходе к полигону уже слышались выстрелы – это головной взвод вступил в бой. Я на ходу получил краткое боевое донесение от командира головного взвода (фамилию не помню) с полной обстановкой. На подходе к полигону я развернул отряд в два эшелона: в первом эшелоне головной взвод и по одному взводу развернул на его флангах, а четвертый взвод во втором эшелоне. Я с ячейкой управления между головным взводом и вторым эшелонном. Отряд развернул сходу и вступил в огневой бой.

Нужно сказать, десант еще не окопался, и десантники ходили в полный рост, группами, очевидно, изучали местность и не ожидали нашего прибытия.

Головной взвод наш первый обстрелял десантников, у них появилось замешательство, они разбежались по группам и открыли беспорядочный огонь по нашему взводу.

Связист залез на телефонный столб, привязался ремнем на проходящей телефонной линии в Одессу и связался с начальником училища. Это все происходило при автоматной стрельбе. Линия связи проходила от первого эшелона в 20-30 метрах, т.е. телефонист, сидя привязанным ремнем на столбе, связался и передавал мое донесение и указания начальника училища мне под автоматным огнем.

Огневой бой разгорелся жаркий, но я приказал патроны экономить и продвигаться ползком всему первому эшелону на рубеж атаки.

Бой шел более часа, патроны были уже на исходе. Но вдруг закричали из второго эшелона: «Машина, машина!», я обернулся и вижу на ней поваров-моряков в белых куртках и чепчиках. С группой – несколько станковых пулеметов, ящики с патронами и гранатами.

Мною было приказано: «Немедленно станковые пулеметы вперед, разнести боеприпасы и гранаты!».

Все это делалось очень быстро, с этой машиной отправил раненых в Одессу. После пополнения боеприпасами отряда и постановки пулеметов на ОП (а пушки так и не действовали из-за изменения снарядов) скоординировал: «Отряд встать, вперед за мной в атаку!». Курсанты, как один, встали с броском гранат и пошли в атаку.

Атака была очень удачная, одновременная, т.е. курсантам на пользу далась боевая выучка. Воздушный десант в количестве 50 человек был полностью уничтожен без единого пленного. Бой длился часа 3-4. Курсанты, командиры (и я в том числе) получили первое боевое крещение, отряд показал смелость и беспредельную ненависть к врагу нашей Родины. По окончании боя мы пошли в Одессу на зимние квартиры.

Обстановка в ночь с 22 на 23 июня в городе Одессе и выход на государственную границу

После объявления войны по радио в городе все «зашевелились». Отдыхающие стали выезжать из Одессы по своему месту жительства,

местное население стало готовиться к эвакуации. На ж.-д. вокзале и [в] порту произошло большое скопление пассажиров.

Училище во второй половине 22 июня все собралось на зимние квартиры. Был выделен усиленный суточный наряд и караул. По указанию командующего войсками округа назначались отдельные команды из курсантов и направлялись по назначению для охраны объектов города и усиленного патрулирования. Офицеры все время находились в казармах. Некоторые офицеры – и главным образом из руководящего состава – отправлялись по назначению на основании мобилизационного плана.

Во второй половине дня 22 июня противник стал бомбить город и главным образом морскими торпедами и с сильным звуком, с большой разрушительной силой. Вся ночь была в огне пожаров, взрывов, журчании немецких самолетов, освещении прожекторов. Все дрожало, на втором этаже нельзя было находиться, впечатление – дом рушится. В городе электричество было отключено, в казармах керосиновых ламп, свечей не было. Ходили на ощупь. Бомбежкой с воздуха была разбита нефтебаза в порту, произошел большой пожар. Училище участвовало в тушении пожара – пожар колоссального размера, курсанты и офицеры героически боролись днем и ночью с огнем. Я был назначен ответственным за тушение пожара.

Начальник училища полковник Шерстнев получил приказ оформить из выпускников-курсантов полк и отправиться к государственной границе, подготовить оборонительный рубеж и встретить противника организованным огнем. 17 июля 1941 г. сформированный полк из выпускников-курсантов под командованием начальника училища полковника Шерстнева отправился на машинах для выполнения боевого приказа.

20 июля полк занял рубеж: ст. Каушаны, северо-восточнее Опач. (карта 1:50000 изд. 1943 г.) и стал готовить оборонительный рубеж. В несколько направлений полком была организована разведка.

Мне полковником Шерстневым было приказано с моей бывшей 19-[й] ротой курсантов и с добавлением из других рот сформировать 4 взвода по 25 человек (всего 100 человек), вооруженные автоматическими винтовками и гранатами. Мне еще была придана пулеметная рота моряков в составе 50 человек с 10 станковыми пулеметами, с большим количеством боеприпасов. Вот весь состав и вооружение отряда. Занять на левом фланге полка оборону на выгодном рубеже с. Опач, вести разведку в направлении Салкуца и Токуз я не имел никакой [возможности], кроме пеших посыльных и флажков, с командиром полка – пешими посыльными. Кухни я не имел, питались сухарями и чаем. Оборону занял отряд (см. схему № 2)*.

Во второй половине дня 21 июля разведка донесла, что наблюдает выдвижение войск противника с направлений Солкуца, Токуз на Опач. Я с НП наблюдаю, как артиллерийская батарея и танковый взвод сходу становятся на ОП в районе высоты 106,0 и тут же открывают огонь (беспорядочный). Их стрельба прикрывала выход пехоты на северо-восточную окраину Опач, т.е. на рубеж атаки. И примерно часов в 16 началась первая атака румынских войск из кукурузного поля (см. на

схеме*). Первая атака противника была очень неорганизованная и шла с большой опаской. Как только первая цепь вышла метров 50 из кукурузного поля, появилась вторая цепь. Мной была подана команда всему отряду: «Открыть огонь!», сигнал был установлен – подъем саперной лопаты вверх совком.

Отряд напряженно с большой выдержкой ждал этого сигнала. Противник неожиданно получил такой сильный автоматическо-пулеметный огонь, и, конечно, от этих первых двух цепей почти ничего не осталось. Всего примерно было в двух цепях 120-150 человек. Атаку противник поддержал артиллерией и стрельбой из танков.

Нужно прямо сказать, артиллерия и танки нам головы не дали поднять, и несли потери в основном мы от прямых попаданий или осколков снарядов.

Противник к вечеру возобновил еще одну атаку, которая также была расстреляна нашим огнем. Перед нашим фронтом, перед кукурузным полем и нашими ОП поле было устлано трупами и тяжелоранеными румынами. В течение ночи противник сумел очистить поле боя от трупов, но мы всю ночь прочесывали пулеметным огнем перед нашим фронтом, а противник по нашим боевым порядкам вел методический артиллерийский и танковый огонь.

На следующий и в последующие дни противник все время старался выбить нас с выгодного рубежа атаками, но им не удавалось.

Интересно отметить организацию румынских атак, т.е. с края кукурузного поля цепью в полный рост, строевым шагом плечо к плечу, винтовки наперевес. Под барабанную дробь цепи вели румынские офицеры, а румынские офицеры-контролеры выгоняли румынских солдат с рубежа атаки, а сами в атаку не ходили (это рассказывали пленные).

В течение дня боя было до 4-5 атак. Боеприпасы уже были на исходе, а пополнения их не было, стволы пулеметные от ведения огня раскалялись докрасна. Бои доходили до штыковой атаки. Пришлось 5 раз водить отряд в штыковую атаку, а в штыковой атаке офицеры и курсанты вели себя смело и умело, румыны не выдерживали натиск наших штыковых атак и отходили на исходный рубеж.

Зам. начальника училища полковник Васильев на грузовой машине держал связь со мной. Это было примерно 22 июля. Он приехал и мне прислал с высоты 206,1 записку следующего содержания: «Гов. Миляеву. Приказ об отходе будет дан через вашего делегата на машине, хотя отходить мы и не собираемся в течение 2-3 дней, а поэтому настраивайтесь. Возможно, сегодня мы передадим участок и поедем в Одессу. Васильев».

Противник чувствовал, что в лоб обороны не сломает, решил обходным маневром с обоих флангов окружить нас и уничтожить (см. схему № 2*). Примерно 25-26 июля полковник Васильев приезжает на 4 машинах за нами, чтобы нас вывести к полку, т.е. в Каушаны. Посылает ко мне записку с курсантом. Последний еле пробился ко мне – это было днем в момент горячего боя.

Записка следующего содержания: «Гов. Миляев, вас должна сменить пехота, я за вами приехал на 4 машинах, постепенно выводите из боя по 1-2 человека в ложину, где ваши повозки, и оттуда поедем в район КП. Если днем выйти из боя тяжело, то оставайтесь до вечера, на четырех машинах мы вас будем выводить у Куграна. Васильев. 14²⁰» (это было примерно 25-26 июля).

На обороте продолжение: «Пульрота остается на месте и поступает в распоряжение полка, сообщите обстановку дела. Вас[ильев]». Положение создавалось для отряда серьезное – за семь суток непрерывных тяжелых боев боеприпасы были совсем на исходе, люди обессилели, харчей нет, противник почти окружил.

Я пишу ответную записку полковнику Васильеву следующего содержания: «Полковник Васильев, веду бой. Взвод Михайленко в окружении, и выйти сейчас из боя не могу без подкрепления. Капитан Миляев. 25.07.41 г.». (Донесение так и не передано полковнику Васильеву, связной курсант не мог пробраться через цепи противника). Подлинники вышеуказанных трех донесений сохранились и находятся у меня.

Полковник Васильев оставил четыре машины, а сам уехал в полк. Когда полк получал задачу, то ожидалось, что противник будет наносить главный удар через Каушаны, а вспомогательный – через Опач. Так и начальник училища принял решение главные силы полка сосредоточить в районе Каушаны. А практически противник нанес главный удар на Опач, а на Каушаны наступления не проводил, и полк боев не вел, кроме моего отряда.

Мой отряд вел бои в течение 7 суток с превосходящими силами противника с передовым отрядом 3-[м] АК (рум.) 4-[й] А (рум.) в составе усиленных до 2 пехотных батальонов, артиллерией и танками.

В ночь с 25 на 26 июля вывел отряд маленькими группами по 2-5 человек (см. схему № 2*) из полуокружения с малыми потерями, но с большими потерями для румын. Впереди переднего края обороны отряда все поле было устлано трупами солдат и офицеров румынской армии. Этим самым отряд задержал наступление войск 3-[го] АК (рум.) на 7 суток. Училище имело успех в оборонительном бою.

На пути в Одессу я догнал наш полк, который был на привале и ожидал нас. Нас весь полк приветствовал за успешные боевые действия. Курсанты и командиры показали в боях действительные образцы мужества, доблести и геройства. [...]**.

Личный архив Л.Г. Дьячкова. Подлинник.

---

* Карты и схемы не публикуются.

** Опущено описание дальнейшего боевого пути Л.М. Миляева.

22 июля 1971 г.

Родился в 1906 г. в городе Тамбове. Член КПСС с 1940 г., женат, имею троих детей, уже взрослых. Отец – Михаил Федорович умер в 1933 г., мать – Анна Николаевна умерла в 1950 г.

Я стал работать самостоятельно с 1923 г. чернорабочим в 3-м совхозе г. Саратова, в саду «Липки» – метельщиком. В 1924 г. работал грузчиком по погрузке и разгрузке барж и плотов. На лесопильном заводе работал пильщиком. Работал на молочном заводе Сарсельхозсоюза рабочим, помощником мастера и мастером завода молочного дела. Проработал на указанном заводе до 1928 г., т.е. до призыва в РККА.

Начал свою военную службу с 8 ноября 1928 г. в 4-м Украинском полку войск ОГПУ в г. Харькове с красноармейца, помкомвзвода, старшины полковой школы, исполняющего обязанности командира взвода.

В 1932 г. в Москве окончил Высшую пограничную школу войск ОГПУ. Когда служил в 4-м Украинском полку войск ОГПУ, участвовал в боевых операциях в 1928-1930 гг. по раскулачиванию и ликвидации мелких банд на Украине (г. Изюм).

По окончании пограншколы служил в Одесском оперативном дивизионе ОГПУ командиром взвода, после – в Одесском пехотном училище командиром роты.

Увольнялся из армии в 1934 г. на основании приказа РВС СССР № 222-28.

Призван вторично в кадры РККА в Тамбовское пехотное училище на должность помощника начальника строевого отдела пр[иказом] МВО и НКО № 1213 17 января 1936 г.

22 июня 1941 г. под Одессой получил первое боевое крещение по уничтожению авиадесанта немцев. В этот же день распоряжением начальника Одесского пехотного училища назначен командиром разведбатальона курсантов и отправился с училищем на Юго-Западный фронт в район Тирасполя под с. Опач (Бессарабия) – получил второе боевое крещение, вел бой уже с регулярными частями немцев.

Участие в основных операциях Великой Отечественной войны

В период Отечественной войны с 22 июня 1941 г. [прошел] всю Украину, Бессарабию, часть Ленинградской области и семь стран. Я был в следующих должностях:

1. Успешные оборонительные бои: Ленинградский и после Волховской фронты от станции Погостье–Волхов – начальником оперативного отделения, а потом начальником штаба 281-[й] сд 54-[й] армии. Был назначен командиром 140-[й] осбр 54-[й] армии (болотистолесистой ТВД).

2. Украина: форсирование реки Северный Донец* 10.8.1943 г. в районе г. Чугуев в должности начальника штаба СК 57-[й] А (Степной фронт) на главном направлении и частью сил корпуса. Участвовал по овладению Харьковом (Орловско-Курская операция).

3. Украина: форсирование реки Днепр 25.9.1943 г. в районе Днепродзержинска и овладение плацдармом о. Пушкерский в должности начальника штаба 64-[го] ск 57-[й] А Степного фронта.

4. Украина: форсирование реки Южный Буг в районе Александровка в марте 1943 г. – командиром 52-[й] сд 64-[го] ск 57-[й] А 2-го Украинского фронта. Форсировал на подручных средствах первым во фронте и занял на противоположном берегу плацдарм через дивизионный плацдарм. Уже по наведенным переправам прошел генерал Плиев и два ТК, которые развивали успех в направлении г. Одесса.

5. Бессарабия: Молдавия, успешное форсирование р. Днестр первым в армии в районе Бычок–Гура–Быкулуй южнее Тирасполя 14.4.1944 г. и овладели плацдармом на противоположном берегу – командиром 52-[й] сд 64-[го] ск 57-[й] А 3-го Украинского фронта.

6. Молдавия: Участвовал в операции по разгрому Яско-Кишиневской группировки противника (август 1944 г.). Дивизия была перебросена на фронтовом автотранспорте с боем в тыл противника, в район Сарата–Голбена с целью перехвата коммуникаций противника и преграждения отхода Яско-Кишиневской группировки противника. С этой трудной задачей дивизия справилась отлично. Дивизия получила благодарность от Верховного Главнокомандующего, а мне было присвоено звание генерал-майора постановлением Совета Народных Комиссаров от 13 сентября 1944 г. – в должности командира 52-[й] сд 62-[го] ск 37-[й] А 3-го Украинского фронта.

7. Румыния: за овладение городом и портом Констанца, столицей Бухарест дивизия имеет благодарность от Верховного Главнокомандующего т. Сталина – командиром 52-[й] сд 64-[го] ск 57-[й] А 3-го Украинского фронта.

8. Форсирование Карпатского хребта (сентябрь 1944 г.) – командиром дивизии.

9. Болгария: овладение крупными городами Болгарии: Добрич, Шумен (Шумла), Разград, В. Тырново, Севлиево, Габрово, Шипка, Лович, Плевен, Враца и участие [в боях] за освобождение столицы Софии с севера. Приказом Верховного Главнокомандующего маршала Советского Союза т. Сталина № 0319 от 27.8.1944 г. присвоено наименование дивизии «Шуменская».

10. Югославия: овладение горными проходами и ущельями в югославских Альпах. Овладение крупными городами Югославии Луково, Парачин, Крушевац, Кралево, Илок и участие [в боях] за овладение столицей г. Белград – командиром дивизии 52-[й] сд 64-[го] ск 57-[й] А 3-го Украинского фронта (период 10.11 – 4.12.44 г.). За успешные действия в Югославии Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14.11.22 г.** дивизия награждена орденом Красного Знамени. Дивизия форсировала две реки – Морава и Савва.

11. Венгрия: в Болотоно-Будапештской операции дивизия наступала юго-западнее Будапешта в районе оз[ер] Балатон и Велинце и овладела большими городами Комаром, Брук, Чаквар и участвовала в освобождении

городов Эстергом и столицы Будапешт (1944-1945 гг.) – командиром 52-[й] сд 68-[го] ск 53-[й] А. За отличные боевые действия в Венгрии Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 апреля 1945 г. дивизия награждена орденом Суворова второй степени.

12. Австрия: в Венской операции дивизия участвовала по овладению столицей Австрии г. Веной, большим городом Земиринг восточнее Вены и многими населенными пунктами. Части дивизии первыми ворвались из советских войск в г. Вену и дошли с уличными боями до оперного театра, после чего участок был сдан соседнему корпусу. Дивизия получила приказ действовать в Чехословакии в направлении Братислава–Брно–Прага.

Приказом Верховного Главнокомандующего маршала Советского Союза т. Сталина № 085 от 17.05.1945 г. присвоено дивизии наименование «Венская».

13. Чехословакия: Участвовал по освобождению от немецких войск в 1945 г. больших промышленных центров – городов Братислава, Росицы, Брно, Бенешов и за столицу Чехословакии г. Прага. Дивизия закончила Великую Отечественную войну в Чехословакии в Праге.

26 апреля 1971 г. руководством г. Брно мне был вручен мандат Почетного гражданина города Брно.

В начале июня 1945 г. части дивизии были погружены в ж/д эшелоны и отправлены из Чехословакии в Монголию по маршруту Черчаны, Дрезден, Варшава, Москва, Свердловск, Иркутск, Чита, Баян-Тюмень (Чойболсон) для участия в операции по разгрому империалистической Японии.

По приказу командующего 2-м Украинским фронтом маршала Советского Союза т. Малиновского Р.Я. я был назначен начальником штаба парадного сводного полка фронта и участвовал в Москве на параде Победы 24 июня 1945 г.

14. Монголия: провел дивизию к исходному рубежу для наступления по пустынно-безводной, нерастительной степной местности через пустыню Гоби на расстоянии 1108 км от Чойболсана до хребта Большого Хингана (август 1945 г.) без потерь в личном составе и конях в должности командира 52-[й] сд дивизии 57-[го] ск 53-[й] армии Забайкальского фронта.

15. Китай: по прибытии на место назначения и после выхода частей дивизии на исходный рубеж для форсирования Б[ольшого] Хингана 9 августа 1945 г. началось наступление. Хребет Большого Хингана тянется от Северного Китая до Амура. Преобладание высоты 900-1500 метров над уровнем моря.

Части дивизии первыми на фронте из стрелковых дивизий форсировали Большой Хинган. С боями, с форсированием реки Ляохэ в районе г. Кайлло дошли до городов Мукден, Фусинь.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 сентября 1945 г. за отличие в боях против японских войск на Дальнем Востоке дивизия награждена вторым орденом Красного Знамени. И здесь в Китае дивизия закончила вторую мировую войну.

Дивизия 15 ноября 1945 г. после капитуляции Японии возвратилась в город Чойболсан и вскоре была расформирована.

Дивизия под моим командованием участвовала в освобождении от фашистских войск Румынии и ее столицы Бухареста, Болгарии и ее столицы Софии, Югославии и ее столицы Белграда, Венгрии и ее столицы Будапешта, Австрии и ее столицы Вены, Чехословакии и ее столицы Праги. Дивизия участвовала по разгрому империалистической Японии на территории Китая.

Дивизия двадцать раз получала благодарность за отличные боевые действия от Верховного Главнокомандующего и двенадцать раз Родина салютовала дивизии в столице нашей Родины Москве.

Дивизия, которой я командовал (52-[я] сд), стояла в рядах лучших дивизий наших Вооруженных Сил в годы Великой Отечественной войны. Проведено было много блестящих боев с участием в крупных операциях по разгрому фашистских войск и империалистической Японии.

Под моим командованием в разных должностях прошли такие операции, как: оборона города Москвы в первый год войны, оборонительная операция города Ленинграда, Яско-Кишиневская операция, Орловско-Курская операция, Булатово-Будапештская, Венская, Пражская, Дальневосточная (по разгрому империалистической Японии) и другие.

За время боевых действий дивизии в годы Великой Отечественной войны сотни городов и разных населенных пунктов были освобождены и при участии в освобождении городов на нашей советской земле, как, например, такие города: Ржев, Днепродзержинск, Чугуев, Орел, Киев, Белая Церковь, Шевченково, Кишинев, Бельцы, Бендеры, Кировоград, Измаил и много других. Также было много сотен освобождено городов и населенных пунктов по западно-европейским странам и по Китаю частями дивизии.

Участвовал в обороне таких крупных городов, как Москва, Ленинград, Одесса и другие.

Дивизия в годы войны совершила большой путь от гор. Коломна, Харьков, Румыния, Австрия, Чехословакия и Китай – Мукден. Эти многотысячные километры боевого пути пройдены с кровопролитными боями по советской земле и странам Западной Европы. Боевой путь дивизии – в десять тысяч километров. На счету дивизии тысячи уничтоженных и плененных фашистских и самурайских войск, много было уничтожено боевой техники противника.

В годы Великой Отечественной войны с боями форсировал такие крупные речные преграды, как Северный Донец*, Южный Буг, Днестр, Дунай, Днепр, Ляохе (Китай), Морава и Савва (Югославия), а также форсировал хребет Большого Хингана в пустыни Гоби с направления Монголии.

За период боевых действий дивизии награждены солдаты, сержанты, старшины и офицеры за боевые заслуги перед Родиной орденами и медалями Союза ССР – 7064 человека.

По окончании Великой Отечественной и второй мировой войны дивизия именовалась 52-я стрелковая Шумленско-Венская дважды Краснознаменная ордена Суворова второй степени дивизия.

В годы войны трижды был ранен и несколько раз контужен, но поле боя не оставлял. [...]***.

Генерал-майор запаса Миляев

ГАСПИТО. Ф. П-9019. Оп. 1. Д. 513. Л. 1-6. Машинописная заверенная копия.

* Так в документе. Правильно – Северский Донец.

** То же. Следует читать – 14.11.44 г.

*** Опущены биографические сведения послевоенного периода.

№ 1279

Из воспоминаний Н.П. Козадаева³

4 февраля 1997 г.

Я, Козадаев Николай Петрович, родился в 1921 г. в Котовске, Тамбовской обл., образование 7 кл., русский, нормальный призыв 1940 г. Котовским РВК Тамбовской обл.

393-[й] отдельный артиллерийский дивизион, дальномерщик, базировались в Брестской крепости. Война застала меня у стен крепости. В субботу 21 июня 1941 г. наш огневой взвод находился на занятиях. Поверяющий штаба армии приказал оставаться на месте до воскресенья. Под утро я стал на пост. Было облачно. С рассветом услышал раскат грома, потом – второй. В городе до самых облаков взметнулся столб огня и дыма, начался обстрел города и его окрестностей.

Так внезапно началась война. Плотнейший огонь немецкой артиллерии не позволил нам попасть к своим в крепость. Отступая с боями, я попал в город Бобруйск. Наше командование решило город не защищать по стратегическим соображениям. Прошли мост через реку Березина. Мост был взорван (по сей день мост восстановлен), залегли в окопы, вырытые не в полный рост (мешали грунтовые воды), чтобы помешать немцам наводить переправу через реку. Немцы в город вошли без боя, начали наводить переправу. Мы пулеметным огнем уничтожали их, не давая наводить переправу. В это время я заметил пулеметный огонь со стороны немцев со скотного сарая и, не медля, из ручного пулемета открыл огонь, подавив огневую точку. Мы продолжали удерживать свои позиции несколько дней. Немцы в другом месте переправились через реку на специально подготовленных танках с перископом, которые могли пройти по дну реки. У нас осталось несколько бойцов со старшим лейтенантом, который приказал разделиться на две группы и пробиваться на восток к своим.

По дороге, встречаясь с такими же группами, мы дошли до города Новозыбков, где в начале августа из разрозненных подразделений формировали пополнение, отправляя его на передовую.

12 августа 1941 г., сосредоточившись на рубеже, ждали сигнал на атаку. Откуда-то сверху нас стал обстреливать автоматчик, сидевший на одиноко стоявшей сосне среди ржаного поля. Внимательно взглядевшись, я заметил силуэт автоматчика – «кукушку» и выстрелом из винтовки сбил его. Мы знали, что до нас наши несколько дней раньше пытались атаковать немецкие позиции, но атака захлебнулась, почти все бойцы погибли. Последовал сигнал на атаку.

В полный рост, под кинжальным огнем противника с криком «Ура!» мы бежали вперед, стреляя на ходу из винтовок, видя, как наши бойцы падали, сраженные пулями, осколками мин. Все равно бежали вперед, и недалеко от немецких окопов я был тяжело ранен. Очнулся в санбате. Затем в теплушках нас привезли в город Новозыбков. Это случилось 13 августа 1941 г.

В госпитале г. Новозыбков мне была сделана операция, вынут осколок из правой лобной области размером 3 см. Также я был ранен в ягодицы – осколочное ранение. Впоследствии эвакуирован санитарным поездом в госпиталь г. Кисловодска. Лежал в эвакогоспитале (бывший санаторий Наркомата тяжелой промышленности имени Серго Орджоникидзе). В марте 1942 г. направлен в 51-[й] запасной полк (город Прохладный). [...]*.

ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 5. Д. 1. Л. 60-61 об. Подлинник.

---

* Опущены биографические сведения послевоенного периода.

№ 1280

Из воспоминаний С.М. Белявского*

Апрель 1970 г.

Часть вторая (июнь 1941 г. – декабрь 1942 г.)

Великая Отечественная война

В июне 1941 г. я находился в санатории в г. Сочи. С тревожным чувством на душе, не дожидаясь окончания срока путевки, я выехал домой в Петрозаводск. В пути, не доезжая несколько часов до Москвы, мы, пассажиры поезда, узнали о нападении гитлеровской Германии на нашу Родину. Из уст в уста передавались отрывочные сведения об этой новости, которые удалось узнать на остановках.

В Ленинграде, до отхода поезда на Петрозаводск оставалось несколько часов, и я забежал к матери. Это была моя последняя встреча с ней. В марте 1942 г. она умерла в осажденном Ленинграде. В небольшой, темноватой комнате с неестественно высоким потолком на проспекте Нахимсона, 1/47 шел разговор о войне. Я успокаивал мать, говоря, что успехи гитлеровских

войск на севере Европы – результат неподготовленности к войне армий и народов, покоренных фашистской армией. У нас – дело другое, армия всегда в боеготовности, народ един, сплочен воедино, и гитлеровским воякам здесь не видать успеха. Как сейчас идут дела на линии фронта, сказать трудно, там, весьма вероятно, и есть потери каких-то населенных пунктов на то или иное время, а что касается Ленинграда, то можно быть уверенным, хотя он близко от границы, но советские люди его не сдадут ни при каких обстоятельствах.

В Ленинграде, кроме матери, проживали мои старшие родные – 2 брата и 4 сестры.

В поезде на Петрозаводск только и разговора, что о войне. Все мысли теперь о полку – что-то делается там? Как удачно прошли первые дни боев, куда летали? Подвергался ли бомбардировке аэродром Бессовец? Как семья? Там оставались жена и двое детей.

К моменту моего прибытия в полк уже был совершен один боевой вылет в составе всего полка по аэродром противника. Имелись большие потери – 9 самолетов, 27 человек. Для уменьшения уязвимости от бомбардировок противника эскадрильи были уже рассредоточены на нескольких аэродромах. Эскадрилья, в которой я служил, находилась на полевом аэродроме Гирвас, куда я и выехал на попутной, груженой боеприпасами, автомашине.

В пути следования было несколько моментов, когда приходилось выскакивать из кабины и подкладывать под задние колеса камни, приготовленные после первого случая и лежавшие на полу в кабине, чтобы машина не покатила задним ходом с горы. Шофер был молодой солдат, призванный по мобилизации, водительского опыта нет, и почти при каждом крутом подъеме на гору (а дорога сильно пересеченная) мотор глох, шофер держал машину ножным и ручным тормозом, т.к. один ручной не держал. И только после того, как под колеса были подложены камни-тормоза, шофер мог отпустить ножной тормоз, запустить мотор, и мы трогались дальше. Я подбирал камни, на ходу бросал их в кабину и садился рядом с шофером.

На аэродроме Гирвас

Полевой аэродром Гирвас расположен приблизительно [в] 80 км северо-западнее г. Петрозаводска вблизи населенного пункта Койкары. Название Гирвас присвоено по названию водопада Гирвас. Я этот водопад так и не видел, не до этого было. Одна из окраин аэродрома (кажется, северная) примыкала к большому озеру, а с трех остальных сторон аэродром окружал невысокий сосновый лес. Все самолеты, автотранспорт, землянки для людей – все было рассредоточено и замаскировано в ближайшей полосе леса, вплотную примыкавшей к аэродрому. Единственное здание, имевшееся на опушке леса, было занято под столовую для летного и технического состава.

Начались тревожные будни войны, наполненные ожиданием боевой задачи от вышестоящего командования. В это время летный состав находился в установленном месте в землянке или в лесу поэскадрильно и был в готовности по получении боевой задачи немедленно приступить к

подготовке к боевому вылету. Командиры эскадрилий со штурманами эскадрилий дежурили на КП командира полка, ожидая получения задачи. Технический состав располагался у самолетов в готовности приступить к подготовке самолетов к вылету. Иногда до 3-4 раз в день поступали сведения об изменении линии фронта, и летный состав тщательно наносил на свои полетные карты последние данные. Это было крайне необходимо, чтобы избежать удара по своим войскам.

С получением боевой задачи командир полка с помощью штурмана полка, иногда инженера полка и офицеров штаба быстро принимал решения и отдавал приказ командирам эскадрилий. Здесь же командиры и штурманы эскадрилий уточняли цель на картах крупного масштаба, получали указания о маршруте, высоте полета и боевом порядке, времени удара и др. данные. Затем командир и штурман эскадрильи на автомашине прибывали к месту сосредоточения своего летного состава и приступали к подготовке летного состава. Одновременно давались необходимые указания инженерам эскадрилий о подготовке самолетов и времени вылета. По готовности полетной документации летный состав расходился по своим самолетам, и летный экипаж занимал свои места в самолете, ожидая сигнала (ракеты) на запуск моторов и выруливания для взлета.

Наконец, ракета, запуск моторов, выруливание, взлет и сбор групп в установленном порядке и следование по маршруту к цели. В зависимости от конкретной обстановки на данный день при полете по маршруту и в районе цели, как правило, ожидало противодействие истребителей противника и зенитных средств наземных войск. За период моей службы в полку не было случая невыполнения задачи из-за противодействия истребителей или зенитных средств. Однако потери в воздушных боях с истребителями и от огня зенитных средств противника иногда были значительны.

По возвращении на свой аэродром самолеты заруливали на места своих стоянок, быстро маскировались. Технический состав приступал к подготовке самолетов к следующему вылету, т.е. заправлял горючим, маслом, кислородом, подвешивал бомбы, заряжал пулеметы, ремонтировал повреждения самолета, полученные в бою. Летный состав собирался в установленном месте и докладывал своим старшим командирам о выполнении задачи, разведывательные данные и о состоянии самолета. Командиры эскадрилий убывали на КП полка с донесением о выполнении боевой задачи, а летный состав опять находился в состоянии готовности к очередному вылету.

Собака-разведчик

Известия с фронта поступали неутешительные, сводки Информбюро почти ежедневно сообщали об оставлении нашими войсками населенных пунктов. Не было недостатка и в рассказах о действиях в тылу наших войск немецких разведчиков и шпионов. С некоторых пор летный и технический состав нашей эскадрильи стали замечать, что по опушке леса мимо самолетов туда и обратно пробегает небольшая черная собачка. Некоторые товарищи пробовали ее окликнуть, позвать к себе. Не тут-то было – собачка на

окрики или свистки оглядывалась, но со своего маршрута не сходила, а деловито бежала дальше. Это продолжалось день, два... Наконец, кто-то смекнул – а несвязная ли эта собака немецкого шпиона, затаившегося где-то тут в лесу, около аэродрома? Важно дать толчок мысли, а дальше фантазия эту мысль разовьет. Кто-то видел, что у собачки на шее что-то висело белое. Наверное, донесение. Стали ловить ее, но она очень ловко использовала свое преимущество в ловкости и увертливости, и все попытки ее поймать успехом не увенчались. Наконец, были попытки застрелить ее из пистолета, но и это не дало ничего, собачка продолжала свои рейды, а угроза подстрелить кого-либо из товарищей была очень реальна, и командование запретило стрельбу по ней. Каково же было разочарование и конфуз, когда мы увидели нашего «шпионского связного» мирно роющимся в помойке за столовой летно-технического состава, и когда проследили за ее дальнейшим поведением, то разобрались, что она бежит из соседней деревни на помойку и обратно по кратчайшему пути.

Пилотаж Ивана Мироненко на У-2

И.В. Мироненко об этом пишет в своих воспоминаниях. Хочу только добавить о своей реакции на это «баловство» – недисциплинированность починенного мне летчика. Когда я узнал, что И. Мироненко при выполнении перелета Бессовец–Гирвас на связном самолете У-2 самовольно выполнял пилотаж над районным центром, первой реакцией было зло на мальчишку, позволившего себе забавляться в такое тяжелое время для Родины и всех нас. Командир полка отстранил его от полетов на боевых самолетах. Нужно было видеть выражение лица И. Мироненко, когда он просил простить ему этот порыв, навеянный избытком сил и энергии 20-летнего здоровяка. Конечно, он был прощен, и достойно продолжал полеты на боевые задания вплоть до трагического дня, когда над занятой врагом территорией было сбито в воздушном бою все звено самолетов, в составе которого он летел. [...]**.

Бомбы без взрывчатки

После гибели капитана Подмазова я был назначен командиром 3-[й] АЭ. Пришлось быть свидетелем такого случая, когда к самолету, вернувшемуся с боевого задания, подвезли боекомплект бомб ФАБ-100 для подвески в самолет, оружейник обнаружил, что в корпусах бомб вместо взрывчатки находится песок. Немедленно была подвергнута проверке вся партия бомб, привезенных на аэродром. Случай подтверждает активность немецкой 5-й колонны, действовавшей в нашем тылу. Этим происшествием занялись наши контрразведчики.

Самострел

В тяжелые июльские дни 1941 г., когда ряды бойцов в нашем полку заметно поредели из-за боевых потерь, вдруг стало известно, что стрелок-радист Коваленко вышел из строя из-за ранения в бедро из собственного пистолета ТТ при чистке. Паренек он был тихий, замкнутый и было очень похоже на злой умысел в данном случае. Контрразведчики взяли его на проверку, и дальнейшая его судьба мне неизвестна.

«Проверка связи»

В землянке, расположенной в лесу в нескольких десятках метров от края аэродрома, вместе со мной жили штурман, адъютант и инженер эскадрильи. У изголовья моего топчана стоял полевой телефон на случай вызова на КП полка во время отдыха. Днем же, как правило, я находился в штабной палатке эскадрильи или на КП полка.

Запомнилась одна ночь, которую мы провели в землянке почти без сна. Началось с того, что еще в начале ночи настойчиво позвонил телефон. Я поднял трубку: «Слушаю». В ответ услышал голос с восточным акцентом: «Проверка связи». Дело обычное, я вновь задремал. Через какое-то время вновь звонок и тот же голос: «Проверка связи». Справедливо полагая, что так мне не дадут уснуть, я попытался урезонить настойчивого телефониста, объяснив ему, кто я, и что больше связь проверять не нужно, что завтра я должен выполнять боевые полетные задания. Не тут-то было, он продолжал всю ночь названивать и при этом виртуозно ругался в телефон, когда ему долго не отвечали. Все обитатели нашей землянки не спали и раздумывали, как избавиться от бдительного телефониста, но, не зная точно, где находится землянка телефонной станции, никто не решился пойти искать ее. А наши попытки, предпринимаемые по очереди вразумить телефониста, кончались тем, что он бодро кричал в телефон: «Товарищ дневальный, не спи, спать не полагается. Почему долго не отвечаешь?».

«Гипнотизер»

На нашем аэродроме был работник контрразведки – пожилой, симпатичный человек, который частенько заходил в нашу палатку эскадрильи (штабную) побеседовать и поинтересоваться новостями. Время было жаркое, солнце прогревало воздух в лесу, и, хотя палатка находилась под кронами сосен, однако было в ней очень душно. Приходя к нам на КП эскадрильи, капитан приглашал в палатку и усаживался за стол, приглашая сесть напротив: «Что нового?». Или сам делает короткую информацию, главным образом, по усилению бдительности и охране расположения. Я начинал не очень интересное собеседование и вдруг замечал, что мой собеседник спит, уронив голову на грудь. Тихонько выйдя из палатки, я старался не нарушить сон измученного человека. Через некоторое время он выходил и, виновато улыбаясь, говорил: «Кажется, немного задремал». Это повторилось не единожды. В конце концов я вынужден был в шутку сказать капитану, не будет ли он обвинять меня впоследствии в том, что я его гипнотизирую во время беседы, и пытаюсь выпытать военную тайну.

Посадка Ш-2

К вечеру одного пасмурного дня, когда я находился на КП у И.Д. Завражнова (зам. командира полка, старшего начальника на полевом аэродроме Гирвас), часовой у входа на КП доложил, что сел самолет амфибия Ш-2 и подруливает к КП. Завражнов послал меня узнать, кто прилетел и зачем. На мой вопрос летчик Ш-2, не выходя из кабины, сказал, что везет тяжелораненых и просит уточнить, далеко ли до Петрозаводска, т.к. он не очень уверен в правильности своего маршрута (а ориентирование при полете на малой высоте в Карельских условиях – дело сложное). Я указал ему

направление полета и главные ориентиры для полета и хотел было его выпустить с аэродрома, как подошел Завражнов. Я коротко доложил ему, в чем дело. Посмотрев на землистые, обескровленные лица раненых, лежавших в самолете, Завражнов вдруг вспыхнул. Подойдя к летчику, Завражнов потребовал предъявить документы. Летчик подал какое-то удостоверение и в недоумении смотрел на меня – что делать? «Вылазь из самолета!» – закричал на него Завражнов. – Раз не умеешь летать, вылазь, я сам повезу их в Петрозаводск!». Летчик явно растерялся и с тревогой и недоумением смотрел на меня, ожидая помощи. Взяв из рук Завражнова документ, я за спиной отдал его летчику и, убеждая Ивана Дмитриевича, что тяжелораненые плохо себя чувствуют, убедил его отойти от самолета и дать летчику возможность вылететь. Когда мы сделали несколько шагов в сторону, летчик дал газ моторам, благополучно вылетел и ушел на Петрозаводск.

Удар звеном по аэродрому Иоэнсуу

Получено боевое распоряжение: в период от до нанести бомбардировочный удар по аэродрому Иоэнсуу с задачей уничтожить расположенные на аэродроме самолеты и вывести из строя летное поле аэродрома. Бомбовая зарядка: фугасные авиабомбы с взрывателями, поставленными на замедление, и осколочные бомбы с взрывателями мгновенного действия. Группу в составе 3 самолетов приказано вести мне. Когда мы, т.е. группа летного состава из 3 экипажей, уже заканчивали подготовку к полету, к нам подошел комиссар полка И.И. Дуров и сказал, что он полетит с нами в группе вместо левого ведомого экипажа. Все ясно! Приказы старших не обсуждаются!

После взлета и сбора группы выяснилось, что на самолете комиссара не убирается шасси. Дополнительное сопротивление от неубранного шасси намного ухудшает летные качества самолета и снижает его маневренность. Наличие такого самолета в составе группы снижает максимальную скорость группы и ухудшает ее маневренность и – что еще хуже для меня, как ведущего – это большая вероятность потерять его при энергичном маневрировании во время воздушного боя. Звено легло на маршрут полета к цели, комиссар строй не покидает, уверенно идет в строю – видимо, решил, несмотря на наличие неисправности, продолжать полет. Зная, что в экипаже комиссара опытный штурман Бикташев, который может выполнить бомбометание не хуже моего штурмана, принимаю решение: поменяться местами в строю, т.е. уступить место ведущего группы комиссару полка. После пролета линии фронта группа переходит к полету на малой высоте.

При подходе к аэродрому пролетаем над самыми крышами Иоэнсуу. Кое-где с крыш домов к нам потянулись трассы от пулеметов. Но отвлекаться некогда, нужно держать строй, через секунды будем над целью. Вот и аэродром – наша цель. Кое-где у самого леса замечаю одиночные самолеты, замаскированные ветвями, по центру аэродрома катит легковая машина, за ней клубится пыль. Это мои наблюдения урывками, т.к. все внимание отдано соблюдению плотного строя. Доворот влево, открытие

люков, выдержка, еще доворот влево, еще выдержка и бомбы полетели вниз. Закрываем люки и с левым разворотом берем курс к линии фронта.

В это время справа навстречу появляются два истребителя врага. Наша группа еще ближе прижимается к лесу и на скорости, какую позволяет развить самолет И.И. Дурова, следуем к линии фронта. Вижу, что стрелки-радисты ведущего и правого ведомого изготовились к стрельбе. Начал работать короткими очередями пулемет моего стрелка-радиста В. Бугрова, в то же время на плоскостях нашего самолета появляются пробоины. Я сижу за бронеспинкой со стальным наголовником и все же невольно прячу голову в плечи, когда вижу, как отдельные пули пробивают сзади навывлет остекление фонаря летчика. Летим в строю, ни о каком дополнительном, самостоятельном маневре не может быть речи – вся наша сила в дружном огне стрелков-радистов. Спарка пулеметов штурмана направлена вперед, от нее помощи никакой.

Вдруг пулемет Бугрова замолчал, вижу, что стрелки-радисты ведущего и правого ведомого продолжают стрельбу. «В чем дело?» – спрашиваю Бугрова по самолетному переговорному устройству. В ответ слышу возбужденно-бодрый голос Василия: «Чин-чинарем», и опять началась работа нашего пулемета. Несколько раз прерывался огонь пулемета Бугрова, и каждый раз я слышал в ответ на мой вопрос: «Чин-чинарем».

Сколько времени продолжался этот воздушный бой? Мне показалось долго! Когда истребители оставили нас, то начались возбужденные переговоры внутри экипажа. Выяснилось, что все живы, что у Бугрова кончились все патроны, и что вражеская пуля пробила ему ворот комбинезона, царапнув шею, но он чувствует себя бодро – словом, «чин-чинарем». Моторы начали перегреваться – очевидно, повреждена система охлаждения, и так как маршрут обратного полета проходил вблизи от нашего основного аэродрома Бессовец, я произвел посадку на нем. При беглом осмотре самолета на земле было обнаружено более 100 пробоин. Все же живуч СБ!

Перегонка самолета летчиком П.Д. Советом

Все ближе к аэродрому продвигается линия фронта. Все короче по времени становятся боевые вылеты. Уже артиллерийская стрельба слышится настолько громко, что временами кажется – вот-вот обстрелу подвергнется аэродром. Наконец, получен приказ: перебазироваться на аэродром Девятины, который находится недалеко от юго-восточной оконечности Онежского озера. Отправлен летный эшелон, в котором ушли все исправные самолеты, погружен на баржи наземный эшелон, на аэродроме остался один неисправный самолет СБ, который вот-вот должна ввести в строй небольшая группа технического состава.

Для перегонки самолета остался экипаж летчика П.Д. Совета. Наконец, самолет готов, т.е. технический состав устранил все неисправности. Но! На моторы не поставлены капоты и обтекатели, а обстановка наземная поджимает. Летчик засомневался, можно ли взлететь с неприкрытыми (необтекаемыми) моторами, ведь это большое дополнительное

сопротивление. После совещания с техническим составом, принято решение – лететь! Аэродром большой – должно хватить для взлета. Моторы запущены, начали взлет. Самолет бежал больше обычного, но оторвавшись от земли, не хотел увеличивать скорость и набирать высоту. Кончилось это печально. Самолет рухнул в ближайшую опушку леса и разрушился, при этом погиб штурман Шумаков. Об этом происшествии рассказывал П.Д. Совет по прибытии в Девятины. Он признался с сожалением, что так и не понял, почему самолет оторвался от земли, а не набирал скорость и высоту. Трудно сказать, в чем дело. Однако очень похоже, что полет самолета после отрыва и до падения происходил во «втором режиме» полета, когда действовать рулями управления нужно «наоборот», т.е. противоположно нормальному полету.

Аэродром Девятины

Осенью 1941 г. на аэродроме Девятины собрались остатки нескольких авиационных полков. Здесь были несколько самолетов истребителей И-16, несколько самолетов бомбардировщиков СБ и один пикирующий бомбардировщик Пе-2, на который начался переход всей фронтовой бомбардировки. На каждый самолет имелось несколько экипажей летного состава, и у командиров полков имелась возможность широкого выбора экипажей для выполнения боевых заданий. Особенно много собралось «безлошадных» из технического состава.

Одновременно с выполнением боевых полетов теперь развернулось обучение и тренировка летного состава полетам в облаках и ночью. Этим видам полетов обучали в первую очередь более опытные экипажи, которые в прошлом были обучены или ознакомлены с такими полетами.

Развернул работу и зам. ком. полка И.Д. Завражнов по обучению летчиков полетам на новом самолете Пе-2. Он обучил и выпустил в самостоятельный полет всех наличных летчиков нашего полка. Это была трудная и рискованная работа, учитывая, что тогда еще не было Пе-2 с двойным управлением. Показные полеты обучаемый получал, находясь на рабочем месте штурмана, а первый самостоятельный полет летчик выполнял, имея на месте штурмана И.Д. Завражнова, который в полете мог только подсказать летчику, но не мог вмешаться в управление и исправить ошибку. Методист И.Д. Завражнов был прекрасный, и все наши летчики под его руководством овладели первоначальными навыками управления самолетом Пе-2. [...]***.

Гибель штурмана полка Ф. Собянина

Однажды был получен приказ срочно доставить самолетом секретный пакет в г. Архангельск. Выполнение задания перелета по маршруту Девятины–Архангельск было поручено зам. ком. полка И.Д. Завражному со штурманом полка Ф. Собяниным. Для облегчения полета над малоориентированной местностью экипажу было предложено лететь вдоль ж.д. Вытегра–Архангельск. Очевидно, предупреждение о полете нашего самолета вблизи ж.д. не было своевременно доведено до частей ПВО этой линии, и при подходе к каждой очередной станции ж.д. самолет подвергался

интенсивному обстрелу из всех видов оружия. Наш самолет приняли за немецкий разведывательный самолет. Радиосвязь с аэродромом назначения установить не удалось, и при подходе к аэродрому Архангельск самолет был встречен мощным зенитным огнем. Самолет был поражен, моторы остановились, и летчику ничего не оставалось сделать, как сесть в болото, поросшее мелкими соснами, прямо перед собой. При посадке на болото, покрытое глубоким и рыхлым снегом, через прорези в передней части кабины, сделанные для пулеметов, снег заполнил всю кабину и прижал Собянина к задней стенке кабины, лишил его доступа воздуха. Когда кабину освободили от снега, Собянин был мертв, он задохнулся.

Перегонка самолета с вынужденной посадки

В период базирования полка на аэродроме Девятины нам удалось восстановить несколько самолетов, произведших вынужденные посадки вне аэродрома из-за неисправностей, полученных в воздушных боях и от огня зенитной артиллерии врага. Для перегонки этих самолетов назначили опытный летный состав, могущий на месте принять решение о возможности взлета с места вынужденной посадки. Пришлось и мне перегонять такой самолет типа СБ, оставленный экипажем отдельной разведывательной эскадрильи где-то между Вытегрой и Андомским погостом на восточном берегу Онежского озера. Площадки или полосы для взлета в обычном понимании не было. Была вырублена полоса кустарников и убраны с пути взлета пеньки и камни. Как я ни мерил шагами длину импровизированной полосы, она была явно недостаточна для нормального взлета. Что делать? Для облегчения самолета с него слиты излишки бензина, оставлен минимум для перелета в Девятины и немедленной посадки. Штурмана и радиста нет. Больше облегчить самолет возможности нет. Ставлю в конце полосы слева техника с поднятой лопатой, чтобы можно было точно определить – дальше бежать нельзя, начинаются неровности, здесь нужно оторвать самолет от земли. Даю моторам полный газ, удерживая самолет на месте тормозами. Когда моторы развили полные обороты, резко отпускаю тормоза и начинаю разбег. Никаких отклонений на разбеге, полоса очень узка. Самолет разбегаются с нормально поднятым хвостом, вот сигнал – лопата, движение штурвала на себя, и самолет в воздухе. Но что это? Стрелка указателя скорости стоит на нуле. Между тем, самолет бодро набирает высоту и хорошо управляем рулями. Значит, отказал указатель скорости. Убирать шасси мне запрещено, т.к. механизм подъема и выпуска шасси неисправен. Доворачиваю самолет на курс следования к своему аэродрому и соображаю, как же садиться без информации о скорости полета, ведь аэродром посадки весьма ограничен. Однако накопленный опыт полетов на самолете СБ позволил произвести посадку с приземлением в допустимых пределах.

За самолетами в Казань

К середине декабря 1941 г., когда в полку почти не осталось боевых самолетов, был получен приказ летному и техническому составу убыть в г. Казань за получением самолетов Пе-2. То был период, когда мы начали получать первые известия об успехах наших войск в битве под Москвой.

Положение наземных войск нашего фронта также относительно стабилизировалось. Сообщение о поездке в Казань за самолетами Пе-2 подбодрило нас, хотелось скорее вернуться в Девятины в составе полнокровного полка, имеющего на каждый летный экипаж свой самолет. По крайней мере, мне казалось, что мы должны вернуться именно в Девятины, на свой фронт.

«Были сборы недолги...». Сначала на автомашинах, затем поездами с несколькими пересадками мы добрались до Казани. В пути следования был случай, когда на одной из узловых станций группу наших летчиков и штурманов не пустили в ресторан вокзала. Администрация ресторана, ссылаясь на поздний час, отказывалась принять наших посетителей. Делать нечего (и, правда, уже поздний вечер), мы побрели к выходу из вокзала, на ходу рассуждая, где и чем подкрепиться, т.к. до утра еще долго. На перроне к нам подошел И.Д. Завражнов, и мы поделились с ним нашей неудачей. Совершенно неожиданно он принял руководство группой и, сказав: «Пошли», направился к злополучному ресторану. Распахнув свое кожаное пальто на меху так, чтобы было видно все его награды, И.Д. решился решительно стучать в дверь. Вышедший на стук уже знакомый нам администратор уставился на грудь Ивана Дмитриевича, украшенную тремя наградами. Не теряя темпа, И.Д. решительно заявил: «Накормите моих летчиков, они едут с фронта, через несколько дней им снова в бой!». Вид И.Д. и его решительность возымели свое действие, нас пустили в «землю обетованную» и должным образом накормили и напоили.

Ехали мы в товарных вагонах, оборудованных деревянными нарами. В один из долгих декабрьских вечеров, когда и спать еще рано, а на дворе уже темно, Иван Дмитриевич под честное слово никому не рассказывать сообщил мне, примерно, следующее: «Эх, Белявский, Белявский, едешь ты сейчас в Казань, болтаешься вот здесь на нарах, а ведь тебя ожидала другая судьба!». Я был озадачен и немного обижен, как мне показалось, на подначку Ивана Дмитриевича. И, перебивая собеседника, я сказал: «К судьбе у меня пока претензий нет, что будет дальше – посмотрим». Он продолжил: «Ведь на тебя в октябре или ноябре в штаб полка пришел официальный вызов на учебу в Мониинскую Академию. Но Скок, прочитав бумагу, приказал тебе ее не показывать, ссылаясь на то, что сейчас некогда учиться, сейчас нужно воевать. Вот так-то!». Я поблагодарил Ивана Дмитриевича за информацию и участие в моей судьбе и еще раз заверил, что никому не скажу. С одной стороны, думал я, немного и обидно, что не дали осуществиться моей старой мечте, но в то же время успокаивала мысль о том, что если уж Скок не отпустил, когда летного состава были излишки, значит, ценит, значит, я нужен полку.

Казань

С прибытием в Казань нас ожидали новости. Получены новые штаты фронтового бомбардировочного полка на самолете Пе-2. Теперь в полку только две эскадрильи по 9 самолетов, у ком. полка один зам. по летной подготовке. Пришлось и нам распротиться со многими летчиками,

штурманами, техниками, стрелками-радистами. Есть фотография летчиков моей эскадрильи. Командир эскадрильи Рыбальченко назначен зам. ком. полка, а И.Д. Завражнов оказался за штатом. Однако он продолжал тренировку в Казани вместе с нами и улетел в дальнейшем на фронт тоже с нами.

Самолетами Пе-2 был забит в буквальном смысле слова весь аэродром 9-[го] запасного авиаполка в г. Казани. Самолеты стояли на лыжах, которые убирались в полете. Все самолеты были окрашены белой краской – под цвет снега. Летный состав, получив новые боевые самолеты, с упоением принялся тренироваться в полетах по программе, имевшейся в 9-[м] запасном авиаполку. Т.к. все наши летчики еще в Девятинах получили минимальную практику полетов на этом самолете, обучение шло очень быстро. [...]****.

Совет и Журавлев

Уже заканчивали обучение последние экипажи. Летный состав по вечерам строил догадки, на какой фронт нас пошлют. Техники подчищали и готовили самолеты к перелету. В один из таких дней два экипажа летчика Совета и летчика Журавлева были направлены на полигон для отработки пикирования. На самолете Пе-2 практиковались углы пикирования в 50-60-70 градусов к линии горизонта. Самолет при пикировании развивал большую скорость, и на выводе из пикирования экипаж испытывал значительные перегрузки, т.е. вес каждого из них как бы увеличивался в несколько раз. Такие полеты требуют физической выносливости, точного выполнения полетных инструкций и, конечно, отличной осмотрительности. Очевидно, увлекшись ощущениями пикирования, летчики забыли об осмотрительности, самолеты столкнулись в воздухе, когда один из них выходил из пикирования, а другой пикировал на него сверху сзади. Погибло 6 человек летного состава. Это событие омрачило наши предотлетные настроения.

Часы отдыха в Казани

Вечерами мы старались попасть в кино, на танцы или на эстрадные выступления. Запомнилось выступление на эстраде известного впоследствии эстрадного сатирика Ильи Набатова, который под аккомпанемент своего брата на баяне исполнял сатирические песенки на злобу дня. Некоторые строки его песенок долго жили среди личного состава полка уже на фронте. Некоторые я помню и сейчас. Одна из песенок рассказывала о похождениях генерала Хулигана Штрауса (на мотив известного вальса Йоганна Штрауса). Как он, генерал Штраус, с дивизией СС прибыл под Москву в Н-ский лес. Приближался Новый год, и он, предвкушая легкую победу, поздравлял себя: «Браво, Штраус, завтра ты – москвич» и т.д. Другая песенка рассказывала о попытках сговора за спиной СССР иранского шаха с гитлеровцами. И каково было удивление шаха и немецкого посланника фон Махера, когда они услышали на улицах Тегерана русскую песню «Три танкиста, три веселых друга, экипаж машины боевой...». Это выступление было очень ярким, оптимистичным и прекрасно воздействовало на наши умы и настроения.

Перелет на Северо-Западный фронт (начало марта 1942 г.)

В день вылета из Казани стояла ясная погода, и был очень сильный мороз. Технический состав еще затемно отправился на аэродром готовить самолеты. К построению летного состава все самолеты были готовы, но, когда подошло время выпускать разведчика погоды, то оказалось, что он запаздывает. Разведчиком был еще вчера назначен И.Д. Завражнов. Командиру полка пришлось понервничать, когда прибывший разведчик И.Д. Завражнов оказался в тонких хромовых сапогах. Разведчиком погоды был послан экипаж комиссара И.И. Дурова, а И.Д. Завражному было приказано вылетать последним, обеспечив вылет всех самолетов. И.И. Дуров в своих воспоминаниях рассказывает, как сложился для него этот неожиданный полет в качестве разведчика погоды.

В первый день к вечеру основная группа самолетов прилетела на один из аэродромов под Москвой, где мы и заночевали. На другой день все самолеты прибыли на полевой аэродром Макарово СЗФ, что западнее ст. Бологое на ж.д. Ленинград–Москва. Мне повезло. Я еще до войны служил в этом районе, знал назубок район полета и неоднократно садился на аэродром Макарово. Аэродром Макарово – это вытянутая с северо-запада на юго-восток площадка с песчаным грунтом, окруженная со всех сторон сосновым лесом. С западной стороны к площадке примыкала возвышенность, поросшая лесом, на ее обратном скате расположились многочисленные землянки для личного состава, там же стояло деревянное одноэтажное здание столовой, оставшейся еще с мирного времени, а сразу за столовой – небольшое глубокое лесное озеро. Кроме наших, на аэродроме стояли еще самолеты Пе-2 фронтовой разведывательной эскадрильи и самолеты Ил-2 штурмового авиаполка. К наступлению сумерек закончили хлопотное дело с оборудованием стоянок самолетов, с маркировкой самолетов, пообедали, и летный состав выехал на ночлег в одиноко стоявший в лесу дом в 3-5 км от аэродрома. Усталые с дороги, быстро уснули, но были разбужены грохотом от взрывов бомб. Немцы бомбили наш аэродром. Утром выяснилось, что сгорело два наших самолета и один штурмовик, летное поле аэродрома выведено из строя. Старожилы говорили нам, что это первая бомбежка, что это мы накликali сюда фрицев.

На аэродроме Макарово

Теперь-то мы знаем, что Северо-Западный фронт не был главным, решающим, что основной задачей его почти все это время было привлечение на себя как можно большего количества фашистских войск. В нескольких десятках километров западнее нашего аэродрома начиналась линия фронта в виде огромного неправильного овала, вытянутого на запад. В центре овала город Демянск. Здесь находилась в окружении 16-[я] а[рмия] немцев под командованием фон Буша, так наз[ываемая] Демянская группировка. [В] 25 км юго-восточнее г. Старая Русса находится населенный пункт Рамушево, в районе которого происходили наиболее ожесточенные бои по замыканию кольца окружения нашими войсками и по разрыву этого кольца фашистскими войсками, отсюда линия фронта расходилась на север и юг по реке Ловать.

Нашим наземным командованием фронта неоднократно предпринимались попытки сжать кольцо окружения, сбросить немецкие войска с ж.д. Валдай–Старая Русса. Здесь шли затяжные бои с переменным успехом. Вот для обеспечения действий наших войск в этих боях, главным образом, и привлекались наши самолеты. Как правило, летали небольшими группами. Запомнились названия населенных пунктов, в районе которых мы действовали по аэропозициям и живой силе немцев – это деревни Омычкино, Бяково, станция Лычково. Об этих боях хорошо написал нач. п/о СД П.Г. Кузнецов в книге «Дни боевые», тоже летчик Н. Шмелев «В лучах прожекторов», тоже Н.Б. Ивушкин «За все в ответе».

Кроме боевых полетов на бомбометание, мы выполняли задания фронта по разведке во фронтовом тылу, главным образом, аэродромной сети и движения по ж.д. и шоссе. Эти полеты на разведку были нам крайне непривычны, мы не имели в них опыта и не знали тактических приемов ведения разведки. Для выполнения разведки, как правило, высылались лучшие экипажи командиров звеньев – тем не менее, мы несли большие потери. Так, в разведывательных полетах погибли экипажи ком. звеньев: Семина со штурманом Пересадой; Католикова со штурманом Шориным (уроженцем г. Клин), их стрелок-радист Борис Вареник остался жив; Козлова.

Через несколько дней после прибытия на аэродром Макарово бывший зам. ком. полка И.Д. Завражнов получил назначение на соседний аэродром командиром истребительного авиаполка. Перед отлетом к новому месту службы И.Д. показывал мне свои стихи-сатиру на немецко-фашистских вояк. Стихи были не очень плохие и, не желая огорчить автора, я ему советовал послать их в Москву в редакцию сатирического журнала. На прощание мы сфотографировались несколько раз группой летного состава вместе с Иваном Дмитриевичем, в знак расположения он дал мне сфотографироваться рядом с ним в его кубанке. Эти фотографии сохранились.

Несколько раз мне пришлось летать на боевые задания под прикрытием истребителей, возглавлявшихся лично им. При встрече с его группой прикрытия И.Д. Завражнов обычно подлетал вплотную к нашей, узнавал в лицо, кто именно ведет группу, приветливо махал рукой или, приветствуя, брал под козырек и отходил выполнять свои обязанности. При его личном сопровождении мы, как правило, потерь не имели.

И вот однажды в середине летного дня к нам прилетел истребитель. Зарулив на свободную стоянку и передав самолет техникам, к нам подошел И.Д. Завражнов. После обычных приветствий и вопросов: «Как дела?» и др. мы пригласили его в столовую. За обедом потихоньку от ком. полка Скока Иван Дмитриевич принялся уговаривать меня и еще одного летчика переходить к ним на истребители: «Вы тут «пилите» на своих бомберах всегда в строю, скованно. У меня – простор, инициатива. Мне нужны крепкие летчики». Этими высказываниями он застал меня врасплох, не хотелось его обижать, и в то же время какое-то чувство патриотизма за свой родной полк, в котором служил с сентября 1939 г., заставило меня решительно отказаться

от заманчивых предложений. Из столовой он вышел явно огорченный и раздраженный. Обозвал нас «слабаками», пошел к своему самолету. Как сейчас помню, после взлета на его самолете не убралась одна нога шасси, с таким различным положением шасси он сделал круг над аэродромом, спикировал на нас и после вывода самолета в горизонтальный полет дал длинную очередь из всех своих огневых точек и улетел. Больше я с ним не встречался.

С этого аэродрома нужно уходить

Характерным обстоятельством нашего базирования на аэродроме Макарово было довольно частое «посещение» нас немецкими самолетами. И хотя аэродром был прикрыт зенитной артиллерией, нам изрядно доставалось от вражеских бомбардировок. Нас бомбили в самое различное время: и днем, и ночью, и утром, и вечером, и в обед, и мы все больше привыкали, идя по аэродрому, поглядывать вверх и по сторонам. Не летят ли? Нередко случалось, что бомбардировка аэродрома совпадала с нашим вылетом. Был случай, когда мы прилетели с боевого задания, а над аэродромом чехарда, с разных направлений заходят немецкие Ю-88, гоняются наши истребители, стреляет зенитка, на аэродроме рвутся бомбы. Пришлось отойти в сторону и летать несколько минут, пока все успокоилось, и нам разрешили посадку. В другой раз мы запустили моторы и начали руление на старт, когда над аэродромом посыпались бомбы. В результате этих налетов были потери среди личного состава (главным образом, технического), было повреждено несколько самолетов, разбита и сгорела автомашина-фотолаборатория, убит наш комиссар полка И.И. Дуров, ранен комиссар эскадрильи Г. Слив. В конце концов это надоело, и командир полка И.П. Скок добился разрешения перебазироваться на другой аэродром, где можно было бы чувствовать себя немного свободнее. И такой аэродром нашли – это аэродром Кузнецово, восточнее прежнего места базирования 30-35 км.

На аэродроме Кузнецово

Это узкая полоска земли, ограниченная с длинной западной стороны колхозным полем, к восточной и южной стороне примыкал высокий сосновый лес, и с северной стороны аэродром ограничивала небольшая речка с обрывистым берегом со стороны аэродрома. Взлет был возможен только от леса к реке, а посадка наоборот, иначе мешали деревья.

Первой нашей заботой было тщательно замаскировать самолеты в лесу, чтобы не дать повода для прилета немецким Ю-88, и, как видно, нам это удалось, т.к. за все время базирования над нашим аэродромом самолеты противника не появлялись.

Впрочем, это не совсем верно. Однажды утром, когда почти весь личный состав полка находился на аэродроме, над опушкой леса, где были замаскированы наши Пе-2, появился на бреющей высоте немецкий «Дорнье» – двухмоторный, двухкилевой самолет. Он медленно пролетел вдоль нашей самолетной стоянки, едва не задевая винтами верхушки деревьев, и также не спеша скрылся вглубь нашей территории. Мы замерли, отчетливо видно было кресты на самолете и головы членов экипажа, смотревших по сторонам

и явно обнаруживших наши замаскированные ветвями самолеты. Появление немецкого самолета было настолько неожиданным, что по нему не было сделано ни одного выстрела ни из пулеметов на зенитных установках, ни из карабинов или автоматов, имевшихся у технического состава. Еще не улеглось возбуждение от пролетевшего самолета, как на КП полка получили извещение о том, что немецкий самолет произвел посадку в поле (километров 8-10 от нашего аэродрома). Немедленно взлетел на Пе-2 ком. полка Скок с целью воспрепятствовать взлету врага. Когда он подлетел к севшему самолету, то обнаружил, что экипаж находится на земле и мирно беседует с окружившими его колхозниками. Оказалось, что это перелетели от немцев чехословацкие летчики, не желавшие воевать на стороне гитлеровской армии.

Гибель группы Тесленко

Объекты бомбардировок и напряжение боевой работы полка оставались, приблизительно, те же, что и во время базирования на аэродроме Макарово.

Помнится случай, когда с боевого задания не вернулась вся группа в составе 4 самолетов, ведомая зам. ком. эскадрильи П.Л. Тесленко. В составе этой группы был сбит экипаж комиссара соседней эскадрильи Варезникова. По показаниям наших наземных войск, группа Тесленко была сбита над линией фронта при возвращении с боевого задания во время перелета линии фронта под острым углом на высоте 300-400 м.

Ранение техника Мостовых

Один из наших самолетов, подбитых во время боевого вылета, произвел посадку в поле с убранными шасси, не дотянув до аэродрома 3-4 км. Для подъема и транспортировки самолета на буксире к месту посадки выехала группа технического состава. Во время осмотра самолета из-за неосторожности кого-то из технического состава была произведена короткая очередь из крупнокалиберного пулемета установки летчика. Снарядом оторвало обе руки выше локтя технику самолета Мостовых. Эта неоправданная потеря глубоко взволновала весь личный состав полка. Весельчак и балагур, красивейший хлопец Мостовых, любимец полка, умер.

Наша дружба с жителями деревни Кузнецово

Сердечность жителей деревни Кузнецово запомнилась всем нам. Не знаю, чем это объяснить. Возможно, тем, что эта деревня находилась в стороне от фронтовых дорог, и базирование воинских частей для ее жителей было как бы вкладом в общее дело по разгрому врага. До нас в деревне стояла какая-то наземная часть на отдыхе. Радужные и участливые жители были для нас, авиаторов, трогательны. Когда мы имели потери и поневоле были несколько сумрачны, нас удивляла осведомленность жителей о наших неприятностях. На вопрос, откуда они знают о наших делах, нам отвечали: «А как же, ведь мы каждый раз считаем, сколько самолетов улетело и сколько вернулось! Ведь мы переживаем за вас!».

Ст. инженер полка Ф.М. Хоменчук встретил здесь подругу жизни, с которой не расстанется и по сей день. Кстати, он после войны работал

председателем колхоза в этой деревне. Нашел себе подругу жизни здесь и И.Г. Алексеев, бывший в то время зам. ком. эскадрильи.

Я жил на квартире у старика со старухой, очень чистоплотных людей. Спал в большой, очень чистой комнате с половиками на широкой скамье. Питался, как и весь личный состав, в столовой и особых дел к моим хозяевам у меня не было. Но вот И.П. Скок попросил меня узнать, где бы можно помыться в бане с паром и с веником. С этим вопросом я и обратился к хозяину. Оказалось, что у него есть своя баня на берегу речки и веники, и он с готовностью взялся ее истопить. За чаем после бани старик рассказал, что и он служил в армии во время русско-японской войны, был егерем, отличным стрелком. Однажды на инспекторском смотре он оказался лучшим по стрельбе и при объявлении ему благодарности непочтительно выразился в адрес своего командира, за что ему влетело. Как участвовал в боях с японцами и, в основном, об этапах отступления.

Милый старик нас растрогал своими воспоминаниями. Когда же он узнал, что И.П. Скок – командир полка, то был очень удивлен и польщен, и спросил: «А кто же Вам чистит сапоги?». И когда услышал ответ, то обратился ко мне: «Это нехорошо, это же Ваш командир. Вы должны чистить ему сапоги!».

Мне в Кузнецово не повезло, я заболел малярией. От высокой температуры белки глаз налились кровью, вид у меня был неважный. [...]*****.

На аэродроме Хотилово

Получен приказ перебазироваться на полевой аэродром Хотилово, который расположен у шоссе Москва–Ленинград, южнее аэродрома Макарово 20-25 км.

Вместе с нами на аэродроме базировались 58-[й] бомбардировочный полк на самолетах Пе-2 и ночной бомбардировочный полк на самолетах Ил-4. Эти три полка вошли в состав 241-[й] БАД, которой командовал полковник Токарев Б.К. Сосредоточение трех бомбардировочных полков ближе к линии фронта потребовала обстановка.

К этому времени немцы развернули интенсивное снабжение окруженной Демянской группировки по воздуху на трехмоторных транспортных самолетах Ю-52. Основным местом посадки Ю-52 в окружении был аэродром Глебовщина, находившийся, примерно, в средней части кольца окружения. Как правило, немцы, организуя вылеты в окруженную группировку, действовали большими группами в несколько десятков самолетов, но старались организовать полет, посадку и выгрузку Ю-52 так, чтобы на аэродроме Глебовщина не скапливалось много самолетов.

Наши самолеты и экипажи находились в готовности к вылету по первому сигналу наземных войск о пролете в кольцо окружения самолетов Ю-52. Эта «охота» за самолетами Ю-52 на аэродроме Глебовщина проводилась довольно успешно. И чем больше самолетов скапливалось в Глебовщине, тем больший наряд самолетов Пе-2 вылетал с аэродрома Хотилово. Иногда группа экипажей 72-[го] и 58-[го] полков объединялись в

общую колонну для нанесения более мощного удара по врагу. Несколько раз мне довелось летать во главе таких сборных колонн.

Немцы предприняли энергичные меры для деблокирования окруженной Демянской группировки, они сосредоточили сильный кулак своих войск и решительным ударом пробили коридор в окруженную группировку. Теперь немцы приняли меры к расширению коридора, проложили автодорогу и навели понтонную переправу у деревни Рамушево через р. Ловать. Снабжение окруженной группировки значительно возросло, поток груженых автомашин в кольцо все нарастал, положение немецких войск улучшилось. Для нас возникла новая задача: борьба с автоперевозками в Демянскую группировку и разрушение переправы у д. Рамушево. Неоднократно мы разрушали переправу, успешно боролись с автоперевозками (об этом есть несколько газетных вырезок из фронтовых газет, материалов нашего однополчанина М. Чуминка).

Однажды, когда после сильного дождя на аэродроме стояли большие лужи, наша эскадрилья получила сигнал «немедленно вылететь» для бомбометания по самолетам Ю-52 на аэродром Глебовщина. Выруливая для взлета во главе группы, я неточно определил направление взлета. Был сильный боковой ветер. На разбеге мой самолет одним колесом попал в лужу и изменил направление разбега. Прекращать взлет было поздно, т.к. грозило столкновение с лесом. Я продолжил разбег, самолет оторвался, но, будучи тяжело нагруженным, медленнее, чем мне хотелось, набирал высоту. Уже за границей аэродрома по курсу взлета находилась группа высоких сосен, и я видел, что не перетяну через них. Хочется, очень хочется взять штурвал на себя и набрать столь необходимую высоту, но скорость мала и, помня заветы аэродинамики, что при малой скорости есть все основания попасть во второй режим полета, продолжаю полет с тем же углом набора высоты. Самолет левым крылом и стабилизатором задевает и срубает верхушку сосны – на крыле вмятины, хвост поврежден, и я вынужден вернуться на свой аэродром, не выполнив боевую задачу. Остальные самолеты группы, учтя печальный опыт своего командира, благополучно взлетели, и под командованием моего заместителя выполнили боевую задачу. Однако ближайшим приказом по дивизии мне был объявлен выговор.

В ноябре 1942 г. я был переведен в Управление 241-[й] БАД на должность инспектора-летчика, а 72-[й] бомбардировочный авиаполк был преобразован в 72-[й] отдельный разведывательный авиаполк.

Личный архив С.К. Лямина. Подлинник машинописный.

---

* Воспоминания С.М. Белявского об участии в боевых действиях 1939-1940 гг. см. в разделе 1 (№ 46).

** Опущены подразделы «Посадка группы самолетов ночью» и «Летчику нужно верить!».

*** То же «Костя Байбаков».

**** То же «Киселев».

***** То же «Сбили немецкого разведчика».

№ 1281**Из воспоминаний Д.И. Швырева⁴***1996 г.*

В 1940 г. 18 ноября был призван в ряды российской армии. Был направлен в ДВК в 3-ю Краснознаменную танковую бригаду, которая принимала участие в боях на Хасане и Халкин-Голе, за что была награждена орденом Красного Знамени.

Был зачислен на курсы младших командиров. Закончив подготовку, был зачислен в танковый экипаж. Танки в то время – легкие Т-26 – работали на бензине.

Обстановка меж[дународная] обострялась, были часто тревоги и упорная подготовка в практических навыках боевой подготовки.

В конце апреля наша 143-[я] тан[ковая] бригада была переброшена под г. Благовещенск в 60 км, и передали бригаду 107-[й] мотострелковой дивизии. В совместном взаимодействии проходили учения по пересеченной местности песками, болотами, преодолевали сопки. Даже были у скатов Волочаевской сопки. Смутно вспоминается. Все это доставалось очень-очень тяжело, но приобрели большой опыт вождений и стрельбы с места и сходу – все это благодаря командирам, которые были участниками боев Хасана и Халкин-Гола. Но, не взирая на тяжести, нам, мальчишкам, все это [было] в новинку и даже интересно.

Вспоминаю первую благодарность от ком. полка за отличное выполнение поставленной задачи. Но это была не только моя, но и всего боевого экипажа – рядового казака-стрелка, радиста-украинца и Рылешина Сережи.

21 июня 1941 г. я дежурил по танковому парку. Срочно была объявлена тревога, объявлена и началась война.

В ночь 21.6.1941 г. подавались платформы для погрузки танков с личным составом в полной боевой готовности. Было очень много платформ – всего стояло 65 эшелонов, ехали без остановок даже в крупных городах.

17 июля 1941 г. прибыли за гор. Калинин – станция Бологое Кал[ининской] обл. Был получен приказ на разгрузку техники. Впереди вражескими самолетами были разбиты пути, и навстречу шли эшелоны с ранеными.

И в ночь получили приказ – с составом 107-[й] МСД [в] подошедших эшелонах и наша бригада своим ходом направлены в направлении г. Белый. В 28 км дер. Крапивня сходу выезжали из леса немецкие полчища, заняли оборону и сходу вступили в бой, где мы, как фронтовики, приняли первое крещение, где авиация, как птицы над головами, вела массовое нанесение ударов с воздуха. Мы в этих боях несли большие потери и теряли в этих боях боевых друзей, но и набирали опыта боев и тактики боя. Фашисты имели

большой боевой опыт, но и превосходство в технике – как авиация, так и танки, имеющие опыт боев.

Бои были очень тяжелые. Когда в экипаже кончились боеприпасы, шли на фашистские танки на таран – как, например, ком. танк. роты Гумеров. А когда погибал экипаж – оставшиеся в живых переходили в другой танк и продолжали бой. Были взяты данные, что в этом направлении шла фашистская армия Гудермана, имевшая опыт боев [в] др. странах – Фран[ции], Чех[ословакии] и др. Цель – сходу захват столицы нашей родины Москвы. Но в этих боях замыслы были сорваны, хотя с большими потерями дорогих боевых друзей, с которыми начинали службу. Не думали, [что] будет это так.

В этих боях сам горел в танке и был ранен. Много техники вышло из строя. После этих тяжелых боев, оказавшись в окружении, продолжали воевать пехотинцами, разведчиками, пулеметчиками, уничтожая врага.

Фашисты подтягивали свежие силы для захвата столицы. Танк КВ, где был ком. танка Иванов В.И., – подвиг этот описан подробно. Это был бывший курсант тан[ково]го училища, в будущем стал генер[алом], с которым встречались неоднократно. Главное – основная сила по трассе танков была остановлена, не смотря на превосходство техники над нами.

В ок[тяб]ре 1941 г. пришлось выходить с окружения группами лесами и болотами. Река Волга от г. Калинина покрывалась от берегов ледочком. После выхода с окружения танкисты в пешем строю занимали оборону на подступах к Москве, гор. Клин, Дмитриев, Солнечногорск и др. населен[ным] пунктам Московской обл., где уже отражали атаки фашистов.

При получении техники готовились к генер[альному] наступлению и разгрому фашистов под Москвой. В наступлении и разгроме были освобождены нас. пункты Клин, Калинин. Продолжались бои [за] Торжок и Старица, Нелидово и гор. Ржев, Белый.

После тяжелых боев оставшуюся технику поступил приказ сдать, и оставшийся личный состав МСД и танкисты бригады были направлены в тыл врага действовать как партизаны по тем местам, где начинали первые бои. Задача стояла и приказ – седлать трассу Москва–Минск, где навстречу был направлен кав. корпус ген. Белова.

Положение было очень тяжелым, были оторваны от тылов. Очень большие заносы снегом, морозы были и доходили до 40⁰. Населенных пунктов не было. При отступлении фашисты все на своем пути жгли.

Продвижение было – и шли только ночами, а днем отдыхали в лесах, что нас и спасало. А населенные пункты, большинство сгоревшие при отступлении, были местами стычки с фашистами, которые, бывало, блудили в лесах. Авиация – «мессеры» – настолько [много] их было, что даже, как птицы, цепляли за деревья.

Не смотря на сложности, были освобождены населенные пункты Ивановский, Александровский, Холм Жирковский. Жители, все кто остался жив, находились с детьми в лесу, жили в землянках.

И так нами каторжными передвижениями пройдено 230 км под гор. Вязьму. Перед трассой была занята оборона – рыли окопы, траншеи. От всех доставок питания, боеприпасов сначала отрезаны. Все приходилось добывать трофейное с боями. В этих боях весь личный состав были ком[мунист]ты, частично – ком[сомоль]цы, которые приходили из леса. Перед каждым стояла задача – жить или умереть.

Незабываемый день – 14 февраля 1942 г. Меня и др. товарищей вызвали в штаб для принятия в ком[мунист]ты.⁵ Рекомендации были отличными – старых коммунистов, комиссара полка и др. Вдруг был открыт арт. налет, и снаряд разорвался на крыше, и вынуждены спуститься в погреб. Зажгли гильзу, и собрание продолжалось. Вдруг второй снаряд, и крыша дома загорелась. Вынуждены [по] приказу комсорга перебежать в другой домишко и продолжать собрание. Потом трудно вспоминается. Закончилось собрание принятыми, как вдруг передали – фашисты перешли в атаку, выдвинув на передний край 4 танка. Но впереди была речка с крутыми берегами – не решились, и не было возможности продвигаться вперед, расстояние было от населенного пункта из нескольких домов – 960 метров. В 15³⁰ был открыт ураганный огонь фашистов из 12 орудий разного калибра и из танков. До батальона шло фашистов на 48 чел., которые в окопах занимали оборону. Комиссар и ком[анди]р были у пулеметов.

Доходило до того, что фрицы пошли врукопашную и падали под ноги в траншеи от выстрелов из пистолетов. В этом бою потеряли дорогих друзей, товарищей и ком[анди]ров, с которыми выезжали на фронт и выходили из окружения, переплывали в октябре 1941 г. Волгу под г. Калинин.

В штабе дивизии нас считали погибшими, но оставшиеся продолжали держать оборону у дер[ев]ни Юфаново и Хожаево. Связь с Москвой была прервана, и посланы в Москву к Верховному 3 офицера, где и были восстановлены соединения.

В апреле 1942 г. был получен приказ Вер[ховно]го Гл[авно]команд[ующего] о выводе нашего соединения из тыла.

17 марта 1942 г. за мужество, массовый героизм в боях за Москву одним из первых было присвоено нашему соединению гв[ардейское] звание.

В мае 1942 г. на ст. Немидово Кал[ининс]кой обл. получили технику. Личный состав 2-[й] гв. МСД и 143-[го] танк. полка был направлен под гор. Ржев. В этих кровопролитных, жестоких боях танк был подбит, сам я был ранен и потерял экипаж.

12 ок[тяб]ря 1942 г. остатки личного состава имели по несколько ранений, и даже высланы на большинство похоронки, в том числе и на меня родители получили две похоронки. Младший брат был дома и считал меня погибшим. Личный состав 143-[го] танк. полка был направлен в Там[бовскую] область, где формировалась 2-[я] гв. армия. 2-[я] гв. сд вошла в состав формирования 2-й гв. мех. кор[пуса]. Были сформированы бригады и танковые полки – как, напр[имер], 25-[й] отд. танк. полк, который входил в состав 6-[й] мех. бриг[ады].

По пути на Тамбовщину я на несколько дней был отпущен повидать родителей в гор. Мичуринск, и я, не зная, оказался воскресшим, не зная что были похоронки.

После формирования нас направили 19 ноября под Сталинград в составе 65 эшелонов с техникой. В первых числах декабря станция Эловая – разгрузка. Сходу вступили в жестокий бой с танковой армией Манштейна, которая шла на выручку окруженной группировке Паулюса.

1 января 1943 г. в жестокий бой вступили под Котельниково и дальше Тормосин, где были захвачены 3 эшелона танков неразгруженных и несколько самолетов. [...]*

ГАСПИТО. Ф. Р-9303. Оп. 3. Д. 123. Л. 3-6 об. Подлинник.

---

* Опущены перечисление названий боевых операций, в которых принимал участие Д.И. Швырев в 1943-1945 гг, а также воспоминания о послевоенных встречах с однополчанами.

№ 1282

Воспоминания Н.З. Пирютина⁶

1993 г.

В 1939 г. был призван в армию. До этого у меня, как у сельского учителя, была отсрочка. Служил в 9-й кавалерийской дивизии в Каменец-Подольске радиотелеграфистом. Не каждый может [быть] радиотелеграфистом, а только человек с музыкальным слухом. В 40-м г. перевели нас в Бессарабию.

Когда началась война, я готовился в замполитрука⁷. Началось отступление. Был в Киевском окружении. Немцы бросали листовки: «Сдавайтесь!». Сталин не давал согласия оставить Киев: «Никого не пропускать на левый берег Днепра!». Если бы сдали Киев, то смогли бы занять удобную оборону. Сначала мы не знали, что нам грозит окружение. А потом со стороны нашего командования последовал приказ: «Спасайтесь, кто может! Выходите группами». В окружение нас попали четыре армии. Я уходил с тремя моими товарищами.

В Сумской области попали к партизанам. Здесь я заболел тифом. А у нас был приказ – переходить чистым полем (25 км). У меня стали распухать ноги, тиф прогрессировал, необходимо было лечение. Достали тогда мне документы на фамилию Бурчук, и отправился я в село как будто из лагеря. Пришел голова, дал направление в больницу. Но когда пришел в больницу, меня не приняли, так как документы не из этого района. Переночевал у людей добрых, на следующий день пошел к старшине. Это оказалась женщина-полячка, до сих пор помню ее имя – Варвара Степановна. Она оказалась очень добрым и душевным человеком, именно благодаря ей я и вылечился.

После болезни я решил пробираться в свою область. Со мной оказался попутчик – Беляев. И вот, когда мы дошли до Кролевца⁸ на реке Сейме, попали в плен. Были мы в гражданской одежде. Повезли нас – 8 вагонов – в Конотоп⁹. Так я попал в Германию. Сначала мы были на сельхозработах, а потом отправили на завод: в мирное время он выпускал чемоданы, а во время войны – детали для ракет. Два раза пытался бежать, но безуспешно. В начале 1945 г. повезли нас в Восточную Пруссию делать зенитные сооружения. Здесь мы узнали, что русские подходят. Ночью удалось бежать. Через 10 дней попал к нашим войскам, они только взяли Вислу и подошли к Варшаве¹⁰.

Сначала хотели меня [отправить] в штрафную роту, но потом решили дать испытательный срок. Перешли Одер. Я уже находился в Ярославской коммунистической дивизии, которая полностью состояла из коммунистов-добровольцев. Когда эта дивизия подходила к Берлину, она была очень сильно потрепана, и мы ее пополнили. Недалеко от Берлина на переправе я слетел в воду (хорошо, что вместе с бочкой, потому и спасся), два часа пробыл в холодной воде, сильно простудил ноги и поэтому попал в санчасть, так и не увидев Берлина. Но все-таки мне, как бойцу Ярославской коммунистической дивизии, медаль «За взятие Берлина» дали.

Война кончилась. Ярославскую дивизию еще не расформировали. Мы находились в свободных помещениях, делать было нечего. Вдруг меня вызывают, стали расспрашивать: «В армию попало много врагов народа, а Вы тоже были в плену и должны оказать нам помощь». Я уже слышал, что один из таких, как я, уже попадал в такую ситуацию, и когда он отказался, то после этого исчез. «Ты должен говорить о Сталине и положительно, и отрицательно, и передавать нам реакцию людей». Делать нечего, дал согласие. Пришел и не спал всю ночь: ведь я среди своих товарищей – шпион. Но судьба помогла мне – на следующий день пришел спасительный приказ о расформировании дивизии.

Из Германии приехал в Сатинку Каменского района 25 сентября 1945 г. Стал заведующим школой. Затем перевели меня в Ивановку [Сампурского района]. В это время учителям жилось легче, чем остальным – не платили налоги, разрешалось иметь огород, получал зарплату.

Личный архив В.Л. Дьячкова. Подлинник.

---

* Запись произведена Э. Сатиной.

№ 1283

Воспоминания М.И. Шумилина¹¹

2005 г.

Наша семья жила бедно, а когда отец погиб в результате несчастного случая на работе, стало еще тяжелее жить. В 1939 г. меня призвали в ряды

Красной Армии. Служил рядовым 81-го гаубичного артиллерийского полка в г. Краснодар.

22 июня 1941 г. в 12 часов командир построил нас, объявил, что началась война, приказал: стоять насмерть и ни шагу назад. Затем наш артиллерийский полк в срочном порядке перебросили на границу с Румынией. Три дня мы держали оборону, а затем начали отступать. Отступали долго. Сердце сжималось от ужасного зрелища: жители сел и деревень оставляли свои дома, бежали, а с самолетов женщин, детей и стариков безжалостно расстреливали немецкие летчики.

Вместе с уцелевшими бойцами полка я добрался до Ростова, где шли тяжелые бои. Немецко-фашистская авиация постоянно бомбила город. Кругом, куда не посмотришь, разрушенные дома, убитые, раненые. Между налетами самолетов противника обычно подбирали раненых, оказывали первую медицинскую помощь и отправляли в госпиталь. Однажды увидел лежащего раненого бойца без ног, он попросил: «Пристрели меня». Ужасно вспоминать.

Затишье заканчивалось быстро, поэтому нужно было все делать оперативно. Как следует даже поесть не удавалось. Однажды получил на полевой кухне щи и кашу. Щи успел похлебать, а тут бомбежка. Вдруг огромный кусок земли угодил прямо в котелок с кашей. На этом мой обед и закончился. Кухня быстро собралась и в укрытие.

С немецких самолетов часто сбрасывали провокационные листовки на позиции советских войск. На листках рисунки: Сталин и Гитлер сидят и песни поют. Сталин на гитаре играет и поет: «Последние мои денечки», а Гитлер на гармошке поет: «Широка страна моя родная».

Несмотря на свое преимущество в силе и технике в первые годы войны, немцы боялись нашей разведки. Поэтому постоянно освещали ракетами линию фронта. А рано утром начинали обстреливать наши позиции.

С первых дней войны и до Великой Победы я служил помощником командира взвода 2-го запасного артиллерийского полка, наводчиком орудия. Молодой был, страха не знал. Однажды во время боя сидел на высоком дереве с прибором. С помощью стереотрубы высчитывал прицел и передавал информацию телефонисту, который находился под деревом в укрытии. Телефонист полученные координаты передавал на батарею. Затем производился выстрел. Точность поражения цели зависела от смелости, выдержки, профессионально грамотных действий наводчика орудия. Мне удалось вывести из строя пулемет, который не давал возможности нашей пехоте продвигаться вперед. Вдруг немцы меня заприметили на дереве и произвели прицельный огонь. Я получил ранение руки и шеи. Не спеша, слез с дерева и хотел закурить. Товарищ говорит: «Да погоди ты, дай тебе руку перебинтую». Он гимнастерку разорвал, перевязал мне руку и отправил в медсанбат. Руку хотели отнять, но я не разрешил. Как же я буду без руки? Рука вскоре зажила. За тот бой я был награжден орденом Красной Звезды.

Приходилось мне воевать на Северном Кавказе. День Победы встретил на территории Украины. Демобилизованным выдавали деньги на дорогу

домой. На паровозе поезда, в котором предстояло добираться домой, во весь рост был изображен Сталин и надпись: «Мы победили». На станциях люди встречали с цветами: кто радовался, а кто и плакал. Когда я вернулся в Тамбов, то устроился на работу в органы внутренних дел милиционером дивизиона милиции наружной службы. Затем служил милиционером отдельного конвойного взвода милиции г. Тамбова.

Музей истории тамбовской милиции УВД по Тамбовской области.
Подлинник.

№ 1284

Воспоминания А.С. Клейменова¹²

2005 г.

Утром 22 июня 1941 г. зенитная артиллерия, в которой я служил, была поднята по тревоге. Приказ командования требовал срочно подняться и выдвинуться в сторону Москвы. Только в пути, в одном из городов, мы узнали о том, что началась война. Вскоре прибыли под Москву для охраны столицы нашей Родины от налетов вражеской авиации.

Не забыть мне самый первый налет немецко-фашистских самолетов на Москву 22 июля, ровно через месяц после начала войны. Налет был массированным в количестве 220 самолетов. Все небо в огне. В лучах прожекторов видны разрывы снарядов, трассирующие пули, падающие горящие самолеты противника. Советские истребители вступали в бой на значительном расстоянии от Москвы, чтобы уничтожить как можно больше вражеских самолетов. На подступах к Москве немецкую авиацию встречала огнем наша зенитная артиллерия. Прорваться к столице удалось лишь единичным самолетам противника. Они обстреливали позиции зенитчиков, осколки повсюду падали на землю как град.

Так продолжалось почти каждую ночь. 141 налет на Москву осуществила немецко-фашистская авиация. Москвичи спасали здания города от зажигательных бомб. На крышах домов постоянно дежурили женщины и дети. Иногда наша батарея за один налет противника расходовала до 300 снарядов.

В ноябре создалась тяжелая обстановка на Калининском направлении, где немцы сосредоточили большое количество танков и живой силы. Батареи зенитной артиллерии направили расстреливать колонны немецких танков, чтобы не дать им возможности прорваться им к г. Дмитрову. Повсюду велись ожесточенные бои, в ходе которых фашисты несли большие потери. Было трудно. Огромное количество живой силы потеряли и мы. Очень часто мне приходилось восстанавливать наземную связь прямо во время обстрела, ходить в разведку. Нужно было определять: сколько самолетов противника атакует, на какой высоте, расстоянии, и постоянно докладывать полученные сведения руководству.

Что примечательно было: солдаты разных национальностей жили дружно.

Музей истории тамбовской милиции УВД по Тамбовской области.
Подлинник.

№ 1285

Из воспоминаний С.С. Козабцова¹³

1993 г.

[...]*. Осенью 1939 г. был призван в Советскую Армию, где с Красной Пресни был направлен в г. Смоленск. Из Смоленска направили в Западную Белоруссию – Польша до июня 1940 г. 15 июня 1940 г. перебросили в Литву, где без боев проходили маршем по 50 км в сутки. Дошли до Клайпеды, остановились, отошли назад км 50 в лагерь, а 16 июня 1941 г. уже были на границе с Германией, где каждую ночь были перестрелки с обеих сторон. Они нагло нарушали границу, а 22 июня немцы обрушили бомбы и изо всех видов оружия на наши позиции. Пришлось с боями отступать вглубь нашей страны.

Я был командир отделения 122-мм пушки, деревянные колеса еще были. Было очень трудно сдерживать превосходящие силы противника, несли большие потери с обеих сторон. В августе был ранен в грудь, в санчасти побыл и опять в бой. Отступали до Москвы, где обстановка была очень сложная, часть была расформирована, и я попал на пополнение в 64-[ю] стрелковую бригаду (фронт и армию не помню). Помню, Волоколамское шоссе переходило из рук в руки – то они нас, то мы их.

Но 6 декабря 1941 г. примерно в 16⁰⁰ дали по 100 гр. спирта, накормили досыта, зачитали приказ Верховного Главнокомандования о переходе в наступление. И откуда взялось столько техники и живой силы?! Особенно отличались сибиряки и дальневосточная морская пехота, в которой я находился в 64-[й] стр. бригаде командир[ом] минометного расчета 82-мм, а в военном билете написано артиллерист (неправильно записано).

Я гордился и сейчас горжусь, что я находился рядом с сибиряками и дальневосточной морской пехотой.

Я дошел до Волоколамска, где и был ранен в ногу (а в билете опять наоборот написано – в руку). 3 дня лежали в одной избушке – примерно 30 человек лежачих. Женщина кормила и ухаживала за нами, вот была настоящая патриотка. Перевезли в Солнцегорск**. Попал в Казань в госпиталь, а в марте попал опять под Москву – МЗО (Московская зона обороны). Командовал Артемьев¹⁴ – генерал.

Потом Курская дуга, 1943 г. В составе 65-[й] армии генерала Батова (фронт Рокоссовского). Май. Была усиленная подготовка к сражению. На многих домах были написаны лозунги: «Мы – сталинградцы», «Опящем Курскую дугу неприступной крепостью». 5 июля началось грандиозное

сражение. Днем было темно, множество самолетов с обеих сторон, танков, пушек, минометов и др. вида оружия. Горела земля-матушка, горел воздух, живая сила и техника с обеих сторон. Немцы все же были сломлены и отступили.

Дальше Белоруссия. 24 июня 1944 г. началось опять крупное сражение. Я опять артиллерист, помкомвзвода 45-мм пушки. Враг был сломлен, бежал из территории России (СССР).

Дальше освобождение Польши, дошли до Варшавы 90 км – г. Пултуск, р. Нарев (Наревский плацдарм). 1-[й] Белорусский фронт. А осенью стал 2-[й] Белорусский фронт (Рокоссовский и Батов). Потом сражение за Восточную Пруссию, где было полегче воевать и кушать, что хочешь. Помню, в городе Остероде на площади стоял Рокоссовский со своей свитой, а мы проходили строем – показали немцам, что мы еще сильны. Интересно было в Данциге (Гданьск). Вышли к Балтийскому морю. Интересно посмотреть море и на берег немецкой обороны – до 2 метров толщины доты и еще как-нибудь назывались.

На 1 мая 1945 г. между 1⁰⁰ и 2⁰⁰ часа утра немцы открыли бешеный огонь. Мы оборонялись. В это время я был ранен в руку, и наводчик ранен, а остальной расчет отправили в тыл, а мы остались при санчасти.

Война кончилась. Радости объятия еще 8 мая, в 24⁰⁰ прекратили огонь немцы и русские. Утром 9 мая немцы бросали оружие. 15 августа 1945 г. нас, 15 человек, отпустили в отпуск, как особо отличившихся. Так говорили командиры. Из отпуска опять приехал в Германию, а в ноябре 1945 г. был демобилизован по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 25.09.1945 г., как имеющий 3 ранения и более. [...]***.

ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 1. Д. 15. Л. 11-13 об. Подлинник.

---

* Опущены биографические сведения предвоенного периода.

** Так в документе. Правильно – Солнечногорск.

*** Опущены биографические сведения послевоенного периода.

№ 1286

Воспоминания П.Ф. Патрина¹⁵

5 апреля 1990 г.

22 июня 1941 г. прибыв по тревоге в 5-[й] полк ВНОС, командир полка объявил: «Товарищи, война!». Все были глубоко поражены. Беспокойство охватило всех за судьбу рот, которые дислоцировались на западных границах (Белорусский военный округ). Все сразу приняло военный характер.

24 июня 1941 г. получил задание доставить завтрак на наблюдательный пост на ДOME правительства (г. Минск). Только отдал завтрак посту, завыли сирены – налет на Минск. 45 самолетов Хеншель-111 сбрасывали бомбы на Минск. Бомба упала от меня в 5-7 метрах – как остался

жив, не знаю. Оглушило очень сильно, обошлось. Эта бомбежка разрушила в Минске все коммуникации. День превратился в ночь. Страшные разрушения. Много человеческих жертв.

После бомбежки Минска доставил завтрак посту на аэродроме. Там все поле в воронках. Началась эвакуация – короче, бегство, кто как мог. Возвращаясь с аэродрома, заехал по пути домой, забрал жену с детьми, привез в военный городок.

25 июня все семьи командиров были отправлены в Борисов, а потом в Смоленск. Что было после бомбежки описать нельзя, это надо пережить.

Штаб полка оставил Минск утром 26 июня 1941 г.

Вечером 26 июня 1941 г. командир полковой школы отдал приказ загрузить продовольствием две подводы и покинуть городок. Обеспечивать питанием курсантов приказано мне.

Шли ночью, а днем проселочными дорогами. К нам в пути присоединялись одинокие и группы солдат и офицеров. Надо было всех кормить – около 250 человек.

Колонну сопровождало боевое охранение, а впереди дозор. Нашли исправную полуторку с небольшим количеством патронов. Имея автомашину и бензин, командир приказал отправлять машину с группой солдат вперед за продуктами. Это нам удавалось.

На пути к Борисову в лесу встретили группу диверсантов из 5 человек, после краткого допроса всех расстреляли. У Борисова встретились со штабом полка и машинами, в которых было продовольствие, оружие и боеприпасы. Там узнали печальную весть. Трагически погиб командир полка майор Мещеряков. В Борисове штаб получил приказ командования фронта: [идти] к Смоленску и занять оборону (половина рот не вернулась), выставить посты наблюдения за воздухом на переправе через Днепр – так называемая «Соловьевская переправа» (у поселка Соловьево недалеко от г. Ярцево). Там впервые встретил батарею «катюш», которая произвела огневой залп реактивными снарядами по станции Орша, где были сосредоточено много немецких эшелонов с боеприпасами, боевой техникой и другим имуществом.

Налет ошеломил немцев. С прибытием рот полк стал боевой единицей. Фронт у Смоленска стабилизировался. Штаб 5-[го] полка ВНОС получил приказ отойти в р-н Вязьмы. Посты наблюдения стали работать на Москву.

2 октября 1941 г. началось наступление немцев на Москву.

4 октября был подожжен элеватор и склады с горючим в Вязьме. Пламя поднималось на полкилометра.

5 октября полк оставил Вязьму и переброшен ближе к Москве. Посты рот зорко следили за воздухом, предупреждая зенитчиков и летчиков о приближении немецких самолетов.

15-16 ноября начался второй этап генерального наступления [немцев] на Москву. Шли ожесточенные кровопролитные бои. По приказу командования наш 5-[й] полк, потеряв до 35-40 % личного состава, был отведен на кратковременный отдых в г. Дмитров. Создалась критическая обстановка под Москвой. После десятидневного отдыха личный состав был

погружен в эшелоны и направлен в Баку на формирование. Началась кропотливая учеба пополнения. Через два месяца 5-[й] полк ВНОС был переброшен на ирано-турецкую границу. Я был назначен начальником поста (7 человек). Через Иран шла помощь союзников – в основном автомашины разных марок.

В начале февраля 1943 г. почти всех мужчин полка и мобилизованных [отправили] эшелоном в Москву на формирование. Я попал в 1360-[й] зенитно-артиллерийский полк 29-[й] зенитной артдивизии и [был] назначен старшиной 4-[й] батареи. Сам учился и бойцов учил. Занятия продолжались по 10-12 часов. Питание было скудное.

Через три месяца полки дивизии погрузились в эшелоны и – на Курскую дугу. Наша 29-[я] зенитно-арт. дивизия, которой командовал полковник Вялов, вошла в 5-[ю] гвардейскую армию РКК (командир – генерал-полковник Жадов). Армия входила в Степной фронт, стоявший в резерве.

Командующий маршал Конев 5 июля 1943 г. упредил немцев, завязались жестокие танковые бои в р-не Прохоровки. Армии остановили немцев у Белгорода. Степной фронт контратаковал позиции немцев и вынудил отступать немцев по всему фронту.

Зенитчики прикрывали своим огнем наступающие части. Были освобождены Полтава, Кременчуг, изгнали врага из Знаменки, Александрии, Кировограда и Первомайска. Осень выдалась дождливой. Чернозем раскис – ни пройти, ни проехать. И только в начале января 1944 г., когда землю сковал морозец, дивизия выбралась на дорогу. До Победы еще было 513 дней и ночей.

Освобождение Украины, Польши, вступили в Германию, был Одер, Шпрее, Эльба, последний мой гор. Дрезден – это май, 8-[е] число. Германия капитулировала. Сколько пережито, сколько жертв, разрушений. В 22 часа 8 мая 1945 г. 29-[я] дивизия, входившая в 5-[ю] гвардейскую армию 1-го Украинского фронта, по тревоге направлена на оказание помощи восставшей Праге. Мысленно вспоминаю пройденный путь от Минска до Праги, как он был длинен, труден и жесток.

5-[я] гвардейская армия, куда входила 29-[я] зенитно-арт. дивизия, имела 25 благодарностей Верховного Главнокомандующего. 5-[я] гв. армия входила в 1-й Украинский фронт, имела 74 благодарности Верховного Главного Командования.

ГАСПИТО. Ф. П-9019. Оп. 1. Д. 1775. Л. 32-36. Подлинник.

№ 1287

Из воспоминаний П.М. Малкова¹⁶

2001 г.

[...]*. После окончания семи классов в 1941 г. началась война. Все мужчины были призваны в армию на войну. Мы, 15-летние, превратились во взрослых. Все тяготы были возложены на плечи женщин, стариков и нас. На работу люди шли сознательно, работа была тяжелая. Урожай был в 1941 г. очень хороший. Его надо было скосить, связать в снопы и заскирдовать. Техники и лошадей было мало, и большинство работ делалось вручную. Например, люди, которые приходили на скирдовку, брали с собой большую палку, и из двух палок мы делали носилки и вдвоем носили снопы к скирду. Скирды клали у мельницы – так делали, что дождь никак не мог проникнуть в глубь скирда. При 40-42⁰-морозе молотили скирды и можно с гордостью сказать, что мы убрали урожай и вывезли зерно на элеватор. Лозунг у нас был один: «Все для фронта – все для победы». Пришлось нам вместе с женщинами копать зимой около Знаменки окопы. Землю рубили только топорами – трудно было, но норму выполняли. Я и несколько моих товарищей направлялись в Шатуру под Москвой на торфразработку. Там тоже было нелегко, пни вытаскивали крюками из траншей, но там мы недолго были.

В 1943 г. в ноябре получил повестку в армию, и в этот день получили извещение о гибели на фронте моего старшего брата Николая¹⁷. Родителям было большое горе. Мой рост был маленький – 1 м 48 см. В армии я подрос еще на 12 см. Нас, таких маленьких, набралось человек 12. Прибыли мы на место службы в хутор Демкин Сталинградской области служить и обслуживать на радиолокации. Нас очень быстро научили своему делу. Мы знали все марки немецких самолетов и их технические данные. Я был планшетистом. Я ходил на КП полка и там нес дежурство. Мои обязанности были – стоять у большого стола, на котором была положена карта. Эта карта была расчерчена на квадраты, которые имели свои номера, эти квадраты еще делились на 4 малых квадрата, были нанесены азимуты углов. Карта была накрыта стеклом, на котором стояла чернильница с ручкой и часы. Радиолокация работала круглосуточно, и во время появления самолетов мне оперативно сообщали угол, азимут и расстояние. Я быстро определял место на карте, а карта была небо, и ставил точку. Потом надо было сделать 2-3 засечки, это делалось быстро. Потом при следующем сообщении этот предмет отклонялся на каком-то расстоянии в другом месте, тогда соединяем две точки линией и так далее, и получается маршрут движения самолетов. Глядя на часы и по расстоянию, я должен определить скорость самолета, а по скорости определить марку самолета. Командир полка стоит рядом и смотрит, в каком квадрате находятся самолеты, и командует свои летчикам, как лучше подлететь к немецким самолетом. В большинстве случаев наши летчики в эти годы выходили победителями. С начала войны немцы были сильней, а потом их научились бить, как следует.

Хочу написать один случай. Нам, простым солдатам, дали задание из хутора Демкина прибыть в хутор Логики. Расстояние между ними было 9-11 км. Во второй половине дня мы вышли из части и пошли к месту назначения. Дело было весной. Мы подошли к одной лощине,

образовавшейся на дороге. Вода шла очень бурно и была выше колен. Обуты были в ботинки с обмотками. Мы решили обойти ее и пошли выше, и чем дальше шли, яр становился длиннее и глубже, а солнце было на закате. Мы решили вернуться обратно на дорогу, и у нас выбора не было, нам надо идти вперед. Взявшись за руки друг друга, мы пошли в воду. Но быстрое течение и по скользкому льду нас понесло в образовавшееся большое озеро. Я уже начал глотать воду ртом, но мы удержались друг за друга. На середине течение ослабло, и мы вышли из ледяной воды. Внизу был лед и сверху плыл лед. Когда мы подходили к хутору Логики, уже темнело, и шел дождь и намочил последнюю шапку. Ночевали мы у старушки. Она нам дала шубу. [На] выжатое обмундирование, т.е. на мокрое, легли спать, шубу положили в головы. Ночь проспали, как убитые. Утром одели свое обмундирование сырое, а на улице был небольшой мороз, на нас задубело колом обмундирование, но к обеду солнце и ветер малость просушили. Что характерно – никто из нас не заболел.

Мне пришлось еще служить в роте ЗОСН, где я работал начальником светомаяка. Светомаяк дала нам Англия. Во время ночи мы включали светомаяк, который был виден за 300 км, приводили свои самолеты.

Со всеми войсками мы также продвигались вперед. Был в Румынии, Венгрии, Австрии. Война закончилась, когда служил в Венгрии. Мы стояли на 8-10 км от полка обслуживания, втроем на вражеской территории. Ухо держали остро. Особенно венгры (модяры**) злые были на нас. В Австрии мы поехали в Вену посмотреть город – был красавец. По своему незнанию мы въехали в американскую зону, и американцы выскочили из своего помещения (человек 30), взялись за руки и хотели нас окружить и забрать в комендатуру. Но шофер наш Николай Литвиненко быстро догадался, в чем дело, и крикнул нам быстрее садиться в кузов, американцы хотят нас взять в плен (последствия были бы нехорошие). Мы быстро сели в кузов, Николай завел машину, а американцы окружили нашу машину. Шофер наш болел припадками. Он заорал на них «Подалю, суки!» и начал гоняться за ними, а они бежали в разные стороны. Мы уехали благополучно.

Что-то я приустал от писанины, надо расслабиться.

У нас старшина был в возрасте, скромный, всегда угождал начальникам, но не имел командирских навыков. Был такой случай. Командир роты дал команду построить роту. Старшина стал подавать команду: «Рота, строиться! Становись! Рота, равняйся! Смирно!» и начал докладывать: «Товарищ старший лейтенант, нет, то есть, старший техник-лейтенант, Василий Николаевич Костылев», а шофер Дударев не выдержал и во весь свой огромный баритон выкрикнул: «И его жена Антонида Афанасьевна». И раздался огромный смех, от души смеялся и командир роты.

Всю службу не опишешь, но скажу правду – тяготу и лишения воинской службы наши солдаты вынесли без ропота. У нас была одна цель – разбить и победить немецкую армию, что мы и сделали. [...]***.

Личный архив В.Л. Дьячкова. Подлинник.

* Опущены биографические сведения предвоенного периода.

** Так в документе. Правильно – мадьяры.

*** То же послевоенного периода.

№ 1288

Из воспоминаний И.И. Финютина¹⁸

Ноябрь 1980 г.

Великая Отечественная война 41-45 гг. меня застала в г. Наро-Фоминске под Москвой, где я проходил военную службу в 15-м учебном мотоциклетном полку.

Мы, еще молодые солдаты, изучали военное дело. Военная обстановка которая складывалась в первый год войны, была тревожной. Наши войска с боями временно отходили вглубь страны.

В октябре 1941 г. враг был на подступах к Москве. Наша часть стала формировать маршевые роты, батальоны по разным специальностям: авиадесантные, артиллерийские, минометные и др. Я попал в артиллерийский дивизион 45-мм пушек наводчиком. Ускоренным методом изучали теорию стрельбы, материальную часть пушки. Проводили занятия по тактике ведения боя боевыми снарядами.

7 октября нас подняли по тревоге ночью. Неожиданного в этом ничего не было, т.к. все мы ожидали со дня на день отправки на фронт. Командир батареи лейтенант Русаков поставил задачу, что нам необходимо ночью совершить марш к линии фронта в район г. Можайска, занять оборону и ждать дальнейших указаний. Кроме того, противник высадил где-то в этом районе десантные части, поэтому быть готовыми в любую минуту вступить в бой с фашистами.

Прибыли в район сосредоточения без происшествий. В Можайске было тревожно. Все куда-то спешили. Жители, как мы поняли, покидали город и уходили на восток.

Рабочие города, солдаты строили укрепления, устанавливали противотанковые ежи, за городом рыли траншеи и противотанковые рвы. Фашистские самолеты бомбили и на бреющих полетах стреляли по работающим. Для обороны Москвы под Можайск прибывали новые военные части – сибиряки.

Бои шли где-то в районе Бородино. Слышались артиллерийские выстрелы и приглушенные звуки разрывов снарядов. По всему было видно, что фронт недалеко.

Командование Советской Армии принимало меры по укреплению обороны Можайска. Наши противотанковые батареи заняли заранее подготовленные оборонительные рубежи. Задача состояла в том, чтобы на

случай прорыва немецких танков встретить и разгромить их. Наши 45-мм противотанковые батареи входили в 121-[й] стрелковый полк.

Охранять заданный район и умереть, но позиции не сдавать – такова была поставлена перед нами задача. Мы еще находились под впечатлением недавно принятой присяги и это боевое задание мы приняли как что-то священное.

Первые дни пребывания на передовой линии фронта нас тревожило. Это естественно. Мы ведь не видели еще живого немца и пороху по-настоящему не нюхали. А «у страха глаза велики», – говорит пословица. Как поведем себя, когда пойдут танки противника? Одно дело говорить и бить себя в грудь, что мы не дрогнем, другое – когда окажешься в бою один на один с врагом сильным, опытным, который захватил пол-России.

Погода была холодная. Сырой ветер пронизывал насквозь. Поэтому днем часто собирались у костра. Командира нашего, видимо, тоже беспокоит эта мысль: «Устоим ли?».

– Немцы рвутся в Москву, – говорит он. – Бой предстоит нам жестокий. Надо остановить гитлеровцев, а потом гнать его с нашей земли.

– А если он все же прорвется к Москве? – спрашивает один солдат. – Тогда что будем делать?

– Бить врага – вот что, – замечает его сосед, сидящий слева. – Мы на своей земле и поэтому будем бить фрицев всюду. А Москву мы не отдадим – никаких «если».

– Правильно. Москву мы отстоим. Не вешайте носы, хлопцы! – говорит командир. Он берет горсть земли и замечает: – Вот она родная земля, политая кровью. Нам ее защищать. Мы теперь уже научились воевать, да и силенок стало больше.

– Почему же мы не наступаем, а обороняемся? – не унимался все тот же солдат.

– Будем наступать, придет время. Надо сначала переломать кости фрицам. В том и задача наша, чтобы ни шага назад, а громить его здесь, на подступах к Москве.

Беседа состоялась полезной. Расходимся по своим местам каждый со своими мыслями. [...]*

В небе послышался мощный гул. «Юнкерсы» подходили с запада. В полдень 13 октября по переднему краю нашей обороны, по огневым точкам стали бомбить немецкие самолеты. Волна за волной они непрерывно пикировали на нашу передовую.

Разрывы справа, слева, впереди, сзади. Все грохотало и ревело, словно в аду. Этот огненный смерч бушевал, сжигая все живое. Казалось, что сама земля горит, и огненные всплески разлетались по сторонам, ударяясь об укрытия, в котором прятались бойцы. Сколько длилась эта бомбежка? Казалось, вечность.

Все заволочло дымом. Не видать ни своих, ни фашистов. Но вот бомбежка прекратилась, самолеты скрылись. Наступила минутная тишина.

Мы поднялись, отряхиваясь от снега, перемешанного с землей, которым нас присыпало. Первым делом осмотрели пушку – много царапин, но ствол и замок не поврежден. Вести огонь можно. Вскоре появились немецкие танки. Они двигались сначала в цепочку, а потом пошли развернутым строем. За ними шла пехота. Видно было, что фашисты идут во весь рост, не спеша. Они рассчитывали, что огневой смерч полностью уничтожил нас. Мы же, глубоко зарывшись в землю, в щели-блиндажи, терпеливо ждали, чтобы, подпустив ближе, всем вместе ударить по врагу. И вот момент настал. Командир батареи Русаков подал команду:

– Первому орудью ориентир два, прямой наводкой... Второму орудью ориентир номер три... Огонь! Огонь!

Что и говорить, волнение огромное. Сердце так колотит в груди, словно, хочет вылететь наружу. А руки делают свое. Вот поймал на середину перекрестия танк. Только бы не промазать! Веду ручкой горизонтальной наводки, нажал на спуск, прогремел выстрел. Танк остановился, задымил. Очевидно, угодил в моторное отделение. Для уверенности всаживаю еще два бронебойных. Вражеский танк вспыхивает огнем. Перевожу огонь на другой танк. Вместо волнения появился азарт и ненависть. Заряжающий вначале как-то тихим, робким голосом кричал «готово», а тут уже горланил во все горло.

Страх как рукой сняло со всего расчета. Каждый выполнял четко свое дело, как единый механизм. Метким огнем из четырех орудий было остановлено продвижение немецких танков. Пять вражеских машин горели на поле боя. Остальные танки стали пятиться назад.

Однако вскоре атака повторилась. Немцы атаковали при поддержке самолетов, которые висели в воздухе постоянно. Нет ничего хуже, чем быть беззащитным от нападения вражеской авиации. Зенитных установок было мало – отдельные, робкие, казалось, неприцельные выстрелы по самолетам не причиняли им вреда. И все же солдаты, оборонявшие доверенные им рубежи, стояли насмерть. Из укрытий наши бойцы-истребители танков забрасывали их бутылками с горючей жидкостью. Пулеметчики, автоматчики истребляли немецкую пехоту. Кровавопролитную схватку вели целый день. Наши солдаты, неся большие потери, не отступили ни на шаг. Пятнадцать вражеских танков остались на поле боя. На черном, изрытом воронками поле, перемешанном со снегом, чернели сотни немецких трупов. На следующий день повторилось все сначала. Потом еще ночь, еще день. И так каждый день.

Фашисты усилили минометный обстрел и бомбежку с воздуха. Под прикрытием авиации пошли в атаку танки и пехота. Наши артиллеристы несли потери, соседняя батарея была сбита немецкими танками. Однако фашистам не пришлось далеко пройти. Какой-то храбрец солдат метко бросил бутылку с горючей жидкостью и поджег один. Немцы бросили горящий танк и стали выбираться из него, но тут же нашли себе могилу.

Наша батарея оказалась во фланге наступающего врага. Подпустив немцев метров на 400-500, мы открыли огонь. Неожиданный огонь с фланга ошеломил противника. Воспользовавшись замешательством, батарея вывела

из строя еще 4 танка. Вражеские машины, заметив нас, развернулись и пошли в лобовую атаку, стреляя на ходу. Осколком убит наш заряжающий. Вот слева от нас на большой скорости идет вражеский танк. Встав за прицел, я выстрелил. Танк остановился, развернулся на левой гусенице, подставив правый борт. Еще послал два снаряда. Черным дымом заволокло машину. Вдруг резкий, оглушительный взрыв полыхнул мне в лицо, обдавая жаром. Взрывной волной меня отбросило в сторону. Моментально потерял сознание. Когда пришел в себя, почувствовал боль в правой ноге. Шумела голова. Во рту ощущалась горечь от попавшей земли. Боль в ноге не давала мне подняться.

Бой продолжался. За прицел встал сам командир батареи. Кончились боеприпасы. Враг продолжал наступать, бросая в бой все новые силы. Фашисты решили во что бы то ни стало сломить наше сопротивление и овладеть Можайском. Лейтенант Русаков собрал всех оставшихся в живых и всех, кто мог еще держать в руках оружие, в один боевой кулак. «Ни на шаг не отступать», – поклялись бойцы. Только поздно вечером, когда наступило затишье, с помощью медсестры, самоотверженно работавшей на поле боя, всех раненых бойцов отправили в санбат, а затем тяжелораненых эвакуировали в госпиталь в г. Горький.

Сейчас затрудняюсь даже сказать, сколько всего вражеских танков уничтожила наша батарея. Да это, наверное, и не столь важно. Главное в том, что мы с честью выдержали испытания, не посрамили землю русскую, не дрогнули перед «стальными чудовищами», а научились бить их, как говорят, «и в хвост, и в гриву».

Оглушенный взрывом, я на время потерял слух. А очень хотелось узнать, что стало там с нашими, поговорить с соседом, отвести душу. Но, увы, я ничего не слышал. До сих пор не знаю, как сложилась судьба моих однополчан.

ГАСПИТО. Ф. П-9019. Оп. 1. Д. 1572. Л. 3-5, 10-12. Подлинник.

---

* Опущены воспоминания о детских годах.

№ 1289

Из воспоминаний А.И. Комарова¹⁹

13 января 1993 г.

[...]*. В августе 1941 г. был призван в Советскую Армию и назначен комиссаром отдельной автомобильной роты подвоза 39-[й] отдельной курсантской стрелковой бригады, которая формировалась в городе Алма-Ата Казахской ССР.

В сентябре-октябре 1941 г. вместе с командиром роты капитаном Галициным формировал автомобильную роту. В конце октября рота была сформирована, укомплектована личным составом и необходимым

количеством грузовых и специальных машин. В ней насчитывалось около 200 человек солдат и офицеров, 92 автомашины и 3 мотоцикла. Партийная прослойка в роте была небольшой, большинство личного состава составляли комсомольцы.

В середине ноября 1941 г. наша бригада была направлена на фронт. Эшелоны бригады по железной дороге продвигались довольно быстро. Этого требовала сложившаяся трудная военная обстановка.

В конце ноября мы разгрузились под Москвой и сосредоточились в районе деревни Домодедово. Здесь под Москвой личный состав роты получил первое боевое крещение и начал учиться тому, как надо работать и преодолевать трудности в любых фронтовых условиях.

На фронте коренным образом преобразовывались формы и методы всей воспитательной работы с личным составом. Я, как молодой комсомолец, в своей практической работе с личным составом, во взаимоотношениях с ними старался действовать в духе традиций лучших комсомольцев Красной Армии в годы Гражданской войны.

В Домодедово мы были недолго. Вскоре после успешного контрнаступления советских войск под Москвой в начале декабря 1941 г. наша бригада была перебазируется на Северо-Западный фронт в Осташевский район Калининской области. Отсюда она в составе четвертой ударной армии начала ударное наступление против немецко-фашистских захватчиков. За короткий период прошли с боями в тяжелых зимних условиях свыше двухсот километров, освободили ряд городов и сотни населенных пунктов.

В период наступления бригады личный состав автобригады бесперебойно обеспечивал наступающие войска всеми видами перевозок. На наш взгляд, он проявил высокое мужество и героизм, особенно тяжело досталось водителскому составу. Правильно говорят, что война является тяжелым ратным подвигом для солдата. Для водителей автомашин она была тяжела вдвойне. Стояла холодная зима, морозы достигали 30 градусов. Грунтовые дороги были засыпаны снегом, глубина которого достигала свыше метра. Полученная из хозяйств старая техника часто выходила из строя. Ремонтировать ее приходилось прямо на обочине дороги, в снегу, при сильном морозном ветре.

Можно часто было видеть по пути следования, как наши водители в мороз, в снежные бури лежали под машинами и устранили поломки, которые должны производиться в стационарных мастерских.

Большим бичом для автороты было отсутствие запасных частей и резины, не хватало горючих и смазочных материалов. С целью устранения этого недостатка по инициативе комиссара в роте была создана специальная группа, которая занималась извлечением запасных частей из разбитых своих и трофейных автомашин и добычей трофейного горючего.

Дороги для фронтовых водителей были опасными. Их не только постоянно бомбили самолеты противника, но и были случаи, когда с

оружием в руках приходилось им выступать против вражеских групп, просочившихся через передний край, или разбитых и скрывающихся в лесах.

Помню хорошо, в роте был такой случай. В феврале 1942 г. 8 автомашин, груженных продовольствием, винтовками, боеприпасами и бельем, были отправлены на передний край. В это время началась снежная буря, которая занесла все дороги. Машина с трудом ночью дошла до деревни Пиченки и вынуждена была остановиться. Рано утром группа лыжников противника численностью до роты, просочившись по лесу через передний край наших войск, развернула наступление на деревню. Водители под руководством парторга роты старшего сержанта Кузнецова оказали сопротивление, обстреляв противника. Но силы были неравны, и врагу удалось захватить деревню, где в снегу стояли наши машины. Как только об этом стало известно в роте, были приняты меры по спасению машин. Немедленно была создана из водителей вооруженная команда в составе 15 человек и отправлена в деревню. Команду возглавил комиссар роты. На санках мы везли с собой бочку горючего и канистру масла. По пути следования в деревню наша команда вошла в состав подразделения соседней дивизии, передвигавшейся на передний край. Совместными усилиями двух подразделений противник к вечеру был выбит из деревни. А ночью под бомбежкой и обстрелом авиации противника 7 машин были выведены из деревни и доставлены в расположение роты. Одна машина и все имущество, которое везла машина, были уничтожены противником.

В апреле 1942 г. наша бригада была выведена с фронта на переформирование в город Кимры Калининской области. Здесь на ее базе под командованием полковника А.Ф. Болотова формировалась 88-[я] стрелковая дивизия. В это время я был назначен старшим инструктором политотдела дивизии по тыловым частям соединения. Мне было присвоено звание старший политрук.

В политотделе я познакомился и длительное время работал с интересным человеком, писателем С.М. Бубенновым, который работал лит. сотрудником в нашей дивизионной газете «За Родину», а после войны опубликовал книгу «Белая береза» и получил за нее Государственную премию. Этот человек оказал на меня большое положительное влияние.

Задача старшего политрука политотделения состояла в том, чтобы обеспечивать четкую работу всех тыловых подразделений дивизии в обеспечении всем необходимым как в период наступательных боев, так и в обороне. Кроме того, он выполнял все другие задачи, которые выполнял политотдел.

Вскоре после назначения мне пришлось по заданию начальника политотдела батальонного комиссара А.П. Дюмина уже в Кимрах выполнять две важные задачи. В это время в армии очень остро стоял вопрос об экономии расходования продовольствия, обмундирования, сохранении боевой техники и вооружения. В одной из директив начальника Главного политического управления Советской Армии товарища Щербакова указывалось, что наше государство – не «бездонная бочка». Прежде всего,

было решено проверить правильность выдачи хлеба дивизии местными пекарями. Дело в том, что дивизия поставляла местным пекарям хорошую муку, а они обеспечивали нас готовым хлебом. Во время проверки выяснилось, что по стандарту наша мука давала 53 % припека, а пекарни нам начисляли только 48 % припека. За месяц с лишним пребывания в городе дивизии нам недодано было свыше 15 тонн хлеба. Командование дивизии предъявило руководству местных пекарен претензии, и оно вынуждено было компенсировать недостаток.

Потом мы проверили хранение на складе боеприпасов. Во время премирования дивизия получила три боекомплекта боеприпасов. Склад боеприпасов был размещен в сосновом бору на окраине города Кимры. Место для хранения было выбрано неудачное, низкое. Стеллажи под ящики не сделали, а разместили их прямо на земле. Сверху они тоже были не прикрыты. Во время дождей часть боеприпасов была затоплена водой. Во время проверки было обнаружено, что боеприпасы покрылись коррозией, и часть их пришла в негодность. Результаты проверки были доложены командованию дивизии. Порядок хранения боеприпасов был восстановлен. За халатное отношение к хранению боеприпасов начальник артснабжения получил взыскание. Мне же был предоставлен пятидневный отпуск для поездки на Родину.

В июле 1942 г. наша дивизия была отправлена на Западный фронт. В августе она участвовала в Ржевско-Сычевской наступательной операции. В районе Погорелого Городища прорвали глубокоэшелонированную оборону противника и за месяц с тяжелыми боями продвинулись более чем на 50 километров, освободив десятки населенных пунктов.

Все части и подразделения, которые курировал старший инструктор политотдела по тыловым частям, успешно справлялись с поставленными перед ними задачами и способствовали наступающим войскам громить врага.

Во время наступательных операций наших войск политотдел дивизии занимался не только воспитанием личного состава, но и восстановлением разрушенных фашистами колхозов, совхозов, сельских Советов, организацией уборки урожая, посевом в хозяйствах. Основную обязанность в решении этих вопросов выполнял старший инструктор политотдела по тыловым частям.

Хорошо помню случай, как мы организовали посев озимых в одном из восстановленных колхозов (название не помню) села Кошелева, расположенного на берегу Осуги в Калининской области. Время подошло сеять, а лошадей в колхозе не было. Колхозники обратились к командованию дивизии с просьбой о помощи. Начальник политотдела обязал меня организовать помощь колхозу. Такая помощь была оказана. Солдаты автороты под руководством политрука** роты техника-лейтенанта Доли отремонтировали один из заброшенных тракторов на поле боя и использовали его для посева. Когда трактор заработал на поле, сбежались все жители села, как в начале коллективизации, чтобы посмотреть его работу. Со слезами радости на глазах они благодарили воинов Советской Армии за

оказанную помощь разоренному войной колхозу. После посевной трактор был оставлен в селе. Это был первый трактор в колхозе, который он получил после освобождения от немецко-фашистских захватчиков.

В марте 1943 г. с фронта был направлен на учебу на курсы старшего политсостава Западного фронта в группу комиссаров штабов дивизий. Но пока мы собирались на них, Главное политическое управление Советской Армии упразднило эти должности в войсках, и я был зачислен [зам.] командира по политчасти.

В июле 1943 г. успешно закончил учебу на курсах. После окончания учебы был назначен заместителем командира 1-го батальона 133-[й] стрелковой дивизии. Командиром дивизии был наш земляк [из] Тамбовской области капитан Крючков.

В августе 1943 г. прибыл к месту назначения. В это время наша дивизия начала бои за освобождение города Смоленска. В боях за освобождение города наш батальон принял самое активное участие.

После освобождения города Смоленска наша дивизия продолжала наступление. Западнее Смоленска противнику удалось остановить наше наступление. Дивизия заняла оборону.

В декабре 1943 г. наша дивизия была переброшена на 1-й Украинский фронт в район _____***. На этом фронте мне пришлось воевать недолго.

На 20 января 1944 г. 521-[й] стрелковый полк получил приказ наступать на большое село Баштечки. Ночью наш батальон подошел к селу и занял оборону. Рано утром прогремел залп дивизиона «катюш» по противнику, который служил сигналом для атаки. Первый батальон поднялся во весь рост и с криками «Ура!» пошел в атаку. Противник оказал жестокое сопротивление. Противник занимал более выгодную позицию. Перед самым селом проходила высокая насыпь узкоколейной железной дороги и доходила до сахарного завода, расположенного недалеко от села. Батальон вынужден был остановить наступление. В такой обстановке командование батальона приняло решение создать ударную группу автоматчиков численностью около взвода и направить ее в обход села в тыл противника, создать угрозу окружения. Создать и командовать ударной группой было поручено заместителю командира по политической части. Такая группа была создана, укомплектована она была коммунистами и комсомольцами.

Под покровом темноты и сильным артиллерийским и минометным огнем противника ударная группа проникла в тыл противника, создала угрозу окружения. В рядах врага началась паника. Это позволило нашему батальону сделать новый рывок в наступлении. В ночь на 21 января батальон занял село Баштечки. В этом бою я был тяжело ранен и отправлен на излечение в город Саранск Мордовской автономной республики, где находился почти полгода.

После госпиталя на фронт не пустили, а направили заместителем командира отдельного батальона 26-[й] запасной стрелковой дивизии Одесского военного округа, которая дислоцировалась в городе Первомайск.

В марте 1945 г. из запасной дивизии был направлен на учебу в Высший военно-педагогический институт имени М.И. Калинина, который размещался сначала в городе Ташкенте, потом в Ленинграде. Окончание войны встретил в институте. [...]****.

ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 1. Д. 16. Л. 19-25. Подлинник.

* Опущены биографические сведения довоенного периода.

** Слово *политрука* вписано карандашом вместо зачеркнутого слова *полпотеха*.

*** Так в документе. Географическое название не указано.

**** Опущены биографические сведения послевоенного периода.

№ 1290

Воспоминания С.И. Савостьянова*

Дата не установлена

Я был тогда бойцом моторизованного стрелково-пулеметного батальона 22-й танковой бригады. 6-7 декабря 1941 г. наши войска перешли в наступление. Враг был отогнан от Москвы на Можайском направлении километров на тридцать пять. Затем наша бригада перешла на Волоколамское направление и мы подошли к деревне Денисихе. Это километров 180 от Москвы, около города Рузы. Эту деревню нашей бригаде предстояло освободить совместно с конниками действовавшего здесь кавалерийского корпуса.

Операция готовилась тщательно. На исходных позициях в лесу в боевом порядке расположились танки. На одном из них в составе десанта находился и я.

В восемь часов утра началась артиллерийская подготовка. После короткого, но сильного, артналета, «заиграли» наши «катюши». Сначала двигались мы на танках десантом, затем из-за сильного огня противника мы вынуждены были с танков сойти, залечь и действовать в пешем строю. В ходе боя четыре наших танка были подбиты, мне с двумя бойцами удалось пробиться к деревне Денисиха. Оказалось, что в ней и был немецкий штаб. Кругом много фашистов. Мы забросали их гранатами, а потом подобралась к блиндажу, из которого немцы вели огонь. Мы забросали немцев гранатами и захватили блиндаж. Устроившись за косяком двери, я вел огонь по немцам, которые перебежали по ходам сообщения.

Вскоре немцы поняли, что в блиндаж проникли русские, и начали забрасывать его гранатами. Две первые гранаты я выбросил обратно. Разорвавшись, они осколками ранили нескольких гитлеровцев. Третья граната разорвалась в блиндаже и ранила трех моих товарищей. Я перевязал их и продолжал вести бой.

Начали нас обстреливать из пушек и пулеметов. В блиндаже было много боеприпасов, оставленных немцами, – целый ящик круглых гранат. Я

посчитал, что они мне пригодятся. Огнем из блиндажа я уничтожил трех немцев из противотанкового расчета, затем двух немецких пулеметчиков, которые ползли к блиндажу со станковым пулеметом. Затем я убил еще одного немца, перебежавшего по ходу сообщения в сарай во дворе. Всего я уничтожил около блиндажа, в котором находился, семнадцать немцев, в том числе одного офицера.

Вскоре немцы меня обнаружили. С тыла стал подползать к блиндажу немец со связкой гранат. Он крикнул: «Русь, сдавайсь! Капут!» Это нас еще больше разозлило. Нет, думал я, лучше смерть, чем плен, горькую участь его познал мой отец в первую мировую войну. И я с новой силой продолжал бить фашистов.

Одному немцу удалось бросить в блиндаж связку гранат. Я перехватил ее на лету и бросил обратно. Тот немец был убит собственной гранатой, я продолжал оставаться в блиндаже. В ход пошли немецкие гранаты, которые мы обнаружили в блиндаже. Их было достаточно.

Через какое-то время в деревню ворвались наши артиллеристы, но многие из них погибли от огня фашистов. Затем пошли наши танки. Начала гореть деревня. Немцы начали перебегать из штаба в другие места. В это время я из автомата уничтожил еще пять гитлеровцев. Наши танки двигались по деревне и бой затихал. Немцы отходили. Вскоре к тому месту, где я находился, подъехал командир бригады Веденичев. Он подошел ко мне, я доложил ему о своих действиях. Рядом с командиром бригады было какое-то высокое начальство. Все, что произошло тогда, потом уточнялось и проверялось, а затем мне присвоили звание Героя Советского Союза.

Всего в том бою в деревне Денисиха насчитали семнадцать убитых фашистов. Я-то сам счет убитых фашистов потерял. Из блиндажа я выбросил девять гранат, которые немцы бросили в меня.

Грамоту о присвоении звания Героя Советского Союза, орден Ленина и медаль «Золотая Звезда» мне вручил в Кремле Михаил Иванович Калинин. Затем за этот же подвиг меня наградили английской золотой медалью.

Личный архив Л.Г. Дьячкова. Подлинник.

---

* См. представление С.И. Савостьянова к званию Героя Советского Союза (№ 310).

№ 1291

Из воспоминаний М.С. Хозина²⁰

18 июня 1967 г.

[...]*. 22 июня 1941 г. началась Великая Отечественная война. В июле 1941 г. получил назначение [на должность] зам. командующего Резервным фронтом по тылу²¹ и убыл на фронт в г. Гжатск.

Войска Резервного фронта, находясь как бы во втором эшелоне Западного фронта, устраивались для обороны на рубеже городов Белый,

Вязьма, Спас-Демянск. 24-я армия Резервного фронта вела тяжелые оборонительные бои под г. Ельней.

В мою задачу входила обязанность наладить снабжение всем необходимым для жизни, быта и боя. Эта работа довольно трудная и сложная, тем более фронт только что организовывался, каждый день прибывали войска, их надо было устраивать и вооружать, а в оружии был недостаток. Дело доходило до того, что в Москве было изъято все учебное оружие из организаций Осоавиахима и направлялось после ремонта в войска. На московских предприятиях было организовано производство минометов для частей Резервного и Западного фронтов. Обстановка была крайне нервная, настроение у многих людей населения Москвы и Подмосковья было подавленное. На военных смотрели, правда, вслух не говорили, а читать по выражению лиц можно было так: «Что ж мы вас лелеяли, все вам отдавали, а вы немца допустили к Вязьме. Что-то будет дальше?». В середине сентября сложилась также крайне тяжелая и острая обстановка под Ленинградом. Ставка Верховного Главного Командования назначает генерала армии т. Жукова Г.К., ныне Маршала Советского Союза (в то время он был командующим фронта резервных армий), командующим Ленинградским фронтом, а меня к нему начальником штаба фронта.

В ставке нам была дана устная директива примерно следующего содержания: «Летите в Ленинград, разберитесь на месте, что там делается, и примите надлежащие меры. Опираясь на ленинградскую партийную организацию и героический рабочий класс Ленинграда – или вы спасете Ленинград, или вам грозит позорный плен».

Вот с такой директивой новое командование Ленинградского фронта прилетело 13 сентября 1941 г. в Ленинград.

Когда мы прибыли в Смольный, где размещался штаб фронта, у командующего фронтом (тогда им был Маршал Советского Союза т. Ворошилов) шло совещание руководителей гражданских и военных организаций. Совещание было прервано, я вручил т. Ворошилову пакет с приказом Ставки, в котором было изложено, что он освобождается от командования Ленинградским фронтом и отзывается в распоряжение Ставки. Я, как н[ачальни]к штаба, приступил к сбору данных об обстановке. Устойчивой связи с армиями штаб фронта не имел, а если и удавалось на короткий срок установить связь, то там, как правило, в штабах армий не оказывалось налицо ни командира, ни члена Военного совета, ни н[ачальни]ка штаба армии. Они все были в войсках, а войска с тяжелыми боями отходили на Ленинград. Но, тем не менее, принятыми мерами были более или менее собраны правдивые данные об обстановке. К 16 часам 13 сентября эта обстановка была следующая.

В районе Красное Село оборонялась бригада морской пехоты, которая, понеся большие потери, не выдержав натиска немцев, оставила Красное Село и отошла частью на Петергоф (ныне Петродворец), а частью на Горелово (это уже пригород Ленинграда).

42-[я] армия к этому времени на всем фронте с боем совершила отход, ее правый фланг – это морская бригада, как я уже сказал выше, отошла на Горелово и оставила Горелово. Центр и левый фланг с тяжелыми боями отходил на Койеровские и Пулковские высоты. 55-[я] армия вела оборонительные бои на подступах к гг. Пушкин, Колпино. Левый фланг армии упирался в реку Нева у населенного пункта Пороги. На правом берегу р. Нева от Пороги до Ладожского озера на широком фронте оборонялась Невская оперативная группа. 8-[я] армия отходила вдоль побережья Финского залива и вела тяжелые бои в районе Копорье. 23-[я] армия, оборонявшаяся на Кар[ельском] перешейке, под натиском финской армии отходила на Ленинград и должна была сесть для обороны Карельского укрепленного района.

Каково же было наше возмущение, когда командованию фронтом стало известно, что Карельский укрепленный район в дотах и дзотах не имел ни орудий, ни пулеметов, ни постоянных гарнизонов.

В свое время до войны я служил в Ленинградском округе и, когда был зам. командующего и командующим ЛВО, уделял большое внимание совершенствованию Карельского укрепленного района. За 1937, 38 и 39 гг. было построено много новых дотов, произведена расчистка обстрела и обзора, проведена пристрелка артиллерийских и пулеметных дотов. По результатам пристрелки были составлены огневые карточки, и вся большая нужная работа, как говорится, пошла прахом. Прежний Карельский УР был разоружен.

Почему так получилось? А получилось так вот почему. После советско-финской войны 1939-40 гг. государственная граница с Финляндией была отнесена за Выборг, и по линии новой границы начали строить новый укрепленный район, и для его вооружения было снято оружие и гарнизоны с Карельского укрепрайона. К началу войны строительство нового Выборгского укрепрайона не было окончено. Это еще раз свидетельствует о неадекватности в оценке международной обстановки того времени военно-политическим руководством страны, тем более [что] в это время уже началась вторая мировая война.

В условиях чрезвычайно тяжелой обстановки на Ленинградском фронте новому командованию пришлось принять ряд чрезвычайных мер, чтобы стабилизировать фронт под Ленинградом. Из основных мероприятий были проведены следующие.

Во-первых, были организованы заградительные офицерские патрули, в задачу которых входило задержание отходивших с линии фронта одиночек и групп солдат и передача их в ближайшие войсковые части. Отходившие подразделения во главе с офицерами и сержантами, но потерявшие связь со своими частями, останавливались и располагались для обороны на окраине города и пригородных поселков. Эти подразделения также передавались в подчинение ближайших частей.

Во-вторых, командование фронтом потребовало от командиров всех степеней наладить твердое управление войсками и без разрешения

вышестоящего штаба не покидать своего командного пункта. Перемещение командных пунктов производить только с разрешения вышестоящего начальника и при условии наличия связи на новом командном пункте.

В-третьих, был отдан приказ войскам фронта, что отход с рубежа Урицк–Пулково–Шушары–Колпино будет рассматриваться как тягчайшее преступление перед Родиной.

В-четвертых, для обороны Ленинграда в секторе Финский залив–Пулковские высоты привлечь артиллерию Краснознаменного Балтийского флота (береговую и корабельную). В этом же секторе зенитную артиллерию привести в горизонтальное положение для борьбы с танками и пехотой противника.

В-пятых, штабу фронта со штабами видов вооруженных сил и родов войск доработать план обороны города.

Эти мероприятия позволили внести организованность в действия войск, повысить их сопротивляемость и устойчивость в бою. Но, тем не менее, противник продолжал наступать. 15 сентября он вышел на Петергофское шоссе между Ленинградом и Стрельной. 10-[я] и 11-[я] стр. дивизии 42-[й] армии оказались отброшенными к Петергофу и попали в полосу 8-[й] армии. 19 сентября противнику удалось захватить Урицк и Финское Койрово. К утру 21 сентября немцы взяли Стрельну. Бои завязались на восточной окраине Петергофа. Противник вышел на побережье Финского залива и стал угрожать базе Балтийского флота – Кронштадту.

23 сентября утром противник после сильной артиллерийской и авиационной подготовки перешел в наступление. К тому времени наша артиллерия в южном секторе была уже централизована. Огонь артиллерии 42-[й] армии, артиллерии Краснознаменного Балтийского флота и зенитной артиллерии южного сектора ПВО Ленинграда был сосредоточен по противнику, наступающему из района Кискино, Финское Койрово. Огонь настолько был силен, настолько был мощный, что атака противника была сорвана. В течение этого дня немцы еще раз пытались атаковать, но опять понесли потери и откатились на исходное положение. После этих боев наша разведка установила, что противник на всем фронте под Ленинградом начал строить траншеи, блиндажи, устанавливались проволочные заграждения и мины. Таким образом, противник убедился, что открытой силой Ленинград не взять и сам перешел к обороне.

В конце сентября 1941 г. для деблокады Ленинграда была сформирована 54-[я] армия. Начавшаяся операция 54-[й] армии из района Волхова в направлении Мга не имела успеха. В первых числах октября Ставка назначает меня командующим 54-[й] армией. В этой армии пришлось много поработать, чтобы сделать ее способной выполнять поставленные перед ней задачи.

Противник засыпал эту армию листовками, призывая уроженцев Украины и Белоруссии переходить на сторону немцев и не медлить с переходом на их сторону, иначе они могут опоздать к дележу колхозной земли на оккупированной территории. Надо было разбить эту гнусную

злостную агитацию, призвать солдат сплотиться вокруг Коммунистической партии и Советского правительства, чтобы защитить наш советский государственный и общественный строй. Проведенная политорганами и парторганизациями работа быстро сказалась на укреплении боеспособности армии, и впоследствии эта армия успешно вела операции по разгрому Тихвинской и Волховстроевской группировок противника.

В октябре в связи с тяжелым положением под Москвой т. Жуков убыл в Москву командовать войсками Западного фронта. В это время немецкая группировка групп армий «Центр» перешла в наступление на Москву, и под Москвой сложилась чрезвычайно острая обстановка.

Меня назначили командующим Ленинградским фронтом, но и на Ленинградском фронте обстановка продолжала оставаться напряженной. Противник, потеряв надежду овладеть Ленинградом штурмом, решил сломить сопротивление Ленинграда голодом, для чего немецко-фашистское командование решило создать вокруг Ленинграда второе кольцо блокады и тем самым заставить Ленинград капитулировать. Для выполнения этого замысла командование немецко-фашистских войск группы «Север» решило предпринять глубокий обход Ленинграда с востока, выделив для этой цели 39-й моторизованный корпус. Замысел операции у немцев был таков: главный удар должен наноситься из района Грузино на Тихвин и далее на Лодейное Поле, чтобы на р. Свирь соединиться с финской армией и тем самым завершить полное окружение Ленинграда. Одновременно предполагалось частью сил нанести удар на Малую Вишеру и далее на Вышний Волочок с целью выхода в тыл войскам Северо-Западного фронта.

16 октября 1941 г. противник начал осуществлять свой план, и после упорных боев противнику удалось 8 ноября 1941 г. овладеть Тихвином. 10 ноября наступление противника в районе Тихвина подошедшими резервами было остановлено. Не добившись успеха в осуществлении своего замысла, немецко-фашистское командование решило перенести свои усилия на Волховское направление. Как только противник начал Тихвинскую операцию, для командования Ленинградского фронта стал ясным замысел немцев, и поэтому, вполне естественно, во всей остроте встал вопрос не допустить осуществления этого замысла.

Начавшееся в октябре 1941 г. сражение на Тихвинском и Волховском направлениях приняло сразу же острые формы борьбы за овладение коммуникациями (путями подвоза) со стороны немцев, за ликвидацию последней артерии через Ладогу, питающую Ленинград. А со стороны советских войск – за прорыв блокады, за сохранение и овладение путями подвоза.

Наличие основных продуктов на 12 сентября в день прибытия нового командования Ленфронта составляло: хлебное зерно и мука – [на] 35 суток, крупы и макаронны – на 30 суток, мясо и мясопродукты – на 33 дня, жиры – на 45 суток, сахар и кондитерские изделия – на 60 суток.

Эти незначительные запасы к середине октября подходили к концу. Подвоз продуктов через Ладожское озеро в силу того, что Ладожское озеро

не было оборудовано пристанями, подъездными путями, да, кроме того, не хватало барж и буксиров, не восполнял ежедневного расхода продуктов. Естественно встает вопрос – почему Ленинград остался без хлеба? На этот вопрос в свое время ответил т. Жданов А.А. Он сказал, что после окончания советско-финской войны в 1940 г. (а в 1941 г. в Москву прибыла финская делегация во главе с Паасикиви²², он в то время был посланником Финляндии в СССР; целью прибытия делегации было заключение торгового договора с СССР) по заключенному торговому договору СССР был обязан за товары, получаемые из Финляндии, поставить продовольствие, и вот это продовольствие решили вывезти из Ленинграда, оставив в Ленинграде трехмесячный запас до нового урожая 1941 г. Вот почему Ленинград оказался без хлеба. Этот факт еще раз свидетельствует о недалекости военно-политического руководства того времени нашей страной. А это, как всем известно, стоило колоссальных жертв со стороны населения Ленинграда. От голода погибли сотни тысяч гражданского населения Ленинграда.

Наступила зима – и на наше счастье довольно морозная, что бывает редко в Ленинграде. Зима настолько была морозная, что сковало льдом Ладожское озеро и позволило нам организовать подвоз продовольствия через Ладожское озеро автотранспортом по дороге жизни. И вот в этих условиях передо мной и Военным советом фронта встал вопрос не позволить немецко-фашистским захватчикам осуществить свой замысел полного окружения Ленинграда. Я доложил в Ставку начальнику Генштаба т. Шапошникову предложение перебросить из Ленинграда 2-3 стрелковые дивизии, 1-2 стрелковые бригады на усиление 54-[й] армии. Создать из этих сил в районе Войбокало–Волхов ударную группировку, которая во взаимодействии с Тихвинской группировкой войск генерала Мерецкова должна нанести контрудар немецко-фашистским войскам, наступавшим на Тихвин и Волхов, разбить эти войска и выйти на фронт Лодва, Кириши, р. Волхов. Из ставки была получена шифровка следующего содержания: «Ставка Верховного Главного Командования, рассмотрев Ваши предложения, изложенные в докладной записке на имя начальника Генерального штаба, их одобряет и приказывает Вам приступить к их осуществлению».

В результате осуществления этого контрудара были разгромлены три дивизии противника и двум дивизиям нанесено серьезное поражение. 16-[я] немецкая армия была отброшена за р. Волхов, а правый фланг 18-[й] немецкой армии был отброшен на фронт Лодва, Кириши. В итоге проведенной операции войсками Ленинградского фронта и Тихвинской группы был сорван план немецко-фашистского командования по созданию второго кольца блокады вокруг Ленинграда. Наши войска ликвидировали Тихвинскую, Волховскую и Мало-Вишерскую группировки противника, восстановили положение, которое было на 16 октября до начала наступления немцев, и тем самым стабилизировали фронт.

11 декабря 1941 г. был создан Волховский фронт. Цель создания этого фронта заключалась в следующем: Ставка убедилась, что одному Ленинградскому фронту не удастся снять блокаду с Ленинграда. Эта задача возлагалась на вновь созданный Волховский фронт.

30.12.1941 г. Волховский фронт получил директиву Ставки. Ставка Верховного Главного Командования поставила задачу Волховскому фронту разбить противника, обороняющегося на Западном берегу р. Волхов, и к исходу (срок в директиве не указывался, а указывался – «по мере готовности войск к наступлению» – и это государств[енным] шифром) главными силами выйти на фронт Любань, ст. Чолово, в дальнейшем наступать на Северо-Западном направлении, окружить противника под Ленинградом и во взаимодействии с Ленинградским фронтом уничтожить или пленить его. Одновременно Ленинградскому фронту директивой Ставки от 30.12.1941 г. ставилась задача активными действиями содействовать Волховскому фронту в разгроме противника, обороняющегося под Ленинградом, и в освобождении Ленинграда от блокады.

13.01.1942 г. началось наступление Волховского фронта и левого крыла Ленинградского фронта (54-[й] армии). Развивалось это наступление медленно, нудно. Бои носили затяжной и тяжелый характер. Войска Волховского фронта и 54-[й] армии Ленинградского фронта очень часто останавливались. Паузы были довольно длительные и разновременные. Наносившая главный удар 2-я армия Волховского фронта вследствие необеспеченности ее флангов попала в тяжелое положение, в окружение.

21 апреля 1942 г. я был вызван в Москву в Ставку. В Ставке я высказал претензии к Ставке, что действия Волховского и Ленинградского фронтов идут несогласованно, и что противник, пользуясь этим, парирует наши удары. Я просил Ставку, чтобы она более централизованно руководила бы Ленинградским и Волховским фронтами, своевременно питала бы фронты живой силой, танками, авиацией, артиллерией и боеприпасами.

Выслушав мой доклад, т. Сталин в присутствии начальника Генерального штаба т. Шапошникова, начальника Оперативного управления т. Василевского и некоторых членов ГОКО предложил Ленинградский и Волховский фронты объединить в единый Ленинградский фронт. Это предложение для меня и для других присутствующих было неожиданным, а главное – ненужным. Но об этом, как было дело, более подробно я скажу позже. Сталину никто не возражил, и такое решение состоялось. Был создан единый Ленинградский фронт в составе двух групп – Ленинградской и Волховской. Командующим Ленинградским фронтом и одновременно командующим Волховской группы войск был назначен я. Здесь же в Ставке устно мне была поставлена задача разработать план и осуществить вывод из окружения 2-й ударной армии Волховской группы. Вывести полностью из окружения 2-ю армию не удалось из-за отсутствия достаточного количества боеприпасов и танков, а главное, из-за предательского поведения командования и начальника штаба 2-й армии, за что эти негодяи по окончании войны получили заслуженную кару советского закона.

Итог зимней кампании 1941-1942 гг. был таков. Войска Ленинградского фронта отстояли Ленинград, сорвали план немецко-фашистского командования создать второе кольцо окружения, но блокады с Ленинграда Ленинградский фронт и созданный Волховский фронт снять не могли. Ленинград голодал и переживал тяжелое время.

Прошло 24 года со времени этих событий. Многих свидетелей этой эпопеи нет в живых, которые могли бы пролить истину на события того времени. Мне представляется, что неудачи, которые постигли Ленинградский и Волховский фронты по снятию блокады с Ленинграда зимой 1941-1942 гг., явились следствием главной и основной причины, выражающейся в том, что политическое руководство страны того времени допустило крупнейшую государственную ошибку, поверив Гитлеру в заключенный с фашистской Германией пакт о ненападении. Сталин не верил данным о прямой подготовке вторжения немецко-фашистских войск на территорию СССР. Он отвергал все предложения о приведении советских войск приграничных округов в боевую готовность. Это явилось одной из причин, что для советских войск нападение гитлеровских армий оказалось внезапным. В результате притупления военно-политической бдительности, используя внезапность, немецко-фашистские войска в начальный период войны подошли к Ленинграду, Москве, заняли Украину и Ростов-на-Дону. Мы потеряли кадровую армию и нам пришлось вновь создавать ее во время войны. Мы оказались без танков, авиации и даже достаточного количества стрелкового оружия. Нам пришлось создавать военную промышленность за Волгой, на Урале и в Сибири.

Немцы начали войну против Советского Союза по трем стратегическим направлениям: первое направление – на Киев, далее Донбасс и Ростов-на-Дону, второе направление – на Москву, третье направление – на север на Ленинград.

Главные силы немецкой армии – 50 дивизий, в том числе большое количество бронетанковых войск – были брошены на Москву. Кроме того, немцы на Московское направление перебросили 4-ю танковую армию из-под Ленинграда.

Советское Верховное Командование, собрав резервы, нанесло сокрушительный удар в решающий исход кампании 1941 г. в битве под Москвой. Советское командование в трудных условиях предприняло контрнаступление под Тихвином, Волховом и Войбокало, которое, как известно, закончилось разгромом немцев и сорвало их план создать второе кольцо вокруг Ленинграда. Несмотря на этот довольно крупный успех, прорвать блокаду Ленинграда без отвлечения значительных сил с других фронтов было невозможно. Враг был еще силен.

Помимо этой главной причины имели место крупные и серьезные недостатки в организации войск, материально-технического их оснащения и снабжения, а также в оперативно-технической подготовке командного состава и штабов. Дело в том, что крупные потери наших войск в первые месяцы войны, перебазирование и создание новой промышленности для

военных нужд не позволили создаваемые новые формирования обеспечить в достаточном количестве артиллерией, минометами, танками и авиацией. Это обстоятельство вынудило наше Верховное Командование создать вместо стрелковых и танковых дивизий отдельные стрелковые и танковые бригады, что резко снизило ударную силу и живучесть этих соединений на поле боя. Были упразднены корпусные управления, что усложнило управление войсками в армейском звене.

В оперативном руководстве войсками также были существенные просчеты. Для такой серьезной операции, как снятие блокады Ленинграда, против сильного и организованного противника войска Волховского и Ленинградского фронтов в зимнее наступление 1941-1942 гг. имели одноэшелонное оперативное построение и без фронтовых резервов.

Все эти вместе взятые ошибки приводили к потере темпов наступления. Так, например, в зимней наступательной операции 1941-42 гг. Волховского фронта и 54-й армии Ленинградского фронта наступление началось 13.01.1942 г., а закончилось 30.04.1942 г., т.е. длилось 3,5 месяца. За это время войска Волховского фронта, его 2-я ударная армия продвинулись на 75 км, а 54-я армия Ленинградского фронта – на 25 км. Среднесуточное продвижение составляло на Волховском фронте – 800 метров, а на фронте 54-й армии – 200 метров.

Из вышесказанного следует, что истинная причина неудачи зимнего наступления Волховского и Ленинградского фронтов заключалась, помимо отсутствия достаточной подготовленности войск, командного состава и штабов, главным образом, в слабой оснащенности войск артиллерией, боеприпасами, танками и авиацией. Войска без достаточного оснащения техникой не имели достаточной ударной силы, поэтому и темпы наступления были ничтожны.

В июне 1942 г. я был направлен на Западный фронт командующим 33-й армией. В августе 1942 г., как известно, сложилась тяжелая обстановка под Сталинградом. В целях притянуть на себя немецко-фашистские войска и не допустить частичной переброски их под Сталинград, Ставка приказала Западному фронту провести ряд частных операций. Для проведения такой операции на Вяземском направлении была назначена 33-я армия. Организация и руководство операцией было возложено на меня. Операция прошла успешно, и цель операции была достигнута.

В октябре 1942 г. я был назначен зам. командующего войсками Западного фронта. Всю зиму 1942 г. и весну 1943 г. Западный фронт вел подготовку к наступательным операциям, которые должны быть проведены летом и осенью 1943 г. В подготовке этих операций я принимал самое деятельное и активное участие. В декабре Западный фронт на своем правом фланге совместно с Калининским фронтом вел операцию по освобождению Ржева. В процессе этой неудачной операции, особенно постигшей 20-ю армию, которая понесла большие потери в живой силе, танках и коннице, для исправления положения командующий Западным фронтом т. Конев и представитель Ставки т. Жуков вызывают меня (а я в это время находился в

33-й и 5-й армиях Западного фронта, где проводил подготовку к наступательной операции) и приказывают мне прибыть на ВПУ фронта в район Погорелое Городище. Всю ночь в пургу я ехал на «виллисе» на ВПУ фронта.

Прибыв на ВПУ фронта, явился к командующему фронтом т. Коневу. Он в присутствии представителя Ставки объявил мне, что решением Ставки я назначен командующим 20-й армией вместо генерала Кирюхина. От них я получил устную директиву: «Кирюхин злоупотреблял спиртными напитками, выпустил из своих рук управление войсками армии, а немцы, можно сказать, держатся еле-еле, и стоит на них сделать еще нажим и победа будет за нами». Когда я прибыл в штаб армии, то начальник штаба, начальник оперативного отдела и член Военного совета доложили совершенно другое. В связи с такой информацией, явно противоречивой, я решил при следовании на наблюдательный пункт побывать в 3-4 дивизиях, в танковом корпусе и в кавалерийском корпусе. Прибыл в правофланговую дивизию, командовал ею т. Городовиков (племянник героя Гражданской войны т. Оки Ивановича Городовикова). Командир дивизии т. Городовиков незадолго до войны окончил Академию им. Фрунзе. Тов. Городовиков доложил, да я и сам убедился, что дивизия не боеспособна. Пехотных подразделений в дивизии не было. Из пехоты только сохранились взводы автоматчиков, которые располагались на КП командиров полков. Боеприпасы для артиллерии все были израсходованы, остался только неприкосновенный запас. Танков также оставалось единицы. Большинство танков, выделенных в качестве непосредственной поддержки пехоты, было выведено из строя. Примерно такое же положение было и в соседних дивизиях (одной из них командовал т. Кулешов, а другой – не помню). Затем я посетил 6-й танковый корпус (командовал им т. Упман, герой гражданской войны в Испании). Танковый корпус также понес серьезные потери. Из всего корпуса можно было собрать 15-20 танков, годных для боя. У командира 2-го конного корпуса ген. Крюкова одна дивизия была введена в прорыв. Немцы ее пропустили, а затем закрыли прорыв. Ген. Крюков остался со второй дивизией, которая в бой не была введена. В резерве армии была одна стрелковая дивизия, которая комплектовалась прибывшим пополнением, была не сколочена и представляла собой сырой материал.

Вот такое состояние 20-й армии говорило о том, что ни о каких наступательных действиях не могло быть и речи. О чем я и доложил командующему фронтом. Последовала отчаянная ругань с обвинением меня в трусости, и каких только эпитетов по моему адресу не отпускалось. Пришлось положить трубку телефона ВЧ и прекратить разговор. Не знаю, по какой причине – вероятнее всего, кто-то подсказал – вдруг раздается вызов по ВЧ. У телефона был Сталин, он приказал доложить ему состояние армии. Я ему доложил всю правду, какая она только была в этот день и час. После этого Сталин спросил: «Какие будут ваши предложения?». Я ему ответил, что ни о каком наступлении не может быть и речи. Надо наступление прекратить и закрепиться на достигнутых позициях, вывести все дивизии,

которые в силу больших потерь утратили свою боеспособность, в резерв фронта и Ставки для доукомплектования и их боевой подготовки. Танковый и конные корпуса также вывести в резерв фронта или Ставки для тех же целей, что и стрелковые дивизии. Сталин мне сказал: «Мы посоветуемся в Ставке и сообщим Вам решение. К Вам будет одна просьба – продумайте, как сделать, не представится ли возможным провести частную операцию с целью перерезать железную дорогу Ржев–Вязьма?». Для того чтобы выполнить эту задачу, надо было овладеть опорным пунктом Жеребцово, сильно укрепленным немцами.

Через некоторое время последовал звонок из Ставки. Ставка согласилась с моим предложением и приказала привести армию в порядок, все излишние дивизии и корпуса – по сути говоря, обозначавшиеся только флажками (на карте), – вывести в резерв. Одновременно приказывалось приготовить и провести частную операцию по перехвату железнодорожной линии Ржев–Вязьма.

Совместно со штабом и ближайшими помощниками мы подготовили и провели частную операцию. Железной дорогой физически не овладели, практически не дошли до полотна железной дороги метров 200-300, и, конечно, всякое движение не только днем, но и ночью было прекращено и стало невозможным. После этого боя на фронте наступило затишье. Подходил новый 1943 г. и вот в ночь под Новый год я получил приказание отдать 20-ю армию т. Берзарину (впоследствии герой штурма Берлина) и прибыть в Ставку.

1 января 1943 г. в 10⁰⁰ я прибыл в Москву. Примерно через час-полтора в Генштаб, который в то время помещался на ст. метро Кировская, прибыл т. Жуков. Тов. Жуков пригласил меня в кабинет и сказал, что в 14⁰⁰ поедет к Верховному Главнокомандующему т. Сталину в Кремль. В назначенное время мы были в Ставке. Там я ознакомился с предстоящей операцией, которую должен был провести Воронежский фронт. Эта операция вошла в историю Великой Отечественной войны под названием «Острогожско-Россошанская операция 1943 г.». Это была наступательная операция войск Воронежского фронта, которая имела целью окружение и уничтожение крупной группировки противника на Дону в р-не городов Острогожск и Россошь.

2 января 1943 г. специальным поездом я вместе с т. Жуковым убыл в Анну Воронежской области в штаб Воронежского фронта, где получил назначение быть представителем Ставки Верховного Главного Командования при 3-й танковой армии. Командовал 3-й армией генерал-майор Рыбалко, впоследствии Герой Советского Союза, Маршал бронетанковых войск. Операция была проведена с 13 по 27 января 1943 г., закончившаяся окружением и уничтожением крупной группировки противника на среднем течении Дона в р-не городов Острогожск и Россошь. В итоге этой операции была полностью разгромлена 4-я венгерская армия и Альпийский корпус Итальянской армии. Одних пленных было взято более 40 тысяч, а также были созданы условия для разгрома 2-й немецко-фашистской армии,

оборонявшейся в р-не Касторное–Воронеж, и наступления на Харьковском направлении.

После завершения Острогожско-Россошанской операции в конце января 1943 г. Ставка Верховного Главного Командования решила провести крупную операцию на Северо-Западном фронте. Цель этой операции – разгром немецко-фашистских войск, стоящих перед Ленинградским и Волховским фронтами, и снятие блокады Ленинграда.

Прорыв фронта противника южнее Старой Руссы должен совершить Северо-Западный фронт, и в образовавшийся прорыв должна войти механизированная группа в составе 1-й танковой армии и 68-й общевойсковой армии. Эта группа должна была нанести удар в направлении Дно–Псков. Командование этой группой было возложено на меня. Прибыв в конце января на Северо-Западный фронт, я приступил к формированию и сосредоточению войск группы. На формирование группы ушло 2 месяца (февраль, март).

В 1943 г. была ранняя весна, в конце марта и в начале апреля наступила распутица. Операцию такого крупного масштаба в условиях множества рек, речек и болот в р-не Старая Русса, Дно в Новгородской и Псковской областях в это время года проводить было нельзя. Ставка Верховного Главного Командования согласилась с моими доводами и операция была отменена, что по моему личному убеждению было сделано правильно.

1-я танковая армия была отправлена под Харьков, а 68-я армия была передана в состав Северо-Западного фронта. Я возвратился на Западный фронт на прежнюю должность зам. командующего фронтом.

Прибыв на Западный фронт, я непосредственно включился в проведение Ржевско-Вяземской операции, которая проходила в марте и апреле и преследовала цель ликвидации Ржевско-Вяземского плацдарма противника.

По окончании Ржевско-Вяземской операции мне было поручено готовить 11-ю армию для летнего наступления в направлении Козельск–Карачев в тыл немецким войскам, занимавшим г. Орел.

В июле началась Курская битва. Наступление крупных сил противника на Курск со стороны Белгорода и Орла было сорвано. Наши войска в ожесточенных оборонительных сражениях нанесли противнику поражение и сами перешли в наступление.

Западный фронт получил приказ Ставки перейти в наступление. Операция следовала за операцией. Началось изгнание противника с нашей территории.

Я принимал непосредственное участие в проведении и организации следующих операций: левого крыла Западного фронта 11-й и 21-й армий в направлении Козельск–Карачев, Смоленской наступательной операции, в которой последовательно были проведены Спас-Демянская, Ельнинско-Дорогобужская и Рославльская операции. В результате этих

операций в полосе Западного фронта были освобождены города Гжатск, Вязьма, Смоленск, Рославль, Ельня и др.

К зиме 1943 г. войска фронта подошли к г. Орша. В р-не г. Орша как-то попал, будучи в 29-й гв. дивизии 5-й армии, под артиллерийско-минометный огонь и получил контузию, следствием чего явилась моя эвакуация и лечение в госпиталях сначала в Смоленске, а затем под Москвой в Барвихе, где размещался один из госпиталей Западного фронта. В госпитале я пробыл до февраля 1944 г., а затем в связи с плохим состоянием здоровья Ставка направила меня в г. Куйбышев командующим войсками Приволжского военного округа, где я занимался главным образом подготовкой резервов и командных кадров для фронта. Там меня и застало окончание Великой Отечественной войны. [...]**.

Личный архив Л.Г. Дьячкова. Подлинник машинописный.

* Опущены биографические сведения довоенного периода.

** То же послевоенного периода.

№ 1292

Воспоминания С.Ш. Чучкаловой²³

1986 г.

Война застала нас, выпускников Ленинградского медицинского педиатрического института, за подготовкой к последнему государственному экзамену. Занимались мы группой в институте. Вдруг кто-то из студентов вбегает к нам с криком: «Идите слушать Молотова». И мы сразу же высказали свое мнение, что это война!

Да, это было сообщение о нападении фашистской Германии на нашу Советскую Родину. Ни о каких экзаменах мы уже и не думали. Каждый из нас реагировал по-своему: кто слезами, кто криком, а я просто, можно сказать, остолбенела.

В эту ночь, с 22 на 23 июня, город Ленинград уже обстреляли. И с этого времени до его освобождения от блокады обстрелы и бомбежки следовали и днем, и ночью.

Первую неделю войны люди наивно полагали, что врага можно «шапками закидать». Однако такое настроение быстро прошло. Женщины-матери были в отчаянии, так как боялись за детей.

На вокзалах – столпотворение. Поезда идут на фронт. В глубину страны уехать почти невозможно. Если кто и едет, то только организованным порядком: учреждения, заводы, детские сады.

24 июня 1941 г. мы сдали последний государственный экзамен. Нам выдали соответствующие документы (дипломы, однако, не дали, они должны были поступить из Москвы), подъемные деньги и приказали немедленно выехать по своим местам назначения (мы получили их еще зимой). Однако

этого почти никому не удалось. Так мы оказались почти всем курсом на курсах усовершенствования врачей.

В Ленинграде вскоре после начала войны были определены подвалы, где можно и нужно было укрываться во время бомбежек и артобстрелов. Намечены наиболее обстреливаемые стороны улиц. Военная патрульная служба зорко следила за тем, чтобы во время тревог люди не оставались на улицах.

Все ценные исторические памятники были обиты досками и засыпаны песком. Даже Исаакиевский собор был обнесен досками и засыпан песком. Наиболее ценные здания закрыты камуфляжной сеткой, как, например, Смольный. Короче, жизнь Ленинграда вошла в военный ритм. Работали кинотеатры и театры – пока город не лишился электроэнергии.

Хочу отметить, что в Ленинграде в научных кругах была прослойка немецкой интеллигенции. В нашем институте был профессор Вальдман – терапевт, на кафедре общей хирургии – хирург (фамилию забыла), на курсах усовершенствования врачей – главный рентгенолог. Все эти люди честные, ни в чем плохом себя не проявили. Однако очень заметно было, что они чувствуют себя без вины виноватыми. Было обидно за них.

18 июля, всех нас, слушателей курсов, вызвали в горвоенкомат и направили уже на курсы усовершенствования медсостава Ленинградского военного округа, проживать направили в Дом врача на Охте. Но уже по всем правилам военной службы: с дневальными, с часовыми, строевой. Днем мы учились в клиниках теории и практике в военно-полевой хирургии.

Город хоть и жил очень тревожно, но продукты продавались свободно, а мы питались в военторговской столовой. Артобстрелы или бомбежки были почти ежедневно, вернее – ежесуточно. Жильцы домов организовывали посты самообороны.

В ночь на первое сентября 1941 г. нас выстроили, вызвали из строя 15 человек, в числе которых была и я. Повезли нас на Васильевский остров во Дворец культуры имени Ленина. Здесь объявили, что прибывает транспорт из Таллина с ранеными и нужно подготовиться к их приему. Они пробудут здесь не более недели, и затем их повезут в глубокий тыл.

А кольцо блокады города уже замкнулось. Но готовились бои по прорыву блокады. Однако прорвать ее не удалось, и поступившие раненые остались во Дворце культуры, который стал называться эвакогоспиталем № 2764.

Раненые поступили очень измученные дорогой, так как всю дорогу по морю их обстреливали вражеские самолеты, несмотря даже на громадный флаг с красным крестом. А сопровождали транспорт только катера – они зенитных установок не имели.

Стало ясно, что из кольца блокады не вырваться, и стали поступать еще раненые моряки, потом без разбора рода войск. За неделю у нас число раненых дошло до 80-90 на врача.

В нашем хирургическом отделении больные были в основном с тяжелыми ранениями. Ходячих больных было очень мало. И при воздушной

тревоге становилось очень страшно за таких больных. Даже санитаров не было (одна санитарка на все отделения в смену, а больных уже больше двухсот человек).

Во время тревог врач с добровольцами из больных (ходячие) расставляли носилки у коек тяжелых больных. Так было приказано начальством, что выносить больных будут только при непосредственной угрозе госпиталю. А кто бы выносил? Я и до сегодня не знаю, кто бы мог выносить, т.к. добровольцы, расставив носилки, уходили в подвал.

Хорошо, что отделялись, чаще всего, разбитыми окнами от взрывной волны, а иногда лишением какого-нибудь блюда из пищи, т.к. в котел попадали стекла.

Питание заметно ухудшилось. Персонал уже питался не в военторговской столовой, а [был] поставлен на военное довольствие. Больным – 600 гр. хлеба, персоналу – 300 гр. и соответственно остальные продукты.

Хорошо запомнилась погода этого года: прекрасное, жаркое лето с очень редкими дождями (говорили, что урожай удастся прекрасным – только не мы его снимали). В Ленинградскую область враг проник в течение первой недели войны. Сразу организовалось партизанское движение.

Осень была настоящая, золотая, перешедшая как-то сразу в зиму без замерзаний и оттаиваний. Зима же была очень морозной и снежной.

В октябре мы лишились света. Следовательно, перестал действовать водопровод, не стало отопления, нельзя было сделать рентгенообследования больных, лаборатория сократила объем анализов, перестал ходить транспорт (трамваи, троллейбусы, а автобусы еще раньше не ходили – ушли для нужд фронта).

Стало не хватать медикаментов. За каждой ампулой глюкозы, кофеина, камфары и других лекарственных средств с резолюцией начальника медицинской части бегала сама в аптеку и с трудом все это получала. Не было даже перекиси водорода. Из-за этого было очень неприятно перед больными. У меня к этому времени находились раненые из партизан. Запомнился один совсем худенький мальчик, длинненький – Скворцов. Мы его звали «Скворушкой». И по числу лет – 16 ран (пулевые и ножевые). Две из них особенно тяжелые с переломом костей таза и бедра. У него был наложен гипс от пяток до подмышек. Над раной бедра в гипсе сделано «окно». И вот в этой ране завелись черви. Здесь может помочь перекись водорода, а ее нет. А рана от червей зудит. И других средств нет. А как же мучительно было объяснять мальчику, что мне нечем ему помочь.

Во второй половине октября начали больных небольшими группами эвакуировать в глубокий тыл. Отправляли их самолетами в самую темную глухую ночь. За что великое спасибо летчикам! В первую ночь я, конечно, отправляла Скворушку и ему подобных. Вскоре от него пришло письмо, в котором он выражал благодарность нам за внимание к нему и в то же время отмечал, что там, где он находится сейчас, обстановка хуже нашей.

Незадолго до ноябрьских праздников больные и персонал стали волноваться: «Будет в Москве парад войск или нет?». Каждый, конечно, знал, что в Москве очень тяжело. Но вот поди, как замороженные, ждали парада. И как все обрадовались, что парад состоялся. Воспряли духом. Уверились, что Победа будет за нами!

Затем, хотя и постепенно, но как-то быстро сменился контингент больных: хирургических отправили в тыл, а вместо них поступили истощенные – как мы тогда писали диагноз: алиментарная дистрофия. Их число весьма быстро удвоилось. Поскольку в палатах температура минусовая, больные стали ложиться по двое на одну кровать и укрываться дополнительно к одеялам освободившимися матрасами. Начальство не замедлило воспользоваться свободными койками и направило еще по два человека на каждую освободившуюся койку с полным набором принадлежностей.

Персонал ходил в ватниках с мед. халатом поверх него. Халаты нам никто не менял. И я одна в нашем 2-[м] хирургическом отделении ходила в белом, чистом халате, т.к. меня обязали, кроме основной работы, обслуживать гражданскую поликлинику. Через месяц такой работы я потеряла сознание от перегрузки и голода.

Освещение палат и места дежурной сестры производилось коптилками. На остальном пространстве отделения было темно. Чтобы не сталкиваться, все носили флуоресцирующие пуговицы.

Конечно, все это время ни больные, ни персонал не мылись. И только перед праздником годовщины Красной Армии начальство договорилось с руководством соседних бань, и больных по отделениям отвозили мыться. Персонал тоже не упустил такой возможности.

С марта 1942 г. больные к нам не поступали. И в отделении становилось спокойнее.

И солнце стало пригревать. В конце марта была объявлена всеобщая уборка территории города, и наш госпиталь убирал свою территорию. Выходили все, вне зависимости от рангов.

Затем появилась вода и свет. В 20-х числах апреля пошел трамвай. К началу лета больных у нас вовсе не осталось. Сотрудники получили новые назначения. Меня временно послали в другой госпиталь, а в сентябре 1942 г. направили в отдел кадров фронта. А отдел кадров направил меня в корпус ПВО Ленинградского военного округа, а точнее, в 194-[й] зенитно-артиллерийский полк младшим врачом.

При исполнении обязанностей в этом полку (нужно было регулярно осматривать бойцов на батареях и санитарное состояние их места жизни и питания) я ознакомилась, как город подготовили к войне.

Одна из батарей нашего полка стояла на барже на Неве у самого Смольного. И я своими глазами видела камуфляжную сетку над зданием. Кстати, фашисты, видимо, очень интересовались Смольным, т.к. именно здесь оказался шпион. А было так: прислали в пополнение на батарею несколько солдат. Одного из них поставили к прожектору. Командир батареи

днем приказал залить в прожектор горючее. Солдат сделал вид, что заливает, но не залил. Вечером при подходе вражеских самолетов хватились: прожектор не горит, нет горючего. Комбат поругал солдата и приказал осторожно, но быстро заправить прожектор. Но солдат сделал наоборот – разлил горючее по палубе баржи и поджег. Огонь моментально погасили другие солдаты – кто бросил на огонь свою шинель, кто сам бросился на огонь, ну, а подлец в суматохе скрылся. Дальнейшие поиски его мне неизвестны. Однако вскоре такая же история произошла на другой батарее. Но там девушка-радистка получила смертельные ожоги, а комбат застрелился, не сумев доказать свою невиновность.

О переносимом голоде в городе может служить такой факт. Не то в конце 1942 г., не то в самом начале 1943 г. в полк прибыло пополнение. Но прибыло оно не из военкомата, а непосредственно из дома. И привозили этих мальчиков (иногда даже 17-летних), чтобы спасти от неминуемой смерти, на саночках. Везли родственники или соседи, так как сами юноши уже не могли двигаться. К счастью, все юноши поправились в нашей санчасти.

Еще хочу отметить, что кроме «районных» обстрелов (когда только небольшой район под обстрелом), которые могли быть в любое время суток, враг устраивал обстрел всего города. Это уже обязательно днем. Да иногда к этому еще пытался с самолетов бомбить. Все это мне стало известно только, когда служила в зенитном полку.

В 1943 г. с питанием стало немного лучше. Возможно потому, что в предыдущее время многие выехали на «Большую землю». Это уже могут сказать только одни тогдашние «отцы» города, а я в полку – и то младший врач.

Ну, а в январе 1944 г. город и вовсе стал свободным от врага. А я в это время в составе воинов 18-[й] арт. дивизии резерва Главного Командования ехала сначала на Польшу к Варшаве, а затем на Берлин.

ГАСПИТО. Ф. Р-9328. Оп. 1. Д. 6. Л. 82-87. Подлинник машинописный.

№ 1293

Воспоминания Г.А. Петровой²⁴

Январь-май 1985 г.

Я окончила среднюю школу № 8 г. Тамбова и поступила на исторический факультет Государственного педагогического института имени А.И. Герцена в г. Ленинграде осенью 1939 г.

Радость переполняла мое сердце. Вспоминаю первые лекции. Какие широкие горизонты открылись перед нами! Мне казалось, что я поднялась на высокую гору, и мир, широкий и разнообразный, открывается мне во всей своей сложности и красоте. Хотелось познать все, о чем в своих лекциях рассказывают профессора. Мы имели счастье слушать лекции маститых

ученых Струве и Рубинштейна, Кудрявцева и Мавродина. Ходили и на литфак, где читал о древнегреческой литературе профессор Толстой.

Мы, приехавшие в Ленинград из разных районов страны, стремились не только овладеть знаниями, но и увидеть побольше. Счастье видеть прекрасные здания города на Неве, счастье каждое воскресенье бывать в Русском музее и в Эрмитаже, посещать лектории по искусству, бывать в Кировском театре и в Малом оперном, счастье общения с людьми, близкими тебе по духу, переполняло мое сердце.

Мои товарищи по факультету истории много часов проводили в фундаментальной библиотеке в кабинете марксизма-ленинизма. Мир знаний увлекал нас. Быстро летели дни и месяцы учебы. Прошло 2 года.

21 июня 1941 г. мы сдали экзамен по истории средних веков – предпоследний экзамен за 2-[й] курс. Наша дружная группа собралась в скверике около главного входа в здание института. Сидели на диванчике, наслаждались чудесным вечером, с жаром обсуждали проблему, как отблагодарить наших любимых лекторов, с которыми нам предстояло расстаться. Решили подарить им букеты цветов. Разошлись поздно. Не знали мы, что это был последний мирный день.

В общежитии на улице Желябова жизнь текла своим чередом. Легли спать поздно. Часов в 6 утра на следующий день нас разбудил громкий стук в дверь. Ворча на непрошеного раннего гостя, студентка Рая открыла дверь. Комендант общежития приказал немедленно привести в готовность светомаскировочные шторы. Это никого не удивило, потому что в Ленинграде часто проводились военные учения. А шторы у нас были заготовлены еще с финской войны. Рая влезла на тумбочку, проверила шторы. Потом мы решили еще поспать. Но сон уже не шел.

Часов в 10 утра мы пошли в читальный зал готовиться к последнему экзамену. Позанимались немного. Я только что вошла во вкус работы, перестала замечать все, что делается вокруг. И вдруг слышу чей-то громкий взволнованный голос: «Скорее к главному входу! По радио будет важное сообщение». Оставили книги, тетради на столах, бежим по лестницам, по коридорам. Вот и та площадка перед главным входом, где мы еще вчера сидели так мирно. Она запружена народом. Народу полно и на набережной Мойки около входа в институтский двор. Стоим, молча смотрим на черный раструб радио. И вот... страшное, неожиданное известие обрушилось на нас – Германия напала вероломно на нашу Родину... Сообщение закончено. Тишина, жуткая тишина. Слышится дыхание стоящих рядом людей. И мне даже кажется, что у нас бьется в груди единое сердце. А потом все заговорили, заспешили. Теперь не до экзаменов. Спешно сдали книги в библиотеку, направились к комитету комсомола. И вот уже первые задания получены.

Нашу группу комитет направил в школу № 9, которая находится недалеко от вокзала. Вытаскиваем парты, столы, стулья, моем окна, стены, полы, готовим помещение под госпиталь. На следующий день мы копали щели для укрытия в сквере около Казанского собора.

А потом события захлестывают нас. Мы выполняем все поручения комитета комсомола. Ночью разносили повестки мобилизованным, днем копали щели, в свободные минуты готовились к экзаменам. 30 июня сдан был экзамен по истории партии. В начале июля состоялась факультетское собрание комсомольцев с повесткой дня «О помощи фронту».

И наши юноши, а также девушки, имеющие военную специальность, все записались добровольцами на фронт. Вскоре мы провожали их. Сбор отправляющихся на фронт был в скверике около корпуса истфака. Мы желали своим товарищам скорейшего возвращения с победой. Об отъезде из Ленинграда не помышлял никто. Студенты горели желанием сделать все, что в наших силах, для Родины.

Начались оборонные работы. Студентов истфака и литфака послали рыть окопы в район Тосно. Работали по 12-14 часов в сутки, долбили сухую глинистую землю ломом и лопатой, набивая с непривычки кровавые мозоли на руках. Радовались, когда у одной из девушек оказалась в рюкзаке марганцовка. Поплевав на ладони, прикладывали крупиночки марганцовки к мозолям. Они подсыхали. И мы снова работали, с ожесточением вгрызаясь в сухую землю, верили, что делаем очень нужное дело. Велика была наша радость, когда бойцы выражали нам свою благодарность за выполненную нами работу.

Около месяца мы работали в районе Тосно около села Паньшино. Вернулись в Ленинград, помылись в бане, 5 дней отдыхали и снова на оборонные работы – на строительство Лужского рубежа в район г. Кингисепп. Мы рыли противотанковые рвы. Жили сначала в опустевших скотных дворах (скот был направлен на восток) в километре от небольшой деревушки, название ее я не помню. Но хорошо помню, как ее фашисты стерли с лица земли. Колхозники не хотели эвакуироваться – поверили фашистским листовкам, которые во многих тысячах экземпляров сбрасывали немецкие летчики над деревушкой. В листовках говорилось: «Мы будем бить жидов и коммунистов. Крестьян не тронем». Жалко было колхозникам оставить свои дома, богатейший урожай. Осень стояла чудесная. Тучные нивы склоняли колосья к земле, зерно сыпалось на землю. Все жители деревни за исключением древних стариков и малолетних детей трудились на полях.

И вот наступил тот страшный день. Мы возвращались с работы. Вечерело. Видим – летит несколько «юнкерсов», слышим ужасный вой. «Юнкерсы» пикируют, сбрасывают свой смертоносный груз над деревней, бомбят мост через Луц.

Через несколько минут на месте деревни остались груды развалин. Мы были в ужасном состоянии – впервые видели такое варварство. Скотные дворы, где мы ночевали, остались целы. Взяли рюкзаки со своими вещами и тут же отправились в лес. Нам было приказано строить шалаши на опушке леса около болота. К ночи шалаши из еловых веток были готовы. Теперь мы спали в сырости. Подстелили три пальто на лапник, легли впятером «селедками» на один бок, укрылись двумя пальто. По команде

переворачивались с боку на бок. Холодно. Болят руки и ноги, хочется есть. Но особенно мучает жажда. Воды привозят по 1 литру на человека в день. Река рядом, но пить нельзя, т.к. фашисты отравили воду.

Днем, когда особенно хочется пить, а воды уже нет, пытаемся сосать через тряпицу болотную затхлую воду. Но хуже всего – непрерывная тревога, тревога, тревога. Фронт где-то рядом. Рвутся поблизости снаряды, начали нас бомбить.

Противотанковый ров день ото дня углубляется – не зря работаем.

И вот однажды ночью нас разбудили дежурный из охраны нашего лагеря походного: «Девчонки, вы спите? Вставайте. Фашисты сбросили в наш лес десант!». Быстро вскочили на ноги. Сна нет ни в одном глазу, вышли из шалаша. В руках наших оружие – лопата. Готовимся дать отпор парашютистам. В лесу стрельба, крики. К счастью нашему, советские воины из народного ополчения выловили всех десантников, и мы могли поспать спокойно часа два.

Утром закончили копать противотанковый ров. Его принимали у нас военные. Начали мы сооружать дзоты. Только углубились в землю по колено, пришел приказ: «Немедленно взять вещи и отходить к железнодорожной станции Котлы (под угрозой окружения)». И мы пошли. Шли в густом лесу по дороге грязной и вязкой. А вокруг нас кипел бой. С одной стороны дороги – наши, с другой – фашисты. Грохот, вой снарядов, и тысячи людей, идущих по «коридору», чтобы успеть выйти из «мешка», как тогда говорили, не попасть в лапы врага. Шли один за другим в линейку, чтобы было меньше жертв, если снаряд упадет на дорогу. Наша группа держалась дружно. Идем след в след. Когда стемнело, шли, положив руку на плечо впереди идущего, чтобы не потерять друг друга. Ни о еде, ни о воде никто не помышлял. Шли с раннего утра до позднего вечера без единой остановки. Ноги сбиты, туфли сброшены, идем босиком. Слизываем капли дождя, стекающие по лицу, и идем, идем, идем. Кажется, что сил больше нет. Но мы еще идем – оказывается, можем двигаться еще.

Над лесом тревожно вспыхивают зловещие ракеты багровые и ослепительно белые. На минуту становится видно все вокруг. Шум боя не стихает. Только позднее мы узнали, что здесь же где-то рядом сражались наши студенты из народного ополчения. Был смертельно ранен аспирант Борис Шапиро. Он повел товарищей, окруженных немцами, на прорыв. Большинство вышло из окружения. Раненого Бориса товарищи доставили в госпиталь Ленинграда. Но он скончался, отдал свою жизнь за родной Ленинград. Его мать на похоронах не плакала, а слала страшные проклятия Гитлеру.

Шли мы почти сутки. Часам к четырем утра вышли к станции Котлы. Здесь уже лежали прямо на болоте многие тысячи измученных людей. Путь оказался взорванным. Фашисты сбросили бомбы на эшелон. Одна из бомб попала в первый вагон, другая – в паровоз, много людей погибло.

Мы повалились на влажную землю. Кажется, нет сил оторвать свинцовую голову от мягкого мха. Но фашисты где-то рядом.

И вот наши студенты вместе с другими начали восстанавливать взорванный путь. К середине дня путь был восстановлен, прибыл эшелон. Тысячи людей кинулись к вагонам, заполнив все, кроме первого вагона. И вот мы, студенты, «атакуем» первый вагон. Сели, заняв все полки. На третьих и на вторых полках – по 3-4 человека, на нижних – по пяти. Заполнили все проходы в вагоне и тамбуре.

Паровоз еще не сдвинул с места эшелон, а уже немецкие стервятники тут как тут. Прилетели бомбардировщик и два «мессершмитта». Снизилась истребители и давай поливать из пулеметов людей, которые не смогли сесть в эшелон. Дали несколько очередей по поезду. Свист пуль, крики, стоны раненых – какой-то кошмар!

В страхе, что сейчас бомбардировщик сбросит бомбу на паровоз и на первый вагон, мы ринулись к выходу из вагона, но нас остановила команда: «Ложись!». Старый рабочий, оказавшийся с нами в вагоне, спас сотни молодых жизней. Лежим, кто как – на лавках, на полу – и с замиранием сердца ждем. И вдруг громкое «Ура, ура, ура, ура!» слышим. Повскакали, к окнам кинулись. Видим – приветствуют измученные люди наших трех «ястребков». «Ястребки» отогнали фашистских стервятников и сопровождали наш эшелон до Ленинграда. Эшелон шел медленно. Не раз бывали тревоги. Но мы держались, переживая голод и жажду, ожидая встречи с Ленинградом.

Рано утром через сутки прибыли в город. Босые ноги, в драных чоботах, в полуистлевшей от пребывания в сырости одежде, появились студенты в центре Ленинграда около своего общежития. Опять краткая передышка.

19 августа 1941 г. нас направили на спец. работы в район Красного Села. Мы копали ходы сообщения. Кругом – равнина, поросшая мелким кустарником и вереском. Видно далеко-далеко. Погода ясная, солнечная. Фашисты обнаглели до крайности. Их самолеты стаями кружат в воздухе. Наша бригада во главе с Милей Тауриной каждый день выполняет норму, хотя дается это нелегко. Мы ослабели от недостаточного питания, от недосыпания, от постоянной тревоги и от тяжелой, подчас непосильной, работы. Но все бодры – мы помогаем фронту. Хотя фронт километрах в 3-4-х, никого из нас не убило, не ранило.

В один из тревожных дней, когда мы возвращались с работы и вошли на окраину Красного Села, два немецких самолета снизились и начали бросать целые обоймы зажигательных бомб. На улицах села вспыхнули сотни ярких светящихся огней, запылали десятки домов. Помню, сначала наши девушки буквально оцепенели. Остановились, смотрим... Вдруг я увидела старого-старого деда, сидящего на завалинке дома, около которого почти рядом с дедом упали зажигалки. Слышу, плачет малыш: «Говорил деду, готовь песок, а он и не думает готовить. Что теперь будет?». И я вспомнила вдруг, что есть у меня лопата. Начала копать землю и швырять ее, стараясь погасить бомбу, а малыш помогал мне – рубил землю топором.

Наши студенты помогать начали жителям села гасить зажигалки. Это была наша первая схватка с огнем. Наше оружие – лопата – так пригодилось нам. Усталые, чумадые от пыли и копоти, с прожженными костюмами мы вернулись к своим в дом, где лежали наши вещи.

Вспоминаю страшный день – 7 сентября. Ярко светило солнце на безоблачном небе. Нам дали задание двигаться на работу по направлению к Дудергофским высотам. Тишина. Под ногами – ковер вереска. Кое-где купы зеленых кустов. Наша бригада шла впереди. И вдруг... Я не сразу поняла, что произошло. На далеком горизонте появились какие-то точки. Невероятно быстро они превратились в гигантские черные тени. Зловещий вой, грохот, из-за которого едва слышен приказ командира: «Ложись!». Рассредоточились и залегли кто где. А «юнкерсы» пикировали и пикировали, швыряя смертоносный груз на нас. Взлетала вверх черная земля. Казалось, сейчас кольцо вокруг нас замкнется. И – конец. Но бомбежка кончилась так же неожиданно, как и началась. Однако в небе тучами летали немецкие самолеты. Сначала первая волна полетела на Ленинград, потом – вторая. Это заставляло прижиматься к земле. Мы ползли, как нам казалось, по направлению к Красному Селу. наших нигде не было видно. Я оказалась рядом с Олей Значковой. Мы вдвоем, и больше никого! Решили ползти, хотя руки и ноги были в крови – ободрались, ползая по-пластунски. Приближался вечер. Выбрав момент, когда фашистские самолеты были далеко, вскочили мы и, пригибаясь к земле, побежали. И вдруг слышим душераздирающий вой – летит немецкий самолет. «За нами», – мелькнуло в голове. И мы как по команде плюхнулись на землю, хотелось вжаться в нее. Грохот, зловонный запах, страшная боль в голове и ужасная мысль: а вдруг руку или ногу оторвало. Лежу, боюсь открыть глаза – а может быть, Олю убили. И вдруг слышу звонкий голос: «Девчонки, вы живы?» – это солдат приполз узнать, что с нами. Оказывается, мы попали в район ложной батареи. Самолет сбросил небольшую осколочную бомбу, но нам повезло – осколки перелетели через нас, попали в батарею, а нас только оглушило. Солдат указал нам, в каком направлении надо ползти, чтобы попасть на шоссе. К вечеру мы доползли до этого шоссе. Здесь нас подобрала моряки, направляющиеся на позиции, и на своем грузовике довели до Красного Села. Мы с тревогой слушали их рассказ о страшном налете фашистов на Ленинград.

На фронте сложилось тревожное положение. Нас решили вывести к Пулковским высотам. Старый коммунист вел нас тропами, знакомыми ему еще с Гражданской войны. Мы шли, укрываясь в кустарниках от немецких самолетов. А по Пулковскому шоссе от Ленинграда тянулась нескончаемая вереница автомашин и подвод. Эвакуировались старики, женщины с малолетними детьми. Над шоссе зависла «рама». А потом прилетели истребители и стали на бреющем полете расстреливать беззащитных людей из пулеметов. Один из истребителей был сбит. Летчик был захвачен женщинами. Его бы растерзали, если бы несколько красноармейцев не захватили его, сказав, что нужен фашист, чтобы сделать допрос.

«Допрашивайте здесь», – кричали женщины. – «Он здесь убивал наших детей!». И как же все были удивлены, когда, сняв шлем, предстала перед нами женщина-немка. На чисто русском языке она кричала: «Да, я убивала русских детей. Нам нужна ваша земля для немецких детей!». Новые волны ярости народной. Такое не забудешь!

Нас вывели в Ленинград. Каждый день – военные тревоги. Как страшно было сознавать, что враг у ворот города Ленина.

Мы отдыхали от оборонных работ. Но все дни были заполнены заботами: мы создавали группы самозащиты, дежурили в комитете ВЛКСМ, в госпиталях, создавали санитарную дружину, вели агитационную работу. Как тяжело было сообщать людям о снижении пайка. Обычно накануне уменьшения нормы агитаторам поручали побеседовать с людьми. И студенты-агитаторы шли по квартирам, неся печальные вести. Мне на всю жизнь запомнилась беседа накануне уменьшения нормы хлеба на 1 рабочую карточку до 250 гр. в день. Захожу в комнату, где живет большая рабочая семья: родители и 5 детей. Семья обедает, приглашают меня сесть, извиняются, что не могут угостить ничем. Я вижу жидкую похлебку из ржаной муки, тоненькие кусочки хлеба в руках у детей. Хозяйка рассказывает: разбомбили наш эшелон, в котором находились ее дети. Они чудом остались живы и теперь никуда не поедут. Я рассказываю о положении на фронтах Великой Отечественной войны, о страшной угрозе, нависшей над Ленинградом. Потом говорю самое страшное – о снижении норм. И ни упрека, ни жалобы не слышу. Только тихое: «Надо, так надо!». Как я благодарна этим людям, как я горжусь ими, как крепнет моя вера в победу. Все перенесем, все переживем, все вытерпим, победим!

В конце сентября враг стоял у ворот. Нас направили на Среднюю Рогатку сооружать оборонительные укрепления на окраине города. Дома превращали в доты. Студентам было дано задание вырыть противотанковый ров. Тревогой наполнены наши сердца. Ежедневно по несколько раз бомбят фашисты Ленинград. Начались артобстрелы. Озверелый враг рвется к Ленинграду, хочет взять наш город штурмом. Не бывать этому!

Работаем, с яростью вгрызаемся кирками, ломami, лопатами в сухую землю, забываем об усталости. Одно желание – скорее укрепить окраины города. Фашисты все чаще обстреливают Ленинград. В один из печальных дней мы потеряли подругу. Рано утром начали копать противотанковый ров. Не успели углубиться в землю до колен, как послышался свист снарядов, разрывы. Началась паника. По кромке рва бежит командир нашего батальона и кричит: «Ложись!». За ним по направлению к городу бегут сотни людей от места, с которого фашисты начали обстрел. В этот момент нас спасла преподавательница методики истории Копачева Мария Григорьевна. Она работала наравне со студентами, была рядом с нами. Мария Григорьевна обняла руками стоявших рядом с нею девушек, легла в ров и их уложила. Видя это, легли многие, и это спасло от гибели сотни юных жизней. Из тех, кто побежал, многие были скошены осколками от снарядов. В этот день

погибла студентка с литфака, и еще одна девушка была ранена в ногу. Мария Григорьевна помогла ей добраться до трамвая, довезла ее до госпиталя.

Впервые так близко мы увидели смерть и страдания близких людей. Вот когда дошли до самого сердца слова: «Враг хитер и коварен, он хочет подчинить советских людей, сделать их рабами немецких князей и баронов». И волна жгучей ненависти прилила к сердцу. Нет, нас на колени не поставит!

После того, как артобстрел закончился, мы стали добираться домой, к себе в общежитие. Как страшно было на следующий день идти на работу. Но наши девчата шли, пряча страх, преодолевая его.

Неделю работали студенты 3-[го] курса на Средней Рогатке. А потом нас отозвали с работы. Решено было ускоренным порядком выпустить третьекурсников, т.к. не хватало учителей в городе.

Учебные занятия начались в аудиториях естественного факультета, т.к. корпус истфака был занят под госпиталь. С радостью мы сели за книги. Но нам мешали воздушные тревоги. Только начнется лекция или урок – тревога.

Помню, во время урока французского языка прозвучал сигнал воздушной тревоги. Мы решили не идти с третьего этажа в бомбоубежище. Но разрывы снарядов все ближе. И вдруг снаряд разорвался в соседней химической лаборатории. Зазвенело стекло, из-за разрушенной стены хлынула вода, и мы без команды помчались вниз по лестнице – в бомбоубежище.

А зимою все лекции и уроки шли в бомбоубежище – в помещении тира, где когда-то мы учились метко стрелять. Наши профессора, у которых фашисты разбомбили квартиры, жили временно в комнате, где хранилось оружие. Как мужественно держались наши преподаватели. Очень старый, исхудавший от голода преподаватель древнерусской литературы Сергеев (имени и отчества его, увы, не помню) с огромным подъемом читал нам свой курс. Как горели его глаза, как креп его голос, когда он рассказывал нам «Слово о полку Игореве» или о «Мамаевом побоище». И он сам маленький, худенький, в стареньком пальто, с вещевым мешком за плечами, где позвякивали миски, кружка и ложка, вырастал в моих глазах в сказочного былинного богатыря. Он был для нас примером мужества.

Учебу нашу прерывали работы. В снежные дни нас послали к Володарскому мосту для расчистки железнодорожных путей от снега. В начале декабря 10 дней мы работали на разгрузке вагонов с углем для второй электростанции. Электроэнергию получали оборонные заводы. А мы обходились коптилками.

Каждое утро вставали с трудом с постели. Голова кружилась, болели руки и ноги, есть хотелось до дурноты. Выйдешь на Невский проспект, кажется, что нет сил идти. А надо. Трамваи и троллейбусы стоят посреди мостовой, занесенные снегом. Огромные сугробы снега справа и слева улицы. Среди сугробов – узенькая тропочка, по которой люди идут на работу, еле передвигая ноги. «Не могу идти», – так думается, а надо, ноги идут. Придешь на работу, возьмешь тяжелую совковую лопату и выгружаешь

уголь из вагона. А на сердце радостно: «Нет для русского человека «не могу». Он все может. А значит, и я могу преодолеть все: и голод, и холод, и артобстрел, и бомбежки, все, все. Я еще жива, я должна работать, чтобы приблизить победу». А в нашу победу над фашистами мы верили фанатично.

Среди печальных сообщений по радио вдруг неожиданная радость для нас. 6 декабря утром по радио мы услышали сообщение о том, что наши войска начали разгром фашистских полчищ под Москвой. Это был настоящий праздник для нас. В этот день работалось легче. Мы выполнили свою норму и получили доп. паек – 125 гр.

А вот и передышка наступила. Мы снова имеем возможность получать знания. Занятия проходят в бомбоубежище, так как здание естфака полуразрушено.

Виктор Николаевич Бернадский читает нам курс методики преподавания истории. Мы сидим в верхней одежде – в зимнем пальто, в лыжных костюмах, головы укутаны платками шерстяными. Но одежда нас не греет. В бомбоубежище очень холодно. Чернильницы держим за пазухой левой рукой, чтобы не замерзли, а правой рукой пишем. Из рта идет пар. Еле-еле мерцает коптилка, стоящая посредине стола, за которым мы сидим. По стенам пляшут уродливые тени. Нас, студентов третьего курса, очень мало. Кто ушел на фронт, кто работает на оборонных заводах, многие погибли. Виктор Николаевич говорит тихо, с трудом. У него страшно исхудавшее лицо. Теплая меховая шапка надвинута на самые брови, а глаза блещут умом, он всю свою душу вкладывает в лекции. И невольно думаешь: «Мы еще будем преподавать. Нам нужны знания методики преподавания истории».

Виктор Николаевич сидел рядом с нами за одним столом. Его лекции напоминали беседы, идущие от сердца к сердцу. Он помнил все наши фамилии и имена. Он заменял нам, оторванным от родных и близких, и отца, и брата. Он был для нас и наставником, и другом. В минуты уныния, когда силы наши гасли с каждым днем, мы получали от Виктора Николаевича заряд энергии и бодрости. Когда мы горевали, что наши вещи погребены в разрушенном фашистскими снарядами общежитии, он с улыбкой говорил: «Главное – это вы, люди. Живы будете – и вещи будут, и книги будут. Бейтесь за жизнь, не поддавайтесь голоду!». И мы бились за жизнь.

В суровую холодную пору умер с голоду наш товарищ Идельчик. В это время мы жили в помещении тира, переселившись из общежития, разрушенного снарядами. Длинный узкий тир был перегорожен деревянной переборкой на 2 части. В одной поместились девушки, в другой несколько ребят, которых не взяли в армию по состоянию здоровья. Среди них был Идельчик. Вместе с нами он ездил на оборонные работы. А зимой его организм ослабел настолько, что он не вставал с постели. И в одну из страшных ночей мы услышали из-за переборки: «Прощайте, товарищи!». И первую фразу «Интернационала». Только одну фразу. И все смолкло. И все смолкло. Помочь ему было нечем. Так жутко, так обидно, так горько.

А смерть подкрадывалась и к нам все ближе. Экзамены по методике истории все мы сдали. Но силы были на исходе. К истощению организма прибавились приступы малярии. В один из тяжелых для меня дней я почувствовала, что не смогу встать с постели. Меня поддержали в это время наши студентки Аня Брянцева и Лида Головки. Они выхлопотали для меня место в стационаре, и я целые 2 недели пролежала там. Это спасло меня от смерти. А 2/III-42 г. я эвакуировалась из Ленинграда.

Как мы жили в дни войны

Студенты жили в общежитии на улице Желябова недалеко от Невского проспекта. Получали хлеб по карточкам в одной из булочных (когда находились в Ленинграде, отдыхая от работы на оборонительных рубежах, и зимой). Помню длинную очередь исхудавших до крайности людей, жмущихся к стене здания, очередь молчаливую и суровую. Иногда по несколько раз, пока получишь свой хлебный паек, приходилось уходить в бомбоубежище по сигналу воздушной тревоги. Когда, наконец, получишь свой паек из рук продавщицы – маленький драгоценный кусочек черного хлеба иногда с довесочком, прикрепленным кусочком спички, хочется сейчас же отправить его в рот, но крепишься, несешь домой. Пайку хлеба делили мы на 3 маленьких кусочка, чтобы утром съесть один кусочек с кипятком, другой кусочек – вечером и взять с собой в столовую на обед немного хлеба. Прятали хлеб в стеклянную банку, закрывали банку плотно крышкой, убирали в тумбочку. Только так можно было спасти еду от полчищ крыс, которые шныряли по общежитию.

Завтрак и обед мы получали по пропуску в столовой, сдав туда продуктовую карточку. Нас кормили в столовой, расположенной на углу Невского и улицы Герцена. Осенью суп варили из муки пшеничной или ржаной (знаменитая «болтушка» или «баланда», как называли мы этот суп в зависимости от его густоты). Зимой мы ели суп из дрожжей. На второе давали жиденькую кашу из пшенки, ячневой, перловой крупы или отварные горох, соевые бобы, фасоль. Небольшие порции наши иногда сдабривали олифой, а иногда ничем. Зимой чаще всего давали желе из столярного клея. Иногда делали чай из хвои – хвойный настой (когда партизаны или колхозники, пробившись через линию фронта, привозили в подарок блокадникам сосновой хвои, а к Новому году – клюквы). Кипяток по утрам мы получали в общественном кипятильнике на улице Желябова (по 1 литру в день). Иногда не пили утром кипяток, а тратили его, чтобы вымыть в туалете голову (волосы мы все коротко остригли уже в первые дни войны, чтобы удобнее было мыть голову в условиях нехватки воды). Вечерами и ночами студентки-члены группы самозащиты уходили дежурить. Нашу улицу Желябова очень часто бомбили. Какие-то гады без конца сигналили фашистским летчикам.

В доме, что напротив нашего общежития, 2 дня подряд в часы воздушной тревоги кто-то сигнализировал: вдруг «зажигались» три окна рядом (поднимали светомаскировочные шторы). И тотчас же самолет фашистов сбрасывал зажигалки или фугасную бомбу. Мы бежали в дом напротив,

несмотря на ужасный вой от падающих бомб. Но, увы, нам так и не удалось поймать предателя. Иногда, особенно в лунные ночи, спать не приходилось. Гасили зажигательные бомбы. Наблюдали воздушный бой над городом.

С трепетом ожидали мы день 7 ноября. Фашисты сбрасывали листовки, в которых грозили 7 ноября сравнять Ленинград с землей. Помню, как встревожил меня и мою подругу страшный грохот накануне праздника. Мы шли по улице Желябова в соседний магазин, чтобы выкупить праздничный паек. Услышав грохот разрывов снарядов, мы укрылись в нише одного из домов. Хотелось вжаться в стену. «Началось...» – мелькнуло у меня в голове. Улица опустела. И вдруг я увидела моряка, который быстро шел по направлению к Невскому проспекту. Заметив наши несчастные лица, он ободрил нас: «Не бойтесь, девчата. Это наша артиллерия лупит по фашистам, чтобы подавить врага и дать возможность ленинградцам спокойно встретить праздник Великого Октября!». И под грохот наших батарей мы с подругой пошли в магазин, получили праздничный паек: соевые батончики, сделанные на олифе, и немного сухого кислого вина (примерно по стакану). Да, моряк не обманул нас. Праздник мы встретили спокойно. Слушали доклад т. Сталина по радио и даже побывали в театре. Смотрели постановку «Раскинулось море широко». Какое это было счастье – день отдыха от непрерывных тревог и обстрелов.

А на следующий день – снова артобстрел, снова бомбежки, снова воздушные тревоги. Идешь в магазин, в столовую или в институт и не знаешь, дойдешь ли – может быть, разорвется рядом снаряд и конец тебе. В наше общежитие уже осенью попал снаряд, часть его были повреждена. Но наш четвертый этаж еще был цел, и мы жили в своей комнате – 6 человек.

Новый год встретили скромно. По случаю праздника на общественной кухне топилась огромная плита. Мы сварили супчик из соевых бобов, которые хранили еще с лета. Выпили понемногу кислого вина – за победу, в которую все мы верили вопреки всем трудностям.

Вскоре в наше общежитие снова попали вражеские снаряды. Один из снарядов разорвался в соседней комнате. В нашей комнате вышибло окно, была разрушена стена. Вещи наши были погребены. К счастью, мы находились на лекциях в тот момент, когда снаряды разрушили наше общежитие. Вернувшись с лекций, увидев разрушения, забрав кое-какие вещи, мы направились в бомбоубежище, которое располагалось в подвале корпуса истфака. В мирное время там был тир. Нам разрешили временно поселиться в этом помещении. Несколько десятков студентов принесли кровати, тумбочки, постели свои и кое-какую одежду. Поставили «буржуйку» (трубу от нее вывели в оконце подвала на улицу). Вымыли полы, затопили «буржуйку». Стали жить здесь.

Утром, получив кипяток, пили его при свете коптилки. Потом наступал мрак. Мы шли на лекции в соседнее помещение (тир был разгорожен переборками). К вечеру собирали в разбомбленных соседних домах все, что можно сжечь. Топили «буржуйку», снова зажигали коптилку, чтобы выпить на ночь по стакану кипятка и хотя бы немного согреться. Потом ложились

спать в свои холодные отсыревшие постели. Вечерами вели долгие беседы. Вспоминали о жизни в далеких родных местах, мечтали о встрече с близкими, мечтали о победе над врагом. Нас поддерживала вера в победу и желание помочь фронту.

К праздникам студенты собирали посылки для фронтовиков: теплые вещи, бумагу, карандаши. Отвозили на фронт наши подарки члены комитета комсомола. Один из них был ранен на фронте. Моя подруга Якимова Калерия привезла нам от фронтовиков письма, которые все мы бережно хранили.* Сама она получила в подарок от фронтовика шлем танкиста и березгла с гордостью его.

Осенью некоторые из нас, у кого позволяло здоровье, сдавали кровь. Активно работали в бытовых отрядах Аня Брянцева и Лида Головки. А Люба Соколюк, оставив учебу, ушла работать санитаркой в госпиталь. Ее очень любили раненые, называли ласково «наш соколик».

О наших мальчишках, ушедших на фронт, мы ничего не знали. В блокаду письма не получали. Удалось встретиться только с двумя юношами, возглавившими партизанские отряды, – Сашей Талашмановым и Павлом Чичериным, которые прибыли в Ленинград, чтобы получить ордена за свои подвиги.

На Средней Рогатке во время артобстрела нас спасла от гибели наша преподавательница Копчева Мария Григорьевна. Я всю жизнь помню, как она, обняв оказавшихся рядом девушек, легла сама на дно противотанкового рва и уложила девчат. А ее от смерти голодной спас в январские суровые дни Чичерин Павел. Когда я навещала Марию Григорьевну во время приезда в Ленинград на сессии (заканчивала я истфак заочно), она рассказала мне об этом. Павел Чичерин прибыл в Ленинград, чтобы получить заслуженный им орден, не забыл навестить свою любимую учительницу. Мария Григорьевна лежала истощенной до крайности в пустой холодной коммунальной квартире. Все ее соседи умерли. Когда не было артобстрелов, стояла жуткая тишина. Мария Григорьевна вспоминала при встрече со мною, что она не поверила себе, когда услышала громкий стук в дверь и человеческий голос. Павел стоял у дверей, стучал громко-громко и настойчиво повторял один и тот же вопрос: «Мария Григорьевна, Вы живы? Откройте, это я, Павел Чичерин». С огромным трудом Мария Григорьевна сползла с постели, еле-еле добралась до двери, откинула крючок и упала в голодном обмороке. Павел взял ее на руки, уложил в постель, набрал остатков деревянных вещей, затопил «буржуйку», вскипятил воду, напоил Марию Григорьевну кипятком, потом сходил в магазин, выкупил пайку хлеба, покормил ее. У Павла был с собой вещевой мешок. А в нем целое богатство – мука, выданная ему как сухой паек. Ее было немного, но эта мука поддержала ослабевшие силы учительницы. Павел размешал в мисочке немного муки с водой, пошел на кухню, нашел сковородочку, а в соседней комнате – масленку с машинным маслом (она стояла около швейной машинки), капнул на сковородку машинного масла, поджарил пресные лепешечки, угостил Марию Григорьевну. Это было великое чудо. Павка много рассказывал о жизни

партизан, о боях с фашистами, о том, как пробирался в Ленинград через линию фронта. Он возглавлял один из партизанских отрядов Ленинградской области, о нем писали в газете, называя его товарищ Ч. Павел надеялся получить хотя бы немного патронов, чтобы доставить их товарищам. Быстро пролетели незабываемые минуты. Мария Григорьевна осталась снова одна, но она ожила душой. Еще три раза заходил Павел, пока находился в Ленинграде – выкупал паек, топил «буржуйку», готовил болтушку из муки. А перед отъездом устроил Марию Григорьевну в стационар, спас ей жизнь. Об этом и через много лет не раз вспоминала старая моя преподавательница, горя о том, что любимый ее студент Павка Чичерин погиб в дни войны, о чем она узнала из заметки в журнале.

А студентку Якимову Калерию спасла от гибели Смирнова Вера, которая жила с ней в одной комнате в общежитии на Мойке. Калерия потеряла хлебную карточку с талонами на 10 дней. И Вера ежедневно делилась с нею своим скудным пайком. Из своих 125 граммов хлеба она половину отдавала Калерии, и обе выжили. Об этом вспоминала Калерия Викторовна, заслуженная учительница, пенсионерка, когда мы встретились с нею в Ленинграде, куда приехали по приглашению группы «Поиск» студентов истфака.

А я всю жизнь помню Лиду Головку и Аню Брянцеву, которые устроили меня в стационар, когда я заболела, посещали меня. А потом устроили в стационар ослабевших от голода Лиду Ракитину и Лену Леснякову. Эти девушки, работавшие с осени 1941 г. на оборонном заводе, бескорыстно помогали тем, кто ослабел от голода, хотя и сами страдали от истощения.

Когда настал день, ужасный для меня, я поняла, что с постели встать не могу, начали пухнуть руки, ноги, кое-как выбравшись из бомбоубежища, поднялась на второй этаж, где жила в то время парторг Александра Петровна Шурыгина. Она работала до войны заведующей кабинетом марксизма-ленинизма, где я так любила заниматься. Она дала мне рекомендацию, когда я вступала в партию в ноябре 1947 г. Она давала задания нашему факультетскому бюро ВЛКСМ, которое я возглавляла. И вот теперь я пришла к ней за советом – что делать? Я не смогу больше работать и учиться. Голод и болезнь свалили меня. Александра Петровна утешила меня: «Галенька, машина и та без смазки не может, а мы же люди. Не можешь вставать – не вставай, лежи. Быть может, еще окрепнешь». Она напоила меня кипятком со слабым запахом кофе. Я ушла от нее и легла, думая, что больше не встану уже.

А наутро меня и соседку мою Лиду Бугримову вызвали в партбюро. Александра Петровна сообщила, что 2 профессора, которые должны эвакуироваться, отказываются уезжать из Ленинграда. Нам с Лидой были выписаны эвакуационные удостоверения, выданы стипендии, нам предложили к 5 часам вечера явиться на вокзал для отправки на «Большую землю». Это было 2 марта 1942 г. Нам предстояло по зимнему Ленинграду

добраться до Финляндского вокзала пешком да еще с вещами. А сил-то мало...

И здесь опять попался нам добрый человек. По Невскому тащила санки, сделанные из венского стула, пожилая женщина. Она предложила нам с Лидой положить свои вещички на ее «санки». Мы впряглись трое и потащили воз. Это было в 9 ч. утра. И только к четырем часам вечера добрались до вокзала. Там получили эвакопак: по 1 буханке черного хлеба, по полкило сыра и сала. Около 5 часов вечера сели в перегруженный вагон поезда жизни. Нам досталось место в тамбуре. Но и ему мы были рады. Подкреплялись, отщипывая корочки хлеба. Ночью мы высадились из поезда. Началась наша эпопея эвакуации.

ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 4. Д. 26. Л. 2-21 об. Подлинник.

* См. письмо красноармейца И.Ф. Мошляка Г.А. Петровой (№ 236)

№ 1294

Воспоминания М.М. Котова²⁵

2005 г.

Когда началась Великая Отечественная война, я служил милиционером конвойного отделения управления милиции УНКВД г. Тамбова. Ранней весной 1942 г. получил назначение о переводе на службу в блокадный Ленинград на должность постового милиционера 16-го отделения милиции.

Город постоянно подвергался бомбежкам немецко-фашистской авиации. Фашисты забрасывали город листовками с провокациями: «Сталин вас бросил». Или сбрасывали с самолетов продукты. Мне приходилось и бандитов, и воров ловить, и трупы вывозить, и детей эвакуировать через Ладожское озеро. От голода некоторые люди лишались рассудка, превращались в животных и, убивая людей, ели человеческое мясо или продавали его на рынке. Помню, вышел приказ: «Задерживать всех, кто идет с сумками, мешками». Однажды я увидел женщину, которую вели по улице двое мужчин. Женщина была обречена. Я вступил в схватку с двумя бугаями и защитил женщину. Одного бандита ранил, другого скрутил и привел в отделение милиции.

Особенно холодной была зима 1943 г. Люди мерзли и умирали прямо на улицах. Я спасал лицо и руки, намазывая их гусиным жиром. Или же, спасаясь от мороза, закапывался в снег.

Довелось мне участвовать в прорыве блокады Ленинграда. Для того чтобы осуществить прорыв и пойти в наступление, нашим бойцам нужно было уничтожить вражеский дзот. Я с моим боевым товарищем первыми вызвались для выполнения важного задания. В полночь, перерезав колючую проволоку, мы бесшумно пробрались в расположение гитлеровцев. Вскоре заметили немецкого часового. Как только тот повернулся спиной к нам, я

бросился на часового и ударом ножа убил его. Затем мы проникли в дзот и вывели из строя пулемет. Недалеко от дзота находилась землянка. Действовать нужно было быстро. Я постучал в землянку. Вскоре дверь отворилась. За считанные секунды мы фашисту заткнули рот кляпом. Подоспевшие товарищи связали его и поволокли к своим передовым позициям. За успешное выполнение особо важного задания был награжден орденом Красной Звезды. После операции началось мощное наступление наших войск. Я вернулся в свое отделение милиции на Васильевском острове г. Ленинграда и до окончания войны работал постовым милиционером.

Музей истории тамбовской милиции УВД по Тамбовской области.
Подлинник.

№ 1295

Из воспоминаний В.Н. Жарикова²⁶

1985 г. - 10 июня 1991 г.

[...]*. Шел 1941 г. Уже по брусчатке улиц завоеванных европейских государств мощно гремели фашистские стальные траки танков. Уже властно звучала резкая немецкая речь на дорогах всей Западной Европы. Немецкие дивизии сосредоточивались на границе Советского Союза. Острие гитлеровской военной машины было направлено на восток – на нас. Об этом нам говорили, и я узнал, будучи курсантом-выпускником Киевского военного танко-технического училища.

10 июня 1941 г. в 6 часов утра подъем был объявлен не как положено по сигналу дневального роты, а училищной сиреной, т.е. по тревоге. Все училище выстраивается в боевом походном снаряжении.

Нашему выпускному курсу, который в августе должен сдавать гос. экзамены, вдруг неожиданно зачитывают приказ наркома обороны маршала С.К. Тимошенко о досрочном присвоении воинских званий «воспитанник 2-го ранга» и прикрепляют к петлицам курсантского обмундирования по два кубика. Ускоренными темпами позавтракали, получили все положенные документы и отправили на ж.-д. вокзал, даже не выдав офицерского обмундирования, – якобы все получим в воинских частях, где будем проходить воинскую службу.

Такое неожиданное событие было большим недоразумением и загадкой. Ни одной минуты не дали нам на размышление и прощание с друзьями и товарищами по учебе. Грустно и печально было на душе расставаться с училищем, командирами и однокашниками – ныне офицерами.

Мы почувствовали в этой поспешности что-то неладное и тревожное, хотя никто из командования училища ни словом не обмолвился о надвигающейся катастрофе – войне.

Слово «война» и в мыслях ни у кого не было. Мы не готовились к ней, хотя нас и учили для военных действий, и хорошо знали, что фашистская Германия буйствует и готовится напасть на нашу страну. Однако нам внушали, что правительство наше примет все меры, чтобы не было столкновения с Германией. Мы этому твердо верили.

Меня и моего товарища однокурсника Николая Карамануца (молдаванин) командировали служить в одну танковую часть г. Пушкин (Ленинград). Куда и прибыли за 10 дней до начала войны, т.е. 12 июня 1941 г.

Я был назначен зам. командира танковой роты по тех. части, а Николай – командиром мотоциклетного взвода. Наше назначение служить и жить в г. Пушкине возле Ленинграда было великим счастьем. Лично для меня быть в Ленинграде – все равно, что полет на Луну в настоящее время. Ведь город на Неве – это история нашей Родины, изучить и знать его для меня было вершиной моих мечтаний.

В свободные минуты от службы мы вместе с другом с большим интересом и наслаждением изучали и осматривали достопримечательности Царского села: его дворцы и парки, Пушкинский лицей, пруды и аллеи. Все для нас было торжественно и величаво. Вдохновению и радости не было предела. Мы находились «в девятом царстве, десятом государстве».

Лето. Хорошее лето. Наступили ленинградские белые ночи.

21 июня был субботний день – солнечный, шумливый. Кругом все расцвело и благоухало. Изумительный был Пушкин. Как всегда в эту пору зеленеют деревья в садах и парках, рано утром распевали соловьи. Так хотелось жить и наслаждаться счастьем. Кругом можно было видеть расклеенные афиши, рекламы, объявления и плакаты, где что идет и показывают в музеях и театрах Ленинграда.

Особо красивы были прелестные аллеи Екатерининского сада и ее дворец с прудами и Китай-городом. Всюду можно было видеть радостные и ликующие лица людей, приехавших из Ленинграда и других городов страны, посмотреть и походить по мраморным и янтарным залам дворца и подышать ароматным воздухом парка.

Никто не ожидал, что завтра, 22 июня, счастье и радость уйдут в небытие, начнется трагедия – страшные дни войны.

Вечером 21 июня мы договорились со своим другом Николаем Карамануца впервые поехать 22 июня в Ленинград. День был воскресный и ожидался теплым и солнечным. Это была заветная моя мечта – посмотреть и ознакомиться с городом колыбели революции. Настроение было как никогда радостное и возвышенное. Другого я ничего не успел, лишь бы походить по городу истории России. Мечта моя не сбылась. Забегая вперед, изучил этот город в трагические и черные дни блокады.

Не успев привыкнуть, ознакомиться и приглядеться к воинской части, командирам и подчиненным, а также увидеть Ленинград, мечты и желания в одно мгновение были нарушены и омрачены. Мирная офицерская жизнь была очень короткой, даже не привыкли к командирской форме одежды и [не

успели] получить первую получку. А сколько впереди было мечты, фантазии и планов на будущую жизнь. Ведь жизнь-то казалась как в сказке. В одно мгновение все перевернулось и пошло кувырком.

В пять часов утра 22 июня 1941 г. в гарнизоне была объявлена тревога. В то время подобные тревоги были часты и для нас они не являлись новостью. К ним мы привыкли и считали ее учебной. Чувствовали себя спокойно и равнодушно. Даже старшее командование не имело никакого понятия и мысли о настоящей войне. К ней никто не готовился. Все произошло внезапно. Но, оказывается, тревога-то была не учебной, а боевой. Началась настоящая война, трудные дороги жизни.

Меньше чем за час всему личному составу было выдано штатное оружие, неприкосновенный запас сухого пайка, боевое снаряжение.

Большинство танков находилось в ремонте и техническом обслуживании, т.е. в полуразобранном состоянии. Часть офицерского состава была в отпуске. В какой-то степени наша танковая часть была не в полной боеспособности.

Высшее командование растерялось, потеряв самообладание. Они недостаточно хорошо знали ни теоретически, ни практически, как поступать и действовать в подобной боевой обстановке. Для них все стало ново и незнакомо. Отсутствовала твердость духа и волевых качеств в управлении личным составом.

А вся причина была в том, что начальствующий состав ранее служил в кавалерийских частях. Они хорошо знали аллюры, вольтижировку в манежах, рубку лозы на ходу и верховую езду на конях. Их тактика в будущей войне, если она разразится, будет войной штыков и кавалерии. Но оказалось все не так. Она была войной моторов. У кого было больше танков и самолетов, тот и имел успех в бою.

Тактику боевых действий и ведения войны танковых и механизированных войск не изучали и не имели никакого представления о подобной войне. Для них все было ново и неизвестно. Никто из нас не знал, какими танками вооружена фашистская армия и их тактико-технические характеристики. Враг для нас был полной загадкой.

На вооружении нашей части были танки Т-26, БТ-2, БТ-5. В первые дни боев они оказались далеко несовершенны. Совсем не было Т-34 и КВ. На вторые сутки, т.е. 24 июня, мы могли сформировать и вывести на марш два батальона Т-26.

В ночь 24 июня вышли своим ходом в сторону Эстонии по направлению к Луге. На марше колонну неоднократно бомбили с воздуха. Имелись потери в технике и живой силе. Пока двигались, всюду выбрасывали воздушный десант – и справа, и слева, и в тылу нас. Наша колонна оказалась среди немецких десантных войск. Мы воочию убедились, что противник не имеет никакого сопротивления со стороны наших войск. Он шел в первые дни по нашей земле парадным маршем.

Первый бой мы приняли с передовыми танковыми частями вражеских войск под Лугой 20 июля. В результате этого боя у нас было сожжено около

5 танков вместе с экипажами. Как потом стало известно, такой же урон понесли от ударов нашими танками и немцы. На короткое время триумфальное шествие фашистов было приостановлено. Мой однокурсник Николай Карамануца в этом бою погиб.

Этот бой наглядно убедил нас всех, что наши танки Т-26 и БТ-5 по своим тактико-техническим и боевым качествам не отвечали требованиям современной войны. Да и по количеству их было незначительно. Мы не могли вести оборонительные бои против совершенных танков М-3, М-5, «фердинанда», «тигра» и «пантеры». Наши танки выглядели против немецких игрушечными. Иронически мы их называли «братская могила трех танкистов».

В первые часы боя старшее командование нашей части растерялось и практически не могло оперативно управлять боем, а порой была даже паника и растерянность среди них.

Тылы далеко отстали от передовых подразделений, понеся большие потери от воздушных налетов противника. Не хватало горючесмазочных материалов и боеприпасов, не говоря о продовольственном снабжении.

Танкисты от бессонницы, плохого питания физически ослабли. Материально-техническое снабжение было парализовано. Все эти и другие причины не позволили нам упорно стоять и вести бои против наступающих войск противника. Он не ощущал особого сопротивления со стороны наших войск. Передовые танковые и механизированные соединения врага намного превосходили по количеству и качеству наших танков.

Положение для нас создалось чрезвычайно опасное и тяжелое. Одна за другой налетали на нас волнами по 15-20 бомбардировщиков, сбрасывая на наши танки смертоносные фугасные авиабомбы, а истребители прочесывали всю местность очередями крупнокалиберных пулеметов. Оглушительно рвались бомбы, трещали пулеметы, грохотали пушки. Все кругом горело и заволкло дымом.

В эти дни припоминается мне один трагический эпизод. Мы заняли оборонительный рубеж между Лугой и Ленинградом в одной из березовых рощ. Недалеко от нас тысячи людей из Ленинграда и местных жителей вместе с красноармейцами строили оборонительные укрепления (копали окопы, противотанковые рвы и траншеи, устанавливали надолбы и т.п.). Видим, на низкой высоте летит один немецкий самолет-разведчик (как мы его называли – «костыль») и начал разбрасывать листовки такого количества, что солнце затмилось. Ветром они разлетались по большой территории. Несколько листовок упали в расположение нашей части. Никогда не забуду их издевательское содержание: «Ленинградские дамочки! Не ройте ямочки. Все равно наши таночки пройдут ваши ямочки!». А в другой листовке написано: «Присылаем вам бригадира-еврея».

Прошло не очень много времени – слышим гул самолетных моторов. Поравнявшись с работающими людьми, они начали сбрасывать в кассетах бомбы малого калибра весом 5-10 кг. На низкой высоте кассеты разрушались, а бомбы падали на землю, как град в грозовой дождь, рвались.

Вместе с кассетами бомб сбрасывались пустые железные бочки с пробитыми в них отверстиями. При полете они издавали необыкновенно страшный звериный вой, пронзительный свист и гул, что наводило панику и страх.

Люди истерически кричали, плакали, бежали, не зная куда, спасаясь от разрыва десятков тысяч мелких бомб. Когда пыль и гарь улеглись, мы увидели десятки сотен (невозможно было подсчитать) убитых и раненых. В одной бочке был замурован (уже мертвый) человек с листовкой в руках следующего содержания: «Вот вам бригадир-еврей! Такая участь ожидает всех евреев».

Густая пелена дыма и пыли окутала путь нашего движения. С боями и малым количеством оставшихся танков мы начали отходить в направлении Ленинграда, сдерживая формированное продвижение войны противника. Одновременно нам пришлось пробиваться и вести бой с отдельными десантными группировками, находящимися уже почти под Ленинградом.

Полагая, что силы Красной Армии уже достаточно ослаблены и не могут оказывать серьезного сопротивления на Ленинградском стратегическом направлении, гитлеровское командование решило одним ударом преодолеть последнюю преграду нашего сопротивления, бросило на нас дополнительные танковые соединения с целью окружить и уничтожить нашу группировку и открыть себе дорогу на Ленинград.

Наши немногочисленные силы вели упорные бои, нанося чувствительные потери немцам, не давая возможность ускоренным маршем продвигаться им к городу. Однако силы были явно неравны. С боями и большими потерями мы были вынуждены отступить.

29 августа наша часть оставшихся танков подошла к окраине Ленинграда. В районе Кировского завода все боеспособные танки Т-26 мы закопали в капониры и стали использовать их как оборонительные стационарные огневые артиллерийские точки – типа дотов.

Стремительные атаки фашистской армии, их чрезмерные усилия прорваться вперед к Ленинграду и войти в город ни к чему не привели. Шли жестокие и кровопролитные бои. Мы стояли насмерть, чтобы не отдать город.

Видя, что лобовым ударом на улицы Ленинграда им не войти, гитлеровское командование решило его обойти восточнее по реке Волхов и соединиться с белофинской армией в районе Ладожского озера. Но и этого ему не удалось. Однако с захватом города Шлиссельбург 8 сентября 1941 г. гигантские стальные клещи охватили Ленинград. Город на Неве был изолирован от внешнего мира. Все пути и дороги были отрезаны. Прекратилось всякое движение и сообщение с «Большой землей». Начались мрачные и черные дни 900-дневной блокадной жизни Ленинграда (с 8 сентября 1941 г. по 28 января 1944 г.).

Помню, как вражеские танки, сопровождаемые пехотой, 10 сентября, т.е. в первые дни окружения города, бросились в атаку в том месте, где были установлены наши танки, но наткнулись на убийственный огонь пулеметов и 45-мм танковых пушек, который косил пехоту и сжигал танки. Вся передняя

полоса обороны была устлана трупами немецких солдат и офицеров. Соппротивление врагу возрастало с каждым днем, чтобы не допустить прорыва немцев в город.

Город Ленинград пережил великую трагедию за время блокады. Он горел и разрушался. Но страшнее всякой бомбежки и обстрела был голод. В неотопливаемых квартирах прочно поселился холод. Полностью было разрушено водоснабжение и канализация. Прекратилась подача электроэнергии.

Безжалостно истощенных людей смерть настигала в различном положении: на улице, передвигаясь, человек падал и больше не поднимался. В квартирах ложился спать и засыпал навечно. Часто у станка обрывалась жизнь. Только от голода умерло более полумиллиона человек (хотя их никто не подсчитывал). Но статистика гласит точную цифру – 650 тысяч.

Мне, как непосредственному участнику и очевидцу того времени, пришлось видеть и пережить всю трагедию блокадных дней. Чтобы описать всю катастрофу и трагедию жизни ленинградцев того периода, понадобится ни один том.

Когда кольцо блокады замкнуло Ленинград, линия обороны Ленинградского фронта уменьшилась в несколько раз. Потребность в офицерском составе соответственно тоже сократилась. Часть командного состава было откомандирована в резерв, который находился на ул. Канал Фонтанки, дом 117, где я находился с 12 сентября 1941 г. по 19 ноября 1941 г. Весь офицерский состав, находящийся в резерве, выполнял ответственную оперативную задачу: круглосуточное патрулирование по улицам города, т.к. город находился на осадном положении. За время патрулирования по улицам и переулкам, площадям и скверам нам пришлось видеть и предотвращать всякие события и ситуации.

Чтобы рассказать в коротком воспоминании все, что знаю и помню за время патрулирования, абсолютно невозможно. Для этого понадобится много бумаги. Да и память за 50-летие стала коротка, многое позабыто, воскресить очень трудно.

Однако на одном очень важном историческом моменте мне хочется остановиться подробнее, о котором никогда, нигде и никто не упоминает ни в одной исторической книге, ни в одних воспоминаниях и мемуарах. А именно: почему так скоротечно и быстро началась голодовка, а за ней и смертность? Почему в первые и последующие дни налеты авиации и артобстрелы в первую очередь поражали только важные промышленные и стратегические объекты? Почему немецкая авиация все эти цели хорошо знала и точно их поражала?

Нужно помнить, что началось на 24-[м] году социалистической революции, когда в бывшей столице России Петрограде остались жить и жили десятки тысяч бывших дворян, помещиков, буржуазии разного рода эмигрантских направлений от монархистов до эсеров и меньшевиков, а также родственников белых эмигрантов, которые не успели выехать за границу.

Они с нетерпением ждали краха советского строя и реставрации капитализма, возврата старого строя.

С первых дней налета авиации всюду можно было видеть полет сигнальных ракет и лучей карманных фонарей возле важных стратегических объектов, крупных заводов и продовольственных складов, указывающих цель бомбежки. Бомбы точно падали в намеченные объекты. Вот эти-то люди и были оснащены позывными сигнальными предметами (ракетницами, фонарями, вплоть до радиопередатчиков). Они-то и указывали цель бомбежки. В первые дни бомбардировки города полностью сгорели продовольственные склады, не оставив ни одного грамма хлеба. В том числе дотла сгорели центральные Бадаевские продовольственные склады. Вследствие этих причин началась мгновенная голодовка.

Вот один из эпизодов нашего патрулирования, впечатляющий случай ночного дежурства по улицам города.

В конце сентября 1941 г., патрулируя возле Пролетарского завода (тогда так назывался этот завод), мы увидели освещенное окно на 3-м этаже. Поднимаемся и стучим в дверь этой квартиры. Дверь долго не открывали. Стали стучать сильнее, с намерением взломать ее. Слышим, возле двери кто-то начинает греметь защелкой. Открывает нам девочка в возрасте 10-12 лет, истерически начала плакать. Входим в комнату и видим два трупа – женщину и мужчину. Возле мужчины лежит пистолет «браунинг», а на столе стоит радиопередатчик.

Спрашиваем девочку: «Кто это за люди и что случилось? Почему они мертвы?». Девочка немного успокоилась и поведала такую историю: «Мы с мамой легли спать. Мама еще не уснула и слышит, что в другой комнате говор на немецком языке. Она встала и пошла к папе. Видит странную вещь, что он на немецком языке что-то передает по радио, как будто с каким-то немцем разговаривает. А мы никогда не знали, что наш папа в совершенстве владеет немецкой речью. Папа, наверное, испугался, что он предатель и убил маму. Я начала плакать. А когда было слышно, что кто-то поднимается на 3-й этаж, он догадался, что идут патрули, он стреляет в себя». Так путано поведала нам девочка об отце, завербованном немецкой разведкой. По-видимому, он не единожды по рации передавал все цели бомбежки и артобстрела.

Основная задача нашего патрулирования – это вылавливать сигнальщиков. Всех, кого с поличным задерживали, расстреливали на месте – такой был приказ коменданта города.

[...]*. Находясь в резерве командного состава Ленинградского фронта, на Фонтанке, 117 с 15 сентября 1941 г., от истощения я тяжело заболел. Все тело покрылось фурункулами, карбункулами в комплексе с чесоткой. Появились признаки дистрофии. Движение стало затруднительным. В теле невыносимая боль. Ночами не спал, качая головой и стеноя. Так хотелось есть, что порой в голову лезла мысль: вот сейчас бы хорошо поесть и можно умирать. Не верилось, а буду ли я когда сыт? Так хотелось уйти на передовую – ведь там кормили хорошо.

Желание и мечта мои скоро сбылись. 10 ноября 1941 г. группу командиров, в т.ч. и меня, погрузили на полуторку и повезли в сторону Ладожского озера. Привезли нас туда полуживых и полумертвых, истощенных, да еще простывших. Время было холодное. Ехали от Ленинграда до с. Ваганово в открытом кузове. Разгрузили нас живыми трупами, еле передвигавшими ногами. Началась новая фронтовая жизнь на ледяной трассе Ладожского озера – «Дороге жизни».

Прибыв на берег Ладожского озера после перенесенного истощения, болезни и простуды, я окончательно свалился в постель. А постели-то никакой не было. Установили большую палатку на 25-30 человек, поставили там железную печку из 200-литровой бочки, а на землю для подстилки нарубали сосновых веток. Вполне можно было жить. Питание было хорошее – как по количеству, так и по качеству. В течение нескольких дней я пошел на поправку. Набирал силы и радость к жизни. Поверил, что хлеб и молодость победят смерть. Для лечения фурункулов мне хорошо помогал чай из сосновых почек (витаминный чай), а медицинская сестра (фельдшер) ежедневно смазывала все тело раствором соляной кислоты – лечила чесотку. (Очень жаль, что не помню ее фамилию, но знаю – она из Ленинграда). В течение нескольких дней здоровье резко улучшилось, стал работоспособным.

В это время на берегу озера с. Ваганово в 100-150 м от спуска на ледяную дорогу в лесочке формировалась новая в/часть – 1-я отдельная эвакуационно-тракторная рота (1-я ОЭТР). Меня назначили на должность заместителя командира роты по технической части. Командиром роты был ст. лейтенант Дмитриев (имя и отчество забыл) – бывший директор МТС в Псковской обл.

Для комплектования материальной частью тракторы поступали из близлежащих МТС Ленинградской обл. и др. промышленных предприятий. Отдельные тракторы приходили технически неисправными, их доставляли на буксире. Те, которые не в состоянии было отремонтировать, их разбирали на зап. части.

Рота состояла из двух взводов. Один взвод был укомплектован 25 тракторами тяжелого типа ЧТЗ-С-60. Командиром взвода был ст. лейтенант Павлов (ленинградец, бывший зав. гаражом города).

Другой взвод имел 30 легких тракторов СТЗ-НАТИ-3. Командиром взвода назначен старшина св[ерх]срочн[ой] сл[ужбы] Панушкин (родом из Сибири, имя и отчество не помню).

Трактористы прибывали в большинстве случаев вместе с тракторами.

В первые дни нашего формирования рота входила в подчинение начальника военно-автомобильной дороги (ВАД-101) полковника Монахова.

Перед ротой стояла боевая и ответственная задача:

1. Очистка дороги от снежных заносов по трассе мыс Осиновец–остров Зеленцы с разветвлением на с. Кобоны и Лаврово, т.е. содержание этого участка дороги в постоянном проезжем состоянии, чтобы автомобили ходили бесперебойно и круглосуточно.

2. Эвакуация и буксировка поломанных, застрявших и аварийных машин с проезжей части дороги на сборный пункт аварийных машин (СПАМ) с. Ваганово – там, где размещались передвижные ремонтные базы.

3. Перевозка на тракторных саях всех тяжелых и габаритных грузов, поступающих для фронта и промышленных предприятий города. А в дни, когда таких грузов не было, – перевозить продовольствие.

В начале декабря 1941 г. мы стали подчиняться начальнику ВАД-102 генерал-майору А.М. Шилову.

От с. Кобоны до ж.-д. станций Войбокало и Жихарево, т.е. грунтовую дорогу, обслуживала другая в/часть – 20-я отдельная эвакуационно-тракторная рота (родственная нашей роте – как бы близнецы). На базе этой роты формировалась наша 1-я рота.

Основной и ответственный участок дороги у нас был – это ледяная трасса Ладожского озера от пос. Кокорево до с. Кобоны.

Первый взвод, укомплектованный тяжелыми тракторами ЧТЗ-С-60, обслуживал грунтовую дорогу от пос. Кокорево до ж.-д. ст. Осиновец, Борисова Грива и др. ответвления, т.е. западный берег озера.

Второй взвод, укомплектованный легкими тракторами СТЗ-НАТИ-3, был закреплен [за] ледяной трассой от западного берега до восточного берега с. Кобоны.

Всю вторую половину ноября и первую декаду декабря 1941 г. л/состав роты с утра и до позднего вечера ежедневно занимался ремонтом и техническим обслуживанием тракторов, т.е. подготовкой их к трудной и ответственной работе. Изготавливали деревянные сани и снегоочистители.

Уже в начале ноября наступили морозы, а во второй половине месяца они усилились до 20-25 градусов. Работа по ремонту резко осложнилась, т.к. л/состав не имел теплой одежды, обуви и рукавиц. Металл, детали, инструмент так настывал, что голыми руками брать их было абсолютно невозможно. В фуфайках и шинелях трактористы мерзли. Из-за отсутствия валенок ноги настывали так, что они делались одеревеневшими. Многие трактористы обмораживали ноги, руки и лица. Возле каждого трактора разжигали костры – грели руки, ноги, детали и инструмент.

В один из вечеров в конце ноября на горящие наши костры налетели три немецких самолета, и было сброшено большое количество мелких бомб, но, к нашему счастью, точно в цель не упали, разорвались в стороне.

После такого случая открытые костры разжигать мы прекратили. А без костров и тепла работать было абсолютно невозможно. Нужно было что-то придумывать, чтобы не демаскировать себя и в то же время создать условия для работы.

Выход был найден. Все тракторы, требовавшие восстановления, сконцентрировали в одном месте и расставили их по окружности, а в центре круга установили несколько 200-литровых железных бочек, которые выполняли роль обогревательных печек. Изготовили из кровельного железа выводные трубы, уложили их по земле. В результате дым и пламя шел не вертикально вверх, а рассеянно стелился по поверхности земли. Открытого

пламени и дыма не было видно. Это обеспечило нам маскировку и хороший обогрев красноармейцев, а также нагрев инструмента и деталей.

Однако от обморожения и простуды л/состава мы не спаслись – часть заболела. Трактористов не стало хватать. Впоследствии для изготовления снегоочистителей и саней были привлечены люди из других в/частей.

В первой декаде декабря весь тракторный парк, который можно было восстановить, был введен в строй. Тяжелые тракторы ЧТЗ-С-60 были задействованы в работу по расчистке, выравниванию и грейдированию грунтовой дороги от пос. Кокорево–Ваганово–ж.-д. ст. Ладожское озеро–Борисова Грива–Осиновец, т.е. по зап. стороне озера.

Помню вечер 5 или 7 декабря 1941 г.: только что погасили печки у тракторов и пришли в палатку. Старшина роты ст. серж[ант] Кузьменко (точный адрес не помню, но знаю, что из Украины) принес нам разогретые мясные консервы и хлеб. Хорошо растопили печку и, лежа на сосновых ветках, расположились поужинать. Вдруг ком. роты ст. ле[йтнан]т Дмитриев кричит: «Тревога». Где-то недалеко от нас по берегу озера шел отряд финнов в сторону нашей роты. Побросали кушать и с оружием весь л/состав вышел к берегу в сторону вероятного движения противника. Залегли в кустарниках. Лежали до самого утра, но он не появился. По-видимому, они отошли назад, не решились углубляться в тыл нашего расположения.

В конце ноября-начале декабря пошли снегопады. Дорогу заметало. Движение автомашин замедлилось. Нужно было принимать срочные меры по расчистке льда от снежных заносов. Ручная очистка не давала хороших результатов. Другой дорожной техники по очистке снега на дорогах не было. Приходилось привлекать для этой цели очень большое количество людей, да и очистка шла медленно. К тому же большое скопление народа на белом фоне снега для противника было хорошей мишенью артобстрела и налета авиации, что он систематически и совершал.

Пытались зацеплять малые снегоочистители за автомобили, на колеса которых надевали цепи, но также эффекта хорошего не было, т.к. снег был глубокий, и они или застревали, или буксовали.

А пурга и снег с каждым днем все усиливались. Дорога по льду делалась труднопроходимой. Колонны автомашин застревали и скапливались большими группами, не могли идти. Противник вел по ним прицельный интенсивный артобстрел и налеты авиации. Нужна была срочная помощь делать дорогу проезжей.

Начиная с 8-10 декабря 1941 г., командование фронта и ВАД-102 пытались посылать тракторы на лед, но он их не выдерживал. Один трактор СТЗ-НАТИ-3 под управлением опытного тракториста ст. серж[анта] Русакова (родом и жил [в] Рязанской обл.) первый день прошел 200-300 м от берега и вернулся. Лед начал трескаться и деформироваться. Дальше двигаться было опасно.

Через 2 или 3 дня была вторая попытка. Трактор прошел чуть дальше – приблизительно около одного км. Лед также начал прогибаться. Дальше идти на риск не стали.

Через каждые 2-3 дня пробные выходы повторялись. Расстояние постепенно увеличивалось. У всех на душе и сердце появлялась уверенность, что недалек тот день, когда трактор преодолеет весь ледяной маршрут.

К 20 декабря мы продвинулись от берега до 8-10 км. Таким образом, к этому времени был большой успех. Лед уже очищался механическим способом около 10 км от западной стороны озера.

Каждый раз с затаенным дыханием командование ВАД-102 и мы сопровождали этот трактор до тех пор, пока он мог идти. Ждали счастливого дня и часа, когда наш трактор со снегоочистителем (мы называли его «утюгом») пройдет сквозной путь по льду от Кокорево до с. Кобоны.

Все хорошо знали и глубоко понимали, что единственное спасение Ленинграда – это открытие ледяной дороги по Ладожскому озеру, как живительный путь, по которому можно будет производить массовую эвакуацию людей, а на обратном пути перевозить продовольственные и военные грузы для фронта. Но для этого нужно было скорейшее наступление сильных морозов, чтобы лед мог выдержать не только легкие автомобили ГАЗ-АА, но и наши трактора СТЗ-НАТИ-3. Не теряя ни дня, разведывательные группы систематически обследовали состояние льда, измеряя его толщину и прочность. С нашей стороны все было подготовлено для успешной работы по расчистке ледяной трассы от снежных завалов.

К 25 декабря на льду создалась критически опасная обстановка. Движение практически было приостановлено. Нужна была срочная работа по очистке пути от снежных заносов. Противник начал интенсивно бомбить и обстреливать.

Большим и опасным препятствием преодоления всего ледяного маршрута было место на середине озера, где оно замерзло плохо и медленно (шириной 70-80 м). Для прохода автомобилей были сооружены (построены) переходные плотины, гати, переезды из настила бревен, жердей, хвороста. На все это насыпали снег и заливали водой. Все эти инженерные сооружения замерзали в прочный единый монолит. Автомобили проходили по ним безопасно. Для прохода тракторов нужно было их усилить. Строительные подразделения и дорожно-эксплуатационные части круглые сутки работали над укреплением и усилением этих переправ.

25 декабря был решающим и ответственным днем нашей работы. В расположение роты прибыли офицеры штаба Лен[инградского] фр[онта], начальник дороги ВАД-102 генерал Шилов и много других офицеров. Перед нами была поставлена ответственная и боевая задача: сделать сквозной выезд тракторов по льду до с. Кобоны, немедленно начать расчистку льда от заносов, вытащить и отбуксировать застрявшие и поломанные машины.

25 декабря вышли два трактора. Трактористы были отобраны самые лучшие и опытные. Одним управлял ст. серж[ант] Русаков (тот, который делал пробные выезды). Впоследствии ему было присвоено в[оинское] зв[ание] мл. лейтенан[та] и [он был] назначен ком. взвода. На втором был старшина св[ерхсрочной] сл[ужбы] ком. взвода Панушкин (сибиряк).

Были приняты все меры предосторожности по технике безопасности. В случае, если трактор провалится и потонет под лед, то тракторист мог бы своевременно покинуть его. Для этой цели было предусмотрено управление рычагами вне кабины. Тракторист, сидя на снегоочистителе при помощи веревок, привязанных к рычагам поворотов, и педали муфты сцепления управлял движением, поворотом и остановкой его. Это позволяло трактористу быстро покинуть трактор, если он начнет проваливаться под лед и тонуть.

Весь путь – кто на легковых машинах, а кто пешком – сопровождала группа офицеров штаба фронта и военно-автомобильной дороги. Всех не покидало сомнение, а пройдут ли они? Не уйдут ли под лед? Так были напряжены нервы и чувства, что сердце замирало от страха. Порой не чувствовали, есть ли опора под ногами. Никто из сопровождающих не промолвил ни одного слова. Все думали только про себя: «Да пусть свершится победа и восторжествует счастье».

К нашему счастью и радости, оба трактора преодолели опасный участок переправы и достигли с. Кобоны. Чудо свершилось. Когда они поднялись на грунтовую дорогу восточного берега, все мы, как малые дети, от радости и восторга обнялись и крикнули: «Ура! Ленинград получит хлеб и будет спасен».

Этих двух трактористов-героев торжественно подняли на руки и отнесли в один [из] ближних домов, где был питательный пункт, пышно и празднично накормили. Впоследствии они были награждены медалями «За отвагу». История человечества не знала когда-либо подобного героического похода, чтобы по льду Ладоги прошли такие корабли на гусеницах, как тракторы. Смелости и мужеству не было предела.

Тракторная навигация по всему льду от западного берега до восточного на расстоянии 30-35 км открылась. Все вздохнули полной грудью, и появилась вера, что теперь дорога будет жить и работать круглосуточно. Радость была безгранична, т.к. все тракторы могут ходить по льду смело и безопасно. Особо нуждался фронт и предприятия в тяжелых грузах.

Сразу же после успешной операции двух тракторов на лед было пущено 15 тракторов со снегоочистителями. В течение нескольких часов трасса была расчищена, машины вытащены из снежного плена, а те, которые не могли идти своим ходом, были отбуксированы на СПАМ.

На счастье всем нам, морозы не уменьшались, а крепчали и доходили до 30 градусов. Это гарантировало безопасность нашей работы. Появилась смелость и уверенность выполнения боевой задачи.

Ленинградцы ждали от нас спасения. Но пурга и снег мести не переставали. Дорога заметалась так быстро, что еле успевали ее расчищать. Нужна была чистота дороги, как основа бесперебойного движения и перевозки грузов. Таким образом, наша в/часть являлась нервом боевой деятельности ледяной и грунтовой дороги по безостановочной перевозке продовольствия и военного снаряжения.

Уместно вспомнить и то, что автомобили того времени ГАЗ-АА (их тогда называли полуторки, грузоподъемностью 1,5 тн.) были технически не совершенны во всех отношениях. Но самым главным недостатком была очень плохая проходимость. Всюду буксовали и застревали при малейшем снежном заносе и не могли двигаться без посторонней помощи. Им нужна была только хорошая и ровная дорога. Система охлаждения у них быстро замерзала, что приводило к аварии двигателя. Всем, чем можно, шоферы старались утеплять радиатор. Питание и зажигание работали с большими перебоями. Все эти недостатки приводили к тому, что автомобили часто выходили из строя. По этим причинам нам приходилось не столько заниматься дорогой, сколько буксировкой поломанных и аварийных автомашин.

Не меньше технических несовершенств имели и тракторы. При больших морозах смазка двигателя застывала так, что коленчатый вал невозможно было провернуть. Чтобы запустить двигатель СТЗ-НАТИ-3, нужно было прокручивать коленчатый вал веревкой, привязанной за рукоятку, не менее чем четверем человекам.

А у ЧТЗ-С-60 запускался двигатель ломиком за маховик. Порой этот ломик выскакивал из рук и тяжело травмировал тракториста. Перед запуском двигателя нужно было подогреть картер, чтобы смазка была жидкой и теплой. С этой целью были изготовлены тазы, куда заливали керосин и клали туда мелко напиленные чурки дров. Все это разжигали и подставляли под картер. Вместо воды в радиатор заливали антифриз. Он настывал так сильно, что если попадал на голые руки при ремонте радиатора, кожа сразу же обмораживалась (сжигалась как огнем).

Топливо для двигателя – применялся керосин и лигроин. При больших морозах оно густело, образовывались кристаллы льда, система питания забивалась. Чтобы не застывал двигатель, он не глушился и работал круглосуточно (если он находился в рейсе).

Все эти недостатки затрудняли нормальную эксплуатацию. Отдельные трактористы проявили находчивость и смекалку – предложили своего рода рацпредложение. Питательные трубки изготовили в виде змеевиков и установили их вокруг выхлопных коллекторов. В результате чего горячее из бака, проходя вокруг нагретого коллектора, в карбюратор поступало теплым. Это облегчало запуск двигателя.

Условия работы на тракторах были архитяжелыми. Нужно учесть и большую опасность работы на трассе – это систематические налеты авиации и артобстрелы противником.

С 26 декабря рота разделилась на две группы. Одна группа с 15 тракторами СТЗ-НАТИ-3 и 12 ЧТЗ-С-60 переехала на постоянное место дислокации в с. Кобоны, а другая с таким же количеством тракторов осталась на западном берегу возле с. Ваганово (у Вагановского спуска). Дорогу разделили на две равные части и работали навстречу друг другу. На льду работали только легкие тракторы СТЗ-НАТИ-3.

Особое внимание уделили утеплению кабин. Для ночной работы на всех тракторах установили впереди и сзади фары для освещения пути. Чтобы лучи света не рассеивались по сторонам, на фары поставили защитные козырьки. Свет пучком направлялся только вниз на дорогу (для маскировки). Радиаторы утеплили одеялами, мешковинами и др. отходами. Потом поступили специальные капоты. Каждый тракторист применял максимум выдумки и смекалки, чтобы в кабине было тихо и тепло (хотя бы не продувал ветер). Кабина стала своего рода местом для жизни и родным домом.

С 25 декабря 1941 г. началось круглосуточное дежурство тракторов по всей трассе движения автомобилей. Через каждые 4-5 км участка дороги работали тракторы. Лучшие тракторы по своему техническому состоянию с опытными трактористами в количестве 15-18 штук были оборудованы тракторными санями с установленными на них будками-теплушками. Они были задействованы для перевозки в одном направлении в сторону с. Кобоны эвакуированных, а обратно грузились тяжелые и габаритные грузы (военная техника для фронта и др. материалы и оборудование промышленным предприятиям города). Если таких грузов не было, то загружались продовольственными товарами.

День и ночь, ночь и день гудели двигатели тракторов, работая по расчистке дорог и перевозки грузов. Самым дорогим и ценным грузом для нас был – это перевозка в теплушках отощавших и измученных людей, эвакуируемых из города вглубь тыла. Подробнее остановиться хочу на транспортировке людей из Ленинграда.

До того, как вышли тракторы на лед, людей перевозили часть в автобусах, а большинство в открытых кузовах грузовых машин. Голод, истощение, потеря сил и здоровья приводили к тому, что в открытых кузовах люди сильно настывали и замерзали. На берег с. Кобоны привозили трупы. Были случаи, когда машина застревала, и приходилось долго им сидеть в кузове, ожидая, когда она выйдет из снежного месива, а то и ждать прихода трактора. Порой добирались по льду дольше, чем на тракторе. Люди не выдерживали сильных морозов, погибали.

Командование нашей роты предложило перевозку людей производить в тракторных будках-теплушках. Правда, ехали чуть медленнее, но зато они находились в тепле. А самое главное – они могли там греть чай и подогревать кушанье. Некоторые трактористы кормили их даже горячей кашей или супом. Дело в том, что предприимчивые и находчивые трактористы собирали рассыпанную крупу на погрузочно-разгрузочных пунктах и варили из нее суп или кашу (больше суп). Вот этим-то обедом они и кормили изголодавшихся ленинградцев. Люди душевно были очень довольны и благодарны такой транспортировке.

Командование ВАД-102 поддержало нашу инициативу и гуманные действия. Люди в очереди ожидали прихода наших теплушек, не желая ехать в открытом кузове.

Получили указание – перевозить в первую очередь детей, престарелых, больных и истощенных. Организацией посадки и регулировкой занимался специальный представитель от командования ВАД-102.

Были для нас печальные и трагические дни.

В начале января 1942 г. на ледяной трассе замерз тракторист Михайлов (родом [из] Рязанской обл.). Вытаскивал застрявшую машину с цистерной, заполненной питьевым спиртом. Шофер в знак благодарности угостил его. Угощение видимо было чрезмерное. Результат – потеря самообладания и смерть.

А в марте 1942 г. еще постигло роту несчастье – без вести пропал наш командир роты ст. ле[йтенан]т Дмитриев. По нашим ориентировочным данным, мы так предполагали, что он, выйдя одиночно на ледяную дорогу в сторону работающих тракторов, по-видимому, провалился в незамерзшую воронку от бомбежки и утонул.

Командиром роты был назначен командир одного взвода ст. ле[йтенан]т Павлов.

В январе 1942 г. часть трактористов вышли из строя по причине обморожения. Создалось критическое положение. На ряде тракторов не было трактористов. За рычаги управления сели офицеры, умеющие управлять трактором. Но длилось это недолго – несколько дней. Придавая важную роль в боевой деятельности нашей в/части, командование фронта направило нам пополнение из расчета два человека на каждый трактор. Таким образом, л/состав стал работать посменно, что обеспечило нормальный отдых людям.

К этому времени все трактористы были одеты в меховые полушубки и обуты в валенки. Работа намного облегчилась. А самым главным улучшением условий труда и жизни трактористов было то, что мы на всех снегоочистителях установили маленькие будки-теплушки треугольной конфигурации. Внутри утеплили фанерой и установили там маленькие железные печки, специально изготовленные в Ленинграде и привезенные нам. Это новшество обеспечило утяжеление веса снегоочистителя, а тем самым и улучшило очистку дороги. Также были созданы условия, где трактористы могли обогреться, подогреть чай и приготовить кушать. Потом все напарники перешли жить в эти теплушки. Это было их приютом и домом родным. Там они жили, спали и готовили кушать. Одновременно они выполняли роль обогревательных пунктов и для шоферов, вынужденных по какой-либо причине останавливаться.

Зима 1941/42 гг. была очень снежной. Дорогу, а особенно ледяную, заносило и заметало моментально. Машины застревали и буксовали. Работали бесперебойно и круглосуточно.

В течение 4-5 дней в результате расчистки снега накапливалось столько, что по сторонам дороги поднимались такие высокие сугробы (гребни), что машины шли между этими завалами, как по горным туннелям. Высота их достигала 1,5-2 метра, кабин не было видно.

Нужно было прокладывать путь в другом месте, параллельно старой. Через каждые 10-12 дней расчищали (прокладывали) новую колею, т.к. по

одному пути движение в течение 5-8 дней не разрешалось. Лед нарушал свою структуру и разрушался. Нужно было давать льду отдохнуть и окрепнуть. Движение было только односторонним.

По приблизительным данным, за зимнюю навигацию 1941/42 гг. тракторами нашей роты было проложено по льду дорог около 1700 км, и все их нужно бесконечно очищать. Для всех нас был адом труд. Мы совсем не имели ни отдыха, ни остановки. Командиры взводов постоянно жили вместе с трактористами в теплушках.

В моем расположении, как зам. ком. роты по т[ех]части, была походная мастерская на шасси автомобиля ГАЗ-АА. В ней имелся слесарный верстак, тиски, настольная дрель, э[лектро]наждачное точило и ряд другого набора приспособлений и инструмента, необходимого для срочного ремонта, устранения поломок и технического обслуживания.

С утра и до позднего вечера, а часто и ночью, челночным способом объезжал все тракторы, работающие на трассе. Там, где имелись поломки или какие-либо другие технические неисправности, нуждающиеся в оказании помощи, устранялись на месте.

Со мной находилась бригада из трех человек. Почти постоянным местом жительства нашим была эта мастерская.

Работа на ветру, [в] пургу, [на] морозе и под артобстрелом заставляла нас делать из невозможного возможное. Не однажды обмораживались и засыпали на ходу. Но мы хорошо понимали, что выход трактора из строя и остановка его хотя бы на один день – это чрезвычайное происшествие. Ибо от его работы зависела интенсивность движения, а значит, и перевозка грузов. Нам было нелегко, порой опасно для жизни, но мы твердо знали и клялись, что при любых трудностях, пока живы, Ленинград нужно спасать.

Нужно отметить, что наша рем. бригада неоднократно оказывала техническую помощь и шоферам. Были случаи, когда автомобиль останавливался и не мог двигаться по какой-либо поломке. Нам приходилось помогать ему, ремонтируя мелкие поломки.

Однажды, а это было в начале марта 1942 г., видим – стоит автобус, не доехав с. Кобоны 5-6 км. Стоял он долго. Мы догадались, что с ним что-то случилось. Подъезжаем к нему и видим печальную и мрачную картину. Шофер на морозе плачет, не может один устранить поломку. А в салоне автобуса сидят люди (15-17 человек). Все-то они отошавшие, измученные и простывшие. У всех слезы и умоляют оказать помощь и спасение. Спрашивают: «А далеко ли еще ехать?». «Мы очень есть хотим», – в один голос взмолились. Оказывается, у автобуса рассыпалась задняя рессора. Шоферу одному не справиться на таком морозе.

Решение было принято быстро. Всех пассажиров пересадили в свою отапливаемую походку и отвезли в с. Кобоны – туда, где их собирают для отправки на «Большую землю». А мы втроем за это время, пока вернулась автопоходка, собрали и поставили ему рессору.

Нельзя не вспомнить и такой случай из моей жизни на Ладоге. Не помню конкретное число, но точно знаю, что это было в январе 1942 г.

Наш ординарец – красноармеец Звуков (родом из Рязанской обл.; почему-то много было у нас рязанских), нашел спрятанный в снегу сверток. В связи с этой находкой уместно и, наверно, нужно рассказать всю правду. А правда заключалась вот в чем: отдельные шоферы, перевозя продовольствие, крали и прятали в снег все то, что легко можно было расфасовать или вскрыть.

И вот наш ординарец, идя по дороге, заметил след по снегу в стороне дороги. Он догадался, что кто-то, вероятно, спрятал краденые продукты. Подходит к этому месту и видит, что, действительно, замаскированная в снегу лежит связка. Он обрадовался – дескать, вот теперь можно и пожить. Принес эту находку в палатку и стал ждать вечера, когда мы, все офицеры, вернемся с дороги, чтобы из найденного приготовить ужин.

Похвалившись и показав нам эту драгоценную находку, стал разворачивать. На глазах всех нас он испугался и уронил ее из рук. Мы в недоумении и растерянности подняли этот пакет. Там, оказывается, был завернут замерзший грудной ребенок. Для всех нас было печальное и удручающее зрелище. Мы потеряли самообладание и растерялись – а что же делать дальше? Успокоившись, взяв себя в руки, приняли умное и гуманное решение: утром следующего дня захоронили по христианскому обычаю.

Оказывается, эвакуированная мама, по-видимому, сама была измученная и обессиленная, по дороге у ней умер ребенок, и вынуждена была оставить его и закопать в снег.

Мне приходилось видеть жуткую картину в с. Кобоны, когда люди ожидая поезда для отправки в тыл страны, умирали от голода и сильных морозов. Всюду можно было видеть там трупы.

А вот пример садизма и варварства фашизма. В апреле 1942 г., наверно, 10-[го] или 12-[го] числа, а точнее, накануне религиозного праздника Пасхи (этот день хорошо помню и забыть его никогда нельзя) я поехал на машине в Ленинград, чтобы получить зап. части к тракторам из склада фронта. Подъезжая к окраине города, вижу – летит один фашистский самолет (как их тогда называли – «костыль»), посыпались из него листовки. Ветром их разнесло по большой площади.

Две листовки упали в наш кузов автомобиля. Читаю и вижу – там написано издевательское поздравление: «Жители Петрограда! Поздравляем вас с наступающей Пасхой! В честь этого праздника мы вам подарим куличи. Христос Воскрес!». Не успел прочитать эту кощунственную листовку, как вижу – летят на не очень высокой высоте несколько немецких бомбардировщиков в сторону Ленинграда и начали сбрасывать не одну сотню бомб. Мы остановились, переждав, когда улетят эти самолеты. Подъезжаем ближе к окраине города (именуемой «Пороховые») и видим страшную картину – вся дорога была завалена трупами. Проехать совсем было невозможно.

Остановились и смотрим по сторонам – откуда же взялись трупы? Недалеко от дороги находилось кладбище. Вот туда-то упало несколько бомб. По-видимому, незакапанные трупы (а так оно и было) от взрывной

волны были отброшены во все стороны, завалив и дорогу. Пришлось убирать с дороги трупы и отгаскивать их на кладбище.

18 марта 1942 г. для меня был счастливым днем, который решил всю мою судьбу на всю мою сознательную земную жизнь в с. Кобоны, где всех эвакуированных ленинградцев временно размещали в домах до посадки на поезд для отправки. Там их кормили и обогревались они. Был своего рода пересыльный пункт. Зрелище было не из веселых. Можно было видеть истощенных и больных, измученных и полураздетых, а некоторые находились в предсмертном состоянии. Было гробовое молчание, только можно было слышать стоны и детский плач.

Захожу в один дом, где находилось 12-15 женщин. За столом сидели, плотно прижавшись друг к другу, три девушки в возрасте 13-19 лет. Вид у них был изможденный и удручающий, а лица напоминали мумий воскового цвета. В глазах чувствовался страх перед смертью. Самая маленькая была завернута в одеяло. Лица почти совсем не было видно. Голос был еле слышен. Что-то ели. «Хлеб-то какой чистый, без примесей, а суп с мясом, с крупой», – говорила одна из девочек, обращаясь к старшей. Самая младшая спрашивает: «А завтра нам тоже дадут такой хлеб и суп?». Старшая обняла ее и заплакала.

Подошел к ним и спрашиваю: «Кто вы есть, девочки?». «Сестры», – отвечает старшая. «И куда же едете?». «Не знаем», – говорит опять старшая. «Нам все равно куда повезут», – продолжала она.

Расспросил, как их зовут. Старшую звали Лидой, а младших – Дуся и Галя. Узнал, что они сироты. Отец умер до войны, а мать пропала без вести, будучи проводницей поезда, где-то их поезд разбомбили в первые дни войны.

Вышел из дома и задумался: никуда они не доедут, погибнут. Постоял. Подумал: а что если я предложу им поехать ко мне на Родину – Тамбовщину, с. Татаново. Вернулся и предложил свою гуманность. Они согласились, объясняя, что «нам все равно, куда ни ехать».

Так я их отправил к себе на Родину [к] моим родителям. Там их встретили уважительно и тепло. Прожили они там весь период войны. Кончилась война. Старшая сестра Лида стала моей женой – спутницей жизни. А две младших сестры Дуся и Галя сейчас живут в Ленинграде. Таким образом «Дорога жизни» была местом, где я обрел свое счастье.

Много выдумки, энергии и рационализаторской мысли было приложено ремонтной службой роты по поддержанию тракторов в постоянной боевой готовности. Были поломки, неисправности, но они быстро и своевременно устранялись, хотя запасных частей не хватало. В трудных условиях, под открытым небом, на морозе и в пургу, под обстрелом и [при] пронзительном ветре проводили ремонт и техническое обслуживание. Каждый день был подвигом.

10 апреля 1942 г. поступил приказ: все тракторы через лед переправить на восточный берег, а далее передать нашу в/часть в распоряжение дорожному отделу 54-[й] арм[ии] Волховского фр[онта] для выполнения

задачи по строительству фронтовых дорог, т.к. армия располагалась на болотисто-лесистой местности, где дорог совсем не было.

19 апреля один ком. взвода, группа красноармейцев и я на моей походной мастерской ГАЗ-АА отправились из с. Ваганово в с. Кобоны в распоряжение 54-[й] арм[ии]. Весенняя распутица прервала все движение по озеру. Лед покрылся водой до 40 см. С каждым днем он все быстрее разрушался, теряя крепость. Повсюду образовывались большие промоины и трещины. Этот день был самым трудным и опасным, но в то же время и героическим. Лед уже не выдерживал тяжелых машин. Машины местами проваливались и тонули. Озеро превращалось в необозримое море.

Последняя колонна машин автомобильных в/частей, в т.ч. и мы, шли по маршруту сохранившихся вешек высоких гребней снега – своего рода айсбергов, которые еще не успели растаять. Сопровождали нас наши истребители, охранявшие на низкой высоте.

Отдельные автомобили останавливались по технической неисправности. Водители выходили в воду, устраняя поломку. Впечатление складывалось такое, что вот-вот провалимся под лед. Сердце сжималось от страха. Расстояние 30 км мы прошли около 3 часов.

Выйдя на берег и чувствуя, что все страшное осталось позади, мы чувствовали себя героями, хотя многие были по пояс мокрыми и не знали, что ожидает их впереди – здоровье или болезнь. [...]*.

20 апреля 1942 г. ледяная трасса Ладожского озера прекратила свою боевую деятельность, а наша 1-я отдельная эвакуационно-тракторная рота, где я был зам. командира по технической части, была передана в распоряжение 54-[й] армии Волховского фронта для строительства фронтовых дорог, т.к. войска дислоцировались в болотисто-лесистой местности, изрезанной торфяными карьерами. Дорог и подъездов совершенно не было.

Меня, как офицера бронетанковых войск, откомандировали в другую часть на должность зам. командира танковой роты по технической части 124-[й] танковой бригады 54-[й] армии Волховского фронта.

Началась служба в танковом соединении. Бригада была укомплектована в своем большинстве танками старых марок – Т-26 и очень малым количеством Т-34. Прибыв в эту часть, я убедился, что она бои не ведет – находилась в обороне. Противник тоже активных боевых действий не вел. Как военные говорят, «наступили скучные дни позиционной войны». В отдельные дни шли бои местного значения с целью разведки – как с нашей стороны, так и со стороны немцев. Все лето 1942 г. бригада находилась в относительно спокойной обстановке на выжидательных рубежах. Было самое время заниматься боевой подготовкой и ремонтом техники.

Нам, офицерам технической службы, работы хватало по горло круглые сутки. Дело в том, что танки Т-26 морально устаревшей конструкции, технически не совершенны, маломощны, и слабая броня простреливалась и поражалась крупнокалиберным пулеметом. Боеспособность их была низкая, они быстро выходили из строя. В целом этот танк не отвечал современным

боевым действиям. Неслучайно в нарицание им дали имя: «братская могила трех танкистов». Не успевали ремонтировать и устранять поломки.

В августе 1942 г. начали поступать новые танки Т-34 с Урала на укомплектование нашего соединения. Эти танки еще мало кому были знакомы – особенно новому пополнению механиков-водителей и башенных стрелков (их устройство, эксплуатация, использование в бою и тактико-технические данные). В течение 4 месяцев ночь и день, день и ночь изучали эту новую технику. Правда, вместе с эшелоном танков на фронт прибыло несколько специалистов из завода. Их цель была – обучить офицерский состав правилам эксплуатации, устройства и технического обслуживания. Обучение проходило в тяжелой боевой обстановке. Располагались мы в 3-5 км от передней линии обороны противника. Почти ежедневно наше расположение обстреливалось орудиями немецкой артиллерии и налетом штурмовой авиации. Имелись немалые жертвы. Но от прямого попадания мы спасены были тем, что находились в зарослях лесистой местности, что обеспечивало хорошую маскировку.

Но с другой стороны, в таких условиях трудно было обучать вождению механиков-водителей на торфянистой местности. Танки вязли и тонули в карьерах. Отсутствие оперативных просторов для боевых действий танков не давало возможности эффективно использовать их в учебе, приближенным к боевым действиям. Ни о каком наступлении в летнее время 1942 г. не могло быть и речи. Если когда-то и была попытка прорвать оборону, то она захлебывалась и терпела неудачу. С обеих сторон вели только эпизодический артиллерийский огонь передовых позиций. В какой-то степени было затишье. Этот период был самым благоприятным для ремонта и обучения нового пополнения танкистов.

По 14-17 часов в сутки велись боевые занятия: практическое обучение вождения, стрельба из танкового оружия, тактическое использование танков в наступательном бою в лесисто-болотистой местности. Ночевали и лежали под танком – там была наша постель. Обеды привозили непосредственно к ремонтируемому танку, а ужинали сухим пайком. Кормились два раза в сутки. В теплые дни купались и в какой-то степени отмывали грязь и удаляли паразитов (вшей) в торфяных карьерах, которые были заполнены водой полутораметровой глубины.

Массовое поступление танков в нашу часть означало предвестника скорого наступления наших войск на оборону противника. Мы верили в победу наших чудо-танков Т-34, равных которым не было ни в одной армии мира.

Наступила осень 1942 г. С каждым днем новая техника все больше поступала не только в нашу бригаду, но и в другие танковые соединения. Это вселяло веру в успех нашей Победы. На душе стало в какой-то степени потепление. С нетерпением все мы ждали «генерала дорог», т.е. мороза. Только в зимнее время можно было вести боевые действия. Мороз облегчал и обеспечивал [возможность] оперативно использовать танки при прорыве сильно укрепленной полосы обороны противника.

К ноябрю 1942 г. все танки Т-26 и Т-34 были в полной боевой готовности. Личный состав хорошо обучен. Мы все хорошо знали и верили, что с наступлением больших морозов начнется операция по прорыву блокады. Хотя точной даты никто не знал. Промедление освобождения Ленинграда грозило катастрофой и смертью всем жителям города. Все это хорошо понимали – от солдата до генерала.

В середине декабря 1942 г. в нашу бригаду прибыл командующий 54-[й] армией генерал Федюнинский. Весь офицерский состав догадался, что в ближайшее время должны начаться боевые действия по прорыву обороны противника. Все мы были собраны на оперативное совещание. Как сейчас помню слова командующего: «Танкисты! На вас вся надежда разрушить немецкую оборону и прорвать блокаду Ленинграда, дать жизнь ленинградцам и Ленинградскому фронту, чтобы досыта накормить их хлебом. Мы должны спасти колыбель революции от разрушения и голодной смерти».

Активно началась подготовка к наступлению. Не прекращалась учеба, разыгрывались тактические действия непосредственно на местности. Усиленно началась танковая и огневая разведка наших подразделений. Нужно было хорошо изучить оборону немцев, его огневую мощь, оборонительные сооружения и пути подхода танков к оборонительным рубежам. Знание всех факторов о противнике обеспечивало успех наступления.

К нашему счастью, морозы с каждым днем усиливались. Земля промерзала на большую глубину, а это обеспечивало уверенное и безопасное продвижение наших танков. Пошли снегопады.

Слова командующего «вся надежда на танкистов» были не случайны. Дело в том, что зима 1942-43 гг. была снежная. Глубина снежного покрова достигала более полутора метров. Наступление стрелковым частям в таких условиях было очень затруднительным, а местами невозможным. Местность была изрыта торфяными карьерами, ямами, канавами глубиной до 2 метров. Все они были засыпаны и заметаны снегом. Действие пехоты сводилось к нулю.

По данным разведки, передняя линия обороны противника, где намечался прорыв, была укреплена стеной из бревенчатого наката, насыпаны валы из снега и облиты водой, сооружена своего рода ледяная гора. Преодолеть такие укрепления для пехоты было почти невозможным.

Командование Волховского фронта возложило всю надежду на успех операции только на танкистов. Да и мы сами отлично понимали, что вторая мировая война – это война моторов. Только танки, авиация и артиллерия могут решить успех боя. Боевые действия наших войск активизировались. Все это говорило за то, что в ближайшие дни начнутся боевые действия по прорыву блокады в районе торфяных болот поселков Синявино, Назия и рабочих поселков № 1 и № 5, что южнее 10-15 км Ладожского озера.

Шла интенсивная подготовка к наступлению. Саперные подразделения изготавливали для каждого танка снежные волокуши (сани), на которых

должны размещаться десантники и стрелковые части. Таким образом, пехота перебрасывалась до передней линии обороны на санях, а не пешком [строим], что обеспечивало быстрое и оперативное наступление наших войск с меньшими потерями в живой силе.

В первых числах января 1943 г. командир танковой бригады полковник А.Г. Родин зачитал приказ перед всем командным составом и поставил боевую задачу: «В ближайшие дни наступит решающий час освобождения Ленинграда. Перед каждым экипажем танка определить цель и задачу при наступлении. Проверить боеспособность каждой машины».

С целью дезинформации гитлеровского командования в конце декабря 1942-начале 1943 гг. через Ладогу по льду начали строить свайно-ледовую железнодорожную переправу от с. Кобоны до пос. Кокорево. Эта работа завела противника в заблуждение в отношении истинных планов наших войск на зимний период – якобы мы не планируем наступление и прорыв блокады в период января-февраля 1943 г.

Когда блокада была прорвана и войска двух фронтов – Ленинградского и Волховского – соединились, сооружение переправы прекратилось. Все силы и средства были брошены на строительство новой ж.-дорожной линии Поляны–Шлиссельбург.

10 января 1943 г. все три батальона нашей танковой бригады вышли на исходную позицию. Чтобы не демаскировать себя и не давать видимость подготовки к наступательным боям, танки шли на малой скорости с приглушенными выхлопными трубами (установлены глушители), чтобы не было слышно рева моторов. Легкие танки Т-26 были прибуksированы за Т-34, чтобы обеспечить скрытное и бесшумное сосредоточение.

Утром 12 января 1943 г. перед наступлением нам зачитали обращение рабочих Кировского завода Ленинграда ко всем танкистам Волховского фронта, которые в блокадном и голодном городе изготавливали и ремонтировали танки для двух фронтов. В письме говорилось: «Братцы! Товарищи! Друзья! Вчера по радио мы услышали радостную весть о ваших славных боевых делах. Мы, трудящиеся города Ленина, затаив дыхание, ловили каждое слово о событиях на фронте. У нас в цехах поднимается новая волна социалистического соревнования за еще лучшее выполнение задач по изготовлению танков, автоматов и боеприпасов, несмотря на нашу истощенность. Мы клянемся вам честью трудящихся родного Ленинграда, клянемся своей преданностью дорогой Отчизне и родной партии Ленина работать еще лучше до полного разгрома проклятых оккупантов. Мы уверены в вас. Мы убеждены, что вы удесятите свои силы по прорыву блокады вокруг города Ленина».

Противник ничего не подозревал. В ночь на 13 января 1943 г. началась артиллерийская подготовка по фронту около 5 км. В течение первых пяти минут был нанесен мощный огневой удар по траншеям противника, его живой силе, командным и наблюдательным пунктам, узлам и линиям связи.

Массированный огневой налет, разрыв снарядов, внезапность, сплошная канонада парализовали действие немцев в первые часы.

Загрохотали орудия всех калибров. Дымом и огнем заволочло горизонт. Сплошной, непрерывный гул. Все вокруг тряслось. Земля колебалась в радиусе более чем 10 км. Шквальный огонь длился 3-4 часа. Одновременно с артиллерийской подготовкой в воздух поднялась штурмовая авиация. На немецкие укрепления начали падать десятки тысяч фугасных бомб. Земля горела от взрывов, она стонала от залпов.

Растерянность и паника охватила немцев. Они в эти часы не могли опомниться, не выстрелив ни одного снаряда по нашим исходным позициям.

Рано утром 13 января сразу же после артиллерийской и авиационной подготовки на нашей исходной линии взвилась красная ракета. Вся бронированная армада танков с прицепленными санями и посаженными на них пехотным десантом двинулась на укрепленную полосу противника. Подойдя к первой полосе обороны, разрушив огнем и гусеницами снежный завал и бревенчатый накат, стрелковые подразделения спешили и начали прочесывать землянки, блиндажи, уничтожая пулеметные и минометные огневые точки. Танки передним эшелоном прокладывали путь пехоте.

Врываясь в расположение немцев, бронированная мощь Т-34 утюжила окопы, землянки и траншеи. Расстреливали и давили гусеницами обезумевших, метавшихся в панике по снегу немецких солдат и офицеров. Под гусеницами хрустели и переламывались кости фашистов.

Все сильнее назревал протест и жажда биться. Я слышал, как гудит земля, когда шли наши танки. Для создания большей паники и эффекта боя моторы работали на больших оборотах. Рев моторов заглушал лесную тишину. Не страх боя, а злость и досаду испытывал я в те минуты к фашизму. Варвары! Пожалуй, только это слово могло отразить все чувства и мысли, весь гнев и ненависть, который испытывали наши танкисты к фашистской Германии.

Наша танковая часть получила задачу наносить удар в направлении пос. Погостье, прорвать оборонительный рубеж и овладеть ж.-д. станцией Погостье, имея в виду в дальнейшем наступать на Синявино.

Прорвав сильно укрепленную оборону, танкисты вместе с пехотой пошли в атаку и на второй день овладели южной окраиной рабочего поселка № 5. Битва шла с великим остервенением. Она произвела на меня неопикуемый ужас. Потери в машинах у нас были велики, т.к. мы действовали на виду у обороняющегося противника, да и не было оперативного простора. Местность вся изрыта торфяными карьерами, заполненными водой и засыпанными глубоким снегом. Несколько танков застряли в болотах и вынуждены были вести огонь с места. Положение у нас было чрезвычайно невыгодным, и действовать пришлось в условиях стесненного маневра.

Одновременно наша 124-[я] танковая бригада совместно с пехотными частями выполняла задачу не столько по прорыву обороны противника, сколько по отвлечению его с главного направления удара на себя с тем, чтобы на главном участке наступления, где намечалось соединение Волховского фронта с Ленинградским, было бы минимальное сопротивление

и с меньшими потерями пробить брешь. А, как правило, войска, отвлекающие противника на себя с целью завести его в заблуждение, удар принимают мощнее, чем на главном направлении.

Бои на нашем участке шли жестокие и кровопролитные, т.к. немецкое командование сконцентрировало против нас большие силы. Весь огневой удар был направлен по нашим танковым подразделениям, т.к. они считали – на этом месте должен осуществляться прорыв обороны и соединение войск двух фронтов. Но они ошиблись. Был тактический обман со стороны нашего командования. Таков закономерный закон тактики боя – кто кого перехитрит. Кто хитрее – тот и победит.

После боя на этой земле были комья навороченной земли, трупы наших и немецких солдат и офицеров, искореженные орудия и сгоревшие танки. На немецких танках было написано «Мировое господство» вместо свастик.

18 января 1943 г. ожесточенное сопротивление фашисты оказали в районе рабочего поселка № 1. Бой шел всю ночь. Противник не выдержал наше мощное танковое наступление. На подкрепление подошел второй эшелон стрелковых частей. Видя бесполезное сопротивление, немцы стали сдаваться в плен.

В морозное раннее утро 18 января 1943 г. солдаты двух фронтов – Ленинградского и Волховского – соединились в районе 8-й ГЭС. Это были незабываемые минуты восторга, неповторимой и неопишуемой радости. Обмороженные, раненые, измученные бессонницей и страхом за жизнь, солдаты двух фронтов обнимались, целовались и плакали за нелегкую Победу за освобождение Ленинграда. Вскоре на танковом тягаче доставили походную кухню с горячим супом, консервами, замороженным хлебом и ящиками водки. Почтили память погибших 150 граммами на каждого человека.

Была очищена полоса шириной около 7 км, соединяющая Ленинград с «Большой землей». По этому коридору вскоре пошли поезда из Сибири и Урала, Дальнего Востока и Средней Азии с хлебом и военной техникой для жителей города и фронта. Ленинградцы ликовали радостью и счастьем, что город будет спасен от голода и разрушения.

Идя в бой за спасение Ленинграда, в моей голове родились противоречивые мысли. С одной стороны бой во имя Родины – святое дело, мое место среди тех, кто пошел в атаку. А с другой стороны – во всей непроглядности представилась жестокость, нелепость войны. Для кого-то нынешний день будет последним днем жизни. Погибнут молодые люди, из которых, останься они живы, выросли бы хлеборобы или строители, учителя или врачи, а может быть, ученые или писатели. Не будет ли нынешний день последним и для меня? А я еще не сделал ничего – только учился. Я еще не ощущал чувство и сладость любви. Кем стану, если буду жив? Кто во мне погибнет, если меня сегодня убьют?

Не раз я видел после боя дымящиеся танки, искореженные орудия, тела убитых, но сегодня после прорыва блокады какое-то особенно тяжелое чувство угнетало меня. Вижу сгоревшие и утонувшие танки вместе с

экипажем, трупы солдат. Большинство – знакомых, ели из одной походной кухни, ночевали в одной землянке. С болью в душе мы провожали своих танкистов в последний путь. Могилами для них были воронки от разрыва бомб и снарядов, окопы и траншеи, торфяные ямы и карьеры. Похоронной музыкой был троекратный залп выстрелов из автоматов.

Я не могу без ужаса вспомнить, когда тяжелораненые валялись в снегу, слабые их стоны заглушал шум боя. Они поворачивали землистые, страдальческие, сморщенные лица к пробегавшим мимо наступающим, с трудом узнавая своих товарищей, с просьбой: «Помогите». Лежали раненые, убитые, исхрустанные, изуродованные, помятые гусеницами танков. Их никто не подбирал до окончания боя. Солдаты выполняли свое трудное на войне дело: ни до раненых, ни до убитых, перешагивали через разорванные трупы своих и немецких солдат. Живые думали о живых – уничтожить врага, освободить Ленинград. Так свершался подвиг.

Пытаясь расширить полосу прорыва, с утра 20 января 1943 г. наша 124-[я] танковая бригада приступила к выполнению новой задачи. Теперь она действовала с другой стрелковой дивизией, наступающей на рабочий поселок № 6 с целью овладеть этим поселком, перерезать дорогу Синявино–Ленинград и выйти южнее Синявино, а дальше перейти к обороне. Бои носили крайне напряженный характер. Противник всеми силами удерживал оборону, стремясь сохранить коридор для отвода своих войск из районов Шлиссельбурга и Липки. Осложняла действие наших танков труднопроходимая местность. При попытке развернуться из походной колонны в боевую линию два танка сразу же затонули в болоте, а несколько застряли. На южной окраине рабочего поселка № 5 возникли новые препятствия – искусственный водосток, преградивший дальнейшее продвижение. В связи с этим танкам пришлось поддерживать пехоту огнем с места. И все же в этом бою за рабочий поселок № 5 было много уничтожено солдат и офицеров противника, а также боевой техники.

Противник занял выгодный рубеж обороны по высоткам и лесным массивам, имея перед собой недоступные торфяные болота. Единственная узкоколейная ж.д., по которой могли идти танки, была заминирована и интенсивно обстреливалась. Чувствовалось, что на этот участок боя к немцам подошли резервы, т.к. начался интенсивный артиллерийский огонь. Наше продвижение было приостановлено.

Нельзя не вспомнить геройский поступок механика-водителя нашей роты ст. сержанта Виктора Ткаченко (родом из г. Киева). На танке Т-34 он показал храбрость и отвагу. Беспощадно громя врага, его танк первым вошел в рабочий поселок № 6. От прямого попадания снаряда танк был подожжен, но на пылающей машине он продолжал уничтожать врага и сеять в его рядах панику. Когда в раскаленной машине уже было невозможно оставаться, а другие члены экипажа погибли, он выбрался из танка, с боем вышел из окружения и возвратился в свое подразделение. Утром следующего дня командиром бригады полковником Родиным ст. сержант Ткаченко был награжден орденом Красной Звезды.

О мужественном и отважном поступке командира танкового взвода ст. лейтенанта Андрея Горбунова хочется остановиться подробно. Танк, в котором он находился и командовал боем своего взвода, был подбит – заклинило башню и люк механика-водителя. Механик-водитель погиб, а башенный стрелок и радист были тяжело ранены. Горбунов, оказав первую помощь своим товарищам, вытащил из сидения механика-водителя, сел за рычаги управления, завел двигатель и с заклинившимся смотровым люком, еле видя в щель местность, эвакуировал с поля боя свой танк в расположение своей исходной позиции. Не было предела радости за его счастливый исход боя и что он остался жив, сохранив в живых двух членов экипажа и не дав попасть Т-34 в руки немцев.

Дело в том, что если бы он покинул танк, оставив на поле боя, то не исключена возможность, что этот танк мог бы[ть] захвачен немцами и рассекречен. Был строгий приказ, чтобы при любых обстоятельствах, в любой трудной обстановке танк Т-34 не должен попасть к немцам, т.к. эта боевая техника находилась в строгом секрете. Немцы не должны знать секреты его непоражаемости. В исключительных случаях он должен быть подорван и сожжен. Если экипаж не в состоянии этого сделать, я, как зам. командира роты по технической части, обязан под градом пуль и разрывов снарядов своим танковым тягачом эвакуировать и прибуксировать в свое расположение.

В мою прямую боевую и служебную обязанность входило дежурство и наблюдение за ходом боевых действий танков своей роты с целью быстрой эвакуации подбитого или вышедшего из строя танка, чтобы он не оказался в руках противника, т.к. они охотились за ним, который был загадкой для них, и считали его абсолютно неуязвимым.

За смелые и умелые действия ст. лейтенанта Горбунова я и по сей день благодарен ему. Быть может, своими действиями он спас мою жизнь. Ведь не исключена возможность, что при эвакуации его танка я мог погибнуть.

В скором времени мы расстались и связь порвали. Такая судьба фронтовой жизни офицерского состава – сегодня здесь, а завтра там.

Однако мы имели с ним взаимные домашние адреса. Но не так просто и легко было на передовой писать письма (то не было на чем писать, то не было чем писать, то не находилось время). И только после войны, сохранив его адрес, я начал розыски. На мое счастье, его родина не была оккупирована (Ленинградская обл., Всеволожский р-н). Долго не получал ответа, потеряв всякую надежду. Однако через длительное время получил очень коротенькое письмо от дальних родственников, что Андрей Горбунов уже в звании майора в конце 1944 г. погиб. Где и при каких обстоятельствах, не описали. Видимо, они сами о нем ничего не знали.

Признаюсь, я сильно переживал о случившемся. Но война без жертв не бывает, да и я вполне допускал, что и сам сложу голову, защищая Родину. Но смерть каждого советского человека в бою представлялась мне обязательно героической.

С удивлением осматривал я первую занятую нами вражескую позицию. Только что это было передовой линией противника, изрыгавшей смерть, зорко следившей через прицелы автоматов за каждым движением на нашей передовой. И вот теперь эта изуродованная фашистами земля, на которой еще валяются трупы врагов, оружие и боеприпасы, уже не опасна. Стоят искореженные танки с разными на броне надписями: «Мировое господство», «Покорим всю Европу», «Петроград будет наш». Позади танков лежат тела искалеченных и изуродованных советских воинов, отдавших жизнь за то, чтобы освободить Ленинград. Захолодело в груди, когда увидел знакомые лица танкистов. А сколько впереди таких позиций и боев...

Среди воронок, разглядывая трупы убитых и перевернутых походных кухонь, я увидел немецкого офицера с пистолетом «парабеллум» в руках. С таким трофеем я не мог расстаться. Всю войну прошел с этим оружием. В одной из землянок я нашел французский альбом порнографических открыток голых женщин. С этим альбомом мы долго не расставались. В свободные минуты от боя мы им «наслаждались».

В этих боях бригада потеряла 15 танков (сгорели), из них 7 танков сгорели полностью с экипажем.

Подбитые, поломанные и изуродованные танки были отбуксированы на СПАМ (сборный пункт аварийных машин).

Из трех батальонов было сформировано чуть больше двух.

С 5 февраля 1943 г. наша часть, как и вся 54-[я] армия, перешла в оборону и начала готовиться к новым решающим боям за окончательное и полное снятие блокады Ленинграда.

Активных боевых операций не вели как мы, так и немцы. Было затишье с обеих сторон, не считая отдельных эпизодических боев местного значения. Готовились к серьезным событиям – январским боям 1944 г., т.к. линия фронта находилась еще на подступах Ленинграда. Город был в полукольце окружения.

Бои за полное освобождение Ленинграда в январе 1944 г. – тема воспоминания особая.

В марте 1943 г. в нашу часть пришло новое пополнение механиков-водителей. Среди прибывших был Сергей Орлов. Почему я упоминаю в своих воспоминаниях об этой личности? Безусловно, в то время он ничем не отличался от других Сергеев, Николаев и Андреев. Сергей, как Сергей. Таких Сергеев в нашей роте было немало. Но, однако, сейчас о нем нужно сказать особо. Он заслуживает памяти и особого уважения.

Но потом мы заметили в нем эрудированного, умного, грамотного и хорошо знающего историю России и литературу. А как это было дело? В апреле-мае 1943 г., когда интенсивно начал таять снег, в местах боев стали оголяться трупы. Почти всюду можно было видеть убитых, а с наступлением теплых дней они начали разлагаться.

Все дислоцирующиеся воинские части на этой территории убирали трупы и захоранивали в траншеях, канавах, ямах и воронках, слегка засыпая их землей. У кого находили в карманах медальоны домашних адресов –

сообщали на родину родственникам, что пал смертью храбрых, а у кого не находили – закапывали, как неизвестного солдата. Никто о нем ничего не знал. Потом, быть может, на родину писали: «Пропал без вести» (да и то не всем).

В той обстановке не было ни времени, ни возможности заниматься поиском, кто и откуда родом. Так и хоронили – а точнее, закапывали неизвестных защитников Родины, родные которых с нетерпением ждали [их] возвращения домой, а вместо них они получали полные скорби, щемящие сердце похоронки.

И вот в один из ясных дней мы сидели, уставшие, на полянке, дивясь теплему солнечному дню. Большинство раскуривали самокрутки, кто-то писал письма родным. Грустно и горько было на душе у каждого. Каждый из нас думал: а не будет ли нынешний день, сидя под солнцем, последним и для меня?

Каменя от горя, не в силах облегчить свою душу слезами, хороня в мерзлой земле без всяких почестей, в братских могилах, вместо прощального слова клялись: «Мы победим».

Внезапно тишину нарушил один наш танкист: «Сергея наш о чем-то задумался – наверное, опять нам новый стих прочитает!». Тогда Сергей, вытянув руку в сторону одной воронки, где было закопано около двух десятков трупов, произнес: «В шар земной его зарыли, без почестей и славы...». Все сидящие хорошо запомнили эти слова. А на второй или третий день он прочитал всем нам полное стихотворение, которое затем вошло в его поэтический сборник:

Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат.
Всего, друзья, солдат простой
Без званий и наград.
Ему, как мавзолеей, земля
На миллион веков.
И млечные пути пылят
Вокруг него с боков.
На рыжих скатах тучи спят,
Метелицы метут,
Грома тяжелые гремят,
Ветра разбег берут.
Давным-давно окончен бой...
Руками всех друзей
Положен парень в шар земной,
Как будто в мавзолеей.

Вспоминается лето 1943 г. Танк Сергея Орлова застрял на марше и стал быстро затягиваться в трясину до самой башни. Пришлось приложить немало усилий, чтобы вытащить его из этого омута.

Дело в том, что Волховский фронт располагался на непроходимой болотисто-лесистой местности. Проезжих дорог не было. Кругом лишь топи,

поросшие густым мхом и мелким кустарником. Вот и пилили лес, делали бревенчатые дороги. Трех-пятикилометровый участок приходилось преодолевать несколько часов, постоянно подкладывая под гусеницы то бревна, то хворост.

И вот, после удачной эвакуации и вытаскивания Сережина танка, он сказал: «Мы воюем не с немцами, а с болотами». Затем на второй день родилось стихотворение:

Не с немцем воюем, а с болотом.
 Здесь танки тонут, но мы их ведем...
 Ведь кровью обливается пехота
 Под пулеметом на снегу седом.
 Под минами мостим из бревен гати,
 На скорости замедленной ползем,
 Хрипя в укор солдатские проклятья,
 Дорваться бы, пробраться, а потом...
 С раскрытым люком, без разбора
 По лесу пулеметами хлеща,
 Всю силу выжимая из мотора,
 Ворваться в деревеньку и сплеча
 Бросать в казенник веские снаряды
 И стервенеть, и напролом вести
 Пятидесятитонную громаду,
 Сминая все на яростном пути.

Теперь мы окончательно убедились, что из Сергея выйдет истинно патриотический и талантливый поэт. И мы не ошиблись. Впоследствии он много читал всему полку свои стихотворения.

Забегая вперед, хочу сказать, что Сергей Орлов стал известным поэтом. В настоящее время по программе 8-[х] классов в школах его творчество изучают ученики. Но на фронте было не до поэзии, каждую минуту подстерегала смерть.

Затем наши дороги с Сергеем Орловым разошлись. С 1944 по 1981 г. я совсем о нем ничего не знал. И вот зимой 1981 г. мне посчастливилось купить сборник стихов своего однополчанина, а вскоре и вторую книгу «Воспоминания современников о Сергее Орлове». Не могу передать той радости и вместе с тем волнения, что мне довелось испытать и пережить при чтении этих книг. Передо мной вновь оживали лица друзей, трудные походы, бессонные ночи. Вспомнился и сам внешний облик Сергея: храброго, талантливого, доброго и умного парня. Из книг я узнал, что он дожил до Победы. Но день Победы 9 мая 1945 г. встречал не под Берлином, а дома, будучи обгоревшим в танке. Многие успел написать, но сказались тяжелые, военных лет травмы. В 1977 г. его не стало.

А теперь несколько слов о своей боевой деятельности, как офицера технической службы – зам. ком. роты по техчасти.

Работа наша была не из легких и небезопасной для жизни. Мы выполняли ответственное и серьезное задание. В перерывах между боями занимались ремонтом и техническим обслуживанием танков.

Не имея хорошей ремонтной базы, оборудования и инструмента, под открытым небом, в мороз и дождь, днем и ночью, под артиллерийским и минометным огнем, бомбардировки вражеской авиации приводили в боевую готовность танковую технику. От технического состояния зависел и успех боя. А сроки ремонта были очень жестки. Ни одного часа танк не должен простаивать в ожидании ремонта по нашей вине. Приказ был очень строгий, т.к. задержка в ремонте ослабляла боевую готовность части. Каждый танк считался грозной силой, от которого зависела судьба успеха в бою. Ведь не случайно вторую мировую войну считали войной моторов. Танковые войска решали исход, скоротечность и оперативность сражения. У кого больше танков – тот и побеждал.

Самой ответственной и опасной деятельностью в нашей работе – это эвакуация с поля боя подбитых, поломанных и подожженных танков, чтобы они не попали в руки немцев. Вся эта работа проводилась в период боевых действий непосредственно под носом у противника, когда кругом рвались снаряды и свистели пули.

Как только по радиации получали сообщение, что танк остановился и вести бой дальше не может, мы немедленно на специальных бронетягачах выезжали к этому танку, зацепляли тросом и тянули в ближайшее укрытие, т.е. в зону расположения своих войск.

Если танк не был своевременно эвакуирован с поля боя, и не дай Бог его пленят немцы и отбуксируют к себе, тогда зампотеха отдавали под суд военного трибунала с отправкой в штрафной батальон.

Перед нами стояла очень ответственная задача: не дать возможности попадания в руки противника нашего танка, т.к. они любой ценой хотели овладеть секретом нашего танка Т-34. Для нас эта машина была гордостью и шедевром военной техники. Он был непобедим. Мы верили в его силу, мощь и неуязвимость. В этом мы превзошли немцев.

Одновременно мы не зевали и при удобном случае притаскивали и немецкие танки с поля боя, которые были подбиты. Работа была не из легких, ответственной и опасной. Но я не был трусом. Трусость в 22 года – явление вообще редкое. Скорее всего, вот сейчас я бы мог действительно струсить, потому что с годами человек все бережнее относится к себе. Я не хотел и не мог показаться трусливым в глазах своих подчиненных и товарищей. Трусливых презирали. Я хорошо знал, что общая победа в войне состоит из маленьких побед, в том числе и моей работы.

В начале наступления резко изменились наши бытовые условия. Все мы постоянно находились в боевых порядках. Отдыхали, спали, кушали, сидя в башне танка. Не раздевались и не разувались. Не умывались и не купались по нескольку месяцев, а если и приходилось умыться, то в ход шел снег.

Заели паразиты – вошь. От нечистот и грязи, недостаточного и некачественного питания стали на теле появляться карбункулы и трофические язвы. Эта болезнь осложнила движение и в целом мою жизнь. Сопутствующей грязи и антисанитарии все тело покрылось чесоткой. Целыми ночами не мог заснуть. Боль и зуд изматывали нервную систему.

С нетерпением ждали наступления тепла, чтобы можно было раздеться, выловить [вшей] и прокипятить вшивое белье, помыть лицо и тело чуть теплой водой. В апреле, как только пригревало солнце, выходили из землянок, снимали полушубки, обмундирование и занимались вылавливанием и уничтожением паразитов (вшей). Невыносимо чесалось тело. В теплые дни все белье – рубашку, кальсоны, гимнастерку и брюки – клали в ведро с водой и начинали кипятить на костре. Один офицер юмористически заметил: «Варим суп из вшей». Это тоже был подвиг. Не так просто выловить и раздавить вошь. Мы выполняли свои обязанности. Ведь от чистоты и здоровья солдата зависела и боеспособность армии.

Семнадцать месяцев блокады. Семнадцать месяцев голода, страха, обстрела и разрыва бомб. Семнадцать месяцев десятки и сотни тысяч смертей. В несколько веков раз выпадает такое событие, как Ленинградская оборона. Да, впрочем, таких оборон и не было.

Великое русское терпение помогло, выдержка помогла, абсолютное сознание долга и правоты, святой нашей правоты. [...]*.

ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 5. Д. 12. Л. 1-20, 22-45 об. Д. 8. Л. 6-24. Подлинник.

---

* Опущены рассуждения автора о значении воспоминаний фронтовиков как исторических источников и цели написания воспоминаний.

№ 1296

Воспоминания В.П. Козадаева²⁷

30 марта 1995 г.

Более 3 лет я участвовал в боях на фронтах Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. в качестве командира саперного взвода, а затем электротехника батареи в гвардейских минометных частях (на так называемых «катюшах» и «андрюшах»).

Много невзгод и испытаний пришлось пережить за эти боевые годы. Многих боевых товарищей потерял за это время. Был ранен в правую ногу, частично потерял зрение при производстве залпа, когда мне в лицо и глаза попали газы, вышедшие из сопла реактивной мины. При контузии от разрыва бомбы терял дар речи, сильно заикался, но со временем речь восстановилась.

В моей памяти на долгие годы остались события боевых действий во время прорыва блокады г. Ленинграда в январе 1943 г.

12 января 1943 г. наша батарея 96-го отдельн[ого] гвард. мином[етного] дивизиона (а я в то время был старшим электротехником батареи) получила приказ произвести два залпа по укрепленной обороне немцев в районе поселка Марьино, расположенного на противоположном от нас левом берегу р. Невы. Нас отделяла от немцев закованная льдом Нева.

Первый залп мы должны дать в начале артподготовки по переднему краю обороны противника, а второй – через полтора часа в конце артподготовки с перенесением огня вглубь обороны.

Когда произвели первый залп, наша батарея подверглась сильному арт. и мином[етному] обстрелу. Два моих младших эл[ектро]техника были убиты. Я был ранен в правую ногу, но в медпункт не пошел. Перевязав ногу, я не ушел с огневой позиции, а организовал подготовку боевых установок к залпу. Показывал пример своим подчиненным – я вместе с младшим электротехником Крутовым и четырьмя солдатами носил мины, а каждая мина весила 72 кг, и укладывал их на боевые установки, а затем присоединял мины к электрической цепи. Цепь работала от батареи БАС-80. Надо было спешить успеть вовремя дать 2-й залп. Нам надо было поднести и уложить на установки 48 мин, а затем присоединить их к электроцепи.

Кроме того, выполнению боевого задания мешали свистящие на огневой позиции осколки от разрывающихся поблизости мин и снарядов. Иногда приходилось и «кланяться» этим свистящим осколкам.

Несмотря на продолжавшийся арт. и мином[етный] обстрел, мы своевременно подготовили боевые установки ко 2-му залпу. 2-й залп был произведен точно в назначенное время. По данным разведки, огнем нашей батареи было уничтожено пять орудий и около сотни солдат и офицеров противника. Это дало возможность нашей пехоте смять передовые позиции гитлеровцев и развить наступление вглубь немец[кой] обороны.

Вместе с наступающими нашими войсками наша батарея неоднократно давала залпы по вражеским укреплениям, в том числе по городу Шлиссельбург, уничтожая огневые точки и живую силу противника.

Навстречу войскам Ленингр[адского] фронта наступали войска Волховского фронта. 18 января 1943 г. в р-не рабочего поселка № 1 (в р-не Синявино), прорвав блокаду Ленинграда, соединились войска Ленингр[адско]го и Волх[овско]го фронтов.

В тот же день была окончательно добита группировка противника в Шлиссельбурге, а к концу дня южное побережье Ладожского озера было очищено от врага. Создался коридор шириной 8-11 км, по которому Ленинград получил прямую сухопутную связь со всей страной. Вражеская блокада, душившая город, была прорвана. Сейчас в пос. Марьино, по которому наша батарея давала залп, находится музей прорыва блокады г. Ленинграда.

По узкой полосе земли шириной 8-11 км была проложена ж/дорога протяженностью 33 км за 15 дней и был построен мост через р. Неву длиной 1300 м за 11 дней. По этой ж/дороге в Ленинград потоком пошли поезда с продовольствием, топливом, снаряжением.

7 февр[аля] 1943 г. был встречен у Финляндского вокзала 1-й поезд с продовольствием с «Большой земли». Каким был радостным праздником для ленинградцев приход 1-го поезда с продовольствием в Ленинград, которые так много пережили за дни блокады.

За боевые действия при прорыве блокады Ленинграда я был награжден орденом Красной Звезды. Мне в то время было чуть побольше 19 лет.

ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 5. Д. 1. Л. 55, 55 об. Подлинник.

№ 1297

Из воспоминаний В.И. Якубовского²⁸

5 июля 1993 г.

[...]*. Призывался я Тамбовским городским военкоматом в 1941 г. 14 сентября 1941 г. направили меня в город Моршанск.

С августа 1941 г. по 1942 г. служил я в 66-[й] передвижной ремонтной базе электромонтером. В 1942 г. служил в составе 376-[й] стрелковой дивизии.

Прибыли мы на станцию Моршанск. Немецкие самолеты стали бомбить наш состав. Убитых и раненых не было, все уцелели. Я прибыл в город Моршанск вечером, а утром отправили на фронт – на Ленинградский фронт. Обратился я к старшему лейтенанту, что служу я не по специальности. Я был силовик и телеграфа не знаю. Ответ был, что служить надо там, куда направили. И я устанавливал связь, работал с изоляторами, прозванивал, делал натяжку проводов. Тяжело было.

Когда был я в блокадном Ленинграде, я просился на фронт, но было отказано.

На месте мы не стояли. С боями шли вперед. Остановилась наша часть в деревне. Подходят ко мне два офицера-полковника и просят переночевать. Я оставил их в той хате, где мы жили. Стал с ними разговаривать. Говорю им, что я попал не по специальности. Я силовик, а нахожусь на службе по телеграфу. Один говорит мне, что они едут в отдел кадров укомплектовываться и сказал, чтобы я написал заявление, а они передадут его кому надо. Я под их диктовку написал и передал. Они отдали мое заявление кому надо.

Ждал я долго. Однажды после работы пришел ко мне старший лейтенант и говорит, почему я, минуя его, обращаюсь к вышестоящему руководству, и хотел было меня наказать, но завтра я должен быть в отделе кадров. Приказал он мне взять на 2 дня сухой паек и отправляться в отдел кадров. Дали мне на два дня 600 граммов хлеба, две столовых ложки сахара, и пол-ложки консерв[ов]. Прибыл я к сроку.

На другой [день] направили меня в 66-[ю] передвижную ремонтную базу электромонтером. Утром по связи стали вызывать, а связи нет. Не справился я с поставленной задачей. Решил я в стрелки на следующий день

пойти. Кто записывался в стрелки, давали по 300 граммов хлеба и одну ложку пшенной каши.

Вечером повели нас по Синявинским болотам. Шли мы всю ночь. Когда стало светать, увидели мы бугорок и там пятеро солдат. Я к ним побежал. Они руками мне машут – мол, ложись. Но я бегу к ним. На пути попала мне солдатская лопата, я ее с собой взял. Прибегаю к ним. Они на меня ругаются – мол, убьет. Я молчу. Начал копать окоп. Выкопал. Набрал сухой травы, камышей и лег. Лопату я свою отдал, и еще двое украинцев окопались. А в этот момент немцы дали выстрел по нас, и троих убило, а мы трое в живых остались.

Подходит ночь. Куда нам идти? Некуда. Идти вперед – можно к немцу попасть. Услышали мы разговор русский и давай шуметь. Подходят к нам солдаты, мы спрашиваем их, как попасть нам в какую-нибудь часть. Нам говорят, чтобы мы сидели здесь, а они скажут кому надо, и за нами придут. Это была похоронная бригада. Взяли они троих убитых и ушли. Один из них ко мне обращается, спрашивает, знаю ли я пушку. Я в армии не служил никогда и отвечаю, что нет. А остальные двое говорят, что знают пушку. Их обоих поставили к противотанковому ружью, а меня поставили стоять на посту около пулемета. Я спрашиваю: «Какая моя обязанность?», они говорят: «Если услышишь или увидишь, кто идет, кричи: «Стой! Кто идет?». Если отвечает – значит, свой, пропускай, молчит – стреляй в него». И так прошла ночь. Утром дали всем хлеба и сахара. А нам не дали, так как мы не стояли на довольствии. И только через три дня я стал получать паек.

На другой день на нас пошли танки. Приказ был стрелять в танки, а они как шли, так и идут. Ко мне по окопу красноармеец бежит, выбил у меня винтовку и в затвор попал песок, затвор не открывается. Чистить некогда, танки рядом. Я увидел корень дерева, стукнул винтовкой и отбил затвор. Заложил патрон. А в это время прогремел выстрел из противотанкового ружья. Танк подбили. Вижу я – из танка выходит танкист в синем комбинезоне. Я выстрелил и уничтожил немецкого танкиста. Открываю затвор, а он не открывается. Опять стал бить затвором по корню дерева. Отбил ружье. Выходит второй немец. Снял и второго. С наблюдательного пункта все это видели и приказали отыскать того, кто уничтожил танкистов. Танки вернулись восвояси.

Я голодный был и своему напарнику говорю: «Как стемнеет, я пойду в танк поищу чего-нибудь покушать». А напарник мой, лейтенант, говорит мне: «Если пойдешь, расстреляю тебя». Обидно мне стало. Но делать было нечего, пошел я дневалить. А здесь меня разыскивают. Кто снял двух танкистов? Ребята показали на меня. Мне говорят: «Пойдем, тебя командование вызывает». Я испугался, думаю – наверное, откуда-то узнали, что я отбывал срок. Говорил со мной майор.

Пришли мы в музыкальный взвод, со мной была винтовка. Меня музыканты спрашивают, зачем мне винтовка, ведь у них немца нет, спрашивают, на каком инструменте я играю. Я отвечаю, что я не музыкант. «А как ты сюда попал?». А один подходит и спрашивает: «Ты что окончил –

консерваторию или музыкальное училище?». Я говорю: «Ничего». «А как же ты сюда попал? Мы все здесь – музыканты». А один принес свой инструмент и говорит: «Попробуй». Я отказался. Тогда они поняли, что я не музыкант. Пробыл я здесь больше недели.

Вызывают меня в политотдел к начальнику 376-[й] стрелковой дивизии. Я испугался – думаю, наверное, на меня что-то пришло, что я осужден, как враг народа. Но идти надо. Прибыл. Докладываю, что «по Вашему приказанию явился». Мне говорят, чтобы винтовку поставил у двери, а сам сел. Одним словом, меня обезоружили. Сел я за стол начальника политотдела 376-[й] стрелковой дивизии. Он спрашивает, где моя семья. Я говорю: «В Тамбове». Следующего вопроса я ожидал. «А кто ты по социальному происхождению?». Сказал я ему. После беседы он приказал мне принять радиостанцию. У меня от сердца отлегло. Но рации я не знал. От радистов я узнал, как передавать и как называется рация. Ночь я проработал хорошо, а утром пошел к связистам.

Прибился к нам один пленный. Были мы тогда в блокадном Ленинграде. Мы говорим ему: «Чего ты к нам пришел? Мы сами голодные». А он говорит по-немецки. Его отец слушал выступление Тельмана²⁹ по радио и сказал ему расстаться с фашистами и переходить к русским. Так Пауль-Маш у нас стал жить.

Ходил Пауль-Маш свободно до переднего края один, его никто не трогал и все его знали. Пауль-Маш не носил погоны и звезду на фуражке. Пауль оказался хороший товарищ. Правда, первое время мы боялись посылать его к немцам.

Мы с Пауль-Машем вместе закончили войну. Паулю дали хорошую характеристику, и он работал начальником отдела кадров на военном заводе.

Через 35 лет в газете «Тамбовская правда» была статья «Пауль-Маш ищет своих друзей», там было сказано про всех моих товарищей – о Кислякове, Лормане, была и моя фамилия «Кабовский». Жена читает газету и говорит, не этот ли Пауль-Маш, про которого я ей рассказывал. Да, говорю, этот. Утром пошел я в редакцию газеты «Тамбовская правда». Они ко мне отнеслись хорошо и дали адрес [того], кто писал эту статью. Это был писатель Корсунский из Таллина. Я написал ему письмо. Но моя фамилия Якубовский, а искали Кабовского. Он и говорит: «А чем ты докажешь, что ты тот самый Якубовский?». У меня сохранилась командировка 376-[й] стрелковой дивизии, в которой говорилось, что Якубовский и Бычков должны отыскать до Ленинграда обрыв телефонной связи, срок давался два дня. Сейчас эта командировка хранится в краеведческом музее города Тамбова на всеобщем обозрении.

И начался розыск полковника, начальника политического отдела Кислякова из Ленинграда. Его нашли, но он был очень слабый и вскоре умер. Лормана искали очень долго. Застала его война в городе Минске, и ушел он добровольцем на фронт. После войны он жил в городе Минске, работал преподавателем в школе. Через следопытов отыскивали мы Лормана. Должна была состояться встреча ветеранов. Хотели сделать встречу в городе

Тамбове, но у нас Тамбов – город-побратим с венгерским городом Толна, а нам надо было с Германской [Демократической] республикой. И решили мы сделать встречу в городе Минске. Я приехал в город Минск и Пауль-Маш тоже прилетел на самолете вместе с супругой.

Я Пауля-Маша не узнал, ведь прошло 36 лет. Посетили мы музей на Кургане Славы и в Хатыни. Переписка стала обычным нашим делом, как с Пауль-Машем, так и с Лорманом, так и с Корсунским. Позднее нашли также и Яненко Николая Николаевича, он был переводчиком. Был он видный советский математик, член Президиума Сибирской Академии наук СССР, дважды лауреат, директор Института механики Сибирского отделения АН СССР, но, к сожалению встретиться нам не пришлось. Он уже умер.

ГАСПИТО. Ф. Р-9292. Оп. 1. Д. 8. Л. 31-34. Подлинник.

* Опущены биографические сведения предвоенного и послевоенного периодов.

№ 1298

Из воспоминаний Ю.А. Кривушина*

25 апреля 1984 г.

Война застала меня на Карельском фронте в составе 32-[го] ОЗАД, который был оснащен по тому времени новейшими 85-мм орудиями с большой скорострельной скоростью снаряда, автоматическим управлением по высотным целям. Дивизион прикрывал с воздуха боевые отряды артиллерии и технику, пехоту на участке Беломоро-Балтийского канала и Кировской жел. дороги от налетов вражеской авиации и танков противника.

Первый бой начался в 4⁰⁰ 22 июня в хорошую погоду. Ярко светило солнце (был полярный день). Жарко пришлось зенитчикам. Бой скоротечный.

Самолеты немцы имели скоростные, маневренные, бронированные, хорошо вооруженные с большой бомбовой нагрузкой. Немецкие летчики – опытные, прошли бои в небе Британских островов, Франции, Италии и Скандинавии.

Зенитчик не прикрыт от противника, как пехотинец или танкист. Зенитчик встречает врага, смотря зорко в него. Он должен быть стоек и выдержан, иначе беда. В таком бою его выручает физическая закалка, политическая сознательность, боевое мастерство, товарищеская взаимопомощь и отвага.

«Мессер» или «юнкерс» подходят к зоне огня зенитчиков с визгом, нарастающим гулом. Издалека для методичного подавления противника стреляет из пушек и пулеметов. Это не просто так – за ним следует, кому дано задание бить цель наверняка.

В итоге результат зенитчиков обеспечивает мастерство командиров каждого номера расчета – будь это бой по самолету, танку или другой наземной цели. Мы обучались и приобретали опыт в ходе боев.

Не сразу мне и всем удавалось воспитать эти качества. Они приходили от боя к бою. Одновременно мужали защитники Родины, крепла боевая солдатская дружба.

500 фронтовых дней и ночей (30 % из них – ночных боев с воздушным противником). Сколько было боев с воздушными стервятниками...

Вспоминаю декабрь 1941 г. Карелия. Зима. Холодно. За 500 суток дивизион не выводился на отдых. Личный состав не видел «живого» жилья (в помещении). Вместо – неглубокий окоп (дальше вода), гранит, сверху брезент от пушки – это «дом» для семи человек расчета.

Итак, из фронтовых 500 суток этот боевой эпизод.

Передовые посты оповещают не открывать огня – возвращаются наши самолеты «чайки» с боевого задания с передовой линии фронта. Над головами зенитчиков и поднятыми вверх стволами орудий проходят усталые «чайки». Заметна их усталость, покачивают своими краснозвездными крыльями. Высота 150-200 метров, но мы готовы к бою по «штурмовику». Мы [научены] уже коварством врага. И этот раз правильно «чайки» шли к нам под прикрытием зениток. В большом бою они израсходовали весь боекомплект. Спешили за нами, в несколько минут их долет – на озере аэродром.

Вдруг за «чайками» в интервале трех-двух минут – один, два, шесть «мессершмиттов». Прозевали наши посты оповещения. Они стремительной дугой идут на батарею. Расчеты готовы «по штурмовику» – еще минута [и] открывают огонь четыре орудия по самолетам противника.

Расчеты вступили в бой. Вся надежда на подготовку, смелость расчетов. Это их незабываемый воздушный бой зенитчиков с «мессершмиттами» (а их – 6). Орудие непрерывно бьет до 20 выстрелов в минуту. Крутятся «мессеры», крутятся стволы пушек. Они бьют хлестко, даже красиво. Стервятники озлоблены, им не дают свободно добраться до наших «чаек». Они не идут на аэродром – нельзя, там наши самолеты, они ходят вокруг батареи. Вся их надежда дожидаться, когда израсходуют «мессеры» свой боезапас. Нужно время. У немцев самих вооружение – 2 или 1 пушка, 2 или 4 пулемета. «Чайки», не имея боезапаса (расстреляли на линии фронта), – врассыпную и крутятся вокруг батареи. «Мессеры», как волки, ждали наших «чаек», паслись где-то в зоне, обманув наши посты оповещения, подкрались в хвосте к нашим «чайкам», но нарвались на батарею.

В этой карусели «чаек» и «мессершмиттов», пропуская свои самолеты, били орудия по фашистским стервятникам. Это был трудный бой, осложненный беспомощностью наших самолетов.

Но вот **есть!** Вспыхнул и косо пошел на крыло к земле «мессершмитт». До этого успел (но попал в зону) прошить огневой строчкой «чайку».

Минута – и в секторе орудия возник еще «мессер». Он шел прямо на орудие батареи смело, внезапно и нагло. Вот кто ожидал момента в карусели боя под конец рассчитаться с батареей. Схвачен наводчиком орудия в прицел, команда «Беглый огонь!». Три снаряда один за другим встретили

стервятника в эти секунды, но от одного верного снаряда как бы покачнулся самолет – даже кажется, на миг приостановил полет. Самолет клюнул носом и потом, не планируя в пике, пошел вниз к земле, вихрем пролетел справа батареи и ухнул среди вековых елей, оставляя за собой шлейф дыма и огня.

Это наш – это счет нашего орудийного расчета. Закончился бой. Наступила особая тишина, как всегда и не раз уже знакомая зенитчикам, тут же нарушенная отрывистыми докладами и командами командиров. Нужно немедленно готовиться и быть готовым к новому бою....

Не досчитав двух самолетов, сбитых батареями, фашисты убрались восвояси так же внезапно, как и появились.

Потеряли летчики свои две «чайки». Могло и не быть, но на войне все может случиться. Бывает и так. Летчик «мессершмитта» при падении самолета был выброшен взрывом из кабины. Он лежал недалеко от обломков самолета. По документам – лейтенант, награжденный за участие в боях в небе Франции и острова Крит. Видно, опытный и смелый – раз шел на батарею, увлекая в бой своих собратьев по разбою. Если [бы] получилось, получил бы немалую награду, и кто знает, чем бы окончилась встреча «чаек» с «мессершмиттами», если не боевая поддержка зенитчиков.

Личный состав батареи получил благодарность от командующего артиллерии Карельского фронта. Были и награждения. [...]**.

ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 8. Д. 27. Л. 26-30. Подлинник.

* См. письмо Ю.А. Кривушина отцу А.М. Кривушину (№ 788), а также письма П.Н. Филатова (№ 313), С.А. Кривушиной (№ 670), В.Н. Буланцева (№ 671), П.Г. Щекочихина (№ 790), адресованные Ю.А. Кривушину.

** Опущена выдержка из книги «Войска ПВО страны в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.» (так в документе) об объявлении командующим Карельским фронтом благодарности личному составу 4-й батареи 32-го ОЗАД».

№ 1299

Из воспоминаний М.И. Кобзева^{30*}

Ранее 16 октября 1980 г. **

До войны учился в семилетке, работал в совхозе. В декабре сорок второго года после окончания Пензенского военного минометного училища в звании лейтенанта был направлен в 239-[й] минометный полк на должность командира минометного взвода в формирующуюся в Гороховецких учебных лагерях 22-[ю] минометную бригаду, которая впоследствии вошла в состав 17-й артдивизии прорыва РВГК.

В конце 1942 г. Главное Военное Командование начало впервые создавать мощные артиллерийские соединения, предназначавшиеся для прорывов долговременной обороны противника, объединявшие десятки полков в шесть артиллерийских и минометных бригад в несколько сот стволов от 76- до 203-миллиметрового калибра. Такие мощные артдивизии

находились в резерве Верховного Главного Командования для решения стратегических задач на фронтах Великой Отечественной войны. Такие формирования являлись новыми вкладами в советскую военную науку и оправдали себя в победоносном наступлении Советской Армии.

Свой боевой путь 17-я артдивизия прорыва начала у стен Ленинграда на Волховском фронте. В Синявинских болотах вместе со своим взводом принял первое боевое крещение.

В течение более месяца с пехотными подразделениями минометные расчеты отражали натиск озверевших фашистов, рвавшихся к Ленинграду. В одном из боев взрывной волной я был контужен. Отлежался в землянке, но огневые позиции не оставил.

18 марта 1943 г. был памятным днем для меня и боевых друзей. В этот день началось решающее контрнаступление войск Волховского фронта по расширению прохода к блокадному Ленинграду. Надежно окопавшийся на господствующих высотах противник, ничего не подозревая, вел дежурную стрельбу по нашим позициям. Не проявляли активность и минометчики нашей батареи. Мы лишь одиночными выстрелами отвечали врагу, еще раз уточняли данные разведки о расположении огневых точек в его линии обороны.

С нетерпением мы ждали сигнала к артнаступлению. И вот, наконец, взметнулась, перечеркнув небосвод, красная ракета. И сразу заговорили около 400 орудий и минометов нашей дивизии. Многоголосый гром выстрелов и рвавшихся снарядов сотрясал землю на стороне противника. Расчеты моего взвода вели методический огонь, на разогревшихся стволах от частой стрельбы вскипала краска. Наблюдая в бинокль, я видел, как от разрывов снарядов и мин на вражеских позициях клочьями вздымается земля. Горизонт затягивался стеной черно-серого дыма. Артподготовка длилась около часа. На горе Пушечной – главном опорном пункте противника – до основания были разворочены дзоты, окопы, траншеи, словно буреломом повален густой лес. Обезумевшие от огня, оставшиеся в живых фрицы забрались в щели и воронки. Некоторые из них нашим бойцам приходилось силой вытаскивать оттуда. Успех был полный, оборона фашистов была прорвана. Единственный проход, по которому снабжался осажденный город Ленина, стал шире и безопаснее.

Бои в Синявинских болотах, в районе Вороново и против вражеской обороны под Карбуселью явились хорошей школой для меня и моих подчиненных. Здесь я научился быстро оценивать обстановку и принимать правильное решение. Минометные расчеты моего взвода научились слаженности действий, взаимовыручке, смелости и находчивости.

Все эти качества были замечены командиром дивизиона, капитаном Серафимом Константиновичем Ивановым, который доверил мне командовать пятой батареей, и я оправдал это доверие, перенося все хорошее, что было достигнуто взводом.

За короткий срок пятая батарея стала одной из лучших и надежных не только в дивизионе, но и в полку. Нам доверяли самые ответственные и трудные боевые задачи, которые успешно решались.

Мне особенно врезались в память жестокие бои на Орловско-Курской дуге в августе 1943 г. Это было в районе города Ахтырка. Моей батарее было приказано огнем минометов прикрывать отход наших войск, преграждая путь пехоте противника, наступающей за танками.

Туго пришлось расчетам моей батареи, когда «тигры» начали поливать ее градом осколков. Они вывели из строя два миномета и почти половину прислуги. Прямым попаданием снаряда был убит заряжающий Банзавай, вражеская пуля угодила в голову наводчика Ирдулина, третьему номеру осколком оторвало подбородок. Чудом остался цел лишь один миномет батареи, замаскированный в зарослях кукурузы, который вместе с разведчиком Коноплевым и радистом Чернышевым двое суток мы таскали 17 километров, пока не нашли отступивший на заданные позиции свой полк.

После того, когда контратака была отбита и противник остановлен, с бойцами батареи мне пришлось вернуться на место прежнего боя, оказавшееся в нейтральной полосе, буквально из-под носа гитлеровцев вывозить поврежденные минометы заодно с грузовиком. За этот бой я был награжден орденом Красной Звезды.

В битве за Днепр с группой радистов и разведчиков мы вместе с командиром нашего дивизиона С.К. Ивановым первые переправились через водную ширь на Букринский плацдарм, выполняя приказ командира полка майора Н.Д. Засыпкина о корректировке огня минометных расчетов нашего полка. При форсировании этой водной преграды с нами произошла неприятность. Когда плот находился близко у противоположного берега, взрывом снаряда наш плот опрокинулся, и все мы оказались в воде. Спасая радиостанцию от влаги, достигли правого берега и добрались на плацдарме до условленного места, где оборудовали НП. Радисты развернули рацию и связали нас с огневыми позициями полка и с взаимодействующими пехотными подразделениями. Через считанные минуты минометчики обрушили огонь по вражеским позициям, опоясывающим плацдарм.

Наблюдая за разрывами мин, я стремился корректировать огонь с наибольшей точностью по вражеским огневым средствам, препятствующим продвижению нашей пехоте для расширения плацдарма.

За время 20-дневных боев за Киев на Букринском плацдарме огнем нашего дивизиона было уничтожено: одна минометная, одна артиллерийская батареи, два орудия, восемь пулеметных гнезд и до 180 гитлеровцев.

Фашистское командование считало, что главный удар советских войск по освобождению Киева будет наноситься именно с Букринского плацдарма. Поэтому они стягивали в этот район новые танковые и пехотные соединения с намерением сбросить наши войска в Днепр. Учитывая это, советское командование решило главный удар произвести с Лютежского плацдарма. С

этой целью была произведена перегруппировка войск 1-го Украинского фронта.

В конце октября 1943 г. вместе с 17-й артдивизией прорыва, сдав плацдарм новым частям и совершив 200-километровый марш ночью на север, заняли огневые позиции на Лютежском плацдарме.

В ночь на 3 ноября 1943 г. минометчики нашего полка ждали сигнала артподготовки. Лишь утром в 8 часов 40 минут раздался гул наших «катюш», известивших о начале арт. наступления. «Расчеты по местам!» – подал я команду батарее. Когда командиры взводов доложили о готовности расчетов к ведению огня, скомандовал: «Огонь!». После 40-минутного гула артподготовки и поддержки с воздуха в прорыв устремились танковые и пехотные соединения.

Вражеские войска не выдержали натиска, начали отступать. К вечеру первого дня наступления советские войска продвинулись на 12-15 километров. Но враг продолжал отчаянно сопротивляться. В результате боев 3-5 ноября 1943 г. минометчиками нашего полка было уничтожено 24 пулеметных точки, три минометные батареи, убито и рассеяно до двух батальонов пехоты противника, из них значительная часть на счету нашей 5-й батареи и нашего 2-го дивизиона.

К рассвету 6 ноября 1943 г. Киев был очищен от фашистов, над городом взвился алый стяг.

7 ноября мы отметили 26-[ю] годовщину Октябрьской революции. За отличные боевые действия при форсировании Днепра и освобождении Киева в числе многих воинов был удостоен ордена Отечественной войны 1-[й] степени.

Далее мой боевой путь проходил через Житомир, Винницу, Проскуров, Тернополь, Львов и многие другие города Украины и Польши. Довелось участвовать в ликвидации окруженных группировок противника под Бродами, Корсунь-Шевченковском и Тернополем.

Осенью 1944 г. принимал участие в Карпатско-Дуклинской операции. В этих боях наша 17-я артдивизия прорыва в составе 38-[й] армии взаимодействовала с Первым армейским Чехословацким корпусом. Мне довелось с командного пункта генерала Людвика Свободы корректировать огонь своей батареей, обеспечивая наступление чехословацких воинов на Дуклинский горный перевал.

В этом бою мне не повезло. Разорвавшийся снаряд контузил и прошил мое тело множеством осколков, стиснул его жгучей болью. «Неужели конец?» – пронеслось в моем сознании. В мгновение промелькнула вся короткая жизнь: мать, родная Пахатноугловка***, где бегал по лужайке в детстве, парное молоко, школа, сверстники, а затем сознание покинуло меня. Очнулся в госпитале на больничной кровати, где пришлось лечиться несколько месяцев. Врачи, как могли, боролись за мою жизнь. Медленно затягивались раны на изуродованном теле. Выжил! [...]****.

-
- * Запись произведена В.П. Савиных.
  - ** 16 октября 1980 г. – дата ухода из жизни М.И. Кобзева.
  - *** Так в документе. Правильно – с. Пахотный Угол.
  - **** Опушены биографические сведения послевоенного периода.

№ 1300

Воспоминания А.П. Хлыниной³¹

22 июня 2000 г.

Дороги военные никто не выбирает. Призвали в армию – иди в ту часть, туда, где больше всего нужны такие специалисты. И вот в 1942 г. из Инжавинского района я была призвана в действующую армию. Я кончила педучилище, мы там хорошо занимались по медицине: умели перевязывать, умели оказать первую помощь, умели стрелять хорошо. В общем, думала – сразу меня отправят на передовую. Но сказали: «Армии не нужно пушечное мясо. Нужны армии специалисты, те люди, которые своим интеллектом, трудом, знаниями будут приближать победу» и послали изучать радиодело.

Призвали меня в августе 1942 г. А 1 января 1943 г. я уже специалист, и меня направили на Волховский фронт. Волховский фронт – это специфический фронт, там очень много лесов, почти тайга. Там протекает река Волхов, по этой реке и назван Волховский фронт.

Всего Волховский фронт был протяженностью 250 километров. Было там много армий. Меня послали в 80-й полк связи и сказали: «Вот радиостанция «Север» (переносная, она рассчитана на работу двух человек). Нас распределяли так: девушка и парень. Послали нас на передовую в то время, когда на фронте начиналась операция. Летом планировали взять Мгу (населенный пункт Ленинградской области) и Синявинские высоты. Вот туда послали нас в 8-ю армию вдвоем и еще офицера связи, который нам поставлял радиogramмы. Мы принимали радиogramмы, он их относил.

Было очень жаркое лето. Трудно было радистам работать. Хотя жарко было в другом смысле. Когда мы приехали на передовую – дают радиogramму, значит, надо передавать. А когда мы выходим в эфир, то наши звуки слышат кругом. Эти звуки распространяются волнообразно. Нас слышат не только те радиостанции, те радисты, с которыми мы связаны, но нас слышат и немцы. Мы выходим в эфир, они обнаруживают: вот тут появилась радиостанция. А раз радиостанция появилась, значит, в этой части есть связь, эту радиостанцию надо уничтожить. И они начинают или обстреливать (засекают нас, находят координаты специальным прибором), или одновременно посылают помехи. Включают динамик, и он на нашей волне начинает работать. В наушниках получается сплошное гудение. Трудно найти тоненький-тоненький голосок своей станции, с которой ты работаешь, – главной станции. Нужно умение радиста перейти на другую

волну, своего товарища перегнуть на эту волну и суметь в тот промежуток, пока немцы не обнаружили, передать или принять радиogramму.

Полтора или два месяца мы были в этой командировке. Наши части наступали, но это наступление было неудачным. Нисколько мы не продвинулись. С Синявинских высот немцы нас поливали огнем. Атаки наших пехотинцев захлебывались. Из роты, которую посылают в 150-200 человек, приходят обратно живыми человек 20. У немцев было больше сил. Не получилось ничего.

Каждый работает не за то, чтобы ему дали какую-то награду. Радисты за то, чтобы хорошо приняли радиogramму на главной радиостанции, чтобы главная радиостанция могла хорошо связаться и была нужная связь. Вот за этот мой дебют меня наградили медалью «За отвагу».

В 1944 г. готовилось генеральное сражение с немцами для того, чтобы выволить Ленинград из блокады. Меня послали в 54-ю армию Волховского фронта. Эта армия должна была освободить город Новгород. Наша армия должна была идти с озера Ильмень, 4-я и 8-я армии должны были идти с севера. В лоб, напрямую с востока, нельзя было идти, потому что Новгород был немцами оккупирован несколько лет, были построены очень хорошие укрепления: ров, доты, дзоты. Шли мы пешком. Было тяжело: радиостанция весила 8 килограммов, и питание тоже весило 8 килограммов. Один несет радиостанцию, второй – питание. Но у каждого еще своя винтовка, вещмешок, патронташ. Шли по озеру Ильмень все солдаты-пехотинцы шеренгой в белых маскировочных халатах. Нельзя было курить, громко разговаривать. Везли пулеметы на волокушах. Эти волокуши тоже были накрыты простынями, маскировочными халатами. На лошадях везли пушки. Лошади тоже были покрыты белым.

Мы вышли очень рано – часов в пять. Подошли близко к берегу озера Ильмень. Немцы не ждали – зима была необыкновенно теплая, лед замерз на 30-40 сантиметров, а от такой мощи солдат лед мог провалиться. Когда мы дошли до [немецких] окопов (километров 18 от Новгорода), наши солдаты ворвались в них как черти – молча, без артподготовки, без обстрела авиации. Прямо сразу начали с атаки, закричав «Ура!», стали прыгать в их траншеи. Конечно, немцы были здорово готовы. Дрались они необыкновенно.

И вот 18 километров до Новгорода мы прошли, наверное, за 4 дня. Шли с боями. Наступление шло с севера и с юга. Немцы решили оставить Новгород. Мы входили туда за пехотой. Там везде были поставлены мины. В Новгороде оставалось всего домов 20 целыми. Все, что можно вывезти, немцы вывозили. Там были древние монастыри. Все ценное было вывезено: картины, иконы. Даже бронзовый памятник 1000-летия России распилили на части, заколотили в деревянные коробки, но не успели вывезти.

Наступление началось 14 января. Новгород был освобожден 20 января. А 27 января соединились два фронта – Ленинградский и Волховский. Ленинград был полностью освобожден от блокады. В конце февраля мы закончили эту операцию и вернулись в часть. Собрали всю часть, четверых нас наградили орденом Славы 3-й степени. В штабе фронта солдатами был

построен клуб. В этом клубе нам вручали ордена. Но казус произошел. Вызвали меня на сцену, я стала подниматься, а у меня у сапога оторвалась подошва. Можете себе представить – поднимаю ногу, а подошва оторвалась. Как себя чувствует человек?! Получила [орден], посадили меня рядом с генералом связи. Спрашивает меня генерал, откуда я. Его адъютант записывает, чтоб послать на мою родину известие, что женщина получила орден Славы, ну, а у меня в голове вот этот сапог!..

После расформирования Волховского фронта я со своим 80-м полком связи попала на Карельский фронт. Участвовала в форсировании Свири, освобождении города Никеля на самом севере за Мурманском. После освобождения Карельского перешейка Карельский фронт перестал существовать, нас отправили на отдых.

Эренбург написал, что тот, кто защищал и освобождал Советское Заполярье, тот обязательно побудет в Германии и распишется на стенах рейхстага. Мы об этом, конечно, не думали. Вдруг объявляют быть готовыми, загружают в товарные вагоны, должны куда-то перевозить. Мы обрадовались – везут нас брать Берлин, вот мы и распишемся на стенах Берлина! Вечером отъехали, утром проснулись, смотрим – город Горький, нас везут на восток.

На Урале встретили День Победы (есть такой город Зима). Была радость необыкновенная! Победа! Мы – скоро домой! Чего девчонок будут держать... А нам стали говорить: есть еще злейший враг – это Япония. Вот и с Японией еще воевала. И только в декабре 1945 г. я вернулась домой.

ГАСПИТО. Ф. Р-9277. Оп. 1. Ед. уч. 572. Ед. хр. 1. Фонозапись.

№ 1301

Воспоминания Н.В. Кузнецова³²

Не позднее 1993 г.*

Родился в 1912 г. в г. Саратове. В 1934 г. по путевке комсомола поступил учиться в Энгельскую военную школу летчиков, которую окончил в 1937 г., и [был] направлен служить в бомбардировочную авиацию Ленинградского военного округа в г. Старая Русса в 58-[й] бомбардировочный авиаполк 55-[й] бомбардировочной авиационной бригады.

В 1938 г. был переведен в 34-[й] бап этой же бригады, в составе которого принимал участие в боевых действиях по освобождению Западной Украины и Западной Белоруссии.

Участвовал в советско-финляндской войне 1939-1940 г. Совершил 36 успешных боевых вылетов и был награжден медалью «За отвагу».

С начала Великой Отечественной войны и до победы над Германией сражался с фашистскими захватчиками на Северо-Западном, Ленинградском и 3-м Белорусском фронтах.

Участвовал в 900-дневной героической обороне блокированного Ленинграда, в разгроме гитлеровских войск на Карельском перешейке, на территории Эстонии, Литвы и Восточной Пруссии.

Первое боевое задание получил на выполнение разведывательного полета: произвести разведку в р-не г. Двинск с целью уточнения положения своих войск и войск противника. Погода во время полета была очень хорошая, и с самолета было хорошо видно, что делается на земле, положение своих войск и войск противника. Когда мы подходили к г. Двинск, то увидели его сильно задымленным, это говорило о том, что в нем или идут бои, или только что прошли. Чтобы как следует все рассмотреть, мы снизились до высоты 100 м и прошли через весь город с востока на запад. С этой высоты мы четко увидели немецких солдат, танки, автомашины и другую боевую технику. Выйдя на западную окраину города, нас стала обстреливать малокалиберная зенитная артиллерия. Чтобы не быть сбитым огнем ЗА, я выполнил противозенитный маневр и перешел на бреющий полет. Выполнив задание, я вернулся с донесением в штаб бригады.

В период Великой Отечественной войны мне приходилось летать днем и ночью, в простых и сложных метеорологических условиях, одиночно и в группе. Бомбардировочными ударами наш экипаж уничтожал живую силу и боевую технику противника на поле боя, на аэродромах, железнодорожных станциях и перегонах, в морских портах, выполнял специальные задания штаба Ленинградского фронта по разведке тыловых объектов противника и обеспечению партизан оружием, боеприпасами и продовольствием.

Особенно трудными были боевые будни в условиях блокады Ленинграда. Мы, как и все войска, защищающие Ленинград, были ограничены не только продовольствием, но и боеприпасами. Боевая обстановка была очень напряженной, враг предпринимал частые атаки с целью прорыва обороны Ленинграда, обстреливал город дальнобойной артиллерией, наносил бомбовые удары авиацией. В такие дни и ночи нам приходилось делать по несколько вылетов, наш экипаж в особенно напряженной обстановке делал по 5-6 вылетов в ночь. Мы особенно тщательно проводили подготовку к каждому полету, до малейших подробностей изучали цель, чтобы каждый вылет был максимально эффективен, чтобы каждая бомба была сброшена в цель наиболее точно.

Основными целями в начальный период блокады были войска и боевая техника на поле боя, орудия дальнобойной артиллерии, аэродромы и склады боеприпасов.

В январе 1942 г. я вместе со штурманом Купцовым произвел бомбовый удар ночью по большому складу боеприпасов в районе ст. Сиверская Ленинградской обл. Удар был выполнен так неожиданно для немцев, что они не успели сделать по нам ни одного выстрела из зенитных орудий, и настолько эффективным, что боеприпасы рвались в течение около трех часов, а сами взрывы были видны с высоты 2000 м на расстоянии до 40 км.

В одну из ночей 1944 г. мы со штурманом Румянцевым выполняли специальное ответственное задание штаба Ленинградского фронта.

Выполняя полет в ясную ночь на высоте 4000 м, нас в районе Раквере неожиданно атаковал истребитель противника Me-110. Наш самолет стал резко терять высоту, сделался трудно управляемым, пришлось приложить немало сил, умения и выдержки, благодаря чему все же удалось перевести самолет в горизонтальный полет на высоте 400-300 м и произвести посадку на запасном аэродроме.

После снятия блокады с города Ленинграда развернулись бои за освобождение территории Эстонии. В один из боевых дней нашей эскадрилье была поставлена задача: уничтожить завод по производству искусственного горючего. При подходе к цели нашу девятку Пе-2 противник встретил сильным зенитным огнем. Наш самолет, ведущий девятки, был поврежден осколками, но был управляемый, а штурману эскадрильи осколком отбило указательный палец, но штурман тов. Поцыбин набрался мужества, навел группу на цель и отбомбился.

9 октября 1944 г. нашей авиаэскадрилье была поставлена задача нанести бомбовый удар по причалу на острове Эзель. Этим бомбометанием девятка «Петляковых» уничтожила 2 вражеских транспорта с войсками, 4 катера и 2 десантные баржи.

Освободив эстонскую землю от фашистских захватчиков, нашу 276-[ю] БАД передислоцировали в распоряжение командования 3-м Белорусским фронтом. Начался разгром фашистов в их логове – Восточной Пруссии. Бои в Восточной Пруссии носили очень упорный характер. Особенно ожесточенно немцы обороняли города Инстербург, Кенигсберг, порт и аэродром Пиллау. Поэтому авиации фронта, и в том числе нашему 58-[му] авиационному полку, пришлось оказывать большую помощь нашим наземным войскам, громившим противника. К этому времени наша авиация настолько была сильна, что была в состоянии наносить и наносила массированные налеты по объектам обороны противника. Разгромив восточно-прусскую группировку войск, наша дивизия закончила боевые действия в Великой Отечественной войне.

За годы Великой Отечественной войны мною в составе экипажа совершено 360 боевых вылетов и уничтожено 5 танков, 11 железнодорожных вагонов с войсками, 5 самолетов на аэродромах, один самолет в воздушном бою, 2 речные переправы, 3 склада с боеприпасами и горючим, 21 автомашина, 1 паровоз, 43 укрепленных противником здания, 2 морских транспорта, 5 катеров и десантных транспортов и множество боевой техники, оборонительных сооружений и живой силы противника.

Звание Героя Советского Союза мне присвоено 29 июня 1945 г. за 329 успешных бомбардировочных боевых вылетов, за отличное выполнение особо важных и сложных разведывательных полетов и полетов по обеспечению партизан Ленинградской области оружием, боеприпасами и продовольствием.

ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 10. Д. 52. Л. 1-6. Машинописная заверенная копия.

---

* Н.В. Кузнецов умер в 1993 г.

№ 1302

Воспоминания В.С. Крыгина³³

2006 г.

В пункт назначения прибыли вечером. Этим «пунктом» оказалось Тамбовское военно-пехотное училище, эвакуированное в Семипалатинск.

На ужин опоздали, поэтому «сами по себе» сходили в ресторан. Я решил полакомиться блюдом с интригующим названием «рубец». Есть пришлось обыкновенную требуху.

Проснулись уже не «сами по себе», а по команде «Подъем!». И завертелись мы, как белка в колесе. Нас водили по комиссиям, осматривали, простукивали, измеряли, взвешивали, испытывали, описывали. Постригли и побрили все мыслимые и немыслимые места наших тел. Помыли в бане и переодели в выдающую виды военную форму. Наконец, распределили по подразделениям. Меня – в первый взвод пулеметной роты пятого батальона, который в это время состоял из четырех рот: пулеметной, минометной и двух стрелковых. Из шести моих земляков троих отсеяли. Один из них не прошел мандатную комиссию, о существовании которой я впервые услышал. «Значит, я пулеметчик...» – единственная мысль, которая вместилась между командой «Отбой!» и погружением в сон.

«Распорядок дня курсанта» нас, новичков, утомлял до крайности. Наш «трудовой день» (с шести до двадцати трех часов) не просто был перенасыщен, он был до предела спрессован из разнообразных дел и занятий. Только «уроков» ежедневно по двенадцати. Кроме того, физзарядка, туалет, самообслуживание, чистка оружия. Трижды в день походы в столовую и обратно – да не просто, а «с песней» или «строевым».

Хотя в распорядке дня был «мертвый час» (упал – сразу уснул), а также «свободное время курсанта», усталость и сонливость одолевали. Многие из нас, особенно на последней паре уроков, спали, сидя с открытыми глазами. Тем, кто подпер ладонью подбородок, пальцами прикрыл глаза, преподаватель авиации и противовоздушной обороны, седенький, кругленький подполковник давал совет: «Подавите переносицу, да покрепче. Сонливость пройдет». Политрук в таком случае подавал команду: «Встать! Рядом со мной стоять!». Идут политзанятия, а перед слушателями стоит целая шеренга «засонь».

Ускоренно, но нам давали разностороннюю подготовку. Подтверждением этого может служить хотя бы перечень учебных предметов и занятий: строевая подготовка, матчасть винтовок, автоматов, пистолетов, минометов, гранат, мин, ПТР, пушек 45- и 76-миллиметровых, огневая подготовка, приемы рукопашного боя, тактика, топография, ориентирование

на местности и по карте, связь, танки и противотанковая защита, авиация и противовоздушная оборона, химзащита, саперное дело, уставы, политучеба.

Особенно утомительной была строевая подготовка: не так-то просто из «неотесанного» парня сделать офицера. Зато она давала разительные результаты.

Помню, мы, еще не переодетые в военную форму, по пути в столовую встретили роту курсантов-выпускников. Сравнили. Мы – это отара овец. Они – это гармония линий и движений, части и целого. «Неужели и мы сможем стать такими?!» – подумалось, видимо, не только мне. Через полгода опять мы, но уже лейтенанты, новое пополнение встретили насмешками: «Неужели и мы были такими вахлаками?».

Верно подмечено: «Солдатами не рождаются, солдатами становятся». Офицерами – тем более. Командиром первого взвода был лейтенант Перлов, с отличием окончивший до Отечественной войны это же Тамбовское военно-пехотное училище. Своим обликом и поведением он первый нам показал, каким должен быть настоящий офицер: безукоризненная выправка, аккуратность, ухоженность. Говорил кратко, ясно, корректно. Учил нас на собственном примере, но неназойливо, без грубостей и чванства: «Делай, как я – будешь, как я». Подал команду «Бегом!». Мы бежим, и он бежит легко, красиво, неутомимо. Невольно подражаешь ему, учишься у него. Не то, что командир второго взвода Краснов. Сядет на пень и покрикивает: «Живей!». А курсанты бегают вокруг него. Одним словом, мне повезло, что первые шаги, как военный служащий, я делал под руководством замечательного командира Перлова.

Тактика тоже была нелегким делом. На эти занятия выходили «на местность», за черту города километров пять-шесть. Ты «при полной выкладке» и уже совсем не можешь, если на тебя навьют 32-килограммовую «деталь» станкового пулемета да скоман্দуют: «Газы – надеть противогазы!».

Еще неприятнее ползать по-пластунски, особенно в дождливую погоду. Что поделаешь? «Трудно в учении – легко в бою!» – говаривал Суворов.

Вообще-то тактика была моим «коньком». Ее вел помкомроты Петреня. «Главное, что требует тактика от среднего командира – это быстрота реакции на обстановку, правильное решение, четкая команда подчиненным», – повторял он. «Если ты придумаешь безукоризненное решение, но долго будешь размышлять, то противник успеет сорвать его вместе с твоей головой».

Со временем у меня стало неплохо получаться. Только Петреня ознакомит с «боевой обстановкой», долго не раздумывая, подаю команду: «Первому отделению... Второму отделению...». Помкомроты всемерно поощрял понятливость «некоторых военных» (присказка, которую он часто использовал, когда хвалил и когда ругал нас).

По петренинскому методу я сдавал и госэкзамены по тактике полковнику Шуману, крупнотелому на тоненьких ножках начальнику штаба

училища. Получил не только «пять», но и единственный в роте – благодарность перед строем.

Выйдя за город, особенно хотелось побыть «самим по себе». Во имя этого «проявляли находчивость», говоря языком наших наставников.

Как-то отрабатывали тему «Пулеметный взвод в обороне». Мой друг Настенко и я были в одном пулеметном расчете. Нам пришла в голову идея обыграть надоевшие командирские наставления: «Потерял – найди! Кто ищет, тот всегда найдет!». В конце занятий припрятали соединительный болт от пулемета «максима». После команды «Проверить матчасть!» доложили «отделенному», что потерял соединительный болт.

Старший лейтенант Петреня, проводивший тактические занятия, приказал: «Командиру отделения и пулеметному расчету найти соединительный болт». Рота ушла на обед, а мы втроем остались.

Командир отделения Самойлов сначала выматерил нас, потом сел на камень и закурил «Золотое руно»: «А вы ищите болт!». Наш «отделенный» не был похож на большинство из нас: раза в два старше, «грамотешка» меньше нашей, туповат, но изворотлив. До призыва в армию жил на широкую ногу. «Молодой жене оставил восемь тысяч рублей, старой – четыре», – хвастался он. Поверили, когда они поочередно стали приезжать к нему и привозить всякую всячину, в том числе и «Золотое руно».

Тем более нельзя не рассказывать о Настенко, моем друге по военному училищу, куда он попал после окончания сельскохозяйственного института и, кстати, через неделю после женитьбы.

Курсантов с высшим образованием было очень мало. К тому же Настенко был на четыре года старше меня. Видимо, поэтому я и попал под его влияние – и не сожалею.

Недели через две по прибытии в училище из подобранной группы курсантов стали набирать на курсы младших командиров. В этой группе были и мы с Настенко. Он, а вслед за ним и я, под разными предлогами отказались.

Когда командир роты спросил у Салькова, моего земляка, согласен ли он стать командиром отделения, Сальков «по-швейковски» вытянулся «в струнку» и полусерьезно-полушутя выпалил: «Хоть командиром взвода!». Через две недели Сальков появился с тремя треугольничками и стал нашим помкомвзвода, а Самойлов с двумя треугольничками стал нашим командиром отделения.

«Не жалей», – утешал меня Настенко, – «после окончания военного училища звание лейтенанта присваивается не младшим командирам, а тем, кто учился и сдал госэкзамены на «пять» и «четыре». Мне рассказал об этом Перлов, а он-то уж знает...».

Вскоре соединительный болт был «найден». Самойлов обрадовался: «Поспешим – на обед успеем». Мы стали соблазнять его: «Зачем нам «поспешать?». Обед отдадут с ужином. Полдня можем бродить по городу. Выпьем пивка, закусим чем-нибудь эдаким. Поймает патруль, а мы ему скажем, что выполняли приказ командира: искали и нашли соединительный

болт – вот он. «Дошло» и до Самойлова: вкусно пожрать он любил, и денег у него было много. Поладили. Ходили по городу, ели, пиво пили. Одним словом, всласть отдохнули.

Перед ужином возвратились в подразделение. Самойлов доложил: «Приказ выполнен!» и показал болт. Командир роты поблагодарил: «Молодцы! Недаром говорится: «Кто ищет, тот всегда найдет». Спать легли уже не «сами по себе», а, как всегда, по команде.

Даже ели по команде: «На обед 20 минут!». Успел – не успел: «Выходи строиться!». Правда, отведенного на еду времени хватало. Не хватало съестного. Аппетит был чудовищный, и не только у меня. Съедавший «в один присест» дополнительную кастрюлю каши вызывал не удивление, а восхищение и зависть.

Кастрюля «с добавкой» была редкостью, поэтому курсанты покупали, что попадется из съестного. В результате появились случаи заболевания дизентерией. Приказом по училищу нам было запрещено покупать продукты. Приказ был справедливым и потому, что в военном училище нас кормили неплохо. Видимо, молодость и сверхнагрузки требовали повышенного расхода «горючего». Приказ часто нарушался, уличенные строго наказывались.

Пришлось и мне испить эту горькую чашу. Построив роту на ужин, старшина подал неожиданную команду: «Курсант Крыгин, к командиру роты!». Бесноватый старший лейтенант Малашенко встретил меня многоэтажным матом, а потом скомандовал: «Яйца на стол!». Я попытался объяснить: яйца-де в скорлупе, поэтому они безвредны... Комроты прервал меня на полуслове такой площадной бранью, такими грязными оскорблениями, которых я никогда не слышал. «Два наряда вне очереди! Старший лейтенант, сейчас же заберите его на стрельбище. Обойдется без ужина. Он уже сыт», – закончил Малашенко. Да, я был сыт по горло от справедливо-несправедливых обвинений, тем более от грязного потока оскорблений.

До огневого полигона 8 км. Шли вчетвером: старший лейтенант Петреня, чтобы оформить заявку на прицельные стрельбы из пулемета «максим», и мы, «штрафники», чтобы до прихода роты на «огневую» позицию перетащить все нужное и навести порядок.

Поздно вечером Петреня угостил меня, оставленного без ужина, бутербродом. Разговорились. Оказалось, что Петреня до призыва в армию тоже был учителем: «Не мечтал, а стал военным».

Старший лейтенант Петреня внешне был обыкновенным мужчиной лет под тридцать, а вот по своей духовной сути, по поведению – одним из тех редких офицеров, которые с полным правом могут говорить: «Честь имею!», за что его курсанты очень уважали.

Не было бы счастья, да несчастье помогло. Рядом с нами стреляла рота второго батальона, где был курсантом Крыгин Алексей Яковлевич, мой двоюродный брат Ленька. В разное время мы были призваны в армию, а попали в одно военное училище, оба стали пулеметчиками. Видно, судьба.

Наговорились досыта. Договорились встречаться – не потребовалось: вскоре мы с ним стали жить в одной казарме.

Месяца через три после начала занятий в училище произошли значительные изменения. Примерно треть курсантов была отчислена в маршевые роты, куда отправили, прежде всего, слабо успевающих и недисциплинированных. Оставшихся курсантов перераспределили по четырем батальонам так, чтобы пулеметчики были в одном батальоне, минометчики – в другом, стрелки – в третьем и четвертом. Благодаря этому мы с Ленькой оказались вместе, даже в одной роте. Только я – в первом взводе, он – во втором, потому что был ростом ниже меня.

В нашем взводе стало два старших сержанта. Помкомвзводом назначили старшего сержанта из второго батальона. Наш Сальков оказался не у дел. Это больно задело его самолюбие. Сальков был незаурядным рассказчиком-юмористом, честолюбивым и неуравновешенным командиром. Не угодил ему взвод, он с шутками-прибаутками гоняет нас «строевым» вместо физзарядки, а мы по пояс голые, мерзнем. В апреле еще холодно. Так что мы даже обрадовались нашему новому помкомвзводу – «папашке». Он был вдвое старше нас.

Не стало у нас и «образцово-показательного» Перлова: ему присвоили старшего лейтенанта и назначили командиром роты. Взводным вместо него стал лейтенант Невзоров, который во всех отношениях был противоположностью Перлова. Какой уж тут авторитет! Все-таки подчинялись – скорее, не ему, а его «кубарям».

Однажды взвод построился, чтобы идти на «полевые» занятия. «При полной выкладке» были все, кроме Салькова. «А почему вы, курсант Сальков, не «при полной выкладке?» – спросил комвзвода.

«Лейтенант, Вы ж на мои петлицы гляньте», – высокомерно ответил Сальков, в то же время указательным пальцем, описав самую длинную дугу, уперся в треугольнички, важно и смешно надул щеки. Глаза его искрились откровенной насмешкой над неказистым лейтенантом.

Лейтенант взорвался, вступил «в диалог» с Сальковым и потерпел полное фиаско. Сальков так рассмешил нас, что даже строй распался. Смеялись, конечно, над лейтенантом. Поняв это, он бросил взвод и вызвал комроты Малашенко, крутого и быстрого на расправу: «За дискредитацию командира отдам под суд... Сальков, за мной!».

Это происшествие дошло до комбата. Сальков две недели просидел «на губе». Возвращаясь в роту, он был задержан патрулем в пивной, за что получил три наряда вне очереди. Не повезло! И чем дальше, тем хуже.

Вскоре после отбоя в казарму зашли дежурные по училищу. Я был дневальным, доложил: «Рота на отдыхе». Капитану не понравился пол: «Где журнал нарядов вне очереди? Кто мыл пол?». – «Сальков». – «Салькову немедленно помыть пол». Сальков ернически парировал: «Капитан, каждый гражданин СССР имеет право на отдых!» и натянул на себя одеяло. «Я тебе покажу Конституцию!» – вскипел капитан. – «Взять его!». Дежурные

курсанты стащили с нар Салькова и увели навсегда! За дискредитацию и неподчинение командирам трибунал дал ему восемь лет лишения свободы.

Нередко курсантам доставалось на орехи за сущие пустяки – чаще всего за «трехметровые сапоги», как в шутку мы называли обмотки. Без хорошего навыка их не так-то просто правильно и надежно намотать в установленный срок, а срок был очень короткий. «Подъем!» – через пять минут ты должен быть одетым по форме, обутом в «трехметровые сапоги», стоять в строю. Не успел – наряд вне очереди.

Еще хуже, когда обмотка разматывается на марше: шагающий за тобой наступит на нее, ты падаешь напереди идущего... «За беспорядок в строю наряд вне очереди» получишь от командира, да еще должен выразить согласие с его «справедливым решением»: «Есть наряд вне очереди!».

Наряд вне очереди, гауптвахта, трибунал считались да и были действенными средствами поддержания дисциплины у военнослужащих и порядка в Советской Армии, без чего любая армия недееспособна. Однако надо понимать и то, что средства принуждения существуют не сами по себе, а используются людьми, поэтому могут быть справедливыми и несправедливыми, полезными и вредными.

Следует учитывать и то, что рядовой нарушает дисциплину и порядок, как правило, не столько в силу своего характера, сколько в силу условий и обстоятельств, зачастую непривычных и неудобоваримых, поэтому такие нарушения требуют глубокого выяснения и тщательного разбирательства, даже сочувствия – чего, к сожалению, в армии явно недостает.

Начальствующее лицо (чем выше рангом, тем больше) совершает проступки и правонарушения прежде всего в силу своей природы. И здесь не обойтись без разбирательства, но сочувствия оно не вызывает.

Иллюстрацией этой мысли может послужить факт разжалования нашего командира роты Малашенко.

По огневой подготовке на стрельбище отработывали задачу: очередью из пятнадцати патронов поразить мишень на расстоянии 700 метров, появляющуюся на одну минуту. За эту минуту из укрытия нужно пулемет «максим» выкатить на огневую позицию, вставить ленту с патронами, прицелиться, дать очередь, сделать спуск с боевого взвода и возвратиться в укрытие. Три пули попали в мишень – «пять», две пули – «четыре», одна пуля – «три». Не попал в мишень, не уложился в отведенное время – по огневой подготовке получишь «два».

Первый и второй взводы «отстрелялись» неплохо. У курсантов третьего и особенно четвертого взвода дело не клеилось: то очередь в небо, как в копеечку, то не укладывались в положенное время. Причина была очевидной: в четвертом взводе была «мелкота», некоторым курсантам просто не хватало сил быстро выкатить тяжелый пулемет на огневую позицию.

Солнце покатило к вечеру. После стрельбы надо еще вернуться в город, а это значит прошагать 8 километров.

Старший лейтенант Малашенко сам стал у одного из боевых пулеметов. Не успел расчет вовремя выкатить пулемет на огневую позицию:

«Отставить!» и многоэтажная матерщина. Не успел повторно – пинок под зад и злобный окрик, угрозы: «Саботажники! Я вам покажу кузькину мать!». Бесноватый комроты взвинтил до одури, запугал до смерти слабосильных курсантов. Теперь они главное внимание сосредоточили не на том, чтобы хорошенько прицелиться и поразить мишень, а на том, чтобы уложиться в отведенное время, поэтому очередь за очередью посылали «за молоком». Мы были рядом и стали свидетелями разыгравшейся драмы.

Очередной расчет «недорослей» из последних сил «рванул» на «огневую» и «тра-та-та»... Малашенко подали телефон, чтобы узнать результат. Вдруг первый номер расчета взмолился: «Кашляните погромче, я сделаю спуск с боевого взвода». Мы кашлянули громко, но еще громче был крик, потом стон у соседнего пулемета. Оказалось, замордованный пулеметчик отпустил гашетку раньше положенного: пятнадцатый патрон остался в патроннике. Выстрел из укрытия угодил в щиток соседнего пулемета, потом рикошетом в горло стрелявшего из него. Сделавший спуск с боевого взвода не в положенном месте долго сидел «на губе», после суда был отправлен на фронт «искупать вину своей кровью». Малашенко разжаловали в младшие лейтенанты и тоже отправили на фронт с такой же формулировкой. Командиром нашей роты назначили старшего лейтенанта Петреню. Мы вздохнули с облегчением и надеждой – и не обманулись.

Прежде чем поведать вам о завершающем этапе моего пребывания в военном училище, остановлюсь на двух психологически любопытных моментах.

На адаптацию к совершенно новому образу жизни ушло месяца полтора, после чего я стал замечать, что меня уже не мучают проклятые проблемы: «Как быть? Что делать?», появившиеся в начале Отечественной войны. У всех советских людей Отчизна одна. Ей угрожает смертельная опасность. Всех, кто может, призывают защищать ее. Чем я лучше других? Если не я, то кто же? Тем более, я – фаталист: двум смертям не бывать, одной не миновать.

Такие мысли теперь бродили не только в моей голове. Так думали и об этом говорили мои сокурсники. При этом, не стесняясь в выражениях, дружно ругали союзников, не веря в открытие второго фронта и в искренность их намерений как можно скорее покончить с фашизмом. Что это? Патриотизм наивной юности? Или проще: куда люди, туда и я?

И еще. Почему-то мы по-настоящему не ощущали нависшей над нами смертельной опасности, хотя своими глазами видели раненых и искалеченных на фронте: в полусотне шагов от нашей казармы был госпиталь. Мы разговаривали с ранеными, наслышались от них о подлинном облике войны и не расстраивались. Почему? Стыдно было быть уличенными в трусости? Вряд ли. Тогда почему?

Чтобы ответить, забегу вперед. Когда я был уже на «передовой», видел убитых и разорванных на части, то закрывал глаза, пытался представить себя на их месте и – не мог. Как это я, живой, вдруг стану мертвым? Этого не может быть!

Заставляет задуматься и такой факт. Сколько раз мы слышали, читали, смотрели кинокартины о комиссарах как о незаурядных, легендарных личностях! Вспомните хотя бы «Чапаева» или «Железный поток». Казалось бы, молодой человек, попавший в военное училище, должен мечтать, как бы стать комиссаром. На самом деле было иначе. Мне, как комсоргу батальона, моему другу Настенко, как имеющему высшее образование, другим, таким, как мы, предлагали стать политруками. Не только мы с Настенко, но и подавляющее большинство под разными предлогами отказались. Почему? Не ощущали себя «легендарными»?

Правда, многие из оставшихся в живых командиров, демобилизовавшись, сожалели об этом. Немало бывших комиссаров стали партийными работниками, а бывшие командиры нередко становились «специалистами» типа «бери больше – кидай дальше».

Госэкзамены мы сдавали на Бабьем острове, что в семи километрах от Семипалатинска вверх по Иртышу. После духоты и вязких песков города и его окрестностей, где проводились занятия по тактике, огневой подготовке, ориентированию на местности и другим учебным предметам, Бабий остров показался нам курортом.

Конец лета выдался жарким. Вода рядом, а купаться нельзя: один курсант утонул, и всем запретили купаться. Заботливый и требовательный к себе и подчиненным комроты Петреня сделал все, чтобы мы, выпускники, имели «надлежащие условия», даже купаться разрешал.

Делал он это так. Строил роту на берегу Иртыша. Командиры взводов считали «личный состав», докладывали. Петреня обращался к курсантам: «Беру ответственность на себя. Строго соблюдайте условия купания. Не нырять. Плавать в огражденном бассейне. Первый взвод уходит по плечи в воду – остальные купаются. Сменяться через пять минут. Раздевайся!».

Петреня на возвышенном месте ставил табуретку, садился на нее. Его «недреманное око» зорко следило за нами. Чуть кто нарушит условия – команда: «Курсант Н., ко мне! Стать рядом!». Пока рота купалась, нарушитель в чем мама родила «загорал» рядом с комроты.

После купания снова рота строилась. Снова командиры считали личный состав. Петреня обращался к нарушителям: «Эх, вы, некоторые военные! Как же вы у подчиненных будете требовать дисциплинированности, если сами недисциплинированные?».

Рота Петрени полностью выдержала госэкзамены: восемь курсантов с отличием закончили училище. Среди них Настенко, Крыгин Алексей и я. Еще 80 курсантам присвоено воинское звание «лейтенант». Около 100 курсантов выпущено с воинским званием «младший лейтенант», а среди них и наш «отделенный» Самойлов (Настенко был прав).

Всего из училища было выпущено 1400 человек, то есть два батальона. Еще два батальона по приказу Верховного Главнокомандующего на фронт уехали курсантами. Воинские звания им должны были присвоить на фронте. В училище остался лишь пятый батальон – батальон фронтовиков.

Одели нас «с иголки»: шинели английские, темно-зеленые, широкие офицерские ремни с портупьями. Даже кобуру для пистолета выдали (пистолет должны были получить на фронте). А вот сапоги кирзовые, но мне повезло: кирзовых сапог моего размера не оказалось. Повели на склад, где подобрали мне добротные яловые сапоги. Фабричных «кубарей» не было – сделали сами. Одним словом, мы неузнаваемо преобразились – красавцы! А вот сфотографироваться да выслать фотокарточку домой ума не хватило. Такая жалость.

Четыреста лейтенантов, успешнее других закончивших военное училище, отправили в Москву в ГУК РККА (Главное управление кадров Рабоче-Крестьянской Красной Армии). Многих младших лейтенантов направили на Дальний Восток, на юг страны. За нерадивость наказали, как в басне: «И шуку бросили в реку».

Казалось, весь Семипалатинск вышел нас провожать. Кому было грустно, кому весело, но в общем и целом очень торжественно.

Не забывается напутствие нашего командира батальона Богданова: «Грудь в крестах или голова в кустах!». В реальной действительности нас ждали и другие пути.

Забравшись в «телячьи» вагоны, мы беспечно напевали: «Москва-Воронеж – хрен догонишь!», что было отзвуком жестоких боев под Воронежем.

Везли нас быстро: день и ночь. И все-таки раз в сутки на питательных пунктах мы получали горячее хорошее питание. Долговязый начальник эшелона нас страдал: «Кто отстанет – дезертир». И все-таки отставшие были.

В Мытищах и я было отстал. Нас оповестили, что стоять будем два часа. Я решил как следует помыться. У колонки разделся по пояс, намылился, а поезд медленно пошел. Схватил я свои манатки и вслед за ним. Бежал не меньше километра. Оказалось, что наш эшелон загнали на ночевку в тупик.

Два дня и одну ночь были в Москве в шикарной гостинице Главного управления кадров, где мы с Ленкой спали на широченной кровати. После голых нар «телячьего» вагона – блаженство!

За короткое время пребывания в Москве нас помыли в Сандуновских банях, провели по Ленинградскому шоссе с песней, показали трофейное оружие. А потом отправили на Волховский фронт.

ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 12. Д. 138. Л. 1-15. Подлинник.

№ 1303

Из воспоминаний И.М. Маркиной³⁴

2008 г.

В начале октября 1941 г. Тамбовское Краснознаменное пехотное училище эвакуировалось в Казахстан в г. Семипалатинск. Зима в Семипалатинске в 1942 г. была суровой, но курсанты и семьи офицеров были устроены: курсантов разместили в зданиях, ранее используемых под государственные учреждения, потеснились пединститут и техникумы. Школы к тому времени уже использовались под госпитали для раненых с длительными сроками излечения. Семьи офицеров расположились в самых разных освобожденных зданиях: от утепленных барачных до свободных комнат в зданиях, пригодных для жилья. Как бы там ни было, но быт был обеспечен по военному времени удовлетворительно. Женщины, как могли, создавали уют в своих комнатах, никто не сетовал на вынужденные неудобства. Жизнь заставляла всех по-иному смотреть на вещи.

Четыре семьи офицеров жили рядом с казармой, поэтому просыпались по сигналу горна «Подъем!», а ко сну уходили с сигналом «Отбой!».

Продолжалась жизнь и учеба курсантов. Казармы и учебные классы обычно находились в одном здании. Это было удобно, хотя в них не было так свободно, как в родном тамбовском училище. Зима испытала на прочность людей, но и знойное лето, превращавшее землю в пыль, было тяжелым испытанием, особенно когда занятия проходили в поле в зной, и слой пыли покрывал одежду, а гимнастерки были черны от пота. Но никогда даже в такие минуты не обходилось без солдатской песни, которая останавливала свидетелей марша. Они провожали курсантов теплыми благодарными словами за их труд и мужество. Все понимали, что эти люди служили, чтобы потом защищать их на фронте.

Курсанты питались в столовых по государственным нормам, офицеры обедали в столовой, а вот семьям приходилось трудно, поэтому осенью запасались на зиму картофелем и капустой. Эти скромные запасы выручали в зимние холода. Трудности заставляют искать выход. Чтобы одеть детей и взрослых, нас спасала верблюжья шерсть. Сами пряли шерсть, сами вязали вещи. Кто не умел – учились этому.

Зимой 1943 г. начальником училища был назначен полковник Михаил Матвеевич Кропачев³⁵. Он прибыл из госпиталя, где поправлялся после тяжелейшего ранения под Сталинградом. Михаил Матвеевич прошел долгий боевой путь, начиная с Гражданской войны. Служил на Дальнем Востоке 25 лет. Командовал 21-й стрелковой дивизией. Перед началом войны был переведен в Харьков на должность начальника отдела боевой подготовки Харьковского военного округа. После начала войны был переведен в строевую часть, воевал на Украине и на Дону. Ранение получил во время переправы через Волгу в районе Сталинграда. Пароход, на котором находилось руководство дивизии, взорвался на mine. Почти все погибли.

М.М. Кропачев чудом остался жив, получил перелом позвоночника и долгое время лечился в госпиталях. В 1943 г. М.М. Кропачеву было присвоено звание генерал-майора. Сослуживцы подарили ему альбом со своими фотографиями.

Дисциплина в училище была безупречной. Мы видели курсантов на спортивной площадке, на плацу. Всегда они занимались делом.

В сегодняшнем Семипалатинске (Семее) сохранилась бывшая казарма училища. Она занята учреждением Министерства обороны Казахстана.

Не забыто внимание властей города к нуждам училища. С благодарностью вспоминаем мясокомбинат, который продавал по государственной цене мясо для семей военнослужащих, гематоген в брикетах. Был и жидкий гематоген. Поэтому, наверное, болели очень мало.

В 1942 г. украинская киностудия сняла под Семипалатинском фильм «Партизаны в степях Украины»³⁶. Курсанты училища и вольнонаемные участвовали в съемках. Мы были первыми зрителями этого фильма. Каждый себя узнавал. К сожалению, этот фильм сейчас почему-то забыт.

По обеспечению досуга курсантов активно работал начальник клуба Плужников: он организовал курсантскую самодеятельность, наладил шефские отношения с Киевским драматическим театром имени Ивана Франко³⁷, который на какое-то время обосновался в городе. Помещение клуба училища не позволяло собрать много людей, поэтому театр любезно предоставлял свою сцену и зал для проведения торжественных мероприятий. В президиуме непременно были представители театра: заслуженная артистка Наталья Ужвий³⁸, директор театра Гнат Юра³⁹ и артист Амвросий Бучма⁴⁰. Курсанты училища посмотрели весь репертуар театра. Сначала была непривычной украинская речь, а потом мы ее стали воспринимать как родной язык.

Город очень любил самодеятельность тамбовского училища. Ее руководителями были люди с музыкальным образованием: Богомолов Алексей Сергеевич, затем Владимир Дмитриев⁴¹ (в послевоенное время известный ленинградский композитор). Солистом нашим был бывший артист цирка Ларионов Виктор. Участвовали в самодеятельности жены офицеров, вольнонаемные, но основой были курсанты.

Пришел 1944 г., и мы стали постепенно собираться в дорогу. Мы уже привыкли к новым условиям, к доброму к себе отношению властей Семипалатинска, но в Тамбов, как домой, очень хотелось вернуться. Выезжали эшелонами. Ехали долго, потому что с запада и с востока шло много военных эшелонов.

14 апреля 1944 г. тамбовский полустанок Цна встретил нас довольно прохладным дождем и неопишуемой грязью. По-видимому, до нас здесь шла погрузка танков. Земля была разворочена гусеницами до метра глубины, но мы все равно радовались возвращению в город. Несколько дней мы временно жили в городе на квартирах, пока не освободились помещения казарм и жилых домов на территории училища. Те, кто жил здесь раньше, не узнали городка. Плац был превращен в месиво грязи, взрытой гусеницами. Через неделю все встало на свои места. Был восстановлен плац. Курсанты поселились в казармах. Одна казарма была еще две недели занята пленными немцами, но затем их вывезли.

Семьи офицеров разместились в домах, где обитали до войны. Многие даже нашли свою мебель. Молодые семьи пользовались казенной мебелью. Начался новый этап жизни училища. Все были счастливы. Велик был энтузиазм людей. Все работали с огромной отдачей.

Все старые корпуса до плаца были заселены. Места хватило всем. В городе на частных квартирах никто из офицеров не жил. Для несемейных офицеров было выделено общежитие на территории училища.

Осенью 1944 г. в училище прибыли молодые офицеры, уже познавшие запах пороха и трудности войны. Все они были орденосцами и стали достойной сменой преподавателей старшего поколения, которых по состоянию здоровья уволили из армии. Эти люди и в новой жизни остались достойными и порядочными людьми. Среди приехавших были Г. Падалка, Н. Кульков, Коньков, М. Юдин, Боголепов, С. Маркин и многие другие.

Среди молодых офицеров-фронтовиков был Сергей Иванович Маркин, уроженец села Березовка Тамбовской области. Он учился в ТКПУ с 1939 по 1941 г. Весь выпуск 1941 г. был направлен в г. Елец, откуда молодые офицеры были направлены на разные фронты. Лейтенант С.И. Маркин попал на Западный фронт командиром взвода, потом стал командиром стрелковой роты. Через год был переведен на Калининский фронт заместителем начальника штаба полка по разведке. Потом вновь Западный фронт. В августе 1944 г. Сергей Иванович был направлен на КУОС Западного фронта. После этих курсов был направлен в Тамбовское училище преподавателем тактики, а дальше началось продвижение по службе: зам. начальника Виленского училища, там же затем командир батальона курсантов. В 1952 г. заочно окончил Академию имени М.В. Фрунзе. Потом был в Петрозаводске помощником начальника училища по строевой подготовке. Затем служил в Череповецком училище начальником тактического цикла и по состоянию здоровья в 1964 г. в звании полковника был уволен в запас. До конца жизни С.И. Маркин безгранично любил армию, как бы не складывались в ней дела. Вот таким преданным своей профессии был один из выпускников ТКПУ. На снимках из личного архива С.И. Маркина можно увидеть его сослуживцев по ТКПУ и другим училищам, где он служил. Умер С.И. Маркин в январе 2005 г.

Наступил 1945 г., а с ним самый дорогой и радостный День Победы, в который мир узнал, что война окончилась. Ночью шел проливной дождь, а утро 9 мая было прекрасным и солнечным. Все вышли на улицу. Некоторые пошли в центр Тамбова, к театру, но большинство осталось в городке. Люди ликовали. Вечером торжества переместились в клуб училища. Радость была неподдельной и всеобщей. До сих пор День Победы для нас самый главный, самый дорогой праздник.

В 1958 г. мы с болью узнали, что тамбовское училище расформировано. Нас мучили чувства горечи и удивления. Большинство офицеров из Тамбова было переведено в Курск. Наверное, там и сейчас служат и живут наши бывшие сослуживцы. К сожалению, никого, кроме генерала Журавлева Василия Макаровича, я вспомнить не могу. Из бывших

курсантов до генерала дослужился Федор Гуслистов. До звания полковника дослужился не один десяток офицеров – выпускников ТКПУ.

А сколько тех, которые гордятся тем, что учились в ТКПУ! Из Интернета мы узнали, что в наши дни в Казахстане есть товарищество выпускников ТКПУ семипалатинского периода. [...]*

ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 12. Д. 121. Л. 2-5. Подлинник машинописный.

* Опущено стихотворение «Сон о военном городке Тамбовского пехотного училища», посвященного преподавателям ТКПУ послевоенных лет (автор – вдова начальника тактического цикла ТКПУ И.М. Шишкина).

№ 1304

Из воспоминаний П.И. Усатюка⁴²

Декабрь 2006 г.

Август 1942 г. Шел второй год Великой Отечественной войны Советского Союза с фашистской Германией. Мне к этому времени исполнилось восемнадцать лет, и в середине августа Самарским райвоенкоматом был призван на действительную военную службу в ряды Красной Армии.

Нужно отметить, что это был призыв ребят 1924 года рождения со средним и неполным средним образованием, предназначенный для обучения в Тамбовском Краснознаменном военно-пехотном училище имени Маршала Советского Союза Б.М. Шапошникова, дислоцирующего[ся] в это время в г. Семипалатинске.

Пароход «Роза Люксембург», следовавший от Тополева Мыса до г. Семипалатинска, по пути следования погружал группы призывников от каждого района области. Пароход был загружен до отказа, так что на мелях приходилось высаживаться на берег и продвигаться по берегу, минуя мелководье.

По прибытии в г. Семипалатинск в дни карантина занимались погрузкой вагонов на мукомольном и мясокомбинатах в Жанасемее (левый берег Иртыша), а после помывки в бане и получения военного обмундирования нас определили в казармы – двухэтажное угловое здание по улице Советской и Комсомольскому проспекту.

Более тысячи молодых ребят из Восточного Казахстана были зачислены курсантами Тамбовского Краснознаменного военно-пехотного училища, начальником которого был полковник Стариков. Всего было сформировано 5 батальонов по четыре роты в каждом. Первый, второй и третий – стрелковые батальоны, четвертый – пулеметный, а пятый – минометный батальон.

Я был зачислен в 17-ю роту (командир роты – капитан Авербах) 5-го минометного батальона (командир батальона – майор Воробьев). Заместителем командира роты (он же – командир 1-го взвода) был старший

лейтенант Ситников, командиром 2-го взвода – лейтенант Мирошников, командиром 3-го взвода – лейтенант _____*. Командиром 4-го взвода, в котором я был зачислен, был выпускник Тамбовского военно-пехотного училища младший лейтенант Конюшенко. Последняя неделя августа была занята строевой подготовкой и изучением воинских уставов.

Первый месяцы учебы (сентябрь-октябрь) наш минометный батальон проходил в 20 км от г. Семипалатинска в низовьях р. Иртыш. Здесь в летних лагерях 18 сентября 1942 г. мы приняли военную присягу. Наряду с военной подготовкой согласно программы приходилось проводить работы по заготовке дров, уборке урожая овощных культур для нужд училища и даже принимать активное участие в съемках и технических работах по подготовке объектов к съемкам кинофильма «Партизаны в степях Украины». Чтобы не отвлекать курсантов от занятий, один взвод от роты оставляли ежедневно для выполнения необходимых работ или участия в съемках переодетыми под «фрицев» курсантов. Население соседней деревни (взрослые и дети) привлекались при съемках в качестве «угнанных» в Германию.

С наступлением холодов, прибыв из летних лагерей, заняли свои казармы. Занятия нашего набора, проводимые на открытой местности, пришлось в основном на зимние месяцы (ноябрь-февраль), так что обстановка была ближе к фронтовой. Закалка, полученная в училище, очень пригодилась за годы боев в Великой Отечественной войне. Время занятий было очень насыщено (с 6 часов утра до 11 часов вечера), так как двухлетнюю программу училища мы должны были пройти за 6 месяцев.

15 февраля 1943 г. нас, курсантов ТВПУ, без присвоения звания (требовала военная обстановка к лету 1943 г.) отправили на фронт для пополнения тех дивизий, которые вышли из боев под Сталинградом и понесли большие потери. Наш эшелон прибыл на станцию Уразово Белгородской области в начале апреля 1943 г. Нас встретило командование 14-й гвардейской стрелковой бригады, а также представители 96-й отдельной стрелковой бригады. На базе их и курсантов ТВПУ была сформирована новая 94-я гвардейская стрелковая дивизия, которая приняла свое боевое крещение 7 июля 1943 г. в боях у сел Мясоедово, Шеино, хутор Калинина, Дальняя Игуменка (Степной фронт, командующий – генерал-полковник И.С. Конев).

В первых же боях мы хорошо познали все ужасы бомбежек, массированного огня артиллерии и минометов, часто подвергались плотному огню из пулеметов и автоматов, по несколько раз в день отражали психические атаки пьяных эсэсовцев. 19 июля 1943 г. в период наступления на село Мелихово я был ранен осколком в правую сторону грудной клетки. Из медсанбата дивизии я был эвакуирован в эвакогоспиталь № 4643 в Воронежской области.

Шел 1943 г. 23 августа взятием Харькова завершилось крупнейшее сражение в Великой Отечественной войне – Курская битва. После полного выздоровления в конце августа был снова направлен на 2-й Украинский фронт (командующий – генерал-полковник И.С. Конев) и зачислен в состав 294-го минометного полка, входящего в состав 1-го Красноградского

механизированного корпуса (командующий корпусом – генерал-майор танковых войск Саломатин Михаил Дмитриевич). Наступление наших войск от Харькова до Днепра, несмотря на упорное сопротивление противника, было стремительным. Но там, где наступление задерживалось, немцы ночью, перед своим отходом, сжигали дома, скирды. На подступах к Кременчугу на протяжении 20-25 км дороги были усеяны тушами крупнорогатого скота. Не успевая угонять, немцы расстреливали целые гурты отобранного у населения скота.

29 сентября Кременчуг был взят и полностью очищен от врага. Впереди была мощная водная преграда – река Днепр, которую корпусу предстояло форсировать южнее Кременчуга в районе села Мишурина Рога. Появление советских танков на плацдарме было для немцев полнейшей неожиданностью. Оправившись от этого, противник предпринял атаку танками и пехотой, но безуспешно. 8-12 октября бои разгорелись с особой жестокостью. Атака с обеих сторон следовали одна за другой. Немецкая авиация по несколько раз в день сбрасывала бомбы на передовые позиции наших войск. 15 октября 1943 г. после мощной артиллерийской и минометной подготовки соединения Степного фронта прорвали оборону противника у Мишурина Рога и перешли стремительно в наступление. 1-й КМК прошел с боями около 800 км.

После почти пятимесячных боев силы корпуса были основательно измотаны и истощены, и 28 декабря 1943 г. корпус был выведен из-под Кировограда в район г. Павлограда Днепропетровской области для укомплектования.

В июне 1944 г. корпус вступает в бой в Белоруссии. (1-й Белорусский фронт, командующий – генерал К.К. Рокоссовский). Операция по освобождению Белоруссии проводилась под кодовым названием «Багратион». Освобождены Глуск, Старые Дороги, Слуцк, Барановичи, Пружаны, Слоним, Брест. Мехкорпус к концу июля 1944 г., отбрасывая противника в северо-западном направлении от г. Бреста, выходит на западную государственную границу.

Далее бои развернулись по освобождению Польши. На всем пути наступательного продвижения на запад население Польши встречало нас, освободителей – воинов Советской Армии, со слезами благодарности и радости, что избавились от фашистского ига.

Впереди Висло-Одерская и Берлинская операции. На Вислу прибыли 31 декабря 1944 г. и разместились в лесу. Ночью 1 января 1945 г. была дана команда форсировать Вислу. Форсировали по льду и по прибытии к месту огневых позиций (Магнушевский плацдарм) стали их оборудовать. Земля была мерзлая, и нужно было приложить усилия, чтобы достичь мягкого слоя. К утру работы в основном были закончены. 14 января на рассвете артиллерийская канонада возвестила о начале наступления войск 1-го Белорусского фронта (командующий – Маршал Советского Союза Г.К. Жуков). За первый день наступления армии прорыва углубились в оборону противника на 18 км, обеспечив ввод в прорыв 1-й и 2-й танковых

армий. Трое суток и днем и ночью безостановочно велось преследование противника. Освобождено много сел, города Варшава и Старые Ружи (родина Ванды Василевской). Передовые отряды 1-го КМК вышли к р. Нетце, к границе Польши и Германии. Форсировать реку сразу не удалось, и после нескольких маневров командир 1-го КМК приказал 2-му дивизиону 294-го минометного полка сходу в пешем порядке форсировать р. Нетце по льду и закрепиться на противоположном берегу. Лед был тонким. Вслед за управленцами, используя доски, катили вручную колесные ходы с минометами расчеты батарей. Открыв огонь сходу, 2-й дивизион уничтожил одну минометную батарею, 4 огневых точки и рассеял или уничтожил до роты пехоты противника. Бои шли на территории Германии, и уже 30 января 1945 г. войска фронта вышли на Одер.

Но с севера нашим войскам угрожала Померанская группировка немецких войск «Висла», которой лично командовал Гиммлер. Наш 1-й КМК и обе танковые армии срочно были повернуты на север с целью уничтожения противника в Померании. Ожесточенные бои развернулись на всем продвижении корпуса на север. Захватывая населенные пункты и города, корпус стремительно продвигался вперед, выполняя задание по изгнанию противника из Померании. К 19 марта 1945 г. операция по ликвидации Померанской группировки противника успешно завершилась.

Подготовка к Берлинской операции велась тщательно и очень скрытно для противника. 29 марта, после завершения Померанской операции, артиллерия и танки потянулись на юг, все леса и рощи по восточному берегу Одера были забиты войсками.

12 апреля 1945 г. 1-й КМК прибыл в район Кюстринского плацдарма и разместился в лесу на восточном берегу Одера. На протяжении двух ночей 13 и 14 апреля на западном берегу Одера, вооружившись лопатами, проводили земляные работы по оборудованию огневых позиций, а к утру возвращались к месту дислокации. В ночь на 15 апреля дивизионы 294-го Брестского минометного полка переправились на плацдарм и заняли заранее подготовленные позиции.

16 апреля началась заключительная боевая операция – Берлинская. Ровно в 5 часов утра тысячи орудий, минометов и легендарных «катюш» обрушили огонь по позициям противника. После мощной артподготовки в наступление перешли с прожекторной подсветкой четыре войсковые армии, которые продвинулись на 6-8 км (первая полоса обороны противника). Утром 17 апреля был введен в бой 1-й КМК, 18 апреля была прорвана вторая полоса обороны противника, а 19 апреля – и третья полоса обороны противника. Обойдя город Бернау с севера и с юга, 20 апреля 1945 г. 1-й КМК занял несколько населенных пунктов и вел бои за Цеперник в направлении Берлина. 21 апреля части корпуса вышли на внутренний обвод обороны противника, а в 15 часов 2-й дивизион 294-го минполка майора Тарасенкова А.А. первым из артчастей 2-й гвардейской танковой армии открыл огонь по Берлину. Части корпуса ворвались в северо-восточный район Берлина Вейсензее и полностью овладели им.

Получив приказ на перегруппировку, 1-й КМК вел бои теперь в северо-западной и западной частях Берлина. После форсирования канала и реки Шпрее 27 апреля 1945 г. 1-й КМК вел бои за расширение плацдарма на южном берегу реки, а затем бои развернулись в центре города на подступах к рейхстагу. С этого дня и по 2 мая 1945 г. наши войска, ломая упорное сопротивление эсэсовцев, вели уличные бои и днем и ночью, освобождая дом за домом, улицу за улицей. В уличных боях особенно важна для стрелковых подразделений поддержка огнем минометов и танковых орудий на прямой наводке. В этом важном деле большую роль сыграл наш 29-й минометный полк. Усиленный огонь из минометов и стрельба прямой наводкой из танков наводили ужас на войска врага. И мы, ведя уличные бои, наблюдали, как мимо наших минометных позиций под конвоем советских солдат шли колонны пленных эсэсовцев и шестнадцатилетних фольксштурмистов.

Утром 2 мая 1945 г. уцелевшие фашистские вояки были зажаты в плотное кольцо и были вынуждены капитулировать, сдаваясь в плен, складывая оружие. Наш 1-й Красноградский механизированный корпус, выполнивший с честью свою главную задачу, приказом командующего фронтом Г.К. Жуковым был выведен из Берлина и передислоцирован в лесные массивы в районе хутора Зеле.

9 мая 1945 г. нам стало известно, что фашистская Германия полностью капитулировала, и этот майский день объявлен Святой Победной Майской Датой.

За взятие Берлина и проявленное при этом мужество и героизм Указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 июня 1945 г. 294-й Брестский минометный полк был награжден третьим орденом Кутузова 2-й степени. В послевоенное время наш 294-й БМП передислоцировался в город Бернау, откуда я в феврале 1946 г. демобилизован по Указу Президиума Верховного Совета СССР как учитель. [...]**.

ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 12. Д. 115. Л. 33-36. Подлинник машинописный.

* Так в документе. Фамилия не указана.

** Опущены биографические сведения послевоенного периода.

№ 1305

Из воспоминаний Ф.А. Козлова⁴³

2006 г.

Учеба в Тамбовском военно-пехотном училище

С 1 сентября 1942 г. мы приступили к занятиям. В Тамбовском ВПУ было пять батальонов: три стрелковых, один пулеметный и один минометный батальоны. Курс двухлетнего обучения мы должны были пройти за шесть месяцев. Занятия шли ускоренным методом. Учебный день начинался в 6 часов утра и заканчивался в 23 часа. Ежедневно мы занимались

тактической, огневой подготовками, изучали все виды стрелкового и других видов вооружения, регулярно занимались строевой подготовкой, изучали военную топографию, все уставы РККА (ведь нас готовили на командные должности). Вечером после ужина мы садились за изучение уставов. Но никто из курсантов не роптал на тяжесть учебы. Всем хорошо знаком суворовский завет: «Тяжело в учении – легко в бою».

После прохождения курса одиночного бойца командир взвода лейтенант Торичнев назначил меня инструктором по стрелковому делу, а позже, когда стал хорошо усваивать «Основы военной топографии», я постоянно водил свой взвод или роту в вечернее время по азимутам. Надо сказать, что так же прилежно учились все курсанты.

2 февраля 1943 г. завершилась величайшая битва на Волге у стен Сталинграда. Нам объявили, что примерно в середине февраля нас отправят на фронт на пополнение тех частей и соединений, которые понесли большие потери в Сталинградских боях. Училище закончить нам не пришлось.

Наконец, 15 февраля 1943 г. нам выдали новое обмундирование: шинели, теплое белье, сапоги с теплыми портянками. Вечером 16 февраля весь состав училища был погружен в теплушки. Наш состав двинулся в направлении Новосибирска. Курсанты Тамбовского ВПУ, прибыв в Белгородскую область, вошли в состав вновь сформированной 94-й гвардейской стрелковой дивизии 69-й армии. Всего же курсантов было около 4000 человек. 20 апреля 1943 г. на базе 14-й гвардейской стрелковой бригады была сформирована 94-я гвардейская стрелковая дивизия, которая дислоцировалась в Новооскольском и Корочанском районах Белгородской области.

Теперь я был назначен топографом 288-[го] гв. СП. Командование дивизии – командир дивизии гвардии полковник Русских И.М., начальник штаба гвардии подполковник Шостацкий Г.Н., начальник политотдела дивизии гвардии подполковник Кузовков С.В. – очень продуманно подошли к сплочению личного состава всех полков и подразделений дивизии. Они хорошо понимали, что курсанты имеют большие знания по боевым уставам, владеют стрелковым и другим оружием, владеют знаниями по руководству боями, но они не имеют боевого опыта, зато бойцы-сталинградцы имеют боевой опыт, но им недостает знаний по боевым уставам и устройству боевого оружия. Они сформировали боевые подразделения так, чтобы на 2 сталинградца пришлось по 5-6 курсантов. Такое взаимодействие опытных воинов и курсантов дали хорошие результаты.

Наша 94-я гв. СД, наши земляки-курсанты ТКВПУ получили боевое крещение в огненной купели Курской дуги. Наша дивизия в 12⁰⁰ 7 июля 1943 г., развернувшись из походных колонн в боевые порядки, на рубеже сел Мясоедово, Дальняя Игуменка, Мелехово, Шеино встретила противника, завязала с ним бои и остановила его. Начались упорные кровопролитные бои. Но ни интенсивный артобстрел, ни бомбежки, ни психические атаки наступающих эсэсовцев не испугали наших гвардейцев.

Воины дивизии били врага на земле, в воздухе и на воде реки Разумной. Однако наш 288-й гв. СП из-за слабых флангов других дивизий был окружен. Надо было готовить личный состав к выходу из окружения.

Начальник штаба вызвал меня и приказал уничтожить все наличие топографических карт – и чистых, и заполненных. Я всегда в штабе вел оперативную карту и хорошо знал, что после выхода из окружения карты потребуются. Я сознательно пошел на нарушение приказа начальника штаба полка. Подобрал по 10 листов каждого экземпляра карт, вплоть до Харькова, затем освободил полевую сумку, на ее [дно] уложил гранату с разогнутой чекой, крепкой, привязанной к кольцу чеки, ниткой, сверху гранаты положил аккуратно сложенные карты. Из окружения мы выходили ночью. Шли без шума, без разговоров, никто не подумал даже закурить. Было все строго запрещено. Я шел с офицерами штаба, неся на плече сумку с картами. Держался я ближе к берегу реки, чтобы в любое время можно было выбросить сумку в речку, а при броске нитка вырвет чеку и произойдет взрыв, что может вызвать раскрытие тайны выхода. К тому же я боялся, чтобы не оступиться, чтобы ненароком вызвать непроизвольный взрыв гранаты. Вышли из окружения благополучно.

Утром после расположения в селе Коренево меня вызвал начальник штаба полка и отдал приказ подготовить старшему офицерскому составу карты. Я вынужден выдать себя, что нарушил приказ. Картами я всех обеспечил, но начальник штаба пришел в негодование. Конфликт разрешил командир полка, приказав начальнику штаба представить меня к награде медалью «За отвагу» и присвоению звания сержанта.

После разгрома немецких войск на Курской дуге дивизия в составе 69-й армии приняла участие в проведение операции «Румянцево» по освобождению Украины. Мы освобождали Харьков, Харьковскую и Полтавскую области, прошли с боями через Кировоград, Звенигородку, Балту, в конце марта 1944 г. форсировали Днестр и вступили на территорию Молдавии.

В 1944 г. дивизия уже в составе 5-й ударной армии освободила Кишинев, приняла участие в ликвидации кишиневской группировки немецких войск юго-западнее города. Молдавия была полностью очищена от врага.

Тамбовское военно-пехотное училище, образованное в 1920-[х] гг., готовило для Красной Армии хорошо подготовленные командные кадры, за что училище было награждено орденом Боевого Красного Знамени.

В 1941 г., когда в треугольнике Елец–Ефремов–Ливны разгорелись ожесточенные бои с наступающими немецко-фашистскими войсками, Ставка Верховного Главнокомандования приказала эвакуировать училище в восточный регион Казахстана в город Семипалатинск.

В 1942-1943 гг. в стенах этого училища готовились офицерские кадры для фронта из призывников Восточно-Казахстанской, Семипалатинской, Павлодарской и части Талды-Курганской областей. Это были ребята 1922-23-24-25 годов рождения, имеющие полное среднее образование и

частично неполное среднее. Всего в училище из восточного региона Казахстана получили военное образование около 14000 молодых курсантов. Многие из них погибли в боях с немецко-фашистскими войсками. Небольшая часть бывших курсантов ТКВПУ вернулась с фронта в родные места.

В настоящее время в Усть-Каменогорске осталось в живых только 22 курсанта Тамбовского Краснознаменного военно-пехотного училища имени Маршала Советского Союза Б.М. Шапошникова.

Моя работа топографом 288-го ГСП

Работа военного топографа довольно многообразна и сложна. Это не только получение, выдача топографических карт всему офицерскому составу полка от командира роты, батальонов, спецподразделений до командира полка и его заместителей, всем офицерам штаба от начальника штаба и его всем помощникам, это ведение оперативной карты ведения боев подразделениями полка. Топограф ежедневно должен вести схемы расположения подразделений полка, прилагая эти схемы к боевым донесениям и оперативным сводкам для дивизии. Топографические карты – это документы для служебного пользования, а заполненные карты считаются совершенно секретными, и их надо особенно тщательно хранить, оберегать.

Надо отметить, что топографические карты снимались давно, за каждые 50-60 лет на местности происходят большие изменения, что-то исчезает, что-то появляется вновь. Военный топограф во время боевых действий в полосе наступления своего полка обязан проводить систематическую рекогносцировку, вносить изменения, а все это приходилось делать глазомерно, геодезических приборов у нас никогда не было. Военный топограф, ведя оперативную карту, должен отмечать все огневые точки врага, а поэтому он выходил на передний край, где вместе с бойцами уточнял позиции вражеских огневых точек и наносил их на карту, передавая данные артиллеристам.

Во время проведения важных наступательных операций топограф полка совместно со всем офицерским составом полка принимал участие в рекогносцировке местности, где определялись участки и полосы наступления полка и всем батальонам и задания спецподразделениям.

Также во время боевой подготовки подразделений полка и проведения «боевых» учений топограф вместе со всеми офицерами принимал самое активное участие в проведении этих занятий от рекогносцировки и до самого разбора проведенных учений.

Эту работу топографа я выполнял за весь период с мая 1943 по сентябрь 1945 г. В августе 1945 г. старшина Кравцов К.И. как специалист по шахтному оборудованию был демобилизован, то по его рекомендации начальник штаба полка гвардии майор Илюхин А.П. утвердил меня делопроизводителем штаба.

После разгрома войск [противника] в районе Кишинева нашу 5-[ю] ударную армию перевели в резерв Ставки Верховного Главнокомандования, а в ноябре 1944 г. нас подчинили 1-му Белорусскому фронту. В составе 1-го

Белорусского фронта наша 5-[я] ударная армия приняла самое активное участие в Висло-Одерской операции и в заключительной Берлинской.

Осуществляя Висло-Одерскую боевую операцию, мы прошли лесами и полями Польши за Вислой сонной, в излучине реки Нотец* мы вступили на территорию Германии. В конце января 1945 г. мы вышли на Одер и сходу форсировали его в 65 км от Берлина. Здесь после форсирования Одера я сначала по приказу командования переходил Одер по грудь в февральской холодной воде, проверяя лед толстой палкой, чтобы не попасть в пробоину от снаряда или бомбы, [вследствие этого] позже из-за болезни кровеносных сосудов мне ампутировали ногу.

Наша 5-[я] ударная армия приняла самое активное участие в Висло-Одерской и в заключительной Берлинской операциях. 29 апреля мы очистили от фашистов крупнейшую поликлинику «Шарите». Медицинский персонал поликлиники вышел к нам навстречу. Главный врач поликлиники показал нам фотографию, на которой он был сфотографирован с Лениным. Этот врач в 1922 г. оперировал больного Ленина. Зная о тяжелом положении с продуктами, все солдаты открыли свои рюкзаки и выложили все продукты, которые имели при себе как неприкосновенный запас. Медицинский персонал был очень удивлен доброжелательностью советских солдат, растерялись, затем выразили свою благодарность нашим бойцам.

30 апреля наша дивизия вышла к зданию театра «Комиш-опера» и повела бой за это здание. Еще 25 апреля командующий 1-м Белорусским фронтом Маршал Советского Союза Г.К. Жуков своим приказом с согласия Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина назначил первым советским комендантом Берлина командующего 5-й ударной армии генерал-полковника Н.Э. Берзарина. Наша армия стала гарнизоном в Берлине. Мы, как освободители немецкого народа от фашизма, никогда не допускали ни мародерства, ни малейших грабежей. Даже больше: наши воины отказывались от пищи в пользу местного населения. Ведь в каждой семье были дети, а их надо было растить. [...]**.

Великую Отечественную войну мы завершили в самом Берлине, заняв известную поликлинику «Шарите», что севернее рейхстага в 300 метрах. Мы расположились в здании Берлинского университета, где и встретили первый день нашей Великой Победы. В торжественном вечере с нами приняли участие и немцы – преподаватели университета.

Это было истинное торжество победителей! Такого торжества, я уверен, не переживет ни один современный чиновник или пишущий корреспондент любой газеты или СМИ.

С боями я прошел 1560 км за 2 года – путь большой, описать его коротко невозможно.

ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 12. Д. 115. Л. 10 об.-12. Подлинник машинописный.

---

* Так в документе. Правильно – реки Нетце.

** Опущено перечисление орденов и медалей, которыми был награжден Ф.Ф. Козлов.

№ 1306

Из воспоминаний В.С. Чистякова*

Ноябрь 2002 г.

Избердеевским райвоенкоматом в августе 1942 г. мне было поручено выполнить срочно задание – доставить в Тамбов пакет с документами. Пришлось ехать товарным поездом. Сначала от станции Избердей отшагал три десятка километров до станции Мичуринск товарный (Воронежский), где меня встретили дежурившие на станции милиционеры. В отделении милиции они проверили мои документы, в том числе и разрешение на право иметь оружие (наган), выданное военкоматом. Здесь же мне подсказали, как пройти через весь город и на станции Турмасово сделать посадку на любой товарный поезд, следующий до Тамбова. (Железная дорога после налетов немецкой авиации на Песковатку временно не действовала).

Только вечером удалось добраться до Тамбова и в облвоенкомате сдать под расписку дежурному офицеру пакет от Избердеевского райвоенкома Щербинина. Переночевать пришлось у тети Ксении, родственницы отца, которая жила на улице Октябрьской рядом с рынком.

На другой день в облвоенкомате отметил командировочное предписание и узнал там же, что в Тамбовское артиллерийско-техническое училище набирают курсантов. Для этого надо побывать на пересыльном пункте, расположенном рядом с нынешним «Пигментом» и выяснить порядок поступления в училище.

Незамедлительно посетил барак, где располагался пересыльный пункт. Все там разузнал и в тот же день возвратился поздно вечером на станцию Избердей и наутро доложил в райвоенкомате о выполнении задания.

Глубоко после поездки засела во мне мысль, как оказаться вновь в Тамбове и сделать попытку осуществить желаемое – поступить в артиллерийско-техническое училище.

Выполняя снова задания райвоенкомата, сопровождал допризывников 1923 года рождения сначала в Орехово-Зуево Владимирской области через Москву (у станции Кашира была задержка, немецкая авиация бомбила подходы к ней). Потом сопровождал допризывников в Коломну под Москвой (о выполнении задания потом отчитался перед райвоенкомом).

В ноябре 1942 г., практически не получив согласия матери, снова поехал в Тамбов. Ехал до Мичуринска в тендере паровоза. В Тамбове, зная путь к училищу, буквально с улицы без всяких документов (их не показывал), присоединился к группе допризывников, направлявшихся в арттехучилище. Сопровождавшему их офицеру потом только показал свой паспорт, приписное свидетельство и рассказал, что имею среднее образование – окончил Избердеевскую среднюю школу. (Допризывники же были с 7-8-летним образованием). Это было 19 ноября!

Так и оказался на территории Тамбовского арттехучилища и сначала прошел 14-тидневной карантин и затем мандатную комиссию, определившую мое дальнейшее пребывание в училище. (Паспорт, приписное свидетельство, комсомольский билет и тем более аттестат об окончании школы остались у меня и в настоящее время переданы в ЦДНИТО** г. Тамбова).

Учебу в училище начинал в 4-[й] батарее, которую возглавлял старший лейтенант Кравцов (красноармейская книжка также сохранена мной), а позднее был переведен в 10-ю батарею, которой командовал капитан Поздняков (2-й дивизион, где командиром был майор Чирвин, а его замполитом – Н.Ф. Важенков).

Взвод, в котором проходил дальнейшую службу, был укомплектован курсантами, имевшими среднее и высшее образование. Профиль изучения матчасти – танковая артиллерия, 76-миллиметровые пушки Ф-32, Ф-34 и 45-миллиметровые орудия.

Тогда я узнал [о том, что] в училище учатся несколько моих одноклассников по Моршанской средней школе № 1 им. А.С. Пушкина. Все в училище также оказались добровольцами, ибо возраст у каждого был в пределах чуть больше 17,5 лет. В артучилище в 1942 г. бывшие одноклассники оказались в разных батареях. В 4-й батарее – Рожков Александр, Пронин Константин, Чистяков Владимир, потом Пронин и Чистяков были переведены в 10-ю. В других батареях училища находились Петров Владислав, Смирнов Николай и Сахаров Анатолий.

Из них в настоящее время в Тамбове проживают: полковник в/о Сахаров Анатолий Константинович, капитан в/о Чистяков Владимир Сергеевич.

В декабре 1943 г. по окончании училища группа выпускников, в числе которых были Юршевич Виталий Леонидович, Чистяков Владимир Сергеевич и Виноградов Аркадий⁴⁴, была направлена на 1-й Белорусский фронт. (Находились до 9 января 1944 г. до направления в действующие боевые части в поселке Еремино под Гомелем в Белоруссии). [...]**.

ГАСПИТО. Ф. Р-9330. Оп. 6. Д. 45. Л. 1-3. Подлинник.

* См. письма и фронтовой дневник В.С. Чистякова (№ 597-604, 1008-1017, 1262).

** Центр документации новейшей истории Тамбовской области (ЦДНИТО) – ныне Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области (ГАСПИТО).

*** Опущены адреса проживания А. Виноградова, В.С. Чистякова, А.К. Сахарова на момент написания воспоминаний (ноябрь 2002 г.).

№ 1307

Из воспоминаний В.И. Старшинова⁴⁵

14 октября 1994 г.

Я, Старшинов Владимир Иванович, родился 10 октября 1924 г. в д. Приют Юрловского с/совета Никифоровского р-на Тамбовской области.

По призыву в ряды Красной Армии 10 августа 1942 г. пригородным поездом после полудня прибыл на ст. Тамбов, где формировались команды призывников. На этой областной станции я появился впервые. Она выглядела какой-то неуютной. Вокзал был деревянный, обшитый досками, которые от солнца все выгорели, краска отлетала, и они были все в трещинах. Перрон деревянный, неровный, по своему внешнему виду выглядел, как будто бы проезжий мост через малую речку.

Не ознакомившись как следует с вокзалом, перроном и прилегающей к нему местностью, вдруг раздались звуки сирен и объявления по радио: «Граждане, воздушная тревога! Уходите в укрытия и бомбоубежище».

Это повторялось бесперерывно. Народу было много, и все бежали в разные стороны. Я не знал, как и многие другие, где располагалось это сооружение и, пробежав по перрону, примерно до юго-восточного* угла вокзала (там сейчас расположен сход с перрона к железнодорожным путям), прыгнул к рельсам первого ж.-д. пути и лег на землю, прижавшись к дощатой стене перрона, вещевым мешком прикрыл голову. Тут же ко мне прыгнули две девушки и легли рядом со мной, они от испуга тряслись, из глаз текли слезы и говорили: «Ой, боимся!». Они прижимались ко мне и стене перрона. В воздухе был слышен гул самолетов, а сирены так ревели, создавали такой ужасающий страх, что мои незнакомки были бледные и не могли выговорить слова. Мое состояние было не лучше. Все это увидел и услышал впервые.

Самолеты бомбы сбросили где-то за городом и скрылись. Вскоре был объявлен отбой воздушной тревоги. Люди выходили из укрытий еще в страхе. Раздавались голоса военных, они собирали вновь прибывших призывников по командам. Мои незнакомки дошли до моей команды, обняли меня, пожелали остаться в живых, и мы расстались.

14 августа 1942 г. наша команда из города Тамбова прибыла в леса под гор. Кстов Горьковской области. Там я был зачислен в 1-ю учебную минометную бригаду [в] подразделение «огневики». В бригаде насчитывалось 17 тысяч курсантов. Старший командир объявил: «изучать будем материальную часть орудий – ракетных систем (РС) «катюши», ракеты, методику и тактику их применения и т.д.

Суворовское «тяжело в учении – легко в бою» для курсантов было не просто красиво произнесенной фразой бессмертного полководца. Занятия проводились с утра до ночи. Строевая подготовка, изучение материальной части техники, ориентирование на местности, баллистика, география, опять строевая...

Условий же почти никаких. Кормили очень плохо. Плеснут в котелок варево, а оно настолько прозрачно, что курсанты шутили: «Берлин видать». Были в бригаде солдаты, уже побывавшие в боях. Так те стремились поскорее вернуться на фронт: говорили, что там намного лучше кормят. Доходило и до таких случаев. Возвращаясь с учений по дороге, где крестьяне свозили с полей урожай, курсанты иногда находили на ней свеклу кормовую.

До расположения ее уже не доносили, вытертую об шинель от грязи съедали тут же в строю на марше.

Донимали вши. В баню-то когда отведут, если ее поблизости нет. Избавлялись от паразитов очень просто. Разводили в лесу костер, снимали нательные рубахи, если насекомых было очень много (а случалось, что рубаха была покрыта ими, как коростой), то ее просто сжигали, если не очень – то прожаривали на костре.

Краткосрочные курсы закончились. 30 декабря 1942 г. со своими друзьями прибыл на пересыльный пункт в Москву. Попал в команду 316, уже вместе с ней отправился в Измайловскую среднюю школу № 646, где и формировался полк, в котором предстояло служить новоиспеченному ракетчику в качестве наводчика орудия.

Долгие дни и ночи

В течение января 1943 г. полк готовился к выезду на фронт: проходили учебные занятия по использованию боевой техники в боевых условиях. Так, 3 января 1943 г. были произведены первые боевые стрельбы из боевых машин БМ-13 «катюш» на Алабинском полигоне под Москвой.

Погода стояла холодная, морозы достигали 28 градусов. Всему личному составу выдано новое обмундирование (шапка-ушанка, нательное и теплое белье, гимнастерка, брюки ватные, фуфайка, шинель, рукавицы, валенки, кирзовые сапоги, портянки – 2 пары, вещмешок, карабин и противогаз). Каждому орудийному расчету закреплялась боевая машина БМ-13 «катюша», монтированная на американских автомобилях «студебеккер» и «шевроле».

Четвертый расчет второй батареи третьего дивизиона получил БМ-13, монтированную на шасси «шевроле», где я исполнял первый орудийный номер под гор. Кстов Горьковской области – наводчик. Второй номер – помощник наводчика Кузьмичев Николай. Ерошкин Иван, Веприков Иван и Аджанов (азербайджанец) – заряжающие, водитель БМ-13 – Сердюк Александр, командир орудия – Шатилов Александр Леонтьевич. Орудийный расчет настолько был един, как канатный узел, который нелегко было развязать.

В связи с тем, что полк не был полностью сформирован, в конце декабря 1942 г. командир полка майор Скирда был назначен командиром 303-[го] полка, отправляющегося в действующую армию под Сталинград.

316-[й] гвардейский минометный полк принял новый командир полка гвар[дии] майор Хлопенко Алексей Ефимович. Под его руководством полк был полностью сформирован, и 8 февраля 1943 г. был получен приказ о вступлении в действующую Красную Армию.

10 февраля 1943 г. полк убыл из Измайлова своим ходом на Северо-Западный фронт по маршруту Москва–Калинин–Торжок–Осташков–Марево–Молчаново и расположился в 50 км южнее города Старая Русса. Марш был первым испытанием боевых качеств подразделений полка.

18 февраля 1943 г. полк вошел в состав 1-й ударной армии 2-й гвардейской воздушно-десантной дивизии. Полк готовил огневые позиции в районе Остров (25 км южнее гор. Старая Русса).

Что из себя представляла огневая позиция?

С восточной стороны леса примерно 1,5-2 км от передовой (нейтральной полосы) был разбит фронт батареи. Деревья, опушки леса соответствовали определенному углу по вертикали и углам по горизонтали плюс-минус до 20 градусов для ведения огня по врагу. На поверхности земли лежало от 60 до 80 см снега, под ним в отдельных местах была вода.

Установили боевые машины в заданном направлении. Замаскировали их так соснами и елями, как будто в том месте стоит сосновый лес, к тому же в течение ночи вся маскировка покрылась инеем и выглядела, как основной массив леса. Каждый оружейный расчет около сосны или ели соорудил шалаш. Снег в них завалили сосновыми ветками и так сидели на них сутками. Распознать, что развернута батарея, готовая в любое время суток открыть огонь по врагу, почти невозможно.

В полку насчитывалось 3 дивизиона, в каждом дивизионе – по 2 батареи, в батарее – 4 БМ-13. Оружейный расчет состоял из 7 человек. Состав оружейного расчета, в котором я воевал в качестве наводчика, соответствовал всем остальным расчетам всего полка, поэтому нет необходимости о них рассказывать.

Коротко о составе 3-го дивизиона или Д-446. Командир д[ивизиона] – гвардии к-н Куликов, его помощник по полит[ико]-вос[питательной] работе – к-н Шотин, старшина дивизиона – Капралов, командир батареи – ст. л-т Лопатин, командир взвода – ст. л-т Костин, помкомвзвода – старшина Рязанцев.

Итак, сидели в шалашах на морозовых сосновых ветках. Морозы доходили до отметки 18-22 градуса. В лесу снег выше колен. Ночи тихие, облачные, через них светила луна. Передовая позиция в течение ночи освещалась ракетами. В это время пехотные наряды иногда вели стрельбу из автоматов или пулеметов короткими очередями.

Укрепленные позиции противника на Демьяновском** выступе (известный «Демьяновский мешок»***) не давали возможности для продвижения наших войск вперед. Необходимо было ликвидировать этот выступ. Наши войска ожидали приказа о наступлении.

26 февраля 1943 г. после сильной артподготовки, в которой 316-[й] полк в 8 час. 30 мин. произвел свой первый боевой залп, начались тяжелые затяжные бои.

Наши пехотные части несли большие потери. Местность затрудняла действия бронетанковых войск и артиллерии. Ранняя весна довершила дело. Дороги стали непроходимыми, войска остановились. Продуктов питания, боеприпасов с тыла не поступало. У солдат оставался неприкосновенный запас в девять сухарей. Я по молодости свои сухари съел в течение полудня. Все! О еде можно было забыть ни только мне, но и всем.

Однажды я находился в дозоре, охранял боевые установки. Тишина, сосны все в инее. До передовой около полутора километров. Только иногда слышны автоматные и пулеметные очереди, да взлетают осветительные ракеты. Ночью время долго тянется. Я решил определиться на местности. Благо, дозор – не караул, определенного маршрута движения нет. Сказал своему помощнику Николаю Кузьмичеву присматривать за установками, а сам пошел по лесу в сторону передовой. Передвигался осторожно, прячась за деревьями. Чем черт не шутит, вдруг немцы вылазку за «языком» устроят? Мое внимание привлек высокий снежный сугроб. Понять, что это такое, было невозможно. Осторожно к нему подобрался, спрятался за сосной, присмотрелся. Вокруг вроде бы спокойно. Решил подойти и узнать, что же это. Смахнул снег. Бог ты мой! Под брезентом находилась гора буханок мороженого хлеба, ящики с салом-шпигом, курительный табак, гречневая каша-концентрат. Сглотнув голодную слюну, я взял, сколько мог унести в руках, пять буханок хлеба, шмат сала, табак, несколько пачек концентрата. Принес все это добро к машине. Подал Николаю, он рад. Предлагаю ему: «Кушай». Он ножом отрезал кусочек мерзлого хлеба и стал есть. Ломят зубы, но все равно съел. После этого, он пошел по моим следам и принес такие же продукты больше, чем я. Все спрятали в определенное место в установке.

Утром расчет плотно позавтракал добытыми продуктами, поделились ими с соседним отделением, но из принесенного еще достаточно осталось. Что с ним делать? Из концентратов решили сварить кашу. Только поплыл вкусный запах по лесу, откуда не возьмись, появляются старшина дивизиона и заместитель командира дивизиона по политико-воспитательной работе капитан Шотин. Они-то пришли к солдатам поднимать их моральный дух: «Потерпите, мол, братцы, затяните потуже пояса». А мы им угощение предлагаем: «Пожалуйста, хлеб, каша, сало». Покормили начальников, да еще и с собой дали. Они поинтересовались: откуда продукты? Мы ответили, что с передовой – наткнулись, мол, на бесхозный склад. Скорее всего, раньше в этом месте бои были, а потом когда войска ушли, про продовольствие никто и не вспомнил. И вот теперь, как нельзя кстати, эти продукты обнаружили.

Командиры ушли. Но часа через два вернулись назад. Теперь они потребовали показать, что было принесено, а когда им показали оставшиеся продукты, они их забрали. Забрали с собой и повели в штаб дивизиона и Николая Кузьмичева (он на себе все эти продукты, между прочим, и потащил туда). Там он все рассказал, как было. Его отпустили, вызвали меня.

В штабе встречаются заместитель командира Шотин и еще один старший лейтенант – «особист». Я им рассказал, как было, что теми продуктами можно накормить весь полк. Могу в любое время показать место нахождения продуктов – для безопасности желательно в ночное время. Снег там лежит глубокий, выше колен, следов, кроме наших, ничьих нет. Они мне: «Ты совершил противоправные действия». А какие – не говорят, и я не знаю. Я их прошу: «Позвоните в штаб полка или армии, расскажите, и пусть они решат». Они сказали: «Никуда звонить не будем, а тебя ждет штрафная рота». По

телу пошли мурашки, думаю – и отправят, для них ничего не стоит. Сидят в автомобильной будке, горит «буржуйка», жара, а что для них мы – сидим больше месяца на морозе и в снегу. Перешли в оборону. Им жить можно, хотя и война.

Так ни до чего не договорились, меня отпустили, но пообещали отправить в штрафную роту. И это в то время, когда солдаты с голода решались на самые отчаянные поступки. Например, разбомбят немцы обоз, так некоторые прямо под бомбами подбегают к убитым лошадям, отрезают от них кусок побольше и назад. Я два раза бегал. Бывало, принесу кусок в крови. В талой воде помоем немного, кожу с шерстью срежем, кладем в ведро со снегом и варим. Закипит, пена сошла, и прямо съедали. Пить захотим – едим снег, иногда разгребаем снег из колеи танка или автомашины, вода находит, хотим почище, а там попадает человеческая рука или нога убитого солдата – все равно пили, и никто не болел.

Холодный и голодный Северо-Западный фронт принес столько страданий и мук человеческим душам. Живые и сейчас болят. Павшие – они тоже были живыми, когда голодными замерзали в снегу. Это мучительнее, чем быть убитым пулей или осколком снаряда и т.д. Под снегом находилось множество трупов.

Как-то в начале 1994 г. по Московскому радио велась передача о боях на Северо-Западном фронте и в ней упоминалось о судьбе 1-й ударной гвардейской армии – куда она исчезла? Если об этой армии нет соответствующих документов, то это свидетельствует о том, какова была честь и совесть командиров той армии и высших чинов. Я думаю только одно – эта армия погибла. Вечная слава их Душам.

В этом же году случайно разговорился с пенсионером, бывшим мастером известкового цеха Никифоровского сахарного завода Некрыловым Петром Михайловичем, 1923 года рождения. Он рассказал: «Служил в 143-[м] стрелковом гвардейском полку, который входил в состав 1-[й] ударной гвардейской армии. При ликвидации известного «Демьяновского мешка»*** 143-[й] стр. полк наступал на город Холм. В этих боях было столько убитых, что задние ряды рот и батальонов пробегали по своим товарищам, тела которых еще не остыли в снегу. Задача [не была] не выполнена. Меня тяжело контузило, и очнулся в госпитале».

Курская дуга

7 марта 1943 г. полк был выведен из состава 1-[й] ударной гвардейской армии и получил задачу войти в подчинение 1-й танковой армии и вместе с ней прибыть на Воронежский фронт.

16 марта 1943 г. полк погрузился в железнодорожные эшелоны на ст. Пенно и выступил по маршруту: Пенно–Осташков–Бологое–Калинин–Москва–Рязань–Мичуринск–Грязи–Касторное–Курск. Двигались только ночью. Всю дорогу думал и был готов, что в гор. Москве меня высадят и отправят в штрафную роту. Без остановки проехали столицу, и я успокоился. Зная, что будем проезжать Мичуринск, я заготовил для матери письмо с надеждой сдать его на станции, но поезд не остановился. Он шел тихо-тихо.

При открытых воротах товарного вагона было видно: ночь темная, свет нигде не горел, и только вдоль железнодорожной линии медленно шла, видно, уставшая женщина-железнодорожница. Я спросил ее: «Это – Мичуринск?», она ответила: «Второй». Бросил ей треугольник-письмо, убедительно просил опустить в почтовый ящик. Она подняла и пожаловалась: «Ох, как тяжело, сынок, почти сутками работаем без отдыха, трудно нам, но как-нибудь выдержим. Крепитесь там вы». В ночной темноте осталась одна, поезд ушел.

27 марта 1943 г. в ночное время немцы произвели массированный авиационный налет на станцию Касторное. На этой станции попал под бомбежку второй дивизион нашего полка. Появились первые потери.

К 31 марта 1943 г. 316-[й] полк сосредоточился в районе села Драчевка в лесу вблизи шоссе Москва–Харьков в 50 км южнее гор. Курска. В лесу в первые дни приводили боевую технику в порядок, готовились к боям, велась разъяснительная работа. Тут капитан Шотин и вспомнил про меня. Правда, штрафную роту он поменял на 15 суток гауптвахты.

Посадили меня в яму от взорвавшегося фугаса. Яма была здоровой, метров 15 в диаметре. На дне скопились прошлогодние листья, сухая трава, ветки – ведь она была в лесу. Словом, жить в ней было можно.

На краю этой самой ямы расположилась дивизионная кухня. Сутки сижу, вторые, повар Саша (по национальности – мордвин) подкармливает. Потом я стал из ямы вылезать, помогать повару дрова рубить, котлы топить. А как увижу приближающееся начальство – назад в яму. А то и не догадывалось, что я из ямы запросто вылезая. Отсидел только пять суток.

В это время командир дивизиона капитан Куликов проверял боевую способность батареи о наводке орудий по условным целям, о месте нахождения основных и запасных точек наводки. Обнаружив, что нет наводчика 4-го орудия – меня – и узнав, где нахожусь, приказал немедленно привести меня и начать занятия.

22 мая 1943 г. полк дал свою боевую гвардейскую клятву, и ему было вручено гвардейское Красное Знамя с вышитым на нем портретом В.И. Ленина. Знамя вручал начальник оперативной группы гвардейских минометных частей (ГМЧ) Воронежского фронта гвардии генерал-майор артиллерии Яровой в районе с. Драчевки.

Линия фронта на участке углубилась в оборону немцев большим выступом наших войск, как бы образуя мешок. Противник и спланировал нанести мощный удар по нашим войскам на этом выступе, окружить и уничтожить их, тем самым создать условия для наступления на Москву. [...]****.

316-[й] гвардейский полк с 5 по 18 июля 1943 г. в составе 6-й ударной армии вел бои на Белгородско-Прохоровском направлении, где немцы ежедневно наращивали танковые силы. Авиация шла эшелон за эшелон, не считаясь с огромными потерями, вводились все новые и новые резервы.

Наше командование принимало все меры, чтобы не допустить прорыва наших позиций, нанося ему массированные удары артиллерией и авиацией. Завязались тяжелые бои. На передовой все смешалось: огонь, дым, пыль.

Пехотинцы отступают с криком: «Тигры!», артиллерия прямой наводкой ведет по ним огонь, залп за залпом дают «катюши». Противник нас теснит, отбивается атака за атакой, он рвется вперед, пуская свежие танковые силы. Мы отходим.

Сзади нас стоят заградотряды на бронетранспортерах. Офицеры с автоматами кричат: «Ни шагу назад, ложись, занимай новые позиции». Местность открытая, вокруг валяются убитые, стонут раненые, бежит солдат с разорванным животом, придерживая кишечник, кричит: «Сестра, спаси!». Валяются разбитые пушки, горят немецкие танки и наши, горит станция Прохоровка, рвутся цистерны с горючим. Черный дым с пылью поднялся в воздух и, как туча, закрыл лучи солнца.

Немцы делают отчаянные попытки расширить фланги и углубиться с Прохоровки. Так, 12 июля 1943 г. под городом Обоянь, деревнями Полежаево и Веселово дивизионы полка с открытой местности прямой наводкой ведут шквальный огонь по танкам. То же самое делает и ствольная артиллерия. Пехота забрасывает противотанковые гранаты, бьет из противотанковых ружей. Враг теснит нас, несмотря на большие потери в бой ввел до 90 танков. Спротивление наше высокое, бьемся до поздней ночи. И вот, к орудиям нашей батареи подошел немецкий танк и с расстояния 300-400 метров бил бронебойными снарядами, которые падали в двух-трех метрах впереди орудий, и батарея с места не съехала. Слава Богу, снаряды были не разрывные, и что справа в 200 метрах из 76-мм пушки солдат по нем открыл огонь. В результате этого он ушел назад.

Несмотря на большие потери, врагу удалось на отдельных рубежах продвинуться в сторону Курска до 30 километров. С каждым днем атаки немцев стали заметно ослабевать, хотя враг был еще силен.

13-14 июля 1943 г. командование Воронежским фронтом решило предпринять мощную контратаку по врагу 6-й гвардейской армией. В этой контратаке столкнулись две танковые группировки. С обеих сторон в бой [было] введено до 1000-1200 танков. Танковое сражение длилось до позднего вечера. Все грохотало, слетали танковые башни, рвались гусеницы, все кругом горело и полыхало. Стало темно, хотя погода стояла ясная, небо заволочло дымом и пылью.

Бились не только танки, билась между собой артиллерия, уничтожая все, дралась и пехота. Обе стороны несли колоссальные потери. И вот настал день перелома в битве под Курском. Наши войска остановили противника, и он с 16 июля стал повсеместно отходить на свои старые позиции.

Поздно вечером 3-[й] дивизион 316-[го] гвардейского полка расположился в укрытии. Шла перегруппировка войск. Солдаты сидели, а многие лежали на земле, уставшие, грязные, с 5 июля не умывались и не мыли руки, гимнастерки, засаленные солидолом (от снарядов), голодные. Привезли еду. Ужинали и рассуждали о грядущем утре, о судьбе каждого из нас. Знали – опять бой, потери, страх. Подумайте только – 12 июля произвели 12 дивизионных залпов! Каждое орудие выпустило по 192 снаряда. Каждый снаряд весит (округленно) 50 кг. Дивизион в течение дня выстрелил по врагу

1536 снарядов весом 75800 килограмм. Этот груз лежал на плечах и руках 40 солдат.

В следующие дни шли бои местного значения, готовились войска. Прибывало подкрепление, подвозили снаряды и другое вооружение.

7 августа 1943 г. рано утром началась многочасовая артподготовка Воронежского и Центрального фронтов. Большое количество орудий и минометов обрушили свои удары по вражеским позициям, одновременно глубину обороны бомбила наша авиация. В 8 часов утра по сигналу залпов «катюш» все виды артиллерии перенесли огонь в глубину обороны немцев. Наши наступающие танки и пехота, прижимаясь к огненному валу, пошли в атаку. Враг отчаянно сопротивлялся. [...]****.

Курская битва продолжалась 50 дней и закончилась 23 августа 1943 г. Историки подсчитали, что в боях на Курской дуге пали почти все мужчины 1924 и половина 1925 годов рождения. Таковы итоги отчаянных сражений советских солдат, которые в своей жизни только и видели своих учителей и школьные парты.

Да будет вечная память им. Свет оставшимся в живых.

Бои за освобождение Украины

После того, как наши войска вышли на просторы украинских степей, сходу были очищены от немецких захватчиков населенные пункты Боромля, Лебедин, Могилотов. Подошли к крупному населенному пункту Веприк, где пришлось остановиться, так как противник перешел в контратаку. Завязались тяжелые бои. 5 сентября противник был выбит, а еще через пять дней после ожесточенных и упорных боев освободили Липовую Долину.

Боевые действия полка охарактеризовал командующий артиллерией 47-[го] стрелкового корпуса 40-[й] армии гвардии полковник Горский: «Наблюдением установлено, что в результате стрельбы 5-6 сентября вами уничтожено около полка пехоты противника, 8 орудий, 2 бронемашин, 9 пулеметов, 14 автомашин. Подбито и сожжено 13 танков, разрушено свыше 20 блиндажей и дзотов противника. Всему личному составу и командиру полка гвардии полковнику Хлопенко объявлена благодарность».

13-15 сентября были освобождены населенные пункты Новая Гребля и Ярошевка. Третий дивизион 316-[го] гвардейского полка с 52-[м] стрелковым корпусом 40-[й] армии приступили к форсированию реки Сулы в 20 километрах севернее города Лохвица. Бой за переправу был очень могущественным, противник непрерывно нас атаковал. Бойцы корпуса и третьего дивизиона отчаянно отбивали контратаки противника. У всего корпуса кончились боеприпасы, и отбивать контратаки противника стало нечем. Немцы прижимали нас к реке Сула. Часть наших войск успела через переправу уйти на восточный берег, с ними ушли и наши семь боевых машин. Одна – БМ-13, подбитая «мессершмитом», – осталась на огневой позиции. Противник вновь захватил переправу и оставшиеся на западном берегу реки войска прижимал к реке.

Чтобы БМ-13 не осталась в руках противника, команде из пяти человек, в число которых входил и я, было приказано взорвать орудие.

Группой командовал лейтенант Костин. Мы не доползли до БМ-13 примерно сорок метров, немецкий пулеметчик из укрытия открыл по нам прицельный огонь. Мы залегли, пули секли землю впереди нас и с визгом улетали в сторону. Ползти вперед было нельзя, мы залегли в низине. Поле-бугор впереди нас было мертвым, поверхность земли так изрезана пулями, будто кто ее бороновал.

Метрах в пятнадцати от нас лежал другой части солдат – узбек с противотанковым ружьем. Мы попросили его уничтожить пулеметную точку. Солдат плохо разговаривал по-русски и так ответил: «Моя все видит, все знает. Стрелять не буду, осталось два патрона. Командир приказал бить танки». Вечером, убеждаем его, танков нет. Разговоры безрезультатны.

Из нашей группы грузин Саша Шенгелая подполз сзади к узбеку, поднял на автомате пилотку и помахал. Пулеметчик сразу же дал долгую очередь. Пули засвистали через окоп узбека. Саша еще раз повторил свой маневр, пулеметчик еще раз ответил очередью. Доводы Саши показались узбеку убедительнее наших слов, и он направил противотанковое ружье в сторону пулеметной точки и выстрелил. Через две-три минуты мы были у БМ, лейтенант Костин, заправив бикфордов шнур, поджег его, мы быстро отползли к реке. От 25 кг взрывчатки БМ разлетелась по сторонам.

Рано утром на второй день подошло подкрепление, подвезли боеприпасы и войска. Разбив сопротивление противника, пошли на запад.

23 сентября наши войска подошли к Днепру. На нем в трех местах были наведены переправы, по которым бойцы переправлялись на захваченный пехотой плацдарм. Пехоту, закрепившуюся на плацдарме, все время поддерживала через реку артиллерия. Была поддержка авиацией, которая с этого времени в воздухе активнее стала появляться (это наблюдение солдат: есть в воздухе авиация, значит, работает, нет – и дела нет).

Переправа – плоты на понтонах, узкие, связанные между собой канатами. Военная техника шла по ним тихо, по сторонам от колес оставалось по 15-20 сантиметров. Интервал держали порядка 100-150 метров. От качки иногда сваливались в воду танки и машины, а также и бойцы. Течение быстрое, все время идет обстрел. Не каждому удалось выбраться из воды. Не одна тысяча бомб и снарядов упала в Днепр. Кромка воды более полуметра от берега, часть берега и дно его были завалены глушеной рыбой.

На плацдарм переправились в основном боевые машины и часть транспортных со снарядами и горючим. Заняв боевые порядки юго-западнее города Переяслав-Хмельницкий, с 24 сентября по 7 ноября вели оборонительные бои за плацдарм, постепенно расширяя его, особенно у города Ржищева, где у противника обнаружилось слабое место.

Вскоре немцы, видимо, получив подкрепление, сильно активизировались и стали атаковать, надеясь разбить наши войска и очистить плацдарм. С этой целью в течение двух недель артиллерия немцев вела массированный обстрел, ежедневно с немецкой аккуратностью авиация линейно бомбила территорию плацдарма. Нелегко было перебежать на

линию, которая только что подвергалась бомбежке. Так приходилось делать каждый раз во время налета. Несли потери, особенно в технике. Вскоре нас очень хорошо стала поддерживать наша авиация. Авиаторы с утра до позднего вечера дежурили в воздухе. Тем самым мы полностью были защищены. Наступило значительное облегчение.

Все высоты западного берега Днепра находились в руках немецких войск. Пользуясь этими возможностями, они хорошо просматривали Днепр, подходы к нему и принимали такие меры, которые сковывали наши войска. Около села Щученка командир стрелкового батальона решил атаковать высоту. В этом бою ему помог начальник разведки Дороненко Георгий Петрович, который разведку полка и всех трех дивизионов повел на штурм. Высота была взята. Боеприпасов не хватало. Противник активизировался и оттеснил их с высоты. Но вскоре она вновь была взята. В бою за нее был ранен начальник разведки Дороненко Г.П. и отправлен в госпиталь. Заменял его л-т Лопатин А.Н. В течение дня приходилось отбивать до 6-8 атак. Разведчикам Лопатину, Сырцову Н., Рогову М., Колесникову Н., Козлову С., Никифорову И. часто приходилось переправляться с донесениями на другой берег. В ночное время наводили понтонную переправу, через которую пропускали танки и артиллерию на плацдарм.

Таким образом, 316-[й] гвардейский полк в составе 40-[й] армии принимал активное участие в захвате и удержании плацдарма до конца октября.

В первых числах ноября 1943 г. 316-[й] полк по приказу выведен из состава 40-[й] армии и подчинен 60-[й] армии под командованием генерала Черняховского.

17 ноября после артиллерийской подготовки войска 60-[й] армии пошли в наступление на гор. Коростень. Бои были затяжные, мешала плохая погода, грязь после дождей. Много боевой техники стояло в кюветах. Местные жители оказывали помощь, вытаскивали технику из кюветов, приносили доски и другие материалы, заделывали дороги.

Облачность рассеялась, в воздухе появилась наша штурмующая авиация, и штурмом овладели гор. Коростень. По приказу Верховного Главнокомандующего Сталина в честь Коростенских дивизий и частей в Москве был проведен салют, а 316-[му] гвардейскому полку дано наименование «Коростенский».

После освобождения гор. Коростень полк получил приказ срочно поддерживать огнем 121-[ю] и 144-[ю] стрелковые дивизии 60-[й] армии, которые с тяжелыми боями продвигались к гор. Житомиру. Вскоре он был освобожден. Противник подтянул свежие танковые силы и во втором контрнаступлении захватил город. Житомир переходил из рук в руки до двух раз, в третий раз – 12 декабря – был окончательно освобожден нашими войсками.

В эти дни 3-й дивизион рассредоточился у деревни Анновка под Киевом. Войска 60-[й] армии вели бои по освобождению Киева. Стало известно, что была сформирована дивизия из граждан Украинской

республики, которая обязалась освободить свою столицу. И они освободили ее. Не у всех солдат этой дивизии была военная форма. Многие воевали в гражданской одежде. На полях сражений на подступах к Киеву лежало столько убитых в штатской одежде, что невозможно было сосчитать. Не знаю, оправдано ли такое сравнение, но поле выглядело так, как выглядят пастбища с крупными отарами овец.

После того, как были взяты Житомир и Киев, Гитлер из Франции перебросил сюда танковую армию, которая в России еще не воевала, и приказал взять Киев и сбросить наши части в Днепр. Командование возложил на лучших своих генералов фельдмаршалов Манштейна и Роммеля. В ночь на 6 декабря 1943 г. противник перешел в наступление в районе Черняхова (севернее Житомира), завязались ожесточенные бои, в которых 316-[й] полк принял самое активное участие.

Противнику удалось отбросить наши части к городу Малин, однако в результате больших потерь он вынужден был прекратить дальнейшее наступление.

316-[й] гвардейский полк в боях от Курска до Житомира основательно был потрепан и 13 декабря был выведен из состава действующей армии и железной дорогой был направлен на переформирование.

22 декабря в гор. Киеве погрузились в эшелоны и 1 января 1944 г. прибыли в Москву. Расположились в земляном городке гвардейских минометных частей вблизи платформы станции Зеленоградская.

Освобождение Белоруссии и Польши

Получив новую технику БМ-13, смонтированные на американских машинах «студебеккер», транспортные автомобили «Форд» и отечественные «ЗИС-5», пополнившись живой силой, полк в составе трех эшелонов 31 марта 1944 г. выступил на марш по Киевской железной дороге. 14 апреля этого года разгрузился на ст. Луцк и вошел в состав 1-го Белорусского фронта.

На следующий день полк, войдя в подчинение 25-[го] стрелкового корпуса 69-[й] армии, занял огневые позиции и начал вести оборонительные бои юго-западнее города Ковеля.

27 апреля немцы перешли в наступление, сходу форсировали реку Турью, захватили плацдарм и закрепились. На правом фланге 69-[й] армии сложилась критическая обстановка. Полк получил приказ занять боевые позиции возле деревни Н. Передвигались к ней всю ночь и к утру были на месте.

Утро стояло солнечное, тихое. Деревенские женщины, празднично одетые 1 Мая, несли воду на коромыслах. Тишину изредка нарушала стоящая ближе к передовой батарея 76-мм пушек, одна из которых вела пристрелку.

Нам объявили двухчасовой привал, замаскировали машины, но не окапывались, так как это было бессмысленно: на глубине штыка из грунта просачивалась вода.

В честь праздника Первомай командование выдало «фронтовые»⁴⁶. Завтрак прошел торжественно. После еды отдыхали, вспоминали о довоенной жизни.

Часов в 11 услышали гул авиации. Летело 19 «юнкерсов» – немецких бомбардировщиков. По гулу моторов определили, что они груженные и летели к нам в тыл. Через минуту из-за лучей солнца они над нами стали пикировать и сбрасывать бомбы. Мы стали разбегаться в стороны от бомбовых разрывов.

Самолеты сделали второй заход – опять бомбежка, бежим в сторону передовой, чудом избегая осколков, но они свистят. Увидев впереди глубокую транспортную борозду, я кричу своему напарнику Николаю Кузьмичеву: «Ложимся». Сходу падаем в нее. Тут же нас обоих легко ранило: меня в правую ногу, а его в ягодицу. Самолеты пошли на третий заход.

Видим – у нашей БМ пробит бензобак, хлещет бензин. А метрах в пяти от машины горит солома и разная сухая трава. Мы поползли к БМ-13, чтобы потушить не так еще большое пламя огня, приближавшегося к течи бензина. Но ближе к БМ был повар Александр (мордвин). Он нас опередил – успел загасить горевшую солому, и тут же был ранен в правую руку. Самолеты улетели на запад. Санинструктор Машков делал перевязки раненым. В нашей батарее их было 12 человек. Пятерых из них, раненных тяжело, отправили в госпиталь, а остальным, с легкими ранениями, [была] оказана помощь на месте.

Возникло недоразумение: почему авиация противника бомбила нас, ведь воздушной разведки не было. Им кто-то сообщил о нашем расположении. Разведчики дивизиона, офицеры и солдаты осматривали окружающую местность – посадки, рощицы, кусты. Задержали женщину лет 30. Взяли, что называется, «с поличным» – она работала на передатчике. На войне разговор короткий: после того, как ей пригрозили расстрелом, она созналась, что именно по ее сообщению вражеской авиации стало известно о месте нашего расположения. А сейчас она должна была сообщить немцам о результатах налета авиации. Под диктовку нашей разведки она передала сообщение, что объект почти полностью разрушен. После этого ее отправили в штаб армии.

К вечеру мы устранили повреждения и в ночь заняли огневые позиции. 2 мая после артподготовки 25-[й] стрелковый корпус пошел в наступление. Мы его поддерживали огнем. Одновременно передовые позиции немцев обрабатывали советские штурмовики Илы. Через два дня плацдарм немцев на реке Турья был ликвидирован, и восстановилось прежнее положение. Мы перешли в оборону. В последующем все контратаки противника были безуспешными.

В начале июня полк был выведен из состава 69-[й] армии и по железной дороге переброшен под город Мозырь, где вошли в состав 28-[й] армии, готовящейся к наступлению.

24 июня 1944 г. после артподготовки был прорван фронт. Поддерживая огнем 20-[й] стрелковый корпус, идем вперед, освобождая белорусские

населенные пункты. 8 июля вместе с 3-м корпусом этой армии после сильных боев освобождаем гор. Барановичи. Проезжали по улицам города, жители встретили нас цветами. Обнимали, целовали, многие плакали от радости. Войска пошли вперед, не упуская инициативы. Сходу овладели городом Брестом.

Правильно потом пелось в известной песне: «Сходу взяли город Брест...» и там же: «Брестская улица на запад нас ведет...». Мы подошли к государственной границе, к реке Западный Буг.

У Западного Буга – пологие берега. Ширина реки в том месте, где мы ее должны форсировать, 400 метров. Здесь мелко – взрослому человеку по пояс, но в отдельных местах впадины глубиной до двух метров. В реке чернеют полузатопленные машины с пушками и боеприпасами. Немцы ведут обстрел восточного берега – там скопились наши войска. Советская авиация контролирует воздушное пространство. Реку форсируем вброд. Из нашего расчета плавать могли я и помощник наводчика Николай Кузьмичев. Разделись в одних трусах, вода теплая, так стало приятно и радостно, как будто очутился в раю – ведь с 14 апреля 1944 г., как и все солдаты дивизиона, я нигде не мылся, за исключением, по возможности, кое когда мыл руки и лицо.

Мы пошли вброд. За нами двигались машины: боевая и две транспортные. Идем по пояс, иногда проваливаемся. Тогда машины останавливаются, ждут, когда мы найдем брод. Все (имею в виду наш дивизион), кто форсировал реку, [выбирал] свой путь, потому что вода быстро вымывала песок из-под ног, следовательно, от колес образовались ямы. Попадая в них, машины захлебывались. БМ-13 до западного берега дошла благополучно.

Выезжая на западный берег Буга (территория Польши), реку форсировали войска в основном благополучно. В составе 47-й армии, ведущей наступательные бои на гор. Прагу (предместье Варшавы), принимаем активное участие. Бои идут упорные, противник отчаянно сопротивляется, но все же 14 сентября овладели городом.

С наблюдательного пункта получили координаты и задание срочно подавить огнем вражеские батареи, которые вели огонь по площади города Праги. Командир орудия Александр Шатилов и я отправились подобрать место, где можно было бы установить орудия. Мы пробежали по краю площади. И тут разорвавшимся снарядом повалило электрический столб. Падая, он концом задел меня по пояснице. Я сходу упал. Командир помог мне поползти до укрытия, а сам вывел орудие и стал наводить его. Через сутки я стал понемногу ходить.

27 июля 1944 г. полк за успешные боевые подвиги по овладению городом Барановичи и проявленные при этом доблесть и мужество, за отличные боевые действия, умелое маневрирование и высокую эффективность огня был награжден Указом Президиума Верховного Совета СССР орденом Красного Знамени.

С 16 сентября полк своим огнем поддерживает 47-[ю] и 70-[ю] армии, которые вели тяжелые бои в междуречье Западного Буга и Вислы севернее Варшавы. Противник принимал все меры, чтобы задержать наше продвижение. Дивизионы «катюш» двигались за нашей пехотой, ряды которой были немногочисленны. В этот момент противник решил нас контратаковать танками и переправить свои основные части через реку. После артподготовки противник в бой пустил свежие силы пехоты и танки, которые вели огонь на ходу. Сплошного переднего края не было, дивизионы полка вели заградительный огонь перед танками противника. Вскоре танки и пехота стали подходить к наблюдательному пункту 3-[го] дивизиона 316-[го] полка. Разведчики этого дивизиона Дороненко, Сырцов, Козлов, Колесников и Никифоров вызвали огонь на себя. Предварительно окопались в несложных укрытиях. Вся территория, на которую зашли танки и пехота, была накрыта шквальным огнем «катюш». Атака противника отбита, и вскоре он постепенно стал отступать.

За успешное выполнение [задания] командования в боях с немецко-фашистскими захватчиками, за овладение крепостью Прага Указом ПВС СССР 31.10.1944 г. полк награжден орденом Александра Невского.

Затем полк в срочном порядке перебросили юго-восточнее Варшавы с задачей поддерживать огнем наступательные действия 28-[го] и 29-[го] стрелковых корпусов 8-[й] гвардейской армии по овладению и расширению Магнушевского плацдарма. В районе гор. Варака мы заняли огневые позиции и окопались. В связи с изменившимися обстоятельствами армия прекратила наступательные действия и перешла к обороне плацдарма.

Стояла тихая, сухая солнечная погода, несмотря на декабрь. Раза два-три в день появлялась наша патрульная авиация, охранявшая плацдарм. Орудийный расчет, где я был наводчиком, находился в окопах. Однажды в середине дня послышался сильный авиационный гул. Мы увидели самолеты, летящие на большой высоте. Их становилось все больше и больше. Мы сначала подумали, что если они начнут бомбить нас на плацдарме, то нам конец, т.е. будем уничтожены. Но вскоре по самолетам стала бить немецкая зенитная артиллерия, в небе звеньями появились «мессершмитты». В бинокли мы рассмотрели, что самолеты – американские четырехмоторные бомбардировщики («летающая крепость»). Шли они стройно, несмотря на массированный зенитный огонь. Атакующая эскадрилья «мессершмиттов» не могла расколоть их ряды. Они вели сильный оборонительный пушечный и пулеметный огонь по немецким истребителям.

Над нами они разворачивались и брали курс на Варшаву, сбрасывая на парашютах продовольствие восставшим полякам, и улетали на северо-запад в сторону Балтийского моря. Позже мы узнали, что все, что сбросили самолеты, досталось немцам. Мы позавидовали самолетам, подивились стойкости американских летчиков и подсадовали, что сброшенное досталось ни полякам, ни нам. [...]****.

2 января 1945 г. командир полка гвардии полковник Хлопенко А.Е. сдал командование полка своему заместителю по строевой части гвардии

полковнику Васильчеву. 4 января 1945 г. полк переподчинен 5-[й] ударной армии и обязан был поддерживать ее 9-[й] стрелковый корпус.

Расскажу немного о своем боевом орудийном расчете. Был он многонациональным по составу. Командир орудия Шатилов А.Л. – ростовский, я – с Тамбовщины, Кузьмичев и Веприков – из Оренбурга, Ерошкин И.В. – москвич, Аджанов – из Азербайджана, шофер Сердюк – из Полтавы. Были мы дружны. Спаянные крепче, чем братья, держались друг за друга. Орудие на цель наводили быстро. Достигнуто это за счет того, что помощник наводчика Кузьмичев Николай был рослым, сильным солдатом, мог одновременно ритмично крутить винты орудия по горизонтали и вертикали. Я на коллиматоре ставил заданный угломер и прицел, строго следил за делениями, он крутил винты, следя за маневрами указательным и средним пальцем моей правой руки, и когда деления сходились точно, я докладывал: «Четвертое готово!». В начале в нашей готовности сомневались помощник командира взвода Рязанцев и командир взвода Костин – приходили и проверяли. Отклонений в наводке никогда не было, все выглядело согласно заданной буссоли. После нескольких проверок командиры были в нас уверены, как в самих себе. И так работали всю войну. Секрета тут никакого не было, все происходило благодаря четко выверенному взаимодействию. Я даже Николаю отдавал иногда свои «фронтные».

В то время, когда полк из гор. Киева уезжал на формировку, начфин полка на станции дал нам подписать денежные переводы: мне – на пять тысяч рублей, Николаю – 2500 руб. для того, чтобы их отправили нашим матерям. Добавил: «Это за подбитые танки в боях от Курска до Житомира». Наводчику – 500 рублей, помощнику – 250, орудийным номерам – по 100 за каждый подбитый танк.

В то суровое время

От командования стало известно, что считанные дни остались до наступления. Предстоит совершить глубокий рейд (400 километров) до реки Одер, где нужно было занять плацдарм, организовать оборону и держаться до прихода основных войск фронта. Одновременно поступила команда: всему личному составу сдать красноармейские книжки, коммунистам и комсомольцам – партийные и комсомольские билеты. Было ясно, что нас ожидало.

В два часа ночи 14 января 1945 г. поступила команда навести орудия по целям. Ночь была тихая, облачная, деревья в инее, лежал ровный белый снег.

В три часа ночи раздалась команда открыть огонь. Загремели залпы «катюш», открыли огонь все виды ствольной артиллерии. От огня сделалось так светло, что свободно читали полевые карты. Ураганный огонь по передовым позициям и тылам противника вели в течение почти трех часов. В атаку пошли танки и пехота. Завязался ожесточенный бой. 316-[й] полк и другие артиллерийские подразделения поддерживали их огнем. Фронт был прорван.

По приказу 316-[й] полк где-то среди дня съехал с огневых позиций и стал занимать маршевые порядки в составе 3-го танкового корпуса 2-й танковой армии, которая сосредоточена была в лесу. Такие же порядки занимали и другие артиллерийские части, которым предписано было идти в рейд. Уточнялись условия рейда, значение знаков и сигналов, которые будут появляться во время марша. Впереди шел бой, наши войска расширили фланги прорыва.

К вечеру, когда наступили сумерки, колонна вошла в прорыв, но была остановлена, так как немецкое командование в контратаку ввело соединение своих тяжелых танков «тигров» и пыталось ликвидировать прорыв. Соединения, вошедшие в прорыв, по условиям рейда в бой не вступали.

Не упуская инициативы, наше командование в срочном порядке ввело в бой свои тяжелые танки ИС (Иосиф Сталин). По флангам шли ожесточенные бои, немцы непрерывно атаковали, стремились закрыть прорыв. Наши ИС, вступив в бой, быстро разгромили танковые подразделения противника.

Наши передовые танковые части вошли в прорыв, и где-то минут через 40-50 по колонне прошла команда «Моторы!». Колонна тихо пошла. В течение ночи через прорыв шириной примерно в 25 км прошла танковая армия с приданными ей войсками.

Утром 15 января колонна находилась в тылу врага за 25-30 километров от линии фронта. В течение часа войска рассредоточивались. Каждый танковый корпус должен идти своим направлением на запад, одновременно расширяя фланги.

Стремительным ударом танков и механизированных частей была окружена и Варшава.

За активное участие в прорыве обороны южнее Варшавы 14-16 января 1945 г. и в обходном маневре западнее Варшавы полк награжден Указом ПВС СССР от 19 февраля 1945 г. орденом Суворова 3-[й] степени.

3-й дивизион 316-[го] полка шел в середине колонны 3-го танкового корпуса. Продвигались вперед. Тыловые немецкие гарнизоны были охвачены паникой, бросали военное снаряжение, имущество, бежали на запад. Вслед за ними бежали богачи-немцы, оставляли свои имения, скот и другое имущество. Передовые танковые отряды сбивали с дороги все, что по ней двигалось. И неслучайно по обеим сторонам дороги валялись на снегу разные вещи: чемоданы, продукты питания, разбитые машины и вся гражданская утварь.

Поляки встречали нас радостно, указывали, где укрываются карательные немецкие войска и войска СС. Имущество, брошенное немцами, разрешали собирать полякам. В этот день освободили польский город Жирардув, 18 января – Лович.

29 января полк вместе с танками пересек государственную границу фашистской Германии и вступил в ее провинцию Померания. Появление наших войск в глубоком тылу для немцев было неожиданным. Появилась сильная паника. На рассвете захватили город Любань, на краю которого

находился аэродром, немцы бросили на нем 250 самолетов и не смогли ни одного из них поднять в воздух.

Надо отметить, что появление танковых группировок и приданных им артиллерийских подразделений для немцев было неожиданным, и они все бросали. Наши войсковые соединения двигались по территории Германии, часто меняя свое направление, стараясь не ввязываться в затяжные бои. Задача заключалась в том, чтобы разрушать и дезорганизовывать управление тыловыми коммуникациями, громить части, которые двигались в сторону фронта.

В рейде особенно отличился 3-й дивизион полка (командир – капитан Куликов В.А.), его подразделение постоянно находилось в головной походной заставе и передовом отряде.

На западном берегу реки Одер в районе города Кюстрин захвачен плацдарм. Была организована оборона, но мотопехоты было мало, ее пополняли бойцами из артиллерийских и танковых расчетов. Вскоре стали подходить войска основного фронта и занимать оборону плацдарма.

1 марта 1945 г. 316-[й] полк в составе 2-й танковой армии получил задачу совершить второй – малый – рейд, отрезать Померанскую группировку немецких войск и выйти к Балтийскому морю. Завязались тяжелые наступательные бои в районе города Пиритц. Сломав сопротивление немцев, 4 марта армия вышла к Балтийскому морю, штурмовала гор. Кольберг Альтдамм (предместье Штеттина). Враг, неся большие потери, отходил к морю, надеясь укрыться от разгрома наших войск, но и там его настигла авиация, и был разгромлен.

После этих боев 316-[й] гвардейский полк получил кратковременный заслуженный отдых. Приказом Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза И. Сталина 5 апреля 1945 г. за образцовые боевые действия при вторжении в пределы немецкой Померании в районе города Шнайдемюль присвоено еще одно наименование – «Померанский».

Указом Президиума ВС СССР от 3 мая 1945 г. за образцовое выполнение заданий командования в боях с немецкими захватчиками при овладении гор. Альтдамм и проявленные при этом доблесть и мужество полк получил свою четвертую правительственную награду – орден Богдана Хмельницкого 2-[й] степени.

7 апреля 1945 г. после непродолжительного отдыха полк был переброшен на Кюстринский плацдарм, который уже обороняла 8-[я] гвардейская армия, и введен в ее состав. [...]****.

Разведкой боем [было] установлено, что немцы выстроили хорошо укрепленную линию обороны из 8 рубежей. Последний рубеж находился на возвышенности, перед которой была равнина. На этой возвышенности построили бетонированные укрытия, обеспеченные соответствующим оружием.

В 3⁰⁰ часа ночи 16 апреля 1945 г. по Берлинскому времени из 22 тысяч орудий по укрепленным рубежам противника началась невиданная

артиллерийская подготовка. На окраинах наших рубежей были установлены мощные зенитные прожектора. Об этом было разъяснено всем бойцам.

После мощной артподготовки стрелковые роты и батальоны пошли в атаку, [были] включены прожекторы, свет которых ослеплял противника, в стане его началась паника, что послужило возможностью нашим бойцам овладеть рубежами противника. Пленные немецкие солдаты показали, что русские против них применили какое-то новое оружие и назвали его «Сталинским органом».

1 апреля полк вел бои на Зееловских высотах, а 19 апреля к вечеру после упорных боев гарнизон города Мюнхеберг прекратил сопротивление. Военнопленных разоружали и тут же отпускали, разрешали идти в любую сторону и они шли только в наш тыл беспрепятственно каких-либо чинов наших войск. Таков был приказ Главнокомандующего.

22 апреля полк с другими частями достиг восточной окраины Берлина и начались уличные бои в его пригородах Хонпегартен, Шенайхе и Мальсдорф. В этот день полк произвел первый залп по Берлину. Затем получил задачу поддерживать боевые действия 8-[й] гвардейской армии и 1-й танковой армии, наступающих из района Копеник вдоль левого берега реки Шпрее к центру Берлина.

24 апреля переправился на левый берег реки Шпрее и сосредоточился в районе севернее Адлерсдорф. Каждой бригаде 8-[й] гв. и 1-й танковой армий придано по дивизиону наших «катюш». Немцы засели в каменных подвалах и других трудно уязвимых укрытиях, вели пулеметный огонь, из «фаустов» поджигали наши танки, тем самым способствовали нам не продвигаться к центру Берлина.*****

Наши орудия в одиночку, взводами вели залпы тяжелыми снарядами (100 кг) по баррикадам, зданиям и другим укрытиям, уничтожая и хороня немцев под завалами этих сооружений.

27 апреля 1945 г. завязались ожесточенные бои в районах Герлицкого и Ангальтского вокзалов. Немцы отчаянно сопротивляются, из окон, дверей, подвалов домов, улиц и переулков забрасывая наших бойцов гранатами, ведут пулеметный и автоматный огонь, по танкам бросают зажигательные бутылки, бьют из фаустпатронов, другого оружия.

Оказывая неоценимую возможность бойцам пехоты и танкистам как можно быстрее и с малыми потерями пробиться к рейхстагу, орудия нашего полка стокилограммовыми снарядами вели огонь по этим зданиям, уничтожая все живое и недвижимое. Сопротивление [было] сломлено.

29 апреля 1945 г. полный день полк ведет огонь прямой наводкой по укрытиям и домам на улицах Лютцев, Лютцев-плац, Вильштрассе, Клейстрассе и на юго-западной окраине Тиргартен, где был Берлинский зоопарк, обитатели которого разбежались, а часть погибла.

30 апреля 1945 г. 316-[й] полк продолжает вести огонь прямой наводкой по зданиям, заваливая немцев в своей берлоге, в отдельных местах разбивали целые кварталы. В частности четвертое орудие второй батареи, на которой я был наводчиком, на одной из улиц четыре раза выводили для

стрельбы прямой наводкой по четырехэтажному дому. Надо было пробить дорогу для прохода танков к рейхстагу. Все улицы и переулки, ведущие к нему, обороняли немецкие тяжелые танки «тигры», закопанные в земле, вели непроходимый огонь. Орудие подготовили к следующему выезду.

Огневая позиция (начало переулка) была заставлена пятью подбитыми нашими танками Т-34 и впереди – разбитая пушка. Дальше танкам ехать было невозможно, их подбивали из окон фаустпатронами. Выбежавшие танкисты из горевших танков заметили местонахождение фаустников и их уничтожили.

Свистали пули. Орудие из подбитого танка навел по центру четырехэтажного дома. На огневой позиции появился командир дивизиона гв. майор Куликов и он был ранен в грудь, пуля прошла через легкие навылет. Залп проведен. Командира дивизиона унесли с огневой и отправили в госпиталь. Бои продолжались до вечера, и войска продвигались ближе к рейхстагу. Командование третьим дивизионом принял на себя начальник штаба дивизиона Лупов Александр Сергеевич.

1 мая 1945 г. на улицах Берлина шли ожесточенные бои, все ближе продвигались к рейхстагу, враг все еще пытался задержать наше продвижение, но понимал, что это конец.

2 мая 1945 г. гарнизон Берлина прекратил сопротивление и вместе с начальником гарнизона сдался победителям. Так, в центре – Берлине – закончилась война 1-го Белорусского фронта и славный боевой путь 316-[го] полка. Часть воинов полка поставили свои подписи на стенах рейхстага. Ведь полк в это время стоял вблизи рейхстага и Бранденбургских ворот.

За участие в боях за Берлин полк был награжден пятой правительственной наградой – орденом Кутузова 3-й степени. Стал он именоваться 316-[й] гвардейский минометный Коростенский, Померанский Краснознаменный орденов Суворова, Кутузова, Богдана Хмельницкого, Александра Невского полк.

Спустя несколько дней полк сосредоточился в районе Бернау северо-восточнее Берлина в лесу на канале Одер–Шпрее.

9 Мая 1945 г. – День Победы – мы встретили с огромной радостью и торжеством. В честь этого дня вели сильную стрельбу из ствольного оружия.

Вели Салют Победы. Во время стрельбы слышали женские крики, которые доносились до нас по лесу со стороны канала. Придя туда, обнаружили два концентрационных женских лагеря. Увидев нас, женщины бросились к нам, радовались, многие плакали. Они рассказали: в двух лагерях содержится около 35 тысяч женщин, собранных со всех оккупированных государств Европы, и что пять дней назад немцы сняли охрану и ушли. Приказали быть на месте. За невыполнение приказа – расстрел. Мы им сказали, что война окончена – Победа. Женские голоса оживились, слышались песни, крики, все слилось в единый неразборчивый гул. Сообщили в комендатуру. Позже женщин медицинские работники проверяли на состояние здоровья, больных оставляли на лечение. Остальных отправляли по домам. [...]*****.

ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 5. Д. 4. Л. 46-64. Подлинник машинописный.

- * Так в документе. Правильно – юго-западного.
- ** То же. Правильно – на Демянском.
- *** То же. Правильно – «Демянский мешок».
- **** Опущен общий исторический материал.
- ***** Так в документе.
- ***** Опущены сведения об орденоносцах и военачальниках 316-го гвардейского полка, а также биографические сведения В.И. Старшинова послевоенного периода.

№ 1308

Воспоминания В.П. Савиных

Ноябрь 1990 г.

Великую Отечественную встретил в стенах Пензенского военного артиллерийского училища. По ускоренной программе по 15-16 часов в сутки мы, курсанты, штудировали уставы, устройство и действие 45-мм пушки, теорию стрельбы, тренировались, отрабатывая действия номеров расчета. Словом, учились тому, что требовалось в бою.

Непосильная физическая нагрузка, длительные походы, ползание по-пластунски по черноземной жиже, броски, атаки, форсирование реки Суры при полной выкладке, жесткая дисциплина с беспрекословным подчинением командиру выматывали нас, юных сельских и городских парней.

Мы принадлежали себе только во время отбоя в глубоком сне. А в 6 часов утра, после команды «Подъем!», как шальные, вскакивали с высоких двухэтажных нар, за считанные секунды одевались до пояса и бежали на зарядку на плац, обжигаясь холодом. Все начиналось сначала до отбоя, команда которого раздавалась точно в 23 часа.

За малейшие ошибки в выполнении команды курсантом следовали неотвратимые наказания в виде наряда вне очереди – это означало мыть в казарме полы или драить до золотистого блеска медные писсуары в клозете.

Тем, кто понял воинскую дисциплину и перестроился, служба не казалась такой невыносимой, они и умственные, и физические нагрузки переносили легче. Душой мы понимали: без жесткой дисциплины на войне не обойтись, но на деле трудно перестраивались. Очень уж короткий срок был определен военными событиями, развивавшимися не в нашу пользу. Поэтому все усилия командования, преподавателей, партийной и комсомольской организаций училища были направлены на форсирование учебной программы в условиях жесткой воинской дисциплины. Девиз командования был таков: «Хочешь – научим, не хочешь – заставим!».

Слушая сводки Совинформбюро, большинство из нас, оценивая отступление наших войск, желали скорее сразиться с врагом, полагая – будь он на фронте, и все изменится в нашу пользу. Учебные тревоги каждый раз

воспринимались как боевые, мы ждали этого момента. И он наступил, когда фашисты подошли на подступы к Москве. В первых числах октября ночью труба протрубила тревогу: построившись повзводно, ускоренным маршем мы достигли железнодорожного вокзала, погрузились в «теплушки», и наш состав, перестукивая колесами о рельсы, помчался от полустанка к полустанку.

Подъезжая к Ульяновску, мы поняли – в Москву не попадем. Скоро нас выгрузили в одноэтажном, грязном городишке Мелекесе с единственным высотным зданием заводской мельницы. Здесь в общежитии пединститута в месячный срок был сформирован отдельный противотанковый артдивизион из нас, курсантов (в основном комсомольцев), не нюхавших пороху, и сельских пожилых мужчин из местных колхозов и совхозов, членов партии. По задумкам командования, такой «агломерат» в личном составе дивизиона может благотворно сказаться на его боеспособности и стойкости в предстоящих сражениях. С самого начала формирования без боекомплекта, техники и вооружения мы, курсанты, учили, передавали свой небольшой теоретический и практический опыт вчерашним колхозникам. Штудировали с ними азы уставов, строевой подготовки, устройство и действие трехлинейки, а поскольку винтовок было мало, то приемы рукопашного боя отрабатывались палками, выструганными из сосновых досок.

Учеба своих старших товарищей по устройству и действию в бою 45-мм пушки продолжалась и в эшелоне, следующем на фронт. В пути из-за отсутствия кухни личному составу дивизиона пришлось готовить похлебку прямо в «теплушках» на установленных металлических бочках – печах. На получение исходных продуктов и приготовление из них горячей пищи уходило почти все дневное время.

Разгрузившись на полустанке недалеко от Коломны, переночевав в неотопляемом храме, к вечеру другого дня артдивизион занял оборону на резервных боевых позициях на Ленинградском направлении. Со дня на день мы ждали врага, чтобы сразиться с ним, коротали время в окопах, получая фронтной паек со ста граммами «горькой». Но наши ожидания были напрасны. Фашистам не суждено было вторично прорваться к Москве, их гнали на запад. Снявшись с позиций, мы оказались в Москве. Столица встретила нас сурово: уличными баррикадами из мешков с песком, ошестившимися стальными ежами и надолбами. Разместились на пятом этаже горного института, расположенного на бывшей Калужской площади. Спали в аудиториях на полу. По нужде приходилось с пятого этажа бежать не менее 500 метров к реке Москва из-за неисправности водопровода и канализации. Здесь нас обмундировали в новую зимнюю одежду. Мы поняли, что, наконец, нас готовят к предстоящим боям, и не ошиблись.

В середине ноября сорок первого года в эшелонах наш артдивизион мчался на северо-запад. Недалеко от станции Бологое, выгрузившись в заснеженном поле, на полуторках с прицепленными орудиями мы двинулись к фронту. Из-за снежного бездорожья приходилось полуторку с пушкой тащить на своем «горбу», преодолевая Валдайские «горы».*

Не в кино, а наяву пришлось пережить мне, бывшему курсанту, рядовому орудийного расчета, войну со всеми ее неприглядными, порой кошмарными сторонами.

Нам, необстрелянным юнцам, выпали нелегкие испытания еще на пути к линии фронта по освобожденной от гитлеровских войск территории. Выжженная земля, пепелища да торчащие вверх печные трубы – все, что осталось от русских сел и деревень, встречающихся нам на пути. В местах недавних сражений мы видели неубранные, замерзшие в страшных позах трупы убитых фашистов с выклеванными глазницами и сердцем. В лесу на сучьях деревьев наблюдали разметанные взрывной волной бомб человеческие внутренности.

Подавленные виденным, голодные, мы в пешем строю шли в заданный район боевых позиций. Иногда нам удавалось на ходу зацепиться за борт грузовика, следующего на фронт, и сбросить с него мешок сухарей и утолить голод. Ближе к фронту подстерегала вражеская авиация, заставляя нас рассыпаться по снежным сугробам. На обочине дороги валялись попавшие под бомбежку грузовики, трупы лошадей и повозки. Навстречу группами и по одиночке ковыляли с перевязанными головами, руками раненые красноармейцы. Некоторые из них, не успев дойти до передовой, попадали под бомбежку и, так и не побывав в бою, возвращались в тыл.

Скоро стали слышны стоны наших «катюш», орудийная канонада, треск ружейно-пулеметной стрельбы. Фронт был совсем рядом. Сосредоточившись в лесу, мы провели беспокойную ночь. Шальные пули, потерявшие скорость, визжали около нас, заставляя вздрагивать и прижиматься к земле.

Утром до рассвета скрытно на лесном берегу установили свои «сорокапятки». На противоположном берегу справа за железнодорожным мостом на станции Пола и прямо перед нами в деревне Борки расположилась фашистская оборона. Здесь мы получили боевое крещение, поддерживая огнем безуспешные попытки нашей стрелковой бригады овладеть этой железнодорожной станцией и населенным пунктом. Высокий обрывистый берег, где засели немцы, господствовал над гладью реки, закованной в ледяной панцирь, покрытый толстым слоем снега, являлся неприступной крепостью. Все нейтральное пространство простреливалось с фронта и с флангов, поэтому неоднократные наступления нашей пехоты заканчивались на середине реки. Прижатые ураганным огнем к земле, теряя товарищей, стрелки возвращались на исходные рубежи. Неудача наших пехотинцев объяснялась еще и тем, что не было поддержки с воздуха, не доставало артиллерии и боеприпасов. Наши маломощные орудия не могли подавить многочисленные огневые средства противника, особенно его артиллерийские и минометные тяжелые батареи.

Бытовые условия сторон были далеко не равные. Ночью немцы покидали окопы, уходили спать в теплые русские избы, оставляя дежурные подразделения, которые с немецкой пунктуальностью через 5-10 секунд посылали в воздух ракеты, как днем освещавшие нейтральную полосу, и

изредка постреливали по нашей обороне из минометов и пулеметов, а днем, не жалея боеприпасов, методически вели огонь, нанося урон живой силе и технике.

В то же время, не зная покоя, продрогшие, мы коротали ночи в стылых окопах, а днем то отбивались от огня гитлеровцев, то шли в наступление по глубокому снегу. И в который раз атака захлебывалась.

В течение многих недель велась эта окопная война безрезультатно, но ряды наши таяли. Между тем боевая задача завладеть железнодорожным узлом входила в операцию, осуществляемую войсками Северо-Западного фронта по окружению в районе Старой Руссы 16-й немецкой армии.

Наконец, только после перегруппировки частей, получив подкрепление, нашим войскам на этом участке удалось выбить фашистов из деревни и станции, но развить успех в глубину не хватило сил. Заняв позиции на окраине деревни, впервые за много дней и бессонных ночей, проведенных в холодных окопах, мы спали в обжитых теплых избах. Утром снова бросок, новая линия обороны. Выдвинувшись впереди пехоты, нам предстояло срочно оборудовать огневые позиции. Долбить мерзлую землю не было времени. Отступив, гитлеровцы обрушили на нас сокрушительный огонь.**

Первые с начала войны попытки окружить такие крупные соединения, как армия, оборачивались для наших войск большими потерями. Конечно, ощутимые потери были и у противника. Обоюдные с переменным успехом ожесточенные контратаки принимали затяжной характер. Мы, сначала не обстрелянные юнцы, кланявшиеся каждой жужжащей пуле, каждому раздирающему морозный воздух летящему снаряду, набирались опыта, привыкли к летящим пулям и минам, интуитивно стали определять вероятное ее место взрыва.

В одной из контратак гитлеровцев на наши позиции мне довелось стрелять из карабина по наступающим фашистам во время их коротких перебежек и временных коротких остановок для очередного броска, и я видел, как после моего прицельного выстрела фашист больше не поднимался, оставался лежать на русской земле.

Не буду перечислять боевые эпизоды, коснусь окопного быта солдата. Зимней квартирой для нас служили окоп, чистое снежное поле или лес, иногда лишь теплая хата. Оставляя дежурных на огневых позициях, ночью при относительном затишье мы дремали, прижавшись, согревая друг друга. Несмотря на валенки, ватные брюки, телогрейку и шинель, мороз подбирался к нашей плоти. От длительного переохлаждения кожа на подошвах ступней отмирала и наслаивалась, образуя ороговелость.*** Питались, как говорится в русской пословице: «То густо, то пусто, то нет ничего!». Полевая кухня приезжала нерегулярно, иногда ее не было двое-трое суток. Жевали из НЗ сухари, а когда они кончались, не брезговали галетами убитых врагов и сухарями павших товарищей. Бывали случаи, когда перепало съесть два обеда со ста граммами «горькой» на своей кухне и на кухне взаимодействующего батальона – если позволит обстановка, и не

поленишься по-пластунски проползти по небезопасной местности сто-двести метров. У повара батальона всегда бывали излишки каши за счет выбывших из строя бойцов. Часто бывало и так, когда на позиции доставлялся мерзлый хлеб. Чтобы утолить голод, надо было сначала отогреть его губами и грызть стынущими зубами на миллиметр отогретье крошки хлеба.

Редко находилось время и условия умыться лицо. Прежде необходимо было освободиться от капюшона маскхалата, каски, шапки и подшлемника, только после этого могли смачивать лицо обжигающим слежавшимся снегом и протереть полами или рукавом маскхалата.

Во время обоюдных боевых действий, находясь в нервном напряжении, мы сутками не смыкали глаз. Наступал предел, когда организм брал свое, сон самопроизвольно приходил в коротких промежутках между боями, даже на ходу при перетаскивании орудия на новый рубеж. В экстремальных условиях приходилось хоронить своих боевых товарищей – наспех в мерзлой земле выдалбливалась неглубокая могила между деревьями в лесу. Вместо памятника на холмик убитого укладывалась его каска, на стволе дерева делалась надпись химическим карандашом о фамилии, инициалах и дате захоронения.

Отдавая последние почести оружейным салютом, мы сознавали, что могила скоро станет безымянной, затеряется в лесу. Природа смывает наши пометки. Горько становилось на душе оттого, что и твоя участь будет такой же. Мы давали друг другу адреса своих родных и близких с тем, чтобы в случае гибели оставшийся в живых мог сообщить о месте захоронения погибшего.

Немцы перед нами имели преимущество – воевали посменно. Через определенный срок нахождения на передовых позициях они уступали место своим сменщикам и уходили в тыл, где имели возможность спокойно поспать, поесть, помыться и сменить белье, побриться – словом, привести себя в порядок с тем, чтобы со свежими силами снова занять боевые порядки. Даже в окопах каждый немецкий солдат мог с помощью нехитрого приспособления и сжигания на нем плиток сухого спирта разогреть для себя кофе, специально приготовленный пищевой концентрат, отогреть замерзающие руки.

Несмотря на это, мы, стойко перенося холод, хроническое недосыпание, без нормального питания, грязные и вшивые, не теряли присутствия духа, упорно теснили врага, шаг за шагом охватывая его в кольцо.

Не суждено было мне до конца участвовать в окружении гитлеровской группировки. В одной из очередных контратак немцев мне не повезло.

При поддержке авиации и танков фашисты обрушили на наши позиции огонь из всех видов оружия в расчете вернуть утраченные рубежи. Это было 13 февраля 1942 г. Меня бросила тугая волна разорвавшегося поблизости вражеского снаряда. Осколок страшной болью пронизал мое тело, раздрав живую ткань. Кроваво-огненная вспышка и клочок зимнего голубого неба промелькнули в глазах и глубокая, как яма, темнота, в которую я свалился, –

вот все, что запечатлело мое сознание. Очнулся в санбате от сильной головной боли и многоголосого звона в ушах. Левая нога, закованная в металлическую шину, горела, как на углях.

С этого времени начались мои новые страдания. Более месяца от этапа к этапу продолжалась эвакуация в тыловой госпиталь. Холодные палатки санбата, полуразрушенные здания неотапливаемых школ и других учреждений, в которых пришлось лежать нам, тяжелораненым больным, скудное, впроголодь, питание, дефицит медикаментов и перевязочных материалов – все пришлось испытать на пути в глубокий тыл.

В эвакуопункте 95, например, где на двухъярусных нарах лежал я, было размещено более сотни носилок с лежащими тяжелоранеными воинами. Операции и перевязки производились здесь при тусклом свете «коптилок», изготовленных из гильз артснарядов. Вместо бинтов использовалась грубая суровая ткань – дерюга. Судном служила металлическая полусфера фары от полуторки, уткой – солдатский котелок. Ежесуточно здесь умирало от ран два-три человека.

Нас продолжали беспокоить вши, т.к. условий и средств для борьбы с ними не было. Освободили меня от них только спустя более месяца после ранения в тыловом госпитале города Ярославля, когда были сбриты волосы на всех частях тела и произведена обработка специальным мылом «К». Здесь за долгие месяцы войны впервые почувствовал заботу, ласку и хорошее лечение. Тут же узнал горькую весть о том, что окруженная 16-[я] армия фашистов под Старой Руссой весной 1942 г., прорвав нашу оборону, вырвалась из кольца.

Казалось бы, все наши усилия и многочисленные жертвы оказались напрасными. Оказалось потом, что эта первая неудачная попытка окружения крупных сил противника сыграла свою положительную роль: во-первых, помогла выстоять окруженному Ленинграду; во-вторых, опыт и просчеты окружения врага под Старой Руссой были учтены в битве за Сталинград и явились результатом окружения и пленения крупнейшей группировки противника, что внесло перелом в войне в нашу пользу.

В июне 1942 г. с костылем под мышкой был выписан из госпиталя, но сразу на фронт не попал. С ярославского пересыльного пункта меня направили доучиваться на офицера в Тамбовское военное артиллерийско-техническое училище. После восьмимесячного обучения мне присвоили звание младшего техника-лейтенанта, после чего продолжал защищать Родину уже в офицерской должности и в условиях всеобщего победоносного наступления наших войск.

ГАСПИТО. Р-9335. Оп. 3. Д. 26. Л. 4-10. Подлинник.

---

* Далее зачеркнуто: *В послевоенных да и в современных фильмах войну изображают в приуроченном виде, далеко от действительности. Перед вами на экране действуют герои в новой с иголочки форме, долгогривые, в начищенных до блеска хромовых в гармошку сапожках, танцуют с косматыми расфуфыренными солдатами (девицами), влюбляются, как на пикнике, ревнуют, ссорятся. В бою же они палят из автоматов,*

косят огнем драпающих гитлеровцев, расправляются с вражескими танками гранатами и зажигательными бутылками. С первого выстрела из противотанкового ружья останавливают сверхтяжелые мощные «тигры». Военачальники мешками раздают героям ордена и медали, те пьют горькую из металлических кружек и котелков, обмывая награды.

** Далее зачеркнуто: Нам ничего не оставалось, как соорудить орудийные окопы из мерзлых трупов фашистов. Мы укладывали их полукругом по сектору обстрела, засыпали снегом и обливали водой. Понимали кощунственность своих действий, но обезопасить себя другим способом не было выбора и времени.

*** Далее зачеркнуто: Немытое тело, разъедаемое вшами, покрывалось струпьями и нестерпимо чесалось. Из мест волосяного покрова приходилось буквально горстями выгребать на снег этих паразитов.

№ 1309

Из воспоминаний Е.А. Морозова⁴⁷

22 июня 2000 г.

[...]*. В 1943 г. я был призван [в Инзенское военное училище]. Мылись мы в шалашах на снегу. Бани огромные были установлены – ведер на 200-300. Дровами топили. Теплая вода – вонючая жидкость такая, чтобы вши не завелись. Солдатский котелок на двоих, где плавают три-четыре картошки, вода и сверху слой американского комбижира. Потом уже стали давать черепаший желтый порошок для супа, для вторых блюд. Офицеры, которые с нами занимались в Инзе, убежали на фронт. Прямо говорили: «Чем подышать в тылу, лучше пусть убьют меня на фронте».

В совхозе недалеко от воинской части было свекловичное поле и бурты свеклы. Мы воровали эту свеклу, ночью грызли. Голод...

Учили стрелять из автомата, винтовки, противотанкового ружья, пулемета. Эту науку мы быстро освоили.

Отправка на фронт... Перед посадкой в телячьи вагоны выдали нам всем до одного комсомольские билеты, и мы поехали на фронт комсомольцами. Растерянности никакой, никакой боязни – откуда это только взялось?! Едем туда. Первое, где мы увидели следы войны – это станция Можайск. Сожженные здания и на вокзале огромный щит, что фашисты уничтожили, сколько расстреляно женщин, стариков, детей.

Едем дальше, смотрим по сторонам из бычьего вагона. Деревни – стоят одни трубы и все. Железнодорожное полотно – когда немцы отступали, то к паровозу подцепляли костыль и шпалу подцепляли. Все шпалы ломались, и рельсы скручивались.

Привезли нас за Шауляй, спешили и дальше стали передвигаться к линии фронта в сторону Клайпеды. Это литовская территория.

Как выглядел солдат? На картинах смотришь: солдат – пилотка, красная звездочка, одеты как надо. Шиш! Американские бушлаты зелененькие, красные американские ботинки на нас были; портянки,

обмотки, под обмоткой ложка солдатская, за поясом котелок на двоих, вещмешок с патронами, с сухарями, комочками сахара.

Стали подходить ближе к фронту – стали слышать артиллерийскую стрельбу, стрельбу из пулеметов. Потом уже подвели к первому эшелону [обороны]. Немцы к этому моменту от хуторка отступили. Литовские хуторки маленькие – пять-семь домиков, садики, пасека. Стали готовиться к настоящему наступлению.

В окопах часа в два ночи прошли вестовые, сообщили: «Приготовиться. Часов в шесть смотрите – ракеты, полетят самолеты, пойдут танки, пехота. Вы идете за танками».

Вы, наверно, видели в кинофильмах, как мчатся танкисты, а мы – мелюзга, ребята. В основном были ребята. Вот мне 17 лет исполнилось, когда я уже получил тяжелое ранение (об этом позже скажу). И еще ребята такие же с Инзенского военного училища. Но мешали нас с бывалыми солдатами, которые побывали не в одном бою, с орденами, медалями, некоторые с перевязками: рука на подвязке, голова перевязана, но все равно люди подготовлены к бою.

Когда взвилась ракета, страшный гуд разнесся: самолеты полетели, танки пошли. Мы пошли в наступление. Смотрим – из лесочка навстречу нам выползают немецкие танки. Начали стегать по нас. Наши танки горят, немецкие танки горят. Но наших было больше, их потеснили. Немцы стали угощать нас минами – открыли минометную стрельбу.

Видел, как упали мои товарищи убитые – два друга Тагишев и Багишев (оба башкирцы). Тагишеву прямой наводкой снаряд ударил в грудь, из него сверток получился.

Я был тяжело ранен в этом бою. Осколком снаряда у меня перебита левая нога: сквозное ранение – голеностопный сустав пробит. Помню, как санитары – парень и девушка – подползли с зеленой палаткой. Как быстро медики развернулись – удивительно! Откуда взялись?! За нами шли, а уже палатка стоит медицинская, туда стаскивают раненых...

Погрузили нас в грузовую машину и повезли в прифронтовой госпиталь. А потом путь лежал на Двинск, Молотов (Пермь сейчас), Лысьву. Из Лысьвы на костылях я возвратился в свое родное село. [...]**.

ГАСПИТО. Ф. Р-9277. Оп. 1. Ед. уч. 572. Ед. хр. 2. Фонозапись.

* Опушены воспоминания о жизни населения д. Калиновка Ржаксинского района в первые годы войны.

** То же о значении военно-патриотического воспитания молодежи.

№ 1310

Из воспоминаний А.Н. Боднара⁴⁸

21 февраля 1995 г. - 2005 г.

53-[я] авиадивизия дальнего действия 19 августа 1942 г. перебазировалась из Подмоскovie на Мичуринский аэродромный узел: аэродромы Мичуринск, Бригадирская и Никифоровка, полки: 1-й гвардейский авиаполк дальнего действия, 3-й тяжелобомбардировочный авиаполк и 336-й авиаполк дальнего действия. [...]».

18, 20, 24, 26, 27, 29, 30 июля из аэродрома Монино мы летали на боевые задания в район Воронежа, к которому рвались немецкие войска. Как видно из перечисленных дат вылетов, летать приходилось почти каждую ночь – порой в весьма сложных погодных условиях. Цели бомбардировок были – юго-запад над окраиной Воронежа (куда входил аэродром, на котором в 1940 г. базировался полк, в котором я служил), г. Коротояк, Подклетное, Касторное, Курбатово, Изюм.

18 июля выполнял полет по бомбардировке скопления живой силы и техники на юго-западной окраине Воронежа с молодым летчиком В. Пиланенко. Это был для него первый самостоятельный полет на боевое задание. В начале маршрута погода способствовала полету, а дальше появились густые тучевые и грозовые облака. Машину начало бросать вверх, вниз. Молодой командир старался точно выдерживать курс полета, но болтанка с каждой минутой все увеличивалась, казалось, что самолет разваливается. На лице Пиланенко появились капли пота. Вокруг нас одна за другой проскакивали молнии. А это уже серьезно, недалеко до беды. Кругом потемнело. Включили фары, на стекла кабины с большой скоростью летят струи дождя. Открыв форточку, увидел, что в ее нижней части будто стекает вода. Попробовал смахнуть рукой этот поток, но это оказалась не вода, а с железной окантовки стекали электрические заряды. Посмотрел вверх – над фюзеляжем антенна радиостанции опутана искрящимися электрическими разрядами. Лететь в такой обстановке было опасно.

«Что будем делать?» – спросил я Виктора. – «Может, возвратимся домой?». «Но я никогда не садился с бомбами», – ответил он. И он был прав. При грубой посадке бомбы могли бы сорваться с держателей, упасть и взорваться. Такие случаи бывали.

«Тогда пойдем на западную цель». Потихоньку, с небольшим креном, летчик развернул самолет на новый курс, снизились, вышли из облаков и по западной цели железнодорожный узел Касторное сбросили бомбы. Неприятное ощущение осталось позади.

В годы войны были строгие указания командования АДД – в грозовые облака не входить. Но не всегда из-за создавшейся обстановки была возможность следовать этим указаниям. Иногда незаметно попадали в грозовые облака, а чаще [побеждало] желание выполнить боевое задание. При любых условиях. Случаи разрушения самолетов в грозовых облаках, к сожалению, были. Точный прогноз погоды метеослужба дать не могла, так как западные станции их не передавали, а если и передавали, то в закодированном виде, что сильно усложняло их декодирование.

17 июля 1942 г. немецкая армия встретилась на реке Чир с передовыми отрядами 62-[й] и 64-[й] армий. Началась Сталинградская битва.

Затяжные, кровопролитные бои продолжались 19 дней – с 23 июля по 10 августа. Немецкие войска вышли в район Калача и Абганерово. Враг был остановлен, но соотношение сил все еще было в пользу противника. 19 августа экипажи всех исправных самолетов ТБ-3, чтобы уменьшить расстояние к Сталинграду, прилетели на аэродром у станции Никифоровка, расположенный между Тамбовом и Мичуринском, для участия в боевых действиях под Сталинградом.

Назвать Никифоровку аэродромом можно с натяжкой. Это небольшое ровное поле размером 2х3 км, на котором могли взлетать и садиться самолеты. Рядом со станцией был населенный пункт из нескольких десятков домов со школой и клубом. Специальных строений на аэродроме не было. Вдоль железной дороги у посадок было несколько землянок, которые использовались как каптерки, где находился технический состав, готовивший самолеты к полету, а иногда, ожидая сигнала на вылет, в них отдыхал и летный состав. Размещался же летный состав в школе и клубе без всяких удобств. На аэродроме базировался еще 3-й полк дальней авиации, которым командовал подполковник И. Глущенко. Стоянки 1-го АПДД располагались вдоль железной дороги недалеко от станции, а стоянки соседнего полка – на противоположной стороне вдоль села Ярославка, в которой жил летный состав.

Сразу же после прилета в Никифоровку началась подготовка к вылету на боевое задание. Штурманы склеивали топографические карты для нового направления полетов на Воронеж и Сталинград. К вечеру получено было задание бомбить переправу через реку Дон в районе хутора Вертячий.

Летал я в составе экипажа А. Котелкова. Летчик Котелков считался в полку воздушным асом. Мне много приходилось летать с ним на боевые задания. С ним было не только легко, но и интересно. Я восхищался его смелостью и умением. Как бы ни бушевал огонь, ни слепили глаза прожекторы, он смело шел к заданной цели и не сворачивал с боевого курса до тех пор, пока не обрушится на врага бомбовая нагрузка.

Высота 2400 м. Погода по маршруту благоприятствовала полету, ярко светила луна. Расстояние более 600 км да еще сильный встречный ветер. Время тянется долго. Впереди показался Дон. На нем тонкой нитью тянется переправа. Курсовая черта прицела направлена на переправу. Нажимаю на рычаг – сбрасываются бомбы, полетели вниз. Задание выполнено. В это время слева, справа, впереди появились черные шапки разрывов зенитных снарядов, потянулись к самолету разноцветные гирлянды трассирующих пуль зенитных пулеметов. В кабине чувствуется запах гари. Летчики резко со снижением бросают самолет влево, вправо, меняя курс, высоту – выполняют противозенитный маневр, стремясь выйти из зоны огня. Хочется увидеть результат бомбардировки, но в это время по цели начали рваться бомбы, сброшенные экипажами Н. Абанина, Москаленко, Степанова, Слепцова. Медленно наступает рассвет, нужно спешить, а то могут появиться немецкие истребители. Устанавливаю на компасе курс домой. Котелков убирает газ двигателей, и самолет резко снижается. Летим на малой высоте. Под нами

танки, артиллерия, лошади, дымят полевые кухни. Пробыв в воздухе почти шесть часов, самолет совершает посадку.

Обстановка под Сталинградом сложная. Враг рвется к Волге. Полк совершает полеты почти ежедневно. Запомнилась ночь 23 августа, когда немецкая авиация бросила сюда сотни самолетов, сделала 2000 вылетов, бомбила весь день. Погибло 43 тысячи местных жителей. Мы наблюдали почти за 100 км, как горел Сталинград. Казалось, что горит не только город, но и Волга. [...]**.

Вскоре после гибели экипажа Г. Качаравы 9 ноября 1942 г. из боевого задания не возвращается экипаж ТБ-3 Николая Ефимовича Абанина. Это был его 110-й боевой вылет. Стояла безоблачная погода. К утру стало известно, что экипаж Абанина потерпел катастрофу. С целью маскировки полет проходил без включенных авианавигационных огней. После выполнения задания во время снижения самолет столкнулся с маленьким самолетом По-2, как его называли – «кукурузником». Экипажи обоих самолетов погибли, и летчики были захоронены в братской могиле в селе Среднепогромное Сталинградской области. Погибли 8 человек: штурман отряда А.Х. Юлдашев, борттехник П.Г. Цинцадзе, бортмеханик Н.И. Святец, воздушный стрелок М.Т. Татаринцев, штурман корабля И.Ф. Таранников, пилот В.П.Федотов и воздушный стрелок-радист Р.К. Сtryжаков.

Николай Ефимович Абанин родом из Жердевского района, с. Михайловка, считался одним из наиболее подготовленных летчиков. Летал в сложных погодных условиях днем и ночью. Был требовательным, но справедливым командиром. [...]***.

Сергей Данилович Криворотченко, заместитель командира эскадрильи 3-[го] ТБАП, базировавшегося на аэродроме Никифоровка, считался одним из лучших командиров. Еще до войны в борьбе с белофиннами он был награжден орденом Ленина. С первого дня войны он активно сражался в небе Белоруссии, бомбил переправы гитлеровцев через Березину и Днепр, в июне-сентябре 1941 г. участвовал в Смоленском сражении. Когда фашисты рвались к Москве, Сергей Данилович делал по два вылета в ночь. В феврале 1942 г. группа тяжелых бомбардировщиков во главе с Криворотченко нанесла бомбовый удар по скоплениям железнодорожных эшелонов на станции Вязьма, с августа 1942 г. громил гитлеровцев на подступах к Сталинграду.

В ночь на 3 ноября экипаж Криворотченко вылетел на бомбардировку гитлеровцев под Сталинград. Никто не мог предположить, что это был его последний полет. Как выяснилось, после взлета на самолете отказали двигатели. Тяжело нагруженный бомбами и топливом самолет упал и взорвался. Весь экипаж погиб. Только воздушный стрелок старший лейтенант Жупакинский силой взрыва был выброшен с самолета и остался жив.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 декабря 1942 г. С.Д. Криворотченко посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

...Пилотировать самолет я еще научился на ТБ-3, но здесь нужно было строить маневр для захода на посадку – естественно, не все у меня получилось четко. Губин после посадки сделал мне замечание, сказав: «Если сидишь на пилотском сиденье, обязан помогать летчику». К слову скажу, что некоторые штурманы: В. Глазун, М. Орлов, Г. Мосунов в совершенстве пилотировали Ли-2 и даже производили вылет и посадку, естественно, при участии инструктора – командира экипажа.

Вспоминается, что в период переучивания на самолетах Ли-2 в свободное время было желание повеселиться, развеяться. Требовалось спиртное. А где его достать? Вспомнили, что в Кирсанове существовало отделение военторга. Но как его приобрести? Штурман Борис Грачев, весельчак по натуре и находчивый парень, предложил добавить к своим орденам награды товарищей. Вся грудь оказалась в орденах – почти Герой. В таком наряде он отправился к начальнику военторга. Увидев офицера в таком наряде, тот опешил:

– Чем могу служить? – спросил он Грачева.

– Отпустили на несколько дней домой на побывку к родственникам, – ответил Грачев. – Сами понимаете – что за встреча без выпивки? А достать негде. Не выручите?

Начальник долго разговаривать не стал, спросил:

– Сколько нужно?

– Литра три хотя бы.

Вскоре необходимое было получено. Уплатив и поблагодарив начальника, Борис, довольный успешно проведенной операцией, ушел. А в казарме его уже ждали друзья. Повеселиться было чем.

Несколько слов следует сказать и об официантках – больших труженицах и заботливых женщинах, работающих в столовой. О них незаслуженно забывают. Но они тогда не знали покоя. Мы удивлялись, когда они отдыхали: столовая работала круглые сутки. Вечером перед боевым заданием – ужин, утром после возвращения, в любое время днем они были готовы нас кормить. Мы все знали друг друга, они переживали, когда кто-то не возвращался с боевого задания.

Где же вы сейчас, наши кормилицы – Люба, Клава, Вера, Нина? Фамилий мы их не знали. Дольше всех работала Люба – веселая, всегда улыбающаяся, симпатичная. Ее в знак признательности в шутку называли «гвардии Люба». А шеф-повар Иван Иванович, повар Маруся из Москвы? Где вы?

Вечерами, когда по погодным условиям не было полетов на задания, в местном клубе Никифоровки приходили на танцы. Были не только знакомства, но и любовь с местными девушками.

Некоторые авиаторы полка в послевоенное время связали свою жизнь с местными девушками – создали семьи. Так, штурман Иван Косогин женился на Лидии Бочковой (жили в Белой Церкви под Киевом, вырастили двух сыновей). А оружейный мастер Саша Житенев женился на Кате

Конобеевой. Их сын Владимир стал авиатором. Сейчас на пенсии, живет в Уссурийске на Дальнем Востоке.

А разве можно забыть о забавных случаях, вызывающих улыбку! Свободное от полетов время – чем заняться?

– Пойдем к шинкарам, – так в шутку называли никифоровских женщин, у которых можно было приобрести водку, произведенную на местных Ярославских спиртзаводах.

– Посмотри мамаша, – показывая материал купола парашюта, – чистейший шелк. Нужно?

– Конечно, – услышали ответ.

Договорились быстро. Оставив парашют и забрав взамен несколько бутылок горячительного напитка, авиаторы удалились. Женщина обрадовалась. Но вскоре в ее двор пришла вторая группа авиаторов.

– Мамаша, здесь не заходили к вам летчики? – спросили они.

– Как же, заходили.

– А парашют случайно не оставили?

– Оставили, но я им за него дала водку.

– Мамаша, но ведь это военное имущество. Без него летчиков не выпустят в полет.

Как ни жалко было отдавать приобретенный материал, пришлось вернуть. Что было, то было. [...]****.

В одном из классов школы, где мы жили, на вешалке висело кожаное пальто – или как его называли «реглан» – командира экипажа Евгения Мельниченко. На дворе стояла теплая, пасмурная, нелетная погода. Боевые вылеты были отменены. Друзья Мельниченко – как их тогда называли, «шутники» – рассуждали, как бы развлечься, повеселиться. Воспользовавшись отсутствием хозяина реглана, взяли его, пошли в поселок Никофоровка и променяли на несколько бутылок водки. По пути домой взяли в летной столовой кое-что из закуски, пришли в школу, разыскали Мельниченко и спросили его:

– Женя, хочешь выпить?

– А есть? – ответом на ответ ответил он.

– Конечно.

Пошли, сели, выпили. Через несколько дней Мельниченко хватился, что нет на вешалке реглана.

– Ребята, а куда исчез мой реглан? – спросил он.

Друзья не стали ничего скрывать, чтобы он не подумал ничего плохого, сказали:

– А ты водку с нами пил?

– Ну и что же, – ответил он.

– А ты думаешь, мы даром тебя угощали? Это же мы пропивали твой реглан.

Жалко было хозяину хорошей вещи. Но что делать – дело сделано. Он безнадежно махнул рукой, сказал:

– Ладно, так и быть по сему.

О втором случае я узнал, когда работал в военном архиве. Прочитал приказ по полку, и он у меня вызвал непроизвольный смех. Вот его содержание.

Осенью 1942 г. в полку произошло «ЧП» (чрезвычайное происшествие). На станции Никифоровка, проходя вдоль железнодорожных путей, подножкой вагона был убит воздушный стрелок старший сержант Николай Николаевич Звесткин. Жаль было нам боевого товарища, так бесславного и нелепо погибшего. Похоронили на кладбище села Ярославки. И вот что по этому случаю читаем в приказе, написанном командиром и начальником штаба полка: «В целях исключения подобных случаев приказываю личному составу полка впредь не ходить вдоль железнодорожных путей, а только поперек».

Ничего не скажешь, случай разобран. Меры приняты. Но как?! Формализм чистейшей марки.

На аэродроме Никифоровка в августе 1942 г. 1-[му] гвард. авиаполку дальнего действия было вручено гвардейское знамя. [...]*****.

Личный архив В.Л. Дьячкова; ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 5. Д. 7. Л. 17-23. Подлинник.

---

* Опущено описание обстановки на фронте летом 1942 г.

** То же рассказ об установлении имен 5 членов экипажа Г. Качаравы, разбившегося под с. Большая Талинка.

*** То же об установлении памятника на месте гибели экипажа Н.Е. Абанина.

**** То же об участии местного населения в расчистке аэродрома от снега.

***** То же о встречах ветеранов 1-го гвардейского авиаполка дальнего действия в послевоенные годы.

№ 1311

Воспоминания А.К. Коростелева*

*2 мая 1965 г. - 7 сентября 1967 г.
г. Полтава*

В мае 1941 г. я окончил Балашовскую военную школу летчиков, а в июне этого же года мне пришлось вместе с товарищами бомбить днем немецкие колонны танков, которые прорвались к Киеву. После самых тяжелых боев при значительных потерях своих самолетов наше командование решило переучить нас на действия ночью, чтобы избежать лишних потерь. Это решение оправдалось, и наша бомбардировочная авиация стала, как правило, летать только ночью.

За период Великой Отечественной войны мне со своими товарищами пришлось совершить 263 боевых вылета, из них 249 сделано ночью. Каждый боевой вылет представлял определенную трудность и большую опасность. Всюду нас подстерегала зенитная артиллерия и аэростаты, а так же и ночные

истребители. К тому же не всегда была благоприятна погода. Все это требовало от экипажей, в том числе и от моего, максимума как морального, так и физического напряжения. Иногда приходилось выполнять боевые задания как при «дожде», только не настоящим, который мы знаем, а другом – дожде зенитных разрывов зенитной артиллерии. Наш экипаж участвовал в боевых операциях, начиная от берегов Черного до берегов Белого морей. Мы бомбили немецкие войска и немецкую технику в Керчи и Выборге, Данциге⁴⁹ и Ростове, Будапеште и Орле, Брянске и Тильзите⁵⁰, Минске и Смоленске, Краснограде и Днепропетровске, Орше и Дебрецене, Бресте и Бреслау⁵¹ и многих других городах и населенных пунктах.

Участвовал наш экипаж и в уничтожении Сталинградской группировки [врага]. А 14.01.1943 г. в воздушном бою над рекой Волгой наш самолет был подожжен истребителем противника, и, как выход из этого положения, нам пришлось спастись на парашютах. Лететь дальше было нельзя, т.к. самолет мог вот-вот взорваться в воздухе. В этом воздушном бою мы уничтожили 2 истребителя и сами понесли тяжелые потери. Мой воздушный стрелок-радист остался без глаз и сгорел наш самолет.

После непродолжительного перерыва в боевой работе наш экипаж после укомплектования снова уже 27.01.1943 г. бомбил ж.-д. эшелоны [на] станции Ростов.

Боевые задания приходилось выполнять в разных профессиях авиационной работы. Наш экипаж в основном бомбил, но иногда приходилось выполнять [другие] задания, как, например, в качестве «фотокорреспондента» или разведчика погоды, а также и в качестве подавителя зенитных точек. Каждый из боевых вылетов представляет маленькую историю военных лет, о чем, к сожалению, приходится иногда вспоминать.

Январь 1943 г. – совершал боевые вылеты на уничтожение Сталинградской группировки. Февраль 1943 г. – бомбил ж.-д. эшелоны на ж.-д. станциях в Ростове, Орле и других местах. Март 1943 г. – совершено 24 боевых вылета по уничтожению войск противника в Орле, также в Нежине, Бахмаче, Гомеле и других местах. Апрель 1943 г. – снова бомбили ж.-д. эшелоны в Орле, а также уничтожали военно-промышленные объекты в Кенигсберге⁵², Данциге, Тильзите и других местах. В мае 1943 г. совершено 15 боевых вылетов, в июне – 20 и т.д. и т.п. Наш экипаж участвовал в ликвидации блокады Ленинграда и разгроме немцев на Курской дуге. Часто бомбили аэродромы. В феврале 1944 г. было совершено 6 боевых вылетов, из них 4 на военные объекты в Хельсинки. В одном из полетов нам удалось сфотографировать попадание своей 1000-килограммовой бомбы, которая взорвала большой склад с боеприпасами и техникой. 26 апреля 1945 г. бомбил Берлин. 27-[го] и 28-[го] бомбил Свинемюнде⁵³, который расположен севернее Берлина.

За период войны в жизни нашей эскадрильи и полка были и тяжелые дни. Очень тяжело и обидно было, когда кто-нибудь не возвращался на свой аэродром. Так было и с моим другом капитаном Фурсом. В одном из полетов

он был сбит, и ему некоторое время пришлось сражаться вместе с партизанами против немцев. Партизаны всегда были верными нашими друзьями. Они часто нас спасали и во многом нам помогали.

Хотя и тяжело, но об этом надо написать. В одном из боевых вылетов, возвращаясь на свой аэродром, экипаж лейтенанта Смирнова был сбит недалеко от Брянска. Немцы вместе с полицией хотели взять его живым, но это им не удалось. Он из личного пистолета застрелил 5 немцев, а потом последним патроном покончил свою жизнь, но не сдался в плен. Этот случай немцы даже использовали в свою пользу. Они захоронили нашего летчика со всеми воинскими почестями. На похоронах говорили своим солдатам и офицерам, чтобы они тоже так сражались и воевали, как этот летчик, которого только что хоронят. Наши экипажи поклялись, что за это мы еще сильнее и страшнее будем мстить врагу. Да, я не писал вам о том откуда мы узнали о гибели нашего летчика. Об этом нам сообщили партизаны. Командование дивизии своим приказом разрешило и узаконило на каждом борту нашего самолета слово «Мстим» (а на моем – «Мститель») за нашего летчика лейтенанта Смирнова.

В октябре 1944 г. наш самолет был вторично подбит ночным истребителем. В результате этого боя я навсегда потерял своего штурмана и друга Н. Андреева. Это было около 3 часов ночи. Это самый тяжелый случай в моей жизни. Все это лишний раз говорит о том, что война – это не прогулка на самолете, а самая настоящая, опасная работа боевая...

Описывать подробно о присвоении каждого ордена и медали я считаю лишним, потому что их названия говорят сами о себе. В свою очередь считаю нужным отметить, что звание Героя Советского Союза мне присвоили 19 августа 1944 г. Орденом Ленина [был награжден] 27 июля 1943 г. Орденом Отечественной войны 1-й степени был награжден 28 августа 1943 г. 1-м орденом Красного Знамени был награжден 22 февраля 1956 г. за овладение полетами в сложных метеоусловиях. Это об орденах и медалях.

А теперь немного о себе. Особого чего-то я за свои годы не сделал. А считаю только единственное, что я честно и добросовестно вместе со своими товарищами выполнял свой долг советского человека и на своем 2-хмоторном бомбардировщике выполнял задания своего командования.

Самый напряженный год в боевой работе был 1943. В нем наш экипаж совершил 185 боевых вылетов. К моменту присвоения звания Героя Советского Союза я вместе с экипажем совершил 236 боевых вылетов, из них 218 ночью, остальные днем.

Один из эпизодов периода Великой Отечественной войны из Сталинградской битвы, который на всю жизнь остался в моей памяти.

Был ясный морозный день, кругом все бело от снега, но около Сталинграда и в самом городе было жарко, и снег потемнел от ожесточенных боев прославленной нашей артиллерии, авиации и битв большого скопления танковых частей. В этот день наш аэродром особенно был оживлен. Экипажи без конца приземлялись и, подготовленные к очередному боевому вылету, снова поднимались в воздух, беря курс на юг к Сталинграду. Технический

состав с удвоенным напряжением готовил свои бомбардировщики, пренебрегая возможными трудностями. Большинство экипажей уже выполнили по два боевых вылета и готовы были идти в третий полет ночью. По возбужденным лицам летного состава было видно, как жарко и какой огромной потерей достается немцам эта битва под Сталинградом. Но экипажам по распоряжению командования был предоставлен очередной отдых для того, чтобы завтра снова со свежими силами вести свои корабли и громить озверелого еще сильного врага, который способен на все в период своего предсмертья.

Для моего экипажа день 14.01.1943 г. памятным останется на всю жизнь. Мы, как и другие экипажи, вели свой самолет в небо под Сталинград во 2-й раз. Мягко работает мотор самолета. Уверенно работает воздушный стрелок-радист, докладывая контрольные рубежи полета. Как одно целое и сердце экипажа, и весь слаженный механизм самолета работают в одном стремлении и порыве ради счастливого момента, когда будет видно с высоты свою работу, ради чего не устают работать и те, кто остался на аэродроме. Внизу могучая река Волга как будто сама показывала нам путь и курс, куда нужно вести свой самолет. В определенное время штурман совместно с воздушным стрелком-радистом докладывали на командный пункт о месте нахождения нашего самолета.

И вот под нами Сталинград. Высота полета – 3300 метров. Штурман установил исходные данные на прицеле и готов к нажатию командной кнопки для сбрасывания бомб. В обзоре прицела появилась наша цель – аэродром, где находились вражеские самолеты. Этот момент экипаж переживает в самом высоком напряженном состоянии. Сердца и чувства соединены воедино. Интонация голоса в экипаже говорит о решающем моменте действий членов экипажа. Нервная система членов экипажа напряжена до предела, чувствуется максимальный прилив крови. Каждый из всех действует быстро, четко и сознательно. Проходят считанные секунды. Самолет как будто замер в оцепенении, потом незначительно его подбросило вверх и одновременно слышится доклад штурмана: «Сбросил». А еще через несколько минут слышится радостное повторение доклада: «Попал!». С хорошим настроением, в приподнятом боевом духе мы развернулись в свою сторону к реке Волга и, довольные результатом выполнения задания, взяли курс на восток, в последующем изменили [его] на свой аэродром. Воздушный стрелок-радист доложил на КП о выполнении задания. День уже кончался. Наши бомбардировщики по одному возвращаются на аэродром.

Так возвращались и мы. Вдруг слышу голос радиста:

– Тов. командир, сзади 3 истребителя стремятся нас атаковать!

– Понял. Валя! Будь внимательней. Отражай их без моей команды, только говори, куда нужно будет тебе повернуть самолет, чтобы как лучше было стрелять.

– Хорошо. Выполняю. Быстро приближаются! Это 109-е⁵⁴.

– Смотри в оба! Действуй!

Не прошло и 2 минут, как слышу его голос:

– Есть один!

По-прежнему опасность для нашего экипажа не [миновала]. Это чувствовал каждый из нас, но больше всего наш воздушный стрелок-радист. Он ближе всех был к опасности – слышны были звуки от ударов снарядов о мою бронеспинку. Штурман был также готов к бою, но истребители вперед особо не выходили и в поле зрения прицела не появлялись. Маневрирую, изменяю положение своего самолета как можно удобнее для стрельбы воздушному стрелку-радисту.

– Тов. командир! Второй истребитель задымил и отвернул со снижением от нас.

Так мы теперь остались один на один – бомбардировщик с истребителем. Под нами Волга. И вдруг слышу:

– Тов. командир я ничего не вижу, не пойму, что со мной! – докладывал мой радист.

Это третий самолет сделал свою работу, после чего нам пришлось покинуть свой самолет, спасаясь на парашютах.

В этот второй раз мы летели на самолете командира эскадрильи. Мы очень дорожили этим доверием своего командира, который предоставил нам свой самолет. На своем же самолете я не смог в этот день выполнять боевое задание ввиду серьезной неисправности в моторе. Для исправления неисправности времени необходимо было 3-4 часа. Это и дало мне возможность во второй раз лететь со своими товарищами на самолете командира АЭ. После доклада радиста я невольно посмотрел за свое сиденье, где проходила бензопроводка, и вижу, что наш самолет горит, в нем оставаться больше нельзя, можно вместе с самолетом взорваться в воздухе. Медлить больше нельзя. Я отдаю команду:

– Всем покинуть самолет без дополнительной команды!

Вижу – штурман выпрыгнул. О своем заднем товарище после своей команды я уже больше никаких докладов не получал, что дало возможность мне думать, что и он покинул самолет. При незначительных трудностях я оставил свой самолет и уже с открытым парашютом нахожусь в воздухе, осматриваясь по сторонам. Вижу вокруг себя на незначительном расстоянии еще два парашюта. Это и были мои товарищи – штурман и воздушный стрелок-радист. Так мы все оказались снова вместе, но только на парашютах под куполом синего неба. Самолет, после того как мы его оставили, как бы снова хотел на нас посмотреть и, прощаясь с нами, сделал сам «мертвую петлю» и где-то вдали ударился о берег речки и взорвался. Как тяжело было наблюдать эту картину при отсутствии какой-либо возможности на его спасение! Какая тяжелая рана оказалась в наших сердцах в этот зимний морозный день! Как было обидно за свое безвыходное положение!

После того, как мы приземлились и собрались вместе, к большому нашему несчастью оказалось, что радист наш потерял зрение и потерял его, очевидно, навсегда. Верный дружбе и боевой славе нашего оружия Иван Леонтьевич, наш верный товарищ, стремился нас успокоить, что он долго лечиться не будет, что наша медицина ему в этом поможет, и он снова вместе

с нами будет выполнять задание, выполняя тем самым свой долг перед Родиной. Но это только одно успокоение. Было видно, что зрения он лишился – одного глаза полностью, а другого в значительной степени. Госпиталь в Средней Ахтубе за р. Волгой, а позже госпиталь в г. Москве так и не помогли его вернуть снова в строй крылатого племени. Так мы и остались без нашего друга и боевого товарища. [Он] по национальности украинец – Линцман Иван Леонтьевич. Таким оказался для нас день 14.01.1943 г. После этого случая с нами летал уже другой товарищ – Зайцев Иван Алексеевич.

Личный архив Л.Г. Дьячкова. Подлинник.

---

* См. наградной лист А.К. Коростелева (№ 1022).

№ 1312

Воспоминания Л. Проворовой (Хмельницкой)⁵⁵ о В.А. Глазкове⁵⁶

Март 1977 г.

В начале февраля 1942 г. я в звании военфельдшера приехала из отдела кадров воздушно-десантных войск продолжать службу в 8-м воздушно-десантном корпусе, которым командовал генерал-майор Глазков Василий Андреевич. Корпус дислоцировался под Москвой.

Я являла из себя неказистого солдата, небольшого роста, с мальчишеской стрижкой, в брюках и гимнастерке и больших кирзовых мужских сапогах.

После доклада адъютанта генералу меня пригласили войти. Я вошла в кабинет. За столом сидел уже немолодой человек с усталым лицом, и мне показалось, что он очень пристально и сурово смотрит на меня. Я вначале немножко оробела – как никак, а к генералу я попала впервые в жизни. Затем, собравшись с духом, поднесла руку к головному убору и писклявым голосом доложила: «Товарищ генерал! Военфельдшер Хмельницкая прибыла в Ваше распоряжение для прохождения службы».

Генерал отложил в сторону бумаги и снова осмотрел меня, как мне показалось, еще с большим вниманием и спросил: «Военфельдшер, а сколько Вы весите?». Вот тут я испугалась не на шутку, и мозг, как выстрел, пронзил: «Не возьмут», и я сказала неправду: «48 килограмм» (на самом деле мой вес был 42 кг).

Генерал улыбнулся, чуть-чуть смерив меня взглядом, переспросил: «Что, вместе с сапогами?» (сапоги у меня были мужские, 42-[го] размера, хотя я носила обувь 34-35-[го] размера).

Затем последовал вопрос, прыгала ли я с парашютом, почему я хочу служить именно в десантных войсках. Я ответила, что с парашютом не прыгала, но буду, обязательно буду прыгать. Видимо, все это я говорила

очень горячо и по-юношески убедительно, что генерал поверил мне и сказал: «Идите».

Через несколько минут адъютант вынес мне предписание, в котором я направлялась на службу в 18-ю воздушно-десантную бригаду. Располагалась она в трех километрах от штаба корпуса. Я не стала ждать электричку и отправилась в бригаду пешком по рельсам.

Вечером я была на докладе у командира бригады подполковника Герасимова. Выслушав мой доклад, комбриг сказал, что начальника сан. службы бригады сейчас нет и он будет только завтра, а вопрос моей службы надо решать с ним. Приказал поселить меня в казарму и обеспечить питанием.

Рано утром следующего дня я была снова в штабе бригады. Видела, как к командиру бригады пришел небольшого роста военврач 2-[го] ранга, но он плохо прикрыл дверь кабинета, и я была невольной свидетельницей их разговора. Военврач 2-[го] ранга (а это как раз был начальник сан. службы бригады Орел) горячо доказывал комбригу, что он привез из Москвы из санитарного управления двух крепких сильных парней-фельдшеров, что им ни к чему девчонка, да еще такая маленькая, там и силенок-то нету, да и вообще зачем нам женщины.

Услышав это, я не удержалась и со слезами вбежала в кабинет и начала что-то доказывать. Но, увы! Последовала команда: «Военфельдшер, кругом марш!», а через несколько минут мне вынесли командировочное предписание с резолюцией ком. бригады «Откомандировать!». Я убежала за угол, хорошенько поплакала и снова пешком отправилась в штаб корпуса.

Долго я просила адъютанта доложить генералу о себе. И когда я перешагнула порог кабинета, то чуть не упала – в кабинете генерала было несколько человек и все высокие чины. С горем пополам я доложила генералу, что меня откомандировали обратно только потому, что я женщина.

Тогда генерал-майор обратился к своему заместителю полковнику Дубянскому со словами: «Что это там за женоненавистники! Пишите им, что я приказываю военфельдшера Хмельницкую назначить фельдшером батальона». Полковник Дубянский с удивлением спросил: «А где же женщина?». И генерал звонко рассмеялся, посмотрел на меня глазами отца и сказал: «Да вот же она – Хмельницкая». Дубянский спарировал генералу: «Товарищ генерал, так это же пацан, а не женщина».

Это была моя первая встреча с генералом Глазковым.

Его приказ был выполнен, и я начала службу в 18-й десантной бригаде фельдшером 3-[го] батальона.

Служба была очень трудная. Меня отягощало то, что меня не хотели, но шло время, бригада активно готовилась к боям в тылу врага. Десантников готовить непросто, началась подготовка к прыжкам.

В начале марта меня неожиданно вызвал командир батальона. Диалог со мной был таков: «Военфельдшер, Вы готовы прыгать на показательных прыжках батальона? Прыгать буду я, комиссар и Вы!». «Так точно», – ответила я. – «Готова». На меня одели парашют. Для верности я несколько

раз потренировалась держать кольцо. Посадили в самолет, и мы прыгнули в установленном месте.

Во время раскрытия парашюта (вследствие так называемого динамического удара) у меня с левой ноги слетел сапог, ветром меня отнесло далеко от площадки приземления, и я приземлилась километрах в 5-6 на снег без сапога. Отстегнув парашют, я в него завернула ногу и стала ждать солдат из команды на площадке приземления.

Вскоре действительно показалась легковая машина, и к моему удивлению из машины вышел генерал-майор Глазков. Я, конечно, встала по стойке смирно и «храбро» доложила, что военфельдшер Хмельницкая совершила первый ознакомительный прыжок.

Генерал нахмурил брови, пригласил командира батальона, вычитал его, как положено, по-военному и дал приказ, чтобы до утра были сшиты сапоги и обязательно по размеру. «Так прыгая, можно и без ног остаться», – добавил генерал.

Это была моя вторая встреча с генералом. Строгий и требовательный был наш генерал, по-человечески прост и заботлив – таков он остался в памяти живых. На другой день я щеголяла в маленьких и необыкновенно красивых, как мне показалось, сапожках.

Третья встреча с генералом В.А. Глазковым была у меня весной 1942 г. Бригада ускоренными темпами осваивала новую технику. Занятия проходили днем и ночью. Готовились к боям. Личный состав горел желанием как можно скорее встретиться с ненавистным врагом. Рапортами об отправке на фронт осаждали командование солдаты и офицеры. «Рабочий день» солдата был таков: марши, стрельбы, броски, учения в любое время суток и в любую погоду.

Офицерский состав батальона отрабатывал приемы стрельбы из нового оружия. Я по своей должности дежурила на стрельбище. То ли была плохая погода, то ли другие причины, но стреляли, в общем, неважно. Появился на стрельбище и генерал Глазков.

Командир батальона построил командиров, доложил генералу. Последний, окинув взглядом строй, остановился на мне и строго спросил комбата: «Почему не все в строю?». Командир батальона ответил, что это фельдшер, и она дежурит на стрельбище.

Последовал ответ генерала: «Ведь ей тоже придется воевать и она должна учиться стрелять, как все».

Я пристроилась на левом фланге. Все были в недоумении, а командир батальона побледнел: ведь никто не знал, умела ли я стрелять и держала ли в руках оружие. Но приказ есть приказ. И на сей раз счастье улыбнулось мне доказать, что [я] равноценный [боец] в батальоне. Все упражнения, которые отрабатывались, я выполнила с оценкой «отлично».

Генерал спросил меня, смогу ли я из личного пистолета выбить три десятки, что я незамедлительно и сделала.

После стрельб личного состава командир батальона построил весь состав, генерал сделал разбор, объявил мне благодарность, поблагодарил за

службу и подарил мне за отличную стрельбу маленький пистолет (в армии его называли Коровинским).

Летом 1942 г. немецко-фашистские захватчики развернули наступление на Кавказ и Сталинград. Положение на фронтах было отчаянное. Фронту нужны были резервы, чтобы остановить врага.

В срочном порядке три воздушно-десантные бригады были переформированы в пехотные подразделения. Моя бригада стала 101-[м] полком, а 8-й корпус стал 35-[й] стр. дивизией. Учитывая особые заслуги десантников в борьбе против немецко-фашистских захватчиков, воздушно-десантные войска были преобразованы в «гвардейские».

После переформирования наших бригад в полки, а корпуса – в 35-[ю] дивизию ее полки и вся дивизия были преобразованы в гвардейские.

В августе 1942 г. 35-я гв. стр. дивизия была на Сталинградском фронте и сходу вступила в бой.

Характеристику боевых действий под Сталинградом дает Евг[ений] Долматовский в своей книге «Автографы победы»: «Мне приходилось бывать в этой дивизии в те времена, и я хорошо помню, из каких людей она комплектовалась. Это были парни воздушно-десантных бригад, не раз участвовавшие в самых отчаянных операциях в тылу противника и на сложнейших участках фронта. На их гимнастерках с голубыми петлицами мы впервые увидели гвардейские знаки. Нормой в 35-й гвардейской, укомплектованной десантниками, было бесстрашие, бесшабашность, прямота. Я думаю, что о них мало написано книг только потому, что эти парни пошли на самый жестокий участок и заслонили собой Сталинград, и мало осталось в живых тех, кто мог бы написать книги».

23 августа – дата, запомнившаяся всем участникам Великой битвы и вошедшая во все исторические труды, мемуары и справочники. Не успев развернуться, застигнутая на марше дивизия преградила путь врагу и атаковала вражескую группировку, прорвавшуюся к Сталинграду. Это был неравный и кровавый бой страшной силы, и немцы к городу не прошли.

Во время этих боев состоялась моя четвертая встреча с генералом. Дивизия вела бой в районе Верхней Ельшанки. Это был суший ад. Невдалеке от КП дивизии расположилась 44-я отдельная рота связи, где я была фельдшером. Под вечер в район расположения сборного пункта раненых измученный, с впалыми от бессонницы глазами, небритый, подошел генерал Глазков и попросил что-нибудь от головной боли. Когда я ему протянула порошок, он горько улыбнулся и сказал: «Что, солдат, воюешь?», я ответила: «Да, воюю». Через несколько часов генерал Глазков погиб.

Пятая встреча с генералом Глазковым произошла 30 лет спустя в дни празднования 30-летия Победы. Эта встреча была в парке г. Сталинграда, где покоится прах В.А. Глазкова. Шесть оставшихся в живых воинов бывшего 101-[го] гв. стрелкового полка в скорбном молчании склонили головы над могилой своего командира, человека с чистой душой и большим сердцем, коммуниста, генерала В.А. Глазкова.

№ 1313**Из воспоминаний Г.К. Мухальченко⁵⁷**

1978 г.

[...]*. В конце концов наша рота почти в полном составе стала 1-й ротой 38-[го] отдельного гвардейского саперного батальона 35-[й] г.с.д. Соответственно произошли и изменения в наименовании наших бригад в стрелковые полки: 100-[й], 101-[й] и 102-[й].

Через несколько дней, в конце июля, нас погрузили в эшелон, мы направились в путь. Куда едем – не знали. Когда проехали ст. Грязи, поехали на юг. Все сразу же поняли, что мы едем или на Кавказский фронт или же на Сталинградский. По пути мы несколько раз подвергались обстрелу фашистских самолетов. Бомбежка была один раз ночью – правда, без особых последствий.

Не доезжая до Сталинграда, в нашем эшелоне загорелась автомашина, которая стояла на платформе, мы ее сбросили под откос, машина была легковая – кажется, М-1.

Выгружались мы на ст. Бекетовка. Выгрузка производилась под вечер. После выгрузки мы отошли от станции приблизительно на километр. Это было в районе кладбища.

Почти всю ночь мы лежали, все пытались уснуть, но не могли. Мимо нас проходили раненые, и каждый из нас пытался уяснить положение на фронте. Кое-кто из раненых говорил правду, кое-кто добавлял от себя, а у кое-кого даже было паническое настроение.

Для меня и моих товарищей было одно ясно: немец прет – и прет крепко, и нам придется с ним сражаться насмерть. Этой ночью был небольшой налет разведывательной авиации, были сброшены «фонари» и небольшой обстрел.

На рассвете нас построили, и мы тронулись в путь. Куда пошли – я не помню названия, но двигались на юго-запад, так как после обеда остановились на пригорке, в посадке, и нам приказали окопаться. Я помню, что солнце заходило справа и чуть впереди. Сейчас я знаю, что мы окопались в районе р. Червленая. Дни стояли очень жаркие, воды достать было трудно, мы наливали фляги дважды из ручья в балке.

На второй день или на третий (точно не помню) нам приказали построиться и «шагом марш». Шли мы в основном ночью, причем почти на север и вышли на ст. Котлубань.

Вокруг ст. Котлубань фронтом на северо-запад расположились части дивизии, а где точно кто, я не помню (да и не знал), просто интересовались, есть ли кто впереди или нет, и есть ли соседи справа и слева. Наш батальон получил задачу на минирование высоты на северо-запад от ст. Котлубань, где расположился один из наших стрелковых батальонов.

Наш взвод, в том числе и я, заминировал дорогу и скаты высот, а также и другие места, лощины. Когда начался бой, мы заканчивали минирование и вышли к своей роте. После первой или второй, или третьей атаки немцев, которые были отбиты, нам дали задачу заминировать слева и справа лощины между высотой и станцией Котлубань.

В это время был ранен Рубен Ибаррури – сын Долорес Ибаррури. Я помню, что его погрузили на телегу и отправили на ст. Котлубань.

Одновременно с атаками пехоты и танков станция была подвергнута бомбардировке с воздуха большим количеством самолетов, причем одни улетали, а другие начинали бомбежку. Очень много товарищей, боевых друзей было потеряно в этот день – погибли Досичев А., Гайденко Н. и др.

С наступлением вечера бои затихли, самолеты не бомбили, наступила непривычная тишина. Мы поужинали и только хотели приспособиться отдохнуть, как команда поступила построиться. При построении нам сказали, что мы будем прорывать дорогу, на которой остановились немецкие танки с пехотой, запретили курить, и проверить каждому, чтобы не было шума и звона оружия.

При прорыве мы были во втором эшелоне, т.е. шли вместе со штабом дивизии. Коридор прорыва был солидный (метров 300-400), на дороге горели танки, автомашины, бронетранспортеры, была непрерывная стрельба на флангах и вспышки осветительных ракет.

К рассвету мы вышли на р. Россошку. Штаб дивизии сначала расположился в деревне, а затем перешел на высоту, что восточнее реки метров 800-1000, за двумя ветряными мельницами. Наши роты расположились на скатах высоты фронта к реке, как бы составляли 2-ю линию обороны, одновременно охрану штаба дивизии (КП).

При марше со ст. Котлубань на М[алую] и Б[ольшую] Россошки у нас в батальоне произошли большие потери – то ли погибли в ночном бою, то ли пропали без вести, не знаю, но с нашего взвода осталась половина.

Ночью мы ходили за реку в боевые порядки наших полков и производили минирование предполья, дорог, снимали охранение, вместе с разведчиками брали «языков» и, как ни странно, считали убитых немецких солдат по снятым ремням с убитых фашистов. Причем часто происходили перестрелки, а порой и ночной бой разведчиков.

Днем шли жестокие бои наших полков с наступающим противником. Мы занимали фронт по р. Россошке и деревням Малая и Большая Россошки приблизительно 8 дней, т.е. 8 дней и ночей мы не сделали ни шагу назад, пока не было приказа о смене позиций.

Во время этих боев один солдат нашей дивизии из ружья ПРТ** подбил немецкий самолет «юнкерс-87», двухмоторный бомбардировщик. После этого началась массовая охота за самолетами противника из всех видов оружия. В числе «охотников» был и я. В результате этой «охоты» один из Ю-88 сбросил на мой окоп бомбу в 0,5 метра, и я по случайности остался жив, но был контужен.

Приблизительно часа в 4 утра, когда мы вместе с нашим командиром отделения ст. сержантом Удаловым возвратились с минирования, мы увидели сборы батальона и узнали, что есть приказ отойти по балке, а затем по открытому полю в направлении на ст. Воропоново. Во время отхода нас в течение всего дня бомбили самолеты и обстреливала артиллерия противника. Как потом стало нам известно, части соседних с нами дивизий после кровопролитных боев потеряли почти весь личный состав, и фашисты по трупам наших бойцов обошли нашу дивизию с флангов.

Что творилось при отходе, трудно передать. Усталые солдаты, охрипшие командиры, все в пыли, в дыму, сто метров бегом, сто метров ползком. Обезумевшие лошади, непрерывные бомбежки, обстрелы, стоны раненых, трупы убитых. Это был не отход, а избиение в дневное время безнаказанно солдат. Мы порой открывали огонь по самолетам из винтовок и автоматов, но особых результатов не было.

Тогда мы думали, что это все вредительство. Сейчас, зная обстановку, мнение мое изменилось. Да, это было единственно правильное решение на отход, чтобы не потерять всех солдат совсем.

И, несмотря на все это, мы к вечеру, усталые и измотанные, вышли по оврагам к станции Воропоново, расположились во дворе церкви, где вместе с разведчиками поужинали. Нам дали колбасы, хлеба, консервы и по 100 граммов водки.

Ночь прошла сравнительно спокойно, летали самолеты – и наши «кукурузники», и немецкие ночные охотники-разведчики, которые сбрасывали осветительные ракеты, а затем бомбили и вели обстрел по площадям.

К утру мы заняли оборону по западной окраине д. Ельшанка по арбузному полю. С утра началось все сначала: обстрел, бомбежка ст. Воропоново. Изредка попадало и нам, но к часам 9-10 утра мы хорошо окопались, вырыли себе одиночные окопы на полную глубину так, что особых потерь мы не имели.

Как только мы начали соединять окопы траншей, поступила команда выйти на восточную, чуть южнее, окраину, на высоту и оборудовать НП командира дивизии. К вечеру мы отрыли две землянки и НП – открытый котлован, где была установлена стереотруба.

За ночь мы оборудовали еще несколько землянок, а также сделали ходы сообщения между НП и блиндажами. Днем мы видели на западной окраине станции движение танков, которые двигались в сторону города, а также слышно было, как восточнее станции шли тяжелые бои. Как потом мы узнали, в районе переезда через ж.д. в сторону города было подбито более 10 танков, и этим боем руководил политрук роты Герасимов Иннокентий Петрович, которому за мужество и отвагу, а также личное участие в уничтожении танков фашистских захватчиков было первому в дивизии присвоено звание Героя Советского Союза.

Во время боев командир дивизии генерал-майор Глазков В.А. все время находился на НП дивизии. Мы, саперы и разведчики, охраняли НП и штаб дивизии – КП, который находился метрах в 500-700 от НП восточнее.

7 сентября 1941 г.*** при переходе из НП на КП дивизии генерал Глазков В.А. был ранен в ногу, ему сделали перевязку, и он продолжал руководить боем дивизии. Общую обстановку я не знал и боюсь судить о боевых действиях наших полков. Знал и видел, как сражались насмерть наши гвардейцы, и противник продвигался только по трупам защитников города Сталинграда.

8 сентября для дивизии были самые тяжелые часы: полки дивизии в результате кровопролитных боев были обескровлены, людей осталось в ротах до 20 человек⁵⁸, а в отдельных и того меньше.

Противник не прекращал атаки на нашу оборону. Солдаты и офицеры, сержанты и политработники показывали образцы мужества и героизма. Легкораненые оставались в строю и сражались не на жизнь, а насмерть. Противник трупами устилал поле боя, но атак не прекращал, атаки постоянно поддерживала авиация, танки и артобстрелы.

Во время одного артобстрела при переходе из НП в этот день – 8 сентября – был ранен в область поясницы командир дивизии генерал Глазков В.А. Ему помогли добраться до КП дивизии, до землянки, где медработник л-т м/с Проворова Галина сделала ему перевязку, подошедший врач капитан м.с. (фамилию не помню) сказал, что командира надо эвакуировать в госпиталь.

Была дана команда, чтобы под прикрытием лесопосадки подошла легковая автомашина М-1 черного цвета. По прибытии машины генералу помогли сесть на заднее сиденье автомашины. Когда генерал был в машине, в это время начался артобстрел с минометов «ванюша», и одна из мин попала в заднюю часть машины (в крышу машины). Некоторые утверждают, что был налет авиации, и в машину попала авиабомба, я категорически утверждаю, что в это время налета авиации не было. Автоматчики противника были от КП дивизии на расстоянии 200-260 метров.

От разорвавшейся мины генерал был ранен осколками в голову – в тыльную часть, в затылок. Машина загорелась, водитель был ранен. Нам, 8 солдатам (саперам, связистам и разведчикам – мы все были в траншее и вели бой с автоматчиками, находились в 15-20 метрах от машины), приказали вынести генерала из машины и отнести в тыл. При освобождении генерала из машины и переноске его в траншею у нас было ранено и вышло из строя 4 человека. Нам дали еще 4 человек. Затем на плащ-палатке вдоль лесопосадки мы начали выносить тело командира, причем, когда выносили, то было ранено еще 4 человека. Сначала мы ползли, так как автоматчики были в 200-300 метрах, четыре человека тащили плащ-палатку с командиром, четыре отстреливались. Со мною, помню, был тов. Фелендук и ст. сержант Удалов, который был также ранен. Затем, когда пересекли балку и скрылись за бугром, мы его несли, согнувшись.

Через некоторое время мы вышли в расположение артиллерийских позиций 10-[й] дивизии МВД**** Сталинградской области, которые дали нам автомашину, на ней мы повезли тело генерала к переправе. По дороге нас дважды бомбили самолеты противника, но благодаря искусству водителя в нас не попали, кто-то из солдат был легко ранен.

Так как с-т Удалов был ранен в обе руки, я стал старшим этой команды. Он сказал: «Ну, давай, Гриша, действуй». Приехал к переправе, машина встала в ряд с другими автомашинами. Я слез с машины и пошел вдоль улицы к переправе. По дороге я встретил ехавшего на мотоцикле с коляской майора, которому доложил о нашей машине. Майор посмотрел документы, которые были у меня, посадил меня на мотоцикл, и мы поехали к нашей машине.

Подъехав к машине, он приказал раскрыть плащ-палатку и посмотрел на петлицы генерала, после приказал водителю ехать за ним к переправе. Мы подъехали к переправе, на пароме было уже 4 машины, нас погрузили, и мы поехали на левый берег, паром подымал 6 машин.

После выгрузки мы направлялись в штаб тыла 62-[й] армии. Прибыв в штаб, я доложил одному из офицеров, который провел меня к начальнику штаба, где я доложил о гибели генерала, а также подробности его гибели и все, что знал об обстановке на поле боя наших гвардейцев. Одновременно отдал ему документы генерала: удостоверение личности, еще какие-то документы и деньги (около 5000 руб.). Это все генерал приказал одному из находящихся здесь офицеров забрать и куда-то отнести.

Генерал приказал также сделать гроб, выставить почетный караул из офицеров (4 чел.), нас накормить и отвести место для отдыха. Поужинав, мы пошли к генералу и попросили разрешения включить нас в состав караула, чтобы мы от всего личного состава дивизии отдали последний долг своему командиру. Генерал разрешил. Мы всю ночь посменно с офицерами караула несли караул у гроба командира дивизии.

Приблизительно часов в 10-11 дня 9 сентября 1941 г.*** после краткой речи генерала под звуки ружейного салюта мы опустили гроб с телом генерала в могилу. Похоронен он был между двух дубов недалеко от офицерской столовой. После этого нам приказали ехать в тылы дивизии. Мне выдали справку о сдаче документов генерала и о его захоронении.

Прибыв в тылы дивизии, мы доложили кому-то из офицеров, и нам сказали, что нас направят учиться на сержантов. Ночью, посоветовавшись между собой, мы решили уехать в Сталинград. На рассвете на этой же машине мы приехали на переправу, я показал документы, и нас, 6 человек, переправили через Волгу. Шоферу написали записку, чтобы он передал командиру роты. В ней мы написали, что пока дивизия в боях, мы будем вместе со всеми, а учиться будем после боя.

Прибыв в штаб дивизии (а он располагался в районе элеватора возле трубы через железную дорогу под горой у реки), я сдал документы и пошел в свою роту – штаб батальона.

Затем принимал участие в обороне элеватора. Потом его оборону передали морякам. Ходил под руководством комиссара дивизии полковника Лисичкина Е. и полковника Дубянского (бывшего НШ, а после гибели командира дивизии – ее командира).

По приказу полковника Лисичкина, через дивизионного инженера вместе с рядовыми Звонаревым и Метелевым уворовал лодку. Звонарев был ранен, а затем, когда мы ее перегоняли по Волге от немцев, был ранен Метелев. После этого, переоборудовав ее для перевозки раненых, я вместе с писарем батальона Дайнеко переправили на остров 20 человек раненых наших солдат и командиров. Обрато привезли питание для радиостанции.

После этого при причаливании к берегу в районе дамбы над берегом лодку нам разбило, и мы возвратились в штаб дивизии, который располагался в штольне возле церкви у реки Царица. Участвовали в минировании и разминировании, а также отбивал атаки фашистов.

Как-то в церкви мы варили обед из концентратов, а в это время наши Илы шли на бомбежку, и у одного из самолетов оторвалась авиабомба, которая попала в церковь, но не взорвалась. Это было наше военное счастье.

Затем штаб дивизии перешел на берег Волги, где впадает река Царица. Мы продолжали вести оборону и выполняли работу от стрелка до сапера, то есть делали, что прикажут.

Помню (и это подтвердил при посещении его в госпитале полковник Шнайдер, НШ дивизии), что мы переправлялись на железном понтоне 28 сентября, и последним в числе других был он.

Батальон переправил 247 человек на левый берег р. Волги из состава нашей дивизии. После переправы мы собрались на левом берегу Волги выше города Сталинграда, где 2-3 дня приводили себя и оружие в порядок, а затем был марш на ст. Ленинская, где и погрузились в эшелон и направились в г. Данилов Ярославской обл.

За бой в Сталинграде я был награжден медалью «За отвагу» и «За оборону Сталинграда». [...]*****.

ГАСПИТО. Ф. Р-9055. Оп. 1. Д. 67. Л. 4-10. Подлинник машинописный.

* Опушены воспоминания об обучении и службе в отдельной минно-подрывной роте 17-й воздушно-десантной бригады 8-го воздушно-десантного корпуса.

** Так в документе. Следует читать – ПТР.

*** То же. Правильно – 1942 г.

**** То же. Правильно – НКВД.

***** Опушены воспоминания о дальнейшей военной службе.

№ 1314

Из воспоминаний И.А. Козодаева⁵⁹

1989 г.

[...]*. Меня взяли 19 августа сразу на Радугу, в Тамбов, на формируемый пункт. Обмундировали за четыре дня и по частям назначили кого куда – кого в танкисты, кого в пехоту. Часть нашу кружили долго – то к Ростову, то к Воронежу.

Подъехали к Волге у Саратова. Через Волгу эшелон переправляли по четыре вагона. Прошли пешком семьдесят километров до станции Кротовка, подготавливались там полтора месяца, а время уже сентябрь 1942 г. – вот сколько нас кружили. Говорили: «Вас на фронт не берут, оружия вам нету». У меня пулемет был. К нему три коробки по три диска. Вставил диск попробовать, а с первого патрона ствол разодрало. Я к командиру, говорю: «Что такое?», а он: «Брось этот пулемет, там другой возьмешь». Такое вот у нас оружие было, даже патронов на всех не хватало. Оружие у кого было, а у кого и нет. Правда, ботинки английские давали – носки поудобнее, гвоздей много набито и не гнулись.

Кормили плохо, даже вода не всегда была. Раз пошел с котелками к бочке, воды налил, а тут снаряд рядом, котелки покорежило, контузило немного, а воды так и не попил. Раз, видели, фляга стоит, подошли втроем, посмотрели, а там сало порезанное, есть охота, ну и взяли себе по котелку. Водки там никогда не давали, кое-где давали бутылку на трех человек, а нам ни разу.

Прибыли на фронт 7 сентября 1942 г., а в ноябре-декабре нас, 13 тысяч, сдал Рокоссовский в плен.

Лагерь был у нас на Украине – станция Дубовка-Ремонтная. Народу там было очень много. Лагерь – конюшня, коровник. Есть не давали. Немец одного за разговоры догнал и финкой в шею вдарил несколько раз. А некоторых и холостили (кастрировали). Командира взвода видел, как его в лагере отводили. И еще один земляк, он после войны в Рассказово жил, его тоже. А выбирали самых плотных, красивых. Командир взвода черненький такой был, стройный. В общем, самых ровных выбирали.

Раз не кормят – надо бежать. Втроем из лагеря и уползли, один [из нас] уже раз был в бегах. Так и ползли по Украине. Ночевали в омете, а когда и где придется. Украина добрая была, кормили, хлебушка попросишь – дают. Так и пристрял у одного хозяина. Немцы, когда уходить начали, стали с собой народ угонять. Ну, меня в сарае и схоронили.

Наши пришли в 1943 г., сразу сказали: «Идите в особый отдел». Прошел три особых отдела. Собрали нас таких в Подольске – ух, и много народу там было! Отправили меня в Молотовскую область, в шахты Ленина.

Жили все в бараке, вначале охраняли, потом перестали. Кормили хорошо, хлеба было до отвала, чай, первое с мясом. Баня почти каждый день была. Работали в лаве, руду добывали. Первая лава – проход один метр высотой, работать можно было только на четвереньках. Во второй лаве высота была метра три-четыре, тележки подводили и руду взрывали динамитом. Сначала работал во второй лаве, потом несколько дней в первой. У меня была контузия руки, договорился с врачом, он меня и освободил от работы в шахте, стал хлеб резать. Проблем никаких не было, даже с водкой.

Работало на шахте много немцев наших – с Поволжья. Бригадиром один был у нас молодой, красивый, по фамилии Гиль. Хохлов было много.

Отправляли и на фронт из шахт – кого на передовую, кого в службу на аэродромы. Я комиссию с рукой не прошел и в январе 1945 г. меня отпустили. Доехал до Котовска, а там пешком домой.

Личный архив В.Л. Дьячкова. Подлинник.

---

* Опущены сведения биографического характера довоенного периода.

№ 1315

Из воспоминаний П.Н. Фадеева⁶⁰

Не позднее 1998 г.*

[...]**. 28 октября 1941 г. меня призвали в армию. Оставил я дома жену и пятерых малых детей.

До апреля 1942 г. мы, котовчане, вместе с другими мужчинами работали на строительстве оборонных укреплений на правобережной части реки Волги в Саратовской области (Аткарск, Балашов и др. населенные пункты). Нас не обмундировали, довольно плохо кормили, ночевали мы в крестьянских избах. Условия были очень тяжелые. И так до апреля 1942 г.

Затем нас перевели в Воронежскую область, где выдали обмундирование, и в апреле 1942 г. в селе Осички мы приняли присягу. Мы поклялись не щадить своей жизни, защищать нашу Родину до последней капли крови.

В первых числах мая 1942 г. мы вышли в направлении г. Купянска Харьковской области. Шли всю ночь. Небо заволкло тучами, было темно. Влево от нас виднелись контуры леса, вдаль за ним то и дело вспыхивали немецкие осветительные ракеты. Подошли к дотла сожженному немцами большому селу Хотомля. Страшное зрелище. Всюду виднелись оставшиеся печные трубы, закопченные кирпичные хаты без крыш. Пахло гарью, пожарищем, чем-то страшным.

10 мая 1942 г. вышли к реке Северский Донец под Харьков. Здесь нас распределили по воинским частям. Я попал в 343-[й] полк в химвзвод. Получили винтовки, патроны, каски, гранаты, противогазы.

Немцы были от нас близко и постоянно о себе напоминали. Неожиданно налетели бомбардировщики. Стоял страшный гул, свист, взрывы бомб, хруст падающих деревьев, дым – все это слилось в страшный грохот. Мы выскочили из землянки и увидели, что девять «юнкерсов» бомбили лес и все, что укрыто в нем.

Так началась моя война. Расстояние до неприятельских окопов – не более 100 шагов. Нейтральная полоса завалена трупами наших воинов и немцев. Погода жаркая. Смердящий запах трупов и вонь пороховой гари распространяются по всей линии фронта. Непрерывная орудийная,

пулеметная и ружейная стрельба из тысячи стволов, взрывы мин, гранат, снарядов, гул самолетов, скрежет танков, безумные крики атакующей пехоты сливаются в страшный вой.

В начале июня 1942 г. наш 343-[й] стрелковый полк вместе с другими частями 38-[й] действующей армии были переброшены в район г. Балаклеи, километров 100 южнее Харькова. Затем наши части подошли к г. Изюм. Мы должны были сдержать бешеный натиск огромных фашистских полчищ, рвавшихся к г. Сталинграду. Здесь были тяжелые бои. Нас бомбили более 50 вражеских самолетов. При переправе через реку Оскол я был ранен в ногу, но в медсанбат не пошел.

Принимал участие в боях за город Ростов, Луганск в составе 564-го гаубичного полка 3-го стрелкового батальона Кантемировской дивизии. Наш полк был расположен в селе Кабычевка, что в 7-8 километрах от села Кризское. Батальон был послан в село как заслон. Задача состояла в том, чтобы не пропустить окруженных немцев.

Весь день 1 января 1943 г. с утра до вечера в смертельной схватке с превосходящими силами врага сражались и умирали, но не пропустили его в село Кризское.

Немцы, прорываясь из окружения, наткнулись на наш отряд. Их было человек 200, а нас 45. Мы рассыпались цепью. Завязалась ружейная перестрелка, которая длилась долго. Пали немцы, а нас оставалось все меньше. Кончились патроны – еще минута, и немцы поймут это и пойдут в атаку. Положение тяжелое.

К нашей радости какая-то девочка принесла нам два ящика патронов. В этом бою я был ранен в руку. Из 45 человек, которые были в заслоне, осталось в живых 7 раненых воинов, остальные погибли. Задание свое мы выполнили с честью. Воины были героями. Меня, раненого и контуженного, отправили в госпиталь, после лечения комиссовали и отправили домой.

Так в 1943 окончилась для меня тяжелейшая пора в жизни – Великая Отечественная война. На войне я получил единственную медаль «За боевые заслуги». [...]***.

ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 5. Д. 5. Л. 30-32 об. Подлинник.

---

* П.Н. Фадеев умер в 1998 г.

** Опушены биографические сведения довоенного периода.

*** То же послевоенного периода.

№ 1316

Из воспоминаний В.П. Баранова^{61*}

5 мая 1978 г.

Осенью 1942 г. согласно директиве Ставки Верховного Главнокомандования на Тамбовщине формировалась 2-я гвардейская армия –

крупное оперативное объединение, предназначавшееся для решения особых боевых задач.

Ноябрь 1942 г. Под звуки оркестра уходили из города курсанты-добровольцы Тамбовского пулеметного училища. Среди них – рассказовцы Лев Пучков, Василий Каретников, Александр Безгин, Степан Никулин и другие отличники боевой и политической подготовки.

И вот мы – бойцы 2-й гвардейской армии. Тамбовские леса и степи превратились в огромный полигон, на котором отрабатывалось воинское мастерство будущих фронтовиков. Нам по 18-19 лет, и поэтому мы с особым уважением смотрели на воинов-ветеранов, которые уже не раз побывали в жесточайших схватках с врагом, старались перенять их боевой опыт.

Мы учились действовать в любое время суток, в любую погоду. Особое внимание уделялось подготовке пулеметчиков, минометчиков, наводчиков орудий, стрелков из противотанковых ружей, автоматчиков.

Ежедневно проводились пешие марш-броски с полной выкладкой на расстояние 15-20 километров. Учеба продолжалась 11-12 часов в сутки, почти около половины этого времени обычно отводилось на подготовку к ведению боя в ночное время. Не знали мы, что подготовка шла в условиях, приближенных к тем, в которых нам пришлось воевать. Даже сильные снегопады и метели не могли остановить темпов подготовки.

В частях велась активная политическая подготовка. Хорошо помню комсомольскую конференцию, которая проходила в здании, ныне занимаемой средней школой № 6. В зале сидели молодые люди, одетые в форму моряков, курсантов авиационных, танковых, пехотных и других училищ. В гвардейскую часть только что прибыло новое пополнение. На конференции горячо обсуждался вопрос о необходимости овладения боевым мастерством в кратчайший срок. Все чувствовали, что до отправления на фронт оставались считанные дни. Об этом было нетрудно догадаться по сводкам Совинформбюро. Положение на фронте становилось все более напряженным. Дни и ночи гремели бои между Волгой и Доном. На небольшом пространстве фашисты сосредоточили пятую часть всех пехотных и треть танковых сил. В направлении на Сталинград было брошено пятьдесят отборных фашистских дивизий. Именно сюда на выручку защитникам Сталинграда хотелось попасть и нам. Здесь теперь решалась судьба Родины.

И вот долгожданный час настал. В начале декабря 1942 г. эшелонами мы отправлялись на фронт со станции Платоновка...

12 декабря немецко-фашистское командование бросило в наступление крупные силы из района Котельниково вдоль железной дороги Тихорецк–Сталинград с целью прорваться к замкнутой в кольце окружения многотысячной группировке Паулюса. По плану фашистского командования танковые соединения должны были молниеносно форсировать реку Аксай, стремительно преодолеть обороняемый измотанным в боях небольшим количеством советских бойцов рубеж реки Мышкова и в районе

Ерико-Крепинского встретиться с войсками специально созданной Паулюсом группой прорыва.

Положение было как никогда опасным. Именно сюда, к берегам малоизвестной степной речушки, и подошли соединения нашей 2-й гвардейской армии.

Навстречу колючему ветру, по глубокому снегу, по сплошному бездорожью шли танки, артиллерия и пехота. Морозные ночи сменялись слякотью дневных оттепелей. Наши валенки и шинели, промокшие за день, к вечеру промерзали, затрудняли движение. На привалах не было ни теплого крова, ни просто затишья, где было бы можно укрыться. Все окрестные села были разрушены и выжжены фашистами...

Но мы упорно шли вперед, преодолевая по 40-50 километров в сутки. Выучка, полученная гвардейцами в дни учений на тамбовской земле, теперь пригодилась. Впереди слышались глухие раскаты орудийной канонады. Над нами беспрерывно висела немецкая авиация. Приближалась линия фронта.

Как писал впоследствии фашистский фельдмаршал Манштейн, армейская группа «Гот» была наиболее близка к достижению поставленной перед ней цели 19 декабря 1942 г., когда расстояние до первой полосы обороны окруженной армии Паулюса сократилось до 35-40 километров. Именно в этот день немецко-фашистским войскам удалось ценой огромных потерь захватить хутор Верхне-Кумский и прорваться к реке Мышкова, но они встретили здесь стойкое сопротивление советских войск. Это были соединения 2-й гвардейской армии, которые буквально на несколько часов упредили противника с выходом к степной речушке, вошедшей впоследствии в историю.

Героическими усилиями 2-й гвардейской армии план деблокады окруженных войск под Сталинградом со стороны Котельниково был сорван.

В 8 часов утра 24 декабря 1942 г. 2-я гвардейская армия начала свое первое наступление. Противник цеплялся за каждый рубеж. Особенно отчаянно сопротивлялись фашисты в районе Верхне-Кумского и Васильевки. Дело дошло до ожесточенного рукопашного боя. На улицах, в домах и подвалах освобожденного поселка осталось более 500 вражеских трупов, 20 врытых в землю танков и другая боевая техника.

На направлении главного удара успешно вела наступление 24-я гвардейская дивизия генерала П.К. Кошевого, входившая в состав 2-й гвардейской армии, в которой стойко сражались бывшие курсанты тамбовских военных училищ. Гвардейцами был захвачен хорошо укрепленный вражеский узел обороны – хутор Верхне-Кумский. Это создало благоприятные условия для ввода в бой главных сил, которые широким потоком устремились во фланг отступающего противника. Расстояние между Сталинградским котлом и Котельниковской группировкой противника резко увеличилось.

Сбитые с позиций на реке Мышкова, фашисты спешно отходили к речке Аксай. По этому поводу впоследствии в своей книге «Утерянные победы» Манштейн вынужден был, сокрушаясь, писать: «Итак, теперь и на

фронте восточнее реки Дон пробил час, когда инициатива перешла в руки противника...». Даже враги наши не могли скрыть значения побед 2-й гвардейской армии.

Итогам оборонительного сражения советских войск на рубежах реки Мышкова дал высокую и, скажем прямо, справедливую оценку немецкий военный историк Ф. Меллентин, который писал: «Не будет преувеличением сказать, что битва на берегах этой безвестной речки привела к кризису третьего рейха, положила конец надеждам Гитлера на создание империи и явилась решающим звеном в цепи событий, предопределивших поражение Германии».

Утром 29 декабря после ожесточенного ночного боя гвардейцы захватили поселок Котельниково, от которого начал свой бесславный трехдневный поход к Сталинграду на выручку окруженной группировке фельдмаршал Манштейн.

В боях за Котельников неприятель потерял около 3000 человек убитыми и пленными, 65 орудий и минометов, 15 самолетов, а также огромные склады с боеприпасами и продовольствием, которые предназначались для переброски под Сталинград для окруженной группировки. Остатки танковой группы «Гот» под давлением соединений 2-й гвардейской армии отходили за реку Сал.

Вечером 31 декабря танковые подразделения 2-й гвардейской армии внезапно ворвались на улицы города Тормосин. Перестала существовать еще одна группировка врага. Гвардейцы захватили огромные склады с боеприпасами, снаряжением и продовольствием.

Разгромив совместно с другими частями Котельниковскую и Тормосинскую группировки противника, гвардейцы 2-й армии с боями продвинулись на 100-150 километров и таким образом полностью ликвидировали угрозу деблокады окруженной под Сталинградом группировки Паулюса. Бойцы 2-й гвардейской армии за несколько дней пленили 16000 солдат и офицеров противника, захватили 347 орудий, 70 танков, сотни пулеметов. Пресловутый план «Зимняя гроза» окончился позорным провалом.

Участник Сталинградской битвы, бывший воин 2-й гвардейской армии, ныне лауреат Государственной премии СССР писатель Юрий Васильевич Бондарев посвятил этому историческому эпизоду яркие и правдивые страницы в своем романе. Роман получил несколько необычное по форме название «Горячий снег». Название необычное, но удивительно меткое. [...]**.

ГАСПИТО. Ф. П-9019. Оп. 1. Д. 1323. Л. 3-7. Подлинник.

* См. письма В.П. Баранова Е.М. Лисичкиной (№ 584-595, 1249), письмо Е.М. Лисичкиной В.П. Баранову (№ 583).

** Опущены воспоминания о поездке группы участников Сталинградской битвы – выпускников Тамбовского пулеметного училища на места боев 2-й гвардейской армии в 1978 г.

№ 1317

Воспоминания М.И. Гурина⁶²

26 декабря 2000 г.

Мой боевой путь в составе 90-й отдельной танковой бригады (41-й гвардейской Краснознаменной ордена Кутузова танковой бригады) в период Великой Отечественной войны говорит сам за себя: от Харькова до Сталинграда, от Сталинграда через Полтаву, форсирование Днепра, г. Кременчуг, ж.-д. узел Пятихатка, Кривой Рог, Кировоград, Новоукраинка, Корсунь-Шевченково, Яско-Кишиневская операция, Румыния (г. Плоешти), Болгария (г. Шуман), Венгрия (г. Орад, г. Оридео Маре, г. Дебрецен, г. Мишкольц, озера Веленце, Балатон, г. Секешфехервар, г. Будапешт), Чехословакия (г. Братислава, г. Брно, г. Прага).

Война на западе закончилась (для меня и других моих однополчан – 11 мая 1945 г.). Германия капитулировала. Оставался неразбитый враг на Востоке – Япония. Погрузившись в эшелоны по ж.-д. до Читы, далее своим ходом по монгольским степям, раскаленным пескам безжизненной пустыни Гоби, скалистым хребтам Большого Хингана, по топким непроходимым болотам Маньчжурии, через селения ставки князя Тушету-Ван, города Таонань, Чанчунь, Мукден, Дальний, Порт-Артур и «на Тихом океане свой закончили поход».

Это не одна тысяча километров фронтовых дорог с боями. Путь, политый потом и кровью. Холод и голод. Горькие слезы при отступлении, радостные глаза доблестных побед. Мне, как и другим участникам войны, не один раз приходилось смотреть смерти в глаза. За период боевых действий я четыре раза был ранен, из них два тяжело. Все время воевал на танках отечественного производства – КВ и Т-34. Начал воевать лейтенантом – командиром взвода. Закончил майором – начальником оперативного отдела штаба танковой бригады. Во время боевых действий часть входила в Юго-Западный, Сталинградский, 2-й и 3-й Украинские, Забайкальский фронты. За боевые заслуги награжден орденами и медалями. В том числе болгарским и корейским. Всего 23 единицы. Мне есть что рассказать о героических подвигах советского народа на фронте и в тылу. Не знаю, как получится, но начну все по порядку, насколько память еще не изменяет.

Первые бои были за города Харьков, Изюм, Барвенково. Май-июнь 1942 г. в районе с. Старый Салтов, г. Чугуев. 5 мая 1942 г., преодолев передний край, части завязали бой в глубине обороны противника. Мой танк КВ с другими танками огнем и гусеницами громил врага. Досталось и нам. День клонился к вечеру, бой затихал. От огня артиллерии немцев башню и орудие нашего танка заклинило. Вести огонь из орудия и башенных

пулеметов было невозможно. В итоге боя вокруг танка лежало десятка два трупов вражеских солдат и офицеров, пять сгоревших и подбитых танков, шесть 37-мм противотанковых пушек, батарея 105-мм орудий, два раздавленных дзота. Осмотрев свой танк, на его корпусе мы обнаружили 49 вмятин от артиллерийских снарядов, 4 сквозных пробоины от подкалиберных снарядов. Продолжать боевые действия экипаж танка не мог. Танк эвакуировали в тыл, где ремонтники устранили повреждения. Пополнив боеприпасы, заправив горючим, экипаж снова стал в строй 204-го танкового батальона и продолжал выполнять боевые задачи в составе 90-й отдельной танковой бригады.

В начале июня 1942 г. немецкое командование повело наступление на Сталинград и Кавказ. 90-я танковая бригада была пополнена танками Т-34 и Т-60 и сосредоточилась в лесу на правом берегу реки Северный Донец*. Немцы, не встречая сопротивления наших войск, форсировав реку колоннами пехоты, артиллерией и тыловыми частями, беспрепятственно двигались в направлении г. Волчанск и ж.-д. станции Белый Колодезь. Мы с рассвета до 14⁰⁰ по сути находились в окружении, наблюдали, как немецкие войска шли на восток.

Примерно в 14⁰⁰ части бригады получили приказ внезапно атаковать и разгромить врага. 204-й и 206-й танковый батальоны огнем из пушек и пулеметов, гусеницами уничтожали живую силу и технику. Немцы не ожидали столь дерзкого поступка наших частей и поэтому не смогли организовать сопротивления – они в панике бежали, скрываясь в укрытиях и сдаваясь в плен. Организовать прием пленных в такой сложившейся обстановке мы не могли.⁶³

К вечеру немцы против нашей бригады в бой бросили около 60 танков с пехотой на бронетранспортерах. Танковый бой длился недолго. Скоро наступила ночь. Сколько убито немецких солдат и офицеров, уничтожено техники, судить было трудно. Да и не до этого было. О нашей победе свидетельствовало одно неопровержимое доказательство – с корпусов и гусениц танков струями стекала вражеская кровь. С нашей стороны потерь не было. Что нам было делать? Боеприпасы и горючее на исходе. Положение 28-й армии было неясно.

И так мы, с боями пробиваясь из окружения, шли на восток в направлении Сталинграда.

Немецкая авиация крупными силами (до 2000 самолетовылетов в день) бомбила Сталинград. Город горел. Горела Волга (это нефть из разбитых судов), плавился металл и гранит. Так начиналась Сталинградская битва.

По приказу Ставки Верховного Главнокомандующего бригада, передав оставшиеся танки 114-й танковой бригаде, была выведена в резерв на переформирование в с. Михайловка (15 км западнее Саратова). После пополнения личным составом, техникой, горючим и другим имуществом вступила в бой в составе 64-й армии, обороняя Сталинград.

Шли тяжелые кровопролитные бои. Бой не затихал ни днем, ни ночью. Трудно было войскам: зима была холодной и голодной, на каждом шагу

подстерегала смерть. Мы не только выстояли, преодолев холод и голод, но и окружили, разгромили и пленили 330-тысячную армию гитлеровцев. О героических делах сталинградцев написано много, но не все. Отдельные моменты забыты. Мне, участнику Сталинградской битвы, с моими боевыми друзьями-товарищами довелось пережить горечь оборонительных боев с 6-й немецкой армией на всем протяжении от Харькова до Волги и огромную радость победы в битве под Сталинградом. В моей памяти много эпизодов героических подвигов солдат и офицеров 90-й отдельной танковой бригады.

В бою юго-западнее Сталинграда противотанковая батарея под командованием капитана Александрия, находясь в окружении, не сдалась, сражаясь, уничтожала живую силу и технику врага. Капитан Александрий, раненный, с оторванной рукой, продолжал руководить боем, личным примером воодушевляя оставшихся в живых. Батарея, оставшись с одним орудием, победила. На поле боя лежали трупы немецких солдат и офицеров, горящие танки и разбитые орудия.

Национальный экипаж танка Т-34 под командованием старшего лейтенанта Кития (грузин), с командиром орудия Воеводиным (русский), механиком-водителем Дюльдиным (мордвин), заряжающим Савиным (чуваш), увлекшись боем, оторвался от боевых порядков роты. Их танк был подбит на высоте 95,5. Кругом враг. Отбить и эвакуировать танк не удалось. Экипаж двое суток вел бой в окружении. Израсходовав все боеприпасы, оставшись без продовольствия под танком, экипаж умер смертью храбрых – предпочел изнурительную голодную смерть плену. Их нашли мертвыми после освобождения, с кратким дневником в блокноте командира.

Одним из примеров героических подвигов может служить бессмертие пехотинца в районе высоты 145,6 западнее Сталинграда в местечке, называемом хутор Боценко.

Враг вел интенсивный огонь из всех видов оружия, сдерживая натиск наших войск. Под градом пуль, осколков мин и снарядов, с поднятым автоматом и криком «Ура!» солдат шел в атаку. Полк солдат залег, а он продолжал путь. Пробежав метров 300-500, упал, затем по оврагу вернулся в часть. Шапка, ватные брюки, телогрейка – все было изрешечено пулями, и ни одной царапины на теле. Вот уж поистине «смелого пуля боится, смелого смерть не берет».

Были на войне и курьезные случаи. С 6 на 7 ноября 1942 г. немецкие машины с походными кухнями, груженные продовольствием и коньяком, заблудились и оказались в глубине нашей обороны, в расположении танков. Так танкистам был преподнесен приятный сюрприз – вкусный праздничный обед с коньяком и подарками в пяти автомобилях, да еще пять шоферов и пять поваров во главе с офицером в качестве пленных.

Я, как сейчас, вижу поток пленных солдат и офицеров, идущих по шоссе из Сталинграда на Бекетовку. Мне довелось видеть 16 пленных генералов во главе с фельдмаршалом Паулюсом и начальником штаба 6-й армии генерал-лейтенантом Шмидтом, выходящих из подвала универмага на площади Павших бойцов.

Нельзя обойти молчанием начало наступления наших войск при окружении немецких войск в Сталинграде. Нам, низшим командным кадрам, не верилось, что так блестяще будет выполнена операция.

19 ноября 1942 г. танки после артподготовки вышли на исходные позиции в готовности атаковать противника. Из-за сильного тумана артподготовка переносилась дважды – с 8⁰⁰ до 9⁰⁰ и с 9⁰⁰ до 11⁰⁰. А туман не рассеивался, и в 11⁰⁰ был дан приказ наступать. Танки пошли в атаку, а противник молчал. Вышли на вторую линию обороны и увидели оставленное оружие без прислуги. Перед нашим участком наступления оборонялись части румынского корпуса. Оказывается, командир корпуса с целью уменьшить потери от артогня отдал приказ отвести личный состав за вторую линию обороны. Не встречая сопротивления противника, танкисты, увеличив скорость, вышли в тыл, где встретили колонны румын без оружия, сдающихся в плен с возгласами «Рус, Волга, Кавказ». Так были пленены вооруженные части корпуса во главе с генералом.

Во второй половине дня 19.11.42 г. немцы атаковали танками из резерва, завязался танковый бой, появились горящие и подбитые танки с обеих сторон. В ходе боя мы увидели, что немецкие танки ведут огонь, не передвигаясь. Оказывается, при совершении марша они израсходовали горючее из резерва. Узнав об этом, командование 64-й армии отдало приказ – обойдя немецкие танки, продолжать движение на село Варваровка и к исходу дня овладеть этим селением. Танковые батальоны сходу овладели селом, захватив в качестве трофея 65 исправных танков, склады с продовольствием, оружием, боеприпасами и горючим. И увидели страшную картину: немцы при отступлении зажгли конюшню с пленными красноармейцами и командирами Красной Армии.

22.11.42 г. по радио мы узнали, что части Донского и Сталинградского фронтов встретились в г. Калач. Таким образом, 6-я немецкая армия оказалась в полном окружении. Наша бригада вела бои на внутреннем кольце и 2 февраля 1943 г. закончила пленение и уничтожение немцев, находившихся в кольце.

90-я отдельная танковая бригада была переименована в 41-ю гвардейскую танковую бригаду и выведена в резерв с сосредоточением в Трегуляевских танковых лагерях г. Тамбова.

Получив новые модернизированные танки Т-34, вошли в состав 7-го механизированного корпуса с подчинением 2-му Украинскому фронту. Предстояла трудная задача – форсировать р. Днепр. Лично я не верил в успех боя по форсированию такой естественной преграды. В день форсирования во взаимодействии всех родов войск, при господстве в воздухе нашей авиации форсирование прошло успешно. Саперы и пехота, захватив плацдарм на правом берегу р. Днепр, организовали переправу частей и соединений корпуса. На небольшом участке плацдарма было тесно. Танки, орудия, автомобили стояли бок о бок. Стрелковые соединения прорвали оборону немцев. В прорыв был введен 7-й механизированный корпус. Весь день

батальоны бригады стремительно шли вперед, сметая на пути отступающие части противника, наступление продолжали и в темное время суток.

В боевые части бригады прибыл командир корпуса генерал Дубовой. Лично мне приказал, несмотря на ночь, немедленно овладеть ж.-д. узлом Пятихатка. Собрав остатки танков 204-го и 206-го танковых батальонов (их оказалось 34 единицы), из местных жителей освобожденной деревни взял проводника, знающего дорогу. Без света, подсвечивая фонариками, двинулись в путь. 12 км до станции Пятихатка мне показались вечностью.

Незнание общей обстановки беспокоило и пугало меня. Внезапно сидевший рядом со мной на броне танка проводник дернул меня за рукав и тихо сообщил, что это окраина ст. Пятихатки. Я увидел слабый свет и услышал лязг буферов вагонов. Собрав командиров танков, поставил перед ними задачу. Танки построили в линию и бесприцельно произвели по пять выстрелов из орудий и по три длинных очереди из пулеметов в направлении ст. Пятихатка. Перед рассветом по сигналу красной ракеты атаковали немцев. К нашему удивлению немцы ночью ушли со станции, оставив 15 эшелонов с военными грузами, боеприпасами, горючим, танками «пантера» (42 шт.) и эшелоны с ранеными. В окрестностях станции и близлежащих населенных пунктах бродили тысячи голов крупного рогатого скота, овец и свиней. Это был эшелон с подарками для солдат и офицеров немецкой армии.

Танки со своими частями продолжали наступать в районе Александровки и к исходу второго дня вышли в район западной окраины г. Кривой Рог. Оставшиеся дни уходящего 1943 г. ознаменовались боями местного значения с переменным успехом.

В первых числах января 1944 г. танковые батальоны, действуя по тылам противника в районе г. Кировоград, в ночное время разгромили аэродром, на котором находились около 200 боевых самолетов («юнкерс-87» и «юнкерс-88»).

Вспоминается случай, когда воспитанник бригады (сын полка) по имени Ваня в 12 лет от роду убил немецкого генерала – командира авиадивизии. Охрана в панике бежала, бросив генерала. Ваня случайно зашел в домик и застал генерала одного. При попытке бежать Ваня не растерялся и выстрелил из пистолета, убив его, а китель с наградами и золотыми погонами надел на себя и в таком виде прибыл в часть. За этот подвиг Ваня был награжден орденом Красного Знамени.

В боях под Кировоградом я был тяжело ранен и госпитализирован. Летняя Ясско-Кишиневская операция привела к распаду гитлеровской коалиции. Румыния капитулировала и объявила войну Германии. Уместно вспомнить слова немецкого генерала Отто фон Типельскирха. Он в книге «История второй мировой войны» пишет: «Все централизованное руководство боевыми действиями прекратилось, тылы были отрезаны... как огромные морские волны катились войска противника и захлестывали со всех сторон немецкие силы... Фронт смешался, все превратилось в хаос».

Осенью 1944 г. после лечения в госпиталях инвалидом 2-й группы я прибыл в часть и был назначен заместителем начальника штаба бригады. В апреле 1945 г. под г. Брно снова был ранен, но оставался на боевом посту, продолжая воевать.

В Болгарии в г. Шуман наша бригада разоружила артиллерийский полк, но на следующий день по приказу из Москвы техника и орудия вновь были возвращены полку. Командир полка в честь офицеров бригады дал торжественный обед. На обеде присутствовали офицеры Болгарии с женами. В тот же день бригада перешла границу с Венгрией и повела наступление на г. Орадео-Маре. Затем тяжелые танковые бои в районе Секешфехервар, г. Будапешт, г. Братислава, г. Брно. В г. Брно мы встретили весть об окончании войны. Радости не было конца. Но для бригады и ее личного состава бои еще не закончились, предстояло оказать помощь восставшему населению г. Прага.

1-й, 2-й, 3-й танковые батальоны с десантом автоматчиков уничтожали на своем пути отдельные пункты сопротивления. За день пройдя 250 км, к вечеру 11.05.45 г. вошли в г. Прага. На своем пути от г. Брно до Праги местные жители забрасывали танки живыми цветами, приветствуя нас с возгласами «Братушки, дружба».

Танковые батальоны расположились в центре города. В 24⁰⁰ я с начальником штаба пошел проверить, как расположились батальоны и как организована охрана. На подходе к расположению батальонов нас окружили, сказав на ломаном русском языке: «Стой, ни шагу». А из окон домов слышалась музыка и песни. Затем к нам подошел человек и на чистом русском языке объяснил нам, что танки охраняют чехи, а танкисты заслужили отдых и чистосердечное гостеприимство. С продовольствием в Чехословакии в то время было тяжело. В ресторанах и гостиницах мясные блюда почти отсутствовали, хорошие вина и пильзенское пиво подавались редко, но для русских все было без ограничения. Помню, как в ресторане гостиницы «Баранек» за мой столик сели американские офицеры. Официант взял у меня заказ – бифштекс, пиво, коньяк, а у американцев – эрзац-пиво и на закуску овощи, хотя я рассчитывался оккупационными бумажными кронами, а они – золотой валютой. Оказывается, чехи на англичан и американцев в обиде. Союзные войска, находясь в 20 км от Праги, не пришли на помощь восставшему населению Праги по их просьбе – обращению по радио.

На память о Праге майских дней 1945 г. у меня хранится альбом «Прага в фотографиях» с дарственным автографом сотрудницы Пражского Кремля гражданки Марии Гейковой.

В июне 1945 г. соединения корпуса по железной дороге были переброшены в район г. Читы, г. Чойболсан Монголии и вошли в состав Забайкальского фронта. Совершая марши своим ходом, 7-й мотострелковый корпус к исходу 8 августа 1945 г. сосредоточился на южной границе МНР в готовности наступления в направлении: г. Таонань, г. Мукден, г. Порт-Артур с целью окружения японцев в Маньчжурии. В ночь на 9.08.45 г.

разведподразделения пересекли границу, не встречая сопротивления, углубились в пределы Маньчжурии.

Рано утром 9 августа 1945 г. Молотов выступил по радио и объявил, что СССР вступает в войну с Японией на стороне союзных войск. Танковые и механизированные бригады, не открывая огня, пошли вперед. Японцы, зная о намерениях командования Советского Союза и опасаясь разгрома пограничных частей, отвели войска вглубь своей обороны.

Вскоре, к 9⁰⁰ 9.09.45 г., танкисты увидели безжизненную, с движущимися раскаленными солнцем песками, пустыню Гоби, которую предстояло преодолеть – победить природную стихию. Под палящим солнцем броня танков разогревалась до такой степени, что незащищенное тело получало ожоги. Вода в радиаторах танков и автомобилей кипела и быстро испарялась. Запасы пресной питьевой воды с каждым часом уменьшались. Покрышки и камеры на автомобилях приходили в негодность. Танки буксовали, жажда пить мучила людей, и они приходили в отчаяние, а конца пустыни не было видно. Автомобили, груженные боеприпасами, продовольствием, горючим и водой, буксируемые танками, медленно продвигались вперед. Во второй половине дня на горизонте появились озера, но вода в них была горячей и соленой – непригодной для людей и техники. Сколько времени предстояло [длиться] таким мучениям – неизвестно. И только к вечеру на горизонте показались вершины гор. Как потом оказалось, это были хребты Большого Хингана. Примерно в 21⁰⁰ 9.08.45 г. на пути встретили колодец с пресной водой. К нему был поставлен танк во избежание неприятных последствий. По совету врачей, воду давали по 100 гр. на человека. Вы не представляете толпу людей, ожидавших своей порции воды. Толпа кричала, ругалась, требуя большего.

Итак, пустыня позади. Страданиям и мучениям пришел конец. Люди занимались приведением в порядок техники и вооружения. На рассвете 10.08.45 г. колонна танков и машин с пехотой начали движение. В предгорье по долине бродили тысячи оседланных лошадей и ни одного всадника. Это были кони кавалерийской дивизии, брошенные ее людьми, скрывшимися в горах.

Пред взором танкистов неприступной стеной стояли скалистые склоны Большого Хингана. Танки шаг за шагом продвигались к вершинам. Труднее было спускаться, опасаясь за надежность тормозов. Танки по одному, поддерживаемые тросом другого танка, спускались вниз. Еще одна естественная преграда, считавшаяся японцами непреодолимой, позади. На вершине перевала остался танк, на броне которого электросваркой написано: «Здесь в августе 1945 г. прошли танкисты 7-го мотострелкового корпуса».

После гор на равнине стали появляться селения и поля, стада животных. Крепость (из земли и дерна) – ставка князя Тушету-Ван. Князь имел свое войско (кавалерию), вооруженную деревянными, на конце металлическими, пиками, с цветными кистями (красными, зелеными) в отличие от других князей. Они вели войны между собой. Нашим войскам

было строго приказано не нарушать их традиции и не вмешиваться в их национальные интересы.

На пути танкистов простирались топкие, залитые водой, болота. Танки и автомобили буксовали, застревая в грязи, проделывая в сутки по 15-20 км. Достигнув ж.-д. путей, двигались по шпалам. Пройдя болота, по твердым проселочным и шоссейным дорогам танки форсированным маршем шли вперед. К приходу наших войск гарнизоны японских войск, построенные в колонны, без оружия, были готовы к сдаче в плен. Оружие, техника, имущество в исправном состоянии были готовы к передаче советским войскам.

Позади остались города: Таонань, Мукден, Чаньчунь, Цзиньчжоу. Впереди – порт Дальний и Порт-Артур.

Дальний (Дайрен) – красивый город и современный морской порт. Одновременно у причалов порта могут вести погрузку и разгрузку 56 океанских кораблей. От штормов порт прикрыт стеной.

Порт-Артур разделен на две части: старый – с гражданским населением, магазинами и предприятиями, фабриками и мастерскими; новый (военный) – штабы, казармы, квартиры командного состава. В заливе военные корабли.

После окончания русско-японской войны 1904-1905 гг., которая, как известно, закончилась победой Японии, на границе раздела города в районе ж.-д. вокзала японцы воздвигли памятник в виде патрона высотой 150 м русскому солдату, восхищаясь его мужеством, стойкостью, отвагой и преданностью России.

Пребывая на Ляодунском полуострове после окончания боев, я побывал на месте сражения русских солдат при обороне крепости Порт-Артур 1904-1905 гг., на русском кладбище (ради справедливости надо сказать, хорошо ухоженном), у памятника на месте гибели адмирала Макарова, на высоте, где погиб генерал Кондратенко, на Электрическом утесе Голубкиной бухты, в районе Орлиного гнезда, на редутах батареи Борейко.

Нельзя обойти молчанием факты трусости, паники и предательства. В 204-м танковом батальоне был зампотехом капитан Аксайский. Его трусость проявлялась до того, что он, услышав гул немецких самолетов, терял дар речи. На ночь он от тыла батальона уезжал на 20-25 км, боясь попасть в плен. Погиб он бездарно и бесславно. При отступлении, сидя на броне танка Т-60, увидев летящие в стороне самолеты, на ходу соскочил с танка и угодил под гусеницы. От полученных травм скончался.

В июне 1942 г. при выходе из окружения техник-лейтенант Скляр, находясь в моем танке, уговаривал экипаж сдаться в плен. На мои угрозы расстрелять его он продолжал настаивать на своем. Танк из-за неисправности трубопровода от насоса высокого давления остановился. На днище танка образовалась лужа топлива. Экипаж и я занялись устранением течи горючего. Это случилось ночью. Скляр, открыв люк башни со словами: «Я не первый и

не последний», покинул танк. Устранив неисправность, мы поспешили догнать свою часть.

Как-то при совершении марша на остановке колонна заправлялась горючим и боеприпасами. Затем экипажам было приказано всем уйти от дороги в кустарник – на обед. Старший сержант Попов (ранее бывший в плену, завербованный и обученный немцами) незаметно проник в танк и по радиостанции морзянкой передавал немцам секретные данные о наших войсках и наводил немецкие самолеты на нашу колонну. Попов был пойман с поличным, передан суду военного трибунала и расстрелян.

Вспоминая прожитое время и сравнивая с настоящим, становится обидно за себя и свой народ. Не такой жизни он достоин. И еще находятся оборотни, перевертыши, клеветники, фальсификаторы истории типа Яковлева, Суворова, Радзинского и других, им подобных, которые плюют в душу честных людей, все ставя вверх ногами. По их мнению, не Гитлер развязал вторую мировую войну, а Сталин, не Германия напала на Советский Союз, а Советский Союз на Германию, предатель Жуков, а не Власов. Власова в форме немецкого генерала считают героем, а Жукова – врагом народа и т.д. и т.п.

У лжи ноги короткие, ложь мертва. Она во все времена была обречена на смерть. Пишу эти строки и впредь обещаю правдиво освещать и доводить до масс все события минувших лет Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.

Вера и правда шагали и шагают всегда вместе. В эти минуты вспоминаются слова, произнесенные товарищем И.В. Сталиным на весь мир 3 июля 1941 г.: «Наше дело правое, враг будет разбит. Победа будет за нами». С этими словами мы шли в бой, побеждали и победили! Победителей не судят...

ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 8. Д. 21. Л. 1-13. Подлинник.

---

*Так в документе. Правильно – Северский Донец.

№ 1318

Воспоминания Л.В. Гутта⁶⁴

10 февраля 1985 г.

Прошло уже более 40 лет со времени Сталинградской битвы. То, что я увидел и пережил под Сталинградом, ни с чем сравнить не могу, хотя после Сталинграда я прошел с боями до Ростова-на-Дону, через всю Украину до Кракова в Польше, через Румынию, Венгрию, Югославию, Австрию, Чехословакию, форсировал Дунай при взятии столицы Австрии Вены. Но все это было не Сталинград.

В Сталинграде в 1942 г. я как бы родился во второй раз, выйдя по счастливой случайности живым из огня, как из крошечного ада. Там мне

тогда исполнилось 20 лет. Даже только при упоминании слова «Сталинград» мое сердце учащенно бьется. 180 дней и ночей длилась эта битва, не стихая ни на час, ни на минуту. Как потом подсчитали, на каждый квадратный метр Сталинградской земли приходилось более тысячи осколков от снарядов и мин. Земля была перемешана с железом, свинцом и кровью. Сколько здесь полегло людей. Город пылал. Не выдержали камни. А советские люди выдержали.

В меру своих возможностей из воспоминаний о Сталинградской битве я расскажу лишь один эпизод, в боевых действиях которого мне довелось участвовать.

В конце октября 1942 г. командованием Сталинградского фронта была создана механизированная группа из мотопехотной и танковой бригад, которую после мощной артиллерийской подготовки пустили в прорыв южнее Сталинграда в тыл немецких войск. Какая задача была поставлена командованием фронта нашей группе, мне, тогда молодому лейтенанту-артиллеристу, ведомо не было. После мне стало известно – назначено контрнаступление советских войск под Сталинградом Ставкой Верховного Главнокомандования 19 ноября 1942 г., а наша группа к этому времени должна была разгромить тылы противника и нанести удар по его резервам.

Вести боевые действия в окружении противника гораздо сложнее и тяжелее, чем на фронте. Помощи ждать было неоткуда, можно было рассчитывать только на себя. Немцам мы наносили большой урон, громя врага и сея панику, т.к. он не ожидал, что на него нападут у себя в тылу советские войска. Но и мы несли большие потери. Хоронили товарищей тут же на месте и быстро уходили в рейд.

Когда же началось контрнаступление наших войск 19 ноября, нас предупредили, что возможно в направлении нашего местонахождения могут появиться советские танки. На правом борту наших танков должны быть опознавательные белые флажки. Все это было обусловлено для того, чтобы по ошибке мы не перебили друг друга. На рассвете 22 ноября 1942 г. мы увидели, что на нас идет армада танков. Такого большого количество танков в наступлении я ранее не видел. Чьи были эти танки – наши или немецкие – различить было невозможно, т.к. была плохая видимость. Мы орудия поставили на прямую наводку и готовы открыть огонь. Но приказ был огонь не открывать, пока точно не убедимся, что это танки противника. Нервы были напряжены до предела. Ведь промедление с огнем могло быть роковым, в противном случае нас бы противник раздавил.

Честно признаться, приходила мысль, что это, наверное, последний бой. Секунды, минуты тянулись неимоверно медленно. А танки все ближе и ближе. Вдруг кто-то крикнул: «Наши!». Тут я заметил на танках белые флажки и что это действительно «тридцатьчетверки». Мы выскочили из-за щитов орудий, стали кричать «Ура!», размахивать руками и бросать шапки вверх. А танкисты открыли люки и, высунувшись по пояс из башни, приветствовали нас. Подъехав к нам вплотную, танкисты выскочили из

танков, и начались объятия. Все мы радовались победе, плакали от радости. Трудно передать, что тогда происходило. После окружения немцев под Сталинградом мы пошли на Ростов-на-Дону, а добивать окруженную группировку остались другие.

Сегодня этот город стал местом паломничества миллионов людей со всех континентов нашей планеты. Сюда идут поклониться героическому подвигу советских воинов, отстаивших цивилизацию.

Прошли годы. На месте руин вырос новый город. Вернулись старые жители, приехали новые, город ожил. Но никто не забыл, что поднялся он на братских могилах героев, что земля эта обильно полита кровью.

Со времени Сталинградской битвы прошло 42 с лишним года. Но все пережитое тогда забыть невозможно.

В 1943 г. мне довелось участвовать в освобождении города Краснодона Ворошиловской области, в котором в период Великой Отечественной войны действовала подпольная комсомольская организация «Молодая гвардия». Один из героев «Молодой гвардии» – Иван Туркенич после освобождения Краснодона был назначен помощником начальника штаба 473-[го] артиллерийского полка, в котором я тогда проходил военную службу.

Фронт роднит людей, и мы с Иваном были хорошими друзьями. Иван Туркенич – молодой старший лейтенант, скромный человек по натуре, многое нам рассказывал о своих товарищах по подпольной группе, об их делах, об их подвигах. Но о себе говорил скупно, хотя я прекрасно понимал, что без него, единственного военного человека в группе, не могла проходить ни одна важная операция против фашистских захватчиков. Иван, или как мы его называли ласково Ваня, очень тепло рассказывал о Сергее Тюленине, Любе Шевцовой и других товарищах по подполью.

В то время у писателя Фадеева роман «Молодая гвардия» еще и в «проекте» не был, а мы, сослуживцы Туркенича, знали о молодогвардейцах раньше и больше, чем потом было написано в романе.

Вскоре Туркенич был вызван в Москву, а по возвращении он рассказал нам, как в Кремле Председатель ВЦИК СССР Михаил Иванович Калинин вручил ему орден Красного Знамени за его заслуги в «Молодой гвардии», как он встречался со скульптором, фамилию которого он за давностью времени запмятовал, который изваял бюст Туркенича, как он встречался с писателем Фадеевым, которому рассказал о подпольной организации «Молодая гвардия».

С Иваном Туркеничем мы прошагали по дорогам войны через всю Украину до Польши. На моих глазах он погиб во время артиллерийского обстрела противника в 1944 г. Но память об Иване Туркениче – храбром воине, хорошем человеке и скромном коммунисте – я сохраню в своем сердце на всю оставшуюся жизнь.

ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 12. Д. 3. Л. 35-37. Машинописная незаверенная копия.

№ 1319**Воспоминания А.А. Панихидникова⁶⁵**

1975 г.

28 июня 1941 г., в неполные 18 лет (я родился 23 октября 1923 г.), Мичуринским горвоенкоматом я был призван в ряды Красной Армии и направлен на учебу в Тамбовское арттехническое училище, где я около месяца проходил курс молодого бойца. Училище было полностью сформировано, поэтому оставшихся кандидатов, в том числе и меня, отправили в Тамбовское Краснознаменное кавалерийское училище им. 1-й Конной армии. Здесь я занимался на минометно-пулеметном отделении, и 1 марта 1942 г. – ровно через полгода – мне было присвоено воинское звание «лейтенант» досрочно, как успешно освоившему программу обучения. Мои сокурсники были выпущены из училища через полтора года.

После выпуска по предписанию командования училища я был направлен в запасной полк в г. Туймазы Башкирской АССР. В запасном полку я получил взвод солдат и в течение марта занимался с ними боевой подготовкой, а в апреле этого же года в составе маршевого подразделения был направлен на Брянский фронт, где принял свое первое боевое крещение в боях за освобождение г. Белева и под Минском. На этом участке фронта я участвовал в боях в составе 7-[го] кавалерийского корпуса под командованием генерал-майора Соколова С.В.

В декабре 1942 г. по решению вышестоящего командования наш корпус был переброшен на Воронежский фронт, т.е. фактически защищать мой родной Мичуринск, ведь фронт проходил в 180 км от отчего дома. От командования полка мне стало известно, что эшелоны нашего корпуса будут двигаться по маршруту: ст. Лев Толстой, Ряжск, Кочетовка, Мичуринск, Грязи и т.д., т.е. мы должны были проехать мимо дома и родной школы № 58, в которой я проучился с 3-[го] по 10-[й] классы. Я обратился с просьбой к командиру полка дать мне возможность выехать на два часа раньше, чтобы побыть дома и повидаться с родными, близкими и товарищами.

Командование пошло мне навстречу, и я на попутных товарных и пассажирских поездах сначала добрался до станции Кочетовка-3, где мой отец работал в паровозном депо, и на мое счастье я его застал в кузнечном цехе, где он своим трудом ковал победу над врагом. Вместе с ним мы приехали домой на станцию Мичуринск-2, где я и оказался в объятиях матери, младших братьев, сестер и одноклассниц-девушек. Ребята все уже были призваны на военную службу. Сколько было радости! Я никогда не забуду эти волнующие минуты. В этом милом и родном кругу мне пришлось побыть буквально 1 час, т.к. дежурный по станции сообщил, что эшелон прибыл на станцию Мичуринск-2. Меня все провожали к вагону, и я распрощался.

Через несколько дней наш эшелон прибыл на станцию Анна (под Воронежем). В этом поселке в то время размещался штаб Воронежского фронта, в состав которого влился и наш 7-[й] кавкорпус.

После разгрузки из эшелона на совещании нам было объявлено, что мы будем участвовать в боях по разгрому войск врага в районе Острогожска и Россоши и этим самым оказывать помощь Сталинградскому фронту. Наш 7-[й] кавкорпус должен наступать на Валуйки вместе с танковыми частями генерал-майора Рыбалко.

Зима выдалась суровой, и воевать было крайне тяжело. Были такие периоды, когда мы не спали по двое-трое суток подряд, и отдыхать приходилось только на марше, в движении. Я никогда бы не поверил, если бы не испытал сам, что можно идти, спать и видеть сны. В фильме «Они сражались за Родину» правдиво отражен такой эпизод. Бои носили круглосуточный характер.

В январе 1943 г. рано утром мы начали наступать на Валуйки. Я со своим взводом продвигался вдоль железной дороги на элеватор. Местность была открытой, а немцы открыли шквальный пулеметно-минометный огонь, и нам пришлось залечь. Пока мы пережидали, то многие солдаты, невзирая на метель и трескучий мороз и на то, что кругом рвались мины и в воздухе свистели пули, уснули. Вот насколько был измучен личный состав. С большими усилиями я поднял воинов, и мы ринулись в атаку, ворвались на станцию и за мостом через реку заняли оборону. На железнодорожных путях стояло очень много эшелонов с вооружением и продовольствием, захватили продовольственные склады и другие военные трофеи, взяли много немцев в плен. Жители города нас встречали, как встречают своих освободителей.

После освобождения Валоек командование предоставило нам возможность отдохнуть, отоспаться и привести в порядок свой внешний вид. Но отдых, как таковой, у нас не получился. Отступавшие части противника из Воронежа двигались на Валуйки, не зная о том, что город уже взят нашими гвардейцами. По несколько раз в ночь нас поднимали по тревоге, и мы выходили навстречу отступавшему противнику, окружали его и брали в плен. Мы находились в глубоком тылу врага, поэтому пленных немцев и итальянцев приходилось расстреливать буквально «пачками». Другого выхода у нас не было. Тогда это было все оправдано и, я бы сказал, необходимо.

После того, как части, освободившие Воронеж, продвигались к Валуйкам, наш корпус получил новое задание, и мы двинулись в наступление на Чугуев и Харьков. Видимо, у нас силенок было маловато, и немцы вынудили нас снова оставить Харьков, и части нашего корпуса отошли за реку Северский Донец, где нам приказано было обороняться во что бы то ни стало. Занимая оборону в одном населенном пункте, расположенном на восточном берегу реки Северский Донец, нам пришлось в течение трех суток отбивать атаки танков и пехоты противника.

Я со своим взводом и мой товарищ по училищу лейтенант Пустовалов занимали оборону на самой окраине деревни. С утра на третий день боя мы

уже отбили несколько атак. В перерыве между атаками противника ко мне подошел Алексей Пустовалов, предложил перекурить. На это мероприятие тоже иной раз не хватало времени. Мы отошли за сараюшку, сели на бревно и стали крутить самокрутки. В это время вышли три немецких танка и стали вести огонь по нашим позициям. Мы к этому уже привыкли и не особенно обращали внимание. Мы уже достаточно адаптировались, и подобные события у нас не вызывали особых эмоций.

Я как сейчас помню разговор с Пустоваловым. Он, примерно, сказал так: «Андрей, черт с ними, пусть стреляют. Видимо, из этого боя мы живыми не выйдем, а поэтому давай перекурим». Не успел он проговорить эти слова, пуля пробила стенку сарая и попала ему в затылок, шапка слетела с головы, и он стал валиться. Я быстро схватил его за голову, и в моей ладони оказались вещества мозга. Он уже не произнес ни одного слова.

Во время боя жители прятались по погребам. Хозяева этого дома тоже находились в погребе, который располагался в сарае, за стеной которого мы сидели с Алексеем. Я подумал, что, если мы сдадим свои позиции, то немцы могут надругаться над телом друга. Во избежание этого я спустил тело Пустовалова в погреб и попросил жителей похоронить его со всеми почестями и заметить могилу, а комсомольский билет его взял себе на память. Скорби моей о друге и злости на фашистов не было предела. За углом одного дома расположился противотанковый расчет с ружьем ПТР. Желая отомстить за гибель друга, я сел за ружье и стал вести огонь по танкам. Вторым выстрелом мне удалось поджечь один танк, а остальные задним ходом спрятались в лощине. Я передал ружье первому номеру и приказал вести огонь по остальным танкам, а сам лег за станковый пулемет и стал вести огонь по автоматчикам противника, которые цепью спускались к нам с противоположного берега. В это время раздался выстрел из пушки танка, который прямым попаданием угодил в противотанковый расчет, из ружья ПТР которого мною был подбит один из фашистских танков. Расчет погиб, оба солдата были разорваны на куски. Однако все атаки врага были отбиты.

Во второй половине дня командир полка приказал мне со своим взводом и взводом Пустовалова отойти на 2-3 дома назад. Не успели солдаты занять оборону на новом рубеже, как фашисты заняли наши прежние позиции и стали вести огонь чуть ли не в упор. Отход взводов прикрывали мы с сержантом Голиковым (мой командир отделения). Он вел огонь с одной стороны дома, а я с другой. Фашисты хотели занять и этот дом, но мы их подпускали и расстреливали в упор. В это время с правой стороны нас обошла группа автоматчиков противника и стала вести огонь с тыла. Я дал команду сержанту Голикову отойти к следующему дому, но не успел сам спрятаться за угол, как пуля попала мне в спину справа, зацепила немного легкие и раздробила правое плечо. Я упал на снег и от потери крови стал терять сознание.

Когда я пришел в себя, то перед собой увидел лобовую броню фашистского танка, который вел огонь по деревне. Я, видимо, оказался вне

поля зрения танкиста фашистов, так как они в меня не стреляли. Вскоре наша артиллерия открыла огонь по ним, и танки снова задом отступили. Я пытался подняться, но у меня не хватало сил. Лежа на спине и отталкиваясь ногами, я потихоньку спускался вниз (центр деревни располагался в низине, и там разместились вся наша артиллерия, медсанбат и штаб полка). Я считал себя обреченным, так как остался на нейтральной полосе, и кроме сержанта Голикова никто не знал, что со мной случилось и где я нахожусь, а силы оставили меня. Я впал в полуобморочное состояние и в забытие, и очнулся тогда, когда лежал уже на санках и катился вниз. Меня подобрала, доставили в медсанбат, где и оказали первую медицинскую помощь. Впоследствии мне стало известно, что Голиков, как истинный друг и боец, нашел санки и, воспользовавшись паузой боя, подполз ко мне, положил меня на них и толкнул с горы. Вот он-то и спас мою жизнь.

За участие в этих тяжелых боях я был награжден медалью «За отвагу» и орденом Красной Звезды, а также присвоено звание «гвардеец».

Ранен я был тяжело, а поэтому лечился в глубоком тылу – сначала в Рязани, а затем в Куйбышеве. После выздоровления летом 1943 г. перед началом битвы на Орловско-Курской дуге я выписался из госпиталя, и был направлен в офицерский резерв фронта в г. Липецк. По воле командования меня, как кавалериста, снова откомандировали в тот же запасной полк в г. Туймазы.

Как и в 1942 г., я получил личный состав и снова начал обучать и готовить его к боям. Теперь я уже имел достаточный опыт войны и старался передать свой опыт людям, никогда не слышавшим свист пуль, разрывы снарядов и бомб и не видевшим рядом с собой смерть своих товарищей. Здесь я находился до ранней весны 1944 г., а затем в составе маршевых подразделений прибыл на 1-й Белорусский фронт и почти что сходу в составе 2-го гвардейского корпуса им. Доватора принял участие в боях за освобождение города Мозыря, а затем форсирование Буга, освобождение польской земли и до Варшавы. За эти бои я был награжден орденом Отечественной войны 2-й степени.

Личный архив Л.Г. Дьячкова. Подлинник.

№ 1320

Воспоминания А.Д. Дьякова⁶⁶

5 октября 1992 г.

26 августа 1941 г. я был мобилизован в ряды Советской Армии, введен в 76 артполк 6-й гвардейской шахтерской дивизии.

На Харьковском направлении, выполняя роль пулеметчика, вместе с товарищами нашей воинской части вели упорные бои против фашистской армии под городом Изюм. Из г. Изюм отбросили противника. Я в этом бою был ранен 8 марта 1942 г. и направлен в госпиталь и после 6 месяцев лечения

я был направлен на пересыльный пункт г. Тамбова и введен в 136-[й] отдельный танковый полк.

Находясь на станции Рада, принимал участие в сборе средств от колхозников Тамбовской области на приобретение танков и другой военной техники.

Пробыв две недели на станции Рада, получил 40 танков, 4 бронемашину и 30 машин ЗИС-5, приобретенные на средства колхозников Тамбовской области. Это подарок колхозников.

Наш 136-[й] танковый полк был направлен на оборону Сталинграда. Около двух месяцев вели ожесточенные бои с противником. Зимой 1943 г. после того, как наш танковый полк с другими нашими войсками и армиями, перешел в контрнаступление, враг был разгромлен и пленен. Всего разгромлено и взято 33 фашистских дивизий с фельдмаршалом Паулюсом. За проявленную отвагу в боях с противником я был награжден медалью «За отвагу».

Весной 1943 г. со Сталинграда наш полк с другими воинскими частями направлен на Таганрог. Из Таганрога мы выбили противника. Затем наш полк был направлен на Тулу (Тесницкие лагеря). С Тулы мы подвозили боеприпасы к Курской дуге.

После Сталинградской битвы в нашем полку от 40 танков «Тамбовский колхозник» осталось 2 танка, 2 бронетранспортера и 5 автомашин ЗИС-5. Два танка мы сдали в другую воинскую часть.

В г. Туле мы получили более 50 танков и другой военной техники. Нас направили на Смоленское направление. Осенью 1943 г. мы вели ожесточенные бои с немцами под городом Орша, где разгромили врага и взяли изменников Родины – власовцев – примерно около 20 человек.

Отсюда наш полк зимой 1944 г. наступал на г. Черновцы и далее с наступлением и боями прошли по всей Западной Украине. Освободили города Дубно, Ровно Ровенской области.

Далее весной 1944 г. выбили немцев из Польши, Румынии, Венгрии, Австрии. Освободили города Дендиж, Яроксаланш, озеро Балатон и другие населенные пункты.

На этом участке фронта упорные бои продолжались в течение 28 дней, и мы разгромили немцев. После чего зимой 1945 г. наш танковый полк с другими войсками освободил г. Брно и закончил бои в Праге в Чехословакии 13 мая 1945 г.

9 мая 1945 г. мы знали, что война окончена, а мы продолжали вести бои по ликвидации несдающейся группировки немцев.

В большинстве во всех направлениях при прорывах наш танковый полк всегда направлялся в тыл врага с целью расширения плацдарма и окружения противника. Были случаи, когда брали в плен немцев.

Находясь в армии в должности шофера-слесаря по ремонту танков, за отвагу в боях с немцами по освобождению Польши награжден медалью «За отвагу». Кроме того за весь пройденный путь боевой награжден семью благодарностями высшего командования.

Со мной вместе на фронте Отечественной войны воевали Трубицин – шофер (живет сейчас в г. Моршанске), ст. лейтенант Крученко Александр Ефимович из села Славянка Славянского района Краснодарского края, танкист-старшина из г. Рассказово (погиб на фронте, фамилию его не помню), командир т[анкового] полка под[полковник] Шапарин, начальник штаба капитан Карин (жив[ет] в Тамбовском районе).*

ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 1. Д. 7. Л. 1-2. Подлинник.

* Слова *командир т[анкового] полка под[полковник] Шапарин, начальник штаба капитан Карин (жив[ет] в Тамбовском районе)* дописаны карандашом.

№ 1321

Из воспоминаний И.Г. Селиванова⁶⁷

22 мая 1993 г.

На войне 1941-45 гг. из семьи нас участвовало трое: отец Селиванов Гавриил Семенович, 1899 г. рождения, призван в октябре 1941 г.; брат Селиванов Василий Гаврилович, 1921 г. [рождения], призван в апреле-мае 1940 г.

Отец умер с голоду 3/III-1947 г. На санках в лесу дров-сучков нарубил, увязал, закурил. Когда подъехала соседка к нему, он уже был мертв. Голод был страшный, а он был ростом около 190 см.

Брат погиб 23 августа 1944 г. в Польше на Сандомирском плацдарме. Похоронен недалеко на север от города Загин.

Я попал на фронт драматически. Работал на заводе «Боевик» п/я № 33 (ныне «Пластмасс») с IX-1941 г. по 5 мая 1942 г., когда стало мне 18 лет. Затем был арестован, находился под следствием с мая по июль 1942, как соучастник в преступлении одного гражданина Платонова, 1895 г. рожд. Он совершил преступление на заводе, где был вахтером. Напился пьяным, ушел с поста, потерял винтовку, которую нашли в ручье, разъединенную кислотой. Нашли и его пьяного. Когда очухался, то комендант завода Иванов Валентин Павлович (затем он был директором кирпичного завода) подсказал Платонову: «Говори, что тебя специально споили». А в этот день я работал на спиртприемнике, а Платонов охранял цистерны со спиртом. Он был хозяином наверху цистерн, сколько хотел и кому хотел давать спирт. Вот меня и причислили к этому преступлению. Платонову было 47 лет, а мне 18 лет. Я сумел спойть.

Следствие вело КГБ* – как в Котовске, так и в тюрьме. Допрашивали всегда почему-то ночью. Развязка кончилась тем, что его вызвали из камеры, и я больше его не видал.

А меня в суд не вызывали. В первых числах июля вызвали из камеры, и милиционер отвел на призывной пункт гор. Тамбова, а какой райвоенкомат меня оформлял, понятия не имею. Домой даже попрощаться не отпустили.

Если бы погиб, то мать не нашла бы, каким военкоматом я призван. Проводила меня тюрьма. Там меня для фронта «откармливали», но я остался жив. Платонов, наверное, получил «вышку» – так обещали ему еще в камере арестанты.

Прошел медкомиссию с группой ребят, к которым примкнул случайно, весь день проходили осмотр. Жрать нечего было. К вечеру вернулись, а меня разыскивали, но ребята подтвердили: «Он был с нами и комиссию прошел». Вот так я призван в армию в июле 1942 г.

В июле 1942 г. принял присягу в 359-[м] запасном полку в городе Канаш, где нас дней 10-12 обучали. Я стал наводчик миномета 50-мм (ротного).

В конце июля 1942 г. попадаю под Старой Руссой в 62-ю отдельную морскую стрелковую бригаду (морская пехота) минометчиком в отдельный минометный батальон.

В августе 1942 г. со станции Валдай нас отправили на Северный Кавказ под гор. Моздок. Бригаду бросали туда, где надо удержать оборону и где надо отбросить немцев. Я подсчитал: от тюрьмы до передовой прошло 42 дня. И на передовой пробыл 42 дня. Затем осколком меня ранило – насквозь правую половину грудной клетки и правую руку, которая трясется. Это [было] 9/X-42 в 5 час. утра.

Госпитали гор. Орджоникидзе (Владикавказ), Баку, Мцхета до декабря 1942 г. Зажили раны, молодой был, не курил – и всю войну не курил до 1950 г.

Затем нас отобрали – молодых, [но] уже «вояков» – в 83-[ю] фугасную огнеметную роту. Я был подрывником. Направили на турецкую границу. В 1943 г. роту расформировали. Попадаю в 136-й отдельный химбат по дегазации мат. частей и людей.

Летом 1944 г. немцы обстреляли наши войска хим. снарядами на стыке 1-го Украинского фронта и 1-го Белорусского фронта.

Нас, несколько батальонов и бригаду, срочно отправили под г. Львов и за Львов в Польшу. Тогда покойный премьер Черчилль заявил Гитлеру: «Еще ошибешься со снарядами, зальем всю Германию О.В.».

Но потом 15 января 1945 г. наступление на Берлин. Я и батальон были на 1-м Укр[аинском] фронте. Участвовал в форсировании рек. За форсирование реки Одер получил медаль «За отвагу», а в 1945 г. получил медали «За оборону Кавказа» и «За победу над Германией»**.

Для солдата хватит. Защищая грудью, оборону держал крепко. В наступлении отвагу проявил и, наконец, Победа. Остался в живых «Иванушка-дурачок». [...]***.

Отдельные эпизоды, которые не забываются и до сегодняшних дней

В конце августа вступили в жестокие бои на Терском хребте в Чеченской балке. Немцы бросили на нас, моряков, сотню танков и пехоту. Атаки отбили и сами пошли в наступление по Терской долине. Это километров на 10-15. А затем окопались и держали оборону. В середине сентября 1942 г. на батальон морской пехоты немцы сделали психическую

атаку. Бросили 12-15 шт. средних танков. За танками шли во весь рост пьяные автоматчики с засученными рукавами, ругались русским матом, орали, горланили.

Приказ – танки пропустить через окопы, а пьяных автоматчиков отрезать от танков (они шли в 80-100 метрах от танков). Вот 50-мм минометным беглым огнем⁶⁸ накрыли мы их. Их как корова языком слизала, а танки ушли в наш тыл, там с ними другие боролись. Все это было к закату солнца. Немцы на этом участке не совались долго.

Попадал под шквальный огонь «ванюш-скрипачей». Попадали под непрерывный шквал тяжелой артиллерии. Окопы осыпались, снаряды ложились в 5-6 метрах от окопов. Просто не знаю, как жив остался.

В конце сентября нас, небольшую группу, рано утром бросили на высоту, чтобы выбить немцев. У них был дзот. Они нас не ожидали. «Полундра» их испугала. Бросили они дзот и покинули высоту. Трофеи захватили: я взял хороший финский нож, немецкую алюминиевую флажку с чехлом (наши были стеклянные). Взял себе армейскую плащ-палатку.

Финку отобрал комвзвода – не положено рядовому. А плащ-палатку и флягу подарил ст. лейтенанту медслужбы 9/Х-42, когда он меня на передовой под горой перевязывал.

9/Х-42, я писал, меня в 5 часов ранило. Мина немецкая ударила в бруствер окопа. А перед тем к окопу подбежал раненый ст. лейтенант. Спросил: «Где санпункт?». Я сумел крикнуть: «Ложись», и в этот момент немецкий пулеметчик строчил со второго этажа больницы в Нижнем Малгобеке и прошил ст. лейтенанта очередью. Он упал, голова склонилась в окоп, повисла каска и сразу она наполнилась кровью, и кровь пошла через края. После этого и меня ранило. Когда выбежал из окопа, то пулеметчик дал по мне очередь, но промахнулся. Я как бежал, упал и не шевелился. Немец, наверно, уверен был, что он меня убил и другой очереди не дал. Минут 5 прошло, я напрягаюсь и даю рывок под гору. Немец дал очередь, но я уже недосягаем. Вот так было.

Побывал дважды в Берлине, Потсдаме. Война для меня кончилась в городе Нейсе 1 мая 1945 г. Уже за Победу подымали кружки с вином и салютовали.

Писать можно до бесконечности, ведь 3 года войны – день и ночь одно и то же. [...]***.

ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 1. Д. 29. Л. 1-6 об. Подлинник.

* Так в документе. Правильно – НКВД.

** То же. Правильно – медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

*** Опущены воспоминания о жизни в послевоенные годы.

Началась Великая Отечественная война. Она обернулась для меня томительным ожиданием действия на Дальнем Востоке, участием в Сталинградском сражении и операции «Багратион», где разминировал поля, серьезным ранением гортани и плечевого пояса, скитаниями по госпиталям, работой в военно-строительном отряде.

Я расскажу только о своем участии в боях под Сталинградом.

В начале августа на помощь 6-й армии Паулюса с Кавказского направления была брошена 4-я танковая армия Гота. Она далеко продвинулась на север, и передовые части ее 6-7 августа без особого сопротивления захватили станцию Тингуту и 74-й разъезд, перерезав железную дорогу Сталинград–Миллерово. В составе этой группы было более 200 танков. Перед ними открывался незащищенный путь на Сталинград (порядка 30 км).

Наше командование собрало все расположенные недалеко войска и бросило их на ликвидацию прорыва. Важная роль придавалась нашей дивизии, сохранившей боеспособность, курсантским полкам Краснодарского и, кажется, Ставропольского военных училищ. Спешным порядком 8 августа нас повели на восток к разъезду 74 км. Днем, проходя через небольшое село, мы видели, как суетились артиллеристы, устанавливая на возвышении пушки, слышали тревожные возгласы, что немцы близко и захватили какое-то селение...

Уже в темноте мы заняли позиции в ложбине и наспех вырыли небольшой окопчик, в котором разместились трое, а может быть и пятеро человек. Все дни стояла жаркая сухая погода. Мы страдали от жажды. Источники воды редки, и, если они попадались, мы выпивали разом по 3-4 литра. Литровая фляжка с водой была в запасе, и эту воду мы строго экономили. Пока мы заняли оборону, пока вырыли окопчик, на сон оставалось 2-3 часа. К тому же, мы были измотаны последними длительными переходами. На рассвете немцы с самолетов сбросили на нас листовки с предложениями сдаваться и т.п. На нас они не произвели никакого впечатления. В то время мы не знали ни о Паулюсе, ни о Готе, но знали, что немцы прорвались и что этот прорыв надо срочно ликвидировать.

На рассвете, 9 августа, наша артиллерия открыла огонь по позициям немцев, подошли наши танки и тоже начали стрелять. Мы то и дело выглядывали из окопа, наблюдая, что происходит на поле. Вдруг из окопов стали выскакивать солдаты и, направляемые командирами, цепью побежали вперед. Через некоторое время пошла вторая цепь. Солдаты бежали, падали, стреляли лежа и на ходу. Между ними рвались снаряды и мины, некоторые падали, сраженные осколками или пулями. Одни вставали и медленно возвращались назад, другие оставались лежать убитые. Наблюдать со стороны за этим было жутковато. Наконец, пришла наша очередь. Мы действовали так же, как предыдущие, но только страх начал проходить, надо

было действовать и не зевать. Наверное, все-таки усталость нам мешала, но мы забыли и об усталости...

В ходе атаки цепи перемешались. Танки шли позади и поддерживали нас огнем. В самом начале атаки был ранен командир нашего отделения, молодой сержант. Пуля или осколок попал в шею и повредил сонную артерию. Он упал на колени, кровь хлестала фонтаном. К нему подбежал санитар, а мы продолжали идти вперед. Мы продвигались медленно, в середине дня произошла заминка: слишком плотный огонь вели фашисты. Над нами, как вороны, кружили немецкие самолеты. Я слышал призыв командира, чтобы кто-нибудь заменил выбывших пулеметчиков. Но таких было мало. Я, например, не владел этим оружием. Ведь сколько времени был на Дальнем Востоке. Можно было научиться владению различными видами оружия, но командиры не догадались это сделать. Конечно, из старослужащих пулеметчики все же нашлись.

После заминки, наконец, вперед пошли наши танки. Это вселило в нас уверенность, и мы пошли вместе с танками. Фашисты не выдержали и стали отступать. Я не помню всех подробностей боя. Действовал автоматизм. Помню, мы взяли в плен 5-6 немецких солдат, не успевших убежать. Они вышли из блиндажа с поднятыми руками, и их увели в тыл. Часам к 5 мы овладели железнодорожной линией и разъездом 74 км. Немцы бежали. На поле боя горели немецкие и наши танки, горели дома на разъезде.

Наши войска стали располагаться вдоль железнодорожной насыпи. Горячка боя прошла. Впереди виднелась долина, вероятно, речка. Почему-то я счел, что там наши, занимавшие оборону по ту сторону прорыва. Редкая цепочка солдат, в том числе и я, направлялась туда. Мы отошли от железной дороги метров 500, может, чуть больше, когда увидели в низине немцев. Расстояние – 200 метров. Группа немцев суежилась возле автомашины. Они что-то грузили в автомобиль. Неподалеку стоял их танк. Мы залегли и открыли по ним огонь из винтовок. Вероятно, нанесли им урон, т.к. держались они кучно, и попасть было легко. Они забеспокоились и тоже стали стрелять. Стрелял и танк в нашу сторону. Пуля обожгла мне шею. Я приподнял голову и хотел позвать соседа, но вместо крика получился хрип, и изо рта появилась кровь. Я подумал, что повреждена сонная артерия и это конец. Первой мыслью была досада и сожаление, что так мало воевал и так глупо влип. А потом уже вспомнились мать, братья, сестры. Длилось это секунды, и вскоре я понял, что артерия не повреждена и кровотечение слабое. Я отполз в сторону и еще сделал несколько выстрелов. Я уже решил выходить из боя, когда недалеко взорвался снаряд, и осколок попал мне в правую руку (плечо) и вышел, перебив правую плечевую кость и ключицу. Особенно сильный удар я почувствовал в ключицу. Я откатился в сторону и привстал на колени. Снял левой рукой гимнастерку, которая была растегнута и рукава закатаны, поскольку было жарко. Достал индивидуальный пакет, разорвал зубами и приложил подушечку к ране на руке. Тут ко мне подбежал пожилой солдат. Его, вероятно, испугала большая рана около ключицы, он пробормотал что-то вроде того, что ничего не может

сделать. Я сказал: «Замотай как-нибудь». Он так и сделал и убежал. Я взял винтовку и медленно пошел к железной дороге. Изредка рвались снаряды, свистели пули. Я полагал, что меня добьют, и думал: скорее бы попала пуля. Однако я благополучно дошел до железной дороги и зашел за насыпь. Скорее всего, я быстро скрылся из пределов прямой видимости тех немцев, с которыми мы завязали перестрелку.

У насыпи был медпункт, и врач сделал мне квалифицированную перевязку. Он сказал, что надо идти к колодцу, оттуда заберут на машине. До колодца было от 3 до 5 км. Определить расстояние не берусь.

Я шел, когда было еще светло и немецкие истребители появлялись над полем и обстреливали даже одиночек. В этих случаях я находил окопчик, садился, свесив ноги в окопчик, и пережидал когда самолеты уйдут. Потом поднимался и продолжал путь. К колодцу подошел, когда уже стемнело. Лег на землю. Дальше я не мог не только идти, но и просто подняться не было сил.

Скоро пришла машина. Меня положили на носилки, окровавленную гимнастерку разрезали и выбросили, а в ее карманах была записная книжка с адресами техникумовских и армейских товарищей. Очень я жалел потом, что лишился этой книжки, да и до сих пор жалею. Ночевал у полевого медсанбата, расположившегося в палатках. Раненые – под открытым небом на носилках. Ночью было холодно, и от потери крови и от того, что под спиной на носилках – холодная липкая кровь, лежать я мог только на спине. Мучила жажда. Все тяжелораненые просили пить, и сестры не успевали носить воду. Только и слышно было: «Пи-и-ть. Пи-и-ть», и я тоже просил и напиться не мог. Кто-то накрыл меня одеялом.

Днем после перевязки повезли на машине в Сталинград. По пути налетели немецкие самолеты и стали бомбить. Легкораненые разбежались от машины, а нам, лежащим, приходилось надеяться на судьбу. К счастью, в машину не попали ни пули, ни осколки.

В Сталинграде, в госпитале, сняли с меня солдатские брюки, в карманах которых еще лежали патроны, переодели в госпитальную одежду, а 15 августа на пароходе вывезли по Волге в Ульяновск.

Личный архив В.Л. Дьячкова. Машинописная заверенная копия.

№ 1323

Из воспоминаний Д.Н. Кратова⁷⁰

Август 1976 г.

[...]*. Идем по заплаканной русской земле, идем на борьбу с гитлеровскими оккупантами, которые уже успели нанести нашей Родине глубокие раны. Мы видели сожженные селения и скорбно поднимающиеся к небу печные трубы, да еще виселицы. Мы видели колодцы, забитые трупами замученных оккупантами советских людей. Так фашисты выполняли приказ

Гитлера о создании на русской земле «зоны пустыни». Сердце сжималось, когда мы видели стариков и женщин с детьми, бродивших по снегу полуголыми в поисках убежища.

Помню, меня глубоко потрясла история одной семьи. Мы вошли в небольшую, чудом уцелевшую хатенку. Ко мне с плачем бросилась хозяйка дома. Ей не было и сорока лет, но совершенно седая, она еле двигалась от истощения. По изможденному лицу катились слезы. Она рассказала, что муж ее в начале войны ушел на фронт, она осталась с тремя детьми и старушкой-матерью. Когда пришли немцы, по доносу предателя-старосты фашисты повесили несколько колхозников, а потом стали притеснять и ее – жену красноармейца. Вскоре оккупанты угнали в Германию ее девятнадцатилетнюю дочь и четырнадцатилетнего сына. Немцы отобрали единственную корову, поросенка, кур, зерно, все продукты. Старуха-мать умерла от голода. «А вот теперь мы умираем», – закончила женщина, показывая на себя и восьмилетнего сына. Как могли, мы успокоили женщину и, вынув из своих вещевых мешков все, что у нас было из продуктов, оставили голодающей семье.

Мы шли на запад, уничтожая немецкие гарнизоны. Но чем дальше, тем труднее нам становилось. Встал вопрос: как прокормить коней? Запасы концентрированного фуража давно кончились. Хорошего сена тоже не было. Пользовались лесным и болотным. Потом пошла в ход солома с крыш уцелевших сараев. Лошади катастрофически слабели. Продовольствие для личного состава также кончилось. Нужно было принимать меры по добыче продовольствия и фуража.

Разведка установила, что в нескольких километрах проходит большой тракт, идущий из Сычевки на юг. По нему беспрерывно снуют немецкие автомашины и конные обозы с военными грузами.

На восточном берегу реки расположено большое село Холм-Жирковский. Через реку перекинут железный мост. По словам местных жителей, в этом селе находится немецкий гарнизон, охраняющий большие склады боеприпасов и продовольствия. На всех выходах из населенного пункта выставлены вражеские посты, усиленные пулеметами и минометами: немцев часто беспокоили партизаны. Все население было эвакуировано.

Командир группы принял решение совершить нападение на Холм-Жирковский, уничтожить гарнизон и, пополнившись всем необходимым, быстро уйти вглубь лесов. Операция была поручена 124-му кавалерийскому полку под командованием майора Журбы. Полку придавались две батареи конартдива.

Вместе с Журбой в сопровождении командиров эскадронов и батарей мы выехали на рекогносцировку. Холм-Жирковский был расположен на склоне небольшой возвышенности и с востока окаймлялся в виде подковы лесом, подступившим к самой реке. Это позволило не только хорошо наблюдать с опушки леса, но и незаметно накапливаться для внезапной атаки.

На рекогносцировке присутствовал начальник разведки партизанского отряда. Он показал нам, где находился штаб немецкого гарнизона, где склады боеприпасов, горючего и продовольствия, рассказал, где стоят посты, как устроена вся система обороны. Тут же нами был намечен план нападения. Становилась задача провести его внезапно, часа за два до рассвета. Конники должны были заранее скрытно занять исходное положение, перекрыть дорогу с востока, взорвать мост, принять меры к тому, чтобы совершенно изолировать вражеский гарнизон от других тыловых частей противника.

Вскоре к опушке подошли наши эскадроны и батареи. В глубине леса находился в полной готовности и обоз для захвата грузов. Командир полка отдал боевой приказ и отпустил командный состав для его выполнения. Быстро был сформирован отряд подрывников. Его возглавляли смельчаки – сержанты Александров и Шариф Галиакбаров, ефрейтор Абдуллаев и рядовой Субочев, добровольно вызвавшиеся взорвать мост.

Медленно сгущаются сумерки... Спешенные кавалеристы в белых маскировочных халатах цепью продвигаются поближе к населенному пункту и занимают исходное положение для атаки. Занимают свои боевые порядки батареи. Наблюдательный пункт командира полка – на опушке леса. Отсюда хорошо просматривается все поле предстоящего боя. Наступила ночь. По тракту продолжают двигаться немецкие автомашины, проходят конные обозы. Они располагаются на ночлег в Холм-Жирковском.

Мы сидим на наблюдательном пункте. Хочется спать, но спать нельзя: скоро надо начинать, как у нас тогда говорили, «работать». Начальник разведки конартдива старший лейтенант Борис Агеев шутит:

– Наши будущие трофеи пополняются, автомашины продолжают подходить. Завтра у нас, безусловно, будет праздник – может быть, даже с выпивкой. На немецких складах наверняка есть спирт.

Майор Журба молча улыбается и приглаживает свои пышные усы.

– Сейчас не до выпивки, – говорит он. – Вот когда вернемся на «Большую землю», тогда и отметим.

Прибыл связной подрывной команды и доложил, что все для взрыва подготовлено, ждут намеченного часа. Воцарилась ночная тишина. Немцы, ничего не подозревая, нежились в теплых хатах. Лишь кое-где слышались окрики вражеских часовых. Но вот раздался сильный взрыв, и мост с грохотом рухнул на лед. Взрыв – сигнал к атаке. Открыла огонь минометная батарея. Все сразу ожило. Под прикрытием огня конники подвигались все ближе к селению. Перепуганные фашисты выскакивали из домов и в панике металась по улицам. Затараторили вражеские пулеметы. Но было уже поздно. Как только артиллерийский обстрел закончился, конники поднялись и с криком «Ура!» пошли в атаку, охватив село со всех сторон.

Незадолго до рассвета немецкий гарнизон был уничтожен. В Холм-Жирковский на рысях втягивался наш обоз. Вражеский танк, спешивший на помощь гарнизону, был подбит пушечной батареей Матюшенко, установленной на западной окраине села. Эскадрон,

перекрывший дорогу с востока, громил подошедший конный обоз противника.

Вскоре показалась колонна пленных – свыше 150 солдат и офицеров, конвоируемых бойцами первого эскадрона. Вслед за ними подошли все участники боя, подтянулся тяжело груженный трофеями обоз, и конники двинулись на соединение со своей группой. Вперед пошло донесение полковнику Курсакову. Оно было составлено в шуточной форме: «Вынуждены были обеспокоить гансов в часы сладкого предутреннего сна», – сообщал командир полка. – «Хватит им нежиться. Пора нести расплату. Был гарнизон, теперь его не стало. Кавалеристы пришли, пошутковали и ушли. Пусть знают, что вернулись хозяева своей страны. Будем и впредь «просить» непрошенных гостей таким же образом. Журба».

Через несколько часов мы прибыли в расположение своей группы, которая уже приготовилась к дальнейшему движению. Здесь нам стало известно, что пока мы выполняли свою задачу, другой кавполк совместно с партизанским отрядом совершил нападение на немецкий гарнизон в селе Илюшкино, где также были взяты трофеи.

Сделав на несколько дней запас продуктов питания, фуража и боеприпасов, конная группа снялась и пошла на запад вглубь смоленских лесов.

Утром Курсаков со своим заместителем по политчасти Алексеевским провели с бойцами и командирами беседу. Они отметили боевой наступательный дух, дисциплину и организованность участников рейда. Алексеевский зачитал телеграмму, только что полученную от Военного совета Западного фронта. В ней говорилось: «Браво, кавалеристы! Беспощадно громите тылы противника. Высоко держите героические традиции Первой Конной армии. Товарищеский привет. Конев». Бойцы заверили командование, что они не пожалеют ни сил, ни жизни для разгрома фашистских захватчиков.

Наступили сильные морозы. Жизнь в лесу становилась все труднее – ни согреться, ни помыться. Боевая обстановка была сложной. Фашистское командование решило уничтожить конную группу. Оно стало подтягивать части из тактических резервов для блокады. Нескольким карательным отрядам было приказано преследовать нас.

Здесь до нас дошла ужасная весть. Ее принесли несколько партизан и три наших бойца, которых мы оставляли охранять раненых. На следующий день после ухода конной группы по проложенным нами в снегу дорогам к лагерю, где находились раненые, подобрался немецкий карательный отряд численностью до 300 человек. Он состоял, главным образом, из предателей Родины, которыми командовали немецкие офицеры-эсэсовцы. Каратели напали на лагерь. Партизаны и бойцы взвода охраны оказали им упорное сопротивление. Пулеметчик Дьячков один уничтожил до 40 карателей. Израсходовав все патроны, он погиб смертью храбрых. Капитан Крутиков, оставшийся с семью бойцами, бросился в контратаку, продолжая защищать раненых. До последней капли крови дрались старший лейтенант Грищенко,

лейтенант Попов, сержант Гологанов, рядовой Чекин, партизаны Романовский и Корабельников. Оставив на подступах к лагерю около сотни убитыми и ранеными, каратели откатились назад. Но силы были слишком неравными. Пьяные фашисты вскоре возобновили атаку и сломили сопротивление наших героев. Началась жестокая расправа с беззащитными ранеными. Тяжелораненые, которые не могли передвигаться, были прикончены на месте, в блиндажах, а весь медицинский персонал во главе с врачом Мининым и оставшиеся в живых бойцы были захвачены в плен. Большинство их выстроили на поляне в шеренгу. Каратели с автоматами наперевес ждали команды. Два гитлеровских офицера стояли в стороне. Один из них подал команду «Пли!» – и вся шеренга была срезана автоматными очередями, повалилась на снег.

Упал и тяжело раненный в голову сержант конартдива Иванов. Каратели ушли. Иванов пришел в сознание, продолжая лежать среди убитых. Как только стемнело, он, преодолевая боль, отполз по снегу на опушку леса и кое-как добрался до места расположения партизанского отряда. Так сержант Иванов воскрес из мертвых. Этот молодой двадцатипятилетний человек совершенно поседел.

Весть о трагической гибели товарищей разнеслась по всему лагерю нашей кавалерийской группы. Участники рейда поклялись жестоко отомстить фашистам за гибель боевых друзей.

Долго ждать случая не пришлось. Наша разведка установила, что карательный отряд продолжает следовать за нами по пятам. Командир кавгруппы приказал Калиновичу уничтожить обнаглевших карателей. С двумя эскадронами Калинович двинулся в обратном направлении. Километрах в десяти от нашей стоянки была лесная поляна, на которой когда-то находилась небольшая деревня, теперь сожженная немцами дотла. Эту поляну мы проходили. Калинович решил принять бой именно здесь. Он расположил эскадроны в виде подковы. По протоптанной нами тропе каратели и должны были войти в подготовленный «мешок». Засада получилась отличная. Но враг долго не появлялся. Пришлось просидеть в снегу почти сутки. На следующий день утром появился вражеский головной дозор. Его пропустили. Впереди ехали верхом немецкие офицеры, за ними шли лошади с вьюками. Как только весь вражеский отряд вышел на поляну, взвилась наша сигнальная ракета. Эскадронцы сразу открыли огонь из пулеметов и автоматов.

Били они по голове и хвосту вражеской колонны. Каратели не ожидали этого – ведь их головной дозор не подал никакого сигнала. Они заметались, сбились в кучу. А кавалеристы продолжали косить их из всех видов оружия. В течение двадцати минут карательный отряд отъявленных головорезов был полностью уничтожен. Часа через два конники возвратились. Они отомстили за погибших своих боевых товарищей.

Продолжая боевые действия, кавгруппа переживала серьезные трудности. Не хватало боеприпасов, продовольствия, кормов для лошадей. Правда, за последние три дня нам на парашютах были сброшены с самолетов

продукты и патроны для автоматов и карабинов. Но этого могло хватить лишь на 2-3 дня. Из сообщений разведчиков было ясно, что немцы вновь принимают серьезные меры для нашего уничтожения. Командованием кавгруппы было принято решение: пушки и минометы закопать в лесу и в конном строю уходить на соединение с нашими войсками.

Части кавалерийской группы двинулись на север. Теперь приходилось обходить сильно укрепленные фашистами гарнизоны и по возможности уклоняться от серьезных столкновений с противником.

На пути нам предстояло пересечь Шиздеровскую шоссейную дорогу, проходящую через лесные массивы. На дороге было большое оживление: непрерывно двигались на фронт автомашины и боевая техника врага. Немцы тщательно охраняли ее. Примерно через каждые полкилометра стоял пулемет, а промежутки патрулировались танками. Было ясно, что без боя здесь не пройти. Подтянув эскадроны ближе к шоссе, Курсаков приказал сходу на рысях пересечь тракт. Конники подготовились к броску.

Оказалось, что выполнить задуманное не так-то просто. Как только показались первые всадники, танки противника, находившиеся на шоссе, развернулись и открыли сильный пулеметный огонь. Мы были вынуждены оставить большак и отойти в лес. Немцы, разгадавшие наш замысел, стали преследовать нас. Подполковник Калинович быстро выбросил боевые группы и прикрыл отход.

Чтобы выйти из-под удара, пришлось отойти на 30 километров к югу и остановиться в сильно пересеченной малодоступной лесистой местности. Вследствие полного отсутствия фуража и бескормицы начался массовый падеж лошадей. Убедившись в том, что вырваться из тисков в конном строю почти невозможно, Курсаков запросил у штаба Западного фронта разрешения уничтожить коней, в пешем строю пересечь шоссе и уйти без больших потерь.

Разрешение было получено. Но здесь мы столкнулись с серьезными затруднениями. Для кавалериста убить коня – боевого своего друга – тяжело. Людям трудно было пойти на это. Но иного выхода не было.

Дождавшись вечера, наша группа, теперь уже в пешем строю, двинулась к шоссе Белый–Оленино. Это было как раз под Новый год.

Все мы любим новогоднюю ночь. Люди в эти часы искренне веселятся, связывая наступление каждого нового года с надеждами на будущее. Та новогодняя ночь была для нас суровой, полной опасностей. Она ни у кого не вызывала обычной теплоты в сердце. И все же в силу установившегося обычая шепотом по колонне поздравляли друг друга: «С Новым годом!».

Разведчики обнаружили участок дороги, пересекающий топкое болотистое место. Там можно пройти только пешему: трясина, покрытая большим слоем снега как следует не промерзла. Теперь надо было дожидаться глубокой ночи, когда движение по дороге почти прекращается, бесшумно подтянуть всех ближе к дороге и проскочить ее. Но как быть с лошадьми, оставленными для перевозки раненых? Коней было около пяти десятков.

Кто-то предложил пустить в хвосте колонны. Она утрамбует снег, и кони пройдут. Так и порешили.

Колонна подтянулась ближе к дороге и остановилась. Наступила долгая, томительная ночь. Время тянулось нестерпимо долго. Мороз усиливался. Все с нетерпением ждали начала движения. Часа в два ночи прибыл разведчик и доложил, что на шоссе тихо, движение прекратилось. Мы двинулись вперед. Быстро пересекли дорогу, втягиваясь в большой лес. Напрасно было беспокойство о конях. Лошади вместе с коноводами спокойно следовали за ними по утрамбованному снегу.

Всю ночь колонна двигалась по девственному лесу. Ее замыкало тыловое охранение, которое возглавлял боевой командир майор Журба. Чем дальше мы двигались, тем больше становилось отстающих, обессиленных людей. Нужна была непреклонная сила воли командира, чтобы не растерять ослабевших от недоедания бойцов. Майор Журба одних подбадривал, другим оказывал помощь. Колонна продолжала свое движение.

Привал был объявлен только на рассвете. После короткого отдыха Курсаков повел группу дальше. Он спешил: пора было соединиться с нашими войсками.

Впереди колонны вслед за головным походным охранением, то поругиваясь, то посмеиваясь, подбадривая уставших, шагал опираясь на палку, плотный немолодой человек в полушубке с завязанным на шее синем башлыком. Это и был командир группы Павел Трофимович Курсаков. Лицо его осунулось, заострилось, под глазами обрисовались черные круги. Глубоко ввалились щеки. Но, напрягая усилия, командир вел свои полки. Он вел их к месту прорыва в районе селения Бобоедово.

Во второй половине дня 5 января 1943 г. наш разведотряд, продвигавшийся по лесу, был неожиданно обстрелян. Разведчики развернулись в цепь и залегли. Между деревьями замелькали люди в белых маскировочных халатах. Конники открыли автоматный огонь. Но майор Филькин, взглянув в бинокль, увидел советских бойцов. По лесу разнесся взволнованный возглас: «Прекратите стрельбу! Мы – конники!».

Так произошла встреча с разведчиками 181-й стрелковой дивизии. Оказалось, что пять смельчаков уже несколько дней разыскивали нас. [...]***.

ГАСПИТО. Ф. П-9019. Оп. 1. Д. 1365. Л. 18-26. Подлинник.

* Опущены воспоминания об участии 20-й кавалерийской дивизии в боевых действиях в немецком тылу 27-30 ноября 1942 г.

** То же о соединении с частями Красной Армии.

№ 1324

Из воспоминаний В.Н. Бычкова⁷¹

12 мая 1976 г.

В июле 1942 г. в Сибирском ВО сформировался шестой добровольческий корпус в составе 150-й дивизии (г. Н[овосибир]ск), 91-й бригады (Юрга), 78-й бригады (Красноярск), 75-й (Омск) и 74-й (Барнаул, Томск и Тюмень) полки.

14-15 сентября эшелоны отправились на фронт по маршруту Москва–Калинин–Лихославль–Торжок–Селижарово по железной дороге. Выгрузка с ж.-д. тр[анспор]та – ст. Селижарово. Затем маршем (пешим порядком) 180 км под город Белый в составе 22-й армии.

Автомашин не было. Артиллерия была на конной тяге. Обозы состояли из пароконных бричек. Старший командный состав имел верховых лошадей.

С 16 ноября 1942 г. 6-й корпус переведен в 41-ю армию.

1-я атака была на село Цыцино 23 ноября. 25-го соседи слева – 22-я дивизия – прорвала оборону в р-не Дмитриевка. В прорыв было введено большинство сил 6-го корпуса, которые углубились на территорию противника до 48 км. Немцы ликвидировали прорыв, и большинство сил осталось в окружении в населенных пунктах: Черепы, Дубровка, Глазнево, Сорокино, Киреево, Мочальники, Марнево и Огигалово. В окружении остались и танки 2-го мех. корпуса. Враг, нанеся удар с левого фланга, захватил ряд высот, и вся местность стала простреливаться противником. Местность называли «долиной смерти». 17 суток дивизии вели бой в окружении. Не было продовольствия и боеприпасов. Убитых лошадей делили по кусочкам, вплоть до копыта. Немцы вели и психологическую атаку. Без конца через репродукторы агитировали сдаться в плен, но сибиряки-добровольцы поклялись умереть, но не сдаваться, и немцы периодически обрушивали огонь из всех видов оружия, а затем через громкоговорители передавали музыку – «Напрасно старушка ждет сына домой» или «Догорай, гори, моя лучинушка, догорю с тобой и я». Эта музыка настолько действовала, что я видел у многих сорокалетних волевых людей на глазах слезы.

15 декабря наши сделали прорыв на участке Шанарево–Цыцино и обеспечили выход из окружения. Одновременно наши заняли около 50 населенных пунктов. В этом бою погиб сержант Яша Чугаев из Красноярска.

С 17 декабря перешли в оборону. В первых боях только из 150-й дивизии было отправлено по ранению 550 человек, захоронено в братских могилах 3480 человек.

В декабре стояли в обороне. Была тяжелая пора с питанием – как для людей, так и для лошадей. Давалось всего по 250 грамм сухарей на сутки и больше ничего. Даже не было соли. Люди без соли желтели и обессиливали, становились безразличны к жизни и смерти, но стойко переносили все. Не было ни жалоб, ни неудовольствия. Патриотизм был исключительно высок. Была большая вера в победу. Символом в наступлении было – «В бой за Родину, в бой за Сталина, ура!». Даже само слово «Сталин» сыграло огромную роль в победе над фашизмом. Вера в Сталина была исключительной. Вокруг этого слова цементировалась и была слита воедино

вся армия, все роды войск, все солдаты и командиры, все национальности и весь советский народ.

В то время я был удивлен героизму и мужеству некоторых лиц. Так, ездовой Виткалов из Алтайского края, чтобы накормить лошадей, несколько раз ездил к стогу за сеном, который стоял на нейтральной полосе ближе к немцам (50 метров). Такой смелостью обладали и многие другие.

В батарее в расчете служил 25-27-летний грузин – к сожалению, не помню его фамилии. У него сильно болел зуб, и ему предложили ехать в медпункт дивизии на удаление. Он отказался и попросил другого солдата выдернуть зуб плоскогубцами, что и было сделано.

В одном из боев мне было приказано вывезти склад боеприпасов из села Цыцино. Немцы находились в ста метрах. Обстреливали и бомбили это село постоянно. Я поставил задачу перед взводом боепитания, и на 24 бричках днем под огнем на галопе помчались в Цыцино. Сделали три рейса, потеряли 4 лошади и 2 ездовых, но задание выполнили. Через полчаса Цыцино было взято немцами. В этой операции я также удивился мужеству солдат, самоотверженно выполняющих свой долг перед родиной. Мне в то время был всего 21 год. Каждый из нас не хотел умирать, и никто ни в чем не показал, что он что-то боится. Глядя на них, не страшно становилось и себе.

Короче, трусов за время войны я не видел. Видел, что в тяжелых боях все по-разному реагировали на происходящее. Но это не назовешь трусостью. Так, Чиркин из Омска под кустом кушал кашу и во время бомбежки не убежал в ровик, а лишь смехом сказал, что «эти бомбы – не мои». Удивлялся я стойкости и одной девушки, которая была на батарее командиром орудия. Даже после тяжелых изнурительных боев она находила в себе силы, заводила песню и тем воодушевляла солдат. Часто мне вспоминается воспитанник полка лейтенант Михайлов. Он – цыган. В трудную минуту, особенно при передислокации в ж.-д. вагонах, когда в любую минуту могла быть бомбежка с воздуха, он на остановках ходил по вагонам с гитарой, у которой была лишь одна струна, играл на ней, пел песни и плясал. Любили мы слушать и стихи Аркадия Лапшина – фельдшера дивизиона, в которых он умело пером громил фашистскую нечисть.

7 января 1943 г., получив приказ, часть погрузилась на ст. Жарковская и Земцы для отправки в р-н Великие Луки. После боев под Великими Луками с 15 по 18 февраля был совершен 90 км марш через топи и болота в Локнинский район. Следует отметить, что климатические условия в Калининской области исключительно тяжелые. Бездорожье, болота и трясины, сырость зимой и летом, невозможно окопаться, и большие холода зимой (до 41⁰) сильно изнуряли людей. Поэтому, как выносливые к суровому климату, на Калининский фронт были направлены наши сибирские части. Освободив Локню, корпус совершил марш в Великополье для отправки в г. Гжатск на переформировку. В Гжатске корпус вместо 6-го стал именоваться 19-м. Корпус вошел в состав 10-й армии. 190-[й] гв. артполк вошел в состав 65-[й] дивизии.

11 июля 1943 г. дивизия стала гвардейской. В состав 19-[го] корпуса вошли 22-[я] дивизия (вместо 150-[й] Новосибирской), 65-я (Омск, Красноярск) и 56-[я] Алтайская. Вскоре корпус получил приказ на передислокацию в район высоты 233,3 с целью наступления в направлении ст. Павлиново. Корпус занял исходное положение под высотой 233,3, на которой имелось более 400 блиндажей в 8-10 накатов, более 200 дзотов с врытыми стальными колпаками. Все подступы были заминированы. Наши сосредоточили на каждые 8-10 метров орудие. Враг напускал до 500 самолетов одновременно.

7 августа в 3 часа 50 минут началась полтора часовая арт. подготовка. Была артиллерия и масса «катюш». Даже на нашей стороне от дыма и гари нечем было дышать. Рядом стоящего не было слышно. На рассвете все было, как в тумане. За арт. подготовкой лавиной начала обрабатывать высоту наша авиация. Бой за высоту шел пять суток. Участвовало с обеих сторон до 3000 танков. И лишь 11-го была взята высота, а вечером 11-го сходу были заняты ст. Павлиново, Гнездилово.

27/VIII-43 г. прорвали оборону на Нов[о]-Никольское, развернулось наступление на Ельню. К 1 сентября 1943 г., разобрав в деревне постройки, ночью, под непрерывным огнем противника мостили дорогу через километровое болото. Руководил работами капитан Каширин. Сделав настил, овладели Ельней. Затем 400 км шли к Днепру почти беспрепятственно. Слева вступила в бой Польская армия. В ущерб всему, немцы сосредоточили по ней главный удар. На подступах к Днепру погиб Коля Прудников из Каргата. Форсировать Днепр в направлении Могилева не удалось, и части маршем вернулись к Смоленску на имеющуюся уже там переправу, затем вышли под Оршу. Под Оршей шли тяжелые бои около 20 суток. Оршу взять не удалось.

Декабрь-январь 1944 г. – перегруппировка наших сил. 19-[й] корпус из-под Орши совершил марш с боями через Рудню, Велиж, Невель под г. Новоскольников. Особенно тяжелые бои были под озером Свибло. Наши продвинулись до 12 км. И образовался «мешок», сообщение с которым было только по озеру. Враг обстреливал озеро прямой наводкой с обоих флангов. Проход и проезд по льду даже ночью был опасен, т.к. все просвечивалось и простреливалось, а во льду было большое количество воронок, в которые часто проваливались люди и лошади. Тылы отстали, не было снарядов. Нашли склад боеприпасов немцев – около 5000 снарядов. Собрали из трех немецких пушек одну и из нее непрерывно вели огонь по противнику. Немцы несколько раз по ней делали огневые налеты, но уничтожить пушку не могли. В один из налетов был убит лучший оружейный мастер гаубичной батареи Саша Богомолов из Борисоглебска.

До Новоскольников пройдено маршем с боями 320 км. Армия называлась гвардейской прорывной. Корпус начал наступление от Новоскольников в направлении станций Маево, Пустошка, Идрица, Себеж. Под Чернушкой совершил подвиг Матросов (148-[й] полк). С боями наши части прошли 75 км. Весной 1944 г. корпус под командованием т. Стученко

занимает оборону юго-западнее г. Новоржев (2-й Прибалтийский фронт). Гитлеровцы вместо «Хайль Гитлер» стали чаще кричать «Гитлер капут».

На подступах к Латвии немцы создали сильный оборонительный рубеж, особенно они возлагали большие надежды на Лубанскую низменность. Дивизия получила задачу овладеть Опочкой. 15 июля 1944 г., форсировав р. Великая, начали наступление на Корсаву. В боях погиб командир полка Сиротин. Овладев Корсавой, перерезали ж.д. Псков–Резекне, форсировали р. Льежа и перешли на латышскую землю (2-й Прибалтийский фронт, командующий – Еременко). Немцы зажгли леса, и продвигаться было трудно. Вышли к реке Подэзде. 8 августа овладели поселком Лубана.

Один из батальонов 65-[го] гв. полка прошел в тыл и был окружен. Когда освободили это место, то оказались несколько человек с вырезанными на лбу звездами, а у девушек – двух санинструкторов – вырезаны груди. Нас встречали латышские партизаны, и они влились в латышские части, действующие слева, командовал армией генерал-лейтенант Казаков.

В Лубнах у братской могилы посажены привезенные из Сибири кедр, ель и лиственница, а в месте расправы тружениками Лубаны у моста возле речки Ледускрац установлена мемориальная доска. После боев в Лубанской низменности предстояли бои на Вудземской возвышенности.

Части дивизии перерезали ж.д. Мадонна–Цесвайно. Под Цесвайно были ожесточенные бои. В начале сентября была взята высота 185,8 и форсирована река Огре.

Следующая задача была овладеть Ригой. До нее было 120 км. Рига была опоясана несколькими оборонительными поясами. 6 октября 1944 г. начались бои за Ригу из района Озолмуижа в направлении Бумбиеры. Прорвав оборону, овладели селением Залитое. Выход наших войск к Риге отрезал большую группировку войск на севере Латвии и Эстонии. Поэтому враг любой ценой старался спасти и Ригу, и ее пригороды. И это ему удалось. И лишь 10 октября корпус подошел к переднему краю рижского оборонительного рубежа, переправился через Западную Двину для наступления вдоль южного берега. Перерезали железную дорогу Рига–Литава у ст. Боложи. Идут в обход Риги с запада, чтобы отрезать пути 16-[й] армии немцев в Курляндию. Первыми в Ригу вошли танкисты и латышские части и партизанские отряды. 13 октября Москва салютовала освобождению Риги. Дивизии было присвоено звание Рижской.

Дальше корпус идет на Ауце и Салдус. Начались бои в Курляндии с частями 16-[й] и 18-й армиями под командованием генерала Шернера, изгнанных из-под Ленинграда. Они яростно сопротивлялись, надеясь уйти морем и по воздуху. Развернулись бои за Ретус, Марты, Бенс, Ауце, Музикас, Дурас, Светаини, Салдус. В городе Ауце был убит и похоронен один из командиров полков 22-й дивизии Аникин.

В конце марта 8-я Панфиловская дивизия, входящая в состав нашего корпуса, в районе Зиемеле попала в окружение. Большой ценой наша дивизия помогла ей выйти из окружения. Обстановка была крайне сложная. Данных о противнике не было. Требовалось пойти за «языком». Поскольку в

арт. полку для этих целей разведки не было, за «языком» пошла группа добровольцев во главе с лейтенантом Новиковым. Каждый знал, что пойти за линию фронта через минированное поле – дело исключительно рискованное, однако Петя на это решился, не колеблясь, первый. Хотя по долгу службы он мог в разведку не ходить. За выполнение задания он был награжден орденом Красной Звезды.

Петя Новиков для нас с Аркашей был самым лучшим и близким другом. Он был смелым, справедливым, добрым и отзывчивым. Во всем мы старались подражать Пете. Три фронтовых года мы с ним разделяли судьбу в одной землянке. Тысячу раз вместе смотрели смерти в глаза. С ним нам было легче переносить все тяготы войны. Он никогда не унывал, был всегда в настроении. В передышке между боями любил петь украинские песни. Петя, видимо, очень любил свою семью. Он часто вспоминал о своей Надюше и дочке – так же, как Аркаша о невесте Клаве.

В 1946 г. после реформирования дивизии Петю направили в другую часть. Очень жаль, что до сих пор я ничего не знаю о нем. В 1965 г. я разыскал Лапшина, в 1967 г. – Каширина, в 1971 г. – Кавокина. Надеюсь разыскать и Петю. Все эти товарищи также очень хотят его встретить.

Освободив Елгаву, увидели громадную территорию, занятую под концлагеря, в несколько рядов обнесенную колючей проволокой. Рядом был громадный ров, в котором были захоронены тысячи наших солдат.

2 мая наши войска вели бои в Берлине. 8 мая в Берлине был подписан акт о капитуляции, а в Курляндии еще шли ожесточенные бои.

Восьмого же числа нашим командованием фронта немцам по рации было передано о том, что в Берлине подписан акт капитуляции. Через 2 часа по всему фронту немцами были подняты белые флаги. Однако немцы предъявили ультиматум – «Огонь прекращаем, но в плен не сдаемся».

Фактически огонь был прекращен 8-го в 11³⁰. Наши все выскакивали из траншей, ровиков и блиндажей и салютовали выстрелами в воздух. Орудия салютовали без снарядов. Но недолго пришлось радоваться связисту Паше Булаху. Он последний раз снимал связь и наступил на противопехотную мину. Ему оторвало пятку.

В 14⁰⁰ началось пленение. Мне впервые пришлось поехать верхом на чистокровном скакуне, ранее принадлежавшем немецкому генералу. Когда я прискакал на командный пункт дивизии, полковник Чижик сказал: «Миша, смотри, какого рысака мне подарил старший лейтенант». На этом пришлось с лошадью распрощаться.

Наши части на всех участках входили в позиции немцев, пленили их, сосредоточивали технику и оружие на базы. Руководителем одной из баз был назначен Новиков. С его помощью я достал немецкий мотоцикл «Харлей», но на нем ездить долго не пришлось. Заниматься с ним у меня не было времени. Мотоцикл я оставил на одном хуторе недалеко от Салдуса. Рассчитывал, что когда отпустят домой, заберу его – этот единственный трофей. Но когда получил документ на демобилизацию, желание быстрее

уехать домой – к маме в Сибирь – было сильнее всего. Тут было не до мотоцикла. Где он, кому достался, так и не знаю.

Только с 9 по 13 мая в Курляндии (юго-западная часть Латвии) сдалось в плен 181032 солдата и 8038 офицеров, 48 генералов. После окончания войны приняли активное участие по ликвидации в Латвии националистических банд и в разминировании полей. Потеряли еще несколько человек. Как было жаль товарищей, прошедших всю войну и погибших фактически после ее окончания. В Валче был убит нач. артвооружения полка, непосредственный мой начальник к-н Бочаров. Здесь же была убита дочь директора русской школы, бывшего нашего ординарца Титыча. Случайным выстрелом застрелил себя Красноперов, имевший шестерых детей. Сработал закон подлости – выстрелило незаряженное ружье. Все это – неоправданные потери уже после войны.

При расформировании было больно расставаться с фронтовыми друзьями Петей Новиковым, Аркашей Лапшиным, Мишей Зыковым, Колей Дарминовым, Ковязиным, Морозовым, Квашниным, Бородавкой, Булахом, Галяминым, Мишей Кожухарем, Чиркиным, Виткаловым, Ульяновкиным, Паней и Мишей Толстоноговыми, Мариной, Ефимом и Ирой Кашириными, Середой и многими другими дорогими мне друзьями.

Любил и своих подчиненных Васелюху и Гришу Захарова. Жаль, что до сих пор ничего не знаю о них. Долго не могу разыскать Олега Малкова. В конце войны служить вместе пришлось немного, но он произвел на меня исключительно приятное впечатление. Надеюсь, что скоро его разыщу.

У каждого человека бывают часы раздумий. В такие часы я часто вспоминаю о фронтовых друзьях. О Ефиме и Ирочке Кашириных, сан. инструкторе Мариночке, о Мише Толстоногове.

Ефим был нач. штаба дивизиона. Я его считал самым аккуратным во всех делах – как житейских, так и штабных. Энергичный до резкости, стройный, подтянутый, в наглаженном со стрелками обмундировании и всегда с чисто белым накрахмаленным подворотничком на гимнастерке. Человек исключительно чуткий и душевный. Прекрасный товарищ и лучший друг в самой тяжелой боевой обстановке.

Мне кажется, в его опрятном внешнем виде и внутреннем богатстве души была немалая заслуга его жены, замечательной связистки Ирочки. Она была по натуре исключительно доброй и отзывчивой. Много читала. С ней всегда была книга. Ее рассудок был намного умнее ее возраста, и это облагораживало ее. Она была прекрасно воспитана, и в свои 18 лет так умела ухаживать за своим благоверным, что Ефиму мог позавидовать каждый мужчина.

Миловидная девушка Мариночка появилась на батарее как-то внезапно, и в то же время как будто все мы ее знали очень давно. Она говорила часто собственными стихами, произносила их к нужному месту в разговоре. Симпатичная, стройная, в хорошо подогнанной гимнастерке, казалась, создана не для суровой войны. Невольно думалось – одеть бы ее в бальное платье и – на новогодний бал. Но судьба подчас с нами была

суровой. Это относилось и к ней. Своей приветливостью и общительностью она снискала к нам свою любовь сестры не только милосердной, но и как бы родной. Где ее не приходилось видеть? Только что была на батарее и уже на НП или КП. Некоторых медсестер кое-кто брал под крылышко, а за них часто приходилось расплачиваться Марине. Где посложнее складывалась обстановка, туда и посылали ее. Но она никогда не унывала. Была всегда жизнерадостной. Своим существованием на батарее помогала нам быть душевнее, освобождаться подчас от своей грубой оболочки. Улыбка с ямочками на щеках не сходила с ее лица. Очень и очень хочется, чтобы она навсегда сохранилась такой, какой я ее знал.

Миша Толстоногов был самым младшим из нас. Высокого роста, полный, похож на сказочного русского богатыря. На вид спокойный и медлительный. Но при необходимости буквально взрывался и работал за семерых. Он прекрасно владел искусством артиллерийской науки. Батарея была одной из лучших в полку. Орудия всегда были в отличной боевой готовности. Таких, как его, Ульянкина, Павленко и многих других, невозможно было победить. Благодаря им мы выигрывали сражение за сражением и сокрушили навсегда гитлеровский вермахт.

Особенно мне приятно вспоминать о боевых друзьях Мише Зыкове и Александре Григорьевиче Сидельникове. С ними я прошел весь путь войны от создания до расформирования части. В то время еще совсем молодой, не по годам серьезный, всегда подтянутый, стройный Миша Зыков для меня казался легендарной личностью. В свои 20 лет за подвиги он был удостоен нескольких боевых орденов. В звании лейтенанта такое удавалось исключительно редким. Он был смелым и умным разведчиком. Всю войну находился на самом опасном участке. Десятки раз он прощался с жизнью и чудом оставался живым. Он был очень скромн и никогда не зазнавался. Постоянное нахождение в крошечном аду боя он считал обыденной фронтовой жизнью. С НП на батарею приходил редко, только в затишье между боями. Я очень был рад с ним встретиться и увидеть его живым и здоровым. Иногда он приходил очень усталый. Сказывались неистовый труд и бессонные ночи в напряженные дни. Порой от него зависела судьба полка. Он это понимал и с достоинством выполнял свой долг разведчика.

Александр Григорьевич был политработником как в мирное, так и в военное время. О нем я вспоминаю, когда смотрю кинокартины «Коммунист», «Партбилет», «Павел Корчагин» и другие. Он напоминает мне героев этих фильмов тем, что является настоящим, как они, коммунистом, преданным и убежденным своему правому делу.

Первый раз я у него был на беседе в 1942 г. в Красноярских Черемушках, когда мне после училища, двадцатилетнему, впервые доверили взвод – людей, намного старших меня, имеющих большой жизненный опыт, добровольно пришедших в армию, осознанно знающих, за что должны идти на смерть. В Александре Григорьевиче я почувствовал человека большой силы воли. Вначале он мне показался грозным. Но его разговор развеял меня к обратному. Он был немногословен, говорил без лишних слов, ясно и

доходчиво. В нем чувствовалось профессиональное мастерство говорить. В его отношении к людям я усматривал теплоту, доброжелательность и ум. От него всегда веяло чем-то отцовским и близким, родным. Его напутственные слова мне оченьгодились как во время войны, так и в послевоенные годы. Он отличался от многих командиров особой заботливостью о подчиненных и в то же время был строг как к ним, так и к себе. Но строгость его всегда была справедливой и оправданной. В бою он был исключительно смелым. Его авторитет снискал всеобщую к нему любовь однополчан.

За давностью лет я забыл многие имена дорогих мне боевых друзей. Но я хорошо помню о вас. Вы также были исключительно хорошими фронтовыми друзьями. [...]*

ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 3. Д. 13. Л. 2-15. Подлинник.

---

* Опушен общий исторический материал об итогах боевого пути в/ч, в которых служил В.Н. Бычков.

№ 1325

Из письма В.А. Мясницына⁷² школьникам с. Лаврово Мордовского района Тамбовской области

1968 г.

[...]*. Это было в августе 1942 г. Я работал в тракторно-полеводческой бригаде Лавровского конезавода Мордовского района. Сперва был заправщиком. Но любовь к технике, желание восполнить нехватку кадров позволили мне, восемнадцатилетнему парню, быстро оседлать «стального коня». Стал трактористом.

Мой отец, участник Первой мировой и Гражданской войн, к этому времени уже успел побывать в боях с немецкими захватчиками, был ранен и после госпиталя отдыхал дома. Долго, конечно, он не задержался – через неделю снова уехал. Я и другие мои сверстники со дня на день с нетерпением ждали вызова в военкомат⁷³. У нас даже была примета – причем очень точная. Если наш бригадир Юдин появится в поле на белой лошади – значит, везет кому-то из нас повестку.

И вот 16 августа 1942 г. показался наш бригадир на белой лошади. «За кем?» – гадали мы. На этот раз жребий пал на меня. Сборы, как говорится, были недолгие. Мать из последнего напекла пышек. Два дня назад то же самое она сделала для отца.

Из военкомата вместе с другими же молодыми призывниками выехали в Пензу. Там нас обмундировали, разместили в воинский эшелон, который шел по направлению к Горькому. Ехали быстро, почти нигде не останавливались. Я сидел в углу вагона и думал о матери, о своих младших братишках и сестренках, об отце, о бригаде, которую покинул неизвестно на какой срок – а может быть, навсегда.

На станции Ройка Горьковской области наш эшелон был загнан на запасной путь. Началась разгрузка. Выпрыгнув из вагона, наткнулся на отца. Оказывается, он ехал в том же вагоне. Где и как он садился, я не заметил. Радости не было конца. Мы наперебой начали угощать друг друга теми пышками, которые напекли нам дома.

Отцу предстоял путь прямо на Ленинградский фронт в свою часть. Он очень хотел, чтобы вместе с ним выехал и я. Но командование не разрешило: «Нельзя такому необученному юнцу на передний край». Отец согласился.

Я попал в запасной полк. Здесь мы изучали ПТР. Готовились бороться с вражескими танками. Все мы рвались поскорее попасть на фронт. Для каждого самым обидным было, когда по каким-либо причинам задерживалась отправка. Поэтому старались лучше и быстрее овладеть военным делом. Но воевать с танками мне не пришлось.

Попал в полк гвардейских минометов разведчиком. Часть формировалась здесь же, где располагался запасной полк. Мы получили «катюши», вскоре выехали к Сталинграду. Нас провожали с оркестром.

В первый же день пребывания на передовой я вышел в разведку. Интересно вспомнить это боевое крещение. Шел я без всякого страха, как на обычную работу. Вернее сказать, чувства страха я не ощущал не потому, что чересчур храбр, а просто не понимал, какой опасности подвергаюсь. И, видимо, плохо бы все кончилось, если бы не командир, который, когда надо, заставлял ложиться, всячески предостерегал и оберегал нас, молодых и горячих бойцов-разведчиков.

Так началась боевая жизнь. Дальше дела пошли лучше. С каждой разведкой приходили мастерство, военная хитрость, смекалка, солдатская находчивость.

В ночь на 12 февраля 1945 г. наша часть заняла позиции на берегу Одера. На той стороне начиналась земля врага. Вечером начальника полковой разведки капитана Халявина, радиста Бабкина и меня вызвали в штаб. Разговор был коротким. Нам приказано под покровом ночи переправиться на западную сторону Одера и корректировать огонь своих батарей.

Одер обжег наши лица холодом. Река бурлила. Шуршали, налезая друг на друга, льдины. Хотя ледяной путь не слишком удобен, но другого не было. Соединившись с подразделением прикрытия, мы двинулись в путь. Добрались до противоположного берега, и автоматчики открыли огонь, забросали фашистов гранатами. Устроившись в отбитой у врага траншее, мы развернули рацию. Но она оказалась прошитой пулеметной очередью и к работе не годилась. Что делать? «Немедленно в штаб. Протяните телефонную связь», – приказал мне капитан. Повторив приказание, я бросился к берегу. Но лед на Одере разорвало. Без лодки не обойтись. К счастью, она отыскалась. Быстро гребу. Раздается оглушительный взрыв. Лодку подбросило, и я оказался на льдине (снова повезло!). Раздумывать не было времени. Прыгая с льдины на льдину, бегу к берегу. Последние метры преодолеваю вплавь.

Быстро собрались связисты, начали разматывать катушку. Вместе со связистами в третий раз за ночь форсирую бушевавший весенним паводком Одер. Льдин на нем становится все меньше и меньше. Вместо них по реке плыли плоты, лодки. Кругом рвались снаряды и мины. Бомбили самолеты.

А через несколько минут после прибытия к месту, заглушая шум боя, «заговорили» наши «катюши». Капитан Халявин по телефону корректировал огонь.

Прошло несколько дней. Меня снова вызвали в штаб. Но на этот раз не за очередным боевым заданием. Зачитали Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении мне звания Героя Советского Союза. [...]**.

Личный архив В.Л. Дьячкова. Подлинник.

---

* Опущена вступительная часть письма.

** То же рассказ о посещении В.А. Мясницыным своей войсковой части в декабре 1967 г. в дни празднования ее 25-тилетия и о вручении ему именных золотых часов.

№ 1326

Из беседы К.М. Симонова с бывшим начальником штаба Западного и 3-го Белорусского фронтов генерал-полковником А.П. Покровским⁷⁴

25 мая 1968 г.

[...]*. То, что я буду Вам рассказывать, и те характеристики, которые я Вам буду давать по ходу рассказа, не есть какое-то суждение в окончательной своей форме. Многие вопросы дискуссионны, многие не разработаны еще в достаточной мере нашей историей. А характеристики людей, о которых я буду говорить, носят, естественно, субъективный характер; оценки этих людей в данном случае принадлежат мне и не претендуют на объективность. Я излагаю Вам все это с целью дать Вам общий материал для размышлений на эти темы, когда Вы будете писать роман, а не для того, чтобы в какой-то мере использовать этот материал как материал документальный.

В период Великой Отечественной войны я работал с несколькими командующими фронтами. Перед войной в звании генерал-майора я был заместителем начальника штаба Московского военного округа. После того, как Ворошилов был освобожден от обязанностей наркома обороны и на его место был назначен Тимошенко, первым заместителем к Тимошенко был назначен Буденный. Вскоре после своего назначения он вызвал меня к себе и предложил работать у него. Сказал, что должности еще не установлены, но он хотел бы, чтобы я работал у него и вместе с ним и приступил к этому сразу же. И спросил, как я к этому отношусь. Поблагодарив его, я сказал, что я чувствую себя на месте на той должности, на которой нахожусь в штабе Московского военного округа, и не думаю о том, чтобы менять ее на что-либо другое. Буденный не посчитался с этим, настаивал на том, чтобы я

пошел к нему. В итоге я сказал: «Слушаюсь» и на следующий день явился к нему в Наркомат. Он повторил, что должности еще не определились, а пока что попросил меня, чтобы я знакомился со всей текущей литературой, с текущим ТАССом по военным вопросам и докладывал ему, помогал быть в курсе всех текущих событий с их отражением в литературе и в печати. Этим делом я некоторое время занимался.

Одновременно со мной в Наркомат пришел работать генерал-лейтенант Злобин. Образованный, умнейший человек, который пошел к наркому обороны Тимошенко на ту же роль, что я пошел к Буденному. Встретившись, я спросил его, чем он сейчас занимается. Он сказал, что подрабатывает вопросы кадров, должностей и так далее. В этом разговоре он сказал, что намечаются должности «генерал-адъютантов». Через некоторое время такое решение состоялось. Он стал генерал-адъютантом у наркома, а я – генерал-адъютантом у первого заместителя, у Буденного.

Следующие события начала войны показали, что мы не были подготовлены к организации полевого управления. Положение о полевом управлении армией в условиях войны не было выработано перед войной. Были записки, проекты, но такого Положения о полевом управлении армией, о Ставке и, вообще, о переходе армии на военное положение, если говорить о ее управлении, Положения, которое перед первой мировой войной существовало, такого разработанного и утвержденного Положения не было. Поэтому в начале войны все это утрясалось не сразу. Ставка организовывалась с рядом перемен и уточнений. И полевые управления направлений, которые были созданы вскоре после начала войны (трех направлений, объединявших фронты), тоже были организованы уже в ходе дела, наспех. А практически это выглядело так, что Буденный вызвал меня к себе и сказал, что мы едем, направляемся, чтобы я собирался. Куда, как направляемся – я еще этого не знал. И только в поезде, который двигался по направлению к Брянску (в вагоне ехали Буденный, я и его адъютанты), я спросил у Буденного, что же, так сказать, предполагается. Предполагалось не более и не менее, что он должен был принять в свое подчинение четыре подходивших из глубины страны армии. И вот для того, чтобы принять эти четыре подходивших армии там, в районе Брянска, у Буденного не было ни управления, ни штаба. Практически был у него генерал-адъютант в моем лице и еще адъютанты, охрана, ополченцы. Все. Так что первые меры к тому, чтобы принять эти армии, к тому, чтобы что-то организовать, пришлось принимать в очень необычной, неудобной обстановке. Правда, тем временем уже были организованы направления. Западный фронт стремительно отходил. Эти армии, которые предназначались нам, пошли на Западный фронт, а Буденный был назначен командующим Юго-Западным направлением.

Куда ехать? Аппарата у Юго-Западного направления не было. Штаба не было. Куда ехать? Поехали в Полтаву. Так решили и поехали. Вот в таком же примерно составе. Таким образом там управление Юго-Западного направления, начальником штаба которого я стал по ходу дела, создавалось

на ходу и из ничего. Не было аппарата. Не было готовых кадров. То есть кадры-то были, но даже наличие самых хороших кадров, знающих, опытных людей – это еще не создает само по себе работоспособного штаба. Штаб складывается в работе: он должен быть подготовлен. А у нас что получалось? Например, чтобы создать штаб Южного фронта, было направлено туда управление Московского военного округа. Но управление Московского военного округа было не в курсе дела. Оно не знало ни этого театра, ни этих войск, ни всего того, что связано с подготовительной работой, предшествовавшей войне в штабе тех соединений, которые должны развертываться именно на этом театре военных действий. Штаб Московского военного округа, прибывший туда, на юг, и ставший штабом Южного фронта, долго разбирался в обстановке и осваивался с нею. Разумеется, это было неправильно. Мы могли иметь, предвидя военные действия, мы могли иметь там, на юге, заранее сформированное управление штаба Южного фронта. И это стоило бы не столь уже дорого в мирное время и могло быть создано не открыто, а закрыто, под другим названием. Это было бы крайне необходимо.

Итак, первый из командующих, с кем я работал во время войны, был Буденный.

В предшествующие дни на Юго-Западном фронте побывал Жуков, в самые первые дни, организовал там наступление с лозунгом: «Бить под корень! На Люблин!». Из этого наступления ничего не получилось. Погибло много войск, мы потерпели неудачу. Жуков уехал в Москву. Правда, потом он говорил, что это наступление было организовано по приказанию Сталина.

Буденный – человек очень своеобразный. Это настоящий самородок, человек с народным умом, со здравым смыслом. У него была способность быстро схватывать обстановку. Он сам не предлагал решений, сам не разбирался в обстановке так, чтобы предложить решение, но когда ему докладывали, предлагали те или иные решения, программу ту или иную действий, он, во-первых, быстро схватывал обстановку и, во-вторых, как правило, поддерживал наиболее рациональные решения. Причем делал это с достаточной решимостью. В частности, надо отдать ему должное, что когда ему была доложена обстановка, сложившаяся в Киевском мешке, и когда он разобрался в ней, оценил ее, то предложение, которое было сделано ему штабом, чтобы поставить вопрос перед Ставкой об отходе из Киевского мешка, он принял сразу же и написал соответствующую телеграмму Сталину. Сделал это решительно, хотя последствия такого поступка могли быть опасными и грозными для него. Так оно и вышло. Именно за эту телеграмму он был снят с командующего Юго-Западным направлением, и вместо него был назначен Тимошенко.

Тимошенко приехал настроенный на то, чтобы не отступать, продолжать сражаться на тех позициях, на которых находились войска, и с ощущением, что здесь, на Юго-Западном направлении, впали в панику, и что телеграмма Буденного неправильно ориентировала Ставку. Тимошенко – человек в военном отношении подготовленный, много работавший над

собой, разбирающийся в вопросах тактики и оперативного искусства. В этом смысле нельзя его недооценивать. Но у него было очень своеобразное отношение к штабу. Он имел с собой – видимо, он выговорил себе такое право – имел с собой так называемую группу Тимошенко. Он не доверял нам, людям, работавшим в штабе Юго-Западного направления. И в то же время он нас не снимал. Мы продолжали работать все на своих местах, но к каждому из нас был назначен своего рода дублер. То есть целая группа генералов, полковников, приехавшая с Тимошенко, докладывала ему. Находилась при соответствующих отделах штаба, при начальнике штаба, оперативном отделе, разведывательном и так далее и докладывала ему свое мнение, свою точку зрения на события. Получались двойные донесения, двойная информация. Это, разумеется, создавало ненормальную обстановку в работе. Чувствовалось, что Тимошенко доверяет людям из своей группы, хочет в каждом случае перепроверить те данные, которые дают работники штаба. Стремление знать в точности обстановку – стремление хорошее, но то, как это проводилось при помощи такого дублирования, создавало совершенно ненормальные условия для работы.

Вскоре я был освобожден от должности начальника штаба Юго-Западного направления. Я считаю, что это было сделано правильно. После всего того, что произошло на Юго-Западном направлении, после наших тяжелых неудач я сам находился в тяжелом состоянии, и мне было трудно исполнять свои обязанности.

Меня отозвали и назначили на Северо-Западный фронт начальником штаба в армии, которой командовал Пуркаев. А оттуда я был назначен начальником оперативного управления на Западный фронт. Здесь мне пришлось, на Западном фронте, впоследствии – на третьем Белорусском, работать всю войну, до самого ее конца. Сначала в роли начальника оперативного управления, потом некоторое время в роли начальника штаба 33-й армии, а затем снова в оперативном управлении и заместителем начальника штаба фронта у Соколовского. А затем после снятия Конева, когда Соколовский стал командующим фронтом, я стал начальником штаба фронта и в этой должности уже оставался с зимы 1943 г. до конца войны.

В качестве начальника оперативного управления мне много пришлось работать с Жуковым и с Коневым. Жуков мало выезжал – не выезжал, в сущности, на фронт, а с Коневым мне приходилось бывать и в ряде поездок в армии. Многие черты стиля руководства Жукова и Конева были схожи. Но Конев среди всех командующих фронтами, с которыми приходилось работать, был человеком наиболее экспансивным, горячим. Правда, надо заметить и другое. Он был горяч, но отходчив. Мог очень возмутиться, раскипятиться, накричать, но быстро отходил. И вообще, вот вспоминая всех их, я должен сказать, что из всех командующих фронтами, с которыми я имел дело, Конев был, как бы это сказать, самым... Это был больше всего солдат, и в нем было больше всего человечности – в его характере, в натуре. А мне приходилось сопровождать его в поездках в армии. Как-то однажды целый день мы ходили с ним по траншеям переднего края — надо было

послушать, как он разговаривал с солдатами. Это не был показной разговор: вот командующий поехал и поговорил с солдатами. Это был естественный разговор. За этим стояла его солдатская суть, солдатская натура. Он с солдатами говорил так, ибо иначе и не мог говорить, с абсолютным пониманием солдатской жизни, души, с абсолютной естественностью, с полным отсутствием чего-либо показного или нарочитого.

Потом, имея сведения с других фронтов, я слышал, что Жуков немало выезжал в армии, на передовые. Но во время Московской операции он никогда на моей памяти не выезжал на фронт, всегда находился на своем командном пункте. Смешно было бы тут говорить о мере храбрости – это вообще по отношению к Жукову вопрос недискуссионный. Но если говорить о причинах, почему он сидел на КП неотрывно, то причина одна — целесообразность. Слишком было опасное положение под Москвой. Слишком напряженное. На слишком многих и разных направлениях можно было каждый момент ждать удара, изменения обстановки, грозного для нас разворота событий. В этих условиях командующий фронтом, который бы уехал на один участок, а в это время произошли бы события на другом, и его бы не оказалось на командном пункте для того, чтобы немедленно принять соответствующие меры, поступил бы неправильно, неразумно. И, испытывая на себе огромную меру ответственности за Москву, находившуюся за спиной, Жуков не позволял себе поддаваться никаким порывам, никуда не выезжал. Он работал, сидя на командном пункте, всю Московскую битву. Я расцениваю это как целиком положительный факт в складывавшихся тогда обстоятельствах.

Жуков ценил штаб, понимал значение штаба в работе командующего, не мыслил свою работу в отрыве от работы штаба. И штаб при нем работал спокойно и регулярно. Подписав вечером итоговое донесение, он больше не дергал штаб. Подводились итоги вечером во время составления итогового донесения, определялись задачи на следующий день, и с утра можно было спокойно работать в штабе, зная, что не будет дерготни, напоминаний, вопросов. Во всяком случае, первые несколько часов утренней работы. Работникам штаба Жуков доверял. Доверял их донесениям, суждениям. И пока он доверял, работать с ним было хорошо. Но с людьми, раз выходящими у него из доверия, он бывал крут, и если учесть огромные полномочия, которые он имел, огромные права, это грозило – могло грозить – тяжелыми последствиями. Надо сказать, что стиль разговоров с командармами в штабе фронта в период командования Жукова установился грубый. Неправильно, на мой взгляд. И Жуков, и Булганин, и Соколовский, начальник штаба, были грубы с командармами и по телефону в случае неудачи или неполного успеха – словом, всего того, где происходившее не соответствовало первоначальным планам, – по телефонам шла грубая ругань, и иногда можно было услышать больше разговоров о том, что снимут голову, чем разговоров о том, как поправить дело. А ведь умение руководить и умение снимать голову – это разные умения. К тому, что я сказал, все,

конечно, не сводилось, но это имело место и имело чисто отрицательное значение, на мой взгляд.

После Жукова был назначен Конев. После Конева, после неудачных боев зимой 1943 г. Конев был освобожден, впоследствии назначен на Степной фронт, а Западным фронтом был назначен командовать Соколовский.

Говоря о Западном фронте, о ряде неудач, его постигших, и о его упорных, но часто неудачных наступательных операциях на протяжении длительного времени, нельзя забывать следующей стороны дела. Западный фронт работал в интересах Сталинграда, в интересах южных фронтов. Об этом нельзя забывать. Особенно в период наступления немцев на юге и в самый период Сталинградского сражения. И оборонительного, и наступательного. Говоря о Сталинграде, часто забывают даже о том, что сделали армии, непосредственно не сражавшиеся в Сталинграде, а воевавшие на Воронежском, Юго-Западном фронте. А тем более забывают о действиях на других фронтах. Между тем действия Западного фронта притягивали к себе большое количество немецких частей, не давали снимать немцам свои части, противостоявшие Западному фронту, не давали перекидывать эти части на юг, и все эти операции оказывали огромную помощь Сталинграду.

В частности, следует сказать о Погорело-Городищенской операции летом 1942 г., затем о Жиздринской операции. Они не дали того эффекта, на который рассчитывали, но все же это были наступательные операции, в которых мы сковали большие немецкие силы и тем помогли Сталинграду.

Что сказать о Соколовском? Это очень противоречивый человек. Он был очень умен. Я бы сказал, исключительно умен, широко образован. Когда заговоришь с ним по вопросам оперативным, стратегическим, общеполитическим, то этого человека можно заслушаться. Он очень широко брал вопросы, мыслил широко. Я бы сказал, мыслил политически. Стратегически и политически. Словом, это был большой умница, образованнейший командир с огромным опытом. А в роли командующего фронтом у него не получилось. И даже трудно объяснить, почему так вышло. Он проводил одну за другой целый ряд стоящих нам очень тяжелых потерь неудачных операций. И после всех этих неудач он был снят приехавшей из Москвы специальной комиссией Государственного Комитета Оборона. Операции предпринимались недостаточными силами. Во время операций, в ходе их особенно становилось ясно, что мы не сможем выполнить задачу, что для этого недостаточно сил и средств. Об этом докладывали Соколовскому, но он это не принимал во внимание и продолжал операцию. Думаю, что известную роль сыграло в этом и его отношение к Гордову, командующему в то время 33-й армией, на которого он опирался. Не знаю, как кто смотрит на Гордова. Я о нем, лично я, резко отрицательного мнения. Это человек, который воевал, не считаясь с потерями, организовывал наступления, не думая о потерях, давал необдуманные обещания, пытался выполнить их ценою огромных жертв, а в итоге не выполнял их. В конце концов он был снят – и снят совершенно правильно. А значительная часть операций,

которые проводил Соколовский как командующий фронтом – он именно 33-ю, бывшую Ефремовскую, армию, которой командовал Гордов, выдвигал на решающие участки наступления, делал из нее ударные силы.

Когда пришел поезд с комиссией, сначала члены комиссии – там был Маленков во главе комиссии, был там еще и Кузнецов Федор Федотович, начальник разведуправления в то время, еще несколько лиц, – сначала они говорили с Военным советом, а затем вызвали и нас, меня в том числе в качестве начальника штаба фронта. Помню, как Маленков в спокойном тоне спросил Соколовского: «Как же получились все эти неудачи? Вот здесь объясняют, что были недостаточные силы, недостаточные средства, что эти операции нельзя было проводить этими силами и средствами. Что Вы можете на это сказать? Вам же это было видно. Почему же Вы ни разу за все время не сняли трубку, не позвонили товарищу Сталину и не сказали своего мнения о том, почему нельзя проводить эти операции, почему недостаточно сил и почему выполнение поставленных задач не может быть обеспечено?».

Была долгая пауза. Соколовский так ничего и не ответил. Я был поражен. Но факт остается фактом. Он не ответил на это ни одного слова. И он действительно не звонил... В ответ на вопрос Соколовский так и не сказал ни слова. Не знаю, чем это объяснить, не могу. То ли не решался звонить Сталину, то ли верил в то, что ему удастся выполнить поставленные перед фронтом задачи с теми недостаточными силами и средствами, которые у него были. А было всего мало как раз в этой последней операции, после которой его сняли. Мало было танков. Мало было снарядов. Мало было людей. Нечем было выполнять задачи. Может, играло роль и то, что Гордову он верил, что тот выполнит задачу, возложенную на 33-ю армию. Может быть, тот обещал, а этот доверился. Трудно сказать.

Работа с Соколовским как с командующим фронтом сначала протекала нормально. Командный пункт функционировал нормально, как и всегда. На командном пункте находился он, член Военного совета, начальник штаба, начальники родов войск, артиллерии, танковых войск, начальник связи, инженерных войск, командующий воздушной армией. А потом, после первых неудач, Соколовский занял странную позицию. Он уехал с КП фронта за 20-30 километров, там приказал оборудовать себе отдельный пункт, там у него была связь, были адъютанты. И все, больше ничего не было. Оттуда он по телефону связывался со штабом, с Москвой и с армиями, непосредственно разговаривал оттуда с командующими. Это было такое странное уединение, мешавшее, конечно, нормальной работе и штаба, и нормальной работе командующего. Почему он так сделал, трудно сказать. Быть может, тут сыграло роль то, что штаб докладывал истинное положение вещей ему как командующему. Докладывал реальное наличие войск, боеприпасов, средств усиления. То есть докладывал картину, из которой было ясно, что операция успехом увенчаться не может. По существу, в этой форме представлял свои возражения против проведения операции. Может быть, он не хотел постоянного давления штаба и таким образом отъединился от него – по существу, командовал помимо штаба. Хотя, конечно, штаб

продолжал делать свое дело. Это создавало очень сложную обстановку, ненормальную.

Когда Соколовский был снят, вместе с ним был снят и ряд других офицеров, в частности начальник разведки – очень хороший, кстати. Но приехал Кузнецов как начальник Разведупра и, видимо, считал по своей линии нужным кого-то снять, наказать. Я не был снят. Получил выговор и остался начальником штаба. И вот в этой обстановке приезжает на фронт новый командующий – Черняховский. Перед его приездом Западный фронт имел подряд несколько неудач. Серьезных неудач. Была комиссия ЦК, был снят командующий, выговор получил начальник штаба. Можно было ожидать, что в такой обстановке новый командующий, молодой (ему тогда не исполнилось еще и тридцати восьми лет), отнесется к штабу с недоверием, постарается, может быть, заменить людей, взять на их место других – тех, которым он доверяет. Во всяком случае, можно было ожидать настороженного отношения к работе штаба с его стороны. Однако этого не произошло. Он приехал и подошел ко всем вопросам очень трезво, спокойно. И мне, как начальнику штаба, выразил доверие, советовался, информировался, разбирался вместе со мной в обстановке. Словом, было ясно, что он намерен работать с теми людьми, которые здесь, в штабе, находятся.

Надо сказать, что штаб Западного фронта, впоследствии 3-го Белорусского, был очень сильный штаб, один из самых сильных штабов. Коллектив давно сложился. Сложился еще в тридцатые годы в Белорусском округе, при Уборевиче. Конечно, потом многое было, много людей потеряли (и до войны, и во время войны), много было перетрясок, перемен. Но дух штаба сохранялся. Культура работы. Коллектив штаба продолжал существовать, и в нем жила преемственность, жили традиции. Поэтому, объективно говоря, Черняховский был прав, когда он не стал шерстить штаба, переставлять людей, когда он отнесся к штабу как к коллективу, в котором ему придется работать.

Я, как начальник штаба, благодаря такому отношению командующего почувствовал уверенность в работе, желание работать с ним. И я постарался, естественно, передать эту уверенность, это желание всему коллективу штаба, постарался настроить штаб на дружную, целеустремленную работу, на всемерную помощь командующему.

В смысле стиля работы Черняховский во многом напоминал Конева. Он так же, как Конев, много ездил на фронт, в войска, постоянно бывал там. Он был человеком выдержанным и при волевом характере не проявлял этот характер в грубости и в резкости. Умел потребовать, умел быть твердым, но не ругался, не разносил людей, не унижал их.

Вспоминаются события в августе сорок четвертого года под Гольдапом, когда 33-я, частично 11-я армия неудачно действовали в Восточной Пруссии. Начали наступление, наткнулись на немцев, которые нанесли удар силами нескольких танковых дивизий, и отступили, были сброшены с плацдармов на той стороне Шишупы. Это была чувствительная

неудача, болезненная. Особенно если учесть, что речь шла о переходе границы Восточной Пруссии. И когда это произошло, я был свидетелем разговора по телефону Черняховского, если не ошибаюсь, с Галицким. Можно было ожидать, что Черняховский за эту неудачу начнет разносить командарма. Однако этого не случилось. Он позвонил и потребовал доклада. Не ругал, а уяснил себе положение армии, спрашивал, где что находится, где артиллерия, где такие-то, такие-то и такие-то части, где находятся резервы, что можно в кратчайший срок подтянуть и так далее. Когда уяснил себе положение, отдал ряд приказаний – что сделать, куда что передвинуть, какие меры принять. На том разговор и кончился.

Для него, как для командующего фронтом, неудача эта была очень болезненной, чувствительной, но он не дал волю своим чувствам, а, прежде всего, занялся делом – выяснением положения и исправлением его. Что, конечно, было абсолютно верно, и что далеко не всегда делали другие в таких ситуациях.

Черняховского я совершенно не знал. Знал о нем, что он боевой командарм, в качестве такового выделился, но лично знаком с ним не был. До этого и с Соколовским, у которого я был заместителем начальника штаба Московского военного округа, и с Жуковым, и с Коневым я был давно знаком, мы вместе служили в свое время в Белорусском округе, и, конечно, в отношениях, в доверии ко мне эта совместная служба играла определенную роль. Я был в Белорусском округе начальником штаба корпуса, а Конев командовал там стрелковой дивизией, Жуков – кавалерийской. Обе эти дивизии не входили в наш корпус, наш корпус был двухдивизионного состава, но когда происходили учения, зачастую дивизии эти придавались корпусу или входили в состав группы, которая проводила учения, и мне, как начальнику штаба корпуса, постоянно приходилось иметь дело с ними обоими как с командирами дивизий, входивших в оперативное подчинение корпусного командования. [...]**.

На плечах начальника штаба фронта лежит необходимость все увязать, все сомкнуть. Хотя начальники родов войск, командующие артиллерией, бронетанковыми войсками, командующие воздушной армией – люди, не подчиненные начальнику штаба, а подчиненные командующему фронтом, хотя они в некоторых случаях даже сами члены Военного совета фронта, но они все связаны со штабом. Вот сомкнуть, увязать деятельность всех этих служб, всех родов войск – это должен штаб. Поэтому при подготовке любой операции, после выработки плана, директивы, все службы идут в штаб, все идет к тебе, все один за другим приходят, решают вместе с тобой и со штабом все необходимые вопросы, которые требуют уточнения, доработки, увязки. Бывало, конечно, и так, что иногда начальники родов войск игнорировали штаб. Бывало так, что человек хочет себя поставить в независимое по отношению к начальнику штаба положение, обходит его, действует сам, подчеркивает свою самостоятельность, но где-то в конце концов становится туго, и он в этом, как правило, раскаивается, у него возникает необходимость, вернее, понимание той необходимости, которая

бывает с самого начала реальной, – увязка всех своих действий со штабом, работа в тесном контакте со штабом фронта. В конце концов такой момент приходит для каждого – даже для того, кто хотел бы по субъективным причинам игнорировать штаб.

Очень важно поставить себя как начальника штаба в правильное положение во взаимоотношениях со всеми родами войск и их командующими, начальниками. Очень важно, чтобы люди, они сами, их начальники штабов шли к тебе, звонили тебе, давали правдивую информацию по своей линии. У штаба артиллерии идет информация по штабу бронетанковых войск, по штабу воздушной армии, по штабу тыла. Очень важно, когда ты имеешь возможность проверять информацию и пополнять информацию, полученную тобой непосредственно от своих штабных работников, информацией, полученной от работников штабов родов войск. Ну, а трудность, повторяю, в том, что начальники родов войск не подчинены тебе. Как бы и подчинены, а в то же время нет. Надо сказать, что мы, как правило, находили общий язык и правильную систему отношений с командующими родами войск.

Очень хорошо было работать с Хрюкиным – командующим воздушной армией. Это был человек молодой, с большим боевым опытом, способный, выдержанный, умный, умевший хорошо организовать работу авиации, подчиненной ему. Когда он пришел после Михаила Михайловича Громова, мы, можно сказать, вздохнули. Громов – блестящий летчик, но человек невоенный, не военачальник, не организатор. О нем даже рассказывали такой случай, что когда в течение долгого времени мы не могли организовать воздушную разведку в немецких тылах, ничего не получалось, ну никак, он созвал командиров авиационных частей к себе и, возмущаясь этим обстоятельством, стыдил их и даже спросил их: «Наконец, есть ли среди вас хоть один мужчина, который сделает то, что ему поручено?!». Он стыдил, а Хрюкин, когда пришел, организовал воздушную разведку, и мы стали получать нужную нам информацию.

Дружно проходила работа с Иваном Сергеевичем Хохловым – вторым членом Военного совета, который занимался вопросами тыла и снабжения. Человек очень хороший, обаятельный, знающий, умный, с большим опытом в том деле, которым он занимался на фронте.

Очень важную роль на фронте играли, конечно, военные сообщения. Алексей Васильевич Добряков, генерал-лейтенант, начальник ВОСО фронта, был на высоте своего положения, был очень опытен в этой работе и делал все возможное для своевременного снабжения фронта, что играло очень большую роль в работе. Вообще тут нельзя преуменьшать роль военных сообщений. Они играли огромную роль. И, наоборот, при плохой работе могла провалиться любая, самым хорошим образом задуманная операция...

Я спросил у Покровского, что он думает по поводу института представителей Ставки. Он на это ответил так:

– Вы задаете вопрос, по которому (Вы это сами прекрасно знаете) существуют разные точки зрения, существует немало споров. Рокоссовский выступал в печати, критиковал этот институт, отрицательно отзывался о нем. Основное направление его мысли было критическое. Выступали другие военные деятели (Василевский, например), и из их выступлений в печати, статей можно создать себе представление, что институт представителей Ставки играл положительную роль.

Ну, прежде всего, надо анализировать все в целом. Обычно, когда останавливаются на роли представителей Ставки, то берут только наступательные и удачные операции, как правило, и на их фоне рассматривают роль представителей Ставки. Но представители Ставки были в разных операциях. Представители Ставки были во время Керченской операции. Представители Ставки были и в Крыму в период падения Крыма. Принимали они участие и в целом ряде других операций, оборонительных в том числе, и их деятельность в этих операциях освещена в литературе очень мало. И надо сказать, что я не помню такого случая, чтобы они существенно исправили положение во время этих неудачных для нас операций.

Я, конечно, не претендую на то, что мое мнение объективно. У разных людей разное складывается мнение по этому поводу, подчеркиваю это. Этот вопрос вообще заслуживает гораздо более обширного исследования, которое еще, по существу, не предпринято. Но мое личное мнение, что институт представителей Ставки мало оправдывал себя. Кроме того, надо проанализировать, в каких случаях были представители Ставки, в каких нет. Здесь проявлялся субъективный момент, связанный с дроблением фронтов. На мой взгляд, мы занимались неоправданным дроблением фронтов. Ну, например, перед Белорусской операцией, почему был разделен устоявшийся, сложившийся 3-й Белорусский фронт на два фронта – на 3-й и 2-й? Задача была общая. Полоса наступления не разделена была никакими естественными преградами. Пришлось формировать новое управление фронта 2-го Белорусского. На какой базе? На базе корпусного управления, что, разумеется, не могло дать сразу сильного штаба фронта. Развертывать штаб фронта из корпусного управления – должно быть ясно, что это не наилучший вариант развертывания. Фронт переставал быть фронтом, превращался иногда, в сущности, в усиленные армии. А армии, входившие в состав этого фронта, соответствовали примерно немецким армейским корпусам. В таких условиях человек, который координирует действия двух соседних фронтов, по существу, командовал одним раздробленным на две части фронтом. А в Белорусской операции вышло так, что сначала 3-й Белорусский фронт разделили на два – на 3-й и 2-й. А потом, когда производилась координация, то получилось, что эти разделенные фронты попали к разным координаторам, потому что 2-м Белорусским фронтом и 1-м Белорусским фронтом, левее него, занимался как координатор Жуков, а 3-м Белорусским фронтом и 1-м Прибалтийским, правее него, занимался как координатор Василевский.

Я читал одну статью, где давалась такая оценка, что вроде бы Черняховский был очень доволен тем, что Василевский был представителем Ставки и осуществлял координацию руководства фронтами, его фронтом в частности. У меня такого впечатления не сложилось. Черняховский был человек выдержанный, но его, на мой взгляд, тяготило то, что действия его координируют и что есть еще какая-то инстанция между ним и Ставкой. Это не облегчало его работу. При всем его личном уважении и высоком мнении о Василевском. Дело не в личностях тут, а в самом положении двухступенчатом, которое не может не тяготить командующего фронтом. Да и не случайно, конечно, что когда действовали большие фронты, во главе которых стоял Конев, стоял Жуков, то никакой речи о координации действий, о том, чтобы назначить к ним координатора, не было. У них не было координаторов, они действовали самостоятельно. Их действия координировала Ставка, что и было вполне правильно.

В итоге выходит, что это не было принципиальным решением – координация действий нескольких фронтов, это было решением, во-первых, спорадическим, временным, во время той или иной операции, а во-вторых, это правило, которое существовало не для всех. К одним командующим фронтами назначали координаторов, а к другим нет. Да и координаторы были разные, игравшие более реальную роль и менее реальную роль. Этому тоже есть ряд примеров. Есть и примеры, по существу, формальной координации действий. Такие примеры были.

Проблема дробления фронтов и связанная с нею проблема представителей Ставки для координации действий фронтов как одна альтернатива, и проблема направлений, постоянно объединяющих действия нескольких фронтов, как другая альтернатива – это вопрос, еще недостаточно освещенный в нашей военной истории, но существующий. И надо добавить, что при дроблении фронтов, при наличии малых фронтов руководство ими со стороны Ставки приобретало слишком оперативный и даже тактический характер, что тоже сказывалось отрицательно. Донесения, которые шли в Ставку, часто бывали, на мой взгляд, слишком детализированы. Нужно было доносить о каждой детали, о каждом взятом населенном пункте. Вряд ли в этом существовала действительная необходимость. Общее стратегическое руководство такой меры подробности донесений не требует.

Перед началом операции, в период замысла ее и в тот период, когда она уже решена и надо людей готовить к ее выполнению, перед начальником штаба, вообще перед штабом существует диалектическая трудность. С одной стороны, нельзя разглашать строгую военную тайну. Но, с другой стороны, надо, чтобы люди поняли, чего они ждут и к чему они должны готовиться. Вот тут находи меру того и другого.

Какая отрицательная черта в работе представителей Ставки на фронте? Представитель Ставки едет, конечно, не один. Он едет со своим собственным аппаратом. В этом аппарате у него представители разных родов войск, люди, которые в состоянии контролировать, входить в курс той или иной отрасли деятельности штаба фронта, который координирует координатор. Раз

представитель едет со своим аппаратом, то начинается и дублирование. Его сотрудники идут в штаб, один дублирует начальника штаба, другой – связь, третий – разведку, четвертый – оперативное управление, и поскольку они заняты этой деятельностью и должны информировать представителя Ставки обо всем, что они знают, то возникает на фронте получение двойных сведений. Сначала запрашивает сведения штаб соответствующие отделы, а потом запрашивают те же самые сведения у тех же самых людей, в тех же самых войсках работники аппарата представителя Ставки. В войска следуют двойные запросы, от войск следуют двойные донесения, которые часто не совпадают. Не совпадают, потому что, во-первых, донесение может быть по-разному прочтено и понято – уже одно несовпадение; во-вторых, одно донесение от другого или одно полученное сведение от другого отделяют час или два: за это время положение уже в чем-то переменялось в ту или иную сторону – снова несовпадение. А в итоге бывают случаи, когда представитель Ставки начинает стыдить тебя в роли начальника штаба фронта: как же, вот Вы сообщаете то-то и то-то, а дело обстоит так-то и так-то, Ваш штаб плохо работает, что это за штаб!

Надо отметить одно важное обстоятельство. Сталин, назначая своих представителей Ставки для координации фронтов, в то же время не выпускал из виду командующих. Не отпускал командующих с провода, разговаривал не только с представителями Ставки, но и с командующими фронтами. И командующий фронтом имел возможность непосредственно донести ему по любому вопросу, по которому считал это нужным. Это, конечно, облегчало положение командующего фронтом и было правильно при той сложившейся практике, которая была.

А, в общем, по моему ощущению, и командующий фронтом, и штаб, и начальник штаба, как правило, вздыхали свободно, когда с фронта отбывал представитель Ставки.

Было правило, при котором устные донесения в Ставку шли каждые два часа по ВЧ, а итоговое давалось в двадцать четыре часа ежедневно.

Выезжал ли я как начальник штаба на фронт? Редко.

Разный стиль может быть у начальников штабов. Например, если Вы посмотрите воспоминания Бирюзова, то увидите, что у него был другой стиль: он много выезжал в войска. Я – нет. В принципе выезды начальника штаба в войска, конечно, возможны: командующий может дать то или иное поручение начальнику штаба, в особенности если сам командующий в это время остается на командном пункте. Но если нет прямой цели, прямого поручения, то у меня и здесь, в штабе, всегда много работы, поэтому я по собственной инициативе не выезжал. Командующий, как правило, с утра уезжал вперед, в войска, а я должен был сидеть в штабе. Думаю, что это правильно. К вечеру командующий фронтом возвращается из войск. Мои офицеры, посланные от штаба фронта, из оперативного отдела, разведывательного, тоже возвращаются к этому времени. Командующий и лица, которые ездили с ним, привозят свои сведения, мои офицеры – свои. Эти сведения смыкаются и помогают подвести итоги и наметить планы на

следующий день. Вдобавок, как я уже говорил, я получал сведения не только через своих офицеров, но и от офицеров воздушной армии, от артиллеристов. От офицеров других штабов, тоже выезжавших или находившихся в войсках. Это тоже помогало представить себе общую картину. Начальник оперативного управления часто уезжал вместе с командующим вперед.

О Черняховском. Черняховский был танкистом и он всегда интересовался техникой, интересовался новинками. Гибель его была связана, между прочим, с этой его чертой. Он поехал к Горбатову из соседней армии, потому что туда прибыли новые самоходки.

Штаб Западного фронта складывался в Белоруссии при Уборевиче. Именно оттуда, из Белорусского округа, вышло множество людей, потом на командных и штабных должностях участвовавших в Великой Отечественной войне. Жуков, Конев, Малиновский, Мерецков, Курасов, Маландин, Захаров. Это была школа Уборевича. Он был удивительным человеком крупных дарований. Все эти большие потом люди казались тогда такими маленькими рядом с ним. Сейчас Жуков и Конев вошли в историю, сделали очень многое, а тогда они казались рядом с этим человеком маленькими. Он учил их, они учились у него. Он был человек очень большого масштаба. Думаю, что в военной среде, так же как и во всякой другой, не каждое десятилетие рождаются такие крупные, талантливые личности. И то, что такой человек перед войной был потерян для армии, было особенно большой трагедией среди других трагедий. Это был неподобный человек. С ним было легко работать, если ты много работал, если ты был в курсе всех военных новинок, всех теоретических новинок, если ты все читал, за всем следил, за всеми военными журналами, за всеми книгами. И если ты с полной отдачей занимался порученным тебе участком работы. Но если ты за чем-нибудь не уследил, отстал, поленился, не прочел, не познакомился, не оказался на уровне военной мысли, на уровне ее новых шагов, если ты не полностью или не так хорошо, как нужно, выполнил возложенное на тебя поручение – тогда берегись. Тогда с Уборевичем трудно работать. Он был очень требователен и не прощал этого. Словом, это была настоящая школа.

Я заметил на это Александру Петровичу, что в разговорах Жукова с Коневым, наблюдая, как они расходятся по множеству вопросов и проблем, я увидел, что в оценке Уборевича они абсолютно сходились. Оба ценили его высочайшим образом.

– А как же иначе? – сказал в ответ на это Покровский.

Продолжаю запись А.П. Покровского.

Штаб посылает своих офицеров в войска. Там они являются и помощниками людей, которые командуют войсками, и информаторами начальника штаба, оперативного отдела. В штабе фронта была сильная группа офицеров, постоянно ездивших в войска. Многие из них погибли, в особенности так называемые делегаты связи, потому что приходилось и много летать, много и часто подвергаться риску. Но они делали свое дело, как правило, хорошо.

Надобно сказать, что когда и командующий фронтом ездил в войска, посылка офицеров даже в те же соединения, в которых был командующий фронтом, имела большой смысл, потому что командующий фронтом часто не имел возможности добраться до переднего края, до передовых траншей. Ему это просто не давали сделать, да это было бы и неразумно. А офицеры штаба были там, могли доложить о том, что происходит в низах, на самой передовой. Так что эта группа офицеров была очень сильная. Но отношение к ним в войсках бывало разное. И это, как, очевидно, и повсюду, зависело от стиля командования армиями. Два типа отношений к этим офицерам представляли собой Николай Иванович Крылов – командующий 5-й и Гордов – командующий 33-й. Это были крайние полюса. Николай Иванович Крылов относился к этим офицерам как к помощникам, как к людям необходимым, присутствие которых желательно в армии, присутствие которых он приветствует. А Гордов относился к ним как к фискалам, не стеснялся и говорить: «Копаетесь, подрываете авторитет! Опять явились». Рассматривал их объективную информацию о происходившем в армии как нечто, направленное против него как командующего.

Конечно, присутствие в войсках офицеров из штаба фронта связано с деликатностью порученного им дела, с чувством такта, с правильной нацеленностью их. Но отношение, которое они встречали в разных случаях, характеризовало и самих командующих теми или иными армиями.

Один из офицеров оперативного отдела управления штаба, тогда молодых офицеров, сейчас продолжает служить в Белорусском округе – там, где он когда-то начинал службу. Это Арико, генерал-полковник, ныне начальник штаба Белорусского военного округа.

Когда штаб перебирался, то надо было запросить Ставку. Как мы это делали – переброску штаба? Ну, сначала ехала для выбора места группа представителей. У нас ездил часто комиссар штаба, потом постепенно там устанавливалась связь, строились блиндажи, строились основательно, главным образом, как правило, в лесу. Мы получили один раз жестокий урок под Касней, когда нас разбомбили, и с тех пор всегда был лозунг: «Штабы – в леса, в овраги». Мы этот лозунг выполняли, и больше за всю войну штаб ни разу не подвергался целенаправленной бомбежке немцев. Был замаскирован всегда хорошо.

Была у нас бригада строительная. Ну, в армию позабирали много старичков. Кто, так сказать, с болезнями, кто без одного пальца, кто прихрамывает. Так вот из этих старичков собрали такую строительную бригаду, которая очень быстро, хорошо выполняла необходимые задания, когда нужно было что-то построить. В частности, переместить штаб и организовать строительство на новом месте блиндажей и всего, что там требовалось. После этого устанавливалась дублирующая связь. Туда переезжали офицеры оперативного отдела, устанавливалась связь с армиями. Когда уже все было налажено, и как бы существовал уже полностью оборудованный новый командный пункт, тогда я, как начальник штаба,

запрашивал разрешения переехать: «Прошу разрешения переехать». И переезжал.

Переезд штаба диктуется необходимостью наилучшей связи с войсками. И связи не только вниз, но и вверх. В то же время он связан и с соображениями безопасности. Во время наступления часто перемещать штаб сложно, потому что работа очень напряженная и, часто перемещая штаб, можно утратить, по крайней мере, часть связи. С другой стороны, слишком далеко оставлять штаб, когда развивается наступление, тоже нельзя, ибо это делает очень длительными поездки в войска. В частности, поездки командующего. Командующий не должен тратить больше двух часов на поездку в войска в одну сторону, иначе это слишком накладно. Словом, тут приходится искать каждый раз целесообразных решений в условиях тех противоречий, которые постоянно существуют на войне в условиях ее постоянной диалектики.

Вспоминаю, например, когда я был начальником штаба в 3-й ударной армии у Пуркаева на Северо-Западном. Я ему докладываю, что мне надо перейти со штабом к войскам ближе, потому что я теряю с ними связь. Снега глубочайшие. Он говорит: «Тяни, держи». А как держать? Глубочайшие снега, ничего не проезжает, тянуть связь трудно. Но он не хочет упускать со мной связь и не дает мне переехать. В итоге я с ним связь сохраняю, а с войсками утрачиваю, за что мне же, естественно, и попадает в итоге.

Вопрос перемещения штаба бывает вопросом очень драматическим. Вот мне пришлось говорить с Лукиным. Он упрекает Конева за то, что тот выехал вместе со штабом из Вяземского окружения. Считает это неправильным, считает, что, если бы штаб оставался, можно было по-другому организовать оборону внутри кольца окружения. Ну, с его позиций это можно понять. Но если говорить о целесообразности, мне лично кажется, что Конев поступил правильно. Какой был бы прок, если бы там, в Вяземском окружении, мы вдобавок ко всему тому, что потеряли, потеряли еще и все управление Западным фронтом? Это управление оказалось в тяжелом положении и тогда, когда оно вышло, потому что было очень мало войск, фронт был потрясен предыдущими неудачами. Но если бы мы в этих условиях под Москвой не имели еще управления фронтом? Легче было бы или тяжелей восстанавливать положение? Разумеется, тяжелей. Так что, я думаю, что в данных драматических обстоятельствах Конев правильно перебазировал штаб фронта.

Во время Белорусской операции мы, устремившись на Борисов и не учитывая масштаба окруженной нами совместно со 2-м и 1-м Белорусским фронтами группировки, поставили одно время штаб под удар. По существу, мы оказались со штабом под ударом крупной немецкой группировки, которая шла на штаб. Пришлось принимать меры, вводить в дело полк охраны штаба, подбросить некоторые другие части на защиту штаба. В общем, с положением быстро справились, но момент был опасный и непродуманный.

В ответ на мой вопрос о том, как происходит приемка армии с соседнего фронта, Покровский сказал так:

– Приемка армии во время операции происходит, конечно, на ходу. В частности, когда мы принимали 33-ю армию, Черняховский выехал и нашел возможность быстро встретиться с ее командующим. В других обстоятельствах была бы возможна и поездка начальника штаба фронта для того, чтобы принять армию. Однако в тех условиях быстро разворачивавшегося наступления мне, например, отлучиться из штаба фронта было бы крайне трудно. Проблема приемки армии зависит в значительной мере от того, впервые вы ее принимаете или эта армия уже была у вас. Если она была у вас, то вы ее лучше знаете. Если не была, значит, принимать нужно новое для вас хозяйство. Это требует более долгого и тщательного ознакомления.

В данном случае в Белорусской операции мы принимали 33-ю армию как армию, которая была уже у нас. Это было проще. Вообще, в Ставке, в Генеральном штабе часто подходили с излишней легкостью к передаче армии из фронта в фронт и к изменению разграничительных линий. Например, впоследствии нам так изменили разграничительную линию, что мы три армии правофланговых передали Прибалтийскому фронту и сразу же три армии левее себя приняли во фронт. Это значит сдать три армии и принять три армии. Одновременно почти что. Представляете себе, какие это порождает сложности? Ну и, кроме того, командующие фронтами уже привыкли к тому, что фланговые армии могут быть в связи с изменением разгран[ичительной] линии переданы соседу. В связи с этим очень часто в этих армиях, которые ты получал переданными, не хватало средств усиления. Они были слабыми, наиболее слабыми, потому что свои резервы, свои средства усиления командующий фронтом, штаб фронта не направляли в ту армию, которая могла быть завтра передана соседу. Он не хотел лишаться средств усиления, резервов. Это было типичное явление при передачах армий, от которых каждый раз страдали те, кому армии передавали. Сегодня мы, а завтра соседи. [...]***.

Затем я задал вопрос о заместителях командующих фронтами. В ответ на это Покровский сказал так:

– У нас на Западном фронте был одно время заместитель командующего Хозин, а в остальные периоды заместителя командующего фронтом не было. В армиях были заместители командующего.

Что сказать о должности заместителя командующего фронтом? Да, у нас был заместитель командующего фронтом все время Софронов Георгий Павлович. Заместитель командующего по формированиям. Но к чему сводилась его роль? Роль так же, как и других заместителей командующих, незавидная, потому что практически, да и по установившемуся порядку первый заместитель командующего фронтом и армией – начальник штаба фронта или армии. А существование еще одного заместителя обрекало его на то, чтобы выполнять поручения. Вот поезжай, посмотри, погляди там, прими

там дивизию, посмотри, как идут дела, что-то они плохо движутся. Вот он и ездил, возвращался, заходил к командующему, к начальнику штаба, ждал нового дела какого-то, нового поручения. Томился, опять выезжал. Приезжал, докладывал, снова ждал. Очень трудная жизнь была у заместителей командующих. [...]****.

Я спросил его, с кем он держал связь, как начальник штаба, с кем общался в армиях.

– Разные были стили у начальников штабов. Если Вы посмотрите записки Бирюзова, он часто звонил, разговаривал с командующими армиями. Я лично, как правило, держал связь с начальниками штабов. Мне важно было взаимопонимание с начальниками штабов, твердая связь с ними, знание всего того, что происходит в армейских штабах. Командующим я звонил в тех случаях, когда передавал указания командующего фронтом командующим армий. Ну и в тех случаях, когда отсутствовал начальник штаба соответствующей армии, тогда я звонил командующему. Вообще, связь шла параллельная. Командующий фронтом – с командующими армиями, начальник штаба – с начальниками штабов армий, оперативное управление фронта – с оперативными отделами штабов армий.

Режим работы. Порядок, утвержденный сверху, был таков. К 22⁰⁰ оперсводка в Генштаб посылалась за подписью начальника штаба фронта. В 24⁰⁰ в Генштаб шло итоговое донесение, подписанное командующим фронтом, членом Военного совета и начальником штаба. К 3⁰⁰ должна была быть отправлена разведсводка, подписанная начальником штаба и начальником разведывательного отдела.

Как я строил свою работу? Отправив в 22 часа оперсводку, я шел к командующему, там обычно бывал в это время член Военного совета, иногда начальники родов войск, командующие родами войск – шли обсуждения итогов дня и подготовка итогового донесения. Здесь же происходили и главные, принципиальные беседы по поводу прошедших и предстоящих событий. Итоговое донесение отправлялось в 24 часа, а примерно до часу еще, как правило, продолжалась эта беседа с наметкой предстоящего на следующий день.

Затем командующий ложился, а начальник штаба шел к себе работать. Работать по детализации предстоящего дня. Кончал работать в шесть-семь утра и шел отдыхать. Командующий около семи утра, как правило, выезжал в войска. Я как раз ложился отдыхать. На телефоне оставался сидеть опытный оператор, собирал сведения из армий и передавал их в Генеральный штаб.

Я вставал около двенадцати часов дня, и вскоре мне звонили из Генштаба для доклада Сталину. Звонил все эти годы, пока я был начальником штаба, один и тот же человек – ныне генерал-полковник Ломов. Ныне он в Академии Генерального штаба на кафедре стратегии, а тогда был направлением нашего фронта. Там, в Генштабе, сидело несколько генералов, у каждого из которых был один или два, или три фронта, ряд фронтов, и они постоянно были в курсе наших дел.

Он звонил для доклада Сталину. Мы говорили с ним каждый день годами. Каждый день, без исключения. А увидались впервые после войны в сорок шестом году. В глаза друг друга не видели никогда, только по голосу знал его, как никого другого.

К двум-трем часам у Верховного лежала уже карта с нанесенным на нее положением по всем фронтам. Вот для нанесения этого положения мне и звонили около двенадцати часов.

Но если шло наступление, то в Генштаб было положено доносить о событиях каждые два часа круглые сутки.

Думаю, что в этом хорошем порядке была одна отрицательная черта. Донесения требовались излишне подробные. В этом необходимости не было с точки зрения общего стратегического руководства.

Говоря о командовании 33-й армии, Покровский сказал, что после Ефремова армии не везло. Неудачным командующим был Гордов. Слабым командующим был Крюченкин.

– Это, – сказал он, – человек другого масштаба, не командарм. Это типичный кавалерист, не двинувшийся никуда вперед. Командир кавалерийского корпуса в начале войны. Это и был потолок его возможностей. Слабый командующий. Безуспешно командовал армией и пришедший ему на смену Морозов, который очень неудачно действовал во время первого августовского прорыва в Восточную Пруссию.

Личный архив Л.Г. Дьячкова. Машинописная незаверенная копия.

---

* Опущено объяснение цели беседы – лучшее понимание работы штаба фронта для продолжения романа К.М. Симонова о Великой Отечественной войне.

** То же мнение К.М. Симонова по поводу неудач Западного фронта в 1943- начале 1944 г.

*** То же мнение К.М. Симонова о проблеме дробления фронтов.

**** То же мнение К.М. Симонова о должности заместителя командующего фронтом.

№ 1327

Воспоминания А.И. Свистунова*

28 декабря 1967 г.

Я, Герой Советского Союза Свистунов Андрей Иванович, изложу некоторые эпизоды из жизни во время Великой Отечественной войны. Во время войны 1941-1945 гг. мне пришлось участвовать на фронтах Великой Отечественной войны в составе Южного, Степного, Сталинградского и 1-го Украинского фронтов. Всю войну был помощником командира взвода разведки саперного батальона. Мне вспоминаются некоторые эпизоды.

Так, 19 ноября 1942 г. мне было дано задание достигнуть переднего края обороны и сделать в минных полях противника несколько проходов для наступления наших войск. Я взял 7 человек разведчиков и отправился на

выполнение боевого задания. Мы разминировали несколько проходов, и после выполнения задания я подорвался на противопехотной mine. После излечения в госпитале я попал на 1-й Украинский фронт, где был помкомом взвода разведки саперного батальона.

Летом 1943 г. мне было приказано пойти в тыл врага и взорвать в одном населенном пункте четыре танка «тигр». Я взял с собой четыре разведчика и отправился в тыл врага. Пройдя передний край обороны, мы достигли населенного пункта, где и обнаружили танки. Танки находились возле одного дома, охраняемые часовым. Мы с горящими бикфордовыми шнурами бросили из-за угла дома взрывчатку на моторные части танка, сами же удалились в укрытие. Часовой, слыша шорох, открыл огонь, но здесь же через несколько секунд прозвучал взрыв. Танки и рядом стоящий дом, где находились танкисты, взлетели на воздух. За этот проявленный подвиг я и мои разведчики награждены орденом Славы 3-й степени.

В 1943 г., также на Украине, нам было задание пройти в тыл врага 12 км от переднего края обороны и подорвать бронепоезд. Я отправился на выполнение задания всем взводом. Пройдя передний край обороны, мы шли по зарослям леса. Пройдя данное расстояние, мы достигли цели. При продвижении к цели мы были замечены командой бронепоезда, которая открыла по нам огонь. Тогда я принял решение пройти еще 5 км в тыл врага, где находился железнодорожный мост, который мы и подорвали. На следующий день наши войска пошли в наступление, а бронепоезд в связи с подрывом моста немцы оставили в полной боевой готовности, в сами бежали в панике. За этот подвиг я был награжден орденом Красной Звезды.

В 1944 г. в Польше я со своим взводом разведки обеспечил своим войскам занятие плацдарма на реке Висле. Немцы хотели сбросить наши войска в Вислу. Для того чтоб немцы в этом направлении не подбрасывали по железной дороге живую силу и технику, мне был приказ пройти 65 км в тыл врага и взорвать железнодорожный мост. Я взял с собой четыре человека и отправился на выполнение боевого задания. Достигли данного моста, который охранялся двумя часовыми. Мост был огражден проволочными ограждениями, одолев их, мы подошли под мост. Я подлез под верхнее строение моста, а разведчики подавали мне взрывчатку. После этого мои разведчики отправились в укрытие. Я произвел поджог зажигательной трубки, прыгнул в реку и по течению выплыл из-под моста. Раздался взрыв. На седьмые сутки мы прибыли в расположение части. За обеспечение занятия нашими войсками Вислинского плацдарма и за подрыв железнодорожного моста в сентябре 1944 г. мне присвоено звание Герой Советского Союза.

При штурме Берлина наша 3-я танковая армия наступала на Берлин с южной стороны. В нескольких сот[нях] метров от Берлина на шоссеной дороге было противотанковое препятствие (железобетонная стена). А вправо и влево от дороги были противотанковые рвы. За этим препятствием находился в 30 км передний край обороны противника. Нам было задание взорвать это противотанковое препятствие. Я взял весь взвод разведки и

отправился на выполнение задания. Достигнув данного препятствия, мы были встречены огнем противника. По моей команде разведчики скрытно по кювету ворвались в траншею противника и своим огнем вынудили противника к сдаче в плен. Мы взяли в плен 20 человек солдат и офицеров немецкой армии, после чего произвели взрыв противотанкового препятствия. После выполнения задания наши танки ворвались в Берлин.

2 мая 1945 г. мы с красными флагами выехали из Берлина на освобождение г. Праги.

Личный архив Л.Г. Дьячкова. Подлинник.

---

* См. наградной лист А.И. Свистунова (№ 1175).

№ 1328

Из воспоминаний Н.Ф. Дорогобед⁷⁵

22 июня 2000 г.

Я отношусь к тому поколению женщин – теперь бабушек и прабабушек, которые весной далекого 1942 г. пошли добровольно по комсомольской путевке служить в ряды Красной Армии. В то время как раз был призыв Ленинского комитета комсомола и комитета обороны о призыве женщин в армию.

Я окончила десятилетку с отличием и, конечно, мне очень хотелось продолжить учебу, но что поделать. Когда всех мальчиков с нашего класса забрали, наступила и наша очередь помогать Родине. Мы пошли в военкомат. Нам в военкомате сказали: «Вы будете учиться. Учеба будет продолжена».

Действительно, служба в 733-м [ЗАП], мы на протяжении всех трех лет с лишним учились. Почему учились? Этот полк имел много военных специальностей. Эти специальности занимали ребята. А когда мы пришли им на смену здесь в Тамбове, нас распределили по подразделениям и поставили на места ребят. В Котовске был учебный пункт, и в течение очень недолгого времени мы очень напряженно учились. Каждый пошел на свое место.

Я пришла в отделение разведки. У нас был командир отделения разведки 30-35 лет, и тут же его взяли [на фронт] – взяли так же, как и других ребят и мужчин. А мне дали это отделение разведки из пяти девочек. Был один мальчик, но по болезни его сразу госпитализировали. Мне было страшно принять отделение разведки. Это ответственная задача. Разведка эта не та, что идти за «языком». Это разведка неба. Здесь в Тамбове немцы сильной бомбардировке подвергали Тамбов (ведь фронт близко). По 30-40 налетов было в ночное время.

И мы, девчонки, вчерашние школьницы, старались как-то приобщить себя к военному делу. По тревоге быстро собраться и каждому занять свои места. А днем нас учили совершенствоваться каждому в своей профессии: были и дальномерщицы, и прибористы, и связисты, и пулеметчицы, и

прожектористы. Все работы должны были выполнять девчонки. Мы занимались в свободное время, [изучали также] боевой и строевой уставы.

Мы очень старались так выполнять обязанности, чтобы не было замечаний. Если кому какое замечание – то в слезы. Вечером или в выходной хотелось убежать. Но каждый этот побег был чреват: давали наряды вне очереди на картошку или хуже того – на гауптвахту. Но такие случаи были очень и очень редко (это такие смелые, отважные девчонки: «Я пойду, и мне ничего не будет»).

Но потом наш полк шел по всем горячим точкам. Здесь в – Котовске, в Кочетовке – мы теряли своих друзей, потому что очень сильные были бомбежки. С уходом немецких войск на запад двигались и мы. Летом 1943 г. мы переехали в Брянск. Брянск был разрушен. Только видели: летят пули, осколки, тут горит, там горит. Было очень страшно.

При переезде нам приходилось выполнять все мужские работы. Мы копали землянки, устанавливали приборы, связисты таскали огромные-огромные катушки связи – устанавливали связь. Так что нам было очень тяжело. Мы старались справляться с этой тяжестью.

После Брянска мы уже в феврале 1945 г. переехали в польский город Познань. Он был еще не освобожденным. Мы проезжали мимо полей, усыпанных трупами, накрытыми простынями. Было очень страшно. Мы переезжали на машинах (разведка, связь шли в первой колонне). Останавливались в польских больших частных домах. Мы находились в двухэтажном доме, а наше взводууправление и наблюдательный пункт находились в трех километрах от того места, где мы жили. А мне приходилось через каждые три часа менять смену – разведчика. Приходилось ночью одного сменять, другого с поста брать. Конечно, мы были вооружены карабинами. И вот, когда идешь, здесь тротуар вроде, а там поле, усыпанное трупами. Шевельнется кустик – кажется, за нами бегут мертвецы. Вот такие ужасы мы переживали. Но пережили...

В апреле 1945 г. мы поехали в немецкий город Кюстрин. Принимали участие в Берлинской операции. Там была особая бдительность – много диверсий, было особенно страшно.

Как встретили День Победы? Я была во взводууправлении. Мы находились в болотистых местах. Кругом болота, сырость. Многие болели малярией. Ложимся – кладем на себя шинели и все на свете, все равно трясет. И вдруг разведчица кричит: «Победа! Победа!». Как все встряхнулись, встали и после этого мы сразу стали все здоровые. [...]*

ГАСПИТО. Ф. Р-9277. Оп. 1. Ед. уч. 572. Ед. хр. 1. Фонозапись.

---

* Опущены воспоминания о послевоенных встречах с однополчанами и о значении военно-патриотической работы среди молодежи.

Из письма Д.Ф. Рзянина⁷⁶ пионерам Коростелевской восьмилетней школы Мучкапского района Тамбовской области

Ранее 26 февраля 1965 г.*

[...]**. Из истории вы хорошо знаете, что в 1941 г. 22 июня в 4 часа утра на нашу страну вероломно напала фашистская Германия. Все честные люди пошли на фронт защищать нашу Родину от немецких захватчиков.

Первое время я служил в автобатальоне, затем нас перебросили в Москву, где наш автобатальон расформировали, и я попал в 35-й гвардейский минометный полк. В этом полку мне доверили в руки боевую машину с реактивными установками (так наз[ываемую] «катюшу»). В марте 1942 г. наш полк послали на Брянский фронт. По прибытии туда наша часть сразу же вступила в бой. В этих боях я вел себя так, как и подобает вести себя защитнику нашей Родины. За боевые действия в этих боях мне была объявлена благодарность от командира части 27 июня 1942 г.

Враг, имея численное превосходство, в результате ожесточенных боев потеснил наши войска. 10 июля к ним на помощь подошли боевые машины с «катюшами», так как все эти дни под Воронежем шли ожесточенные бои, и враг старался подавить наши войска своей силой. Все это время моя боевая машина работала отлично и никогда не подводила меня в результате хорошего ухода за ней. Какие [бы ни] были задания, я всегда с честью их выполнял и отдавал все, что требовалось для выполнения заданий Родины. Вот в эти суровые дни, когда враг лез на нас, наша гвардейская часть отличилась, отбивая атаки врага. 12 августа 1942 г. войска нашего фронта пошли в наступление.

Нам было дано задание выехать на передовую вплотную к противнику и дать залп по нему. Мы отстрелялись, развернули свои машины и поехали в укрытие. Не успели мы отъехать от того места, где стояли наши машины, давая залп по расположению противника, рядом с нашей машиной разорвался снаряд. В это время я остался в машине один, в ушах стоял звон, двигатель заглух. До моего сознания сразу дошло, что надо вывезти машину из-под обстрела. Нажал на стартер, двигатель сразу заработал, и я стал выводить машину из-под обстрела в укрытие. Поставив машину, стал ее осматривать. Трухонин был убит, Земцов был ранен, баллоны были все разбиты кроме одного запасного. В это время подошел Ерохин из нашего расчета и командир орудия, который был ранен в шею. Они были удивлены тем, что я сумел вывести машину из-под обстрела. Поставив запасный баллон на переднее колесо под обстрелом, я решил отвести машину на спущенных баллонах на старую позицию. Там стал внимательно осматривать свою машину. В ней было 35 крупных пробоин, не считая мелких, вся кабина была изрешечена. В это время подошел комбат, он поздравил меня с благополучным возвращением и объявил благодарность за то, что сумел вывезти машину с огневой. Он сказал, что все время наблюдал за моей

машиной с командного пункта. К этому времени бой уже затих, и наступило затишье. Через некоторое время в полку все узнали об этом случае и всегда ставили в пример другим. Вскоре нашу чашу часть перебросили на Юго-Западный фронт, под Волгоград***. Там наша гвардейская часть отличилась в боях, где мне была вручена медаль «За отвагу».

После того как разбили немцев под Волгоградом, нас перебросили на 3-й Украинский фронт. Там у меня была разбита машина, и дали другую, на которой я был водителем до самого окончания войны.

С непрерывными боями наш гвардейский полк дошел до Запорожья. 17 ноября 1943 г. 35-му гвардейскому полку был зачитан приказ: выехать с Запорожья к Днепру в местечко Орзумовка****. Было приказано начальством свыше перебросить боевую машину на другой берег Днепра для поддержки наших войск и удержания плацдарма. Так как все время я отличался в боях, и машина была в исправности, командир дивизиона остановил свой выбор на моей машине вместе с расчетом.

Под обстрелом нашу машину перебросили на тот берег. Конечно, противник не думал, что мы так сделаем. Встали на исходную позицию, дали 3 залпа по противнику. Эти залпы были рассчитаны на то, чтобы еще больше укрепить наш плацдарм. Залп нашей «катюши» был полной неожиданностью для врага. Удержав плацдарм, стали отбивать атаки противника. За проявленную храбрость и героизм в оказании помощи в удержании плацдарма всему нашему расчету была объявлена благодарность. Командира орудия за это представили к награде орденом Красного Знамени, а меня за эту операцию представили к высшей награде орденом***** «Золотая Звезда» и присвоению звания Герой Советского Союза.

После удержания плацдарма войска нашего фронта пошли в наступление на Никополь, с Никополя на Одессу. С боями форсировали Днепр. Наш полк принимал участие в освобождении Бессарабии, Румынии, Болгарии, Югославии. В боях за освобождение Венгрии был вручен орден Красной Звезды. Дальше я участвовал в освобождении Австрии.

Весь наш путь отличался ожесточенными боями. 9 мая мы узнали о том, что фашистская Германия капитулировала. Это известие застало нас в Австрии, где немцы еще продолжали сопротивляться. [...]*****.

Личный архив Л.Г. Дьячкова. Подлинник.

* Дата установлена на основании почтового штемпеля.

** Опущены биографические сведения довоенного периода.

*** Автор остерегается называть пионером г. Сталинград, переименованный незадолго до того в г. Волгоград.

**** Так в документе. Правильно – с. Разумовка Запорожского района Запорожской области.

***** То же. Правильно – медалью «Золотая Звезда».

***** Опущены биографические сведения послевоенного периода.

№ 1330

Из письма А.П. Фролова* Л.Г. Дьячкову

17 декабря 1967 г.

[...]**. Вы просили описать один из боевых эпизодов. Я плохой рассказчик, тем более, описать еще труднее, но постараюсь, как умею.

Зима 1943 г. Харьков. Вылетаем на прикрытие наших войск в р-не Сев[ерский] Донец – младший лейтенант Филонов и я. Перейдя линию фронта на высоте 4 тыс. м, замечаем, что ниже нас со стороны немцев идут 3 группы вражеских самолетов М-110⁷⁷ по 10 машин в каждой группе. Они шли бомбить наши порядки.

Решаем дать бой. Немцы шли на высоте 3000 м. Заходим со стороны солнца и с «горки» бьем по первой группе. Ведущий горит, бомбы летят на своих же, на головы немцев. Делаем «горку» боевым разворотом, заходим второй группе вбок, наши очереди проходят впустую – большой ракурс, но строй вражеских машин сломан, третьим заходом сбиваю в упор вражескую машину. Немцы панически уходят, не принимая боя. Догоняем. Филонов сбивает еще одну машину. В этот момент появилась четверка М-109⁷⁸. Завязываем бой. Горючее на исходе. Ловлю прицел, жму гашетки, но все молчит, заряды кончились. Тянем на свою территорию. Ура! Идет смена, немцы удирают. Результат неплохой: 3 вражеских машины сбиты, 2 – Филонов и 1 – я. Задание выполнено, ни одна вражья бомба не упала на наши войска.

В 1943 г. при сопровождении 12 Ил-2⁷⁹ на ст. Раздельная, где было большое количество техники и живой силы фашистов, сопровождавших было 4 машины под командованием ком. эскадрильи Тайча Михаила. Видимость из-за большой облачности толщиной 400-500 м была плохая. Илы вышли точно на цель в правом кильватере, накрыли цель своими бомбами. На ст. Раздельная было чему взрываться и гореть: стояло более 15 вражеских эшелонов. При втором заходе на штурмовку со стороны Одессы из облачности вывалились 6 «мессеров» 109-Ф. Михаил Тайч по радио отдает мне команду – в паре оттянуть или, вернее, связать боем истребители противника, а сам ком. эскадрильи остался прикрывать Илы. Я с младшим лейтенантом Очетковым завязал бой с шестеркой, а Илы спокойно выполнили задание и на бреющем все ушли на базу. Ведя бой на виражах, часто ныряя в облачность, фрицы решили с нами кончать. И в этот решительный момент я из виду потерял Очеткова. Проверяю облачность в надежде найти ведомого, но вместо своего товарища встречаю фрица.

Мой Як⁸⁰ и «мессер» одновременно выскочили из облачности и на одном курсе – крыло в крыло. Вот когда я рядом увидел ненавистного врага. Сознание схватывает все до мелочей – и машину серо-мышинного цвета, черную свастику, кресты с белой полоской, желтый кок винта, на моторе – червонный туз. На рыжей голове фашиста сетка с наушниками. В таком положении мы шли 3-5 сек., набирая высоту. Потом я резко бросаю машину

на немца. Он скольжением уходит под меня и завязывает бой на горизонтали. Мотору дано все, тянем на высоту – с 500 м уже 4000 м. Чувствую, что попался «крепкий орешек». Вопрос стал – кто кого? Маневренность М-109 хуже по горизонтали. Я страхую срыв в штопор, ногой резко бросаю машину и захожу врагу в хвост, немец идет на переворот и хочет уйти, но на высоте примерно 1000 м точным ударом из пушек и пулеметов «раздеваю» левое крыло вражеской машины, второй очередью добиваю. М-109 взрывается. Так проходил бой один на один, где оказался победителем я благодаря нашей машине. Мой «Яша» не подвел, не раз приходилось благодарить наших самолетостроителей.

Где же был ведомый? У ведомого был поврежден мотор, и под прикрытием облачности [он] потянул на свою территорию и, надо сказать, чудом дотянул до своего аэродрома – машина вся была пробита пулями.

А вот почему немец оказался один? Для меня осталось загадкой – возможно, он подбил моего ведомого и хотел добить его, ворвавшись в облачность, увидев его, он ушел в облачность.

Придя на аэродром, я узнал, что все Илы пришли невредимы, выполнив задание командования. [...]***.

Личный архив Л.Г. Дьячкова. Подлинник.

* См. письмо сестры А.П. Фролову на фронт (№ 758).

** Опущено начало письма с изложением биографии А.П. Фролова и боевого пути его авиадивизии (опубликовано в сборнике документов «Письма Великой Отечественной» /из фондов ГУ «ЦДНИТО»/ Тамбов, 2005).

*** То же заключительная часть письма.

№ 1331

Воспоминания Н.П. Подшивалина⁸¹

2005 г.

Да мне и рассказывать нечего. Я ведь рядовым был. Скомандовал командир: «В атаку, вперед!». Мы и выполнили приказ.

В одном из кровопролитных боев погиб командир орудия. Я бросился к пулемету и начал стрелять по противнику. Преследуя врага, огнем пулемета уничтожил множество гитлеровцев. Благодаря этому сложилась обстановка для дальнейшего успешного продвижения вперед наших войск. В шесть часов тридцать минут 25 января 1943 г. город Воронеж был полностью очищен от немецко-фашистских захватчиков. Вскоре получил первую награду – медаль «За боевые заслуги».

В составе отдельной пулеметно-минометной роты я сражался до 15 августа 1944 г. Затем меня направили на территорию Украины в полк НКВД для борьбы с бандитизмом и обеспечения охраны правопорядка в нашем тылу.

Банды, с которыми приходилось воевать, состояли в основном из предателей – тех, кто во время оккупации работал на фашистов. Отступая, немецкие захватчики оставили бандитам автоматы, пулеметы, гранаты и даже танки. Воевать с подобными преступниками было непросто. Обычно бандиты селились в домах на окраине сел и недалеко от леса, в случае опасности прятались в лаз и из дома по подземному ходу перебирались в лес. Выход из подземелья в лес тщательно замаскировывали. Лаз мог прикрывать огромный куст. Если куст приподнять, то можно увидеть землянку или лаз в подземный ход. Летом очень трудно было обнаружить лаз, а зимой, приглядевшись, я со своими боевыми товарищами не раз находил входы в подземелье.

Пойманных и осужденных бандитов приходилось конвоировать на север. Однажды при конвоировании из поезда убежали трое преступников. Они прорезали в полу вагона отверстие, дождались, когда поезд чуть сбавит ход, и благополучно выбрались из вагона. Трое сотрудников и я бросились в погоню. Сразу удалось поймать только одного бандита, остальные скрылись в различных направлениях. Мы затратили много времени, чтобы их разыскать.

В полку НКВД я прослужил до 1950 г. Когда же оперативная обстановка на Украине стабилизировалась, перебрался на Тамбовщину.

Музей истории тамбовской милиции УВД по Тамбовской области.
Подлинник.

№ 1332

Из воспоминаний В.В. Гладилиной⁸²

1986 г.

[...]*. 22 июня 1941 г., воскресенье. Жаркий солнечный день. В 12 часов дня диктор Левитан по радио сообщил, что фашистская Германия без объявления войны напала на нашу страну. 25 июня в 8 часов утра я, врач-педиатр, и хирург нашей больницы Зайцев Николай Петрович были уже на сборном пункте в школе города Рязани, где формировался полевой подвижной госпиталь – ППГ 697.

Весь личный состав ППГ состоял из жителей городов и районов Рязанской области. Коллектив был очень дружный. Начальник госпиталя – Широков Иван Николаевич – строгий, но справедливый, чуткий. Заместитель по полит. части – Беляков, затем Переверзев. Ведущий хирург – Зайцев, потом Семенов Борис Владимирович. Я числилась ординатором хирургического отделения, но работать пришлось большую часть времени в приемно-сортировочном отделении. Наш ППГ рассчитан на 200 коек, а раненых принимали до 2000.

Армейские ППГ входили в состав армий и продвигались за действующими частями, находясь от линии фронта на расстоянии 20-30 км.

Располагались в лесах, где строили землянки, шалаши, ставили палатки, или в населенных пунктах в зданиях школ, разных учреждений, а иногда размещали раненых и по квартирам. Тогда жители помогали нам в уходе за ранеными. Мы оказывали необходимую помощь раненым и отправляли их во фронтовые госпитали.

Рабочий день был с 6 часов утра и до 12 часов ночи, а в периоды жестоких боев, когда раненых было много, приходилось работать без отдыха по несколько суток. В периоды затишья на нашем участке мы готовили все необходимое для работы в дальнейшем.

Есть такая поговорка: «Когда стреляют пушки, то музы молчат». Но в нашей фронтовой жизни песни занимали немалое место. Мы пели, когда ехали на фронт, при переездах на новое место, когда готовили перевязочный материал, чистили на кухне картошку, стирали белье и в свободное время. Запевалой была мед. сестра Аня Сипуянова. Хорошие голоса были у начальника по хозяйственной части Захарова, его помощника Гаврилова и санитара перевязочной, а также у шофера автотранспорта, прикомандированного к нам, которого мы звали «Лемешевым».

Начало фронтовой жизни

Приехали в лиственный лес в 18 километрах от станции Барятино в конце июля. Весь личный состав, независимо от должности, включился в работу по развертыванию госпиталя. Одни ставили палатки, другие строили шалаши из веток и землянки, третьи оборудовали помещения для раненых, перевязочную, операционную и другие подсобные помещения. Времени на развертывание госпиталя было мало. В это время враг рвался к Москве. Шли жестокие бои, и город Ельня, откуда поступали к нам раненые, по несколько раз в день переходил из рук в руки. Наши войска наносили большие потери врагу, и сами несли большие потери. В воздухе постоянно кружились немецкие самолеты. Поэтому раненых нам привозили ночью. Машины шли с погашенными фарами. Раненых разгружали в темноте. Свет зажигать нельзя. С наступлением рассвета начинали оказывать необходимую медицинскую помощь раненым. Вечером приходили машины и увозили их, кроме нетранспортабельных, на станцию и поездом дальше в тыл, а к нам поступали новые. Через некоторое время переехали в Жиздру, Людиново, Киров. В Жиздре и Людинове мы не развертывались, а стирали белье, готовили перевязочный материал.

В Кирове располагались в нескольких домах (школе и других учреждениях), а жили на квартирах. Шла обычная госпитальная работа.

Отступление

[...]**. 1 октября 1941 г. был получен приказ о передислокации. Срочно отправили всех раненых и вечером тронулись в путь. У нас было 60 лошадей и 1 легковая машина. Благодаря конному транспорту мы могли передвигаться в любую погоду и даже по самым плохим дорогам, по которым не могли проехать автомашины, и во время отступления мы не потеряли ни людей, ни имущество. Ночью ехали спокойно, а на рассвете появились немецкие самолеты, которые обстреливали из пулеметов

движущихся по лесной дороге и лес около дороги. У одного нашего солдата пулеметной очередью отрезало угол полы шинели.

К утру подъехали к городу Сухиничи и расположились на противоположном берегу реки в большом фруктовом саду, где были вырыты окопы. Лошадей замаскировали под яблонями. Весь день над городом летали немецкие самолеты, большими партиями бомбили город, железную дорогу и мост через реку. К счастью, разбить мост им не удалось. По дороге сплошным потоком двигались воинские части, пушки, танки, женщины с детьми, коровы, козы, лошади. После бомбежки самолеты пролетали над дорогой и обстреливали их из пулеметов. Стоял сплошной гул от самолетов и всего движущего по дороге. Вечером вдруг стало тихо. Улетели самолеты, опустели дороги, а с противоположного берега слышали крики: «Немцы, немцы!».

Мы быстро запрягли лошадей, и они помчали нас. Благополучно переехали через мост и свернули вправо от города в лес, не встретив немцев. Это был высажен десант.

Наш ППГ был тогда в составе 43-[й] армии. Связь со штабом армии и другими воинскими частями была потеряна. Мы продолжали продвигаться через Козельск, Белев, Одоев, Тулу. Только в районе Тулы удалось связаться со штабом 49-[й] армии и мы узнали, что наша армия отступала к Калуге. Так мы остались в 49-[й] армии.

В окрестностях Тулы в здании детского санатория начали развешиваться, но не успели отмыть и привести в порядок здание, как получили приказ двигаться дальше.

Остановились в окрестностях Серпухова тоже в здании санатория. Там мы встретили Октябрьский праздник первого военного года. К празднику из тыла нам прислали подарки: свежие яблоки, носки, варежки, кисеты для табака и другие вещи.

Однажды начальник ППГ и я поехали на легковой машине в Серпухов в санитарный отдел и полит. отдел армии. Дорога шла через гладкое, ровное поле. Впереди ехала грузовая машина, за которой на бреющем полете гнался немецкий самолет и обстреливал из пулемета. Когда машина въехала в село, самолет развернулся и погнался за нами. Шофер вел машину, все время меняя скорость и направление. Пули, как дождь, падали вокруг нас, но ни одна не попала в машину. Так доехали до села. В полит. отдел попасть не удалось, так как во дворе дома, где он располагался, зияла огромная воронка от бомбы. Стекла были выбиты. Полит. отдел переехал в другое место, неизвестно куда.

Из-под Серпухова мы переехали в лес под Каширу в помещение женского трудового профилактория. Там были жилые помещения, детские ясли, трикотажная фабрика и поликлиника с хорошо оборудованными рентгеновским и физиотерапевтическим кабинетами. Работать пришлось там недолго. Вскоре санитарным поездом эвакуировали раненых, а также оборудование рентгеновского, физиотерапевтического кабинетов, трикотажной фабрики и часть готовой продукции, другую часть оставили в

имуществе ППГ. Сами поехали на другое место. Подъехали к дороге Москва–Кашира, всегда бойкой, загруженной, а в это время на ней была тишина – ни регулировщиц, ни машин не было. Мы спокойно переехали через нее и проселочной дорогой поехали дальше, а легковая машина ехала по ней 30 км, а затем свернула в сторону.

Позднее мы узнали, что эта дорога уже была занята немцами. За несколько минут до нас по ней проехали немецкие мотоциклисты, а другие воинские части отстали.

Наша машина ехала в село Щапово в 40 км от Коломны. В ноябре размещались в более крупных зданиях, а также в крестьянских домах. Это был самый восточный пункт нашего расположения. Я и моя подруга операционная сестра Катя Мясникова жили, как одна семья, у одной женщины, имевшей двух детей. Хозяйка наварит картошки, борща или напарит свеклы, сделает картофельные оладьи, испечет заварной хлеб, крупяные супы, каши. Садись за стол все вместе и ели кто что хочет. Для нас ее кушанья были лакомством, так как овощей у нас было мало, а они с большим удовольствием ели наши кушанья и хлеб.

Стояли морозные зимние дни. Нам еще не выдали валенки, а Кате пришлось сопровождать раненых в Коломну на автомашине. Хозяйка отдала ей свои валенки, а когда мы уезжали, дала нам овчинные стельки в сапоги.

Победа под Москвой

[...]***. Из Щапова мы выехали в Михнево, где встретили Новый год (1942 г.). Затем поехали через Серпухов по освобожденной от немцев территории.

Ехали ночью и вдруг впереди увидели странные черные предметы – узкие сверху и расширенные внизу. То были печки. Все, что осталось от деревни. В дальнейшем на пути нам много встречалось таких деревень, сожженных немцами. В некоторых оставался один целый дом, в котором жил староста или полицай, служивший верно немцам, изменивший своей Родине.

Город Кондрово

Остановились в городе Кондрово в школе на возвышенной окраине города. Раненых было много. Размещали их на полу, застеленном соломой, покрытой фланелевой стенкой от палатки или простынями. Там мне в первый раз пришлось самостоятельно оперировать вместе с очень опытной операционной сестрой Катей Мясниковой – удалять раздробленный палец руки. В дальнейшем меня называли в шутку «специалистом по удалению пальцев» и поручали делать такие операции.

Как-то мне пришлось сопровождать раненых, отправляемых санитарной летучкой из г. Кондрово в армейский эвакуприемник (ЭП), расположенный в лесу около маленькой станции недалеко от г. Алексина. Санитарная летучка – это поезд, состоящий из товарных вагонов с нарами в 2 этажа и железной печкой.

Расстояние небольшое, но ехали долго. Выехали среди дня, а приехали ночью. Часто подолгу стояли где-нибудь среди поля. Кроме меня сопровождали поезд мед. сестра и в каждом вагоне санитар. Мороз был до

42⁰. Приходилось перебегать из одного вагона в другой по глубокому снегу. Нам выдали продукты и топливо на 1 день. Когда приехали на место, то там уже стояли несколько эшелонов с ранеными, ожидавших разгрузки. Эвакоприемник был переполнен. Среди ночи я пошла к начальнику ЭП. Сказала, что у нас нет продуктов и дров. Вскоре кончился запас дров, и начальник станции разрешил нам сломать ограду вокруг станции, и так мы продержались до утра. Утром из ЭП привезли завтрак и дрова, а среди дня разгрузили вне очереди.

Город Кондрово речка разделяла на две части, соединенные мостом. На противоположной окраине города находилась городская больница, в которой мы разместили раненых.

Мимо больницы, в нескольких метрах от нее, проходила железная дорога, в 2 км – железнодорожная станция. По другую сторону железной дороги в лесу располагались армейские склады, где хранилось все необходимое для обеспечения армии, в т.ч. горючее и боеприпасы. Тот госпиталь переезжал на другое место, передав нам нетранспортабельных больных. Я, 2 мед. сестры, 3 санитаря, повар и солдат, ежедневно привозивший на лошади продукты и все необходимое, приняли этих раненых. Вскоре на помощь приехала группа усиления: врач и медсестра. Ежедневно среди дня всегда в одно и то же время фашистские самолеты бомбили станцию и железную дорогу. Про склады они, должно быть, не знали. Раненые очень боялись бомбежек, и все мы расходились в это время по палатам, чтобы быть вместе с ними.

Один раз я и старшая медсестра ушли в свой госпиталь, чтобы сдать отчеты и получить медикаменты. Была весна 1942 г. Сделав все необходимое, мы собрались вернуться назад, но узнали, что вскрылась река, пошел лед и разрушил мост. Переправиться на другой берег не было возможности. В это время начался налет фашистской авиации. Когда я находилась в своем отделении, чувство долга, ответственности за своих подчиненных и раненых были выше страха, хотя я знала о той большой опасности, которая грозила нам, если бомба попадет в наш госпиталь или армейские склады. А там, где было безопасно, мне было по-настоящему страшно не за себя, а за тех, кто остался на том берегу. Но обошлось все благополучно. На другой день был сделан паром, и мы вернулись в свое отделение.

В ночь под 1 мая к нам привезли партию раненых и больных. А у нас все имущество и продукты были рассчитаны только на находящихся ранее. Пришлось оставить до утра имущество медсанбата и сопровождающий персонал и сообщить, чтобы прислали все необходимое для их обеспечения. Предполагали использовать на завтрак продукты из суточного запаса, но нас выручило местное население. Прислали к празднику бидон молока и много яиц. Завтрак получился праздничным.

В один из налетов авиации на ж.-д. станцию пострадало несколько человек мирных жителей. 4 человека привезли к нам. У пожилой женщины были вырваны часть живота и тазобедренный сустав. У мужчины лопатки и

ребра сзади и легкие остались снаружи. Они погибли через несколько минут после поступления. У одного раненого оторвана нога в области голени, у другого рука в области предплечья. Этим пришлось оперировать. Ведущий хирург приехать не мог. Прислал операционную сестру Катю Мясникову и все необходимое для операции. И мы с Катей сделали им операции.

В последние дни пребывания в Кондрово в больницу, на территории которой мы располагались, поступил молодой мужчина с прободным аппендицитом и воспалением брюшины в очень тяжелом состоянии. В больнице работали два врача: педиатр и инфекционист. Наш хирург уже уехал на новое место, куда должен переехать наш ППГ. Без операции – верная смерть. Мы оперировали его сами. На другой день я провела этого больного. Состояние его значительно улучшилось, он даже улыбался.

Мои подопечные раненые и больные стали поправляться, и их отправили дальше поездом, а сами поехали на новое место.

На берегу р. Угры под Юхновым

В середине мая мы приехали в маленький лесок на берегу р. Угры. На противоположном берегу – город Юхнов. Между лесом и рекой луг, за лесом небольшая, полностью разрушенная деревня. Люди жили в погребах и землянках. Там были женщины, дети и единственный мужчина – старичок. Он попросил нашего начальника дать лошадь и солдата, чтобы вспахать поле, а взамен прислал 50 женщин помочь нам в развертывании госпиталя. Так взаимно помогли друг другу.

На нашем участке фронта было затишье. Мы построили два домика, хорошие блиндажи, поставили палатки, сделали все возможное для создания уюта в палатках.

Первым к нам поступил 12-летний мальчик, который решил глушить рыбу гранатой, но она разорвалась у него в руке, сильно повредив кисть. Раненых было мало, и вскоре наш ППГ послали на усиление в 33-[ю] армию, где шли жестокие бои.

В 33-[й] армии

Расположившись в лесу, мы работали по 3-4 суток, не отходя от операционных столов. Еду приносили в перевязочную. Когда не было уже сил, засыпали на полу в перевязочной.

Шла 4-я бессонная ночь. В операционную принесли раненого в живот. Я давала наркоз. Чтобы его усыпить, пришлось давать повышенную дозу наркоза. А я едва стояла на ногах, и глаза сами закрывались.

После окончания этой операции уснула в углу перевязочной на брезентовом полу. Поспала немного и снова за работу. Когда получили приказ вернуться в свою армию, все радовались, что едем «домой», а ведь ехали в такой же лес, на такую же работу.

Возвращение в 49-[ю] армию

В сентябре мы приехали в лес недалеко от Юхнова. Начальник ППГ, хирург и я поехали посмотреть, сохранились ли наши постройки на старом месте, но их после нашего отъезда перенесли в деревню и построили несколько домов. Старичок пригласил нас к себе в гости, угостил картошкой

с солеными грибами и огурцами и сказал: «Вместе пахали, сеяли, вместе и урожай делить будем», попросил грузовую машину и дал нам капусты, свеклы и моркови.

Осенью приезжаем на новое место вечером. Уже темнеет. Идет дождь. Раньше там стояла воинская часть. Сохранились блиндажи, землянки, окопы, а в них уже лежат раненые, и стоит целый обоз с ранеными, ожидающими размещения. Быстро стали ставить палатки, печки и размещать раненых, а я пошла обходить блиндажи и землянки, чтобы учесть всех раненых, размещенных в них. Лес незнакомый. Стало совсем темно, ничего не видно, и я провалилась в окоп, наполненный водой по пояс. С трудом выбралась из него, вылила воду из сапог, отжала шинель и одежду и надела их снова. Сменить не могла, т.к. вещи на возу, а где находился обоз, отыскать в темноте невозможно. Времени на развертывание госпиталя у нас не было. Приходилось одновременно строить все необходимые для нас окопы и оказывать помощь раненым.

Ноябрь 1942 г. Уже выпал снег. Мы расположились в одной деревне. Уже принимали раненых. Вдруг нам сообщили, что в соседней деревне еще до нашего приезда было размещено по хатам много раненых. Морозный лунный вечер. Я с повозочным поехала в эту деревню, делала подворный обход, учитывала всех раненых, а повозочный привязал лошадь к забору и зашел в дом погреться. Когда мы вышли, чтобы ехать назад, лошади не оказалось. Она оторвала доску от забора и помчалась к себе в конюшню прямо с санями, доска била ее по передним ногам. А нам пришлось идти полем около 2 километров пешком. После этого мы организовали питание и лечение этих раненых.

С начала войны ППГ имели 2 отделения: хирургическое и терапевтическое. Но раненых, нуждающихся в хирургической помощи, поступало много, а больных – единицы. Весь персонал был занят обслуживанием раненых, а уделить достаточного внимания больным не удавалось. Поэтому в ноябре 1942 г. стали создавать специализированные ППГ – терапевтические и хирургические. И наш ППГ был разделен на 2 терапевтических, а начальника госпиталя, ведущего хирурга, меня, операционную сестру, операционного санитаря и лаборантку перевели в АГЛР (армейский госпиталь для легкораненых).

АГЛР 1068

В армейский госпиталь для легкораненых я прибыла в середине декабря 1942 г. и пробыла там 2,5 месяца. Сразу включилась в работу приемно-сортировочного отделения.

АГЛР располагался в лесу. Было 4 отделения: 3 хирургических и 1 терапевтическое, которые размещались в блиндажах, а персонал в землянках. Начальник госпиталя – Широков Иван Николаевич. Заместитель по политчасти – Цветков. Ведущий хирург – Семенов Борис Владимирович.

Вначале к нам поступали легкораненые и терапевтические больные. Район расположения нашей армии считался эпидемическим в отношении туляремии. Местное население хорошо знакомо с этим заболеванием. В этом

году особенно много было мышей. В окопах солдаты прямо ходили по ним. Мыши являлись переносчиками туляремии людям. Поэтому началась эпидемия этого заболевания среди солдат. Наш госпиталь перепрофилировали под инфекционный. Раненых всех эвакуировали в другой госпиталь, а в хирургическое отделение стали принимать больных туляремией. Среди прибывших иногда попадали и больные с другими заболеваниями, которых госпитализировали в терапевтическое отделение. Много мышей было и в расположении АГЛР. Поэтому наряду с лечением больных пришлось вести борьбу с мышами. Для этого вокруг всех землянок и блиндажей копали канавы с отвесными стенками и обливали их водой, чтобы попавшие туда мыши не могли выбраться и уничтожали их. Ставили мышеловки. Все продукты хранили в тщательно закрытых ящиках. Разбрасывали шарики с ядовитыми для мышей веществами.

Один раз нам выдали шоколад для некурящих вместо табака. Чтобы спасти его от мышей, мы подвесили на веревочку к потолку. Когда пришли с работы, то увидели только обертки, да немного крошек на полу. Видно, мышь спустилась с потолка по веревке и съела шоколад. Когда закончилась эта эпидемия, я не знаю, так как в начале марта 1943 г. уехала из АГЛР.

Армейский госпиталь для легкораненых (АГЛР) № 5289

В конце мая 1943 г. я была назначена в АГЛР № 5289, который формировался в г. Тамбове. В основном коллектив состоял из жителей г. Тамбова и Тамбовской области, которые ехали на фронт в первый раз, и только 4 человека были на фронте раньше: заместитель начальника госпиталя по лечебной части, начальник аптеки, политрук 1-[го] отделения и я.

В середине июня мы выехали на фронт поездом. Ехали долго, часто стояли на маленьких станциях или даже среди поля. Наконец, приехали на станцию Лиски в Воронежской области и остановились в деревне на берегу Дона. Он в этом месте неширокий, с медленным течением, около берегов заросший осокой, камышом и белыми кувшинками. Недаром Шолохов назвал его тихим. Жители деревни предупредили нас, что река заминирована немцами. В деревне был единственный водопровод – качалка. Качать воду должны сразу 8 человек. Поэтому были установлены часы забора воды для всех жителей одновременно утром и вечером. Кому не хватило днем, брали ее взаймы у соседей. В этой деревне мы прожили несколько дней, затем поехали на поездах дальше.

Остановились в деревне недалеко от города Старый Оскол. В деревне была церковь с большим цементированным подвалом. Большинство жителей уходили туда ночевать, так как ежедневно в 1 час ночи прилетали фашистские самолеты и бомбили город, железную дорогу и мост через реку. Мы уже спали. Вдруг раздался необыкновенно сильный удар. Открытые окна закрылись, а закрытые вылетели вместе с рамами. Мы быстро оделись, взяли санитарную сумку и выбежали на улицу. Горели дома. Было светло, как днем, от зарева пожара.

В два других дома тоже попали бомбы. В одном доме жили муж с женой и двумя детьми. Осколком бомбы были ранены муж в плечо, жена в бедро, восьмилетняя девочка в область лба, а двухлетний мальчик, спавший на одной кровати с родителями, был невредим. Мы оказали им первую помощь, а утром отправили в расположенный недалеко госпиталь.

В другом доме жила старушка, которая всегда ходила ночевать в церковь, а в эту ночь не пошла, так как к ней пришел танкист, который раньше жил у нее на квартире. А в это время воинская часть приехала на переформирование. Танкист стоял около дома с нашей восемнадцатилетней девушкой – поваром. Осколком бомбы ему срезало череп, а девушке осколок с ладонь попал в печень. Когда мы подбежали к ним, он был мертв, а девушка несколько раз вздохнула и тоже умерла, так и не доехав до фронта. Старушка тоже была мертва. Утром на огородах мы нашли 18 воронок. Удар был один, а бомб сброшено 22.

Наконец, мы приехали к месту назначения – в ореховый лес недалеко от села Солнцево. Весь коллектив занялся развертыванием госпиталя, а врачей и работников физиотерапевтического кабинета отправили в другой АГЛР для ознакомления с работой. 3 отделения того АГЛР были расположены в лесу. Там же штаб, а одно отделение, физиотерапевтический кабинет, склады и кухня – в полутора километрах в деревне. Мы жили в лесу, а работники физиотерапевтического кабинета – в деревне.

В начале июля тот госпиталь получил приказ эвакуировать всех раненых и больных в наш госпиталь и переехать на новое место. Днем формировали группы из тех, кто мог идти сам, и отправляли их пешком. А за остальными ранеными и за нами в 4 часа ночи были присланы машины. Спать в эту ночь мы не ложились. Вечером на этом участке фронта началась артподготовка. Хорошо был слышен грохот канонады. За лесом было видно зарево пожара. В воздух поднимались осветительные ракеты.

После возвращения в наш АГЛР меня откомандировали в распоряжение санитарного отдела армии, и я была назначена в ХППГ (хирургический полевой подвижной госпиталь) № 4392 старшим ординатором.

ХППГ № 4392

Госпиталь был расположен в лесу. Шла обычная госпитальная работа. Этот госпиталь можно назвать интернациональным: начальник госпиталя, Супатович и его заместитель по хозяйственной части – евреи, заместитель по политической части Зелененький и начальник второго отделения хирург Колюжный – украинцы, начальник 1-[го] отделения ведущий хирург Какваев – чеченец, медсестра приемного отделения и повар – узбеки, среди солдат были татарин и удмурт, остальные – русские. Но коллектив был дружный.

Я числилась ординатором 2-го отделения, но работала в приемно-сортировочном, поэтому мне приходилось встречать первой после часового у входа на территории госпиталя и раненых, и приезжающее к нам начальство. Несколько раз приезжал командующий армией Москаленко, но он заезжал с противоположной стороны на красивой рыжей лошади с

белыми, как будто одетыми в ботиночки, ногами. Привязывал ее к дереву, а сам шел прямо в палатки. Приходил к раненым и беседовал с ними. Кто-нибудь из персонала, увидев его, сообщал мне и начальнику госпиталя, и мы встречали его. Москаленко – внимательный, заботливый человек. В жаркий летний день после беседы с ранеными он сказал начальнику госпиталя, что их беспокоят черви в ранах и нельзя ли их удалить. Начальник госпиталя ответил ему, что черви полезны, так как хорошо очищают раны от гноя и способствуют более быстрому заживлению, но так как они мучительны для раненых, то мы их удаляем при перевязках.

При переезде на новое место нам пришлось подниматься на крутую гору. Машины преодолеть этот подъем не могли. Пришлось обратиться к местному населению за помощью. Они запрягли по несколько волов в машины с включенными моторами, и таким образом мы преодолели это препятствие.

В другой раз мы получили приказ расположиться в одном селе, но, не доехав до него, нас остановил регулировщик и сказал, что в упорных боях наши войска отступили, и это село снова занято немецкими войсками.

Наша машина, в которой ехали врачи, операционные сестры и санитарка, а также имущество операционного блока, уехала раньше, а остальные должны были ехать позднее. Регулировщик предложил нам заехать в расположенный недалеко в стороне от дороги госпиталь. Наш шофер привез нас, а сам поехал назад, чтобы сообщить о случившемся.

Этот госпиталь недавно приехал на фронт, и это было его первым боевым крещением. Раненых было много. Мы предложили свою помощь и просили зачислить нас на питание. Начальник госпиталя с радостью согласился, так как врачи и сестры работали уже 3 суток без отдыха. Наша операционная санитарка – девочка, окончившая 10 классов. Родители ее погибли, и она пришла работать в госпиталь. Очень добросовестная, любознательная. Для работы ночью нас разделили на 2 группы. Одни работали, другие и персонал госпиталя ушли на отдых, чтобы сменить на день. Назначили работать за операционную сестру нашу санитарку. Мы не возразили. И она очень хорошо справилась, обслуживая сразу три стола. На следующий день, получив новое назначение, приехали за нами.

Мы поехали на новое место. Остановились в селе Гоголево. На площади в центре села был повешен человек. На груди доска с надписью: «Изменник родины – предатель!». Он был полицаем и выдавал немцам партийных работников, партизан и их семьи. Жители села рассказали нам, что был другой полицай, который спасал людей от угона в Германию и от расстрела. Когда его арестовали, то все жители заступились за него, и он был сразу освобожден.

Разместились мы в районе этой площади. Приемное отделение – в большом благоустроенном сарае, операционно-перевязочный блок – в двухэтажном здании. Там же размещали и самых тяжелых раненых, а остальных распределяли по квартирам. В уходе за ними нам помогали хозяйки квартир. Сами жили мы на квартирах.

ХППГ был рассчитан на 200 коек, а [количество] раненых доходило до 2000. Шли жестокие бои за форсирование Днепра, за освобождение Киева. Работать приходилось по несколько суток, не отходя от перевязочных и операционных столов, а палатные сестры и санитары обслуживали до 150 человек на каждого без смены.

Один раз нам привезли партию раненных в голову. Все они были без сознания. Размещать их по квартирам нельзя, так как необходимо было постоянное наблюдение за ними. Начальник госпиталя обратился к попу, чтобы он разрешил разместить их в действующей церкви. После совета с прихожанами он разрешил. Среди них был раненный в голову мальчик шести лет. Он лежал в медсанбате с мамой. Медсанбат находился в лесу недалеко от деревни, где они жили. Мать пошла домой ненадолго, а в это время был получен приказ срочно эвакуировать раненых и переехать на новое место. Когда она вернулась, лес был пуст. Мальчика взяла к себе одна женщина, у которой погиб на фронте единственный сын. Она решила усыновить его, если не найдется мать. Он назвал свое имя, фамилию, но не знал, как зовут его родителей и адрес. На другой день мы получили приказ всех черепных раненых отправить в специализированный госпиталь. Мальчик нуждался в операции. Я уговорила нашего хирурга оперировать его и не отправлять дальше. Ведь у него есть родители, которые будут его искать, а если отправим дальше, то разыскать будет труднее, и при живых родителях он может стать сиротой.

Мать сразу пошла искать его. Остановилась ночевать в одном селе, а в тот дом пришла родственница хозяйки, которая жила рядом с женщиной, взявшей мальчика, и указала адрес. Когда мальчика стали оперировать, пришла мать и осталась ухаживать за ним.

Однажды к нам поступил молодой, раненный в обе ноги солдат в крайне тяжелом состоянии. У него было три тяжелых осложнения: болевой шок, большая кровопотеря и газовая инфекция. Была необходима срочная операция, но надо было сначала вывести из состояния шока и перелить кровь, но сделать это не удалось, так как вены спались, и ввести в них иглу не могли. Без операции – верная смерть. Молодой хирург Шишкин предложил оперировать сразу трем хирургам обе ноги одновременно, после перерезки сосудов переливать кровь в артерию и одновременно продолжать операцию. Были ампутированы обе ноги, но жизнь ему была спасена. Несмотря на это, он был очень общительным, веселым, хорошо играл на баяне.

Еще поступил капитан в тяжелом состоянии с осколком в сердце. Хирург Какваев оперировал его, удалил осколок и вывел его. Он оставался в нашем госпитале до полного выздоровления, и когда переезжали на новое место, взяли его с собой.

6 ноября 1943 г. был освобожден город Киев. Украинское правительство во главе с Хрущевым возвращалось в Киев и посетило наш госпиталь. А 7 ноября мы эвакуировали всех раненых и поехали на новое место через Днепр.

Мне приходилось видеть Днепр в двух местах: под Могилевом – это ничем не примечательная река, неширокая, с грязным вытоптаным восточным берегом и полуразрушенным Могилевом на западном берегу, и под Киевом – здесь он широкий и красивый, с круто поднимающимся высоким западным берегом, на котором находился красивый, но частично разрушенный г. Киев. [...]****.

Над Днепром возвышался раньше большой красивый цепной мост. Но мы его не увидели, а переправились через понтонный мост. На этом мосту произошла большая трагедия. Фашисты согнали всех жителей одного села – женщин, детей, стариков, посадили на грузовые машины, завезли на этот мост и взорвали его. Погибло много людей. Об этом мне рассказала хозяйка, у которой я жила в Гоголеве. Там погибла ее сестра с двумя маленькими детьми.

Мы остановились около села Святошино в барской усадьбе. Госпиталь разместили в большом 2-этажном доме недалеко от дороги Киев–Житомир, приемное отделение – в большом каменном сарае. Начальники, врачи и сестры жили в одноэтажном доме, а солдаты – в другом сарае. Отделение эвакуации – в доме около дороги на противоположной стороне. Дом этот разделен на 2 половины с отдельным входом в каждую. В одной половине была кухня и комната, в которой около печки на широкой кровати спали две сестры – хозяйки дома и их две девочки лет 9-10. У противоположной стены и в другой половине дома размещались раненые, подлежащие эвакуации. Их обслуживали медсестра, санитары-носильщики и повар, которые там же и жили. Раненый в сердце капитан уже совсем поправился и оказал большую помощь нашему госпиталю в организации эвакуации раненых.

Он организовал контрольный пост, останавливал все грузовые машины, идущие в Киев с передовой за продуктами и боеприпасами. И пока вел переговоры с шоферами, носильщики быстро заполняли машину ранеными. Вручал адрес госпиталя, куда надо их везти. Так за день отправляли по несколько сотен раненых.

В это время шли тяжелые бои за освобождение Житомира, и раненых к нам поступало много. Там мы встретили Новый 1944 г. Ровно в 12 часов ночи прилетел немецкий самолет и сбросил одну небольшую бомбу, которая попала в печку эвакуоотделения. Повар спал на полу около печки. Услышав свист падающей бомбы, он выскочил через окно кухни, и ему попал небольшой осколок в область ягодицы. Ему была оказана необходимая медицинская помощь, и наутро он приступил к исполнению своих обязанностей. А от лежавшей на полу его куртки остался один рукав. Обе женщины были убиты, а девочки получили мелкие множественные поверхностные ранения. Их эвакуировали вместе с другими ранеными. Был ранен в ногу один из носильщиков, спавший у противоположной стены. Восемь раненых и медсестра, находившиеся на другой половине дома, не пострадали. Медицинская сестра не растерялась. Сразу оказала необходимую помощь всем пострадавшим и потом сообщила о происшедшем начальнику госпиталя. За это она была награждена медалью «За отвагу».

Капитан прошел медицинскую комиссию и уехал в отпуск домой, но его дело продолжали другие.

Вскоре уехала и я в конце февраля 1944 г.

ХППГ № 724. Возвращение в 49-[ю] армию

Из АГЛР № 1068 49-[й] армии я уехала в марте 1943 г. Была в АГЛР и ХППГ 38-[й] армии 1-[го] Украинского фронта. В мае 1944 г. вернулась снова в 49-[ю] армию и была назначена в ХППГ № 724.

Коллектив госпиталя дружный. Когда и где формировался, какой путь прошел – я не знаю, но в его составе было много москвичей. Начальник госпиталя – майор Берсенева из Ленинграда, внимательный, заботливый. Заместитель по полит. части – майор Кострулин Николай Степанович, учитель из г. Москвы, тоже чуткий, отзывчивый, умеющий организатор. Ведущий хирург – майор медслужбы Скоробогатова Вера Алексеевна из Москвы, опытный хирург. Я числилась ординатором 2-го отделения, но большую часть времени работала врачом приемно-сортировочного отделения.

Наша армия вела бои за освобождение Могилева. ХППГ располагался в лесу. Шла обычная госпитальная работа. После освобождения Могилева и Минска и ликвидации «Минского котла», т.е. окруженных 30 немецких дивизий восточнее Минска, наша армия стала быстро продвигаться на запад, и мы поехали через Могилев, Минск в Западную Белоруссию почти без остановки. Города эти были сильно разрушены. В нашем ППГ были организованы хор и струнно-шумовой оркестр, которым руководил повар и начальник штаба. Мы занимались в свободное от работы время. Когда находились на освобожденной территории, в свободное время выезжали в села и разучивали с местным населением новый Гимн СССР, который первый раз был исполнен 1 января 1944 г.

К началу августа 1944 г. была очищена от врага вся территория РСФСР, Белоруссии и часть Прибалтики. Темной августовской ночью мы пересекли советско-польскую границу и вступили на территорию Польши.

Польша

В Польше мы останавливались в населенных пунктах, иногда в лесах. В Польше каждая крестьянская семья имела свой земельный участок, огороженный колючей проволокой, и самостоятельно обрабатывала его. Печки топили брикетами каменного угля. Так как дымоходы у печей были прямые, то уголь горел ярким пламенем, быстро сгорал. Печи быстро нагревались и быстро остывали.

Поляки очень религиозны. Работали костелы. Икон в домах у них не было, но в каждом доме на столике стояло распятие Христа. Такие же распятия стояли в нишах у начала и конца леса вдоль дороги. К нам попадали раненные дети, и когда им было больно, они кричали: «Матка Боска» или «Иезус и Мария», т.е. звали на помощь свою маму, Божью мать или Иисуса и Марию.

Поляки относились к нам хорошо. Женщины работали в госпитале на подсобных работах. Стирали белье очень чисто, гладили и связывали веревочкой пачками по 10 штук.

В Польше мы встретили Новый 1945 г. Солдаты достали небольшую елочку, а одна польская женщина подарила нам игрушки. Елка была нарядная.

Однажды мы приехали на новое место, и только начали разворачиваться, к нам приехал на лошади поляк – местный сельский начальник – и попросил, чтобы мы оказали помощь больным детям, а взамен прислал несколько человек помочь нам в развертывании госпиталя. Я поехала с ним в село, оказала им помощь, и он привез меня обратно. Трудно было общаться с ними. Я не знала польский язык, а они – русский. Объяснялись где словами, где жестами. Но все-таки договорились обо всем необходимым.

Мы разместились в палатках. Польский печник сложил нам печку. Вечером мы топили ее. Сразу становилось жарко, а к утру на одеяле около лица появлялся иней. После переделки печки на русский лад стало тепло на все время.

После окончания войны мы возвращались домой через Польшу. В это время там свирепствовала банда Михайловича. В одном селе ночью они разбивали окна, проникали в дома и резали спящих жителей – и взрослых, и детей. Они не давали покоя ни полякам, ни нашим людям.

Один раз мы остановились на поляне позади садов деревни. Ночевали в машинах и под машинами. Выставили усиленную охрану. Недалеко в лесу стоял банно-прачечный отряд нашей армии. В нем были женщины и нестроевые, т.е. негодные к военной службе мужчины. У них были два ручных пулемета и у всех винтовки. Днем пришла к ним польская старушка и сказала, что бандиты хотят напасть на них ночью, о том же предупредил их старый поляк.

Ночью никто в отряде не лег спать. Создали круговую оборону. В 1 час ночи появились бандиты. Их подпустили на близкое расстояние и открыли огонь. Бандиты были вынуждены отступить. Так поляки спасли нашим людям жизнь.

Особенно хочется остановиться на нашей работе под Данцигом. Мы стояли в небольшом городе в 30 км от него. Когда наша армия освободила Данциг и концентрационный лагерь, к нам стали привозить оттуда раненых и больных. Это были бледные, резко истощенные и ослабленные люди с большим количеством вшей, гноящимися ранами. В концентрационном лагере им не оказывали медицинскую помощь и заставляли работать так же, как и здоровых. Прием их был организован так: при входе в приемное отделение санитар помогал им раздеться полностью, а вещи их складывали в специальные мешки и отправляли в дезкамеру, затем парикмахер сбрасывал волосы на голове и всем теле, осматривал врач, регистрировали, потом другой санитар смазывал их с головы до пяток малярной кистью разведенным в ведре мылом «К» (жидкое мыло с неприятным запахом,

применяемое для борьбы со вшами), и направляли в баню, откуда они попадали в чистое отделение, где их одевали в чистое белье и отправляли в палаты.

Персонал приемного отделения одевался в халаты и шапочки или косынки, пропитанные мылом «К». Рукава халата завязывались плотно в области лучезапястных суставов, волосы тщательно убирали под головной убор. После приема каждой партии мылись в бане, а вся одежда дезинфицировалась в дезкамере.

Среди поступивших к нам больных был один немец-коммунист, участник сопротивления, а попал в лагерь за то, что слушал радиопередачу из Москвы. Он хорошо говорил по-русски, т.к. длительное время жил в Ленинграде и окончил там высшее учебное заведение. У него было воспаление почек. В лагере к нему относились так же, как и к нашим. Он сказал, что только у нас в госпитале к нему отнеслись хорошо, оказали необходимую медицинскую помощь и дали диетическое питание так же, как и остальным поступившим к нам.

В середине января 1945 г. началось решающее наступление советских Вооруженных Сил на всем фронте от Балтийского моря до Карпат. Наша армия форсировала р. Вислу, разгромила вражескую оборону и подошла к р. Одеру. Наш ХППГ эвакуировал больных и переехал на новое место недалеко от р. Одер, где шли тяжелые бои. Р[ека] Одер в этом месте имела два русла, а между ними на несколько километров раскинулся луг. Фашисты затопили этот луг. Восточный берег реки был пологим, а западный высокий, крутой. Фашисты сильно укрепили этот берег, превратив его в доты, оснащенные артиллерией.

Поступающие к нам раненые рассказывали, что им приходилось по несколько суток идти в холодной воде под мощным артиллерийским обстрелом, бомбежкой и обстрелом с самолетов. Даже относительно легкое ранение нередко оказывалось смертельным, т.к. люди падали и тонули. Нельзя было ни присесть, ни отдохнуть. Те, которым удалось спастись и поступить к нам, удивлялись, что им, наконец, можно сидеть, лежать, и что на них сухая одежда.

Наконец, наши войска форсировали р. Одер и вступили в Восточную Пруссию, и мы поехали за ними.

Германия

Немцы очень боялись нас, и большинство эвакуировались спешно в западную часть Германии. Мы проезжали по совершенно пустым населенным пунктам. В одном городе мы зашли в дом. Он был пуст. Неубранная постель, под подушкой карманные часы. На столе в тарелках недоеденная яичница. В шкафу полно разных солений и варений в маленьких баночках. Мы прожили там несколько дней и лакомились маринованными огурцами и разными вареньями.

Проезжали через город Темплин. Он был весь охвачен огнем пожаров. Магазины, полные товаров, были открыты. Хозяев нет. Наши солдаты набрали шерстяных и шелковых тканей, сдали их в кладовую госпиталя.

Потом их раздавали поровну всем сотрудникам, и мы отсылали их домой. А медицинские работники зашли в магазин медицинского оборудования, набрали различных медицинских инструментов, шелковых халатов, защитного цвета косынок для госпиталя.

Работали в основном в населенных пунктах. Однажды остановились в деревянных бараках на краю молодого леса. Таких барачков там было много. Потом мы узнали, что во многих из них был склад немецкого оружия и боеприпасов. Проработали там недолго и поехали на новое место.

В одном бараке осталось несколько человек раненых, я, медсестра, санитар и повар. За нами должны были прислать машину позднее, а на новом месте за это время подготовить место для раненых. Повар рубил мясо около дома. Вдруг небольшой артиллерийский снаряд зацепился за электрические провода, разорвался, и осколком был ранен в ногу повар. Его перевязали, уложили. Надо было ввести противостолбнячную сыворотку. Но у нас не было ни сыворотки, ни шприца. Я знала, что недалеко в лесу стоял другой госпиталь, и пошла туда, чтобы взять необходимое и узнать, кто стрелял в наше расположение. По дороге мне встретился майор, ехавший на мотоцикле. Он спросил, почему я нахожусь здесь, и сказал, что проводятся учебные стрельбы в этом районе. Я рассказала ему, что там находятся раненые, рядом немецкие склады, снарядом ранен наш повар, и я иду в соседний госпиталь, чтобы взять нужное для оказания помощи. Майор быстро поехал и прекратил стрельбу. А я получила то, что мне нужно было и оказала помощь раненому. Вскоре приехала за нами машина, и мы благополучно прибыли на новое место.

Проезжая на запад, вглубь Германии, мы все чаще встречали немцев – в основном женщин и детей, оставшихся у себя дома. В некоторых местах они работали у нас, стирали белье. За это кормили их. Они были сыты сами и кормили своих детей. Работали они добросовестно. Когда мы переезжали на новое место, они плакали и просили взять их с собой, но в этом им было отказано.

В середине апреля наша армия подошла к р. Эльбе, где произошла встреча с американскими войсками. Мы остановились в небольшом городе Виттшток, заняв помещение ратуши, где развернули госпиталь, а сами поселились в 4-этажном доме напротив. В этом доме жили банкир и два врача, которые имели стоматологический и гинекологический кабинеты на 2-[м] и 3-[м] этажах, внизу был банк. Они все уехали. Мы расположились в их квартирах. На 4-[м] этаже жили немецкие женщины с детьми. В соседних домах жили зубной врач, парикмахер и часовщик. Мы пользовались их услугами, а расплачивались своими порциями хлеба.

В этом же городе на окраине стоял и АГЛР № 1068. В мае умерла моя подруга, операционная сестра Катя Мясникова, с которой мы были вместе в ППГ № 697 и АГЛР № 1068. Похоронили ее на окраине города. Мы ходили на ее могилку, украшали ее бумажными, лавровыми и дубовыми венками, которые нашли на чердаке в ратуше, и ветками растущего рядом кустарника с мелкими белыми цветами. Немка смотрела на нас из окна своего дома и

однажды подошла к нам, спросила, кто похоронен и поставила на могилу банку с букетом роз.

Шли последние бои. Раненых было немного. Поступившие к нам раненые рассказывали, что встреча с союзниками, американскими солдатами, была радостной и дружественной. Они обменивались сувенирами. Там мы встретили окончание войны.

Победа

В 12 часов ночи 8 мая после окончания работы мы, врачи, собрались вместе, пили чай и слушали по радио передачу из Москвы. Диктор Левитан объявил, что фашистская Германия капитулировала, и война окончилась. Это была большая радость, но она омрачалась тем, что к нам в это время поступил раненый шофер автосанроты, которая располагалась недалеко от нас. Мы хорошо знали его, т.к. он часто приезжал к нам и увозил от нас раненых. Он стоял на посту, и фашист выстрелил в него с чердака. У него было ранение мягких тканей бедра и тяжелый болевой шок. Всю ночь мы не отходили от него, сделали все, чтобы спасти ему жизнь, но вывести его из состояния шока не удавалось, и в 8 часов 9 мая, когда о победе объявили всему личному составу ХППГ, он умер. Тяжело было видеть страдания и смерть людей, а в данном случае особенно тяжело. Ведь война уже кончилась, а человек погиб.

После окончания войны заместитель начальника по политчасти организовал экскурсию в Берлин для всего личного состава госпиталя и раненых, которые могли поехать.

Поездка в Берлин

Все разделились на три группы и по очереди выезжали в Берлин. Он был сильно разрушен. По многим улицам невозможно было проехать, т.к. они были завалены камнями, железом, поваленными деревьями, столбами, проводами.

Мы посетили рейхстаг. Серое здание с колоннами. На куполе развевался красный флаг. В рейхстаг попала бомба и прошла через все этажи. С первого этажа было видно небо через огромное отверстие. Все стены и потолки, а также колонны у входа были покрыты подписями тех, кто там был. Среди множества фамилий были и короткие стихотворения, и надписи: «Мы пришли сюда из Москвы, Новосибирска, Тамбова и других городов Советского Союза, чтобы фашисты никогда не приходили к нам!». Мы нашли свободное место на третьем этаже и тоже все расписались.

Побывали также в гитлеровской канцелярии. Это серое мрачное 2-хэтажное здание. Под его окнами целые кучи крестов и медалей, которыми награждали немецких солдат. Комнаты были почти пустые. В кабинете Геббельса висела громадная люстра. Сохранился пульт управления. Кроме двух этажей на поверхности, было 14 подземных этажей. Но так как не было электричества и подачи в них воздуха, то посмотреть их нам не удалось. Видели только вход в них. Затем по крутой винтовой лестнице мы поднялись на смотровую площадку памятника (не помню точно названия – «Свободы»

или «Победы») на площади Звезды. На площадке – скульптура ангела. Оттуда виден хорошо весь Берлин и его окрестности.

После окончания войны в ратуше г. Виттшток мы устроили банкет, на котором, кроме личного состава нашего госпиталя, присутствовали представители отдела нашей армии и других госпиталей. Духовой оркестр все время играл вальс «Березка».

Возвращение домой

В конце июня мы переехали на фарфорофаянсовый завод. Жили в домах около завода. Там красивый вид. Небольшая речка, большой фруктовый сад. Пospела красная смородина. Каждый день набирали ее для компота на кухню, и сами наедались досыта.

В июле одна воинская часть возвращалась из Германии в Советский Союз пешком, т.к. весь имеющийся транспорт был загружен возвращающимися воинскими частями, освобожденными из концентрационных лагерей, угнанными в Германию жителями, которые работали батраками у немцев, ранеными. Все спешили скорее попасть домой. По дорогам сплошным потоком двигались на восток люди, повозки, машины, гнали коров. Воинская часть продвигалась в день по 25 км. Они шли два дня, затем отдых один день, потом три дня в пути и два дня отдыха. Эту часть сопровождали два госпиталя, которые делились на два отделения каждый.

Мы переезжали на машинах и разворачивались для работы по одному отделению через каждые 100 км. Больных и получивших случайные травмы и ранения направляли по движению вперед, и они находились в госпитале до подхода части. Тогда выздоровевших выписывали в часть, нуждающихся в продолжении лечения в течение нескольких дней перевозили во 2-е отделение своего госпиталя, а нуждающихся в длительном лечении передавали в расположенные близко действующие госпитали. Сами помогали в работе второго отделения, а затем ехали дальше. Работающие во втором отделении помогали в разворачивании первому, а потом ехали дальше.

Работы было мало, свободного времени – много. Однажды мы остановились в одном очень красивом месте. Лес, цепь озер, соединенных протоками между собой. Лодочная пристань. Мы катались на лодках. Когда проезжали по территории, которая отошла от Германии к Польше, то в населенных пунктах жителей не было. Пустые дома. В садах полно спелых разных ягод. На невозделанных огородах росли укроп, огуречные духи. Мы использовали все это для питания наших больных и персонала. После окончания войны в Германии мы могли ходить везде и поодиночке, и без оружия. Было безопасно. А когда приехали в Польшу, то из-за бандитов пришлось снова вооружиться и ходить только группами в сопровождении солдат и усилить охрану.

Наконец, подъехали к нашей советской границе. Пока начальство оформляло документы на въезд в СССР, мы подошли к шлагбауму и поставили одну ногу на советскую землю. Остановились в г. Слуцке, где наша часть была расформирована, а затем расформировали и наш госпиталь.

Мы поехали поездом до Москвы, а оттуда по домам. Это уже в середине октября 1945 г. [...]*****.

ГАСПИТО. Ф. Р-9328. Оп. 1. Д. 6. Л. 19-44. Подлинник машинописный.

* Опущены биографические сведения довоенного периода.

** То же один абзац об отступлении советских войск вглубь страны.

*** То же о переходе советских войск в наступление в декабре 1941 г.

**** То же цитата Н.В. Гоголя о реке Днепр.

***** То же биографические сведения послевоенного периода.

№ 1333

Из воспоминаний З.А. Котовой*

1986 г.

[...]**. Часто мне вспоминается, когда мы ехали из-под Смоленска. В июле 1941 г. по дороге, в вагонах, военные медики изучали, как пользоваться винтовкой, гранатой, одевать противогаз на раненого. За короткое время мы переквалифицировались на хирургических медсестер.

Первых раненых я перевязывала под городом Смоленском в госпитале № 113. Бои за этот город были ожесточенные, кровопролитные. Несколько раз в сутки отбивали г. Смоленск от фашистского нападения, но были вынуждены его оставить. Двадцать суток без отдыха перевязывали раненых бойцов и командиров Красной Армии и отправляли их в тыл.

Под Смоленском в районе станции Кардымово мы попали в окружение. Раненых много. Из медсестер были убиты Таня Прохорова, Лиза Чернышова. Эти товарищи были смелые, энергичные.

Мы отступили к городу Вязьме. На пути встретилась немецкая пехота. Она перехватила наши машины, погруженные с ранеными, и стала их расстреливать. Убили врача Сергееву Екатерину, медсестру Ломакину. Я чудом осталась живой. Собрали только легкораненых, которые спаслись от немцев, и переправились через реку Днепр. Ночью недалеко от Соловьевской переправы по реке плыли убитые лошади, солдаты и разный транспорт.

Было страшно: горят города и села, гибнет все вокруг. Переправа захвачена немцами. Часто мы были вынуждены прятаться по лесам Смоленщины. По пути переплывали реку Десна и вместе с ранеными перешли и поле боя. Только тогда мы попали в свое войсковое расположение. В свой госпиталь больше не попала и [за] всю войну его не встретила.

Затем направили меня в запасной полк, в полевой походный госпиталь № 2266, который находился в г. Сухиничи. Госпиталь машин не имел, а были лошади с повозками.

В октябре поступил приказ отступить на Москву. Раненых взяли с собой на повозки, а мы, медсестры, шли за ними пешком до самой столицы через г. Калугу.

Когда шло контрнаступление нашей армии под Москвой, то была сформирована санлетучка № 10, на которой возили раненых с передовой по железной дороге. Их вывозили с городов Наро-Фоминск, Малоярославец, Тихново-Пустынь до Смоленской области. Летучка № 10 попала под бомбежку. Все остались живы. После этого случая нас расформировали по госпиталям. Я была направлена в госпиталь № 177. Там я работала в приемно-сортировочном отделении.

Когда от Москвы отогнали гитлеровцев, наш госпиталь был направлен на Воронежский фронт. Развернулись мы в лесу гор. Боброва в 1942 г. Раненых много, их оперировали, перевязывали и отправляли санпоездом в тыл.

За хорошую работу мне был представлен в виде поощрения отпуск в Тамбов на две недели. Праздник Октября 1942 г. я была дома. Брат, муж и отец были на фронте, я встретила с матерью и родственниками. Для меня была радость еще и в том, что в Наро-Фоминске я встретила со своим отцом. Радости и слез не было предела.

Шли жестокие бои в Воронежской области за реку Дон и село Верхний Мамон. Много было раненых и обмороженных. Ведь зима 1942 г. была холодная, морозы достигали сорока градусов. Купать раненых было холодно, иные из них поступали и тифозные.

Под Воронежем я сочинила небольшое стихотворение «Безымянная». Вот оно:

Но как я забуду то хмурое утро,
 То хмурое утро декабрьского дня,
 Когда, презирая и смерть, и увечье,
 Теплом ты своим прикрывала меня.
 Ползла ты по снегу, железом иссеченному,
 В окованной стужей задонской степи.
 И красноармейцу, металлом калеченному,
 Тихо шептала: «Родной, потерпи...».
 В то хмурое утро, тяжко-кровавое,
 Сдала ты, сестричка, меня в медсанбат,
 Какая была ты – скромная, бравая?
 И имя твое не узнал у ребят.
 Но облик твой вечно храню в своем сердце
 И утро то хмурое, Воронежский фронт.
 Моя безымянная сестричка, поверь мне:
 Твой образ в душе навсегда. Ферапонт.

Враг был отброшен далеко, и мы с Воронежского фронта переехали под город Харьков. Стояли недалеко от ст. Лозовая в селе Михайловка.

Бои за Харьков и Лозовую были ожесточенные, кровопролитные. Раненых не успевали отправлять. И под Лозовой в Михайловке мы попали в окружение врага. За вывоз раненых из окружения я была награждена медалью «За боевые заслуги».

Наш госпиталь вышел из окружения в гор Купянске. Было очень много раненых, зараженных и тифом. Из сотрудников госпиталя много заболело тифом. Начальник госпиталя капитан Новородовский умер от этой болезни, похоронили его в г. Купянске. Медсестры вылечились. Отступая, немцы в Купянске закопали в землю заживо 75 человек жителей. Были и дети. Их перезахоронили в братскую могилу около школы № 10. Весь процесс затем засняли на пленку киножурнала «За Советскую Украину».

Запомнилось и то, что в этом городе поймали диверсанта, который взрывал мосты, заводы, станции. Его судили и казнили через повешение.

При взятии города Днепропетровска всему нашему госпиталю пришлось переплыть на пароме, который жестоко бомбили.

В гор. Апостолове раненых обрабатывали мылом «К», и сразу же тифозных больных не стало.

Весной 1944 г. принимали раненых из гор. Одессы, Николаева. Затем переехали в Молдавию. Нас встретили хорошо, активно помогали в работе взрослые и дети. Я сочинила стихотворение «Кишинев»:

Мы идем. Кишинев предвесенний...

Бродит ветер по нивам седым,

И на запад, как тень преступлений,

Отступает пожарища дым.

Мы идем, и вслед за нами

Дни свободы и счастья идут,

Скоро-скоро над нами

Возвестит о победе салют.

В городе Кишиневе не пришлось побывать. Нас перевели на следующий день на другой фронт, на освобождение г. Ковеля. Раненых принимали в палатках, шалашах и землянках. Сами строили все необходимое. За освобождение Ковеля меня наградили благодарственной грамотой. Начальником госпиталя был врач Омельченко, а ведущим хирургом – Баев.

На реке Висле во время переправы наш госпиталь подвергся бомбардировке. Много медсестер было ранено. В г. Лодзи нас, медработников, поставили на учет по сдаче крови, мы стали донорами. Не задумываясь, мы сдавали кровь. За всю войну я сдала 8 литров для восстановления здоровья советских воинов, их быстреего возвращения в строй.

Коллектив нашего госпиталя № 177 работал четко, слаженно, без признаков усталости. В апреле 1945 г. мы пересекли границу Германии. Граница Германии с Польшей была обозначена белыми столбами с черными на них полосками. На столбах прибиты доски с надписями: «Вот она, проклятая Германия!», «Бей врага в его собственной берлоге!», «Враг будет разбит! Победа будет за нами!». Какая была радость – мы достигли границы!

За прорыв обороны немцев и наступление на Берлин мне в числе многих других боевых товарищей была объявлена благодарность с вручением грамоты.

В основном были у нас раненые при освобождении Берлина.*** Мы, военные медики, очень верили в нашу победу. Видели и ощущали, как бойцы и командиры настроены по-боевому. И сами мы становились настоящими бойцами за жизнь и здоровье наших славных воинов. За вынос раненых из-под руин и оказание им помощи я была награждена орденом Красной Звезды.

Радостным был и для меня, и для всех советских людей День Победы, который я встретила в Германии. Все закаленные в огненной буре, в том числе и я, поставили свои подписи на рейхстаге. В то время я служила в 8-й гвардейской армии, которой командовал прославленный генерал В.И. Чуйков.

В День Победы почти каждый год мы, фронтовые медики, снова встречаемся друг с другом и как боевые друзья, и как родные и близкие люди. Все мы искренне хотим, чтобы наше, да и грядущее поколения никогда не узнали бедствий войны, всех ее ужасов. Пусть всегда будет мирное небо.

Проклятье Гитлеру

Гитлер, Гитлер ты кровавый,
 Людоед проклятый ты,
 Сукин сын, подлец неправый,
 От возмездия – в кусты
 Улизнул. Крысиным ядом
 Отравился и издох,
 Никого с тобою рядом,
 Твою душу проклял Бог. [...]****.

ГАСПИТО. Ф. Р-9328. Оп. 1. Д. 6. Л. 48-53. Подлинник машинописный.

* См. письмо красноармейца А.А. Шанина сестре З.А. Котовой (№ 311).

** Опущены биографические сведения довоенного периода.

*** Так в документе. Следует читать – при взятии Берлина.

**** Опущены биографические сведения послевоенного периода.

№ 1334

Воспоминания Л.В. Малютиной⁸³

1996 г.*

Война меня застала на четвертом курсе мединститута. 22 июня 1941 г. наша группа должна была сдавать последний экзамен, а там каникулы. День был солнечный, теплый, настроение у всех приподнятое: как же – скоро отдых, встреча с родными. Но вдруг объявили: «Война, война!!!».

Сразу же все изменилось, как будто бы и солнце померкло. И нас будто кто подменил, как будто мы перешагнули за какую-то черту жизни. И уже не радовала сдача экзаменов, да и на каникулы никого не отпустили. Весь курс перевели на казарменное положение. По ночам по сигналу «Тревога» нас

поднимали и строем вели на вокзал разгружать эшелоны с ранеными воинами и эвакуированными детьми. Днем мы ходили мыть школы и приспособливать их под госпитали. Питание с каждым днем ухудшалось, но, тем не менее, мы, все как одна, стали донорами, хотя сами после сдачи крови падали в обмороки. А как же – раненым нужна кровь.

Зимой 1941 г. вместо каникул нас послали в Чадский район Пермской области на вспышку сыпного тифа, где мы перенесли первую потерю: двое студентов заразились и погибли.

В 1942 г. весной после госэкзаменов весь наш курс (кроме ребят, которых перевели в г. Куйбышев) санитарным поездом отправили в г. Вологду на курсы усовершенствования старшего медсостава, где мы должны были учиться три месяца. Но нас уже через три недели начали отправлять в формирующиеся воинские соединения. Меня с подругой направили в лыжную бригаду, которая формировалась в лагере «Лахта» под Архангельском. Начальник медсанслужбы доктор Гладков встретил меня криком: «Боже мой, скоро бой, а мне детский сад надо открывать».

В лагере началась настоящая военная жизнь. Время распределилось не по часам, а по минутам – как говорится, до седьмого пота. Начались тренировки на лыжах, [по] сборке и разборке палаток, разворачиванию операционных и перевязочных столов и т.д. Когда бригада была полностью укомплектована, нас в теплушках отвезли в г. Тихвин.

В ночь под Новый 1943 г. весь Волховский фронт выступил на соединение с Ленинградским фронтом. Задача – прорвать блокаду г. Ленинграда. Двинулась туда масса различных воинских соединений. Ночь была очень холодная, ветреная, мы все на лыжах в маскировочных халатах, лица закрыты шерстяными шлемами, запрещено разговаривать, курить, чиркать спички. Получили приказ срочно развернуть палатки и быть готовыми к приему раненых. Началась артподготовка, все кругом загрохотало, загремело, земля содрогалась, все горело, наша артиллерия била через нас. И вдруг все замерло. Такая тишина – до звона в ушах. И где-то издали послышалось «Ура-а-а...». Это наша пехота пошла в бой.

Не успели опомниться, а к нам начали поступать раненые, закипела работа. Не успеют одного раненого снять со стола, как уже другого кладут. Не отрывая глаз от ран, с лица твоего пот градом, только даешь команду: «Сотрите пот» или «Дайте напиток». Если чуть-чуть схлынет поток раненых, успеем друг другу головы облить холодной водой и снова к столу. Кроме первичной обработки ран, остановки кровотечения, введения противостолбнячной и противогангренозной сыворотки, на раненых заводилась карта передового района – документ, с которым он следовал на следующий этап. Всю эту писанину и инъекции выполняли медсестры и фельдшеры, которым врач только успевал диктовать. А раненых все везли, несли, а кто-то сам шел, кто-то полз, кто-то как мог добирался до нас.

Помню, вошел один больной, раненный в челюсть, а у него огромная кровавая борода до самого «пола». Нужно ее как-то отцепить, чтобы срочно остановить кровотечение и надеть на челюсть шину. Думаю, ведь больно же

ему будет, когда я начну отрывать, а он показывает рукой: «Смелее, смелее». Потом принесли молодого парнишку, он не мог лежать, сидел на носилках. Посмотрела, а у него огромнейшая [рана] грудной клетки справа, и в нее видно, как легкое дышит. Он задыхался – открытый пневмоторакс, срочно наложила ему повязку – «пробку», и он успокоился, заговорил.

После боев (ох, как мало осталось в живых) нас отвели на отдых в лесок, в огромную палатку. Мы как вошли в нее, так и попадали, кто где стоял, даже не расстегнули полушубков. От сильного переутомления у нас начались звуковые галлюцинации, и мы будили друг друга, крича: «Подъем! Раненые поступают». Долго не могли отдохнуть, не могли отмыть руки, они от крови были коричневыми. Потом к нам приходил начальник медслужбы и благодарил за работу, за стойкость и выносливость, за быстроту.

Бои закончились, блокада Ленинграда была прорвана, но война еще далеко не закончилась. Так как нас осталось очень мало, часть нашу расформировали, и я попала в госпиталь под Ленинград на станцию Хвойная. После работы на передовой жизнь в госпитале показалась раем: можно было помыться, поспать в постели, поесть за столом, поработать в настоящих операционных и перевязочных и, самое главное, было у кого поучиться. Да и бомбили госпиталь редко. Работы тоже было много. Но это уже не передовая. Летом, когда бои затихли, раненых поступало меньше, и нам удавалось делать даже плановые операции.

В окрестных лесах оставались еще отдельные группы немцев, и часто поблизости вспыхивали бои, их называли «боями местного значения». И вот однажды совсем недалеко вспыхнул такой бой. Нас с подружкой начальник госпиталя послал туда помочь обрабатывать раненых. Дорога шла через кладбище, мы быстро бежали, стало жарко, шапки сдвинули на затылок. Я бежала первой, Тамара за мной. Вдруг слышу выстрел, выстрел, выстрел. Шапка с меня слетела. Это снайпер ударил в звездочку на шапке. Успела крикнуть: «Ложись!». Мы упали среди могил и чуть шелохнемся – сразу же начинают стрелять. Лежа без движения, мы незаметно для себя уснули. Сколько прошло времени – не знаем, только проснулись от тишины. Солнце было уже высоко, в лесу даже птицы посвистывают. Встали, пошли на ту поляну, где шел бой. Мы не дошли до нее немного, снайпер снова нас остановил. И мы поэтому не выполнили приказ. Очень расстроились, что нам попадет, быстро возвратились в госпиталь. А там как раз прибыла «летучка» с ранеными и нам крикнули: «Быстрее переодевайтесь и в операционную». Нас не ругали, не осуждали.

Работали, спасая раненых. Так продолжались обычные военные будни до незабываемого дня Победы.

ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 5. Д. 2. Л. 45-47 об. Подлинник.

---

* Дата установлена по соседним в деле документам.

№ 1335

Из воспоминаний Л.С. Бикмухаметовой^{84*}

1983 г.

Хирургический полевой подвижной госпиталь № 2185 сформирован в декабре 1941 г. в Ярославле и в январе 1942 г. был переброшен в М[алую] Вишеру. Госпиталь развернулся в огромном кирпичном железнодорожном клубе непосредственно около станции. С одной стороны это было удобно при эвакуации раненых в тыл, с другой – было очень опасно, т.к. станцию сильно бомбили немцы.

1 января 1942 г. в М[алую] Вишеру подошла из Ярославля 2-я ударная армия, в нее и влился ХППГ 2185. На станцию спешно поступали эшелоны воинских частей, боеприпасы и материальная часть других армий. Станция с воздуха контролировалась немецкими разведчиками. Враг чувствовал, что наше командование задумало провести большую операцию. Нам предстояло прорвать фронт, перейти реку Волхов, взять Чудово, Любань и выйти к Ленинграду, с другой стороны – от г. Волхова вдоль Ладожского озера и Невы – взять всю немецкую группировку, ликвидировать и снять блокаду с Ленинграда. Следовательно, в прорыв блокады Ленинграда наш госпиталь включался с М[алой] Вишеры.

С каждым днем враг наращивал воздушные бомбардировки на М[алую] Вишеру. Воинские эшелоны спешно разгружались и уходили в лес.

Не успел госпиталь как следует развернуться и наладить работу, как его постигло несчастье. От бомбежки погибли начальник госпиталя, замполит, врач, начфин и повар. Госпиталь осиротел.

Стояли жуткие морозы, на ХППГ шел поток автомашин с ранеными. Временно прикомандированные врачи Морозов Ф.Ф. и Александра Ивановна (фамилию не помню) с работой не справлялись, операционных столов не хватало. Приехали вновь назначенные начфин и замполит Пащенко. Вскоре госпиталь переехал в поселок Стекольный М[алой] Вишеры, там он развернулся в деревянных двухэтажных бараках.

По штатному расписанию госпиталь укомплектовался службами, начальником госпиталя стал Кузнецов (майор), но бомбежки не давали покоя. Ежедневно в 9 ч. утра, как по расписанию, смертельный груз сбрасывался на станцию и на госпиталь. Около железной дороги дома были разрушены. Тяжелые бомбардировщики в 20-40 машин сбрасывали свой груз, применяли воюющие сирены, имитировали свист падающих бомб, создавали панику, действовали на нервы. Со всех концов били наши зенитные орудия, снаряды разрывались белыми ватными тампонами иногда у самых немецких самолетов, но самолеты не падали – продолжали бомбить, редко когда задымит, начнет вроде снижаться, но так с длинным черным хвостом и уйдет в лес. Бомбы падали в черте и за чертой расположения госпиталя, падали во дворе и около бараков, где находились палаты с ранеными. Бомбовые удары с злобным, раздирающим душу треском, взрывали и кидали вверх глыбы земли. В черно-фиолетовой массе дыма и

пыли сверкали желто-малиновые языки пламени. Осколки пронизывали стенки деревянных зданий, бараки шатались, подпрыгивали и, казалось, вот-вот развалятся, и случится непоправимое.

Так продолжалось час и два, черно-синий дым заволакивал весь стекольный завод, создавалось впечатление, что больше нет госпиталя, все погибло в этом аду. В такие часы дежурный медперсонал неотлучно был с ранеными – успокаивали их, говорили, что ничего плохого не случится (больше говорить было нечего). Но ходячие раненые не выдерживали и убегали из палат, пытались и с ампутированными конечностями, но сестры их удерживали. Какие надо иметь крепкие нервы, выдержку, мужество и не выдать страха перед ранеными, не запятнать госпиталь, гордо держаться в такие страшные минуты! А ведь это молодые девушки врачи и медсестры. На почве нарушения нервной системы два врача-женщины были из нашего госпиталя эвакуированы и демобилизованы. Когда бомбежки прекратятся, дым развеется, раненые осмотрятся и придут в себя, позовут сестру и закричат: «Сестрица дорогая, это хуже передовой – там не убили, здесь убьют. Позови начальника госпиталя или замполита». Дело солдатское – надо звать, а когда приходил кто-нибудь из начальства, они убедительно просили быстрее их эвакуировать.

В лесу располагался аэродром. Наши самолеты первое время часто поднимались в воздух, завязывались воздушные бои, но преимущество оставалось не за ними – в то время самолеты у немцев были лучше наших. При очередной бомбежке бомба попала в бомбоубежище, и погибло 43 человека, их перенесли в одну половину деревянного пятистенного дома, в другой жили медсестры. Утром надо было похоронить погибших. После похорон медсестры пошли мыться в баню. Только разделись – и началась бомбежка, а в это время бомба попала в дом, где жили медсестры, все разнесло вдребезги. Так медсестрам неожиданно явилась улыбка судьбы.

Бомбежки длились около 2 месяцев, работать стало невозможно, просачивались слухи о передислокации госпиталя на передовую. Все внештатные медработники были отправлены ближе к фронту, попали в окружение, и больше мы с ними не встречались.

Наша 2-я ударная армия перешла реку Волхов, взяла направление на г. Чудово. Отдельные части цеплялись за его окраины, но не были поддержаны, и пришлось отойти назад. Смело действовал кавалерийский корпус по расширению плацдарма, но враг снова сжимал армию справа и слева, образовалась «кишка».

Наступала весна, дороги рухнули, болота раскисли, наступление наших войск прекратилось. Враг сжал кольцо, замкнул, вторая ударная армия попала в окружение.

Нам посчастливилось – госпиталь переехал в лес недалеко от Малой Вишеры, стал широкого профиля. Прислали врачей-специалистов, появился рентген. Работы было много, но работа была спокойная, нас не бомбили. Мы принимали раненых, больных бойцов нашей армии, вышедших из

окружения, крайне истощенных, опухших, постаревших. Так неудачно закончился для нас первый этап прорыва блокады Ленинграда.

За лето 2-я ударная армия сформировалась и была направлена на Волховский фронт. Наш госпиталь тоже переехал в район Синявино.

На Синявино-Шлиссельбургском выступе оборонялась 18-я армия противника, создавшая здесь глубокоэшелонированную оборону, завязались бои за Синявино, за их высоты, но мы успеха не имели. Наступление прекратилось, 2-я уд[арная] армия переехала в р-н Нарвы, а наш госпиталь остался на месте.

Для прорыва блокады требовалась тщательная подготовка, т.к. предстояло провести эту операцию в сложных условиях, на торфяных ленинградских болотах.

В Ленинграде с каждым днем создавалось все более тяжелое положение – не хватало снарядов, продовольствия, враг рвался захватить город, но героический город мужественно защищался. Сообщение с Ленинградом было только по воздуху и через Ладожское озеро. С вечера и всю ночь до утра через госпиталь шли наши самолеты с грузом для Ленинграда, мы гордились отважными летчиками и были им благодарны. Потом появились немецкие ночные истребители, и доставка грузов по воздуху осложнилась. Когда замерзло Ладожское озеро, грузы стали переправлять по льду всеми видами транспорта. Так образовалась «Дорога жизни».

За осень 1942 г. наш госпиталь несколько раз перебрасывали, наконец, он развернулся в лесу между Синявиним и Ладогой у самой передовой, где наши войска прорвали немецкую оборону.

В этой операции участвовали два фронта: Ленинградский под командованием генерала Говорова и Волховский под командованием генерала Мерецкова. Наступление войск обоих фронтов было подготовлено со всей тщательностью. Координировали Жуков и Ворошилов.

В лес прибывали войска, интендантские склады, аптеки, медсанбаты, госпитали. По ночам шумели тягачи. О начавшемся наступлении нас предупредили.

12 января 1943 г. войска Ленинградского и Волховского фронтов обрушили на немецкую оборону мощный удар сухопутных и воздушных сил, в помощь была дана авиация Краснознаменного Балтийского флота. Утром удар страшной силы артиллерии оглушил территорию, ревели самолеты, тонны металла летели на немецкую оборону. Снаряды «ванюш», как огромные головастики, разрушали немецкую оборону, разрушали немецкие цементированные блиндажи. Лава металла и огня «катюш», как из огненной пасти, летела на оборону. Немецкая передовая горела. После двухчасовой обработки переднего края огонь был переброшен вглубь обороны. Наши войска пошли в наступление – завязалось ожесточенное сражение.

Начался поток раненых. Наш госпиталь был черепнолицевого профиля. Это тяжеленные раненые, которые требовали за собой особого ухода и срочной операционной помощи. Палаты были до отказа забиты ранеными, не

хватало медицинских рук, а поток раненых все увеличивался. На прорыв включались все – от начальника госпиталя до бойца. Работа кипела и день, и ночь. Работали по 22 часа в сутки, 2 часа выделялось на сон и обед. От напряженности, бессонницы и недоедания (есть не хотелось) люди валялись с ног, появилась отечность лица, под глазами мешки. Мы стали не узнавать друг друга.

Шли тяжелые непрекращающиеся бои. Мы болезненно переживали. С каждым поступлением новых раненых расспрашивали о положении дел на фронте.

18 января на седьмые сутки боев войска двух фронтов соединились в районе рабочих поселков 1-[го] и 5-[го]. Блокада была прорвана. Утром 19 января перед строем госпиталя был зачитан приказ о снятии блокады Ленинграда. Никто не мог удержаться от слез, люди от радости плакали, обнимали друг друга, кричали «Ура!». Тут же было объявлено раненым об историческом событии. Сколько было радости, слез и гордости за освобождение Ленинграда. Тяжелораненые тоже старались показать свое чувство радости. Ведь это были солдаты – не жалея своей жизни и крови, освободили Ленинград.

Ожила железнодорожная линия Ленинград–Волхов. Стали отправлять эшелоны из Ленинграда вглубь страны – истощенных голодом детей и женщин.

После освобождения Ленинграда нас посетили ленинградские артисты. Мы с большой радостью встречали дорогих гостей, соорудили в палатке подмости, где они дали нам хороший концерт, от которого мы были в восторге. Потом угощали их, чем могли из скромного неприкосновенного запаса (н.з.). Завязались душевные разговоры, как с близкими родными после долгой разлуки.

Стояла темная ночь, вдали виднелось зарево, доносились приглушенные звуки артиллерийской канонады, а в воздухе, как назойливый комар, выл немецкий самолет. Так закончился второй этап прорыва блокады Ленинграда.

Через госпиталь прошло около пятидесяти тысяч раненых – целая дивизия солдат**, около трех тысяч захоронено. Всех надо было пропустить через санпропускник, отмыть, оперировать, много раз перевязать, покормить, а иногда по несколько раз в день сменить белье, постель. Раненые поступали чуть живые – таких быстро клали на операционный стол и переливали кровь. Когда ее не хватало, приходили на помощь наши доноры – медицинские сестры. Все медсестры работали одинаково до высшего предела. Они с честью выполняли долг солдата перед Родиной. [...]***.

ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 2. Д. 4. Л. 1-9. Подлинник.

* На память внукам от бабушки и дедушки. (Примеч. автора).

** Так в документе. Праильно – целая армия солдат (5 дивизий).

*** Опушены имена и фамилии врачей и медсестер, самоотверженно трудившихся в госпитале.

№ 1336

Из воспоминаний А.А. Медведевой⁸⁵

1986 г.

[...]*. Весной 1941 г. я закончила институт и получила квалификацию преподавателя педагогики и методики в дошкольных педучилищах. Но жизнь распорядилась по-своему. В апреле мы получили дипломы, а 22 июня началась Великая Отечественная война.

Проводив на следующий день на фронт самых близких и дорогих мне людей, я подала заявление с просьбой принять меня на курсы медсестер, по окончании которых послать на фронт. Так, по зову сердца, по комсомольскому и гражданскому долгу, уже на третий день войны 24 июня я вновь села за ученический стол.

В ноябре 1984 г. газета «Тамбовская правда» печатала на своих страницах архивные документы 1941 г. В одной из информации Тамбовского горкома партии обкому ВКП(б) от 24 июня 1941 г. говорилось: «В горком ВЛКСМ подано двести заявлений девушек-комсомолок с просьбой принять их на краткосрочные курсы медсестер, по окончании которых просят послать их на фронт». И я не без гордости подумала, что к этой информации имею прямое отношение. За годы войны восемь тысяч медсестер и четыре тысячи сандружинниц были подготовлены Тамбовским обществом Красного Креста.

Окончив без отрыва от работы 6-тимесячные курсы медсестер первого военного набора, я была мобилизована в армию и направлена во фронтовой военно-санитарный поезд № 1053, принадлежащий фронтовому эвакуационному пункту № 37, который за четыре года обслуживал шесть разных фронтов: Брянский, Калининский, Сталинградский, Ленинградский, Карельский и 2-й Прибалтийский. Но длительнее всего наш поезд был придан Ленинградскому фронту (с 7.02.43, когда была построена железная дорога по Приладожскому коридору и через километровый Невский мост, названная «Дорогой Победы», до февраля 1944 г.).

Мы забирали раненых из медсанбатов и полевых госпиталей и перевозили их в госпитали ближайшего фронту тыла. Это были тяжелейшие, изуродованные металлом люди (так называемые нетранспортабельные), которых нельзя еще было эвакуировать в глубокий тыл, но нельзя было и оставлять во фронтовых госпиталях, куда постоянно доставляли новых раненых и больных воинов. Нам все время приходилось курсировать вблизи фронтов. Были еще тыловые, хорошо оборудованные санитарные поезда, которые эвакуировали раненых в глубокий тыл. Их называли госпиталями на колесах.

Четыре долгих тяжких года, дни и ночи на колесах. В постоянном движении с ранеными, больными, обожженными, обмороженными и

контужеными воинами по трудным, перегруженным, беспокойным военным железным дорогам нашей разоренной, разграбленной, печальной страны.

Как все это было непросто... Сколько сил, выдержки, внимания, терпения, заботы, постоянного физического и нервного напряжения требовала наша военная служба. Каждая медицинская сестра обслуживала три вагона-теплушки с тяжелоранеными и больными воинами и два дополнительных вагона с легкоранеными, больными или контуженными. Такие прицепы сопровождали нас почти в каждом рейсе. И если первые требовали постоянного наблюдения, нуждались в уходе, лечении (уколах, перевязках, лекарствах), то за других приходилось постоянно переживать и следить, чтобы никто из них не отстал от поезда на остановках. Это считалось «ЧП» и влекло наказание. Каждого принятого воина с личными вещами, с историей болезни, с записями, сделанными в пути следования поезда об оказанной помощи, лечении, осложнениях и пр., нужно было сдать в госпиталь.

Особенно трудно было, когда загруженный до отказа поезд попадал под бомбежку вражеской авиации. Первое страшное боевое крещение мы получили зимой 1942 г. под Брянском. Жертвы были огромны. Наши переживания безграничны.

С каждой такой бомбежкой мы выросли, мужали, сели, учились стойкости, выдержке, умению преодолевать любые трудности, владеть собой в любой обстановке. Во время бомбежек часто бросалось в глаза несоответствие между напряженными, беспомощными лицами раненых мужчин и сдержанными, спокойными лицами женщин, выполнявших свою работу. Это было, когда, попав впервые в санитарный поезд, тяжелораненые воины оказывались безоружными, лишенными возможности давать отпор, уничтожать ненавистных врагов, были незащищенными перед лицом опасности.

Девушки, женщины-медсестры, санитарки, сандружинницы привычно уже выполняли свой гуманный долг по спасению, оказанию помощи и эвакуации раненых. Мы видели и плачущих пожилых мужчин, и совсем молодых, но уже поседевших юношей, едва вырванных у смерти усилиями медиков. А тут самым главным было – уметь вовремя отвернуться, не дать понять, что ты увидела, как бежит по щеке жгучая и скупая мужская слеза.

С болью в сердце, со слезами на глазах проезжали мы через разрушенные города, до тла сожженные села. Видели голодных, измученных, лишенных крова людей и среди них детей с застывшими в ужасе лицами, с потухшими глазами, забывших про улыбки на бледных губах. Они переносили голод, бомбежки, видели пламя пожаров, смерть матерей, гибель ближних. И самое страшное свидетельство войны – раненые и убитые дети, голодные, грязные, босоногие, осиротевшие дети жестокой войны. Ежедневно встречали мы их на своем пути по фронтовым железным дорогам.

В поезде детей отмывали, кормили, приводили в порядок одежду, а потом сдавали их вместе с ранеными. Оттуда ребят – чаще уже с тыловыми поездами – отправляли в детские дома. Так, сотни тысячи детей были

спасены от голода, болезней, а то и неминуемой гибели военно-санитарными поездами.

75 % личного состава нашего поезда составляли девушки-комсомолки и молодые коммунисты. Сколько погибло их от бомбежек вражеской авиации, артобстрелов, крушений, пожаров от немецких зажигательных бомб... Но в нашей памяти, в сердцах, перед мысленным взором живых они навсегда остались молодыми, бесстрашными, верными патриотами своей Родины.

После полного освобождения от фашистских захватчиков нашей советской земли нам довелось вывозить раненых из советских госпиталей, расположенных в Польше, Румынии, Германии и Чехословакии.

Указ Президиума Верховного Совета СССР о расформировании военно-санитарных поездов был издан 25 сентября 1945 г. Но наш и несколько других поездов получили приказ продолжить и завершить возвращение наших раненых на Родину, а затем вывезти репатриированных из Германии (наильно угнанных в рабство, в фашистскую неволю советских людей из оккупированных городов и сел нашей страны и освобожденных из фашистских лагерей советских военнопленных).

Только 31 декабря 1945 г. в самый канун Нового первого мирного 1946 г. я вернулась домой, возвратилась к работе с детьми. [...]**.

ГАСПИТО. Ф. Р-9328. Оп. 1. Д. 6. Л. 61-65. Подлинник машинописный.

* Опущены воспоминания о предвоенных годах.

** То же биографические сведения послевоенного периода.

№ 1337

Воспоминания Н.К. Багрянцевой⁸⁶

1986 г.

На всю жизнь запомнились слова бывшего ректора Воронежского медицинского института при первой встрече нового набора студентов 1 сентября 1936 г.: «Вы к нам пришли, мы вас ждали, добро вам пожаловать». С нас не требовали произносить клятву Гиппократу, просто была взята расписка о том, что после окончания института человек обязан отработать 3 года в том месте, куда его пошлют.

При распределении я получила назначение в дер. Караул Инжавинского района. Увидела я эти места только на фотографии в музее Чичерина, открытом в г. Тамбове через 46 лет после окончания института.

Этот день – 22 июня 1941 г. – в моей жизни, как и для всех людей моего поколения, резко запомнился.

Солнечно, тепло, тихо. Сданы книги. Сегодня последний экзамен по гигиене. Я в числе первых жду приглашения в кабинет, где присутствует профессор Леперский (председатель Государственной комиссии), который

должен поздравить нас с окончанием и назвать нас коллегами. Вижу, как сейчас, по лестнице бежит студентка Нина Двас и тревожно громко сообщает: «Война, мы воюем с Германией, бомбили наши города – Белосток, Киев...».

Когда нас пригласили в кабинет, мы вошли с понурыми лицами. На вопрос профессора: «Что случилось?» мы ответили: «Война!». При общем молчании старый профессор встал и каким-то чужим для нас голосом произнес: «Ну что же, коллеги, послужим Родине».

В начале июля мы приехали в Тамбов для работы по месту назначения, но вышло все не так. Я опоздала на место сбора и когда вошла, все были на месте. Военный за столом спросил у меня: «А Вы согласны?». Товарищи подсказывали: «Соглашайся». Мы дали согласие. Меня назначили врачом в 114-[й] госпиталь (ППТ*), а подругу мою – в 113-[й] П.П.Т*. Перешивать форму было некогда. На складе выдали короткую шинель и ботинки с обмотками, т.к. офицерские сапоги № 43 были страшно велики. Когда я в такой форме встретилась с родным дядей на станции Дорогобуж, он меня не узнал и сказал, что выгляжу я плохо. Брюки галифе, ботинки с обмотками. Когда выпадали минуты нам встретиться, я бегала переодевать юбку.

Я дежурила в приемно-сортировочном отделении. Работали мы, молодые врачи, неумело. Всем меняли повязки, вырезали вокруг кружочки около пулевых ран, их называли «пяточки». Тратили много перевязочного материала. Когда увидели первую партию раненых, не знали, что нам делать.

А потом под Смоленском шли сильные бои, и к нам поступали «самострелы». Мне поручили писать на них протоколы в дополнение к карте передового района.

Вести с фронта были тревожные. Самолеты немцев гоняются с пулеметами за каждым человеком. У нас не хватает винтовок, немцы на мотоциклах вооружены «до зубов».

Запомнился один молодой человек – фельдшер, тоже «самострел». Он пытался меня убедить: «Сделайте что-нибудь, я потом отблагодарю». А что могла сделать, когда налицо все признаки близкого выстрела в левую руку. Он пытался доказать, что было страшно, не хотелось умирать. А разве кому-то хотелось умирать? Перед глазами были первые мертвые, которых я увидела. Молодые кадровые офицеры лежали на земле на носилках. Они честно сложили свои головы за Родину.

Моя подруга Люда была откомандирована из 113-[го] госпиталя в часть и погибла. Потом я узнала судьбу своего дяди через очевидца, с которым он служил. Когда немец окружил наши войска, куда потом [попал] наш 114-[й] ППГ и эвакоприемник, где служил дядя, он пошел в разведку с двумя солдатами на опушку леса, и потом под пулеметными очередями поняли, что они нарвались на засаду. Разведка не вернулась, по официальным данным сообщили: «Пропали без вести».

А моя судьба дальше складывалась так. Буквально за несколько дней до окружения нас, 6 человек врачей, откомандировали в Москву. Немец наступал «на пятки». Мы прибыли в Вязьму, а Смоленск сдали. Мы в

Можайске – Вязьму сдали. Через армейского хирурга я узнала, что наш госпиталь выходил через три кольца окружения. Погибла начальник аптеки Бэлла Корнфальд – была ранена в ногу и умерла от газовой гангрены. Молодая, веселая, кудрявая, белокурая девушка-тамбовчанка. Вышли из окружения двое – нач. госпиталя Стронгин и операционная сестра Доценко, а остальные остались в окружении и спасались, как могли.

ГАСПИТО. Ф. Р-9328. Оп. 1. Д. 6. Л. 12, 13. Подлинник машинописный.

* Так в документе. Следует читать – ППГ.

№ 1338

Из воспоминаний А.Я. Шарандиной⁸⁷

1986 г.

Родилась я в 1924 г. в крестьянской семье Калининской области – деревня Аполево, 20 км от г. Ржева. В семье было шестеро детей – пять братьев и я, последняя. Во время Великой Отечественной войны все были на фронте. Старший брат жил и работал в Ленинграде на заводе имени Кирова. Было у них двое детей. Их вывезли в Тульскую область, а он сам с женой остался в блокаде, где и умерли. Детей отдали в детдом. Еще два брата служили действительную службу. Один – в Севастополе, был политруком на корабле, второй служил под Ленинградом, погиб от ранений. Еще один брат погиб на Курской дуге, а последний вернулся раненый и умер от ран дома. Итак, я осталась одна.

Я пошла на фронт в августе 1941 г. К этому времени я окончила школу медсестер и была призвана в 183-[ю] стрелковую дивизию в медсанбат. Он стоял в нашей деревне, а потом мы переехали в лес. Когда село заняли фашисты, мать и отец остались в оккупации. Отца на фронт не взяли, ему было тогда 54 года, и он был больной. Когда мы стояли в лесу, то видели, как горели дома в селе, а в наш дом во двор попала бомба. Отец погиб, а мать с соседями были в бане. Я это узнала уже через два года из письма от матери. Мы с медсанбатом передвигались из леса в деревню, недалеко от дома.

Потом нашу часть послали на формирование. Работала я в медсанбате в хирургическом отделении операционной медсестрой. Раненых было много, а в нашей местности одни болота, шли дожди, раненые – слабые, мокрые, обескровленные, в шоковом состоянии. Нужно было их согреть, привести в чувство. В палатах топили бочки, готовили дрова сами, а иногда по двое суток не выходили из операционной. Операционная на 2-3 стола и мы не успевали обрабатывать тяжелораненых, т.е. раненых в живот, и третья операционная – для легкораненых. Давали наркоз, переливали противошоковые жидкости, переливали кровь, делали противогангренозные сыворотки и противостолбнячные. Накладывали сложнейшие шины. А если

было нужно, и отдавали свою кровь. Отдыхать было некогда. Иногда ночью по очереди отдыхали часа два на ящиках.

Часто медсанбат подвергался обстрелу и бомбежкам. Однажды стояли мы в одном населенном пункте под г. Ржевом. На огороде возле дома рыли себе окоп. Нас было восемь человек – девушки хирургического отделения. Высоко в небе пролетел самолет, так называемая «рама», а через несколько минут началась бомбежка села, где располагалась часть и наш медсанбат. Одна бомба упала рядом с окопом, вторая – дальше, по другую сторону окопа. Нас засыпало землей. Когда нас отрыли, то мы ничего не слышали, была контузия, которая постепенно прошла. [Туда], где был штаб и другие дома, попала бомба, строения были разрушены. Много было раненых женщин, детей. Нам пришлось их долго оперировать.

После формирования уже летом 1942 г. нашу часть нацелили на Воронежское направление. Как я помню, мы выгружались на ст. Анна. Располагались в школе, в полуразбитых домах. Нужно было вымыть и убрать, все приготовить к приему раненых. Это делалось быстро, так как раненые не ждут. Выгружали ящики с машин, столы и весь необходимый инвентарь, необходимый для работы. В хирургическом отделении часто было и так: только все приготовились к приему раненых, и тут команда переезжать на другое место. И опять все снова грузить и ехать дальше. Когда нужно, расчищали место для палаток, роем себе землянку для жилья на четыре человека и снова за работу в операционной.

Помню, когда мы переезжали на новое место, то нас по дороге обстреляли вражеские самолеты, а машину укрыть было негде. В одну из наших машин попали пули, она загорелась. Из медработников здесь ранило 12 человек.

За городом Харьковом наша часть попала в окружение. Мы с боями пробивали линию обороны фашистов и за три дня вышли из окружения. Собирались в г. Короча. На второй день я заболела сыпным тифом, и меня отвезли в инфекционный госпиталь. В госпитале пролежала четыре месяца, чудом осталась жива. После выздоровления еще там работала. Ну, а потом по собственному желанию была направлена в санотдел армии.

Меня направили из санотдела армии в 13-[ю] танковую гвардейскую Уманскую ордена Ленина ордена Суворова Краснознаменную дивизию 208-[го] медсанбата.

Вспомню еще один эпизод. Из МСБ нас временно послали в полк заменить санинструктора. Нашей части нужно было брать большое село, оно стояло по ту сторону реки Дона. Берег был крутой, где была наша оборона. Переезжали паромом. Ночью наши войска пошли в наступление. Мне дали землянку, где я должна собирать раненых, делать им уколы болеутоляющие, сердечные, накладывать временные шины, собирать и группами отправлять паромом на большую сторону, где был медсанбат. Ночью начался бой. Били из всех видов оружия. Река освещалась ракетами, как костры висели. Весь берег обстреливался фашистами и река также. Наши пустили самолеты, танки и все виды орудий. Закипел сильный бой, дрожала земля от разрывов

снарядов. Паром качало, как щепку. Казалось часто – вот-вот опрокинется в воду. Землянку мою смешало всю – не заметить, где она. Я бегала, собирала раненых на берег, оказывала им нужную помощь и сажала на паром. Легкораненых везли на берег в МСБ. И так до утра. Когда стало чуть-чуть стихать, наши взяли село.

Мы шли дальше, скрываясь в старых землянках под обстрелом артиллерии, продвигались дальше. Жуткое было зрелище. Горело село, разбитая техника, машины, повозки. Но наши гнали немцев все дальше и дальше. И так я пробыла в полку два месяца. Потом меня обратно взяли в МСБ. Через некоторое время меня наградили орденом Славы 3-[й] степени за переправку большого количества раненых и оказание им мед. помощи.

Потом нашу часть перебросили в леса под Ковель. Там мы учились своей сложной профессии, учились стрелять, строевой службе. Стояли на посту, несли дежурство в палатках. Поступало небольшое количество раненых, участвовали в художественной самодеятельности, ездили по полкам, своими силами давали бойцам концерты. После формирования наша часть готовилась брать Вислу, а затем другие польские города.

Наша дивизия шла в наступление на г. Берлин. Наша танковая дивизия шла с боями. Раненых было много, и мы не успевали их обрабатывать, как приказ: «Двигаться вперед!». Разворачивались, принимали раненых и опять медсанбат делили на две части и ехали вперед.

Бой под Берлином запомнят все те, кто там был. Пусть мы были и не на переднем крае, но все слышали – как гремели орудийные выстрелы, как шли воздушные бои, на себе испытывали бомбежки, обстрелы фашистских самолетов.

В результате штурма Берлина были большие потери и с нашей стороны. Мы не выходили из операционной вообще, только когда переезжали. В городе наш МСБ разворачивался два раза. Не было света, воды, мы жгли сало в тарелках, фитиль делали, чтобы осветить операционное поле, так как не хватало света от своих движков. Много напряжения, самодисциплины нужно было проявить, работая в фашистском логове. Из дотов часто обстреливали оставшиеся немцы, подкладывали мины под вещи. Нам нельзя было ходить в одиночку из своей части. Наш МСБ проезжал мимо рейхстага, все расписывались, кто как мог. Проезжали Бранденбургские ворота. Наша часть стояла за Берлином (г. Нойруппин).

День Победы мы встретили в этом городе, на окраине его. За взятие Берлина нашу часть и МСБ наградили орденами и медалями, в том числе и меня. Наградили и вручили орден Красной Звезды. И вот наступила долгожданная победа. Была неопишуемая радость, все целовались, обнимались и не знали радости от восторга и плакали от нее. Помню, на день Победы к нам в медсанбат привезли солдат, отравленных метиловым спиртом. Вот и началась снова работа – спасение пострадавших, но спасти их не удалось.

В 1945 г. в декабре я демобилизовалась и поехала домой. Деревня, где я жила, была почти вся сожжена: из двухсот домов осталось, может, домов

тридцать. Наш дом [был] пробит насквозь осколками. Окон не было, только верхние стекла в двух окнах были вставлены. Вход в дом загорожен соломой, и вместо пола положены доски. Мать осталась жива, но вся больная. Кое-как замазала дыры глиной и с коптилкой вошла в дом. Мать встретила меня, обливаясь слезами. Ведь от такой семьи осталась я одна, да старая мать. В дом пришли соседи, были радость и слезы. Все плакали вместе. Прошел год, и в 1946 г. демобилизовался мой будущий супруг и приехал к нам домой. Мы вместе поехали в Тамбов, где я и живу по настоящее время. [...]*

ГАСПИТО. Ф. Р-9328. Оп. 1. Д. 6. Л. 88-91. Подлинник машинописный.

* Опущены биографические сведения послевоенного периода.

№ 1339

Воспоминания З.С. Голодновой⁸⁸

1995 г.*

Я, Голоднова Зинаида Сергеевна, закончила фельдшерско-акушерскую школу в 1942 г., и в июне меня взяли на фронт в качестве фельдшера. Сразу я попала на Урал как пополнение в 62-[ю] армию, 79-[ю] гв. дивизию, 172-[й] гв. артиллерийский полк. Эта дивизия была вся разбита под станцией Касторная, и ехали на Урал, чтобы отдохнуть, починить пушки, пополниться новыми резервами.

На Урале пробыли мы всего 25 дней и поехали на Сталинградский фронт. Приехали мы с левой стороны города Сталинграда, разгрузились ночью и стали продвигаться со своими пушками к Волге, чтобы переплыть ее и оказаться на правом берегу Волги, где весь город занимал немец, а наши войска занимали только часть крутого правого берега Волги. Я, еще юная девочка, думала, что не так уж там страшно, может, где можно спрятаться. Когда еще мы разгружались, а город горел, и было видно большое зарево, казалось, все небо горело, где стоял Сталинград. Видимо, немцы нас заметили, и начался артобстрел. Мне страшно об этом сейчас писать, а как можно все это было пережить. Сразу было прямое попадание в расчет, и вышла пушка из строя, убило медсестру, 8 солдат и 7 человек ранило. Нас после этого насторожило, мы поняли, что враг коварный, злой, бьет без пощады. Остальные военные вещи мы все-таки переправили: и продукты, и патроны, и перевязочный материал. А 3 пушки остались на левом берегу Волги.

Меня военврач послал на 3-[ю] батарею работать медсестрой, оказывать помощь бойцам, где погибла медсестра. Меня старшина 3-й батареи привез на батарею за 5 км от Волги. Сидели мы в блиндажах, а рядом замаскированы наши пушки. Ходить по батарее нельзя было, потому что немец увидит и всю артиллерию обрушит на нас.

Утром начинает нас бомбить, включает сирены и нагоняет такой страх, думаешь, что невозможно. Бросали железные бочки с камнями внутри, рельсы, они не знали, чем нас изнурить. А какая была лютая зима в 1942 г. – температура была до 40 градусов, зима застала немцев в летней одежде: в пилютках, в тапочках, во френчах, они замерзали, голодали, но не сдавались.

Наши солдаты были крепки, стойки, бились до последнего патрона, до последней гранаты. Я оказывала помощь не только как медсестра, но и в сумерках или ночью отправляли в самый ближний медсанбат, который находился от нас в 20 км (хутор Бурковский). Когда наши солдаты стреляли, я подносила снаряды, чтобы быстрее разгромить злого врага.

Однажды пришел наш солдат-связист и говорит: заболел солдат на другом пункте, но я без приказа не могла пойти. За мной рано утром пришел солдат, и мне приказали идти на наблюдательный пункт, и я пошла за 5 км от нашего расположения. Пришли мы туда благополучно. Он лежал в блиндаже, померила ему температуру (было 40,5⁰). Я написала ему направление, чтобы его отвезли вечером в медсанбат. Мы пошли обратно, нас немец увидел и начал обстрел. Мы прошли всего 2 км. Мы с солдатом упали и лежим не дышим, а бьет из пушки то влево, то вправо от нас, то впереди снаряды рвутся, то позади.

Когда начали бить пушки, я лежу и думаю: «Ну, вот и наша смерть, если тяжело ранят и потеряю сознание, никто не окажет помощь». Решили лежать. Лежали долго, немного стихло, и мы поползли до воронки, чтобы хотя бы там спрятаться. Солдат говорит: «Зина, давай потихоньку передвигаться от воронки до воронки». Мы поползли, и оказалось, что здесь была батарея и прямое попадание в блиндаж, и выброшена девушка убитая. Я к ней подползла, у нее течет кровь из головы, лица нет, а один подбородок. Я говорю: «Смотри, еще солдат не бреется», а солдат мне говорит: «Это девушка, вот лежит ее череп и волосы длинные».

У меня затряслось все – и руки, и ноги, я испугалась и сразу подумала о себе: вот и моя участь такая, как и ее. Солдат на меня смотрит и говорит: «Зина, что ты побледнела?». Я ему говорю: «Я испугалась, я привыкла ко всему, а это вот моя коллега». Мы добрались до своей батареи, тут я была как дома, в своем блиндаже погибать не так страшно.

А потом меня перевели на 9-[ю] батарею – там медсестру ранило, и ее увезли в госпиталь в тыл. Меня послали в 9-[ю] батарею, и мы поехали со старшиной. Он забрал продукты для батареи, я – медикаменты и перевязочный материал. Вдруг бежит нам навстречу солдат и машет нам с дороги: «Уезжай!». Мы поехали в сторону, а я вообще убежала далеко, чтобы посмотреть, как стреляют «катюши». Их стояло 4 штуки, брезент сорвали с машин, солдат махнул рукой, и они стали стрелять так красиво. Потом брезент накинули и тут же умчались.

А немец тут как тут начал обстреливать эту местность. Убило наших двух лошадей, разбило бричку, все раскидало. Мы вернулись назад в санчасть и опять все вновь собирать на машину и ночью ехать в свою батарею. Мы тут сильно испугались.

Затем война все ближе подходила к концу. Я видела, как по берегу Волги вели пленных, они были удивлены, что воюют женщины. Когда северная сторона города была освобождена от немцев, мы решили с врачом Ниной Васильевной сходить и посмотреть, что там в городе. Наши войска были под тракторным заводом. Но нас минеры вернули, весь город был заминирован. Но через 3 дня мы все равно пошли посмотреть тракторный завод. Что мы там видели, то было очень страшно – металлолом, камни и одни трупы. Наших было мало, а немцев – глазом не окинешь.

Когда была битва на Мамаевом кургане, там было 2 водонапорные башни, в одной башне были наши солдаты, а в другой – немцы, и вот была битва, они долго не сдавались. Город был страшно разрушен, и кто был в Сталинграде, никогда не думал остаться живым. Сталинград был весь черный, горела нефть, взрывались баки с нефтью, и летела черная сажа на весь город.

Можно много писать, но всего не опишешь – тем более, прошло 50 лет.

ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 6. Д. 1. Л. 36-39. Машинописная незаверенная копия.

---

* Дата установлена по содержанию документа.

№ 1340

Из воспоминаний М.В. Кузнецовой⁸⁹

1986 г.

Войну я познала с 1942 г. Будучи еще студенткой 5-[го] курса мединститута, уже была на линии фронта под Сталинградом. Ехала из Астрахани в Саратов. Не доезжая ст. Эльтон, налетела на эшелон вражеская авиация. Разбомбили эшелон, и нас осталось в живых семнадцать человек. «Мессеры» летали бреющим полетом и оставшихся в живых расстреливали.

Стало тихо, прекратились налеты и бомбежки, и мы вышли вглубь калмыцких степей, где находились несколько дней, питались отходами. Обессиленные, мы еле добрались до железной дороги, куда прибыл рабочий батальон. Нас накормили и довезли до ст. Эльтон.

Начальник станции звонит в Саратов: «Принимайте гостей, такие грязные измученные молодые люди придут к вам». Начальник станции г. Саратова ответил: «Не может быть, чтобы на этом пяточке могли быть живые люди». Везли нас на бронепоезде. На вокзале г. Саратова нас встретили, накормили лапшой. Вот тут-то мы все разболелись, болели желудки.

Далее нас определили в общежитие мединститута, перевели на военный факультет. В клинике академика Миротворцева мы проходили практику. Вел ее сам академик Миротворцев. Мы, выпускники, принимали раненых со Сталинградского фронта. Мы обрабатывали одного раненого. У

него спина вся обугленная, черная, сожженная. Он не кричал, не стонал, а только просил: «Девочки, потихоньку, а то нестерпимо больно». Таких, с ожогами, было очень много, а также с ранениями в конечности, в живот и голову. Раненые были разных возрастов, но какая у них была сила воли, выдержка, а ведь боли у них были нестерпимые.

По окончании военного факультета я была направлена на Воронежский фронт, где служила в санитарном управлении фронта (1943). Мы, медики, выносили раненых с поля боя. Начальником у нас был майор Ковтун, а начальником сануправления – генерал Семека.

И вот, в одну из ночей на нас напали немцы. Наши войска освободили от немецких захватчиков село Доцентовку. В этом селе наше сануправление развернулось. Нас распределили по хатам. Слышу ночью шорох в коридоре. Мы с хозяйкой взялись за дверь, держим ее, чтобы не смогли открыть. Слышим, с чердака один прыжок, второй – и рвут дверь. Но в эту ночь мы должны были передислоцироваться. Было страшно, хозяйка говорит: «Наверняка наши войска опять сдали нас немцам». Но она ошиблась. Военный дежурный стучит в окно: «Товарищ военврач, выходите, машины готовы». Но я выйти не могу. Прислали патрулей и взяли двух немцев.

Оказывается, когда наши войска пошли в наступление, четыреста человек немцев в лесу остались отрезанными. А эти пятнадцать человек (разведка) напали на нас. Жертв не было. Мы выехали в село Васильки, только что освобожденное нашими войсками. В этом селе страшно было. При отступлении немцы оставили много трупов, виселиц. Мы, медики, всю ночь простояли в полицейской хате, пока настало раннее утро.

Выехали, и вот здесь приключилось со мной невероятное. Я пошла в продпункт получить продукты и потеряла продаттестат. Шла по красным флажкам. Обрато пошла так же, но минеры местность разминировали и флажки переставили. Я заблудилась. Зашла уже вечером в одну хату.

Женщина, мужчина и парень пили самогон. Я сразу сообразила: что-то здесь нечисто – мужчины, а не воюют. Это были бандеровцы, они закрыли дверь и сказали: «Ты отсюда больше не выйдешь». Я не растерялась и говорю: «Я сама воевать не хочу. Мой вещмешок я у вас за домом спрятала». Парень отвечает: «Я принесу...» Я попросилась с ним пойти за вещами. Они открыли дверь, и я так бежала от них, что парень не мог меня догнать. Прибежала к опушке леса, а наши части пробираются лесом. Меня схватили, и повели в особый отдел. А мой муж работал начальником контрразведки СМЕРШ. Приводят меня к нему, и докладывает солдат: «Товарищ майор, шпионку поймали...». Такой был смех. Муж говорит: «Это моя жена. Почему ты не передислоцировалась со своими медиками?». Я мужу все рассказала. Потом в этой хате были взяты бандеровцы.

С частью мужа лесом стали продвигаться, и нам навстречу идут женщины, мужчина и старик. Они упали на колени перед нами и заплакали. Был хутор – когда немцы отступали, то его сожгли, а жителей расстреляли. Вижу святые холмики с крестиками. Старичок заплакал, говорит мне: «И старушку мою расстреляли». Мы спрашиваем: «А как же вы остались в

живых?». Они стояли в последнем ряду. Когда же начались расстрелы, они упали, и их завалило расстрелянными людьми. Далее мы приехали в Прохоровку, и я догнала своих медиков.

Потом я была направлена в хирургический полевой подвижной госпиталь № 250, полевая почта 225. Мы расположились в городе Сумах в день его освобождения. Когда въезжали в город, все еще было заминировано. И вот в Сумах мы вскрывали яму. Наш советский госпиталь оставался в плену у немцев. И они раненых живьем закапывали в землю. Это было, по-моему, в 1943 г. Трупы были как зажаренные, как закопченные, ужас. Мы достали примерно пятьсот трупов, сделали им братскую могилу. Свои звездочки с пилоток положили им на могилы.

Еще вот о чем: когда я закончила мединститут и поехала на фронт, то проезжала Тамбовщину. И вот мама моя бежала за эшелон и кричала: «Дочка, пошла по пути отца – погибнешь». Эшелон уходил далеко на запад, а мама упала между рельсов, и так черный комочек и остался у меня в глазах...

А когда проезжала станцию Касторная, на наш эшелон налетела вражеская авиация, было много жертв. Много видела детишек-сирот голодных, прячущихся в лесах. Я получила ранение касательное левой голени, ушибы головы и ног. Встать не могла. Меня буквально подхватили два солдата и в ближайшую хату спустили в погреб, перевязали ногу, и снова в путь. Доехали до города Курска, где повторно получили боевое крещение, т.е. бомбежку.

Поступали разные раненые: в живот, грудь, конечности, но нас, медиков, удивляло их мужество, терпение от боли и их выносливость. Эпизодов в медицинской службе много, коснусь нескольких из них.

Мне довелось оперировать одного раненого. Мы с ним поспорили, будет ли он выдерживать операцию без общего наркоза. Он очень просил дать ему стакан спирта, но только не наркоз. Медсестра операционная Валя наш спор разняла. И вот я стала удалять осколки с нижней конечности под местной анестезией. Он не кричал, а скрежетал зубами, я приказала дать бойцу еще полстакана спирта, и он запел: «Всюду я Вселенную проехал...»* и т.д.

Еще у меня лежали два танкиста с обожженными лицами, а они снова рвались на фронт. Я была удивлена их стойкости, мужеству. В 1944 г. я служила в СЭГ-400 в эвакогоспитале. Работа ничем не отличалась от ХППЕ**. Такие же раненые с поля боя, такие же операции, такая же выдержка и стойкость наших защитников Родины. Можно без конца писать о наших воинах, об их подвигах, страданиях, о том, что воюют за свою отчизну.

Пришлось мне побывать в одном населенном пункте. Заметил меня «мессер», с мужем я шла, и как дал очередь по нас. Мы еле смогли вбежать в хату, где хозяйка ее – старик и старушка – были на печи, упали с нее. А крышу дома так и снесло. Старые люди нам рассказали: вот обожженные колья – это смерть наших людей, т.е. когда отступали немцы, то собрали

двадцать семь женщин с маленькими детьми и нашу сноху с грудным ребенком, посадили их на колья, облили керосином и сожгли всех их.

По военным дорогам (это было на Курской дуге) видела два колодца: один забит поросятами, другой – детьми. Все эти зверства проявляли немцы из СС при отступлении. [...]***.

ГАСПИТО. Ф. Р-9328. Оп. 1. Д. 6. Л. 54-57. Подлинник машинописный.

* Так в документе. Правильно – «Всю-то я Вселенную проехал...».

** То же. Следует читать – ХППГ.

*** Опушены биографические сведения послевоенного периода.

№ 1341

Воспоминания Т.К. Старковой⁹⁰

1986 г.

Из полевого госпиталя (он был расформирован) я попала в ЭГ 1585. Осенью 1943 г. нам пришлось принять другой госпиталь, находящийся от нашего на 4 километра. Там были очень тяжелые раненые, которых нельзя было эвакуировать в тыловые госпитали. Временно нам пришлось одновременно работать в двух госпиталях: предстояло наших раненых переместить в новый госпиталь.

Ведущий хирург Серафима Петровна выделила медицинский персонал для работы на новом месте, и мы пешком отправились туда – в Зинаидино (Курская область). С нами пошло несколько человек из нашего госпиталя, уже выздоравливающие.

Серафима Петровна уже бывала в Зинаидино и хорошо ориентировалась.

– Я хочу дать тебе одну палату, – сказала она мне. – Пойдем, познакомимся.

– Одну? – удивилась я. – Почему одну?

– Если возьмешь рядом палату черепников, я буду только рада.

– Ну, конечно, возьму, хотя черепников раньше не вела (черепники – раненные в голову).

Мы подошли к дверям, и Серафима Петровна открыла их со словами:

– Вот это твоя палата.

Я остановилась на пороге. Это был зрительный зал заводского клуба, переполненный ранеными. Лежали они на нарах в четыре ряда. Мы прошли по проходам между нарами, их было два.

– Здесь более ста человек, поэтому соседнюю палату возьми временно, пока мы не переберемся сюда. Мне придется работать тут и там. Сегодня я буду здесь, но вечером уйду туда.

Так и было. Весь день мы работали вдвоем, кроме врачей никого не было, а в ночь я осталась одна. Это была страшная, кошмарная ночь,

которой, казалось, не будет конца. Медсестер немного, хорошо, что пришли наши раненые. Всю ночь они приносили воду и поили раненых. Электрического света не было, водопровод не работал – отступая, немцы все вывели из строя. Керосиновых ламп не доставало, в коридорах горели коптилки.

Итак, у меня сто четыре раненых в одной палате и 15 в следующей. В большой комнате в смену работали одна медсестра и одна санитарка. Большинство раненых были прикованы к постели, лежали в гипсовых повязках, у некоторых повязки или гипс на обеих руках.

Выручали выздоравливающие из нашего госпиталя. Даже с повязкой или гипсом на одной руке они отлично помогали: поили, переносили раненых в операционную или перевязочную на носилках, измеряли температуру, подавали мочеприемники, разрезали, распиливали гипсовые повязки по нашим указаниям, умывали и кормили тех, кто не мог сделать этого сам.

Приходилось работать и днем, и ночью, иногда урывая для сна 2-3 часа, а иногда и без этого. Дежурить приходилось часто, можно было неделями не уходить из отделения. Надо было сделать обход, осмотреть раненых, поговорить с каждым, затем сделать перевязки, некоторых взять в операционную и т.д. Все это делалось быстро, активно, время экономили. Самым трудным было сделать записи в истории болезни или операционном журнале. Как присел к столу, силы оставляют тебя. Глаза закрываются, ручка чертит зигзаги и выпадает из рук. И стоя писать очень трудно – глаза закрываются, голова опускается на стол. Но никто не жаловался, что трудно работать.

Все медицинские сестры были очень активными донорами, переливание крови делалось прямым путем: на один стол клали раненого, на другой – донора. Шутя, их называли «побратимами».

х х х

Сентябрь 1943 г. После операции надо раненого отнести в палату, а санитаров около нет. Медицинская сестра Галя Мацак и я укладываем раненого на носилки и беремся за них. Госпиталь располагался в нескольких зданиях, нашего раненого нужно было отнести в небольшой домик на этом же дворе. Галя шла впереди и вдруг споткнулась у порога, не могла сразу перешагнуть, а дальше пошла, прихрамывая. Остановились. Я спросила:

– Ты ушиблась, Галя? Передохнем?

Она стояла лицом ко мне, смущенно улыбаясь.

– Нет, я не ушиблась. Разве Вы не знаете? Я немного хромя, я на протезе. Он немного сломался и трет. Болит немного.

Я недавно прибыла в этот госпиталь и не всех хорошо знала, не замечала, что Галя прихрамывает. Смотря на круглолицую, румяную, всегда веселую, с ясными и ласковыми голубыми глазами девушку, трудно было поверить, что она на протезе, который причиняет ей боль. Протез сломался, и Галя его сама отремонтировала, но что-то было неладно. У Гали оказались

кровоточащие потертости, но она не жаловалась, боясь, что ее освободят от работы хотя бы на время.

До конца войны мы работали с Галей вместе в одном отделении и даже в одних палатах. До конца войны она была одним из лучших работников госпиталя. И Галя была активным донором, сама предлагала взять у нее кровь раньше, чем это было можно. Галя умела уговорить беспокойного раненого, успокоить его перед операцией, ласково и внимательно выхаживать потом. Не один из выписывающихся в часть выздоравливающих раненых мечтал жениться на Гале, зарегистрироваться сейчас.

После окончания войны Галя вышла замуж и покинула госпиталь раньше других. Она стала Галиной Ивановной Ермолаевой, в настоящее время живет в Черкасской области, работала в дет. яслях, теперь на пенсии. Мы встречались несколько раз. Галя приезжала ко мне в Тамбов, ждет к себе в гости. Мы переписываемся. Галя – настоящий советский человек. Человек с большой буквы.

х х х

Поезд остановился на ст. Лиски (теперь – Георгиу-Деж). Мы выскочили из вагонов и осмотрелись. Здания на станции были разрушены, иногда оставалась одна стена или половина ее. Груды кирпичей, мусора. Страшно и неуютно. Людей не видно. Работники станции размещались в одноэтажном здании со следами артобстрела. Оттуда спешил к нам начальник станции. Обращаясь к начальнику госпиталя, он сказал:

– Вам здесь задерживаться нельзя. Выгружайтесь и вывозите имущество скорее. Через два часа начнут бомбить станцию – так каждый день. Смотрите, что делается вокруг. Как можно скорее, станция – самое опасное место.

Был май 1943 г., вторая половина дня. Мы прибыли в теплушках. Двери вагонов открыты широко, выгрузка идет быстро, работают все – настоящий аврал. Все наше имущество сложено на перроне, весь личный состав госпиталя здесь же.

Шоферы возились около своих полуторок, спешили. Здесь распоряжается старшина – немолодой, высокий, худощавый и строгий мужчина, имевший редкую фамилию Сорока.

В первую очередь отправили кухню. Когда в последний рейс погрузили остатки нашего багажа, все вздохнули с облегчением. Наличные вещи были в солдатских вещмешках, почему-то носивших название «сидор». Часть «сидоров» увезли на машине, а многие девушки несли их сами, закинув лямку на плечо.

Нам в городе Лиски были отведены два дома с большим двором. Когда мы собрались во дворе, то с удовольствием отметили, что кухня успела сделать свое дело. Повар Ася Сакалдина весело приветствовала нас и приглашала получить пищу. Мы подходили с котелками и получали густой кулеш и большой сухарь. У каждого была алюминиевая ложка, столовой не было, устраивались, кто как мог. Сухарь был большой и плохо размокал,

долго держишь в кулеше, а потом можно обсосать по краям. Но все это казалось очень вкусным – и кулеш, и твердый неразмокающий сухарь.

Через некоторое время повар угостила нас чаем. Больше всего было хлопот у старшины Сороки. Надо было всех обеспечить ночлегом, поставить дежурных, провести вечернюю поверку. Выговор у старшины был особенный, над ним подшучивали иногда молоденькие медсестры, хотя и все уважали Сороку.

– Почему вместо сапог тапочки? – строго спросил Сорока Машу Арестову.

– Очень устали лапочки, – бойко отвечала Маша. – На поверку я приду по форме, в сапогах.

Вечер прошел беспокойно. Появились вражеские самолеты, по их завывающим звукам определяли, что это чужие. Яростно били наши зенитки, стараясь их отогнать, но они возвращались и сбрасывали бомбы, главным образом, на станцию. Бомба летит, издавая отвратительный звук, и, кажется, что она летит на тебя. Затем взрыв, иногда грохот от падения разрушенных построек.

Бомбили каждый день: говорили у нас, что немецкие самолеты ворчат: «Ве-зу. Ве-зу. Ве-зу...». А затем бомбят: «На! На! На!». Потом мы наблюдали, как наши зенитки сбивали вражеские самолеты, но это уже в другом месте.

х х х

Через руки медработников прошла огромная масса раненых всех возрастов и национальностей. Некоторые раненые запомнились на всю жизнь. Это Леша Кроколев – сапер, погибший после ампутации ноги, в возрасте 23 лет. Это 19-лет[ний] Лева Ортман, который, лежа на операционном столе (готовилась ампутация левого бедра), просил разрешения петь пока не уснет, и пел: «Ведь ты моряк, Мишка...», путая слова и строки, останавливаясь, вздыхая и всхлипывая. И мы, врачи и медсестры, стояли, не имея возможности стерил[ьными] руками вытереть слезы. Это за нас делали санитарки, и Леву мы потеряли. Это была его лебединая песня.

Можно много назвать раненых и медперсонала госпиталя, которые отдавали для победы все: жизнь, здоровье, кровь... Действительно, совет[ский] народ жил под лозунгом «Все для фронта, все для Победы!».

ГАСПИТО. Ф. Р-9328. Оп. 1. Д. 6. Л. 68-72. Подлинник машинописный; Ф. Р-9291. Оп. 8. Д. 63. Л. 59-60 об. Подлинник.

№ 1342

Из воспоминаний А.Н. Селезневой⁹¹

1986 г.

[...]*. В июне 1941 г. закончила фармшколу, получив среднеспециальное образование, присвоено звание пом. провизора. С 1 июля распределена в аптеку села Алгасово Тамбовской области. В октябре 1941 г. мобилизована в ряды Красной Армии.

Родина наша находилась в тяжелейших условиях войны, враг рвался к столице нашей родины Москве. Наша колонна в тысячу человек шла пешком от г. Моршанска до г. Пензы. Потом нам подали товарный эшелон, в который мы погрузились и доехали до г. Семеново Горьковской области. В этом городе нас накормили, мы побанились и нас распределили по частям.

Я попала в резерв Московского военного округа в гор. Горький. В конце ноября 1941 г. назначили в эвакоприемник № 225 г. Ярославля в должности помощника начальника аптеки. В конце декабря 1941 г. отправили в действующую армию в составе ЭП-225 4-[й] армии Волховского фронта. Приехали мы на станцию Будогощь Ленинградской области утром. К вечеру нас разместили по квартирам, и тут же началась бомбежка – наше первое боевое крещение. В марте наш ЭП-225 переформировали в хирургический полевой подвижной.

Кроме своей основной работы летом 1942 г. и весной 1943 г. пришлось выполнять обязанности медицинской сестры. В 1942 г. оказывала помощь легкораненым. В землянке было около 150 солдат. Можно себе представить нагрузку на одну медицинскую сестру и санитаря.

В 1943 г. работала в палате тяжелораненых с диагнозами: газовая гангрена и столбняк. Да, тут было жарковато, хотя раненых в десять раз меньше. Очень тяжело вспоминать о людях, которые после стольких страданий уходили от нас навсегда, в лучшем случае оставались инвалидами. А в 20-30 лет это было ужасно! [В] госпитале № 487 4-[й] армии Волховского фронта я была также в должности пом. начальника аптеки.

В марте 1942 г. вступила в ряды Ленинского комсомола, была членом бюро нашей комсомольской организации, даже членом редколлегии, агитатором среди рядового состава госпиталя. Потом временно меня прикомандировали в политотдел 4-й армии, где работала в отделе учета.

В январе-феврале 1943 г. меня перевели в отдел медснабжения 4-й армии. Здесь пришлось встречаться по работе с ведущим хирургом Волховского и Ленинградского фронтов Вишневым А.А., очень интересным, знающим и любящим свою профессию. Он также был в нашем госпитале и лично оказывал помощь нашим тяжелораненым.

О трудностях нашей работы писать не буду. Они были для медиков почти везде одинаковы. Кроме бессонных ночей, нам приходилось копать землянки, пилить и колоть дрова – все это было.

С июля 1943 г. до конца войны я – начальник аптеки 87-[го] ХППГ 4-й армии Волховского, 3-го Прибалтийского и 1-го Украинского фронтов, 59-[й], 67-[й], 1-[й] ударных армий. В декабре 1943 г. нашу армию расформировали, и госпиталь был переведен в состав 3-го Прибалтийского фронта. Наш госпиталь был в составе 59-[й] и 67-[й] армий. После ликвидации 3-го Прибалтийского фронта госпиталь был в составе 1-[го]

Украинского. Война закончилась для нашей части на германской земле в г. Зоммерфельд.

Май 1945 г. – по улицам города идет нескончаемая вереница фашистских солдат, плененных нашей армией. Раненые бойцы и командиры убеждают нас: «Война, сестрички, закончилась. Мы у вас последние раненые в борьбе за свободу Родины. Скорее нас ремонтируйте, чтоб день Победы встретить в строю победителей». Уж слишком много лишений и горя людского пришлось пережить, и так хотелось, чтоб слова наших дорогих солдат быстрее осуществились.

И что же – через 5-6 дней я просыпаюсь в два часа ночи от непонятной стрельбы изо всех видов оружия. Смотрю в окно – всюду горит свет в палатах, ругаю про себя сестер, что не замаскировали окна. Думаю – в чем же дело? Если что-то серьезное случилось, то кто-то из сестер должен ко мне в аптеку заявиться. Проходит около часа, а для меня это вечность. Вдруг стук в дверь. Кто? А это замполит. Ничего не понимаю – почему он, а не медсестра. Открываю. Входит веселый, радостный и по-отцовски говорит: «Ну, дочки (а мы жили вдвоем с подругой, ст. медсестрой), целуйте меня!».

Мы в недоумении переглянулись: как это мы замполита целовать будем. Видя наше смущение, он быстро говорит: «Я же принес вам радостно-долгожданную весточку, что война окончена! А Германия капитулировала». И тут-то мы бросились к нему, расцеловали, обнимали как самого родного, близкого человека. Даже забыли, что он и старше нас, и замполит. А слезы радости текли, как ручейки. Это было около трех часов утра.

А часов [в] 8-9 утра к нам начали поступать наши военнопленные из концлагеря с открытой формой туберкулеза. Праздничное настроение было испорчено. А мы еще не готовы были оказывать терапевтическую помощь. Вот тут-то мне было жарковато, да и не только мне. Срочно поехала на склад за нужными медикаментами. Привезла лекарства. Ведь раненых было около тысячи человек, измученных, больных с номерами на внутренней стороне левого предплечья. Эту картину не смогу забыть до конца моих дней. Наши врачи были очень рады, когда узнали, что среди них есть врач, который знал, кому в первую очередь надо оказать помощь. Этим самым нашим врачам и товарищам была поддержка. Вот так мы встретили долгожданную нашу Победу.

Трудно, но все равно было радостно на душе за Родину, за наш народ, которому так тяжело далась Победа. Прошел май. Больных всех эвакуировали на Родину. В июне 1945 г. нас переводят в резерв Главного командования Центральной группы войск. Преобразовали госпиталь в отдельную медико-санитарную роту № 236. Влили его в состав 9-[й] гвардейской пушечно-артиллерийской дивизии, где я занимала должность начальника медснабжения дивизии. Мы переезжаем из Германии в Чехословакию в г. Вишково («Козья горка»). В Чехословакии нас так тепло и радушно встречали потому, что мы – солдаты маршала Ивана Степановича Конева, под командованием которого была освобождена Чехословакия.

Тут стало как-то легче жить, хотя мы и не на Родине. Нет крови и страданий наших солдат. Занимаемся текущей работой. Больше внимания командование стало уделять досугу личного состава. Показывали кино, организовывали танцы и т.д., восстанавливалась человеческая жизнь.

В один из дней июля или августа (сейчас точно не помню) приходит к нам в роту секретарь по комсомолу дивизии. Приглашает на семейную встречу с секретарем Компартии г. Вишково меня, медсестру, врача. Я была страшно удивлена, думаю: что я смогу там говорить, не зная чешского языка? Но оказалось, что искреннее отношения намного помогают как-то понимать чужой язык. Правда, сам секретарь – отец семейства – неплохо говорил по-русски, да и дети понимали наш язык. Мы быстро нашли взаимопонимание. В состав нашей делегации или группы входили начальник политотдела дивизии, секретарь по комсомолу, командиры дивизионов, начальник штаба и мы – три женщины.

Молодежь Чехословакии интересовалась нашей жизнью в Союзе, много говорили о подвигах комсомола и молодежи во время войны и т.д. Потом были танцы, шутки и пр. И вдруг меня приглашают в другую комнату и просят, чтобы я надела национальный костюм чешки. Это потому, что я в их понятии в то время была похожа на чешку. Я смущена таким оборотом, но Володя Федотов, наш секретарь, шепнул мне: «Нельзя отказать в просьбе хозяев».

Я нарядилась и вышла в костюме чешки ко всей компании, которая встретила меня аплодисментами. Пришлось танцевать в костюме чешки. Потом, когда мы уехали из Чехии примерно в ноябре 1945 г., делегация от Компартии г. Вишково и его жители нас тепло провожали. В нашей части был организован прощальный обед. Чехи нам, всем женщинам, подарили чайные сервизы местного производства. Вот так тепло, по-дружески мы расстались с населением г. Вишково. В ноябре 1945 г. наша дивизия переехала в Венгрию в пригород Будапешта – г. Сентендре на берегу Дуная.

В августе 1946 г. я демобилизовалась. [...]**.

ГАСПИТО. Ф. Р-9328. Оп. 1. Д. 6. Л. 73-76. Подлинник машинописный.

* Опущены биографические сведения довоенного периода

** То же послевоенного периода.

№ 1343

Воспоминания П.И. Бандуриной⁹²

1986 г.

Повестку на фронт я получила в день своего рождения 24 октября 1941 г., одновременно получил повестку и мой отец Костяев Иван Иванович. Утром 25 октября вышли мы с ним рука об руку, оставив дома нетрудоспособных – престарелую бабушку, больную маму и двух

малолетних сестер. Брат Костяев Александр Иванович, 1918 года рождения, был уже на фронте, погиб в 1942 г. под городом Калинином.

После двух недель пути на пункте формирования я была зачислена в саперный батальон № 1383 18-[й] саперной бригады вначале санинструктором, затем военфельдшером роты. В задачу нашего подразделения входило: минирование и разминирование местности, сооружение оборонительных рубежей (это противотанковые рвы, траншеи), строительство дотов и дзотов. Дот – это землянка с бревенчатыми перекрытиями в один накат. Дзот – это землянка с деревянным перекрытием в два наката, между которыми уложен толстый слой земли. Местность, где производились эти работы, называлась огневым рубежом. Это открытая площадка, морозы от 25 до 40 градусов, работы не прекращались ни на минуту круглые сутки.

Фашистские самолеты постоянно бомбили и обстреливали нас с бреющего полета, а наши солдаты сбивали их из станковых пулеметов. В один из налетов ст. сержант Костя Кудряшов сбил два самолета противника.

Каждый вражеский налет уносил из жизни людей. Были и раненые. Оказывать первую помощь приходилось в землянках, в траншеях, а нередко прямо в свежей бомбовой воронке. Транспортировать раненых приходилось тоже под огнем на лошадях и попутных машинах.

Хочется мне поведать потомкам о солдатской дружбе и взаимоотношениях людей в боевых условиях. При оказании помощи раненому со мной всегда оказывалось 1-2 солдата, которые помогали снять одежду, разрезать сапог, поддержать, помочь наложить жгут для остановки кровотечения и перенести в укрытие. Солдаты, оказывающие помощь своему товарищу, совершенно не думали о самосохранении, хотя смерть от всех нас была на волоске. В моей части люди были разных возрастов от восемнадцати до пятидесяти лет. Никогда они не теряли самообладания, не жаловались на трудности, а главное, никогда я от них не слышала грубости, бранного слова и нецензурщины! Отмечая это обстоятельство, хочу сказать – теперь сорок с лишним лет после войны нередко в общественных местах, в городском транспорте слышны брань, грубость и оскорбления, сердце замирает от боли, обиды, хочется подойти и сказать: «Люди, что же вы не поделили? Неужели русский язык так оскудел, что его не хватает, чтобы выразить свои чувства в вежливой форме?». Дружба, закаленная фронтами, не ослабевает ни с годами, ни с расстоянием. Я и поныне веду переписку с однополчанами – Князевой З.Ф., Коньковой А.И., Михайловой А.П., Зверевой З.М. и др.

В мае 1942 г. на подступах к Воронежу я была контужена и поступила в госпиталь № 1060. По истечении трех недель лечения была зачислена в штат госпиталя, с которым и прошла весь остальной свой фронтовой путь в составе 2-[го] Украинского фронта. По мере продвижения фронта продвигались и мы.

Март 1943 г. Эшелон с госпиталем движется в направлении г. Харькова. На подступах к станции Лиски ночью идут нам навстречу немецкие самолеты, повисли над эшелоном фонари (были у немцев такие

ракеты, которые держались некоторое время, свет был таким ярким, хоть иголки собирай). Команда: «Из вагонов рассредоточиться, залечь!». Самолеты сбросили три бомбы, но взорвались они в стороне, изрешетив вагоны осколками. Из личного состава никто не пострадал.

Двинулись дальше. Приближаемся к станции Лиски, а там небо и земля – все в огне, рев самолетов, рвутся бомбы, стреляют зенитки, все слилось в единый страшный рев. Наш эшелон остановили км в трех-четырех от станции, срочно разгрузили операционные и перевязочные средства, погрузили в машины и доставили нас к зданию полуразрушенной школы. Часть людей срочно развернули операционные и перевязочные и начали принимать раненых, часть приступили к ремонту здания. Забивали досками оконные проемы, закладывали пробоины кирпичом. Стройматериал рядом – в разрушенных домах.

Бомбардировка и воздушные бои над станцией не прекращались несколько суток, и все это время никто не покидал стен госпиталя, не отходили от операционных и перевязочных столов до судорог в ногах. Госпиталь был настолько переполнен, что раненых приходилось укладывать прямо на пол, застеленный соломой. Как только наступало затишье, срочно приступали к эвакуации раненых в тыл. Как только прекратилась бомбежка, госпиталь снова двинулся в путь.

Прошли Украину, останавливаясь на непродолжительное время в городе Смела и станции Глобино. Затем Молдавия, пересекли румынскую границу, остановились в гор. Брашов. Люди встретили нас недружелюбно, настороженно. Под госпиталь отвели нам здание больницы. Многие богатеи тогда убежали вслед за фронтом, и нас разместили, вернее, расквартировали в их роскошных особняках. Бои за полное освобождение Румынии продолжались, и летучки с ранеными поступали к нам непрерывным потоком. Времени для отдыха почти не было, а если и выпадало 2-3 часа, то мы предпочитали отдохнуть в стенах госпиталя, сидя за столом, положив голову на руки.

Фронт уже был на территории Венгрии, и мы двинулись за фронтом, пересекли венгерскую границу и остановились в ее столице Будапеште. Население отнеслось к нам добродушно, к нам, женщинам в солдатских шинелях – сочувственно. В их сознании не укладывались таких два понятия – фронт и женщина. Видимо, поэтому нам они оказывали свое внимание и даже заботу. Мы, четыре старших медицинских сестры, были размещены в частном доме. Хозяева – двое пожилых людей, муж и жена. Они отвели нам большую комнату с кроватями и чистым постельным бельем и изо всех сил старались научиться хоть как-то с нами общаться. Мы тоже постарались запомнить самые необходимые слова, чтобы можно было понимать друг друга. Через неделю мы разговаривали что-то по-русски, что-то по-мадьярски, а больше – жестами.

Госпиталь продолжал жить своей обычной напряженной жизнью. На работу мы уходили в 4-5 часов утра и возвращались за полночь. И каждый раз они встречали нас, подавали теплой воды умыться, стакан чаю и желали

спокойной ночи. Я и сейчас с глубокой благодарностью вспоминаю этих людей. Как нам тогда была дорога теплота и доброе отношение этих людей! Материально они очень нуждались, и мы щедро делились с ними своим пайком.

Госпиталь наш был сортировочный. Это значит, весь поток раненых с определенного участка фронта мы принимали на себя. Затем распределяли по профильным госпиталям, т.е. в один – с ранением черепа, [в] другой – ранение в живот и грудную клетку, [в] третий – ранение конечностей и т.д.

У нас оседал самый тяжелый контингент, нетранспортабельный, большинство с ампутированными конечностями, впереди у которых глубокая инвалидность. Эти раненые требовали к себе особого внимания, чуткости, душевной теплоты и моральной поддержки. Погасить у раненого физическую боль можно лекарствами, а унять душевную рану можно и нужно было только теплым словом. И проводили мы ночи у постели раненого, отнимая драгоценные минуты от своего отдыха.

Фронт уже был на территории Германии, а в горах Румынии и Венгрии блуждали недобитые фашисты и некоторая часть отщепенцев и предателей – бандеровцы и власовцы. Ползли слухи, будто готовится осада Будапешта, хотя никто не принимал этого всерьез.

В ночь с 8 на 9 мая 1945 г. мы поздно вернулись из госпиталя, только легли в постель – вдруг раздались выстрелы. Мы повскакивали, оделись, стрельба все усиливалась, и мы не знали, что случилось. Хозяева предложили нам укрыться, но мы побежали в расположение госпиталя. Прибежали – во дворе весь личный состав госпиталя разряжает свое оружие в воздух. Все обнимаются, со слезами радости поздравляют друг друга с Победой. Чувство, которое охватило нас в это мгновение, описать невозможно. Это надо было видеть и испытать.

В состоянии радостного возбуждения я кинулась в свое отделение, захожу в палату тяжелораненых и поздравляю с Победой. В ответ – хмурые лица, в глазах – озлобление, боль. Я затихла. Села, выслушала их жалобы. Во-первых, от звуков стрельбы у них разболелись ампутационные культы, во-вторых, сознание того, что мы вышли из войны живыми и здоровыми, а они остались глубокими инвалидами, повергло их в отчаяние. Пришлось приложить немало усилий, чтобы утешить их боль и отчаяние. Все сотрудники были среди раненых до утра.

Некоторое время к нам еще поступали раненые, а когда поток их прекратился, мы стали долечивать и по мере выздоровления отправлять на родину наших раненых. Несколько человек отказались поехать домой, чтобы не быть семье обузой, и были отправлены в дома инвалидов.

Долечивание того тяжелейшего контингента заняло около года, и когда был отправлен последний раненый и подписан последний документ о ликвидации госпиталя, пришла бумага о демобилизации, подписанная главнокомандующим Центральной группой войск маршалом Коневым. Было лето* 23 марта 1946 г. Так закончился мой фронтовой путь.

---

* Так в документе. Следует читать – была весна.

№ 1344

Из воспоминаний Н.В. Архангельского⁹³

2000 г.

[...]*. В июле 1941 г. меня призвали в армию и вместе с другими врачами отправили на Дальний Восток. Уезжали мы из Мичуринска в 4 теплушках: мужская, женская и две общих. Во время поездки не обошлось без происшествий. На последнем вагоне нашего состава висел красный фонарь, чтобы двигавшиеся сзади поезда во время остановок видели наш поезд. Проехав очередную станцию, один из бойцов в последнем вагоне эшелона, стоявших около «буржуйки», внезапно упал – он был ранен в бедро. Бойцы заволновались – ведь никто в теплушке не стрелял, а немцев и японцев в этих местах не было. Впоследствии выяснили, что боец на станции решил развлечься и стрельнул по красному фонарю отъезжавшего поезда. Пуля, разбив фонарь, прошла вагон и рикошетом от «буржуйки» попала бойцу в ногу, перебив крупную артерию. Он умер от потери крови, так и не начав воевать.

В начале сорок третьего года я работал в Иркутском военном госпитале. Стояла голодная зима. У заводов и огромной ТЭЦ выходных дней не было. В топках не успевал сгорать медлительный черемховский уголь. Улицы завалены серым снегом. В городе стоит туман, перемешанный с дымом от ТЭЦ. Ранним утром на работу спешили худенькие подростки в замасленных безразмерных телогрейках.

Неподалеку от дороги на станцию на открытом прилавке продавали замороженное молоко. Люди проходили мимо прилавков, мельком глядя на молоко.

Ночью на станцию прибыл санитарный поезд. Раненых было много. Все они уже побывали в руках хирургов медсанбатов, полевых и эвакуогоспиталей. Такие раненые – сложные люди, тяжело переносившие свое моральное и физическое увечье. Сотрудники госпиталя были подняты по тревоге. Очередность доставки раненых в госпиталь медики санпоезда установили еще в пути. Это значительно сократило время перевозки людей. К утру раненые были размещены по отделениям.

Мне запомнился особенно буйствовавший молодой лейтенант со сплошь забинтованным лицом. Он требовал ответа – по какому праву, не посоветовавшись с ним, его привезли в Иркутск. В отделение идти категорически отказался. Вера – молодая девушка, библиотекарьша, также поднятая по тревоге, подошла к нему и, положив руку на плечо, попыталась его успокоить. Но, не успев ничего сказать, она получила такой удар, что, опрокинув стул, упала на пол. Услышав грохот, а затем, узнав, что он ударил

девушку, да еще и не медицинского работника, раненый притих, уводимый в отделение самим начальником госпиталя.

Перевязывали его на следующий день. То, что я увидел, было страшно. Осколок снаряда лишил его глаз, бровей, щек, носа, части верхней губы. Чудом уцелели слезные железы. Они сочили слезу, разъедающую рану. Треугольные провалы – это то, что осталось от носа. При дыхании на дне провалов колыхались обрывки окровавленных тканей.

Когда выдавалось свободное время, я работал над статьей для журнала по военно-полевой хирургии.

В конце месяца мне вручили приказ о переводе меня в полевой подвижной госпиталь в Забайкальском военном округе. Я попрощался с товарищами по работе. Вера умерла за неделю до моего отъезда – открытая форма туберкулеза (сказался скудный паек и тяжелые условия жизни).

Потом был другой госпиталь, а затем – война с Японией. В конце июня сорок пятого меня перевели в подвижной полевой госпиталь. Формировался он под Мациевской⁹⁴.

9 августа сорок пятого года началась война с Японией. И уже к 20 августа советские войска полностью разгромили Квантунскую армию. Однако небольшие отряды японцев, имея легкое вооружение, успевшие уйти в горы, творя невероятные зверства, доставляли большие неприятности нашим войскам. 21 августа ночью, напав на соседний полевой госпиталь, японцы вырезали личный состав его. До единого человека. Японцы, в отличие от немцев, воевали хуже, но зверствовали так же.

Помню, товарищи рассказывали, что в одну из своих атак японцы «отличились» военной хитростью. Перед своими солдатами они пустили вперед толпу раздетых китайских женщин и девушек, думая, что наши бойцы не будут стрелять в мирное население, да и к тому же солдат на войне без женской ласки – вообще, надеялись на психологический эффект. Но не вышло. Подпустив поближе противника, наши пулеметчики первой очередью заставили «заслон» броситься на землю, а остальными начали бить по японцам. Хитрый маневр принес противнику большие потери.

Войска Забайкальского фронта, преодолев Хинган, вышли к Ляодунскому заливу в районе Шанхайгуаня, 209-я стрелковая дивизия его, в которую влился и артпульбат Тихонова, заняла позиции в окрестностях Чыфына. Наш полевой госпиталь – неподалеку от железной дороги.

Были проблемы с продовольствием. Продуктов выдавали мало. Горячее представляло собой воду с плавающим в ней лярдом. Запомнился случай. Наш повар – хороший малый – пошел как-то во время смены по нужде и пропал. Нашли его через час в десятке шагов от кухни – умер от истощения на почве недоедания. И это повар! А что говорить о других. Умирало по 11 человек в день. Мне, как врачу, было тяжело смотреть на наших бойцов – голодные, истощенные до предела люди. Но, несмотря на это, они воевали – и воевали успешно.

22 августа с раннего утра до полуночи где-то в стороне за горой слышалась сильная артиллерийская стрельба. До конца дня она не

повторялась. Госпиталь на всякий случай проверил свою готовность. Но раненые стали поступать только поздно вечером.

Одни носилки прибывшими машиной солдатами в сопровождении офицера были доставлены прямо в операционную. Раненый не проявлял никаких признаков жизни. Свесившаяся на бок голова была в земле, выпачканной кровью. Кровь на гимнастерке. Вывернутая к наружи левая рука недвижно лежала вдоль тела. Мертвенно бледная кисть ее была холодной, без пульса. Выше локтя на руке лежала набухшая от крови повязка. Еще выше ее – жгут-закрутка из разорванной на полосы чьей-то рубашки. На брезентовый пол палатки из носилок падали редкие капли темной крови. Раненым был знакомый лейтенант Чмут. Разрывной пулей у него была раздроблена плечевая кость, размозжены мышцы, перебиты нервы. Из пересеченных осколками кровеносных сосудов сочилась кровь.

Я перевязал разорванные сосуды на руке, обезболит ткани, чтобы не усугубить шок. Руку сохранить не удалось. Операцию я делал три с половиной часа. После взятых у меня четырехсот граммов крови для лейтенанта слегка кружилась голова.

Как потом выяснилось, прошлой ночью японцы перехватили машину и подорвали ее. Огонь поднимался высоко, высвечивая все вокруг. Хорошо была видна гора и вершина ее, сторожившая дорогу от Чыфына на юг. Подразделения, направленные на поимку банды, вернулись ни с чем. Днем разведка донесла: банда укрылась в ущелье, за горой. Ночью была организована атака вершины. Лейтенанту с удвоенным расчетом удалось по спирали обойти гору с востока. Это было чудом! 76-миллиметровая пушка, снаряды оказались на выступе горы за небольшим укрытием. С рассветом начался бой. Японцы не ожидали его, растерялись. Защищались потом отчаянно. Но пушка лейтенанта и захватившие высоту подразделения сделали свое дело.

Когда ст. лейтенант Староверов добрался до Чмута, у него, видавшего виды человека, подкосились ноги. Расчет был весь уничтожен. Лейтенант с размозженной рукой ничком лежал на пушке. Пальцы правой руки слабо держали рукоятку револьвера. У самого края выступа в неестественных позах лежали трупы японцев. До медсанбата Староверов нес лейтенанта на руках.

Во второй половине дня 209-я стрелковая дивизия – позже ей присвоили звание «Хинганской» – двинулась вперед.

Через несколько дней вместе с другими ранеными лейтенанта самолетом санитарной авиации доставили в Читинский военный госпиталь.

Приходилось лечить и местное население. В один из дней обстановка была спокойная, японцы нас не беспокоили. Я заканчивал обход, когда ко мне подошла санитарка и передала мне, что там старичок-китаец привел раненого мальчика. Я сказал, что займусь этим сам. Как рассказал китаец, мальчик нашел запал от японской мины (а этого добра тогда было предостаточно) и решил его разобрать. В результате взрыва кисть мальчика превратилась в кровавое месиво, свисавшее на уцелевших сухожилиях, а мальчугану было всего 5 лет. Я решил спасти руку маленького внука

китайца. В ходе 4-часовой операции мне буквально по кусочкам пришлось собирать кисть. Операция прошла успешно. Я попросил перевести, что все в порядке, и через несколько месяцев мальчик сможет уже работать рукой. На глазах китайца выступили слезы.

Незадолго до окончания войны довелось мне работать врачом в одном из овцеводческих совхозов Забайкалья в 25 км от ст. Белое Колено. Туда приезжали со всего Советского Союза с семьями. Были проблемы с питанием, размещением, вшами. К тому же кто-то из приехавших привез с собой сыпной тиф, что в то время было обычным явлением. Не минул он и меня. Положили меня в больницу, где несколько суток я пролежал без сознания. Но со временем мое состояние стало улучшаться, и я пошел на поправку.

Война с Японией закончилась. Я остался служить в Забайкальском УРе. В 1953 г. в звании подполковника я был уволен в запас.

Семейный архив Архангельских. Подлинник.

---

* Опущены биографические сведения довоенного периода.

№ 1345

Из автобиографии А.Т. Макарова⁹⁵

23 декабря 1972 г.

[...]*. В 1940 г. окончил в г. Мичуринске среднюю школу и аэроклуб, а в ноябре этого года поступил в Балашовскую военно-авиационную школу. Там и застигло меня начало войны.

В августе 1942 г. закончил по сокращенной программе Балашовскую авиационную школу. Воевать начал на самолете-штурмовике с декабря 1942 г.

2 декабря 1942 г. на первом боевом вылете был сбит. Причины – плохо работал двигатель самолета; молодой летчик; отличная для немецких истребителей погода; не было своих истребителей. Сел в высокий лес севернее Смоленска (недалеко от г. Белый). Был полтора часа без памяти. Тяжелая контузия. Выбрался один.⁹⁶ Через месяц пришел в свой полк.

После этого был еще один раз легко ранен в воздушном бою около города Ельня с четырьмя немецкими истребителями (г. Ельня – восточнее г. Смоленска). Из этого боя привез в кабине на свой аэродром мертвого воздушного стрелка с пробитым комсомольским билетом.

Все остальные боевые вылеты – успешные.

Воевал: в 1942-43 гг. – на Калининском, в 1943-44 г. – на Западном и с лета 1944 г. по 9 мая 1945 г. – на 2-м Украинском фронте.

Дважды представлялся к званию Героя Советского Союза. Награды: Золотая Звезда Героя Советского Союза; ордена: Ленина, три ордена

Красного Знамени, Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды; медали – «За боевые заслуги», всего 11 штук, в том числе одна ЧССР.

Всего сделал за войну 122 боевых вылета. Наряду с территорией СССР летал над Румынией, Венгрией, Австрией, ЧССР и участвовал в их освобождении.

Был членом ВЛКСМ. С августа 1944 г. – член КПСС**.

В 1944 г. два моих старших брата (Федор и Василий) – два моих воспитателя – погибли на фронте. [...]***.

ГАСПИТО. Ф. П-9019. Оп. 1. Д. 473. Л. 2-3. Подлинник.

---

* Опущены биографические сведения довоенного периода.

** Так в документе. Правильно – ВКП(б).

*** Опущены биографические сведения послевоенного периода.

№ 1346

Из воспоминаний А.В. Шапкиной⁹⁷

1992 г.

[...]*. После окончания школы с педагогическим уклоном стала работать в Никольской начальной школе. Стало уже полегче жить – были одеты, обуты, если хлеб. И только мы начали жить получше, как новая беда – война. Когда началась война, мы верили, что она будет недолгой, что она скоро кончится. Безоглядно верили Сталину, боготворили его, называли его отцом. В деревне о репрессиях в то время не говорили, о них просто не знали.

В 1942 г. добровольно пошла на фронт. В Горьком окончила специальные воинские курсы, училась 3 месяца, а затем была отправлена на фронт. Была телеграфистом, держала связь с самолетом-бомбардировщиком.

Дошла до рейхстага. Когда наши войска вошли в Германию, солдаты наши были, как варвары: ломали лесополосы, сначала даже занялись мародерством, убивали. Но очень быстро командование установило жесткую дисциплину.

После демобилизации в 1945 г. возвратилась домой, стала работать в школе.

Личный архив В.Л. Дьячкова. Подлинник.

---

* Опущены биографические сведения довоенного периода.

№ 1347

Из воспоминаний Л.Д. Кобзевой⁹⁸

2000 г.

Когда началась война, мне было 20 лет. В то время я находилась в Тамбове, заканчивала учительский институт, сдавала экзамены.

После окончания института меня послали работать учителем физики и математики в Избердеевский (теперь Петровский) район в село Сестренка. Я должна была заменить учителя, ушедшего на фронт. Работать учителем пришлось недолго.

В апреле 1942 г. мне вручили повестку, чтобы явилась в райвоенкомат. На следующий день по шпалам по колено в воде, потому что начался разлив, пошла в Избердей. В военкомате было много девчат. Все девушки по очереди подходили к комиссии. У каждой спрашивали: «В армию хочешь идти?». Я ответила: «Хочу на фронт!». Так отвечали все девушки, кроме двух: одна сказала: «Боюсь!», у другой же на руках была чесотка. Их отпустили домой. Ночевать мне пришлось в Избердее у знакомых, а на следующий день вернулась в Сестренку. Взяла вещмешок, в сельпо дали буханку хлеба. Опять пешком в Избердей в военкомат. Девушек пришло примерно 250. Перед ними выступили с приветственным словом, потом мы пошли на станцию, сели в товарный вагон и отправились к месту назначения – г. Елец.

В Ельце нас выстроили в четыре шеренги, стали спрашивать фамилию и специальность, а также, кто кем хочет быть (нужны были повара, швеи, штабные работники). Я ответила: «Туда, где стреляют».

Так я попала в зенитный полк № 1423, 16-й отдельный зенитный дивизион, в первую батарею. Так я стала зенитчицей.

Работала на приборе, который управлял зенитным огнем. Прибор имел квадратную форму, стоял на треноге, вместе с треногой помещался на платформе с колесами, чтобы передвигать. Вокруг прибора были скамеечки, чтобы зенитчицам было удобно сидеть, потому что маховички надо было крутить осторожно, плавно. На приборе работали 8 зенитчиц, у каждой был свой номер. Меня поставили работать первым номером. Данные от зенитчиц по кабелю поступали на орудие, до которого было 120 метров. Орудие делало угол подъема ствола в зависимости от работы зенитчиц. Чем точнее будут данные, тем точнее орудие попадает в цель.

В основном стреляли по самолетам-разведчикам, чтоб не дать фашистам сфотографировать объект, сбить их с курса. Попасть в самолет-разведчик было нелегко, потому что он летал всегда на большой высоте – до 6000 м. Если зенитчицы точно сработали, то выстрелы из орудия попадали в цель. Снаряд весил 16 кг.

Когда немцы стали часто бомбить Елец, и был освобожден Киев, зенитный дивизион перебросили в Винницу, потому что дивизион принадлежал 1-му Украинскому фронту. В Виннице зенитный дивизион пробыл недолго, приказано было срочно прибыть в Киев, который нуждался в отражении вражеских налетов. В Киеве пробыли целый год. Когда окончательно все затихло над Киевом, дивизион отправился в город Львов. Между Винницей и Львовом зенитному дивизиону пришлось отражать налеты вражеских самолетов от городов Жмеринка, Конотоп и Казатин. Во

всех этих местах фашисты бомбили, не переставая. Очень много было высыпано бомб на эти объекты.

В минуты отдыха я руководила художественной самодеятельностью. В полковой библиотеке подбирала литературу для художественной самодеятельности, с которой выступали перед солдатами в минуты затишья. Также была комсоргом батареи, редактором боевого листка, который выпускали ежедневно.

Победу встретила в Львове. День 9 мая 1945 г. не забыть никогда! Домой вернулась через три месяца, потому что ждали замену. Надо было ждать, когда и батарею, и дивизион, и полк укомплектуют новыми людьми. [...]*

Личный архив В.Л. Дьячкова. Подлинник.

---

* Опущены биографические сведения послевоенного периода.

№ 1348

Воспоминания И.Н. Кулешовой⁹⁹

1996 г.

Перед войной жизнь намного улучшилась. Страна поднялась. Учились в школах, были организованы пионерские сборы, ездили в пионерские лагеря. После окончания медучилища нас послали на прополку проса в Большую Липовицу и на поливку капусты. Уже во время войны посылали на уборку картофеля.

В 17 лет мы еще не понимали, что такое война. Кругом рев, молодые не понимали, а пожилые понимали, что такое война. Поняли, когда выступил Сталин с обращением. Стали помогать полностью. Народ полностью стал работать. Работали по 16, а то и по 24 часа. Картошку выбирали, окопы рыли вокруг Тамбова. Полностью помогали фронту. Армию кормить надо и шили. Заводы не эвакуировали на Урал, все работали. Бомбили Тамбов. Бомба упала на кукольный театр. Кочетовку бомбили, на железную дорогу попали. Мать у одной подруги погибла. В основном бомбили центр: театр и вокзал. На Пензенскую бомбы сбросили, а они не взорвались.

В армии ели перловую кашу и суп с тушенкой, редко ели щи. На Украине – немец их не очень потревожил – отъелись картошкой.

Комендатуры давали кое-что поесть. Насчет питания было неважно. Если нет, то старшина давал сухари.

Солдат был одет в шинель, сапоги, у девушек – ботинки. Когда через границу стали переходить, всех одели. Спали мало. Некоторый раз спали даже стоя. Через болото проходить было страшно, оно мокрое, бомбежка. Когда идет артподготовка, потом наступление, потом «катюша» начинает стрельбу. Нас учили, да не только в 1942 г. – в 1941 г. уже брали. Много с институтов брали, взяли в ноябре.

Нас учили стрелять. Мы – разведчики ПВО. Мы должны опознать самолет, направление, высоту. С Курской дуги пошли дальше, потом Украина, Киев (там было тяжело, такое никогда не забудешь), Бердичев, Ровно, Дубно, Луцк (где погиб Ватутин), Ковель, Сарны, дальше пошла Польша: Хелм, Люблин, вышли на Варшаву, там был Майданек. Ой, какая страсть! Стоят одни костяшки! Мы увидели печи, все ужасы Майданека нам рассказали. Затем был Люблин, и из Люблина прямо на Варшаву. В Германии был Реген и другие города. Салют был в Москве. Мы не думали, что не победим, поэтому и настроение было патриотическим. Народ был патриотом. Никто крестиков не носил. Все в партию вступали, в комсомол вступали, а всем по 21 году.

На Западной Украине очень много погибло от бандеровцев. Ватутин поехал не той стороной, он должен был ехать Дубно–Ровно, а поехал не той дорогой. Их было очень много. Они и немцев убивали, за самостоятельную Украину.

Приказы ВГК изучались. Проводились обязательно политинформации. Мы стояли на вышках, как наблюдатели, разведчики ПВО и радисты. У нас связь в начале войны была телефонная, а когда взяли Орел, мы учились на радистов. С дядей Сашей (А.Ф. Лисняш) мы встретились, когда упал самолет «бостон». Самолетов было очень много, и их надо было опознать. Опознать, по какому курсу он идет. Передают аэродрому, бьют зенитки, прожектора светят, поднимают авиацию. Бывало, что и ошибались. Были гауптвахты, за нарушение дисциплины заключали в подвал.

Первая тамбовская девушка погибла в марте 1943 г. от трассирующей пули.

Праздников в армии не отмечали. В день Победы гуляли в Берлине. Что там было! В ночь с 8 на 9 мая я стояла на посту. Майор подъехал к посту, поздравил с победой. Полная машина офицеров – наверно, они были с Жуковым. Я передала начальству, что подъезжал майор, тут везде переполох, что победа.

Как под Киевом мы уцелели, я не знаю. Мы ехали в вагонах, нас не выпустили. Много обгоревших трупов... Западной уже было не то. Немец уже отступал. Наша авиация стала сильнее. Были геройские подвиги. Особенно солдаты пехоты. Комвзвода или роты кричит: «За Сталина, за Родину! Вперед!». В начале танкисты горели в танках, потому что у немцев авиация была сильная. Все у них было вооружение. Но у нас сильный народ. А когда Берлин брали, сколько там-то уложили. Был тамбовский состав – и зенитчики, и прожектористы.

Нас встречали в каждом городе. Встречали с музыкой, с оркестром. Военкоматы, парторганы кормили нас. Столы на перроне, садились и обедали в крупных городах. Борщ с мясом, каша и немного мяса, компот давали. В Минске перед нашим составом крушение было, и нас не выпустили.

Бандеровцы скрывались в лесу, и дома под землей у них были. У них были богатые склады. Все это под землей. Там и сахар, и мука, и мед. Они

убивали и наших, и немцев, как хотели. НКВД, внутренние войска и пограничники проводили зачистку. Ловили их много. Там страшные болота, в лес глянешь – страшно. По лесу шли железными штыками, часто находили их в стоге сена. В одном месте их много привели, мы их видели. После войны они убивали наших. У соседки сына убили эти бандеровцы. Знакомого летчика убили. Там было, как в Чечне сейчас.

Жители Польши партизанили, они были в наших партизанских отрядах. Встретили по-разному. В Польше встречали как освободителей. Приветствует офицер-поляк солдата русского. Много русских было в их частях.

Потсдам – город, как у нас, пригород, там очень красивый сосновый бор. Посередине была река. Мы видели дом, где была Потсдамская конференция.

Немцы в случае обиды идут в комендатуру. Одного немца взяли в плен отобрали пистолет, часы, фотографии не взяли, а его отправили в батальон. Он там работал: таскал воду, дрова колочил, а в Германии отпустили (взяли его в Польше).

Личный архив В.Л. Дьячкова. Фонозапись.

№ 1349

Из воспоминаний М.И. Поповой¹⁰⁰

Дата не установлена

Выпускной вечер в нашей Шульгинской средней школе был полон веселья и радости. Но на следующий день, 22 июня 1941 г., началась война. Собрались мы сначала около школы, затем пошли к сельскому Совету. И все мы хотели на фронт.

Нас направили на трудовой фронт за город Брянск. Мы копали противотанковые рвы, окопы. Трудились с рассвета до поздней ночи, спали не более четырех часов. Работала там до осени, пока не стала замерзать земля.

Весной 1942 г. начался массовый призыв девушек на службу в войска ПВО. Я зачислилась в зенитно-пулеметный полк. После месячного обучения в полку назначили командиром пулеметного расчета и присвоили звание сержанта.

Первое боевое крещение пулеметные расчеты нашего полка получили на железнодорожной станции Кочетовка. В один из июльских дней 1943 г. здесь скопилось до 40 эшелонов, из них половина с эвакуированными стариками, женщинами и детьми. Налет продолжался около трех часов. Но зенитчикам удалось сбить несколько фашистских самолетов.

В начале ноября 1943 г. наш полк перебросили на 1-й Украинский фронт. Подразделения нашего полка занимали города Коростень, Белокозовичи, Олевск, Сарны, Пинск. Гитлеровцы хотели разрушить

железнодорожный мост через реку Уж возле города Коростень. Три дня подряд бомбили нас немцы. Погибло несколько пулеметных расчетов, но мост уцелел.

Наши воинские эшелоны двигались на запад. В памяти стоит подвиг Марии Королевой. Под непрерывной бомбежкой она не покинула своей огневой позиции. Вражеские самолеты уже закончили налет, а пулемет Королевой все еще продолжал работать. Командир расчета Белоглазов приказал: «Красноармеец Королева, прекратить огонь!». Но команда не была выполнена. Пулемет продолжал стрелять. Тогда на позицию побежал он вместе с командиром батальона и комсоргом. Они увидели, что девушке взрывной волной срезало голову, а руки сжимали рычаги пулемета. Так он и работал, пока не кончилась лента. Она посмертно награждена орденом Отечественной войны 1-й степени.

Мы часто меняли позиции, а это значит, что надо было перекопать горы земли, и руки были в постоянных мозолях. Стояли на двух- и трехчасовых вахтах. Зимой жутко мерзли, да и осенью тоже. И все это время защищали города и села Украины и Белоруссии. Наш полк принимал активное участие в наступлениях. Вместе со мной воевали земляки из колхоза «Родина», из р.п. Мордово, из с. Мельгуны, из с. Ереминка. Смерть казалась для нас настолько реальной. [...]*

Личный архив В.Л. Дьячкова. Подлинник.

---

* Опущены биографические сведения послевоенного периода.

№ 1350

Воспоминания А.В. Семенова¹⁰¹

2000 г.

В [январе] 1943 г. привезли нас из родного села Иванково Тамбовского района Тамбовской области в военкомат. Наш возраст был кому 17, а кому 18 лет. Я – с 1925 года рождения, мне было 18 лет. Ночью погрузили нас в «скотные» вагоны для маскировки. Привезли в Пензу. Нас поместили в каких-то землянках. В Пензе нас разделили на батальоны, где-то по 600 человек. В Пензе мы обучались владению оружием в течение 8 месяцев.

Где-то в августе 1943 г. мы выехали на Москву, ночевать приходилось в вагонах на полу. Из-под Москвы наши эшелоны направились на Смоленск. На станции Вязьма нас всех высадили, и с этого пункта наш батальон начал наступление. Оружие было не ахти какое, офицеры имели автоматы, а у солдат, в основном, ружья¹⁰², в том числе и у меня.

Наступление длилось одну неделю. Во время боя сзади следовали военные с автоматами и пулеметами (сначала мы и не знали, что это за люди). К концу августа 1943 г. наступление продвинулось на 40 км. На станции Хеликс немцы начали нас «крестить», то есть мы попали под

мощнейший пулеметный огонь, невозможно было и голову поднять. После этого «крещения» нас осталось мало. За один этот бой положили больше половины – человек 350 точно.

Когда оказались в Смоленске, нас стало еще меньше. Здесь я оказался на самой фронтовой линии. Перед боем нас построили в лесу и сказали, чтобы «ни шагу назад». Сначала прошли 5 км, а затем отступили на 1 км. В этом районе меня ранило, медпункт оказался в 10 км. Затем отвезли в Москву, а оттуда в Архангельск.

В Архангельске в госпитале я провел 2 месяца. В госпитале было хорошо, даже блины давали. Были подарки, отчего даже плакали. Иногда и песни певали.

На фронте кормили не очень: лапша, каша, хлеб 200 гр. Подъем в 5⁰⁰, ели два раза в день. Мяса никакого не было, как показывают в кино.

Во время боев меня даже похвалили: мы с другом остановили немецкую машину, а в ней полно немцев, и в перестрелке мы их всех положили, а двух взяли в плен.

Никогда не пели песен в землянках на фронте, в рукопашный не ходили.

Так я пробыл на войне всего 40 дней. От 600 человек во время наступления осталось только трое – я и еще двое, а остальные погибли.

Личный архив В.Л. Дьячкова. Фонозапись.

№ 1351

Из воспоминаний С.И. Колышенко^{103*}

1965 г.

Разгром немецко-полицейского гарнизона в дер. Журавок (Журавичи), 1943 г. в апреле от 15-[го до] 20-[го]

В апреле 1943 г. моей группе командованием 128-[го] п[артизанского] о[тряда] дадено боевое задание произвести разведку в дер. Журавок – численность гарнизона, вооружение и укрепление гарнизона. Тщательным наблюдением с опушки леса и через агентурные разведки были установлены все данные командованием отряда (Елецкий, Чернов, Сперанский, Горбачевский, Гродунов, Федоров, Шумилин Б.Т. и др.). Привести отряду в боевое состояние оружие, а так же себя лично.

Вечером всей бригадой снялись с лагерей, движение было бесшумно. К 2 часам ночи подошли к гарнизону. И вот здесь возле вражеского гарнизона мною – ком. диверсионной группы – была объяснена цель нашей операции: «Мы сюда пришли уничтожить гарнизон Журавичи. Гарнизон сильно укреплен, на вооружении имеет 4 пулемета, 2 миномета, 51 автомат и 125-130 винтовок. Наши силы – 150 чел. Итак, товарищи, будем драться один на двух. Да, еще сильные укрепления, доты. Короче говоря, они в деревне. Задача вам ясна».

Отдохнув до восхода солнца, бесшумно сняли часовых, двинулись к школе (казарме), где находились основные силы, но на окраине деревни прозвучали выстрелы. Это полиция наткнулась на партизанское охранение, которое окружало по опушке леса деревню и по дорогам выход из деревни. Пришлось помогать товарищам. Полиция численностью в 100 чел. была окружена, побита, и 53 чел. сдались в плен.

Стало светать. Разгорелся крупный жаркий бой. У врага был численный перевес в солдатах, и им помогала природа. Что мы не учли – солнце ослепляло нам глаза, плохая видимость врага. Пришлось зайти с тыла, бой после этого стал потихоньку слабеть. Вбегаю в одну хату (откуда поливал свинцом «максим») и вижу картину. Ком. роты Федоров вбежал в этот дом, нажал на спусковой крючок – огня не произошло. Патроны в диске кончились, враг растерялся, но Федоров схватил каску и ударил по голове пулеметчика. Пулемет замолк. Ординарец задержись еще полминуты – и Михаилу пришлось бы туго. Помощь пришла во время, и Иван-ординарец закончил с гадами. Закончился бой. Стали производить подсчеты убитых полицаев и немцев, не хватало 10 полицаев. И вот я зашел в один дом, из дома заглянул в коровник – коровник пуст, но корова косится на кучу навоза. Что-то не так. Позвал партизан, зашли в коровник и стали штыком прощупывать. Кого-то задела. Вылез вооруженный автоматом помощник полиции – такой жалкий весь, в коровьем помете. Какой стыд – горе-войка! – стоял перед нами убийца детей, стариков и женщин да вдобавок с голыми руками. Я обратился к населению: «Я лично погиб бы в равном бою стоя, чем просил бы пощады на коленях».

Собрали оружие, боепитание, [провели] конфискацию имущества. Полиция здесь жила крепко. Говорю об этом изобилии скота, птицы – полиция награбила все, что было возможно, и под страхом оружия население отдавало все и даже жизнь. Обоз собрался довольно внушительный, что было награблено у населения. Мы все вернули пострадавшим от полицаев и фашистов. Выехав из дер. Журавок, нас обстреляли с опушки леса, заняли оборону, но через 20-30 минут тыловое и боковое охранение привело 8 ч. полицаев, и, по данным сведениям, весь гарнизон уничтожен. Наши потери – 6 ч. убитых, 5 раненых и один партизан Геннадий из Бобруйска был убит в спину предателями. Следствием было доказано, [что] это Василий, Мария и еще я не помню, как их фамилии и имя, – они были расстреляны. Итак, с богатыми трофеями мы вернулись на партизанскую базу. [...]**.

Дулебский бой

В 1942 в декабре в 3-[й] декаде в деревню Дулебы Березинского р-на Минской обл. немцы направили карательную экспедицию численностью 2 бат[альона] по разгрому партизан в Дулебском лесу.

1-[й] батальон немцев двигался [по направлению] Березин погост–Любань–Дулебы. 2-[й] батальон двигался [по направлению] Березино–Капланцы–Каменный Борог–Матевичи. Этим самым хотели взять партизанские зимние лагеря в кольцо. Но наша агентурная разведка донесла

днем раньше, что движется карательная экспедиция. Этим самым было разгадан фашистский план.

Во время обеда в лагере командир взвода Михаил Георгиевич Федоров приказал моему отделению выехать в деревню Дулебы на заставу. В 16 часов выехал в деревню Дулебы. Через 2-3 часа в деревню прибыли ком. отряда Свистунов Виктор, нач. штаба Елецкий Степан Григорьевич, комиссар Сперанский Михаил Федорович, Синюков Мих[аил] А., Ясский П.М., Малахов М.В. и ряд других друзей-партизан – всего 40-45 ч.

В 19 часов я получил новое задание – выехать на заставу в деревню Любань. Со мной выехала моя группа в составе 10 чел. – я (Колыщенко С.И.), Горохов Иван, Артемова Мария Вас[ильевна], Никитаев Афанасий, Лаппо Иван, Каземирский Володя и другие партизаны. Приехав в дер. Любань, расставил посты, и остался пост самый ответственный на дороге – местечко погост. Пост надо поставить двойной с ручным пулеметом, пулеметчик был Слава (фамилию забыл), его 2-[й] номер – Лаппо И. Установили пост около крайнего дома у забора (плетень). Дом был внутри двора сада. Мы заметили, что [недалеко] от деревни стоял какой-то сарай или рига. Это примерно [в] 500-400 м. За этим сараем вспыхивали огоньки. Нас это заинтересовало – в такой момент партизаны не должны курить, и до нас долетели стуки в окно, нам стало ясно, [что] это немецкая разведка.

У нас не было маскхалатов и лыж. 2 разведчика зашли в хату, а один остался на посту. Мы решили немедленно при выходе расстрелять эту разведку, и нам повезло. Хозяин этого дома в дверях осветил им лампой, и в этот момент полоснуло пламя и трех разведчиков как и не было. Мы вбежали во двор. 2 были убиты, 1 тяжело ранен – не беда. Забрали оружие, раненого и увезли в деревню Дулебы, сняв всю заставу. В Дулебах раненый все сказал, он оказался полицаем из Березино.

Начштаба Елецкий С.Г. и комиссар Сперанский послали обратно в заставу д. Любань, но уже в домах нам стоять нельзя. Мороз крепчал (выше 20⁰)***, и мы выехали другой дорогой на дер. Клещицы. Встретили партизан. Они нам рассказали, что в Любани на выезде на погост кто-то вырезал всю семью, и нам стало совсем ясно, что это работа фрицев и полицаяв. Как же была тяжела эта ночь на морозе в 20⁰-23⁰!..

Костер разводить нельзя. Сядешь – мерзнешь, прыгаешь – падаешь. Устали, но дождались утра. Послали разведку в д. Любань. Разведка не достигла деревни, как ее обстреляли из минометов и артиллерии, а из деревни [появилась] вражеская разведка, но Лаппо Иван, Слава и Горохов быстро развернули лошадь, открыли ответный пулеметный огонь и этим самым обеспечили безопасный отход. Враг испугался нашего огня.

И вот настало мое ответственное дело запутать врага. У врага были машины, легкий танк-броневик, и я поехал в дер. Дулебы со стороны поля чтобы враг оказался на поле [и] негде ему [было бы] спрятаться. Фрицы устремились за нами, но попали на мину. Они свернули на обочину, этим самым лишились хорошей дороги. Погоня отстала. В Дулебах партизаны

ожидали появления врага со стороны Любань полем к Дулебам, а мы первой тропой сократили расстояние и просекой приехали в Дулебы.

Немцы продвигались с опаской – как бы еще не попасть на партизанские мины, но их и не было больше на дороге. Первым появился легкий танк на опушке. Броневик тоже, боясь мин, ехал осторожно, проехал всю Дулебу. Была мертвая тишина, но она обманчива, и танк вернулся обратно на выезд на Любань, дал сигнал, и наступление началось.

Подлая свора ринулась на Дулебы оголтело на встречных партизан, подпустив пехоту на 400-300 м. Мы бросили гранаты на танк, танк загорелся, броневик зажег бронебойщик Никитаев Афоня. На пехоту посыпался шквал огня, шум мин. Пехота на поле залегла. Немцы подымали пехоту в атаку, но все безуспешно. В тылу у немцев-полицаев пом. ком. отряда Марков Иван хотел занять орудия, но эта операция сорвалась. Немцы взбесились неудачей и хотели окружить нас с левой стороны. На помощь приехал со взводом Чернов Николай Ив[анович], Маковкин, Горбачевский, В. Гродунов другие. Фрицы были встречены огнем, отступили. Справа они окружить хотели, но разведка доложила во время их передвижения. У нас вывели из строя пулеметный расчет. Командование решило отступить в лагерь.

На опушке леса заняли оборону. Немец бросался в атаку, но безуспешно враг свирепел, жег дома, но наши снайперы прекратили эту операцию, загнав всех немцев в дома. Ничего не добившись и узнав, что нас было 40-45 чел., подобрав раненых, убитых не менее 100 чел., уехали не солоно хлебавши. Утром покинув Дулебы, не добившись успеха, немцы в гор. Березино обезоружили полицию и изменников отправили в лагерь. По данным разведки, офицеров раздели догола, поливая водой, заморозили от яркой злобы и неудач.

ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 5. Д. 16. Л. 1-8 об. Подлинник.

* См. боевую характеристику С.И. Кольщенко (№ 843).

** Опушен список партизан, участвовавших в указанной операции.

*** Так в документе. Следует читать – ниже 20⁰.

№ 1352

Из воспоминаний Ф.А. Мымрикова¹⁰⁴

27 мая 1971 г.

Детские годы и учеба

[...]*. В 1935 г. в нашей неполной средней школе состоялся второй выпуск семиклассников. Куда пойти учиться? Перед нами широкие дороги, и вот группа товарищей – в том числе и я – решаем идти учиться в фельдшерско-акушерскую школу. Тогда мы правильно рассуждали, что работники медицины всегда нужны: и в мирное время, и в военное. Сдали

экзамены нас пять человек, а учиться стали в дальнейшем только двое – Иван Алексеевич Пахомов и я.

Город – не село, новая обстановка, новые предметы в училище. Заниматься приходилось усиленно, чтобы не быть отстающим и получать стипендию.

Прошел год учебы. В 1936 г. вступил в комсомольскую организацию, а в 1937 г. на отчетно-перевыборном профсоюзном собрании избираюсь председателем профкома фельдшерско-акушерской и фармацевтической школ. Учился на «отлично». В это время умер у нас отец. Дома с матерью остались меньший брат и сестра.

Близилась государственные экзамены, выпуск, а там самостоятельная работа, какая она и где. Прислали уже места распределения. Дал согласие на выезд в город Грозный, но вскоре все изменилось.

Наша страна была в полном капиталистическом окружении, империалисты уже не раз собирались на нас напасть и уничтожить первую страну социализма. Партия и правительство стали укреплять наши границы, усиливать армию молодыми специалистами всех категорий.

К концу учебного года в мае 1938 г. к нам в школу прибыл представитель пограничных войск НКВД СССР старший лейтенант и предложил ребятам-мужчинам подать заявления служить фельдшерами в погранвойсках. Как быть мне, если мой год еще не подходил к призыву?

Поделился мнением с представителем, так как он консультировался с членами комитета ВЛКСМ и профкома об отборе ребят в войска. Желавших было 25 человек, а требовалось 10. Он предложил тоже подать заявление, пройти медицинскую комиссию. Документы наши ушли на 15 заканчивающих фельдшеров в Москву в Главное управление пограничных и внутренних войск НКВД СССР.

Даже не смогли присутствовать на выпускном вечере – нас срочно вызвали в Москву, где получили подъемные, месячный отпуск и командировочные с явкой 1 августа в управление войск НКВД по Дальнему Востоку.

29 июля 1938 г. на дальневосточной границе начался большой конфликт с японцами возле озера Хасан. Мы в дороге в ДВК.

6 августа 1938 г. наши пограничные войска вместе с частями Красной Армии разгромили непрошенных гостей, пришедших с оружием в руках на нашу территорию.

14 августа 1938 г. в санитарно-медицинском отделе управления пограничных и внутренних войск по Дальнему Востоку получил назначение в 72-[й] полк железнодорожных войск по охране сооружений, штаб которого находился в городе Ворошилове-Уссурийском. Остальные мои товарищи тоже получили назначения в пограничные и внутренние войска.

Так, из нашей Тамбовской фельдшерско-акушерской школы тогда выехало в ДВК более сорока человек – в войска НКВД, линейные части Красной Армии и в гражданские медицинские учреждения.

Не забудется первый прием у командира полка майора Васина, когда нас с Владимиром Лариным, моим товарищем по учебе, представил начальник санслужбы полка военврач третьего ранга Архипов.

Кабинет майора. За столом сидит полный представительный военный с двумя шпалами (прямоугольником) в петлицах, а на груди орден Красного Знамени.

– Товарищ майор, к нам прибыло пополнение медицинских работников. Разрешите представить.

Называет наши фамилии. Майор встал и вышел из-за стола. Поздоровался с нами. Посмотрел внимательно на меня и говорит:

– Товарищ военврач, что же-то нам прислали такого молодого парня – а не заплачет, если ему будет трудно работать?

Мне как-то стало неудобно, но врач Архипов быстро ответил майору:

– Побольше [бы] присылали к нам таких. Он – отличник учебы, доброволец. Его год еще будет призываться через два года. Он – комсомолец, бывший председатель профкома объединенной фельдшерской и фармацевтической школ города Тамбова, а, кроме всего, он уже рекомендован в кандидаты партии.

Сведения он взял из личного дела, которые мы привезли в запечатанном конверте.

– Извините, извините меня, если я Вас этим оскорбил, – сказал командир полка и пошел к столу. – Вы сами напишите приказ о назначении их в подразделения, – продолжил майор.

Мы, распрощавшись, вышли из кабинета командира полка. Так запомнилась первая встреча с большим командиром в то время.

Был назначен фельдшером третьей роты первого батальона. Рота находилась от штаба полка на 20 километров в Камене-Рыболовском районе. От станции Манзовки до конечной станции Турий Рог недавно была построена новая ветка в сторону границы к озеру Ханка. Вот на этой ветке и были размещены две роты полка для охраны мостов, водокачек.

Архивная справка Центрального государственного архива Советской Армии от 23 декабря 1966 г. № 6038: «Приказом по 72-[му] полку войск НКВД № 192 от 16 августа 1938 г. фельдшер Мымриков Федор Архипович, прибывший из Тамбовской фельдшерской школы, зачисляется в списки полка для прохождения службы».

Пока нас обмундировывали, в двадцатых числах августа пошли проливные дожди, и речки, на вид маленькие, вышли из своих берегов, вода с сопок полилась потоками. Было прервано сообщение по железной дороге, многие мосты снесены, полотно повреждено. До штаба батальона добирался разным транспортом до станции Манзовка, а там далее до станции Камень-Рыболов.

Рота обслуживала по охране участок железной дороги 5 ж.-д. мостов и два моста на шоссейной дороге. Красноармейцы размещались в железнодорожных вагонах, там же размещался и пищеблок, и жили командиры.

За девять месяцев моей работы командование полка ходатайствовало досрочно о присвоении мне воинского звания военфельдшера и разрешило выехать в отпуск на родину за успешную работу (в роте не было простудных заболеваний и других).

Был избран членом полкового комитета ВЛКСМ, членом ротного к-та ВЛКСМ. В октябре 1939 г. был принят кандидатом в члены партии. Те рекомендации, которые я привез из Тамбова в 1938 г., по ним не могли меня принять в партию. По старому уставу рекомендующий должен присутствовать при приеме, но кто ко мне приедет в ДВК. А в марте 1939 г. был принят на 18-[м] партсъезде новый устав, по которому рекомендующий должен знать не менее года и необязательно присутствовать при приеме. Так, на второй год моей службы в полку я был принят в ряды ВКП(б).

В сентябре 1939 г. началась Вторая мировая война, немецкий фашизм напал на Польшу. Наше правительство принимает решение – подать руку своим братьям-белорусам и украинцам, и в сентябре 1939 г. были добровольно присоединены территории Западной Украины и Западной Белоруссии.

В ноябре 1939 г. пришел приказ об откомандировании меня срочно в течение трех часов в штаб полка. Командир роты старший лейтенант Швецов и политрук роты Стеценко срочно запросили о причине моего выезда. Пришел приказ о подтверждении раннего приказа.

Когда прибыл в штаб полка, мне сообщили, что я направляюсь с эшелоном солдат в Вязьму, а потом выезжаю в город Черкассы на Украину во вновь формируемую 10-[ю] дивизию войск НКВД для работы в областях, только что освобожденных, Западной Украины. Так, неожиданно, мне пришлось распрощаться с Дальним Востоком и быть на западе, на границе с фашистскими захватчиками польской территории.

С ноября 1939 г. работал старшим фельдшером санчасти 77-[го] полка тоже железнодорожных войск НКВД 10-[й] дивизии, штаб которой размещался в городе Львове, а полк обслуживал железнодорожную ветку Станиславской, часть Львовской областей. Штаб полка находился в городе Станиславе (ныне – Ивано-Франковск). Работы было много, но кроме работы я продолжал учебу в вечерней десятилетке, чтобы потом пойти учиться в военно-медицинскую академию. Это было моей заветной мечтой – получить высшее медицинское образование. Выполнил партийное поручение – был пропагандистом среди местного населения во время выборов в Верховный Совет СССР в 1940 г.

30 июня 1940 г. в составе бронепоезда нашего полка принимал участие в освобождении территории Северной Буковины. Наш бронепоезд в четыре часа утра 30 июня 1940 г. взял под охрану железнодорожный мост через р. Прут и вокзал станции Черновцы.

В декабре 1940 г. меня приняли в члены нашей Коммунистической партии и тут же был направлен в город Харьков на курсы усовершенствования военфельдшеров. Курсы заканчивал на «отлично» и был аттестован для направления в военно-медицинскую академию в г. Куйбышев,

но... Грянула война и мы, как готовые фельдшеры, 22 июня 1941 г. направлены в свои части: кто поехал в ДВК – например, мой товарищ из хасанского погранотряда Злобин Василий, Савицкий – в Литву и др.

Прибыл в свой полк 25 июня, на третий день начала войны. Наши подразделения, стоявшие на границе, начали войну с первых часов.

Штаб полка готовился эвакуироваться в город Чертков, где размещался наш второй батальон, и где еще не было военных действий. Усилили охрану мостов, водокачек от диверсантов. Свободные от службы солдаты несли караульную службу в городе. Снова в путь, наш эшелон направляется на станцию Ермолинцы – это уже старая граница. Роты, батальоны полка стали занимать оборону, но пришел приказ: сбор возле города Винница.

8 июля 1941 г. немецкие войска с боем занимают город Бердичев и рвутся на Киев. Нашу дивизию срочно грузят на автотранспорт, и только подъехали к станции Голендры между ст. Калиновкой и Казатином, на нас налетают 37 пикировщиков. Это налет для многих остался в памяти – как надо уберечься от вражеской авиации и как надо быть в пути бдительными. Понесла дивизия много ненужных жертв, но оборону заняла в срок, и с тех пор наш полк все время был на передовой, в боях.

Моя задача была – быть вместе с бойцами на передовой и оказывать им медпомощь, выносить с поля боя для дальнейшей эвакуации.

22 июля 1941 г. Ровно месяц с начала войны. Полк готовится к прорыву полуокружения в районе села Маньковка Христиновского района Винницкой области. Начальника санитарной службы нет – он, врач, где-то с ранеными выехал и еще не возвращался. Раннее утро. Предвещается, день будет жаркий – как от солнечных лучей, так и от боя с немцами. Санитарная сумка за плечами. Командир полка майор Баринов, начальник штаба старший лейтенант Самутин (сослуживец по Дальнему Востоку) давали последние установки командирам рот (батальоны свели в роты за неимением пополнения). Я пошел впереди полка и вдруг слышу окрик:

– Мымриков, где Ваше место?! Медицина пошла вперед на прорыв!

Это меня окрикнул командир полка майор Баринов, добавил: «Иди сзади атакующих и готовь перевязочный пункт».

Бой идет в деревне. Поступают раненые. Выбрал минуту и тоже пошел. На пути встретил начштаба Самутина, начхимслужбы Воронина, они шли к атакующим бойцам. Здесь мне пришлось задержаться для оказания помощи несшему раненого бойца.

Слышу в скором времени, что меня разыскивают по приказанию командира полка. Являюсь и получаю задание: куда ушел начштаба полка Самутин, в той стороне идет жаркий бой, там его тяжело ранили и надо оказать помощь и вынести. Дают мне пять бойцов из охраны штаба.

Нашли раненого Самутина, он в сарае, но кругом идет бой. Несем его на плащ-палатке. Нас заметили, обстреляли, тяжело ранило носильщика. На место, где находился недавно командир полка, мы донесли Самутина, но не стало нашего командира полка, вражеская пуля сразила его наповал, попала прямо в сердце.

Снова отход. Село Каменечье под Уманью. Бои и бои. Многих раненых выносим, эвакуируем с поля боя.

Контузия 29 июля 1941 г., госпиталь в районном селе Подвысокое Киевской области.

6 августа – плен. Село Перегоновка. Много раненых. Здесь встречаемся с военврачом, нашим начальником санслужбы Борисом Александровичем Ситниковым. Плохо слышу. Он помогает в доставке продуктов. Потом нас, раненых, переводят в Умань, в страшное место – карьеры кирпичного завода, где от жары и необеспечения продуктами сотнями умирало за день...

Снова в путь – лагерь Винница. Так, в сентябре 1941 г. оказались в Винницком лагере военнопленных. Заболеваю сыпным тифом, здесь же встретился с азербайджанцем Ибрагимом Касумовым, которого еще в бою под селом Каменечье поздним вечером обнаружил тяжелораненого на поле боя, оказал помощь и направил в госпиталь. И вот теперь он меня узнает и старается помочь мне, чем может – ведь я плохо слышу.

В октябре 1941 г. нас, часть медработников, переводят в город Винницу (бывший гарнизонный госпиталь), там немцы разрешили части раненым больным организовать лазарет для тяжелораненых. Правда, условия те же, охрана, питание – баланда два раза в день, а то, что передавали местные жители продукты для раненых военнопленных, изверги-немцы брали себе. Здесь было легче завести знакомства с жителями города и сел, они часто подходили к ограде и можно [было] переговариваться, если на посту стоял один из охраны немец, разрешавший передавать передачу и даже разговаривать. Так мы познакомились с медсестрой Марией Шиманской, которая в свою очередь передала о возможности передачи продуктов женщинам из Турбовского района, где проживала будущая наша руководительница подпольной организации.

В декабре мы получили листовки от подпольщиков города Винницы о разгроме немцев под Москвой. Радость была неопишуемая.

Слух у меня понемногу стал восстанавливаться. Нас – больных и раненых – весь лазарет переводят в Винницкую психбольницу. Это в пяти километрах от города.

В середине января 1942 г. стало слышно, что нас должны выписать в общий лагерь, а там для отправки в Германию. Подпольщики психбольницы стараются нас освободить.

Однажды ночью прибыл отряд СД (карателей) и потравили пятьсот больных психбольницы путем введения раствора цианистого натрия. Так они варварски уничтожили неповинных больных.

В первых числах февраля 1942 г. врач психбольницы сообщила, что больницу освобождают под какой-то штаб. Нас ночью перевели в школу на улицу М. Горького (так называлась при советской власти), и вот оттуда мы в количестве пяти человек совершаем побег с помощью жительницы соседнего дома Антонины Евгеньевны Левандовской, врача Татьяны Филипповны Степанченко. Так, в феврале 1942 г. оказался в городе Хмельнике, а в марте –

в поселке Турбов среди подпольщиков Наталии Ивановны Музыкант, Василия Алексеевича Бабия и других.

В партизанском подполье

[...]**. Поселок Турбов расположен в 20 километрах юго-восточнее Винницы. С осени 1941 г. в 12 километрах от Турбова находилась главная ставка Гитлера, вокруг которой размещались многочисленные, до зубов вооруженные, охранные войска, сеть разведывательных органов, гестаповцы, жандармерия, полицаи.

Захватчики установили жестокий оккупационный режим. Они стремились уничтожить здесь даже самое малое напоминание о советской власти. Производились частые облавы, массовые аресты, расстрелы. Повсюду развешивались объявления: «За помощь бежавшим военнопленным – расстрел», «За подслушивание радио, распространение листовок – расстрел». Карательные отряды вместе с предателями-полицаями искали коммунистов, комсомольцев, советских патриотов, расстреливали, вешали.

Несмотря на все это, коммунисты и комсомольцы, подлинные патриоты находили друг друга, создавали группы, организации, тайно собирались и начинали действовать. Печатали и распространяли листовки со сводками Совинформбюро, создавали диверсионные группы по подрыву военной техники, мостов, уничтожению живой силы врага.

Руководителем подпольной организации поселка Турбова и окрестных сел была Наталия Ивановна Музыкант, энергичная 35-летняя женщина. В группу входили врач поликлиники В.А. Бабий, акушерка села Козинец А.И. Пузырь (ныне Борецкая), брат и сестра Дробовичи из лесного хутора Захайполь, К.И. Серницкий, кузнец из села Кобыльный и др. В эту группу входил и я. Работал я тогда фельдшером Козинецкой медамбулатории, был направлен туда руководством подполья.

Декабрь 1941 г. Немецкое радио через каждый час передает о «победоносном наступлении немецких войск под Москвой». Турбовские подпольщики доставили из города Винницы листовки, отпечатанные подпольной типографией «За Родину». Тайно собрались подпольщики на квартире своего руководителя. Размножили эти листовки. В них говорилось: «Дорогие братья и сестры из советских районов, временно оккупированных немецко-фашистскими разбойниками! Гитлеровцы скрывают от вас правду о разгроме своих войск под Москвой...».

Вскоре содержание этой листовки стало известно жителям Турбова и ближних сел. Листовки были размножены и доставлены на сахарный завод, в мастерские бывшей МТС, больницы. Дали же подпольщики работу полицаям! Они все ходили и вынюхивали, кто и как распространял листовки.

В мае 1942 г. наша подпольная организация получила задание всеми способами препятствовать угону молодежи в рабство в Германию. Мы выдавали фиктивные справки о непригодности людей к отправке в Германию по причине будто бы туберкулеза легких, брюшного тифа, др. болезней. Таким образом многим удалось тогда избежать угона.

Установлена была связь со штабом партизанского отряда имени Щорса, которым командовал Томеш Шкрабацкий (ныне пенсионер, живет в г. Винница). Теперь заданий у нас прибавилось. Нам, Козинецкой подпольной группе, куда входили работники сельской амбулатории, было поручено заготавливать перевязочный материал, йод и др. медикаменты и через связных партизанского отряда направлять все в штаб. Таким же путем передавали мы и разведывательные данные о гарнизонах, стоявших в селах, о их вооружении.

В сентябре 1943 г. в наш район на явочную квартиру в лесной поселок Загайполь к Павлу Дробовичу прибыл командир партизанского отряда Шкрабацкий с тремя разведчиками. Надо было немедленно найти им подходящую квартиру, т.к. хутор Захайполь находился на подозрении у полицаев. Их поместила у себя в селе Кохановка А.И. Пузырь. За три дня, которые партизаны провели у нас, они тайно встречались с подпольщиками, дали много ценных советов, как следует действовать – в частности, подсказали, что надо уничтожить еще необмолоченный хлеб, чтобы немцы не увезли его в Германию, порекомендовали, как это лучше сделать. Кстати, один из разведчиков по имени Гаврик оказался моим земляком-тамбовцем. Недавно – в 1966 г. – мы снова с ним встретились уже в Тамбове. Сейчас он живет в селе Безукладовка Токаревского района, работает на элеваторе.

Через три дня в лес прибыла партизанская группа этого отряда из 40 человек под командованием местного учителя М. Ботвинко. Соединившись с группой Шкрабацкого, они провели вместе с подпольщиками ряд диверсий на территории района. Были разрушены спиртзавод в селе Овечачи, маслозавод в Н. Прилуках. На станции Козинцы и Гуменная партизаны вывели из строя железнодорожное путевое хозяйство, взорвали паровоз, в селе Константиновке раздали жителям собранный урожай, приготовленный для отправки в Германию.

Много помогли партизанам члены подпольной группы Павел и Мария Дробовичи. Маша первой узнавала и передавала из подполья [сведения] о прибытии партизан, связных отряда, вызывала членов подполья по заданию руководства. Кузнец К.И. Сернецкий держал связь с Турбовом и с нашей подпольной группой села Козинец. Под видом больного, посещавшего нашу медамбулаторию, он передавал нам боевые задания.

В июле 1943 г. на кордон в Косакивский лес был доставлен раненый партизан, мне было поручено вылечить его. Он лежал на чердаке в доме у лесника, и я ходил якобы к больной его жене. Партизан выздоровел, и позднее мы встретились с ним в партизанском отряде. Он продолжал воевать в составе боевой группы.

Распространение среди населения листовок, появление партизан, их боевые действия в тылу врага вселили в людей дух уверенности в победе и в скором приходе Советской Армии.

Рейд партизанского отряда по тылам врага в сентябре 1943 г. не остался незамеченным гитлеровцами. Вскоре в села были направлены жандармы с целью сплошной проверки жителей и выявления лиц, связанных

с партизанами. Мы, подпольщики Козинецкой группы, были вовремя предупреждены об этом и по заранее составленному нами маршруту ушли в действующий партизанский отряд имени Щорса.

Так кончилось мое участие в подпольной организации. С этой поры я стал партизаном. На моей обязанности лежало лечение раненых боевых друзей в лесном лазарете Черного леса в отряде имени Щорса, а затем с января 1944 г. по день соединения с Красной Армией – в отряде имени В.И. Ленина.

...Последний день 1943 г. был на исходе. Партизаны отряда имени Щорса, базировавшегося в Черном лесу, что в 50 километрах от Винницы, занимались своими обычными делами.

Мы с Василием, бывшим студентом-медиком, находились в землянке, называемой лазаретом. Здесь на топчанах лежало человек шестнадцать раненых. Делая перевязки, мы нет-нет да и вспоминали, что день-то нынче особый – канун 1944 г. Как-то его встретим? И что он принесет нам?

Вечером меня вызвали в штабную землянку к командиру отряда Тимофею Михайловичу Шкрабацкому. Там собрались уже командиры групп. Был накрыт стол. Подняли тост за Новый год, за разгром врага и изгнание его с родной земли, за успехи народных мстителей.

Вскоре я попросил разрешения уйти, торопился к своим раненым, чтобы и их поздравить с Новым годом.

– Что же, идите, – сказал командир, – Вам следует отдохнуть. Завтра рано утром отправитесь на задание.

Наутро на задание собрались трое: разведчик Слава Егоров, Соня (фамилии ее не помню) и я. Они двое направлялись в Винницу, а я же должен быть пробраться в Турбов. Мне предстояло узнать, что делается у турбовских подпольщиков, не напали ли на их след гитлеровцы, и не грозит ли им арест. В этом случае надо было помочь им уйти в лес. Кроме того, надо было, конечно, получить разведывательные данные.

У меня имелось удостоверение – аусвайс, заверенное подписями и печатью, в котором говорилось, что я являюсь фельдшером села Пеньковка. Такое село действительно было расположено недалеко от нашего леса и есть такое село в Турбовском районе.

– Возьмите свой документ. Вы будто бы везете больную в областную больницу, – посоветовал командир отряда. – Егоров будет у Вас ездовым.

На прощание он крепко пожал нам руки, наказал быть осторожными.

День 1 января 1944 г. хорошо мне запомнился. Мы, трое разведчиков, провели его в пути. На душе было тревожно. Сумеет ли проскочить? Когда до города оставалось уже совсем немного, нас задержал патруль. Я предъявил свой ему «документ», и все обошлось благополучно.

Только через два дня мне удалось добраться до Турбова. За то время, что я здесь не был, обстановка сильно изменилась. Во всех селах района стояли фронтовые немецкие части. Наши войска перешли в наступление, фронт приближался, и это чувствовалось. Подпольщикам работать стало особенно трудно, и связаться с ними [было] делом нелегким. Многих

жителей Турбова выслали куда-то. Мужчин забирали всех подряд и отправляли в Винницу, чтобы потом увезти в Германию.

С руководителями турбовского подполья мне удалось встретиться только 6 января вечером с большими трудностями. Встреча состоялась в селе Сививковцах в 8 километрах от Турбова. Сюда пришли Наталия Ивановна Музыкант и Василий Алексеевич Бабий.

Они подробно рассказали об обстановке в районе, где в каких селах расквартированы немецкие войсковые части. Уходить к партизанам Наталья Ивановна отказалась, хоть положение ее и было опасным. Серьезно заболела дочка.

Получив нужные разведывательные данные, я направился в обратный путь через село Стадница на окраину города Винница в Пятничаны лесом. Пройдя его и выйдя на хутор Мязикивка, увидел черные клубы дыма, которые заволкли небо. То горели подожженные оккупантами села. До меня доносились выстрелы, крики.

Позднее узнал, что накануне партизаны побывали в селе Пеньковка. Было выведено из строя немало немцев, сожжено три автомашины. В ответ на это каратели подожгли Пеньковку, Супрунов, Ясковцы, расстреляли многих жителей. Села эти представляли страшное зрелище.

В свой отряд я смог добраться только 9 января рано утром. За время моего отсутствия здесь произошли немалые события. В Черный лес прибыло Сумское партизанское соединение под командованием полковника Я.И. Мельника, комиссара – подпольного секретаря Винницкого обкома партии Т.Д. Бурченко. Наши отряды влились в него и, выполняя приказ украинского штаба партизанского движения, ушли в рейд. На нашей базе остался партизанский отряд имени В.И. Ленина. Его командиру я и доложил о выполнении задания.

И еще одну весть узнал в этот день: погиб в бою в селе Пеньковке разведчик Слава Егоров, с которым так недавно ехали мы на задание (1 января).

Я был оставлен в отряде имени В.И. Ленина. Раненых прибавилось, и они нуждались в медицинской помощи. Мы ждали того часа, когда сможем соединиться с частями Советской Армии.

В партизанском отряде имени В.И. Ленина осталось около сотни партизан, входивших ранее в состав нашего отряда. Остались, естественно, и раненые. И мне тут же пришлось заняться перевязками.

В землянке-лазарете было до двух десятков раненых. Надо было поставить их на ноги. Работать было нелегко, но мы находили выход из любых трудностей. Не хватало перевязочного материала. Мы кипятили старые бинты и пускали их в дело. Принимали профилактические меры к тому, чтобы в отряде не вспыхнула эпидемия сыпного тифа. Раздобыли дезкамеру, проводили санитарную обработку одежды.

Пищу раненым готовила тетя Лида. Так в отряде все звали Лидию Леонтьевну Волюнец. Эта замечательная женщина организовала подпольную

группу патриотов в селе Павловка, а позднее вместе с тремя сыновьями и их товарищем ушли к партизанам.

По поручению командования отряда мы часто выезжали в села. Распространяли листовки со сводками Совинформбюро, беседовали с людьми, если было необходимо, оказывали медицинскую помощь.

К концу января 1944 г. отряд значительно вырос численностью. В нем насчитывалось уже свыше 250 человек. Было решено разделить его и одну группу отправить в рейд.

Между тем не дремали и немцы. В начале февраля разведчики сообщили, что в селах Каменегорка, Александровка, где прежде не было немцев, они появились, увеличены гарнизоны в других селах.

5 февраля до роты немцев с пулеметами и минометами подошли к лесу, где находилась наша партизанская база. Командование поручило нам с разведчиками вывести из леса всех раненых, разместить их у подпольщиков в селах и хуторах. Командир группы разведчиков Касумов, человек бесстрашный и находчивый, знающий явки, адреса надежных людей в городах и селах области, помог устроить наших раненых в надежных местах.

Эта мера оказалась своевременной. Уже 10 февраля отряд карателей вступил в лес. Завязался бой. Длился он весь день. К вечеру командир отдал приказ отходить. Немцы взорвали наши землянки. Имущество партизаны заранее вывезли и спрятали.

На второй день мы узнали, что все дороги из леса, ведущие в села, перекрыты. Вывести партизан тайными, только им известными тропами, взялись лесники дядя Миша Молостов и Коновалов, хорошо знавшие лес.

Так и шли мы цепочкой, след в след: впереди лесники, за ними командир и комиссар, потом разведчики, пулеметчик Вася Осикашвили и все остальные. Шли молча. Вдруг раздалась команда: «Ложись!».

Все сразу попадали в снег, укрылись за деревьями. Впереди развернутой цепочкой двигались немцы с автоматами наготове. Местоположение наше оказалось удачным. Мы хорошо наблюдали противника, он же нас не видел.

Раздался выстрел. Это наш лесник дядя Миша выстрелил в офицера. Вслед за ним мы все остальные открыли стрельбу. Немцы закричали: «Партизен! Партизен!» и тоже начали стрелять. Но наш огонь был метким. Гитлеровцы потеряли 15 человек убитыми, у нас погиб один боец. Нам удалось оторваться от противника, и проводники вывели нас в безопасное место. Там на большой делянке, где сложены были штабеля дров, мы заняли круговую оборону на случай нового столкновения с немцами.

С наступлением темноты мы вышли из леса на шоссе Винница–Литин, остановились в селе Майдан Бобринский. Немцы в своих листовках и по радио Винницы сообщили об уничтожении советских партизан в Черном лесе, распространяли фотографии наших разрушенных землянок, но партизанский отряд имени Ленина жил и продолжал действовать.

Отряд совершал рейды по селам Литинского, Хмельницкого, Жмеринского и других районов области. Выполняя боевые задания,

партизаны нарушали телефонную и телеграфную связь, подрывали мосты, проводили агитационную работу среди местных жителей.

19 февраля отряд расположился в селе Майдан Грузский. Расставили дозорных. Дождавшись, когда меня сменят в дозоре, иду в дом, где разместились разведчики. Здесь состоится лекция об Алексее Максимовиче Горьком. Читать ее должен Леонид Маркович Венгеров, кандидат филологических наук. Вместе со своим сыном Мишей он воевал в составе нашего отряда. Может быть, это покажется невероятным, но лекция такая в тылу врага состоялась. Ее слушали свободные от наряда партизаны. Пришли послушать и многие жители. Лектор говорил о предвестнике революции «Буревестнике», о смелом Соколе, и слова его звали к борьбе за освобождение Родины.

Приближалась 26-я годовщина Красной Армии. Этот праздник надо было отметить по-особому. Группа партизан под командованием Артема Дидишвили получила приказ найти и перерезать подземный кабель, соединяющий ставку Гитлера в Виннице с Берлином. Но как отыскать кабель? Ведь зима, кругом снег. Один из местных жителей указал примерное место прокладки кабеля. Он видел, как закладывали его летом 1941 г., заметил дерево в поле, близ которого он проходил. Стали рыть траншею в обе стороны от дерева. Помню, шел мокрый снег, дул пронизывающий ветер, а мы все рыли и рыли мерзлую землю. Два дня работали. Только на третий день удалось обнаружить двадцативосьмижильный кабель со свинцовой прокладкой и стальной оболочкой. Перерезать его было нелегко. Удалось это сделать с помощью паяльной лампы. Вырезали двухметровый кусок, засыпали, замаскировали это место.

Вторая партизанская группа под командованием Ибрагима Касумова участвовала в нападении на автоколонну машин на шоссе Винница–Бар. Были убитые и раненые среди немцев, а у партизан был ранен только один человек – партизан по имени Миша. Ранение он получил в пятку и [был] доставлен в партизанский отряд.

Растревожили осиное гнездо – ставку Гитлера под Винницей. Видно, немцы получили большой нагоняй из Берлина. Они приложили все старания, чтобы найти нас и уничтожить. Это второй раз направляют карательную экспедицию в села, где мы рейдировали. Вскоре они напали на нас, и мы понесли тяжелые потери.

Стелился туман, видимость в лесу плохая. Часовые расставлены за хутором Рожок Микулинский. И вот рано утром 25 февраля 1944 г. раздались сплошные автоматные очереди возле дома, где размещался штаб отряда. Боевая тревога. Партизаны с оружием бегут к штабу и ведут ответный огонь по немцам. И тут слышу повелительный голос начальника штаба капитана Михаила Чепурного: «Доктора в штаб!».

Вбегаю в дом, возле которого только что был бой (немцы от дружного ответного огня партизан отступили по дороге в лес – там продолжается). В штабном доме лежит на полу убитый командир Должиков и тяжело ранен комиссар отряда Д.Д. Васильев-Садовник. Накладываю повязки на раны,

забираю раненого партизана Мишу, и по приказанию М. Чепурного выезжаем в лес ждать дальнейших указаний. Нас сопровождал разведчик Михаил Никифорович Свечколап (ныне живет в г. Виннице).

Тяжелораненый комиссар много потерял крови. А что можно было делать в лесу в то время? Ждать исхода боя, [когда] можно было бы сделать настоящую перевязку.

Под вечер нас находят новый командир отряда Артем Дидишвили и начальник штаба Чепурной, последний говорит:

– Товарищ Мымриков, командование отряда поручает тебе спасти жизнь раненых – комиссара Васильева и партизана Мишу. Это задание как коммунисту и медработнику. Мы знаем, что будет тяжело, трудно, но надо все сделать для того, чтобы раненые выздоровели. Связь держать с товарищем Свечколапом и с прибывшими к вам подпольщиками по паролю. Только начнет темнеть, выезжайте в село Почапинцы. Там подпольщики подготовят для вас квартиру, а дальше ориентируетесь сами в обстановке. Для охраны выделяем партизана Сергея, возчика, а оружие у вас у всех есть. Пистолет комиссара оставляем Вам лично. Ясно товарищ, доктор?

– Ясно, будет все выполнено, – сказал я в ответ.

Хотя сам знал, что будет нелегко выполнить это задание.

– Что же, поехали и мы в село, – сказал Свечколап.

Вечером мы разместились в небольшом домике на краю села Почапинец. Партизанский наш отряд после тяжелого боя в лесу на хуторе Рожек Микулинский уходил в другое место.

Снова подполье, но уже более ответственное – здесь приходится часто выезжать в те села, где находились наши раненые партизаны, и здесь на конспиративной квартире лечить тяжелораненого комиссара и отвечать за безопасность.

Хозяйка нас встретила приветливо, она уже была предупреждена подпольщиками о нашем прибытии. При свете керосиновой пятилинейной лампы я сделал осмотр и перевязки раненым. У комиссара четыре пулевых ранения, одна из пуль осталась под лопаткой – надо ее удалить, а как? Состояние комиссара тяжелое. От большой потери крови необходимо переливание крови – где взять кровь, аппарат для переливания? А что я мог сделать в таких условиях? Единственно – перевязки из стерильного перевязочного материала. Ждать благоприятных исходов. Так оно и было в действительности.

Раненые вскоре успокоились от нервных потрясений за день, от тепла, от выпитого горячего кипятка с сахаром. Комиссар находился в забытьи, когда к нам пришла местная учительница, подпольщица Антонина Макеевна Осадчук (ныне живет в г. Литин Винницкой области, пенсионерка). Договорились с ней о переезде рано утром в другое место, безопасное. Это для того, чтобы избежать возможности нападения немцев, зная о том, что в отряде есть раненые, и, вероятно, знали, что среди них комиссар отряда. А взять раненого комиссара партизанского отряда для любого немца значит отличиться. В селе могли быть немецкие осведомители, а поэтому нам

[следовало] быть вдвойне бдительнее – нас всего шесть человек, из них двое раненых.

Ночью к нам прибыл сын, связной Толя, ему было тогда только всего 16 лет. Рано утром, еще далеко до рассвета, мы раненых перенесли в сани во дворе. Мороз. Выехали в поле и в объезд села, чтобы нас никто не заметил. В 6 часов утра 26 февраля Толя нас привез на квартиру своих дальних родственников, проживавших в том же селе, но на противоположном конце села, где только что мы находились. Снова перенос раненых в дом, а связного Толю мы послали в село на разведку. И только расположились, а хозяйку попросил сварить куриный бульон нашим раненым, как стремительно вбегает обратно Толя и криком сообщил: «Немцы в селе!».

Раненых – на подводы и через балку, пролежавшую недалеко от домика, в Лысогорский лес. По пути в лес мы слышали, как в селе немцы стреляли.

Стояли целый день в лесу без горячей пищи на морозе. К нам в лес прибыла в середине дня подпольщица Прасковья Васильевна Ящук, тоже учительница Почапинской школы и сообщила: немцы рано утром шли широкой цепью в количестве примерно батальона именно на тот конец села, где мы только что были. Но когда они там никого не обнаружили, стали грабить жителей. Значит, наше предположение, что немцы узнают о нас – раненых партизанах, – было правильное. Какой-то немецкий прихвостень сообщил о нас, но мы своевременно переехали в другое место и этим спаслись. Спасибо нашим славным подпольщикам.

Вечером к нам прибыл связной и передал, чтобы мы переехали в село Куриловцы. На Куриловских хуторах мы пробыли три дня, снова сменили место нахождения раненого комиссара. Переехали в хутор Букшеи (в пяти километрах от села Почапинец) и находились там до соединения с частями Советской Армии, т.е. до 22 марта 1944 г.

Как потом стало известно от нашего начальника особого отдела отряда товарища Якубова (ныне живет и работает в г. Винница), в лес 25 февраля на хутор Рожок Микулинский [немцев] привел один из предателей – староста села Вонявиди. Немцы хотели нас всех уничтожить за те боевые действия, которые мы совершили в честь 26-[й] годовщины Красной Армии – нарушили прямую связь Берлин–Винница и разгромили автоколонну машин на шоссе Винница–Бар. Но этим нас уничтожить не удалось, но в этом бою погиб командир отряда Должиков, которого похоронили в селе Почапинец возле школы. Были ранены комиссар Васильев-Садовник и партизан, фамилию [которого] не помню.

Нашим связным, когда мы находились на конспиративной квартире, была девочка Маша. Ей было всего 14 лет, это дочь А.М. Осадчук, сестра Толика, нашего спасителя. Так славная семья советской патриотки учительницы Осадчук помогала партизанам. Ни снег, ни дождь, ни мороз Машу не задерживали, она приходила вовремя к нам, приносила чистое белье раненым, сводки Совинформбюро, передавала указания комиссара в отряд. И стоит нашей маленькой связной попасться в руки полицаям, немцам, как вся

семья и дальние ее родственники могли быть расстреляны за связь с партизанами.

К нашему счастью, этого не произошло, потому что нас охранял весь народ, советские патриоты. На хуторе Букшеи нас охраняли все жители хутора, они дежурили по очереди и сообщали нам о всем подозрительном, а мы уже потом решали, как быть.

На меня, как военфельдшера, [кроме] ухода и лечения раненого комиссара, была также возложена обязанность по ночам объезжать села, где находились наши раненые, и их там лечить. Нелегкая задача, учитывая, что села были не рядом, а в радиусе 10-15 км. Так, едешь в село Браиловцы и не знаешь, есть там немцы или полицаи. Но у нас были уговоры с подпольщиками устанавливать сигналы – то жердь, то клок сена на колу возле сарая.

Последний удар по врагу наш партизанский отряд имени В.И. Ленина нанес на шоссе – прикрывал огнем дороги в районе сел: Браиловцы, Багринцевы, Литин, Дубинки, не допуская отступления фашистов и угона населения из сел. При неожиданных ударах партизан враг оставлял боевую технику и бежал, боясь попасть в окружение частей нашей наступающей Красной Армии и партизан.

В двадцатых числах марта 1944 г. навстречу наступающим частям Советской Армии вышло свыше 10 тысяч вооруженных патриотов, из них 1700 коммунистов, 2160 комсомольцев, которые были ударной силой народных мстителей.

Партизанами Винницкой области было пущено под откос 265 воинских эшелонов врага, подорвано 48 железнодорожных мостов и 321 мост на шоссе на дорогах, уничтожено 1600 автомашин, спасено от угона в Германию населения 10500 советских граждан, роздано населению 25680 тонн захваченного у немцев зерна, 365 тонн сахара, 4 тонны соли, 31440 голов рогатого скота (из газеты «Новая жизнь» Литинского р-на 22.VI.69 г.).

970 дней длилась оккупация территории Винницкой области. Трудно перечислить, сколько тяжелых ран нанесли фашистские захватчики народному хозяйству, сколько бездомных, осиротевших семей, развалин, пепелищ оставили они после себя.

Фашисты и пособники сожгли 433 школы, 29 больниц, замучили и убили десятки тысяч советских патриотов, из них в одной лишь Виннице – 41 тысячу человек.

Под Винницей Гитлер думал обосноваться надолго. Но и в железобетонном убежище, построенном на костях тысяч советских людей – мирных жителей и военнопленных, согнанных сюда на принудительные работы, не нашли покой захватчики.

В войско Польском

[...]***. Стоим на запасных путях станции Познань. 8 мая 1945 г. кроме нас на железнодорожных путях стояли другие воинские эшелоны, ждавшие отправление на фронт в сторону Германии. Вечер. Уже подходит к двенадцати ночи, и вдруг раздаются вначале редкие выстрелы из личного

оружия, а потом танкисты из эшелона начали стрелять из пушек. Странно и непонятно в первые минуты, но вскоре выяснили о радости – подписан акт капитуляции фашистской Германии, наконец-то настал мир! Как его ждали народы Советского Союза и мира! Так мы узнали о дне Победы, находясь в вагонах.

Вскоре мы получили приказ о выезде в город Шрем (недалеко от города Познань). Там наш госпиталь был расформирован, многие наши советские офицеры медицинской службы получили новое назначение в разные места.

Мне было приказано прибыть в Варшаву, где получил назначение во вторую саперную бригаду Войска Польского, штаб которой находился в городе Радом в 100 километрах от Варшавы, юго-восточнее от столицы Народной Польши.

Так, 25 мая 1945 г. прибыл на новое место работы. Вначале старшим фельдшером санчасти при штабе бригады, но вскоре был переведен старшим фельдшером 27-[го] саперного батальона, который занимался разминированием территории вдоль берегов рек Вислы и ее притока Варки. Командиром бригады был полковник Пузыревский, отдавший служению Советской Армии более двадцати лет. Санчасть возглавлял капитан медслужбы из поляков. Командиром одного взвода 27-[го] батальона работал москвич подпоручик (лейтенант) Виктор Аржановский (впоследствии ему было присвоено звание капитан, был начальником штаба батальона и уволился из Войска Польского в 1948 г. и в настоящее время проживает в городе Москва, работает преподавателем географии). Нам с ним часто приходилось выезжать в командировки в районы разминирования земель, расположенных вдоль берегов рек и [в] труднопроходимых местах.

Кроме нашего батальона в составе бригады были еще три батальона и другие подразделения. Все батальоны занимались повседневно опасной и ответственной работой – разминированием территории земель, лугов, опушек леса, оврагов и других мест, где проходили тяжелые оборонительные бои наших войск с противником. Отгремели пушки, саперы стали заниматься разминированием мест вероятности прохождения пехоты, танков. Теперь перед саперными войсками была поставлена другая задача – снять их.

Наша бригада саперов имеет наименование «Варшавской ордена креста Грюнвалда 2-[й] степени». Она это наименование и награду получила в знак боевых заслуг во время тяжелых наступательных боев за Варшаву, а потом ее подразделения занимались разминированием территории столицы Варшавы.

Враг заминировал все проезжие места, улочки, там, где можно пройти или проехать. Гитлер приказал оборонять Варшаву так, чтобы наши войска не смогли ее взять. Поэтому враг устлал Варшаву минами. И тяжело приходилось нашим саперам в разминировании и так уж разрушенной Варшавы.

Когда был освобожден город Бреслау (потом он был назван по старому польскому Вроцлав), 27-[й] батальон сразу же приступил к разминированию его. Санчасть 27-[го] батальона так же, как штаб батальона, размещалась в

городе Радом – небольшом, но чистом, уютным городе, бывшем губернском городом.

Санитарным инструктором был Антон Гапонюк, один из первых солдат, призванный по освобождению Волдавского района (по-польски повята) Люблинского воеводства (области). Он хорошо разговаривал по-белорусски и по-польски. Мы с ним часто выезжали вместе в составе целого батальона или отдельных рот в районы разминирования.

Война кончилась, надо было восстанавливать разрушенные города, села. Засевать мирные земли. Всему этому мешало большое количество оставленных мин на полях битв. Много людей, детей, животных, погибло в этих местах.

Нужно было вести разминирование, и личный состав батальона получил приказ – всеми имеющимися способами снять мины, обезвредить их. Как старший фельдшер 27-[го] батальона, [я] почти был всегда с подразделениями батальона. Для всех война окончилась, но для саперов она продолжалась в смысле опасности разминирования.

Опасность саперов поджидала на каждом шагу. Дело осложнялось тем, что в наступившей весне, когда все заросло травой, трудно было обнаружить мины. Вдобавок к этому немцы закладывали мины в деревянных ящиках, чтобы затруднить их обнаружение миноискателями.

Вспоминая трудности, даже сейчас, спустя 26 лет, не можно спокойно вспомнить о разминировании тех полей и лугов на территории Польши. Сколько геройства и мужества, отваги проявили собраты – советские и польские воины – при обезвреживании мин. Наступило мирное время, а многие лишались жизнью.

За давностью времени я забыл названия многих мест, сел, фамилии солдат и офицеров, где проводили разминирование. Но вот местечко Спалу хорошо помню. Это местечко было местом президентов бывшей буржуазной Польши. Там протекает река Варка. Нижний берег ее был заминирован. Две наших роты батальона размещались в пристройках бывшего дворца (последний во время войны был сожжен немцами при отступлении). Мы с санинструктором Антоном Гапонюком сопровождали взводы на поля для разминирования. Кто-то из саперов допустил где-то неточность, неосторожность в разминировании мин. Сильный взрыв потряс окружающий воздух, и четыре солдата и офицер были убиты, несколько человек ранило. Смелый, находчивый Антон Гапонюк первым бросился к месту взрыва. Не медля ни минуты, зная, что рядом могли быть еще мины, он начал раскапывать раненых и оказывать им помощь, выносить их на себе в безопасное место. Поступок санинструктора Гапонюка говорит о том, что воины не жалели себя, чтобы скорее были освобождены земли от мин.

Антон Гапонюк живет и работает письмоношцем в своем селе Долгоброды, повят Влдава Люблинского воеводства. Через газету «Зелены Штандар» мне удалось с ним связаться, и в настоящее время имеем переписку. У него жив отец по имени Павел, в одном из писем он мне писал, что отец знает Тамбов, он в нем был в 1914 г. в начале войны.

Лето 1945 г. В бригаде намечается инспекторская проверка с показом инспектирующим лицам практически разминирование взвода на поле. Для этого был выделен один взвод первой роты нашего 27-[го] батальона, командиром которого был подпоручик (лейтенант) Виктор Никодимович Аржановский. Мне было командованием бригады поручено медицинское обеспечение, быть на месте и организовать батальонный пункт медицинской помощи (БПМ).

Утро 18 августа 1945 г. было тихое, теплое, а день жаркий. Выехали за тридцать километров от города Радом. Прибыл на инспекторский смотр начальник саперных войск Министерства народной обороны Польши бригадный генерал Бодрзиловский, с ним командир бригады полковник Пузыревский, начштаба бригады Гиллер, начальник оперативного отдела бригады майор Раковский, его помощник майор Борщевский, от санитарной службы бригады поручик медслужбы Щавинский и др.

Цель инспекторского смотра – показать практически, как надо умело производить разминирование на поле, луге. Вот наш советский офицер В. Аржановский, находясь в Войске Польском, практически и показывал действия взвода на поле разминирования, приводя различные системы мин в пример. Взвод на примере отрабатывал приемы разминирования. Потом был показан урок – занятие физической подготовки. Его проводил тоже офицер Советской Армии лейтенант Жуков. Моя задача была – развернуть батальонный пункт медпомощи, что и было сделано.

Так наши офицеры – саперы, строевые командиры, медики – помогали строить и принимать самое активное участие в самых тяжелых и ответственных участках работы после войны.

Еще пример. Начало марта 1946 г. Нас подняли по боевой тревоге. «В чем дело?» – каждый задавал этот вопрос самому себе и командиру. Оказывается, получена срочная телеграмма – нашему батальону срочно выехать на автомашинах в столицу Варшаву для принятия мер по спасению наведенного моста через реку Вислу, протекающую через столицу. Мостам грозила опасность снесением ледоходом. Так, наш батальон снова был в Варшаве, но только в мирное время, но с боевым заданием.

Характерно, что я свой БПМ (батальонный пункт медпомощи) разместил рядом с памятником «Русалка». Интересна его история. Памятник «Русалка» – символический дар России Польше во время еще царизма. Мифическая женщина с рыбьим хвостом олицетворяла народ Польши с мужественным народом русским. Так, мне пришлось прямо вплотную с памятником расположиться и оказывать медпомощь, если этого потребует обстановка. Наши саперы вовремя подрывали подплывающие льдины пашками взрывчатки. Мосты между пригородом столицы Прагой и Варшавой были спасены от ледохода.

Мне хотелось получить высшее медицинское образование, о котором мечтал всегда. Подал рапорт о выезде из Польши. Через несколько времени нас, многих офицеров Советской Армии, в середине марта 1946 г., в том числе и меня, переводили в части Советской Армии. [...]****.

ГАСПИТО. Ф. П-9019. Оп. 1. Д. 550. Л. 53-74, 82-86. Подлинник.

* Опушены воспоминания о детских годах.

** То же о величии подвига советского народа в годы Великой Отечественной войны.

*** То же о работе Ф.А. Мымрикова в эвакогоспитале № 2101 в должности начальника приемно-сортировочного отделения.

**** То же перечисление польских орденов и медалей, которыми награжден Ф.А. Мымриков.

№ 1353

Воспоминания Н.М. Фролова¹⁰⁵

1974 г.

Я получил 1-е задание: выдвинуться к полотну железной дороги и пустить под откос вражеский поезд. Расстояние до железной дороги – 12-15 км. Шли ночью. Достигнув указанного места, подползли ближе к полотну. Залегли, наблюдали. Ночь темная. Тихо. Справа от нас недалеке маячит силуэт фашиста. Это охрана дороги. Митрофан Гудков дернул меня за руку, шепчет: «Стой, Коля, там тоже охрана». Присмотрелись. Действительно, еще один фриц стоит у дороги. Решили выдвинуться к полотну между охранниками. С обеих сторон выставили боковое охранение. К дороге подползли вместе с Николаем Тушинским. Делаем подкоп под колеей между шпал. Не дай бог чуть-чуть стукнуть по рельсу. Наша группа сразу же будет засечена, но пока все идет благополучно. Мина поставлена под рельс.

«Давай капсуль», – шепчу помощнику. Тушинский от волнения уронил взрыватель. Попробуй, найди его ночью! Что делать? Поезд вот-вот должен пройти. Я решил поставить запал от гранаты Ф-1. Может, сработает. Отползли назад. Ждем. Услышали характерный шум приближающегося поезда. Звук нарастает с каждой минутой. Поезд мчится на всех парах с запада на восток. Он свободно прошел через мину. Я готов рвать на себе волосы. Первое задание командира не выполнено. Первая поставленная мною мина не сработала.

Приказал всем сидеть на месте и вести тщательное наблюдение. Сам пополз к дороге. Надо же выяснить, в чем дело. Осторожно сменил запал. Думал, что первый неисправлен. Дождались следующего эшелона. Вновь неудача. До слез обидно. Как же будем возвращаться в отряд? Что скажем командиру? Но делать нечего. Вновь выдвинулся к полотну дороги, разрядил мину и взял с собой тол. До рассвета ушли.

«Вот что, товарищи, – обратился я к членам группы, – пока задание не выполним, в отряд возвращаться не будем». Все согласились. Весь день бродили по лесу. Нашли ручку от противотанковой гранаты. Я открыл ее ножом и извлек взрыватель. Теперь мина должна сработать.

Вновь наступила ночь. Опять выдвинулись к железной дороге, но уже в другом месте. К полотну подполз один, сделал подкоп, в 10-килограммовую толовую болванку вставил взрыватель, а затем положил ее под рельс.

Прислушался. Рельсы гудят. Значит, идет поезд. Осторожно стал отползать. Далеко уйти не удалось. Оглушает взрыв. Ударился головой о камень. Быстро побежал к ребятам. Немцы беспорядочно стреляют трассирующими пулями. Но нас не видят.

ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 12. Д. 116. Л. 159-160. Подлинник машинописный.

№ 1354

Воспоминания В.Д. Клокова¹⁰⁶

Позднее 11 апреля 1945 г.*

Я, Клоков Валерьян Дмитриевич, попал в плен в 1941 г. 20 августа на обороне Таллина. Меня завезли фашисты в глубокий тыл Германии – 35 километров от г. Бремен, где нас находилось советских военнопленных 50 тысяч. Это было ровно 27 октября 1941 г.

Издеваясь над нами, моря голодом, убивали, вешали и расстреливали. В общем смысле уничтожение с каждым днем доходило от 250 до 300 человек. В течение 4 месяцев (декабрь, январь, февраль, март) осталось только 3 тысячи.

В 1942 г. 2 апреля я попал вместе с товарищами 130 ч. в транспорт, который привез нас в г. Любек Северной Германии работать на завод, который выпускал консервобанки.

В июле 1942 г. 8-го дня я делаю побег с тремя товарищами: моряк – интендант 2-го ранга по фамилии Калинин, рядовой моряк по имени Денис и 3-й – интендантской службы** по имени Жорж. Проживал [в] г. Тула. 28 июля нас ловит вооруженная немецкая полиция в лесу по направлению на восток (от г. Любек 60 км) и сажает в тюрьму в г. Гамбург. Избивает до полусмерти фашистское гестапо, и направляют в Гамбургский концлагерь, где я и просидел 6 месяцев. В 1942 г. 8 декабря направляется транспорт концлагерников в количестве 1000 ч. в южную часть Франции для каторжных работ, проезжая через Бельгию. Въезжая во Францию, в северную часть Па-де-Кале, 23 февраля 1943 г. в ночь я делаю побег из вагона, где мне удалось дойти до деревни Курсель. Я был очень слаб и истощен. Мирное население, увидев меня, большинство из рабочего класса, немедля стали мне оказывать помощь в продовольствии, одежде и т.д. Через 2 дня я пошел бродить по деревням, дабы найти какое-нибудь убежище. Пройдя 7 километров, в деревне Облезвель я мог скрыться у одной француженки – Зеля Лаболет. Пробыл я март, апрель и май – 3 месяца.

После трех месяцев я поправился и стал ходить знакомиться с остальными деревнями Бюква, Ост, Дуиш, Пюизье, Ашь-лепти и Сето, нащупывая и узнавая коммунистов Франции. В деревне Бюква я встретил

первого коммуниста по фамилии Депорте (француз). В Осте я познакомился с чехом-коммунистом, которого звали Николай по фамилии Жикобер. Он мне дал для защиты револьвер. В деревне Пюизье я встретил коммуниста поляка, не помню его имени.

В июне я часто находился в деревне Бюква у коммуниста Депорте, с которым все время беседовали про политику и как организовать политическую группу. Таким путем вечером он созывал коммунистов, собиралось человек до 12 каждый вечер. Я беседовал с ними через переводчика-поляка о настоящем положении и о войне фашистских варваров, которые оккупировали всю Европу и кинулись на Советский Союз, рассчитывая его поработить.

Таким образом коммунист Депорте связывал меня с коммунистом из г. Арраса, с которым я беседовал. Он меня направляет в деревню Мон-Мон, где находились четыре французских партизана. Когда я прибыл, то познакомился с ними. Один был военнопленный моряк по имени Марсель, фамилия Кросс. Он бежал из плена из Германии и укрывался все время от немцев, у него был один пистолет и 2 гранаты. Другой – тоже военнопленный – француз, которого звали Виктор. У него был пистолет и одна граната. И один русский Борис Петрович Федоров – проживал в г. Саратове, танкист. У него был нож, пистолет и одна граната. И четвертый – поляк, бежавший из Германии с каторжных работ, звали его Тасик Тарновский. Когда я с ними познакомился, то это было в первых числах августа 1943 г. – 3-го дня.

Первое – это стал вопрос по поводу укрытия: найти место, чтоб нас не обнаружили немцы, и чтоб не знало население, потому что было много капиталистов, которые доказывали, делая великую услугу немцам, и получали за каждого пойманного партизана 2 тысячи марок. Поместились мы в лесу, в котором еще в 1914 г. были разрыты подземные ходы. Пришлось нам поработать и сделать себе жилище.

13 августа 1943 г. я связываюсь с коммунистом по имени Люсьен, который проживает в деревне Вай (7 км от г. Аррас). Он работал шофером и приехал в деревню Мон-Мон. Здесь я с ним и познакомился. Люсьен был связан с Центральным Комитетом французской партии. От него я и стал получать некоторые указания. 24 августа 1943 г. пробираемся мы в г. Аррас в депо и забираем ключи железнодорожных путей, ставя себе задачу спускать военные составы под откос. 27 августа мы вернулись с ключами к себе в лес.

30 августа 1943 г. был сбор немцами французской молодежи для работ на фабриках и заводах Германии. Фашистским предприятиям не хватало рабочей силы, поэтому немцы угоняли насильственным путем. Молодежь пряталась и не знала, куда деться. Бродили из деревни в деревню, прячась по лесам. Мы в своем лесу встретили трех парней-французов. Это было 5 сентября 1943 г. Мы стали их расспрашивать. Они нам объяснили свое положение, что они укрываются от немцев. Тогда мы предложили присоединиться к нам. Они согласились. Одного из них звали Рене, другого Жак и третьего Альберт. Нас стало 8 человек, но оружия не было на них. От

нашего леса был еще в трех километрах лес, через него была дорога, ведущая в город (название не помню), но часто по этой дороге ездила немецкая полиция. Мы решили втроем – Клоков, Борис и Виктор – пойти в другой лес и сделать засаду.

8 сентября вышли мы в 8 ч. утра и пробыли в лесу до 3 ч. дня. Ехали 2 из гестапо по лесной дороге. Мы приготовились, сидя около лесной дороги, быстро накинулись на них с револьверами в руках. Двое стали впереди, а третий обезоруживал их. И быстро завели их в лес, раздели их и расстреляли. Одежду взяли, свернули, забрали велосипеды и ушли.

12 сентября я пошел в деревню Ашьелепти и встретил одного молодого паренька. Он был украинец. Я познакомился с ним, расспросил у него, откуда он и почему он ходит. Его звали Иван, фамилия Иващенко. Бежавший из лагеря военнопленных. Я сделал ему предложение, чтоб он пошел в группу партизан. Он дал согласие, тогда я принимаю его в свою группу. Он рассказал мне, что с ним укрываются еще 4 человека. Я подробно узнаю у него, что они из себя представляют. Он мне объяснил, что они тоже военнопленные. Я их тоже принял в группу. Таким образом, к нам в группу присоединились укрывавшиеся французы. Через посредство французов достали 2 автомата и гранаты.

15 сентября я узнаю, что в лесу в расположении деревни Одонфер находится группа Шабанова, где я делаю связь и переговоры с Шабановым Иваном и с Александром Никитенко.

20 сентября по Северной железной дороге станции Ашь-ле-Гран по направлению Аррас шел военный состав, груженный танками, орудиями и другими боеприпасами и военным снаряжением. Мы развернули рельсы и раздвинули их. Состав был сброшен. 150 чел. убитых и 87 ч. раненых немцев.

1 октября 1943 г. с моим отрядом был сделан налет на ночные патрули, которые разъезжали по дороге деревни Сер, Пюизье. Уничтожено 8 ч. немцев.

По дороге Ашь-ле-Гран – Мон-Мон 8 октября уничтожено 6 патрулей.

17 октября по дороге Мон-Мон – деревня Сер 6 ч. уничтожено патрулей.

29 октября за станцией Ашь-ле-Гран сброшен военный эшелон. Убито 318 ч., ранено 207 ч., что было установлено по рассказам местных жителей.

8 ноября 1943 г. налет на аэродром, расположенный в деревне Ашь-Лепти. Задача – взорвать бензорезервуары. Было убито 3 немецких часовых, 2 ч. убито наших и 2 ч. ранено. Убит Борис Петрович Федоров, убит Иван Иващенко. Француз Альберт был ранен в левую руку и 2-й француз был ранен в живот, он умер у немцев, они его захватили.

Мы получили распоряжение от французского комитета партии сжигать и портить хлебомолотилки на больших фермах в районе Мон-Мон и окружающих деревнях для того, чтобы не дать зерна немцам. С 15 ноября по 1 декабря испорчено и сожжено 12 молотилок по фермам.

19 декабря я приезжаю ночью в деревню Бюква, заезжая к одной француженке, звать ее Мария. В 2 ч. ночи я лег спать, а в 4 ч. утра на

20 декабря окружен был дом полицией. Я спал и ничего не слышал, когда француженка открыла дверь, как меня сонного кто-то ударил в бок. Когда я вскочил, то передо мной было 6 ч. полиции, вооруженных автоматами и держа надо мною. Схватили за руки и заковали меня, подняли меня с постели в одном нижнем белье. Взяли у меня из подголовья немецкий автомат, пистолет и 2 французских гранаты. 24 декабря отвели меня в тюрьму г. Аррас, где был допрос. 4 месяца я просидел в одиночке закован, избивали через 4 дня в пятый. Я, обливаясь кровью, не признавался, где моя группа.

Я знал, что все равно меня расстреляют, и просидел я 8 месяцев по 13 сентября 1944 г. Немецкие варвары судят меня и дают расстрел, после суда меня сажают в одиночку закованного и дали 17 суток до смерти. 1 сентября*** 1944 г. меня должны расстрелять ночью. Но 1 октября 1944 г. от г. Аррас в 35 км находился фронт. Так как англичане наступали, немцы быстро сожгли документы и ночью посадили всех политических заключенных в вагоны и вывезли в концлагерь Бухенвальд, где я просидел 8 месяцев. Дождался прихода американской армии и был освобожден 11 апреля 1945 г.

Я по мобилизации 1941 г. был взят в Кронштадт, 3-я бригада торпедных катеров, по приказу командующего Балтийским флотом Кузнецова были переброшены на оборону Таллина в батальон морской пехоты, звание лейтенант.

ГАСПИТО. Ф. П-9019. Оп. 1. Д. 352. Л. 3-6. Машинописная незаверенная копия.

---

* Дата установлена по содержанию документа.

** Так в документе.

** То же. Следует читать – 1 октября.

№ 1355

Из автобиографии Е.В. Волосевич¹⁰⁷

12 мая 1978 г.

[...]*. В 1938 г. вышла замуж за Волосевича Сергея Георгиевича, окончившего наш техникум. Он работал в облплане в секторе капитального строительства. В марте 1941 г. в числе многих строителей он был взят в кадры Красной Армии в звании техника-лейтенанта 2-го ранга и направлен на границу с Германией в гор. Олешницы Львовской области на строительство укрепрайона.

15 июня 1941 г. я взяла отпуск по его вызову и 18 июня приехала к нему в Олешницы. В Тамбове с моими родителями оставался наш сын, 1939 года рождения.

22 июня в 4 часа утра на погранзаставу, нарушив границу, ворвались полчища гитлеровцев. Застава была малочисленной и сражалась до

последнего бойца. Мой муж не имел даже личного оружия, в случае тревоги было дано указание следовать на ж.-д. станцию, но мы не успели добежать и остались на оккупированной территории. Всех мужчин в военной форме забрали в плен, в том числе и моего мужа. Я пряталась на кладбище, а потом добралась до дома, где квартировали, и хозяйка меня спрятала.

Через 5 дней муж и еще несколько человек бежали, и ночью он тоже пришел на квартиру. Хозяйка и ее сын несколько дней нас прятали, а потом на арбе под сеном вывезли нас за город, дали на дорогу хлеба и сала, и мы пошли дорогами войны, надеясь догнать фронт и перейти к нашим. Но гитлеровцы продвигались быстро, а мы, дойдя до Бахачей, убедились, что пройти не удастся и, пройдя около 2000 км, в октябре 1941 г. остановились в селе Никольцы Мядельского района Вилейской области. Народ был хороший, нас не выдали, и мы с мужем стали работать и помогать тем, кто давал кусок хлеба.

В 1942 г. стали доходить слухи, что появились партизаны, а осенью 1942 г. ночью через Никольцы проехало несколько подвод с вооруженными людьми. Мы с мужем стали мечтать о встрече с ними, чтобы принять участие в борьбе с фашистами. Только ранним летом 1943 г. ночью к нам (вернее, в дом, где нас приютили) постучались и вошли люди с оружием и красными лентами поперек головных уборов. Мы страшно обрадовались, рассказали, кто мы, и просили взять в отряд. Но нам ответили, что это нужно согласовать с командованием, а пока дали задание следить за проезжающими через село частями, ходить в гарнизон Мядель и стараться максимально узнавать о том, что там делается.

Мы эти поручения выполняли и осенью, наконец, мы были приняты в отряд им. Суворова бригады им. Ворошилова. Командиром этой старейшей бригады был Герой Советского Союза полковник Марков Ф.Г.

В этом отряде мы с мужем были до соединения с частями Красной Армии в Мядели, которое состоялось 4 июля 1944 г. Во время пребывания в отряде я выполняла все задания, которые мне, как бойцу, были даны. Ходила на подрыв рельс, минирование дорог, в засады, а при разгроме гарнизона Комаи (Литва) была ранена в ногу и лежала на базе нашей бригады в нашем партизанском госпитале. После выздоровления опять с оружием в руках принимала участие во взятии гарнизона Мяделя.

С июля по 20 августа 1944 г. наш отряд и бригада вела бои и прочесывали леса, вылавливая и уничтожая группировки [немцев], оставшихся в тылу нашей армии.

20 августа 1944 г. нас, специалистов, направили восстанавливать советскую власть и хозяйство в районный город Полтавы, где я работала до 1945 г. [...]**.

ГАСПИТО. Ф. П-9019. Оп. 1. Д. 1338. Л. 1-5. Подлинник.

* Опущены биографические сведения довоенного периода.

** То же послевоенного периода.

№ 1356**Воспоминания А.С. Лебедева¹⁰⁸***20 марта 2002 г.*Разведчица «Француженка»

Осень 1943 г. Я, командир эскадрильи, получил задание забросить в немецкий тыл разведчицу, которую нужно было сбросить в строго определенной точке на вражеской территории. На случай, если не удастся сбросить, был другой приказ: садиться на землю, избавиться от пассажирки и убраться восвояси. Но за этой крайней мерой посадки в тылу врага стоят 90 % риска не вернуться на свой аэродром, и генерал из разведки не скрывал от меня этой смертельной опасности.

Ночь. Лечу точно по курсу, под крылом нужная точка во вражеском тылу. «Прыгай!» – кричу разведчице, но она вцепилась в обшивку парашюта, в глазах страх, точку упустили. Разворачиваюсь на второй заход – та же история. Что делать? Сорвать задание нельзя – умереть, но выполнить. Почти вслепую снижаюсь и вижу просвет между деревьями. Приземлился благополучно, остановился, и моя уже осмелевшая разведчица, оставив парашют, мгновенно исчезла, растворилась в темноте.

Я тут же начал взлетать и увидел мигающие огни на машине и людей, которые в первый момент растерялись, но я уже был над лесом, и тут на меня обрушился шквал пулеметно-минометного огня, но я был уже недосыгаем. Вернулся на родной аэродром, доложил генералу из разведки о выполненном задании. Он меня поблагодарил и обнял...

Живой груз

Командир полка дал мне приказ: слетать к партизанам в Полесье за грузом. Полетел. Сажусь на указанную мне площадку, охраняемую партизанами. Меня встречают на лошади с повозкой и кричат: «Не выключайте двигатель!». Лошадь с повозкой подводят близко к самолету, на повозке груз, завернутый в мешок, и говорят, что это живой груз. Я попросил показать его – в мешке находился живой обер-лейтенант в немецкой форме со связанными руками и ногами. Его быстро положили ко мне в кабину в том же виде, и я взлетел и прибыл на свой аэродром. Нас там ждали, мешок развязали, немца привели в порядок и тут же увезли на машине.

Вскоре мне пришлось слетать и за вторым грузом. Как я после узнал, маршалом Рокоссовским был дан приказ партизанам Полесья выловить немецких офицеров и доставить на нашу территорию.

ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 8. Д. 63. Л. 40, 40 об. Подлинник.

№ 1357**Из воспоминаний Ю.А. Шебуновой¹⁰⁹**

4 февраля 1996 г.

[...]*. В начале войны я училась на 1-[м] курсе Смоленского пединститута. Мечта стать учительницей была прервана. 24 июня 1941 г. мы, студенты-первокурсницы, явились в райвоенкомат с просьбой отправки на фронт. Мы, девушки, кроме посещения лекций, вечером учились на курсах медсестер. Правда, не успели закончить практику в больницах. Нас военком отправил для продолжения учебы, ссылаясь на то, что призовут студенток 3-[х] и 4-[х] курсов.

26 июня после митинга мы ушли на строительство оборонных сооружений (рытье противотанковых рвов) за г. Красный в сторону г. Орла. Там работали с рассвета до полной темноты. Не ныли, не хныкали, хотя было очень трудно и страшно. Фронт был близок. Фашисты бомбили Смоленск, а на обратном пути старались пролететь над нами и обязательно со стрельбой из пулемета по живым мишеням. С нами рядом работали женщины, старики, подростки.

Наши ребята-студенты были в истребительном батальоне в г. Красном для борьбы с десантами врага. Они почти все погибли в неравных схватках.

На оккупированной территории оставались наши советские люди. Это в основном женщины, старики, девушки, подростки и бойцы, вышедшие из окружения, бежавшие из плена (из концлагерей). Это люди разных возрастов, различных национальностей. Они действовали небольшими группами, отрядами. У них была общая цель: любым способом помогать своей Родине в борьбе с оккупантами.

На оккупированной территории действовали подпольные райкомы, горкомы партии. Они возглавляли руководство партизанскими отрядами, руководили работой подпольных групп.

Очень трудно назвать количество партизанских отрядов на территории Смоленщины и Белоруссии. Более 1 млн. человек было партизан и подпольщиков. Подпольщики и партизаны не давали фашистам покоя ни днем, ни ночью. Они взрывали склады с боеприпасами, уничтожали немецкие гарнизоны, полицейские посты, уничтожали немецкие молокозаводы, подрывали ж.-д. линии, спуская под откос поезда врагов с техникой и живой силой врага. Спасали юношей и девушек от угона в Германию.

Наша подпольная группа в составе учителя Михайлова Михаила Ивановича, его жены учительницы Фаины Григорьевны, студента 3-[го] курса мединститута Белоусова Николая и меня (студентка 1-[го] курса пединститута) действовала в с. Хохлово (16 км от Смоленска).

Наш руководитель Михайлов М.И. организовал сбор оружия по местам прошедших боев в июле 1941 г. Винтовки, гранаты, патроны, диски с патронами для ручных пулеметов и ручные пулеметы. Все это прятали в ближайшем лесу (обвертывали мешковиной) и зарывали в землю. Хранить около жилищ было крайне опасно. За хранение оружия, за укрытие

военнопленных, за связь с партизанами грозил расстрел. Об этом было напечатано в приказе, вывешенном на здании полицейского поста.

По приказу немецкого командования население обязано было собирать и сдавать оружие всех видов в полицию. Поэтому сбор оружия проводился тайно, и хранение собранного находилось в близлежащем лесу. Для видимости я отнесла два диска без патронов в помещение полицейского поста (по совету нашего руководителя).

Вскоре наша группа установила связь с группой подпольщиков (д. Марьино, 4 км от Хохлова). Этой группой руководил Виктор Андреевич Штраухман. Наш советский офицер, коммунист из гор. Энгельса (республика немцев Поволжья). Но он действовал под фамилией Смирнов. Во время боев в Хохлово был ранен в ногу. Местные жители (женщины) спрятали [его] в д. Марьино. Там же находились и другие красноармейцы, вышедшие из окружения. Это Горкин Виктор, Алексеев Александр, Подлепич Афанасий и Иванов (не помню его имени). Вскоре собранное ими оружие было передано Горкину и Алексееву, которые привели в боевой порядок винтовки и пулеметы ручные.

И, установив связь с партизанским отрядом Лебедева Ивана (ленинградец), группа ушла для выполнения заданий. А нас, местных жителей – Михайлова, его жену Фаину Григорьевну, Белоусова и меня – оставили для связи с городом и с отрядом.

Наша группа имела своего товарища среди полицейских Хохловского поста. Это был Жорж Оськин (москвич) – танкист. Его спасли женщины во время боев из горящего танка. А наша группа направила его на службу в полицию. Он страшно переживал, возмущался, но сделал много для группы и отряда. Оськин помог нам и отряду в спасении девушек 1925 года рождения от угона в Германию. Предупреждал о прибытии карательного отряда, сумел уничтожить списки местных комсомольцев, достать настоящие бланки для пропуска в город (аусвайс). А бланки (удостоверения) на немецком языке заполнял комиссар 8-го партизанского отряда В.А. Штраухман.

Спасти 8 девушек 1925 года рождения поручено было Оськину и мне. У него форма полицейского, удостоверение, у меня справка – «благонадежная гражданка» из Хохлова. Мы вывели двух девушек с территории завода автомоторов (г. Смоленск), укрыли в д. Лубня (вокруг деревни – лес). А вскоре началось отступление фашистов, полицейским было не до девушек.

Да, после оккупации территории на двери помещения начальной школы (полицейский пост) появился огромный плакат «Новый порядок Германии». На плакате несколько пунктов (крупные буквы черного цвета):

- за укрытие военнопленных
- за укрытие раненых
- за связь с партизанами
- за хранение оружия
- за хранение радиоприемников и т.д.

И все заканчивалось словом «расстрел». В таких условиях работа подпольной группы и связных отряда требовала строгой конспирации. Ведь расправа с партизанами и их семьями была жестокой.

Наша подпольная группа держала постоянную связь с 8-[м] партизанским отрядом, который входил в состав особого партизанского соединения «13» (полк Гришина С.В.).

Собирали и доставляли сведения о расположении немецких и полицейских гарнизонов (постов), о количестве полицейских. Доставляли в отряд продукты, одежду, медикаменты. Принимали активное участие в укрытии и переправке летчика Петра Скоробогатова, сбитого над городом Смоленском. А из партизанского отряда летчика переправили на Большую землю, т.е. в тыл нашей Родины. Как летчик он был нужен на фронте.

Держа связь с подпольем города, помогали отправке в отряд военнопленных, бежавших из концлагеря Смоленска. В городе было несколько квартир (явка), где встречались с членами подполья. Эти товарищи доставали медикаменты, вручали нам листовки с обращением к населению. Эти листовки распространяли среди населения тайно от полиции. Содержание листовок вселяло надежду на освобождение от фашистской оккупации. Особенно радовались женщины, надеясь на встречу со своими мужьями, сыновьями, находящимися на фронтах.

Наш руководитель М.И. Михайлов имел удостоверение лесника, по которому мог выезжать в лес в дневное время (до комендантского часа). Это удостоверение сумели приобрести члены подполья города. Партизаны пригнали лошадь для Михайлова, на которой он выезжал в лес для «подбора» нужного лесоматериала (деревья) для немцев. Там он встречался с отрядом, получал очередное задание. Затем, по указанному месту встречи, мы доставляли в отряд продукты, медикаменты, а главное – сведения о расположении и количестве полицейских постов, немецких гарнизонов. Во время встречи был условный пароль и напев песенки «Катюши» (или насвистывание этого мотива).

М. Михайлов заранее косил траву на лесных полянках, а потом Фаина Григорьевна, я и Лиля Унт (эстонка) с граблями и корзинами отправлялись в лес под предлогом сушки сена, сбора ягод и грибов. Всегда старались пройти открыто мимо полицейского поста (с граблями, корзинами). А корзина с продуктами и прочими вещами была заранее доставлена за шоссе на дорогу Михайловым в ночное время.

Все задания отряда старались выполнять четко по намеченному плану. Но бывали и неудачи. Одна из таких неудач произошла не по нашей вине.

8-й партизанский отряд получил задание штаба разгромить полицейский гарнизон в Хохлове. Накануне я получила задание от Михайлова: выяснить количество полицейских. Под предлогом получения справки для пропуска в город мне удалось поговорить с мальчиком 14-15 лет – Витей, который жил в помещении полицейского поста. Он пришел из города, мать умерла, отец на фронте. Полицейские оставили его у себя для

уборки помещения, ухода за лошадьми. Витя сообщил о том, что всего 8 полицейских, а остальные куда-то выехали по заданию.

На другой день Фаина Григорьевна, Лиля Унт и я под предлогом сбора грибов, ягод ушли в Рачинский лес. О местонахождении отряда М.И. Михайлов узнал за день до встречи. По его плану удачно прошли мимо полицейского поста, перешли Краснинское шоссе и двинулись по лесной дороге. По заломленным веточкам кустарника (это сделал Михайлов накануне) нашли место встречи с отрядом. Но там оказался погасший костер, следы, ветки ели, а товарищей из отряда не оказалось. Что делать? Нужно обязательно встретиться.

В это время услышали громкие голоса людей. Недалеко от нас оказались полицейские, которые косили траву, укладывали в повозки. На посту стоял один полицейский с автоматом в руках. Мы тихонько удалились от этой поляны, углубились в лес. Долго шли по лесу, не зная, как поступить нам. Ведь задание не выполнено. Решили идти, надеясь на встречу. Вскоре вышли из леса, вдали виднелась деревня. Местность для нас была незнакомой. На всякий случай я тихонько сделала сигнал (песенка «Катюша») – легкий свист.

К нашей радости услышали ответный сигнал. Приблизившись к кустарнику, увидела руку с пистолетом. Ответив на условный пароль «Шалаш», увидели командира отряда Лебедева Ивана. Быстро передали продукты, сведения, получили новое задание и двинулись в обратный путь.

Вернулись в Хохлово с полными корзинами грибов около 5 час. вечера и вдруг узнаем, что в Хохлово прибыл отряд полицейских во главе с сотником Николаем (фамилия неизвестна). Немедленно затопили печь, сожгли белье партизан, принесенное из леса для стирки. Но как предупредить своих, что внезапно обстановка изменилась и преимущество будет на стороне полицейских? Мы не знали, с какой стороны леса выйдут наши и в какое время.

Ночью отряд напал на помещение, в котором находились полицейские. Бой длился почти до рассвета, а затем отряд вынужден был отступить, т.к. силы были неравны. Один полицейский был убит, а среди партизан тяжело ранен учитель Сивенков Григорий. Несмотря на неудачу, нападение на полицейский пост вблизи города вызвало страх и панику среди немецких постов, а полицейские стали меньше бесчинствовать среди населения.

Во время выполнения задания над Смоленском был сбит наш самолет, а летчику Петру Скоробогатову удалось спастись на парашюте (опустился в ров позади зенитного орудия фашистов). Одна женщина из города вывела его ночью в д. Арефино к Белоусову Николаю. Белоусов сообщил об этом Михайлову, который в ночное время перевез летчика в д. Марьино (4 км от Хохлова), т.к. оставаться в Арефино было крайне опасно. Несколько дней летчик находился на чердаке Плошенковой М.В., а затем с группой товарищей был переправлен в близлежащий лес. В Хохлово прибыл карательный отряд, и это создавало опасность для летчика и трех товарищей из города. В этом лесу группа с летчиком находилась четверо суток.

Фаина Григорьевна и я с большим трудом доставили продукты для них. Этот лес находился среди луга и поля, а с третьей стороны пролегла дорога на аэродром фашистов. Пришлось ползком проделать открытое расстояние через луг, т.к. с дороги хорошо просматривалось это пространство.

Встреча состоялась, продукты были переданы, предупреждены о карателях. Через 4 дня группа была переведена в большой лес. А летчик был переправлен на «Большую землю».

Вспоминается несколько моментов (эпизодов), когда нужно было принять быстрое решение.

Однажды я несла патроны под подкладкой пиджака, которые были найдены в парке. Пиджак был наброшен на плечи. Выйдя из парка, я столкнулась с полицейским Ленкой (бывший власовец) по фамилии Демин. Он подошел ко мне, громко смеясь, спросил: «Куда одна ходила?».

Сначала я растерялась, а затем спустила пиджак с плеч, взяв его в левую руку, а справа шел полицейский. Я вынуждена была ему глупо улыбаться, отвечать на его вопросы. В голове была одна мысль, как незаметно донести пиджак с патронами. В это время навстречу выбежал мой маленький братик. Я попросила его принести воды для дяди полицейского, а пиджак незаметно опустила на траву около огорода. Вскоре полицейский ушел, а патроны через несколько дней были доставлены в отряд.

Такие неожиданные встречи были при доставке ручного пулемета и диска с патронами для пулемета. Ручной пулемет нашла около картофельного поля в хорошем состоянии. Нужно было спрятать где-то в парке или в кустарнике. Прикрепила пулемет на велосипеде и въехала в парк (по тропинке). А навстречу – полицейский Хайло (бывший власовец). Что делать? Постаралась «упасть» с велосипедом в заросли бурьяна. И пока поднималась, пулемет спустила в крапиву. А ночью перенесла в надежное место. Затем передала Алексееву Саше (для отряда).

Хочется еще вспомнить о нашем хорошем товарище, Оськине Ж. Он ушел в отряд после разгрома молокозавода в Калининне. Постарался остаться на посту, когда полицейские после пьянки уснули. Оськин вынес автоматы полицейских из помещения, пока они спали. Молокозавод был полностью разгромлен. Молочные продукты розданы местному населению, а часть доставлена в отряд. Жоржа «увели» партизаны и «казнили» его за измену Родине. А он продолжал бороться в отряде. Погиб при переходе ж.-д. линии под г. Орша после выполнения задания. Отряд наткнулся на засаду врагов. Погибли командир 8-[го] партизанского отряда Лебедев Иван, Оськин Жорж, Горкин Виктор, Иванов (не помню имени).

В нашем отряде были и подростки (13-14 лет). Они могли незаметно пробраться в такие места, куда трудно проникнуть взрослым. Собирали данные о расположении немецких частей, о передвижении вражеских войск. Это Миша Фейгин (ныне живет в гор. Моршанске), Слава Тамаркин, Петя Иванов (погиб после освобождения Смоленщины). [...]**.

ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 3. Д. 44. Л. 1об.- 9. Оп. 8. Д. 63. Л. 64-67.
Подлинник.

* Опущена вступительная часть воспоминаний о начале Великой Отечественной войны.

**То же о послевоенных встречах бывших партизан и подпольщиков соединения «Тринадцать» полка С.В. Гришина.

№ 1358

Воспоминания П.Я. Кулик о З.А. Космодемьянской

Май 1995 г.

Это было 28 ноября 1941 г. Часов в десять вечера в мою избу привели девушку – босую, в нижней рубашке, без платка. Губы у нее были искусаны в кровь и вздулись, на лбу синяк. В избе находилось 25 фашистских солдат. Девушку посадили на край скамейки. Фашисты стали пинать ее ногами, трепать за волосы, бить по лицу. Один из солдат закурил и спичку потушил о ее тело. Зоя не вскрикнула, она только поморщилась. Это понравилось фашистам. Они стали тушить о ее тело горящие сигареты. Опять ни стопа, ни крика.

Зоя попросила пить. Вместо воды один из немцев поднес горящую керосиновую лампу без стекла и обжег ей подбородок. Зоя отшатнулась, но промолчала. Фашисты вокруг захохотали. Так продолжалось до тех пор, пока солдатня не улеглась спать.

С Зоей остался молоденький немец-часовой. На груди у фашиста висел автомат. Он привязал длинную веревку к скрученным рукам Зои и пинком ноги отворил дверь. Показав автоматом на выход, вывел девушку, босую и раздетую, на мороз. Изверг гонял Зою по улице Петрищево до тех пор, пока сам не замерзал. Через 10-15 минут, отогревшись, часовой снова выводил девушку на мороз. Так продолжалось с 10 часов вечера до 3 часов ночи. Ноги у Зои распухли и посинели. В жарко натопленной избе они отогревались и болели особенно сильно. А Зоя лишь пошевелит ногами, потрет одну о другую и молчит.

В это время я находилась с детьми на печи и по будильнику, установленному немцами на тумбочке, видела, сколько времени девушка находилась на морозе.

Когда немец-часовой приводил Зою с улицы в избу, то сажал ее на край скамьи и веревкой привязывал к дверной скобе. В три часа ночи заступил другой часовой. Зое было разрешено прилечь на скамью. На этой скамье провела она ночь перед казнью. В настоящее время эта скамья хранится в музее Зои Космодемьянской в нашей деревне Петрищево.

29 ноября очень рано утром я вышла из дома за водой на улицу и увидела, что фашисты сколотили виселицу. Я поняла, что они хотят повесить юную партизанку, и решила узнать, где живут ее родители, чтобы после войны сообщить им о судьбе дочери. В семь часов утра мне удалось с ней

немного поговорить. Я спросила ее: «Откуда ты?». – «Из Москвы». – «Как тебя зовут?». Зоя промолчала. После же второго вопроса с досадой проговорила: «Зачем Вам это знать, тетенька?». А затем я услышала от нее: «Победа все равно будет за нами. Пусть они меня расстреляют, пусть эти изверги надо мной издеваются, но все равно нас всех не расстреляют!».

Во время разговора присутствовали несколько солдат-немцев, но они русского языка не знали. Но вот в избу вошли офицеры с переводчиком. Мою семью выгнали на улицу.

После допроса мне было разрешено войти в избу. Я увидела, что Зоя сидела на полу, около нее была лужа крови. Встать она не могла. Фашисты принесли с улицы куртку, мокрые брюки. Эти брюки она одеть сама не смогла, так как ноги у нее были обмороженные, и стоять на них было мучительно больно. Офицеры же на нее кричали: «Быстрее одевайтесь!».

Когда Зою, наконец, одели, два солдата подняли ее. Сапог на девушке не было, от слабости ее ноги подкосились, и она упала. Те же два солдата вывели ее на улицу к приготовленной заранее виселице. Немцы, которые были в моей избе, взяли фотоаппараты.

Как только вывели партизанку из избы, то ей повесили на шею фанерную табличку. «Поджигатель домов» – написано было по-русски и по-немецки. По-русски – крупными буквами, по-немецки – мелкими.

На улице Зоя увидела толпу и столб с перекладиной. И тут словно незримая пружина расправилась в ней: юная героиня выпрямилась, оттолкнула локтями конвоиров и твердо пошла вперед, высоко подняв голову.

Горько плача, вернулась я домой. Казнь Зои не видела...

Гитлеровцам показалось недостаточно расправы над живой Зоей. Они не снимали ее тело больше месяца. В новогоднюю ночь к виселице подошла компания пьяных солдат. Теперь они издевались уже над мертвым телом партизанки. Стреляли в нее из оружия, как в мишень, кололи штыками, срывали последние клочки одежды. Взявшись за руки, водили пьяный хоровод вокруг виселицы и выкрикивали песни.

Виселица находилась в нескольких метрах от моей избы. На этом месте сейчас обелиск – место казни Зои Космодемьянской. Страшно вспоминать об этом! Как издевались фашисты в моей избе над Зоей! Но люди должны знать лицо фашизма.

Крепкая была Зоя. Смелая. Если бы я своими глазами не видела всего, не поверила бы. Уж как ни били, как ни издевались фашисты, Зоя им ни слова не сказала. Народ нашей страны Зою не забудет никогда!

С 1948 г. в деревне Петрищево открыт музей Героя Советского Союза Зои Анатольевны Космодемьянской, и сюда ежегодно приходят тысячи людей поклониться памяти нашей героине-комсомолке.

ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 10. Д. 47. Л. 6, 6 об. Машинописная незаверенная копия.

№ 1359

Воспоминания Ю.Я. Ермакова¹¹⁰

1970 г.

Был 1941 г. Стояли страшные морозы с ветрами. Однажды вечером, помню, сидел я дома, читал. Вдруг в дверь постучали мои друзья из Котовска. Входят Тонников, Димитров, Шевцов, Завражин, Ельников, Рупрехт. «Можно у тебя переночевать?» – говорят. «Пожалуйста. А зачем вы все здесь?» – «Сейчас отогреемся и расскажем», – отвечают. И они рассказали, что Тамбовский обком комсомола набирает ребят на курсы радистов, и что они хотят попасть на них. Мне тоже захотелось не отстать от них. И на другой день мы все вместе пошли в обком комсомола.

Там в эти дни работали Губина Валя, Семичева, Демидова Аня – наши первые наставники. Секретарем обкома ВЛКСМ был Плакхин. А Шура – будущая жена Димитрова – работала инструктором Тамбовского обкома ВЛКСМ. Для нас создали мандатную комиссию, проверили. Выдали нам паек – два килограмма ливерной колбасы, по одной рыбе (судак) и буханку хлеба. Выдали пропуска в Москву, устроили прощальный вечер и проводили нас с московским поездом.

Адреса ЦК комсомола мы не знали, никто его нам не говорил. С трудом разыскали. ЦК комсомола в те дни размещался в старом польском костеле. Вошли туда, видим – большое помещение и много роялей стоит. Я сел за рояль и стал наигрывать, а Добрин Димитров начал плясать. В это время вошел секретарь ЦК комсомола Михайлов. Спрашивает: «Это откуда же такие?». Мы ему доложили, что приехали из Тамбова. Они нас уже ждали, из Тамбова им сообщили о нашем приезде.

На другой день нас стали вызывать по одному. Вышел оттуда Димитров и говорит: «Вот это радисты!». – «А что?». «Сходи – узнаешь!». Оказалось, нас посылают в школу диверсантов. Мы посоветовались, подумали и решили: была не была, девушки на террористок идут, не боятся, а мы что – хуже?

И вот началась учеба. За шесть месяцев мы прошли пятилетний курс. Занимались по 16-18 часов в сутки. Всё учили: рацию, свое оружие и оружие врага, приемы борьбы, топографию, картографию, как в лесу не пропасть, голодным не остаться, как ориентироваться и многое другое.

Через линию фронта прорвались на телеге днем, немцы стреляли вдогонку, но мы ушли от них. Мы должны были пробраться в третью бригаду Мельникова. По дороге попали во вторую бригаду Марченко. Остановились здесь на отдых недели на две. Чтобы не есть даром бригадный хлеб, решили пойти на диверсию. Это была наша первая диверсия.

Стоял август 1942 г. Мы еще многого не знали, были неопытными, взяли по три пуда тола, когда было достаточно четырех килограммов. Было нас 12 человек. Шли через большое село. Было тихо, светила луна, ни одна собака не лаяла – животные боялись, ни один петух не закричал – немцы всех

порезали. Мы скользили как тени. В селе в это время была полицейская школа, а в ней приблизительно 200 полицейских. Прошли возле школы благополучно. Охрана осталась в кустах, а мы четверо разбились на пары: я с Димитровым, Завражин с Щербаковым на две колеи.

Стоя по грудь в воде, долго спорили: ждать или не ждать, когда эшелон пройдет для проверки, так как немцы часто сначала пускали платформы с камнями, а также чтобы выяснить, по какой колее идут эшелоны для фронта, есть ли охрана. Но Завражин с Щербаковым уже влезли на насыпь, начали копать. И мы тоже стали копать. Я старался, вырыл яму очень большую. Добрин сказал: «Подсыпь песку». Наконец мы поставили колесный замыкатель. Я нашел камень, прижал им провод к рельсу. Мы все уже сделали, а те еще нет, что-то у них не ладилось.

А в это время по тропинке вдоль насыпи шли гуськом семеро немцев. У них было два пулемета и пять автоматов. Они увидели Завражина с Щербаковым и решили, видимо, взять их живыми, так как за каждого партизана давали 5 тысяч марок. Но Завражин с Щербаковым вовремя их заметили, рванули в воду и затем в кусты. Но тут немцы увидели нас: один из них неожиданно схватил меня за шиворот и крикнул: «Хальт!». Я рванулся, оставил у него в руках воротник и прыгнул с насыпи, Добрин за мной. Я прыгнул неудачно, вывихнул ногу. Немцы начали стрелять. Я оставил на насыпи автомат. Тогда Добрин, чтобы помочь мне, встал во весь рост и закричал: «Эй, гады, вот я...» и начал поливать их из автомата зигзагами. Этим он отвлек на себя огонь и позволил мне пробраться назад, найти автомат, а тут мы уже вместе стали отстреливаться.

В это время подошел эшелон, немцы ракетой его остановили, оттуда повыскакивали солдаты, начали палить, а из деревни им отвечали полицейские. Те думали, что партизанский отряд на полотне, а солдаты думали, что он в деревне. В результате они палили друг в друга до утра и пока разобрались, в чем дело, уже полегло 180 человек. А остальных немецкое командование в наказание повесило. Это была наша первая диверсия.

Потом мы стали опытными, дисциплинированными. Брали с собой на диверсию только четыре килограмма толу да пистолет.

В Белоруссии партизанская группа вывела из строя все шоссейные дороги, завалила все тропинки, и, кроме того, велась беспощадная рельсовая война. Иногда по приказу во всей Белоруссии недели полторы все пылает, горит, рвется, все железные дороги из строя выходят. В результате доступ на фронт живой силы противника, боеприпасов для немцев был затруднен. Бывало так, что в течение целого месяца фронт не получал ни одного немецкого солдата.

Каждый эшелон состоял из двух паровозов (25-30 вагонов), в каждом из них находилось офицеров и солдат 40 человек. Эшелоны шли через каждые шесть минут. Если мы взрывали такой эшелон, то немцы целых два дня потом чинили дорогу. Бороться было трудно: немцы вырубали на 300 метров вокруг железнодорожного полотна лес, скосили травы, поставили

вышки с пулеметами через каждые два километра, патрулей поставили, собак завели. Но мы все равно подрывали эшелоны. Так чисто работали, что патрули часто не замечали подложенных мин даже днем.

В 1942 г. нам прислали винтовки с прибором брамит, которые стреляли на 300 метров и совершенно бесшумно. Те, кто подкладывал мины, должны были обо всем забывать, так как эта работа требует точности. Димитров, например, в эти минуты всегда напевал песню «Вернись». А в это время восемь человек ложились по два на четыре стороны, поворачивали пулеметы и смотрели. Если завидят патрулей, предупреждали минеров шепотом, чтобы они могли уйти. В бой диверсантам вступать не разрешалось. Охрана должна была охранять минеров, хотя и сами погибнут, но подрывники должны уйти. О результатах диверсий нам сообщали «негласники» (завербованные нами люди, находящиеся на работе у немцев).

Всего в Белоруссии нашей группой было пущено под откос 17 железнодорожных составов, один специальный поезд с техникой для восстановления пути. Мы с Димитровым взорвали эшелон с 250 солдатами немецкими летчиками-асами, садистами, которые были отпущены домой за особо зверские бомбардировки.

Третья бригада Мельникова держала освобожденными от немцев три района Полоцкой области (тогда Витебской), 300 сел, город Ушач (районы Ушачский, Ветренский, Бешенковичский). В деревне Ботарщина, Рукшница стояли чехословаки, здесь же были и мы. Между нами была нейтральная полоса – хаты три. Иногда вечером мы собирались вместе, разговаривали с ними, и в результате 250 человек из них перешли на нашу сторону.

Петр Шевцов был у нас завхозом, заботился о нас: сварит, починит, вычистит все. Души необъемной, за товарища жизнь отдаст. Может быть, от того был он таким, что рано остался без отца, двух братьев тянул. Стирал он нам, чинил, только бурдел иногда: «Опять все раскидали!».

Владимир Тонников сильный был – мешков по пять таскал, отзывчивым был. Но если обидится – не уговоришь.

Димитров Добрин – очень скромный, отзывчивый, стеснительный такой. Форму генеральскую после войны носить стеснялся, смущался от почестей. И будь он хоть министр – он всегда в первую очередь человек. Кончил он Академию Генерального штаба в Болгарии и Академию имени Ворошилова в СССР (экстерном). Замечательный плясун, красивый, обаятельная улыбка.

Вот такими стали мои друзья из нашей партизанской группы.

ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 5. Д. 1. Л. 39-41. Машинописная незаверенная копия.

№ 1360

Воспоминания Д. Димитрова

1970-е гг.

Это был конец 1941 г., самое тяжелое военное время, когда гитлеровские полчища вероломно напали на нашу советскую страну и уже рвались к ее столице Москве. И вот тогда по велению сердец, горячо любящих свою Родину, по зову партии и комсомола мы направились в школу подрывников, чтобы затем пойти в тыл врага и наносить ему удары.

Закончив краткосрочные курсы-спецшколу в Москве, наша группа в составе 9 человек – Карасев, Плеханов, Серафим Ельников, Борис Завражин, Юрий Ермаков*, Владимир Тонников, Петр Шевцов, Лев Рупрехт и я – была направлена в партизанскую бригаду товарища Шмырева («Батя»). Она находилась в Белоруссии в Витебской области.

Добрались на место назначения сначала воинским эшелоном, далее – на машинах по прифронтовым дорогам, на санях, и в марте 1942 г. благополучно перешли линию фронта, прошли по занятой врагом территории и прибыли в партизанскую бригаду. Еще по дороге мы получили «боевое крещение». Эшелон бомбардировали немецкие самолеты, но, к счастью, из группы был легко ранен лишь один товарищ – Б. Завражин.

В партизанской бригаде нас давно ожидали. Встреча наша с местными партизанами была очень душевной – ведь мы прибыли с «Большой земли».

Быстро ознакомившись с обстановкой, уже через два дня наша группа совместно с партизанами бригады участвовала в минировании прифронтового шоссе (Веле-Сураж, в 120 км восточнее Витебска), по которому шло усиленное продвижение немецких войск к фронту. В результате этого на наших минах подорвались 4 автомашины с боеприпасами, и было уничтожено 30 немецких солдат и офицеров.

Затем мы участвовали в нескольких небольших операциях, а 12 мая заминировали лесной завал на подступах к расположению отрядов бригады. На минах подорвалось 16 солдат и 1 обер-лейтенант немецкой армии.

Наиболее важной в то время была Городокская операция, которую мы провели 14 мая. В отряд прибыли 4 подпольщика-коммуниста со станции Городок. Эта большая железнодорожная станция. Среди них был и начальник станции товарищ Лимин. Их уже стали подозревать в связи с партизанами и в подпольной работе, и им грозила виселица. Они-то и доложили, что на склады железной дороги немцы привезли большое количество горючего и продовольствия, и что охрана в данное время сравнительно слабая. Был удобный момент для уничтожения всего этого.

В штабе бригады разработали подробный план операции, поставили конкретные задачи и распределили силы. Наша группа была включена в состав усиленной роты. Продвижение к объекту осуществлялось только ночью по лесным дорогам.

Мы вышли в район железнодорожной станции. Послали в разведку девушку из роты с задачей связаться с женой начальника станции товарища Лимина, которая осталась в городе, и установить, нет ли каких изменений в обстановке.

После того, как наша разведчица вернулась и доложила, что изменений в обстановке нет, было решено разделить на три группы. Первой группе ставилась задача** блокировать караульные помещения и казарму немцев, второй и третий группам – уничтожить бензиновый и продовольственные склады. Кроме того, было решено заминировать железнодорожное полотно со стороны Витебска и Невеля, чтобы не допустить прибытия подкрепления немцев.

По условному сигналу группы атаковали караульные и казарменные помещения немцев и патрули охраны, уничтожили часовых и патрулей, заложили мины под цистерны с горючим, а бутылками с горючей смесью подожгли продовольственный склад.

Немцы ответили лишь беспорядочной стрельбой, а также подняли по тревоге гарнизон, находившийся в городе. Нам был отдан приказ – начать отход с боем. Когда группы подошли к лесу, раздался сильный взрыв. Это взлетели в воздух бензиновые цистерны. Ночью, пока группа двигалась, сияло зарево пожара – горели немецкие склады.

В результате этой операции было уничтожено около 700 тонн авиационного бензина и большого количества зерна, продовольствия. К рассвету на заложенных нами минах подорвался немецкий эшелон с боеприпасами.

После выполнения задания в бригаде Шмырева наша группа получила приказ отправиться в бригаду товарища Мельникова. Предстоял большой марш в 300 километров с переправой через реку Западная Двина. Идти надо было осторожно. Кругом была территория, занятая немцами. Но мы благополучно прибыли в указанную бригаду.

В бригаде Мельникова нам была поставлена задача активно срывать перевозку немецких войск на железнодорожном участке Молодечно–Полоцк. К этому времени враг начинал наступление на Воронеж, а затем и на Сталинград. К фронту шли эшелоны противника с живой силой и боеприпасами.

Для выполнения этой задачи мы провели несколько операций по минированию и разрушению железнодорожного полотна и шоссейных дорог, в результате чего полетели под откос несколько вражеских эшелонов с живой силой и боевой техникой. Это был наш вклад в дело общей борьбы советских народов против немецких поработителей.

Наша группа находилась в тылу врага с 1942 по 1943 г. Потерь не имела. За успешное выполнение заданий Указом Президиума Верховного Совета партизаны группы были награждены различными правительственными наградами – орденами, медалями.

Особенно смело и храбро действовали в тылу врага ваши земляки, бывшие ученики школы и котовские комсомольцы Петр Шевцов, Владимир Тонников, отец которого был также преподавателем этой школы, С. Ельников, Ю. Ермаков и другие. В составе группы в основном были ребята по 18 лет. Прямо со школьной скамьи, а часть с завода – ушли мы в тыл врага.

Бывшие партизаны данной группы разъехались по различным местам страны. Но после выхода из тыла врага большинство из нас закончили летную школу, находились в рядах армии, затем некоторые демобилизовались, вернулись к мирному труду. Борис Завражин остался в Котовске, Серафим Ельников уехал на Сахалин, Петр Шевцов живет и славно трудится в Москве, Юрий Ермаков до последних дней своей жизни жил в Тамбове.

ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 5. Д. 1. Л. 30-32. Машинописная незаверенная копия.

* Имя и фамилия *Юрий Ермаков* вписаны чернилами.

** Слова *ставилась задача* вписаны чернилами.

№ 1361

Из письма В.И. Архипова¹¹¹ учащимся средней школы № 8 г. Тамбова

1969 г.

[...]*. Родился я в г. Тамбове в 1924 г. С 1-го по 10-й класс учился в 8-й школе. В январе 1942 г. с 10-го класса по комсомольскому набору добровольцем ушел в тыл врага.

Как это было? Почему мы, семнадцатилетние мальчишки, околачивали тогда пороги военкоматов, умоляя всех и каждого послать нас на любое дело, в самое пекло войны? Нас выгоняли – «слишком малы», «не подошел еще наш срок» и т.д. и т.п. А мы, подчас в обход всяких законов и военкоматов, приписывая себе годы, все же добивались своего, попадали кто на фронт, а кто и еще дальше – в немецкий тыл. Когда сейчас вспоминаешь об этом, то невольно приходишь к выводу, что главную роль в деле воспитания из нас настоящих патриотов Родины выполнили школа и комсомол.

Вот прошло уже почти 30 лет, как я расстался с нашей школой, а до сих пор отчетливо вспоминается наша бурная комсомольская жизнь, увлекательные военизированные соревнования, походы и игры – все то, что потом так пригодилось на войне.

Детство и юность нашего поколения были нелегкими. Вам, очевидно, непросто себе представить, что мы подчас жили впроголодь и не очень стеснялись придти в школу в заштопанной рубахе, в заплатанных-перелатанных штанах, а многие до самых холодов даже в школу приходили босыми – таково было время. Страна, напрягая все свои силы, форсировала строительство социализма, отдавала много средств на укрепление Красной Армии. Приходилось потуже затянуть ремень. И мы это хорошо понимали, были готовы к новым трудностям и испытаниям. Поэтому, когда началась война, для нас все было ясно: наш выбор уже задолго до этого был определен той работой, которую проводили все школьные годы с нами такие наши любимые учителя, как Марков, Юмашева,

Архангельская, Анненская, Аносов, Езерская и другие, тогдашний директор школы Марчуков. Они сделали все, чтобы мы, их питомцы, в трудную годину не посрамили земли русской. Немало делала в этом отношении и наша школьная комсомольская организация. Знаете ли вы тогдашних комсомольских секретарей? Для школьной летописи или музея это было бы неплохо. В сохранившемся у меня с тех лет комсомольском билете стоят подписи секретарей комитета комсомола предвоенных лет: Гали Петровой, Сергея Седых, Аллы Мурашовой – это были хорошие комсомольские вожаки. Где они теперь? Попытайтесь их разыскать.

Все это я пишу вам для того, чтобы было понятней, что наш патриотический порыв не был случайным – он был подготовлен всей нашей предыдущей жизнью, всеми теми школьными и комсомольскими делами, в которых мы не всегда за их будничностью видим более значительный смысл. А иногда даже ворчим по поводу того или иного мероприятия, не умеем по настоящему оценить труд своего учителя, вкладывающего в наше воспитание все свое умение, всю свою душу. Жаль, что понимать это ребята начинают, уже становясь взрослыми.

Поймите меня правильно, ребята. Я все это пишу вам не для нравоучений и проборки, а просто хочу поговорить с вами как с равными и уже взрослыми людьми. Хочу, чтобы вы лучше уяснили себе истоки советского патриотизма, поднявшего в годы войны на величайший подвиг – а зачастую на смерть – миллионы вчерашних школьников, мальчишек и девчонок.

Ну, а теперь о событиях тех лет. Итак, первый наш порыв после начала войны был, пожалуй, у всех один – быстрее удрать на фронт. Но в армию тогда призывали только с 19 лет¹¹², а нам было по 17. Несмотря на это, и нам, школьникам, уже с первых дней войны нашлась масса дел.

Несмотря на каникулы, уже в июле 1941 г. школа перешла на военный режим. Были установлены круглосуточные дежурства старшеклассников в школе, и по первому требованию школа выставляла нужное количество ребят в помощь военкомату и другим организациям, чтобы выполнить посильное поручение. Вначале разносили повестки, извещения, а позже работали на сооружении оборонительных рубежей, помогали ухаживать за ранеными. Я тогда был членом комитета комсомола школы, а комитет являлся настоящим боевым штабом. Дело было поставлено так, что в случае надобности мы по цепочке могли в любое время суток за час-полтора собрать в школу всех комсомольцев.

Эта система быстрых сборов понадобилась нам уже в первых числах июля. Помню, часов в 6 утра ко мне домой прибежал из школы связной с приказом немедленно явиться в комитет, а уже вечером этого дня отряд комсомольцев-старшеклассников школы вместе с несколькими тысячами тамбовских комсомольцев уезжал под Брянск на строительство оборонительных сооружений. Копали окопы, противотанковые рвы, строили доты и дзоты. Враг уже приближался к этому району. Все чаще налетали бомбардировщики, сбрасывая на наши головы свой смертоносный груз. Были

и потери. Но, несмотря на это, все мы работали там с невиданным напряжением.

Сейчас даже самому не верится, как мы могли тогда работать по 14-18 часов в сутки и спали тут же в противотанковых рвах и дзотах. А с каким задором выполняли любое дело. Измученные от непосильного труда и недосыпания, с кровотокащими от лопнувших мозолей ладонями, умудрялись за день выкопать по 12-18 кубических метров земли или вдвоем-вчетвером разгрузить из вагонов десятки тонн цемента. И это в 17 лет. Эта работа наших школьных комсомольцев под Брянском должна занять достойное место в школьной летописи (поэтому об этом и написал).

Когда в начале сентября к этим местам фронт подошел вплотную, нас, школьников, эвакуировали по домам. Вскоре там, под Брянском, уже кипели жаркие бои. А мы вернулись в Тамбов окрепшими, возмужавшими, как-то сразу повзрослевшими.

В помещении нашей школы в это время уже был размещен госпиталь, и занятия поэтому начались с большим опозданием в здании небольшого двухэтажного особняка (по ул. Лермонтовской около ул. Советской). Учились поэтому очень напряженно, занятия проводились в 3-4 смены. А фронт неумолимо откатывался на восток. Уже и Тамбов испытал горечь первых разрушений и потерь от бомбежки, и вот уже под стенами родного города пришлось нам, старшеклассникам, вместе со всем населением города начать строительство оборонительных рубежей.

В школе одним из главных предметов стали: военное дело, изучение тракторов, комбайнов. Ребятам готовили к боям, а девочек – к работе в колхозах, а также в госпиталях. Часть десятиклассников была включена в истребительный батальон на случай приближения врага к Тамбову. Для школы это время было очень трудное, но порядок был железный.

В эти месяцы мне пришлось быть секретарем школьной комсомольской организации и я не помню случая, что бы кого-то из комсомольцев нам пришлось тогда обсуждать за проступки. Все как-то сразу подтянулись, посерьезнели.

Думаю, что вам было бы полезно собрать материалы о работе школы в годы войны. Вы узнаете много неизвестного теперешнему поколению о традициях нашей школы. Это были одни из ярких страниц в истории школы.

Ну, а теперь о том, как я оказался в немецком тылу. Уже в начале декабря 1941 г., когда на фронте было самое напряженное положение (немцы стояли у стен Москвы), меня, как секретаря комитета комсомола, вызвали в Ленинский райком ВЛКСМ (секретарем райкома тогда была Ястребова). Разговор был короткий – нужно подобрать несколько добровольцев из числа десятиклассников, готовых выполнить очень ответственное задание.

О характере задания не сказали, но предупредили, что добровольцы должны знать о том, что задание смертельно опасное. Честно скажу, что это сильно встревожило и, пожалуй, даже испугало. Поздно вечером собрал комитет комсомола. Кого рекомендовать? Ребятам в 10-х классах было тогда очень мало, а девочек – предупредили – выделять нельзя. После долгих споров

решили рекомендовать от школы троих: Петра Иванова, Севу Чернышова и меня. На следующий день в обкоме комсомола (1-[м] секретарем обкома тогда был Плакхин – он теперь, кажется, работает в пединституте и, наверное, многое может вам рассказать) нам прямо сказали, что задание комсомола придется выполнять в тылу врага. Выезд в Москву, в ЦК ВЛКСМ – на следующий день. А на следующий день выезд отсрочили на неделю, затем еще на неделю.

В Москву выехали мы только 20 января 1942 г. Было нас человек 20-30 учащихся школ г. Тамбова и школ ФЗО. П. Иванов к этому времени уже поступил в артиллерийское училище, и из нашей школы нас осталось только двое: я и Сева Чернышов.

В прифронтовой, морозной, безлюдной Москве с трудом разыскали ЦК ВЛКСМ, т.к. здание ЦК было повреждено бомбежкой, и ЦК поэтому размещался в каком-то глухом переулке в небольшом особняке.

Три дня с нами беседовали, разбирались детально с каждым (руководил отбором М.В. Зимянин – тогда он был зав. военным отделом ЦК ВЛКСМ, а теперь главный редактор газеты «Правда»). После такого тщательного отбора часть ребят по разным причинам отправили обратно, и осталось нас, тамбовчан, всего несколько человек. Правда, через несколько дней приехала новая группа тамбовчан (Л. Рупрехт, Б. Завражин, Д. Дмитриев**, Ю. Герман и др.), которые так же, как и мы, были зачислены в специальную диверсионную школу (школа № 2).

Следует сказать, что эта школа в январе-феврале 1942 г. только организовывалась, и мы стали ее первыми выпускниками. До этого были только краткосрочные курсы по подготовке людей для борьбы в тылу врага. Эти курсы чуть раньше нас окончила Зоя Космодемьянская, а две ее подруги после возвращения из немецкого тыла учились вместе с нами. Вот на базе этих курсов и создавалась школа № 2. О том, чему учились и как учились, очевидно, не пришло еще время рассказывать. Могу только сказать, что учеба была очень напряженной. Спали по 5-6 часов в сутки, да и то подчас во время бомбежки.

К 20 февраля 1942 г. обучение было закончено. И первые 12 диверсионных групп были подготовлены для заброски в тыл немцев. Группы направлялись в разные места: часть – на Украину, часть – в Белоруссию, а часть в Карелию. Тамбовчане попали в несколько групп. В нашей группе кроме меня оказались Сева Чернышов, Степа Кветковский, Мечислав Плехоть, Петр Танона и Тимофей Бондик. Эти ребята были родом из Западной Белоруссии, но в начале войны эвакуировались в Тамбов, где обучались в школе ФЗО и были направлены в спецшколу Тамбовским обкомом ВЛКСМ. Всего в нашей группе было 10 человек: 6 тамбовчан, двое из г. Иваново и 1 москвич. Командиром группы был назначен предвоенный секретарь Осиповичского райкома партии Белоруссии Войтенков.

В другой группе оказались почти все тамбовские ребята (Л. Рупрехт, Д. Дмитриев** – ныне живет в Болгарии, Б. Завражин и др.). Командиром их группы был Пушкин. Об этой группе в Тамбове хорошо известно, есть

материалы в тамбовском музее и в книге об участии тамбовчан в Великой Отечественной войне, часть ребят из этой группы живет в Тамбове (Ю. Герман), а часть – в Котовске.

Несколько тамбовчан попали в другие группы.

Ребята, если вам очень необходимо уточнить фамилии всех тамбовчан, направленных тогда в тыл врага, то обратитесь с таким запросом в Центральный архив ВЛКСМ к Е.И. Щагиной. Я недавно был в Москве и смотрел эти списки комсомольцев, зачисленных в спецшколу № 2. Правда, в целях конспирации тогда не указывалось, что выпускники школы направлены в тыл к немцам, а указано, что посланы на фронт.

В марте 1942 г. наша группа перешла линию фронта и к началу апреля уже находилась в глубоком немецком тылу в районе юго-восточнее г. Полоцка. Партизан тогда здесь мы долго не могли встретить и действовали самостоятельно. Наша главная задача состояла в том, чтобы парализовать движение на железной дороге Полоцк–Витебск.

В течение трех недель нам удалось спустить под откос 4 немецких воинских эшелона, взорвать железнодорожный мост и почти ежедневно подрывать железнодорожные пути, срывая перевозки немецких войск, техники, боеприпасов и других грузов. Это было наше первое и, пожалуй, одно из самых трудных заданий. У нас еще не было опыта, зима была очень суровая, а мы все время находились в лесу на снегу, не было связи с местными партизанами, но самое главное состояло в том, что тогда мы не имели радиосвязи с Москвой и, по существу, были безоружными. По ряду причин в тыл нас направили без стрелкового оружия. Только у командира был пистолет, а у остальных одни гранаты и финки.

Ох, и досталось же нам тогда! И от мороза, и от карателей. Обморозились, измучились, но все, кроме одного, уцелели. Израсходовав все мины и взрывчатку, мы в мае вернулись к своим за линию фронта. Уже возвращаясь, в прифронтовой полосе встретили нашу другую тамбовскую спецгруппу Пушкина (Л. Рупрехт и др.) Они действовали на базе крупных партизанских отрядов Шмырева (батька Минай – прославленный в последующем белорусский партизан), Дьячкова и Райцева. В мае 1942 г. группа Пушкина осуществила крупную диверсию в г. Городок (под Витебском), взорвала немецкую нефтебазу. За эту операцию ребята были награждены орденами.

Перейдя линию фронта, наша группа после небольшого отдыха, получила новое задание. На этот раз повел нашу группу в немецкий тыл новый командир Максим Трифионович Горбатенко. В группе осталось 9 человек, но все были превосходно вооружены, имелась своя рация. В июне 1942 г. мы вновь перешли линию фронта и двинулись в глубокий рейд по немецким тылам в район г. Орши. До цели шли более месяца, попутно создавая из мелких партизанских групп партизанские отряды. Встречались теперь нам и крупные партизанские отряды. Одним из них командовал тамбовчанин Химин Александр Иванович. Это было южнее г. Полоцка (район м. Ушачи). Я вам укажу адрес А.И. Химина, напишите ему. Тем

более, что позднее именно на базе его отряда действовала тамбовская группа Пушкина. Думаю, что Химин вам ответит и напишет обо всем сам.

А наш путь от Полоцка резко повернул на юг к Орше – важнейшему железнодорожному узлу. Шло нас туда сразу две диверсионные группы: наша и группа Н. Матраева – в основном из москвичей (именно гибель этой группы осенью 1942 г. в деревне Борзиловка описывается в газете «За честь Родины» – это уже было на обратном пути).

А пока мы шли еще вместе под Оршу на базу небольшого партизанского отряда, откуда в начале июня добралась до Москвы связная – 18-летняя девушка Зоя. Вот она-то и была нашим проводником.

Много было за этот длительный рейд всяких переделок. Всего не опишешь. Но об одном случае все же хочется рассказать, чтобы вы имели представление о том, что значит партизанский рейд маленькой группы по территории, занятой немцами. Двигались мы, как правило, только ночью, а днем так надежно укрывались, что иногда уходившие в разведку товарищи сами с трудом отыскивали место стоянки. Конечно, местным жителям на глаза мы старались не попадаться, чтобы исключить любую случайность. Поэтому порой бывало так, что целыми неделями почти не имели пищи. Но конспирация в условиях рейда по незнакомой местности – это главное. В разведку же чаще всего ходил Николай Матраев и Зоя – наша проводница. Шли они в крестьянской одежде, без оружия, под видом беженцев. Все разузнавали, а ночью по проторенной ими дорожке мы уже шли всей группой, и двигался наш обоз со взрывчаткой и минами (в 1942 г. еще не была налажена систематическая связь с «Большой землей» самолетами, поэтому на каждого из нас приходилось по несколько пудов всякого диверсионного снаряжения).

Безусловно, наши разведчики подвергались огромной опасности ежедневно по несколько раз. Но все шло благополучно. Правда, однажды, нам пришлось среди белого дня, забыв об осторожности, силой оружия отбивать их от полицейских, задержавших эту подозрительную пару. Словом, в основном все шло хорошо.

Но однажды, уже недалеко от Орши, мы все же неожиданно напоролись на большую колонну фашистов. Было это ранним утром. Мы всю ночь буквально бежали по безлесной местности, чтобы успеть к утру добраться до большого леса. Все уже обессилели. Наконец-то, вот он и лес – наш спаситель. Обессиленные упали на опушке леса. Вот тут-то и навалилась на нас немчура. Их было человек 200, нас – 20. Причем, они наступали именно из леса, выгоняя нас на чистое поле. Для каждого из нас стало ясно, что, кажется, это будет наш последний бой. Подпустили мы их на несколько шагов и в упор открыли огонь. Они отхлынули. И вновь пошли в атаку, окружая нас со всех сторон. Пустили в дело минометы, пулеметы, а по просеке двинулся на нас броневик. И вот в самый отчаянно безнадежный для нас момент за спиной наступавших немцев раздался мощный пулеметный огонь, взрывы гранат, крики «Ура!». Кто-то неведомый пришел нам на

помощь. Немцы побежали. Уже загорелся их броневик, автомашины, а мы все били и били по зажатым теперь уже в наш партизанский котел фрицам...

Нашими спасителями оказались партизаны легендарного Константина Заслонова, которые, услышав шум боя, поспешили нам на выручку, не зная, кто мы и что мы. Мы же, двигаясь к Орше, понятия не имели, что здесь имеется большой партизанский отряд Заслонова, т.к. в то время Заслонов еще не имел устойчивой связи с Москвой. Мы помогли наладить ему такую связь. А заслоновцы, длительное время не видевшие людей из Москвы, долго не отпускали нас от себя, а затем выделили целую роту для сопровождения нас в дальнейшем движении к тому небольшому партизанскому отряду юго-западнее Орши, куда нам было приказано добраться, и на базе которого мы должны были действовать.

Нет возможности описать все перипетии наших рейдов. Сотни километров по тылам врага по незнакомой местности, в обстановке постоянного предельного напряжения, смертельного риска.

В 1942 г. в Белоруссии складывалось уже массовое партизанское движение, но еще оставалось много «белых пятен», где либо еще не было партизан, либо они не имели связи с центром и «открывались» нами случайно. Бывало и так, что, встречаясь с такими отрядами, мы некоторое время относились с недоверием друг к другу (а не немецкая ли это провокация?), а иногда, даже не разобравшись (особенно ночью), вступали в бой. Именно такими «свинцовыми гостинцами» встретил нас и тот отряд, на базу которого добирались мы из-за линии фронта. К счастью, все обошлось благополучно, без потерь.

Я уже писал вам выше, что весной-летом 1942 г. партизанское движение в Белоруссии начало расти очень быстро. Вот наглядный пример. Когда весной 1942 г. наша проводница Зоя ушла на связь с Москвой, в этом отрядике было только 17 человек, а когда мы вместе с ней в начале июля 1942 г. добрались до этого отряда, то он уже вырос в целую партизанскую бригаду, насчитывающую около 1500 человек, объединенных в 12 партизанских отрядов. Так было повсеместно.

Партизаны громили гарнизоны врага, очищали от немцев и предателей большую территорию. Но в то время многие отряды не уделяли должного внимания ударам по коммуникациям немцев – по железным и шоссейным дорогам, что особенно ощутимо дезорганизовывало немецкие тылы, причиняло им ощутимые потери, срывало пополнение фронта свежими частями, техникой и боеприпасами. Засылаемые из Москвы специальные диверсионные группы (в том числе и наша группа) как раз и помогали местным партизанам организовать такие удары по коммуникациям, обучали местных партизан подрывному и диверсионному делу, показывали личным примером, насколько эффективным средством борьбы являются диверсии на железных дорогах.

Вот эту задачу и решала наша группа летом 1942 г. на базе указанной выше партизанской бригады «Чекист», командовал которой Керпич. За 1,5 месяца только наша группа спустила под откос 18 немецких эшелонов на

железнодорожных линиях Минск–Смоленск и Витебск–Гомель. Именно об этом описывается в статье «Летят под откос немецкие эшелоны», опубликованной в газете «Правда» 2 апреля 1943 г. У меня имеется только 1 экземпляр этой газеты. Он мне очень дорог. Поэтому я не могу вам отослать саму газету, а посылаю копию этой статьи. Оригинал газеты вы при желании можете найти в областной библиотеке. Пусть вас не смущает, что события, происходившие в июле-августе 1942 г., стали достоянием печати только в 1943 г. Подробности этих наших дел стали известны в Москве только после нашего возвращения в Москву глубокой осенью (в ноябре-декабре 1942 г.). Очевидно, некоторое время материал пролежал в редакции.

Поэтому в статье несколько изменено время действия (не лето, а зима: «шли по замерзшим болотам»). В условиях войны в целях конспирации газета не могла указать район действия и фамилии участников событий, названы только имена и город Н. Поясню: район действий – гг. Борисов, Орша, Шклов. Город Н. – Шклов. Владимир – это я, Всеволод – Сева Чернышов, Петр – Петя Танона, командир – Максим Горбатенко.

В газете приводятся подлинные факты, но описывается только часть того, что было нами сделано тогда под Оршей. О наших боевых операциях сообщало тогда и Совинформбюро от 8 августа 1942 г.: «Отряд могилевских партизан под командованием тов. К. за полтора месяца боевых действий истребил свыше тысячи немецко-фашистских оккупантов. За это же время партизаны пустили под откос 7 воинских эшелонов противника, взорвали танк и 5 автомашин с грузом» (газета «Правда», 8 августа 1942 г.). Эта сводка была передана в центр нашей рацией в конце июля.

В 1943 г. вышла книга «Молодежь Белоруссии в боях за Родину», в которой наряду с другими материалами опубликован рассказ известного белорусского писателя Михася Лынькова «Истребители эшелонов», в котором подробно описывается о боевых делах нашей группы в тот период. В предисловии к этой книге, написанном секретарем ЦК ЛКСМ Белоруссии М.В. Зимяниным, тоже упоминаются боевые дела «молодежной группы Максима» – это наша группа. Она так называлась и в документах по имени командира. При желании вы эту книгу можете запросить из Московской библиотеки им. В.И. Ленина по межбиблиотечному обмену. Приведенные в газете «Правда» эпизоды позволят вам составить некоторое представление о том, «как это делалось». Поэтому более подробно пока об этом писать не буду. Только укажу, что и группа Матраева за это время сумела осуществить на железных дорогах 14 диверсий. Но главное состояло даже не в том, сколько мы взорвали тогда поездов, а в том, что за короткий срок нами были обучены подрывному делу около 500 молодых партизан из бригады «Чекист», на базе которой мы тогда располагались. Это позволило создать около 100 местных диверсионных групп и полностью парализовать движение на железных дорогах и шоссе Минск–Смоленск и Витебск–Гомель, что срывало перевозки немецких подкреплений на южный фронт, где тогда разворачивалась гигантская битва за Сталинград.

Вот почему командир этой партизанской бригады Керпич стал одним из немногих партизанских командиров, которые позднее были награждены полководческим орденом – орденом Суворова. Более 30 партизан этой бригады, наиболее активно участвовавших в битве на рельсах в конце 1942 г., были награждены орденами. Высокими правительственными наградами была отмечена и наша группа. Командир Максим – орденом Ленина, 5 человек – орденом Красного Знамени (я, Сева Чернышов, Степан Кветковский, Петр Танона и Володя Мамаев – он из г. Иваново) и трое – орденами Красной Звезды (в том числе Мечик Плехоть и Тимофей Бондик).

К осени 1942 г. мы в этих местах так насолили немцам, что они были вынуждены бросить против партизан две свои дивизии. Начались тяжелые блокадные бои. В ночном бою, когда мы прорывали вражеское кольцо, я был контужен. Бригада прорвалась, а мы, несколько раненых партизан, остались в немецком окружении. Спаслись чудом, забравшись в такое глухое болото, где немцы не смогли найти нас даже с собаками.

К партизанам вышли из окружения только через 2-3 недели. Здесь выяснилось, что наша группа уже была отозвана за линию фронта в Москву. Ребята долго не уходили, пытались найти меня. Но, потеряв всякую надежду, ушли. А я добирался за фронт уже с группой Матраева. Почти два месяца добирались мы до линии фронта. И вот здесь в прифронтной полосе случилась та трагедия, которая описывается в статье «Рассказ о шести растерзанных». Это было километрах в 150 северо-восточней г. Витебска. Историю гибели группы московских комсомольцев – группы Матраева – рассказал я при встрече в редакции армейской газеты «За честь Родины», которая располагалась тогда в г. Тамбове. Эта встреча состоялась в первых числах декабря 1942 г. во время нашего отдыха в Тамбове. А трагедия эта произошла в октябре 1942 г.

После долгих мытарств в начале ноября 1942 г. я теперь уже совсем один выбрался к своим за линию фронта. И вот опять Москва. 18 ноября 1942 г. я вместе с моими товарищами по группе (они все благополучно на месяц раньше меня добрались до Москвы) были приглашены в Кремль в кабинет к Михаилу Ивановичу Калинин. После вручения орденов состоялась двухчасовая душевная беседа, которая запомнилась на всю жизнь. Михаил Иванович с большим интересом расспрашивал о подробностях нашей партизанской жизни и боевых операциях, о жизни советских людей, оказавшихся в оккупации, о немецких оккупационных порядках и т.д. Дал нам много ценных советов на будущее.

Ушли мы из Кремля окрыленными, готовыми на новые боевые дела. Быстро промчались две недели отпуска в Тамбове. Ежедневные встречи с молодежью, встречи в обкоме партии и в обкоме комсомола, вечер в нашу честь в родной школе, выступления перед молодыми солдатами и т.п.

В эти дни Ленинский райком партии г. Тамбова оказал мне, 18-летнему юноше, большую честь. Я был принят в ряды Коммунистической партии.

А 7 декабря 1942 г. мы распрощались с Тамбовом и уже через месяц опять оказались в немецком тылу. На сей раз наш путь лежал в Западную

Белоруссию и Литву. Вместе с нашей группой из Тамбова ушли тогда два моих довоенных товарища – Вася Блудов (из 52-[й] железнодорожной школы) и Володя Моисеев. Новое задание выполняли мы до апреля 1944 г. В другой раз опишу вам более подробно об этом нашем задании. Сейчас же только кратко сообщу, что наш новый рейд был трудным и изнурительным. Бои, бои, потери. Уже в первые недели нам пришлось пережить тяжелейшую блокаду немцев. Прорываясь из кольца, группа на некоторое время была рассеяна. Часть ребят сумела пробиться далеко на запад, часть застряла в прифронтовой полосе, а я вместе с большой группой партизан оказался прижатым к линии фронта. С большими потерями пробились к своим за линию фронта. Но уже через несколько дней я вновь на самолете был переброшен в немецкий тыл и вскоре нашел своих товарищей по группе.

Начался новый поход, новые диверсии. Взрывы поездов, мостов, складов, автомашин, танков под Витебском и Полоцком, под Вилейкой и Молодечно, под Минском и Вильнюсом – таковы этапы нашего дальнейшего пути. Были успехи и победы, были и тяжелые утраты. Погиб Володя Мамаев, пропал без вести (погиб) Володя Моисеев. Были ранены Сева Чернышов, Вася Блудов и наш командир Максим. Без ног остался (обморозил) наш радист (москвич). Не раз были на волоске от смерти, неделями не имели никакой пищи, кроме древесной коры и прочих лесных «даров». По несколько дней укрывались в болотах, опускаясь в минуты особой опасности с головой под воду и дыша только через камышинку, замерзали неделями в заснеженном морозном лесу, когда даже костер невозможно было развести. Потом новое страшное бедствие – тиф. Все это было и все это осталось позади. Несмотря на трудности, основную задачу свою мы выполнили и на этот раз.

В апреле 1944 г. мы были отозваны за линию фронта. На этот раз вывезли нас в советский тыл на самолетах. Для нашей группы война на этом была закончена. Мы просились на новые задания, но П.К. Пономаренко, бывший тогда начальником Центрального штаба партизанского движения, на наши просьбы ответил: «Хватит! Вы свое отвоевали на сотни лет вперед. Пусть другие понюхают пороху, а вам надо учиться. Нам очень нужны кадры для восстановления Белоруссии. Через несколько недель она станет свободной».

По решению ЦК КП Белоруссии все мы были направлены в республиканскую партийную школу при ЦК Компартии Белоруссии вначале в Гомель, а затем после освобождения Белоруссии – в Минск. [...]***.

ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 4. Д. 29. Л. 1-10. Подлинник.

* Опущено обращение В.И. Архипова к учащимся средней школы № 8 г. Тамбова с призывом сохранять и развивать школьные традиции.

** Так в документе. Правильно – Д. Димитров.

*** Опущены биографические сведения послевоенного периода, а также информация о дальнейшей судьбе партизан М.Т. Горбатенко, В.В. Чернышова, В.А. Блудова,

С.Б. Кветковского, П.Д. Таноны, М.М. Плехотя, Л.В. Рупрехта, А.И. Хинина, Д. Димитрова, К. Чичковой, В.С. Кудряшова, В.Н. Позняка.

№ 1362

Из воспоминаний Г.Ф. Медникова¹¹³

9 апреля 1965 г.

[...]*. Война меня застала на советско-немецкой границе – реке Бух**. С первых минут войны мы, пограничники, приняли удар врага на себя. Отступая с боями, ведя тяжелые оборонительные бои, меня при обороне г. Новогрудок, который находится в Западной Белоруссии, тяжело контузило, и я в тяжелом состоянии остался в тылу врага, в лесу с оружием в руках.

Немного выздоровев, я начал организовывать партизанский отряд, а к 1 января 1943 г. приказом Москвы я реорганизовал отряд в партизанский полк, а затем в партизанскую бригаду. 1941 г. зимовали и действовали пятью человеками. Я, Терехов Михаил, Гурьев Василий, Шалдаев Александр (все комсомольцы, сержанты) и Аверьянов Николай (майор-инженер).

Из группы в пять человек партизан в 1941 г. к маю 1942 г. партизанский отряд вырос в 40 человек. К этому времени немецкое командование на занятой ими территории Белоруссии и других р-нах в деревнях и городах установили фашистскую власть, насадили и малые, и большие военные гарнизоны, полицейские участки и волости. Нашлись и предатели советской власти, пошли на службу к немцам в полицию, взяли оружие и стали активно помогать фашистам: грабить население, убивать честных советских людей, коммунистов и комсомольцев.

Наш отряд к концу мая 1942 г. разбил много мелких немецко-полицейских гарнизонов и волостей и освободил от фашистов часть деревень Могилевского и Бельничского р-нов. В деревнях мы восстановили советскую власть со всеми государственными законами. В освобожденных деревнях из местных жителей создали самооборону.

Наши партизанские действия и действия местного населения были едины. Отряд пополнялся в основном молодежью – комсомольцами и военнопленными. Мы имели к этому времени большой опыт взрывать эшелоны, бить с засады немецкие машины с живой силой и техникой. Наше появление в расположении немецких гарнизонов на немцев нагоняло такой страх, что они бросали малые гарнизоны, бежали в более крупные гарнизоны. Немцы нас боялись как огня, они согласны были лучше идти на фронт на передовую, чем жить с нами по соседству. Мы били фашистов днем и ночью, в деревнях и на дорогах, рвали машины и эшелоны, и мы были неуязвимы.

Немецкие карательные экспедиции, направленные против нас, каждый раз терпели крах, их танки подрывались на наших минах, а с засады мы били живую силу, и поэтому к маю 1942 г. они все от карательной экспедиции до полка отказались, и мы все больше стали освобождать территории.

Мобилизовали в партизаны военнообязанных, а в основном к нам шла молодежь. Комсомольцы, ребята и девушки из местного населения добровольно принимали нашу партизанскую присягу.

На нашем пути освобождения деревень находилась ж/дорожная станция Вендрож с коммутатором, который связывал с Могилевом и между собой большую часть немецко-полицейских гарнизонов. Могилев являлся центром управления всей местности. В Могилеве всегда было много войск, имелся аэродром с авиацией, всякие немецкие части, танковые соединения. Могилев был крупным узловым центром шоссейных и железных дорог. Поэтому станцию Вендрож уничтожить надо было во что бы то ни стало. Произвели тщательную разведку станции, а она от нас находилась более 30 км в тылу немецких полицейских гарнизонов. Станцию охраняла рота фашистов, до зубов вооружена, но они вели себя еще беспечно (к ним партизаны еще не добирались) и чувствовали, что они еще в тылу от партизан.

Собирается костяк отряда: организатор – я, Терехов М., Гурьев В., Шалдаев А. и Аверьянов Н. Все – за исключением Аверьянова – комсомольцы. Принимаем решение уничтожить станцию. Отобрали 28 партизан, проверенных в совместных боях, – все хлопцы энергичные, молодые комсомольцы, готовы выполнить любое задание.

Тронулись в поход ночью, а нам надо было пройти среди немецких гарнизонов более 30 км. Шли мы 2 суток – ночью идем, днем в лесах отдыхаем, ведем разведку. К середине второй ночи подошли к станции в вендрожский лес.

У связного ж/дорожника Прохоренко узнаем, что с Могилева рано утром пройдет через станцию воинский эшелон – как раз в то время, когда мы должны были бить станцию. Принимаю решение – взорвать эшелон и захватить в свои руки. Выходим на ж/дорогу к станции от Могилева, сделали с обеих сторон дороги засады, поставили пост наблюдения от станции, и я, как опытный подрывник, стал минировать железную дорогу. Заложил противотанковую мину, к ней добавил толу кг 20, к чеке взрывателя привязал шпагат, затем тщательно замаскировал и спустился под откос, а шпагат оказался коротким и пришлось снимать с повозки вожжи и надвязывать. Под откосом, подобрав себе место, тщательно замаскировался и жду поезда.

Рано утром со стороны Могилева послышался, а затем показался состав. Я приготовился. Сижу внизу под откосом, держу в руках вожжи. Приближаясь к нам, эшелон дал гудок, нарушив всю утреннюю тишину. По телу пробежала дрожь от томительного перенапряжения нервов. И вот со средней скоростью паровоз наехал на мину. Я дернул вожжи и сразу же последовал оглушительный взрыв. Надо мною стала ночь, я ничего не вижу, на меня посыпались комья земли и песка. Я отбегаю в сторону засады. Просветлело, а клуб дыма и пыли от взрыва все вокруг окутал. Вагоны полезли один на один, сползая с рельсов.

Теперь совсем прояснилось, и стало видно, как паровоз отброшен в сторону дороги, зарылся в землю, наклонясь боком. Наша засада открыла по

вагонам пулеметный автоматный огонь, поражая живую силу. Уцелевшие немцы в вагонах стали выскакивать на землю, ведя по нас огонь, но их настигали партизанские пули. Бой длился минут 20. Мы захватили от паровоза 1-й вагон, врываюсь в вагон, а два офицера с автоматами обстреливают наши засады. Перекрестной автоматной очередью убил их наповал. Так очистили все вагоны. В этом бою было убито более 40 фашистов, остальным удалось бежать.

Собрали трофеи, погрузили на повозку. Этим временем наблюдательный пост от станции нам доложил, что среди немцев на станции идет паника, что часть немцев сбежала со станции, а затем вернулась.

Даю команду всем переодеться в немецкую форму. Сам одеваюсь в офицерскую форму. Правда, на всех партизан чистой формы не оказалось – попачкана и в крови. Вооружились немецким трофейным оружием. Те партизаны, которые переоделись в немецкую форму, за мной тронулись по ж/дороге прямо на станцию, как немцы. Подходя ближе к станции, видим, немцы сидят в засаде. Напрягая все свои нервы, не даем вида, идем смело прямо к ним. Подошли метров на 100. Вдруг немцы встали из засады, оставили пулеметы на местах засад и с криками направились к нам, приняв нас за немцев. Подошли мы вплотную к ним, внезапно в упор открыли по немцам автоматный огонь, часть немцев уложили на месте, а часть уцелевших раненых сбежали в здание станции. Мы сходу ворвались к ним в оборону, заняли их пулеметы. Немцы отчаянно сопротивляются, но уже поздно. Этим временем наши две группы – с одной стороны Терехов, а с другой Гурьев – обошли станцию, и немцы вынуждены спасаться бегством.

Немцы не ожидали нас в таком виде. Мое рискованное решение оправдалось, партизаны меня не подвели. Идя в лоб засаде врагу, они не дрогнули перед превосходящим противником, до зубов вооруженным. С группой партизан я ворвался на станцию. Нас через дверь одной комнаты обстреливали. Бросаю в дверь гранату. Оставшиеся фашисты немедля вышли, подняв руки вверх, произнося: «Гитлер шайзе».

Звонит телефон. Я снял трубку – на проводе Могилев. Спрашивают: «Кто у телефона? Почему молчите? Кто кого бьет?». Я отвечаю: «Вас слушает партизанский командир» и требую соединить меня с главой города, а глава города был предатель Филицин. До войны был в Могилеве главврачом обл. больницы, крупный немецкий агент. По телефону мне сразу никто не ответил, только в трубку был слышен отрывистый стук, это у какого-то предателя от голоса партизана выпала трубка из рук от страха.

Отдал партизанам команду взрывать стрелки, готовить станцию к сжиганию. И вдруг слышу обратно на русском языке спрашивает: «Кто у телефона?». Я тоже ответил, что у телефона партизанский командир, требую главу города на расправу – также в трубке слышно, как упал с рук.

И так со мной стал разговаривать по счету шестой человек также по-русски. На мои требования, чтобы дали главу города к телефону, он ответил: «Я замещаю его, а глава города в отлучке». Я говорю: «Я хочу говорить с самым вашим старшим предателем, и ваши предательские морды

не скроются от партизанского и народного суда – виселицы. Еще не поздно – опомнитесь и можете кровью искупить свою вину». В ответ он мне сказал, что он похож на нас и также служит народу и выполняет задачи. В таких случаях даю ему задание – пришли к станции Вендрез побольше фашистов на мясо, он пообещал в свою очередь. Я также пообещал: мол, ждите в Могилеве, чай будем пить и предателей вешать. На этом разговор окончился.

Железную дорогу полностью уничтожили, стрелки подорвали, станцию зажгли – горит вместе с коммутатором. Мы у немцев взяли на станции следующие трофеи: бортовую автомашину, 8 немецких пароконных подвод, погрузили склад с обмундированием и боеприпасами, все трофейное оружие, а его было около сотни винтовок, 12 ручных пулеметов, 26 автоматов и множество гранат, патронов, захватили 32 велосипеда, баян. Рядом со станцией уничтожили маслозавод, на который немцы заставляли население сдавать молоко, яйца. Забрали с маслозавода и погрузили на подводы много масла, яиц и сметаны в бидонах. Остальные партизаны переоделись в немецкую форму, а на станции было убито 26 фашистов. Ударный отряд сел на машину, остальные на подводы, велосипеды и тронулись в обратный путь на Вендрезскую волость, которая была расположена на нашем пути в 3 километрах от станции.

Едем, как немцы. Воскресный солнечный день. Трудно привыкнуть партизану в немецкой форме, как-то коробит. Но это надо, требует необходимость, иначе мы не сможем довести большие трофеи до своих лагерей, до своей партизанской зоны. Это очень рискованно, и мы к этому готовы. Заезжаем в деревню, подъезжаем к волости. Нам навстречу высыпала вся фашистская прихвостня – полиция, вытянулись в струнку, руки выбросили вперед и кричат: «Хайль Гитлер!». Мы с машины перекрестили [их] автоматными очередями. Соскочили с машины, забрали волостную писанину и в волость бросили связку гранат. Убили 12 полицаяев, остальные разбежались. Мы действуем более смело (связь с Могилевом уничтожена).

Едем дальше к немецкому госпиталю, заезжаем, нас также встречают: «Хайль Гитлер!». С больными легче справляться, их было 8 немцев и 2 русских врача-предателя, которые предали наших обгорелых трех летчиков в немецкое гестапо, и их на площади в Могилеве фашисты повесили. Побили гадов.

Тронулись к вендрезскому лесу, в лесу сделали привал. Надо было все обдумать – и за, и против. В это время со стороны Могилева показался немецкий самолет-разведчик. Сделал несколько кругов над эшелонем и горячей станцией и начал кружиться над лесами. Послышался паровозный гудок. К разбитому эшелону подъехали 2 платформы – набиты, стоя, немцами. Немцы соскочили с платформ, погрузили битых немцев и уехали обратно в Могилев. Зам. главы города для меня остался загадкой. Он действительно прислал две платформы немцев на мясо. Их можно было побить и не дать им соскочить с платформ.

И так мы проехали по немецкому тылу более 30 км, везде нас полиция встречала: «Хайль Гитлер!», принимая нас за немцев. В деревнях мы

собирали население, делали полит. информацию, сообщали о положении на фронтах. В этот день к нам в партизаны влилось 16 человек.

В каждой деревне оставили своих связных. И наша партизанская зона расширилась до ст. Вендрож, и в этих деревнях до дня соединения с Красной Армией больше гарнизонов немецких не было.

ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 5. Д. 2. Л. 51об.- 59. Подлинник.

* Опущены биографические сведения довоенного периода.

** Так в документе. Правильно – Буг.

№ 1363

Из воспоминаний В.П. Забавникова¹¹⁴

Дата не установлена

В 1941 г. я, Забавников Вальтер Петрович, коренной житель села Тулиновка, был учеником 9-[го] класса Тулиновской средней школы. Увлекался рыбалкой, в школе руководил кружком МОПР, был членом драматического кружка. Летом 1941 г. планировали с другом Крюченковым Лево́й отдохнуть с друзьями: порыбачить, сходить в поход к любимым местам. Но все эти планы были нарушены 22 июня 1941 г.

После объявления войны все ученики 9-го класса Тулиновской средней школы с 1 июля 1941 г. добровольно ушли на фронт, в том числе и я. Был направлен в Брянскую область. Мы рыли окопы, а немцы в то время бомбили совсем безвинных детей, которые старались защитить свою территорию. У нас зародилась ненависть к немцам, и поэтому в дальнейшем я пошел в партизаны. На трудовом фронте никто не погиб. К счастью, все вернулись в начале октября. Школа уже работала, но так как время было трудное, я поступил на военный игольный завод в охрану.

В 1941 г. начал играть на баяне (самоучка), а в августе 1942 г. добровольно ушел на фронт. В военкомате предложили учиться в партизанской школе. Было большое желание стать партизаном и очень хотелось быть радистом.

Обучался в Московской специальной школе № 3 (партизанского движения) вместе со своими школьными товарищами Крюченковым Львом Николаевичем и Колесниковым Валентином Дмитриевичем.

Был я радистом-шифровальщиком партизанского отряда в лесах Белоруссии. Отряд наш выполнял задания штаба партизанского движения. Партизаны в любую войну наносят урон врагу в его тылах. Еще в 1812 г. русский народ показал силу партизанского движения, когда французам буквально шагнуть нельзя было с дороги: тут как тут партизаны. Иосиф Виссарионович Сталин в своем обращении к народу 7 ноября 1941 г. говорил, что необходимо создавать партизанские отряды в тылу врага и не давать фашистам покоя ни днем, ни ночью. Так мы и действовали.

Партизанских отрядов было много, они помогали друг другу. Проводилась большая подрывная работа. Партизанские отряды взрывали мосты, тормозили продвижение живой силы и техники по шоссе, железной дороге.

Силами партизанского отряда Телехановский район Пинской области, в котором находился и я, был целиком освобожден от фашистов, и жили там так же, как до войны: работали предприятия, учреждения, колхозы, сельские Советы. Население снабжало всем необходимым партизан. Партизаны действовали настолько слаженно, что гитлеровцы вынуждены были снять с фронта действующую воинскую часть и бросить ее на ликвидацию партизан. Эта часть со всей боевой техникой заблокировала весь партизанский район.

Наш отряд в это время находился в деревне Вульна-Обровска. По соседству с нами был еще один отряд. Гитлеровцы окружили деревню полукольцами и стали сжимать ее. В первую очередь партизаны эвакуировали в леса жителей деревни. 8 апреля 1944 г. отряды вступили в неравный бой. Бой начался утром в 10³⁰, длился два часа. Посреди деревни возник пожар, который затруднял отход партизанам, но все-таки мы отходили организованно, нанося потери врагу. Фашисты эту деревню спалили дотла.

Мы отходили через деревни Оброво, Великая Гать, уходили вглубь леса Пинских болот. Фашисты боялись глухих лесов и болот, поэтому прекратили преследование, а просто из минометов стреляли наугад. Нам удалось уйти без потерь. Наших координат фашисты не знали, однако блокады не снимали еще долго. Но партизан удержать невозможно никакой блокадой: фашисты поджидают их здесь, а они уже орудуют в другом месте. Скоро им «надоело» нас сторожить, они сняли блокаду, а мы получили новое задание. И снова горела земля под ногами фашистов.

Моя роль в партизанском отряде заключалась в том, чтобы постоянно держать связь с «Большой землей», точно в срок передавать сведения о деятельности отряда и получать новые приказы, новые задания. Говоря образно, каждый был у своего руля, но все это сливалось в единый механизм обороны, а затем – наступления.

19 июля 1944 г. у южной деревни Баби Гура соединились с Красной Армией партизанские отряды. Я вернулся домой в сентябре 1945 г. [...]*

ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 12. Д. 29. Л. 3, 4. Подлинник машинописный.

---

* Опущены биографические сведения послевоенного периода.

№ 1364

Из воспоминаний В.Ф. Шутова¹¹⁵

1988 г.

[...]*. В 1939 г. переехали на постоянное жительство в Красненькое. Я в это время учился в Тамбовской фельдшерско-акушерской школе на

санитарном отделении. В 1940 г. я 6 месяцев болел, поэтому из меня медика не получилось, не успел. Итак, в конце октября – в начале ноября 1941 г. я был в Красненьком.

Ноябрь-декабрь 1941 г. я учился в фельдшерско-акушерской школе, но затем райком ВЛКСМ объявил набор добровольцев в лыжные батальоны – как оказалось, в спец. школы. Я откликнулся на призыв и с группой тамбовчан был направлен в Москву, где прошел мандатную комиссию и был зачислен в спец. школу № 2 в Москве, где учился с января до августа 1942 г. Учили нас только диверсионной работе – изучали мины, как заложить заряды на железной дороге, заминировать мост и т.д.

В августе 1942 г. мы закончили курсы, и была организована наша диверсионная группа. Нашей группой командовал Пушин Казимир Францевич, второй группой – Жуковский. В это время в Москве организовался Московский добровольческий отряд. Он состоял из комсомольцев. Командиры были члены партии. Наши 2 группы передали этому отряду. Затем эти 2 группы слились в одну, и ей командовал Пушин Казимир Францевич, в группу входили Жуковский, Титов, Гинзбург, Кирова, Макарова, Кобзун, Миндлин, Пискунов, Соков, Якименко, Цвирко, Шутов.

В августе 1942 г. мы перешли линию фронта через Витебские «ворота». С нами шли, кроме 53 чел., гастелловцы, подрывники и 5 человек уполномоченных ЦК ВЛКСМ (связные ЦК) и Щербаков – спецкор газеты «Звезда». Командиром отряда был назначен тов. Мельников, ранее работавший в органах КГБ или НКВД (немного забыл). Знаю, что хотя он и провел отряд без потерь по тылам врага (около 1500 км), но авторитетом и, тем более, любовью он не пользовался, он не мог поговорить с партизанами, чаще было слышно от него «Расстреляю» и т.д. Кроме того, он оказался не на высоте командирского звания, проявил нерешительность, растерянность в операции, что и решило его судьбу, он был снят с этой должности, перешел работать в особый отдел. К[оманди]ром отряда был назначен Пушин Казимир Францевич – любимец всего отряда. Об операции, решившей судьбу Мельникова, я сообщу позже.

С севера на юг Белоруссии мы не просто шли, а [в] пути организовывали диверсионно-подрывную группу, разгром немецко-полицейских гарнизонов, проводили политико-массовую работу среди населения. Я помню, как на одном из митингов женщины окружили нас, плакали от радости, ведь немцы все время говорили им, что Красной Армии «капут». Они «добивают ее остатки», а тут молодые с новым вооружением идут к ним прямо из Москвы – значит, немцы врут, Красная Армия жива и громит врага, советская власть жива. Особенно важную роль в походах сыграло – это проведение среди населения лекций, бесед да и просто душевных бесед.

В начале похода нам было очень трудно, трудности были в следующем: объявлен отдых, разрешено пойти у населения что-либо купить, вернее, попросить, чтобы тебя покормили. Зайдешь в дом, а там со взрослыми сидят девушки такого же возраста 17-18 лет, посмеются вместе с нами – разве тут

будешь просить есть, и голодный идешь дальше, пока командиры не догадались и стали во главе групп (голодных) ставить более опытных, разбитных ребят – хотя бы мы могли поесть картошки, щей, в общем, что имеется и чем может поделиться хозяйка.

Хотя шли с полной нагрузкой и иногда много км проходили в сутки, но отстающих не было. Трудно было переправляться через реки и ж/дороги. Напр[имер], при переправе через одну из рек паром стал тонуть посередине реки и затонул. Груз и все остальное спасли, но потеряли время, затем через сутки эту реку преодолели на подручных средствах и т.д. Трудный был переход через ж/д по коммуникации Полоцк–Витебск, где все открыто, ни одного куста, поэтому и очень опасный участок, переходили ж/д ночью с боем. Я это пишу с точки зрения рядового бойца, я не знаю, что в это время решали к[оманди]ры, штаб, я пишу, как форсировали.

Особенно запомнилась переправа через реку Березина, т.к. чтобы дойти до берега реки, надо преодолеть немалый участок болота, притом с грузом, но и эта река была преодолена. Кстати, все реки преодолевали при помощи подручных средств, иногда и днем. Переправочные средства искали любые.

Запомнилась переправа через ж/д Осиповичи–Бобруйск: дорога охраняется патрулями, близко друг от друга горели костры, у костров стояли посты из гражданских лиц. В результате добычи «языка» было найдено самое «безопасное» место переправы – это через бетонную водосточную трубу под ж/д полотном. Через нее-то по-пластунски (к трубе) переправились и через эту трубу.

В октябре расположились недалеко от дер. Альбювск и поступили в распоряжение командования партизанских соединений Минской и Полесской областей и сразу же приступили к боевой работе.

1-я операция была неудачной. Уже 14 октября 1942 г. было получено задание – произвести налет на ж/д эшелон с полной силой противника, но по неопытности, беспечности подрывники были обнаружены нем. патрулями. Начался обстрел группы, и в это время подошел воинский эшелон и остановился. И они всем скопом навалились на подрывников, но с ними завязали бой группы прикрытия, которые заставили залечь пр[отивни]ка, и подрывники по кустарникам спаслись.

Но следующая операция была уже удачная, было учтено все. Операция проводилась в октябре 1942 г. В результате этой операции было уничтожено около 150 эсэсовцев, 1 генерал. Только несколько немцев спаслись в гарнизоне ст. Старушки. В этой операции, да и в первой, к[оманди]р Мельников допустил растерянность и нерешительность, которая могла бы дорого обойтись отряду. Я, как подрывник, был направлен влево от основного взрыва с группой партизан взорвать путь, чтобы не допустить помощи по ж/д дороге. Сигнал отхода была воющая ракета. Когда взрывали рельсы, они, точно, как бы выли. В это время уже велся бой с карателями (эсэсовцы и гестапо), мы перепутали звуки, и ребята послали меня уточнить у командира, был ли это сигнал. И что же я увидел – отряд сам ведет бой, а к[оманди]р Мельников с ракетницей и санитарной сумкой за спиной у

подножия сопки ходит один и говорит мне: «Оставайся со мной, будешь со мной» – в нарушение дисциплины, но меня ждали ребята. Я должен к ним придти. И сказал это к[оманди]ру и ушел к ребятам. Бой был скоротечный, мы потеряли всего одного человека. Но какого! Сашу Ильичева – московского комсомольца, веселого, умелого рассказчика, от шуток и рассказов которого становилось веселей.

После этих двух боев Мельников был снят и назначен Пуцин.

Самой нашей крупной операцией был подрыв в ноябре ж/д моста через реку Птич**. Безопасность подрывников обеспечивал большой отряд. Эту операцию осуществляли больше силы партизан, каждый отряд выполнял свою задачу. Нам, гастелловцам, пришлось не только брать мост штурмом, но и минировать его. Мне было поручено обеспечить толком подрывников во главе с Шимченковым и Пуциным. Для подноски тола к мосту были привлечены десятка полтора гражданских лиц, вот за ними я и должен был следить. Толком группа была обеспечена полностью. Этот мост строил отец Пуцина К.Ф., а сыну Пуцину К.Ф. пришлось взрывать этот мост. Когда мы атаковали мост, то через некоторое время стали взрываться снаряды и мины на мосту. Передо мной полз по мосту один из партизан не нашего отряда. Мина упала ему прямо на спину и взорвалась. Конечно, от партизана ничего не осталось. Тогда кто-то крикнул, что это наши стреляют, свои не тронут и опять пошли на штурм моста, взяли его. Ребята вошли и приступили к минированию. Ребята не торопились, выполняли все команды четко, да и работу свою знали хорошо. Провели 2 линии детонирующего шнура – основного и дублирующего. Поджечь бикфордов шнур было поручено Пуцину К.Ф., что он и сделал. Отходили, встретили засаду врага. Мы быстро ее смяли, ибо она была малочисленна по сравнению с партизанами и оказать большое сопротивление не могла.

Я подбежал во время этого боя к кювету. На дне кювета лежит голый солдат (чехословак), обхватил голову свою руками, в голову целится один из партизан из винтовки, спустил курок, но выстрела нет. Словак быстро поднял голову и со слезами «Я – словак» обращается ко мне. Стреляющий партизан перезарядил винтовку и опять готов был спустить курок, я оттолкнул партизана и взял словака в плен. При встрече со мной этот словак бросался ко мне на шею и целовал, затем он вылетел к генералу Свободе. Зовут солдата Ян.

Ну, а в основном я работал на ж/д. Западная наша граница действий – Луинец, а ближняя к нам – станция Старушка, Жидковичи, Калинковичи. Мы занимались подрывом ж/д эшелонов. Вначале нас часто водил на задание Симонов Н.И. До сих пор помню его широкоплечую, уверенную походку, кожаный пиджак. Много водил нас Якименко Василий. Ходили и с Титовым Ал[ександ]ром, с Николаевым Алексеем. Целый год 43-44-[й] я сам водил группу на задание, был назначен командиром диверсионного взвода. На мой счет отмечено 13 подорванных эшелонов, участие в подрыве трех ж/д мостов.

Вы были в тылу и командовали бригадой***, знаете, что эшелоны подорвать не так-то просто. У нас мало было заводских мин МЗД и неизвлекаемых мин, с последней был у меня незабываемый эпизод.

Группу возглавлял Симонов Н.И. Мне пришлось ставить неизвлекаемую мину – кстати, по-моему, самую неудачную из конструкций. Мы немного отошли, ждем взрыва, проходит один эшелон, второй, а взрыва нет. Значит, неправильно поставил. Как не отговаривали товарищи, я все-таки пошел ее разминировать, другого выхода нет: во-первых, рушился авторитет подрывника, второе – с толком было туго все время. Была осень. Уже холодно, я долго возился с ней, уже меня заметили и бегут немцы. Я вынужден был просто дернуть мину за бортик, она не взорвалась. Я схватил мину и заряд и бросился бежать к ребятам. Стали после проверять, почему она не взорвалась. Оказалось, [что] села батарейка и она не в силах была взорвать детонатор, хотя для меня это было уже ясно и без проверки.

Второй неприятный случай. Мы с Чистовым Виктором минировали ж/дорожное полотно. Подняли головы. Около нас солдаты – уже окружили, по цвету шинелей мы поняли, что это словаки. Они говорят: «Ну что, доигрались? Плохо минируете, заметно. Минируйте при нас». Виктор говорит: «Ой, Васька двум смертям не бывать, а одной не миновать. Давай минировать». Мы стали минировать, один из них стал помогать. Потом говорят: «Пойдемте в лес». Думали, что сейчас пули в затылок и все. Пошли, зашли в лес, они и говорят: «Как бы нашему командованию встретиться с вашим для переговоров?». Мы о такой встрече договорились, они нас отпустили. Мы доложили командованию, встреча состоялась и очень полезная.

Я уже раньше говорил, что мы работали на ж/дороге по подрыву эшелонов. Помню один раз во главе с Симоновым поднесли в хозяйственном мешке 50 кг бомбу, подложили ее под небольшой мостик и взорвали ее под эшелоном при помощи натяжного шнура.

Удачная операция по подрыву эшелона была под Лунином. Группа в 7 человек под моим уже командованием выбрала чистое поле перед дорогой. Против было то, что если обнаружат, то трудно скрыться. За – неожиданность, диверсий на этом участке не было. Мы пошли по второму пути. Заряд и мину МЗД ставили ночью с расчетом, чтобы она на боевой взвод встала часов в 12 дня. Поставили, взорвали рельсы в р-не мины, запасные рельсы для маскировки. Немцы восстановили путь, пустили пробный поезд, а днем на этом участке поезда шли с большей скоростью, и днем произошло крушение. Поезд был с живой силой и техникой, потери большие.

Мы участвовали в подрыве только трех ж/д мостов, в том числе и через реку Птич**. Лично я в подрыве шоссейных мостов не участвовал. В разгроме гарнизонов участвовал только 2-3 раза, т.к. большую часть боевого времени был у дороги.

Запомнился мне разгром гарнизона в Ломовицах, где погибла Шершнева – связная ЦК ВЛКСМ. Она из Москвы шла с нами.

Что касается рельсовой войны, то мне во всех этапах ее приходилось участвовать, особенно в последних двух крупных этапах и особенно в 1944 г. перед освобождением Белоруссии. Мы к ней готовились долго и готовили гражданских ребят, не партизан – как подложить толовую шашку под шейку рельсы, приподнять ее хорошенько, зачем это нужно, как зажечь бикфордов шнур. На двух партизан, опытных в этом деле, давали по 10 человек. Таким образом обучали ребят. К моменту получения приказа все уже были готовы. С десяткой мы вышли на ж/д в р-не, по-моему, ст. Старушки, за точность не отвечаю. В этой операции участвовали кроме партизан около 300 колхозников. Кроме рельс уничтожали телефонную связь, другие ж/д постройки. Об этих операциях, может, хорошо Вы извещены, да, наверное, и сами участвовали.

Один нем. генерал в своих мемуарах так написал (примерно): начало разгрома армий «Центр» положили партизаны, проведя рельсовую войну, сократив перевозки по ж/д на 50-60 %. Вот как описывает нем. генерал значение рельсовой войны. Да и действительно, чтобы восстановить дорогу надо было и время, и средства, чего у немцев в это время уже не было.

Надо отметить, что при взрывах ж/д мостов отряд Гастелло подрывников почти всегда прикрывали отряды командования Павловского, Гуляева и друг. Так было и на р. Птич** в декабре 1942. Ж/д мосты на реке Бобриск – с другими отрядами. Напр[имер], с отрядом Бумажкова был разгромлен гарнизон Сметаничи и ж.д.

В общем, работы хватало. Подрывниками отряда, а затем бригады было взорвано только ж/д эшелонов около 30.

Что сказать о ребятах отряда? Все были бесстрашные. Я не видел труса, любой приказ рвались выполнять. Особенно по моей работе в тылу врага остались в памяти Симонов, Якименко, Титов, Николаев, Климов, Михайлин, Чистов, Миндлин, Кобзун, Цвирко, Макарова, Кирова, Минц и многие-многие другие. Вот уже прошло 44 года, как мы расстались, но до сих пор мы встречаемся как хорошие братья, переписываемся, поздравляем с праздниками, правда, здоровье уже не то. Правда, уже многих нет – Ильичева, Лунева, Чучкина, Глазкова и других, которые героически погибли при партизанской борьбе. Умерли уже после войны тов. Пущин, Гинзбург, Якименко, Панфилов, Лисовский. О погибших лучше расскажет Симонов Н.И., так как он больше знает о них. В общем, все ребята были надежные, на них всегда можно было положиться.

С армией я не встречался, т.к. сразу же после последней блокады (44 г.) я уже был болен, вылетел в Киев и пролежал в госпитале Ковпака С.А. около трех месяцев.

Последняя блокада. Повторяю, для меня это было трудное время в связи с моей болезнью, но что помню. Сумели немцы нас загнать на остров вместе с населением, и не знаю, что им помешало смешать нас с грязью на этом острове при помощи самолетов и артиллерии. Ведь дня 2 летали самолеты и бросали листовки с предложением сдаться, или иначе будет, как в Любанском р-не, и перечисляли командиров. Потом неожиданно снялись,

никакой бомбежки. И мы живы. А ведь там в земле зарыться нельзя – близко вода. Наверное, наступление нашей армии спасло.

Послевоенная судьба. После госпиталя краткосрочные курсы на ст. Нахабино (под Москвой). В декабре 1944 г. присвоили звание мл. л-та, был направлен на Карельский фронт, где был назначен к[оманди]ром разведвзвода в бригаду полковника Аршба. Это была мотоштурмовая инженерно-саперная бригада РКК.

Приехал я к шапочному разбору. Вскоре мы выехали в Ярославскую область, пополнились и в конце апреля выехали в Японию (гор. Ворошиловск-Уссурийск). Служил уже и в других частях, но все время командиром взвода разведки.

Мы без дела не сидели. До начала войны с Японией (июль – конец месяца) облазили на животах всю отведенную нам границу, мы все готовили для приезжих фронтов после нас. Были и опасные случаи. Напр[имер], пограничная река Сунгач**** – неширокая, быстрая. Приказ – взять двух солдат (один гребет, другой помогает мне – офицеру, т.к. таких лодок было много и экипажи лодок такие же). Конечно, документы у нас отобрали и приказ – снять рельеф дна реки, к противоположному берегу не прикасаться, иначе будем вас считать провокаторами (войны еще не было). Каждому офицеру отвели 1 км реки для исследования. И вот, выполняя это задание, нам приходилось в упор смотреть в глаза японскому пограничнику, целившемуся в тебя из винтовки. Правда, выстрелов не было, но переживаний много.

В первую же ночь объявления войны мы перешли границу, у меня в распоряжении были амфибия и 2 связных мотоцикла. Моя задача – двигаться с передовыми частями и сообщать о танкопроходимости мостов, что я и делал.

До 1950 г. служил в армии в Порт-Артуре, будучи уже к[оманди]ром строительного батальона. Строили укрепления в р-не Порт-Артура. [...]*****.

ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 12. Д. 107. Л. 2 об.-11 об. Подлинник.

* Опущены биографические сведения довоенного характера и воспоминания об участии в строительстве оборонительных сооружений в Смоленской области.

** Так в документе. Правильно – река Птичь.

*** Имеется в виду В.К. Мисник, в адрес которого были направлены данные воспоминания.

**** Так в документе. Правильно – река Сунгари.

***** Опущены биографические сведения послевоенного периода.

№ 1365

Воспоминания М. Мандолези о партизане В.Я. Трифонове^{116*}

1968 г.

Операция Бальдених

Группа итальянских и советских партизан из бригады «Писакане» (дивизия «Нино Нанетти») освободила 16 июня 1944 г. смелыми действиями политзаключенных из беллунской тюрьмы. Об этом эпизоде нашему корреспонденту рассказал «Карло» (Мариано Мандолези), командир бригады, которая вела операции в белунезской зоне (зоне Чезио Маджоре).

– Тогда, Карло, давайте уточним обстановку, – начал Де Лука, когда до отправления оставалось лишь 5 часов. Атмосфера была напряженной, не могли даже соснуть.

– В Бальденихе находятся 16 карабинеров, 14 – в жандармерии и 2 охраняют подземелье. По бокам 10 тюремных надзирателей, которым часто помогают «рядовые». Очутившись там, мы должны будем освободить политзаключенных. До прихода на тюремную площадь мы встретим Лино, который доложит нам о своих действиях на сегодняшнее утро. У выхода должен находиться Нази с грузовиками.

– Который час?

– Половина третьего. Почему бы тебе не попробовать немного соснуть? Ведь нам придется приложить на это дело всю нашу энергию. Я тебя разбуду за полчаса до отправления.

Но мне хотелось сперва проверить, все ли люди были готовы. Я позвал Мишу, Кузнецова, Тима, Мика, Василия, Алешку, Тимофея и Орлова.

– Наденьте мундиры, – сказал Де Лука.

И через четверть часа 8 советских партизан начисто превратились в нацистский патруль в безупречных мундирах. Де Лука проверил их всех по одному. Начал с беретов, пробовал их, поворачивал и вновь перевертывал в руках, далее разбирал стрижку волос, петлицы, ленточки, рассматривал брюки, внимательно проверял ботинки и, наконец, оружие. У наших были карабины «маузер», пистолеты и все то, что было у немцев. Каждый из 8 товарищей должен был быть безупречно экипирован.

Миша был фельдфебелем, остальные несли с рюкзаками пистолеты и автоматы. Все было, как следует. Только проверяя Орлова и видя, что его пулемет не имеет ничего общего с немецким, Де Лука крикнул:

– Ну, где же ты достал такое оружие?

– Мой «Дегтярев», – ответил русский с непоколебимой уверенностью.

– Его не следует носить. Никто из немцев не носит такого оружия.

– Это не «такое оружие». Советский пулемет.

– Ну хорошо, он будет прекрасным русским пулеметом, но сегодня тебе нельзя его нести. Это было бы неблагоприятно и опасно для всех.

– Он опасен для немцев, а не для нас.

Вмешался я, уверяя одного и другого, что надо разрешить проблему «Дегтярева» до отправления.

Бальдених – недавняя постройка. По виду снаружи он вводит в заблуждение подобных мне (а я из Гаэта) и привыкших к старинным замкам с массивными башнями, предназначенными для заключенных. Его стены не

выше 18 метров, не почернели от времени и не проросли травой между камнями. Он расписан довольно живописными фресками.

При виде на него с главного фасада он мог бы производить впечатление народного дома или сельского здания, архитектура которого подверглась влиянию режима. Он так меняется на вид, если смотреть на него вдоль боковых стен. Спереди он без дверей и без окон, его измеряют мерными шагами два часовых в непрерывном хождении взад и вперед вдоль входа в линию камер.

А там внутри был заключен в числе других Банкьеры – человек, прошедший две трети жизни за границей, в бегах, изгнании или заключении. Он родом из богатой семьи Филтре, но в период отрочества проявил открытый и довольно критичный характер в столкновениях с обыденной и консервативной жизнью своего дома. Он был в числе первых, открыто выступивших против фашизма и конкретно боровшихся с ним, был в числе первых экспатрированных во Францию и в числе первых возвратившихся не вдруг, когда Компартия его вызвала в Италию, был в числе первых, изведавших фашистский застенок.

Вместе с ним мы должны были освободить и Бианки, комиссара первой группы «Бускарина», инженера Зассо, его супругу и профессора Манара Вильджимили, а также ряд других, с которыми я не был знаком.

Выход

Оставалось полчаса до отправления. Теперь первоначальное напряжение превратилось в болезненное ожидание броситься, сломя голову, в это предприятие.

Де Лука поднялся на соломенный тюк, люди к нему приблизились.

– Товарищи, настал момент объяснить вам, в чем состоит операция. Теперь могу сказать вам причины этих странностей. Предупреждаю вас, что, естественно, после того, как с вами поговорю, никто и ни по какому мотиву не может выйти из казармы, а также удалиться во время передачи в Беллуно. Теперь знайте, что это – предосторожность, от которой уже давно нельзя отказываться.

Ваше задание – освободить политзаключенных, которые находятся в тюрьме Бальденик – не только Мило, но и всех.

Мы внимательно проверили все возможности и средства, необходимые для успеха этого предприятия. Отброшены все гипотезы, предусматривающие применение силы. В самом деле, Бальденик – хорошо оборудованная тюрьма, и ее можно оборонять даже немногими людьми, и, конечно, при первых выстрелах начали бы прибывать неприятельские подкрепления из городских казарм.

Нам надо будет действовать с хитростью. Мы переодели восемь товарищей в немецкую форму, среди них будут другие четверо, которые будут играть роль заключенных. Эти 12 человек должны будут войти в тюрьму без единого выстрела, соблюсти обычные процедуры передачи заключенных и действовать только в подходящий момент.

Конечно, речь идет об исключительно опасной операции, но есть лишь одна система, которой мы можем следовать. Нам известно расположение тюремных камер, мы знаем число часовых. Ограда защищена электрическим током, но нам не удалось узнать, как отрезать ток. Это – трудное предприятие.

18 товарищей останутся вне стен для гарантии патруля, который проникнет в тюрьму. В этой зоне не должно быть ни малейшего подозрения присутствия партизан.

Если все пойдет хорошо, то можете удалиться на грузовиках, которые Нази прикажет расположить в установленных пунктах. Прошу вас лишь помнить, что эта операция не должна стоить нам ни единого человека, ни единого патрона, это предприятие должно вернуть свободу и жизнь 70 товарищам.

Де Лука кончил. Я ограничился напоминая всем о максимальной осторожности.

– Проверьте еще раз оружие. Никто не должен делать ни единого выстрела. Прежде чем стрелять, должны быть абсолютно уверены, что это будет единственной возможностью спасения. А теперь идите. Осмотритесь еще на несколько минут и затем выходите из казармы.

Орлов меня взял за рукав:

– Командир, я ношу «Дегтярева» – оружие ваших пленных.

– Согласен, Орлов. Скажем, что это – наше оружие.

Надо было двигаться, было уже семь часов. Мы молчаливо направились вдоль спуска, ведущего в Беллуно. «Немцы» несли оружие, мы упрямо продвигались. Между тем мы спустились сомкнутым строем, дорожка расширялась, стала улочкой, а затем и городской улицей. Мы очутились бы в западне, если бы открыли себя или если бы сделали ошибку.

По сторонам направо и налево тянулась линия двухэтажных домов. В нескольких сотнях метрах от тюрьмы здания были выше, красивее, с садами. Первые цветы оставляли в воздухе приторно сладкий аромат.

Нам повезло – мы не встретились ни с немцами, ни с фашистами¹¹⁷.

Операция внутри тюрьмы

Я был очень важным пленным не только с военно-политической точки зрения, но и с экономической, за мою голову давалось вознаграждение в несколько миллионов. Мое опасение в случае неприятных встреч было в том, что могла возникнуть дискуссия, и что немцы смогут догадаться, что мы не подлинны немцы.

Мы беспрепятственно добрались до перекрестка, где нас должен был поджидать Лино Пьяцца со своей невестой. Мы остановились, подождали несколько минут. Миша пошел посмотреть с той стороны улицы, но от Лино не было и следа. Первый пункт программы не состоялся.

Лино должен был нам сообщить о том, что произошло в те последние часы – о возможном удвоении часовых, о возможных подкреплениях со стороны немцев, в общем, обо всем, что бы могло дать нам верное представление о том, с чем мы могли столкнуться. Несмотря на такую

неожиданность, мы перешли перекресток и вышли на дорогу, ведущую к тюремной площади.

Не могу сказать, было ли предвкушение удачной операции больше, чем боязнь неудачи.

Часовые на выступлениях нас уже заметили и дали сигнал жандармам о нашем прибытии.

Необычный отряд в полном военном построении остановился у тюремных ворот. Миша стал решительно стучать и заметил в дверце смуглое лицо карабинера: «По приказу фельдфебеля». На ломаном итальянском, который для того, кто знал, был смешан с русским, но который должен был казаться немецким, Миша с авторитетом, который знаком нацистским фельдфебелям, потребовал, чтобы ему открыли дверь. Карабинер уступил место одному унтер-офицеру, который потребовал от Миши тюремные документы.

– Ты што, ня видишь? Моя люди устали. Делаю растрелламенто партизан в тюрьме. Быстра!

Дверца закрылась, ключ повернулся в замке, и ворота открылись.

Двое часовых на крепостной стене перестали отбивать шаги и остановились, чтобы посмотреть на нас. Кто-то изнутри подал голос и по получению ответа открыл решетку, пропуская нас. Тюремщик подождал несколько секунд, прежде чем закрыть, ожидая, что Тим, Василий и Тимофей примут решение войти, но Миша сделал ему знак, что это неважно.

Мы оставили во дворе лишь троих людей против 16 карабинеров. Конечно, крепкого положения не было, но дело должно было развертываться так. Мы надеялись, что только внезапность даст желаемый эффект.

Миша вошел в регистрационную комнату с хладнокровием, не свойственным и немцу, за ним пошли я, Марат, затем Минк, Алешка и Орлов. У двери немного внутри остался Николотта, который расположился направо, чтобы приблизиться к телефону. Эрмес и Кузнецов замыкали группу.

Регистрационный служащий тем временем потребовал у Миши тюремные документы.

– Нет понимай, партизан тюрьмы. Товарищ, для заключения этих людей мне необходимы документы. Где они у тебя?

– Германский фельдфебель нет понимай документ.

Гвардейский фельдфебель, находившийся в комнате, вмешался, стараясь дать себя понять:

– Бумагу, бумагу о пленных вы иметь?

– Солдаты великого рейха имеют расстрелять партизан, – и сделал знак Орлову показать добычу.

– Хорошо, я понял, но я должен написать фамилии этих людей, как их зовут?

– Зовут? Партизан? Я нет знать.

И между тем делал акцент на это чисто русское «нет», которому другой, по счастью не знавший даже и немецкого, не придавал значения.

Долгое время, проведенное вместе, борьба и предприятия, которые мы доводили до конца, соединили и настроили наши действия и нашу восприимчивость. Миша понял, что надо выиграть время в ожидании тюремного сторожа. Было невозможно открыть решетки (двери) без ключей, который тот имел при себе. И если у него до этого было прохладное лицо, то теперь в этой комнате на нем уже выступал пот. У Миши чередовались минуты спокойствия с порывами гнева, которые итальянец принял за признаки властного характера. Но мы расценили их в подлинном свете, как признаки нервозности, которая все более усиливалась.

– Как же я помещу в тюрьму этих четверых без документов, без бумаги?

– Бумага? Что такое бумага? Я нет понимать. Растрелляменто и показывай нам партизан в тюрьме. Быстро!

– Среди вас никто не говорит по-итальянски?

У нас не было времени для ответа, поскольку пришел тюремный сторож со связкой ключей в руке.

Кузнецов стал сбоку от него, схватил его за плечо и швырнул его в середину комнаты, в этот же момент я взял автомат, который держал хорошо скрытым за спиной и, наводя его на регистрационного служащего и фельдфебеля тюремной охраны, сказал просто:

– Все мы говорим по-итальянски.

Николотто быстро схватил телефон, чтобы разорвать у него провода. Я же обратился к двум ошеломленным от испуга тюремщикам:

– Бросьте шутки, я разможжу вам головы. У телефона есть сигналы тревоги?

– Нет, их нет.

И Николотто рывком разорвал провода. Я раздвинул шторы для условного сигнала товарищам, ожидавшим внизу. Тим сделал знак Василию, и каждый из оставшихся во дворе нацелил оружие на часового сообщения камер. Тем временем Тимофей подбежал к воротам и широко распахнул их, чтобы дать войти группе из 5 партизан, которые должны были помочь ему водить за нос внутреннюю группу охраны.

Одновременно Тим приказал часовым спуститься во двор с поднятыми руками, держа над головой автомат. Некоторые из нас остались в регистрационной комнате для контроля, чтобы все проходило по плану. Я, Николотто и Кузнецов, следуя за двумя тюремщиками, пошли освобождать Мило.

Василий и Тимофей уже разоружили всех и ожидали, пока карабинеры окончат раздеваться. Несмотря на это, те не понимали еще ничего и продолжали подтверждать свою верность Германии, Муссолини, Гитлеру, продолжали протестовать вполголоса против непонятного поведения трех немецких товарищей. Надо было заставить их замолчать. Тогда Эрмес взял ключи у надзирателя, открыл вторую камеру и закрыл всех карабинеров в той же самой камере, в которой был заключен Мило. Чтобы принудить их к

тишине, он угрожал применить свой пистолет с глушителем при первом признаке беспокойства (конечно, ни у кого из нас не было такого оружия).

Тем временем операция продолжала развиваться в сжатых ритмах. Мы разделились на 4 группы, чтобы сократить время пребывания в тюрьме. Каждая из групп была заинтересована камерами того или иного крыла и заключенными, находившимися в них.

Вскоре мы нашли Бианки, который узнал среди нас Мило:

– Что делаешь у этих людей?

– Мы свободны, Бианки! Это – Карло, они – переодетые партизаны.

Скоро освободим и других.

Начиная с первой камеры, некоторые пошли за нами, чтобы лучше понять происшедшее (было не сразу все ясно). Везде был крик, стремление найти обувь, пиджаки, брюки. Заключенные выходили наружу кто в трусах, кто в кальсонах пижамы, кто в военной куртке.

Бианки меня обнимал. Кузнецов открывал камеры, из которых выходили другие товарищи, уже одетые, одни – еще не верящие, другие – почти безумные от радости. В четвертой камере мы нашли Банкьеры, уже одетого, с парой белых летних ботинок, в костюме также легком и даже приглаженном.

Во дворе и в оружейной освобожденные товарищи хватали все, что могло потребоваться в будущих боях, кое-кто думал еще об обуви, о мундирах, но радость была так велика, и, в общем, благоразумия не хватало. Были закрыты все карабинеры и почти все надзиратели.

На минуту нами овладело волнение и беспокойство перед главными воротами. Они были закрыты.

Я, крича, спросил ключи, но в суматохе мы потеряли из виду Мило, у которого они должны были быть с собой. И было достаточно нескольких минут, чтобы эти закрытые ворота дали ощущение провала операции, возбудили у товарищей, остававшихся так долго в заключении, чувство страха и почти ужаса. Надо было их вывести наружу. Для этого нужна была тишина, которая и овладела всеми нами.

Решительным движением я взял в обе руки орудия, которые закрывали определенную часть ворот, дал рывок ударом плеча и открыл ворота.

Одно и то же время, которое нужно было одному человеку, хватило нам всем, чтобы переступить тот порог.

ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 12. Д. 3. Л. 153-162 об. Машинописная незаверенная копия.

---

* Отрывок из повести Дж. Фиумара, опубликованной в журнале «Реальта советика» (1974 г., № 6, 7, 8) журнала. Перевод сотрудника Тамбовской областной научной библиотеки им. А.С. Пушкина Б. Карнаухова.

Я, Милосердов Алексей Ильич, уроженец села Уварово Тамбовской обл. Родился в 1919 г. По окончании 7-го класса поехал учиться в Москву, где поступил в Мытищинский машиностроительный техникум. В 1938 г. с 3-го курса по комиссии был призван в морское училище в г. Баку. В 1940 г. из училища был направлен в г. Кронштадт, а потом в Эстонию, г. Балтийск (Палдиски) и далее на острова Эзель и Вилсанди.

С начала войны, служивши на катере рулевым, был ранен в ногу, взят в плен и доставлен в город Валка на границе Латвии с Эстонией, где в ужасных условиях был доведен буквально до костей и кожи.

В январе 1942 г. был переброшен в Латвию в лагерь для военнопленных. Из лагеря совершил побег, но неудачно, т.к. после двухнедельного скитания был схвачен местным гестапо. После месячного карцера и допросов опять был отправлен в Латвию.

В 1943 г. из Латвии отправлен в г. Герлиц, а затем в Верхнюю Силезию, г. Катовице, где работал при постройке шахтных зданий в команде верхолазов.

И вот в ноябре 1943 г. с помощью девушек, угнанных из г. Ростова (они тоже работали с нами на стройке и были связаны с партизанами), я решил совершить побег. Процесс побега очень труден, опасен и долог. Побег был благополучен. С помощью девушек я был переправлен в г. Николаев (Верхняя Силезия)*. Сменив имя, теперь я был Мининым Иваном, устроился на работу. И вот однажды при выполнении очередного задания я был схвачен и отправлен в смертный лагерь Освенцим. Это было в апреле 1944 г.

Из Освенцима был переправлен в Маутхаузен. Так под № 179568, вытатуированным на левой руке выше кисти, меня перевезли в г. Линц – филиал лагеря Маутхаузен, расположенный на реке Дунае.

Во время воздушных бомбардировок нас, пленных, выводили на бомбоубежище, а т.к. воздушные налеты были ужасные, охрана разбегалась. В один из таких налетов я под страшный свист бомб побежал к берегу Дуная, разделся и бросился в Дунай. Брать с собой одежду не было смысла. Итак, ценой большого напряжения и усилий, переплыв Дунай, голым направился в горы. После отбоя в лагере поднялась тревога, т.к. таких, как я, оказалось много. Многих перестреляли, я спасся буквально чудом.

С наступлением темноты я начал пробираться в лес. На следующий день в низине увидел домик, но подходить днем к нему боялся. Когда стемнело, я пробрался к нему. В этом сарайчике я обнаружил человека в женской одежде. Оказалось это такой же беглец, как и я (бывший узник лагеря Маутхаузен Пашков Яков). Вместе с ним мы нашли в этом сарае кое-какой скарб и тряпье, которым я прикрыл свою наготу и обмотал ноги. Далее мы поднялись в горы и начали по звездам продвигаться на восток...

В пути нам помог француз, который после долгих объяснений на «всех языках» все-таки понял, что мы от него хотели. Через несколько часов он принес нам кое-что необходимое и даже двое брюк.

Однажды ночью мы наткнулись на костер, у которого сидел человек с топором. Он оказался такой же, как и мы. Звали его Николай. В пути Николай заболел, и мы вынуждены были сделать остановку. Она чуть не стала для нас роковой, но нам удалось скрыться. После долгого бега мы очутились в низине и сделали привал.

Вскоре мы встретили человека в форме лесника. Он хорошо говорил по-русски. Он нам рассказал, что мы находимся в Чехословакии, что здесь всех беглых хватают и расстреливают на месте. Он предложил нам свою помощь. Через некоторое время мы встретились с ним, он принес нам все необходимое. Хоть предстоял еще долгий и опасный путь, но на душе стало веселей. Был август 1944 г. Пищи было достаточно. Да и мир не без добрых людей. Однажды наткнулись на домик в низине. Женщина дала нам груш, хлеба и посоветовала пробираться в горы к партизанам. Ночью мы слышали голос, кто-то пел: «Страна моя, Москва моя» (пели по-русски). Мы окончательно осмелели и шли даже днем. При выходе на поляну (я шел первым) нам навстречу вышел человек с винтовкой. Ему мы объяснили, кто мы и что с нами. Он сразу же взял мою левую руку, и все стало ясно. Оказалось, он тоже бывший узник лагеря смертников. Больше никаких документов было не нужно, да у нас их и не было. Итак, с июня по август в течение 82 дней мы совершили трудный переход и попали в партизанский отряд «За Родину».

Личный архив Л.Г. Дьячкова. Подлинник.

---

* Так в документе. Правильно – Николаи (нем.), Миколув (польск.) – город в Силезском воеводстве Польши.

№ 1367

Воспоминания М.Б. Куна¹¹⁹ о пребывании в немецком плену

Дата не установлена

Платформы до отказа были набиты людьми. Прижатые к бортам пленные, не отрываясь, смотрели на эту ужасающую картину опустошений. Сердца их ныли от боли, глядя на искаленную родную землю.

- Я ведь из этих мест, - говорит с тоской молодой лейтенант, - скоро будет станция Лесная, а за ней моя деревня. Не знаю, сохранилась ли?..

Все смотрят в его сторону, но чей-то стон заглушает и слова лейтенанта, и стук колес. В углу платформы, на полу, оберегаемый кучкой людей, сдерживающих общий напор, лежит тяжело раненый полковник. На его груди орден Красного Знамени. Вероятно, с какой-то целью гитлеровцы

оставили его в живых, потому что всех, кто не мог передвигаться, пристреливали еще до погрузки в эшелон.

Полковник лежал на грязном полу платформы, покрытом толстым слоем угольной пыли, и люди боялись шевельнуться, чтобы поднимаясь пыль не попала в его раны. Он продолжал стонать. Осколок раздробил ему мечевидный отросток, глубоко задел верхнюю часть печени и, пройдя через диафрагму в легкое, застрял где-то под правой лопаткой. Как видно, его мучили приступы острых болей, до предела изнурила желчная лихорадка.

Находившийся среди пленных русский врач Карташов с особой болью смотрел на его мученья не в силах ничем помочь. Он несколько раз обращался на остановках за помощью к немецкому унтер-офицеру, но тот отказал даже в бинтах. Пришлось накладывать повязку из лоскутьев грязной нижней рубахи.

Полковник то впадал в забытье, то снова приходил в себя. Глаза его были закрыты. Трудно даже было определить: в сознании этот неподвижно лежавший восковой человек или в беспамятстве. Но когда его глаза открывались, и он на минуту приходил в себя, – на губах чуть слышались слова, полные беспокойства за свою часть, за людей. Как видно, не одни только физические страдания угнетали полковника, а еще и то тяжелое чувство пленения, отрыва от своих, сроднившихся с ним, однополчан, которое тяжелым камнем давило на сердце.

Глядя на эти мученья, все забыли даже про голод. Многие не ели уже около недели, слабость подкашивала ноги, одолевала томительная жажда.

Куда нас везут? Что ожидает впереди? На этот вопрос никто не мог дать ответ. Я смотрел то в сторону полковника, то на молодого лейтенанта, который говорил, что из этих мест. Его звали Вадимом. Мне как-то особенно стало жаль его. Трудно передать словами то тяжелое чувство, когда покидаешь родные края, но еще более нестерпимо сознавать, что никто из близких не знает об этом. Как хочется тогда, хотя бы на минуту, увидеть кого-нибудь из своих, бросить на прощанье последнюю пару слов, видеть и чувствовать их поддержку. Но никого нет... Нестерпимо щемит сердце. Тяжелый камень навалился на душу.

Костя Белов, стараясь не отрываться от меня, сказал тихо, наклонясь к уху:

- С такой платформы не выпрыгнуть – борта высоки. Да и ослабели здорово. Но мы все равно убежим. Правда, товарищ командир?

- Командиров пока нет, - ответил я также тихо Косте. - Если хочешь, чтобы нас не разлучили, зови просто по имени. Среди своих тоже могут попасться предатели. Бывает, в самом хорошем стаде заведется какая-нибудь паршивая овца...

Костя кивнул головой, согласился.

Томительная тряска, страшная скученность, голод и жажда изнурили людей до предела. Еще больше усугубляла все это моральная подавленность.

Мысли кружились в голове, обжигая души, приводя их в неистовое томление, охватывая какой-то внутренней жаждой. Но если бы и случилось

испить воды, то все равно сколько не пей, а все горит внутри, не перестает сосать горячая тоска по свободе, по дому, по родной земле... И хотя каждый был уверен в конечном исходе войны, тем не менее первые дни отступлений и поражений с болью вошли в солдатское сердце. Недаром кто-то из полководцев минувших времен говорил: «У отступающих раны дольше гноятся...». Но еще более тяжелый мрак вселился в души людей, когда, не теряя своей стойкости и моральной устойчивости, они по тем или иным причинам, независящим от себя, стали достоянием ненавистного врага.

Монотонно стучали колеса. Вечер наполнил на землю мутными лиловыми тенями. Несмотря на тесноту в углу слышалась непонятная возня. Чей-то голос сказал:

- Ну, чего смотрите? Поставьте его к краю, а руки опустите за борт. Умершие быстро коченеют. Тогда и держать не придется, сам себя удержит.

Несколько человек, поддерживаемые друг другом, с трудом протискивали тело умершего к краю платформы. Кто-то приподнял покойника, поставил у железного борта, опустив наружу посиневшие руки.

- Что делаете, товарищи? - возмутился один из пленных. - Не кукла ведь – человек. Положить надо.

- Легко сказать: положить. А куда? - отозвался тот, что первым предложил поставить его к борту. - Было б место – отчего же, а то не видишь, что ли, теснота какая! В притирку стоим. Спим-то стоя – друг-друга поддерживаем.

Он невольно обернулся в сторону полковника и добавил:

- Вот он другое дело – живой человек. А этому теперь уж все равно. На фронте, может, и вообще на куски разорвало б...

Ночью похолодало. Небо почернело, будто его начистили гуталином. Северный ветер швырял косые полосы дождя, пронизывал до костей все тело. Проезжая мимо встречных огней, бледно-зеленое лицо умершего озарялось слабыми отблесками света и тут же вновь тонуло в темноте.

Под утро, после продолжительного гудка, паровоз стал замедлять ход, закрипели тормоза, с грохотом прокатился по составу лязг ударявшихся буферов. После сильного толчка эшелон остановился.

На пробитой пулями почерневшей вывеске было написано название станции. Это была та самая Лесная, про которую говорил лейтенант Вадим. Фамилии я его не знал, больше называли по имени. По обеим сторонам полотна уже толпилась лагерная охрана с полицаями и овчарками.

- А ведь наши ребята... - сказал кто-то, указав на полицаев.

- Были наши, - возразил другой, - а теперь немцам прислуживают, мерзавцы.

На края бортов водрузили деревянные трапы.

- Лес! Лес! Раус! Антритен!¹²⁰

Немцы торопили, кричали. Кто мог влезть на трап, скатывался по нему на землю, подгоняемый криками и пинками. Разгрузка шла медленно. Старший эсэсовский офицер, с вытянутым лицом и настолько тонким орлиным носом, что на нем еле-еле держалось золотое пенсне, видя, как

медленно идет разгрузка, что-то с недовольством говорил полицаям, указывая на эшелон. Те опрометью бросились к платформам. Не успевших слезть на землю и обессиленных избивали обрезками резиновых шлангов, заменявших в то время плети, сбрасывали вниз. Слышался стон, проклятия.

Среди общей толпы этих измученных людей находилась пленная девушка. Я видел ее впервые. Позже узнал, что зовут ее Надей, и была она медсестрой при медсанбате какого-то полка. Но полк разбили, главного врача-хирурга застрелили, когда он делал сложную операцию нашему майору и не допускал немцев в палатку. Ее же в числе других взяли в плен.

Надя стояла недалеко от меня. Ее испуганное и заплаканное лицо вызывало жалость. Очевидно, немало пришлось ей пережить, как девушке, за последние дни, прежде чем попасть сюда. Она так же, как и мы, не имела шинели, тело ее трясло в ознобе. Намокшая от дождя гимнастерка плотно облегалась ее тело. Какой-то полицай, проходя мимо, обратил на нее внимание.

- Ишь, краля какая! - усмехнулся самодовольно он, кладя огромную руку на ее маленькие плечи. Подружим, не бойся. Девка или баба? - спросил он с усмешкой, сдавив до боли ей грудь, так что у Нади брызнули из глаз слезы.

- Оставьте меня, пожалуйста, товарищ, зачем вам это? - чуть слышно проговорила она, увертываясь из его рук, не зная сама, как произнесла это привычное обращение «товарищ».

Полицай мгновенно побагровел. Бесцветные бычьи глаза сузились до щелок, метнули огонь.

- Товарищ? - переспросил он, отпустив руку и с силой ударяя ее по лицу.

Надя пошатнулась.

- Я тебе покажу, стерва, как говорить с начальством. Не товарищ я тебе, а господин полицай. Поняла, дура сталинская? Отвечай!

Но Надя не смогла ни понять, ни ответить. Слезы сдавили ей горло. К счастью полицая отозвал ээсовец. Надя стояла, окруженная своими людьми, прислонив с детской доверчивостью голову на грудь пожилого ополченца, тихо всхлипывая и повторяя почти про себя:

- Саша! Милый мой, дорогой Сашенька! Если бы ты только знал, как мне тут тяжело без тебя!..

Она уже не сдерживала рыданий, она плакала в своем безутешном горе, вздрагивая всем телом от постигшей ее обиды и оскорбления, от всего того самого страшного, что ожидало впереди. Они прожили вместе всего несколько месяцев. По ее лицу казалось, что никогда раньше она не любила его так сильно, как сейчас. И если бы она, успев стать матерью, увидела бы в нем не только своего мужа, но и отца будущего ребенка, все равно ее любовь к нему, наверное, только удвоилась бы, а сейчас умножилась в неисчислимое количество раз.

Выгрузка закончилась. Для раненого полковника сбили наскоро грубые носилки, но ему уже ничего не было нужно... Его закопали здесь же у лога, так и не узнав ни имени, ни фамилии, ни той части, в которой он служил.

Колонна двинулась. Ноги вязли в грязи. И хотя дождь перестал, но намочшая одежда холодным компрессом прилипла к окоченевшему телу.

Рядом со мной шли Костя и Вадим. Отстающих и раненых подгоняли плетью и прикладами. Крики, понукания и лай собак – сливалось все вместе, создавая сплошной общий гомон.

Дважды раздавались выстрелы – убили какого-то еврея и политрука. Видно, нашелся предатель, ехавший с нами в одной из платформ, успевший донести на своих же людей.

После смерти полковника никто не разговаривал, чувствовалась общая подавленность и сострадание к погибшему человеку. А тут еще на ходу расстрелы. Пять дней боролись за жизнь полковника пленный врач Карташов и те товарищи, что оберегали его покой в угольной платформе, но спасти не удалось. Слишком мало было возможностей. Гангрена, перешедшая в общее заражение (сепсис), разошлась по всему телу, синими потоками устремилась к сердцу.

- Бедняга! Как он мучился!.. - печально сказал Карташов.

- И, несмотря на это, никто не слышал от него ни одной жалобы, когда на минуту он приходил в сознание.

- Железный человек был, - добавил кто-то.

- Вот именно – железный, - повторил утвердительно Карташов.

- Однажды, еще в первый день поездки, я спросил его: кто он и откуда? И что же думаете, он мне ответил? Я, говорит, человек одинокий, и плакать по мне теперь некому. Семью бомбой убило при эвакуации. Если выживу – сам объявлюсь, если нет – пусть думают, что погиб в бою. Потому и знать про меня не стоит.

- Выходит, пленение угнетало его больше, чем ожидание смерти? - спросил Вадим.

- Теперь ему уже все равно, - вздохнул пожилой ополченец, - а вот нам предстоит долго мучиться и неизвестно, каков будет конец.

- Конец один, - сказал другой мрачно, - бессрочная командировка к праотцам, другого не жди.

Кто-то из пленных, видимо, решив подбодрить товарищей, сказал:

- Отчаяние ни к чему не приведет. О жизни думать надо, а не о смерти. Вспомните героев Гражданской войны.

- Вот и правда, - подхватил Костя, - взять хоть Чапаева. В тяжелые минуты всегда песни пел. Помните его любимую?

И он запел тихо, чуть слышно произнося слова:

Черный ворон, сизый ворон,

Что ты вьешься надо мной?

Али крови захотел ты,

Черный ворон, я не твой...¹²¹

Сильный удар плетью по голове заставил Костю захлебнуться своими же словами. Полицай зло посмотрел на него, ощетинился.

- Про Чапаева вспомнил? Петь захотел? Погоди, скоро вся блажь из башки выскочит.

И он закричал на пленных, хлыстнув плетью проходившего мимо ополченца:

- А ну, подтянись, сталинское отрепье! Пшел!

Шталаг

Вновь нанесенный на карту концлагерей шталаг № 337¹²² был утвержден рейхсфюрером СС как еще один пункт уничтожения людей на оккупированной гитлеровцами белорусской земле. В состав этого огромного лагеря, рассчитанного на 80 тысяч заключенных, входили: лагерь «Лесной»*, названный по одноименной с ним железнодорожной станции, и два лагеря в городе Слуцке¹²³ и Барановичах с 20-тысячной тюрьмой.

Но основным центром огромного комплекса считался лагерь «Лесной»*. Его огромная территория разделялась на две части двумя рядами барачков, в которых содержались в основном бойцы Красной Армии. В стороне, ближе к сторожевой вышке, стоял офицерский барачок для командиров и политработников, а метрах в двухстах от него такой же женский барачок. В нем находились девушки и женщины, захваченные еще летом вместе с детьми на копке противотанковых рвов и траншей, а то и просто по какому-то необоснованному подозрению.

С полуодетыми, а иной раз с босыми ребятишками, в одних тоненьких маркизетовых кофточках, они шли под охраной немецких солдат, с испугом озираясь по сторонам, в эти ужасные полуподвалы, за колючую проволоку, не имея даже возможности захватить с собой необходимую, брошенную где-то на месте работ одежду, чтобы теперь хоть чем-то прикрыться от стужи и наглых взглядов полицаев.

Оба барачка, как офицерский, так и женский, расположенные почему-то невдалеке друг от друга и содержавшиеся по различным причинам под особым наблюдением, огораживались дополнительно по отдельности несколькими рядами колючей проволоки, лишая общения с остальной частью лагеря.

У самых ворот, выходящих на дорогу к станции Лесная, стоял мрачный дом фельдфебеля Венцеля с пристроенным к нему холодным карцером. В доме размещалась «русская комендатура», прислуживающая абверу: «комбаты» и полицаи, завербованные немцами или же перебежавшие на их сторону с листовками врага, главари из «охранной сотни» (или лицемерно называемой позже «сотней вызволения») и переводчик.

В другой стороне, ближе к хутору Березовка, стояли хозяйственные постройки с кухонными котлами, из которых кормили пленных, домом поваров, колодцем и кладовыми. Там же, за складом обмундирования, снимаемого с умерших людей, размещался лазарет и деревянное здание, походившее на перестроенную когда-то церковь, без купола, но с клиросом и возвышением, похожим на амвон. Было и еще какое-то строение наподобие морга, куда на первое время стаскивали тела умерших и казненных людей.

На большом «апель-платце», предназначавшемся для приема очередных партий пленных и казней, стояло несколько виселиц, с бункером для смертников или лиц, подлежащих экзекуции.

В восьмистах метрах, за речкой Деревянкой, располагался филиал Лесного лагеря*, под названием лагерь «Норд» или, как иначе его именовали, «карантинный». В нем находились очередники, обреченные на казнь, штрафники из полицаев и безнадежно больные, истощенные голодом и болезнями люди.

Около Лесного лагеря* стоял военный городок, занимаемый когда-то Красной Армией, а теперь эсэсовскими частями, с казармами для охраны, немецкой комендатурой, абвер-бюро, коттеджами для офицеров и казино. В стороне от них отдельной кучкой громоздились хозяйственные постройки, кухни, псарни, гаражи и домик мастеровых, где обычно работал Гордеев¹²⁴. Он работал старательно, но не для немцев, а для своих же людей. И недаром говорится: «Чужая душа – потемки». Его мысли остались неузнанными, и вышло так, что в скором времени Гордеев завоевал доверие среди немцев.

В один из дней, сидя за столом в своей мастерской и подсчитывая, сколько и каких материалов нужно просить на завтра у Венцеля для работ, Гордеев неожиданно услышал сначала отдаленный лай, а вслед за ним глухие выстрелы и доносившиеся до слуха крики эсэсовцев. Он с тревогой прислушался. «Ведут!» – мелькнуло в голове старика. Что-то екнуло в сердце, толкнуло в дверь, заставило выйти на крыльцо. Горечь и обида за своих людей как-то сразу вошли в его душу.

Все яснее и отчетливее становились крики и лай собак, мешаясь в один сплошной, неумолкающий ни на минуту, приближавшийся гомон. Гордеев стоял, как замороженный, устремив глаза в сторону леса.

- Чего стоишь, старина? - крикнул Гришка-полицай, увидя остановившегося Федора Осиповича и подходя к нему. - Чудно, а? - спросил он с ухмылкой, поняв по-своему мысли Гордеева. – Сталинских ведут, вон сколько!

Гришка показал глазами на дорогу и добавил:

- Будет потеха! А?

Гордеев не ответил, промолчал. Он и не заметил, как вдруг тяжелые ворота заскрипели, распахнулись, и тысячная толпа пленных, подгоняемая криками и плетьюми, неожиданно стала заполнять площадь. Гришка подмигнул Гордееву и бросился к воротам.

Весь лагерь был построен в форме каре с участием даже женщин и детей. Все это делалось нарочно, по заранее обдуманному плану, чтобы люди ни минуты не чувствовали покоя. При любом построении полицаи с дикими криками и гиканьем врывались в бараки, сгоняли палками и плетьюми обессиленных людей, не обращая внимания ни на болезни, ни на слабость, подкашивающую их от истощения и голода.

Я стоял вместе с Костей и Вадимом, с которым подружился во время дороги. Направо, налево, со всех сторон раздавались крики, стоны, удары плетей, как цыганские кнуты, разрезавшие со свистом воздух. Нас

выравнивали, строили, кричали: «Антретен! Ахтунг! Штильгештанден!»¹²⁵. Но никто ничего не понимал и, может, потому не выполнял никаких команд, за что получал от самого Гришки Довгунка кистенем по голове. Вернее это был и не кистень, а особая плеть в виде кнута. Металлический груз, привязанный к ее концу, рассекал щеки, выбивал глаза и зубы.

После томительного, напряженного трехчасового ожидания показалось командование лагеря в сопровождении офицеров и верзил из «русской комендатуры» и «охранной сотни». Впереди шли выхоленные, в начищенных до блеска лакированных сапогах, с высоко задранными тульями фуражек комендант Гофман и зондерфюрер Мюллер.

Дойдя до середины площади, они остановились. Мюллер оглядел построенных людей сквозь вставленный в правый глаз монокль и подозвал старшего полицая. Как видно, полицай получал какие-то распоряжения, потому что стоял, как жердь, вытянувшись по-немецки перед эсэсовцем, в то время как остальные головорезы из охранной сотни уже сновали по рядам, вынюхивая евреев и политруков.

Наступили тягостные минуты ожидания. Нестерпимо хотелось есть и пить. И вдруг, как раз в этот момент, кто-то из стоявших за мной во втором ряду с оглядкой шепнул слабым голосом:

- Товарищи, да сколько ж можно?! Спросите, когда кормить будут? Упаду, правда, упаду, ноги не держат. Не могу больше...

Сосед покосился на него, одернул за рукав.

- На-ко, облокотись, - сказал он, подставляя локоть, - а просить ни о чем и не думай. Не унижай достоинства наших людей. Понял? Терпи!

Тот покорно качнул головой, ухватился за руку соседа.

Снова команда: «Ахтунг!». Полицаи побежали по рядам, яростно избивая плетью тех, кто нарушал равнение. Досталось и шепнувшему о еде паренюку с его соседом. Свистящая гайка, привязанная к концу плети, с силой ударила по головам. Паренек упал. Его вытащили из строя, долго били, а потом застрелили.

В середине площади, где стояло командование лагеря, до нас долетели картавые слова Мюллера на ломаном русском языке, выделяя как-то особенно гортанно букву «р».

- Евреи, выходите, завтра будет уже поздно! - повторил он троекратно.

Невдалеке уже стояло несколько человек, схваченных и добровольно подчинившихся приказу. Этого оказалось недостаточно. Немцы не успокоились. Отдельными группами они обходили ряды пленных, осматривали, впивались глазами в лица своих жертв, отбирая любого, мало-мальски похожего на еврея. При всяком сомнении они обращались к врачу Курту Гольмеке, и тот, как правило, спрашивал: «Юда?». И, не дожидаясь ответа, кричал: «Ап!»¹²⁶. Человека уводили, хлеща беспощадно плетью, к отобранным уже, толпившимся в стороне ото всех, обреченным людям.

Когда осмотр окончился, их заставили раздеться догола. Среди них были две женщины в военной форме. Эти женщины отказались раздеваться.

Тогда с них силой сорвали одежду и провели обнаженными вдоль строя, всячески глумясь и издеваясь над ними.

Всех остальных евреев погнали копать яму. Это происходило за лагерем, по другую сторону дороги.

Как-то сразу пошел мокрый, липкий снег. Зубы стучали от холода. Дошла очередь до нас – отбирали командный состав. Костя – вместе со мной и Вадимом. Боясь оторваться от нас, он сказал, что был младшим командиром.

Подходя к офицерскому бараку, мы услышали автоматные очереди. За лагерем расстреливали евреев. Шедший со мной ополченец сказал:

- Теперь возьмутся за нас.

- За кого? – спросил я, не поняв его слов.

- За политсостав. Я же политрук, только форма не та, в ополчении был. А там знаешь как? Даже звезды на рукаве нет.¹²⁷

- А кто-нибудь знает, что ты политруком был?

- Ты! – засмеялся он тихо, делая на этом искусственное ударение, да еще один... - и, помрачнев, добавил: - Тот продать может. По дороге унюхал, разговор подслушал. Он уж двоих продал. Слышал выстрелы, когда сюда шли?

- А где он сейчас?

- Не знаю. По-моему, к нам не попал. Но ведь в лагере всех можно встретить.

Я сдвинул ему пальцы в знак сочувствия, сам не зная того, что ждет впереди каждого из нас.

- Будем надеяться на лучшее, - сказал я успокаивающе. – А как твоё имя?

- Зови просто Гришин, - ответил он и вдруг, указав на шедшего рядом с ним товарища, пояснил: - А это мой друг. С самого начала вместе были.

У территории офицерского барака, куда нас подвезли, ожидали полицаи. Прибывших впустили внутрь совсем маленькой территории, огороженной несколькими рядами колючей проволоки.

По земляным ступеням с дощатыми подступенками, походившими на опалубку, чтобы не осыпалась земля, мы спустились в темный, похожий на подземелье, сырой барак. Половина двухъярусных нар была занята лежавшими на них людьми. Я лег у узкого, удлиненного в ширину, окошка, чуть пропуская свет на второй ярус нар.

Не знаю, почему не выбрали этого места находившиеся уже там люди. Может, потому, чтобы не привлекать внимания полицаев, но мне хотелось к свету, пускай даже самому малому, только бы не лежать в темноте. Внизу, на первом ярусе царил тьма. Весь барак был погружен в землю до самых окон, походивших на продухи. Рядом легли Костя и Вадим, по другую сторону – Гришин и Метечко.

Через каких-то час-полтора стали ощущаться острые края досок, врезающиеся в бедра. Из-за отсутствия ранца и шинели нечем было укрыться, нечего было подложить под голову, кроме своего кулака. Рука затекала.

- Это еще ничего. - сказал, глядя на нас, один из лежавших напротив. - Хуже, когда пролежни образуются – настоящая мука.

Он оголил воспаленные бедра, показав вздувшиеся, с синеватым оттенком, красные пятна на бледной, исхудавшей коже.

- Страшная вещь: сидишь – больно, ляжешь – вдвойне. Все тело горит.

- А вы здесь давно? – поинтересовался я.

- С самого начала. В лазарет не взяли. Хотели в немецкий госпиталь, но какой-то фриц запротестовал, не захотел, мерзавец, вместе с русским офицером лежать. Револьвер просил – пристрелить меня. Вот и бросили сюда. Так и лежу с того дня, не поднимаясь, на этих досках. Терпенья уж никакого нет. Спасибо – товарищи едой делятся. Свой паек не получаю – пропадает, так что теперь от слабости и вовсе не встать.

И он рассказал о себе. Звали его Николаем Ивановичем, родился в Ярославле, кадровый командир, военврач. Попал вместе со всей своей частью в окружение, пробивался к своим, да так и не удалось пробиться.

Здесь же в нем не нуждались. Вместо настоящих врачей вербовали самозванцев, перебежчиков, ничего не имевших общего с медициной. Здесь нужны были не лечащие врачи, а умертвляющие.

Измотанные за последние дни, не спавшие несколько ночей, мы несмотря ни на что заснули, как убитые, хотя ночью, сквозь сон нет-нет да и доносились до слуха в полусознании чьи-то хрипы и стоны.

Протяжный свисток и зычные окрики разбудили нас: «Ауф, менш! Ауф! Ауф!»¹²⁸. И тут же второй русский голос: «А ну, подымайся! Ишь, разлеглись, сволочи!».

В дверной проем ворвались полицаи. Посыпались звонкие удары палок о нары, засвистели нагайки и плетки.

Словно очумевшие, с заспанными глазами, а некоторые вовсе не спавшие люди стремительно соскакивали с нар, бежали к выходу. Слабых, не могущих подняться, сбрасывали вниз, били, вытаскивали из барака.

Началось первое знакомство с лагерным режимом. После долгих построений и проверок нас повели к кухонным котлам. Первая кроха еды за многие сутки голода.

Красномордые повара разливали, наливали в подставленную посуду – в каски, в котелки, в заржавленные консервные банки, в миски и даже в пилотки, у кого что было – жидкость, называемую баландой. В ней плавали две-три картофельные очистки и несколько крупинок неочищенного проса. Чтобы пленные не опухали от голода, баланду варили без соли.

По последнему приказу Гитлера снабжение продовольствием и одеждой военнопленных считалось излишней гуманностью. Поэтому через каких-то неделю или две многие уже почти не могли передвигаться.

Ни у кого из нас не было ничего, кроме пилотки.

- Что ж, испробовать, что ль эту посудину? - усмехнулся Гришин, глядя, как делают то же самое другие, не имевшие ничего более подходящего под руками. Он протянул пилотку. Повар захотел поиздеваться. Зачерпнув целый черпак горячей жижи, он с силой ударил им Гришина по рукам. Руки

обожгло, мокрая пилотка упала на землю. Стоявший рядом полицейский ударил плетью по голове.

- Я тебе покажу, собака, как добро разливать, - заорал он, - а ну собирай!

От ненависти и обиды лицо Гришина побелело, руки затряслись.

- Мерзавец! - крикнул он, не утерпев, стараясь себя сдержать, но не выдержал, схватил полицейского за ворот так, что у того посыпались пуговицы, ничего уже дальше не помня.

Как получилось, что он попал снова в барак, никто не заметил, не знал даже. Может, полицейские подумали про него, что не жилец уже на этом свете (Бог их знает), но было хорошо то, что хоть и сильно избитый, но все же вернулся к своим.

Глаза Гришина, все еще красные и опухшие, как-то странно тарасились из-под рассеченных бровей. Он смотрел на нас как сквозь помутневшие стекла. И вдруг, неестественно ухватясь за косяк, стал медленно оседать на пол. Его поддержали, уложили на нары, прикрыв чьей-то шинелью. Гришин молчал. Так он пролежал до вечера. И вот его взгляд устремился на дверной проем, в котором показались две фигуры: комбата Валика и того самого кривоносого полицейского, которого если раз увидишь, то потом едва ли сможешь забыть. Лоб этого человека был слегка скошен назад, а крепкие, тяжелые челюсти, наоборот, выступали вперед, выставляя желтые зубы. На белесых бровях тарасилась щетина, и под ней бегали быстрые зеленые глазки.

Торчавшие ежиком волосы страшно двигались на голове вместе с кожей по-звериному. Нос был крив, вероятно, кем-то перебитый у самого переносья, а на щеке багрово-синим пятном выступало волчье мясо, походившее на уродливую кисту.

- Он! – как-то сразу определил Гришин про себя, узнав полицейского.

Валик и кривонос прошли по барaku. В проходе между нарами остановились. Кривоносый выругался, сказал:

- Не видать. Сдох, что ли, сволочь. Видно, здорово я его хватил.

Они прошли по второму проходу и, не обнаружив того, кого искали, вышли наружу.

- Пронесло! – со вздохом сказал лежавший с пролежнями военврач. - Подумали, что умер.

Гришина забинтовали, чем могли. Кто-то нашел во фляге недавно умершего человека несколько глотков воды. Дали. Вроде полегчало.

Через несколько дней при построении за похлебкой Гришин, вдруг переменившись в лице, шепнул:

- Плохо мое дело, кривоносый опять стоит у котла.

Отступить было поздно. Полицейский повернул голову в нашу сторону. Сначала его бычьи глаза скользнули вдоль всего ряда, потом уперлись в Гришина. И тут наступил миг – очень короткий, если считать по секундам, и страшно длинный для Гришина.

Все началось с того раза, когда Гришин, не вытерпев оскорбления, схватил кривоносого за ворот. Дальше он уже не помнил ничего, кроме того, что на правой руке предателя сверкнул большой кастет в виде пятерного медного кольца, и когда удар вдруг пришелся Гришину сначала в лицо, а потом в голову, тут же все и кончилось. Череп будто лопнул, брызнул какой-то липкой жижей. От крови во рту засолодилось, сердце обдало густым жаром. И вдруг замерло, словно провалилось куда-то внутрь. Как не старался он пошире раскрыть глаза, ему ничего не было видно кроме ослепительных искр. Окончательно помутнело все вокруг, когда его (слава Богу, что еще и так) сбросили со ступенек на дно барака, и он, споткнувшись, упал на пол, с силой ударившись головой о косяк нар.

Теперь же, узнав в забинтованном человеке своего смертного врага, полицай с яростной злобой смотрел на него, а Гришин все больше и больше сознавал грозившую в этом беду.

Подошел второй из охранной сотни. Гришина оттеснили в сторону. Больше он в барак не возвратился. Его место оказалось пустым. Не стало и еще двух человек, умерших от истощения. Пустующие места заняли новые люди. На Гришина место лег какой-то старший лейтенант по фамилии Казанов.

Голод с каждым днем все больше давал о себе знать. Среди пленных начинался голодный психоз. Хлеба выдавали маленькую буханку на десять человек. Это дневной паек. Его выпекали из затхлой муки с примесью отрубей, зерна и опилок. Дележка происходила, как правило, на нарах, походившая на совершение какого-то таинства, под жадные взгляды голодных людей.

Один из них осторожно делил хлеб на равные части, взвешивая их с помощью самодельных весов. Весы были необходимы. Их имела каждая десятка. Состояли они из небольшой палочки, перехваченной по середине бечевкой. К концам привязывались две суровые нитки с маленькими заостренными колышками, которые втыкались в куски хлеба. Взявшись за бечевку, весовщик осторожно поднимал весы. Если куски держались на одном уровне, вес считался правильным.

Затем, когда все десять порций были уравнены, отвернувшемуся оракулу кричали «Кому?», и тот называл имя получавшего порцию хлеба.

Но голод доводил людей до безумия. Каждому казалось, что его порция меньше других. Не обходилось и без споров и обид. Разные были люди: одни – выдержанные, терпеливые, другие – слабовольные и алчные. Смешно и грустно.

На наших нарах дележка проходила мирно. Никто не хотел обидеть товарища, хотя каждая крошка в руках другого казалась почему-то большим куском.

Командный состав на работу не водили. Люди кучками собирались на нарах помечтать о прошлом, потому что ни о настоящем, ни о будущем никто уже не думал: каждый был уверен, что он, так или иначе, обречен на смерть и никогда не увидит родного дома... Так было в те дни. Смерть

косила людей, казалось, без всяких причин. Люди умирали сами по себе от небывалого истощения.

Трудно понять это страшное, мучительное чувство тому, кто не испытал на себе настоящего голода. Оно тянется продолжительное время, пока не наступает полное духовное и физическое истощение, влекущее за собой общее безразличие ко всему окружающему, желание лечь и никогда больше не вставать. Подобное ощущение можно сравнить с состоянием замерзающего человека, претерпевающего в начале острую боль, а затем впадающего в забытие.

Но, кроме того, голод это и психоз. Не дойдя еще до фазы полного истощения, люди начинают думать только о еде – любой, даже самой отвратительной пище, создавая себе иллюзии изысканных блюд.

В лагере категорически запрещалось иметь какую бы то не было бумагу и карандаши. За любую из этих вещей полагалось суровое наказание, а за найденный обрывок советской газеты – расстрел. И все же, несмотря ни на что, голод попирает эти законы. Независимо от званий и возраста, люди тайком, находя клочки бумаги, шили себе маленькие тетрадочки, пряча их в обшлагах гимнастерок или заматывая обмотками. На этих небольших листочках писались различные рецепты самых отборных, неслыханных блюд, не столько успокаивая ими себя, сколько еще больше усугубляя состояние голода. Тут же появлялись неслыханные изобретения и тут же записывались как кулинарные догмы.

- Товарищи! Товарищи! - полусшепотом, придавая своим словам особый смысл, говорил один из пленных, стараясь сам уверовать во вкус изобретенного кушанья. - Пишите: ведро гречневой каши залить тремя килограммами липового меда и поставить томиться в русскую печь. В русскую, товарищи, непременно в русскую, - настаивал изобретатель кушанья, проглатывая слюну от ощущения во рту своего блюда. - Вы поймите, в другой печи она так не протомится.

В эту минуту Метечко, будучи до войны сыроваром, уже диктовал рецепт изготовления сыра.

И тут третий знаток кулинарии, перебивая обоих и блестя болезненными глазами, с жаром умолял остальных:

- Ну, вы только послушайте! – упрашивал он, заглушая разговор о сыре. - Давайте говорить реально. Свинью не достанешь. Барана тоже. А кошку или собаку может и удастся когда-нибудь. Так почему же фаршированная кашей кошка хуже, ну хотя бы, кролика, а? Вы попробуйте, запишите: взять кошку...

Это была эпидемия страшного, охватившего большинство людей психоза, граничащего с помешательством. Кстати, двое уже сошли с ума. Их обоих на следующий день расстреляли немцы.

Приближалась зима. Снег заметал землю хрустящим игольчатым наметом. Холодный ветер кружил поземку, и тогда будто чья-то метла наметала белую пыль в открытые дверные проемы барака. И вдруг ударил мороз.

Больше, чем когда-либо чувствовалось отсутствие шинелей. Холод, проникая в неотопливаемый барак, пробирал до костей, заставлял дрожать неестественной дрожью все тело. По ночам становилось нестерпимо жарко – спали вплотную. Нары были переполнены людьми настолько, что достаточно было ненадолго слезть вниз, как это место тут же заполнялось другими. После этого вновь втиснуться на прежнее место не представлялось возможным.

Тело ныло, конечности затекали. Спали на одном боку. Для того чтобы повернуться на другую сторону, требовалась особая команда, передаваемая шепотом поочередно каждому.

Все это стало еще более мучительным, когда начались эпидемии массовой дизентерии и сыпняка. Тысячи вшей переползали от одного к другому, разнося страшную заразу. Это был настоящий питомник, созданный для их распространения. Трудно даже представить, в каком обильном количестве гнездились эти насекомые в одеждах, на голове, в паху, в подмышках, даже в бровях.

Заболевшие боялись лазарета. Прячась от полицаев и санитаров, не имевших никакого понятия о медицине и являвшихся предателями-перебежчиками, большинство продолжали лежать вместе с другими, делать под себя испражнения, распространять сильные зловония, не отдавая себе отчета в том, что заражают этим своих же товарищей.

Но кому хотелось умирать?! Из лазарета возвращались редко. Большую часть больных выносили в выкопанные за лагерем рвы, и сновавшие голодные псы, разрывая еще не смерзшуюся землю, растаскивали по лесу куски человеческого мяса.

Ни одеться, ни раздеться в таких условиях не представлялось возможным. Поэтому после двухмесячного пребывания в лагере все тело сделалось в расчесах. Под обмотками кальсоны прилипали к гнойным ранам. Нестерпимый зуд доводил до безумия.

Однажды, не вытерпев, я решил все же снять на ночь ботинки и размотать обмотки, за что и был наказан – ботинок на утро не оказалось.

Несмотря на строгость режима, в лагере при содействии полицаев существовал черный рынок. Как видно, и мои ботинки нашли на нем себе применение. Советские деньги хотя и не ценились, но были еще в ходу. За одну самокрутку самосада брали семьсот рублей, а за ботинки – пятьсот. Что ж, может, они и стоили этого!

Во всяком случае, если бы не Казанов, доставший мне какими-то судьбами два бумажных мешка из-под цемента и кусок медной проволоки, то, наверное, едва ли бы я смог выйти из этого затруднительного положения.

Последнее время он стал все чаще куда-то пропадать, подолгу не появляясь в бараке. Однажды, вернувшись после поверки, шепнул по секрету, что был у своего земляка, поставленного умышленно полицаем кем-то свыше, чтобы помогать пленным командирам. Мы с недоверием отнеслись к этому известию, но Казанов пояснил: «Вы еще многого не знаете. Здесь есть и свои люди».

Обмотав, как портянками, ноги бумагой и закрепив ее проволокой, я не мог предостеречь себя от обмороживания так же, как и от быстрого износа этой импровизированной обуви. Простаивая долгое время на уличных поверках и длинных очередях за похлебкой, ноги быстро замерзали, и я еле-еле дожидался возвращения в барак. Это на первый взгляд пустяковое событие в действительности стало трагедией. А тут еще по утрам дополнительные построения, выдуманные командованием лагеря ради «гуманного» чувства к советским офицерам...

В целях якобы профилактики и предотвращения дизентерийных заболеваний нам было приказано ежедневно принимать по две столовых ложки нафталина и грызть пережженные кости от трупов павших животных. К каждому, стоявшему в строю пленному командиру из нашего барака подходил санитар и всыпал в рот этот «антимоль». Все делалось под наблюдением эсэсовца. И попробуй откажись, не прими или, чего доброго, не удержишься от рвоты. В таких случаях нарушителя «профилактики», как способствовавшего распространению заразы, уводили на малый «апель-платц» и там, привязав к скамье вниз лицом, наносили от пятнадцати до двадцати пяти ударов плетью по оголенной части тела.

Особенно сильно бил Гришка Довгунок. Каждый удар он наносил по-особому, с оттяжкой, после которого на коже сразу же образовывался кровавый рубец. Это доставляло ему немалое удовольствие.

Подобные экзекуции вошли в моду, и редко кто из находившихся в лагере мог избежать такой расправы.

Бывали случаи, когда за более «тяжелые» нарушения правил лагерного режима пострадавший подвергался пятидесяти ударам. Тогда его безжизненное тело сбрасывали в ров.

Томительное долгое время отсчитывало свои секунды, минуты, часы... Потухали надежды на возвращение к жизни, на возврат к прошлому.

Ходили слухи о взятии немцами Москвы. Однажды, вернувшись из очередной отлучки, Казанов во всеуслышание объявил об этом как о достоверном известии. Большинство не верило. Но все-таки высказанное сообщение тяжелым камнем навалилось на душу.

Пленные не могли взять на себя вину за то, что не сумели защитить Родину. Каждому из них, как капля воды для умирающего человека, необходимо было найти выход – объяснение вне себя. И тогда, как ответ на эти мучительные поиски, кем-то недобрым были брошены слова в их адрес об «измене», «продаже», «предательстве». Эти слова, подхваченные врагом, стали внушаться изо дня в день с целью еще больше разжечь огонь, говоря, что Родина отреклась от них, что возврата к прежнему не может быть.

Все это еще больше усугубляло состояние каждого из пленных. Выпущенные немцами из тюрем уголовники, называемые «капо» (камерадшафтеполицай), с выданными им свидетельствами об освобождении из «советской неволи» и специально засланные в лагеря, рыскали по баракам, предсказывая неминуемую гибель советского строя, распространяя нелепые слухи о том, [что] якобы евреи продали Гитлеру Россию за сколько-то

миллионов золотом. Они создавали клеветнические лживые пародии, выдуманные незадачливыми сочинителями на мотивы советских песен.

Никакие преступления, будь они самыми тяжелыми и бесстыдными по отношению к пленным, гитлеровцы никому не вменяли в вину. Поэтому в лагере процветал неприкрытый грабеж, убийства и садизм. «Капо» были тесно связаны с полицаями. По воле фашистов от них в первую очередь требовалась дезорганизация и деморализация советских людей, превращая их в загнанную и забитую массу, подверженную голодному инстинкту животных, с тем, чтобы потом подвергнуть истреблению и «научному уничтожению».

В таких нечеловеческих условиях люди все больше и больше свыкались друг с другом, делились своими сокровенными думами, каждый в душе тоскуя по оставшейся где-то там, далеко на Родине, своей родной семье.

В один из таких дней я познакомился с интересным человеком – Алексеем Федоровичем Вебером, к которому как-то сразу проникся уважением. Он был намного старше меня и работал до войны режиссером одного из московских театров. Словом, был человек высокой культуры, с чудесными качествами, не всегда дающимися даже самым хорошим людям. Невозмутимое спокойствие, уверенность и какой-то особенный бархатный голос придавали при разговоре удивительное приятное впечатление. Я все больше и больше чувствовал привязанность к этому человеку.

Известие, переданное Казановым о взятии Москвы, взволновало весь барак. Но если у кого-нибудь и возникало сомнение, он тут же старался отогнать от себя эту печальную мысль.

Я сидел с Вебером на его нарах, не менее взволнованный, чем все остальные. Неожиданно подошел Казанов.

- Ну, вот видите, товарищи, - сказал он, - лучше бы я и не говорил. Вы, как-то чересчур болезненно восприняли мое сообщение. А если здраво разобраться, ничего удивительного в этом нет. Кутузов тоже сдавал Москву Наполеону. Так что ж! Военный маневр. К тому же стара она, матушка. Не станет ее – новая столица сменит «порфиноносную вдову», как это у Пушкина говорится.¹²⁹

- Боже мой! Да вы думаете, что говорите? - изумился Вебер. - Ведь это же трагедия для всего русского народа. Вы представляете себе, что значит одно слово «Москва»?

- Конечно! Но будем смотреть открытыми глазами. Все это, откровенно говоря, красивые слова. Москва – просто привычка. Возьмите Хорезм, Спарту, Карфаген, наконец, наш Питер. Все было. И Тимур когда-то покорял Персию. И Ганнибал водил в бой своих слонов. И все ушло в вечность. Это банально, но подумайте: что такое Москва? Старая развалина. Пройдет много лет, люди будут жить, о Москве забудут, потому что новая столица затмит ее.

- Ну, знаете! - не выдержал сидевший рядом майор, - несмотря на Ваши познания в области истории, я поражаюсь Вам. Вы, черт знает, в какие дебри

залезли. Если судить, по-Вашему, так на земле ничего делать не надо. Были Хорезм, Карфаген, Спарта – все кончилось. А сталь варить или хлеб сеять с этой точки зрения нужно? Может, также нет смысла, не говоря уже о рождении людей? А ведь, наверное, и у Вас остались дома сын или дочь. Так зачем же Вы их рожали? А?

- Кто как мыслит, - пожал плечами Казанов, - но я люблю реальные вещи. В свое время у нас ломали церкви, верующие, наверное, тоже думали, что без храма Христа Спасителя наступит конец мира, а сейчас о нем и не говорят.

Сильный стон прервал спор. Казанов ушел. Где-то в углу нижних нар умирал человек. Его мучили сильные боли. Вошедший санитар подошел к больному.

- Чего орешь, собака?! - крикнул он.

Больной не ответил.

Один из лежавших поблизости попросил:

- Его бы к врачу или в лазарет? Мучается, бедняга, такие страдания не под силу человеку.

- Ха! «Человеку», «к врачу», «страдания», - повторил санитар с усмешкой, не имея, видимо, желания возиться с больным. - Умер – и страданиям конец. Кто это тебе вбил в башку, что страдания надо облегчать? Если они в жизни существуют, почему бы и не пострадать? Пусть себе страдает на здоровье, жаль, что ли?

- То есть как? - изумился заступник, - ведь он же человек!

- Фу ты, бестолковый, - передернул санитар, - потому-то и страдать вам положено, что людьми зоветесь. Знай, дурья башка, что страдания – вполне законное явление жизни. Понимать надо!

Он сплюнул сквозь щелявые зубы в знак подтверждения своих слов и вышел из барака.

К вечеру стон утих. Под утро пришедшие из похоронной команды вынесли труп.

Как ты мог, Казанов?

Последние дни Казанов никуда не выходил, все чаще и чаще затевал разговор о побеге.

- Бежать надо пока нет сильных морозов, - говорил он. - Потом поздно будет. Втроем как раз хорошо, а по одному и думать нечего.

Как я, так и Костя, в принципе оба дали согласие, но о времени еще не договорились.

Вечером, когда большинство приготовилось ко сну, я, примостившись у Вебера поудобнее на нарах для обычного, вошедшего в привычку, разговора «по душам», поделился с ним предложением Казанова.

- Знаете, что? – ответил вдруг Вебер, всегда хорошо относившийся к людям и отзывавшийся о них. - Не внушает мне почему-то доверия этот Казанов. Не знаю чем объяснить, но какая-то интуиция подсказывает, что не тот это человек, за которого Вы его принимаете. Разные есть люди. И вот

кое-кто из них бывает даже учтив к своим врагам. Может, я и утрирую, но хочу сказать, что такой человек сам не повесит – пожалуй, не решится, а вот веревку намылить и скамью из под ног выбить – отчего же!

Слова Вебера как-то стороной доходили до моего сознания. Мысль о побеге, как назойливая муха, не давала покоя, ни на минуту не отступала. Гнетущее состояние доходило до предела. Две разные мысли сталкивались в голове: одна, зовущая к свободе и жизни, другая – к покорности и, следовательно, неизбежному концу. Так что же лучше?

Через несколько дней Казанов снова подполз ко мне, вытянул из-под шинели спрятанные саперные ножницы, сказал:

- На! Ботинки за мной – принесу. А о шинели уж сам позаботься.

В ту ночь я долго не мог уснуть. Когда сон слепил глаза, мне представилось вдруг летнее утро... Рассвет над Москва-рекой и, как у Мусоргского, такие же чудные мелодии, льются откуда-то из глубины, вместе с первыми лучами солнца, проникают в самую душу... Слабые отблески падают на купола Василия Блаженного, на колокольню Ивана Великого, на стены Кремля... Просыпается Москва... Из Александровского сада доносится аромат цветов... Как хорошо! И что может сравниться с этой мирной красотой летнего утра? Ничто!

Мне снилась небольшая комната, сестра со своими детьми, друзья. Опять все, как было. И когда проснулся, подумал: если даже война и отсрочит нам встречу, то все равно эта встреча когда-то должна состояться, пусть даже после нашей Победы.

В том, что мы победим, я не сомневался. Так значит, можно ли было сидеть, бездействуя, ожидая своего незавидного конца, с горечью сознавая, что никто из родных и друзей никогда не узнает, ни от чего пришла твоя смерть, ни где похоронен и похоронен ли вообще? Нет, нет! Стремление к свободе усиливалось с каждой минутой. И не было уже никаких сил, могущих изменить наше решение, независимо от того, чем бы оно ни кончилось. Пусть это был риск, может даже самый безумный, но все же не равнодушное прозябание. Пока еще были силы, нельзя было уподобляться отдельным безвольным людям, потерявшим от голода и болезней всякую духовную над собой власть, робко покоряясь судьбе, в надежде на какое-то освобождение из вне.

Мы готовились к побегу. По намеченному плану нам нужно было с наступлением темноты перерезать первые ряды колючей проволоки, огораживающей наш барак, и затем, когда пройдет часовой, проделать то же самое в наружном лагерном ограждении.

Какими-то судьбами Косте удалось достать дополнительно две гимнастерки, по всей вероятности оставшиеся или снятые с умерших людей. На улице становилось морозно, и Костино приобретение до некоторой степени могло облегчить на первое время наше положение.

При удачном исходе предполагалось ползком добраться до леса и там ждать, пока по дороге поедут наши колхозники, чтобы спрятаться у них в санях, и потом, отъехав от лагеря, пробираться уже к партизанам.

В те дни колхозники часто проезжали мимо лагеря, а по воскресеньям чуть ли не целыми обозами скапливались у ворот в надежде отыскать своих. Полицаи брали у них последние крохи еды, обещая передать еду разыскиваемому отцу, мужу, сыну или брату, говоря, что такой-то и такой-то Иванов, Сидоров или Петров действительно находятся в лагере и что в скором времени – конечно, не без их содействия – будут отпущены домой. Крестьяне верили обманщикам, старики крестились, поднимая с надеждой к небу глаза, говоря: «Слава, тебе, Господи!» или «Помоги, царица небесная!», не зная от радости кому и молиться, кланяясь чуть ли не в пояс предателям, веря их слову. А те уносили с собой взятые от честных людей кусочки хлеба, сала, соленых грибков или огурцов, что попадало под руку, у кого что было, и там делили между собой, не раз угощая даже солдат, желчно насмехаясь над доверчивостью людей.

В последний вечер Казанов куда-то исчез. Сначала мы не волновались, зная, что он должен был достать ботинки и еще раз проверить возможности нашего побега. В бараке было тихо. Только временами слышался чей-нибудь бред. Все спали, кроме меня и Кости.

Полночь легла на землю, мутными лиловыми тенями сползла к нам. Костя клевал носом, но держался, несмотря на то, что прошлую ночь спал беспокойно, что-то бормоча во сне об отце. Я не слышал его бреда, но на утро Казанов долго расспрашивал его обо всем.

- Да, дела! - сказал Казанов, когда Костя закончил свой рассказ. - Ну, а мать где? - поинтересовался он.

- Была депутатом райсовета, сейчас не знаю, наверное, эвакуировалась. Казанов сочувственно кивнул головой.

- Понятно!

И тут же спросил:

- Комсомолец?

- А как же! - с юношеским задором ответил Костя. - И в школе, и в батальоне комсоргом был. Правда, товарищ командир? - спросил он меня, ища подтверждения.

Свист полицаев прервал разговор. Выгоняли на очередную поверку.

В тот же день я еще раз предупредил Костю, чтобы он не говорил ни одного лишнего слова даже самому лучшему другу.

- И Вам тоже? - удивился он.

- Не знаю, не знаю, - засмеялся я, - это уж твое дело.

И тут же в шутку добавил:

- А про «командира» все-таки пока забудь. И об отце говори поменьше. Ведь он комиссаром был в Гражданскую войну.

Костя виновато согласился.

Проходили минуты, время было уже за полночь, а Казанова все еще не было. Начинало одолевать беспокойство. «Может, схватили?» – вдруг подумал я. И тут же сразу мелькнула мысль – уж не прав ли был Вебер, усомнившись в Казанове. И действительно, какими судьбами мог он, несмотря на знакомство с полицаем, свободно ходить по лагерной

территории в ночное время, когда никого из пленных не выпускали даже ни на одну минуту из барака. Мысль эта беспокоила нас обоих.

С другой стороны, Казанов был нашим старшим лейтенантом, возможно, командовал взводом или даже ротой и разве мог совершить что-то против своих, не говоря уже о присяге. Нет, нет, этого не должно быть. А вдруг...

Сильный свист прервал мои мысли. Полицаи с криком ворвались в барак, выгоняя всех из него. Сонные и больные люди сваливались с нар, бежали к выходу, строились. Боявшийся заразы Венцель, не заходя в барак, стоял у входа.

Нас построили. Один из полицаев вынес саперные ножницы, громко крикнул:

- Чьи? А ну, выходи вперед, все равно узнаем!

Мы не откликнулись, встали вместе со всеми в строй, ожидая неизбежной развязки. Какой-то тип из охранной сотни ударил меня ногой в пах, схватил за ворот, вытащил из строя. Другой хлестнул Костю нагайкой по голове. Нас повели в холодный карцер, пристроенный к дому Венцеля. Всех остальных в наказание за нас заставили ползать на четвереньках взад-вперед по территории вокруг барака, пока не наступил рассвет. Это длилось довольно долго. От усталости многие падали, останавливались и снова ползли, выбиваясь из сил, избиваемые плетьюми.

Все еще недоумевая о случившемся, мне вдруг стало ясно, кем в действительности оказался Казанов, как кошка ластившийся около нас и провоцируя на побег. Теперь я понимал, с какой целью он пытался у Кости об его отце, матери, о том, комсомолец он или нет. Потерявший доверие товарищей и Родины, продавший свою честь и звание, этот человек, с повадками вампира, готов прислуживать любой власти. Он приполз сам к врагу, чтобы слизать с его обгаренных рук еще теплую кровь своих же людей. Такие, как он, угодливо освобождали немцев от необходимости вмешиваться во внутренние дела лагеря, вынюхивая и донося на своих же товарищей.

Нас привели в русскую комендатуру, находившуюся в доме Венцеля у лагерных ворот.

Узнав о том, что отец Кости был комиссаром и участвовал в раскулачивании, его сильно избили. Кровь залила ему лицо, он упал. Тогда всю злобу перенесли на меня, а потом обоих бросили в холодный карцер.

В то время карцер представлял собой дощатый, похожий на собачью конуру, небольшой сарай, размером, примерно, не более четырех квадратных метров, со щелявыми стенами, через которые можно было наблюдать за тем, что происходило на лагерном платце.

Двое суток мы пролежали без какой бы то ни было пищи и воды на холодном земляном полу, не видя ничего, что происходило вокруг. Сознание притупилось, мы замерзали от стужи и холодного ветра, проникавшего сквозь щели заиндевелых досок. Наступал момент, свойственный замерзающим и истощенным людям.

На вторые сутки на площади установили одиночную виселицу.

- Значит по очереди, не вместе... - мелькнуло в голове.

Но все было безразлично. Каждый из нас думал о доме, о родных, мысленно прощаясь с ними.

Весь лагерь построили в форме каре. Даже женщин заставили стоять на ветру с полураздетыми ребятишками, смотреть на ожидаемое зрелище. По земле крутила поземка, ветер трепал им волосы, срывал платки, пронизывал до костей.

Вокруг виселицы толпились полицаи. Последним пришел Венцель с двумя солдатами. Гришка Довгунок устанавливал табуретку.

Наблюдая за тем, что делалось на площади, мы не заметили, как неожиданно загремел запор и два здоровых парня, схватив Костю, стоявшего рядом с дверью, повели на площадь.

Еще не успело случившееся дойти до моего сознания, как дверь тут же захлопнулась, и я с горечью подумал, что мы не успели даже проститься. Двое суток находились вместе в ожидании конечного исхода и даже не обнялись перед смертью, как самые близкие друзья, как братья.

Зубы мелко стучали. Все тело трясло от холода и нервного состояния. Не отрываясь от щели, я смотрел на площадь. Когда Костю поставили на табуретку и надели на шею петлю, нервы сдали, слезы потекли из моих глаз. Мне казалось, что я виноват перед ним в том, что не первым пошел на смерть.

- Милый, дорогой друг, как дорог ты был мне!

Ударом ноги Гришка выбил из под ног Кости табуретку. Несколько конвульсивных движений и все кончилось...

Я ждал своей очереди. Неожиданно гудок автомобиля внезапно прервал мои мысли. Дверь в карцер отворилась. Чьи-то огромные руки потянулись ко мне. Я увидел оскаленные зубы полицая. Наши взгляды сошлись. На толстой, вывернутой губе предателя пузырилась слюна. Черным медведем навалился он на меня, схватил за ворот, рванул на себя. К сожалению, мои силы были истощены – я не мог противиться ему, споткнулся, упал, но тут же был вытащен наружу.

Вышедший из автомобиля офицер, остановившись, расспрашивал что-то у встречавших его эсэсовцев. Один из них, судя по всему, объяснял о происходившем. В нескольких шагах от них стоял Казанов, переодетый в новую шинель советского командира и говорил о чем-то с рыжим, толстомордым парнем, напоминавшим того полицая, который когда-то приставал к нашей девушке-санитарке во время выгрузки из эшелона. В ответ на рапорт офицер указал в мою сторону и прошел в помещение комендатуры. Через несколько минут ввели туда же меня.

Немец сидел за большим письменным столом, откинув на спинку кресла меховую шинель – «мантель». Стол был тонкой резной работы, с малахитовым чернильным прибором (ценность какого-то музея или антикварного салона). Через всю комнату, от входа к столу, тянулась широкая ковровая дорожка, а на стене в широкой золоченой раме из-под

какой-то картины висел большой портрет человека с неприятным взглядом и брошенной через лоб косою челкой черных волос. То был Гитлер.

Все убранство придавало кабинету особую мрачную строгость непривычной для тех условий комфортабельности, вызывая враждебное чувство отчужденности и страха. Но страха не было. Было одно: «Скорее, скорее! Только без пыток... Прямо в висок, в лоб, куда угодно, лишь бы сразу...».

На столе рядом с чернильным прибором лежал револьвер. Схватить его я бы не успел – он был слишком далек от меня, немец бы опередил. Заметя мой взгляд, офицер усмехнулся, не то разгадав мои мысли, не то от предстоящего удовольствия. Потерев руки, он закурил сигарету и опершись ладонями о стол, словно собираясь встать, спросил по-русски с акцентом:

- Кто Вы?

Я молчал.

- Я спрашиваю: кто Вы? – повысив тон, повторил немец.

Не зная как себя назвать, я продолжал молчать. Офицер недовольно взглянул на меня, осторожно, двумя пальцами снял пенсне и, выпустив струю табачного дыма, сказал, уставясь на меня прищуренным взглядом:

- Говорите правду – это будет лучше для Вас.

Однако разговор не получался. Стоя перед ним на ковре в своих лохмотьях и видя обернутые в бумагу и закрученные проволокой ноги, я чувствовал помимо физического изнеможения и сильной слабости, граничащей с обморочным состоянием, также невыносимое унижение и моральную подавленность. К тому же лучше было говорить один на один с врагом, чем чувствовать на себе постоянный взгляд предателей, ожидавших с минуты на минуту решения моей участи. Это еще более угнетало меня.

Потрясенный всем происшедшем, я еле мог держаться на ногах. Не знаю, поняв ли мои мысли или также решив по своим соображениям говорить со мной с глазу на глаз, но офицер приказал всем выйти из кабинета. Это, хотя и в незначительной степени, но облегчило мое моральное состояние. Правда, рассчитывать на благополучный исход я не мог, зная заранее, что ни на какие провокации не пойду.

Когда все вышли, офицер снова повторил свой вопрос. Я молчал. Он приподнял брови и многозначительно посмотрел на меня.

- Сейчас начнется, - подумал я.

- Вы служили в разведке? - спросил он.

- Да, - ответил я, - но не в той, в какой вы предполагаете. Такая разведка имеется в каждой армии при каждой части, выполняя чисто военные цели.

- А-а, - протянул офицер, - это хорошо. И хотели бежать?

- Хотел.

Мне казалось, что на этом все и кончится, но немец продолжал:

- Что ж, теперь Вы говорите правду. Это тоже хорошо. Немецкое командование гуманно к тем, кто честно выполняет солдатский долг, даже если он враг. У русских много таких примеров, граничащих с фанатизмом.

Итак, Вы хотели бежать. Что ж, на Вашем месте я, пожалуй, поступил бы также. Долг солдата – Родина. У Вас ее отнял Сталин. Возврата нет. Есть один выход, о котором Вам не мешает подумать.

- Интересно! Что же это за выход? - мелькнуло у меня в голове.

Я с негодованием смотрел на него, начиная постепенно понимать весь смысл сказанных им слов. Язык как будто прилип к небу. Мне захотелось плюнуть в его выхоленное лицо, но что-то сдерживало, не давало этого сделать.

Глядя на мобилизованных латвийских националистов, прислуживавших немцам в лагере, я слышал, что намечается, якобы, в скором времени создание какой-то особой группы, набираемой из пленных добровольцев, для выполнения заданий абвера. Уж не это ли имеет он в виду?

Я заметил, как офицер пристально уставился на меня, изучая мельчайшие движения на моем лице, впиваясь глазами в мой взгляд, стараясь проникнуть в самую душу. Но душа оставалась закрытой, и он, не разгадав моих мыслей, очевидно, решил дать мне возможность, не торопясь, все обдумать. И вдруг, забарабанив пальцами по столу, добрался ими до револьвера, подкинул его на ладони, немного повертел в руке и положил на место.

- Что это, проверка нервов? - подумал я. - Они и так уже проверены, хотя и держались на пределе.

Нет, это просто привычная игра. Очевидно, видя мое состояние и зная, что я ничего в данную минуту не добавлю к тому, что уже сказал, офицер встал из-за стола и почти вплотную подошел ко мне. Взгляд его был непонятен. Он смотрел на меня не то с притворным сочувствием, не то с затаенной злобой. Я ждал. Такие люди, как он, могли бить и улыбаться, стрелять, вешать и говорить о гуманности. Вот и сейчас зачем он подошел ко мне? Может, для того, чтобы начать свое грязное дело, а может, и по каким-то другим причинам.

Подобных людей в жизни немало. У них каждое слово – игра. Малейшая неосторожность с ними всегда приводила к печальным последствиям. А они – эти люди – глумились над своими жертвами, пользуясь мнимым превосходством над ними, попирая любые нормы человеческого права.

Офицер смотрел на меня с подчеркнутым высокомерием, стараясь казаться снисходительным. Я не понимал его цели. Вдруг он сказал:

- Вы – русский солдат. Вам следует подумать о себе и о будущем своей Родины. Если бы я не приказал привести Вас к себе, Вас бы повесили, как того комсомольца.

При упоминании о Косте по телу пробежали мурашки. Я вспомнил о Казанове и подумал: «Какой мерзавец! Все это свершилось по его подлому доносу». Значит, он передавал в комендатуру о всех наших разговорах и, конечно, о том, что с такой искренностью рассказал ему Костя про своих родителей и самого себя. Обо мне Казанов не знал ничего, кроме того, что я

был командиром взвода разведки. Возможно, поэтому я пока и остался жив. Но надолго ли? Я видел, как немец подошел ко мне и подумал: «Сейчас начнется настоящий разговор. Только бы не упасть перед ним». Я напряг все силы, чтобы не показать ему своей слабости. И все же он видел ее. Стоять становилось трудно, ноги подкашивались, голова кружилась.

- А знаете, что? - вдруг сказал офицер. - Ведь мы с Вами оба пленные. Разница лишь в том, что Вы пока за проволокой, - он сделал особое ударение на слове «пока», - а я вне ее.

При этих словах он выжидающе посмотрел на меня, но не найдя на моем лице никакого ответа, только неестественно улыбнулся и пояснил:

- Да-да, мои родители – чистокровные нордические немцы, но я родился в России. Это случилось до первой мировой войны, и меня скоро увезли в Германию. Так что, как видите, я тоже причастен к вашей Родине. Подумайте, как следует. Я думаю, мы найдем с вами общий язык, я дам Вам время. Помните, что все будет зависеть только от Вас самих: погибнуть в лагере или вернуться в освобожденную Россию.

Не дожидаясь никакого ответа с моей стороны, он крикнул Венцеля и сказал что-то по-немецки, чего я никак не мог понять.

Меня выпустили. Я шел, не отдавая себе отчета, что произошло, не зная, что ожидает впереди. Опасность расправы продолжала висеть надо мной. Вокруг было тихо, не видно было ни души.

Загадочное поведение фашистского офицера не находило во мне никакого ответа. Я не знал: то ли ему понравилась моя откровенность о побеге, то ли то, что он, может, действительно родился в России, или пробуждение человеческих чувств, а может, желание видеть во мне приверженца прежнего строя или что-то иное, – я не знал. Ясно лишь было одно: на этот раз пока смерть прошла мимо меня. Но надолго ли?

Безлюдная площадь выглядела мрачно и опустело. Одно безжизненное тело Кости тихо покачивалось от ветра.

Что-то сдавливало горло. Невыносимая тоска навалилась на душу. Впервые я почувствовал полное одиночество, потеряв своего лучшего друга и в его лице последнего однополчанина. «Значит, с прошлым все кончено», – подумал я.

Вспомнился комбат Хлебников... Комиссар Ермолин... Товарищи по разведке... Что с ними: убиты или также томятся в каком-нибудь лагере, не зная о судьбе не только друзей, но и всей своей части?

Я еще раз взглянул на Костино тело и подумал, что принял он смерть с достоинством, не согнув колен и не приклонив головы перед врагом. И хотя подлый изменник выдернул из-под его ног последнюю опору, он все равно оказался непреклонным даже и тогда, несмотря на свою юность!

Вокруг по-прежнему было безлюдно. Только за проволокой женского барака я заметил девушку, с удивлением смотревшую на меня. Очевидно, ее испугал мой вид. Девушка оказалась той самой Надей, к которой приставал полицай во время выгрузки нас из эшелона.

Я поздоровался, спросил, как ее зовут. В то время я не знал ее имени. В ответ девушка с неуверенной улыбкой взглянула на меня, как-то по-детски наивно вздернув бровями так, что на лбу дрогнули две маленькие морщинки, и, видимо, все еще не будучи уверена с кем разговаривает, тихо назвала свое имя и спросила:

- А разве Вы знаете меня?

Я напомнил случай с полицаем и сказал, что стоял тогда недалеко от нее вместе с другими пленными, но, к сожалению, ничем не мог помочь.

- Ну конечно, - ответила девушка, - что бы Вы могли сделать? Здесь они сильнее нас.

И вдруг сказала:

- А знаете, по-моему, я тоже припоминаю Вас. Мне кажется, Вы стояли с каким-то пареньком, молоденьким таким. Правда, ведь?

- Правда, - ответил я. - Но его уже нет.

И показал на виселицу:

- Все случилось несколько часов назад. Разве Вы не были на построении?

- Была, - ответила Надя, - но не знала, кого схватили.

Она посмотрела на меня пристальным взглядом, как профессиональная медсестра, обеспокоенная состоянием своего больного, и взволнованно спросила:

- Вы были с ним?

- Да.

- Я вижу, - сказала она, глядя на мою рассеченную бровь. - Вас сильно били... И на ногах еле стоите. Какой все это ужас!

Я промолчал. Вместо ответа попробовал, было, улыбнуться, но улыбка не получилась. Тут Надя с ужасом взглянула на качающееся тело Кости.

- Боже мой! За что же все это? - сказала она, закрыв руками лицо. Переживая за других, девушка думала о своем горе. И горе ее было велико. Она была ненамного старше Кости, и Бог знает, что еще ожидало впереди эту одинокую былинку.

- А Вы как же? - спросил я, сам не понимая, к чему задал этот неуместный вопрос.

- Не знаю, - неуверенно ответила она почти шепотом. - Плохо, очень плохо. Он не отстаёт от меня даже теперь, - говорила она, думая о полицее. - А тут еще одна девчонка в бараке появилась... Боюсь я их всех.

Действительно, положение Нади было ужасным. Пользуясь неограниченной властью по отношению к пленным, полицай мог сделать все, что хотел. Не было никого, кто бы мог защитить ее от него. Никакие утешения не могли ей помочь. Оставалось одно сочувствие.

Показавшиеся вдалеке два человека, вышедшие из комендатуры, заставили нас прервать разговор. Я попрощался и пошел к бараку, довольный неожиданной встречей с Надей. Несмотря на тяжелые условия, она все еще оставалась миловидной и привлекательной, не потерявшей ни своей чести, ни девичьей красоты.

Много было в женском бараке подобных ей, а сколько оставалось на фронте! И все они разделяли вместе с мужчинами горькую участь войны и плена. Они шли такую же дорогой, изнывая от усталости и бессонных ночей, деля вместе с ними все горести и невзгоды войны, укрываясь мокрыми от дождей шинеленками, делая непосильные переходы в тяжелых кирзовых сапогах. И все же что-то женственное пробуждалось в них всякий раз, лишь только на минуту доводилось передохнуть, отойти от усталости, прикрыться от глаз полицаев. Смотришь, и спрячется за что-нибудь, вынет, как талисман, спрятанный, уцелевший осколочек зеркала, приведет, по возможности, себя в порядок и снова станет похожей сама на себя, милой и славной, как мы привыкли их видеть.

Но достаточно было пробыть в лагере месяц-два, и все исчезало, блекло, желтая кожа обтягивала кости, одни провалившиеся глаза только неизменно смотрели из-под ресниц, выражая неизгладимое чувство горечи и усталости.

Гросс лазарет

Лазарет, куда я попал, размещался в высоком тесовом сарае с заиндевевшими стенами и тремя ярусами таких же высоких нар, тянувшихся вдоль всего помещения.

В нем не существовало по отдельности ни хирургического, ни инфекционного, ни каких-либо других отделений. Все больные размещались на общих нарах, без разбора заболеваний. Тифозные и дизентерийные, туберкулезные и искалеченные, – все лежали вместе, вповалку, без соблюдения самых элементарных правил санитарии, почти без всякого медицинского надзора.

Отсутствие перевязочного материала и самых необходимых медикаментов сплошь и рядом приводили к обострению болезней, к поверхностным и глубоким абсцессам, переходящим в гангрену. Как один из видов умерщвления людей, эсэсовцы, практикуя метод научного экспериментирования, умышленно вызывали у больных так называемые асептические абсцессы, впрыскивая им под видом лекарств значительные дозы отравляющих веществ (мышьяк, скипидар и др.), вызывающих острые боли и омертвление тканей.

Тех, кто не в состоянии уже был подняться или впадал в длительное беспамятство, а иной раз так сильно эпилептически кричал, что казалось, будто в этом одичавшем голосе уже не осталось ничего человеческого, тех увозили санитары на двухколесной «каре» (повозка) в лагерь «Норд», в один из неотопливаемых барачков, походивших скорее на скотный сарай, чем на помещение для тяжело больных.

В самом лазарете преобладающее большинство людей было заражено дизентерией и сыпным тифом. Но даже и среди них нередко можно было видеть получивших увечья в плену от неожиданного выстрела, сильного избиения или же от несчастного случая на непосильной работе.

Недалеко от того места, куда меня привели, лежало несколько человек, до неузнаваемости искалеченных эсэсовцами и полицаями. В некоторых случаях после допросов и побоев кое-кому удавалось возвратиться в свой барак, откуда под различными предлогами он попадал в лазарет, где его укрывали свои же люди.

Многие из больных с ненавистью называли палачей по лагерным кличкам и именам, потому что узнавали в них нередко однополчан и даже земляков. Кем же были они, эти ничтожные полицейские душонки, без совести и чести продавшиеся врагу? Заведомо завербованные шпионы? Приверженцы фашистского режима? Нет, просто эти люди ненавидели советскую власть за то, что она мешала им совершать их темные делишки.

По рассказам больных, изувеченных ими людей, они оказались в большинстве случаев просто-напросто негодяями будничного склада: проворовавшиеся продавцы, снабженцы какого-нибудь мелкого предприятия, сбывавшие «налево» выпускаемую продукцию, или какие-нибудь шулеры-кассиры, ухищрявшиеся до поры до времени вытаскивать из запечатанных денежных пачек сотенные бумажки, пряча их в свой набитый бумажник, а кто был просто карманным вором, не раз несшим наказание за свои темные делишки. Но, так или иначе, без риска или заслуженной кары никто из них не оставался. Закон и общественность строго охраняли государственную собственность.

Здесь же у немцев они пользовались неограниченной властью над тысячами советских людей. Гитлеровцы не отыскивали их. Трусы всегда готовы служить тому, у кого в руках власть. Они добровольно, без всякого зова, перешли на сторону врага.

В лазарете в то время русских врачей не было. Их заменяли самозванцы, ничем не отличавшиеся, в сущности, от полицаев. Не было и немецких лечащих врачей. Только при обходах по утрам в сопровождении эсэсовцев в лазарет заходил гестаповский штабартц¹³⁰ Курт Гольмеке в должности главврача, чтобы произвести «апель» или попросту – проверку.

Меня подвели к нему, заставили снять шинель. Резкий запах фенола раздражающе действовал на обоняние. Гольмеке молча указал на рубашку. Я понял, что ее нужно поднять. Всю грудь и верхнюю часть живота покрывала мелкая красная сыпь. От сильного жара тело горело, глаза остекленели. Ткнув мне в грудь тростью, гестаповец, поморщившись, предосторожно отступил назад.

- Вер!¹³¹ - крикнул Гольмеке, указав на меня санитару. Он, как и все немцы, до смерти боялся заразы.

Меня положили на пол у самой входной двери, из которой несло холодом. Так поступали обычно с новичками, прибывавшими в лазарет, чтобы в случае их скорой смерти не канителиться с выносом трупа. Выживших в первые сутки больных переводили сначала на первый ярус нар, а затем уже последовательно на второй и на третий. Но и там доставалось не сладко.

При появлении эсэсовцев людей с дикими криками и отборной бранью сгоняли на построение, не обращая ни малейшего внимания на их болезни. Тем, кто занимал место на верхнем ярусе, было во много раз тяжелее. Слезать вниз представляло большую трудность. Обычно они либо вообще не могли спуститься, либо делали это слишком медленно, с трудом, что вызывало гнев немцев. Санитары и полицаи бросались к ним, палками сгоняли с нар, стаскивая за ноги тех, кто не мог сам слезть. Вопли и стоны наполняли лазарет. Их ставили в строй, и они, поддерживаемые товарищами, вместе со всеми через силу выстаивали до конца поверки.

На холодном полу сильно знобило. Я впал в полусознание, не помня того, что шинель и ранец оставил на том месте, где меня осматривал гестаповец. И вдруг, как сквозь сон, долетел до слуха обращенный ко мне грубый крик Гольмеке:

- Ауф, менш! Дас ист дайно! Дайно, верфлюхтер швайн! Неме мит! Вас? Встать! Это твое? Твое, проклятая свинья? Забирай! Ну! - заорал он, указывая брезгливо на мои скромные пожитки.

Я ничего не понимал. Сознание мутилось. Подбежавший санитар пнул ногой в бок:

- Оглох, что ли?

Он выругался и бросил мне мои вещи. Чьи-то добрые руки подложили под голову ранец, укрыли шинелью. Жар не отступал ни на минуту. В то же время сильно знобило. Всю ночь я бредил, не приходя в сознание, и только к утру почувствовал незначительное облегчение. Меня перевели на нижний ярус нар. «Значит, первый тур пройден благополучно», – подумал я. Один из соседей поделился водой. Я с жадностью сделал два глотка, – больше не было.

К концу дня пожаловало лагерное начальство: несколько офицеров, сопровождаемые большой группой эсэсманов и полицаев, вооруженных автоматами и плетью, проследовали мимо нас. Некоторое время немцы испытующе рассматривали обитателей лазарета. Потом один из них, очевидно, самый старший, которого мне еще не приходилось видеть, вышел вперед и, коверкая русскую речь, громко выкрикнул уже знакомую фразу:

- Кто есть юда – выходи!

Все молчали. Немцы выжидали, пробегая глазами по нарам.

- И тут то же самое, - подумал я, - даже больным нет покоя.

Офицер повторил вопрос, и снова никто не проронил ни слова. Мы тревожно ждали, что будет дальше.

- Карашо. - сказал немец. - Если вы не хотите гофорить, я сам буду узнавать.

Заложив руки за спину и нервно перебирая пальцами, он несколько раз прошелся вдоль прохода, бросая на нас злое взгляды. Потом остановился и что-то по-немецки сказал эсэсманам. Те вместе с полицаями бросились к нарам, варварски стаскивая с них первых попавшихся полуживых людей. Стоны огласили лазарет. На наших глазах нескольких человек потащили к выходу. Во дворе затарахтел мотор.

Когда немцы вышли, все кто мог, бросились к окнам. Было видно, как в крытый кузов машины втолкнули обреченных людей. Потом, надев на руки перчатки и расстегнув кобуру, в кабину сел офицер. Машина мчалась к лесу...

В лазарете наступила тишина. Никто не мог проронить ни одного слова. Я внимательно всматривался в своих соседей. Рядом со мной лежал капитан. Фамилия его была Миронов. Вот уже больше месяца, как он находился в лазарете. На допросе ему перебили ступни ног. Он не мог вставать. Каждое построение доставляло большие мучения.

- В основном хорошие здесь ребята, - сказал вдруг он, как будто читая мои мысли, - если не считать, правда, одного типа, - оговорился он, - который не только мне не нравится, но кажется весьма подозрительным. Не приложу ума, как мог попасть сюда этот субъект. Правда, на его левой руке повязка, и он часто жалуется на боль, но однажды я случайно увидел, что под бинтом у него нет даже царапины... Представь, - продолжал Миронов, - одет он как и мы, в грязную рваную одежду, а выглядит куда там!.. Всегда выбрит, ни единой морщинки, да и как взглянешь на морду, так никогда не скажешь, что из одного с нами котла похлебку ест.

- Вот как? - удивился я. - Почему же его терпят?

- А что сделать?! Конечно, можно свести счеты, но ведь пока ничем не докажешь. Говорит он мало, зато много слушает, не пропуская ни одного разговора. Последнее время особенно стал проявлять повышенный интерес к одной особе. Пытался даже вызвать на откровенный разговор.

- Кого же? - поинтересовался я.

- Вообще об этом молчат, но ты ж из офицерского... Говорят, он тоже оттуда. Следователем был раньше, вел дело какой-то воровки, а она оказалась здесь на высоте положения и узнала его.

Я вспомнил про особиста.

- Где он лежит?

- Там, на последних нарах. Потом увидишь.

Вечером мне стало снова плохо. Жар усилился, и я опять потерял сознание. Наутро, как безнадежно больного, меня увезли в лагерь «Норд», положили на солому на пол в холодный барак. Жажда слипала губы. Очевидно, сам не сознавая того, я просил пить, потому что услышал над собой грубое слово штрафника-санитара, переведенного сюда за какую-то провинность:

- Не сдох еще? Пить, что ли?

Я открыл глаза.

- Пить! Воды!

Санитар ушел и через несколько минут вернулся со ржавой консервной банкой в руке. Я с жадностью проглотил принесенный им снег.

- Поди уж третий день не жрал? - спросил он.

- Не знаю... Не помню...

- Да как же, - оскалился санитар, показывая на мой ранец, под которым лежала несъеденной трехдневная порция хлеба.

Я безучастно посмотрел на него.

- Если хочешь, возьми.

Санитар сунул руку под ранец, вытащил из-под него небольших три куска эрзацхлеба¹³².

- Так бы сразу и говорил.

Через несколько минут он принес воду. Я жадно пил. Потом снова впал в забытие. Не то в бреду, не то во сне мне чудилась страшная картина: завязав глаза и скрутив за спиной руки, меня бросают в большую мясорубку. Я слышу свой стон, чувствую, как широкие ребра винта сдавливают виски, раскалывают голову, из которой сочится мозг. Но рот еще цел. Силюсь кричать – не могу. Четырехлопастные ножи перерезают горло. Чей-то чужой голос вырывается из него...

- Что с тобой? - спрашивает в испуге лежавший рядом сосед. - Какой страшный был твой крик! Здесь умирают тихо, а ты всем мешаешь.

Я очнулся. На лбу обильно выступили капельки пота. Глубоко вздохнув, я снова открыл глаза, ничего не ответив на вопрос.

В ту ночь скончалось пять человек. Один из них был мой сосед, просивший перед смертью тишины.

Эпидемия тифа и дизентерии распространялась с каждым днем. Санитары едва успевали выносить трупы. Не дожидаясь наступления смерти, безнадежно больных, впавших в беспамятство, сплошь и рядом десятками выносили с умершими в мертвецкую.

Ничего не евши уже в течение нескольких дней, я был до такой степени истощен, что не мог пошевелить даже пальцами рук. Сознание уходило, я подолгу бредил и еле слышно просил пить. Но воды больше никто не приносил. Мною овладело отчаяние, перешедшее постепенно в апатию. Я чувствовал полное безразличие ко всему: было лишь одно желание, чтобы скорее все кончилось.

Наконец, появился кто-то из лагерного начальства. Вместе с санитарями он делал обход больных. Очередь дошла до меня. Я не слышал и, вероятно, не понял бы того, что сказал этот человек в эсэсовской форме и накинутом поверх нее белом халате сопровождавшим его санитарам. Вероятно, он отдал какое-то распоряжение, потому что меня тут же уложили на носилки и куда-то понесли. Мне запомнился лязг железного засова и скрип двери, долетавшие сквозь сознание до моего слуха.

Я лежал на холодном полу какого-то непонятного помещения, ощущая сильный озноб. Спина леденела от холода. В глаза бросилась страшная картина: вокруг меня лежали человеческие трупы. Не один, не два – множество трупов, совершенно нагих и посиневших. «Галлюцинация» – решил я, закрыв глаза. Но тут же, стараясь убедиться в достоверности своего предположения, снова открыл их и увидел ту же картину.

Неподалеку слышался тяжелый стон. Почти рядом со мной лежал обезображенный человек. Руки, ноги, живот – все до невероятности вздулось, а бледное лицо покрылось мертвенной синевой. По телу капельками стекала вода от лопнувших бесчисленных пузырьков. Этот человек умирал от

водянки, явившейся результатом длительного голодания. Но он пока еще жил, легкие его дышали, даже выпускал слабый стон, а его, как и меня, выписали из жизни.

К утру больной скончался. Я остался одним единственным живым среди мертвых. «Неужели моя очередь?» – подумал я с ужасом, смотря на посиневшие тела. То, что не сделали пули на фронте, здесь делали за них голод и болезни. Но ведь я еще слишком мало прожил! Я просто хочу жить! Я хочу так же, как и мои соотечественники, дождаться нашей победы! Разве я не имею на это права?

«Так что же ты медлишь?» – шепчет в ответ чей-то далекий голос. – «Ползи, если не можешь идти, собери свои силы. Видишь рядом с тобой дверь? Это твое спасение!».

И вдруг я почувствовал, что действительно могу это сделать. Дверь оказалась незапертой. Я напряг последние усилия и нажал на нее. Она скрипнула и отворилась. Сам не знаю, как я очутился в темном узком проходе, продолжая ползти. Неожиданно кто-то чиркнул спичкой. В свете вспыхнувшего огонька я увидел санитаря, широко раскрывшего от испуга глаза. Он в негодовании отмахнулся.

- Ты что, жив? - воскликнул он, побледнев. - Вот чертова сила! Ведь думали, помер... Живуч же ты, парень!

В тот же день меня перевели обратно в лазарет. Жар спал. Стало легче. Очевидно, кризис миновал. Я снова оказался рядом с Мироновым.

- Значит, судьба нам быть вместе, - сказал он, обрадованный не меньше меня нашей встречей. - У нас новость: советский врач лечить будет. Тоже из пленных, - добавил Миронов. - Чудоковат малость, но свой. Ты знаешь, он напоминает мне чем-то Суворова. Всегда приходит с какими-нибудь прибаутками. Очевидно, не хочет дать нам упасть духом. И вид у него такой же шустрый, небольшого росточка, только вместо хохолка – лысина.

Миронов усмехнулся.

- Даже Гольмеке, - продолжал он, - стал приходить только по разу в день или когда задумает произвести какой-нибудь эксперимент над больными. Несладко им достается. Зверь, а не врач.

Немного помолчав, он сказал:

- Теперь больше рыскают эсэсовцы, вынюхивают, кого бы схватить. Слава Богу, несколько дней уж не показывались. Не сглазить бы! - усмехнулся Миронов, снова повеселев.

И вдруг, забыв про больные ноги, выпрямился во весь рост, подтянулся, уперев ступни в деревянную стойку нар так, что все лицо передернулось от острой боли.

- Ты, что? - испугался я за него. - Забыл что ли? Здорово болят?

- Здорово, - сознался Миронов, - иной раз так болят, что сил никаких нет терпеть. Хоть отрежь, да самого себя жаль. В плену без ног совсем крышка.

В лазарет вошел тот самый врач, о котором только что шел разговор. Гольмеке относился к нему снисходительно, но всякий раз выявлял

раздражение по поводу «излишней» заботы о больных. На тифозных и дизентерийных он вообще не обращал внимания, считая совершенно бесполезным применять к ним какие бы то не было меры медицинского воздействия.

- Если им положено умирать, пусть себе умирают, - считал он, - пленным не разрешено оказывать никакой излишней помощи. «Бефель ист бефель» – приказ есть приказ!

Такие тяжелые условия для лечащего пленного врача создавали ему большие трудности. И все же он всеми силами старался сделать все возможное, чтобы облегчить страдания людей. Никто не знал, кто он, откуда и как попал в этот лазарет. Но по его добродушному виду и неустанным заботам можно было определить, что этот человек готов сделать все от него зависящее, чтобы помочь своим соотечественникам.

На этот раз он появился совсем неожиданно.

- Здравствуйте, товарищи храбрецы! - выкрикнул он своим тонким шутивым тенорком.

Общий смех прокатился по лазарету. Десятки глаз устремились на маленькую фигуру доктора.

- Были когда-то и мы храбрецами... - подшутил в ответ неудачно чей-то голос.

- Как-как? - переспросил маленький человечек, прислонив к уху ладонь. - Говорите: «были»? А знаете ли вы, что подобные шутки могут заставить думать о храбрости совсем иначе, чем это есть на самом деле? Я знавал одного чудака, который утверждал, что трусы так же неизбежны среди живых, как храбрые среди мертвых. И знаете, почему? - усмехнулся доктор, тут же отвечая на свой вопрос, - да потому, якобы, что никакой храбрый человек никогда не остановится на одном храбром поступке, совершая их до тех пор, пока не унесет с собой в могилу. Видите, как? И все же храбрые есть и живут среди нас – живых, не дожидаясь конца своего существования.

Миронов не утерпел:

- Правильно, доктор, вы говорите, - выкрикнул он, садясь с трудом на нары. - Всем известно, что мы не в резерве были, а в самый тяжелый момент войны, в те дни, когда многие наши армии поневоле в окружение попали. Но трусить не трусили – некогда было. Кто струсил, тому тут же и похоронную отпели. Пуля труса всегда догонит, она в спину лучше бьет. А мы, если и попали сюда, то каждый сам знает по какой причине. Миллионы не могут быть повинны в нелепой оплошности. Значит, не было выхода.

Разговор оживился. Врач с интересом наблюдал за больными, познавая их и знакомясь с ними, с общим их настроением.

- Выход-то, положим, был, - выкрикнул вдруг чей-то голос с дальних нар, - скажи лучше рука не поднялась на самого себя. А уж если по-советски...

- «По-советски, по-советски», - передразнил его один из больных, перевязанный весь грязными полосами материи от кальсон, почти сплошь

пропитанными гноем и кровью. Он мучился от сильного фурункулеза, не дававшего ему ни днем, ни ночью покоя. Но сейчас он был возмущен и забыл про свои нарывы. – «По-советски», - еще раз передразнил он. Так что ж ты сам-то сюда угодил? А? Да еще хвост перед каждым немцем поджигаешь...

- Кто поджигает? Чего взъелся-то?

- А ничего. Лежал бы и помалкивал. А то, ишь, какой первомайский митинг закатил – «по-советски»...

Миронов тоже разгорячился. Задетое самолюбие негодовало от подобных рискованных выпадов.

- Кому от того польза, - возмутился он, - что в свой лоб пулю загонишь? Тебе? Родине? Брехня все это! Одни громкие слова, а на деле малодушие. Именно в том и заключается человеческая трусость – умереть без пользы. Никому это не надо! А если с умом, так и здесь кое-что делать можно, если не было иного выхода, - добавил он многозначительно и осекся. Ему указали в сторону подозрительного субъекта с перевязанной рукой, внимательно следившего за разговором.

Один из соседей, желая отвлечь внимание, спросил у доктора:

- Вы вот назвали нас храбрецами – в шутку, конечно, – а, что такое, по-Вашему храбрость? Я никогда не приписывал себя к трусам, но страх испытывал. Мне кажется, нет человека, не пережившего этого чувства. Один разведчик, засланный в тыл врагу, говорил, что никогда не был знаком со страхом. Этого не может быть! Человек не камень. У него, какой бы он не был храбрый, есть свои чувства, и нервы, и душа, и сердце. Вы согласны с этим?

- Пожалуй, - согласился доктор, - если, конечно, страх не влечет за собой трусливого поступка. Ну, а что касается храбрости, так уж не знаю, как Вам и ответить. По-моему, если хотите, это отчасти продукт воспитания человека, зависящий от того общества, в котором он воспитывался.

- А по-моему, не совсем так, - возразил другой больной. – Я лично, утверждаю, что люди рождаются храбрыми.

Доктор рассмеялся:

- Ха-ха-ха! Бывает, конечно, и так, но воспитание есть суть, особенно в нашем социалистическом обществе. Поэтому не только на фронте, но и в тылу, и среди нас – медиков – немало осталось храбрых людей. Об этом нельзя забывать. Нужно поднимать этот дух храбрости в каждом из нас. Нельзя жить мыслями об одной похлебке, ею сыт не будешь. Надо о чем-то и другом поразмыслить.

К вечеру пришел Гольмеке с несколькими эсэсовцами. Стали отбирать выздоравливающих на работы. Не обращая внимание на их болезненное состояние, многих забирали еще совсем слабыми, пренебрегая протестами нашего врача. Отбор длился около часу.

Когда немцы ушли, некоторое время стояла полная тишина. Потом все оживленнее стали слышаться отдельные разговоры.

- Мы здорово дрались тогда, - говорил молодой лейтенант своему соседу. - Несколько раз в атаку ходили, вернее, в контратаку. Два танка

фашистских подбил, да вот видишь, какое дело получилось... (Осколком снаряда ему перебило большую берцовую кость правой ноги. Здесь он лежал с самого основания лазарета).

Лейтенант извлек из кармана гимнастерки обломок расчески и неторопливо разгладил на голове льняные волосы.

- Кость не срастается, вот что плохо, - сказал он. - А чего только не посмотрелся в этом лазарете. Мать моя! Не знаю, как я еще с ума не сошел...

- А что, бывают и такие случаи?

- Еще сколько! Вон в проходе идет человек, видите?

Я невольно повернул голову в сторону идущего. Стало не по себе. Прикрыв полунагое тело рваной шинелью, босой и обросший волосами красноармеец шел, испуганно озираясь по сторонам. Вдруг он остановился, попятился назад.

- Спасайтесь! - в испуге закричал он. - Видите кровь? Она заливает землю. Нет больше зеленой травы, все погибло. Все, все, все! Смотрите, ворон выклеывает глаза из глазниц, запивает нашей кровью, - произносит обезумевший человек, в испуге отбиваясь руками от мнимого хищника.

- Спасите! Спасите! - кричит он, забиваясь под нары, и долгое время сидит под ними, боясь показаться.

- Не знаю, как еще уцелел этот человек. - сказал лейтенант. - Эсэсовцы таких тут же пристреливают. Спасибо товарищам – всякий раз при их появлении прячут у себя. А ведь все равно конец придет. Такое состояние несравнимо ни с какой болезнью. Лучше бы умер. Он уже больше недели, как сошел с ума после допроса. Говорят, огнем пытали... Сначала вытерпел, а потом с ума сошел. Бросили в барак, а оттуда тайком в лазарет переправили. Хорошо еще санитар такой попался. Видно, свой парень.

- Ну, это еще что, - вмешался сосед, лежавший по другую сторону от Миронова. - Взрослым легче. Мы сами за себя в ответе. А вот я лично видел, как зондерфюрер еврейского мальчонка рукояткой нагана при мне убил. Маленький был, головенка курчавая, как у барашка...

Рассказчик умолк, громко втянув в себя воздух, и оборвал рассказ. Кто-то в бреду грезил свободой.

- Говорят, истинно свободен тот, кто всегда готов умереть, - сказал один из больных, повторяя уже сказанные кем-то слова.

- Не знаю, - усомнился другой, - может быть. Только я лично к такой свободе не подготовлен. Умирать тоже нужно уметь.

- Да, что вы все о смерти толкуете? - не утерпел Миронов. - Ну вас к черту! И так тошно.

Больные замолчали.

В тот момент ни я, ни Миронов не предполагали того, что нам предстояла скорая разлука. На следующее утро его и лейтенанта, подбившего два немецких танка, перевели в Барановичскую тюрьму. Прощаясь, мы оба заплакали – не выдержали нервы. За две недели нашего совместного пребывания в лазарете мы по-настоящему привязались друг к другу. И вдруг опять одиночество.

Я всеми мыслями стремился попасть вновь в офицерский барак. В то время мне ничего еще не было известно о гибели полковника Бутримова и Молебного – точно так же, как и о расправе над многими моими товарищами.

Здесь же, в лазарете, с каждым днем все меньше оставалось знакомых лиц. На места умерших прибывали, помимо лагерных больных, все новые и новые партии военнопленных. Тяжелораненых привозили эшелонами, скученно, зачастую в открытых вагонах. Легкораненых и здоровых пригоняли по этапу.

Место Миронова занял боец, получивший осколочное ранение в руку.

- Как тут у вас, - спросил он, залезая на нары и озираясь по сторонам, - не очень-то сладко?

- Да уж куда там! - ответил мой сосед. - Какая же может быть сладость, невыносимо просто!

- Оно и видно по вас. Вон во что превратились, - одни мешки с костями.

И все-таки встреча с новичками принесла нам огромную радость. Свои ведь, с родной земли прибыли!

Солдата засыпали вопросами. Бедняга уже устал на них отвечать.

- Так вот, - начал он уже в третий раз свой рассказ, - на Октябрьскую подоспели сибиряки. Прямо с Красной Площади и в бой. Сам товарищ Сталин напутствие давал. Все правительство в Куйбышеве, а он остался. Не покинул в тяжелую минуту Москвы. Немцы совсем близко к ней продвинулись, казалось, вот-вот нагрянут сволочи, да не тут-то было. Накось! Выкуси! - показал он кукиш. - Посмотри, какова она Москва-то наша! Трудные бои шли. Народу полегло тьма-тьмущая! А не допустили.

- Значит, не взяли? - воскликнул чей-то голос, желая лишний раз удостовериться в истине сказанных слов.

- Говорю – нет, – возмутился новичок. - Вначале, как и вам, трудновато пришлось в первые дни. Многие из москвичей даже в панике свои квартиры побросали. Думали – не удержать нам Москвы, отдадим немцам, а оно-то все иначе обернулось.

- Здорово! - сказал восхищенно тот же голос.

- Еще бы! Теперь уж не видать им ее, как своих ушей, у нас с каждым днем силы прибывают, и техника появилась. А тут, как на грех, этот плен, - с горечью сказал новичок.

- Что ж поделать, браток! Не по доброй воле.

- Когда попадают – не думают, - ответил боец. - Заняли одну деревню Варварино, что ли, и – не задерживаясь – дальше! Ну, и увлеклись, малость забежали вперед раньше других, а танков фашистских не заметили, и отрезали они нас от своих.

- А вы-то куда ж смотрели? - подсадовал сосед. - Нужно было хорошенько закрепиться, а тогда и дальше наступать.

- Брось! - огрызнулся боец. - Видали мы таких советчиков! Тебе-то, видно, не приходилось наступать, вот так и говоришь. А знаешь, стоит

только немного вырваться вперед, а там уж себя не остановишь. Это раньше все отходили да отходили, а теперь не то, - оборвал свой рассказ рассказчик.

Все слушали с интересом. Гитлеровцы распускали нелепые слухи о падении Москвы, а вот теперь живой очевидец опровергает их гнусную ложь.

Эти известия, передаваемые из уст в уста, бодрили измученных людей, вселяли в них надежду на избавление. Но проходило два-три дня, и все вновь затихало, жгучая тоска, как червь, впивалась в душу.

Я вспомнил про особиста и захотел во что бы-то ни стало его найти. В сущности говоря, он был единственным из нашей дивизии, с кем можно было перекинуться парой слов. Вся прежняя неприязнь к нему мигом пропала.

В самые тяжелые минуты мне казалось, что, может быть, он был и прав, намекая на то, что последнюю пулю нужно оставлять для себя, но тут же отгонял от себя эту нелепую мысль, потому что жизнь оставалась жизнью, и лишать себя бесцельно этой жизни не было дано никому никакого права. Я слез с нар и направился в конец прохода. Вокруг лежали незнакомые люди. Не зная ни имени, ни фамилии особиста, мне не у кого было осведомиться о нем, и я после неоднократных попыток безрезультатно возвратился на свое место.

Побег

Весна в Вестфалии была ранней. В одну из ночей нас подняли по тревоге и срочно эвакуировали из Дуйсбурга. В то время я находился в команде 19-15 шталага № 326.

Англичане подходили к Рейну.

Вели немецким строем – по три в ряд. Впереди и по бокам шли гитлеровцы. В полустах километрах от Дортмунда, в междулесье, неожиданно вылетели английские штурмовики и на бреющем полете обстреляли колонну. Все бросились к обочине. Кто-то из пленных выскочил на дорогу и замахал сорванной с себя белой рубашкой. На следующем заходе, пролетев над самой землей, летчики, как видно, опознав в нас военнопленных, взмыли вверх и скоро скрылись за облаками, не сделав больше ни одного выстрела.

Снова застучали по шоссе десятки деревянных колодок. Колонна шла дальше. Спустя некоторое время на пути встретились два власовца, понуро стоя у коновязи, где были привязаны их лошади. Кто-то с усмешкой крикнул:

- Эй, «братишки», ну как жизнь-то?

В ответ, вместо обиды, один из них предупреждающе ответил:

- О своей подумай! Ведут, а не знаешь куда. Вчера целую колонну вашего брата уничтожили.

Слова эти хотя и пролетели как-то между ушей, но все же в сознании оставили настораживающий след.

К вечеру остановились в небольшом местечке среди гористой местности, покрытой сплошь лесом. Крестьяне, напоминавшие своими костюмами что-то между тирольским и голландским, были одеты во все праздничное. Как видно, это была одна из отдельных провинций с людьми,

живущими все еще своими давними привычками и обычаями, походившими на старообрядцев.

Был первый день Пасхи.¹³³ Пахло копченостями, сдобой, домашней снедью. Изнуренные и голодные, мы с наслаждением вдыхали жадно этот дразнящий аромат, зная заранее, что никто в этот вечер не даст нам никакой пищи.

Гитлеровцы разбрелись по деревне, как шакалы, бродя из дома в дом, оставив с нами одного раненого в руку солдата-трубача и старого ефрейтора лет под шестьдесят, с длинными седыми усами, торчавшими далеко в разные стороны, за что и получил прозвище «кота». Он был безобидным, но ворчливым и исполнительным стариком, вернее всего, потому что досыта наслужился за весь свой век всем кому угодно, начиная с самого кайзера Вильгельма II.

Из их разговора мы поняли, что война Германией проиграна, хотя и сами давно были убеждены в этом. Солдат с рукой на перевязи досадливо усмехнулся, достав сигарету, которая, вероятно, была у него последней, потому что аккуратно разломив ее пополам, осторожно спрятал остаток в карман и, закурив, с горестной усмешкой сказал, обращаясь к старику:

- Вот и конец. Все пошло прахом. А сколько людей зря погибло!..

- Я, я! - фыркнул в усы старик, оглянувшись по сторонам, боясь, чтобы кто-нибудь ни услышал его слов. - Алес шлехт! Я! Алес шлехт!¹³⁴ - повторил он.

Разговор их прервал вошедший эсэсовец. Он был пьян. Уставившись бычьими глазами в темноту скотного сарая, куда нас загнали, эсэсовец заорал:

- Авштейн! Варфлюхтер нох маль! Лёс! Встать! Черт побери! Живо!

Видя, что никто не поднимается, он снова закричал и тут же схватился за автомат. Раздалась короткая очередь. Кто-то вскрикнул. Приподнявшись на колени, один из наших товарищей медленно осел к земле. Ухватясь руками за живот, он только и успел сказать: «Ну, вот и все...».

Утром подняли рано. Новая охрана сменила прежний состав.

Мы шли медленно, натирая в кровь деревянными колодками ноги. Портянок не было и поэтому, прежде чем одеть колодки, завертывали ноги в какую-нибудь бумагу, которая тут же протиралась или сбивалась комком.

При входе в одно из населенных последующих мест, воспитанные геббельсовской пропагандой мальчишки окружили колонну. Показывая языки, они выкрикивали разные оскорбления в наш адрес. Один из них схватил с дороги камень и размозжил голову шедшему с краю военнопленному. Нервы и возмущение напрягались до предела. Один из наших товарищей по фамилии Хрипин, не выдержал, выбежал из строя и бросился вдогонку убежавшему мальчишке. Шедший по близости охранник вскинул автомат, но стрелять не решился, очевидно, боясь попасть не в того, в кого надо.

- Иван, Иван, брось! - кричали из колонны.

Но Хрипин, расsvирепев, ухватил хулигана за ворот и с силой ударил по лицу. Лицо мальчишки залила кровь. Поднялась суматоха. Выбежавшие из домов немцы что-то злобно кричали в наш адрес, требуя от солдат расправы. Раздалась автоматная очередь. Вдоль колонны просвистели пули. Никто не был гарантирован в сохранении жизни. Хрипину связали жгутом за спиной руки, но вместо расстрела сильно избили и поставили в строй. Мучаясь от боли и усталости, он буквально валился с ног, всеми силами стараясь не отстать от товарищей.

К заходу солнца остановились в одной деревне на пути между Минденом и Обернкирхеном. Разместились в большом кирпичном сарае на сеновале. Работавшая у бауэра наша девушка, увезенная немцами из оккупированных районов, шепнула мимоходом, что вчера, якобы, где-то поблизости (километрах в пятнадцати, что ли) кто-то видел английские танки, и что эсэсовцы перед отходом из деревень обыскивают каждый угол в поисках прячущихся беглых из лагерей, либо всех тех, кто задумал по своей воле скорее избавиться от гитлеровского насилия.

Все спали. Я лежал молча, заложив руки под голову и уставившись взглядом в светящееся от лунного света отверстие в черепице, обдумывая возможность побега. Совсем близко слышалась артиллерийская стрельба. Не спалось. В мыслях возникали различные варианты, планы, но все они сводились к определенному решению. Когда утомленные длительным переходом все уже спали, ко мне тихо подполз Зайцев.

- Не спишь?

- Нет.

- Опять о побеге думаешь?

- Да, Саша.

- Я с тобой! - твердо сказал он.

Перед рассветом, когда дали сигнал к построению, мы встали в заднюю шеренгу у изгороди, за которой был овраг, а дальше начинавший уже зеленеть луг. Передние ряды заслонили нас от эсэсовцев. И тогда как будто какой-то внутренний голос спросил: «Ну, что же ты стоишь? Беги!».

Перескочив через изгородь, я бросился в темноту оврага. Зайцев бежал следом. В ту же минуту застрочили автоматные очереди. Несколько пар фашистских сапог простучали за нами. Закрыв руками лицо, я кубарем скатился в овраг, ломая кусты и сухостой. Еще раз просвистели пули совсем близко, но, к счастью, ни меня, ни Зайцева не задело. Потом все смолкло. Не до нас, видно, было гитлеровцам...

Начинало светать. Вдали показалась уходившая наша колонна. «Прощайте, товарищи!» – подумалось в душе, но грусти не было. Чувствовалась приподнятость духа, прибавление сил и энергии.

Мы переползли в маленький тесовый сарайчик, стоявший отшельником среди пастбища (вероятно, владение какого-нибудь пастуха), и спрятались за большую кучу навоза, лежавшую почему-то посередине сарая.

Нужно было передохнуть и хоть кое-как побриться, потому что сами немцы были всегда чисто выбриты, и поэтому заросшие наши лица невольно

навели бы на подозрение. Нерешенным оставался вопрос с заменой лагерной одежды на гражданскую. Это оказалось не настолько просто. Во всяком случае, до вечера нечего было и думать, что бы то ни было предпринимать в этом отношении.

Мы сидели и докуривали закрутки из подобранных еще в Миндене окурков, как вдруг заметили фигуру немецкого офицера, шедшего в направлении нашего сарая очевидно из прожекторной части, которая виднелась вдали, километрах в полутора от нас.

Немец приближался все ближе и ближе, и тогда у обоих мелькнула мысль: «Теперь, когда, возможно, несколько часов отделяло нас от свободы, снова попасть в руки СС и гестапо или быть на месте расстрелянными – ни за что!!!».

Мы спрятались за навозную кучу и стали ждать. Минуты казались часами. Но вот у входного проема, не имевшего двери, раздались шаги. Немец зашел в сарай и, насвистывая «Марлен»¹³⁵, непринужденно прислонился к стене, встав к нам спиной.

Все произошло внезапно. Зайцев вцепился ему в горло, я ухватился за кобуру. Возни не было. Просто завалили его навозом по самое горло, оставив только одно лицо, чтобы дышать, и, стянув ремнем за спиной руки, пригрозили револьвером на случай, если он вздумает подняться до темноты или же попытается крикнуть о помощи. Но перепуганный гитлеровец покорно всему повиновался, очевидно, благодаря само небо за то, что сохранило ему жизнь.

К вечеру мы поочередно ходили два раза в разведку. Слева от нас действительно находилась прожекторная часть, которая, по словам немца, готовилась к эвакуации. Справа же и впереди стелился луг, огибаемый большой автострадой. Нам казалось, что самым надежным местом, где можно было укрыться, именно и был тот самый сарай, из которого мы бежали утром. Я и Зайцев пробрались во вторую его половину, где не ночевала наша команда, и тут, вступив на солому, неожиданно провалились в глубокое логово с горизонтальным проходом метров около пяти. Очевидно, это укрытие не одним нам послужило убежищем при побеге.

Долго спать не пришлось. Ночью разбудил шум немецких голосов. В них вплетался чей-то девичий голос, показавшийся мне уже знакомым. С улицы слышался лязг танковых гусениц, чьи-то невнятные выкрики. Тянуло гарью, паленым мясом и шерстью. На противоположной стороне дороги горело два дома с коровниками и санными сараями. Из них с треском вылетали фонтаны огненных искр, озаряя ночную темноту багровым светом. Дико мычал скот.

Судя по отдельным словам и лаконичным командам, долетавшим до слуха, немцы, как видно, торопились. Вдали все ярче вспыхивала зарница, отчетливее доносились артиллерийские разрывы. Где-то недалеко – километрах в 10-15 – шел бой.

Мы переползли в дальнюю часть сеновала, где еще с вечера выбили две фронтонные доски на случай возможного отхода. Через несколько минут

заскрипела калитка, и в сарай вошли гитлеровцы. Раздалась автоматная очередь по соломе, но нас не коснулась. Гитлеровцы столпились у приставной лестницы, ведущей на сеновал. Когда очередь повторилась, снова послышался взволнованный голос девушки. Судя по интонации, она в чем-то старалась убедить немцев. Потом на лестнице заскрипели ступени, и кто-то в нескольких местах проткнул вилами солому.

- Ну вот, видите, герр офицер, я же говорила, здесь никого нет.

Гитлеровцы, как видно, колебались. Однако все изменило неожиданное событие.

Совсем близко ударил взрыв, и тут же послышался отчаянный девичий крик. Что-то загремело, упало на землю. В ответ на это снизу донеслось несколько немецких выкриков. Слышалась непонятная суэта, и, наконец, звук удалявшихся шагов. Наступило время томительного ожидания. Ни я, ни Зайцев не могли понять, что все же произошло в эти последние минуты. Только когда совсем стихло – если не считать приглушенной канонады, да треска догоравших строений – стало очевидным, что фашисты оставили деревню. С тех пор прошло более часа. Мы лежали в ожидании утра, обдумывая, что предпринимать дальше.

Внизу терла свой бок о колоду корова. В предрассветном тумане хрипло, спросонок прокричал петух. Начинало светать. После бессонной ночи клонило ко сну. Но сон не приходил. Наконец, мы все же заснули. Разбудил шорох, доносившийся снизу. Предвкушенный добрым предчувствием, я разгреб свою маскировку и вылез из логова. Теплые лучи солнца скользнули по лицу, пробиваясь сквозь щели черепичной кровли, ярким конусом падая на солому. Тысячи пылинок, до того не заметные, заплясали в струях солнечного света. И тогда они показались мне живыми, несущими с собой жизнь.

Как я обрадовался, когда, подняв голову, вдруг увидел девушку – ту, что в первый день предупредила нас об эсэсовцах. Ее звали Катя. Она присела на корточки и по-детски, приложив палец к вытянутым губам, тихо сказала:

- А я видела, когда вы вернулись. Только тише, немцы услышат...

- Разве они еще здесь? - спросил я.

- Конечно. Только совсем другие, местные. Среди них тоже есть нацисты.

Тут она коротко рассказала о себе и о том, что произошло за минувшую ночь.

В Германию Катя попала в 43-м году вместе с группой увезенных девушек из Харьковского университета. После разных скитаний ее направили на работу к бауэру. Немец оказался злым, придирчивым. Однажды, увидев на ее щеках слезы, подошел к ней и, приподняв подбородок, с недовольством сказал:

- Не смей плакать, Катрин! Голева держаль кверх нато. Понимайль?

Когда же изменилось положение на фронтах и гитлеровской Германии стал грозить крах, изменилось наружно и отношение бауэра к Кате.

Наступила весна. Война шла к концу. Перед отходом из городов и деревень фашисты прощупывали каждый угол, расстреливая целыми группами наших военнопленных, уничтожая и срачивая с землей концлагеря.

Дошла война вновь и до нас после тяжелого перерыва. Но не среди своих, не в рядах нашей армии, а по воле судьбы в далекой Вестфалии, в ожидании союзных войск, потому что до наших и думать нечего было добраться.

Я слушал с вниманием Катю, а она говорила о себе и о том, как удалось ей провести гитлеровцев и отвлечь их внимание от сеновала, на котором мы находились. В тот момент, когда бомба ударила совсем близко и взрывная волна колыхнула сарай, у девушки мелькнула мысль упасть с лестницы и имитировать перелом ноги, не думая о том, что при падении действительно можно было сломать ногу. Она проделала все это настолько искусно, что ни у кого из гитлеровцев не появилось ни малейшего подозрения на обман. Не то боясь бомбежки, не то пожалев ее, они унесли Катю в дом к бауэру и больше уже не возвращались.

Ранний утренний туман постепенно рассеялся. Солнечные лучи осветили покинутую гитлеровцами землю. Катя задумалась. Вспомнила о подруге, которую по доносу вчера повесили перед отходом. Она также ждала конца войны, как и Катя, чтобы вернуться на свою солнечную Украину. Катя на минуту задумалась, смахнула набежавшую слезинку.

- Так что вы не торопитесь раньше времени показываться на глаза немцам до прихода наших.

И вдруг спохватилась:

- Ой! - засмеялась она, покраснев. - Надо же! Оговорилась: не «наших», а союзников, - поправила Катя.

Окрик бауэра прервал разговор. Катя улыбнулась, махнула на прощанье рукой и спустилась вниз.

Целый долгий день до самого вечера мы ждали ее прихода, но она не пришла. Утром нас разбудило необычное оживление на улице. Слышались чьи-то возгласы, команды, шум проходивших мимо автомашин и танков. Разноязыкий разговор людей мешался в этом общем гомоне с песнями поляков, русских, украинцев, французов, болгар.

Я первым вышел из своего укрытия и, приподняв черепицу кровли, замер в восторженном чувстве от раскрывшейся передо мной картины. Наконец-то цвет хаки (чей бы он не был), сменил собой еще недавно главенствующие тона черно-серого мрачного [цвета].

Немцев на улицах не было. Окна домов закрывали ставни. Теперь уже ни один толстяк-бауэр не гонялся за пленным, стащившим у него ради голода пару сырых картофелин. Теперь он спрятался, как улитка, в свою скорлупу и даже не обращал внимания на то, что его куры и утки попадают в панике под проходившие мимо машины.

Какой-то смеющийся француз, стоя на противоположной стороне улицы, о чем-то оживленно говорил с группой болгар. Освобожденный поляк

у самой калитки обнимал краснощекого русского парня, успевшего уже переодеться во все гражданское и отъевшегося за время последних бомбежек.

Я не вытерпел и уже необычно громко окликнул Зайцева. Спустившись по стремянке вниз, мы вышли на улицу. К нам подошли французы. Мы шли вперед на восток, в сторону России.

На одном из привалов Зайцев толкнул меня в бок и указал глазами в сторону. Сначала я не понял, что собственно он от меня хочет, но тут же увидел среди группы девушек Катю. Она шла с подругами, веселая и счастливая, распевая свои украинские песни.

- Катя-я-я! - закричал я.

Она не обернулась. Шум машин заглушил мой голос. Тогда я еще не знал, что она станет спутником моей жизни до конца своих дней.

Звуки старинного русского марша привлекли наше внимание. По ту сторону Эльбы духовой военный оркестр встречал освобожденных братьев по оружию. И вот снова среди своих. Шестнадцатая воздушная [армия] маршала Жукова!¹³⁶ Как рукой сняло тяжелое время плена.

Но память о том, что пришлось пережить, не померкнет никогда, как не померкнут те злодеяния, которые принес с собой фашизм народам Европы – и в первую очередь русскому народу.

ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 12. Д. 46. Л. 3-51. Машинописная незаверенная копия.

---

* Так в документе. Правильно – Леснянский лагерь.

№ 1368

Воспоминания П.И. Милованова¹³⁷ о пребывании в немецком плену*

9 мая 1985 г.

– Петр Иванович, расскажите, как Вы были в плену.

– Я был в Эссене – это самый крупный капиталист был в Германии. В воскресенье приезжают немцы богатые на машинах, а мы в лагере. Привозят двух овчарок, выпускают их в лагерь. Если ты отмахнешься, в тебя стреляют. Эти овчарки – жуть, а они смеются.

Вот он привозит сына или внука маленького лет пяти и дает ему наган: «Стреляй!». Мы согнаны как овцы в табун. Он стреляет в кого попадет...

А кормить нас не кормили. За песни кормили. Если песню споешь, то дают тебе похлебку. Я пел «Катюшу», другие песни. [Как-то] крестьянин привез картошку. Говорит: «Кто будет петь, картошку тебе». Есть-то не дают. Не петь – картошку не дадут. Кто не пел, значит, не ел.

Я думал: неужели я [когда-нибудь] досыта воды напьюсь?! Вы понимаете? Досыта воды... Я был в Проскурове. Это польский городок был. Асфальт, казармы и жара. И вот мы там лежали. Идет водопровод: кап-кап-

кап-кап. Там никогда ничего не возьмешь – [только] глоток воды. Жарко. Умыться невозможно. Думал: неужели я доживу воды напиться?!

Неужели я доживу – «катушу» первый понесу?! «Катюша» – параша. Нести в казарму парашу – это был самый счастливый человек. Почему? Если я парашу (бочку) занесу, то я лягу на нары. А когда нас загоняют, света нет, нельзя приподняться, ты к параше не подойдешь. И вот каждый сверху всё на тебя. А куда он денется? Там все набито, народу набито. Отец на сына, понимаете, какал. Он его обругал, а потом узнали, что он его сын. Это невозможно было. Я говорю, что парашу взять – это счастье было. Отнести в казарму и занять там место, лечь. Боже мой, это невозможно. Это никогда не будет. Этого никто не поймет.

Чтоб я наелся картошку сырую... Дурак я был – дома ел вареную, жареную. Я б ее сырую наелся, покурить бы – и мне больше ничего не надо было.

– О доме, о семье вспоминали?

– Я не думал, ни о чем не думал. Я и о жизни не думал. Только думал: скорей бы подохнуть. Но вы поймите, как трудно прощаться с белым светом. Я когда был в Проскурове, я хотел там покончить с собой, когда лежал на «булыжниках». Вот никто не поверит, что такое «булыжник». Это койка, на ней лежат круглые чурбаки, вот так вот сучки обрезаны. Но на ней ни постели, ничего нет. Вот на них мы лежали (называется «булыжник»).

– Вспомните самый плохой и самый хороший день в своей жизни.

– Самый плохой день в моей жизни... Пришел в сознание – лежу в яме, где солдаты лежали. Даю знак пить (после контузии всегда [хочется] пить). Я не слышу, но вижу. Сверху подходят немцы с автоматами. Я понял, что всё. Это был самый черный день. Век, наверно, не забуду.

И светлый день был в моей жизни, самый хороший день... Нас гнали немцы – пять тысяч (этап). Куда нас гонят? Мы знали, что второй фронт открыт (американский). Кто говорит – в Швейцарию. [Но] кто правду скажет – гонят и гонят. Был поселок. Перед поселком нас на поле [оставили] ночевать. Кругом одни немцы. Мы полеглись. А немцы, когда пьют, говорят: «Попадешь в глаз?» (такой спор). Пленного берут и говорят: «Становись туда» и вдруг стреляют. Что хотели, то и делали.

А нас было три товарища: сибиряк 50 лет, из Москвы, и я. Мы лежим. Я даже заснул уже. Вдруг [кто-то] толкает: «Комрад, комрад, на тебе». Дает мне пасху, кулич и яйцо (у немцев Пасха раньше). Дает мне пасху немец, а у меня на душе: поведет ведь сейчас и застрелит. «Вот вам на троих». Мы на троих разделили это, и он ушел.

Утром мы встаем. Поселок Мухино проходим, кругом лес и поляна. Они говорят: «Тут вы можете варить и отдыхать». А что варить? Траву-травушку, которую мы дорогой набрали. Из леса идет желтый василек – можно помыть, от леса листья, ветки нападали. Часовые кругом. И вот мы наварили траву. Я варил на троих. И вдруг со стороны палят танки по нас. А ведь у нас все же грамотные люди были – и офицеры, и генералы были (говорили, что солдаты). Совсем цивилизные были. Говорят: «Братва, не

бежать. Если это эсэсовцы, то побежим в лес. А если американцы, то нас побьют там». И вдруг выходят американские танки с белой звездой. Это нельзя говорить, невозможно. Мы как увидели... Боже мой, мы бежим к ним. Все бежали. Как нас американцы встречали – и сигареты, и белье, и шоколад, что у кого есть. Чего у них есть – все давали. Все дали. Мне коробка сигарет не попала, мне досталось их белье.

– Петр Иванович, а крематории Вы видели?

– Крематории были в Польше и в Дахау. В Дахау я был за песню. В казарме кто, что хочешь, говорит. Там только «наседок» боялись. «Наседка» – пленный, немцы кормили его лапшой, и он «ловил» всех. Но их когда поймают, уничтожают. «Наседки» везде есть.

Я попал за эту песню:

Не жалея ни жизни, ни крови,

Мы дрались, отражая десант.

Но немецка прицельная пушка

Свалила меня наповал.

А теперя, моя дорогая,

Пропишу, как в плену я живу.

Немцы травили собакой,

Полицейские били меня.

И в такую трущобу загнали,

Еле-еле мы ножки несли.

Говорить за кормежку не стоит –

Нас кормили как скот на убой:

Сто грамм хлеба с опилкой давали

И поллитра баланды с травой.

Воша ползала стаей густою,

Выпивала последнюю кровь.

Не успеешь очистить рукою,

Как они появляются вновь.

Распорядок мы дня изучили,

От светлой до темной зари

Стоим мы в очередь за баландой,

Еле двигая ноги свои.

Кто хотел, тот из сил выбивался

Получить свой несчастный паек,

Тот наверно назад не возвращался,

Доходя, он был скошен как стог.**

А наутро здесь мертвых збирали***

Под открытый немецкий сарай****.

Как убой перед нами складали

И готовя к отправке их в рай.

И работы нам здесь хватало

Года по два, а некоторым по три.

К мертвецам и повозки съезжались,*****

И тянулись в глубокие рвы.
 Нельзя позабыть полицаев –
 Все подобран один к одному.
 Один бьет, а другой добивает,
 Умер – вечная память ему.
 Нельзя позабыть людоедов,
 Людоеды явились здесь*****.
 Они режут куском людское мясо
 И как шакалы сжирают тут.
 И Россия моя дорогая,
 Не увижу я больше тебя,
 Чтоб увидеть тебя, рассказать про себя,
 Как пришлось мне у немцев страдать.

Вот я попал в Дахау. Во мне было 38 килограммов веса, даже меньше. Попал я на сжигание. Подходишь к печке... Знаю, куда меня гонят. Но мне не мил белый свет. Одного, что ли, гонят! Там и собаки, и немцы, там строжайшая охрана. Люди понимают, куда гонят. Вот я подхожу уже близко к крематорию. Я на войне в Бога не верил, а тут украинский поп. Крест у него ржавый, грязный весь. И он благословляет туда – в крематорий. Моя очередь подходит. Меня ведь все равно убивают. Сейчас я бы ему всю харю захаркал. Тогда у меня слюней не было. Я ему: «Тьфу! Пакость чертова!». У меня не было слюней, может, и попал в него – не знаю. Схапали и давай бить. Схватили, а потом опять поставили последним в эту очередь. А тут приехал бауэр. Ведь они за деньги нас продавали. Отсчитали нас 50 человек задних, посадили в машины. И я уехал к бауэру и спасся. А если б я не харкнул, я б ушел туда...

Сейчас стихотворение расскажу.
 Здесь в немецком плену
 Ох, далеко от родимого дома
 О, Русь, я тебя не забыл!
 Нет! Нет! Нет! Я не изменник родного народа.
 В кровавой жестокой борьбе
 Я был контужен немецким снарядом.

Я скажу вот так: Родина не бросила. Сочла меня за фронтового бойца.
 Спасибо Родине, спасибо власти.

ГАСПИТО. Текущий архив. Фонозапись.

* Запись произведена М.А. Ефимовой.

** Помета автора: *Если без очереди – автомат бьет.*

*** Помета автора: *У котла.*

**** Помета автора: *Т.е. на улицу.*

***** Помета автора: *Не на лошадях, а на людях – людские повозки. Там на лошадях не возят – одни люди.*

***** Помета автора: *Я не ел, но видел.*

№ 1369**Воспоминания Б.А. Лейзина***

1980 г.

Из всех сражений, в которых мне пришлось участвовать в годы Великой Отечественной войны, особенно запомнились (наверное, потому, что эти для меня были особенно тяжелыми) бои под Новороссийском на «Малой земле» и бои за взятие Берлина.

При высадке первых десантов мы, артиллеристы, находясь на «Большой земле», огнем своих батарей подавляли и уничтожали огневые точки противника, чтобы дать возможность нашему десанту успешно высадиться на берегу, занятом противником. И не только высадиться, но и закрепиться и удерживаться. Огонь из своих батарей по противнику мы вели при любых условиях: и днем, и ночью, и при любой погоде, и тогда, когда над нашими позициями летали фашистские самолеты и пикировали, сбрасывая на нас десятки авиационных бомб.

Немецкие войска предпринимали против десанта по несколько атак в день. Но огонь нашей артиллерии и огонь десантников заставлял противника отходить назад, несмотря на то, что противник имел большое численное превосходство и находился в наиболее выгодных условиях, занимая господствующие высоты.

Для того чтобы огонь нашей артиллерии был более точным, чтобы наши снаряды ложились в цель, нанося как можно больше потерь противнику, нужно было корректировать огонь, находясь в непосредственной близости от переднего края противника, т.е. на «Малой земле». Поэтому командование наше посылало корректировать вместе с морской пехотой на «Малую землю».

В мае 1943 г. я получил приказ высадиться на «Малую землю» в качестве корректировщика от 2-го дивизиона нашей артиллерийской бригады.

Вечером я с двумя радистами прибыл в Геленджик, где формировался очередной десант. Когда совсем стемнело, несколько катеров отошли от берега и взяли курс на «Малую землю». Вначале было тихо и как-то тревожно. Затем завязались разговоры между десантниками, каждый старался подбодрить друг друга. Разговаривали тихо, как будто боялись, что немцы нас услышат. Курить не разрешалось, хотя в это время почему-то каждому особенно хотелось закурить.

Противник периодически «вешал» над «Малой землей» ракеты, освещая берег, и вел огонь из орудий и минометов. Приблизительно в час ночи наши катера приблизились к берегу «Малой земли», и в это время противник открыл ураганный огонь из всех видов оружия по прибрежной полосе, осветив десятками ракет место причала. Вокруг наших катеров начали рваться снаряды и мины, поднимая вверх фонтаны земли и воды и поражая осколками десантников. Среди нас появились убитые и раненые. Но

паники не было. Ведь подавляющее большинство среди нас были коммунисты и комсомольцы, добровольно согласившиеся высадиться на огненную землю. Каждый из нас, забирая оружие, боеприпасы и продовольствие, бросался в воду, добирался до берега и укрывался за его обрывом. Раненым оказывалась первая помощь.

Высадив десант, уцелевшие катера отправились обратно, забрав с собой раненых.

К утру я со своими радистами прибыл в расположение 252-[й] морской бригады, занимавшей оборону в восточной части «Малой земли» вдоль ж.-д. насыпи. Наблюдательный пункт мы оборудовали на насыпи, а в нижней части насыпи вырыли землянку. Все работы велись ночью.

Противник не терял надежды сбросить десант в море. Поэтому он после небольших передышек, перегруппировав свои войска и подтянув новые силы, предпринимал атаку за атакой. Перед каждой атакой начинали артиллерийскую подготовку, десятки самолетов сбрасывали сотни разнокалиберных бомб. Кроме бомб с самолетов немцы сбрасывали бочки с горючей жидкостью. Поэтому земля горела, кругом стоял дым и смрад. В это время немецкая пехота и танки шли в атаку, но каждая их атака отбивалась защитниками «Малой земли». Не один раз в критические минуты приходилось и нам, артиллеристам, брать в руки карабины, автоматы и гранаты и вместе с морской пехотой отражать атаки немцев.

За несколько дней до штурма Новороссийска во время очередной атаки немцев недалеко от меня разорвалась бомба, сброшенная немецким пикирующим бомбардировщиком, и воздушной волной меня отбросило к насыпи. Я был контужен, но оставался со своей частью до взятия Новороссийска 6 сентября 1943 г. Наши войска изгнали немцев из Новороссийска, а 9 октября были изгнаны с Кавказа.

ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 12. Д. 114. Л. 11-13. Машинописная незаверенная копия.

---

* См. дневник Б.А. Лейзина (№ 1264).

№ 1370

Воспоминания А.С. Енина¹³⁸

1970-е гг.*

Я трехлетним мальчиком остался без родителей. Жил в Бондарском районе. Государство помогло мне получить образование. Работал учителем в Знаменском районе.

В 1939 г. призван в армию и поступил на учебу в общевойсковое училище в г. Проскуров (ныне город Хмельницкий). В 1940 г. училище переводят в г. Свердловск, где до начала войны я продолжал учебу. Война застала нас, юных курсантов, в стенах военного училища. В конце июня нам

присвоили звание «лейтенант». И я был направлен в распоряжение Центрального фронта. В составе 266-[й] стрелковой дивизии стал на защиту г. Гомель, где мы встретились впервые на р. Сож с немецкими захватчиками. Немцы упорно сопротивлялись, превратив на противоположном берегу дома и постройки в огневые точки.

Плотный огонь не давал нам возможности двигаться вперед, и мы залегли в земляных укрытиях. Немцы перешли в контратаку, их поддерживали танки и артиллерия. Мы держались до глубокой ночи, и отошли через р. Сож в пригород города Гомеля – Ново-Белица.

В лесу заняли оборону. Через несколько тяжелых дней мы оказались в окружении. Стали выходить из него группами. Немцы всеми силами старались закрыть нам выход. Были большие потери. Меня тяжело ранило. Эшелон с ранеными шел на восток. Я попросился, чтобы меня оставили на лечение в г. Тамбове в госпитале.

После лечения направили в г. Куйбышев для участия в создании и обучении новых боевых подразделений. В составе сформированного минометного батальона меня направили под Харьков. Батальон входил в 41-ю стрелковую дивизию. Расположились в районе селения Красный Лиман, мы начали готовиться к освобождению г. Харькова.

В начале мая 1942 г. в 4 часа утра перешли в наступление. Враг сопротивлялся упорно, нанося нам ощутимые потери. Здесь мы освободили несколько населенных пунктов, в том числе село Лозня, где и остановились, встретив сильный артиллерийский и пулеметный огонь противника.

Я снова был ранен, но остался руководить боем своего дивизиона. Был снова ранен. Потеряв сознание, не помнил, как меня отправили в лазарет дивизии. Командование вместо меня принял заместитель по политчасти лейтенант Глушко. И опять я попал на лечение в г. Тамбов в госпитале, где располагался областной краеведческий музей (а сейчас открыта церковь)¹³⁹.

Наступил 1943 г. После выздоровления меня направили в 38-[ю] армию в 1140-[й] стрелковый полк на должность заместителя командира стрелкового батальона. Теперь я воевал на Центральном фронте Орловско-Курского направления.

Гитлеровское командование начало крупное наступление. Наши части сдерживали бешеный натиск врага, который бросил против наших войск большое количество танков и самоходной артиллерии.

Часто в памяти всплывает памятный для меня бой. Я на своем участке выставил расчеты противотанковых ружей и бойцов с бутылками с горючей смесью. Немцы пошли в атаку. Земля дрожала и горела, снаряды и мины пахали многострадальную Курскую землю. Горели постройки близлежащих деревень. Черная гарь плыла над землей. Мы с трудом сдерживали натиск врага. К нашему счастью, появились советские штурмовики и истребители (немцы называли их «черной смертью»). Удар авиации дал нам возможность перейти в контратаку. Пробежали, перешли маленькую речку и вошли на пшеничное поле. Успех боевых действий был переменным. Мы окопались и заняли временную оборону.

Я решил проверить своих бойцов, как они окопались и готовы ли опять встретить контратаку противника. В это время немецкий снайпер ранил меня в ногу. Я упал в окопчик. Боец перевязал мне рану. Старался держаться до конца боя. За этот бой был награжден орденом Красной Звезды.

Около двух месяцев я провел в полевом госпитале. В дальнейшем был откомандирован на 1-й Украинский фронт. В соединениях фронта прошел до предгорья Карпат. В районе города Красино получил контузию. Лечился полтора месяца в госпитале г. Львова. Несмотря на все усилия врачей, выздоровление не наступило. Решением врачебно-медицинской комиссии был признан негодным для службы в Советской Армии. И в декабре 1944 г. прибыл на родную Тамбовщину.

На этом и кончилась для меня война, которая сделала меня инвалидом.

ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 5. Д. 1. Л. 33-35. Подлинник.

---

* Дата установлена по соседним в деле документам.

№ 1371

Из воспоминаний П.Н. Верещагиной¹⁴⁰

2001 г.

В 1941 г. я окончила 10 классов Нащекинской средней школы Бондарского р-на Тамб[овской] обл.

13/VII-1942 г. меня взяли в армию, но до этого мы копали окопы. Когда взяли в армию нас, девушек со всех районов Тамб[овской] обл., привезли в Малиновку под Тамбовом. Там мы были недели две, потом нас отправили в г. Ефремов Тульской обл. Там мы помогали убирать рожь.

Затем нас, несколько девушек, отправили в Орловскую область, село Капитоновка, где формировалась 81-[я] СД. Командиром дивизии был полковник Баринов А.Б. Нас начали обучать: кого на телефонистов, кого на радистов, а кого направили работать на кухню, в прачечную. Нас начали обучать, несколько девушек, на телефонистов. После окончания нас со Звоновой Руфой из Кирсанова направили в 346-[й] арт. полк, мы работали на коммутаторе. Дивизия стояла в обороне в Орловской обл.

Потом в январе 1943 г. [дивизия] начала наступление, прошла с боями более 200 км, освободила 250 населенных пунктов, крупный районный центр Поныри, уничтожила более 4000 солдат и офицеров, захватила много техники, оружия, складов с продовольствием. С 23/II-43 г. по 20/IV-43 г. дивизия обороняла передний край, а затем вышла во 2-й эшелон 13-[й] армии (2-е Никольское, станция Поныри-1 и Поныри), а в ночь на 27/VI-43 г. вышла на передний край обороны севернее ст. Поныри – г. Малоархангельск.

Участок обороны дивизии простирался на 12 км по обе стороны ж.д. Орел–Курск. На этом рубеже дивизия вступила в Курскую битву 5/VII-1943 г., приняв на себя первый удар усиленной группировки

противника. За два дня боев дивизия потеряла 2518 человек. Приходилось немного отступать. При бомбежке я была ранена в правую ногу, но в санбате пробыла всего 4 дня и – снова в полк.

Немного побыв во 2-м эшелоне, дивизия снова пошла в наступление. В конце сентября дивизия подошла к Днепру. Днепр мы, связисты, несколько человек, переплывали на лодке, которую обстреливал и бомбил противник. На другой стороне в блиндаже установили связь, и опять налетели самолеты. Блиндаж обвалился, кое-кого засыпало землей, это было в Черниговской обл. в местечке Любеч.

Потом дивизия вела сильные бои за город и станцию Калинковичи и форсирование реки Птичь. Нашей дивизии присвоено почетное наименование Калинковичской. Там была болотистая местность, трудно было переправлять пушки и снаряды, да и людей. Потом дивизия была выведена на формирование в тыл в район станции Отрешково под Курск. Это было в апреле 1944 г. Отсюда мне дали 10 дней отпуска домой, но когда я вернулась из отпуска, их раньше времени на поезде отправили в г. Нежин, Киев, Ровно, Сарны, они вошли в состав 3-[й] гв. армии 1-го Украинского фронта. Я их искала и не нашла.

Попала в запасной полк, потом в 53-[й] полк связи, окончила 1,5 мес. курсы радистов. Потом была направлена в 1-ю гв. танковую армию [в] 21-[ю] гв. мех. бригаду (командир – подполковник Костюков, который при Сандомирской операции тяжело ранен). Тут и в наш автобус попал осколок, разбило бак с горючим, и волной мне свело шею и оглушило. Потом форсировали реку Вислу. 18/VIII-1944 г. Сандомир полностью освобожден от фашистов. В Львовско-Сандомирских боях наш 8-й корпус понес большие потери.

25/XI-1944 г. 1-[я] гв. танковая армия была включена в состав 1-го Белорусского фронта. На нашем боевом пути стояли Варшава, Лодзь, Познань и водные преграды: Пилица, Варта, Одер. 14/I-1945 г. артиллерия 1-го Белорусского фронта возвестила о начале наступления. От Одера к Гдыне до Берлина оставалось 100 км. 1/III-45 г. после упорной 45-мин. подготовки войска 1-го Белорусского фронта под командованием маршала Жукова перешли в наступление. 13/III-45 г. наш 8-й корпус, в том числе и наша 21-[я] гв. мех. бригада, получили задачу освободить Гдыню, прорвать Гдынский укрепрайон.

Затем мы брали города Франкфурт, Вандлиту. Затем наступление на Берлин. У противника была сильно укреплена оборона, но 20/IV-45 г. мотострелковый батальон 21-[й] гв. мех. бригады под командованием капитана Томашевского первым форсировал реку Шпрее и захватил плацдарм на ее противоположном берегу. Сам командир был тяжело ранен, но не покинул поле боя. За эти бои капитану Томашевскому было присвоено звание Героя Сов. Союза. Под руководством гвардии полковника Лактионова наша бригада первой ворвалась в Берлин. В одном из боев ком. бр[игады] был смертельно ранен, ему тоже посмертно присвоено звание Героя Сов. Союза.

В Берлине я работала на рации, вдруг дверца автобуса открылась и обдало огнем, упал осколок, но в меня не попал, я по-прежнему держала связь. За 3 года боев я была награждена двумя медалями «За боевые заслуги» и двумя орденами «Красная Звезда», медалями «За взятие Варшавы» и за Берлин*. [...]**.

ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 8. Д. 63. Л. 13-16. Подлинник.

* Так в документе. Правильно – двумя орденами Красной Звезды, медалями «За освобождение Варшавы» и «За взятие Берлина».

** Опущены биографические сведения послевоенного периода.

№ 1372

Из воспоминаний В.В. Полякова^{141*}

19 февраля 1998 г.

В 1941 г. я окончил 9 классов. Нас было 12 человек. Война обрушилась неожиданно, и все считали, что она будет недолгой. Слишком сильная вера была в Ворошилова, Буденного и, конечно, в Сталина.

21 июня был бал в школе, и мы пришли посмотреть на выпускников, ведь на следующий год мы заканчивали школу. А 22 июня – это было воскресенье – узнали, что началась война. Но нам дали закончить 10 классов, хотя среди тех, кто рвался на фронт, был и я. А в последних числах декабря нам были вручены повестки. В это время я работал на табачном складе. Так началась война для 17-летних пацанов.

Вначале мы были отправлены в учебный батальон, который находился в Ульяновской области. (Чтобы научиться побеждать врага, надо научиться бить его по всем правилам военного искусства. Этому и учили в запасном полку).

Через пять месяцев нас отправили в г. Сталинград. Картина была ужасной. Разрушено все. Трудно было поверить, что когда-нибудь этот город будет восстановлен. Батальон обосновался в местечке Прудбой. И лишь в августе 1943 г. я, рядовой пехоты, получил боевое крещение. Меня же спасла простая русская женщина. В порыве боя мы побежали за немцами. В это время открылось окно дома, мимо которого я пробегал. Женщина крикнула: «Сынок, туда нельзя. Немец там что-то возился». Оказалось, что это место было заминировано. И если бы не окрик этой женщины, некому было бы писать эти воспоминания.

В сентябре 1943 г. я был контужен на Орловско-Курской дуге (Брянский фронт). Пролежав в госпитале два месяца, вновь вернулся на передовую. В Витебске был сформирован отдельный лыжный батальон. Он воевал в составе 1-[го] Прибалтийского фронта, которым командовал Баграмян. Его задачей была разведка боем, обнаружение огневых точек противника. В ночь на 1 января 1944 г. ждали отправки с передовой на

отдых, а в ночь с 7 на 8 января была предпринята военная операция. И мы вместо отдыха попали в такое пекло, от которого я до сих пор не приду в себя.

8 января я получил приказ подавить огневую точку противника. Выполнить приказ было невероятно трудно, немало полегло на подступах к ней наших солдат. Подполз, удалось метко бросить в амбразуру противотанковую гранату. Заглох огонь вражеской амбразурной обороны гитлеровцев был обеспечен.

За выполнение боевого приказа, позволившего осуществить наступление наших войск, был награжден орденом Отечественной войны 2-[й] степени. А в полдень 8 января я был тяжело ранен снайперской разрывной пулей. Больше года лежал в военных госпиталях Москвы, Смоленска, Алма-Аты. Домой, в Петровское, вернулся в марте 1945 г. инвалидом 2-[й] группы. [...]**.

ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 12. Д. 65. Л. 9, 10. Подлинник машинописный.

---

* Записано женой со слов В.В. Полякова.

** Опушены биографические сведения послевоенного периода.

№ 1373

Воспоминания В.А. Сапелкина¹⁴²

2005 г.

В 1942 г. забрали меня на войну. Воевал на Финском направлении. Был сапером. Я расскажу два случая из моего боевого пути.

Первый случай произошел 10 июня 1943 г. Вызывает меня командир и приказывает идти за донесением на передовую. И я пошел. Не дошел я до передовой метров 500. Впереди была дорога, у дороги росли деревья. Только я начал подходить к дороге, как в меня начали стрелять фашисты из автомата. Я упал в кювет, пополз за дерево. Посмотрел вперед, а впереди был небольшой холм, и росла рожь, она шевелилась. Я из автомата дал очередь и выстрелил по тому месту, откуда стреляли в меня. Немного подождал, выстрелов больше не было. Я на автомат надел каску и поднял вверх. Выстрелов не последовало. Тогда я встал и пошел к тому месту, откуда в меня стреляли. Там никого не было, на земле была кровь. Я пошел дальше, впереди была деревня. Подошел к домам, около них был погреб, я за него спрятался. Вижу: один фриц хочет выстрелить в меня, отрезав тем самым путь назад. Я выстрелил и убил его. А тем временем немцы выкатили пулемет и готовятся стрелять в меня, но я опередил их, убил трех немцев. Слышу, недалеко через улицу – русская речь. Перебежал улицу и попал к своим. Ребята меня узнали, а я узнал их. Лейтенант Краснов спрашивает меня о том, зачем я здесь, я сказал, что за донесением. Он написал мне донесение,

я взял и пошел тем же путем назад. Принес командиру донесение и доложил о выполнении приказа.

Второй случай произошел со мной в июне 1944 г. Нашему взводу была поставлена задача: проделать проходы для танков в противотанковых надолбах. Всем взводом мы набрали взрывчатки и ночью отправились выполнять задание. Пришли на передовую, нашли место, где нам надо было делать проходы. Стали под надолбы закладывать взрывчатку. По нам финны открыли минометный огонь. Во время перестрелки было убито два человека и четверо ранено. Нам пришлось отойти. Через некоторое время командир вновь посылает нас на то же задание. И мы начали закладывать взрывчатку вновь, так как во время обстрела взрывчатка была уничтожена. Заложили как нужно, соединили детонирующим шнуром, а мне командир приказал взорвать, так как всем надо было отходить в укрытие. Я поджег бикфордов шнур и убежал в укрытие. Через 2 минуты взрывчатка взорвалась. Финны открыли минометный огонь по тому месту, где прогремел взрыв. Когда они перестали стрелять, мы пошли обратно к месту взрыва, заровняли воронки. Тогда только вернулись к своим. Командиру отделения доложил о выполнении задания, которое было мне поручено.

ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 12. Д. 113. Л. 50, 51. Подлинник машинописный.

№ 1374

Воспоминания Н.С. Породина^{143*}

1992 г.

Из Гавриловки ушли в дни Великой Отечественной войны более половины всех мужчин. Я тоже ушел на фронт в первые дни войны. Менее двух месяцев прошло с того дня, как я женился. Еще свежи были воспоминания о веселой свадьбе, еще не успел я налюбоваться на свою молодую жену, когда на страну напал враг, и прозвучали слова: «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой!».

Я воевал на Ленинградском фронте, был дважды ранен, но, как и многие другие фронтовики, уходил из госпиталя, чтобы не отстать от своей части. Трудно нам было: с воспаленными от бессонницы глазами, в прожженных, пропахших потом, порохом и гарью гимнастерках, среди крови и смерти делать свое дело – защищать Родину. В первые годы войны нашей части пришлось отступать. Позже, когда в боях появилось превосходство наших сил, участвовал в освобождении городов и сел от фашистов.

В конце 1943 г. наша часть была переброшена на 2-й Украинский фронт. С боями прошел Польшу, Чехословакию, и в марте 1945 г. наши части вступили на территорию врага. Здесь, за тысячи километров от родного дома, я встретился с женой Марией Андреевной¹⁴⁴. Ее призвали в армию в 1942 г. Из Гавриловки уезжали десять молодых женщин и девчат. Первые месяцы обучались в своей области в Моршанском районе. Потом их часть

перебросили под Тулу. Служили они наблюдателями на запасных аэродромах. Было им очень страшно. Самолеты врага постоянно сбрасывали на них бомбы. Через некоторое время ее перевели в зенитный полк. После тяжелого ранения ее переправили в госпиталь в Моршанск. Рана была серьезная – повреждена правая почка. Ее мать дважды ходила к ней в госпиталь из Гавриловки пешком – доехать в то время было не на чем. А когда Мария Андреевна поправилась, она догнала свой полк и до конца войны оставалась со своими боевыми подругами.

Сражения были тяжелые. Горело все: и земля, и танки, и самолеты, горели зенитки и люди. Солдаты погибали, прекрасно понимая, что они отдают свои жизни во имя свободы, во имя чистого неба и ясного солнца. Сознание своего долга перед Родиной заглушало в нас чувство страха, боль и мысли о смерти.

Я перед самым концом войны, уже после встречи с моей женой, был тяжело ранен. Пуля прошла в ключицу со стороны спины, были затронуты нервные окончания, рука долго болела. Госпиталь, в котором я лечился, эвакуировали в Москву. Здесь я и встретил радостное известие об окончании войны, о победе. Жена из армии вернулась домой летом 1945 г. В Гавриловке она узнала, что в 1943 г. в декабре пропал без вести ее младший брат Александр, который тоже с первых дней войны был на фронте. В 1944 г. после тяжелой контузии вернулся домой и вскоре умер ее старший брат Борис.

Война кончилась. Настало время поднимать страну из руин. В деревнях и селах было не легче, чем на фронте: не было лошадей, семян для посева. Вернулся я домой только в 1946 г. в звании капитана запаса, с орденом Красной Звезды и множеством боевых медалей. Таким же орденом была награждена и моя жена.

Личный архив В.Л. Дьячкова. Подлинник.

---

* Запись произведена Н. Породиной, студенткой истфака ТГУ им. Г.Р. Державина, внучкой Н.С. Породина.

№ 1375

Воспоминания Е.В. Рогачевой¹⁴⁵

1992 г.

После завершения учебы в Тамбовском учительском институте в 1939 г. я получила распределение в Пензенскую область в р.п. Лунино. В конце января 1941 г. меня перевели в село Новая Кутля (по специальности я – учитель географии). Летом этого года свой отпуск я проводила в Доме отдыха «Сосновый Бор».

22 июня уже после обеда в наш корпус прибежала женщина и сказала, что по радио объявили о нападении Германии, и сейчас выступает Молотов.

Все побежали к репродуктору. Начались слезы, волнения. С 23 июня стали приходить телеграммы, отзывающие мужчин на службу (среди отдыхающих было очень много военных). Мне и моим подругам было тогда по девятнадцать лет, и нас начало войны не беспокоило. Лишь когда вернулись на работу, и последовали одна за другой мобилизации, мы поддались общему страху и унынию.

В новом учебном году меня перевели на работу в село Ивановское (Пензенская область), где я преподавала до 1943 г. Жизнь становилась тяжелее. Я жила на квартире у учительницы Риммы Ивановны (у нее был маленький ребенок, а мужа мобилизовали). Кроме денежной платы за жилье мне приходилось выполнять все работы, так как у Риммы Ивановны была аллергия, и она не могла справляться со своим большим хозяйством (корова, свиньи, овцы).

К осени в р.п. Лунино открыли госпиталь на базе средней школы. Вместе с учениками мы собирали для него постельное белье и другие вещи. Каждое лето вся школа выходила в поле (в Ивановском колхозе выращивали технические культуры – табак и коноплю).

В 1943 г. Римма Ивановна получила похоронку на мужа, и скоро отказала мне в продуктах. Жить стало совсем голодно, поэтому мы с подругой Анной Тимофеевой (с 1921 года рождения, сирота) решили добровольцами идти на фронт и подали еще весной заявление в военкомат. В середине июля во время сенокоса на кочкарнике (заболоченный луг) приехал председатель сельского Совета и объявил, что нам с Аней пришел вызов в военкомат. Два дня ушло на медкомиссию и баню, получение обмундирования, после чего нас отправили на ст. Селикса (Пензенская обл.) в учебную часть зенитной артиллерии.

Мы обучались как разведчики, в чьи функции входило определение класса самолетов, высоты полета, дальности, тангенс-буссоль по приборам. Во время учебы мы жили в землянках. Наш полк подчинялся Московскому округу, поэтому кормили сносно (овощи, кулеш). День обычно проходил следующим образом: завтрак, занятия, обед, отдых, занятия, ужин, иногда танцы или кино. Кроме разведчиков в учебке обучались огневики, с ними постоянно шло соперничество. Так, например, в то время носили не сапоги, а высокие ботинки на шнуровке, и каждое утро отделения соревновались, кто быстрее обуется. В учебке были строгие правила и нравы. Однажды наша девушка была уличена в связи с огневиком, за что отсидела десять суток «губы», а потом маршевой колонной была отправлена на передовую. В этой учебке мы находились с июля по ноябрь.

В ноябре наше 56-[е] отделение ОБ ВНОС (воздушного наблюдения и оповещения связи) перевели в Тамбов, оттуда пешком дошли до Покрово-Марфино, там мы закончили учебу и были рассредоточены по постам.

Я была приписана к посту обороны завода № 204 (Котовский пороховой) в Платоновском р-не у ст. Ковылка. Наш пост состоял из пяти девушек и одного парня, начальником поста являлась Шишкина Зинаида. Мы

поддерживали постоянно связь со штабом в Тамбове, оттуда получали провиант (муку, крупу). Жили за селом в землянке, а хлеб пекли у крестьянок.

Осенью 1944 г. нашу роту перебросили в Рязанскую область в село Замартынье. Там мы проживали в сельском Совете до марта без связи – сами не зная, зачем.

[Затем были] отправлены на Украину в Ровенскую область. Батальон располагался в Ровно. Задача нашей роты – охрана ж/д узла Шепетовка. Наш наблюдательный пункт стоял в селе Белогородка. Немецких самолетов здесь летало очень много: с 10 утра – разведчики, а ночью – бомбардировщики, с которых на парашютах сбрасывали осветительные фонари. Тогда родилась такая поговорка: немецкие самолеты, направляясь на нашу территорию, нагруженные бомбами, нутужно гудели «Везу... Везу...», а на обратном пути легко – «Домой. Домой». Сначала мы жили у хохлов в хатах. Они относились к нам хорошо, приносили продукты.

В начале 1945 г. нас перевели в Ямполь (3-й Украинский фронт). В это время немецкие самолеты летать уже перестали. Но стало больше бандеров[цев], поэтому приказ – уйти из населенных пунктов в поле и строить землянки.

Здесь меня и застала победа. Вечером 9 мая сообщили о капитуляции. В июне [была] демобилизована.

Личный архив В.Л. Дьячкова. Подлинник.

№ 1376

Воспоминания* А.Н. Михина**

1974 г.

В наградном листе написано только о последних боях, а о том, что было раньше – нет. Я участвовал в боях еще на Курской дуге. Тогда тоже ходил в атаку вместе с пехотинцами, отбивая атаки немецких танков.

Меня тогда здорово контузило. В окопчике сидели командир взвода и я. Снаряд разорвался в окопчике. Командира взвода убило, а меня ударило, выбросило из окопа. С тех пор плохо слышу. Первых недели три вообще ничего не слышал, и потом – как выстрел, так в висках через всю голову током бьет, боль ужасная.

Тогда, 23 октября [1943 г.], было так. Мы захватили плацдарм и пошли вперед. Выкатили орудие метров на 30 впереди траншей пехотинцев на открытое место и вели огонь по немцам. Потом пехотинцы пошли в атаку. Наш расчет тоже с ними побежал вперед. Нас было в расчете 4-5 человек, а надо было 7. Но командир батареи перебрасывал людей из нашего расчета в другие, т.к. в бою выходили их строя номера. Было на позиции 4 пушки.

Вот мы все и побежали с пехотинцами вперед, а потом немцы нажали, нам пришлось отходить.

Я отбежал к своему орудию. Смотрю – никого нет. Я туда, сюда, думаю, сейчас ребята подойдут. А никого нет. Было часов пять утра, туман сильный. Стал я за пушкой и гляжу вперед. Смотрю – что-то впереди показалось. Это немцы. Их много было – человек 70-80, может, и больше. Смотрю через прицел – идут перебежками. Ну, думаю, сейчас ребята подойдут, орудие повернут, а то оно вон куда направлено – в другую сторону. Один-то не поверну – ведь во мне было всего 52 килограмма.

Смотрю через щиток – и танки идут. Подо мной земля шевелится. Я уперся ногой, вроде лучше стало. Немцы все ближе. Все вижу: такие здоровые, в касках, сапоги широкие – уже метров сорок от орудия. Мне показалось тут, что голова у меня какая-то большая стала, что ее видят немцы из-за щита. Я ее мять, мять руками!

Немцы уже совсем близко подошли. Автоматные очереди и осколки мин по щиту орудия бьют: чк, чк, чк... Тут меня как будто кто-то подстегнул. Я назад к ящику за снарядом – пусто! Я – в другой! Схватил в горячке подкалиберный – этим по танкам били. Комбат всегда говорил: «Береги эти снаряды, Михин, они дорогие, для танков только!». Думаю, будут меня ругать за этот снаряд. Раз его, зарядил. Выстрелил. Потом схватил картонный заряд (там картечь), стал заряжать. Руки дрожат. Задралась картонка на стакане, когда я стал толкать его в ствол. Оторвал, загнал в ствол, выстрелил. Схватил второй заряд картечи, как дал! А пушка была полуавтоматическая ЗИС-5 1933 г.*** – только всунул и – все!

Немцы идут, справа они. Надо крутнуть поворотный механизм: я раз, раз крутнул – ствол вверх пошел, а надо – вниз! Я еще крутнул (а немцы метрах в пятидесяти) – ствол прямо в землю! Как дал! Все поле перепахало как бульдозером, пыль, дым – черное все стало. Как рвануло орудие – сам еле отскочил, ведь ствол был направлен почти в землю. Бросился за снарядом, схватил – а это фугасный, такая на нем головка, можно ее открутить и снаряд станет осколочным. Я через гимнастерку зубами головку открутил и в ствол, а никак в канал ствола не могу снаряд засунуть! Я коленом, коленом помогаю! Засунул. Выстрелил. Прямо по немцам. Они остановились. Их шрапнелью скосило. Ведь сколько можно одним снарядом убить: прямо в гущу попал несколько раз.

Орудие я поворачивал один. Хоть и трудно было, но можно было сдвинуть, т.к. мы не рыли окопчик для него, и оно стояло прямо на поле.

Тут ко мне подбежал какой-то еще солдат. Но немцы уже не лезли. Я ему знаками показываю, что, мол, снаряды нужно принести... Пошли мы с ним. Сзади был ровик, мы в него впрыгнули. Ровик был глубокий, и я подумал, что лучше идти напрямую по полю – быстрее будет. Я стал вылезать из ровика. Тут как полоснет автоматчик немецкий! Мне спину обожгло, ремни прямо отрезало сзади, а по руке-то я не учуял: он пробил мне руку. А солдата того прямо пополам прошило. Он как заорет! Я ему рот зажал и в траншею, там оказались пехотинцы. Они готовились к атаке. Сержант у них бегал по траншее, все старался поднять в атаку. Раз дал сигнал, но трудно ведь оторваться – не поднялись. Но он был парень, видно,

боевой: опять бегают по траншее, кричит: «Вперед! Давай!». Снова дал сигнал, и побежали пехотинцы вперед. Отогнали немцев километров на восемь, и до пушки моей немцы не дошли, не досталась она им.

Тут меня на НП доставили. Командир полка говорит: «Ну, как ты там командовал, герой, мы отсюда все видели!».

Когда немцы шли к орудию, я все боялся: вот схватят меня живым, вот за горло потащат! Я туда, сюда, назад все оглядывался: боялся, как бы не вылезли из-за щита или сзади и не схватили бы меня.

А когда меня ранило, я увидел, что в кустиках стояли наши танки у траншей, и пехотинцы тут были. Все было готово к атаке.

Выпустил я по немцам снарядов 8-10, может, 12. Было два-три ящика. Было-то их больше, но мы их раньше расстреляли, а эти остались к утру.

Вот тут [в наградном листе] написано – «хладнокровно». Ну, как, конечно... Вот так пальцы прямо мнешь, а вот так, психологически, конечно...

Вот когда я стал отходить к траншее за снарядами, вижу, как какой-то немец в плащ-палатке лоб в лоб столкнулся в кустах с нашим красноармейцем из траншей. Немец из «вальтера» застрелил красноармейца. Тут наши подошли и немца прикончили. Я думал – вот где-нибудь столкнусь с немцем, сзади, где-нибудь. Присяду вот так и все смотрю – быстро так – кругом...

После ранения я уже на фронт не попал. Сильно ранило. Контузия еще. Был в запасном полку.

Личный архив В.Л. Дьячкова. Подлинник.

---

* Запись произведена Л.Г. Дьячковым.

** См. наградной лист А.Н. Михина (№ 847).

*** Так в документе. Правильно – 76-мм дивизионная пушка образца 1939 г. (УСВ, Ф-22 УСВ).

№ 1377

Воспоминания И.В. Чещарина¹⁴⁶

Январь 2001 г.

В 1941 г. началась война, пришли немцы к нам. Мы, комсомольцы, копали противотанковые рвы под Москвой, под Клином. Ну, мы копали. Клин он обошел, мы остались там. Нам куда – домой возвращаться, в армию еще не призывали. Мы идем, а там немцы. Собрали нас и в Белоруссию. Был я в этом лагере [военнопленных], ну а после этого лагеря я в армии не был, перевели в обозы работать. Из Тулы продукты подвозили, в передние части на лошадях подвозили, там немцы работали, военнопленные работали.

А в начале 1943 г. мы, 45 человек, работали в лесу – настил там в болотах делали. Мы, 45 человек, ушли, убежали от немцев в Белоруссию.

Вышли к нашим партизанам, потом наши войска начали отступать, освободили эти места.

В Белоруссии в городе Рославле у немцев лагерь был. А потом уже у наших там сбор был – призывали в армию местных. Там особый отдел: «Откуда, чего?». Ну, через два дня меня сразу в армию отправили. Расспрашивали, как попал, что, как, сверились с военкоматом на родине и сразу меня в армию зачислили.

Попал в армию – второй Белорусский фронт, инженерная разведка. Минировать, разминировать, сапером был. Сопровождать разведку «языка» брать, проволочные заграждения резать, своих пропускать, немецких пропускать. Вот так она вся война и пошла.

А звание [Героя Советского Союза] получил я при форсировании Днепра. Днепр форсировали, перебрались из деревни на тот берег. Захватили пять лодок немецких резиновых надувных, переправили на свой берег. Перевезли взвод пехоты, ну а потом их командир взвода говорит: «Посмотри – может, там мины есть». Ну, полезли опять с ребятами, разминировал мины, прорвались к ним в траншею, захватили пулемет один его. Взвод пехоты туда ворвался, удержали плацдарм.

Ранение получил в Польше. После Днепра уже. Звание я получал после госпиталя в Москве. А в Польше ранили в 1944 г. В 45-[м] приехал из госпиталя домой. 19 лет было – и инвалид. Нет, не в Клин, туда, в Шилово, в Моск[овскую] обл., к матери (отец погиб). Мать там жила, а потом двоюродный брат приехал в отпуск из армии, из Закарпатья. А там жизнь тяжелая была... Я и уехал туда, в Закарпатье. Приехал там, пожил немного, мать привез туда. Сестру перевез. Четыре года я там жил, каждый год нагной ноги был перед Октябрьской (сырой климат). Зима, снег выпадет, к обеду болеть начинала нога, пришлось оттуда уехать. Приехал в Молдавию. И там такой же климат. Мне говорят: «Меняй климат». Оттуда пришлось уехать в Моршанск.

Призвали в 43-м, особый отдел. Построили ребят этого года призыва, погнали к переднему краю. Шли и шли. Никакой учебки, нигде не были. До фронта осталось недалеко. В селе баня была, сели мыться мы. Приехали на машине военные, я не понимал ничего, какие звания там, спрашивают: «Какого года рождения? Откуда?». Оттуда. Записали все. И потом: «Такой-то, такой-то, садись в машину». И помыться не дали. Привезли к переднему краю фронта. Постреляли там в лесу. Построились там, кто хочет в саперы, кто хочет в инженеры. Ну, я подумал, чего там с лопатой, с киркой переправы строить под обстрелом. Пошел в эту разведку. Не учили ничего, на второй день показали, как с автоматом обращаться. С пулеметом – после обеда. Потом с минометом на другой день, с минами познакомили – все показали, как заминировать, как взрывать мины. Со старыми бойцами в воинскую часть. Вылезали – вот они мины, вот их разминируй, тогда некогда было учиться.

– Солдат много было у вас – опытных минеров?

– У нас их двое. Трое всегда на вылазку шли, больше в группе не было. Перед наступлением одна группа идет в этом направлении, другая правее идет – танки там, проходы делать для танков. И вот со старыми бойцами ходили. Три раза с ними сходили, потом командира отделения ранило.

Днепр... Подошли мы к нему утром часов в восемь, наверное. Дали команду: «Отдохнуть!». Егеря вышли. Рокоссовский подъезжал, закуривал (лично видел), говорил. Ну, молодой такой. В комбинезоне, вылез из машины. Стал закуривать, мы закурить у него спросили, он дал нам, мы не знали, что это маршал. Вызвали к командиру дивизии, он сидит: «Давай на тот берег. Огоньком мы поддержим». И все. Приказ. И на тот берег стали переправляться.

– А страшно было?

– Ну, страшно, жизнь-то она одна ведь, их двух-то нету. Пока переправлялись, потеряли половину людей. Да, 15 человек, 7 на тот берег пришли. Переправлялись, там бревна какие, мост разбитый – бомбили, пару чурок взял там – пошел. Это было вот в этот период, в июне. Тепло, вода теплая была, а там не зависит – вода теплая, холодная. Зимой и под лед проваливались, купались, так что мы внимания не обращали, там не заболеешь. Простуды никакой. Взводом разведчиков в обороне стоим, разведка за «языком» идет, им нужно проход в проволоке сделать, мины убрать, а вот под осень днем отпускает, ночью подмораживает. Ползком по жиже, по грязи ползли. В шинели идешь – колом на тебе замерзает. И никогда не болели, ничего, не кашляли.

А потом дальше лодки там его захватили. Этот берег пологий, а тот берег обрывистый. Переправили взвод пехоты, автоматчиков, ну и полезли к нему в траншею – метров 150 от берега. Маленько поцарапались. А они разбежались, пулемет оставили.

– Немцы испугались?

– Конечно, чего там, если б не испугались, отстреливались бы, они же не ожидали днем. Часов в десять утра. Они не ожидали этого, чтоб днем переправиться, потому что артиллерия их все время по Днепру огонь вела. Поэтому много ребят погибли от осколков. На земле-то был [бы] жив, а в воде-то что ж – пошел ко дну и все.

А ранило в Польше. Пошли в разведку. В конце 44-го. Там он оборонялся, мы наступали. Железная дорога. Нам сказали, что он по ту сторону железной дороги окопался. Днем послали разведывать, изо ржи вышли, немцам: «Хенде хох, руки вверх!» (я – левша, с левой руки автомат). Немец очередь дал. Ранило в ногу. До утра там лежали во ржи, раненые. Трое. А потом наши знают, в какой район мы пошли. Он отступил ночью, а они едут, ищут нас. Подняться не могу, а тут думал – немцы пришли.

Рославль, Москва, Ташкент, Чирчик, черепно-мозговые госпитали были. И закончился мой путь. Еще было до этого легкое ранение, контузия. В части неделю-две пробудешь, раз до кости не дошло. Легкое, контузия, а это уже окончательно.

Личный архив В.Л. Дьячкова. Фонозапись.

№ 1378

Из очерка В.Н. Поповой о А.В. Павловой¹⁴⁷

1974 г.

Дверь открывает невысокая женщина.

– Здесь живет Антонина Васильевна Павлова?

– Здесь. Это я. Проходите, пожалуйста, сюда, – и мы проходим в уютную комнату, садимся за стол.

– Расскажите что-нибудь о себе, Антонина Васильевна.

– О себе... – говорит она задумчиво и как бы вглядывается в то, что давно минуло. – Воевали мы! Училась в электротехническом техникуме, когда начал формироваться женский летный полк. Из всех желающих приняли нас с подружкой и стали мы механиками по электрооборудованию.

В 1942 г. наш полк вылетел на фронт. Освобождали Керченский полуостров, Белоруссию, Польшу, воевали под Сталинградом.

Сильное укрепление немцев было в районе Краснодара. По их мнению, район был неприступен, однако мы летали и бомбили. Называлось укрепление «голубой линией». Орешек действительно был крепок, в полку начались потери. Пополнения ждать неоткуда – все кто мог, уже воевали. Хотелось сбересть женский полк, и наш командир Бережинская предложила учиться летать в свободное от боев время. Я стала штурманом. Летала всегда с веселой отважной девушкой Люсей Клочковой (она еще до войны кончила летное училище). Вот так и воевали.

Трудно было, когда отступали наши части. Страшно вспоминать, как по дорогам шло население. Для немецких стервятников беззащитные старики, дети и женщины служили живой мишенью. Но мы отомстили за смерти наших людей!

Однажды нас постигла неудача – был поврежден самолет. Тянули из последних сил, лишь бы не упасть на немецкую территорию. Приземлились, и вдруг... страшный удар, я теряю сознание. Пришла в себя от голоса своей летчицы Клавы Серебряковой. Ее чем-то придавило, и она просила помочь. Попробовала встать – тело не двигалось. По команде Клавы что-то делала, но до сознания ничего не доходило, так велика была психическая травма. Помню – стреляла в воздух, потом опять ничего не помню.

Не знали, где мы упали, что с нами. И вдруг сквозь забытье слышу русскую речь. Открываю глаза – наш солдат, с красной звездочкой! Попросила помочь Клаве. Он улыбается.

– Ей уже помогли.

Нас отправили в госпиталь. Я всегда жалею о том, что не знаю, как зовут этого солдата, которому мы с Клавой обязаны жизнью.

В госпитале пришлось встретить и День Победы. Обидно было лежать, когда подруги праздновали где-то далеко от нас этот великий день. Так были рады! Плакали и смеялись, вспоминали все и всех. [...]*

ГАСПИТО. Ф. П-9019. Оп. 1. Д. 598. Л. 1-4. Подлинник.

* Опущены биографические сведения послевоенного периода.

№ 1379

Из воспоминаний А.Н. Полякова¹⁴⁸

21 июня 1993 г.*

[...]**. В 1941 началась Великая Отечес[твенная] война. Отец мой воевал в империалистичес[кую], Гражданскую войну. Был в тяжелой артиллерии командиром батареи. Мне отец говорил, что «Сынок, не наша с тобой эта война. Я – стар, ты – молод», что фашиста разобьют быстро. Но война затянулась. Молодых мужчин забрали на войну, остались старики и женщины. В летние каникулы мы помогали в колхозе, пахали, сеяли, убирали хлеб, возили в элеватор. Меня вызвали в правление колхоза. Председатель мне говорит: «Возьмешь лошадь под верх и будешь вестовым обслуживать 3 сельсовета». Возить повестки из военкомата. Вот я и возил. Однажды везу в свою деревню своему отцу повестку в армию и другим старикам. Это было в 1942 г. Отец мне сказал: «Ладно, сынок отдохни, а я разнесу своим мужикам сам».

Утром проводили своих отцов на войну. Остались мы, пацаны да женщины. Работали, не покладая рук, а фашист уже подошел к Воронежу.

По большаку Воронеж–Тамбов идут беженцы, гонят скот. Копали противотанковые рвы, а немец летает на самолетах, бросает листовки:

«Не загораживайте окна дерюжками,
Мы и так разбираем города с деревушками.
Воронеж возьмем бомбежкой,
А Тамбов возьмем с гармошкой».

И вот настал январь 1943 г. Вручили и мне повестку на фронт. Провожали нас женщины, очень плакали. Посадили нас в товарные вагоны и повезли в Куйбышевскую область, ст. Инза. И повели нас своим ходом до деревни Тимошкино, где жили татары. Завели нас в мечеть. Старшой, который нас вел, пошел докладывать, что прибыли пополнения. Приходит старший лейтенант: «Мы вас ждали через 2 суток, а вы прибыли раньше срока». Начал ругаться на старшого, забрали его (слухом пользуемся, что его отправили в штрафную роту).

Нас развели по домам по 5, по 6 человек в каждый дом. Нас накормили хозяева, чем могли. Утром нас развели по ротам 350-[го] запасного полка, изучали винтовку, пулеметы. Кормили очень плохо, а гонки было много. В марте 1943 г. приехали к нам в полк из Ульяновского танкового училища

представители. Ругали наше начальство, что довели будущих солдат до ручки. Начали вызывать: «Кто кончил 7 кл. и выше – выйти из строя». Нас вышло из строя 12 человек, и я в их числе. Нам приказали взять личные вещи и выходить наружу. И нас повел старший лейтенант на станцию, посадил в пассажирский вагон, и поехали в Ульяновск в танковое училище. Дали нам неделю отдыха, кормили усиленным пайком, а потом баня. Обмундировали во все новое. На разводе нам сказали, что «Вы – будущие офицеры-танкисты».

Начали изучать танк Т-34 – материальную часть, вооружение, стрельбу, вождение. Проучились 6 месяцев. Приехала к нам из Москвы комиссия, во главе генерал. Построили нас на плацу – все училище. Генерал сказал: «Жалко мне вас, ребята. Мы хотели из вас сделать золотой фонд, но фашист еще не добит. Завтра будет комиссия по сдаче экзамена, кто на что способен». И вот начались экзамены. Материальную часть я сдал на «отлично», вождение – тоже. Присвоили звание «старшина, механик-водитель».

Вызывает меня начальник училища и говорит мне, что «Теперь приказывать тебе я не вправе, а предлагаю остаться в училище инструктором по вождению танка». Я категорически отказался. Он мне ответил, что «Дурак ты, боишься – не достанется тебе война». Сколотили из нас экипажи (10 экипажей) и поехали в Горький–Сормово получать танки. На заводе работали пацаны, женщины и старики. Выпускали 10 танков в сутки. Механики, водители-испытатели – тоже подростки. Садимся с ним, поехали по грунтовой дороге 18 км, а потом по пересеченным местам. Испытали, осмотрели вместе, подъехали к погруз[очной] площадке, пожали друг другу руки и с наказом: «Бейте крепче фашиста» погрузились на платформы (50 танков и 30 американских танков «валентайн»).

Нас зацепили два паровоза ФД и повезли по зеленой улице в сторону фронта. Везли нас по украинской дороге, где раскинулась Курская дуга. На большой станции разгрузились, поставили в ряд танки. Подъехали на машинах фронтовики-танкисты. Нас, молодых, тоже построили. Подходит к строю полковник, поздоровался и дает приказ: «Сдать танки фронтовикам». Нам стало обидно. «Ребята, не горюйте, на вашу долю хватит войны». Сдал я фронтовику свою 34-ку, пожали друг другу руки. Команда «По машинам! Заводи!». Выстроились в походную колонну и в сторону фронта. Фронт был недалеко.

Подходит к нам майор-танкист, построил в походную колонну и на вокзал. Посадили в пассажирские вагоны и обратно в Горький–Сормово получать новые танки. Раньше получали танки с 76-мм пушкой, а второй раз – 85-мм пушкой (пятискоростная и мощнее мотор). Получили новые танки, погрузились на платформы и поехали. Время идет, уже начался 1945 г., январь. Разгрузились на станции (станцию не помню), построились в колонну и пошли на пополнение в 4-й Кантемировский корпус. Командир корпуса – генерал Полубояров, 12-[я] гвардейская Шепетовская бригада. Враг огрызался, были большие заслоны, оборонялся крепко. Подошли к

одной речушке – река Нида. Мороз был хорошим. По правой стороне шли машины, пушки, пехота прямо по льду. Лед был толстый, выдерживал, а танки не выдержал. Прошел первый танк, второй. Я был третий, дно было каменистым, посредине попал камень между катком и гусеницей. Гусеница оборвалась, взяли на буксир, берег был крутой. Наш танк уперся лбом, буксир не берет. Подошли саперы и говорят: «Сейчас выручим». Подложили толковую шашку под берег, рванули, берег оселся.

Нас вытащили на берег, а гусеница осталась в реке, надо за ней лезть в воду, цеплять трос. Мороз был градусов 20, влез, зацепил, пришлось лезть, с головой нырять. После отогрели меня ребята, переменял белье, натянули гусеницу и поехали догонять своих. Догнали своих. Наша задача подойти к реке Висле. Враг оборонялся. Наша задача прорвать оборону, форсировать Вислу. Навстречу враг пустил танки, самоходки, «фердинанды» и даже «тигры». Завязался танковый бой. Наш экипаж подбил 3 танка – 85-мм пушка оправдала свое. Командир танка сообщает по ПТУ (танковое переговорное устройство), что «снаряды на исходе, идем по балке, выходим из балки». Впереди противотанковое орудие. Первый вражеский снаряд прошел вскользь, второй выстрелить враг не успел. Пушку раздавили, прислуга разбежалась. Я погнался за немцем – видать, командир орудия. Командир танка (звать было Борис, лейтенант) ругается: «Ты что только делаешь!». Я его догнал, попал под гусеницу и развернулся на нем. Командир роты видел и по радио говорит Борису: «После боя твоему механику дам трое суток ареста». С этих пор меня прозвали «озорной старшина».

Идем дальше. Из-за укрытия вылазит танк противника. Оказался «тигр» – идет прямо на нас. Говорю Борису: «Стреляй». Он говорит, что снаряды кончились, а он прет на нас, тоже не стреляет. Думаю – повернуть назад тоже не годится, а время идет, враг приближается. Думаю – сейчас лупанет, и капут нам, но не стреляет тоже, а расстояние сокращается. Говорю: «Боря, разворачивай пушку назад. Пойдем на таран». Борис говорит: «Ты что, с ума сошел? Он нас раздавит». Еще раз говорю: «Разворачивай, а то башня слетит». Тридцатьчетверка моя поворачивала хорошо. Думаю – назад мою гусеницу бей лбом. Осталось с метр. Потянул левый рычаг – танк прыгнул в сторону и нашим лбом под его гусеницу. Успел переключить на первую скорость, и тридцатьчетверка наша полезла на «тигра». Сбила ленивец, слетела гусеница и подняла почти на попа. Наш танк откатился. Вылезает командир наш – как помню, Коля Набиев, татарин, заряжающим Герка Мордвин. Подбегают пехотинцы, смотрят – вот это да! 34-[ка] сладила с «тигром». Вылазит вражеский экипаж, наши пошли дальше. Мех[аник] «тигра» – пожилой, лет 50 с лишним. На нем был хромовый комбинезон на заячьем меху. Коля Набиев говорит: «Сними с него комбинезон». Я ему показываю: мол, сымай. Снял, но я опять его пожалел. Лежал у меня на трансмиссии бушлат, достал (от мотора был теплый). «На, надевай». Говорит: «Гитлер капут, война капут». На меня посмотрел, говорит: «Де киндер» – значит «ребенок», а его обманул. А потом подошли бензовозы с газом, заправились. Загрузились снарядами и пошли дальше на Вислинский

плацдарм. Остановились на Сандомирском плацдарме на короткий отдых и пополнение.

Добавили новые танки. Ждем приказа. 11 января 1945 г. приезжает к нам в 12-[ю] гв. бригаду маршал Жуков с командиром корпуса генералом Полубояровым. Поставили стол, покрыли красным бархатом и начали выдавать награды. Корреспонденты фотографировали. Замполит подает фотографию маршалу Жукову Г.К., как тридцатьчетверка подняла «тигра». Мы стоим в строю. Меня Борис толкает: «Озорной, сейчас тебя вызовут». Сразу вызвали Бориса за уничтожение трех вражеских танка и уничтожение пушки – [наградили] орденом боевого Красного Знамени. Вызывают меня за уничтожение «тигра», вручают орден Отечественной войны 2-[й] степени. Маршал Жуков похлопал меня по плечу и говорит: «Сынок, а Берлин возьмем?». Я растерялся, не знаю чего ответить, стою и молчу. Он мне говорит: «Чего молчишь?». Я отвечаю: «Обязательно возьмем». Жуков говорит: «Вот это ответ правильный».

11 января в ночь под 12 января дали команду – боеготовность № 1. Сидели в танках, подогревали моторы. Я у командира машины спрашиваю: «Что, одни танки пойдут в атаку?». Он мне отвечает: «Утром увидишь». Вылез я из танка и посмотрел, что сзади стоят пушки, почти рядом – малого калибра, а дальше стоят большого калибра и «катюши». В 4 часа утра началась артподготовка и били до полшестого. В 6 утра дали команду «Вперед! В атаку!». Ну и пошли. Четыре обороны смешали со снегом и грязью. В укрытии – немцы, которые остались в живых. Подымают руки, сдаются в плен.

В одном бою наш танк подбили, танк загорелся. Меня вытащили, одежда на мне горела. Отправили в госпиталь. Осколок попал в ногу, в плечо левое и в голову. Пролежал полтора месяца, выписался. Вышел из госпиталя, увидел «студебеккер» с эмблемой «дубовый лист». Сел с шофером и приехал в свою часть. Узнал, что погиб командир машины и заряжающий Герка. Командир орудия Коля Набиев живой, но он, как бы у нас говорилось, «безлошадный». Дали другой танк. Коля Набиев сразу пришел к нам в экипаж. Другой командир машины и заряжающий. Форсировали Одер. Везде были указки на Берлин.

1 мая встретили праздник в походе на Берлин. 2 мая пошли по Берлину. Сильные были уличные бои. А когда подошли к рейхстагу, уже был над рейхстагом флаг. Наш экипаж расписался на стенах рейхстага. Нам дали приказ: «12-[я] танковая бригада, своим ходом идти на Прагу в Чехословакию». 6 мая зашли в Прагу. Нас встречали с цветами, люки открыты. Улицы были узкие, и из одного дома с 3-го этажа фаустпатроном попали прямо в люк башни. Это после слухом пользовался, не помню.

Очнулся 12 мая в Германии в госпитале г. Лигниц. Не слышу и не разговариваю, и день Победы я не знал. Мне после рассказывали, что хирург, когда вынимал осколки из тела, сказал: «Куда таких молодых посылали на фронт». Мне всего было 19 лет. Пролежал в госпитале 5 месяцев. В сентябре приехал домой. Сопровождала меня мед. сестра. До 1946 г. плохо

разговаривал, плохо слышал. Постепенно отошло, стал слышать и нормально разговаривать. [...]***.

ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 1. Д. 23. Л. 1-5 об. Подлинник.

* Указана дата регистрации письма в архиве.

** Опущены биографические сведения довоенного периода.

*** То же биографические сведения послевоенного периода.

№ 1380

Воспоминания Г.В. Лунина¹⁴⁹

2005 г.

В начале июня 1941 г. меня вызвали в военкомат, предложили учиться на летчика. Я отказался, так как мечтал, как и отец, стать моряком. Мой отец был уважаемым человеком в селе. В его честь названа одна из улиц села Раево – Лунинская.

Вскоре мне вручили повестку Моршанского райвоенкомата. Из новобранцев сформировали группу, которая должна была добраться пешком до г. Пенза. Из Пензы на поезде прибыли в Балашов. Далее путь лежал на Дальний Восток. Не доезжая Хабаровска, мы высадились на станции Завитая, где располагалась школа связистов-телефонистов ДВК. Затем меня перевели во 2-ю Краснознаменную Дальневосточную армию курсантом 1-го запасного учебного танкового полка. В начале 1942 г. в училище приехал представитель Верховного Главнокомандующего и начал производить отбор солдат во 2-е танковое училище (г. Самарканд). Вместе с двумя сотнями красноармейцев я был направлен в бронетанковое училище, где и получил военную специальность. В училище нас предупредили: кто сдаст хорошо экзамен, тот станет командиром танка. Я сдал успешно экзамен и вскоре начал учиться.

После окончания учебы выехали в г. Горький, где выпускали танки Т-70. Затем сформировали эшелон для погрузки танков, и вскоре мы были направлены на третий Украинский фронт. Меня назначили командиром танка 23-го танкового корпуса. На фронте ежедневно требовалось вести наступление на вражеские позиции, отражать атаки противника, а в перерывах ремонтировать технику.

Однажды, во время ночного марша, танк резко остановился – нарушилось сцепление. Я доложил о неисправности командиру батальона. Тот выделил «летучку» типа «А» с солдатами-ремонтниками. К определенному времени танк должен явиться на исходную позицию. В случае неявки могли расстрелять. Ремонтники нам помочь не смогли. Запчастей нет. Что делать? И тут выручила природная смекалка. У меня появилось рационализаторское предложение, как обойтись без запчастей. Танк был исправлен. В результате успели на построение личного состава

вовремя. Командир пожал мне руку, похвалил и начал давать дальнейшие указания.

Перед расположением наших частей находилась возвышенность, занятая немцами, а также секретный мост через реку Северский Донец. Дороги нет. Нужно было по лесу пробраться к мосту. Танки ломали деревья, через реку переправились в ночное время. Утром немецкие самолеты начали бомбить наши танки. Несколько человек погибло. Я получил ранение.

В госпитале как следует вылечиться не удалось. Начальник госпиталя майор Фукс вызвал меня и еще несколько человек и сказал, что нужно срочно собираться и отправляться на фронт. Только и сказал: «Там, в пути, все заживет. Родина вас не забудет!». С незажившими ранами отправился на 3-й Украинский фронт и получил новый танк Т-34.

Особенно запомнился бой у деревни Авдотьевка на Запорожском направлении, произошедший 20 ноября 1943 г. Во время атаки наших танков и пехоты немецкая артиллерийская установка начала стрельбу. Один из снарядов угодил в борт моего танка, загорелся двигатель. Я был ранен в ногу, кое-как выбрался из горящего танка. Механик-водитель следом покинул танк и сделал мне первую перевязку. Дальше ничего не помню. Очнулся в колхозной риге, куда собрали всех раненых после этого боя. Потом меня направили в госпиталь.

Пришлось пережить восемь операций на ноге. Через несколько месяцев встал и вновь научился передвигаться сначала с костылями, а потом и без них. Медицинская комиссия признала меня «ограниченно годным к несению военной службы первой степени», и я получил 15-дневный отпуск на родину, чтобы окончательно выздороветь. Мама уже знала, что я остался жив. При встрече она заплакала и показала «похоронку», в которой сообщалось, что младший лейтенант Луний Георгий Васильевич погиб в боях за Родину 23 ноября 1943 г. Позже узнал, что был представлен к награждению орденом Красной Звезды. Получил орден уже после войны.

Дальше продолжил воевать в должности командира танка резерва штаба 3-го Украинского фронта, затем отдельного учебного полка офицерского состава. В 1945 г. демобилизовался, вернулся домой.

Музей истории тамбовской милиции УВД по Тамбовской области.
Подлинник.

№ 1381

Из письма А.И. Ромащенко¹⁵⁰ коллективу Центра документации новейшей истории Тамбовской области

27 октября 1996 г.

[...]*. Мое ранение произошло в Чехословакии на подступах к городу Брно. В 5 часов утра 19 апреля 1945 г. немцы вели контрнаступление силами до 150 человек при поддержке 4 бронетранспортеров. Оборонялись наши

пехотинцы – 29 человек. Офицеров не было среди них. Полковник мне приказал (хотя мы были из другого соединения) возглавить руководство боем и остановить наступление противника. Я его приказ выполнил. Приказал солдатам пехоты окопаться. С соседнего участка командиру батареи я приказал сосредоточить огонь по немцам. Артогнем были подожжены два бронетранспортера, цепи наступающих немцев были рассеяны. Наступление немцев было остановлено (отбито). А я был тяжело ранен. Меня отправили в госпиталь на лечение. Мои вещи упаковали, туда было вложено это письмо**. Посылку отправили домой. Это письмо было написано, чтобы мать не считала меня убитым.

Подобный случай в феврале 1943 г. был. Тогда на меня моя мать получила похоронку. А уже из госпиталя ст. Аркадак Саратовской области начальник госпиталя отправил в военкомат письмо о том, что я жив и выздоравливаю.

Вообще, за годы войны я был трижды ранен. 1-й раз – под Москвой 13 декабря 1941 г. 2-й – раз 5 февраля 1943 г. под Харьковом (была похоронка) и 3-й раз – 19 апреля 1945 г. в Чехословакии в р-не города Брно.

За годы войны четыре раза ходил в глубокий тыл немцев в составе части.

1-й раз – рейд от среднего течения Дона до Валоек (250 километров). В Валуйках были 11 суток до подхода главных сил фронта. Там взяли в плен 17 тысяч солдат и офицеров, четырех итальянских генералов (в т.ч. командующего 8-й итальян[ской] армией, а также 28 самолетов, 24 арторудия, очень много другой боевой техники и очень большие запасы продовольствия, вещевого снабжения.

2-й раз – рейд от Валоек до Мерефы (300 километров). Задача – обойти Харьков с юга и перерезать дорогу Харьков–Полтава. Задача была выполнена. Основные части фронта взяли Харьков 17.02.43 г., а 18 марта его снова сдали. В то время меня и ранило (похоронка). Нас разбили, мы отступили в Волчанск.

3-й раз – рейд от Гомеля до города Сарны (Западная Украина, 100 километров). Взяли города Ровно, Сарны, Дубно, ж.-д. узел Уразово. Там соединились с партизанским отрядом Медведева. До подхода главных сил 1-го Украинского фронта вели бои в течение месяца.

4-й раз – рейд от румынской границы до города Дебрецен в Венгрии. Вели бои, будучи в тылу 12 суток.

Кроме боевых наград имею 10 благодарностей Верховного Главкома.

ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 3. Д. 34. Л. 1, 1 об. Подлинник.

* Опущена вступительная часть письма.

** См. письмо гвардии полковника Деревенца Е.А. Ромашенко о представлении ее сына А.И. Ромашенко к правительственной награде (№ 1247).

№ 1382**Из воспоминаний А.П. Нагорнова¹⁵¹***28 августа 2002 г.*

[...]*. С 3 июля 1941 по июнь 1942 г. – рядовой, телефонист 78-[го] ВПС 252-[го] УВСР. С июля 1942 г. – курсант Тамбовского артиллерийско-технического училища.

С 10 февраля по 15 апреля 1943 г. я принимал участие в боевых действиях Северо-Западного фронта в должности артиллерийского техника 667-[го] гаубичного артиллерийского полка 35-[й] бригады 15-[й] дивизии АРГК. По прибытии в район Старой Руссы на О.П. 3-[й] батареи 1-го дивизиона проводил пристрелку орудий батареи. Во время пристрелки орудий было выведено из строя три гаубицы образца 1938 г.: пробиты тормоз отката и накатник, оторвана хоботовая часть левой станины, имелись вмятины ствола, повреждены прицелы, пробита люлька. Наблюдались и другие дефекты. Требовался серьезный капитальный ремонт в заводских условиях. Это была большая утрата для полка.

В Тамбовском артиллерийско-техническом училище нас учили менять узлы на подбитых и выведенных из строя орудиях стрелковых частей. Я, с разрешения командира 667-[го] ГАП подполковника Тишенко Н.Я., попросил выделить расчеты орудий в мое распоряжение. Взяв с собой старшего артмастера артмастерской и мастера батареи, я выехал на фронтной склад.

Доложив начальнику склада о цели приезда и получив разрешение на перекомплектацию негодных узлов и сборок, я собрал необходимые узлы и комплектующие к нашим орудиям. Одновременно начальник склада дал указание о том, чтобы снятые узлы были закреплены на складских гаубицах с целью их погрузки на платформы. По окончании демонтажа, сборки и поверки орудий полка мы отправились в 667-[й] ГАП. На второй день исправленные орудия уже включались в артподготовку под Старой Руссой.

С 22 апреля по 10 октября 1943 г. я был назначен на должность начальника арт. мастерской полка Брянского фронта. Во время боя были выведены из строя две наши гаубицы. Мною при обследовании поля боя были обнаружены брошенные САУ-122 – гаубицы 1938 г. С них я снял необходимые детали и узлы для ремонта своих гаубиц, которые после этого были вновь введены в строй.

Во время артподготовки я исполнял обязанности начальника боепитания полка вместо тов. Алексева А.И., который находился на лечении в медсанроте 15-[й] АДП. Поэтому, кроме ремонта матчасти артиллерии, в мои обязанности входил подвоз боеприпасов.

При выезде за боеприпасами начальник штаба полка дал дальнейшую смену О.П. Это был район между Мценском и Новосилем. Однако когда я прибыл в указанный район, О.П. там уже не было – они сменили расположение на другой район. В результате колонна из 30 автомашин с боеприпасами оказалась на переднем крае в районе, занятом противником.

Здесь нам повезло: в это время пошли в атаку наши танки Т-34, а в воздухе происходил жестокий воздушный бой. Поэтому мы смогли благополучно развернуться и без потерь выехать на второй рубеж О.П. нашего полка.

В связи с насыщенностью танками немецкой армии командир 667-[го] ГАП подполковник Тищенко Н.Я. мне приказал обучить орудийные расчеты тонкости стрельбы из противотанковых ружей ПТРД, изучить их устройство и каждому произвести выстрел по движущейся цели. Этот приказ мною был выполнен в течение двух суток.

С 10 октября 1943 по 24 апреля 1944 гг. я принимал участие в боях 1-[го] и 2-[го] Прибалтийских фронтов.

Однажды при проведении осеннего профилактического ремонта нами были разобраны четыре гаубицы. В это время вечером в 20⁰⁰ пришел приказ о срочной сборке орудий, т.к. противник перешел в наступление, и полк снимается на другой участок фронта. Силами расчетов и мастеров полка по тревоге ночью мы начали сборку орудий при свете фар тягачей орудий. Сборку закончили успешно и орудия своевременно переданы в дивизион.

12 октября 1943 г. командир артпарка техник-лейтенант Романов С.А. вел колонну автомашин с боеприпасами. По дороге к лесу в овраге заглох двигатель одной из машин. Командир артпарка Романов С.А. приказал командиру отделения подвоза тов. Блинникову Г.Н. вывести колонну в лес на возвышенность (на расстоянии 100-150 м), а сам остался с неисправной машиной. В это время налетели немецкие «юнкерсы-88» и начали бомбить застрявшую машину. Немцы решили, что в этом лесу имелось скопление войск Красной Армии. В результате бомбежки погиб командир артпарка тов. Романов С.А. и уничтожена полностью автомашина с боеприпасами, а колонна, стоявшая на возвышенности, осталась целой и невредимой.

С 10 мая по 11 сентября 1944 г. я находился на Ленинградском фронте. В районе населенного пункта Кутерселька с последующим выходом на Выборг противник начал наступление, а из боеприпасов у нас остался только «НЗ». Командир 15-[й] АДП генерал-майор Корочкин А.А. приказал командиру 667-[го] ГАП подполковнику Тищенко Н.Я. возглавить оборону в районе стрелкового полка. Командир 667-[го] ГАП приказал начальнику тыла полка тов. Рощупкину И.Л. занять оборону в огневых позициях стрелкового полка, начальнику боепитания срочно выехать на фронтовой склад за пополнением боеприпасов.

Прибыв на фронтовой склад, я доложил обстановку начальнику склада, который приказал выдать все боеприпасы 122 гаубичных выстрелов. Загрузив колонну в тридцать автомашин, я срочно выехал в полк. По пути к фронту нас обогнал инспектор фронта. Обогнав колонну, он затормозил свой «Виллис» перед головной автомашиной колонны. Водитель нашей автомашины не ожидал такого резкого торможения и протаранил «Виллис». Инспектор фронта вылез из машины и подошел к шоферу, пытаясь выдернуть его ключ зажигания. Я приказал закрыть стекло кабины, а неизвестному военнослужащему разговаривать только со мной, как с начальником автоколонны, и предъявить свои документы.

Инспектор, расстегнув свой комбинезон, показал свои погоны. Я возразил, что этого мало и снова потребовал документы. В это время подъехал автобус с его людьми. Инспектор приказал им арестовать меня. Однако у меня на автомашинах тоже были солдаты с автоматами. Мои солдаты направили свои автоматы на инспектора и его людей и сказали, что если он приблизится к начальнику автоколонны, то они откроют огонь.

После этого неизвестный предъявил свои документы, которые свидетельствовали о том, что он являлся инспектором фронта, и потребовал мои документы. Я предъявил ему свое удостоверение, но он положил его в карман, сказав, что арестовывает мою колонну.

Я напомнил инспектору, что согласно приказу И.В. Сталина боеприпасы, идущие к фронту, задерживать никто не имеет права. Мое удостоверение он так и не возвратил. Я подал команду «По машинам!» и выехал в свой полк.

В это время противник начал наступление на нашем участке фронта. По прибытии боеприпасов командир 15-[й] АДП генерал-майор Корочкин А.А. приказал раздать боеприпасы по полкам 35-[й] бригады. Силами трех полков 35-[й] бригады противник был отброшен на исходные позиции, а удостоверение мне выдали новое.

При отступлении противника на марше полка осколками от снарядов загорелись колеса у четырех гаубиц. Силами артмастерской полка колеса срочно были заменены на годные, и полк без задержки выполнил приказ.

С 1 октября 1944 по 28 марта 1945 гг. я участвовал в боях на 2-м Белорусском фронте. В районе Браушсберга перед артподготовкой начальник контрразведки старший лейтенант Чернов Г.Д. прибыл в тыловой район полка, чтобы арестовать меня из-за того, что перед артподготовкой оказались неисправными 16 гаубиц 1-го дивизиона. Мы срочно выехали на О.П. дивизиона.

Прибыв в первый дивизион, я потребовал от старших на батарее доложить, что произошло с гаубицами. После их доклада я дал команду старшему арттехнику дивизиона тов. Портянкину И.П. дать угол возвышения гаубицам 63 градуса, а мастерам батарей приказал открыть пробки тормозов отката. После исполнения моего приказа из открытых тормозов отката с шумом вышел воздух, и орудия отлично заработали. Так благополучно закончился этот инцидент.

При подготовке к штурму города-крепости Кенигсберг я вел колонну автомашин с боеприпасами к фронту. На пути к О.П. на проезжей дороге нам встретилась большая группа раненых во главе с полковником, который приказал разгрузить автомашины с боеприпасами и погрузить в них раненых для отправки в госпиталь.

Я доложил полковнику о приказе И.В. Сталина и отказался разгружать боеприпасы. Полковник приказал меня расстрелять. В это время возвращался в часть командир 15-[й] АДП генерал-майор Корочкин А.А. Я доложил ему о причине остановки автоколонны с боеприпасами. После этого теперь уже командир 15-[й] АДП приказал адъютанту расстрелять полковника за

задержку колонны. Чем закончился для полковника этот инцидент, я не знаю – повел автоколонну в полк.

С 28 марта по 24 апреля 1945 г. я воевал на 3-м Белорусском фронте. Наш 667-[й] ГАП попал в окружение: командир полка полковник Смирнов В.А. со 2-м дивизионом, начальник штаба полка со знаменем полка, 1-й гаубичной батареей, батареей управления и начальниками служб. Начальник штаба полка приказал своему заместителю задерживать все разрозненные подразделения, а их руководителей доставлять в штаб полка.

Мне было приказано осмотреть все оружие приданных подразделений и подготовить его к бою, а затем выйти из окружения и отправиться для встречи и сопровождения 1-го дивизиона, который находился в тыловом районе полка.

При выходе за территорию наших подразделений я встретил в деревне отдельных солдат немецкой армии. Увидев советского офицера, они убежали в сторону леса. Мне нужно было также пройти через этот лес. Выйдя из леса, я увидел на расстоянии около 800 м от меня группу немецких солдат в количестве 40 человек, которые шли сдаваться в плен нашим войскам. Поскольку я выполнял приказ, то с ними не занимался, а направил их в сторону деревни для сдачи нашим подразделениям и штабу полка, а сам продолжал выполнять приказ о встрече с 1-м дивизионом.

Когда я достиг указанного района, то переночевал там. Наутро прибыл начальник химслужбы полка, так как НШ посчитал, что меня нет в живых, а после начхимслужбы тов. Пиво Н.И. на встречу дивизиона вышел комсорг полка. Нам повезло. Кольцо окружения прорвал кавалерийский корпус, а полк выполнял приказ командира полка.

С 26 апреля по 9 мая 1945 г. я воевал на 2-м Белорусском фронте. В районе Берлина в полку происшествий не было.

С июня по декабрь 1945 г. 15-[я] АДП РК расформирована, и все вооружение я сдал на окружные склады Северной группы войск, а сам был направлен в Дальневосточный военный округ. [...]**.

ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 8. Д. 63. Л. 48-53. Подлинник машинописный.

* Опушены биографические сведения довоенного периода.

** То же послевоенного периода.

№ 1383

Воспоминания И.И. Фирсова*

1968 г.

Родился я в селе Н[ово]-Никольское Мичуринского района Тамбовской области в семье крестьянина-бедняка. Семья состояла из восьми человек. Учиться было не на что, и поэтому мое образование – это 4 класса ликбеза. Сам я пять лет пас общественный скот. В 1935 г. поступил на курсы

стрелочников. По окончании курсов до 1937 г. работал стрелочником и сцепщиком вагонов. В 1937 г. был призван в кадровую армию. Службу проходил в ДВК (Приморский край, Уссурийская ж.д.) в 41-й отдельной роте – сначала в качестве старшего стрелочника, потом дежурным по станции. В ноябре 1939 г. после демобилизации поехал домой, но по пути остался в г. Свердловске, где поступил на курсы зам. начальника станции в школе мастеров социалистического труда. По окончании шестимесячных курсов с отличными отметками был направлен на ст. Флюс в должности зам. начальника станции.

Вероломно напали гитлеровцы на нашу священную землю, завоеванную в Октябре нашими отцами. Нам выдали броню. Со своей семьей я вел переписку, но вдруг переписка оборвалась. Через некоторое время я получил письмо от матери, которая писала, что почти вся семья ушла на защиту Родины – отец Фирсов Иван Филиппович, брат Николай Иванович, брат Илья Иванович, сестра Александра Ивановна. С тех пор я стал думать – а что скажут мне братья, если я буду отсиживаться в тылу? Наконец, моя мечта сбылась: припрятав броню, я ушел в армию. Сначала я попал в Еланские лагеря, где проходил подготовку, однако меня не зачислили в маршевую роту, так как я отлично владел стрельбой из пулемета «максим».

Меня оставили обучать пополнение, но, благодаря вмешательству начальника особого отдела, я был зачислен в 1942 г. в маршевую роту, которая направлялась под Сталинград. Там мы влились в 84-ю дивизию, я был назначен пулеметчиком. Бои мы принимали, но всех названий деревень и хуторов я не помню. Помню Старо-Клецкое и Ново-Клецкое направление**, деревня Вертяше***, Опотное поле и деревня Кузьмичи. В этих местах я имел два ранения: одно в 1942, другое в 1943 г. По выходу из госпиталя я попал в запасной 232-[й] полк.

В мае 1943 г. нас перебросили на Курско-Орловскую дугу в учбат в деревне Красная Смородина, а в июне 1943 г., когда немцы с утра пошли в наступление, меня из учбата направили в 4-й гвардейский полк 6-[й] гвардейской Краснознаменной стрелковой дивизии. Наш полк в это время принял ожесточенные бои в направлении ст. Поныри, в которых я непосредственно участвовал в качестве наводчика пулемета «максим». За эти 10 дней неравного боя мне лично пришлось уничтожить 114 солдат и офицеров противника. Расчет у меня был очень слаженный, боеспособный. Особо отличились Чичиков, уроженец Ленинградской области, и Новиков Иван, 1925 года рождения (домашнего адреса, к сожалению, не знаю). В 1943 г. при взятии деревни Оташув в октябре они оба погибли, когда мы пошли в атаку с фланга.

Всех городов и станций, которые мы проходили во время контрнаступления нашей части в направлении ст. Поныри не припомнишь, да и некогда было. Мы стремились только вперед, не давая врагу укрепиться. Припоминаю лишь некоторые, потому что там были очень горячие схватки. Это местечко Глухов, Комаровка, где по ходу боя (я не помню, какая часть

билась до нас здесь) пустили в бой даже офицерский резерв, но взять не взяли лишь потому, что этот участок был сильно укреплен.

Нашему 4-[му] гвардейскому полку, в особенности 3-му батальону, было очень трудно и пришлось отойти на исходные позиции. В то время командование 3-го батальона находилось у скирда соломы, т.е. были покрыты окопы под скирдой. Немец начал бомбежку нашего переднего края. Вдруг я услышал немецкие голоса. Я не выдержал и при сильной бомбежке и пулеметном обстреле самолетов выглянул из ячейки. Увидев, что из-за кургана по направлению к пункту идет в атаку немецкая пехота, я развернул свой пулемет и, как говорят, дал атакующим перекличку от русского пулемета, который они не любят. Атака захлебнулась.

Под прикрытием моего пулеметного огня командование и стрелки покинули передний край и отошли на исходные позиции. Я вошел в азарт, до злости ненавидя врага, и, забыв про страхи, продолжал биться с неравными силами врага, надеясь на грозное для пехоты оружие – своего «максимушку», который меня не покидал и не обижал в любых жарких схватках и продолжительных изнурительных боях.

Оставшись один, я должен был покинуть свою ячейку. Привязав расстрелянную ленту одним концом к ноге, другим за хобот пулемета, я стал ползти от воронки к воронке, которые были нарыты немецкими бомбами. Время от времени мне приходилось отстреливаться, так как пробиравшиеся вдоль дороги немцы старались меня отрезать от своих. Дойдя до минометных окопов, я решил не отдавать выродкам некоторые пушки и минометы, расчеты которых были выведены из строя во время бомбежки, так как немец, укрепившись на данной точке, хотел захватить и технику. Но наше командование, видя и слыша, что я еще жив и изредка веду огонь, подослало подкрепление стрелков, во главе которых был командир стрелковой роты лейтенант Кокорин Федор Савинович (но не Герой Советского Союза). Когда немец наигрался и стал выносить с поля раненых, тут мой «максим» не давал покоя. Как только положат раненых на носилки, станут тащить, а «максим» тут как тут: возьмет, бросит пятерочку¹⁵² – носилок и носильщиков как не бывало.

На второй день меня связной вызвал на КП, где находились комбат и командир полка подполковник Лев Борисович Давидович (ныне генерал-майор в отставке, Герой Советского Союза). Как полагается солдату, я доложил о прибытии. В первую очередь меня поблагодарили за прошедший бой, а затем предложили усилить мой расчет двумя радистами и проникнуть в тыл врага. Что же, если ты болееешь душой за свою Родину, только и скажешь: «Есть идти в тыл врага!».

Вернувшись к себе, я рассказал своему расчету о данной нам задаче. Расчет с удовольствием согласился пойти, и через некоторое время мы потянулись цепочкой по табачной плантации. По пути мы должны были осмотреть мастерские МТС. Дошли до перекрестка шоссе дорог, где была назначена точка укрытия. Окопавшись, хорошо замаскировавшись, по радиации доложили, что «дома» все в порядке. Через несколько часов наш 4-й

стрелковый полк пошел в наступление на Комаровку, где мы находились, а 25-[й] полк одновременно направился на деревню Кобелевку.

Когда немцы стали «драпать», их очень много скопилось на шоссе. Подпустив их на близкое расстояние, я пустил в ход «максимку» – рассеивающим огнем стал косить. Немцы, ошеломленные внезапностью огня в этом месте, стали в беспорядке метаться. В это время со стороны Кобелевки шла легковая машина. Но мой «максимка» сделал ей баррикады из немецких вояк, и она вместе с офицерами тоже замерла на месте. Некоторые храбрецы хотели уйти от возмездия левой стороной, но «максим» и там дал им «прикурить сигару», расстреляв два пушечных расчета вместе с конями, некоторые хотели улизнуть от разъяренного в то время расчета.

Таким образом, операция прошла благополучно. Около сотни немецких вояк и сейчас нюхают комаровскую землю.

Идя с боями в направлении Днепра, мы форсировали очень много рек – всех не упомнишь. Надо было вести дневник, но лично мне было не до него. Днепр пришлось форсировать ночью севернее Киева, в направлении д. Теремцы, которая была вся сожжена, от нее остались одни развалины.

Когда дошли к Днепру, на наше счастье там стояла одноместная лодочка. Погрузив в нее пулемет и несколько коробок боеприпасов, мы с Чичиковым поплыли первыми. Чичиков стал грести, а я сел за пулемет. Не доплыв 15-20 метров, мы были обнаружены, и по нам немцы открыли минометный огонь. Вдруг неподалеку разорвалась мина. Лодочка захлебнулась водой, мы не смогли удержаться, и я с «максимом» пошел ко дну. Мне удалось встать на пулемет, но чуть не заливало водой рот. В это время Чичиков выбрался на берег и случайно наткнулся на брошенный немцами конец кабеля. Оставив один конец на берегу, он с другим концом доплыл до меня и дал мне его, а сам поплыл обратно к берегу. Я зацепил конец кабеля за хобот пулемета, где были четыре коробки боеприпасов, и мы вытащили его на берег. Берег был крутой. Быстро установили пулемет под шквальным артиллерийским огнем с обеих сторон. Чичикову удалось переправить остальной расчет и боеприпасы, а все остальные переправились кто на чем: кто на бревнах, кто на плащ-палатке, набитой сеном.

На рассвете противник пошел в атаку, стараясь сбросить нас с берега. Но не тут-то было. Если русский пехотинский сапог наступил, то это место уже взято. К этому времени нас было человек 35-40. Мы приняли три атаки и все они с успехом были отбиты. После этого расширили немного плацдарм, чем обеспечили переправу своей части на другой берег.

Пошли дальше. Нам пришлось сначала разведать, где лучше форсировать реку, и лишь на вторые сутки ночью нам удалось переправиться через очень быструю реку по направлению к дер. Оташув и подползти почти под нос противника, где находилось мелколесье. Командование дало задание без единого выстрела взять на рассвете спящего противника. Наш батальон, как обычно, шел в лоб, второй – справа, первый – слева. Когда третий батальон пошел на штурм, какой-то боец сделал выстрел по немецкому

часовому. Среди немцев поднялась тревога, и они открыли бешеный огонь из всех видов оружия.

Местность была открытая, песок. Третьему батальону, не дойдя 100 метров, пришлось с боем отойти в мелкоколесье. Немцем хотелось засечь меня, но мины ложились не по цели: то недолет, то перелет, то налево, то направо. Я все же ушел невредимым – только штанишки да серую шинель, как собаки, порвали осколки. Дойдя до кустарника, я остановился и стал вести огонь по кладбищу, где находился противник.

В это время подбежал связной от комбата и спросил: «Какие дела?». Я сказал, что немцы на кладбище. Тогда комбат дал команду выдвинуться вперед остальным бойцам, занять огневой рубеж и окопаться – в общем, занять оборону до особого распоряжения. Тут нам пришлось немало потрепать себе нервы, потому что противник чуть не по целым дням вел минометный огонь по нашему переднему краю, к тому же погода была очень холодная и дождливая.

И вдруг небо прояснилось, стало тепло, выглянуло солнце. На другой день дали команду к наступлению. Тут ко мне в окоп подполз командир пулеметной роты и дал мне команду, чтобы я со своим расчетом скрыто вышел на назначенную точку, окопался и ждал сигнала. По сигналу я должен был начать огонь из пулемета, чтобы отвлечь противника и обеспечить продвижение пехоты или, как говорят по-фронтовому, взять огонь на себя. В то время стрелки должны были обойти и ворваться в логово противника. Наступление было назначено на 12 часов дня.

Подожли эти минуты – взметнулась в небеса ракета, грянули залпы гаубичных и 45-мм пушек. В свою очередь не унывал и «максим» со своим расчетом, который был снабжен не карабинами, а автоматами. В это время стрелки продвигались справа на кладбище. Вдруг противник обнаружил продвижение нашей пехоты. Бросив мою точку, которую ему было необходимо уничтожить, он перекинул огонь на передвигающихся стрелков. Тут уж раздумывать и чего-то ждать не приходилось, и мы со своим расчетом решили быстрым броском заскочить на кладбище с левого фланга противника. Нам чудом удалось навернуть его сбоку. Здесь немцы понесли потери и обратились в бегство. Мы их догнали до половины деревни. Видя, что нас небольшое количество, противник перешел в атаку, и нам пришлось отойти на кладбище. Дальше нам отходить было невозможно.

Местность хорошо простреливалась со стороны противника, и мы с командиром стрелковой роты, лейтенантом Кокориным Федором Савиновичем, стали драться на этом клочке земли, захватив попутно два ящика вражеских гранат. Бой длился более трех часов, и враг не мог сломить русского солдата, потому что люди стояли не на живот, а на смерть, отстаивая каждый завоеванный метр. Боеприпасы были на исходе, а принести их не было возможности. Подкрепление нам подбросить было также невозможно, потому что действовали снайперы противника. Решили пойти на обман или, как говорят, «на хопок». Разрядив одну ленту, Кокорин раздал ее стрелкам и приказал по команде подняться и с шумом ринуться на

врага. В это время наши дали небольшую артподготовку справа. Мы поднялись и стали кричать: «Быстрее, быстрее заходи с тыла!». Противник, боясь попасть в кольцо, обратился в бегство, а те, которые брели ему на помощь, видя, что передовые бегут в беспорядке, подумали, что русские нажимают, повернули и скрылись в лесу. Вот так нам удалось очистить деревню Оташув.

Пошли первый и второй батальоны. Не раздумывая долго и не давая остыть, командир 3-го батальона дал приказ – не медля ни минуты, идти на выручку 25-[го] полка, который стоял у подножия деревни Опачевцы. Сама деревня стояла на возвышенности, а 25-[й] полк – в заболоченной низменной местности. Эта операция была проведена успешно. 25-[м] полком тогда командовал подполковник Смирнов Николай Андреевич. Это было в октябре 1943 г. В бою за Оташув я потерял своих лучших товарищей – Чичикова и Новикова.

После взятия деревни Опачевцы мы подались левее. В лесу была расположена деревня Каменка. С боем взяли мы ее и пошли дальше. В то время, как мы подошли к хутору Блюсти, у нас в Каменке противник отрезал штаб полка и все обозы. Пришлось возвращаться. Всю ночь с боем выручали мы свои отставшие тылы. После взятия пошли под Чернобыль. Здесь мне лично пришлось с гранатами в руках идти навстречу танкам. Там же и из своего пулемета снял с самоходных пушек два десанта и стал развертывать пулемет для ведения огня по третьему. Но тут у меня упала в ячейку коробка с лентой, а когда я нагнулся за коробкой, то в это время прямой наводкой разбило мой пулемет. Я до сих пор не могу себе представить, как я остался жив. В пятидесяти метрах от меня стояла пушка 45-мм. Я подбегаю к ней, а там один наводчик (после я уже узнал, что это был Медведев Александр Егорович). Я стал подавать ему снаряды, а он бил по танкам. Одному танку подбили гусеницы, другой загорелся. Больше уже было невозможно, нас стали отрезать. Дали команду отойти. Тогда, чтобы «нашим салом не дали по сусалам», мы вытащили замок у пушки и покинули поле боя. Здесь, под Чернобылем, на третий день боя меня ранило и контузило. Пробыв в госпитале 33 дня, я вновь вернулся в строй.

Вспомнить все места боев, описать каждый шаг просто невозможно. Из того, что изложил выше, можно сделать вывод, где приходилось жарко. Это Поныри, Глухов, Хинья, Комаровка, Днепр, Опачевцы, Каменка под Чернобылем, Александрия, Ровно, Коростень. В общем, с боями я дошел до польской границы, где я был ранен, попал в госпиталь, и 25 марта 1945 г. меня комиссовали по чистой, со снятием с воинского учета.

Личный архив Л.Г. Дьячкова. Подлинник.

---

* См. наградной лист И.И. Фирсова (№ 823).

** Так в документе. Правильно – Старо-Клетское и Ново-Клетское направление.

*** То же. Правильно – хутор Вертячий.

№ 1384

Воспоминания Д.Д. Орлова*

20 февраля – 14 марта 2005 г.

К концу сентября 1941 г. в армию уже были призваны мужчины от 18 до 45 лет, не имевшие ограничений по здоровью и «брони». Осенью стали мобилизовывать тех, кого можно было признать условно годными к службе.

Я, учитель, получил повестку военкомата вместе с несколькими коллегами и крестьянами Юрловки. Из села, в основном, уходили мужчины старших возрастов, главы больших семей. Мне было 22 года. Своей семье еще не завел, а съездить в Тамбов проститься с родителями и братишкой не успевал. Отдал вещи учительнице литературы, получил от председателя колхоза буханку хлеба на дорогу и стал в строй.

Трагедию прощания в селе запомнил на всю жизнь. Над площадью стоял бабий вой. Именно не крик, не плач, а вой уже обессиленных от горя женщин и девушек всех возрастов. Подобное преследовало меня потом больше месяца вдоль всех придорожных сел, станций и полустанков от Тамбова до Спасска-Дальнего. Ни в одном кинофильме никто еще не смог передать этого кошмара. Плакивали и своих, и чужих. Ко мне вдруг подбежала ученица-подросток и, по-девичьи стесняясь, сунула в руки узелок с вареной курицей на дорогу. Нередко вспоминаю строки из стихотворения К. Симонова «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины»: «...И, в бой провожая нас, русская женщина, по-русски, три раза меня обняла». Меня, кроме девочки, немного позже, горестно оплакивая, словно родного, проводила немолодая хозяйка избы в Лысых Горах, где некоторое время стояли призывники из Юрловки.

Мне посчастливилось прийти с войны, но так и не хватило сил хоть раз заехать в Юрловку. От бывших школьниц, после войны ставших студентками ТГПИ, я знал, что большинство сельчан, ушедших со мной на фронт, домой не вернулись. Не пришли с войны все друзья детства и их старшие братья. А мне было суждено после войны еще почти 30 лет встречать на родной улице их печальных матерей. Первое время они спрашивали, а не видел ли я, Митя, на войне их сыночка, потом перестали.

Из семьи Орловых на фронт ушли двое – я и мой сорокапятилетний дядя Георгий Васильевич – и оба вернулись. Такого счастья не было ни в одной семье в нашем квартале улицы Комсомольской. Я прекрасно осознаю, что нет моей вины в том, что солдатская судьба оказалась ко мне столь благосклонна, но все же до сих пор чувствую неловкость перед всеми осиротевшими семьями.

Эшелон с призывниками из Тамбовской области отправился в начале ноября 1941 г. со второго пути пассажирской станции Тамбов. Пока готовились, я успел забежать домой на Комсомольскую, 23 и проститься с родными. Виделись минут 15. Рыдающая мать смогла проводить меня только до калитки. Эшелон был сборный: теплушки с солдатами, эвакуированные

люди, платформы с каким-то заводским оборудованием, вагоны с углем. По пути на восток формировался уже чисто воинский эшелон. Эвакуированных людей и оборудование везли с меньшей скоростью. Нас поразили встречавшиеся уже перед Уралом вагоны метро с эвакуированными москвичами. Среди наполнявших станции и перегоны поездов с военной техникой и военными они казались особенно беззащитными. К тому же холодно было даже в безоконных солдатских теплушках, а застекленные метровагоны уж никак не предназначались для суровой зимы.

Я был сначала отправлен для обучения военному делу на Дальний Восток. СССР ждал нападения Японии, а кадровые части Дальневосточного округа пришлось уже отправить под Москву. Их военные городки заняли призывники из центральной России. Среди них было очень мало людей с образованием больше четырех классов. Поэтому немногих молодых парней со средним и высшим образованием не отправили с маршевыми ротами в декабре 1941 г. на почти верную смерть, а оставили и направили в январе 1942 г. в военное училище в Шкотово. Его я и закончил в сентябре 1942 г. и стал лейтенантом-минометчиком.

И еще раз военная судьба уберегла учителя физики. Шла Сталинградская битва. Огромные потери требовали постоянного хоть мало-мальски обученного пополнения. А учить его было некому. Из свежеиспеченных лейтенантов отобрали тех, кто имел педагогические навыки. И стал я, лейтенант Орлов, учить минометные расчеты. Срок обучения был предельно короток – две недели. В основном это были молоденькие сибирские ребята. Но «годных необученных» не хватало, поэтому присылали на обучение целые команды с одним и тем же заболеванием: куриная слепота, трахома. Их пытались одновременно и подлечить, и выучить. Труднее всего представить себе наводчиков с болезнями глаз. К тому же трахома – инфекционное заболевание. Но учили и провожали навсегда. У них было очень мало шансов уцелеть. Я, очкарик-лейтенант, переживал это особенно остро. Бывали и немолодые солдаты. Обычно это те, с кого сняли «бронь» или сочли их болезни недостаточно серьезными для второго года войны. Они годились мне в отцы. Было очень неловко распекающих сидящих солдат за самоволку или нарушение формы одежды. Но это скорее комичные ситуации. А вот воспоминания об их военном обучении драматичны. Ну, не может сорокалетний бухгалтер бегать по сопкам и таскать тяжеленный миномет наравне с восемнадцатилетними! А солдат умолял: «Лейтенант, ты меня не жалей! Учи! У меня пятеро детишек, я должен вернуться!».

В июне 1944 г. вместе с очередным выпуском минометчиков я с Дальнего Востока был отправлен на 2-й Украинский фронт. Шла Корсунь-Шевченковская операция. 7-я гвардейская мотострелковая Сталинградско-Корсуньская Краснознаменная бригада, входившая в состав 20-го танкового Звенигородского корпуса понесла тяжелые потери. Я, как вновь прибывший лейтенант, вместе с пополнением принял гвардейскую присягу, чем горжусь всю жизнь. Но направили меня командовать не

минометами, а противотанковыми пушками, так как в противотанковых батареях выбило всех офицеров. Не сказать, чтобы я умел подбивать танки – меня этому не учили. Честно признался в этом немногим уцелевшим в боях артиллеристам и вместе с солдатами-новичками стал учиться у тех, кто уже бил немецкие «тигры» прямой наводкой. Некоторое время спустя из тыла прислали офицеров-пушкарей и меня, лейтенанта-минометчика, перевели командовать взводом 120-мм минометов. Солдаты приносили мне все трофейные очки, так как разбивались очки часто, а без них я не видел.

И вот в роли «бога войны» прошел Украину, Польшу и часть Германии. Стрелявшие через головы своих по указанным целям минометчики в прямой контакт с противником не вступали. Такая у них фронтовая работа. Поэтому воспоминания о военных буднях, до сих пор доводящие во сне до сердечных приступов, ассоциируются с непролазной грязью, по которой так тяжело быстро менять позицию, да с мелькающими при движении вперед картинами уходящего боя, с догорающими вместе с экипажами «тридцатьчетверок» своего корпуса и разбросанными артиллерийским огнем по земле и кустам ошметками человеческих тел. Люблю песню фронтовых лет «Эх, дороги» со строчками: «Знать не можешь доли своей, может, крылья сложишь посреди степей». Лозунгов в момент, когда поднимают в атаку пехоту, не слышал ни разу, только многоэтажный мат. Самый жуткий сон – неправильное запоздалое целеуказание артиллерийского наблюдателя и огонь всех стволов по своей слишком быстро вырвавшейся вперед пехоте. Расплата за профессию «бога войны» – глухота, начавшаяся еще с юности, а теперь совсем поглотившая окружающие звуки.

Есть и светлые воспоминания о фронтовой молодости. Запряженная парой выносливых украинских волов полевая кухня с немолодым поваром дядей Мишей, находившим нас после любых приключений и в любой грязи. Волы подчинялись армейским командам типа «Правое плечо вперед, марш!». Но с выходом на немецкие автобаны животные стерли об асфальт копыта. Ковалю в танковом корпусе не нашлось, и пришлось, погоревав, волов съесть. Неунывающий повар нашел для кухни трофейный тягач.

Другое веселое воспоминание связано с неожиданно замеченным в Польше в высокой траве сбоку от марширующего батальона зайцем. Солдаты открыли шквальный огонь из всего стрелкового оружия, но перепуганное животное спаслось бегством. К всеобщему изумлению, поднявшись, оно оказалось грациозной маленькой серной. Ее рожки приняли за заячьи уши. Выяснилось, что у всех стоял не тот прицел. Вдруг батальон догнал грузовик с десятком автоматчиков, посланных комендантом ближайшей маленькой станции. Комендант, услышав такую пальбу, решил, что прорвались окруженные немцы, и послал всех своих людей. Автоматчики искренне обрадовались, что боя не будет.

После боев солдаты охотно пели. Я храню переписанные на листочки в сорок пятом слова веселых и грустных самодельных фронтовых песен. Вместо чернил была сваренная в кипятке немецкая сигнальная ракета.

Некоторые тексты не решился отразить на бумаге, но с удовольствием вспоминаю, как здорово маршировали по освобожденному Кракову, распевая разухабистую солдатскую песню на мотив «Калинки». Благо за пересвистами и выкриками стоявшие по сторонам поляки не могли разбирать каждое слово. Население улыбалось, начальство отругало.

Часть считалась мотострелковой, но автомобилей не было. Причем, старожилы не помнили, чтобы они были хотя бы до боев. В шутку именуя себя «топ-пехотой», 7-я гвардейская бригада в самом прямом смысле дошла от украинской Звенигородки до Познани и Бреслау. Весной сорок пятого ее перевели в резерв Ставки и стали готовить к наступлению на Берлин. В часть прислали пополнение 1926 года рождения. Воевавшим солдатам было искренне жаль выросших в военную голодуху юнцов, многие из которых могли умереть в самом последнем бою. Мне дали мальчишек-связистов. А у меня братишка с 1927 года. Мысль, что тот окажется на фронте после того, как ляжет 1926 год (а 1924-го и 1925-го уже почти не было в живых), не покидала до конца войны.

С началом битвы за Берлин 20-й танковый корпус стал вдоль автострады Бреслау–Берлин, ожидая команду к марш-броску. Но опять «ее величество» судьба распорядилась по-своему. Для взятия немецкой столицы не потребовалось вводить в бой резервы. Корпус не получил свой последний в войне боевой приказ, и солдаты остались жить. Ночью 8 мая «солдатский телеграф» раньше любых официальных сводок сообщил: «Войне капут! Победа!». Вся линия фронта стреляла в воздух из всего, что было, не жалея боеприпасов. Такой канонады не было ни до, ни после этой ночи. Стрелял из своего пистолета и я. И вдруг сквозь грохот выстрелов услышал вопли: «Спасите, горю!». Оказалось, что орал часовой со склада горюче-смазочных материалов. Летящие куда ни попадя осветительные ракеты импровизированного фейерверка падали на территорию склада с сотнями тонн горючего, что грозило взрывом. Все дружно бросились их тушить.

Где-то в конце мая часть подняли по тревоге. Недалеко от нее из окрестностей Бреслау прорывались с боем на запад остатки немецкого подразделения. В лесу пехота вступила в бой, ей на помощь послали танки. Минометы в лесу стрелять не могут. Командиры стрелковых взводов прибежали к минометчикам прощаться. Очень горько было провожать в пекло товарищей-пехотинцев после войны, а самому оставаться набивать для них патроны.

Из художественных фильмов о Великой Отечественной войне считаю самым достоверным «В бой идут одни старики». Он напоминает мне тот май.

В июне 1945 г. часть двинули обратно на восток в Польшу под местечко Демба. Польское население неоднозначно относилось к присутствию Красной Армии. Пришлось привыкать к ночной стрельбе в спину и прочесыванию лесов и хуторов в безуспешных поисках стрелявших. Домой продолжали идти уже послевоенные похоронки.

9 мая 1946 г. я был награжден медалью «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». В 1985 г. как фронтовик

получил орден Отечественной войны 2-й степени. Награжден девятью юбилейными медалями. Из наград в «иконостахах» однополчан выше всего ценю орден Славы и медаль «За отвагу», считаю их истинно фронтовыми и самыми честными. В представлении к другим наградам бывало и лукавство, и несправедливость. Подчеркну, что не может быть ордена выше, чем солдатский орден Славы у офицера. По статуту ордена эта ситуация не предусмотрена. Но иногда, по особой просьбе подчиненных, так отмечали самых боевых командиров. Командир моей родной мотострелковой бригады полковник Б. Исаакян был награжден орденом Славы 3-й степени, и этим награждением все гордились не меньше, чем орденом Красного Знамени на гвардейском знамени части.

Летом 1946 г. вышел указ о демобилизации шахтеров и учителей. Мать прислала мне копию диплома об окончании учительского института, чтобы я смог настоять на демобилизации. Образованных молодых офицеров с боевым опытом увольняли крайне неохотно. Но указ есть указ, и 15 августа 1946 г. я был уволен в запас. Чтобы роковой выстрел из засады не оборвал жизнь уже безоружных однополчан на пути на Родину, командир части выделил в сопровождение команды офицеров взвод автоматчиков. И только простившись с ними во Львове и проехав Западную Украину, где всю войну воевали с бандеровцами, я поверил, что живой вернулся с войны.

Только из Москвы я дал родным телеграмму, что еду. Но, выйдя на перрон в Тамбове, не заметил своих. Нанял носильщика с тачкой для своего вещмешка и самодельного фанерного чемодана и пошел по Интернациональной улице. И вдруг сзади услышал крик матери: «Митя!». Годы войны изменили облик людей настолько, что самые родные в лицо не узнали друг друга. И только в спину по походке мама узнала своего сыночка. Они с отцом пришли меня встречать, не узнали и, огорченные, пошли домой. До возвращения сына мать берегла все мои письма с фронта. А, дождавшись живым, сожгла их в печке. Среди женщин тогда ходило поверье, что надо уничтожить то, что связывает с войной. Тогда вернувшийся будет жить долго.

Осенью 1946 г. я поступил на 3-й курс Тамбовского пединститута, решив довести свое педагогическое образование до высшего. В группе физиков из девяти человек было шесть мужчин. Все фронтовики, поэтому традиционное обращение к студентам «юноши» к нам уже не подходило. Фронтные шинель, гимнастерку и сапоги снял в 1949 г., уже работая преподавателем физмата. Примерно до этого времени их донашивала вся страна.

О фронтовой повседневности

В мае 1944 г. 20-й танковый корпус, в составе которого была 7-я гвардейская мотострелковая бригада, после боев на Украине нуждался в пополнении людьми и техникой. В батальонах осталось человек по 70-100. В большинстве противотанковых батарей не осталось офицеров. Большинство танков были потеряны в боях или нуждались в капитальном ремонте. Корпус

вывели в резерв Ставки и разместили на Украине в лесах в районе города Тульчина. Под этим городком когда-то стояла армия Суворова, и нам даже показывали действующие до сих пор колодцы, вырытые, по словам добровольных гидов, еще суворовскими солдатами.

В июне начало поступать пополнение людьми (но еще не техникой). Пришлось срочно строить новые землянки. Строили легкие летние землянки типа больших шалашей из расчета одна землянка на взвод плюс одна офицерская.

Строились землянки быстро – в течение светового дня. Выкапывали котлован соответствующих размеров, глубиной порядка до 100 см. Вдоль него выкапывалась канава, чтобы по сторонам от нее получилось место для сна (нары). Вдоль канавы вкапывали опорные столбы, на которые укладывались бревна. Потом на эти бревна укладывали жерди, крупные ветки и все это засыпалось землей, выброшенной из котлована. Торцы закрывались плетнем, обмазанным глиной, вход завешивался плащ-палаткой. На нары настилалась солома, сено. Все это застилалось плащ-палатками, и жилище было готово.

Для командира батальона землянка была с деревянным полом и стенами, обшитыми досками. В части было немало далеко не юных солдат, владевших самыми разными ремеслами. Эти деревенские отцы семейств умело в два топора раскалывали бревно на плахи.

На скатах землянки большие участки вымазывались белой глиной, а на ней из шишек и тертого красного кирпича выкладывались патриотические лозунги. Перед центральной солдатской землянкой мы соорудили подобие круглой клумбы. На ней из тертого кирпича, глины сделали изображение ордена Отечественной войны. Я отлил из алюминия серп и молот, который находился в центре ордена.

Сначала рассчитывали на кратковременное пребывание. Однако пришлось и зимовать. Землянки реконструировали. Сняли землю, жердевой настил обмазали глиной, набросали увеличенный слой земли и все обложили дерном. Торцы закрыли двойным плетнем с набивкой землей. Сделали «капитальную» дверь: рама, обитая легкими плетенками, между которыми плотно набит мох. Для офицерской землянки где-то в неблизких населенных пунктах солдаты добыли настоящую дверь, утеплив ее аналогично дверям больших землянок. В окна землянок вставили стекла. Вскоре выяснилось, что солдаты выставили их из чудом уцелевших окошек сельской церкви. Священник приходил жаловаться командованию, но оно заступилось за своих подчиненных.

Для отопления притащили гильзы от немецких 400-мм пушек и сделали из них «буржуйки». Для труб использовали контейнеры от каких-то зенитных снарядов. Все. Приготовились зимовать. Но после того как одна землянка чуть не загорелась от таких печек, поступила команда сделать кирпичные очаги. Сделать! А где взять кирпич? Где-то километрах в двадцати мы обнаружили развалины какого-то здания (не то маслобойки, не то мельницы). Сходив к нему несколько раз и принеся кирпичи на себе, мы

выполнили приказ начальства. В своей землянке я сделал кирпичную печку-временку (больше никто в батарее этого делать не умел). Ее тщательно побелили. Благо неподалеку были пласты белой глины. Мой друг, командир второго взвода младший лейтенант Андрей Зембицкий, нарисовал чернилами на печке очень забавного щенка. Всем понравилось. На этот раз вопрос с жильем был решен. Но, как оказалось впоследствии, в соломе на нарах развелось столько блох, что они никому житья не давали. Приходилось зимой ночью голышом выскакивать наружу и пытаться избавиться от этих мучителей, выколачивая белье о дерево.

Помыться хотелось всегда, но не всегда была возможность. Как-то была зимой у реки устроена импровизированная баня в санитарной палатке, нагретой «буржуйкой». До сих пор помню шикарную баню, устроенную нам в настоящей баньке в украинской деревушке. Зима, степная деревня, снега мало. А в пополнении было очень много сибиряков, привыкших после бани окунаться если не в речку, то в сугроб. Они сгребли весь снег со двора в одну кучу и, к изумлению хохлушек, бросались в этот импровизированный сугробик. Для каждой новой партии мывшихся снег подгребали снова. А где-то в Германии баню устроили прямо в домике лесника. На уровне пола пробили дыры в кирпичных стенах для стока воды. Притащили несколько жестяных ванн, всяческих тазов и кувшинов. Сделали лавки. Получилась замечательная баня. Для прожарки обмундирования из бочки от горючего соорудили «вошебойку». При одной неудачной закладке в ней спалили одежду.

Находясь на отдыхе, солдаты мастерили, кто что умел. Этими вещами пользовались сами, а иногда их удавалось обменять у населения на еду или самогон. Из дерева делали мундштуки и ложки. Но, пользуясь обилием обломков самолетов, умельцы перешли на алюминий. Из него отливали мундштуки, ложки, расчески. Для этого в рыхлой земле оттискивали нужный предмет и заливали расплавленный на костре металл в импровизированную форму. Ложки делали как по подобию деревянных, так и металлических городских. Мастерили алюминиевые портсигары. Из пластинок алюминия и плексигласа набирали рукоятки ножей. Так как военторг за наступающей армией не ездил, а какие-то элементы формы часто терялись, то их тоже делали сами. Для поясных пряжек в ход пошли снарядные гильзы, а для звездочек на погоны – консервные банки. Так как в форме спали, то погоны всегда были мятые (чего никогда нет в кино). Для сохранения ими хоть какой-то формы, старались раздобыть картон и сделать вкладыш. В самом конце войны офицерам выдали болгарский листовой табак вместо родной моршанской махорки. После победы мы с другом сделали самодельный станочек для набивки папирос. Но быстренько забросили это производство, т.к. всем хотелось пофасонить с папироской, а не со «слюнявочкой», и наша табачная пайка кончалась катастрофически быстро.

Отдельно хочется вспомнить о проблемах снабжения. Летом 1944 г. с освобожденных украинских территорий в часть привезли подарки:

сухофрукты и табак офицерам и куры всем. Все это мгновенно съели. Но где-то в бюрократических военных сферах после вывода части в резерв завалялись продовольственный и вещевой аттестаты бригады. Это было уже не смешно. Несколько недель питались хлебом и кашами из остатков перловки и гороха. Иногда начпроду удавалось раздобыть немного картошки. Ни мяса, ни сахара, ни консервов в глаза не видели. Надежды на «бабушкин аттестат» не оправдались. Так солдаты называли продукты, которые удавалось безвозмездно выпросить у сердобольных хозяек. Украинские женщины на все солдатские просьбы отвечали: «Ничого нема. Уси нимцы забрали». Шутники иногда дразнили старух, прося у тех водички. Ответ бывал стандартным. И только сказав эту фразу, бабка спохватывалась и говорила, что вода в ведерке. Отношения с населением осложнялись.

В близлежащей деревне бесследно исчез поросенок... Следствие оказалось бессильно найти его следы. И вдруг к командованию обратились представители сельских властей с просьбой перебить стадо лесных диких кабанов, повадившихся копать на огородах картошку. В селах не осталось охотничьего оружия, и почти не было взрослых мужчин. Так что сами жители справиться с лесной напастью не могли. Солдаты сначала пришли в восторг от поставленной задачи. Это же мясо! Но вскоре выяснилось, что «мясо» быстро бежит, а, будучи раненым, просто звереет и идет в атаку на незадачливого стрелка. Тогда командование приказало выделить партию сибиряков-охотников и выдать им разрывные патроны. Кабаны наконец-то попали в солдатский котел и, несмотря на голодуху, оказались страшно невкусными в вареном виде. Все равно съели.

Второй раз охота, как источник продовольствия, была использована в Германии. В аккуратно пронумерованных немецких лесах были огромные вольеры для ланей. Ограждения вольеров в ходе боев разрушились, и благородные животные разбежались по всей округе. Лани были крайне пугливы, и подстрелить их могли только снайперы со своими винтовками.

Невесело пришлось и без вещевого довольствия. После боев форма была уже очень ветхой и буквально расползлась по швам. От брюк порой оставался пояс и карманы. Хуже всего было с обувью. Вместо развалившихся от ходьбы по украинскому чернозему сапог солдатам приходилось надевать на ноги брезентовые гранатные сумки. Освободители выглядели как последние босяки. Горе старшинам: обуть и одеть караул (20 человек), чтобы он своим видом не напугал начальство. Для этого старшины собирали относительно целые предметы одежды и обувь по всему батальону (около 600 человек). И в жаркий украинский полдень часовой стоял в туго подпоясанной шинели, потому что она изорвалась гораздо меньше, чем гимнастерка. Для облегчения своей караульной службы солдаты быстро обзавелись целой сворой собак-дворняжек. У каждого подразделения была своя любимица, вертевшаяся возле дневального. Собаки почему-то невзлюбили немногочисленных женщин-военнослужащих и гневным лаем сопровождали перемещение по расположению части каждой юбки. Когда часть покидала свой обжитый лагерь, то собаки проводили солдат до

станции. А когда эшелон отправился, то лохматые друзья с грустью в глазах проводили теплушки.

В конце концов снабженцы разобрались и во искупление своих грехов даже прислали среди нового обмундирования подарки от самой английской королевы. Это были сшитые по нашему образцу из английской ткани гимнастерки и брюки для офицеров. Пуговицы на них были не из металла, как у нас, а из зеленой пластмассы, но с советской звездочкой. Это обмундирование понравилось. А вот красивые английские шинели оказались холодными. Их незадачливые обладатели всеми способами старались обменять их на русские.

В Польше на марше у снабженцев возникли проблемы с печеным хлебом. Корпусная пекарня куда-то делась, а польские пекари не брались печь черный хлеб по русскому образцу. Они не могли выпекать его в формах. А при выпечке круглых буханок выше расход муки. Наши тыловики не могли обеспечить их мукой по европейскому стандарту.

Примерно в апреле 1945 г. на немецкой территории солдат заставили распахать и засеять пшеницей оставленные немецким населением поля. Посадили картошку. Так как среди рядовых преобладали сельские жители, то никаких проблем с организацией полевых работ не возникло. А в конце лета 1945 уже отведенная в Польшу часть посылала на место посевов солдат для уборки. Теперь уже после войны снова потеряли продовольственный аттестат части. Готовить стало не из чего. Ездившие на старое место солдаты привезли с собой много зерна, и в меню солдатской кухни долго были два основательно надоевших блюда: пшеничный суп и пшеничная каша.

На всю жизнь запомнился день Победы. На радостях старшина смешал спирт, где-то добытый рислинг и еще какое-то вино и оделил солдат этим «коктейлем» граммов по 150. Офицерам же выдал вино в бутылках и отдельно спирт. О закуске воспоминаний не осталось.

Непростым было снабжение боеприпасами. Весной 1944 г. в украинской грязи вязли даже танки. Артиллеристам при смене позиции приходилось тащить орудия и минометы на себе. А героическая «царица полей» (пехота) несла в руках артиллерийские снаряды и мины средних калибров, а более маленькие засовывала по одной штуке в каждый карман шинели. Так сказать, хочешь, чтобы тебя поддержал огнем в начале атаки «бог войны» (артиллерия), принеси ему хоть немножко мин. Одна 120-мм мина весит 16 кг. При беглом огне выпускается до 20 мин в минуту. И это делалось не в тишине полигона, а под огнем противника. «Мишени» порой отстреливались очень хорошо. Миномет при переноске не разбирается на части. Самая тяжелая из них опорная плита весит 110 кг. А весь в сборе тяжелый миномет вести около 280 кг. В расчете 7 человек. Так что эти тяжелые минометы без автомобиля далеко не унесешь. Но при перемене позиции их терпеливо тащили на себе. Противотанковые пушки весом около 1200 кг волок расчет из 7 человек. Так что война – это очень тяжелая работа.

Зная о физической тяжести службы, офицеры соответственно старались подобрать расчеты. Из прибывающего, считавшегося обученным,

пополнения самых крупных солдат отбирали артиллеристы 122-мм пушек. Снаряд у этой пушки весит 24 кг. Потом наступала очередь 120-мм минометов. У меня был «первый номер», который в одиночку ворочал стокилограммовый ствол. Парню было лет 20. В третью очередь подбирали артиллерийских разведчиков. Туда требовались те, кто пошустрее и не очень крупногабаритные. Иначе их не замаскируешь. Те, кто остался, определялись к 82-мм минометам и 76-мм пушкам.

Артиллерийский разведчик в тыл противника не ходит, а идет впереди батареи. Он засекает цели и докладывает о них корректировщику. В случае чего может и сам корректировать огонь. Мины летят через их головы. При недолете много шансов проститься с жизнью. Плюс противник всеми силами обстреливает места вероятного пребывания разведчика и корректировщика. Разведчики – рядовые, корректировщики – офицеры.

Старшины всеми способами старались иметь сверхштатный запас стрелкового оружия, патронов и гранат. Как говорится, мало ли что. А вдруг опоздают подвезти. Да и каждый солдат и офицер тоже старался запасть патронами. После окончания войны было приказано избавиться от ненормативных автоматов и пулеметов, а боеприпасы расстрелять на учебных стрельбах. Стали наводить порядок и в отчетности за использованные мины. И вот тут-то меня ждал негаданный сюрприз. Начальство заявило, что в 1942 г. под Сталинградом батарея не сдала пустые минные ящики. На дворе – 1945 г. В части почти нет солдат, переживших 1942 г. на фронте. Немногочисленные ветераны бригады божились, что те ящики сгорели в кострах в ледяной сталинградской степи в конце 1942 г. Но командование неумолимо: ящики сдать. Так как взять их было негде, то пришлось наладить производство новой тары. Благо в войну она делалась из нестроганных и некрашеных досок. И опять выручили мастеровитые солдаты старших возрастов, наладившие распиловку бревен на доски. Требуемое число ящиков было сделано в считанные дни.

Боевая подготовка прибывавших из тыла новобранцев оставляла желать много лучшего. По прибытии пополнения в 1944 г. выяснилось, что тылового обучения стрельбе с упражнением № 1 (3 патрона) и № 2 (5 патронов) явно недостаточно. Приходилось целыми днями обучать солдат умениям и навыкам, необходимым в повседневных и боевых условиях: обращение с оружием, окопные работы, разведка. Очень большим местом было применение ручных гранат. Солдаты не умели снарядить гранату к бою и даже правильно бросить ее. Мои минометчики, как оказалось, не видели еще боевой мины и ни разу не выстрелили из миномета. Они только могли обозначить выстрел, вытянув из ствола деревянную чурку на веревочке. А надо отметить, что у минометов нет учебных и холостых выстрелов. Только боевые. На все это требовалось время. А его могло оказаться мало. Приходилось наверстывать упущенное. Обеспечения боеприпасами для обучения новичков не предусматривалось. Приходилось лазить по всей округе в поиске когда-то кем-то брошенных мин. Их отчищали от грязи и ржавчины и стреляли на свой страх и риск. Расчеты тренировали на полную

взаимозаменяемость. Плохо была поставлена информация даже офицеров о новых вооружениях противника. Будучи в составе танкового корпуса, мы очень поздно узнали о появлении фаустпатронов. И только обзаведясь трофейными, самостоятельно разобрались в их устройстве и применении.

Но жизнь, даже на войне, не могла состоять из одних служебных забот. Во время пребывания в резерве после ужина, когда было уже темно (а на Украине ночь наступала очень быстро), можно было отдохнуть от напряженного дня: посидеть с товарищами у костерка, а зимой – у камелька. Пели, что-то рассказывали. Мне приходилось рассказывать историю артиллерии. Но большей популярностью пользовались пересказы приключенческой литературы. Например, «Граф Монте-Кристо», «Три мушкетера», произведения Джека Лондона. Иногда я не помнил весь сюжет и произвольно составлял его из нескольких книг. У большинства образование было 4 класса, в лучшем случае – 7. Так что в роли рассказчиков книг выступал я (школьный учитель) и химинструктор. Книг для чтения у нас не было. Отдельными маленькими брошюрками выходили стихи Твардовского о Василии Теркине. Они нам нравились. Поэзия других авторов популярностью не пользовалась. Газеты доставлялись более-менее регулярно.

Расположение нашей бригады в лесу не помешало моему товарищу найти в украинском селе восемнадцатилетнюю девушку по сердцу. Двадцатилетний младший лейтенант Андрей Зембицкий почти каждую ночь в течение трех месяцев уходил за пару километров в село на свидание. Дело кончилось свадьбой. Командование выдало офицеру справку, что по личному делу он холост. Молодые расписались в сельсовете. На свадьбу в село в качестве почетного гостя ходил командир батареи. Лена только один раз заходила в землянку к мужу. А потом бригада ушла. Супруги переписывались, а увиделись только в 1947 г., когда москвич Андрей выписал с Украины свою жену. Они прожили вместе до его смерти в 1982 г. Вырастили сына и дочь. Я после войны увидел их только в 1977 г. и тогда потребовал налить за их свадьбу, так как в 1944 г. я на свадьбе быть не мог. Ведь два взводных из одной батареи не должны были одновременно отсутствовать. Дружба дружбой, а служба службой.

Других свадеб в войну у нас не было. Но сразу после победы зарегистрировали свой брак начпрод и женщина-санинструктор батареи, уже давно жившие вместе. Она демобилизовалась и стала ходить в гражданской женской одежде. Женщина была решительная и даже до регистрации брака не подпускала к себе других ухажеров и не допускала чесания языков по своему поводу. Ей было лет 20, а начпроду за 30. Большинство относились к этой паре с пониманием.

Письма домой просматривала военная цензура. В них нельзя было сообщать, где ты находишься. Но мы приспособились прибегать ко всяким иносказаниям. Например, я писал, что встретил там-то двоюродного брата Нины Дмитриевской. А это и был я, так как других воюющих братьев у моей родственницы не было. После войны родители заверили меня, что пусть не

мгновенно, но разгадывали мои головоломки. Самым хитрым оказалось сообщение в 1941 г., что я прибыл туда, где растет лимонник (я был в районе Спасска-Дальнего). Им пришлось сходить к соседу, имевшему лесотехническое образование. После его объяснения, что это дальневосточное растение, мать немного успокоилась. Ведь бои шли под Москвой. Но, тем не менее, все мои хитрости не помогли мне на фронте увидеться с родным дядей. Только в 1946 г. мы с ним разобрались, что госпиталь, в котором он служил начфином, недолго стоял в 1944 г. в 12 километрах от меня. Дядя Орлов Георгий Васильевич до войны был бухгалтером на заводе «Комсомолец». Он был призван в 1941 г. и так как относился к старшим возрастам (он с 1890 г.), то был направлен служить по гражданской специальности. В конце войны у него открылась язва, беспокоившая еще до войны. Несмотря на лечение, его комиссовали и дали вторую группу инвалидности. Домой его привезла сопровождавшая медсестра.

Трофеи на немецкой территории артиллеристам доставались редко. Да до конца войны и пехота обращала на них мало внимания. Ну, возьмешь, а таскать как? Брали только что-то маленькое и необходимое. У меня был немецкий карманный фонарик, перочинный ножик и складная ложка с вилкой. После победы было разрешено посылать домой посылки. Но класть-то в них было нечего. Среди моих подчиненных были те, у кого война не оставила ни родных, ни дома. Они по доброте душевной предлагали воспользоваться их именами для моей лишней посылки матери. А я никак не мог собрать даже одну.

Получил из дома письмо, в котором мама жаловалась, что во дворе с веревочки украли постельное белье. И им теперь толком и спать-то не на чем. Узнав о моей домашней проблеме, старшина взял дело в свои руки. Он съездил в близлежащий городок Глогау на машине и попытался там найти хоть что-то подходящее в брошенных домах. Пехота и трофейные команды уже прошли, особо надеяться было не на что. И все же он привез мне набивные занавески в желтый цветочек и пачку разномастных полотняных салфеточек с вышитыми монограммами. К всеобщему удовлетворению я, наконец-то, отправил посылку. Сшитые матерью простыни из немецких занавесок и скатерть из салфеток служили в нашей семье до их полной ветхости до середины шестидесятых годов.

Перед демобилизацией удалось разжиться трофейными простыми карандашами, бумагой, ножницами и кое-каким слесарным инструментом. А еще очень важным для учителя трофеем была немецкая логарифмическая линейка, найденная в заводууправлении сахарного завода в Бреслау. Для всех этих «ценностей» соорудил самодельный чемодан и привез их с собой.

Личный архив В.Д. Орловой. Подлинник.

---

* Запись произведена В.Д.Орловой.

№ 1385

Письмо Д.Д. Орлова внучатому племяннику А. Мартынову*11 июня 2008 г.*

Здравствуй, дорогой Сашенька! Большое спасибо за картинку. Очень удачно скомпонованы гвардейская ленточка и гвардейский миномет.

«Катюши» считались гвардейскими минометами как вид вооружений. То есть из всех видов артиллерии они были отмечены особым почетом. Это система залпового огня (так сейчас называют всех «потомков» этого оружия). В Великую Отечественную войну это была особо секретная техническая новинка.

Я воевал не на «катюшах», а на обычных, так называемых ствольных минометах калибра 120 мм в должности командира взвода. Это тяжелые минометы той войны. Только в конце войны на фронте появились 160-мм минометы.

120-мм минометы были образца 1938 г. Он весит около 300 кг. Его цепляют к тележке, которую цепляют к грузовику. При перевозке ствол закрывается чехлом. На короткое расстояние тележку тащат 6 солдат.

Мина для этого миномета бывает осколочно-фугасной, фугасной и осветительной. Фугасная мина разрушает укрепления, находящиеся под слоем земли, она взрывается в земле. Осколочно-фугасная взрывается на поверхности земли или воды и убивает осколками людей и животных. Эту же мину можно настроить как фугасную. Мина может пролететь максимально 6,5 км. Осветительная мина имеет парашютик для светящего состава, который медленно спускается с высоты на землю, освещая местность. В 2 км от нее можно ночью читать газету.

Минометы могут стрелять как бы через головы своих пехотинцев, находящихся впереди артиллерии. Мина летит по крутой параболической траектории. Это позволяет поражать цели за укрытиями (за домом, забором и т.п.). Это идеальная артиллерия для войны в горах (в Афганистане и Чечне 120-мм минометы служили верой и правдой).

Бронированные цели миномет не поражает. Осколки летят невысоко над землей. Поэтому десант на броне танков и БТРов они почти не поражают. Страшнее всего они для атакующей пехоты, которая не может от них укрыться. В горах мина провоцирует камнепады, лавины, дает огромное число каменных осколков, тоже убивающих людей. Взрывом людей контузит.

Минометы очень осторожно используют в бою в густом лесу, так как мина может взорваться от столкновения с веткой над головой своих. В городе помехой для стрельбы могут быть провода.

Тяжелые минометы придают пехоте. 120 мм – это полковая артиллерия, 160 – дивизионная. Минометы меньшего калибра (82 мм) состоят на вооружении стрелковых батальонов. Горные части используют 107-мм минометы, которые перевозят на лошадях.

В настоящем бою солдаты-минометчики не закрывают уши руками и не приседают, не наклоняются, как это часто делают актеры в фильмах про войну. В бою некогда думать о своем здоровье. Для того чтобы хоть как-то защитить уши, во рту держат палочку или папиросный мундштук без папиросы. Это ослабляет баротравму барабанной перепонки. С открытым ртом удар по ней идет с двух сторон, что менее опасно. После многократной стрельбы солдаты временно глохнут. С годами их настигает постоянная глухота. Мне уже приходится пользоваться слуховым аппаратом.

Минометы располагают примерно в 1 км от линии фронта. Впереди них из артиллерии только противотанковая артиллерия. 57-мм противотанковые пушки поражают танки за 600 м. Если пушка с первого раза не попала в танк, то большая вероятность гибели пушки и расчета от огня танка. Минометы по танкам не стреляют. Можешь посмотреть фильм «Горячий снег», в котором честно показана судьба артиллеристов противотанковых пушек. Фильма о минометчиках пока еще никто не снял.

Когда в часть привозили новобранцев, то офицеры шли набирать пополнение. Первыми выбирали ствольную артиллерию. В ней снаряд весит от 6 до 48 кг. Пушка весит от 800 до 2000 кг. Требовались рослые сильные мужчины, желательно со знанием азов математики. Если была возможность, то юношей 18-19 лет в нее не брали – слабоваты.

Вторыми выбирали пополнение тяжелые минометчики. Брали самых больших солдат из оставшихся. За ними брали солдат для 82-мм минометов и пулеметчиков станковых пулеметов (весит 60 кг). Следом выбирали солдат для противотанковых ружей (весит 20 кг). Старые, юные, малограмотные, малорослые новобранцы отправлялись в пехоту.

Новобранцев в мирное время учат 2 месяца. В 1942 г. во время Сталинградской битвы новичков-минометчиков учили 10 суток, артиллеристов-ствольщиков – подольше.

Расчет миномета включает 7 человек: командир миномета (сержант), наводчик – первый номер (от рядового до сержанта), заряжающий – второй номер (рядовой), установщик – третий номер, подносчики – четвертый, пятый и шестой номера. При потерях людей учили заменять друг друга. В этом случае подносчиками ставили пехотинцев. В отличие от пушечного расчета минометный расчет не прикрыт орудийным щитом.

На огневой позиции для миномета копали специальный большой окоп или укрывали его в овраге. Приходилось прятать миномет для стрельбы в погреб, сняв с погреба накат и крышу. В Сталинграде и Берлине минометы ставили в разрушенных домах и стреляли в окна. А вот фотокорреспонденты любили после боя фотографировать – как бы в бою – минометы, специально вытасканные из укрытий на ровную землю. Боевую стрельбу с таких позиций могли бы вести только самоубийцы.

При стрельбе от отдачи миномет, установленный на земле, почти не двигается. Установленный в помещении на полу или стоящий на камнях он ползет при каждом выстреле. Приходится класть под опорную плиту что-то

мягкое – например, мешки с песком или землей. Зимой приходилось разрыхлять смерзшуюся землю под плитой.

Кроме использования минометов на линии фронта для артподготовки и поддержки атакующей пехоты минометы использовали для поражения целей на территории противника. А противник всегда хочет уничтожить бьющую по нему огневую точку. На войне мишени всегда отстреливаются. Это не кино. Чтобы вызвать ответный огонь и засечь батареи противника, используют тактику кочующего миномета или орудия. Для этого выделяют один миномет, готовят для него несколько огневых позиций. С одной делают несколько выстрелов и быстренько перетаскивают его на новую. Для скрытности расчет таскает миномет на себе. И так пока не засекут противника или пока не погибнут. Чаще всего эту тактику используют ночью.

Учить солдат-минометчиков трудно, потому что холостых мин не бывает. На учениях минометы ставят впереди пехоты, чтобы неумелые минометчики не перебили своих. Бывают случаи, когда бракованная мина не вылетает из ствола. Доставать ее очень опасно. Но приходится. Во время войны при беглом огне бывало, что заряжающий бросал в ствол вторую мину до вылета первой. В этом случае разрывался ствол, и от взрыва погибал расчет.

Три миномета составляют взвод под командованием офицера (младший лейтенант или лейтенант). Шесть минометов – батарея, которой командует старший лейтенант или капитан. Взводные находятся на огневой, а командир батареи на наблюдательном пункте, который располагается в первой линии пехоты. У всех офицеров есть бинокли. В бинокль ищут цель у противника, определяют расстояние до нее, направление стрельбы, вид огня (осколочный, осветительный, одиночный, залповый и т.д.). Потом дается команда на огневую по телефону или радио. Во время огня офицер наблюдательного пункта корректирует огонь, т.к. попасть с одного раза невозможно. Он дает команды «ближе», «дальше», «левее», и т.п. Офицер-корректировщик должен иметь спецподготовку. Для нее надо хорошо знать математику. Твою маму к вечеру можно обучить основным тонкостям управления минометным огнем. Дальше нужна большая практика.

До свидания. Если тебе надо еще что-то спросить, то пиши.

Дмитрий Дмитриевич

ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 12. Д. 3. Л. 147, 148. Машинописная незаверенная копия.

№ 1386

Из воспоминаний А.Ф. Епишева¹⁵³

Позднее 1990 г.*

[...]**. Значительной вехой на боевом пути 1-[й] гв. ТА и каждого из нас было участие в Тернопольском сражении, в освобождении Украины, в Львовско-Сандомирской, Висло-Одерской, Восточно-Померанской и Берлинской [операциях]. Каждая из этих боевых операций имела большую и решающую значимость, обозначенных геройскими подвигами наших друзей-однополчан.

Например, Проскурово-Черновицкая и Восточно-Померанская операции – это не только преодоление укрепрайонов противника, но и бездорожья. Львовско-Сандомирская и Висло-Одерская – это прорыв глубокой обороны противника и форсирование многих рек, включая Одер. Берлинская – это буквально прогрызание глубокоэшелонированной обороны противника. Участие в штурме Берлина – действия совершенно необычные для танковой армии, но иного пути в Берлин не было.

Никогда не изгладится из моей памяти Львовско-Сандомирский плацдарм. Он вошел в историю как «малая Курская дуга». Здесь в очень сложных условиях приходилось выполнять разведзадания. Немцы продолжали упорно сопротивляться. Командующий 1-[й] гв. ТА М.Е. Катукоев большое значение в успехе боевых операций отводил разведке. Нашему разведывательному батальону была поставлена задача разведать и выявить, какими силами на Сандомирском плацдарме располагает противник. И с этой целью в нескольких направлениях были разосланы разведгруппы.

27 июля 1944 г. наша разведгруппа в составе 6 мотоциклов с боевыми экипажами со взвода лейтенанта Шляхтича П.П. во главе с помкомвзвода ст. сержантом Зацепиным, который одновременно являлся командиром нашей машины, а я был в качестве стрелка, для выполнения боевого задания направилась в западную часть г. Сандомира. Доехав до первого пригородного населенного пункта (сейчас не помню названия), противника мы не обнаружили, но от населения узнали, что немцы (мотопехота) ушли в направлении следующих сел: Подлужье, Седлянка. Отсюда был отправлен мотоциклетный экипаж в штаб армии с донесением. По возвращении его мы продолжили выполнять задание. Уже поздно вечером добрались до окраины указанных селений на опушке леса, обнаружили немцев. Какими силами они располагают, установить в ночное время не удалось. Нам было приказано не обнаруживать себя, мы вынуждены возвращаться на свои исходные позиции, но на обратном пути населенный пункт, откуда направлялось донесение, был обстрелян танками. Постройки, неубранные хлеба – все горело, слышны были крики и плач жителей. Мы оказались отрезанными от своих. Пришлось укрыться в лесопосадках. Отстрелявшие танки ушли по грейдерной дороге.

Чтобы пробиться к передовым частям нашей армии, необходимо было проследовать через мост, проходящий через речку, метров за 200 расположенный от нашего укрытия. Мы, четверо солдат, от командира получили задание: короткими перебежками, где – по-пластунски, добраться и обследовать мост на предмет минирования. Не обнаружив взрывного

устройства, на повышенной скорости проследовали мост и уже на рассвете добрались до наших танкистов, стоявших в обороне.

Дождавшись рассвета, мы продолжили выполнение боевого задания. Следуя по тому же маршруту, продвигаясь вглубь лесного массива, на поляне мы заметили две большегрузные машины – видимо, ремонтировались, чтобы не обнаружить себя, в боевые действия не вступали.

На обратном пути в штаб армии мы обнаружили телефонную связь немцев, протянутую по деревьям. Мне, как члену экипажа, командиром было поручено обрезать ее, что было сделано. Метров сто обрезанного провода забрали с собой. По прибытии в штаб армии командир разведгруппы доложил обстановку и получил новую боевую задачу: до тех пор, пока не соприкоснетесь с противником, назад не возвращаться. Мы вновь отправились в том же направлении. И вот на развилке дорог населенных пунктов Подлужье, Седлянка на участке, где была вырублена связь, нас поджидала немецкая засада. Между нами завязался бой, который мы выиграли, но троих наших товарищей тяжело ранило, в том числе и ст. сержанта Зацепина – командира разведгруппы. Всех раненых мы вывезли, отправили в госпиталь и возвратились на исходные позиции в Сандомир.

Не успели опомниться, как немцы стремительно начали пытаться прорвать нашу оборону. Наравне с нами они тоже вели разведку в разных направлениях. В засаду попала наша инженерная разведка. Один из наших разведчиков успел спрятаться в копнах соломы, а другой, Анатолий Добрянский (сын полка), попал в плен, немцы его долго пытали: из какой части, какими силами располагают и т.д., но ничего не добившись, закопали его живым. Его напарник, спрятавшийся в копнах, слышал все это, и, как только немцы отошли, он приполз к нашим танкистам и сообщил об этом. Тут же был послан взвод танков, которые отбили фашистов, откопали нашего разведчика, но он уже был мертв.

Наступал вечер. Заслоняемые огромными кострами горящего хлеба и подбитой техники продолжались жестокие бои. Наша армия, оказавшись в окружении, в свою очередь, окружила немцев в Сандомире. Были большие потери в живой силе и технике с обеих сторон, нам приходилось отбивать по несколько атак в день, но все же немцам не удалось разорвать кольцо и выйти из окружения. По тактическим соображениям мы вынуждены были сменить свои позиции и передислоцироваться в лес. В ходе этих боев я получил осколочное ранение – к счастью, легкое, – и медицинскую помощь оказывали в медсанчасти батальона. Я продолжал оставаться в строю.

На этом не закончилась боевая операция. Перед нами, разведчиками, поставили новую задачу: установить наиболее слабое место противника, чтобы пробиться к своим окруженным частям. И мы, при усиленной поддержке наших танкистов, вели разведку, вступали в ожесточенные бои, теряли своих боевых друзей, выиграли эту битву. Окруженная группировка была уничтожена.

Сандомирское сражение вошло в историю как «малая Курская дуга», но такого количества трупов на таком малом кусочке земли, как под

Сандомиром, не было, пожалуй, в битве под Курском. Так закончилось это побоище.

Впереди были новые бои – участие в Висло-Одерской операции, в ликвидации Познанской группировки, в освобождении Варшавы. 17 января 1945 г. столица Польши Варшава была освобождена и утром 17 января командующим фронта Жуковым командарму Катукову была поставлена задача: наступать на Раву-Мазовецкую-Подембице и держать курс на Познань для нанесения удара. Обстановка на фронте менялась постоянно. Отступая, немцы не применяли массированных контратак. Действовали мелкими группами пехоты и танков. Попавшие в окружение старались пробиться к своим войскам. Попытки эти, как правило, заканчивались для них плачевно.

Во второй половине 17 января, заняв небольшой польский городок Новое Место, мы разместились в нем, но тут же неожиданно немецкая группировка, прорвавшаяся из варшавского окружения, начала атаковать город. Они пытались прорваться к реке Пилице, оборону которой держали саперная часть армии и наша рота мотоциклистов из 12-го разведбатальона капитана Байкова. Слишком неравные были силы, и нам на подмогу пришли танкисты из 64-й бригады. Быстро подавили огневые точки противника и фашистам не удалось прорваться через Новое Место. После ликвидации Познанской группировки по указанию Ставки Верховного Главнокомандующего нас перебросили в Восточную Померанию для участия во взятии гг. Данцига, Гдыни, крупных морских портов. По завершении этой операции снова возвратили в состав 1-го Белорусского фронта на Берлинское направление.

На пути к Берлину, с целью нанесения удара по тыловым частям противника в районе Мюнхенберга, командующий 1-й гв. т[анковой] армией М.Е. Катуков поставил задачу нашему 12-му отдельному разведбатальону: совершить рейд в тыл к немцам. Под командованием командира батальона капитана Байкова нам пришлось вести тяжелые бои с лучшими соединениями СС, но мы выстояли и победили, продвигаясь по намеченному маршруту. Мы уничтожали отходящие в тыл подразделения противника.

Двигаясь глухими дорогами, 20 апреля к 18⁰⁰ мы достигли Роши в 5 км от Мюнхенберга. Встречали на своем пути сопротивление противника, обезвреживали его, перерезали телефонно-телеграфную связь. В этом районе немцы попытались прорваться, батальон развернулся для ведения боевых действий. Мотоциклисты при поддержке взвода танков и самоходных орудий с нескольких направлений нанесли удар по противнику. Затем, как выяснилось, это была охрана аэродрома. Наши танки и самоходные орудия ударили по вражеским грузовикам, откатывавшим по летному полю к самолетам, но снаряды их настигли.

При четком взаимодействии наших подразделений рейд в тыл противника для нашего батальона прошел успешно. Благодаря внезапной нашей атаке гарнизон, охраняющий аэродром, сдался в плен. Было захвачено

до 180 солдат и офицеров противника и 38 совершенно исправных самолетов. Это имело большое психологическое значение в сдаче гарнизона г. Мюнхенберга. Были и наши потери. Здесь героически погиб пулеметный дозор во главе с Василием Куприяновым.

После выполнения этой задачи мы устремились на Берлин. 30 апреля над рейхстагом уже реял красный флаг, однако фашисты еще не сдавались. Вечером этого же дня спецгруппа нашего батальона ворвалась в парк Тиргартен и 1 мая 1945 г. водрузила Красное Знамя на статую победы Германии над Францией. Осюда было чуть более полкилометра до рейхстага, но пройти их было очень сложно. Рейхстаг защищали не менее 400 немецких танков. Наши танки были уязвимы на улицах Берлина – из окон домов бросали фаустпатроны. Сгорело не менее половины наших танков, атаковавших центр Берлина. При штурме Берлина нам приходилось биться за каждый дом, вести проческу и зачистку, потому что фашисты переодевались в гражданскую форму и укрывались в домах, подвалах и других укрытиях.

Немцы – гражданское население – так были напуганы, напичканы геббельсовской пропагандой, что некоторые склонялись к самоубийству. Два таких эпизода. Из выбитых из домов немцев при проческе были обнаружены в одном доме 4 трупа: мужчина лет 40, его жена, сын лет 12 и маленький ребенок (около годика). Во втором доме женщина пыталась перерезать вены детям и себе, но мы предотвратили, хотя двух детей она успела умертвить.

В этих боях из штурмовой группы батальона мы потеряли более 30 человек. В заключительной боевой операции при штурме Берлина нашему батальону было присвоено наименование Бранденбургского ордена Александра Невского 12-[го] гвардейского отдельного разведывательного батальона 1-[й] гвардейской Краснознаменной танковой армии. Добивая врага на его территории, мы освобождали советских людей, томящихся в концлагерях, насильственно угнанных в Германию (в том числе и свою сестру). В очередной раз мы убеждались в зверствах, совершаемых фашистами над людьми, попавшими под их тиранию.

Закончилась победная война. На нашу 1-ю гвардейскую Краснознаменную танковую армию и ее личный состав была возложена ответственная миссия охранять завоеванный мир на территории ГДР, оказывать всяческую помощь и поддержку в строительстве нового Германского социалистического государства. И здесь гвардейцы-катуковцы проявили себя с достоинством, выполнили свой долг до конца. О боевых действиях нашей армии мой фронтовой товарищ поэт Андрей Михайлович Шишков написал такие строки:

Шли вперед гвардейцы Катукова
 До Берлина к логову врага.
 За плечами – взятие Черткова,
 Переправы Буга и Днестра.
 Помнит подвиг Висла и Варшава,
 Одер – штурм Зееловских высот.
 Слава катуковцев не отстала,

А ушла в бессмертие вперед. [...]***.

ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 8. Д. 63. Л. 26-30 об. Подлинник.

* Дата установлена по содержанию документа.

** Опущены биографические сведения довоенного периода, воспоминания о жизни на оккупированной территории Курской области и службе в Красной Армии в 1943 г.

*** То же биографические сведения послевоенного характера.

№ 1387

Из воспоминаний Е.И. Ореховой¹⁵⁴

2005 г.

[...]*. Много было еще боев за два года войны, но освобождение г. Освенцима, где находился лагерь военнопленных, забыть нельзя.

Наша 100-я стрелковая дивизия вела упорные бои на территории Польши. Стало известно, что недалеко от Кракова есть большой концлагерь, где находятся тысячи узников разных национальностей.

В конце января 1945 г. завязались бои по освобождению города Освенцима, где и был концлагерь – «фабрика смерти».

Освенцим – это небольшой город, расположенный в 50 км от Кракова. Лагерь смерти был рассчитан сначала на 10 тысяч человек, но по мере расширения захваченной территории «фабрика смерти» постепенно разрасталась и образовала целую систему лагерей. Самым крупным был Освенцим. По колена в грязи продвигались мы к нему вдоль реки Висла. Стремительное наступление и освобождение Кракова внесли растерянность и панику среди фашистов. Фашисты стали срочно уничтожать узников, отправлять их вглубь Германии в другие лагеря. Но в Освенциме еще находилось 20 тысяч узников.

Командир нашей дивизии принял срочное решение о быстром освобождении узников. После артиллерийского обстрела укреплений фашистов наша дивизия приступила к выполнению боевой задачи. Сопrotивление гитлеровцев было настолько яростным, что частям дивизии пришлось окопаться и проводить более тщательную подготовку. В это время погиб командир полка подполковник Беспрозванный, его заменил начальник штаба Дехтярев.

Сложилась критическая обстановка. Мост на пути продвижения второго нашего полка был взорван, слева от нас немецкая пехота и река Висла. В ледяной воде бойцы строят переправу. В самый разгар боя погибли заместитель [командира] полка Саньякин, командир батареи Корабельников и командир батальона Панферов. Наш 472-й полк сражался с превосходящими силами врага.

Наступила ночь, надо было форсировать реку и взять штурмом первые ворота лагеря смерти. Среди бойцов было много раненых. Но мы, как могли,

экономили перевязочный материал и медикаменты для первой помощи узникам. Наши легко раненые бойцы не покидали место боя. Перед штурмом удалось предупредить взрыв концлагеря вместе с его узниками. Накануне немцы, заметая следы преступления, эвакуировали в Германию около 60 тысяч узников. Многие из них погибли по дороге.

В это время уже личный состав 460-го стрелкового полка освободил пленных на торфоразработках (а их там было более тысячи) и захватил склад с оружием. Вооружили пленных и отрезали атакующих фашистов.

Шел мокрый снег. До лагеря оставалось 300 метров. Санитарные роты нашего полка и 460-го разворачивали операционные. Я в передовом отряде переправляла раненых. Врачи и медицинские сестры не отходили от операционных столов до тех пор, пока ноги чувствовали землю. А впереди шел штурм первых ворот лагеря. Штурм продолжался всю ночь, и лишь в 7 часов утра 27 января 1945 г. открыли первые ворота лагеря. Как только были открыты ворота лагеря, предстала страшная картина. Разноязычная толпа военнопленных выла – если можно это так назвать. Это были живые скелеты в лагерных полосатых костюмах с разноцветными нашивками. Красные нашивки у русских, зеленые – у евреев.

В этом лагере было 260 блоков. Узники работали в каменоломнях, подвергались страшным пыткам, опытам, уничтожению в газовых камерах. Лагерь был не только «фабрикой смерти», но и огромной лабораторией нового типа преступлений. Один врач из этого лагеря докладывал Гитлеру, что сможет за один день провести стерилизацию до тысячи мужчин и женщин без обезболивания.

Самое жуткое, что мы увидели – детский блок. Изможденные дети копошились на трехъярусных нарах. Увидев своих освободителей, они протягивали к ним руки и что-то шептали. На их руках были татуировки лагерных номеров. Нельзя забыть их глаза на высохших лицах...

Нас, медиков, заинтересовал один из узников, на куртке которого был нашит круг из яркой материи (напротив сердца). «Удобная мишень для немцев», – пояснил узник.

Сколько же было работы по оказанию медицинской помощи освобожденным узникам! Только медики нашего 472-го полка провели санитарную обработку 3000 узников и оказали им необходимую первую помощь. Для них были открыты госпитали. Горько вспоминать и то, что при освобождении узников только мы потеряли сто человек, двести получили ранения.

А потом был путь в Чехословакию. И снова бои, бои... Дорого досталась победа над фашистами нашей дивизии. От Воронежа до Праги есть много священных могил.

ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 12. Д. 3. Л. 118-121. Подлинник машинописный.

---

* Опущены воспоминания о боях на Курской дуге и р. Днепр.

№ 1388**Из воспоминаний Ю.М. Парухина¹⁵⁵**

1992 г.

По окончании 8-го кл. средней школы я добровольцем пошел служить в военно-морской флот.

По Горьковской области нас собрали человек 200. Погрузили в вагоны и повезли в Ленинград. В Ленинграде мы пробыли 2 дня. Ждали, когда придут отряды из других городов СССР.

В Ленинграде мы узнали, что нас на транспорте переправят через Белое море на Соловецкие острова, где организовывалась школа юнг, где будут готовить специалистов для всех флотов и флотилий – рулевых, сигнальщиков, радистов, мотористов, боцманов и т.д.

Прибыв на Соловки нас, направили в местечко Саватьево. Жить было негде, завезли стройматериалы, и мы стали строить землянки.

Первое время жили в палатках, а умывались в озерах, которых на Соловках очень много. В течение трех месяцев землянки были построены с трехъярусными койками. В землянках нас разместили человек по 100. Обогревались они тремя железными печурками, расположенными на полу.

В сентябре приступили к занятиям. При обследовании мне сказали, что я буду учиться на радиста-оператора. Под школу были оборудованы монастырские помещения. При монастыре была и столовая, и баня, где мы мылись и сами стирали белье.

В октябре стали сдавать экзамены. Я сдал хорошо, получил звание радиста-оператора 1-го класса. В октябре нас расформировали на отряды. Я попал в отряд, который направлялся в Ленинград на надводные корабли. Прибыв в Ленинград, нас стали расформировывать на корабли. Я был зачислен на тральщик № 48. До этого нас обмундировали, вот только бескозырки были не с ленточкой, а с бантиком, т.к. я был юнга. Когда мне присвоили звание «краснофлотец», бантик заменили на ленточку.

Первое время мы базировались в Кронштадте. На корабль я прибыл 7 ноября – как раз под праздник. Назначение тральщиков – очищать от мин фарватеры для прохода кораблей.

В 1944 г. два дивизиона тральщиков тралили на расстоянии километра друг от друга. Был ясный солнечный день, на море полный штиль. Вдруг со стороны солнца показались немецкие бомбардировщики. Они шли бомбить соседний дивизион, в составе которого было 6 кораблей. Сигнальщик нашего тральщика заметил их и доложил командиру. Командир через посыльного приказал мне связаться со штабом истребительного полка, который базировался на острове Лавенсаари в нескольких км от нас. Связь прошла очень удачно. Мне ответили: «Вас приняли, сообщите координаты. И мы готовы к вылету». Я сообщил координаты, и через несколько минут истребители были уже над нами. И завязался бой с бомбардировщиками. А бомбардировщики, разбомбив соседний дивизион, шли уже на наш дивизион.

Истребители завязали бой с врагом, в результате которого 2 бомбардировщика были сбиты, а остальные, побросав боекомплект в море, ушли на запад. За проявленную оперативность я был награжден медалью Ушакова. [...]*

ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 12. Д. 3. Л. 118-121. Незаверенная копия.

* Опущены биографические сведения послевоенного периода.

№ 1389

Рассказы-воспоминания Л.Г. Дьячкова^{156*}

2002 г.

Семечки

Летом 1942 г. я был направлен на службу в 206-ю стрелковую дивизию 40-й армии. Обычная стрелковая дивизия, сформированная где-то на востоке страны, плохо обученные, либо совсем необученные люди, главным образом из запаса. Во всех полках – недокомплект людского состава, оружия, лошадей.

Дивизию бросили в срочном порядке вместе с другими дивизиями 40-й и 60-й армии под Воронеж. Здесь Красная Армия остановила наступление немцев, начатое ими 28 июня 1942 г. после прорыва Юго-Западного фронта. Остановили немцев на реке Дон и его притоке реке Воронеж. Старый Воронеж (старая часть города на правом берегу р. Воронеж, где проживала основная часть населения) оказался у немцев, а у нас – левый берег города, где были заводы № 18 (авиационный), ВОГРЭС (Воронежская электростанция), завод СК-2 (синтетического каучука) и др., а дальше – поле, пригородные села.

206-я стрелковая дивизия стала в оборону. Один из ее полков – 737-й стрелковый – занимал южную окраину Воронежа (Чижовку), два других – рядом, но уже не в черте города, а некоторые части – даже на левом берегу. Против подразделений 737-го стр. полка на Чижовке через улицу – немцы.

В одной из попыток (а их было несколько) ворваться в Воронеж этот полк дошел до улицы 20-летия Октября, которая вела к мосту через р. Воронеж на левый берег, но перейти через улицу не смог – на ее противоположной стороне стоял немецкий штрафной офицерский батальон. Он не пропустил наши подразделения.

Короче, бои были не столь крупные по масштабам, сколько изнурительные: атаки небольшими силами, немцы их отражали, сами они не наступали. Итак, мы в обороне и немцы в обороне. Никто, несмотря на бесконечные призывы и приказы командования, наступать не может – нет сил, а потерь много.

Немцы из Воронежа (а он стоит высоко над рекой) на десятки километров вперед просматривали левый берег, где были наши части, и

постоянно, не очень сильно, но постреливали из орудий и тяжелых минометов.

Били и по нашему штабу 206-й стр. дивизии. Он находился в селе Никольское, километров за 6 от реки – линии фронта. Из села все жители были выселены – такое было распоряжение командования. Выселяли из так называемой 30-километровой полосы. Села были пусты.

Когда мы входили в село для размещения в нем штаба, хозяин и хозяйка дома, где предстояло разместиться тому отделу, в котором я служил, плакали и все время говорили, что я им напоминаю их сына, которого взяли на фронт.

Лошадей у жителей сел забрали в армию, и поэтому люди покидали свои дома кто как мог – вещи и продукты клали на телеги, запрягали в них коров, что-то несли на себе. Люди уходили в неизвестное, пока говорили, что за 30 км. К счастью, так и получилось, т.к. немцев дальше не пустили, а через полгода в январе 1943 г. началась Воронежско-Острогожская операция, в результате которой был освобожден и Воронеж и все населенные пункты вокруг.

Немцы, конечно, от пленных, разведки знали, что в Никольском наш штаб. И они периодически били по селу из тяжелых орудий и тяжелых минометов.

Дома в селе были по одну сторону улицы, никаких деревьев. Все отлично видно из Воронежа с наблюдательного пункта немцев, что был на колокольне Митрофаньевского монастыря. Наши артиллеристы не раз били по колокольне, но ни разу не попали (или не хотели попадать), и эту затею бросили.

Когда начинался обстрел села, то в какой-нибудь дом (это было, как правило) или в несколько домов попадали снаряды. Это было обычное явление, и к нему все привыкли. Дошла очередь и до того дома, где был наш отдел.

В одну из октябрьских ночей страшный взрыв раздался около нашего дома. В дом не попало, но я и спавший на печке военюрист 3-го ранга (капитан) Севастьянов, конечно, проснулись. Идти некуда, да и зачем? Я спросил: «Севастьяныч, ты жив?». Он ответил утвердительно. Стало холодно. Что будем делать? Тут я подошел к тому месту в стене, где должно было быть окно, стал шарить рукой, и оказалось, что рамы нет, ее выбило взрывной волной и она оказалась у стенки старой кровати, на которой я спал, оставленной хозяевами дома. Попробовал входную дверь – она не открывается. «Севастьяныч», – говорю я, – «будем спать до утра, там видно будет».

Стало рассветать. Увидели, что около нашего дома на улице разорвался крупный снаряд или мина – воронка была метров шесть в ширину и полтора в глубину. Взрывной волной выбило окно и заклинило двери. Так как моя кровать была ниже подоконника, то осколки меня не задели, я оказался, так сказать, в «мертвом пространстве», и пошли вверх в сторону русской печи, на которой спал Севастьянов. Пригляделись, увидели, что из мешка с

семечками, что стоял на печи и за которым спал Севастьянов, из дырок высыпались семечки. Оказывается, несколько осколков снаряда через окно, выше моей кровати, полетели на печь, попали в туго набитый мешок с семечками и не смогли пробить его насквозь, утратили ударную силу.

Если бы не этот мешок с семечками, который стал спасительным щитом, Севастьянова не было бы в живых.

Вот вам и семечки. Спасительные семечки.

Подарок матери

В конце 1942 г., когда шли завершающие бои под Сталинградом, и исход битвы был уже практически ясен, советским правительством было разрешено посылать фронтовикам посылки из нашего тыла. Это были весточки от родных. Мы, фронтовики, писали, конечно, своим родным и близким, что нам ничего не нужно и пусть они не отрывают от себя последний рубль на приобретение подарков для нас. Мы были всем обеспечены: обуты, одеты, не голодали. И все же посылки присылали, они шли на фронт сотнями тысяч. Матери, отцы, братья, сестры, дети хотели как-то порадовать фронтовиков – своих родных и что-то прислать.

Мать прислала и мне посылку. В ней была полукопченая колбаса («котелка»), металлическая запаянная коробка со спиртом (приблизительно литр емкостью) и командирский ремень. Это был такой красивый кожаный ремень с латунной звездой-пряжкой. Звезда блестела. Ремень был очень красивый, и такой всегда хотели иметь командиры – особенно молодые.

Конечно, об это я никому никогда не говорил, тем более, не писал матери. Она была в это время в эвакуации в г. Тамбове и жила у дочери Юлии, моей сестры. А мой отец Григорий Иванович был капитан, сестра Нина – капитан медицинской службы, брат Владимир – старшина, и все были на фронте.

Летом 1942 г. мне присвоили звание младшего военного юриста (это равно званию «лейтенант»). Я, вчерашний солдат, стал «лицом начальствующего состава»! Мне был всего 21 год, и, конечно, я был рад посылке. Вернее, не посылке: в душе я ругал мать за то, что она покупала для меня спирт и колбасу, отнимая у себя последнее. А вот ремень мне, младшему офицеру (правда, тогда так нас не называли; такое название появилось только после введения в армии погон, т.е. с 23 февраля 1943 г.) был очень кстати. Два «кубаря» в петлицах да еще командирский ремень, да еще служба в штабе стрелковой дивизии – представляете, что это все значило для меня, мальчишки, по сути дела.

Спирт мы с товарищами-сослуживцами выпили моментально, закусили колбасой – на фронте все было общее, а вот ремень о звездой я надел на себя. (Я мог бы взять такой ремень в медсанбате дивизии от умерших от ран и погибших командиров, но это было не в моих правилах. Я никогда не брал чужого – тем более, из того, что принадлежало погибшим).

И вот этот материнский ремень сыграл в моей жизни решающую роль...

Летом 1944 г. войска Красной Армии развернули мощное наступление. Задачи: выйти к реке Висла (это в Польше), захватить плацдармы на ее западном берегу, гнать фашистов дальше на запад к Одере, а там уже, за Одером, была Германия.

Наша 3-я гвардейская танковая армия (я тогда служил в штабе этой армии, был старшим лейтенантом) вышла к Висле, форсировала ее и захватила плацдарм в районе города Сандомир (это родина Марины Мнишек, жены двух самозванцев времен Смуты, двух Лжедмитриев).

Штаб армии немедленно потянулся за передовыми частями, и мы – отделы штаба – должны были переправиться через Вислу на плацдарм, где кипели жестокие бои в районе местечка Баранув. Там была та переправа, которой должны были мы воспользоваться. Мы – это штаб 3-й гвардейской танковой армии.

У меня в отделе были три машины: одна легковая типа «виллис» (это американская марка машины-вездехода, очень надежная и хорошая машина) и два «доджа». Это тоже очень хорошая грузовая машина грузоподъемностью 3 тонны, с тентом. На наших машинах мы грузили свое штабное имущество. Это ящики деревянные, обитые железом – наши фронтные «сейфы», где хранились документы и наше личное, не бог весть какое, имущество – вещмешки с одеждой и обувью, пишущие машинки и всякий канцелярский скарб, без которого штаб не может работать.

Подъехали к месту переправы. Впереди стояло много, даже очень много машин – ведь переправлялись части и соединения не только нашей армии. Дело было днем. Светило солнце. Это было 9 августа 1944 г.

Стали в очередь. Машины ставили буквально буфер к буферу, чтобы никто из подъезжавших не смог стать впереди и проскочить через переправу раньше тебя.

Огляделись. Смотрю, никто не двигается с места к переправе. В чем дело? Где переправа? Смотрю, группы офицеров наших – кто идет к реке, а кто возвращается от Вислы. Разговоры не очень веселые – переправы еще нет. Пошел к Висле и я. Около берега, вернее, вдоль берега, насколько мог видеть глаз, была высокая дамба. Она защищала во время весенних разливов земли на низменном правом берегу от затопления.

Взобрался я на дамбу и не вижу ни моста, ни паромов – обычных признаков переправы. На Висле – ни одной лодки, ни одного плота. Пригляделся повнимательнее. Оказывается, переправа разведена, паромы подогнаны к берегу и замаскированы кустами, ветками. Все понятно – чтобы немцы не бомбили, не видели с воздуха переправу. Значит, переправляться начнем тогда, когда станет темно, из укрытий паромы выведут на воду, и мы тронемся в путь.

Возвратился я к своей машине, а к ней в хвост уже пристроились еще сотни машин. На ровном поле перед Вислой скопились многие сотни машин.

Я говорю своему сослуживцу и другу Ивану Васильевичу Архипову: «Знаешь, Архипыч (так я его звал, он был старше меня), я тебя отведу вон в ту деревушку, недалеко от переправы, а то все может быть». (Дело в том, что

за месяц до того мы взорвались на противотанковой mine, взорвалась наша машина, грузовой «додж», в котором мы сидели. Машина шла в горку медленно и наехала передним колесом на мину, и мина сработала. Сидевший в кабине рядом с шофером майор Архипов был ранен: осколки мины, пробив днище машины, повредили ему ступню. С товарищем я донес Архипыча до медсанбата, там ему все, что надо, сделали, но, оправившись от шока, он просил меня не оставлять и забрать с собой. Когда я добрался до штаба и рассказал о том, что мы подорвались на mine, то получил другую машину, поехал к злополучному месту, перегрузил имущество, затем поехал в медсанбат и забрал Архипыча).

И вот я Архипыча на костыле отвел в ту деревушку и сказал: «Как только подъедем к переправе, я мигом к тебе, ты будешь снова с нами, и будем переправляться». Чего я боялся? Я предполагал, что немцы не упустят такой идеальный случай: на чистом месте сотни машин ждут до вечера переправы. Дать по ним с воздуха, и успех обеспечен, да еще какой!

Часов в 6 вечера в небе показались самолеты. Летели высоко, их было девять. Не бомбили, пролетели, посмотрели и ушли. Из района переправы затакали орудия малокалиберной зенитной артиллерии, но это было «мертвому припарка». Высота у немцев была приличная, зенитные снаряды их не достигали, да и самих орудий был «кот наплакал» – наверное, одна или две батареи. А наши выстрелы из пистолетов и автоматов, да русский мат немецкие летчики вообще не слышали. Они сделали свое дело – засекли нас.

Когда начало смеркаться, стали выводить паромы из укрытий и готовиться к наведению переправы. И тут в небе мы увидели 67 немецких бомбардировщиков. Мы их точно посчитали. Все стало ясно – сейчас нас будут бомбить.

Зенитки постреляли, но быстро смолкли, т.к. первые бомбы достались им. Затем наступила наша очередь – немцы стали бросать бомбы на наши машины.

67 самолетов – это не шутка. Цель как на ладони. Никуда мы уехать не можем, т.к. машины стоят в несколько рядов буфер к буферу, и ты не можешь развернуться.

Бомбы летят градом, машины горят. Во многих машинах были бочки с горючим. Когда бомба попадала в ту или иную машину, начинался пожар, бочки разогревались, верхние их крышки от высокой температуры выбивались, и столб огня метров в 100-150 вылетал из бочки. Все вокруг обливалось горящим бензином. Я видел, как загорелась стоящая впереди нас «катюша». Расчет бросился ее тушить, накрывая огонь брезентом, но ничего не получилось, весь расчет сгорел. Рядом боеприпасы, сложенные в ящики у дороги, стали рваться.

Я отбежал на несколько метров от машины, лег на землю, чтобы осколки от взрывающихся боеприпасов меня не прихватили. Отбежать дальше не мог, т.к. моя машина с секретными документами стоит на дороге. Я понимал, что вытолкнуть ее никак нельзя из этой массы автомашин и

другой техники, что она обязательно сгорит. Но долг есть долг. Я не могу бросить свой пост, а пост – это моя штабная машина.

Вдруг с очередным взрывом бочек с горючим пламя охватило и мою машину. И знаете, я обрадовался. Ведь вдруг машину кто-то подцепит и утащит! (Такие случаи были, когда брали на буксир машины, стоявшие даже очень далеко от места бомбежки, и увозили их. Ведь никто не станет искать, чья это была машина, и на них надо было возить то, что положено. Никаких номеров на машинах не было. Иногда был только трафарет, по которому знающий человек мог догадаться, что это машина принадлежит такой-то армии или, скажем, корпусу, на худой конец).

Я видел, как резиновые скаты и вся машина оказались в огне, и мой «додж» постепенно, по мере сгорания колес, опускался. Все было в огне. Я понял, что теперь мою машину никуда не утащат. Минут через тридцать стало ясно, что от машины ничего не осталось. Тогда я отбежал подальше от дороги и лег на скирду соломы, а сам все поглядываю на свою машину. Душа-то болит. А вдруг? Там же секретные документы!

Тем временем немецкие летчики стали сбрасывать на парашютах САБы – светящиеся авиабомбы. Стало светло, как днем. Истребителей наших нет, немцы делают что хотят. Они снижались и из пулеметов били по скирдам – считали, что в них стоят танки.

И вот очередной взрыв бомбы. Чую, что это недалеко от меня, и тут же сильная боль в правой руке у локтя. Пробую руку, думаю, что ранен, но крови нет, рука сухая. Потом почувствовал боль в животе. Схватился за ремень, подаренный матерью, но открыть его не могу. Заклинило. (В ремне были дырочки, и они надевались на металлический штырек). Сильной боли вроде нет, но оказалось, что гимнастерка выше ремня порвана. Еще раз рванул ремень – не поддается. Потом увидел, что толстая латунная пряжка смята, и ремень заело. Кое-как вырвал из-под пряжки ремень. Смотрю, звезда на пряжке и края пряжки помяты. Осколок разорвавшейся бомбы попал в пряжку, но не смог ее пробить, а только смял, прочертил по касательной кожу на животе и разорвал гимнастерку.

Когда стало рассветать, я подошел к дороге. Зрелище было ужасное – все машины были сожжены. Моя лежала на раме, все внутри сгорело. Я нашел железный прут, открыл им крышки железных ящиков, где были документы, и увидел, что некоторые из них обгорели только с краев. Это потому, что воздух не проходил в плотно лежавшие папки или дела. Они просто прокалились от невероятно сильной температуры. Ордена и медали моих сослуживцев и моя первая награда – медаль «За боевые заслуги», находившиеся в маленьком несгораемом шкафчике, превратились в слитки.

Железным прутком я стал помешивать остававшиеся в ящиках бумаги, дожег их. Вскоре увидел сослуживцев по отделу, в том числе и шоферов, которые раньше других убежали от машин. У всех у них, да и у меня настроение было не праздничное. Переправа разбита, надо искать другие места.

Решили пойти на Тарнобжег – это 12 км от того места, где нас накрыли немецкие самолеты. Там переправились через Вислу и к вечеру мы были в части, где нас уже не ждали, т.к. знали, что произошло на переправе. Все смотрели на мой ремень – теперь я уже не мог его застегнуть – и удивлялись: вот ведь как! Ремень спас от верной гибели. И только сослуживцам я сказал, что ремень этот мне на фронт прислала моя мать. Потом пряжку мне расправили, и я продолжал носить этот ремень до конца войны. Привез его после демобилизации домой, и мой брат Владимир, всегда любивший военную форму, носил его вместе с моей шинелью – ведь после войны было не до покупки новой одежды. Время было тяжелое...

Когда я уже работал в Тамбовском педагогическом институте, где-то в 1948 г. меня вызвали в наградной отдел облисполкома и сказали, что мне вручат государственную награду – медаль «За боевые заслуги». Показали красную коробочку, в которой лежала медаль. Я сказал работнику наградного отдела: «Мне медаль вручать не надо. Ею я награжден в войну командующим 3-й гвардейской танковой армии генерал-полковником Рыбалко». Посмотрели на медаль. На ней был выбит номер 420025, а сверху тоненькими буквами надпись «дубликат». Это была копия моей первой боевой награды, а прислана она была из Москвы из Президиума Верховного Совета СССР, куда поступали из нашей армии акты о том, что во время боев были утрачены некоторыми участниками войны в боях награды. А в таких случаях (утрата в боях) наградные знаки восстанавливаются. Но если не сберег документы, то дело хуже – награды не восстановят. А документы я всегда хранил в кармане гимнастерки. Да и во время той бомбежки я сохранил и печать отдела – она у меня всегда находилась в брючном карманчике под ремнем. Также я никогда не расставался и с пистолетом, хотя знал случаи потери кое-кем личного оружия.

После бомбежки на переправе в течение многих часов никакого «синдрома» вроде «афганского» или «чеченского» у меня не было. Только недели две после, когда я ездил на машине, мне казалось, что надо мною летают, гудят бомбардировщики. Но это быстро и бесследно прошло. А вот те, с кем я служил вместе, остались в моей памяти навсегда.

Слово о командарме П.С. Рыбалко

В годы войны мне довелось служить в гвардейской танковой армии, которой командовал генерал Павел Семенович Рыбалко. Он участвовал в 1-й мировой войне, служил после Октябрьской революции в Красной Армии, был комиссаром полка и бригады прославленной 1-й Конной армии, окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе, был военным атташе в одной из зарубежных стран. Это был умный человек, за плечами у которого к началу войны был огромный опыт.

В ходе войны в 1943 г. стали создаваться танковые армии. Это такие мощные объединения, применение которых в боях часто решало исход крупнейших операций в нашу пользу. У немцев тоже были танковые армии.

И вот первым, кто возглавил такую танковую армию, был Павел Семенович.

В то время я, лейтенант, служивший в штабе 60-й армии (ею тогда командовал прославленный герой войны, впоследствии дважды герой Советского Союза, командующий фронтом, генерал армии Иван Данилович Черняховский), был переведен на службу в 12-й танковый корпус 3-й танковой армии. Впоследствии этот 12-й танковый корпус стал 6-м гвардейским танковым корпусом, а армия – 3-й гвардейской танковой армией, в штаб которой меня вскоре перевели.

Как работнику штаба армии мне довелось не раз слушать выступления командующего армией. Рыбалко поражал своей способностью разобраться в самых сложных вопросах, был храбр и умен. Он был небольшого роста, плотного телосложения, совершенно лысый, и если бы не военная форма, то никак не походил на командующего армией самого высшего класса.

И вот однажды – это было в 1944 г. уже в Польше, кажется, в селе Чернельгов Русский – он собрал офицеров штаба и стал говорить о предстоящей операции. А предстоящая операция всем была ясна – освобождение Польши, разгром немцев, добивание их уже на территории Германии.

Командующий, помимо всего прочего, сказал: «Вот я недавно был в Москве. Вы знаете, мы получили новые танки ИС-2¹⁵⁷, новые самоходки на шасси ИС-2. Вы знаете их калибр¹⁵⁸. Вот я приехал в танковую бригаду и спрашиваю: «Ну как, ребята, дела? Как танки?». Они мне все в один голос говорят: «Товарищ командующий, мы на этих танках за два перехода дойдем до Берлина!»».

После этих слов Рыбалко сделал паузу, а потом продолжил: «Вот вчера я стою около калитки. Подходит солдат, под уздцы держит лошадь и вызывает хозяйку дома.

(Здесь надо сделать одно замечание, которое кое-что прояснит в моем рассказе. Рыбалко обычно останавливался в отдельном домике или доме. За ним ухаживала специально прикрепленная к нему медсестра, т.к. генерал – и об этом никто из нас тогда не знал – был очень болен. Вскоре после войны, став маршалом бронетанковых войск, Рыбалко умер в 1948 г. Павел Семенович любил побыть на воздухе, постоять около дома. При этом он бывал неизменно один и одет в шинель без погон. Так что никто из посторонних не мог узнать, кто он такой – так, какой-то мужичок стоит у своего дома. Ну, а где-то рядом, за воротами, за калиткой стояли автоматчики, на всякий случай – ведь это был один из лучших командующих армиями).

Выходит хозяйка дома. И вот этот солдат ей говорит, – продолжил Рыбалко, – «Эй, хозяйка, дай мне что-нибудь пожрать и накорми лошадь!».¹⁵⁹ Хозяйка отвечает: «Ниц нима! Вшистка герман забрал!». – «Ты смотри». – пригрозил солдат, хлопая по диску автомата, повешенного на шею. – «Эта штука хорошо стреляет!».

Или вчера, – продолжал Рыбалко, – пошли мы с Мельниковым (член Военного Совета армии, генерал) в костел. Хорошо там поют. Тихо, тепло, стены костела росписью украшены. Люди сидят спокойно, слушают ксендза. Старая женщина-мать молит на коленях Бога, чтобы он спас от немца-супостата сына. И тут в грязных сапогах, не снимая шапки, в костел вваливается наш солдат. На него смотрят все верующие.

Рыбалко сделал передышку. Помолчал, а потом сказал: «Немца можно убить, а этого убить нельзя. Его надо воспитать!».

Имелось в виду, что это советский солдат, и потому мы и не можем его убить за подобное поведение. Это означало, что никакие хорошие танки не смогут принести нам победу, дойти до Берлина «за два перехода». Нужен другой солдат – солдат, понимающий цели войны, понимающий горе и мысли простых людей, обученный и воспитанный, настоящий освободитель.

Я часто думаю над этими словами моего командарма и всегда их повторял студентам за сорок лет своего преподавания в институте. Этим я всегда хотел подчеркнуть роль грамотных, умных, воспитанных людей во всех сферах, во всех областях жизни нашей.

Я горд, что служил у Рыбалко, талантливого командующего танковой армии, дважды Героя Советского Союза.

Подумайте и вы, молодые, над словами Павла Семеновича Рыбалко и определите свое место в обществе, свои принципы, свое отношение к людям, к Родине.

Личный архив В.Л. Дьячкова. Подлинник.

---

* Данные рассказы-воспоминания написаны Л.Г. Дьячковым в 2002 г. для внука Дьячкова Ильи, бывшего в то время учеником 7-го класса и выполнявшего школьное задание по сбору военно-патриотических материалов.

№ 1390

Воспоминания Н.В. Попова¹⁶⁰

1974 г.

Было лето – июнь 1944 г. От командования поступил приказ – прорвать фронт в районе города Люблин (это в Польше), форсировать Вислу и занять плацдарм на западном берегу реки. В трудной обстановке проходила переправа. Под непрерывным минометным и ружейно-пулеметным огнем, на понтонах артиллеристы переправляли свои орудия. Понтон, на котором переправлялся мой расчет, в нескольких местах получил пробоины и начал крениться. Пушка свалилась в реку. Я успел лишь снять с нее прицел, который завернул в гимнастерку. До берега добирались вплавь. Пушку достать было необходимо. С этой целью был взят металлический трос, конец которого привязали к бревну. Я и еще один боец, подталкивая впереди себя

бревно, поплыли к месту падения пушки. Здесь мы по очереди ныряли и крепили трос к орудию. Потом его вытащил на берег тягач.

Подкрепление пришло вовремя: на позиции артиллеристов двинулись танки и самоходки противника. 12 суток пришлось сдерживать натиск врага. Я тогда командовал расчетом. Командир взвода был ранен, командир батареи убит. У нас осталось только два орудия. Старшим был я. Немцы всеми силами пытались отбросить наши подразделения за Вислу. На наши позиции двигались 14 немецких танков и три бронетранспортера. Бой был ожесточенный. Казалось, что кроме грохота орудий, да черного дыма ничего не существует.

Но атака была отбита. На изрытой снарядами земле недалеко от батареи, от которой осталось одно орудие моего расчета, догорали подбитые бронированные чудовища с белыми крестами на бортах, да валялось несколько десятков убитых гитлеровцев. За форсирование Вислы и удержание плацдарма я был удостоен первого солдатского ордена Славы 3-й степени.

ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 12. Д. 117. Л. 160, 162. Подлинник машинописный.

№ 1391

Воспоминания П.Л. Шевченко¹⁶¹

2000 г.

Надежный фронтовой друг

То, что собака – друг человека, – истина бесспорна и общеизвестна. Она испокон веков помогала ему в охоте, в охране, даже в медицине... А вот, чтобы она была участником минувшей войны, то не всем все известно. Но так было!

Я большой любитель собак. С детства многое узнал о кинологии. Мне страшно стало, когда я узнал, что собак применяли при уничтожении танков противника. К спине собак прикреплялась антиклирская мина. Собака была обучена бросаться под танк. Танк взрывался, погибала и собака...

Я служил в инженерных войсках. Минировал. Разминировал. В минном деле главное ее найти. Очень плохо кончается, если найдешь ее ногой...

Для поиска мин имелись специальные миноискатели, применялись простейшие щупы. Самое главное обнаружить ее. Вот я и подумал, что здесь очень пригодится природное качество собак – их замечательное чутье. Проверил – получилось. Меня поддержали, разрешили обучить десять собак. Все пошло на лад, да вот с питанием их с нашего солдатского пайка это было трудновато.

Пришлось обратиться в инженерный отдел 3-го Украинского фронта. Поддержка нашлась и там, в результате чего нашему инженерному управлению разрешили сформировать роту собаководов. Дело пошло.

Собачки обнаруживали мины. Собаковод обозначал их флажками. Минеры, следующие за ними, обезвреживали мины.

Особенно нам пригодилась помощь наших четвероногих помощников при разминировании днестровских плавней, заросших трехметровым камышом.

В дни пятидесятилетия Дня Победы добрым словом вспомним и об участниках великой битвы с фашистскими захватчиками.

Ожнивки

Так называют праздник завершения уборочной компании на Украине. С этим праздником во время войны мне пришлось познакомиться не с чужих слов.

Весной 1944 г. наше инженерное управление занималось разминированием промышленных предприятий в зоне, прилегающей к Одессе. Однако через некоторое время я был вызван в штаб и получил задание выехать в один из районов для подготовки к уборке хлебов на заминированных полях отступившими немцами.

Команда минеров, переданная мне для выполнения этих работ, возглавлялась сержантом украинцем Ульянчиком, бывшим участковым милиционером в глубинке.

Ничего особенного для нас в предполагаемой работе мы не ожидали, все было привычным: мины как мины, лишь в обязанность было вменено пригодные для использования мины надо было отправлять по указанному адресу, а все прочие уничтожать на месте. Свою работу мы постоянно увязывали и с местным руководством, возглавляющим сельскохозяйственные организации, и с руководством недалеко расположенной железнодорожной станции.

Все шло, как говорится путем, и все же произошел непредвиденный случай, о котором и хочется рассказать.

Как правило, все подготовленные мины к уничтожению мы собирали в определенных местах в вполне определенном количестве. Так было и в тот злополучный день, когда произошло ЧП.

Вместо взрыва обычного размера произошел взрыв необычайной силы. Личному составу подрывников это не могло принести несчастье, т.к. все мы хорошо знали, как и что делать, как давать команды на взрыв, как укрываться от него. А вот как этот нерасчетный взрыв отразился на селе, и на станции было неясно и тревожно.

Тут же я дал команду Ульянчику послать надежного солдата в деревню, а самому сбегать на железнодорожную станцию.

Через некоторое время прибежал солдат. Он доложил, что в некоторых домах вышибло стекла. Жертв не было. С нетерпением ждали Ульянчика. Вскоре явился и он. Как всегда подтянутый и строго действующий по уставу он доложил: «Товарищ капитан, все в порядке – станция цела, викон немає!» (выбиты все рамы).

Сельчане на нас не были в обиде. С пониманием отнеслись к нашей беде и железнодорожники.

А что же все-таки произошло у нас? Оказалось, что наш небольшой склад мин, предназначенный для уничтожения, мы расположили на месте замаскированного немецкого склада снарядов. Воронка, образовавшаяся от взрыва, оказалась почти 10 метров в диаметре и такой глубины, что вскоре начала заполняться грунтовой водой.

Железнодорожники «простили» нас, т.к. мы постоянно с ними общались при отправке исправных мин, помогали им в ремонте путей и иногда в погрузо-разгрузочных работах.

Колхозники не только простили или упрекнули, а еще к тому же когда мы закончили свои работы и собрались уезжать, они устроили нам торжественные проводы, что совпало с праздником завершения уборки хлебов – Ожнивки, но здесь подробности вряд ли нужны.

Фронтной мост

Понтонные подразделения – особый род войск. Зеевский понтонный парк и в этом случае не исключение. Он предназначен для наведения переправ под тяжелые грузы – вплоть до прохода железнодорожных поездов.

В Днепропетровске рядом с разрушенным отступающими немецкими войсками большим мостом через Днепр был наведен Зеевский понтонный мост. Он обеспечивал все фронтные нужды 3-го Украинского фронта. Но случилось непредвиденное обстоятельство. Весенний ледоход стал угрожать разрывом этого инженерного сооружения армии.

Огромное скопление льда понтоны не могли пропустить вниз по реке. Попытка расстрелять ледяной напор успеха не имела. На помощь пришли саперы нашего инженерного управления.

Мне лично пришлось участвовать в этой работе. Задача состояла в том, чтобы в разрушенном мосте, где его стальные конструкции препятствовали пропуску льдин, приходилось делать проходы. Для этого недостаточно было простого взрыва. Нужно было вырвать отдельные участки в упавших фермах и верхнем строении моста. Потребовалось делать фигурные накладные заряды, образовывать «ворота» для льдин. Хорошо бы делать это с лодок, но опять-таки мешал лед. Одновременно этот лед был недостаточной надежной опорой для подрывников.

Дни и ночи проводилась эта работа. После подготовки очередного взрывного пакета приходилось укрываться от взрыва.

Стихия была побеждена! Понтонный мост был спасен. Фронт был обеспечен надежной дорогой.

ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 8. Д. 58. Л. 1-3. Подлинник.

№ 1392

Из воспоминаний В.В. Аносова¹⁶²

1994 г. *

[...]**. 9 января я прибыл в райвоенкомат, и этим же днем был направлен в город Тулу. Остальных ребят отправили домой, только со мной остался Дима Соболев. Он из Тулы был отпущен домой, и я остался один да два парня из соседних деревень. 11 января 1943 г. нас погрузили в вагоны и направили в город Свободный Амурской области (Дальний Восток).

Итак, началась армейская моя долгая служба в Вооруженных Силах СССР. Но, когда меня провожали, а мама плакала, я, как мог, просил, чтобы она так не убивалась по нас, ведь мы шли и были взяты в армию защищать Родину, чтобы она была всегда богатой и непобедимой, и что все мы трое вернемся домой. Хотя мы и были ранены, но вернулись все домой: и отец, и брат.

На Дальнем Востоке мне пришлось служить один [год] в двух курсантских подразделениях в звании «рядовой курсант». В городе Свободном пробыл до мая. Принял воинскую присягу. В середине мая направили для прохождения дальнейшей службы в село Крестовоздвиженское Константиновского района Амурской обл. – и опять курсантом. В декабре 1943 г. стала формироваться маршевая рота. Оставляют там. Пришлось идти к начальнику школы, чтобы зачислили в эту роту. Командир дал добро.

В конце декабря покидаем Дальний Восток, едем на фронт. Одеты и обуты мы были по-фронтовому. Но опять произошла осечка. Довезли нас до разъезда Дубки Инзенского района Ульяновской области, сняли с нас все фронтовое, одели опять в БУ (бывшее в употреблении) и оставили в 55-[й] учебной бригаде. А кто был до нас там – им присвоили «младших сержантов» и отправили на фронт. А мы стали опять курсантами.

Учились мы там на сержантов с 15 января 1944 по 3 апреля 1944 г. Приезжает в эту бригаду комиссия из Москвы. По тревоге собрали всю учебную бригаду, построили на плацу. Генерал-полковники ознакомились с нами, узнали от нас, кто мы такие, с какого теста сделаны, когда родились, а мы были разного возраста (с 1910-1925 гг.) и никто не был на фронте. Один из них говорит: «Вот они где, кадры».

В этот же день нам также скоропоспешно присваивают «мл. сержантов» и этим же вечером обувают и одевают по-фронтовому. Грузимся в вагоны и только теперь «Даешь фронт!». Прибываем в конце апреля под город Ржев – ст. Молчаново. Здесь дислоцируется 381-[я] стрелковая дивизия, находящаяся после изнурительных боев под городом Полоцк Витебской области, вышедшая с оставшимися в живых бойцами и офицерами, а также примкнувшими к ним партизанами Витебского и Полоцкого районов, на отдых и доформирование. Пополнив дивизию рядовым, младшим командным составом, офицерами и оставшимися при дивизии партизанами Белоруссии, она стала готовиться к боям и выезду на фронт.

В конце апреля 1944 г. 381-[я] стрел[ковая] дивизия прибыла в район Ярцево-Дорогобуж Смоленской области. Пробыв одну неделю, снова сборы в путь-дорогу. Грузимся в товарные вагоны и снова оказываемся на

ст. Молчаново. Примерно 6-14 мая 1944 г. грузимся опять в вагоны и 20-21 мая прибываем в район города Красное Село. Ныне город Ленинград – С[анкт]-Петербург, но для нас, фронтовиков Ленинградского и Волховского фронтов, есть и будет город-герой Ленинград. Стали готовиться к боям с условиями фронтового боя. Артподготовка час-два, затем в бой вступают танки, а за танками матушка-пехота. Естественно, в таких условиях не каждый может вытерпеть, когда сидишь в окопе, а над головой крутанет танк, а затем пойдет вперед. А уже за ними с криком «Ура!» да еще «За Сталина! За Родину!» ринется пехота.

И вот во время одного учения произошла одна неудача за другой, и нас несколько раз повернули на исходные позиции, мы размещались по своим местам. А в этот предпоследний заход нам дали возможность пообедать, и во время этого обеда у меня из огневого взвода дезертирует солдат-партизан, 1922 г. рождения. Я, как командир взвода, докладываю командиру роты, тот – выше. Так, за несколько минут дошло до командира дивизии и командующего армией. А мы уже были приданы 21-[й] армии, которой был командующим генерал-лейтенант Гусев Дмитрий Николаевич (6 мая 1945 г. стал Героем Советского Союза). Дано указание командиру 1261-[го] стр. полка разыскать любыми путями этого беглеца. Меня ежедневно вызывают в СМЕРШ (так назывался отдел КГБ) в воинских частях. Зам. ком. батальона по политчасти капитан Иванов угрожает расстрелом, если не найдется солдат. Только на 4-й день его обнаружили в рабочем поселке Ропша – это в 20 км от с. Александровка, где находился наш 1261-[й] стр. полк. А привел его с двумя солдатами секретарь партбюро лейтенант Нагамов из Уметского района Тамбовской области. Солдата судили военным трибуналом. Итог – 10 лет с отправкой на фронт.

Мы стали волноваться, что не сидим на месте и ездим с одного места на другое, и дивизия имеет образ увиливания от фронта. Оказывается, это не так, а это было сделано, чтобы не доходило до разведки врага, куда готовится дивизия и на какой фронт. 3 июня 1944 г. прибываем в Сестрорецкий район на ст. Песоченское – это недалеко от города Белоостров. Карельский перешеек, зеленая зона города Ленинграда – зона отдыха ленинградцев, особенно детей. Занимаем оборону (блокады Ленинграда) по реке Сестра в Сестрорецких болотах г. Сестрорецк (Сестрорецкий курорт).

10 июня 1944 [г. в] 4⁰⁰ часа утра массированная артподготовка по переднему краю противника – финнов и немецко-фашистских войск. Вперед в 6⁰⁰ утра ринулись танки Т-34 и танки «И. Сталин». С криком «Ура!» вдогонку танкам кинулась наша матушка-пехота, закрепляя за собой освобожденные районы от противника с большими потерями. Сходу прорываем первую линию Маннергейма, восстановленную финнами в 1942-43 гг., пройдя с боями 300 км. К 1 июля вышли ко второй линии обороны Маннергейма. Несколько дней больших и изнурительных боев 23-[й] и 21-[й] стр. армий, и [с] сильными потерями к 4 июля вышли к высоте 44,5 и реке Вуокса. Опять крупные, несмолкающие двухсуточные бои за высоту 44,5. Вышли к реке Вуокса. Началось силами 23-й армии ее

форсирование. С занятием высоты 44,5 наш полк 381-[й] стр. дивизии должен был форсировать этот водный рубеж. Полку ставилась такая задача: лодки и другие переправочные средства были приготовлены и ждали своих хозяев у подножья высоты 44,5.

До этих боев во время недельного затишья и подготовки к бою за высоту 44,5 и реку Вуокса мой огневой взвод был направлен на один из участков свободной зоны для его обороны с учетом, что через неделю, а, может, больше, меня сменит взвод из соседней дивизии 2-го эшелона. За время нахождения двухсуточный сухой паек мы поели, кухня нас не может найти, и взвод оказался потерянным без крошки сухого сухаря, не говоря о консервах. Командиры отделений стали просить меня, чтобы я принял какие-нибудь меры с питанием для взвода. Оставив за себя пом. ком. взвода, взяв двух солдат, пошел разыскивать командный пункт, КП роты, штаб батальона и полковую кухню. Выйдя к траншеям у железнодорожного полотна узкоколейной железной дороги Выборг–с. Юрюопа, пройдя под насыпью дороги окоп, вышел на южную ее сторону, как нас встретил заградотряд войск НКВД: «Стой, твоя! Брат, куда эдешь, дезертив, да? Подем с нами. Твоя перед моя зади». Попытаться с ними поговорить бесполезно, полосонуть из автомата очередь – военный трибунал. Пришлось подчиниться. Казах – народ службистый, да узбеки, таджики – тоже, с ними скоро не договоришься. Так мы под конвоем пошли в штаб дивизии для разбора.

По пути следования нас встречает начальник боепитания полка капитан – фамилию запомнил, но в памяти осталось, что он небольшого роста (1,60 м), круглолиц, русский, глаза серые с зеленцой, лет за 30-35. Спрашивает: «Аносов, где вы находитесь? Считают весь ваш взвод пропавшим». Ответил: «Куда послали, там и находимся. Но мы уже двое суток ничего не кушаем, и кухня нас не посещала. Вот Вы, тов. капитан, и скажите, где наш штаб 2-го батальона, кухня?». Он осмотрел 4 солдат заградотряда НКВД и говорит ст. сержанту, чтобы он отпустил нас, а они шли куда надо. Мне рассказал, как найти штаб б-на и кухню п[ол]ка. Найдя кухню, получив паек за прошедшие сутки и дополнительный паек еще на 3 суток, пошли в обратный путь, где ждет нас взвод. Зайдя в штаб батальона и познакомившись с новым комбатом Камкиным Алексеем Васильевичем, узнав, где находится КП роты, и получив новое задание, вернулся во взвод.

И как было сказано, нас меняют солдаты соседней дивизии точно в 4⁰⁰ часа утра. Передав участок обороны, я со взводом без пяти погибших солдат перебираюсь на командный пункт роты и, доложив командиру роты ст. лейтенанту Скибину о своем прибытии и поцеловавшись, он сказал, что через 5-10 минут мы вступим в бой и взять во что бы там ни было вот эту проклятую высоту 44,5. А Вуоксу будет форсировать уже другая дивизия. Ведь за нее вышли из строя уже две стр. дивизии, один артиллерийский полк. Теперь настала очередь 381-[й] стрелковой дивизии. В этот список вошла и наша 381-[я] «лаптежная» – как ее называли немцы. Через 35 лет красные следопыты 125-[го] ГПТУ города Ленинграда и учащиеся школы села

Житково Выборгского района, найдя наше захоронение на 1200 человек в Карельском лесу перешейка, перенесли их прах на высоту 44,5, сделав мемориал с помощью Житковского с/с и совхоза им. Барышева и с. Барышево – [в честь] Героя Советского Союза ст. сержанта 99-[й] стр. див., в честь дивизий и полка, освобождавших их села, взятия высоты и форсирования реки Вуокса.

В этих боях был легко контужен, поля боя не оставил. На высоте был ранен в ногу, и опять остаюсь на поле боя, идя после бега по хребту сопки и ведя огонь по уплывающим финнам и немцам. Любуясь природой прибрежной Вуоксы, встретил нас командир роты к-н Камкин А.В., поздравил со взятием высоты и, заметив, что я хромаю, спросил: «Что, сержант, ранен?». Я ответил: «Да, тов. капитан, малость». Командир роты, раненный тоже легко в голову, отвечает, что мы остаемся оба на поле боя. Капитан Камкин отвечает: «Хорошо. Ты можешь оставаться, а Аносов еще молод, у него война еще впереди. Иди под подножие сопки, там собирают раненых на подводу, садись в телегу и езжай в 457-[й] ОМСБ 381-[й] стр. див.». Пришлось выполнять приказ командира.

Форсировав Вуоксу, открыли еще долгий путь в столицу Финляндии Хельсинки, где открывалась ровная местность с лесом, без болот. Видя неизбежность своего поражения и поражения немецко-фашистских войск, новое правительство во главе с Паасикиви просит у правительства СССР перемирия. Наше правительство ставит условие:

1. Чтобы Финляндия, как пособница Германии, прекратила боевые действия со дня получения ультиматума.
2. Разоружить немецко-фашистские войска.
3. Взять в плен немецкие войска и передать их Вооруженным Силам СССР.
4. Капитулировать и выйти из войны против СССР и не применять военные действия против ее страны.

Все это правительство Паасикиви принимает и выполняет.

Правительство СССР дает на это перемирие согласие. Переговоры проходили в городе Ленинграде. От границы до Ленинграда наше командование выставило в шахматном порядке двухстороннюю линию из воинских частей для охраны дороги движения Паасикиви и его сопровождающих лиц. Кортёж двигался по дороге Выборг–Ленинград из нескольких – почти двух десятков – машин.

Финляндия одним из первых сателлитов немецко-фашистских войск выходит из войны против наших Вооруженных Сил и страны. Все это происходило на моих глазах. Мы стояли грязные, полураздетые и [полу]обутые на обочине дороги, смотрели на этот кортеж с обеих сторон. Так тот, кто удосужился чести быть в оцеплении, был одет и обут в новую военную форму русского солдата.

За бои на Карельском перешейке большинство сержантского и рядового – не говоря уже об офицерах среднего и высшего состава – были награждены орденами и медалями. Получила свое наименование и орден

Красного Знамени наша славная 381-[я] ЛКСД, а трое ее солдат получили звание Героя Советского Союза.

Сержант Багаутдинов Гильми Аблязович, татарин, 1923 г. рождения – за взятие командования ротой на себя. Увлекая за собой солдат в атаку при прорыве обороны на Карельском перешейке, был дважды ранен, но с поля боя не ушел 10.6.44 г. Командиру пулеметного расчета 1259-[го] стр. полка 381-[й] стр. див. было присвоено звание Героя Советского Союза 24 марта 1945 г.

Мл. сержант Минбаев Набиджан, узбек – за замену выбывшего из строя ком. взвода в критическую минуту. Раскинув на преградивший путь заграждение типа металлического ежа шинель, скомандовал: «По мне, взвод, бегом марш!» и пропустил его через себя по живому мосту. Был ранен, не покинул поле боя, повел за собой в атаку солдат взвода и выбил противника с занимаемых позиций. Звание Героя Советского Союза присвоено командиру отделения 5-[й] роты 2-го батальона 1261-[го] стр. полка 381-[й] стр. див. 24.3.45 г.

Мл. лейтенант Рубченков Владимир Трофимович, русский, 1922 г. рождения, рязанец, комсорт батальона 1263-[го] стр. полка 381-[й] стр. див. 23-[й] армии. Дивизия во время боя была из 21-[й] армии передана в 23-[ю] армию, а через неделю опять была возвращена в 21-[ю] армию. Отличился при прорыве обороны блокады Ленинграда 1941-10.6.44 г. в районе Сестрорецких болот по реке Сестра. Заменив командира стрелковой роты, форсировал реку Сестру, обеспечил развитие наступления стрелкового батальона, с группой бойцов проник в расположение противника в районе деревни Вуотта (поселок Кировское Выборгского р-на Ленинград[ской] обл.), выбил их из занимаемых позиций. Лично подорвал дзот врага. Звание Героя Советского Союза присвоено 24.3.45 г. Умер 20.10.1977 г. в городе Рязани.

За освобождение Карельского перешейка, города Выборг дивизия получает приказ Верховного Командования № 172 от 22 июня 1944 г. о присвоении 381-[й] стрелковой дивизии почетного наименования «Ленинградской». А 14 августа у солдат и офицеров настроение и радость повысились еще больше: был получен приказ о том, что 381-[я] Ленинградская стрелковая дивизия награждена орденом Красного Знамени. Так закончилась жизнь фронтовая на Карельском перешейке. Нас ждали уже другие пути, дороги, тропки, форсирование рек и болот. [...]***.

По приказу командования части 30 декабря 1944 г. пришлось выехать в Урюпинское пехотное общевойсковое училище в город Пермь (Молотов). Так началась моя дальнейшая служба в далеком уральском тылу от фронта.

Дивизия наша, 381-[я] ЛКСД, была многонациональной. Вместе с русскими рука об руку, как брат с братом, сын с отцом, со своим односельчанином, делили свое горе, беды, радости и настроения и шли в бой украинец и удмурт, белорус и татарин, казах и мариец, узбек и чуваш, азербайджанец и кабардинец, армянин и дагестанец, еврей и мордвин, калмык и бурят, цыган (и такие были). С одним из них я учился в военном

училище, на фронте он был со мной в одном батальоне, только в разных ротах, это был Никола Поляков.

Отучившись один год в училище и перейдя на 2-й курс, мне был предоставлен отпуск на один месяц, и дома я встретился со своим двоюродным братом Аносовым Николаем Константиновичем и его связным Митрофаном, фамилии которого не помню. От Митрофана я узнал, что Николай – лейтенант, Герой Советского Союза. Они находились на параде Победы в Москве и после парада почти полгода находились в отпуске у Николая. У Митрофана, жителя Орловской обл., родители были расстреляны немцами в 1944 г. Переписки я с ним не имел, так как не знал, жив он или нет. Перед войной не был, жил и учился в автомобильном техникуме города Белгорода – там он, видимо, был призван в армию.

Военная судьба солдата – не знаешь, что может она преподнести ему. Вот был случай, когда после госпиталя я был направлен в свой полк и батальон. Меня уже направили по своей кровной специальности в минометную роту. Мне по долгу службы частенько приходилось бегать в штаб артдивизиона полка, и не знал, что меня два раза пропускал часовой по паролю к майору Грачеву, что это был мой дядя Аносов Егор Иванович, а он не мог узнать во мне своего племянника. А вот мой отец имел с ним переписку, сообщил мне, что я находился с ним в одной части и полевая почта у нас одна, только у меня литер «Е» был, а у него – «Ж».

Второй случай – со старшим братом после трехлетней разлуки с дядей Федором Филипповичем Щегловым. Во время одного отдыха между боями сделали полевую баню. И в этой бане они вместе мылись, а, может, и терли друг другу спины. А вот никто из них не признал друг друга. И только после войны мы об этом точно все узнали при своих беседах, стали вспоминать свои исторические события. [...]****.

ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 6. Д. 1. Л. 12 об.-21 об. Подлинник.

---

* Дата установлена по содержанию документа.

** Опущены биографические сведения довоенного периода и воспоминания о проживании на оккупированной территории Калужской области в 1941-1942 гг.

*** То же воспоминания о боевом пути 381-й Ленинградской Краснознаменной стрелковой дивизии на территории Эстонии.

**** То же биографические сведения послевоенного периода.

№ 1393

Из воспоминаний Л.Т. Крыловой¹⁶³

22 июня 2000 г.

[...]*. В 1944 г. я была на войне (2-й Прибалтийский фронт). Шли бои в районе пушкинских мест – в районе Михайловского, Тригорского.

Я служила в бомбардировочной авиации военным инженером-метеорологом. В мои обязанности входило перед каждым боевым

вылетом информировать командование о предстоящей погоде по маршруту или в районе цели. Метеорологические элементы оказывают очень большое влияние на режим полета – как, например, направление и скорость ветра, высота и форма облаков и, конечно, опасные явления погоды.

И вот наши летчики (а я служила в 685-м батальоне аэродромного обслуживания) как раз бомбили эти районы. Но, как они говорили, ни одна бомба на Святогорский монастырь не была сброшена.

В начале июля эти места были освобождены. Мне пришлось быть там. Шло наступление. Мы проезжали мимо – на холмике стоит какая-то полуразрушенная церковь. Много таких было. Были разрушены все населенные пункты, и мы не обратили сначала внимание [на церковь]. Но когда ближе подъехали, там у входа написано на полотнище: «Отомстим за нашего Пушкина!». Мы поняли, что это как раз Святогорский монастырь, где захоронен Пушкин. Остановились, задержались немножко, но особенно близко нас туда не пустили, потому что там все заминировано. Но к могиле Пушкина мы поднялись по каменным ступенькам. К этой могиле было паломничество. Солдаты шли и в сторону фронта, и обратно. И все заходили. Вся могила была усыпана цветами. Я столько цветов никогда нигде не видела, сколько было в тот период в Калининской области.

21 июня 1944 г. я вспоминала этот день**, дежуря на старте. Мне приходилось все время быть на аэродроме: и готовить материалы (синоптический анализ карт докладывать), и дежурить на старте. [...]***. Войну я закончила под Берлином.

ГАСПИТО. Ф. Р-9277. Оп. 1. Ед. уч. 572. Ед. хр. 1. Фонозапись.

* Опущены воспоминания об учебе и окончании средней школы № 3 г. Калуга и намерении одноклассников Л.Т. Крыловой встретиться ровно через 5 лет после окончания школы 21 июня 1944 г.

** Имеется в виду выпускной вечер в школе 21 июня 1939 г.

*** То же о поступлении и обучении в гидрометеорологическом институте.

№ 1394

Из воспоминаний Я.П. Шипилова¹⁶⁴

Не ранее 1981 г.*

[...]**. В марте 1944 г. был направлен в распоряжение 2-го Украинского фронта в 40-[ю] армию 159-[го] укрепрайона. Это было в районе города Смела Киевской области. С этого города начался мой боевой путь по освобождению территории Украины, дальше в направлении Румынии, Венгрии, Чехословакии, Польши и Германии.

Вместе с частями 40-й армии в составе 159-[го] Краснознаменного Днестровского укрепрайона воевал в 361-[м] отдельном пулеметно-артиллерийском батальоне на должностях командира

пулеметного взвода, командира пулеметно-артиллерийской роты, а потом после двух ранений до конца войны – командира взвода пеших разведчиков 361-[го] батальона (сокращенно 361-[й] ОПАБ – отдельный пулеметно-артиллерийский батальон).

159-[й] УР – укрепленный район. В составе 40-й армии прошел по Украине, Румынии, Венгрии до декабря 1944 г., а в декабре, когда 4-[й] Украинский фронт перешел через Карпаты, наш 159-[й] укр[еп]район был передан из 2-[го] Укр[аинского] фронта в оперативное подчинение 4-[го] Украинского фронта в 18-[ю] армию.

В этой знаменитой 18-й армии, где был командующим генерал-лейтенант Журавлев Е.П., а начальником политотдела – полковник Брежнев Л.И., впоследствии стал генералом и начальником политотдела 4-[го] Украинского фронта. Мне посчастливилось воевать в этой прославленной армии с декабря 1944 г. до конца Великой Отечественной войны. Л.И. Брежнев, всегда находясь в гуще солдатских масс, знал их настроение и запросы, заботился об их питании, отдыхе, культурно-бытовом обслуживании, боевом и санитарном обеспечении. С глубоким уважением относился Леонид Ильич к каждому солдату и офицеру. Фронтовики хорошо знают, что на войне личный пример храбрости, мужества и бесстрашия нередко имеет решающее значение. Такие замечательные качества воина-коммуниста не раз проявлял Л.И. Брежнев.

Сохранился в памяти бой под чехословацким городом Спишска-Нова-Вес в январе 1945 г. В этом жестоком бою вместе с воинами 159-[го] укрепрайона и соседей наших – 138-[й] стрелковой дивизии – находился начальник политотдела 18-[й] армии Л.И. Брежнев. Накануне боя Л.И. Брежнев собрал политработников частей и подразделений, пригласили лучших разведчиков частей и подразделений. Леонид Ильич говорил: «Война в горах особая. Тут часто успех боя решает взвод, отделение и даже один боец. Только надо умело действовать, хорошо знать противника, смелей обходить, окружать и уничтожать его. Горы помогают смелым и решительным. Перед нами г. Спишска-Ново-Вес. Расположен в горах. Сильно укреплен. Мы должны его взять с малыми потерями. Многое зависит от наших разведчиков, которые должны проникнуть ночью в тыл противника, ворваться в город, посеять панику в рядах противника, а наступающие части с фронта довершат свое дело». Такова была коротко поставлена задача. Я в это время командовал взводом разведки 361-[го] ОПАБ.

За этот бой был награжден орденом Отечественной войны 1-[й] степени. Взвод проник в тыл противника, в городе забросал гранатами три пулемета противника, уничтожил до двух десятков немцев, тем самым обеспечил наступление батальона на заданном направлении.

Прошло много лет – более 36 лет. Многое стирается в нашей памяти. Но есть события, поистине незабываемые. Одним из таких стало для меня форсирование реки Тиса на территории Венгрии в ноябре 1944 г. Когда смотрю на сегодняшних молодых людей, солдат нашей армии, то часто

думаю о том, что на них возложена великая миссия по защите нашей Родины. Прекрасная наша молодежь, они до конца сознают свой священный долг, готовы также до последней капли крови отстаивать от врагов родную землю. Современная советская молодежь приняла эстафету от борцов революции, бесстрашных бойцов Гражданской и Великой Отечественной войны.

Я всегда вспоминаю моих боевых товарищей. Такими же восемнадцатилетними, безусыми парнями вступали мы в годы минувшей войны в смертельные схватки с лютым врагом.

Как сейчас помню огненную переправу. Гитлеровцы простреливали реку вдоль и поперек. Но [надо] дойти до этого рубежа. Нам предстояло пройти много изнурительного пути с боями по горно-лесистой местности.

Разгромив гитлеровские войска под г. Яссы и Кишиневом, наша Красная Армия вывела из строя гитлеровского сателлита – Румынию. 23 августа 1944 г. в Румынии вспыхнуло антифашистское восстание народов Румынии. Румынская армия повернула оружие против гитлеровских оккупантов.

Развивая наступление, войска 2-го Украинского фронта успешно продвигались вперед. 40-[я] армия под командованием генерал-лейтенанта Жмаченко Ф.Ф., в состав которой входил 159-[й] укрепрайон, преодолевая Восточные Карпаты, развивала наступление в общем направлении г. Клуж (Румыния). Армия продвигалась в очень трудных условиях горно-лесистой местности. Находясь на правом фланге 2-го Украинского фронта, части 159-[го] укрепрайона, не прекращая наступления, продвигались на довоенную румыно-венгерскую границу (направление – гор. Сату-Маре) с задачей пересечь румыно-венгерскую границу и подойти к реке Тиса, оказать помощь войскам 4-[го] Украинского фронта преодолеть Карпаты.

От вышестоящего командования нам стало известно, что в сентябре 1944 г. в оперативное подчинение командующего 2-го Украинского фронта перешли 1-я и 4-я румынская армии.

И вот с 6 сентября 1944 г. румынская армия стала воевать против фашистов. Преодолевая в трудных условиях горно-лесистой местности и преследуя отступающие части немцев, 361-[й] отдельный батальон (361-[й] ОПАБ) в составе 159-[го] укр[еп]района продвигался в западном направлении на гор. Сату-Маре (Трансильвания). Бои шли непрерывно – днем и ночью. Солдаты так устали, что приходилось спать на ходу. Да, это в полном смысле этого слова. Вот идешь и дремлешь на ходу, а если встал, то сразу сваливал сон.

В конце октября мы вышли с гор в Трансильванскую долину. Солдаты приспособились хорошо воевать в горах и до некоторой степени отвыкли от равнины. Многие солдаты в бою в горах потеряли свои малые пехотные лопаты. И очень трудно нам досталось на равнине. Противник вел шквальный обстрел со всех видов оружия. А многим окопаться было нечем. Вот и пришлось трудно, как говорится, зубами вгрызаться в землю. Использовали все, что можно приспособить для отрытия окопов.

На подступах г. Сату-Маре батальон завязал бой за населенный пункт Думбрава и в ночь на 24 октября 1944 г. выбил противника из Думбравы, при этом захватил большие трофеи – эшелон с боеприпасами и военным имуществом, один исправный паровоз и свыше 30 вагонов различных вещей и оружие. Противник оставил на поле боя более 50 чел. убитыми и ранеными.

На рассвете 24 октября 1944 г. 1-я рота под командованием командира роты капитана Л.С. Ковальчука, в составе которой я воевал в качестве командира 1-го взвода, подошла к окраине населенного пункта Осварау, который находился в 20-25 км от г. Сату-Маре.

В течение дня немцы упорно сопротивлялись. Особенно необходимо отметить, что со стороны противника сильно действовали снайперы. Огонь снайперов противника выводил из строя наших пулеметчиков, орудийные расчеты и особенно охотился за офицерами. Офицеры в наших частях многие в это время воевали не более двух часов, а некоторые были убиты снайперами противника в первые минуты боя. В течение всего дня противник так усилил снайперский огонь, что буквально не давал возможности подняться и атаковать его.

В течение трехчасового боя противник неоднократно переходил в контратаки, но был отбит с большими потерями.

И вот 24 октября 1944 г. мы готовились к решительному штурму населенных пунктов Ботис и Осварау на подступах к г. Сату-Маре. Снайперским огнем были выведены из строя большинство офицеров 1-й роты – в том числе погиб наш командир 1-й пулеметно-артиллерийской роты капитан Леонид Степанович Ковальчук.

Как сейчас представляю его перед смертью. Командир лежал недалеко от небольшого мостика в кювете на дороге, что вела [к] н.п. Осварау. Когда я перебежал к нему короткими перебежками, а где и ползком, чтобы получить от него указания на штурм, он мне сказал: «Товарищ лейтенант, смотри – по этому мостику бьет вражеский снайпер, будь осторожен!». Я перебежал к своему взводу на рубеж атаки и примерно отбежал не более 50-70 м. Услышал стон. Невольно оглянулся. Над командиром склонился его связной-ординарец. Через некоторое время связной поднял автомат командира вверх. Я узнал автомат командира по силуэту. Это был автомат системы Симонова – ППС. Эти автоматы только были на вооружении у командиров рот и наших разведчиков. Я понял, что командир погиб. Офицеров в роте больше не было. И вот перед штурмом н.п. Осварау я принял командование ротой на себя. Мне в то время 31 августа 1944 г. сравнялось только 19 лет.

Овладев н.п. Осварау, батальон в ночь на 25 октября 44 г. завязал бои на северо-восточной окраине гор. Сату-Маре и во взаимодействии с другими частями выбил противника с северной части города. В результате боя 361-[й] ОПАБ ворвался на металлургический завод, полностью овладел им.

В бою 1-я рота потеряла: 13 человек ранено и 4 человека убито. Особенно ощущались потери в офицерском составе, в роте опять было убито 2 офицера.

Прикрываясь боевыми заслонами мелких групп автоматчиков, противник взрывал мосты, отступал в северо-западном направлении. Преследуя противника, рота в составе батальона наступала в направлении г. Вашарошанамень (Венгрия).

27 октября 1944 г. батальон с боями форсировал небольшую реку Самошь. 28 октября занял н.п. Матоич. 29 октября достиг г. Кочерд.

В это время гитлеровцы усилили сопротивление по всему фронту.

В результате Дебреценской операции 2-[го] Украинского фронта была полностью освобождена северная часть Трансильвании.

1-я рота в составе подвижной группы 361-[го] ОПАБ прошла с изнурительными боями около 250-300 км и вышла к исходу 30 октября 1944 г. [к] р. Тиса северо-западнее г. Ньиредхаза у населенного пункта Комора. Перед 361-[м] ОПАБ стояли задачи форсировать р. Тису, захватить плацдарм и обеспечить форсирование реки главными силами 159-[й] укрепрайона.

Разведкой батальона было установлено, что противник занимает оборону на западном берегу р. Тиса. Характер обороны носит укрепленные огневые точки, окопы в несколько рядов. Перед передним краем обороны имеются минные поля и выставлено боевое охранение.

Противник в течение дня вел непрерывный огонь артиллерии, бомбил наши части. Форсировать реку сходу не было возможности. Вечером 30 октября 44 г. главные [силы] наших подошли к р. Тиса. Форсировать реку в узком (ширине реки) было невозможно. Противник создал прочную оборону и особенно в том месте, где можно быстрее преодолеть рубеж.

Командование батальона приняло решение усилить 1-[ю] роту отдельными более смелыми бойцами и разведчиками батальона, форсировать реку под покровом ночи в более широком месте там, где противник нас не ожидал.

Это было в осеннее время, когда шли проливные дожди в Карпатских горах. Тиса – река горная, быстрая и во время дождей выходила из берегов, разливалась в некоторых частях до 2 км ширины.

Мы сосредоточились вечером 31.X.44 в направлении н.п. Русска. В течение ночи наши разведчики захватили в н.п. Комора трех солдат противника. По показанию пленных, перед нашим батальоном в районе н.п. Русска держит оборону 2-й батальон 10-го пехотного полка 16-[й] пехотной дивизии венгров. Пленные также показали, что в состав 10-[го] пехотного полка входят подразделения особых войск немцев.

В районе форсирования река имела ширину около 500 м, глубина реки – 6-8 м, скорость течения – 4-5 м/сек. Противоположный перед нами берег – западный – был обрывистый и господствовал над нашим берегом по высоте. Удобных подступов было мало. Оборона противника проходила от берега примерно [в] 30-50 м.

Вследствие недостатка переправочных средств командир 361-[го] ОПАБ капитан В. Субемани, начальник штаба капитан Филиппов решили форсировать реку двумя эшелонами на участке н.п. Русска,

используя рыбацкие лодки и подручные средства переправы (плоты, щиты) и т.д.

Противник на этом участке по всей вероятности нас не ожидал. Выставил в этом направлении только боевое охранение примерно чел. 50. Наш маневр и сосредоточение противник не заметил.

Организация и подготовка к форсированию проводилась в течение 30-31 октября 44 г. Офицеры батальона провели рекогносцировку, разведку участка форсирования непосредственно на местности и уточнили все задачи боя.

Первый эшелон форсирования состоял из 1-й роты и взвода разведки под командованием исполняющего обязанности командира роты л-та Шипилова Я.П. в составе 48 человек.

1 ноября 1944 г. в 1 час 40 минут под покровом ночи рота мелкими группами на рыбацких лодках (3-4 чел.) в лодке форсировала реку Тиса, вступила в бой с противником, выбила боевое охранение из линии траншей и заняла на правом берегу плацдарм шириной 500 м, взяв при этом в плен 22 солдата противника. Удар роты оказался неожиданным, как только мы высадились на берегу. Ночь была очень темная, шел мелкий дождик. На фоне неба и обрывистого берега мы заметили движение отдельных солдат. Оказалось, что это были патрули, которые контролировали овраг, идущий из глубины обороны. Патруль был бесшумно снят. Пленные показали, что они мысли не допускали, что форсирование реки будет именно в этом широком месте.

Стремительным броском рота вышла в тыл противника – оборонявшееся боевое охранение около 50-60 человек. Разгромили боевое охранение, и лишь небольшой части их [удалось] уйти и скрыться в основной линии обороны.

Опомнившись, противник принял яростные попытки сбросить нашу группу в реку. При разгроме боевого охранения мы взяли не только пленных, но несколько пулеметов и автоматов с боеприпасами, которые потом мы использовали против немцев.

В первый день боев за удержание плацдарма рота отразила пять яростных контратак. Наше появление на берегу представляло большую опасность для противника, и он старался во что бы ни стало сбросить нас. Но мы мужественно удерживали захваченный плацдарм. Уже к утру следующего дня (ночью 2 ноября) в район плацдарма были переброшены еще две роты – 2-я и 4-[я] рота с батареей 45-мм противотанковых пушек. Противник вел интенсивный артиллерийский огонь, бомбил с воздуха и яростно атаковал – примерно часа в 4 утра 2.11.44 г. на участке 2-й и 4-й роты нашего батальона перешел в контратаку силою до батальона пехоты. Контратака была отбита с большими потерями для противника. Но и мы несли потери.

Закрепившись на плацдарме, наши подразделения батальона быстро приступили к оборудованию рубежа в инженерном отношении – рыли окопы,

делали отдельные стрелковые и пулеметные ячейки. На танкоопасном направлении выставлялись 45-мм пушки и противотанковые ружья ПТР.

Само окапывание в песчаном грунте происходило довольно быстро. Каждый солдат стремился закопаться как можно глубже. Да еще сделать в своем окопе углубления вбок, так называемые ниши для укрытия. Это в процессе боя оказало отрицательное влияние. Вражеская дальнобойная, тяжелая артиллерия интенсивно вела огонь. Авиация бомбила. И вот разрыв крупнокалиберного снаряда и бомбы вызывал обвалы окопов и ячеек, что зачастую засыпало заживо людей мокрым песком.

Наша артиллерия батальона была непосредственно в боевых порядках на передней линии. Но так как в первый день форсирования артиллерия не могла переправиться с нами (не было соответствующих переправочных средств), она поддерживала нас с нашего берега прямой наводкой, т.е. простреливала напрямую перед собой до 1000 м. Кроме нашей батальонной артиллерии, нас поддерживали четыре противотанковых дивизиона приданных из резерва 159-[го] УР.

Сражение наших артиллеристов в противоборстве с артиллерией и танками противника было исключительно мужественно. Отважные артиллеристы дрались даже раненые, но не оставляли своих позиций. Мужественно дрались бойцы-артиллеристы противотанкового дивизиона 361-[го] ОПАБ, возглавляемые командиром дивизиона майором Стрельниковым. Противник сосредоточил весь свой огонь артиллерии на наших артиллеристах. Но они не дрогнули.

2 ноября 1944 г. противник снова перешел в атаку на участке нашей 1-й роты. Рота к утру сумела расширить свой плацдарм до 1000 м и заняла часть первой линии – окоп противника на дамбе, углубилась в небольшой лес и в результате продвижения в лес потеряла зрительную связь с соседней 4-й ротой нашего батальона. Однако вскоре под прикрытием обрывистого берега связисты батальона во главе с сержантом Горшковым М.Ф. и рядовым Сизовым сумели протянуть телефонную связь в роту. Противник атаковал и вклинился между 1-й и 4-й ротой. Образовался разрыв, противник пробился между ротами к реке. Противник разделил наши роты, отрезал от основных сил 1-ю роту.

Но наше счастье – линия связи между нами шла непосредственно у обреза (берега) реки и обрыва. Противник в такой спешке и [при] непрерывных разрывах снарядов не заметил связь.

Окружая мою 1-ю роту с трех сторон – с фронта, справа и слева с флангов (а позади нас была быстрая и холодная вода Тисы), противник предлагал нам сдаться. Этот термин «Русь, здавайся» они частенько применяли!

Но в те времена наших боевых успехов это совершенно на нас не действовало. Боеприпасы у нас были на исходе. Мы больше суток непрерывно вели бой. Однако, когда громили боевое охранение противника и брали пленных, мы использовали все захваченное автоматическое оружие противника. Все наши солдаты умели пользоваться оружием противника.

Используя трофейное оружие (пулеметы, автоматы и гранаты), мы сумели отбить несколько атак. Однако столько непрерывных атак сказало на нехватке боеприпаса. А перебросить с того берега от нас было невозможно.

Я принял решение укрыть личный состав в окопах и вызвать огонь своей артиллерии на себя, но командир батальона не разрешал. Однако мы просили, чтобы наша артиллерия была приближенно к нашим окопам. Другого выхода не было.

И все же наши артиллеристы во многом пощадили нас. Сумели вести огонь в большей мере по противнику прямой наводкой. А минометчики били по тылам противника. Мы были так близко с противником – нас разделяло несколько метров. Мы видели друг друга в лицо и переговаривались во время затишья боя. Однако контратаки противника были отбиты.

Продолжая наступление по расширению плацдарма, рота сломила на своем участке сопротивление противника, вклинилась снова в оборону противника и выбила его с водозаградительной дамбы, захватила домик лесника на высоте 102 перед н.п. Русска. При этом захватила четыре станковых и три ручных пулемета, взяла еще в плен 12 солдат.

Утром 3.11.44 г. 1-я рота закрепились на высоте 102. К этому времени подошло подкрепление в личном составе, и 4-[я] рота во главе [с] л-том Вашляевым выбила тоже противника с первой линии траншей и закрепились на дамбе, выдвинула в первую линию свои два 45-мм противотанковых орудия.

Во второй половине дня (примерно около 13 часов) противник снова начал мощную артиллерийскую подготовку. Ввел свои резервы в бой. При поддержке танков и самоходных орудий перешел вновь в контратаку силою до батальона пехоты.

В результате многочасового боя (2,5-3 часа) с превосходящими силами 1-я рота и 4-[я] рота, неся потери, стали отходить и закрепились на исходном рубеже, что занимали 1.11.44 г. При этом огнем 45-мм пушек были подбиты два средних танка. Значительные потери понес противник и в живой силе.

Наши потери в этот бой были тоже велики – 27 человек убито и 15 человек ранено. Танки противника раздавили две наши 45-мм пушки – расчеты погибли. Однако у нас еще оставались 2 орудия 45-мм.

Необходимо отметить мужество и стойкость наших солдат и сержантов, комсомольцев и коммунистов. Душой взвода был коммунист, исполняющий обязанности командира пулеметного взвода, командир расчета станкового пулемета «максим» Владимир Путятин. Он был на самых трудных местах боя и горячим словом, личной храбростью увлекал бойцов вперед. Бесстрашный воин погиб. Его место занял другой коммунист – Борис Петрович Москвитин, старший сержант, помощник командира взвода разведки батальона. В свои девятнадцать лет он был кавалером двух орденов Славы двух степеней. Москвитин не знал страха, он всегда первым поднимался в атаку. (Дожил Борис до светлого Дня Победы, но фронтовые раны и контузия сказали свое – он умер в июле 1977 г. в г. Рубцовске Алтайского края).

Пример бесстрашия и мужества показывали и другие коммунисты и комсомольцы – такие, как комсомолец рядовой Василий Ефимович Каструк, ряд[овой] Виктор Дегтяренко, Сладетский – пулеметчик, разведчики – Павел Савенихин, Глеб Кондратенко, Владимир Лапатыев, Владимир Беседин, коммунист-пулеметчик Юрий Калугин, связисты – Михаил Горшков, Сергей Никитин, ряд[овой] Сизов и многие другие мои боевые товарищи.

Исключительную стойкость и мужество проявили наши маленькие расчеты 45-мм пушек. Батареей командовал ст. л-т Сизов.

Когда раздавили танки противника наши первые два орудия, старший сержант коммунист Мальков (кстати, наш земляк, родом с Сосновского района, не знаю жив он или нет) и второй командир орудия мл. сержант Абрамичев в этот критический для нас момент боя одним залпом с обоих орудий ударили по головному танку противника. Танк загорелся, остальные продолжали двигаться. Но потом снова выстрел – и горит второй танк.

Остальные танки противника повернули обратно. Прямо признаюсь – было страшновато. Во рту все пересыхало, мучила жажда от нервного напряжения, хотелось пить. Но вода была и недалеко, но не до этого было.

И вот прошли буквально считанные секунды. Когда вспыхнул первый танк противника, по нашей цепи невольно раздалось многоголосое русское «Ура!», и наши солдаты, которые отвыкли от танков противника при наступлении в Карпатских горах (а некоторые молодые из пополнения и не видели вовсе танков), почувствовали прилив новых сил и уверенность, стали еще мужественней сражаться.

Я рассказал только о некоторых эпизодах, где ярко проявились замечательные качества советских бойцов, воспитанных нашей партией, комсомолом, всем укладом нашей советской жизни. Они свидетельствуют о беззаветном патриотизме нашего народа, о непоколебимой верности воинов своему долгу, о преемственности славных революционных и боевых традиций наших Вооруженных Сил. Но таких эпизодов в годы войны были тысячи. О них много сказано и будет еще написано немало.

Примеры бесстрашия и мужества показывали комсомольцы, коммунисты и многие наши беспартийные солдаты и офицеры. Многие из них пали смертью храбрых, но выполняя свой воинский долг перед Родиной, удержали плацдарм до подхода основных сил нашего соединения.

Удерживая захваченный плацдарм, противник с 1 по 5 ноября 1944 г. непрерывно атаковал наши подразделения батальона. В течение четырех суток пришлось отбить до 20 крупных атак противника.

В результате четырехсуточного боя батальон уничтожил: 2 средних танка, 3 самоходных орудия, 4 бронетранспортера, несколько орудий, более 250 солдат и офицеров противника, взял в плен 300 солдат и офицеров противника.

Ночью 4 ноября 1944 г. наш 361-[й] ОПАБ был заменен частями 500-[го] ОПАБ и 494-[го] ОПАБ. 361-[й] ОПАБ выведен на двухдневный отдых и для пополнения в нас. пункт Комора.

9 ноября 1944 г. утром в три часа батальон снова вступил в бой.

С утра 9.XI-44 г. противник непрерывно атаковал наши части. Бои шли и днем, и ночью. В одном из боев, отражая атаку противника, 9 ноября в час дня я был вторично ранен в левую руку. Продолжая отбивать атаки противника, я заменил убитого наводчика у станкового пулемета (расчет погиб), и вот в это время меня ранило. А вечером в темное время меня эвакуировали на свой берег в госпиталь, где пролечился до 15 декабря 1944 г.

Впервые получил ранение 4 октября 1944 г. Это было еще в Карпатских горах. Мы атаковали одну высоту. Ворвались в первые траншеи и дальше не могли выбить противника. Немцы сделали завалы из деревьев, которые трудно было перейти. И вот, атакуя противника, я был с одним ручным пулеметным расчетом рядом, фашист нас заметил и выстрелил из винтовочного гранатомета. Эти гранаты немцы применяли против пехоты. Она небольшая – всего 9 см длины и 2 см толщины. Вот этой гранатой я был ранен. Граната ударилась в дерево, которое находилось сзади меня, взорвалась, ранило меня и еще двух человек. Осколки от этой гранаты небольшие, мелкие. Но, однако, из трех человек один был ранен тяжело. А я получил множественное осколочное ранение спины и всего правого бока. Ощущение было вполне боеспособное, можно было продолжать воевать.

Врач батальона оказал мне первую помощь. Прямо в полевых условиях недалеко, где шел бой, он выковырнул несколько осколков из спины. К счастью, они недалеко проникли в тело. Должно [быть], у меня толстая кожа. Потом я отказался от того, чтобы меня отправили в госпиталь. И все мои мелкие царапины и ранения заросли на ходу. Так я продолжал сражаться раненым под контролем врача.

Из фронтовой газеты, читая ее в госпитале, я узнал, что наши части 26 ноября перешли с плацдарма в решительное наступление, преследуют противника в направлении городов Хлумец, Велика Бара, Шатроля-Уйхель.

16 декабря 1944 г. я снова после лечения прибыл в свой 361-[й] ордена Суворова отдельный пулеметно-артиллерийский батальон, принял командование взводом разведки батальона и до конца войны командовал взводом разведки.

15 декабря 1944 г. наши части 159-[го] укрепрайона начали наступление на город Кошице в Чехословакии. Войска 4-го Украинского фронта тоже прорывались через Карпаты в город Кошице.

20 декабря 1944 г. мы освободили город, и встретились войска 2-го и 4-го Украинских фронтов. Наш 159-[й] Краснознаменный Днестровский укрепленный район своими частями был передан из 2-го Укр[аинского] фронта в распоряжение 4-[го] Украинского фронта в прославленную 18-[ю] армию под командованием генерал-лейтенанта Журавлева Е.П., начальника полит. отдела армии Л.И. Брежнева.

В рядах 18-[й] армии с боями мне пришлось пройти и освободить территории Чехословакии, Польши и частично Германии. Войну закончил под Прагой. Получил девять благодарностей от Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина. [...]***.

В боях за освобождение Чехословакии вместе с нами находились воины 1-го Чехословацкого корпуса под командованием генерала Людвика Свободы. Совместно пролитой кровью навечно скреплена великая дружба советского и чехословацкого народов.

Тогда в горах Чехословакии происходили удивительные события в 1945 г. Каждую ночь выбрасывались с парашютами организаторы партизанских отрядов, засылались разведчики Советской Армии, спешившие на помощь борющемуся чехословацкому народу.

Мне приходилось несколько раз в январе и феврале 1945 г. проводить в глубокий тыл противника агентурных разведчиков армии. Так, группа, в составе которой находились три человека по национальности чехи, два венгра, трое интернационалистов были немцы, по заданию развед. отдела 18-[й] армии, точно не помню, но где-то 3-4 января 1945 г., была проведена моим взводом разведки в районе н.п. Яблонец через гору, которая обозначена на карте [как] «Бабья гора». Группа выполнила задание в тылу у немцев. После глубинной разведки 10 января вернулась. Мы снова ее встречали и проводили через линию фронта. Таких заданий было много.

За время войны я награжден орденом Отечественной войны 1-[й] и 2-[й] степени, орденом Красной Звезды. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 г. мне было присвоено звание Героя Советского Союза за бои на реке Тисе.

В батальоне были четыре Героя Сов. Союза – я, Васильев, Синьков и Панченко. [...]****.

ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 5. Д. 5. Л. 43 об.- 58 об. Незаверенная копия.

---

* Дата установлена по содержанию документа.

** Опущены биографические сведения довоенного периода, воспоминания об участии в строительстве оборонительных сооружений, обучении в 3-м Орджоникидзевском военно-пехотном училище.

*** Опущены названия городов, за овладение которыми Я.П. Шипилов получил благодарности Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина.

**** То же биографические сведения послевоенного периода.

№ 1395

Из воспоминаний П.Н. Маслова¹⁶⁵

30 января 2000 г.

[...]*. В первый же день после разгрузки эшелона на границе с Венгрией командир полка гв. подполковник Фокин, Герой Советского Союза, ознакомил прибывших танкистов с историей полка, его боевых традиций, представил офицеров командования и штаба полка, и начальников служб. Командиром 1-й танковой роты назначил лейтенанта Путикова, который находился в резерве полка. Потом объявил, что в течение суток

экипажи должны подготовить танки к маршруту, пополнить горючим и боеприпасами.

На следующий день вечером в штабе полка был собран весь офицерский состав до командира танка включительно. Заслушав доклад командиров роты о готовности к действиям, подполковник Фокин объявил, что «полку предстоит в течение нескольких ночей сосредоточиться в исходном районе для перехода в наступление; переход будем осуществлять только ночью, поэтому обращаю внимание всех – особенно командиров танков и взводов – на соблюдение мер безопасности: фары не включать, командирам танков находиться около механиков-водителей на броне танков и внимательно следить за дорогой и впереди идущим танком».

Переход был очень тяжелым, особенно для мех[аников]-водителей. И когда полк подошел в исходный район для наступления, командиры взводов и рот были вызваны к командиру полка, который объявил, что полк участвует в прорыве обороны противника правее озера Балатон. «Сейчас дозаправить танки, накормить экипажи, дайте отдохнуть до 2 часов. К этому времени НШ организует рекогносцировку исходных позиций, на каждый взвод будет выделен проводник от стрелковых батальонов, которые находятся в непосредственном соприкосновении с противником. С выходом на исходные позиции получите боевой приказ».

Выйдя на исходные позиции в темное время, организация атаки прошла очень быстро, практически для каждой роты и взвода было указано направление атаки и сигнал перехода в нее. С наступлением рассвета все командиры уточнили мех[аникам]-вод[ителям] направление перехода в атаку. Я уточнил задачи и направление движения своего танка и подчиненных экипажей танков.

Внезапно началась артиллерийская подготовка атаки. Я внимательно наблюдал за разрывами снарядов на переднем крае обороны противника и четко себе представил его расположение. Внезапно получил сигнал завести мотор, подготовиться к атаке. Послышался сплошной гул моторов, а затем я получил сигнал командира полка о переходе в атаку. Я посмотрел влево и вправо – все танки стояли на месте. Командир полка применил командирский язык: «Вперед в...». Я дал команду мех[анику]-водителю «Вперед!», танк тронулся с места. В это время я наблюдал, что танк Рукавишникова тоже ринулся вперед. Все пришло в движение – полк пошел в атаку.

Веду наблюдение и вижу, как снаряды разрываются в районе обороны противника. Танки стремительно врываются на передний край обороны противника. Внимательно наблюдаю, как разворачивается орудия противника, даю команду наводчику об уничтожении орудия. По радио слышу команду соседних командиров взвода и рот, а также командира полка. Идет жаркий бой.

Прорвав передний край обороны противника, полк стремительно вел наступление. По радио внезапно появился голос командира бригады «Фокин, вперед!». В эфире прорвался голос ком. роты и взводов, доклады командиров танков и т.д. В эфир прорвался голос ком. роты л-та Путикова: «Маслов,

подойди ко мне немедленно». Я быстро подал команду механику-водителю и указал направление движения к командиру роты. И когда танк остановился, я увидел разорванную гусеницу танка ком. роты, открыл люк и слышу голос ком. роты: «Наводчик, в мой танк! Сам на его место, а я к тебе, чтобы руководить боем». Путиков быстро сел в танк, закрыл люк, одел танкошлем и дал команду мех[анику]-водителю «Вперед!». Танк стремительно тронулся с места. Рота успешно вела бой.

Внезапно я увидел, как справа в районе группы деревьев двигаются в направлении нашей атаки два танка противника. Быстро поворачиваю башню в направлении танков и подаю команду заряжающему «Бронебойным!». Услышав доклад «Бронебойным готово», произвожу выстрел и вижу, как снаряд рикошетирует. Произвел второй выстрел – снаряд попадает в дерево. Путиков нервничает, бьет меня по шее и кричит: «Куда стреляешь?». Третий снаряд попал в танк – танк загорелся. Произвожу четвертый выстрел – загорелся второй танк. «Молодец!» – слышу голос Путикова. Рота атакует, ведет бой успешно. Внезапно в эфире слышу голос командира полка: «Путиков, поздравляю тебя и твой экипаж с орденом Красного Знамени».

Бой продолжается. Слышу доклад командира 3-[й] ТР о том, что его [танк] подбит и горит, горят и еще два танка справа от него.

С наступлением темноты танки роты сосредоточились в указанном районе для заправки горючим и пополнения боеприпасов. Командиры взводов и танков обнимались, рассказывали, как вели бой, очень жалели погибших командиров танков второго и третьего взводов. Командир роты уточнил нам, командирам взводов, направление продолжения наступления ночью.

Ночью наступать было гораздо труднее. Командир 2-[й] т.р. к-н Ширенков по радио пел песню «Черный ворон». В одном из населенных пунктов на его улицах перемешались наши танки с немецкими, и, только с рассветом увидев на танках кресты, мы стали в упор их расстреливать. Третий танк взвода (мл. л-та Никонова) сгорел в этом ночном бою.

Утром после пополнения боеприпасами ком. роты по карте уточнил направление действий для каждого взвода, т.к. немцы стали отходить. Подчинив мне танк третьего взвода роты, командир роты приказал действовать стремительно и не давать оторваться (отойти) противнику. Овладев тремя населенными пунктами, я стремительно подошел к четвертому и заметил, как из него отходят три танка и несколько БТР. Дал команду на преследование. Впереди у меня действовал танк Рукавишникова, мой танк – в середине. Взвод действовал по дороге, которая входила в рошу. Я внимательно наблюдал за дорогой и местностью, по которой полевыми дорогами отходили одиночные машины. Внезапно заметил справа и слева от дороги вспышки нескольких орудий, и одновременно вспыхнули все мои три танка. Покинув горящий танк, я укрылся в кювете дороги и, наблюдая за немцами, организовал отход экипажей и вынос раненого механика-водителя танка Рукавишникова.

Отойдя к населенному пункту, я подошел к танку командира роты и доложил о случившемся. Командир роты быстро это доложил командиру полка, а нам на тягаче Карамышева приказал убыть в штаб полка. К вечеру следующего дня прибыли с ремонта три танка, я сформировал взвод и приступил к подготовке танка к продолжению боя. Ночью взвод вышел в район боевых действий 1-[й] танковой роты, я доложил ком. роты, который был несказанно рад прибытию к нему взвода.

С утра взвод в составе роты участвовал в боях. Полк успешно наступал, овладевал населенными пунктами и городами, развивая наступление в направлении Австрии.

1-[й] гв. мех. корпус стремительно наступал в направлении Вены. Мой второй танк в одном из боев был подбит. Я легко ранен и контужен и был направлен в медико-санитарный батальон корпуса, из которого сбежал на третий день вместе с В. Рудницким, раненным в руку. На попутных машинах к вечеру мы прибыли в район действия полка и быстро нашли штаб полка.

В штабе полка нам рассказали, что на подступах к Вене в ночном бою в танке был ранен и сгорел Герой Советского Союза подполковник Фокин, с ним вместе его заместитель и командир батальона, они находились вместе с ним в танке. Командование полком взял на себя заместитель командира батальона по политчасти майор Иван Васильевич Свиридов. Я доложил майору Свиридову о прибытии. Это же сделал и В. Рудницкий. Свиридов крепко пожал нам руки и сказал: «Вы прибыли вовремя, сегодня с ремонта прибыло два танка», и вызвал начштаба. Начштаба, узнав о нашем прибытии, быстро сказал: «Сейчас сформируем взвод Маслова, к нему же его командира танка В. Рукавишникова». И сразу назначил офицера штаба сопроводить нас к танкам. Мы вышли из штаба. В. Рудницкий даже не доложил, что левая рука у него еще в гипсе. По дороге к танкам офицер штаба рассказал, как погиб командир полка.

Подошли к танку. Офицер постучал по броне – открылся люк, я залез в танк и стал знакомиться с экипажем, который оказался сборным: мех[аник]-водитель С. Шуклин ранее был во 2-[й] т.р. Заряжающий – мужчина 40 лет В. Долгих, с большими рыжими усами, доложил, что днем был назначен парторгом роты к лейтенанту Путикову. В это время подошли с докладом ком. танков В. Рукавишников и В. Рудницкий. Выслушав их, я пошел на доклад к командиру роты. Лейтенант Путиков быстро подошел ко мне, обнял и поцеловал. Затем сказал, что утром рота вводится в бой, а сейчас надо готовить экипажи, скоро подвезут боеприпасы и горючее. Я вернулся ко взводу, вызвал командиров танков и поставил им задачу.

С утра рота была введена в бой. Мой взвод в уличных боях действовал на одной из улиц со стрелковой ротой. Тяжелые были бои. На одной из улиц в ночном бою командир роты Путиков неудачно прыгнул с танка, подвернул ногу и убыл в тыл. Я взял командование ротой на себя. Этой же ночью на подходе к Венскому мосту были подожжены танки Рудницкого и Босяченко. Оба сгорели. Босяченко был в танковом училище в моем взводе. В боях на подступах к Вене действовал смело, дерзко и решительно. В одном из боев

он заметил подъем фашистских самолетов, направил свой танк в этот район, и, когда на большой скорости подошел к аэропорту, один самолет уже оторвался от земли, а второй разбежался для взлета. Босяченко открыл огонь с пушки и пулемета и подбил его. На поле находилось еще три самолета, которые обстрелял Босяченко, а потом подавил их гусеницами. За эти смелые решительные действия был представлен к ордену боевого Красного Знамени.

К рассвету рота двумя танками подошла к Венскому мосту. Одновременно с танком В. Рукавишникова к мосту подошел танк 9-[й] т. бр. и, не останавливаясь, сходу на большой скорости устремился по мосту, и как только достиг вершины (середины) моста, танк вспыхнул. Я наблюдал, как двигался горящий танк, и экипаж вел огонь. Но вот танк остановился. Я был готов поддержать танк огнем – из танка никто не вышел, танк горел. По танку вела огонь батарея 85-мм зенитных пушек, которая стояла около моста на западном берегу Дуная. Я уточнил задачу Рукавишникову и дал команду «Взять мост!». Как только я услышал по радио «Есть!», танк устремился на мост, приблизился к горящему танку 9-[й] т. бр. и стал его обходить справа, ведя огонь по батарее противника.

Ведя наблюдение, я увидел, как танк падает с моста вправо. Танк перевернулся, сделал «сальто» и встал на гусеницы у уреза воды Дуная. Я наблюдал, как экипаж покинул танк и ползком направился к мосту. В это время слышу приказ майора Свиридова: «Маслов, стой, веди наблюдение и жди мой приказ». Я дал команду механику-водителю подойти к мосту, наводчик был готов к открытию огня, в голове возникли планы, как действовать с получением команды командира полка. С наступлением темноты к нам на БТР прибыл командир развед. взвода лейтенант Шкураль и передал, что Свиридов приказал стоять на месте, и одновременно сообщил, что скоро подвезут горючее и боеприпасы, а также ужин. Тепло попрощавшись с экипажем, Шкураль убыл.

Вскоре прибыл танковый техник роты младший лейтенант Л. Михайлов, машины с боеприпасами, бензовоз и машина с ужином. Много рассказал Л. Михайлов о прошедших уличных боях других танковых рот полка, о том, что полк потерял в уличных боях много танков. Пополнив боезапасы и заправив танк, я приказал всему экипажу вести наблюдения: механику-водителю – вперед, наводчику – влево, заряжающему – вправо, а младшему механику-водителю Ване Мельникову – спешиться и наблюдать с земли. Ведя наблюдение всю ночь, экипаж встретил рассвет.

С восходом солнца я по радио получил приказ командира полка «Взять мост». Объявил экипажу готовность, все обнялись, я сказал, что в случае чего... Все поняли что делать. Дал команду механику-водителю «Заводи». Указав, что сгоревший танк будем обходить слева на большой скорости в готовности к открытию огня, умело управлял рычагами танка Саша Шуклин. Он был мастер вождения, отслужил кадровую службу, но началась война, и прослужил всю войну. Несколько раз горел в танке, был ранен и вот вел свою боевую машину в последний бой. Взяв мост, танк ворвался на огневую позицию вражеской батареи, ведя огонь из пулеметов и давя гусеницами

орудия. Расчеты батареи проспали и когда выскакивали из укрытий, попадали под огонь пулеметов и гусеницы танков. В это время по мосту шло еще несколько танков. По радио я получил приказ продолжать наступать вдоль улицы, на которую в нижнем белье выскакивали в одиночку фашистские солдаты.

Часам к 10⁰⁰ полк сосредоточился в сиреновой роще около пляжа. Экипажи получили разрешение привести себя в порядок. В помещениях пляжа танкисты обнаружили много чистого белья. Хорошо обмывшись, одев чистое белье, танкисты побрились, а все пропахшее потом и кровью белье собрали в одну кучу и сожгли. Наломали цветущей сирени и вели душевные беседы, вспоминали погибших и раненых товарищей. У всех было приподнятое настроение.

Вскоре прибыли командир полка и офицер штаба бригады. Командир полка, собрав офицеров, объявил, что полк в составе бригады выводится из боев и получил приказ к 18⁰⁰ сосредоточиться в бывшем военном городке на юго-восточной окраине Вены, и сказал, чтобы танкисты после обеда украсили танки ветками сирени и самодельными красными флагами. Будем совершать марш в новый район по улицам Вены, пойдем по этому мосту, который сегодня взяли. Поблагодарил танкистов за хорошие боевые действия и сообщил, что сегодня будет приказ Верховного Главнокомандующего.

В приподнятом настроении с чувством великой гордости танкисты проходили по улицам Вены. Жители города забрасывали танки цветами. В новом районе заместитель по тылу капитан Косенко устроил баню. Вся техника была сосредоточена в одном месте, организована охрана, всему личному составу был предоставлен отдых. Офицеры были размещены в отдельных домиках. Но никто не спал, все ждали приказа Верховного. Услышав приказ, все кричали «Ура!» и поздравляли друг друга.

В приказе указывалось, что войска 3-[го] Украинского фронта 13 апреля овладели г. Вена. Войскам, принимавшим участие, объявлялась благодарность, 1-[му] гв. мех. корпусу Русемянова присваивалось наименование Венского, корпус награждался орденом Кутузова. На следующий день все части корпуса были выведены в населенные пункты в предместья Вены для временной дислокации. 19-[й] гв. т.п. в составе 2-[й] гв. мех. бригады сосредоточили в районе населенного пункта Санкт-Иоганн. Танки и другая боевая техника были размещены у подножия Альп в сосновой роще, около которой у населенного пункта была большая зеленая лужайка размером в несколько гектар. В этом же районе 9 мая около 4 часов утра мы получили сообщение о безоговорочной капитуляции фашистов, о Победе Советского Союза, о Победе.

Я прекрасно помню это утро и этот день. На зеленую лужайку стихийно выходили солдаты, сержанты и офицеры. Кругом велась беспорядочная стрельба, огонь велся из всех видов оружия, все салютовали стихийно. Собирались по подразделениям. Поздравляли друг друга, на память обменивались в качестве сувениров часами, зажигалками, портсигарами, мундштуками, гвардейскими ножами, трофейными

пистолетами и т.д. И когда собрался весь личный состав бригады, прошел митинг, на котором после поздравления с победой ком. бригады вручил заслуженные боевые награды, а во второй половине 9 мая по частям был организован «обед Победы». За столами в цветущем саду сидел весь личный состав 19-[го] гв. т.п. У всех было приподнятое веселое настроение – дождались Победы. Здесь возникло желание вернуться в Союз, на Родину, к родным и близким победителем, живым и здоровым. Но, к сожалению, это удалось не всем, некоторые погибли даже в этот день. [...]**.

ГАСПИТО. Ф. Р-9037. Оп. 1. Д. 1. Л. 3-10. Подлинник.

* Опущены биографические сведения довоенного периода и воспоминания об участии в форсировании р. Днепр.

** То же воспоминания о послевоенной службе в Вооруженных Силах СССР.

№ 1396

Из воспоминаний Е.Е. Черно книжника¹⁶⁶

15-31 января 2000 г.

[...]*. По прибытии в Ростов я получил повестку из Сталинского райвоенкомата с приказом явиться на призывной пункт. Даже с родителями попрощаться не пришлось. Провожала в армию меня студентка-однокурсница Паня Назарько. Вспоминается песня тех времен: «Будь храбрым, будь смелым в жестоком бою...».

Меня в военкомате назначили старшим команды студентов, направленных на учебу в г. Казань в воинские училища. Наверное, потому я был старший, что два курса института закончил, а другие были из техникумов. На вокзале г. Ростова я принял первое испытание. Узнали мы, что поезд, с которым нам надо ехать, придет через 5-6 часов. Ребята, которые местные, ростовские, стали меня просить: «Отпусти, старшой, еще с родными повидаться. Через пять часов будем, как штык, на месте». Я не сразу, но согласился. Мне-то ехать не к кому, а их жалко. Предупредил: «Езжайте, но не подведите меня и себя». Не подвели. Хотя несколько человек вернулись не на главный вокзал, а подсаживались на поезд в Нахичевани¹⁶⁷, на «Сельмаше» (промежуточные станции). Беспокойство, которое у меня было на главном вокзале, сменила гордость за ребят, что сдержали слово, не подвели.

По пути следования в Казань раза два объявлялась тревога по случаю налета немецких самолетов, но все обошлось нормально.

По прибытии в Казань мы попали на курсы усовершенствования военно-технического состава (КУВТС). Странно было: что мне совершенствоваться, если я не знаю в военном деле, что называется, «ни бум-бум». Но потом стало ясно: 2 месяца мы изучали автомобили ЗИС-5, ГАЗ-АА, М-1, которые были тогда в стране и в армии.

Замечательные были у нас первые командиры взводов, преподаватели. Командиры взводов все были выпускниками училища – молодые, красивые, подтянутые, культурные. За 2 месяца я не слышал ни одного грубого, а тем более матерного слова. Наш командир взвода младший лейтенант Лошак так ко мне привык, что потом даже на фронт мне письма писал, и я ему отвечал. Из преподавателей запомнился полковник Бельский. Он читал тактику так, что заслушаешься: ни одного лишнего слова, как чеканил. Ходил в крагах, пожилой, но энергичный. Рассказывали, что он – бывший офицер царской армии, перешедший на службу в Красную Армию. Гордиться можно таким.

Через 2 месяца нас всех разослали по танковым училищам: кого в Саратовское, кого в Сталинградское, кого в Ульяновское... Я попал в Киевское танкотехническое. Оно было эвакуировано из г. Киева в г. Кунгур Молотовской (ныне Пермской) области. Там учился я с октября 1941 г. по май 1942 г. (5 месяцев) ускоренным курсом, так требовала обстановка. В этом же училище учились и два других студента из нашего института: Козлов Дмитрий и Будаев Василий, приехавшие позднее.

Обстановка в училище несколько другая была, чувствовалось, что КУВТС – более высокая и сильная организация. Это, очевидно, потому, что училище, переехав из Киева в Кунгур, не смогло иметь той мощной оснащенности, какая была в Киеве.

На занятия мы ходили ежедневно по 2,5-3 км в здание какого-то техникума. Жили в холодных казармах, не хватало дров для отопления. Всю неделю, бывало, чувствуешь, что холодно, и только в бане согревались, а потом снова всю неделю сосулькой ходишь. Но это, очевидно, закалило нас. Простуды не было. Даже в столовую ходили в одних гимнастерках строем. Если сзади кто-нибудь приложит руки к спине твоей, то это было самое худшее наказание. За это хотелось сдачи дать.

Питание в столовой было по 3-й норме. Выходишь из-за стола и кушать хочется. Но это оказалось для меня даже полезней. Я в институте и на КУВТС немного страдал катаром желудка, т.е. изжогами. В училище изжоги прошли от недоедания, так что я на практике узнал, что такое «чудо-голодание». После училища меня изжоги почти не донимали, но холодную уральскую зиму я навсегда запомнил. К тому же через город Кунгур с севера на юг протекает река Сылва, и вдобавок к уральским морозам нас донимали еще ветры вдоль русла этой реки.

Изучали мы в училище устройство легких танков Т-70, тактику, эксплуатацию машины, техобслуживание и т.д. Учиться очень старались, т.к. чувствовали ответственность, которая ляжет на каждого по окончании училища. Нас готовили на помощников командиров танковой роты по технической части – помпотехов. Часто преподаватели повторяли: «Помпотех отвечает за исправность танков головой». Понятно было, что это означает уже тогда, а потом на фронте имел я возможность в этом убедиться.

Пришел апрель, а затем май и с ним потепление. В училище я сделал себе изобретение – как на морозе можно заснуть, когда сильно устанешь, и легче перенести холод: шинель поднять над головой, ремень подпоясать

ниже талии и дышать вовнутрь, создать дыханием тепловую подушку вокруг груди и спины. Приходилось и на фронте это использовать, когда в танке надо было ночевать зимой.

Выпустили нас из училища техниками-лейтенантами на должность помпотехов роты. С группой таких, как и я, выпускников, прибыли мы в г. Горький (ныне Нижний Новгород). Там находился Автобронетанковый центр страны, который готовил маршевые танковые роты для отправки на фронт. Разместились мы в здании одной из школ пригорода г. Горького в поселке Молитовка.

Вскоре меня назначили помпотехом роты на легкие английские танки типа «валентайн». Предстояло изучить этот танк. А времени в обрез. Старался изо всех сил. Командиром роты был лейтенант Чепурнов. Только его я и запомнил. Обменялись фотографиями. Познакомились поближе. Готовились ехать на фронт, но, когда приехали представители частей забирать танки с экипажами, оказалось, что в нашей роте часть танков имеет английское вооружение, а часть – канадское. Это особенно касалось пулеметов. В результате одна половина роты ушла в одну часть, а другая – в другую. Командир роты поехал командиром танка. А я остался в резерве, т.к. помпотехи роты в частях были свои.

Около месяца находясь в резерве, мы с товарищем по училищу Николаем Турышевым выполняли различные поручения начальства: то на дорогах проверяли автомашины и грузы, которые они перевозят, то другие. В общем, вроде за ГАИ работали или ОБХСС.

Но примерно в середине лета возникла новая проблема. В центр должны были поступить из Англии тяжелые танки марки «Черчилль». Нас в резерве было около 20-30 человек. Стали нам предлагать пойти помпотехами на эти машины. Естественно, каждый отказывался. Как можно идти на машину, которую не знаешь? Ведь отвечать-то головой, а она одна. Три или четыре захода было с такими вызовами и предложениями. И каждый раз круг вызываемых становился все меньше и меньше. Понятно, что к нам присматривались, проверяли. Я стоял на своем, что отвечать головой за исправность танка, которого не знаю, нельзя. Это несерьезно.

Когда мне заявили, что будет дано время на изучение, ознакомление с танком, я согласился, и нас таких несколько человек направили в учебную танковую бригаду, где был один танк марки «Черчилль». Мы знакомимся с ним таким образом: инструктор сидел в танке и рассказывал, где что расположено и как им пользоваться, а мы через люки в танке заглядывали и «усваивали». А потом садились на место инструктора, механика-водителя, и отвечали на вопросы, как надо управлять машиной. Поверхностно знакомимся с узлами: двигателем, коробкой перемены передач (КПП), бортовыми передачами и т.д. Не помню, пришлось ли водить танк, но рычагами управлять я тренировался и мысленно представлял, что это значит. Были с нами и механики-водители и другие члены экипажей, каждый знакомился по своей профессии. Естественно, такая «учебная база» много дать не могла.

Но недели через 3-4 поступила команда ехать разгружать прибывшие танки. По-быстрому скомплектовали экипажи и поехали на ж.-д. площадку Горьковского автозавода, где предстояла разгрузка. И.о. командира роты был назначен старший лейтенант Медведев, я – помпотех. По приезде на станцию Медведев мне дает команду: «Помпотех, разгружай первый танк». Я собрался с мыслями, залез в машину, завел, попробовал рычаги и медленно стал разворачиваться, чтобы съехать с платформы. Танк вел себя послушно, и разгрузка прошла нормально. Говорю механикам-водителям: «Ну, теперь вы попробуйте!». А Медведев мне в ответ: «Нет, давай ты разгружай остальные танки». Выполнил я этот приказ и получил новую команду: «Садись в первую машину и будешь ехать в голове колонны на малой скорости, пока колонну не построим». В роте 5 танков, колонна небольшая. Построились. Командир дал наказ трогаться на марш. Я поехал впереди, как приказано. Смотрю – меня обгоняет один танк, другой. Медведев по рации дает команду всем принять вправо и остановиться, выйти из машин. Сделал он выговор смельчакам, обогнавшим меня, и снова поехали в расположение учебной танковой бригады. А располагалась она в лесочке по пути на автозавод справа от дороги, не доезжая 3-4 км до автозавода.

Этот день я и склонен считать днем рождения меня как помпотеха роты. У меня появились танки, экипажи танкистов, с которыми мне довелось потом ехать на фронт.

4-я танковая рота 50-го ОГТТПШ в тылу и на фронте

4-я рота не является какой-то особенной. Думается, что она не лучше, но и, конечно, не хуже других, а дорога она мне и памятна тем, что в ней служили вместе со мной, а потом и воевали дорогие мне друзья-товарищи.

После получения танков мы недолго пробыли в учебной танковой бригаде. Через неделю-другую за нами приехали представители полка, и мы все с танками отбыли в полк. Расположились вначале в здании одной из школ в Сормово. Судя по тому, что учащихся не было в школе, это был август. А вскоре нас и другие прибывшие маршевые роты перевели в лесок на окраине г. Горького у поселка Починки. Там мы разместились в землянках, и началась учеба, «сколачивание» рот, подготовка к фронту. Сколько она продлится, мы, конечно, не знали и спешили, как могли. Полку было присвоено звание гвардейского, вручено гвардейское знамя при построении всего полка. Все воины дали торжественную клятву оправдать звание гвардейцев. И обращаться друг к другу мы стали не просто по званию, а с добавлением слова «гвардии»: «гвардии лейтенант», «гвардии сержант» и т.д. Далее в тексте, когда я упоминаю звание того или другого воина, я для краткости опускаю это слово, но его надо подразумевать.

Время было суровое, тревожное. Враг рвался к Сталинграду и на юг европейской части страны, на Кавказ. В роту прибыл командир – лейтенант Масный Яков Иванович, а старший лейтенант Медведев куда-то убыл. Перевели или сам пожелал, я не знаю. Не пришлось говорить. Мне он был симпатичен. Я даже удивился такой перемене. Ведь командиры других трех

рот были капитаны, мог бы и Медведев служить. Но в армии не принято задавать вопросов. Приказ есть приказ.

С Масным Я.И. мы быстро нашли общий язык, подружились, вместе с ротой и полком выехали потом на фронт и до 14 января 1944 г., когда он был ранен и убыл в госпиталь, воевали. Взаимопонимание у нас было полнейшее. На людях обращались друг к другу, как положено по уставу, а наедине по имени. Объединила нас не только рота, но и общность судьбы. И его, и мои родные были в то время в оккупации: его – на Украине, мои – в Ростовской области. Значит, оба одинокие – следовательно, как братья. Оба холостые. Он на год старше меня. Кадровый военный, служил до прибытия в полк в Ульяновском танковом училище. Много мне рассказывал о своем начальнике училища генерале Кашубе, Герое Советского Союза (по финской войне). Мне было чему у него поучиться.

С наступлением осенних холодов полк переместился из леса в поселок Починки. Нас разместили по квартирам, а танки поставили в овражке, организовав своеобразный парк. Мы жили в одной маленькой комнатке у хозяев Лошиловых-Лазоренковых: Масный, я и политрук Михайлов Петр Михайлович. С Масным спали на одной кровати, политрук на сундуке. Здесь же за столиком я готовился к занятиям с механиками. Учеба шла напряженная. Старались побыстрее освоить машину. Из-за неимения литературы по танку «Черчилль» пришлось многое домысливать, чтоб объяснить потом механикам. Часто вызывал я механиков на диспут, когда свое мнение излагал.

Английская инструкция по танку была очень краткая, не давала ясности по его устройству. Были и учения с выездом танков. Вот тут мы с командиром роты несколько расходились во мнениях. Он хотел, чтобы рота прошла их без поломок, а я был рад каждой поломке, т.к. она давала возможность разобрать тот или иной узел и понять устройство. Без поломки разбирать танк боевой категорически запрещалось.

Масный Я.И. тщательно проверял мой конспект при подготовке к занятиям, задавал много вопросов, потом утверждал его. Спустя много лет он признался, что таким путем пытался тоже познать танк, поскольку он впервые с ним столкнулся. В общем, пытливый был командир у меня. После его убытия в госпиталь мы некоторое время переписывались, потом переписка оборвалась. Он, вылечившись, поступил учиться в Бронетанковую академию, а по окончании ее служил в Забайкалье. Я продолжал воевать вместе с полком вплоть до Берлина, а потом в 1946 г. демобилизовался. Пути, казалось, разошлись. Но через 20 лет я поехал из Тамбова (работал на заводе) в командировку в г. Горький через Москву. Проездом побывал у командира нашего полка Величко Павла Евстигнеевича на его даче. В ходе разговора он мне сказал: «А твой ротный командир Масный в Москве ведь живет». Я обрадовался, взял адрес. На обратном пути заехал к Масному Я.И. и его семье. Установилась снова связь. Бывая в Москве, я почти всегда у него останавливался. Воспоминаниям о службе, о войне, о друзьях-товарищах не было конца. Потом бывали вместе с ним на встречах однополчан в дни

празднования Победы. Последний раз это было в 1993 г. Умер Яков Иванович от инфаркта в августе 1993 г. С семьей его поддерживаю связь и я, и мои дети, и внуки. Дружба с ним длилась более 50 лет. А тогда, зимой 1943 г., перед отправкой на фронт я предложил Я.И. Масному пойти и сфотографироваться на память. Он охотно согласился. Было это, по-моему, в мой день рождения.

На танке командира роты по штату полагается командир танка, ведь ротный должен руководить всей ротой, экипажу и танку своему не может уделять достаточно времени. Таким командиром у Масного был лейтенант Светлов Василий Андреевич – очень скромный, исполнительный офицер. После ранения Масный ему и поручил командовать ротой, и он вместе со своим другом лейтенантом Кашеевым Василем Спиридоновичем на двух танках «Черчилль» с боями дошли до Новгорода, участвовали в его освобождении.

Два других наших танка отстали. Об одном (лейтенанта Матющенко) я уже писал, а другой (лейтенанта Балятинского) в бою пытался наехать на немецкий блиндаж, чтоб раздавить его, но попал в яму с водой (под снегом-то не видно) и выбыл из строя. Его надо было вытащить буксиром, просушить, вычистить и т.д. Об этом речь будет впереди.

А сейчас я снова вернусь в г. Горький, где мы в конце 1942 и начале 1943 гг. готовились к фронту, учились. Скажу о тех, кого помню. Командирами танковых взводов в то время были назначены: 1-го – Головин Александр Федорович, 2-го – Алыбин, оба лейтенанты.

Поскольку с экипажами пришлось заниматься более 2-3 месяцев, я первый состав роты запомнил больше, чем последующие, которые комплектовались уже на фронте, т.к. замены там были более частые.

По характеру службы я больше занимался с механиками-водителями и их помощниками (на «Черчилле» был такой штат). Механиками, как правило, были бывшие трактористы или другие механизаторы. Все имели практический опыт вождения машин. Надо было только дополнить его знанием танка и умением его водить и обслуживать. Особенно запомнились мне механики-водители Лисицын, Жеребцов, Шимко, Левин, Трушкин, помощники Загрядский, Коновалов и другие. Из командиров орудий запомнил фамилии Лупинос, Полунадеждин, из радистов – Монахов, Поляков, Галиулин, Доценко.

Запомнились больше те, с кем чаще пришлось сталкиваться во фронтовых условиях по тем или иным причинам. На фронте я сделал для себя вывод, что в боевых условиях человек очень-очень быстро раскрывается по своей сути. В мирной обстановке он кажется таким, каким хочет казаться, а в условиях фронта очень быстро проявляется, каков он есть. Я не сторонник, да и не вправе судить своих товарищей, сам часто, наверное, был не прав. Но скажу свой вывод: смерти себе никто не желает, даже на войне, но бывают минуты, особенно в первом бою, когда нервы сдают, и человек допускает не лучший поступок, о котором потом, наверняка, жалеет и сам, и получает укор от товарищей.

Для занятий с механиками-водителями и их помощниками в одном из соседних домов хозяин предоставил нам зал, который им не отапливался, т.к. топлива не хватало. Мы поставили в нем переносную печку-«буржуйку», как ее называли, и, пока шли занятия, подтапливали ее, чтоб обогреть комнату. Сидели механики кто на чем попало, даже на полу. Занимались с утра до обеда. Я старался так рассказывать, чтоб вызвать интерес, попутно задавая вопрос: «Как вы думаете?», потому что из-за недостатков инструкции многое приходилось додумывать и в процессе обсуждения добираться до истины. Ребята, кто посерьезнее, активно участвовали в занятиях, другие были менее внимательны. Некоторые, сидевшие поближе к печке, даже засыпали. Приходилось вопросом будить, чтоб слушали.

С командирами орудий и с радистами занимались командиры взводов или начальник боепитания полка. Но с ними шли занятия отдельно.

После занятий с котелками, которые имелись у каждого, шли на обед к полевой кухне. После обеда – работа в парке с танками. Так день за днем продвигалась наша подготовка к фронту.

Население нас приняло очень радушно, мы отвечали им тем же. Нам с командиром роты старшина приносил обед в котелках на квартиру. У хозяина квартиры было двое малышей: Гера и Лева. Мы их угощали от своих обедов. Как только старшина Загрядский войдет с котелками, мы звали их, и они – бесштанная команда – прибежали к нам с кружками за своей долей. Было что-то семейное во всем этом.

Хозяин Николай работал слесарем на оборонном заводе в Сормово по 10 часов, приходил поздно. Жена его с сестренкой были домохозяйками. Сестренка – школьница. Дostatка в семье большого не было, военная пора, поэтому наше дополнительное питание ребятам принималось с благодарностью. Мать хозяйки была уже пожилая. Как-то лет через 20, году в 1964 или 1965, мне пришлось бывать в командировке в Горьком. Я выкроил время и заскочил на свою военную квартиру. Очень хозяева мне были рады. Еще жива была, кажется, бабушка ребят (мы ее звали мамашей, наши-то мамы – моя и Якова Ивановича – были в оккупации в это время). Сходил я и на то незабываемое место, где стояли наши танки – в овражек.

А тогда, в марте 1943 г., когда полк получил команду к отправке на фронт, население поселка Починки высыпало на улицу проводить нас. Другие экипажи тоже, думаю, свыклись, сдружились с хозяйскими семьями. Провожали нас радушно, многие плакали: понимали, куда едем. А было это, как мне напомнили мои бывшие хозяева, 8 марта 1943 г. Ребята, Лева и Гера, в шестидесятых годах служили в армии в районе Москвы, и когда мать их Граня ездила к ним повидаться, то заезжала повидаться и в семью Масного. Так война сблизила людей. Военные годы очень памятливы.

Погрузились мы в марте 1943 г. с танками на платформы и тронулись на фронт. Перед погрузкой был небольшой инцидент.

Один наш механик по неосторожности сбил телеграфный столб. Я переживал, что будут претензии, но обошлось. По ходу движения по названиям станций угадывали направление, куда едем. Проехали Москву и

поняли, что едем на север. Дня через 2-3 под вечер разгрузились на одной из станций в расположении Волховского фронта. В лесочек переехали. Утром командиры поехали на рекогносцировку местности, где предстояло пойти в бой. А я с экипажами принялся приводить танки в готовность к маршу. Спешили заправить горючим, маслом, если надо, подрегулировать. Ждали боя. Каждый, конечно, по-своему переживал – кто молча, кто браво.

Приехал в этот день в полк незнакомый генерал, наверное, посмотреть танки, познакомиться с их возможностями. Тот механик, что сшиб столб в г. Горьком, подбегает к генералу и браво спрашивает: «Товарищ генерал, скоро, что ль, воевать будем?». Генерал спокойно ответил: «Не волнуйся, не успеешь переночевать, как будешь воевать». Механик, как я почувствовал, не обрадовался такой перспективе. Бравое настроение исчезло. Наверное, хотелось еще отдохнуть маленько. Но генерал, очевидно, знал обстановку. Приехали командиры с рекогносцировки под вечер, а в ночь полк выехал к фронту.

Всю ночь ехали по подготовленной заранее бревенчатой дороге, ведь места болотистые. У «бравого» механика были неполадки с машиной. На стоянке все время дергались гусеницы – наверное, прихватывали тормозные колодки. Несколько раз на остановках я регулировал бортовые тормоза – не помогало. В конце концов механик заявил: «Я самотрегулирую». «Пожалуйста, регулируй», – ответил я. И он взялся. Да только опыта не имел. В результате ему прихватило палец тормозным барабаном. Поднялся вопль: «Ой, мама родная!». Пришли заместители командира полка. Зам. по строевой майор Леонтьев Я.С. обратился ко мне с упреком: «Вывел механика из строя!». Я говорю: «Он сам взялся регулировать». А пострадавший подходит ко мне и спрашивает озабоченно: «Кто ж теперь поведет танк в бой?». Я ему ответил: «Не волнуйся, у тебя есть помощник, вот он и поведет». Подошел ко мне начальник СМЕРШ полка (так назывался уполномоченный КГБ) и задает вопрос: «А не симуляция ли это у механика?». Я ответил, что на такой вопрос скорее врач может дать ответ. Механик, очевидно, слышал наш разговор и через несколько минут подходит и заявляет: «Я сам поведу танк в бой». Коротко я рассказал этот эпизод, а на самом деле я еле сообразил, как высвободить палец механика, который защемило ему тормозным барабаном. Попросил всех уйти от танка и дать мне возможность собраться с мыслями, чтобы принять решение. Высвободили, перевязали и тронулись дальше.

Часов в 5-6 утра остановка на выжидательных позициях. Подъехала полевая кухня. Завтрак. Экипажам дали по бутылке водки на каждый танк. Мне предложили выпить, и как раз тогда, когда я собирался с мыслями, как отрегулировать у другого танка главную муфту сцепления (главный фрикцион), потому что механик другого танка подошел ко мне и говорит: «Товарищ помпотех, у меня танк на второй скорости не трогается с места, пробуксовывает фрикцион». Для меня это было, как гром среди ясного неба. Никогда мне не приходилось делать такую регулировку, т.к. не было необходимости. На боевых машинах не разрешалось проводить учебные регулировки, а учебной машины не было. На трезвую голову я вспомнил всю

последовательность регулировки (я ее не раз рассказывал устно всем механикам и требовал повторения, чтоб убедиться, что запомнили). Начал делать регулировку, спешил, конечно, т.к. скоро надо ехать танкам, и когда через несколько минут сказал механику: «Ну, пробуй», он попробовал тронуться и показывает большой палец: «Порядок!». У меня на душе отлегло: «Пронесло». Но выпить так и не пришлось, чему я рад до сих пор. Трезвым быть лучше.

Дали команду на марш к исходным позициям, откуда предстояло танкам идти в бой. Завели танки, поехали. А перед этим наша артиллерия уже открыла артподготовку, чтоб гул танков не очень слышен был и чтоб поразить намеченные цели у противника. По ходу движения механик, который прищемил палец, съехал с настила дороги и забуксовал в болоте. Я хлопотал, как его вызволить. Но помпотех полка подъехал вскоре и приказал мне догонять ушедшие вперед танки роты. «А с этим танком мы займемся», – сказал он мне. Об этом я уже писал в воспоминаниях о техчасти полка. Пришлось мне очень спешить, чтоб догнать ушедшие машины.

Но тут произошел конфуз для всего полка. Впереди по ходу движения танки должны были форсировать небольшой ручей, а за ним пойти в атаку на вражеские траншеи. Местность у ручья болотистая, март принес оттепель, и многие танки увязли в болоте после форсирования ручья на виду у противника. Фашисты стали интенсивно обстреливать местность. Несколько танков еще не переезжали ручей, в том числе и танк моего командира 4-й роты. Я подбежал к его танку, не совсем еще понимая обстановку. Он сказал мне о застрявших танках, в том числе и нашей роты, и попросил меня посмотреть впереди справа мостик, можно ли по нему проехать танком. Я побежал к мостику, посмотрел и решил, что можно. Вернулся, доложил. Командир попросил меня провести танк, идя впереди него. Поехали. У моста я повернулся лицом к танку и стал по ходу движения показывать руками, куда надо повернуть машину, чтоб правильно провести ее по мосту. Попросил механика открыть смотровой люк, чтоб ему было виднее улавливать мои команды. Но он не открыл, а продолжал ехать и смотреть за мной через триплекс (смотровую щель, защищенную толстым слоем плексигласа). По-моему, это и послужило причиной того, что механик в один из моментов повернул танк не в ту сторону, куда я показал, а в противоположную и, съехав одной гусеницей с мостика, застрял, забуксовал. Это было трагедией для нас. Последний танк роты застрял. Я, конечно, ругался на механика за то, что не открыл люк, не разглядел моей команды. Он оправдывался, но это не спасло уже положения. А поскольку обстрел еще продолжался, пришлось мне влезть в танк к экипажу, чтоб не быть раненым или убитым.

У немцев был обычай стрелять по расписанию, в определенное время, как говорится, «от и до». После того, как прекратился обстрел, я вылез из танка и пошел к другим застрявшим танкам. Экипажи их тоже вышли из машин и обсуждали, как выбраться из болота. Вместе приняли решение выбираться поочередно методом подвязки бревна к гусеницам сзади танка.

Теоретически мы к этому были готовы, хотя на практике не пробовали, т.к. в болотистые места попали впервые. Не один день ушел, пока мы вызволили из болота 3 танка. Потом надо было очистить их от грязи, просушить хоть немного, а точнее ждать, пока вода выльется и танк просохнет. Обстановка не простая. Противник методически возобновлял обстрел. Приноровились к его расписанию обстрелов. Ночевали, конечно, в танках. Командиру полка пришлось отправлять танки в бой партиями, т.к. массированная атака всем полком сорвалась. Он был, конечно, не в себе от той неудачи. Первый бой получился, как первый блин, комом.

В начале атаки командир 1-й роты капитан Демидюк Николай Терентьевич выскочил из своего застрявшего танка и хотел пересесть на другой танк своей роты, благополучно прошедший болото, но попал под пулеметную очередь и погиб. В бой пошли танки, проехавшие болото, под командованием командира 2-й роты капитана Белогуба Николая Даниловича. Противника выбили из первых траншей, и он отступил. Танки и пехота преследовали его. Но на каком-то этапе под огнем противника пехота залегла, и танки Белогуба, вышедшие вперед, попали в сложное положение, т.к. их окружала пехота противника. Трудно им пришлось, но они отбивали атаки – и не один день. Об этом утомительном бое начхим полка написал стихотворение. Оно подробно характеризует ситуацию.

В следующие дни была направлена в бой 3-я рота капитана Фалишевского Александра Константиновича. Но момент внезапности и массированности атаки был упущен. Противник закрепился на 2-й линии траншеи и даже пытался контратаковать.

Дня через три настала очередь идти в бой лейтенанту Масному Я.И. уже на танках, вытасканных из болота. Он тоже попал в положение, аналогичное тому, какое было у капитана Белогуба: танки оказались впереди пехоты. Вдобавок и у Белогуба, и у Масного произошли поломки на танках. В тот день, когда пошел в атаку Масный, я, как помпотех роты, пытался вести наблюдение за танками и, поскольку местность неровная, перебежал из траншеи в лощину, потом опять на пригорок подымался. Упустил танки из виду. В одной лощине наткнулся на группу пехотинцев. Спрашиваю: «Не видели, танки не проходили?». Ответили: «Не видели». «Ну, вылезу наверх и посмотрю, есть ли следы танковые», – говорю я и получаю в ответ: «Смотри, танкист, если задумаешь перебежать к немцам, мы тебя на мушку возьмем». «Ничего себе», – думаю. Спрашиваю: «А у вас впереди есть боевое охранение?». – «Нет». – «А чего вы тогда здесь ждете?». – «Ждем, пока дадут команду». Не понравился мне этот разговор. Вылез наверх из лощины, посмотрел по сторонам, следов не обнаружил и решил возвращаться в полк, т.к. дело шло уже к вечеру, а то, думаю, если пойду еще вперед, кокнут меня свои и скажут, что «при попытке к бегству».

Решил идти в штаб полка узнать, какие сведения по радио от Масного Я.И. имеются. По пути, проходя мимо застрявшего на мосту танка Масного Я.И., спросил у командира Светлова, не слышал ли он сигналов по радио от Масного. Он ответил: «Нет». Направился я искать штаб полка в тыл.

Настала ночь – куда идти ночью, не знаю. Решил переночевать в первой попавшейся землянке. Печка стояла в ней. Было и дров немножко. Чуть обогрелся и – спать на настил, который был в землянке.

Утром пошел на поиски штаба и вскоре нашел его. Обрадовался полученным сведениям о том, что автоматчики полка ходили к танку Белогуба и там узнали, что Масный со своим танком и танком командира взвода Алыбина немного дальше прошли в сторону немцев, но тоже без поддержки пехоты заняли круговую оборону, т.к. у одного танка сели аккумуляторы, а у другого порвалась гусеница. Другие два танка (Головина и Кашеева) отстали раньше из-за повреждений. Запотех полка капитан Вишневский дал мне аккумуляторы и нужные запчасти для танков Масного Я.И и четырех солдат-автоматчиков и сказал, что к Белогубу тоже пойдет группа автоматчиков с продуктами и необходимыми запчастями. Всем идти вместе до танка Белогуба, а потом мне с группой идти к Масному. Это было веселей.

С наступлением темноты прошли свой бывший передний край и двинулись к своим танкам. Автоматчики, которые знали дорогу, шли впереди. Дошли до танка Белогуба (он стоял в ложине), обрадовались встрече и мы, и они. Поговорили. Белогуб сориентировал, как пройти к Масному. Но тут один из назначенных в мою группу заявил: «Я не пойду». «Как это не пойдешь?», – вспыхнул я. – «Тебя назначили, и ты шел с нами. Ведь мы без тебя не сможем донести то, что положено». Я вспыхнул не на шутку. А шуметь-то нельзя: недалеко немцы. Белогуб меня стал успокаивать. Тут один из солдат, который должен был идти только к Белогубу, изъявил согласие пойти вместо отказавшегося. Минут через 15-20 мы доползли до Масного, т.к. уже надо было двигаться осторожнее – могли нарваться на противника, на его засаду. Передали запчасти, аккумуляторы, немного поговорили.

Масный сказал, что остальную работу они сделают сами, и порекомендовал мне с группой возвращаться обратно пока не рассвело, что мы и выполнили. Танки группы Масного стояли в небольшой котловине, заняли круговую оборону и помогали друг другу.

Вернувшись снова в штаб, мы доложили о результатах похода и легли спать. А проснувшись, узнали, что всем танкам была дана команда вернуться в полк, а танк, на котором был Масный, немцы подожгли. В момент, когда танк переезжал траншею, выстрелом бронебойного снаряда было пробито днище в моторном или трансмиссионном отделении, и танк загорелся. Но в экипаже никто не пострадал, все покинули танк. Масный и все члены его экипажа, конечно, тяжело пережили этот случай, но оказались живы, и это радовало нас.

Бой на этом закончился. Обе воюющие стороны перешли к обороне. Надо было ремонтировать машины, пополнить людской состав, отдохнуть, готовиться к следующим боям, сделать вывод из первого неудачного боя, не сложившегося взаимодействия родов войск, неумения танкистов воевать в

болотистой местности и многое другое. Много позднее в поэмах А.Т. Твардовского прочитал я такие строки:

Артиллерия толково
 Говорит, она права:
 «Вся беда, что танки снова
 В лес свернули по дрова».
 А еще сложнее счеты –
 Чуть танкиста повстречал:
 «Подвела опять пехота:
 Залегла, пропал запал».
 А пехота не хвастливо,
 Без отрыва от земли,
 Лишь махнет рукой лениво:
 «Точно танки подвели».
 Так идет оно по кругу,
 И ругают все друг друга,
 Лишь в согласье все подряд
 Авиацию бранят.

Это про наш первый бой очень подходит. А то, что меня пехотинцы предупреждали: «Смотри, не вздумай перебежать», тоже несколько разъяснилось мне. Дело в том, что на Волховском фронте генерал Власов допустил предательский переход на сторону немцев где-то в 1941-42 г., и это отразилось на психологии многих на фронте.

Застрявший на мостике танк Масного вытащили потом на буксире одним из танков, вызволенных из болота. Методом подвязки бревна его нельзя было вытащить, т.к. позади у него был ручей, а не твердый грунт. Он еще больше завяз бы с бревном. Танк, на котором механик защемил палец, тоже еще раз попадал вчуждую: на спуске с горы юзом пошел вправо, и спасло его дерево, в которое он уперся. Потом его на буксире вызволили, но, пытаясь переехать заболоченный участок, он поехал не совсем правильно и подорвался на mine. Кстати, никто из экипажа не был выведен из строя. Отделались ушибами, в том числе и механик, а ведь он сидит впереди танка и принимает большую часть удара от взрыва мины на себя. В общем, в этой боевой операции было меньше боя, чем эвакуации. Экипаж капитана Белогуба был награжден орденами Красного Знамени. Я из этого экипажа больше запомнил механика Перепелицу. Хороший боевой парень.

По окончании боев нас вывели в лес, устроили всем баню. Надо было устранить неисправности на танках. В нашей роте у 2 танков вышли из строя 2 каретки ходовой части. В запчастях их не оказалось. Решили снять каретки со сгоревшего танка комвзвода 1-й роты – моего хорошего приятеля Васи Кульдина. Познакомились мы с Васей еще в Горьком, чем-то он мне понравился: скромный, симпатичный лейтенант. Его танк во время боя стал утюжить немецкую траншею, чтоб подавить гитлеровцев, но был подожжен немцами, очевидно, из противотанковых пушек. Немцы из траншей были выбиты, но экипаж танка погиб. Спасся только радист, но был тяжело ранен.

Это я узнал уже, читая историю полка. Поскольку переправу через ручей роты осуществляли поочередно, он первым переехал благополучно, за ним еще несколько танков. Но они же и размесили дорогу на болоте, и последующие танки на ней застревают. А сделать и обозначить несколько проходов в минном поле, наверное, не догадались. Это, надо полагать, и послужило причиной застревания в болоте. Ведь надо было больше разминировать поле и обозначить больше проходов. Так я думаю. Но поговорка говорит: «Все умны задним умом». На будущее это, думаю, было учтено. Другие боевые эпизоды я не берусь описывать, нет у меня основания, ведь пишу по памяти и в основном о своей роте № 4.

Для того, чтоб снять и принести со сгоревшего танка каретки, мне выделили 8 человек танкистов и автоматчиков. Из них я запомнил только одного радиста Монахова. Родом из Москвы, он был самый пожилой (около 40 лет). Пришли мы к танку В. Кульдина. Вторые траншеи, на которых немцы закрепились, были на видимом расстоянии. Нас предупредили, чтоб не высывались из траншеи – особенно у танка, т.к. немецкие снайперы стреляют по танку, и уже были жертвы. Учли это и стали снимать каретки снизу, работая из траншеи под танком. Нам удалось снять их. А нести их было можно только вчетвером, используя металлические ломы. Вначале надо было прокатить, протащить по траншее до безопасного выхода, не видимого немцами. Это метров 100-200. Первую каретку пронесли удачно. Я шел вслед, за мной вторая группа несла каретку, иногда катили на катках.

Вдруг слышу, они зовут: «Помпотех, не можем протащить каретку, броневой лист мешает». Я вернулся, высказал удивление: «Как же первая четверка протащила каретку? Им не мешало, а вам что-то мешает». Показали мне на металлический лист толщиной 4-5 мм, торчавший в траншею из ячейки для связиста. Я говорю: «Ну, давайте его примем из траншеи». Это была ошибка трагическая. Стали лист убирать, и раздался взрыв большой силы. Я упал, в голове шум, в ушах боль. Опомился, поднялся, огляделся, смотрю – один солдат побежал назад к танку, радист Монахов ранен, просит помощи, третий солдат пытается ему помочь. И не вижу, где четвертый солдат. Огляделся, а он справа от меня, на бруствере траншеи, выше моей головы. Силой взрыва его подбросило вверх. Тело его было уже безжизненно: убит. Ребята из первой группы кричат мне: «Лейтенант, пригибайтесь, это по танку стреляют немцы». Им было непонятно, что произошло. Пришлось мне их позвать на помощь, чтоб нести в полк убитого и раненого. Каретки мы решили оставить в траншее. Солдат, который побежал к танку, оказался так сильно контуженным, что потерял слух совсем, и был невменяем. Он только мог идти, но нести не мог. Я на левое ухо не слышал. Разобрались. Поняли, что броневой лист был специально заминирован немцами при отступлении. Они приготовили нам «сюрприз». А мы на него «клюнули» и понесли потери.

Сержант Монахов, пока его несли, все время стонал и вспоминал жену: «Машенька, как же ты без меня будешь?». Не о себе думал в тяжелую минуту. Раненого и сильно контуженного отправили в госпиталь. Убитого

похоронили. Я остался в части. Недели 3-4 не слышал на левое ухо, потом постепенно слух восстановился. За снятыми каретками больше не ходили. Получили сведения, что на армейские склады поступили из Англии запчасти для танков, есть там и новые каретки для танка «Черчилль». Потери наши оказались напрасными. Иногда думаю: «А что, если эти каретки прибыли на склады еще до нашего похода к сгоревшему танку? Тогда потери наши – следствие головоуятия снабженца». И не хочется согласиться с этой мыслью. Все-таки люди в снабжении техчасти были, вроде, серьезные, ответственные, хотя я их тогда и не очень знал.

Пытался я уже после войны разыскать Монахова или его семью, узнать судьбу. Успеха не имел.

А ухом я стал слышать через месяц. Пошли в баню, и, когда мылся, наверное, мыла много в ухо попало. Почувствовал нестерпимую боль. Водой промыл тщательно и бросил баню, ушел. Но постепенно боль проходила, а след и поныне врач на медосмотре иногда находит. Говорит: «Пробки серные в левом ухе образуются». Причину я знаю.

Потери убитыми в полку за мартовскую операцию составили 22 человека. Это я записал в архиве в г. Подольске в 1998 г. Эту операцию мы считали как боевое крещение, а прошла она под селом Карбусель. Его мы многие запомнили по названию, но едва ли видели на местности. Я не видел.

Примерно месяца через полтора полк наш перебросили (передислоцировали) на север недалеко от села Путилово. Местечко это на карте называлось Апраксин Городок. Только городка мы не видели, и есть ли он сейчас, не знаю. На западном берегу речушки Назия заняли мы оборону. Танки врыли в землю (капониры). Пушки направили в сторону противника. У каждого танка свой сектор обстрела, за который он нес ответственность. А общая задача – не позволить немцам перерезать дорогу железную, однокорейную, по которой снабжался блокадный Ленинград. Ее спешно построили зимой 1943 г. после прорыва блокады Ленинграда. До этого «Дорога жизни» проходила в Ленинград по льду Ладожского озера. Пришла весна, лед растаял, и теперь железная дорога выполняла свою спасительную для Ленинграда и Ленинградского фронта роль. Мы и другие части пехоты, артиллерии ее охраняли. Немцы вели обстрел систематически, но попытки перерезать дорогу не предприняли. Наверное, сил не хватало.

Настал май, июнь и т.д. Мы уже чувствовали наступившее тепло. Экипажи оборудовали около танков землянки. Мы немного вздохнули. Днем занятия по экипажам, уход за машинами. Начпрод полка Мальцев Николай Яковлевич всегда имел при себе фотоаппарат и любезно выполнял просьбы однополчан сфотографировать. Однажды и мне дал аппарат, чтоб я сфотографировал у танка Масного, его и политрука Михайлова П.М., что я и сделал. А он отпечатал фото. Его я прилагаю, а фотографии экипажей других танков, кого найду, попытаюсь тоже приложить. Но за ними надо ехать в архив в г. Подольск. Там в истории полка я видел их, но переснять было некому.

Как помпотех роты я представлял из себя единицу, которая в разное время приклеивалась то к одному экипажу, то к другому. В тесноте – не в обиде. В мартовскую операцию я по привычке еще из г. Горького приобщался к экипажу комроты Масного Я.И. А с мая я пристроился к экипажу командира 1-го взвода Головина Александра Федоровича. Мне очень понравился этот дружный экипаж – семья армейская. Люди были разные по возрасту и характерам, но сплоченные в армейском быту. Командир Головин – спокойный, вдумчивый, на год-два старше меня, был приятным собеседником. Во многом было у нас взаимопонимание. Механик-водитель – Лисицын Александр Павлович, парторг роты. Его помощник – Заградский Алексей Иванович, старшина роты. Командир орудия – Полунадеждин Петр Сергеевич, старший по возрасту (ему было за 40 лет уже), рязанский колхозник, хозяйственник. Радист – Николай Доценко, лет девятнадцати, самый молодой, но с украинской деловой хваткой. Полунадеждин часто ему говорил: «Кончится война, Колька, поедем ко мне в зятя. У меня дочь – твоя ровесница, поженим вас». Это было очень приятно обоим, хотя воспринималось, как шутка.

Как во всякой семье были иногда и мелкие стычки. Одну я слышал. Проводился очередной техход танку: очистка от пыли, смазка, регулировка и т.д. У каждого свой фронт работ: у механика-водителя – отделение управления, у помощника – моторное отделение, у комвзвода – общее руководство, у коморудия – пушка, пулемет, миномет, ему помогает и командир, у радиста – трансмиссионное отделение (за рацией работы ведь немного). Итак, механик-водитель и радист в противоположных концах танка – один спереди, другой сзади. И вот Лисицын кричит: «Колька!», тот отвечает: «А!» и получает вопрос: «Антуль датуль сколько?». Колька сердится и отвечает: «Да иди ты к гадам». Остальные хохочут. Я понял, что это повторялось не раз. Как только Колька забудется, снова его механик позовет аналогичным вопросом. А чувствовалась семейственность во всем. Танк был образцовым и экипаж тоже. Быть бы такому экипажу много лет. Но война распорядилась по-своему.

В середине лета в полк прибыли маршал Тимошенко Константин Семенович и командующий фронтом Мерецков Кирилл Афанасьевич. Осмотрели танки, интересовались их возможностями: рацией, вооружением, маневренностью и т.д. О рации докладывал радист Власенко Николай Михайлович. Масного Я.И. попросили сделать выстрел из миномета дымовой миной, чтоб оценить плотность и ширину дымовой завесы, которую можно создать. Мы поняли, что вскоре это потребуется, т.е. будут бои. С маршалом и генералом армии была свита офицеров. Все тронулись к тому месту, где упала мина. Я по своей простоте тоже присоединился. Интересно было посмотреть. Увлекся и не заметил, что все начали отставать, наверное, кто-то надоумил. Я приблизился к маршалу, мы шли вдвоем впереди. Оглянулся – сзади никого, рядом тоже – и только тут смекнул, что попал вчуждую. Маршалу нужно было одиночество, а я создал компанию. Я повернулся и пошел к остальным. Меня встретили лукавыми взглядами. Но

недолго улыбались, ухмылялись – наверное, одобрили, что сам догадался, не надо было окликать.

Через неделю-другую была дана команда идти танкам к исходным позициям, т.е. поближе к нашему переднему краю, а оттуда, после согласования с пехотой, начинать совместное наступление на передний край (траншеи) немцев. Рота наша наступать должна была отдельно от других в направлении сел Гайтолово, Тортолово (неподалеку от г. Мга), другие роты полка – южнее у села Мишкино. Эти названия запомнились, хотя самих сел я и не видел.

Рано утром началась наша артиллерийская подготовка к наступлению. Под гул канонады танки, выйдя из капониров и построившись в колонну, двинулись к нашему переднему краю. Вскоре немцы открыли стрельбу из артиллерии и минометов по ходу нашего движения. Из танка комроты, шедшего впереди, был сделан выстрел из миномета дымовой миной (шашкой), чтоб создать завесу с учетом ветра для скрытия танков от немцев. Другие танки сделали тоже по несколько выстрелов. Дымовая завеса была сделана. Но немцы стреляли все больше, разрывы приближались по ходу нашего движения. Немцы знали хорошо эту местность, т.к. раньше ее занимали, пристреляли маршрут движения, тем более что он был узким из-за частых болот.

Я, как всегда, ехал сверху на последнем танке роты. Прятался за башню от разрывов снарядов то с одной стороны, то с другой. Экипаж танка вспомнил про меня. Командир танка младший лейтенант Балятинский открыл люк в башне и позвал: «Идите к нам в башню, а то Вас тут убьет». Я с удовольствием воспользовался приглашением и влез в танк. Минут через 10-15 остановились: впереди наши траншеи. Командир роты побежал к командиру пехотного батальона в блиндаж для согласования действий на атаку. Обстрел с немецкой стороны усилился, включилась дальнобойная артиллерия. Это мы почувствовали по силе разрывов. Вокруг поднимались столбы земли. Это нам докладывал командир танка. Он смотрел в перископы. Спустя некоторое время предлагает мне Балятинский: «Ну, теперь Вы вылезайте, т.к. скоро дадут команду в атаку». Я ему отвечаю: «Вот как дадут, так и вылезу, а пока у Вас посижу, все-таки защита от осколков».

Но вскоре раздался самый сильный взрыв, а за ним последовала команда «В атаку вперед!». Я выскочил из танка и побежал в близлежащую траншею. Там встретился с командиром 2-го танкового взвода лейтенантом Челышевым (он после мартовской операции пришел к нам в роту вместо лейтенанта Алыбина, ушедшего служить в хозяйственную часть полка). Челышев был в состоянии сильнейшей тревоги, лицо черное, глаза напуганные. Я спросил, что случилось, и он рассказал: «Навесным снарядом попало в люк механика-водителя Якушева. Пробило люк. Механика взрывом разнесло в клочки, только ноги остались на педалях. Остальные члены экипажа отделались контузией, ранениями, но были живы. Танк выведен из строя». Танки лейтенантов Головина и Кашеева тоже пострадали, но менее сильно. В экипажах все живы. Но есть небольшие поломки от взрывов, которые надо

устранять. Два оставшиеся танка пошли в атаку, перешли наш передний край и вели бой на нейтральной полосе.

Всех деталей боя я, конечно, рассказать не могу. Это лучше знал командир роты. На мне, как на зампотехе (так стали теперь называться бывшие помпотехи), лежала ответственность и забота оказать всем при необходимости возможную техническую помощь. А она к исходу дня сложилась такая:

1) Танк командира роты, поскольку не удалось выбить немцев из траншеи, стал сдавать назад (на задней передаче) и угодил в траншею как раз на повороте одной гусеницей. Засел. Ему нужна была помощь. Оборвалась гусеница на правом направляющем колесе (очевидно, от разрыва мины).

2) Танк Балятинского был подбит на нейтральной полосе, и тоже гусеница порвалась, кроме того, сели аккумуляторы (разрядились).

С этими двумя танками мне пришлось хлопотать больше недели, чтоб их вызволить. Другие танки – лейтенанта Челышева, лейтенанта Кашеева и лейтенанта Головина – удалось отремонтировать быстрее. Требовалось восстановить на них гусеницы. Потом тягачами их на буксире увезли. Очень рады мы были, что ветер был попутный, т.к. противник, услышав шум, открывал огонь, да и днем донимал постоянно. Сейчас говорить просто, а тогда делать было очень сложно. Сложнее было с оставшимися двумя. Я вначале надеялся, что еще будут пытаться наступать и отгонять немцев, тогда нам свободнее будет работать, не будут по нам стрелять из пулеметов, автоматов. Но надежда эта не сбылась.

Поступила команда от командира полка ускорить эвакуацию танков. Нам дали в помощь саперов, чтоб выполнять земляные работы, а именно: а) к танку Балятинского прорыть траншейку, чтоб можно было и днем проползать к нему, подтаскивать, что надо; б) танк Масного надо было врыть в землю, а впереди насыпать земляной вал, чтоб нас, работающих, не видел противник. И это больше ночью приходилось делать, т.к. днем бросишь землю, противник видит и открывает огонь. Расстояние между нашими и немецкими траншеями было небольшое (150-200 метров), болота не давали большей возможности.

Сложность составляли и короткие ленинградские белые ночи. Когда-то А.С. Пушкин с восторгом писал о них, что «одна заря сменить другую спешит, дав ночи полчаса». А нам куда бы лучше было, чтоб ночь была длиной 10-12 часов. Ругались мы на эти белые ночи, но делать нечего.

Было у меня и облегчение в сравнении с мартовской операцией. В помощь зампотеху введена была должность механика-регулировщика. Им стал очень хороший, работающий старшина Загрядский Алексей Иванович. Был у меня и связной Родионов (впоследствии офицер). Короче, ночи использовали мы в полную силу, а днем отдыхали, где придется. Тяжкая была работа. Дни жаркие – июль. Воды напиться негде. К колодцам не пройти, а в болоте вода тухлая. Даже по нужде сходить проблема: все открыто, нет укрытия.

Чтоб соединить гусеницу у танка Балятинского, пришлось, работая под танком, обматывать кувалду тряпками, чтоб не было слышно звуков противнику, иначе на стук он открывал огонь по танку, да еще трассирующими пулями. На нервы это действовало сильней. Но, так или иначе, Балятинского мы вызволили, а когда двигатель завели, чтоб уезжать, немцы такой «концерт» устроили из всех видов оружия – незабываемый. Но уехали, хотя и еще был один конфуз. Но тут сами виноваты.

Такой же «концерт» немцы дали и тогда, когда Масного танк вызволили, и он убыл в полк, правда, с помощью тягача. Спустя 40 лет я был у Масного в гостях на День Победы. Он за столом гостям рассказывал о войне шутливо: «Я, бывало, один день в бой схожу, а зампотеху на месяц работы хватает» и он был недалек от истины. Гости посмеялись и я тоже. За столом легче смеяться. А тогда это была наша победа, зампотеховская, техническая, самая трудная для меня за всю войну. Бои такие назывались в сводках Информбюро «боями местного значения». Но на мой взгляд, они самые трудные.

В это время на юге на Украине наши войска, наступая, форсировали Днепр. В газетах среди фамилий награжденных воинов я встретил знакомую: Мысин Александр Павлович получил звание Героя Советского Союза. Читал и думал: «Неужели это Сашка, мой однокашник по педагогическому училищу?». Усомнился, было, но, с другой стороны, подумал: «Не может быть совпадения и фамилии, и имени, и отчества». Позже убедился, что это был он. Очень рад был я за него и за то, что услышал весточку о нем. Мы были близкими друзьями. Спустя три с лишним десятилетия я узнал его адрес, писал ему поздравительное письмо, получил ответ: «Неужели это ты, с которым я учился в педучилище?». Я ответил ему, но больше писем не было. А сейчас это дальше зарубежье – Рига.

Ну, я увлекся односторонне. Надо рассказать о судьбе экипажа Головина – о судьбе горькой, печальной, но поучительной. После того, как танки Челышева, Кащеева и Головина были эвакуированы и в тылу отремонтированы еще лучше, танк Головина перебросили на другое направление – под Мишкино, где были остальные роты полка.

Там тоже шли бои «местного значения». В одну из атак на танк Головина сел командир роты – бывший политрук 1-й роты Донгузов, а Головина высадил. Очевидно, Головин решил пожалеть своего 40-летнего командира орудия Полунадеждина, которого весь экипаж уважал как старшего по возрасту. Он сказал: «Давай, старина, я за тебя съезжу в бой. У тебя семья большая, а у меня никого, кроме жены, нет» и поехал... Танк прошел, стреляя из всех видов оружия, через передний край немцев, подавляя на пути сопротивление огневых точек противника, но пехота под мощным пулеметным огнем враз залегла. Отсекли ее немцы от танка. А танк шел вперед, продолжая стрелять, и скрылся из виду нашего командования, а потом оборвалась и связь с ним. Что произошло с ним, осталось неизвестно. Об этом мне рассказал Полунадеждин уже на 1-м Белорусском фронте спустя год. А через 40 лет я, будучи в архиве в г. Подольске, узнал адреса Головина,

Доценко, точнее, военкоматов, которыми они были призваны в армию. Написал письма с запросами об их судьбе и получил одинаковые ответы: «Пропали без вести». Писал и в семью Полунадеждина по адресу военной поры, но ответа не получил. Прошло уже слишком много времени.

На послевоенных встречах однополчан в 80-е и 90-е гг. я задавал вопрос командиру полка (бывшему) Величко Павлу Евстигнеевичу: «Почему эти летние бои на Волховском фронте были самыми тяжелыми, не принесшими никакого удовлетворения, хотя назывались скромно «бои местного значения?». Он ответил мне: «Для наступления серьезного у нас не было сил, но требовалось изобразить наступление, сковать силы врага, перемолоть их, не дать ему перебросить их на юг, где на Днестре разыгрывались главные решающие сражения». Тогда я и понял, почему я, находясь на передовом крае в траншее, больше двух недель не видел массивного наступления солдат. И в траншеях их было немного. Но, следовательно, мы выполнили поставленную задачу, раз на юге, на Днестре, был успех. Выполнили и другую задачу: обеспечили бесперебойное снабжение Ленинграда по той железной дороге, которую охраняли. Только танки «Черчилль» и их обеспечение со стороны Англии желали много лучшего. Например, в прошедших двух операциях не было поставлено Англией осколочных снарядов, а только бронебойные, которыми можно поразить танк, пушку и другое вооружение, но неэффективно применять против пехоты – на каждого немецкого солдата тратить один снаряд, поскольку он не дает осколков. Лейтенант Балятинский очень сожалел, что на каждого гитлеровца расходовать надо было 1 снаряд. Это снижало боевую мощь танка. Гусеницы тоже были очень слабы, рвались даже от пехотной мины.

В первой Карбусельской операции командиром нашего полка был подполковник Шутов Степан Федорович. Человек он был суровый, чересчур требовательный к подчиненным, но не к себе, в обхождении не очень коммуникабельный.

Во второй операции летом 1943 г. полком командовал подполковник Величко Павел Евстигнеевич. После летних боев 1943 г. полк был выведен на отдых и расположился в лесу недалеко от села Путилово. Здесь оставшиеся танки были замаскированы с воздуха. Экипажи вырыли и оборудовали себе землянки. Началась учеба, отдых, подготовка к следующим боям. Новый командир полка оказался человеком очень гуманным, хотя и требовательным, спокойным, обходительным, вдумчивым, культурным. Мне он очень понравился. Я с удовольствием с ним встречался, когда он вызывал, и уходил удовлетворенным, чувствовал себя понятым. Внешне он выглядел всегда аккуратным, насколько позволяла обстановка. С ним прибыла в полк и его жена Людмила Андреевна. Она была санитаром, служила в санчасти полка.

Быстро построили на новом месте баню, столовую для офицеров, она же служила и клубом. Мой комроты Масный Я.И. очень восторженно отзывался о всех этих мероприятиях. Как человек общительный, он быстро

сходился в общении с другими офицерами, в том числе и старшими по званию. Ему, по-моему, я обязан тем, что скоро вошел в круг офицерский, хотя я всегда чувствовал себя приписником, а не кадровым офицером.

Командир полка стремился ко всему передовому, подхватывал каждую новую идею. В это время в прессе часто выступал старый генерал бывшей царской армии Игнатъев, рассказывал о славных офицерских традициях, и в полку они подхватывались. Кажется, в это время были введены и погоны.

Дружен был мой командир роты и с работниками штаба, с партийным и комсомольским руководством. Возможно, это способствовало и моему сближению с ними.

После 1-го боя парторг полка капитан Турлаев Михаил Васильевич предложил мне вступить в партию. Я охотно согласился. Приняли в кандидаты. А перед вторыми боями приняли в члены партии. Причем торопил меня парторг. Он объяснял это так: «В вашей 4-й роте парторгом является механик-водитель Лисицын. Он хороший человек и механик-водитель. Но по характеру своей должности он не может общаться со всеми коммунистами роты достаточно часто. Он сел в свой танк и поехал. Других не видит. Тебе надо быть парторгом. Ты со всеми экипажами общаешься». Убедил он меня и коммунистов роты, я был избран парторгом роты и, по сути, до конца войны оставался им, пока был в роте.

Хочется рассказать еще о двух офицерах роты – командирах танков Светлове Василии Андреевиче и Кащееве Василии Спиридоновиче. Первый был лейтенантом, командиром танка у командира роты, второй, младший лейтенант – командир танка в 1-м взводе (у Головина). Оба учились в одном танковом училище, служили в одной роте нашей и были неразлучными друзьями, хотя не раз спорили друг с другом. Светлов – спокойный, медлительный, даже несколько флегматичный, Кащеев – напротив, эмоциональный, зачастую вспыльчивый, но рассудительный. Они хорошо дополняли друг друга. Со мной были в близких дружественных отношениях, часто делились сокровенными мыслями и, по существу, составили костяк 4-й роты до марта-апреля 1945 г. Почему я так говорю «костяк?». Потому что вскоре после освобождения от фашистов г. Новгорода наш полк вывели из боев и отправили на формирование в тыл.

Оставшиеся танки и экипажи передали другому танковому полку, а некоторое количество офицеров и младшего начсостава остались в 50-м полку. Остались и Светлов В.А., и Кащеев В.С., и ряд других. Очевидно, командир полка и начальник штаба решали, кого оставить. Оставлен был и я. Командиром роты к нам назначили капитана Чеботарева Василия Ивановича. Мы быстро с ним познакомились и во многом сошлись, хотя по званию он был выше меня. Балятинский с танком и экипажем убыл в другой полк через несколько дней на автомашинах (они и шоферы в составе роты техобслуживания остались в полку). Мы прибыли на ближайшую железнодорожную станцию для погрузки и следования в тыл. Здесь в ожидании железнодорожного состава под погрузку мы были один или два дня.

Запомнился вечер, на котором командир полка вручал награды воинам. Очень многие были награждены, ведь операция была успешной – Новгород освобожден. Получил и я свой первый орден Красной Звезды. Вручая его мне, командир налил стакан водки, опустил туда орден и сказал: «Вот выпьешь, тогда наденешь и носить будешь». И так всем.

Настроение было приподнятое. Пели песни. Вспоминали погибших друзей и обстоятельства. Радость и горе перемешались. Что поделаешь? Такова война в своей сути, где горе и радость ходят рядом. А песни мы привыкли петь еще перед Новгородом, когда были на отдыхе. Мы пели часто в роте с Масным. В офицерском клубе тоже пытались организовать самодеятельность и что-то получалось. Я там был редко, мне Масный рассказывал. Короче, досуг организовывали сами. Но посещали нас и артисты. Помню, приезжал джаз Утесова и другие. А вообще-то очень справедливы слова одного запомнившегося стихотворения:

Кто сказал, что надо бросить песни на войне?

После боя сердце просит музыки вдвойне!

Погрузились мы в вагоны, автомашины – на платформы и тронулись в тыл. И снова по названиям станций угадывали маршрут движения. Знали его, очевидно, только командир и начальник штаба. Проехали Москву, Серпухов. Значит, едем на юг. В теплушках тоже пели песни, рассказывали эпизоды. Как у Пушкина: «Бойцы вспоминали минувшие дни и битвы, где вместе рубились они». Светлов и Кашеев иногда устраивали в вагоне (теплушке) борьбу между собой. Оба крепкие, сильные. Инициатором был Кашеев, Светлов оборонялся, но искусно и осторожно. Арена-то для борьбы была мала – от двери теплушки нары в 2 этажа с одной и с другой стороны, а между ними печка-«буржуйка», которая отапливала вагон. Так что арена для борьбы – не менее 3-4 кв. метров. Начхим полка капитан Богатырев Петр Михайлович был очень сердобольный и заботливый. Он все время урезонивал борцов: «Юноши, юноши, ну хватит, осторожно, а то головы себе поразбиваете!», а «юношам» энергию-то девать некуда, загоняют в пот друг друга и потом довольные остывают.

Ну вот, приехали мы в Тисницкие лагеря возле г. Тулы. Место для нас освободила какая-то часть, убывшая на фронт. Начались хлопоты учебные. Разбирали прошедшие боевые операции, анализировали успехи и ошибки. Продолжалось это, впрочем, недолго. Помню только 2 выходных воскресенья, в которые мы ездили в г. Тулу. Один раз со Светловым на рынке кушали, подвыпили и угодили в комендатуру. Он буянил, я утихомиривал его. Потом дежурного уговорил, чтоб он нас потихоньку отпустил, дал слово и за себя, и за Светлова, что все будет в порядке. И ускользнули. До лагерей ехали на попутной машине. Протрезвели – прохладно, ведь, зимой.

Где-то в начале февраля получили команду ехать в г. Челябинск за танками. Снова поезд, теплушки. Из нашей 4-й роты – Чеботарев, я, Светлов, Кашеев, Левин, Полунадеждин. Еще был к нам зачислен Бердышев П.А., лейтенант, других не помню. Да и танки-то мы должны были получить с экипажами. Ехали дня 2-3. И снова песни, только в этот раз пришлось петь с

офицерами других рот. Раньше я пел с Масным Я.И., но его нет. Однако спелся с другими хорошо: старший лейтенант Романов Виктор Андреевич из 1-й роты, Ермоленко Иван Андреевич (капитан) из 2-й роты. Всю дорогу днями пели до Челябинска, «захрипели, потеряли голоса». Довольны были. И сейчас, спустя 56 лет, когда я пишу им письма, я обязательно вспоминаю эту поездку и песни. Незабываемо это. Перепели все, что знали – и русские, и украинские песни. Особенно запомнилась чапаевская: «Ты не вейся, черный ворон, над моею головой. Ты добычи не дождешься, черный ворон, я не твой!». Все трое имели на Волховском фронте и ранения, и контузии, и, казалось, эта песня соответствовала настроению: ускользнули от черного ворона.

Сейчас, когда я пишу воспоминания, все трое – инвалиды, уже под 80 лет двоим, а Ермоленко еще больше. Ждем писем, хоть и редких, друг от друга, поддерживаем связь. Они оба, Романов и Ермоленко, закончили войну в Берлине командирами роты. Я был зампотех роты. Перед последней операцией – Берлинской – меня командир полка перевел помощником к зампотеху полка майору Лыкову. Я стал называться помначтех. О товарищах по части я уже написал воспоминания в 1996 г.

А теперь продолжу писать про 4-ю роту. В Челябинске мы пробыли недолго – не больше двух недель. Получили танки, укомплектовали экипажи, провели минимум занятий, в том числе и на полигоне в г. Копейске. Там были стрельбы.

Свой день рождения я отметил в Челябинске, сфотографировались с Чеботаревым и Светловым. Это фото я прилагаю. В свободные от службы вечера ходили в кино, столовые, где иногда и 100 грамм можно было выпить, не больше. Не разрешали больше. Дисциплина была и в столовых военная. Даже успели познакомиться на улице с девушками. Короткое это было знакомство. Но девушки писали нам на фронт письма, мы их ждали и, конечно, отвечали. В этих письмах было то, чего нам не хватало, что разрушила война. Маленькие треугольнички (письма) приносили всегда радость из тыла.

Обратно из Челябинска в Тулу возвращались уже другим порядком. Личный состав, понятно, в теплушках. Танки закреплены на платформах. Песни петь пытались мы с Чеботаревым, моим командиром роты. Получалось. Но пели меньше: появились другие заботы. Запомнилась песня, которая Чеботареву нравилась, а я ее не знал:

Вечер, поезд, вдали горизонт,
 Песня, луна и прощанье.
 Дай же руку, еду на фронт
 И говорю: «До свиданья!
 Еду, еду в танковый полк,
 Честно свой выполню долг».
 Многое в жизни бывает,
 Путь наш суров и далек.
 Кто родину любит, тот знает

Только одну из дорог».

Эту часть я запомнил, а продолжение не запомнилось, а может, это и вся песня...

В лагерях Тисницких началась учеба экипажей, мы ведь получили новые для нас танки ИС-2. До этого я с ними не был знаком. Но моя роль была облегчена тем, что зампотеху роты полагалось иметь двух помощников – механиков-регулирующих. Они прибыли вместе со мной из Челябинска: гвардии старшина Щеглов Василий Николаевич, гвардии старшина Арсентьев Иван Алексеевич. Они знали танк лучше, чем я (в Челябинске изучали его), и я за ними был, как за каменной стеной. Все необходимые регулировки осуществляли они. За мной оставалось общее техническое руководство и, конечно, по-быстрому изучить танк, чтоб не быть профаном.

Старший лейтенант Светлов и лейтенант Кащеев были назначены командирами взводов, лейтенант Бердышев Петр Алексеевич – командиром танка у командира роты. Забыл имена двух других командиров танка. Мало было времени для общения, через месяц выехали на фронт.

Из механиков запомнил тоже не всех: лейтенант Вешкин Геннадий, лейтенант Маркин, Трунов (или Тырнов), Левин, Клименко Василий и все. Работы было много. В воскресенье уже в Тулу не ездили, да и не было их, выходных. Учеба, вождение, регулировки и т.д.

Приезжал в лагерь к нам из Москвы командующий бронетанковыми войсками страны маршал бронетанковых войск Федоренко Я.Н. Роты выезжали на полигон, проводили стрельбы показательные. Мой друг Романов В.А. занял первое место и получил премию от маршала – наручные часы. Это была тогда редкость. Я помню, на Волховском фронте мы пользовались часами, снятыми со щитков управления на танке «Черчилль». Такие и я носил в кармане, наручных не было.

Польская операция

Весной – по-моему, в апреле – выехали на фронт. Снова по названиям станций угадывали, куда едем. Проехали «Лев Толстой» – значит, на юг едем, потом Осиповичи – значит, на запад. Рано утром выглянул в дверь теплушки: «Ровно» – значит, Западная Украина. Запомнились посеиы, всходы (мелкие, но чистые участки) и такая погода утренняя, веселая, мирная. Это еще фронт неблизко был. Приехали на 1-й Белорусский фронт. Командующий – маршал Рокоссовский Константин Константинович. Приятно было услышать: наш 50-й гвардейский тяжелый Новгородский танковый полк прорыва был включен в состав 11-го танкового корпуса. (командир – генерал Руткин). Корпус был придан 8-й гвардейской армии маршала Чуйкова Василия Ивановича. Все складывалось, вроде, нормально, и под ногами твердая почва, а не волховские болота.

Но вот пришлось наблюдать картину первого боя у местечка Мацеюв очень нерадостную. Танки бригады, а это были Т-34, горели на поле, как стога сена, дым черный валом валил. Наш полк еще не был введен в бой, поэтому я видел все это издали. Случайно встретил своего однокашника по Киевскому танковому училищу Григорянского, и он сказал мне причину

неудачи: немцы заранее оставили первые траншеи, с нашей стороны командование это поняло как бегство, и танки пошли в наступление без достаточной разведки. А на второй линии обороны их немцы встретили ураганным огнем из противотанковых пушек и «тигров». Потери в танках с нашей стороны были существенные. Генерала Руткина (а он был Героем Советского Союза) сняли с должности. На его место прибыл из Москвы из Академии генерал Ющук Иван Иванович, с которым мы потом продолжали войну вплоть до взятия Берлина.

После этой неудачи, по словам командира нашего полка, командующий фронтом провел учения с командирами, на которых разобрали ошибки и даны были указания, как действовать.

Спустя некоторое время наступление наших войск возобновилось, и оно было успешным. Войска форсировали реку Западный Буг и вошли на территорию панской Польши. Вначале продвижение было медленным, но потом сопротивление противника было сломлено, и наши войска продвигались быстрее. Это радовало. Были, конечно, и поломки у танков. Я, как зампотех, всегда был на последнем танке – будь это марш или вынужденная поломка. Механиков-регулирующих распределяли по взводам: один с первым взводом, другой – со вторым. Очевидно, перед рекой Западный Буг была какая-то поломка у одного из танков. Помнится, что я переезжал Буг на танке отдельно (по дну реки: она не глубокая), а потом по следу своих танков догонял их. Догнал и механик-регулирующий Щеглов В.Н. Рассказывал, с какими приключениями им пришлось встретиться. Но это было уже позади.

Запомнилось мне утро одного дня, когда наступали на г. Луков. Танки нашей роты подошли к вокзалу без боя. Противника нет, все довольные высыпали из танков. К нам подошли польские железнодорожники, тоже довольные. Поприветствовали друг друга, как могли, языка-то польского не знали. Тут механик Вешкин, самый общительный, попросил у железнодорожника велосипед и красную фуражку и покатил по площади. Все хохотали. Но пословица говорит: «Делу время, а потехе час». Пришлось мне Вешкина остановить и сказать: «Хватит ребячиться, не конфузьте нас перед поляками». А тут поступил приказ командиру роты: занять оборону справа от вокзала. По железной дороге ожидается из Белоруссии отступление немцев, попавших в окружение в результате нашего продвижения. Рассредоточились. Заняли оборону. Но через пару-тройку часов получили команду другую: продолжать наступление на г. Седлец. Но тут нас стала донимать немецкая авиация. Первый налет был настолько внезапным, что я не успел с поля добежать и вскочить в танк, а залез под танк и соображал, как лучше лечь, чтоб голова была больше защищена катками танка. Отбомбились немецкие самолеты и улетели. Потерь нам в этот раз не нанесли. Поехали дальше.

Поскольку полк наступал полным составом, то впереди были первые роты, а мы позади. Автомашин роты технического обеспечения с горючим и снарядами, обгоняя нас, оказались впереди и при налете немецких самолетов рассредоточивались справа и слева от дороги, маскируясь за

деревьями. В первый налет танки роты стояли на дороге, т.к. внезапно налетели немцы. Дальше стали действовать осторожнее: как только завидим самолеты, съезжаем с шоссе и рассредоточиваемся, сидим в танках. День жаркий, в танке душно. В одну из автомашин попала то ли бомба, то ли осколок, но машина загорелась. Начали рваться снаряды, пришлось ждать некоторое время, пока затихнет.

Тут запомнился мне один житейский конфуз. Очевидно, поляки угостили самогоном общительного Вешкина. Наверняка по чуть-чуть экипаж выпил. Но Бердышева, поскольку он был меньше всех ростом и массой, принятая доза самогона развезла, ему захотелось вылезти из танка на воздух. Командир роты Чеботарев В.И. его отговаривал: «Потерпи, кончится налет, люки откроем, и будет свежий воздух». Но Бердышеву было, очевидно, трудно терпеть, и он попытался вылезти из танка. Чеботарев был вынужден применить силу и стукнул его кулаком. «А! Офицера бить!» – завопил Петя Бердышев. Конфликт. Пришлось всем его уговаривать потерпеть. Пронесло. Тронулись дальше. Не доезжая до Седлеца, снова попали под бомбежку. На этот раз в танк Чеботарева попала небольшая бомба и повредила ленивец (направляющее колесо). Я снова оказался вместе с экипажем в этом танке. Взрыв все восприняли чувствительно. Но все-таки в танке это легче перенести – броня спасает.

После войны в 1993 г. я разыскал в архиве г. Подольска адрес П. Бердышева: г. Воронеж, село Петровское. Это там, где Петр I стал строить корабли, что шли потом на Азов вниз по Дону воевать с турками. Получил от Бердышева ответ, но уже из другого села – Таврово. Долго и с удовольствием мы переписывались несколько лет. Летом 1998 г. Петя умер от инфаркта. А был он большой умница. Потом, когда наступали уже по Германии, Петя был командиром танкового взвода, а в конце войны, в самом Берлине, ему довелось командовать ротой. Об этом он мне писал в письмах. Когда я его попросил принять участие в воспоминаниях о роте, он прислал мне свое стихотворение. Я его отпечатал, проиллюстрировал фотографиями и послал ему и другим однополчанам, с кем имел связь. Петр Алексеевич был очень доволен. Назвал эти листы альбомом. Как жаль, что нет уже этого милого человека. Только сейчас пришла в голову мысль, что он был тезкой Петра I и по имени, и по отчеству.

В боях за г. Седлец нашей роте не пришлось участвовать. Не дошла очередь. А потом командир полка в соответствии с указанием свыше (когда уже Седлец был взят) приказал танкам полка отойти и сосредоточиться для марша в другом направлении.

Полк весь был переброшен на участок южнее г. Варшавы. Там занят был плацдарм на западном берегу реки Вислы, и рота № 4 вместе с другими ротами держала оборону до января 1944 г. Оборона была активной. Плацдарм удалось расширить, и вскоре танки были переведены в лес, где оборудовали землянки, и жили в них до наступления от Вислы на запад (январь 1945 г.).

За время этой операции в Польше безвозвратные потери в полку составили 21 человек и несколько танков. Надо было пополнить личный состав и материальную часть. Для этого в конце 1944 г. мы поехали в Войско Польское, чтоб у них взять недостающие танки с экипажами и идти дальше воевать. Запомнилась мне эта поездка.

Располагалась часть у какого-то села с «лошадиным» названием, кажется, Кобылянка или что-то в этом роде. Я немного простудился или грипповал. Поселились мы с Чеботаревым, Кащеевым в селе у одной польской семьи. Женщина-хозяйка знала русский язык (в первую мировую войну жила в эвакуации в России) и помогала нам объясняться с ее сыном Стасем и дочерью Марицей. Сын все никак не мог взять в толк, как это можно работать в колхозе, был закоренелый индивидуалист. Мы объясняли ему преимущество коллективного труда, как могли. Так и не понял он. Дочка помогала мне избавиться от простуды моей, чем-то поила. На несколько дней мы из армейских условий окунулись как бы в семью. Кроме полевой кухни, с которой мы питались, нас угощали чем-то хозяева. Было это всего несколько дней – не больше недели, а семейный уют запомнился. И когда мы уезжали, кажется, что и хозяева несколько сожалели.

Вообще, поляки встречали нас с радостью. Мне запомнился один эпизод. Уже недалеко от плацдарма догнал я свои танки в деревне (отстал с поломанным танком) и встретился со своей ротой. Мне предстала картина такая: поляки – женщины и мужчины – вперемешку с нашими танкистами стоят и весело разговаривают. А Петя Бердышев стоит рядом с молоденькой польской девушкой и что-то пытается выяснить. Один из поляков подходит ко мне и, показывая на них, говорит на ломаном языке, соединяя русские и польские слова: «Давай их поженим!». Все были так довольны шуткой, всем было весело. Но, отдохнув до вечера, мы тронулись на марш.

Ехали ночью, для маскировки фар не включали. На каждом танке кто-то сидел и танковыми часами со светящимся циферблатом показывал механику, куда сворачивать – вправо или влево, когда это требовалось. Я, помню, сидел на танке Кащеева. Механик у него был хороший (Трунов или Тырнов, забыл), и тоже сигнализировал ему часами в люк. Переезжали мы небольшой ручей (речушкой даже не назовешь), и тут механик допустил ошибку. Танк так резко «клюнул носом», что я еле удержался, хотя одной рукой держался за ствол пушки. Проехали ручей, я попросил остановиться, слез с танка, вылезли механик и Кащеев, и я объяснил, что едва удержался. Если бы не удержался, попал бы под танк и поминай, как звали. Он придушил бы меня в ручье наверняка. Какая бы глупая смерть была. Кащеев не разрешил мне дальше так ехать и сел сам на мое место, а я сверху на танке. Это было мое привычное место.

На плацдарме в первые дни были только танки и экипажи. Они врыли танки в землю, как положено, а сами спали под танками. Ведь лето было и под танком не холодно. Я в это время находился в тылу на противоположном берегу реки Вислы. На плацдарм ездил при необходимости. В тылу были все автомашины, санчасть, штаб и т.д. Командир полка был тоже легко ранен и

находился в тылу. Запомнился мне один разговор. Стою я с ребятами ранеными, подходит командир полка и спрашивает у одного из них: «Ранен?». Тот отвечает: «Ранен, товарищ подполковник!». Величко П.Е. ему в ответ: «Ну и дурак». Тот опешил и говорит: «А вы ведь тоже ранены». «И я дурак», – ответил командир полка. Все рассмеялись. А командир дальше продолжает: «Надо так воевать, чтоб врага бить и самому не быть битому».

За эти недели в тылу мы несколько отдохнули от боев и маршей. С многими пообщался я, познакомился с офицерами других рот и штаба. Запомнился старший лейтенант Тумасов, волгарь, он тоже любил петь и особенно песню «Вниз по Волге реке...».

Близко познакомился с офицером разведки Жуковым Николаем Сергеевичем. Большой остряк, он всегда был в центре хоровода, что-нибудь отчебучивал – то ли шутку, то ли анекдот... Подтрунить любил над каждым, у кого замечал недостаток. Иногда и мне доставалось. Но потом мы с ним подружились и до 1990 г. держали связь. Он написал книгу про наш полк «Идем в прорыв». Просил нас подкрепить его материалом, и мы писали ему о том, что помнили. Я про Балятинского писал. Про тот случай, когда он в яму с водой попал у блиндажа немецкого, промокли и переоделись в немецкую одежду. Умер Жуков вскоре после встречи однополчан в 1990 г. в Москве. Он уже был слепой от диабета и другую свою книгу заканчивал в таком состоянии. Неутомимый был человек.

За успешное проведение Польской операции многие однополчане были награждены орденами и медалями, в том числе [медалью] «За освобождение Варшавы» был награжден весь состав полка. Получил и я орден «Отечественной войны» 2-[й] степени.

Я написал коротко, многое забыто, память человека несовершенна. Были не только успехи, были и потери, и огорчения, и упущения. На Волховском фронте мы научились, как надо действовать в болотистых местах. А в Польше немало мест песчаных. И вот однажды, когда совершали марш по песчаной местности, произошла такая неприятность у двух танков. На каждой остановке требовалось проверить, не накопилось ли в воздухоочистителе много пыли. Надо было снять колпак и проверить и вытряхнуть пыль. Два механика, Вешкин и Маркин, пропустили одну остановку, а я поверил им на слово, что они проверяли, сам не убедился. А на следующем промежутке пути по песку, более длинном, у них двигатели задымили. Это значило, что песчаная пыль попала в цилиндры, задрала их поверхность. Двигатель надо ремонтировать. Волосы дыбом встали у меня, когда увидел. Вспомнил я, что зампотех отвечает за исправность танков головой, и представил, что мне грозит. Поздно представил. Спасли меня только два обстоятельства. Первое – не только в нашей роте это произошло, и второе – на армейском складе оказались запасные двигатели. Не трудно представить, как я, механики-водители, механики-регулирующие старались, чтоб поскорей заменить двигатели и исправить свою вину. Исправили. Боевую задачу не сорвали. Но зарубка в памяти осталась. Больше я так не доверял. Всегда проверял. Может быть, казался настырным, но это лучше,

чем недотепой. А механики Маркин и Вешкин были веселые ребята, шутники. Всегда возле них собирались ребята из экипажей на остановках, отдыхали за их шутками. Чаще Маркин подтрунивал над Вешкиным. Вспомнил я, что однажды шутник-механик уже поплатился за то, что недосмотрел за машиной, и она плясала на остановках своими гусеницами «Черчилля». А поговорка говорит: «Кончил дело – гуляй смело». Наоборот нельзя поступать. В дальнейшем все мы учли этот горький урок. «Делу время – потехе час», – сказано в другой пословице.

Из механиков-водителей мне особенно запомнился из 4-й роты лейтенант Клименко Василий Васильевич. Он образцово ухаживал за своим танком, прямо-таки любовно. Его танк прошел без поломок весь путь от Вислы до Одера. Все свободное на остановках время тратил на уход за машиной. О нем я еще на фронте написал заметку в истории полка («Экипаж танка 211»). Если удастся, приложу ее к воспоминаниям. Он потом поехал учиться на зампотеха в Казань.

В 3-й роте был механик-водитель Жузляков (техник-лейтенант), который тоже без поломок провел машину от Вислы до Одера, и, когда майор Пивоваров стал командовать 4-й ротой, Жузляков был у него механиком-водителем, потом стал зампотехом роты. Есть совместное фото наше в Германии. Его я приложу к воспоминаниям.

Германская операция

Разделение на операции я сделал условно для себя и тех, кто будет читать эти мои записки, если будут читать. Мне хочется, чтобы их прочитали мои друзья, кто жив, и члены их семей, кому будет интересно и кому мне удастся их послать. С каждым годом друзья уходят, связи теряются. Печатать и размножать становится все сложнее. А остановиться не могу, т.к. просили написать (Совет ветеранов), и я обещал попробовать. Вот и пробую.

Германскую операцию я считаю от Вислы до Одера. Она не чисто германская, половина ее на территории Польши (от Вислы до границы Германии) и столько же, наверное, по территории Германии (от границы с Польшей до Одера). Эта операция была потяжелее Польской. Во-первых, зимой, а во-вторых, путь намного длинней.

Запомнились, как всегда, начало и конец, и некоторые эпизоды по ходу. Вечером 13 января 1945 г. было партийное собрание. Командир полка Величко Павел Евстигнеевич ставил задачу, заместитель по политчасти призывал: «Коммунисты, вперед!» и т.д. Были и выступления однополчан.

Утром рано 14 января началась наша артиллерийская подготовка, а под ее грохот танки пошли вперед на врага. Кто что запомнил? Петя Бердышев в письме писал мне: «Помню, как Вы проводили нас». Ведь они с командиром роты и взводные впереди на марше. Я на последнем танке, как всегда, до передовой линии, а там пешком и как придется. Обстрел был мощный с обеих сторон, но фронт немецкий прорвали легче, чем думали, а дальше эпизоды переплетаются и путаются в голове.

Командовал 1-м Белорусским фронтом от Вислы до Одера и дальше до Берлина маршал Жуков Григорий Константинович. Корпус наш 11-й

по-прежнему был в составе 8-й гвардейской армии маршала Чуйкова В.И. Состав нашей роты изменился не очень. Добавился экипаж из Польской армии: командир Матвеев, механик Оранский и другие, фамилии уже не помню.

Темп наступления был значительно больше, чем летом по Польше. Зачастую в день проходили по 50-70 км. И это с боями и не всегда с впереди отступающими, а часто с противником, который отступал или слева, или справа по параллельным дорогам, боясь окружения. На марше впереди чаще всех была 3-я танковая рота капитана (позднее майора) Пивоварова Михаила Ивановича. Он справлялся хорошо с этой задачей. Ему было присвоено потом звание Героя Советского Союза. Другие роты действовали, как приказывал командир полка, – то вместе, то каждая на своем направлении. Об этом мне говорить трудно, т.к. я помогал тем, кто выйдет из строя по причине поломки или повреждения машины в бою, и потом с машиной догонял ушедших вперед.

Наш 11-й танковый корпус участвовал во взятии города Радом и получил звание «Радомского», затем был город Лодзь (центр текстильной промышленности Польши). Он мне запомнился, т.к. много было впечатлений у танкистов, которые мне рассказывали, когда я их догнал. Говорили и о том, что немцы стали сдаваться в плен. Однажды, когда я ехал вдогонку с очередным отставшим танком, я встретил колонну пленных немцев. Их сопровождали несколько наших солдат. Я узнал от них, что во взятии их в плен участвовал танк Васи Кащеева. Полк свой я догнал, когда он расположился после выполнения боевой задачи в имении какого-то барона.

Ребята угощали нас трофейными вареньями, маринадами, о которых мы представления еще не имели. У нас ведь в кадках тогда, в основном, соленья делали, а здесь в банках стеклянных. Часть танков к тому имению проехали другим маршрутом, через высокий мост над речкой. На мосту уже были сбиты перила, и механику трудно было ориентироваться на нем без перил. Вешкин гордился, что он провел и свой танк, и другого товарища, у которого сдали нервы перед этим препятствием. После нескольких дней отдыха в этом имении полк пошел дальше наступать. Подтянулись отставшие, подремонтировали, кого надо, и – вперед.

Следующая запомнившаяся операция была на границе Польши с Германией. Проходила она по небольшой речушке. Перед ней большой лозунг: «Граница Германии – логова немецко-фашистского зверя». Подъехали к мосту через речушку, а регулировщик наш танк (Светлова) остановил и сказал: «Отъехать Вам надо в сторону». Мы, было, возмутились, но он нас урезонил быстро словами: «Тут утром был маршал Жуков и приказал тяжелые танки не пускать через мост, пока не переправится легкая техника». Пришлось нам отъехать в близлежащее село польское и там пару дней отдыхать в доме на постелях. Отоспались, а за день несколько раз ходили спрашивать разрешения переехать через мост. Ведь чем дольше стоять будем, тем труднее догнать.

Через 2 дня поехали. Проехав мост, мы попали уже в Германию. Искать танки спустя 2 дня было труднее, ведь следы-то потерялись. Сколько машин прошло после них. Один раз чуть не ошиблись. Свернули налево, а надо было правее принимать. Подъехали к немецкому селу. Увидели одного гражданского немца. Стал я на ломаном языке его спрашивать, не проезжали ли танки. А он испуганный отвечает: «Нихт ферштейн» («Не понимаю»). Посмотрели: впереди маленькая речушка-ручей, вдали похожих следов не видно. Зашли в магазин, взяли тюк белой материи, чтоб маскировать танк при налетах немецкой авиации, и поехали назад до развилки, а потом по другой дороге вправо. Считаю, что тюк белой материи нас спас. Как только увидим самолет немецкий, так съезжаем с дороги (а она черная) на чистое снежное поле и обматываем танк белой материей для маскировки под снег. Улетел самолет, отбомбившись, бросаем испачканную материю, выезжаем на дорогу и продолжаем догонять своих. Не один день потребовалось на это.

Однажды подъезжаем к селу, смотрим – из села едет навстречу нам танк Т-34. Узнали, в чем дело. Оказывается, танк в селе обстреляли. Стали думать, как поступить. Другой дороги не знаем. Ехать надо все-таки через село. Ехать решили двоим танкам сразу – один разворачивает пушку налево, другой направо, пулеметы стреляют вперед, если будет необходимо. Проехали – проехали спокойно, на всякий случай пушки развернули назад. Но стрелять не потребовалось: или немцы решили нас не трогать, или два танка убедительней были, чем один.

Вскоре мы догнали свой полк и ту бригаду танковую, с которой полк взаимодействовал. Снова радость встречи, снова нас угощали товарищи, чем было. Через некоторое время вышли на Одер, конечно, с боями, но не сильными, т.к. немцы спешили перейти на свой берег и там закрепиться. Это было у городка Геритц, а справа, на другой стороне реки Одер, был город Кюстрин – немецкая крепость на пути к Берлину. Результат этой боевой операции, я считаю, был наилучший в сравнении со всеми предыдущими. Потери наименьшие – 8 человек. Врага выгнали из Польши, прошли вглубь Германии, а в общей сложности километров 500-600. Дерзко вел наступление маршал Жуков, не давал передышки ни нам, ни немцам. В Геритце мы расселились по немецким домам. Немецкое население все ушло на противоположный берег со своими войсками.

Тут произошли перемены в нашей 4-й роте. Командир роты майор Чеботарев В.И. был назначен начальником штаба полка. Я еще недели две прослужил с новым командиром роты майором Лисейчиковым Иваном Марковичем. А потом и меня перевели помощником к зампотеху полка майору Лыкову. Зампотехом роты назначен был капитан Погребняк Александр.

О своей службе в техчасти полка я написал воспоминания в 1996 г. перед Днем танкиста. Мне легче их было написать, т.к. были самые свежие воспоминания и состав техчасти меньше, чем в роте, текучесть меньше. В роте чаще менялись люди, выходили из строя танки и танкисты из экипажей: раненые, убитые.

Хочется вспомнить и написать еще об одном механике-водителе – лейтенанте Мартынове Василии. С ним у меня была одна очень памятная встреча в г. Геритце перед Одером. Знал он, очевидно, что я люблю петь. Пришел ко мне вечером в немецкий домик, где мы расположились с майором Лисейчиковым, и говорит: «Товарищ зампотех, давайте споем». Мне было приятно такое предложение. Немного попели. И запомнились мне слова песни, которая была ему по душе, а я ее не знал:

На горизонте заря догорает,
Бледен румяный закат.
А на груди у сестры умирает
Юный балтийский моряк.

Он спел ее один и как будто чувствовал судьбу. Когда шли бои уже в Берлине в районе рейхстага в последние дни войны, его танк был поврежден фашистами. Вася Мартынов сгорел в танке, а песня в памяти моей осталась. И еще осталась в семье Светлова фотография, где три Василия – Светлов, Кащеев и Мартынов – вместе сфотографированы. Это фото прислала мне жена Светлова, когда мое письмо в 90-х гг. дошло до его семьи. Его самого уже не было в живых, умер в 80-х гг., а фото осталось. Жена Светлова Антонина Михайловна любезно подарила это фото мне и написала, что Светлов Вася все разыскивал друзей, родных и так и не разыскал. Не один я искал – оказывается, все этой болезнью болели.

От реки Одер до Берлина

На западном берегу реки Одер наши войска сходу захватили маленькие плацдармы. Немцы пытались сбросить наши войска. Это им не удалось. Но нашей армии для дальнейшего наступления на Берлин требовалось расширить эти плацдармы, чтоб накопить на них необходимое количество войск.

Была проведена операция по расширению плацдарма, когда саперы навели мосты через реку (прежние немцы взорвали при отступлении). Эта операция была самой кровопролитной для нашего полка. Немцы оказали жесткое сопротивление из всех видов оружия. Половина танков вышла из строя от огня противника и много танкистов. Смертельно ранен был командир роты Лисейчиков И.М., командир взвода Кащеев В.С., убит командир танка лейтенант Матвеев П.Я., а члены его экипажа обгорели в танке. Это механик-водитель Клименко В.В., командир орудия Корсаков К., заряжающий Бачурин.

Но расширить плацдарм все-таки удалось нашим войскам, и на нем стали накапливаться все виды войск для наступления на Берлин. Для пополнения нашего полка вскоре прибыли 2 маршевых роты с экипажами. Одной командовал старший лейтенант Юдин, другой – старший лейтенант Артемов Федор Иванович (впоследствии мой близкий друг).

Наступление на Берлин началось 16 апреля 1945 г. Артиллерийская подготовка была мощнейшая. Пришлось наблюдать и эффективное применение маршалом Жуковым Г.К. зенитных прожекторов для ослепления противника.

Соппротивление врага было сломлено и началось продвижение наших войск сначала к Зееловским высотам, а потом и к Берлину. Вместо погибшего майора Лисейчикова И.М. 4-й ротой стал командовать майор Пивоваров М.И. Состав роты в связи с выбытием многих по ранению при расширении плацдарма пополнился новыми людьми. Многих я уже не знал, т.к. не был в роте, но знаю, что продолжали воевать и старые кадры, например, Бердышев П.А., механики-регулировщики Щеглов В.Н. и Арсентьев И.А. Я в это время продвигался с автомашинами, везли горючее, боеприпасы. Немецкая авиация нам создавала много хлопот и беспокойства налетами весьма частыми. Их-то аэродромы рядом, а наши отстали значительно в связи с продвижением войск на 500-600 км. Немцы господствовали в воздухе. Приходилось автомашинам использовать перерывы между налетами и ночь, чтобы проскочить от леса до леса и замаскироваться. Моим средством передвижения была автопоходная мастерская, где размещались мы вдвоем с механиком по ремонту лейтенантом Горяевым.

Для эвакуации с поля боя машин нам был придан тягач – танк ИС, ранее вышедший их строя (по вооружению), но потом подремонтированный.

Преследуя отступающего с боями противника, танки полка вступили на окраину Берлина. Вскоре и мы вслед за ними подъехали – ночью, безусловно.

В Берлине мне довелось еще раз выполнить роль зампотеха роты № 4. Когда с автомашинами я прибыл и доложил зампотеху полка, он, поблагодарив за то, что все доехали благополучно, предложил отдохнуть, где найдем место. Я зашел в один из подвалов домов (а они у немцев очень благоустроенные) и встретил там танкистов взаимодействующей с нашим полком танковой бригады. С ними был баянист. Он очень хорошо исполнял песни. Я как будто на концерт попал. Примостился в уголке. Лег и стал под музыку засыпать. Вдруг слышу окрик: «Капитан Чернокнижников здесь?». Я назвал. «К командиру полка», – сказал посыльный.

Являюсь к Величко Павлу Евстигнеевичу (ему уже было присвоено звание полковника), докладываю: «Капитан Чернокнижников явился по Вашему указанию». Он задает мне вопрос: «Ты не разучился искать танки по следу?». Отвечаю: «Нет, не разучился, еще и месяц не прошел в новой должности». «Вот тебе задание оказать помощь майору Пивоварову. Он тоже вошел в Берлин, прошел несколько кварталов и ему надо доставить горючее и боеприпасы для продолжения боев. Зампотех роты капитан Погребняк ранен. Возьмешь с собой бензовозы, машины с боеприпасами, кого считаешь нужным из ремонтников, начальника артснабжения капитана Харченко и под покровом темноты надо проскочить туда и обратно и сделать, что необходимо, в роте Пивоварова. Учтите, что две поперечные улицы по пути к Пивоварову немцы контролируют. Проскочить надо внезапно».

Взяли мы, кого и что требовалось, и тронулись. Я на первой машине, часто останавливаясь и ища след танков, ехал и следил, чтоб соблюдали интервалы движения едущие за мной. Ехали без света фар. След наших танков ИС-2 был виден. Подъехали из рожи к строениям, частично улицы

были видны. Подъехали к баррикадам, вижу – в них пролом сделан. На асфальте видны царапины гусениц при разворотах с одной стороны улицы на другую. Значит, верно едем. Всего нас было машин 4-5, точно уже не помню. Я попросил всех водителей ехать за мной побыстрее, но интервал соблюдать. Проехали 2-3 квартала и увидели впереди наши танки. Обрадовались и мы, что нашли, и танкисты, что пришла нужная помощь. Быстро стали делать каждый свое дело. Я обратил внимание, что возле танков ходят пехотинцы не очень трезвые. Говорю Пивоварову: «Миша, скажи пехотному командиру, чтоб ребятня не разлимонивалась, а то ведь утром воевать надо, а они подведут тебя». А он мне в ответ: «Тут за своими надо глядеть, чтоб танкисты не выпили. Понимаешь, фрицы, хитрые черти, открыли свои пивнушки, а солдатня и рада». Заправили танки всем необходимым, попрощались и надо быстро ехать обратно, пока не застопорили нас.

Я предложил капитану Харченко ехать на первой машине, а я как зампотех на последней. А он отвечает: «Нет уж, ты сюда ехал на первой, лучше дорогу запомнил, езжай вперед». Я поехал, конечно, на большой скорости, все за мной. При подъезде к баррикаде надо было переехать с правой стороны улицы на левую, чтоб в пролом баррикады попасть. Он был сделан только с одной стороны улицы.

Естественно, скорость резко уменьшилась. Машины подъехали друг к другу, и тут из домов фаустпатроном нам вывели из строя одну автомашину и ехавших на ней людей. Машина загорелась. Шофер был убит. Убит арттехник лейтенант Козаков, тяжело ранен механик-регулировщик Арсентьев И.А. Машину горящую пришлось бросить. Убитых и раненых погрузили на другую машину и скорей поехали, чтоб не подставиться под другой выстрел.

Приехали в полк, доложили о случившемся и о том, что выполнили задание по роте Пивоварова. Санитары занялись с ранеными, чтоб отправить их в медсанбат. Воины из похоронной команды стали хлопотать о погребении погибших, а всем остальным командир полка приказал явиться на места своей службы. Я вернулся в техчасть.

Утром узнал новость: рота Пивоварова вернулась в расположение полка. Приказано было ее вывести из боя, т.к. полк перебрасывался на другое направление. А прошедшая ночь была последней ночью, когда я общался со своей ротой № 4. Дальше служба моя протекала в техчасти полка до конца боев, до взятия Берлина 2 мая 1945 г. Не только наш полк, а и весь 11-[й] танковый корпус был переброшен на другое направление при взятии Берлина. Кажется, с северной части города нас перебросили на восточную. Сохранилось фото, которое наш фотограф-любитель Мальцев Н.Я. сделал при въезде в Берлин с другой стороны. Попробую его переснять и приложить к воспоминаниям. [...]**.

ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 8. Д. 53. Л. 17-65. Подлинник машинописный.

---

* Опущены и биографические сведения довоенного периода.

** То же о послевоенной службе и демобилизации.

№ 1397

Воспоминания М.Д. Савельевой¹⁶⁸

2005 г.

В годы войны огромное значение имели прифронтовые дороги. По дорогам передвигались к линии фронта части и соединения советских войск, техника, подвозились боеприпасы, продовольствие, а с линии фронта вывозили в тыл раненых бойцов. На одном из важнейших участков дорог мне приходилось служить регулировщиком.

Летом 1941 г. под непрекращавшимися бомбежками немецко-фашистской авиации вместе с отцом и сестрой я благополучно переправилась на плоту через р. Днепр. Отца вскоре призвали в армию, а мы с сестрой остались одни без своих узелков, в которых хранились одежда и продукты на первое время. Нужно было как-то выживать. Мы чистили аэродромы, копали окопы. Вскоре наступила осень. Так как одежды у нас никакой не осталось, то переодеться в сухую, чистую одежду мы не могли, и поэтому заболели. Однако мир не без добрых людей. Нас пожалели и отправили в госпиталь. Спустя некоторое время мы работали в госпитале, ухаживали за ранеными бойцами.

2 мая 1944 г. меня призвали в ряды действующей армии и направили на 4-й Украинский фронт в распоряжение Военно-автомобильной дороги-37. Первое время я работала регулировщиком. У регулировщиков были свои будки, в которых размещались планы, схемы дорог, местности. Дежурили на одном посту по двое человек. Как правило, одна девушка находилась в будке, другая – у дороги с повязкой и флажками. В наши обязанности входило указание направления движения транспортным средствам, объяснение водителям, как и куда проехать. Красный флажок обозначал – «Внимание», желтый – «Можно проезжать».

31 июля 1944 г. я окончила на «отлично» курсы младших командиров при Военно-автомобильной дороге-37 с присвоением звания «сержант». После окончания курсов меня направили служить начальником поста регулирования. Мне нужно было осуществлять проверку постов и участков дорог, а также следить за удовлетворительным состоянием дорог, чтобы не возникало аварийных ситуаций. Зимой транспортные перевозки осложняли метели, снежные заносы, весной – разливы рек, дожди. Кругом были грунтовые дороги. В связи с этим боеприпасы, горючее, продовольствие и другие материальные средства доставляли не только на автомашинах, но и тракторами, боевыми машинами, вездеходами, на лошадях. Если на дороге случалась непредвиденная ситуация, регулировщики должны были остановить транспорт и ликвидировать аварию, помочь пострадавшим: оказать первую медицинскую помощь, отправить в госпиталь. Порой, когда регулировщик останавливал машину, та проезжала мимо: срочно везла

патроны и снаряды к линии фронта. Во время войны существовал закон: если транспорт по сигналу не останавливался – регулировщик стрелял вверх. Если же и после этого предупреждения машина не останавливалась, то регулировщик имел право производить выстрел по колесам. На войне в первую очередь нужно помогать раненым.

Самые ужасные воспоминания у меня связаны с Западной Украиной, а именно с переправой через горный хребет. На многие километры через перевал вела лишь одна-единственная подвесная дорога. Непрекращавшиеся обстрелы, обвалы требовали постоянного ремонта подвесной дороги. Недалеко от этой дороги размещался военный госпиталь, который обстреляли и разбомбили немецко-фашистские войска.

Когда я оказалась на территории Польши, то была очень удивлена, как будто попала в другой мир. У нас дороги грунтовые, а там кругом асфальт, крыши домов черепицей выложены. Правда, местные жители мне не понравились. Недоброжелательные – даже воды попить не дали.

Из Польши мой военный путь лежал в Германию. Помню, как приходилось сопровождать премьера Чехословакии на Ялтинскую конференцию. Несмотря на то, что добирались объездными дорогами, избежать страшного обстрела не удалось, немецко-фашистская разведка уже знала маршрут движения. Несмотря на это операция прошла успешно.

В апреле 1945 г. получила ранение и была отправлена в госпиталь, который находился на территории Германии. Демобилизовалась в сентябре 1945 г. и приехала в г. Львов. Когда наконец-то добралась до своего родного города, выяснилось, что дом, в котором жила до войны, сгорел. Пришлось жить на квартире. Чтобы получить хлебную карточку и не голодать, устроилась счетоводом в налоговый отдел при горфинотделе.

Музей истории тамбовской милиции УВД по Тамбовской области.
Подлинник.

№ 1398

Из воспоминаний И.В. Панина¹⁶⁹

Март 1978 г.

[...]*. Войну я встретил в Ленинградском военном округе на границе с Финляндией. К началу боевых действий с Финляндией мы уже знали, что на всем фронте наши войска отходят, оставляя города и села.

Дивизия, в которой я находился, успешно оборонялась и в первые дни не давала возможности противнику продвинуться. И только в результате численного превосходства, в результате упорных боев мы отошли на заранее подготовленную позицию. Здесь мы и остановили белофиннов, дальше они уже продвинуться не могли.

Занимаемый нами оборонительный рубеж находился немного западнее села Ухта, и своим левым флангом мы примыкали к озеру Среднее Куйто.

Озеро в этом районе имеет ширину 4-5 км. Противник находился на противоположном берегу озера, где у него находились батарея и прикрытия ее. Эта батарея вела огонь по дороге, которая шла от нас в тыл и мешала движению машин, повозок. Мы сделали вторую дорогу несколько дальше от озера. Но пока озеро не замерзло, мы сделать ничего не могли, ибо таких переправочных средств, чтобы форсировать такое широкое озеро, у нас не было.

Когда озеро замерзло, наши разведчики обнаружили, что определенный участок на берегу у противника никем не охраняется. Тогда я решил, будучи командиром 54-[й] стр. дивизии, захватить или уничтожить эту батарею. После некоторой подготовки я собрал все, что было возможно, и 26 декабря 1941 г. усиленный батальон ночью перешел озеро. Случайно 26 декабря было выбрано удачно. Это был второй день Рождества. Финны праздновали его, и бдительность у них была ослаблена.

Наши подразделения вышли на дорогу, соединяющую батарею с населенным пунктом Ювалакша. В Ювалакша также находился гарнизон противника. Прокравшись со стороны Ювалакша, основные силы нашего отряда, выдвинувшись в направлении батареи, внезапно атаковали ее. Захватили все 4 орудия батареи, снаряды и другое имущество. После этого часть сил продолжала наступление против прикрытых батарей, находившихся в 3-4 км от батареи. Но здесь, услышав бой в районе батареи, приготовились к бою. При нашем наступлении [финны] быстро отошли, бросив две малокалиберные пушки и все снаряжение.

Так мы избавились от огня батареи по нашим тылам. Батарею же мы использовали для стрельбы по противнику, поскольку захватили много снарядов.

Еще расскажу об одном эпизоде.

В 1944 г. наши войска перешли в наступление на Мурманском направлении против 20-[й] немецкой горной армии. Этот театр военных действий очень трудный. Местность везде гористая, дорог очень ограничено, много озер, особенно на территории Норвегии.

Нашу дивизию (45-[я] стр. Печенегская) перебросили на это направление. В октябре 1944 г. мы перешли в наступление для освобождения нашей территории, временно оккупированной противником. После освобождения нашей территории последовал приказ продолжать наступление для помощи норвежцам в освобождении Норвегии от фашистских захватчиков.

Особенно трудным было наступление на территории Норвегии, о чем я уже говорил. Одна дорога, вокруг гористая местность, где ни машины, ни лошади пройти не могут. Можно было действовать только обходами, причем только пешими частями. На подступах к г. Киркенес (Норвегия) фашисты заняли оборонительный рубеж на высотах между двумя озерами, оседлав дорогу. Наши атаки успеха не имели.

Тогда я решил направить один из полков (61-[й] стрелковый) в обход левого фланга противника и озера, прикрывающего этот фланг.

Полк двинулся без артиллерии, только с минометами. По пересеченной пористой местности полк без боя прошел за день около 10 км и подошел к заливу (фиорду) шириной 4-5 км. Никаких переправочных средств у нас не было. Командование полка обратилось к местному населению за помощью. Рыбаки-норвежцы пригнали спрятанные ими лодки и даже небольшой пароходик. На этих средствах они начали переправлять полк на противоположный берег.

Фашисты не ожидали, что здесь возможна переправа, и этот участок ими не охранялся. Переправившись, полк начал выдвигание в тыл противника. Заметив это, противник начал поспешно отступать и дал возможность преследовать его.

За умелые действия, которые способствовали быстрому продвижению в направлении г. Киркенес 61-[му] стрелковому полку было присвоено наименование «Киркенесский» и награжден орденом Красного Знамени.

Продолжая далее наступление, наша дивизия совместно с соседней дивизией овладела крепостью Киркенес.

ГАСПИТО. Ф. П-9019. Оп. 1. Д. 1374. Л. 8-12. Подлинник.

---

* Опущены воспоминания И.В. Панина об участии в Гражданской войне.

№ 1399

Из воспоминаний А.Г. Волосатова¹⁷⁰

9 февраля 2005 г.

Я, Волосатов Ал[екса]ндр Герас[имович], родился 8/VII-1925 г. Участвовал в Великой Отечественной войне. Еще молодым парнем я ушел на фронт 22 января 1943 г. Первое время служил в г. Энгельс Саратовской обл. курсантом 3-го Орджоникидзевого пехотного училища и проучился по июль 1943 г., а потом нас, несколько человек, отправили на фронт.

18 августа прибыли в г. Копейск* на Харьковском направлении 3-го Украинского фронта. Заняли оборону, и утром 22 августа началась арт. подготовка «катюш» для наступления пехоты, и мы с утра прорвали оборону противника и пошли вперед. Немец нас стал обстреливать ручными минометами, и ранило рядом солдата, а командир взвода приказал мне перевязать ногу ему. Я выполнил приказ и пошли дальше в наступление. Примерно прошли 10 км вглубь противника.

Фашисты отступали, а мы шли вперед, преследовали противника. Невдалеке разорвался снаряд, и меня ранило тяжело осколком в спину. Я сгоряча прошел к сан. роте, где мне сделали перевязку, а потом в госпиталь № 408 в г. Балашов Саратов[овской] обл. А потом этот госпиталь эвакуиров[али] в г. Славянск Сталинской обл.

Донецк в начале декабря 43 г. – в 55-[м] ст[р.] полку 3-[го] стр. бат[альона] в пулеметной роте «максим» первым номером. Под Кривым

Рогом (3-й Украинский фронт) наступали и брали д. Менженовка и опять оборонялись. Трудно было, но не отступали

С декабря 43 г. и по 31 января 1944 г. мы были в обороне, где пришлось мне окапываться, и к вечеру 31 января 1944 г. меня ранило – пулевое сквозное левого бедра. Находился в санбате в госпитале в Славянске (эв[ако]гос[питаль] № 3411) с 12/II-44 по 4 мая 1944 г.

С июня по август 1944 г. находился в учебном батальоне недалеко от г. Одессы в палатках в летних лагерях и закончил в начале августа [курсы] млад[ших] командиров и присвоили звание сержанта, а потом направили в воинскую часть 3-го Украинского фронта.

Прорвали оборону противника, освободили Молдавию и преследовали противника до реки Прут, где после наша 5-я ударная армия вышла на пополнение, и нас в конце августа направили на 1-й Белорусский фронт, где осенью в сентябре прибыли в г. Ковель, где находились до особого приказа в лесу в землянках в 230-[й] ст[р.] дивизии в 990-[м] стр. полку в 3-[м] стр. батальоне в 7-й роте. [Я был во] 2-м взводе командиром стрелкового отделения. Общественную нагрузку имел, был избран комсоргом роты, проводили с комсомольцами политическую и воспитательную работу. Повышали уровень боевой подготовки. А потом маршем – приказ «Вперед!». По 40-50 км в сутки шли днем и ночью вперед к фронту, освободив территории своего родного края СССР. Уставали.

Вошли на территорию Польши с боями, дошли до реки Вислы, где была занята оборона и врагу нанесен сокрушительный удар артподготовки – «катюша».

14-15 января 1945 г. прорвали оборону противника и преследовали его с боями, многие сдавались в плен и говорили: «Гитлеру капут», а мы продолжали идти вперед и преследовать врага. Проходили по 45-50 км в сутки. Наши потери были, но мы не давали ему отдыхать, хоть и нам было трудно. Прошли Польшу и вторглись мы в Германию и пришли к реке Одер. Форсировали реку Одер и заняли плацдарм. За 13 суток прошли 570 км. На плацдарме находились в начале февраля 1945 г. Техника вся осталась позади, у нас в полку осталась артиллерия (сорокапятки), а минометов не было, издержались патроны и гранаты. Противник 4-5 раз ходил в контратаки, а мы отбивались, хотел нас потопить в р. Одере, но ему не удалось, так мы все же удержали плацдарм.

Чудом я остался живым. Передо мной многие летели кверху уже мертвые, а меня не тронули. На плацдарме я пробыл до 5 марта 1945 г.

Ночами немцы нам говорили по-русски: «Сдавайтесь!», но мы были на подступах Берлина, мы не дошли 35-40 км. Кюстрин недалеко был. 5 марта 1945 г. весь взвод ночью отправился копать траншеи, соединять между ротами и батальонами. Когда начали копать траншеи для соединений, попросил лопату у бойца: «Дай покопать». Взял, начал копать и – очередь пулеметная. В это время меня ранило в ногу, левую голень (сквозное пулевое). Попал в госпиталь Найдам – город, где находился на излечении до 25 октября 1945 г.

1 и 2 мая наши войска брали Берлин, наша 5-я ударная арм[ия]. Видел я своего командира роты в госпитале, он мне говорит: «А мы тебя представили к награде орденом Красной Звезды». До этого я медаль «За отвагу» получил, благодарности от Сталина.

Мы узнали о капитуляции ночью 8 мая, а 9-го мы праздновали и салютов[али]. В общем, мы были все рады, что закончилась война и Гитлеру капут. 25 сентября 1945 – Указ: имеющим три ранения – домой. Я из Германии демобилизовался 25 октября в 1945 г. и прибыл домой 5 ноября 1945 г. [...]**.

ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 12. Д. 3. Л. 27-30. Подлинник.

---

* Так в документе. Правильно – г. Купянск.

** Опущены биографические сведения послевоенного периода.

№ 1400

Воспоминания Б.И. Горбачева¹⁷¹

27 февраля 1996 г.

В апреле 1944 г. группу курсантов 1-го МКВАУС, в том числе и меня, выпускают сержантами-радиомеханиками авиационных частей ВВС и срочно отправляют на 2-й Украинский фронт в в/ч 27843. В ту пору никто из нас не знал, что это такое, т.к. в предписании была лишь указана войсковая часть.

Оказалось, это войсковая часть, предназначенная для совместной работы с союзниками – американцами, наконец-то, открывшими в июне 1944 г. (а обещанный к открытию еще в 1942 г.) второй фронт в Европе для помощи Советской Армии в разгроме коричневой чумы – фашизма.

Наша задача заключалась в обеспечении наземного обслуживания «летающих крепостей» – самолетов типа В-17 американских ВВС, которые осуществляли «челночные полеты» с авиабаз союзников, бомбили объекты фашистской Германии, шли для заправки горючим, пополнения боекомплектов и устранения неисправностей (если таковые возникали в полете) к нам на подготовленные для этих целей базы Пирятин, Миргород, Полтава.

А это были солидные группы самолетов – так называемые «летающие крылья» – это 90-120 единиц, которые нужно было разместить, технически обслужить, подготовить к очередному «обратному» боевому вылету, что и делалось нами, советскими авиационными специалистами, совместно со своими коллегами – специалистами американских ВВС (каждый по своей специальности: радиомеханики – с радиоспециалистами союзников, электрики – с электриками, специалисты по силовой установке – со своими коллегами, вооруженцы – со своими и т.д.).

В сжатые сроки нами выполнялось все необходимое для того, чтобы «отправить» летные экипажи, состоящие исключительно из союзников, на

выполнение очередного боевого задания. Ну, как показала история ВОВ, эффективность этих полетов (задач!) была не столь уж велика, хотя одно лишь то обстоятельство, что над Германией появлялась такая армада В-17 (а это четырехмоторные самолеты, имевшие солидную бомбовую нагрузку, крупнокалиберные пулеметы), не вызывало «восторга» у фашистского «люфтваффе» и командования третьего рейха.

С летными экипажами В-17 нам обучаться много не приходилось, т.к. после «объезда» всех севших на аэродром и рассредоточенных машин мы лишь быстро объезжали самолеты, записывали, где есть и есть ли какие неисправности, чтобы их устранять, и больше, фактически, мы – русские – не видели летный состав (их увозили к месту дислокации американцев).

На следующий день (после посадки самолетов) устраняли дефекты, причем надо отдать должное союзным американским специалистам – они не «паяли» (как это делали мы у себя дома, т.е. в любых наших авиачастях), разыскивая неисправность в каком-то блоке аппаратуры, а снимали неисправный, ставили новый блок, опробовали установку под током и «вперед». Если, конечно, встречалось повреждение на самом борту – проводка и т.д. – то тут ясно. Но, как правило, таких отказов не было (я лично не вспоминаю), а после вылета группы американские спецы в мастерских ремонтировали отказавшие в полете блоки.

«Дядя Ваня» – Джон, сержант американской армии. Пожилой человек примерно за 40 лет, владелец р[адио]мастерской в одном из городков Америки, контрактник («нанявшийся на службу, чтобы расширить свое дело»). Это серьезный человек, специалист высокого класса.

Остальные – как правило, не «чистые» американцы, а «цветные» (японского происхождения¹⁷², африканцы и т.д.) – рядовые солдаты, в лучшем случае капралы – делали свое дело, но «не перетруждались».

Возглавлял группу господин офицер – типичный американец.

Сначала мы базировались под городом Пирятин Украинской ССР, но вскоре после прилета одной из групп В-17, их посадки (это было перед вечером, а точнее в 16-18 часов) мы отправились в места своего расположения. Жили советские военнослужащие в щитовых домиках-казармах – двухярусные койки, удобств никаких (все под открытым небом!), но красота – ведь лето.

Ужин. Отбой. Вдруг – тревога! Каждому по боевому расписанию были предписаны определенные обязанности, а главное – бежать (ехать!) на аэродром и спасти материальную часть (самолеты!).

Что случилось в этот злополучный день (ночь)? Когда «летающее крыло» было уже на подходе к аэродрому, самолеты готовились уже к роспуску для посадки, то некоторые видели, что за В-17 шел немецкий самолет-корректировщик «рама» на большой высоте. Он затем резко снизился и на малой высоте «ушел».

А ночью – тревога, в небе куча САБов (как днем, нигде не спрячешься). Страшная бомбежка. Добежали до стоянок – там все рвется, горит. Бьют зенитчики. Одни наши (советские) военные стараются что-то спасти, а

американцев нет. Ну, может, те, кто дежурил, и были там, но в основном они, натянув каски, торчали, как сельдь в бочке, в щелях. Пытались организовать спасение матчасти – бесполезно, как в аду! Пришлось бежать далеко в сторону, чтобы в конце концов не сожгло тебя в этом пекле.

Результат – печальный, потери – колоссальные. Вскоре после этого нас (остатки, сохранившиеся после этой истории!) перебазировали на Полтавский аэродром.

В Пирятине немного ранило меня (вероятно, осколком) в ногу. Почувствовав это, перевязался тряпкой от нательной рубахи, отсиделся немного (где-то чуть не на кладбище!), стали с братвой собираться группами и думать-гадать, что же случилось. Почему?

Трудно мне, рядовому радиомеханику, судить обо всем, как большому командиру, но вероятно:

– наши посты ВНОС и зенитчики допустили оплошность, не заметив немецкого разведчика (ведь шла армада «летающих крепостей!»);

– так и американцы допустили успокоенность (ведь летели-то уж не над вражеской территорией!), не наблюдали за воздухом.

Результат – налицо.

С нашей (советской) стороны, как правило, редко появлялось командование непосредственно на аэродроме, в палатках (было лето!), где мы занимались делами. (Я, например, искренне желал освоить язык, вникал в работу по ремонту аппаратуры, «меньше курил, а больше делал»). Это отмечалось моим командованием, и мне вскоре после прибытия в Полтаву присвоили звание «старший сержант», объявлялись благодарности по службе. Был я агитатором среди своих сотоварищей. Все мы соблюдали определенную бдительность. Это, как показала обстановка, было необходимо.

Как «перспективного специалиста», меня в самом конце 1944 г. (а точнее перед 1 января 1945 г.) посылают учиться на офицера-техника по радио авиационного полка опять в родное училище – уже 1-е Московское Краснознаменное ордена Ленина военно-авиационное училище связи (1-е МКОЛВАУС, г. Москва), где и учился ваш покорный слуга весь 1945 победный год (с января 1945 по январь 1946 г.). Окончив с отличием ускоренный курс обучения, получил звание «младший техник-лейтенант» – техник авиационного полка по радио (это по должности!) и был направлен в 119-й гвардейский (это привилегия отличникам!) Краснознаменный ордена А. Невского ближнебомбардировочный авиационный полк.

В составе училища (одного из лучших в ВВС) мне посчастливилось участвовать:

1) 1 мая 1945 г. на первомайском параде на Красной площади столицы г. Москвы;

2) 24 июня 1945 г. на историческом параде Победы на Красной площади столицы, за что получена благодарность Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина сразу же по возвращении с парада в расположение училища (конечно, был праздничный обед и «чарка»);

3) в июле (по-моему, 17-го числа) 1945 г. на Всесоюзном параде физкультурников (за общество «Спартак») на Красной площади столицы;

4) в августе 1945 г. принимал участие в составе училища в подготовке воздушного парада в Тушино.

ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 4. Д. 10. Л. 1-6 об. Подлинник.

№ 1401

Из воспоминаний Л.С. Кочепасова¹⁷³

1995 г.

[...]*. В 1943 г. в числе сверстников я был призван в Кр. Армию, и в марте 1943 г. мы прибыли в запасной полк в г. Мелекес Ульяновской обл., где мы прошли военную подготовку.

Сначала я находился в снайперской роте, а потом нас, несколько человек, отправили учиться на радистов в г. Куйбышев. В апреле 1944 г. нас переделали во все новое обмундирование, снабдили сухим пайком на несколько дней, и по прибытии на ж/д станцию была дана команда: «По вагонам!». И товарный эшелон, набирая скорость, покатил на запад. После нескольких дней стоянки в Москве двинулись дальше. И, наконец, эшелон наш остановился у развалин ж/д станции, где на доске надпись гласила: «ст. Дно».

А на горизонте полыхало зарево и гудела канонада. После нескольких часов марша мы прибыли в расположение 942-[го] СП, который находился на формировании. К строю вновь прибывших подошел командир в звании «ст. лейтенант» и сказал, что он из молодых солдат формирует роту автоматчиков. И что фамилия его Шпагин. А потом спросил: «Кто тамбовцы и саратовцы?». Но таких были единицы. После на мой вопрос о земляках моих комроты сказал, что хорошо воевали тамбовцы, и рассказал о тяжелых боях полка по прорыву Ленинградской блокады на «невском пяточке». На пути автоматчиков стоял двенадцатиметровый берег Невы, покрытый льдом. На подручных средствах бойцы лезли на эту ледяную стену под ураганным огнем врага. Атака несколько раз захлебывалась, но подразделения все же вгрызлись на 3 км вглубь и на 6 км по фронту в оборону противника.

Далее комроты сказал нам, что главное в наступлении – быстрота и натиск, чем быстрее преодолена «нейтралка», тем меньше потерь.

На следующий день нам вручили автомат ППШ, по пачке патронов, гранаты, каску с лопаткой и еще не особенно радостную по значимости вещицу, так наз[ываемое] «забрало» – медальон для сохранности личного адреса для сообщения близким в случае гибели. Каждый не хотел, чтобы такое случилось. Потом после нескольких дней тактических занятий в конце мая 44 г. наш полк в полном боевом снаряжении был погружен в эшелон и отправлен в Ленинград.

Тяжело было видеть удручающую незнакомую нам картину разбитого войной города. А дальше маршем мы двигались к фронту, уступая место движения технике. Нас обгоняли танки, машины, на бортах которых гласили надписи: «Вперед, на Выборг!». И вот через несколько часов движения в облаках пыли и дыма мы вышли вперед на свежий воздух, оставив позади технику. И, развернувшись в цепь, двинулись на исходный рубеж, где гремели выстрелы и взрывы, отдаваясь в лесу многократным эхом. Непривычна нам была вокруг природа: густой, до темноты, лес всюду завален валунами от небольших до огромных, с крестьянскую избу, камней. Это создавало определенные трудности в маневрировании техникой.

Передовая встретила нас меткими выстрелами противника, сразу же несколько бойцов получили ранения – это быстро подсказало, как надо работать и ориентироваться в складках местности.

Наша рота заняла исходный рубеж недалеко от противника, рассредоточившись по два человека. По цепи комроты сообщил: «Огня не открывать, вести наблюдение». Наблюдая за противником, вдруг я заметил, как из-за валуна в ельнике показалась засеченная каска и красного оттенка рожа фашиста. И тут мелькнула мысль: «Вот он, гад, вывел из строя ребят». Стрелять или не стрелять?! Я нажал на крючок автомата, и длинная очередь резанула по фашисту. Командир заметил мне тогда: «На таком расстоянии и короткой было достаточно». Неопытность сразу сказалась на первых порах в бою.

Первое боевое крещение наша рота получила в бою в предместьях г. Выборг. Когда один из батальонов занял населенный пункт и был отрезан от основных сил полка, полковник Лещев приказал командиру Шпагину силой взвода-автоматчиков прорвать оборону врага. По неглубокому кювету по-пластунски мы выдвинулись на исходный рубеж атаки. Было время «белых ночей» – помеха в деле маскировки нашего движения, полосы трассирующих резали воздух в нашем направлении. Была подана команда «Вперед!». На первых секундах получилась заминка, земля, как магнит, тянула к себе, и, казалось, не хватит сил подняться. Шпагин хорошо понимал это и крикнул: «За мной!» и сам первым поднялся на встречу смертоносному металлу.

И мы, новички, подавляя страх, стреляя на бегу, двинулись за командиром. Быстро преодолев «нейтралку», были пущены в ход и гранаты по траншее врага. Оборона врага была прорвана, враг отступил, оставив трупы убитых. Нам атака обошлась без потерь – если не считать, что несколько человек получили легкие ранения. Такие раны лечили на ходу в своей части. И что тут было главным, что молодые, еще не обстрелянные солдаты, победили себя. Овладели собой.

Следующий приказ командира полка Лещева состоял в том, чтобы группе автоматчиков просочиться в тыл и завязать бой с противником. Наша группа состояла из 20 бойцов вместе с командиром. Двигаясь в тыл врага по нехоженным лесным дебрям, приняты были все меры предостороженности – говорили шепотом или знаками рук. Зловещим казался чужой зеленый мрак:

«вот сейчас полыхнет залп, и пули трассирующих пронизуют непрошенных гостей».

После нескольких часов перехода мы оказались в тылу врага и замаскировались за валунами в придорожных зарослях.

Ждать пришлось недолго: звуки чужой речи и бряцание металла с каждой минутой нарастали. И как только пехотное подразделение поравнялось с нашей засадой, раздалась команда: «Огонь!». Это буквально ошеломило противника. И в один миг заработали двадцать автоматов, в упор расстреливая врага. В растерянности противник метался и не мог оказать нам никакого сопротивления. Задача была выполнена без потерь с нашей стороны.

Потом мы соединились с наступающим батальоном нашего полка. Бои продолжались, но подразделения редели. Через некоторое время наш полк сменила другая часть, и мы отошли в тыл на формирование и отдых.

С неделю отдыхали и приводили в порядок амуницию. Комполка Лещев несколько позже за отличие в боях бойцам и командирам вручил боевые награды. Я тогда получил первые награды – медали «За боевые заслуги» и «За отвагу». Получив пополнение в живой силе и технике, подразделения полка приступили к тактическим занятиям. Командиры «срабатывали» свои подразделения, готовя личный состав к предстоящим боям.

Отдых подошел к концу, и наш полк был переброшен в Эстонию. Обычно когда приходишь на новые позиции, сразу возникает вопрос о поведении противника. «Огрызается! Да еще как!» – сказал боец с несколько веселым лицом (ему на отдых). – «Вчера более ста стервятников налетели и смешали всю передовую, почти вся наша часть вышла из строя».

Все вокруг говорило само за себя: большое количество больших и малых воронок, и трупы погибших бойцов в отдалении в кювете сложены в ряд. Настроение было у нас несколько противоположным, чем у сменившегося бойца, в таком аду оставшегося в живых. Конечно, мы не знали, какие меры защиты наше командование предпримет. К вечеру следующего дня небо наполнилось нарастающим гулом, и над горизонтом появилась армада фашистских стервятников, которые шли грозным строем к нашей линии фронта.

Каждый понимал, что спасения от бомб не будет, но как [только] первые ряды самолетов стали на подходе к обороне своих войск, сзади нас раздался такой залп зениток и треск пулеметов, что задвигался воздух, не было места, «где бы курочке клюнуть». Все небо покрылось одними сплошными взрывами. Самолеты горели и разваливались на части и падали вниз. Летчики спускались на парашютах, и часть из них попадали в расположение нашего полка. Еще не касаясь земли, поднимали руки – сдавались. Один из фашистов, раскачиваясь еще в воздухе, выстрелил из пистолета в группу людей – наших командиров и рядом находившихся пленным летчиков. Но, к счастью, промахнулся. Надо было строго наказать фашиста, но комполка не разрешил убивать пленного.

Большая часть самолетов, не дойдя до цели, спешно разворачивалась и уходила на запад, бросая беспорядочно бомбы на тылы своих войск. С этого дня стервятники больше не появлялись в нашем небе.

Наш полк готовился к наступлению на ж/д станцию Тапа, где еще находились фашисты. Подразделение автоматчиков, в которое входил и я, должно было действовать слева ж/д станции, отвлекая неприятеля от основного удара нашего полка. Этой операцией руководил к-н Моисеенко. Приказ был – достичь проволочного заграждения, завязать бой и по возможности овладеть траншеей врага. Как только грохнули первые залпы нашей артиллерии по укреплению врага, мы поднялись в атаку, быстрым бегом двинулись вперед. И тут же застрочили пулемет и автоматы. Не добежав еще до проволочного заграждения, упал боец Дубинский с перебитой рукой выше локтя. Кровь хлестала из раны. Я подбежал к нему, чтобы оказать ему быстро помощь. Но следующая автоматная очередь окончательно сразила товарища, и темное пятно крови расплывалось на его груди. На всю жизнь запомнился мне этот момент боя – пуля миновала меня, а я ведь находился в пригнувшемся положении значительно выше раненого, подтаскивая его к краю воронки. Освободив от фашистов ст. Тапа, наш полк продолжал наступление, освобождая Прибалтику.

Во время наступления мы имели больше потерь, чем противник, находясь в обороне. Поэтому сменяемость личного состава – особенно в пехоте – происходила значительно быстрее, чем в других родах войск. И поэтому в памяти остались единицы имен бойцов и командиров.

Не могу не сказать о человеческом предчувствии. Боец Иван Дубинский, как и другие ребята, прибыл к нам в роту из освобожденной территории. Комроты Шпагин, учитывая неподготовленность молодых людей к боям, на первых порах ставил их в пару к уже «обстрелянным бойцам». Так оказался со мной в паре боец Дубинский из г. Винницы, который шел в первый свой бой. На пути к исходному рубежу нас обстрелял «ишак» (многоствольный миномет противника). От взрыва тяжелых мин со стен воронки сыпалась земля, с визгом и свистом летели над укрытием осколки. Лежа на дне воронки, Дубинский настойчиво просил взять его домашний адрес и сообщить матери о его гибели. Мне стало от этого не по себе. Но, конечно, риск в атаке громадный, но приговаривать себя к смерти заранее, паниковать – противно. После боя я написал матери Дубинского о гибели сына. Тяжело было писать об этом, но дал слово товарищу – исполнил.

И снова настало время, что нас сменила другая часть, и мы двинулись в тыл на формирование и отдых. Измотанные боями и быстрыми маршами, почти без сна, полуголодные, тут же на привалах, едва прикоснувшись к земле, засыпали. На одном из привалов нам зачитали приказ командира дивизии, в котором говорилось, что изменить маршрут в направлении к фронту к высоте 120 и овладеть этим опорным пунктом фашистов. Нелегко было воспринимать этот приказ до предела уставшим людям: война, приказ есть приказ – должен быть выполнен.

Когда мы прибыли на место, нам дали два дня на подготовку и отдых. Операция называлась – атака «За огненным валом». Из всего личного состава полка была сформирована штурмовая рота. Ночью с предельной осторожностью мы выдвинулись к высоте и на возможном расстоянии от противника зарылись в землю. Ночь прошла довольно сносно. Противник постреливал и чаще побрасывал осветительные ракеты. Работа тут же замирала, когда ракета, шипя, взлетала вверх, освещая местность. Также тихо наступало утро, но напряжение постепенно нарастало... И как только из-за леса показался красный диск солнца – это был сигнал к атаке.

От залпа орудий загудела округа, заколыхались земля и воздух. Снаряды со свистом летели над головой, высота словно осела в дыму и пыли. Мы без подачи команды бросились на высоту. Огонь артиллерии с первого залпа был перенесен на тылы противника. Фашисты не ожидали, что с первым залпом окажемся у них в траншее. Фрицы забились в «лисьи норы» (подкопы под стену) в ожидании конца артогня. А потом, как обычно, в упор [начали] поливать нас огнем из пулеметов. Быстрота нашего действия обеспечила нам успех боя. Была такая у фрицев фраза: «Русь на снарядах прилетела». Да, это выражение, кем-то сказанное, отвечало нашему положению дела. Но в такой атаке «за огненным валом» должны быть точные расчеты и взаимность артиллерии и пехоты, недолеты снарядов – удар по своим. Было взято в плен около 30 чел. фрицев.

Бои без потерь не бывают. И на этот раз двое наших бойцов получили тяжелые ранения – лишились ступней, подорвавшись на минах, и несколько бойцов отделались легкими ранениями, в т.ч. и я, но сильный удар осколком пришелся по кости шейного позвонка, и я на мгновение потерял равновесие, но не упал, из руки выпал автомат. Но тут же я справился и продолжал движение.

На высоте мы закрепились, а через сутки нас сменила другая часть, и мы отошли в тыл на формирование и отдых. Остановились в лесу, как обычно, а рядом простиралась большая поляна. Вдали был виден хутор, и рядом паслись несколько лошадей. Накануне прошел сильный дождь, и в лесу было очень сыро. А нам, до нитки измокшим, хотелось побыстрее обсушиться и – главное – заснуть. Сон сковывал все движения, а костер никак не загорался. Мокрый сушняк шипел и тут же затухал.

Комроты Шпагин сказал мне: «Сбегай на хутор и раздобудь сухих дров, оружие не бери – побольше принесешь».

На подходе к хутору меня остановил часовой, направив на меня винтовку, и заорал: «Товарищ капитан, я задержал вора, опять за лошадьми пришел. Явившемуся капитану я объяснил цель своего прихода и на просьбу предъявил «красноармейскую книжку». Но как оказалось, этого довода оказалось капитану недостаточно, и он, оставив меня на попечение часового, удалился в помещение, где находилась связь, выяснять мое «происхождение». Мне противен был этот щеголеватый «сторож». И тем более его рассказ об украденных лошадях, что вообще меня не касалось. В свою очередь я дал волю своему гневу и с тем оценку «тыловику-служаке» за

свою обиду. Пока я ждал, меня окружала совсем другая здесь «война». Но война есть война – каждому свое...

А на передовой? Не только масса огня обрушивается на людей, но и капризы природы тоже не щадят. Днями, сутками приходится быть под дождем и снегом и находиться в сыром обмундировании пока смилуется сама природа, вздохнет сухим ветерком или морозцем, обсушит пахаря войны. А что касается питания в бою – не прогневайся, один раз в сутки, если возможен подход к «передовой» под покровом темноты.

Бывало и так во время наступления – от частых дождей дороги превращались в месиво, транспорт буксовал, становился, отставал. Пехоту просили ласковым словом: «Славяне, помогите». Бойцы откликались на просьбу, подставляли свои натруженные плечи под борта машин, вытаскивали засевших. В таком случае стрелковые подразделения далеко отрывались от своих хозчастей и приходилось быть совсем без питания. Но находили выход, чтобы утолить голод, на пути неубранных плантаций овощей.

Временный мой «арест» закончился. Прибыл из нашей части представитель, и я с ним отправился в свое подразделение.

Костер уже хорошо горел, парило развешанное обмундирование. Помогли развести огонь раздобытые ребятами толовые шашки, и влажный сушняк хорошо горел.

Как-то на марше комполка п-к Лещев, ехавший на коне, поравнявшись с нашей ротой и обратившись к комроты Шпагину, произнес: «А солдат-то еще жив?». «Пока да! Его звезда еще горит», – ответил Шпагин. Эти слова были сказаны в мой адрес.

Возможно, я запомнился полковнику – трижды из его рук получал боевые награды, благодарность. И не раз во время формирования части, будучи в наряде, охранял машину, где временно проживал полковник с женой и ребенком. Приходилось видеть, как было тяжело матери с грудным ребенком на фронте с бесчисленными неудобствами и опасностями.

После завершения боев в р-не Резекне Шпагин сказал мне: «Хватит воевать, поедешь в тыл учиться на командира стрелкового взвода, а через шесть м-цев, глядишь, и войне конец».

Меня это почему-то удивило – война идет, а я отправлюсь учиться? Мне очень не хотелось уезжать, привык за многие месяцы к фронтовой жизни, к людям, а особенно к командиру Шпагину. И я стал просить командира не посылать меня на учебу. И добавив к этому, сказал, что у меня отец в 1937 г. осужден на 10 лет, и едва ли разрешат мне быть командиром.

«Командование уже навело справки, осталось только тебе получить в штабе направление и отправиться», – сказал Шпагин. Но я продолжал просить командира об изменении приказа, и комроты согласился поговорить в штабе о моей замене. И, наконец, вопрос был решен в мою пользу. Вместо меня откомандировали другого бойца. И я остался продолжать воевать под командованием всеми нами уважаемого ст. л-та Шпагина.

Одним из новичков, прибывших к нам в роту, был старшина Мурадян. Родом ст[арши]на из Армении, человек высокого роста, атлетического телосложения, красавец-мужчина. Шпагин сразу назначил Мурадяна старшиной роты, поручив ему выполнять материальное снабжение роты автоматчиков. Мурадян с кавказской горячностью отрицал это поручение. «Я хочу быть в бою, мне только 23 года, а это поручение для стариков», – горячился старшина.

«Повторите приказание», – сказал командир. И, конечно, тут все стало на свои места. Мурадян приступил к своим обязанностям. За короткое время работы стало видно, что Мурадян на своем месте. Его старание быстро узнали в полку – завидовали нашему командиру. Но снабженцы, которым он не позволял и пяди фальшивить, по-другому относились к старшине – как нарушителю спокойствия. Мурадян требовал все, что положено для солдата. И если замечал что-то неладное, мог тут же опозорить виновника и приклеить словечко по заслугам, невзирая на звание.

Мне и др. бойцам приходилось не раз помогать старшине, быть в хозтылах и видеть старшину в деле, какой он всегда непримиримый к недостаткам. На этот раз по приказу командира я вышел навстречу старшине, чтобы поделить с ним тяжелую ношу. Но он шел не один, а с писарем роты Талашенко, который нес термос с первым блюдом. До расположения роты оставалось не более километра, как начался бешеный минометный обстрел дороги. Мы бросились в сторону от взрывов, плюхаясь в первые попавшиеся углубления, воронки. Как и начался обстрел, так быстро кончился. На наш оклик Талашенко не отзывался. Мы насторожились – что случилось? Вдруг из лесной темноты услышали голос писаря: «Подождите, термос потерян!». Но сколько бы мы все ни старались найти термос, но безуспешно.

Мурадян совсем взбесился, чуть не избил писаря. Весь остаток пути старшина ругал писаря, на чем свет стоит. По приходу доложил командиру: «Но, что поделаешь, самосохранение – первое...». «Главное, что вы все живы», – ответил Шпагин.

В одной из вылазок в расположение врага разведка полка потеряла почти весь личный состав.

Командованию нужны были срочно сведения о противнике. Поэтому была сформирована рота для «разведки боем». Группа захвата «языка» состояла из 6 человек, в которую вошел и старшина Мурадян. А остальные бойцы делились на две группы, которые должны «перерезать» траншею противника справа и слева от «группы захвата» и обеспечить ей успех.

Два дня мы тренировались на условном противнике. Выделялся из всей группы ст[аршина] Мурадян. В бросках он обгонял всех ребят из своей группы. «Таких бы побольше», – сказал командир в адрес Мурадяна.

Я просил тогда Мурадяна, чтобы он разрешил мне принять участие вместе с ним в «группе захвата», но получил отказ. «Нет, ты еще молод, Леня, для таких дел», – ответил старшина. Не знаю, почему я получил отказ, ведь я не новичком был в боях и физически слабым не считался.

Подготовка закончилась, нам выдали маскхалаты, и мы отправились на исходный рубеж. Перед боем мы обнялись с Мурадяном, пожелали друг другу успеха и разошлись по своим определенным местам. Издали еще раз старшина оглянулся, махнул мне рукой и скрылся за деревьями.

Продельвая дорожки в снегу, мы ползли к траншее противника. Но противник тоже не дремал – взвились в темное небо одна за другой много ракет, освещая местность. Нас обнаружили, и минометно-пулеметный огонь врага сеял смерть. Появились раненые и убитые. Атака захлебнулась, и последовал приказ отходить.

Мы возвратились на исходный рубеж в плохом настроении. Здесь я узнал, что ст[аршина] Мурадян погиб. Он был смертельно ранен в голову. Перед боем я заметил старшине, что он идет без каски: «Живы будем – не помрем», – был с акцентом ответ.

Прошло уже много десятилетий, а Мурадян так и остался на всю жизнь в моей памяти, как человек большой души и честности. Но и патриот в своем роде был великий. «Мой Ереван – красавец город! Не то, что ваш Тамбов! После войны приедешь – увидишь», – горячился старшина.

Наш полк после наступления занял оборону. Рота автоматчиков окопалась в пятистах метрах от противника. К нам вместо выбывшего комроты по ранению прибыл третий по счету командир в звании лейтенанта прямо из училища. Ознакомившись с личным составом и материальной частью подразделения, сказал: «А вот Вам, боец, (я назвал свою фамилию) мой первый приказ: сбегать на КП батальона, забрать там гранаты и принести». Я тут же и отправился, взяв в руку шнур связи, чтобы не блуждать в темноте ночи. Через небольшой промежуток времени меня окликнул часовой, я ответил паролем: «Траншея!». И тут же я на слабый огонек коптилки спустился в блиндаж.

Комбат сердито бросил трубку, крикнул: «Нет связи! Что у вас там?». Я ответил, что когда уходил, все было тихо. А на нашем участке рвались гранаты и строчили автоматы. Комбат, быстро взяв автоматы, с двумя бойцами побежал на участок нашей роты. Наложив в вещмешок гранаты, я тоже отправился обратно.

Пока мы добежали, было уже все закончено. Выяснилось, что блуждающая по нашим тылам группа фашистов, ища лазейку «к своим», наскочила на нашу оборону, и завязалась схватка. А фрицы, которым удалось прорваться, были перебиты нашим взводом, находившимся несколько впереди КП роты. У нас несколько человек получили ранения, в том числе и комроты [был] тяжело ранен в руку. Пока я короткое время отсутствовал, с тыла произошло нападение фашистов на нашу роту. Много на фронте было делом случая – или «шальная» шлепнет наповал, или граната, упавшая рядом, не взорвется.

Поступил приказ «В наступление!». После артподготовки подразделения полка поднялись в атаку. Прорвав оборону противника, мы преследовали врага, не давая ему закрепиться. В момент атаки, как только сходу я приготовился перепрыгнуть траншею, к моим ногам был выброшен

автомат. А на глубине траншеи с поднятыми руками сидел фриц и громко бормотал: «Гитлер капут, Гитлер капут». Не задерживаясь, я продолжил движение вперед, а фриц, как «заводной солдатик», не отставая ни на шаг от меня, бежал за мной, бормоча одно и то же. Наконец мне такое «соседство» надоело, и я остановился, направив на него автомат. Фриц оторопел, дал задний ход и, развернувшись, побежал к нам в тыл.

На этот раз к нам пришло пополнение прямо на передовую в бой. Несколько бойцов прибыли после излечения в госпиталях. С вновь прибывшими к нам в подразделение был зачислен и боец Степанов. Он запомнился одетым не по форме, в обрезанной выше колен шинели. На замечание командира он ответил, что ему так удобнее – не мешает шагать, травма ноги не выносит малейшей нагрузки, и ему выдали бушлат. Боец Степанов на всю жизнь остался в памяти как большой патриот Родины, не пожелавший ехать за войной как инвалид, хотя имел на это решение комиссии о зачислении его в хозчасть.

Мне не раз с товарищами по приказу командира приходилось идти в хвосте колонны с тем, чтобы предотвратить отставание личного состава подразделения. На марше в ночное время бойцы, утомленные боями, без сна, засыпали на ходу, часто в полусне потеряв направление, двигались в сторону от строя (что было небезопасно – попасть под гусеницы танка или машины, рядом двигавшихся с погашенными фарами). Утомление брало верх, на коротких привалах, не разбирая, где только возможно, коснувшись земли, тут же засыпали. Потом требовалось немало усилий над собой, чтобы вновь подняться и двигаться.

Помню, из строя вышел боец и, присев на обочине, стал переобуваться. Это был боец Степанов. На мой вопрос: «Что случилось?» «Культя натирается» ответил он. У него на одной ноге не было пальцев, что не могло не мешать в ходьбе. Служил Степанов в полковой разведке, много раз был в боях. После госпиталя его направили в хозчасть ездовым, но он не захотел оставаться вне боя и упросил нашего командира Шпагина зачислить его в роту автоматчиков. «На одну атаку меня хватит!» – сказал Степанов. После очередного боя Степанов получил ранение и [был] отправлен в госпиталь.

Как-то на пути к передовой мы подобрали ПТР с комплектом снарядов. «Возьмите на всякий случай», – сказал комроты. На участках, где проходили бои, много всякого доброго и недоброго валялось.

Где мы окопались, на противоположной стороне находился полуразрушенный сарай и недалеко лес, откуда и доносился гул мотора. Потом из-за стены сарая показался танк, ворочая башней в нашу сторону. «Сейчас плюнет», – промелькнула мысль. И тут же лязгнул выстрел ПТР моего напарника, и клубы дыма и огня охватили всю заднюю часть машины. Хорошо было видно, как танкисты драпанули в лес от горящей машины.

После нескольких дней нашего наступления была дана команда занять оборону до особого приказа. На передовую к нам прибыл писарь роты Талашенко – как всегда, для составления «строевой записки» (сведения на оставшихся в живых личного состава роты).

Потом попросил меня и напарника по ПТР расписаться в документе за деньги и вручил нам по 40 руб. за подбитый танк и сказал: «Старайтесь», что сейчас за каждый подбитый танк командование выплачивает 80 руб. А зачем нам нужны были деньги в таких условиях? Мы попросили писаря переслать их матерям.

На фронте тогда рядовому составу ежемесячно на «карманные расходы» выплачивали по 10 руб. Мы, тогда согласовавшись с командиром, решили не получать, а перечислить их на производство «нового оружия» – так тогда у нас называлось это мероприятие.

На этот раз, двигаясь к исходному рубежу фронта, мы получили пополнение прямо на марше. К нам в 3-й взвод прибыл новый комвзвода ст. лейтенант, которого по ранению из летного состава списали в пехоту. Знакомясь с личным составом взвода, ст. л-т заметил: «В авиации хоть есть скорость, а у вас в пехоте никакой защиты». Почему? И в пехоте есть защита – каска и лопатка, засунутая за пояс впереди.

Отмеряя километры по раскисшей глинистой почве в пудовой обуви, мы подошли к неизвестному селению (бывшему), где торчали одни лишь трубы и развалины построек. Здесь недалеко работала похоронная команда. На лошадях подвозили трупы и складывали в ряд. Каждый из погибших бойцов имел свою какую-то определенную позу – как находился в бою и застыл по своему. Теперь они тихо лежали рядышком в своем белесом, просоленном потом, обмундировании, без обуви.

Сняв головные уборы, мы с грустью на душе поклонились им. И каждый, из нас идя в бой, не мог не думать, чтобы отомстить врагу за своих сверстников, если успеет сделать прежде, чем сам упадет в бою.

Потом комроты каждому взводу определил направление и исходный рубеж атаки. А для связи оставил по одному бойцу от взвода. Оставили и меня. Когда взводы вышли на исходный рубеж, нас отправили с донесениями. Мне пришлось добираться, ползти по неглубокому кювету – дорога простреливалась снайпером. Я имел опыт в таком случае и знал – снайперу достаточно 2-3 секунды, чтобы поразить цель. Надо было обмануть снайпера и появиться там, где он не ждет. Лежа, подготовился, засунул ствол автомата за пояс, подтянул ремень каски и приготовился к прыжку. Когда я в броске** появился на дороге, то «разрывная» лопнула совсем рядом зеленым огоньком и дыхнула мелкой галькой в лицо. «Промахнулся!» – подумал я. Когда я скатился в низину, то почувствовал боль в голени. Оказалось, я до крови сбил голень. Подлечив ссадину своими средствами, продолжил путь.

«Где взводный?» – спросил я бойца. Он как-то неловко сделал паузу и указал на лежащего под плащом человека: «Снайпер. Разрывной в живот. Быстро умер», – сказал он. Все было ясно: «У вас в пехоте никакой защиты», – вспомнились слова командира.

Наша задача была (наступающей стороны) не только выбить врага с его позиций, но и стремиться к тому, чтобы не дать ему закрепиться и оказывать нам активное сопротивление. Но не всегда удавалось преследовать «по пятам»: скорость у пехоты в непогоде по раскисшей почве была

минимальная. Да и вся мехчасть по разбитым дорогам застревала на пересеченной местности. Поэтому в таких условиях поддержка огнем пехоты сводилась к минимуму.

Так мы, сильно уставшие, подошли в р-н хутора Брувери Лат[вийской] ССР. Не выходя из лесу, мы остановились, чтобы передохнуть и перекусить, что у кого осталось от н.з. (неприкосновенный запас). Расположились мы под елями на ночь, наломав лапок и веток для постели, мгновенно засыпали, но сон был коротким, тело буквально застывало, и, казалось, кровь совсем не греет. И тут же вскакивали. И так всю ночь под мокрым снегом. А в сознании крутилось: «Скорее бы одного конца».

За ночь выпало много снега. Мы одели маскхалаты и двинулись цепью к хутору. Было все тихо, но на полпути метров за 300 весь хутор засветился вспышками выстрелов пулеметно-автоматных очередей, густо рвались мины, появились убитые и раненые. Через несколько минут атака захлебнулась. Ранение в ногу получил комроты. Находясь поблизости, я бросился оказывать ему помощь, чтобы укрыться в воронке и сделать ему перевязку. Но в эти секунды, которые я тащил его, мне казалось «разорвется грудь» от сверхмерного физического напряжения. Скатываясь в воронку, я хватал ртом снег хоть как-то погасить жар напряжения. Разрезав сапог на ноге командира, затянул бинтом раненую ногу, приостановив течь крови.

Со второго захода атаки, получив пополнение из резерва полка, враг был выбит.

После уже разберешься о нависшей смертельной опасности каждого шага в бою – когда я к укрытию двигался с командиром, то у меня из-за пояса под курткой в штанине вниз сваливались гранаты «лимонки» и застревали в штанине. Попади тогда в одну из пяти гранат пуля или осколок, тут ясно, что для нас с командиром стало [бы]. Когда я извлек из штанины гранаты, комроты заметил: «Бочка с порохом».

Пришла весна военного 1945 г. В это время из Прибалтики на запад перебрасывалось большое количество войск и техники. Как говорили тогда, для «главного удара». Поэтому средства поддержки у нас в пехоте оставались минимальными.

Не стало такого массивированного огневого вала нашей артиллерии, как прежде. Теперь вся нагрузка в прорыве обороны противника ложилась на плечи пехоты в расчете на быстроту ног бойцов в преодолении «нейтралки» до позиции врага. Да и роты были малочисленны – 60-70 бойцов личного состава, а то и меньше.

Настало время и нам, рядовому составу, распрощаться со своими командирами, кому довелось многие месяцы быть вместе в боях и походах. Обидно было, что наши командиры уходят, а мы остаемся в надоевшей нам всем почти постоянно мокрой Прибалтике. А нас, рядовой состав 942-[го] СП передали в распоряжение 256-[й] СД, которая в то время входила в состав 10-[й] гв. армии. Штаб армии располагался в г. Ауце Лат[вийской] ССР. Эта армия вела бои в р-не Курляндии. Тогда две ее стрелковые дивизии – 8-[я] гв. див. (Панфиловская) и 29-[я] гв. див. – развернули наступление в районах

Каупини и Зимяли и прорвали оборону противника, продвинувшись на 20-25 км вглубь расположения врага. Но соседи этих дивизий не выдержали фланговых ударов пехоты и танков противника, и поэтому эти две наши дивизии оказались в окружении.

Это было в середине марта 1945 г. Нашу роту подняли по тревоге на прорыв обороны противника. На марше старшина роты заметил мне, «что ты как аист – один без каски маячишь». На этот раз я одел чью-то каску, на пути подобранную. Думал – ничего и без каски не случится, как и в прошлом бою.

По прибытии на место мы заняли исходный рубеж для атаки, здесь немного сзади нас находился один танк для нашей поддержки.

Рано утром был густой туман. Перед боем мы немного закусили, что было доставлено, и стали готовиться к бою. Бой разгорелся в лесу. Стреляя и перебегая от дерева к дереву, нам удалось выбить противника с его первых рубежей. Противник открыл минометный огонь. Взрыва я больше не услышал, земля поплыла из-под ног, и я упал. Не знаю сколько времени я лежал – кажется, что не так долго, открыл глаза и увидел рядом лежащую окровавленную каску с пробойной на середине и руки санинструктора, бинтовавшего мне голову, а когда стал поднимать меня, я тут же упал, правая нога совсем не держало тело. Помог один боец, и они вдвоем на плаще доставили меня на перевязочный пункт. А потом посадили в автомашину и отправили в санбат, где и сделали мне операцию. После я узнал, что ранение – проникающее, из головы извлекли один металлический осколок и несколько костных. После трепанации черепа в теменной части отверстие равно 7 x 2 см.

После двух недель полулежачего положения во фронтовом госпитале в числе других раненых я был отправлен в тыл в г. Горький в черепной госпиталь № 2794 по ул. Больничной, 34. Где я попал на лечение к профессору Гаркави Х.И. – добрейшему человеку, которого я ярко помню всю жизнь и его наставление: «Не пить спиртного и не курить. Сейчас весна, старайтесь употреблять парное молоко – главное, что восстановит вам здоровье». Так напутствовал нас профессор Гаркави при выписке из госпиталя.

День Победы мы встретили на госпитальной койке. Все были в неопишуемой радости, гордости и грусти за тех бойцов-героев, отдавших свои молодые жизни за Родину. В этот день 9.V.45 г. был приказ Верховного Командующего, в котором говорилось, что где бы участник войны ни находился, он должен был в честь Победы получить сто граммов водки. Профессор Гаркави сердечно поздравил нас, как своих сынов, с Днем Победы. Потом сказал, что он не может отменить приказ, но посоветовал, чтобы мы с черепными ранениями воздержались от питья водки. Это строго противопоказано – особенно в период лечения.

Почти все мы, молодые солдаты, в палате последовали совету профессора. Но как только он ушел из палаты, сосед по койке – лет сорока боец (звали его «старшой») – выпил свою водку и попросил у меня. Я, конечно, отдал ему, и так поступил второй его сосед. Выпитые триста

граммов развеселили солдата, но ненадолго, нам пришлось срочно вызывать врача – «старшому» стало очень плохо. Прибежали с носилками и отправили его в операционную. Трое суток боролись за его жизнь, победили. После, когда «старшой» стал поправляться, сказал, что была у него страшная боль, когда ранило, и то легче было. У него получилась опухоль мозга. Теперь он дал зарок для себя и детей и внукам закажет, чтобы они не употребляли водку. Вот и грянул гром....

Я вспомнил тогда и благодарен поныне старшине роты, который приказал мне одеть каску. День Победы я бы не встретил. Стальной шлем защитил, не дал осколку прошить голову насквозь. После госпиталя я дважды в разное время отвечал на присланные мне открытки профессора Гаркави Х.И., в которых он спрашивал о состоянии моего здоровья.

По приезде домой я получил выписку из приказа по 256-[й] СД за подписью комдива генерала Казиева о награждении меня орденом Славы 3-[й] ст., который вручил мне представитель райвоенкомата, как рядовому, за отличие в боях в составе 937-[го] с[тр.] полка.

День ото дня болезнь отступала, становилось легче. После месячного лежания в койке разрешено было на небольшое время подниматься. Трудно было сначала без опоры удерживать равновесие. Первые шаги с опорой на койку, а потом на костыль, так постепенно и пошло.

В конце мая 1945 г. меня комиссовали, признали инвалидом Отечественной войны со снятием с воинского учета, с продолжением лечения по месту жительства. По прибытии домой я долгое время не мог обходиться без посторонней помощи. Вся семья – бабушка, мать и сестры – всячески старались помочь мне, накормить получше. Ежедневно по утрам кормили меня парным молоком. Это в большей мере помогло мне встать на ноги, и уже к осени я стал по возможности работать по хозяйству, помогать семье. Особенно трудно я переносил жаркую погоду, до тошноты болела голова. Это так и осталось в меньшей мере. Но на всю жизнь укрываться от солнца, если температура выше 18⁰. Специальности у меня не было, продолжать учебу в школе я не мог по состоянию здоровья. [...]***.

ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 5. Д. 19. Л. 1-19 об. Подлинник.

* Опущены биографические сведения довоенного периода.

** Слова в *броске* вписаны над строкой карандашом.

*** Опущены биографические сведения послевоенного периода.

№ 1402

Воспоминания А.П. Собкалова¹⁷⁴

2005 г.

Сначала я был вооружен пулеметом, затем противотанковым орудием. Запомнился мне один из боев. Перед атакой нашей пехоты я вместе с

товарищами заметил в тумане недалеко от наших боевых позиций немецкое самоходное орудие. Не теряя времени, мы подбили орудие, уложили выскочивших из подбитой машины немцев. Вскоре наша пехота пошла в наступление. В этом бою мне удалось подбить еще один танк, после чего я был ранен в голову и руку.

После излечения в эвакогоспитале № 79, который находился в польском городе Тарн, я воевал в составе 206-го запасного стрелкового полка.

Иногда бывали и такие случаи: немцы поднимали вверх руки и шли к нам сдаваться. Среди них совсем еще юные ребята, которым не хотелось воевать. Мы относились к таким пленникам доброжелательно. Поэтому они отдавали нам все, что было с собой дорогого, даже подарок матери. Я отказывался от таких подарков. Наши бойцы отбирали у пленных оружие и отправляли их в тыл.

Незабываемые воспоминания остались после форсирования реки Одер. Больше суток советские бойцы строили плоты. Когда начали переправляться через реку, огонь противника был настолько сильным, что только чудом можно уцелеть и добраться до противоположного берега. Двое солдат, чтобы избежать переправы, сами прострелили себе руки. Врач в медсанбате установил причину ранений. По приговору военного трибунала солдат расстреляли перед строем. Это делалось во избежание повторения подобных случаев и для прекращения возникшей паники.

Музей истории тамбовской милиции УВД по Тамбовской области.
Подлинник.

№ 1403

Воспоминания В.А. Ефимова*

1975 г.

Состав штурмового отряда, в состав которого входил взвод при начале штурма Данцига: стрелковый батальон, арт. батарея, штрафная рота и взвод саперов-штурмовиков (батальон очень потрепанный).

Этот отряд начал действия ночью до общего штурма города, выполняя разведку боем. А общий штурм был начат утром. Мы в это время уже были в городе, на окраине.

Во время ночного боя почти полностью погибла штрафная рота, а батальон понес большие потери, и отрядом некоторое время командовал я, т.к. взвод был к утру самым боеспособным.

В ходе боев взвод тоже нес большие потери. Начал я с 26 саперами. Через Мертвую Вислу переправилось уже только 13 (со мной вместе). К концу боя за город нас осталось 5 человек. Остальные были либо убиты, либо ранены и отправлены в тыл. Такова горькая арифметика войны.

В наградном листе указано, что «взвод овладел семью кварталами... после чего вышел на берег реки Мертвая Висла». Это неточно. На самом деле было так. Окраину ночью мы захватили взводом (дом трех-четырёхэтажный) и держали до утра, когда началось общее наступление. Утром мы присоединились к тому штурмовому отряду, с которым начали воевать еще ночью. Хотя он и понес ночью большие потери, но продолжал вести бой впереди основных сил дивизии. А вот саперы взвода – впереди отряда, но с его поддержкой. Мы проделывали проходы – разминировали, и тогда только пехотинцы двигались вперед. А несколько раз мы и без пехотинцев захватывали очередной дом, самостоятельно вели бой – это и отражено в наградном листе: «...уничтожив 25 немцев, взял в плен 45 человек». Никто их, конечно, точно не считал, но порядок цифр похож. Мне был придан связист с телефоном и катушками провода, он двигался со мной, и я после проделывания проходов и при других действиях держал связь с командиром батальона, который командовал всем штурмовым отрядом.

По телефону же я вызывал огонь батареи – помню, в частности, по дому, из которого вели немцы огонь и не давали нам разминировать перекресток. Ко мне на НП – к окну в комнате второго этажа – пробрался офицер-артиллерист (видимо, командир огневого взвода или батареи) и скорректировал огонь. Они здорово раздраконили этот дом, и только после этого нам удалось подобраться к очагу мин и снять их. Мы артиллеристам тоже помогли – двумя взрывами проломил стену дома и кирпичную ограду, чтобы они могли протащить свои пушки (это уже в другом месте) на прямую наводку. Взрывали немецкими же противотанковыми минами, снятыми на перекрестке. Так что эти семь кварталов захватывал не взвод саперов, но наша доля в этом была.

А вот к реке вышли мы первые, еще никого не было из наших на берегу. Может быть, поэтому и удался наш бросок через реку, который не могу не назвать нахальным. Действовали одни, без поддержки. Но и цель у нас была не наполеоновская. Хотелось пока темно, пока еще тихо, до начала форсирования провести разведку другого берега, нет ли там мин и «колючки», не напорются ли наши, когда начнут переправляться. А получилось так, что вернуться мы уже не могли. Когда нас обнаружили, пришлось принять бой. Ну, а дальше было так – отбивались до утра. Утром помогли нам здорово артиллеристы – отогнали немцев, которые подбирались к нам по окопам и ходам сообщения. А вот когда начала переправляться пехота, огонь из дота прямо разметал всех по воде, и форсирование сорвалось. Вот здесь и сыграла роль наша атака этого дота. После того, как мы захватили этот дот, по реке прямого огня (прицельного пулеметного) уже не было. Был только огонь с закрытых позиций артиллерийских и минометных. А это уже не так страшно, вот тогда и началось уже успешное преодоление реки.

Коротко о доте. Это был не стандартный дот. Это было железобетонное надземное бомбоубежище, превращенное в дот. На острове из-за близости грунтовых вод убежища от бомбежек построили немцы наземными – вроде

домов, но без окон и с толстенными стенами и перекрытиями. Внутри три или четыре этажа. Стены рассчитаны против авиабомб, поэтому пушки 76-мм их не брали. А когда готовились к наземной обороне (а может быть, это было и раньше), сделали в стенах амбразуры: через них и били пулеметы по реке.

Гарнизон дота был большой. Цифры в наградном листе соответствуют правде. Кстати, деталь: когда пленных вывели из дота (точнее, они сами выходили, бросая оружие), я приказал их построить и вести к реке. Но с того берега приняли эти действия за вылазку немцев и открыли огонь. Только благодаря связисту, который на счастье оказался рядом, удалось утихомирить шквал огня, и все же кое-кто из немцев был ранен.

Вообще этот связист был отчаянный и боевой парень, он держал устойчивую связь во время боев в городе. К сожалению, не помню ни фамилии, ни имени. Погиб он на моих глазах, когда (это уже после острова Холм на пути к морю) нас прижали с фланга пулеметным огнем, а связь прервалась, и нацелить артиллеристов я не мог. Связист бросился по линии, и его скосил этот самый пулеметчик.

Вообще и после переправы через Мертвую Вислу потерь было много. Очевидно, сопротивление возрастало по мере того, как наши войска сжимали полукольцо, прижимая немцев к морю.

После переправы через Мертвую Вислу с другой стороны острова (кто-то уже переправился впереди нас) взвод продолжал обеспечивать совсем уже поредевший штурмовой отряд. Хотя мин уже больше и не попадалось, все подозрительные места надо было проверять. Людей осталось уже совсем мало, в последний день были убиты саперы Линник, Шашманов, Ситорчук, ранен Чебыкин. Когда добрался до нас связной из нашего батальона с приказом о выходе во 2-й эшелон, осталось пять человек – все оборванные, грязные, увешанные оружием и немецкими гранатами.

Кстати, об оружии. В первый же день боев мой ППШ был разбит осколком, пришлось его бросить и вооружиться карабином (это кроме пистолета). Потом карабин бросил и вооружился немецким автоматом, но он меня подвел – отказав во время боя. Наконец, снова вооружился ППШ, взятым у убитого своего сапера.

Другие подразделения (роты, взводы) 12-го батальона также участвовали в боях, они обеспечивали продвижение полков дивизии, впереди которой и действовал наш штурмовой отряд. Им тоже пришлось нелегко – надо было расширять проходы в минных полях, пробивать бреши в баррикадах, участвовать в атаках на узлы сопротивления. Потери были и там большие (особенно в офицерах).

Личный архив Л.Г. Дьячкова. Подлинник.

---

* См. письма В.А. Ефимова матери Н.Н. Ефимовой (№ 576, 1112-1117), наградной лист В.А. Ефимова (№ 1118).

№ 1404**Воспоминания А.Н. Каширского**

1992 г.

Более трех лет длилась героическая оборона Советского Заполярья. 29 октября 1944 г. завершилась Петсамо-Киркенесская операция. 20-я горная армия гитлеровцев была разгромлена. Наши воины освободили Советское Заполярье, Печенгскую область и северную часть Норвегии.

После небольшого отдыха, пополнив полки личным составом и вооружением, обучив личный состав борьбе с танками на равнинной местности, наша дивизия из Рыбинска, куда она прибыла из Крайнего Севера, двинулась на запад. Выгрузившись из железнодорожных эшелонов в Белостоке, части дивизии, в распутицу пешим порядком пройдя 300 километров, 20 февраля 1945 г. сосредоточились на подступах к городу Бухгольц. К этому времени войска 2-го Белорусского фронта, в состав которого входила теперь наша дивизия, полностью отсекали восточно-прусскую группировку гитлеровцев от Германии.

В Восточной Померании, где нам предстояло наступать, сосредоточилась группа армий «Висла» под командованием Гимmlера. Непосредственно нашей дивизии противостояли на хорошо подготовленном рубеже части 32-й пехотной дивизии немцев. Кроме инженерного оборудования гитлеровцы приспособили к круговой обороне все кирпичные здания.

Всего трое суток было в нашем распоряжении для подготовки наших частей к прорыву вражеской обороны. Мне, в то время начальнику оперативного отделения штаба дивизии, пришлось без отдыха дни и ночи работать по оформлению решения комдива, планированию боя и контролю за ходом подготовки войск. На каждый километр фронта прорыва дивизия имела 152 орудия и миномета и около 30 орудий прямой наводки.

Ранним утром 24 февраля был дан первый залп артподготовки, которая длилась около часа. С переносом артиллерийского огня вглубь обороны гвардейцы с тысячеголосным «Ура!», стреляя на ходу, бросились в атаку. С НП, где я находился вместе с командиром дивизии, было видно, как наши бойцы овладели позициями врага и завязали бои в самом городе. В ход пошли гранаты и приклады. Гитлеровцы отчаянно сопротивлялись. Каждый дом приходилось брать с боем. К концу дня, прорвав главную полосу обороны, дивизия продвинулась на 10-12 километров, уничтожив много живой силы и техники противника.

Отступая, немцы на отдельных рубежах крупными силами пехоты при поддержке танков переходили в контрнаступление. Так, на дальних подступах к Руммельсбургу 35-й гсп был контратакован противником силами до полка пехоты с двадцатью танками. Для нашего полка сложилась критическая ситуация. Солдаты, сержанты и офицеры полка проявили

стойкость и мужество. Командир орудия сержант Заяц и наводчик младший сержант Кузьмин в упор подбили 3 танка, а минометчики своим огнем отсекали от танков пехоту противника. Атака немцев была отбита с большими для них потерями.

28 февраля части дивизии вышли к городу Руммельсбург. Он являлся одним из главных опорных пунктов Померанского вала. Оборона состояла из многочисленных инженерных сооружений. По данным разведки, в городе были сосредоточены крупные силы противника, в том числе танковые части и войска СС. Фашистское командование намеревалось использовать их для контрудара по войскам нашей 19-й армии. Нужно было упредить фашистский замысел. 10-й гвардейской дивизии было приказано немедленно штурмом овладеть городом.

Трудность в выполнении поставленной задачи заключалась в том, что распутица, снегопад и непрерывные бои значительно подорвали физические возможности наших воинов. Кроме того, слишком маленький срок не давал возможность подтянуть артиллерию, тылы и боеприпасы ближе к исходному положению для наступления. В этих условиях успех могли обеспечить внезапность штурма, решительные дерзкие действия всех частей и подразделений, четкая работа штаба.

После тщательного анализа обстановки с учетом сложившихся условий командир дивизии принял решение атаковать прикрытие и гарнизон города ночью внезапно, одновременно с флангов и тыла и штурмом овладеть Руммельсбургом. С этой целью разведрота должна была скрытно под покровом ночи выйти в тыл главному опорному пункту, 28-й и 35-й стрелковые полки – занять позиции на флангах, артиллерия и «катюши» мощным огнем должны были уничтожить цели врага одновременно с атакой пехоты.

С наступлением сумерек части дивизии стали выдвигаться на исходные рубежи. Медленно тянулось время в ожидании докладов их к штурму. Ровно в полночь в небо взвилась красная ракета. Мощный артиллерийский огонь по врагу возвестил о начале штурма. Батальоны 28-го и 35-го полков с флангов и разведрота с тыла, ведя огонь с ходу, пошли в атаку. Гитлеровцы растерялись, так как удар для них был неожиданным, особенно с тыла. Позже, разобравшись в обстановке, они неоднократно контратаковали с использованием танков и артиллерии. Однако эти атаки были неорганизованными и отражались с большими потерями для немцев. К исходу дня 3 марта город был полностью очищен от фашистов.

В дальнейшем часть сил 2-го Белорусского фронта, в том числе наша 19-я армия, повернув на северо-восток, повели наступление на Гдыню и Данциг. Противник, отступая, взрывал мосты, минировал дороги, ожесточенно сопротивлялся на выгодных рубежах. Гдыня была крупной военно-морской базой немцев, куда устремились отрезанные от основных сил и разобщенные части. К началу нашего наступления в городе было около 20 дивизий. Всю эту массу войск с боевой техникой и местное население

гитлеровцы пытались эвакуировать морским путем. Поэтому город оборонялся с большим ожесточением, доходящим до фанатизма.

Во взаимодействии с танковыми соединениями и другими частями дивизия 28 марта овладела городом Гдыня. Враг был сброшен в море. В плен были взяты тысячи фашистских солдат и офицеров, захвачены сотни танков и орудий, много другой военной техники. За успешное выполнение задания командования в боях в Померании и Восточной Пруссии наша дивизия была награждена вторым орденом Красного Знамени и орденом Александра Невского. Орденов были удостоены и полки дивизии.

После боев за Гдыню десятая гвардейская дивизия совершила 250-километровый марш вдоль побережья Балтийского моря. Ей предстояло овладеть военно-морской базой Свиномюнде. Здесь немцы сосредоточили остатки своего военно-морского флота и намеревались с его помощью эвакуировать войска на другие участки фронта. Бои за Свиномюнде продолжались недолго. К рассвету 5 мая дивизия совместно с частями 113-й стрелковой дивизии полностью овладела военно-морской базой на Балтийском море.

Наша 10-я гвардейская дивизия была награждена четвертым орденом – орденом Красной Звезды. Я был назначен командиром 35-го стрелкового полка, а чуть позже командиром того полка, в котором в 1937 г. начинал службу командиром взвода.

Фронтowymi дорогами 1418 дней и ночей шли от Баренцева моря до Балтики гвардейцы Севера. И дошли до Победы.

ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 12. Д. 3. Л. 46-48. Подлинник машинописный.

№ 1405

Воспоминания И.И. Гришаева*

1975 г.

16 февраля 1945 г. командиром полка подполковником Лизогубом¹⁷⁵ была поставлена боевая задача – нанести удар по артиллерийским позициям и живой силе противника на левом берегу реки Вислы в районе населенного пункта Скурц.

Примерно в середине дня эскадрилья в составе восьми самолетов (штурмовиков Ил-2) под командованием капитана Чебоненко¹⁷⁶ поднялась в воздух. После взлета заняли боевой порядок – колонна из двух четверок на дистанции 500-600 метров друг от друга (сзади и сверху два истребителя для прикрытия Як-9). Взяли курс на северо-запад. В намеченном месте пересекли линию фронта. Через некоторое время появились разрывы зенитных снарядов. Сначала снаряды рвались где-то в стороне и сзади, но затем разрывы становились все ближе и ближе. Летчики, не нарушая боевого порядка, применяют противозенитный маневр. Мы подходим к цели на

высоте 1000 метров. Наконец, видим артиллерийские и минометные позиции немцев, а также позиции зенитной артиллерии.

Я со своим ведомым, младшим лейтенантом Иваном Леоновым¹⁷⁷ находился во второй четверке. Перед вылетом моей паре была поставлена основная задача – подавить огонь зенитной артиллерии для обеспечения удара групп. По команде командира эскадрильи группа выполнила два захода, обрушив на голову врага смертоносный груз. Атака была успешной.

При выполнении эскадрильей первого захода несколько западнее цели я засекаю позицию зенитной батареи. Со своим ведомым атакуем цель. В первом заходе с пикирования производим бомбометание по батарее. Со второго захода, уже с бреющего полета, продолжаем подавлять и уничтожать реактивными снарядами и пулеметно-пушечным огнем уцелевшие орудия. В результате двух атак огонь батареи был полностью подавлен. При этом было уничтожено три орудия. Это было подтверждено фотографированием. У нас потерь не было.

Перед выполнением третьего захода для атаки на цель я заметил силуэты восьми немецких истребителей, о чем немедленно по радио доложил командиру авиаэскадрильи. По его команде группа начала занимать оборонительный порядок. Вскоре появилось еще около двух десятков истребителей противника. Наши истребители прикрытия – два Яка – были связаны воздушным боем и не могли выполнять своей непосредственной задачи по прикрытию. Итак, мы вынуждены были принять воздушный бой с превосходящими силами противника. Мы – летчики и воздушные стрелки – активно оборонялись: маневрировали, отстреливались, как с передних, так и из задних установок. Но было очень трудно – слишком неравные силы: восемь штурмовиков, не приспособленных для ведения активного воздушного боя, против двадцати семи истребителей врага. Впоследствии об этом сообщили в полк.

Первой была атакована ведущая четверка. Воздушные стрелки этой четверки открыли дружный огонь из крупнокалиберных пулеметов. Все летчики второй четверки пушечно-пулеметным огнем помогали воздушным стрелкам.

Вот загорелся один «мессер» и, оставляя черный шлейф дыма, рухнул на землю! И тут же вражеские истребители обрушиваются на нашу четверку. Нас атакуют беспрерывно – сзади, справа, слева. Видно лишь, как истребители, закончив атаку, отваливают в сторону, чтобы вновь занять исходную позицию для следующей. Стараюсь меньше идти по прямой, чтобы не дать вражеским истребителям вести прицельный огонь. При отражении одной из атак воздушному стрелку моего ведомого сержанту Суворову удается сбить один самолет противника, но и их самолет получил повреждение и загорелся. Младший лейтенант Леонов на горящей машине отвалил от строя и направил свой самолет со снижением к линии фронта на восток. Бой продолжается. Наблюдаю, что его израненную и плохо управляемую машину пытаются добить два «фоккера». Разворачиваю машину и иду на помощь своему товарищу. Несколькими очередями мне

удается отогнать фашистов от самолета Леонова, который вскоре произвел посадку на фюзеляж в расположении своих войск.

При сопровождении самолета Ивана Леонова у меня на хвосте оказалась пара «мессершмиттов», которая непрерывно меня атаковала, но пока безуспешно. Но вот после неудачной попытки добить И. Леонова эта пара «фоккеров» разворачивается на меня. Теперь меня атакуют уже четыре самолета противника. Иду на сближение со своей группой. Впереди вижу рой вражеских самолетов, атакующих два штурмовика. Четверка врага продолжает нападение на мой самолет. Прижимаюсь к земле. На предельной скорости произвожу эволюции по вертикали и горизонтали. Но по просьбе стрелка старшины Петра Духовщинского на несколько секунд иду по прямой, чтобы дать ему прицелиться. Одна такая прямая чуть не оказалась для нас роковой! Вражеские снаряды прошили правую плоскость, перебили ногу шасси и вывели из строя правую пушку, но, к счастью, машина не загорелась. И все же нам со своим стрелком удалось сбить одного из четырех атаковавших нас вражеских самолетов. Подхожу ближе к своим, стреляю по врагу – теперь уже только из пулеметов. В левой пушке кончились снаряды. Падает еще один наш самолет. Остается один. Подлетаю ближе, вижу на самолете бортовой номер командира. Связываемся с ним по радио, слышу: «Ильич, давай в ножницы!». И вот мы с Николаем Чебоненко начали выполнение очень эффективного, но и трудновыполнимого противоистребительного маневра – «ножницы».

Противник продолжал нас атаковать. Несколько очередей прошили еще мой самолет, но машина была управляема, мотор работал хорошо. После пролета линии фронта противник преследовал нас еще километров двадцать, после чего прекратил атаки и ушел на свою территорию. А мы произвели посадку на своем аэродроме. Мне пришлось производить посадку на одно левое колесо. Посадку произвел благополучно. Кроме нас с командиром на свой аэродром вернулся экипаж лейтенанта Морозова¹⁷⁸. Через день после этого боя наземным транспортом вернулись в полк еще два экипажа, которые на поврежденных машинах произвели посадку в расположении своих войск. Это били экипажи Ивана Леонова и Сергея Долинского¹⁷⁹. Экипажи младшего лейтенанта Запсельского, младшего лейтенанта Поленьшева, младшего лейтенанта Скоблина погибли в этом бою.

Наша группа в этом бою сбила пять вражеских самолетов.

Это один из 129 моих боевых вылетов.

Личный архив Л.Г. Дьячкова. Подлинник.

---

* См. наградной лист И.И. Гришаева (№ 1241).

18 апреля 1995 г.

Родился 14 сентября 1925 г. С января 1943 г. призван в армию. С февраля по октябрь 1943 г. проходил военную подготовку в Ульяновской области по специальности пулеметчика станкового пулемета. На фронт отправили в конце 1943 г.

Началом боевого (фронтового) пути был 1-й Украинский фронт в составе 57-[го] стрелкового мотомеханизированного полка 17-[й] бригады.

Эти годы для солдат были, конечно, легче, чем июнь 1941-1942 гг., однако враг был еще силен и оказывал ожесточенное сопротивление.

Наиболее запоминающимися боевыми действиями были бои за освобождение городов Каменец-Подольска (конец марта 1944 г.) и г. Черновцы, который был освобожден 29 марта 1944 г..

На 1-м Украинском фронте наша часть стала гвардейской, а также удостоена почетного наименования «Каменец-Подольской» и «Черновицкой». В результате проведенных операций личный состав части сильно поредел, и бригада должна была выйти из боевых действий на переформирование. Но я не успел дожидаться этого выхода, так как в связи с ранением был отправлен в госпиталь вначале в г. Житомир, а затем санитарным поездом в Грузию в г. Боржоми, где находился на излечении до середины сентября 1944 г.

После выздоровления направлен через Тбилисский пересыльный пункт в г. Москву, где проходило формирование специальной ракетной бригады. Так как я в 1942 г. окончил автошколу, то назначен был вначале шофером взвода управления, а затем переведен водителем боевой машины М-31-12 – «андрюши» (это разновидность ракетной установки М-13, которая называлась «катюшей»).

В конце декабря 1944 г.-начале января 1945 г. наша 6-я гвардейская минометная бригада была направлена на 1-й Белорусский фронт на Вислинский плацдарм, где шла подготовка нового мощного наступления 1944 г. Висло-Одерская операция – под таким названием она вошла в историю Великой Отечественной – началась ранним утром 12 января 1945 г.

Сравнивая боевые операции, в которых приходилось участвовать на 1-м Украинском фронте в начале 1944 г., с этой операцией, было видно, насколько изменилась военная мощь ведения огня перед наступлением советских войск в пользу СССР, и как результат – успех наступления наших частей и беспорядочное бегство немецких войск, оставляя при этом свою боевую технику.

В составе этой бригады освобождал Варшаву и другие города Польши, я дошел до Берлина.

Однако и на 1-м Белорусском фронте были неприятные случаи и приятные воспоминания. Среди первых запомнился эпизод, чуть не закончившийся трагедией. Во время завершающего залпа на Вислинском плацдарме над капотом одной из боевых машин завис снаряд. А он представлял собой головную часть диаметром 300 мм и весом около 100 кг и

ракетную часть, где пылал огонь ракеты. Зависание произошло из-за того, что одна из направляющих лопастей была погнута и затормозила выход снаряда из ячейки. Шли считанные секунды до того момента, когда пламя дойдет до капсулы взрывной головки, и беда неминуема. Боевая машина вместе с командиром и водителем, которые находились в кабине, закрытой со всех сторон бронещитами, взлетит от мощного взрыва. Но этого не произошло лишь потому, что один из солдат расчета вскочил на капот машины, вывернул взрывную головку и забросил в кустарник. Хотя машина обгорела, и установка временно вышла из строя, но все люди были живы. Солдат получил заслуженную награду.

Приятным воспоминанием осталось то, что часть боевых машин нашей бригады направили на помощь 3-му Белорусскому фронту в боях за овладение городом и крепостью Кенигсберг. Большой помехой для успешного решения военной операции были боевые немецкие корабли, которые вели огонь по нашим войскам. Перед нашей частью стояла задача – дать залп по этим кораблям. Ранним утром, когда хорошо стали просматриваться силуэты немецких кораблей, из всех прибывших боевых машин был дан залп и через 30-40 секунд – повторный. И боевая задача была выполнена, а мы отправились вновь на свой 1-й Белорусский.

Остался в памяти и момент пересечения польско-немецкой границы. Это небольшая река, мост через нее, [где] стоял наскоро поставленный передовыми частями транспарант, написанный черной краской: «Вот она, проклятая Германия» и указатель: «На Берлин».

В боевых действиях за овладение Берлином перед бригадой встала задача изменить тактику использования нашего оружия. Дело в том, что на узких улицах с высокими зданиями Берлина невозможно было вести огонь с установок боевых машин. А продвижению пехоты не давали немецкие автоматчики, засевшие в подвалах зданий. Поэтому вести прицельный огонь по подвальным помещениям, где засели немцы, приходилось не с боевой машины, а отдельными снарядами* из окон 3-[го], 4-[го], 5-[го] этажей. Но все равно это удавалось делать, что в значительной степени облегчало боевые действия пехоты.

Войну закончил в Берлине. Бокал (стакан) за Победу мы выпили уже 1 мая – и за день международной солидарности трудящихся, и за Победу над фашистской Германией.

А 9 Мая после объявления по радио о подписании акта о безоговорочной капитуляции мы находились в пригороде Берлина, и торжества за Победу продолжались.

После войны наша бригада до февраля 1946 г. находилась в составе группы войск в г. Наумбурге, а в марте 1946 г. мы вернулись на Родину, где проходил службу да мая 1948 г. [...]**.

ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 3. Д. 8. Л. 1-5. Подлинник.

* Слова не с боевой машины, а отдельными снарядами вписаны чернилами над строкой.

** Опущены биографические сведения послевоенного периода.

№ 1407

Из воспоминаний В.А. Севрюкова¹⁸¹

Ранее 9 мая 2002 г.*

[...]**. После ожесточенных боев за столицу Австрии город Вену нашей 114-й гвардейской Краснознаменной воздушно-десантной дивизии была поставлена боевая задача форсировать реку Дунай, овладеть городом Корнейбургом и соединиться с передовыми частями 2-го Украинского фронта, окружить и уничтожить крупную венскую группировку немцев, не дать им уйти в американскую зону боевых действий. Для выполнения этой задачи была создана группа из добровольцев для захвата плацдарма на левом берегу Дуная под командованием командира разведроты старшего лейтенанта Алексеева.

Первоначально я в эту группу не попадал, но перед самым отплытием на ту сторону реки Алексеев попросил начальника штаба полка усилить группу двумя пулеметными расчетами. Наш батальон находился в непосредственной близости от КП полка. Это и определило, что взяли два пулеметных расчета из нашего батальона. В считанные минуты я и мой второй номер, Дима Фролкин, были у комбата. Тут же подошел Женя Расковалов со своим номером Александром Глазатовым. Разговор был краток: надо войти в группу Алексеева, которая в 24 часа 14 апреля 1945 г. должна переправиться на левый берег Дуная, захватить плацдарм и обеспечить переправу основных сил. «Конкретные задачи получите у Алексеева, а сейчас мой связной проводит вас к нему». И добавил: «Как только батальон переправится и займет исходные позиции для наступления, вы вернетесь в свою роту». Забегая вперед, скажу, что не всем суждено было вернуться в роту. Погиб Саша Глазатов, тяжело ранен Женя Расковалов, мы с Димой еще держались.

На лесистом правом берегу Дуная полным ходом шла погрузка в лодки и на плоты группы Алексеева. Мы с Димой были определены во взвод, которым командовал старший сержант Пономарев, известный в дивизии разведчик.

Ровно в 24 часа 14 апреля мы отплыли от правого берега. Весенняя река была в разливе, и ее ширина достигала 200 метров. После высадки на левый берег мы двинулись вперед по направлению к городу Корнейбургу. Продвигались быстро, но были замечены, и немцы открыли ураганный огонь из всех видов стрелкового оружия. Алексеев принимает решение: ускорить сближение с противником и выбить его из передней линии окопов (ближний бой для десантников всегда был наиболее эффективным). Немцы не выдержали натиска и оставили передний край траншей, но вскоре опомнились и пошли в контратаку.

Сколько их было – этих контратак – я сейчас не берусь вспомнить, но мне кажется, они были непрерывными. Не считаясь с потерями, немцы шли стеной. Наша с Димой позиция была на левом фланге. Кроме того, что мы вели огонь по фронту, в нашу задачу еще входило не допустить обхода слева.

Шел второй час неравного боя. Автоматные очереди и взрывы гранат слышались уже сзади нас. «Что, нас окружили?» – молча спросили мы с Димой друг друга. Но тут в очередной раз пробрался к нам командир взвода Пономарев, который сказал, что обстановка сложная, потеряна связь с КП полка, на участке 3-го взвода немцы подошли вплотную к нашим окопам, ребята пошли врукопашную, но расчленив нашу оборону не допустили. По правому флангу немцы зашли нам в тыл. Там сейчас ведут бой наши связисты и санинструкторы.

И вдруг – почти одновременно с Пономаревым – мы увидели приближавшихся к нам немцев. Пули вспарывали и впереди, и сзади нас землю. Я открыл огонь, командир взвода одну за другой бросил две гранаты. Дима вел огонь из автомата. Немцы залегли и больше не пытались подняться.

Пономарев продолжил разговор об обстановке, но сказал, что Алексеев принял решение вызвать огонь нашей артиллерии на себя. Сигналом послужит зеленая ракета. Дал нам совет, как нам укрыться при артобстреле, и ушел. Затем вернулся немного оживленный и сообщил нам, что связь восстановлена, что какой-то солдат из саперного батальона переплыл Дунай с катушкой кабеля и флажкой спирта на ремне, что сейчас старший сержант Сорокин, разведчик-корректировщик из артбатареи, даст команду открыть огонь по контрнаступающим немцам. И буквально через несколько секунд раздались взрывы снарядов – это заработала наша артиллерия. Взрывы постепенно приближались, опоясывая наши позиции. Немцы усилили минометный огонь. Все вокруг свистало и гроыхало, мы залегли на дно окопа, но это длилось недолго.

Наша артиллерия так расколошматила фашистов, что они не смогли больше эффективно контратаковать, а у нас появилась возможность оказать помощь раненым. Некоторые были полусасыпаны в окопах и не могли выбраться сами. Их собирали, перевязывали раны и переносили в укрытие. Были потери. Сердце сжалось в комок, до онемения стиснулись челюсти, когда среди погибших десантников я увидел своего друга – земляка Виктора Захарова. Мы с Виктором родились в одном районе, хотя мы оба в раннем детстве со своими родителями разъехались с тех мест и никогда раньше не знали друг друга. Но запись места рождения «Алешковский район Воронежской области» так сблизила нас и сделала друзьями. И вот его нет. Еще полчаса назад он поднимал десантников 3-го взвода врукопашную и одержал победу. Корявый минный осколок пронзил его грудь, мгновенно оборвав его жизнь, ему было 19 лет. Я до сих пор ношу в своем сердце светлую память о друге, с честью выполнившем свой солдатский долг. На исходе был уже четвертый час, как мы удерживали занятый плацдарм.

Переправились первые подразделения 353-го полка и стали занимать наши окопы. Нас отвели в укрытие и дали возможность до утра отдохнуть.

Но отдых в полном понимании этого слова никак не получался. Десантники «замкнулись», ушли в себя, каждый по-своему осмысливал четырехчасовой ночной неравный бой. Ведь от отряда осталось чуть больше половины.

Психологическое напряжение снял старший лейтенант Алексеев. Он пришел от командира дивизии и от его имени объявил нам благодарность за мужество и стойкость в выполнении боевой задачи. Сам он был дважды ранен, голова его забинтована, левая рука подвязана, через обильно наложенный бинт бурым пятном просачивалась кровь.

Вскоре мы познакомились с младшим сержантом Гавриловым. Это он ночью переплыл Дунай и восстановил связь. А дело было так. Гаврилов, связист саперного батальона, обеспечивал связь с КП полка. В третьем часу ночи он узнал, что с группой Алексеева оборвалась связь, что обстановка там сложная. Тогда он, не раздумывая, предложил командиру полка (и там же находился заместитель командира дивизии) переплыть Дунай вплавь и соединить связь. Главным аргументом в свою пользу он сказал, что он волжанин, родился и вырос на берегу Волги в Вольском районе Саратовской области, что он с 12 лет стал переплывать Волгу. Буквально через пару минут два ординарца, старших офицера штаба, натерли его спиртом, закрепили катушку с кабелем и фляжку спирта дали на дорогу. Глотнул он пару глотков и поплыл. 15 минут ему потребовалось, чтобы преодолеть реку шириной в 200 метров. Все эти подробности я услышал от него самого в 1980 г. на встрече ветеранов 114-[й] гвардейской Краснознаменной Венской воздушно-десантной дивизии в Москве.

К десяти часам утра на левый берег переправился и 350-[й] полк, которому была поставлена задача не ввязываться в бой по захвату г. Корнейбурга, а обойти его правым флангом и продвигаться по направлению г. Фролиндорфа. Наступление было настолько стремительным, что два батальона оторвались от тыловых подразделений и захватили г. Флориндорфа и еще ряд населенных пунктов, подошли к южной окраине г. Штетина. Город был сильно укреплен и взять его сходу не удалось. Мы окопались. Нужна была помощь артиллерии.

Вскоре немцы пошли в контратаку, но она была успешно отбита. Тогда они предприняли вторую попытку, чтобы отбросить нас и удержать важную дорогу для выхода южной Венской группировки. Немецкая пехота под прикрытием трех танков двинулась на наши позиции. И мы отчетливо увидели приближающиеся танки, а за ними немецких автоматчиков. Мы с Димой вели огонь по живой силе, отсекая ее от танков. Послышалась команда: истребителям танков выдвинуться вперед и забросать танки гранатами. Мы увидели, как две пары наших десантников поползли навстречу ближнему к нам «тигру», остальные два шли левее нас. Тут мы увидели, что средний танк, объятый дымом, закрутился на месте и стал. Остальные два продолжали приближаться, поливая нас из пулемета. Цепь немецкой пехоты заметно поредела.

И тут мы увидели чудо! Нет, настоящий героизм! Откуда-то сбоку вдоль фронта на полной скорости неслась наша 34-ка. Хотя от нашего окопа

до немецкого танка было метров сто, мы отчетливо видели, как 34-ка таранила «тигр». Удар был такой силы, что с 34-ки сдвинулась башня и накрыла фашистский танк. Наши истребители танков, которые были в непосредственной близости, помогали вытаскивать танкистов, а мы поднялись в атаку и заняли переднюю линию обороны на окраине Штетина.

В этом бою я был тяжело ранен. Дима хотел было мне помочь, но понял, что ему надо вести огонь, а ко мне подполз наш ротный санинструктор Александр Германов, он наложил мне жгут и оттащил в укрытие. Там уже лежали наши раненые десантники.

По дороге я уже узнал некоторые подробности танкового тарана. Все трое танкистов живы и отправлены в медсанбат, а 34-ка принадлежала механизированному полку 2-го Украинского фронта. Ночью танковый батальон этого полка совершал оперативный рейд в тыл к немцам, и одна машина была подбита. У нее заклинило поворотный механизм башни и нарушена ходовая часть. Танкисты замаскировались и днем им удалось отремонтировать ходовую часть, они выжидали темноты, чтобы вернуться в полк, но тут обстановка изменилась. Они увидели, что немецкие танки атакуют нас. Командир машины, младший лейтенант, сел за механика-водителя и пошел на таран.

Пока санинструктор перевязывал мне рану, к нам подошел сержант Погодин, командир отделения с нашей роты. Он был ранен в кисть левой руки и настоятельно потребовал, чтобы ему как можно быстрее перевязали рану, он торопился вернуться к ребятам и продолжать бой, а бой нарастал с новой силой. Немцы упорно сопротивлялись. Я отчетливо слышал стрельбу своего пулемета. Я мог узнать его по звуку из тысячи других, тем более я хорошо знал Димин почерк стрельбы. И тут я подумал, если бы моя рана не была такой тяжелой, я тоже не ушел бы с поля боя. Подошла санитарная повозка, и нас отправили в медсанбат, а оттуда в госпиталь. Так закончилась для меня война. Это было 15 апреля 1945 г.

Время всевластно над судьбами человечества и над каждым из нас, но время не имеет власти над величиим всего, что мы пережили и свершили в войну. Горжусь тем, что был активным участником этих героических свершений.

ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 8. Д. 63. Л. 55-58. Подлинник машинописный.

* Дата установлена по содержанию документа.

** Опущена вступительная часть воспоминаний о значимости воспоминаний фронтовиков как исторических источников.

№ 1408

Воспоминания П.А. Синельникова¹⁸²

Дата не установлена

24 апреля 1945 г. наша батарея с наступающими войсками вошла в пригород Берлина Панков. Мы прошли под мостом по железнодорожной насыпи и вышли на улицу Грюнталлерштрассе. Пехотные подразделения, которые поддерживала наша батарея, прошли вперед, а мы остановились на перекрестке улиц. Получилось так, что спереди было пусто: наши войска далеко ушли вперед, а сзади нас тоже было пусто, т.к. не подошли остальные части. Дальше было двигаться нельзя, т.к. каждую минуту немцы могли атаковать нас в походном положении и разбить.

Мы остановились, сняли орудия с передков и придвинули их к домам, стараясь ставить орудия под арки. Делали так: орудие подтягивали под арку, часть щита и ствол выступали на улицу. Лошадей загоняли в подъезды. И так вели огонь вдоль улиц. Сами же спасались от вражеского огня в подъездах, под арками.

У меня было в батарее всего четыре орудия. Взводов не осталось.

Вдруг из соседних домов немцы проникли к нам в тыл – ведь наши фланги были открыты, спереди и сзади наших войск не было, стрелковые части прошли вперед и не закрепили фланги. Немцы отрезали батарею и окружили нас. Они пустили на нас по улице – прямо в лоб нашей батарее – танки. Их было штук двадцать пять. Там, где-то впереди улицы, они их заправляли горючим. Танкисты вели огонь.

Тряхнули немцы нас. Одно орудие, которое было выдвинуто вперед, мы оттянули назад к остальным трем. Тут с углового дома с третьего этажа немцы стали бить фаустпатронами и из пулемета по первому орудию Сачкова (очень хороший командир был) и уничтожили его расчет. Справа от Сачкова было орудие Шелобаева (хороший парень из Ростова). Он тут был ранен из пулемета в ногу.

Потом прямо по Грюнталлерштрассе до батальона пехоты немцев с танками и орудиями ринулись на нас. Я вижу, что Сачков убит, а Шелобаев ранен. Ранен был и заряжающий Автайкин. От расчета осталось два человека, а на батарее фактически одно орудие (Шелобаева). Я подбежал к нему и сам стал вести огонь. Снаряды подтаскивал Гапонов. Снарядов двадцать я выпустил вдоль улицы по направлению наступавших гитлеровцев. Бил как попало. Под орудийными разрывами немцы не решились двигаться вперед, боялись. Оправившись немного, немцы с криками «Ура!» («Ура!» они кричали по-русски) бросились на позицию батареи.

В разгаре схватки смотрю – что-то дергается щит моего орудия. Я обернулся и увидел, что четыре немецких солдата и один офицер нагнулись и соединяют станину и хотят укатить орудие в подъезд. На меня они, наверное, и не обратили внимания: я был в какой-то телогрейке, без погон. Они видят – какой-то маленький замухрышка сидит, и прямо со мной хотели орудие укатить. Я выхватил из-за пазухи телогрейки пистолет и выстрелил в голову нагнувшегося офицера, а затем дал второй, третий, четвертый выстрелы по солдатам. Весь пистолет разрядил. Так я их «пришил». Тут Гапонов выскочил из подъезда, из автомата дал очередь и убил пятого немца. Отбили атаку.

Минут через десять с Грюнталлерштрассе вышли четыре танка и прорвались к моему орудью. Все эти четыре танка я в упор подбил. Такая пробка создалась на улице...

Личный архив Л.Г. Дьячкова. Подлинник.

№ 1409

Из воспоминаний К.А. Губкиной¹⁸³

1986 г.

[...]*. За этот период времени было много тяжелых утрат. Была и радость Великой Светлой Победы, которую я застала в Германии.

Но мне хочется рассказать о своих впечатлениях после освобождения лагеря смерти Майданек в Польше. Там работала государственная комиссия, готовящая материалы для Нюрнбергского процесса.

Мне пришлось увидеть все ужасы фашизма, и до сих пор не могу их спокойно пережить.

Лагерь был обнесен двойной колючей проволокой, по которой проходил ток высокого напряжения. Наверху – башни с часовыми и большие осветительные фонари.

В то время разрыли глубокие рвы, куда фашистские изуверы зарывали пленных.

Затем мы видели длинный барак. В нем фашисты раздевали пленных, купали, а в другой комнате брали из них кровь. Ослабленных людей отправляли в другую комнату. Туда пускали газ. Люди в муках умирали. Трупы укладывали на железные носилки и сжигали их в электрических печах. Их было семь. И когда работала комиссия, семь трупов так и остались лежать, их не успели сжечь.

В лагере было несколько бараков. В одном из них лежали штабелями паспорта: русских, французов, чехословаков, поляков...

Во втором бараке была обувь – там и детские ботинки, и протезы ног. Из этой обуви нечеловеки разбирали задники, носки, подошвы – как сырье.

В третьем бараке – тюки волос, которые звери на двух ногах добывали стрижкой своих будущих жертв. Делали из них волосяные матрасы. Грудами лежали черепа, кости. Воздух насыщен трупным запахом.

Мы все, советские люди, ходили потрясенные увиденным. Проклятье кровавому фашизму. Все это никогда ни должно повториться. Память человечества никогда ни должна забывать все то, что мог бы принести людям земли фашизм.

ГАСПИТО. Ф. Р-9328. Оп. 1. Д. 6. Л. 45, 46. Подлинник.

* Опущены биографические сведения довоенного периода.

№ 1410

Воспоминания В.К. Кибика¹⁸⁴

2005 г.

На Украине приходилось освобождать наших пленных из лагеря смерти Майданек. Саперы сняли мины, танки поломали заграждения, и только потом можно было зайти в лагерь. На территории лагеря размещались огромные деревянные бараки, в которых на двухъярусных дощатых кроватях лежали изможденные пленники. Когда мы открыли бараки и сообщили, что все свободны и могут выходить из барачков, в дверном проеме стали медленно появляться люди, похожие на живые скелеты. Пленные, у кого еще остались силы, кричали, плакали, у некоторых началась истерика. Измученных людей отправили в госпиталь на лечение, восстановление сил. Нужно было откормить бывших узников, чтобы у них появились силы добраться до родного дома.

Советским воинам приходилось без отдыха преодолевать огромные расстояния. Так, в Германии у небольшого городка советские дивизии были окружены немцами, и 5-ю армию в срочном порядке бросили на прорыв окружения и уничтожение немецких воинских частей. За сутки советские солдаты и офицеры прошли 100 километров. Некоторые бойцы не выдерживали продолжительного похода и быстрого темпа – падали. После преодоления огромного расстояния нужно было, не мешкая, бросаться в атаку на врага. Что удивительно: откуда-то брались силы, как будто не было ста километров за спиной.

Когда наши войска вошли в Германию, бойцы забыли, что такое походная кухня. В подвальных помещениях полуразрушенных домов было много всякого продовольствия. Помнится один случай. До сих пор не пойму, предчувствие ли тогда меня спасло. Никто из пятидесяти с лишним бойцов не хотел идти за горячим обедом. Консервированных продуктов хватало всем. Тогда я и мой товарищ взяли ведра и отправились на кухню, которая располагалась на некотором расстоянии от дома. Возвратились назад, а дома нет: в него попала бомба. Из 53 оставшихся в доме человек уцелел только один. Он забился в угол, это и спасло.

Особенно памятен штурм г. Берлина с 16 по 20 апреля 1945 г. Рано утром 16 апреля началась артиллерийская подготовка. Советская артиллерия наносила удары по боевым позициям немецко-фашистских войск. В пять часов утра 1-й Белорусский фронт зажег 40 прожекторов, направленных на неприятеля, а 1-й Украинский фронт обеспечил дымовую завесу. Враг был оглушен, ослеплен, задыхался в дыму. Благодаря такой предварительной подготовке первую и вторую линии обороны советские войска прошли без боев. Третью линию обороны преодолевали в штыки. В городе сражение шло за каждую улицу, дом. Впереди всех двигались саперы – ставили мины, взрывали дома, затем начиналась атака.

20 апреля дивизию, в которой я служил, командование решило перебросить под Прагу. С 27 апреля по 9 мая за столицу Чехословакии шли кровопролитные бои. На рассвете 9 мая советские войска вошли в Прагу. Город, весь чистый и светлый, светился в лучах солнца. Чехи вышли на улицы города с цветами, приветствовали наших солдат и бросали цветы нам под ноги. Цветов было так много, что можно сказать: ноги буквально утопали в цветах. Так, 9 мая в Праге мы встретили день Победы.

Музей истории тамбовской милиции УВД по Тамбовской области.
Подлинник.

№ 1411

Воспоминания И.М. Ганюшкина¹⁸⁵

Дата не установлена

Родился 4 декабря 1922 г. в крестьянской семье в с. Лаврово. С 1930 по 1937 г. учился в Лавровской школе.

19 августа 1941 г. был призван в армию. Прибыли в Тамбов – призывной пункт был там, около завода «Ревтруд». Повели нас на станцию, чтобы отправить на фронт. Допризывников было так много, что посадить всех в вагоны не смогли. И наш П[окрово]-Марфинский район остался. Нас распустили по домам. Приехали домой, идем в военкомат. Доложили мы там, в чем дело и почему нас вернули, тогда военком нам говорит: «Идите все домой до особого».

Немец подходил к городу Воронежу, и нас, 1922-1923 года рождения, эвакуировали по направлению к станции Ртищево. Когда прибыли на станцию Ртищево, подошли мы к командиру и сообщили, откуда прибыли и какое будет распоряжение. Он нам отвечает: «Хорошо, ждите команду». Итак, мы ждем сутки, двое, трое – нет никаких распоряжений, и поворачиваемся и едем домой. Приехали домой и опять идем в военкомат.

После этого нам, т.е. 15-20 призывникам, дают повестки и 6 января 1942 г. посадили нас в вагоны и повезли на Дальний Восток. Во время в пути нигде ни на какой станции не кормили, и мы были все голодные. И солдаты начали тогда на станциях менять кирзовые сапоги на буханку хлеба, чтобы поесть. Солдаты начали болеть тифом. Но когда мы прибыли в город Челябинск, здесь для нас сделали баню и накормили нас. После Челябинска нас привезли в город Свободный – здесь был карантин. Сюда, в Свободный, приезжают «покупатели»¹⁸⁶, и я попадаю в артиллерийский полк 189-[го] отдельного минометного полка. Попадаю в минометную батарею. Эта батарея находилась в 300-500 метрах от реки Амур.

До 1943 г. находился я в минометной батарее. В 1943 г. я поступаю в Благовещенске в пехотное военное училище. Это училище было одногодичным. Прозанимались мы в этом училище десять месяцев, один месяц шли экзамены, и 1 месяц проходила у нас стажировка. В начале 1945 г.

приходит указ расформировать это училище. И тут же это училище расформировывают, и я попадаю в полк. Во время, когда расформировывали это училище, мне предложили продолжить учебу в Хабаровском юридическом училище, но учиться надо было 4,5 года. Но чувствовалось, что скоро победа, и я отказался от этого предложения, т.к. четыре с половиной года мне показалось очень много потому, что я уже так давно не был дома.

В Японии война началась в час ночи по местному времени. Суток восемь или десять мы побыли в Маньчжурии – это самая сильная японская армия в городе Сейхия (а мы называли его Сахалин). Здесь живой силы мало было, была одна техника. Пограничники работали там очень смело.

Амур в ширину был метров семьсот. Везде стоит застава. Застава тянется около ста двадцати километров. Непокойно было на границе. Ни шагу в одиночку, ни шагу без оружия, на том берегу Амура – враг, постоянно устраивающий провокации. Поэтому на заставе был строгий режим. Сильных снегов на Амуре не было, он выпадал только лишь сантиметров на пятнадцать (не больше). Хутора стояли очень далеко друг от друга. За ночь через Амур солдаты сделали понтонный мост, и в четыре часа утра уже по этому мосту пошли в наступление наши танки. А через некоторое время на нашей стороне Амура уже было много пленных немцев*. Их число доходило до полторы тысячи человек.

Демобилизовался старшим сержантом.

ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 12. Д. 3. Л. 31-33. Незаверенная копия.

---

* Так в документе. Следует читать – японцев.

№ 1412

Из воспоминаний Р.Т. Ананьина¹⁸⁷

2007 г.

[...]*. Мне в мае 1942 г. было семнадцать с половиной лет. Я все больше думал о добровольном уходе в действующую армию. Старший брат Иван уже около года находился на фронте под Ленинградом.

17 мая, несмотря на слезы матери, я пошел в городской военкомат, где обратился с просьбой досрочно (призыв в армию начинался с исполнения 18-летнего возраста) мобилизовать меня в ряды Красной Армии и отправить на фронт. Офицер военкомата поинтересовался моим возрастом и образованием. Выслушав меня, он сказал: «В настоящее время идет набор на краткосрочные офицерские курсы Тамбовского артиллерийско-технического училища. Вы, как учащийся 2-го курса автомобильного техникума, да еще с правами шофера 3-го класса, можете быть приняты на эти курсы. Вот вам направление в училище, а на фронте еще побываете. И не рядовым, а офицером».

Возвратившись домой и объяснил родителям, что мне военком дал

направление на офицерские курсы артиллерийского училища. Мама сразу просияла, успокоилась и помолилась Богу. Родители сказали, что мне и всей нашей семье крупно повезло, за что надо благодарить Бога.

Недолго раздумывая, я на другой день пошел в артиллерийское училище, которое размещалось в дореволюционных военных казармах (в советское время – в «Чичкановских»).

В отделе кадров этого училища после беседы со мной сказали, что я могу быть принят на курсы при условии отсутствия среди моих родственников репрессированных по политическим мотивам. Я ответил, что мой отец, участник гражданской войны, рабочий (в Тамбове работал печником, член профсоюза) был осужден по 58-й статье УК РСФСР¹⁸⁸. Основанием ареста послужила клевета на него со стороны отдельных членов сельского Совета – злых, завистливых людей из числа так называемой бедноты (лодырей и выпивох). В 1934 г. он был досрочно освобожден, как необоснованно репрессированный, на что имеется соответствующий документ.

Мне было сказано: «Приносите этот документ, пройдете мандатную и медицинскую комиссию, после чего будет решаться вопрос о вашем приеме в артиллерийское училище».

На следующий день (19 мая) я принес справку о досрочном освобождении отца из «мест не столь отдаленных», прошел обе комиссии и 20 мая 1942 г. был принят в артиллерийское училище на шестимесячные курсы артиллерийских техников.

Тамбовское артиллерийское техническое училище

С 20 мая 1942 г. я – курсант Тамбовского артиллерийско-технического училища. С этой даты началась моя армейская служба и жизнь. В то время мне было 17,5 лет. Безусый, нецелованный, но физически и нравственно здоровый молодой человек, воспитанный в многодетной старообрядческой семье, строго исповедующей законы религии, здоровый образ жизни и человеческих отношений. Особенно была набожна наша мама Мавра – олицетворение русской красавицы как по внешности, так и по человеческой душевности (это было не только моим мнением).

Пробыв до 1 июня в карантинной батарее, я был зачислен курсантом 2-го взвода лейтенанта В. Бойко 11-й учебной батареи старшего лейтенанта Н. Тихова.

Вскоре мы, курсанты, почувствовали, что командиры наши строги, требовательны, но человечны одновременно. Что же касается младших командиров, то они не уступали в командирских и человеческих качествах офицерам батареи.

Среди них особенно выделялся старшина И. Пантелеев, который занимался с нами строевой подготовкой, приучал к уставному курсантскому быту, водил строем на занятия, в столовую (то есть всегда был при нас).

Подобным ему был командир отделения сержант М. Башайкин – любитель усердно гонять по плацу строевым шагом тех курсантов, у которых этот шаг никак не получался. Среди нашего «зеленого» пополнения были и

более зрелые курсанты 1921-22 годов рождения, уже побывавшие и на фронте и в госпиталях после ранений. Я же в батарею был самым молодым курсантом-добровольцем.

С первых же недель пребывания в училище мы, курсанты, быстро сдружились, помогали друг другу переносить тяготы курсантского быта, учебы, воинской дисциплины. В частности, я быстро сдружился с такими курсантами, как Миша Растворов из Ярославской области (он был на год постарше меня), Василием Мазуренко из Полтавы, Михаилом Орловым из Тулы, узбеком Хайдаровым и другими.

Нас, «зеленых», любовно опекали такие «старички», как Николай Сухоносенко из Днепропетровска, Михаил Орлов (старше нас на два-три года).

Спустя 63 года, в январе 2005 г. Николай Дмитриевич Сухоносенко через Тамбовский Совет ветеранов войны обратился из Днепропетровска с письменной просьбой, где писал: «После госпиталя (Тамбов) в мае 1942 г. я был направлен на учебу в Тамбовское артиллерийско-техническое училище. Со мной учился тамбовский паренек – Ананьин Роман. Он был хорошим курсантом, и мы по-хорошему с ним дружили. Если городской Совет располагает сведениями о моем друге, то прошу это письмо передать ему». Что и сделал Совет. Вот уже почти два года мы с Николаем Дмитриевичем переписываемся и звоним по телефону друг другу, обмениваемся семейными фотографиями, обсуждаем обстановку, в которой оказались наши страны. Николай Дмитриевич – доктор экономических наук, профессор. Ему 85 лет и он плохо видит.

Мои попытки отыскать таким же образом моего самого близкого друга-однокурсника М. Растворова оказались безрезультатными.

Командный и преподавательский состав училища во главе с начальником инженер-полковником Д. Рабиновичем¹⁸⁹ был высокой квалификации и человечности. В нем особенно выделялись преподаватели по изучению материальной части: артиллерии – инженер-майор Башайкин, стрелкового оружия – капитан Сухоруков, а также преподаватель по боеприпасам – капитан Иванов.

До войны Тамбовское артиллерийско-техническое училище являлось среднетехническим учебным заведением с трехгодичным сроком обучения. В экстремальных условиях войны сроки обучения были сокращены до шести месяцев. Училище выпускало техников-лейтенантов для технического обслуживания артиллерийских и общевойсковых частей Красной Армии и обеспечения их боепитания.

Программа обучения была уплотнена до предела. Мы занимались (теория и практика) по 10-12 часов в день. Кроме того, учеба дополнялась строевыми занятиями, многокилометровыми марш-бросками при полной походной солдатской выкладке. При этом немало курсантов физически не в состоянии были выдержать подобные «тренировки».

Курсантские бытовые условия в училище были вполне удовлетворительными. Мы жили в одноэтажных казармах, в которых

имелись спальные комнаты с двухъярусными кроватями. В казармах имелись умывальники, туалеты. В коридорах казарм дежурили по очереди курсанты.

Рацион питания курсантов соответствовал второй категории, включающей белки (мясо, рыба) и жиры (сливочное масло по 20 граммов в сутки), разные крупяные блюда и овощи. Для нас, молодых людей, при повышенных умственных и физических нагрузках этот рацион был явно недостаточным.

Лично я постоянной похоти к еде в училище не испытывал благодаря моей сердобольной матушке, которая меня и Мишу Растворова подкармливала разной домашней едой. Ее разноцветный клетчатый платок практически ежедневно мелькал у главных ворот училища, рядом с казармой-столовой, куда строем нас водил неутомимый старшина Пантелеев.

На пути к столовой, по его команде, батарея, чеканя шаг, голосом курсанта-запевалы И. Ткаченко пела одну из маршевых песен. Чаще всего такую:

Белоруссия родная,
Украина золотая –
Наше счастье боевое
Мы стальными штыками защитим.¹⁹⁰

Помимо теоретической и практической подготовки политотдел училища проводил большую воспитательную работу и политическую подготовку курсантов – будущих офицеров, которым в скором времени самим придется заниматься этим делом в частях Красной Армии. Среди политработников училища было немало коммунистов, беспредельно преданных идеям большевизма. Их зажигательные, эмоциональные выступления на политических сборах офицеров и курсантов надолго западали в наши души, большей частью – комсомольские.

Режим службы и учебы в училище был строг. Мы, курсанты, наряду с учебой, нередко несли караульную службу как на территории училища, так и за его пределами, а также принимали участие в патрулировании по городу.

1942 г., в связи с осложнившейся военной обстановкой на фронтах, был годом больших тревог за судьбу страны и родной Тамбовщины. Тамбов являлся прифронтовым городом и часто подвергался бомбардировкам. Он мог разделить судьбу соседних городов (Воронежа, Ельца и других), оккупированных немцами. К счастью, этого не случилось, чему способствовал разгром немцев под Сталинградом.

Поэтому последние месяцы 1942 г. училище пребывало в большой тревоге. Мы, курсанты и наши командиры, нередко ночное время проводили в окопах, вырытых нами на всякий случай на территории училища и за его пределами. В случае крайней боевой опасности мы были готовы с оружием в руках встретить врага. К этому мы были готовы как физически, так и морально.

Наш шестимесячный срок обучения должен был закончиться в конце ноября 1942 г. Однако, учитывая положительно меняющуюся обстановку на фронтах войны с Германией, а также перспективы широкого использования в

боях нового вида артиллерийских систем (самоходной артиллерии), Тамбовскому артиллерийско-техническому училищу из Ставки ВГК пришло указание подготовить первый выпуск техников – артиллерийских самоходчиков.

Вскоре из нескольких учебных батарей была сформирована группа из 52 курсантов – «отличников боевой и политической подготовки» (так говорилось в приказе). Срок обучения этой группы был продлен еще на четыре месяца. В этой группе числился и я.

В декабре 1942 г. в артиллерийских мастерских училища появились учебные экспонаты самоходок САУ-122 и САУ-76, которые мы изучали последние четыре месяца.

САУ-122 – самоходная артиллерийская установка. Это танк Т-34, на котором вращающаяся башня с короткоствольной пушкой Ф-28 76-миллиметрового калибра была заменена жестким бронированным отделением, в лобовую броню которого вмонтирована 122-миллиметровая пушка – гаубица М-30 образца 1938 г.

САУ-76, по аналогии, это танк БТ-28 (с бензиновым двигателем), на котором вместо башни с 45-миллиметровой пушкой было сооружено тоже бронированное отделение, но с 76-миллиметровой противотанковой пушкой ЗИФ-76.

Кроме артиллерийских систем, в училище мы изучали все виды стрелкового оружия, его устройство, ремонт и условия эксплуатации.

Оставшиеся четыре месяца мы проучились в более спокойной обстановке, и 1 апреля 1943 г. приказом Приволжского военного округа нам были присвоены звания техников-лейтенантов.

В первых числах апреля «новоиспеченные» офицеры в товарищеской обстановке, уже на равных, общались со своими командирами батарей, взводов, политруками, преподавателями.

В одной из таких бесед комбат Тихов, улыбаясь, пожурил меня за личный дневник, который я начал вести сразу же после поступления в училище. В нем я незатейливо описывал быт курсантов, распорядок дня, ход учебных занятий, их программу, а также давал характеристики офицерам, которые формировали из нас, курсантов, военных артиллерийских техников. Наиболее полные характеристики были даны нашему комбату Тихову, командиру взвода Бойко и старшине батареи Пантелееву, а также некоторым сокурсникам.

Незадолго до нашего выпуска в результате очередного дневного «шмона» в казарме мой дневник попал в руки старшины Пантелеева, который после прочтения моего «сочинения» передал его комбату. Когда я обнаружил пропажу дневниковой тетради (она хранилась под подушкой кровати), я испугался – в условиях военного времени строго запрещалось «выносить сор из избы», тем более в письменном виде.

Я ежедневно ждал вызова в политотдел училища и оргвыводов, возможно печальных для меня и моей карьеры офицера.

Время шло, меня никуда не вызывали и не наказывали. Только наш

замечательный комбат, всегда строгий на вид, после изъятия дневника, вплоть до выпуска каждый раз, глядя на меня, прятал улыбку на своем строгом командирском лице.

И только после зачтения приказа о присвоении нам офицерских званий и замены курсантского одеяния (в том числе и ботинок с обмотками на яловые сапоги) на офицерское комбат Тихов и командир взвода Бойко, смеясь, «поздравили» меня с началом «писательского ремесла». Они предупредили, чтобы впредь я был предельно осторожен в том, что касается ведения дневников, тем более в военное время.

Этот злополучный «опус», учитывая мою дисциплинированность, отличную успеваемость, примерное уставное поведение, а также мою юношескую безобидную наивность, не пошел «выше по инстанции». Мои непосредственные командиры полушутя, полусерьезно поблагодарили меня за правдивую характеристику их персон. Но дневник мне не был возвращен, о чем я и не жалел. Так что, как сказал поэт-фронтовик Михаил Дудин: «Гром прошел и дождик стих». У меня на душе стало весело. Такое же настроение подкрепляла и весна 1943 г. – истекавшего второго года войны.

После проведения 2 и 3 апреля официальных мероприятий, связанных с первым выпуском офицеров-артиллеристов, нам был предоставлен отдых на пять дней.

Мы, тамбовские «новоиспеченные» техники-лейтенанты, эти дни провели в своих семьях. 4 апреля, в частности, я со своим другом Мишей Растворовым пришел к родителям. Моя матушка, как обычно, встретила нас со слезами на глазах, зная, что мы на днях уезжаем в места прохождения дальнейшей службы. А эти места у нее и у нас ассоциировались с фронтом. Радость и тревога за нас одинаково четко читались в глазах моего отца, моих братьев и сестер.

Все дни отдыха мы с Мишей провели в кругу моей семьи, которая жила в то время в своей половине дома по переулку Энгельса, 6. Во второй половине дома проживал мамин брат Афанасий Иванович Чулков.

Мои родители, труженики «до мозга костей», имели небольшое домашнее хозяйство: клочок (1,5 сотки) приусадебной земли и некоторую живность (корова, куры).

9 апреля утром я попрощался со своим родительским гнездом и, всплакнув, отправился с Мишей в училище.

9 и 10 апреля нас готовили к отправке в распоряжение Главного штаба самоходной артиллерии, который находился в рабочем поселке Клязьма, что был тогда в 15 километрах от Москвы. Нам оформили сопроводительные и проездные документы, выдали сухие пайки. Еще раз командиры и политработники провели с нами беседы-наставления, сформировали из нас три группы, назначили старших групп.

10 апреля вечерним поездом мы должны отправиться в Москву. Настроение у меня было «бодрое» – хоть плачь! Больно и муторно было на душе. Я уезжал из родного гнезда в неизвестное.

На вокзал нас с Мишей пришли провожать вся моя семья и некоторые

из друзей детства (Борис Рыбинский, Иван Константинов и другие). Перед посадкой в вагоны мама окончательно разрыдалась, смахнул рукой слезу отец, насторожились с грустью в глазах сестры и брата.

Вскоре был дан отправной паровозный свисток. Поезд, вздрогнув, тронулся и стал набирать скорость. Из тамбура вагона я с большой грустью и со слезами на глазах помахал провожающим и вошел в вагон, где меня начал успокаивать друг мой Миша Растворов. [...]**.

За все время боев на Курской дуге 1461-й САП потерял пятнадцать самоходок и примерно три четверти боевых экипажей. Существенные потери понесли в результате бомбежек и обстрелов вспомогательные подразделения, в том числе и мой взвод боепитания.

На место отдыха и залечивания ран прибыло девять бортовых автомобилей (в основном ГАЗ-АА) из двадцати пяти, остальные либо погибли, либо были списаны из-за непригодности к эксплуатации в боевых условиях.

Из 39 человек списочного состава взвода боепитания в строю осталось 24, в том числе водителей – 11 человек. Потери личного состава, как и автомашин – это следствие нещадных бомбежек и обстрелов противника.

При этом необходимо сказать, что в самых критических боевых ситуациях, в которых оказывались водители взвода боепитания, юные из них (почти мои ровесники), как правило, не покидали свои автомашины, старались вывезти их из-под бомбежек в какое-либо укрытие. Более зрелые по возрасту водители из «зеков» зачастую в подобной обстановке бросали свои автомобили и убегали в паническом страхе куда глаза глядят и тем самым подчас способствовали созданию «пробок» у переездов или переправ.

По законам военного времени таких паникеров офицеры, обеспечивающие порядок в таких узких местах проезда транспорта, расстреливали на месте. У меня во взводе боепитания были две смерти подобного рода. Эти водители, бывшие «зеки», могли без страха и совести убить, изнасиловать, ограбить свою жертву, а оказавшись на войне, в смертельной опасности, в них мгновенно срабатывал инстинкт животного страха за свои подлые собственные шкуры. Так что «кто есть кто» на войне быстро распознается.

«Зеки» – уголовники, отправленные на фронт для пополнения людских потерь, в лагерях нередко являлись опорой тюремной администрации в совершении физических и моральных издевательств над политическими заключенными, которых не отправляли на фронт, если даже туда они просились.

За время боев на Курской дуге в моем взводе боеприпасов хорошо проявили себя водители: Гридин, погибший 18 августа, Иван Рожков, Николай Данилов, а среди солдат – Александр Лукошин, Валентин Фирсов и другие. Главным моим помощником по взводу, на которого я всегда мог положиться, был старший сержант Иван Федорович Гордеев.

Офицерский состав полка, в основном, был грамотный, молодой, в том числе и его командир подполковник Николай Бабич.

Как почти в каждой воинской части были и службисты, и смелые командиры, а так же и юмористы. Одним из таковых был капитан Виктор Рублев – командир батареи (своего рода Василий Теркин А. Твардовского). Где, бывало, находился Рублев – там всегда в ходу шутки-прибаутки. Он знал множество анекдотов (нередко сочинял их сам на ходу), которые рассказывал с юмором.

Под статью ему, но несколько иного плана, был умный и смелый начальник горюче-смазочных материалов полка капитан Вадим Золотов по прозвищу «Золотце». Он на полном серьезе до смешного изображал труса, хотя сам им никогда не был.

Но самым близким для меня другом в полку являлся Василий Адамов – старший лейтенант, помощник командира полка по технической части. Он был старше меня на четыре года. Нередко, бывало, лежим мы с ним в каком-нибудь укрытии и распеваем украинские песни. Например, такую: «Ревэ та стогне Днипр широкий, горами хвилью поднимав...»¹⁹¹.

С Василием я переписывался много лет вплоть до ухода его из жизни. Однажды в 1948 г. он навестил меня в Тамбове. Его приглашением приехать к нему и погостить в Красном Яру Сталинградской области я не смог воспользоваться по семейным обстоятельствам. Но это – лирическое отступление.

Итак, мы расположились в селе Низы. Сначала что-то не верилось, что мы после тяжелых боев на Курской дуге вдруг очутились в таком замечательном, тихом, уютном и живописном уголке Сумщины. Низы – большое, утопавшее в зелени село, почти без видимых следов разрушений, связанных с военными действиями.

Нас, офицеров, разместили по частным домам, а сержантский и рядовой состав – в помещениях учебных классов местной школы. Лично меня поселили в доме Поповых, у очень приветливых и симпатичных людей. Меня окружало само добродушие, уважение и глубокая благодарность нам, воинам, освободивших от фашистов их малую родину.

Была у них дочка, Лида, почти моя ровесница (17 лет), которая «сходу» влюбилась в меня. Мне она тоже очень понравилась. Так что отдых в Низах начался и продолжался в очень благоприятной обстановке.

Около месяца мы отдыхали в Низах. В конце сентября я, невинный юноша, распрощался со своей платонической любовью, приветливыми жителями Низов и отправился «вперед на запад», то есть к Днепру, за который, пока мы отдыхали, уже отбросили немецких «завоевателей». [...]***.

После боев в районе Радзивиллова наш 1-й гвардейский кавалерийский корпус в марте-апреле 1944 г. совместно с другими соединениями фронта пытался взять в кольцо Броды с его крупными силами противника, тем самым отрезать их от еще более сильного львовского узла немецкой обороны.

Мой взвод боепитания в эти месяцы расположился в районе Михайловки. Подвозить боеприпасы к минометным батареям приходилось в

раннюю весеннюю распутицу западно-украинского дождливого сезона, нередко подвергаясь обстрелам и бомбежкам. Во время этих боев взвод боепитания потерял еще два человека ранеными, лишился одной лошади с бричкой.

Примечателен и такой случай, имевший место в марте в боях под Бродами, свидетелем которого и чуть не жертвой стал я.

После разгрузки мин на огневых позициях минометной батареи нас и находившийся в 300 метрах от минометчиков штаб 7-й кавдивизии накрыл огневой налет немецких шестиствольных 150-мм реактивных минометов («ванюш»).

Позиции нашей минометной батареи находились на опушке леса, окаймлявшей поляну, с противоположной стороны которой расположился штаб дивизии.

В результате этого налета минометчики отделались без потерь, а вот в штабе дивизии погибли два полковника. Кроме того, был тяжело ранен (оторвало ногу) командир дивизии генерал-майор В.Д. Васильев, которого оперативно самолетом удалось вывезти в госпиталь. После лечения генерал-майор В.Д. Васильев в январе 1945 г. возглавил Тамбовское кавалерийское училище. Умер и похоронен в Тамбове. [...]***.

Последние недели в побежденной Германии. Мои встречи с американцами

10 мая 1945 г. 2-я кавдивизия и приданный ей 49-й ОМД получили приказ форсированным маршем двигаться в крупный промышленный центр на границе Саксонии и Баварии город Хемниц, что в 60 километрах к юго-западу от Дрездена. Этот город был взят американцами, но по договоренности с ними он передавался советской стороне в обмен на другую территорию, оккупированную советской армией. 2-я дивизия 1-го гвардейского кавалерийского корпуса должна была принять у американцев комендантскую службу города.

Отправив с общей колонной свое подразделение, я по делам службы задержался в Неу-Бургсдорфе и 11 мая самостоятельно добрался до указанного места дислокации нашего дивизиона в Хемнице.

Собираясь в путь, я все же решил спрямить свой маршрут по сравнению с тем, который был мне оставлен начальником штаба. Сев на трофейный мотоцикл ДКВ, я взял курс на города Ризу и Добельн. Настроение было отличное, так как весна «бушевала» вовсю. Риза мне была уже известна, а Добельн – нет.

На подъезде к Добельну я остановился на окрестном холме для того, чтобы полюбоваться прекрасными пейзажами и чистеньким, уютным, как всюду в Германии, городком, расположившимся среди холмов – предгорий Судет, в долине небольшой реки Фрейбехор Мульде. Полюбовавшись красивым зрелищем, я стал на малых скоростях спускаться с холма и вскоре въехал на центральную площадь города, глядя, в основном, на дорогу, а не по сторонам. При этом мое первое желание было – сделать ознакомительную остановку.

Заглушив мотор, поставил мотоцикл у ограды тенистого парка, вздохнул полной грудью и обвёл взором площадь. И что же я увидел? А вот что: по площади и улицам свободно прогуливались немецкие военнослужащие, из окон и балконов свешивались белые полотнища. С моим появлением площадь и улицы быстро опустели, окна закрылись. И я подумал: тут что-то неладно. Смотрю – из парка выходят мужчина и женщина в гражданской одежде и говорят мне на чистом русском языке: «Кто вы? Вы русский офицер-разведчик? Если да, то Вы – первый в этом городе советский военный. Здесь еще не было ни американцев, ни русских. Мы советуем Вам: в целях безопасности не задерживаться в городе и продолжать свой маршрут. Иначе может случиться непоправимое».

Я, конечно, внял доброму совету и быстро ретировался. Мотоцикл был мощный «зверь», с полуоборота «взревел» и на большой скорости вывез меня из этого «рая». До Хемница оставалось проехать еще около 30 километров. Там на его юго-западной окраине располагался наш дивизион.

Поначалу отличное немецкое шоссе было свободно, а на подъезде к Хемницу оно стало заполняться толпами разоруженных немецких солдат и офицеров, бредущими под конвоем в сторону города.

До своей части я доехал благополучно. В Хемнице оставалось еще немало американцев, с которыми мы быстро сдружились, устраивая неоднократные застолья, где произносились тосты за здоровье Сталина, Рузвельта и Черчилля, за советско-американскую дружбу. Здесь же мы обменивались трофейными подарками и адресами, надеясь на переписку.

В одну из таких встреч капитан по имени Клайд подарил мне золотые карманные часы с гравировкой морского пейзажа на крышке, другой союзник Гарри – безопасную бритву с клеймом «Сделано в США», которой я до сих пор пользуюсь. Мы, советские офицеры, дарили своим американским друзьям соответственные подарки.

Были встречи и на дорогах. Одна из таких была особенно приметна. Случилась она на шоссе Хемниц–Риза. Я ехал на отечественной «лайбе» (ГАЗ-АА), которая вот-вот должна развалиться окончательно – вся дребезжала и постоянно парила.

Водитель этой «лайбы» Иван Петров – исконно русский парень, весёлый балагур, никогда не унывавший. Ни дать, ни взять, как Василий Теркин у А. Твардовского. Он был родом с Дальнего Востока. У его родителей было 18 детей. Кроме того, он был суеверен: если на его пути перебежит дорогу черная кошка, он сразу же останавливал машину, брал автомат и в погоню за ней. Если ему не удавалось ее пристрелить, то объезжал место злополучной встречи.

Итак, едем мы в сторону Ризы. Смотрим – навстречу нам на огромной скорости мчится американский джип «додж три четверти»¹⁹². За рулем негр – огромный упитанный детина, черный, как смоль, со здоровыми белыми зубами и с улыбкой на широком лице. На заднем сиденье находились два военнослужащих, а рядом с водителем сидел третий – видимо, офицер.

Поравнявшись с нами, «додж» притормозил. Американцы жестами попросили и нас остановиться, что мы и сделали.

Смотрим – наши союзники идут к нам со свертками и бутылками. Мы тоже достали кое-что из спиртного и съестного. Здравуемся, обнимаемся, представляемся друг другу. Начинаем объясняться на ломаном немецком языке. Наши друзья представились, что их зовут по имени: Джон (водитель), Смит (врач), Роберт и Майкл (сержанты).

Ну, как принято и у них, и у нас, встречу необходимо было «обмыть». Приступили к «обмыванию». Но тут случилась «загвоздка»: во что наливать «обмывающую» жидкость? Ни у американцев, ни у нас не оказалось ни стакана, ни кружки. Как быть? И тут наш Иван мгновенно сообразил. Он быстро поднял капот своей «лайбы», отвернул стеклянный бензиновый отстойник, слил бензин, вытер отстойник ветошью и торжественно с улыбкой преподнес его друзьям-союзникам, словно это был изящный фужер. Американцы мигом прореагировали жестами и по-своему, по-английски: «Вот, мол, она – русская смекалка!».

В Хемнице мы часто встречались с американцами не только «в узком кругу», но и на официальных мероприятиях, которые устраивали наши и американские старшие офицеры.

Дружеское общение с американцами позволяло судить о них как об очень энергичных, организованных, деловых и демократичных людях, всегда готовых прийти на помощь. Открытость и рациональность их склада очень импонировали нашей славянской податливой натуре.

Хемниц расположился в Саксонии, на юго-востоке Германии. Он являлся одним из крупных ее промышленных центров, с развитым машиностроением и особенно автомобилестроением. Это и было видно по обилию на его улицах и заводских площадях легковых автомобилей фирмы «Опель» от малолитражек до машин более высокого класса «Опель-Капитан» и «Опель-Адмирал». В Хемнице выпускались и мотоциклы фирм «БМВ» и «ДКВ».

Обилие в недавно занятом американцами городе автотранспорта, легко доступного для победителей, породило множество любителей покататься на нем. Появились среди нашей, особенно офицерской, братии шоферы чуть ли не 1-го класса (как это некоторым из них казалось). Эти «водители-профессионалы» смело садились за руль автомобиля или мотоцикла, да еще «под хмельком» и – давай считать столбы, деревья и другие атрибуты улицы. А результаты оказывались плачевными: многие эти водители вскоре оказывались на госпитальных койках или того хуже – погибали. Я, как говорится, тоже был «не лыком шитый». Выбрал себе мощный двухцилиндровый мотоцикл фирмы «БМВ». За три дня обкатал его и потом стал им пользоваться в служебных целях.

И вот однажды под вечер 17 мая я на своем «БМВ» возвращался из штаба дивизии в расположение дивизиона. Вдруг раздался взрыв, Я, потеряв сознание, чуть не отправился к предкам. Пришел в себя я только на второй день, находясь на койке дивизионного медсанбата.

При возвращении сознания поначалу в расплывчатых очертаниях увидел склонившегося надо мной высокого усатого человека в белом халате и такого же цвета шапочке на голове. Это был врач, который, потрепав меня по плечу, произнес: «Ну, лейтенант, ты родился «в рубашке», ты крепкой закваски. Будешь жить». Рядом с врачом стоял мой друг, опекун, фельдшер дивизиона Иван Андреев. Ваня, пока я был более суток на грани жизни и смерти, каждый день приходил в медсанбат и дежурил около меня, помогал медсестрам вводить в вены поддерживающие жизнь физиологические растворы.

Мой друг, фронтовой брат, в деталях поведал мне о том, что со мной произошло.

А случилось вот что. В полукилометре от места расположения нашего дивизиона, на окраинной узкой улице, под мотоциклом, на котором я ехал, сработал фугас. Мотоцикл был изуродован, а я выброшен в сторону от образовавшейся воронки. Когда уже почти смеркалось, два местных жителя (чех и немец), около домов которых прогремел взрыв, подняли меня, бывшего без сознания и с окровавленной головой, положили под голову подушку, и один из них отправился в ближайшую воинскую часть сообщить о случившемся. Этой воинской частью был наш минометный дивизион. На место происшествия выехала машина с фельдшером Андреевым. Он сразу же после оказания первой медицинской помощи отвез меня в дивизионный медсанбат. Дежурный врач еще раз обработал раны в лобной и левой затылочной частях головы. Он провел необходимый осмотр тела, предпринял попытки вывести меня из обморочного состояния, но безуспешно.

Врач констатировал: сильное сотрясение мозга, рваная подковообразная рана в затылочной области черепа с глубоким повреждением надкостницы и, по-видимому, собственно черепа. Кроме того, имеет место аналогичное повреждение, но менее глубокое, и в правой лобной лицевой части черепа.

Вот в таком тяжелом состоянии я оказался в госпитале медсанбата, где пролежал до 1 июня, когда был выписан досрочно в связи с уходом 2-й кавалерийской дивизии из Хемница.

Так что это был за взрыв? Кто его подстроил? Выше я уже говорил, что немцы в канун своего военного и политического краха дрались остервенело. Значительная часть их воинских подразделений, уходя в Рудные горы (Хемниц находится на их северо-восточных склонах), и после 9 мая продолжали оказывать вооруженное сопротивление войскам союзников. Кроме того, примерно 60 % немецкого гражданского населения до самого последнего дня падения 3-го рейха оправдывало и поддерживало Гитлера. Поэтому в первые дни и недели после Победы взрывы фугасов как месть за поражение немцев в войне против стран антигитлеровской коалиции имели место в разных районах города и за его пределами. Один из них достался и мне.

Из Хемница 2-я кавалерийская дивизия, в том числе и 49-й ОМД, выехали 1 июня и дислоцировались в районе Нейсбургдорф.

Перед отъездом я нашел своих спасителей – немца Курта и чеха Болеслава, сердечно их поблагодарил за спасение души моей грешной, вручил им подарки и записал их адреса.

Итак, мы покидали Хемниц, а вместе с ним и Германию с ее фашизмом, причинившим народам Европы и, прежде всего, Советского Союза неисчислимые беды и лишения. Приходилось удивляться: как мог такой умный, организованный, культурный, сплоченный, деловой и воинственный немецкий народ поддаться фашистской идеологии?

В 1945 г. война огнем пришла в Германию со всех сторон. Гражданскому немецкому населению пришлось испытать на своей шкуре последствия фашистской авантюры. Немецких женщин, стариков, детей и остальных тыловых лиц охватывал животный страх особенно при встрече с советскими воинами, вступившими на немецкую землю вершить возмездие за совершенные преступления в советской стране их мужьями, отцами, братьями.

Когда мы, быстро наступая, вошли в немецкую Верхнюю Силезию, то населенные пункты часто выглядели безлюдными, ибо местное население бросало открытыми дома, имущество, жареную и пареную еду на работавших горящих плитах, винные погреба и прочее, прочее.

Русский человек по своей натуре не злой, отходчивый. И без волнения нельзя было смотреть, как женщины, уходя от нас в леса, спотыкаясь, плача и падая, толкали перед собой детские коляски с продуктами или даже с младенцами.

Геббельсовская пропаганда гражданскому населению все уши прожужжала, внушая ему, что когда придут русские в Германию, то они, мол, будут убивать всех подряд. Поэтому спасайтесь, кто как может.

Страх у «мирного населения» Германии перед нами, конечно, был оправдан. Эти «мирные немцы» сознавали то, что натворили их близкие и неблизкие в Советском Союзе, и поэтому со смертным страхом ждали возмездия. Но равного возмездия со стороны советских воинов не последовало.

Правда, в первую десятидневку нашего пребывания на немецкой земле имели место отдельные случаи насилия над женщинами и даже убийства мирных граждан. Эти нежелательные акты совершали преимущественно тыловики – в основном, снабженцы, парикмахеры и прочие хозяйственники. Вскоре пришел приказ за подписью Сталина: «Не применять оружия против мирных жителей. Мы боремся против фашистской клики, а не против немецкого народа. За нарушение данного приказа – расстрел». После оглашения этого указа ретивые «мстители» поджали хвосты, и эти отдельные факты насилия прекратились.

Но были у нас «мстители» и иного рода. Например, начхим дивизиона старший лейтенант В. Сыроватко, с высшим образованием, свое «мщение» выражал в поджогах богатых особняков, со страхом брошенных их владельцами. Этот «мститель» под воздействием хмельного, бывало, обольет бензином парадный подъезд особняка, чиркнет спичкой, потом садится

напротив дома-факела и, ухмыляясь, любит содеянным.

А «мститель» по имени Фома (ездовой) свое «мщение» выражал и вовсе в дикарской форме. Войдет, бывало, в богатый брошенный особняк, залезет в гостиной на круглый стол, спустит штаны, навалит кучу дерьма, затем спрыгнет со стола и хохочет.

Каких только чудачков не рождает земля российская. Но это – «лирическое» отступление.

Находясь в Хемнице, мы стали замечать, что местное население все больше стало видеть в нас, советских воинах, не безжалостных мстителей, а нормальных людей, готовых помочь им освободиться от идеологического дурмана фашизма. Многие из них стали в открытую критиковать фашизм и его бывшего лидера, признавая свою вину перед народами Европы и, прежде всего, перед советским народом.

Возвращение в Тамбов

Мое возвращение на родину было омрачено. Сталинская власть еще раз напомнила, что она не изменилась за войну в своем отношении к людям, даже к солдатам-победителям.

Вместо улучшения жизни и расширения свобод в послевоенные годы (да и в последующие) фронтовики и народ в целом стал ощущать все большие ограничения свободы и ущемление элементарных прав человека. Драконовские сталинские указы о наказаниях за хищения так называемого государственного и колхозного имущества, прошли, прежде всего, по вчерашним фронтовикам, многие из которых в силу тягот жизни и душевного надлома (особенно больные и инвалиды) стали алкоголиками и, в основном, мелкими правонарушителями.

Одним из таких «нарушителей» в августе 1946 г. чуть не стал и я.

6 августа 1946 г. я, 21-летний лейтенант, только что демобилизованный по состоянию здоровья из Уфимского гарнизонного госпиталя, находился один в доме родителей – готовился к возобновлению занятий в автотранспортном техникуме, учебу в котором прервала война. Услышав резкий стук в калитку, я вышел и открыл ее. У дома стояла служебная двуколка с тамбовским районным прокурором (он так мне представился) и с двумя понятыми.

Прокурор сказал, что в наш двор двумя проезжими крестьянами из села Бокино сброшен пук сена весом 6-8 килограмм, который действительно валялся у забора, о чем я и не подозревал.

Дело в том, что для прокормления большой семьи в 10 человек родители держали корову. С кормом для коровы в городских условиях было трудно. Мама иногда пользовалась «дополнительными поставками» сена со стороны проезжавших мимо нашего дома крестьян, которые получали за это две-три хлебные лепешки (и только). Происхождение сена ее не интересовало.

Был составлен протокол, в котором я именовался соучастником «кражи» колхозного сена. Согласно этому протоколу было заведено уголовное дело на двух колхозников, участников войны (один из них был

инвалидом войны) – единственных кормильцев своих голодавших семей в голодный 1946 г., и на меня, как «соучастника кражи».

Дело, как говорится, «запахло керосином». В соответствии с тогдашними зверскими указами по поводу борьбы с хищениями так называемой колхозной и государственной собственности (хотя хищение хищению – рознь) можно было легко получить несколько лет лагерей. Именно это мне и грозило.

Мои родители и особенно наша сердобольная мама, еще не совсем поправившая после тифа, совсем сдала. Отец стал искать пути, как бы меня из соучастников «кражи» перевести в разряд свидетеля. Как нам подсказали доброжелатели, путь был один: необходимо было через «третье лицо» дать взятку этому мерзкому хромому прокурору (он действительно был хромым), который меня, еще не поменявшего фронтовую офицерскую форму на гражданскую одежду, хотел отдать под суд и отправить в исправительно-трудовые лагеря. «Третье» лицо вскоре объявилось. Я отдал ему почти всю свою последнюю офицерскую зарплату и демобилизационное денежное пособие, после чего я на суде Тамбовского района фигурировал как свидетель.

Суд состоялся в конце августа 1946 г. в селе Покрово-Пригородное. Этот суд приговорил бедных голодных колхозников к восьми годам лагерей каждого. В общем, получайте срок, участники войны, «благодарите Партию и Правительство» и не кашляйте!

После этого нелепого судилища, жертвами которого стали простые незащитные русские люди, фронтовики, я долго не мог прийти в себя от возмущения нашим мерзостным, так называемым, советским «правосудием», которое, к сожалению, процветает и в сегодняшнем «демократическом» обществе.

Кроме того, за безобидную критику существующего в то время режима власти и правдивый рассказ о материальном и культурном уровне жизни побежденных и освобожденных нами от фашизма народов участники войны жестоко наказывались. А образ и материальные условия их жизни были несравнимы с показателями нашей советской действительности.

Личный архив В.Л. Дьячкова. Машинописная заверенная копия.

---

* Опущены биографические сведения довоенного периода.

** То же воспоминания об участии автора в боях на Курской дуге.

*** То же в боевых сражениях 1944-1945 гг.

№ 1413

Воспоминания Ю.П. Ксюнина¹⁹³

2001 г.

Служба в учебном отряде подводного плавания

Еще когда М-21¹⁹⁴ (в составе ОУДПЛ) была передана в УОПП ТОФ, мы с Александрой Ивановной получили маленькую комнатку в трехкомнатной квартире в одном из домов комнатсостава этого учебного заведения. Там у нас в феврале 1941 г. родилась дочь Юлочка.

Наш сосед был преподавателем на специальных курсах усовершенствования командного состава (СКУКС), на которых при УОППе готовились командиры подводных лодок. Он имел доступ к разведсводкам, ежедневно поступающим в штаб ТОФ. Он часто (под большим секретом) говорил мне, что Германия стягивает к нашим границам большие военные силы и явно готовится к войне с Советским Союзом. Он был убежден, что война вспыхнет в самое ближайшее время. Поэтому, как только на ТОФе были разрешены отпуска, он посоветовал мне немедленно испросить у командования отпуск и навестить своих родных. Я воспользовался его советом, и мы с Александрой Ивановной и 4-хмесячной Юлочкой выехали из Владивостока в отпуск.

Сначала мы приехали в г. Мариинск, где жили родные моей жены. Так как в воздухе буквально пахло войной, то, пробыв в Мариинске всего два дня, мы поехали в Томск, чтобы успеть повидать моих родных. Прибыли мы туда в субботу 21 июня. По случаю нашего приезда вечером у родителей собрались почти все родные. Старший брат Жора предложил завтра утром (т.е. в воскресенье 22 июня 1941 г.) всем собраться у него.

В воскресенье 22 июня стоял чудесный солнечный и теплый день. Мои родители и мы с Шурой и Юлочкой на руках уже подходили к дому, где жил старший брат, как увидели его, возбужденного и махавшего нам рукой, чтобы мы скорее шли к нему. «Идите скорее! Сейчас по радио будет выступать Молотов с каким-то важным правительственным заявлением», – сказал Жора.

Мы все собрались у приемника и из сообщения Молотова узнали, что на нашу родину напала фашистская Германия, что ее самолеты бомбят наши города. Так для нас началась война, которая впоследствии стала называться Великой Отечественной.

На следующий день я был вызван в военкомат, где по прибытии в Томск стал на воинский учет, и мне было предложено немедленно возвратиться к месту службы. Так оборвался мой первый отпуск с ТОФа и из которого мы два дня провели у родных Александры Ивановны и два дня – у моих родных в Томске. Вскоре мы уже были в УОППе.

Япония была союзницей Германии и держала на нашей границе с Маньчжурией миллионную Квантунскую армию, поэтому была большая вероятность, что она также выступит против Советского Союза. В этом случае ей достаточно было продвинуться вглубь нашей территории на 5-10 км, чтобы перерезать железную дорогу, которая на большом протяжении проходит вблизи советско-маньчжурской границы. Тогда Приморье и Владивосток оказались бы отрезанными от остальной страны и им пришлось бы держать круговую оборону.

В связи с этим командование флота начало эвакуацию с Дальнего Востока семей военнослужащих (особенно тех, у кого были дети). Командование УОППа поручило мне сопровождать эвакуирующиеся семьи комначсостава учебного отряда. С этим эшелоном выехала в Томск и моя семья. Так как эшелон шел за Новосибирск, то мне пришлось расстаться с семьей на ст. Тайга. Разместив эвакуированные семьи в одном из сел Новосибирской области, я возвратился к месту службы.

К этому времени я был уже на должности помощника начальника учебного отделения и отвечал за организацию учебного процесса и за оснащение различным оборудованием учебных кабинетов, лабораторий и мастерских. Учебный отряд был укомплектован новыми призывниками, из которых в сжатые сроки должны были быть подготовлены классные специалисты для подводных лодок. Параллельно с этим ему было дано задание силами личного состава вести строительство оборонительных сооружений на подступах к Владивостоку со стороны суши.

Поскольку на фронтах войны с Германией обстановка складывалась весьма неблагоприятно и немцы устремились к Москве, то Тихоокеанскому флоту пришлось в спешном порядке комплектовать и отправлять на фронт бригады морской пехоты. Как правило, эти бригады комплектовались за счет писарей, кладовщиков, кинорадиомехаников и т.п. Первые такие бригады морской пехоты были брошены на защиту Москвы. Они сыграли большую роль: хотя и понесли страшные потери, но немцев в Москву не пустили.

На смену ушедшим на фронт необходимо было срочно подготовить новых специалистов из числа вновь призванных. В числе таких призывников в УОПП поступил женский персонал, из которого было сформировано две учебных роты. Из девушек, зачисленных в первую учебную роту, ускоренным темпом были подготовлены писари, кладовщики и другие, на подготовку которых требовалось сравнительно немного времени. Во второй роте готовили радистов, кинорадиомехаников, метеорологов, наборщиков и печатников. На их подготовку требовалось значительно больше времени.

Подготовка специалистов из женского персонала имела специфические особенности. Если в учебных ротах должности командира роты, замполита, старшины роты, командиров взводов и старшин учебных групп занимали кадровые военнослужащие-специалисты, то в женских ротах кадровые военнослужащие были только на должностях командира роты и замполита. На все остальные должности назначались лица из числа поступивших девушек.

Командовал 2-й учебной ротой лейтенант Павел Грачев, который считался одним из лучших командиров рот. Он был хороший строевик и требовательный командир, любивший порядок. Но с женским контингентом работать не смог. Многие из девушек его совершенно не слушались, похлопывали его по плечу и называли «дядей Пашей». Тогда он начинал на них кричать, но те либо смеялись, либо пускали в ход слезы. Тогда он терялся, а в последнем случае начинал их уговаривать, предлагая выпить воды и успокоиться. Вскоре рота стала совсем неуправляемой.

Однажды поздно вечером меня вызвал к себе в кабинет командир учебного отряда капитан 2-го ранга Кулагин. Он приказал принять у Грачева роту и навести там порядок. Я пытался отказаться, ссылаясь на то, что не строевой командир, а инженер. Он на это ответил, что нам приходится иметь дело с особым контингентом, и тут необходим не столько строевик, сколько педагог и психолог. Я же, по его мнению, этими качествами обладаю.

– Сейчас идет война, и мы не будем разбираться в том, кто из нас инженер, а кто – строевой командир, – сказал он. – Примите у Грачева роту и наведите там порядок.

– Товарищ капитан второго ранга, если командиру роты не будет разрешено использовать в полном объеме предоставленные ему дисциплинарным уставом права, то никто не сможет навести в роте порядок. Через некоторое время Вам придется снять с этой должности и меня.

– Товарищ Ксюнин, но Вы же знаете, что директивой Военного совета флота предписан особый подход к женскому контингенту и ограничено применение к нему дисциплинарных взысканий! – возразил он.

– Я знаю и не собираюсь злоупотреблять такими взысканиями, как арест на гауптвахте. Однако я уверен: без строгого наказания злостных нарушителей дисциплины порядка в роте никто навести не сможет, – твердо заявил я.

– Ну, хорошо. Применяйте свои дисциплинарные права в полном объеме, – сказал он. – Но в случае чего отвечать перед Военным советом будем вместе!

В тот же вечер Грачев передал мне командование ротой, оставив за собой (на радостях!) все имущество роты. После того, как я посадил кое-кого из злостных нарушителей дисциплины в карцер и провел с личным составом несколько бесед о воинской дисциплине в условиях войны, девушки меня поняли и в казарме навели образцовый порядок. Во время ближайшей инспекторской проверки моя рота получила высокую оценку по всем показателям и заняла первое место.

После выпуска из УОППа подавляющее большинство девушек отлично служило и исполняло свои обязанности. Они принесли большую пользу в деле достижения победы в Великой Отечественной войне, заменив мужчин, ушедших на фронт. Забегая вперед, скажу, что некоторые из них отличились в боях на фронте во время войны с Японией и были награждены орденами и медалями.

В те суровые годы вся наша страна жила под девизом: «Все для фронта, все для победы!». Поэтому приходилось сверх своих прямых обязанностей, предусмотренных штатным расписанием, выполнять еще множество всяких других заданий и поручений командования. Вот одним из таких поручений и было выполнение мною обязанностей командира женской учебной роты, которое длилось около 2 месяцев.

Продолжительность рабочего дня в то время не была ограничена, и практически он длился от побудки до отбоя, а иногда и того больше. Поэтому я часто оставался ночевать в своем служебном кабинете. Однажды,

когда я уже готовился лечь спать, мне позвонил командир УОППа и попросил зайти к нему. И он дал мне задание: спроектировать и построить в самом срочном порядке в подвальном помещении учебного корпуса бассейн для подготовки легких водолазов. За двое суток такой проект был выполнен, и я приступил к строительству бассейна. В качестве рабочей силы мне выделили личный состав духового оркестра, который сменил свои духовые инструменты на ломы и кирки и стал долбить ими скалу, на которой стоит здание. За день работы они углублялись всего на считанные сантиметры, но в конце концов котлован был выдолблен и бассейн построен. С помощью этого бассейна (даже в зимних условиях) в УОППе готовилось много легких водолазов не только для нужд флота, но и для форсирования водных рубежей на фронтах Великой Отечественной войны в период наступательных действий наших войск.

При подготовке специалистов для подводных лодок имеет большое значение отработка практических навыков в управлении действующими механизмами. Кабинеты же учебного отряда располагали лишь списанными с лодок недействующими машинами и механизмами. Я решил построить в помещении бывшей летней столовой машинный зал. В этом зале предполагалось смонтировать комплекс действующих механизмов подводной лодки типа «М»: дизель-мотор (генератор) – аккумуляторная батарея, а также действующие турбонасос, трюмную помпу, компрессор и другие. Командование УОППа мою идею одобрило, но сочло ее в условиях войны невыполнимой. Когда я стал настаивать, то мне сказали:

– Действуйте, но мы Вам ни рабочей силой, ни материалом помочь не сможем. Добывайте все необходимое сами.

Я нашел энтузиастов среди инструкторского (старшинского) состава, и мы начали строительство так называемым «хозяйственным способом» и за счет своего личного времени (в том числе в ночное время за счет своего сна). В бригаде подводных лодок и на ремонтном заводе мы нашли и выпросили списанные с лодок механизмы, привезли их в УОПП, капитально отремонтировали, смонтировали на специальных фундаментах и сделали действующими. Машинный зал был построен, но официальный пуск его состоялся уже без меня, так как я к этому времени был назначен преподавателем в электромеханическую школу учебного отряда ТОФ на острове Русский. Интересно то, что начальник учебно-строевого отдела УОППа Елацков, который с пеной у рта доказывал, что строительство машинного зала – пустая затея, получил за это строительство от командования ТОФ орден Красной Звезды (как и назначенный на мое место Иван Тарасов).

Впрочем, я всегда более ценил доброе ко мне отношение матросов и старшин, нежели старших начальников. В связи с этим не могу не вспомнить один очень показательный пример отношения ко мне бывших моих подчиненных. Я в то время болел и лежал в главном госпитале Тихоокеанского флота. Никого из родных во Владивостоке у меня не было, и

меня никто не навещал. Вдруг однажды вечером в палату ввалилось человек 5 или 6 моряков-подводников с подводной лодки М-21 с возгласом:

– А где тут лежит наш механик Ксюнин?

Как оказалось, лодка недавно вернулась из Сов[етской] Гавани, и, идя на увольнение в город, матросы и старшины встретили знакомого старшину из УОППа. Они спросили обо мне. Тот сказал им, что я болен и лежу в госпитале. Тут же было принято решение навесить меня. По причине позднего времени дежурный врач не хотел их пропустить ко мне, но моряки упростили сделать для них исключение. Он пропустил их. На моей тумбочке сразу выросла куча подарков: сигареты, пачки галет, шоколад и т.п. Я был растроган до глубины души. Прошло около года, как я ушел с их лодки и уже не являлся для них командиром, а они проявили такое ко мне отношение!

– Козлов, и ты здесь! Не обиделся на меня за то, что я перед самым уходом наложил на тебя строгое взыскание?

– Товарищ механик, но Вы же наложили его на меня за дело! Я его, так сказать, честно заработал! Зато я помню, как Вы во время лечебного цикла аккумуляторной батареи добились от Непомнящего, чтобы он отпустил меня на несколько дней для встречи с моим отцом, когда он приезжал в командировку в Артем! Разве такое можно забыть?

На протяжении всего 1941 г., а затем и 1942 г. с фронтов Отечественной войны поступали все более и более тревожные вести. На большой географической карте, которая висела на стене в преподавательской, флажки, обозначающие линию фронта, приходилось переставлять все дальше и дальше на восток от западной границы нашей родины. Все мы тяжело это переживали. Шли упорные кровопролитные бои за Сталинград. Ожидалось, что с падением его в войну на стороне фашистской Германии выступит Япония. К этому добавилась большая личная трагедия – смерть моей горячо любимой дочери Юлочки, о чем сообщила мне телеграммой Александра Ивановна. Эта смерть так или иначе была связана с шедшей войной, из-за которой пришлось эвакуировать в Сибирь семью. Ненависть к фашистам, нараставшая с каждым днем, побудила меня просить командование об отправке меня в действующий флот или на фронт. Я и второй помощник начальника учебного отделения Даниил Похиль подали по команде рапорты с такой просьбой. На это мы получили ответ в том духе, что командованию виднее, где нас в настоящий момент целесообразнее использовать и что командование направит нас в действующий флот тогда, когда сочтет это нужным.

В эти критические для родины дни я и решил вступить в партию, которая была организатором и вдохновителем борьбы народов нашей родины против фашистских агрессоров. Только полные идиоты или подлецы, продавшиеся с потрохами заокеанским хозяевам, могут теперь ставить коммунистов, ведущих смертельную борьбу с фашистами, на одну доску с ними. В ноябре 1942 г. я был принят в кандидаты, а в декабре 1943 г. – в члены партии.

Так как подводные лодки ОУДПЛ наравне с лодками второй бригады выходили в море для несения боевого дежурства, и с ними необходимо было поддерживать связь, то в УОППе было введено оперативное дежурство, к несению которого был привлечен и я. Мне также часто поручалось инспектировать лодки и проверять их боеготовность.

Хотя формально войны с Японией в то время еще не было, но японские военные корабли при встрече с нашими транспортными судами вели себя крайне дерзко и часто задерживали их, а иногда и топили. Всего за 1941-1945 гг. ими было задержано 178 и потоплено 25 советских судов. Не вернулись на свои базы и две наши подводные лодки, обстоятельства гибели которых до сих пор остаются неизвестными. На этих подводных лодках погибли мои друзья: штурман Толя Туквачинский, механик Юра Поплавский и другие.

В феврале 1943 г. ко мне возвратилась из эвакуации Александра Ивановна. Она настолько была исхудавшей, что на нее страшно было смотреть.

К этому времени с фронтов начали поступать ободряющие и радующие всех известия: сокрушительный разгром немцев под Сталинградом, прорыв блокады Ленинграда, наступление наших войск то на одном, то на другом фронте. По всему чувствовалось, что произошел, наконец, перелом в ходе войны в пользу Советского Союза, которого все мы с таким нетерпением ждали.

Для передачи личному составу Тихоокеанского флота боевого опыта из наших действующих флотов – Черноморского, Северного и Балтийского – к нам стали прибывать «обстрелянные» офицеры и старшины. Тихоокеанский же флот продолжал пополнять кадры наших западных флотов и морской пехоты.

Мне особенно запомнилось прощание с одним из офицеров УОППа – начальником боепитания, исполнявшим одновременно обязанности командира кадровой команды. Дело в том, что я ранее неоднократно замечал, как он, используя свое служебное положение, тащил домой с продовольственного склада различные продукты. Несколько раз я высказывал ему свое возмущение и предупреждал, что вынужден буду сообщить об этом командиру отряда. Но он в ответ только нагло улыбался и продолжал этим заниматься. Тогда я доложил командиру отряда о том, что начальник кадровой команды ворует со склада продукты. Командир УОППа поблагодарил меня за это сообщение и немедленно вызвал к себе этого офицера. Я больше не встречал его с продуктами и считал, что командир пресек его незаконные действия.

Спустя некоторое время этот офицер был назначен в действующий флот и стал прощаться со своими сослуживцами по учебному отряду. Зашел он и ко мне.

– Ну, капитан-лейтенант, я зашел к тебе проститься. На прощание хочу кое-что тебе сказать. Ты, наверное, думаешь, что мне тогда попало за то, что я таскал со склада продукты. Нет, мне попало не за то, что я таскал, а за то, что я так таскал, что ты мог это видеть. Я продолжал таскать, но так, что ни

ты, ни кто другой уже не видел. Но я не обижаюсь на тебя. Я знаю, что ты человек честный и принципиальный, но жизни ты не знаешь, и жить тебе будет трудно. Подумай сам: разве мог меня командир ругать за то, что я тащу со склада продукты, если он пользуется спиртом, который я ему приношу с того же склада каждый раз, когда ему хочется выпить? И когда я приносил ему на утверждение акт на списание завышенного количества спирта, то он кряхтел, но каждый раз утверждал. Вот так-то.

– Ну, прощай, святая душа, – сказал он, наконец. – Не поминай меня лихом!

Поклонился и ушел. Только тогда я понял, что командир отправил его на действующий флот, чтобы вырваться из его цепких лап.

В конце января 1944 г. Александра Ивановна родила мне сына, которого мы назвали Владимиром.

Так как мои отношения с начальником учебно-строевого отдела Елацковым и замполитом Кабановым окончательно испортились, и служить в одной части с этими исключительно подлыми, склочными и развратными людьми, от которых каждую минуту можно было ожидать очередной пакости, было невозможно, то я решил перейти в учебный отряд ТОФ. Командование флота удовлетворило мою просьбу, и я был назначен преподавателем спецпредметов в электромеханическую школу УО ТОФ. Эта школа находилась в бухте Аякс на острове Русском.

На острове Русском

Остров Русский расположен в заливе Петра Великого и прикрывает вход в бухту Золотой Рог, на берегах которой расположен город Владивосток. Его роль по отношению к Владивостоку (в военном отношении) примерно такая же, как острова Котлин, на котором расположен Кронштадт, по отношению к Ленинграду. Его длина приблизительно равна 18 км, а ширина – 13. Внутри острова глубоко вдается довольно широкая и длинная бухта Новик. Она окружена высокими сопками, которые покрыты густым лесом. Эта бухта достаточно глубока и образует большой внутренний водоем, очень удобный для стоянки судов и кораблей. На острове, кроме дальнобойной береговой и зенитной артиллерии, располагались различные части флота и военно-морской госпиталь. В том числе (в некоторых отдалении друг от друга) четыре школы, входившие в состав учебного отряда ТОФ: оружия, электромеханическая, объединенная и связи.

Электромеханическая школа расположена в бухте Аякс. На высоком скалистом берегу бухты стояло три двухэтажных дома офицерского состава и хозяйственные постройки, а далее от берега – два двухэтажных здания, в которых размещались штаб, казарменные помещения, учебные кабинеты и лаборатории. Еще далее от берега – клуб и столовая. Школа готовила котельных машинистов, электриков и мотористов для кораблей флота.

Начальник школы – инженер капитан 2-го ранга Декалин – принял меня очень радушно. Он предоставил моей семье довольно большую комнату в трехкомнатной квартире на втором этаже двухэтажного дома (кроме нас в этой квартире жило еще две семьи). Он предложил мне выписать с

подсобного хозяйства пару мешков картошки, что по тем временам для нас было очень важно.

Вскоре мне стало известно, что начальник школы был хорошим хозяйственником и заботливым начальником, но оценивал качество работы преподавателей по среднему баллу выпускных экзаменов учащихся. Мои коллеги уверяли, что убедить его в несправедливости такого подхода к оценке работы преподавателей совершенно невозможно. Тогда решил это сделать я. Вскоре представился для этого подходящий случай. Уже началась подготовка очередного набора учащихся, когда поступил приказ командования флотом готовить основную часть учащихся ускоренными темпами для укомплектования десантных судов (ДС), которые мы получали из Америки. Оказалось, что обычными темпами нам придется готовить только одну группу. Начальник школы приказал: из всех групп отобрать самых неуспевающих учащихся и свести их в одну группу, которую и готовить обычными темпами. Но когда всех «дубов» свели в одну группу, то никто из преподавателей не хотел ее брать, предвидя, что получит в ней самый низкий балл и самую плохую оценку своей работы в конце учебного года. К всеобщему удивлению, я попросил дать эту группу мне.

Однажды, когда по учебному плану мне предстояло объяснить в этой группе устройство поршня двигателя (одной из простейших деталей!), я попросил начальника учебного отделения порекомендовать Декалину посетить мое занятие с целью ознакомления со мной, как преподавателем. Присутствуя на занятии, он был поражен тем, что некоторые учащиеся не способны понять самые элементарные вещи, которые проще и доходчивее, чем было изложено и несколько раз повторено, объяснить просто невозможно. Он был буквально взбешен тем, что кое-кто из наиболее тупых учащихся еще и плохо слушал, отвлекаясь и отвлекая соседа на посторонние дела. Он вызвал старшину и приказал двоих таких учащихся немедленно направить на гауптвахту.

– Вы знаете, я был поражен терпением, выдержкой и настойчивостью, с какими Ксюнин по несколько раз объяснял этим олухам самые элементарные вещи! Я бы так не смог! Нет, он, безусловно, прекрасный преподаватель и если ему удастся подготовить из этих дубов хоть 50 % мотористов, то я объявлю ему благодарность, – говорил Декалин начальнику учебного отделения Григорьеву, попыхивая своей неизменной трубкой.

К выпускным экзаменам из этой группы не были допущены трое: двое, осужденных за воровство, и один из-за абсолютной неуспеваемости. Все остальные сдали выпускные экзамены и получили квалификацию корабельных мотористов. В итоговом приказе Декалин объявил мне благодарность, хотя в этой моей группе средний балл успеваемости был самым низким в школе. Он пришел к выводу, что качество работы преподавателя по среднему баллу успеваемости группы оценивать нельзя, ибо успеваемость учащихся зависит не только от педагогического мастерства преподавателя, но и от состава учащихся, от их подготовленности, способностей, желания получить преподносимые им знания и ряда других

причин. Да и средний балл недобросовестным преподавателем может быть умышленно завышен, дабы получить высокую оценку своей работы. С тех пор он стал оценивать работу преподавателей по качеству проведения ими занятий, а не по среднему баллу.

Будучи дежурным по части в самом начале мая 1945 г., я рано утром узнал из сообщения советского радио о капитуляции фашистской Германии. Хотя к этому дело уже шло (за несколько дней до этого пал Берлин), но известие о капитуляции противника привело меня в такой восторг, что я немедленно позвонил начальнику части и поднял его с постели. Он приказал мне объявить досрочно подъем и построить личный состав к торжественному подъему военно-морского флага. Все было выполнено. Ликование личного состава, всего населения поселка нашей части не поддается описанию.

Так к нам в электромеханическую школу учебного отряда Тихоокеанского флота пришел долгожданный и так желанный день Победы, который стал одним из величайших праздников народов Советского Союза!

Летом 1945 г. в бухту Новик вошли и стали у берега десантные суда (ДС), закупленные в США. Дивизионным механиком на них оказался мой одноклассник по ВВМИУ и друг Саша Барилов. Он радушно встретил нас – троих преподавателей моторно-дизельного цикла ЭМШ, пришедших ознакомиться с этими судами. Он провел нас по всем помещениям, показал и объяснил действие всех механизмов и систем десантных судов. Помню, нас всех поразило отсутствие водонепроницаемых переборок в корпусах, призванных обеспечивать их непотопляемость. Барилов сказал нам, что подобный вопрос он задал представителю фирмы в США. Тот ответил, что если суда не будут тонуть, то у фирмы не будет новых заказов, а если они утонут, то нам придется заказывать еще новые. Фирму это устраивает. На замечание Барилова о том, что с судами погибнут люди, представитель фирмы цинично заметил, что в Советском Союзе так много людей, что для него эта потеря будет мало ощутима.

В начале августа, по приказанию командования, мы приняли участие в подготовке ДСов к приему большого десанта и переходу их морем в Корею. Там этот десант должен был высадиться и принять участие в захвате портов и военно-морских баз японцев в этой стране. Работая несколько суток почти без сна, мы тщательно проверили и отрегулировали работу главных двигателей (дизелей) и других механизмов, чтобы обеспечить их бесперебойную работу во время перехода, во время высадки и боя, а также при возвращении их в свою базу. Вся эта операция была успешно осуществлена – порты и военно-морские базы японцев в северной Корее (Юки, Расин, Сейсин и Гензан) были молниеносно захвачены нашими морскими десантами. И в ней важную роль сыграла 13-я бригада морской пехоты под командованием генерал-майора В.П. Трушина, доставленная к месту высадки десантными судами, подготовленными к этому преподавателями ЭМШ Музалевским, Ляховым и Ксюниным. Собственно участием в этой десантной операции и ограничилось мое непосредственное участие в боевых действиях Тихоокеанского флота в войне с Японией.

Как известно, война с Японией была скоротечной (с 8 августа по 3 сентября* 1945 г.), и больших сражений на море не было. Отдельные японские самолеты на очень большой высоте прорывались к Владивостоку и к острову Русский. Они пытались нанести по ним удары, но наша зенитная артиллерия каждый раз срывала их замыслы. На остров падали только осколки снарядов наших зениток. Поэтому Александра Ивановна не стала бегать с Володиной в укрытие в ближайший овраг, как было предписано командованием, а оставалась с ним в квартире.

По окончании войны с Японией жизнь быстро входила в мирную колею. К концу 1945 г. мне были вручены медали «За боевые заслуги», «За победу над Германией»** и «За победу над Японией».

ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 8. Д. 32. Л. 68-75. Подлинник машинописный.

* Так в документе. Правильно – 2 сентября.

** То же. Правильно – медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

№ 1414

Из воспоминаний Н.Я. Корчагина¹⁹⁵

1983 г.

[...]*. Великая Отечественная войны 1941-1945 гг.

22 июня 1941 г. началась вторая мировая война.

В октябре Москва была объявлена прифронтовым городом, в связи с чем многие правительственные учреждения были эвакуированы в г. Куйбышев, в том числе и Главнефтеснаб при СМ СССР.

В Москве была оставлена оперативная группа при ГКО в количестве четырех человек во главе с начальником Главнефтеснаба при СМ СССР т. М.И. Кормилицыным. В группу вошли военпред на нефтезаводах Я.А. Коган, я и нач. пожарной охраны Главка И.В. Котлов. Так как наши фамилии начинались с буквы «К», то нас и называли «четыре К», и под этим названием мы были известны всем заинтересованным в нас учреждениям и лицам.

На нашу группу была возложена задача снабжения действующей Красной Армии и народного хозяйства страны нефтепродуктами.

Работали мы круглосуточно, занимали две комнаты – одну для работы, другую для отдыха – в пустующем здании на пл. Ногина, где ныне находится Минчермет СССР.

Я ведал транспортом нефтепродуктов от заводов до места потребления. Коган поддерживал связь с нефтезаводами и регулировал производство нефтепродуктов по сортам в зависимости от потребности в них. Котлов следил за пожарной безопасностью здания и сохранением его от пожара,

могущего возникнуть от зажигательных бомб, сбрасываемых немецкими фашистами на наш дом со своих самолетов.

Площадь Ногина немецкие фашисты бомбили ежедневно и по несколько раз. В этом случае мы поднимались на крышу здания и тушили зажигательные бомбы под руководством Котлова, который, как специалист, знал это дело и научил нас.

Мы были очевидцами, как несколько фугасных бомб фашисты сбросили на здание ЦК ВКП(б) на Новой пл. (недалеко от пл. Ногина). Здание нашего ЦК было разрушено, но его быстро восстановили, и оно стало таким же, как было до бомбежки.

Местная и междугородняя телефонная связь работала нормально. С нами ежедневно разговаривали по телефону товарищи из ГКО: его председатель т. Сталин, т. Микоян и другие сотрудники ГКО. Мы поддерживали постоянную связь с нашим главком в Куйбышеве.

Все интересовались наличием нефтепродуктов на базах, на заводах, находящимися в пути, давали указания, куда и в какой адрес направлять ж.-д. транспорт с горючим и т.д.

Из основного источника нефтепродуктов – Баку и Батуми – мы не имели возможности отправлять ж.-д. транспорт в центр страны, так как пути сообщения были оккупированы немцами. Поэтому мы, по согласованию с моряками, придумали направлять ж.-д. цистерны с горючим вплавать по Каспийскому морю из Баку в Красноводск и далее по железной дороге. В Баку ж.-д. цистерны снимали с тележек с колесами, спускали в море и буксировали в Красноводск, где цистерны вытаскивали на берег, обратно ставили на тележки с колесами и отправляли по железной дороге к месту назначения.

Так мы, «четыре К», помогали обеспечивать Советскую Армию и народное хозяйство страны нефтепродуктами в начальный период Великой Отечественной войны.

Особое внимание мы уделяли снабжению горючим войск, защищавших столицу нашей Родины Москву, которая находилась на осадном положении. Перед партией встала задача огромного политического и военного значения – любой ценой отстоять Москву.

ГКО ни на один день не прекращал работу по мобилизации внутренних ресурсов государства на обеспечение Красной Армии. Проводились мероприятия по повышению технического оснащения и материального обеспечения войск.

Пополнение действующей армии новой боевой техникой потребовало от нашей группы изыскания дополнительных ресурсов горючего и своевременной доставки их в боевые порядки войск, сражающихся за Москву. Наличие горючего в войсках с большим напряжением было доведено до 5-6 заправок, 70 процентов горючего было доставлено непосредственно в войска на армейские базы.

5 декабря началось контрнаступление Красной Армии. Войска Калининского, Западного и Брянского фронтов разгромили

немецко-фашистские войска, угрожавшие Москве, а в начале января 1942 г. угроза миновала. Москва получила возможность жить и работать в спокойной обстановке. Осадное положение было снято. Из эвакуации возвратился Главнефтеснаб, и наша группа была расформирована.

Я был призван в Красную Армию, мне было присвоено воинское звание «инженер-майор» и назначили заместителем начальника 8-[го] отдела Управления снабжения горючим (УСГ) Министерства** обороны СССР. На меня был возложен участок работы по транспортировке горючего действующим армиям по железным дорогам, для чего свою работу мне необходимо было контактировать с Министерством** путей сообщения.

О положении с горючим в войсках я почти ежедневно докладывал начальнику тыла Красной Армии генералу армии тов. А.В. Хрулеву и его заместителю генерал-полковнику В.И. Виноградову. Снабжению войск горючим придавалось большое значение наравне с боеприпасами, так как без горючего боевая техника мертва, а самолеты не могут подняться в воздух для выполнения боевых заданий. Снабжение Красной Армии горючим находилось под личным контролем министров и их заместителей.

По поручению А.В. Хрулева я выполнял его задания, ездил в командировки в Управление железных дорог, на нефтезаводы в Баку, Батуми, Грозный, где совместно с военпредами на заводах и железнодорожниками принимал меры для ускоренной отгрузки с заводов транспортов с горючим и своевременной доставки их войскам.

Моя задача облегчалась тем, что начальник тыла КА, он же зам. министра обороны по тылу, занимал пост министра*** путей сообщения, поэтому мои указания, как уполномоченного министра*** путей сообщения и начальника тыла КА тов. А.В. Хрулева, выполнялись быстро и безоговорочно. В выполнении ответственных заданий помогали мне командиры воинских частей на местах, а также большую помощь оказывали областные, городские и районные партийные организации, к которым мне приходилось обращаться по мере необходимости.

Общими усилиями Красная Армия во время Великой Отечественной войны не испытывала недостатка в горюче-смазочных материалах, боевая армейская техника всегда была заправлена горючим и в любое время была в готовности выполнить боевые наступательные и оборонительные операции.

У меня сохранились подлинные мандаты за подписью А.В. Хрулева и спецпропуск для проезда по осажденной Москве в ночное время. Никогда не думал, что этими документами заинтересуются музеи МО СССР и обороны Москвы. По их просьбе эти документы, а также фотографию «четырех К» я передал этим музеям.

Летом 1944 г. министр*** обороны СССР назначил генерала А.В. Ковырзина начальником отдела снабжения горючим 2-го Белорусского фронта, а меня его заместителем.

Штаб фронта дислоцировался в г. Мстиславле Могилевской обл. и деятельно готовился к наступательной операции против гитлеровских войск, которые находились в захваченном ими Могилеве.

Перед наступлением требовалось обеспечить войска фронта всем необходимым: доставить хлеб и другое продовольствие, лекарства, бинты, кинофильмы, газеты и тысячи других вещей – зубные щетки, мыло, водку, кремы, лезвия для бритв и т.д. – все, что нужно человеку для жизни, хотя эта жизнь и была фронтовой. Бойцы фронта жили, хотели быть сытыми, обутыми, одетыми, не прочь были выпить, посмотреть фильмы. Люди на фронте думали не о смерти, а о жизни, мечтали о будущем, надеялись на счастье и были уверены в победе, в неминуемом разгроме врага.

До наступления оставалось несколько дней, а пока шла подготовка, все действовало приглушенно, энергично, сохраняя в тайне все, что полагалось держать в секрете.

На подразделение, в котором я служил, возлагалась задача бесперебойного обеспечения горючим многочисленной фронтовой и армейской техники, боевых самолетов, танков, бронетранспортеров, автомобилей и т.д. Для этого в нашем распоряжении находилось два батальона автоцистерн, склады горючего, полевые трубопроводы для перекачки горючего со складов в войска.

Фронту нужно было подать громадное количество нефтепродуктов – триста тысяч тонн. Подвоз этого количества горючего должен был производиться скрытно, с большими предосторожностями, чтобы не раскрыть подготовку фронта к наступательной операции.

В этот период наше подразделение работало день и ночь, следило за каждым транспортом с горючим. Коммуникации подвоза превышали 500 километров, что особенно повышало нашу ответственность за безопасность доставки и секретность.

Один эпизод их фронтовой жизни запомнился мне на всю жизнь, хотя прошло уже почти сорок лет.

В июне 1944 г. к нам на фронт прибыл маршал Советского Союза Г.К. Жуков для проверки и помощи в подготовке к наступательной операции. Мне пришлось докладывать ему в присутствии командующего войсками фронта генерала Захарова об обеспеченности войск фронта горючим. Я доложил, что войска фронта обеспечены горючим не полностью, не достает одного ж.-д. транспорта, который находится в пути, но прошли все сроки, а транспорта нет, и когда будет, неизвестно. Жуков и Захаров приказали мне немедленно вылететь на самолете навстречу транспорту, установить, где он находится, и принять меры к доставке его фронту.

Вылетел я на самолете У-2 рано утром. Погода отличная, видимость хорошая, летим на небольшой высоте до 500 метров. Внимательно смотрю на полотно железной дороги, ищу транспорт с горючим. В сознании особая важность задания заместителя Главнокомандующего войсками Советской Армии маршала Жукова, которое надо выполнить во что бы то ни стало, так как если транспорт не будет найден, то может задержаться наступательная операция войск 2-го Белорусского фронта, которая согласована с соседними фронтами слева и справа, и нарушится взаимодействие в наступательной операции трех фронтов.

Вдруг вижу – цистерны с горючим валяются под откосом полотна железной дороги, паровоз лежит вверх колесами, вокруг образовалось озеро из смеси бензина, дизельного топлива и различных масел. Даю сигнал летчику посадить самолет вблизи аварийного места, что и выполняется с большим мастерством. Сели в лесу на поляне.

Выясняю – транспорт с горючим попал под бомбежку вражеских самолетов. На месте уже работают бойцы железнодорожного батальона, восстанавливают ж.-д. путь и разрушенный мост через речку, растаскивают цистерны и поднимают краном паровоз. Связи со штабом фронта нет, чтобы доложить о случившемся. Принимаю решение немедленно вылететь обратно в штаб фронта.

Только взлетел наш У-2, как видим – фашистский самолет со свастикой на крыльях сбил наш другой самолет (тоже У-2), на борту которого находился офицер ВВС фронта, выполнявший аналогичное задание и посланный дублером, как это всегда практикуется во фронтовой обстановке.

Мой летчик, решив укрыться от гитлеровского самолета, стал быстро снижаться на поляну в лесу, но при снижении зацепился за кроны высоких деревьев. Потерявший управление самолет рухнул на землю и разбился. К счастью, мы с летчиком остались живы, отделавшись ушибами и царапинами. Оставив летчика у обломков самолета, я отправился на поиски автомобиля, который был найден в одной в/части, на котором я выехал в штаб фронта.

После доклада командованию о случившемся Центром был срочно подан дополнительный транспорт с горючим. Наступление войск фронта состоялось по намеченному плану.

Перед наступлением генералу Ковырзину и мне командование приказало немедленно выехать на передовую линию и организовать фронтовую подвижную базу горючего и заполнить ее горючим, так как наши войска, овладев сходу Могилевом, стремительно продолжают преследовать отступающего противника, для чего потребуется большое количество горючего для заправки боевой техники в пути.

Поставленная перед нами задача была выполнена, и в дальнейшем наши подвижные базы своевременно обеспечивали горючим фронтовую и армейскую технику.

Наши войска, продолжая преследовать противника, преодолели шесть водных рубежей, быстро продвигались к Минску, который был освобожден от немецко-фашистских захватчиков в начале июля. Население Минска восторженно приветствовало советских воинов. Минск был сильно разрушен, особенно его привокзальный район.

В Румынии

Из Москвы поступила зашифрованная телеграмма за подписью А.И. Микояна немедленно откомандировать меня в Москву.

В Москве мне приказали вылететь в Бухарест, где формируется Управлением тыла Министерства обороны Советское нефтяное управление в

Румынии, начальником которого назначен полковник С.М. Бланк, а я назначен начальником товаротранспортного отдела этого Управления.

Перед Управлением, которое дислоцировалось в центре нефтяной промышленности Румынии в г. Плоешти, была поставлена задача освоения румынских нефтяных заводов и нефтепромыслов, наладить добычу нефти, отремонтировать нефтезаводы, которые немцы частично привели в негодность, и обеспечить снабжение нефтепродуктами советских войск в Европе, а также народного хозяйства Советского Союза.

Для этой цели из Советского Союза прибыла большая группа специалистов-нефтяников. Работа закипела, были привлечены румынские рабочие и специалисты.

В короткий срок нефтяное хозяйство в Плоешти было восстановлено. Для отправки нефтепродуктов [в] Советский Союз прямым сообщением транспортом по железной дороге, без перегрузки в пути, румынская ж.-д. колея была перешита на советскую ж.-д. колею. Советские войска, находившиеся в Европе, стали снабжаться из Плоешти.

На товаротранспортный отдел, которым я руководил, была возложена обязанность установить нормальные взаимоотношения с румынской нефтяной организацией, которая носила название «Дистрибуция», а также организовать отгрузку транспортом с нефтепродуктами в Советский Союз, установить порядок и согласовать с румынами учет и расчет за нефтепродукты, которые румынское правительство обязано нам поставлять в счет репарации.

Этот порядок был установлен при благоприятных переговорах с румынами, которые чувствовали благожелательное и гуманное отношение к ним советской администрации, которое они не ожидали, так как немцы относились к ним плохо и не снабжали их нефтепродуктами, что привело к расстройству народного хозяйства Румынии и быта населения, которое нуждалось в бензине, керосине и других нефтепродуктах.

На просьбы румын о выделении для их нужд нефтепродуктов мы отнеслись с пониманием и благожелательно, удовлетворили их просьбу, за что румыны были нам очень благодарны. Они не ожидали от нас такой щедрости, и отношение их к нам было благожелательным.

Деловые отношения с румынами наладились. Из частных бесед с ними мы узнали, что немцы вели себя среди румынского населения нагло и высокомерно, распускали слухи о русских людях, что это варвары, все русские – дикари, похожие на чертей, и что у них растут хвосты. Мало что распускали слухи, пытались убедить население в этой чепухе и показывали фотографии, сфабрикованные в порнографических гитлеровских фотоателье, на которых были изображены голые мужчины и женщины с хвостами, которых они выдавали за русских людей. Находились такие румыны, которые верили этим бредням. Нам пришлось побывать в отдельных румынских семьях, где нам рассказывали о поведении немцев и убедились, что русские – гуманные, благожелательные, симпатичные люди, и

относились к нам с большим уважением за все время нашего нахождения в Румынии.

Настало время, когда Румыния из королевского государства стала Народной Республикой, и у нас с ней установились нормальные дипломатические отношения как с братским социалистическим государством. Нефтяное хозяйство в Плоешти было передано Румынскому Народному правительству в полном порядке для нормальной эксплуатации. Советское нефтяное управление в Румынии было ликвидировано. [...]****.

ГАСПИТО. Ф. П-9019. Оп. 1. Д. 1636. Л. 27-33. Подлинник машинописный.

* Опущены биографические сведения предвоенного периода.

** Так в документе. Правильно – Наркомат.

*** То же. Правильно – нарком.

**** Опущены биографические сведения послевоенного периода.

№ 1415

Воспоминания В.К. Францишина¹⁹⁶

1970 г.

Никогда не изгладятся из памяти дорогие сердцу годы детства и юности, прочно связанные с подлинно русской природой, с русской действительностью и ее замечательным народом.

Нивы России, леса, луга, озера, реки как бы оживают во всех красках каждый раз, как память возвращает меня к тому периоду жизни. И странно – даже воспоминания о трудностях того времени (голодовки, нужда, тревожные дни Гражданской войны) – не в состоянии заслонить и омрачить этой радости воспоминаний о родной России.

Родился я в Тамбове. Там я начал свою трудовую жизнь, учился в средней школе, работал на электростанции, оттуда ушел служить в армии, а потом в вуз. И в партию я вступил в родном Тамбове.

Однако большую часть своей сознательной жизни я провел в Казахстане, который стал для меня второй Родиной.

Главной школой своей жизни я считаю партийную работу в аппарате ЦК ВКП(б). Из аппарата ЦК я был в конце 1941 г. «временно» направлен для работы в аппарате ЦК Казахстана, но это «временное» оказалось постоянным.

С тех пор вся моя жизнь была связана с этим замечательным краем, с его талантливым, в большинстве своем трудолюбивым народом и необъятными природными богатствами Казахстана. Вся моя деятельность специалиста-пищевика проходила в этой отрасли, в области пищевой промышленности.

Великая Отечественная война и первые послевоенные годы поставили Казахстан в особые условия. В отличие от многих других регионов нашей

страны, в Казахстане Вторая мировая война вызвала не спад, а рост промышленного производства. Причем этот рост осуществлялся не только за счет расширения объема производства на действующих предприятиях, но и, пожалуй, главным образом за счет строительства предприятий на базе оборудования, эвакуированного из находившихся под угрозой фашистского захвата районов России, Украины, Белоруссии.

Основной лозунг того времени «Все для фронта» был непреложным и священным законом для каждого советского человека, в какой бы отрасли хозяйства он не трудился.

Несмотря на трудности военного времени – нехватка продуктов питания для населения, отсутствие в нужном объеме сырья и материалов для производства, необеспеченность его рабочей силой, (особенно мужской), недостаточность транспорта – несмотря на все это, самоотверженный труд народа позволял решать все хозяйственные задачи, поставленные партией и правительством,

Перед страной была в условиях войны поставлена главная задача – увеличить объем промышленного производства. Это наложило особый отпечаток и на весь характер партийной работы, которая и в мирное время не находилась в отрыве от производства. Тогда, в военное время, эта связь возросла многократно, и решение хозяйственных задач стало главным вопросом, которому были подчинены все участки партийной работы.

Характерно, что партийные органы в период войны и в первые послевоенные годы являлись главнейшими организаторами хозяйственной деятельности.

Перед отделом пищевой промышленности ЦК КП(б) Казахстана, руководить которым мне пришлось без малого семь лет, также встали совершенно конкретные задачи, связанные с расширением производства продукции пищевой промышленности, так необходимой на фронте и в тылу. Пришлось создавать на каждом хлебозаводе специальные цеха по сушке сухарей для фронта, полукустарные макаронные цеха, организовывать почти при каждом хлебозаводе цеха по производству карамели, что было своеобразным средством экономии кристаллического сахара, столь дефицитного в то время.

Но самым, пожалуй, важным и трудным вопросом была организация новых производств на базе эвакуированного оборудования.

В Алма-Ату было принято оборудование Харьковской и Московской им. Бабаева кондитерских фабрик и смонтировано в здании Алма-Атинского ликероводочного завода, еще недостроенного в ту пору. Так была создана первая в Казахстане кондитерская фабрика.

Огромная заслуга в быстром пуске фабрики принадлежит мастерам и рабочим Бабаевской фабрики. Они привезли оборудование, смонтировали его, обучили местные кадры кондитерскому производству. Уже к концу 1943 г. фабрика начала выдавать продукцию от карамели до шоколада. Теперь эта фабрика стоит в ряду крупнейших в стране и выпускает в год более 30 тыс. тонн кондитерских изделий в широком ассортименте.

На базе эвакуированного оборудования проведена была широкая реконструкция Алма-Атинского плодоконсервного комбината. Из полукустарного предприятия с годовой мощностью производства 500-600 тыс. условных банок комбинат стал крупнейшим в республике, его объем производства доведен теперь до 65 миллионов условных банок в год. И до сих пор на этом предприятии работают ветераны-консервщики, сопровождавшие во время войны эвакуированное оборудование из Симферополя.

Особое место в работе отдела пищевой промышленности ЦК КП(б) Казахстана заняла реализация задачи увеличения производства сахара.

С самого начала войны сахарная промышленность страны понесла огромный ущерб. Большинство свеклосеющих районов Украины и России были оккупированы, и страна оказалась по существу без сахара. Встала задача любой ценой увеличить производство сахара за счет расширения его выработки на действующих заводах и путем строительства новых предприятий на базе эвакуированного оборудования.

В Казахстане еще до войны предполагалось строительство новых сахарных заводов, но практически к концу 1941 г. имелись только выбранные для этой цели площадки, а само строительство заводов не начиналось.

Перед отделом актовой промышленности ЦК стояла задача взять под особый контроль осуществление реконструкции действующих и строительства в республике новых сахарных заводов. Взять под контроль – означало организовать дело и повседневно помогать строительству через ЦК партии, правительство республики и союзные министерства с тем, чтобы в кратчайшие сроки обеспечить увеличение производства сахара в Казахстане, так необходимого для нужд фронта и тыла.

Эта задача решалась двумя путями. Один из них состоял в расширении производства сахара путем реконструкции действующих заводов (Меркентского в Джамбулской области, Джамбулского завода и заводов Киргизии, тогда подчинявшихся Алма-Атинскому сахаротресту и др.).

Другой путь – строительство новых заводов на базе эвакуированного оборудования. Этот путь был исключительно трудным: оборудование зачастую приходило раскомплектованным. Недостовало профильного железа, труб, электроматериалов, леса, цемента, кирпича. Того костяка рабочего класса, который прибыл с оборудованием, не хватало, и приходилось вокруг этого костяка потомственных сахарников обучать и воспитывать местные кадры, основная масса которых были женщины.

Вот, например, как разворачивалось такое быстротечное строительство Алма-Атинского сахарного завода, называвшегося тогда Бурундайским.

Как сказано выше, строительство этого завода было запланировано начать еще до войны, но к началу войны стояли только вбитые в землю колышки, обозначающие границы территории завода, да еще рассаженная роща декоративных деревьев, без чего, кстати, по сложившейся традиции не начиналось тогда ни одно новое строительство сахарных заводов.

Оборудование эвакуированного из Украины сахарного завода начало поступать уже в 4-[м] квартале 1941 г., а на площадке не были вырыты даже котлованы под фундамент будущего завода. Землеройных машин на стройке тогда почти не было, и поэтому котлованы рылись в основном вручную.

Лес в централизованном порядке поступал мизерными партиями. Сахаротрест организовал в лесных районах области свои лесозаготовки, которые позволили в какой-то мере облегчить острую нужду в лесоматериалах. По указанию директивных органов, стройка снабжалась жженым кирпичом в первоочередном порядке, но и при этой первоочередности перебои с подвозом кирпича были систематическими. Огнеупорный кирпич доставлялся из-за пределов республики в недостаточном количестве и с большими перебоями.

Словом, преодолевались огромные трудности. А оборудование все прибывало и прибывало.

Правительство СССР и союзные министерства предъявили жесточайшие требования пустить завод к концу 1942 г. Задача казалась невыполнимой. Нужно было за какие-то год-полтора построить главный корпус, котельную, электростанцию, мехмастерские, известковую печь, подать воду, расход которой, кстати, на каждую тонну переработанной свеклы составляет 6 кубометров, т.е. в шесть раз больше объема переработанного сырья.

И все же завод был пущен. Пущен почти без крыши (не хватало леса и кровли), с большими недоделками в основных узлах, при недостатке электроэнергии (была установлена чехословацкая паровая турбина мощностью только 250 киловатт, тогда как для удовлетворения нормальной потребности завода требовалось несколько тысяч киловатт). И фронту дан был первый бурундайский сахар – правда, желтый, т.е. не отбеленный, как следует, но все же сахар. Директива партии и правительства была выполнена.

Понятно, что вместе с ростом производства сахара должна была расти и росла сырьевая база сахарных заводов – плантации сахарной свеклы. Однако самой, пожалуй, острой проблемой снабжения заводов сырьем была проблема транспортировки свеклы с плантаций на заводы. Автотранспортом эти перевозки были обеспечены лишь на 15-20 %, т.к. автомашины были отправлены для нужд фронта. Осложняло положение также отсутствие подготовленных дорог.

Для перевозки свеклы на заводы использовались все возможные виды транспорта, начиная от волов и лошадей и кончая железнодорожными платформами там, где это было возможно. Но и такой транспорт не обеспечивал подвозки сырья, и оно поступало с перебоями. Для решения транспортной проблемы изыскивались всякие средства даже из числа самых невероятных.

В связи с этим вспоминается один эксперимент на Талды-Курганском сахарном заводе. Это было осенью 1943 г. Завод сильно лихорадило с поступлением свеклы. О тревожном положении на этом заводе узнало руководство ЦК КП(б) Казахстана. Тов. Шаяхметов, тогда второй секретарь

ЦК, вызвал меня, спросил подробно о положении вещей и предложил выехать на место и любой ценой вместе с руководством треста найти какой-то выход. Мы выехали.

Но какой выход из положения мы могли придумать, если отлично знали обстановку на месте – отсутствие транспорта, отвратительные дороги, работа людей на пределе человеческих сил?

Приехав на место, мы приняли кое-какие дополнительные меры к увеличению гужевого и автотранспорта, дополнительно мобилизовали людей на свеклоуборочные работы, но с горечью убедились, что всего этого мало, что нужно резко увеличить поступление свеклы и даже просить у правительства изыскать дополнительный транспорт хотя бы за счет расположенных недалеко воинских частей. Так и было доложено ЦК и союзному министерству.

Но мы знали, что пока этот вопрос будет решаться в верхах, нужно самим на месте искать какой-то выход. И мы решили провести эксперимент транспортировки свеклы по воде. Дело в том, что на самих сахарных заводах свекла из кагатов транспортируется для переработки исключительно гидротранспортерами. Этот метод основывается на том, что удельный вес свекловичного корня почти равен удельному весу воды, и поэтому сахарная свекла не тонет, а находится в воде как бы во взвешенном состоянии. При определенной скорости потока воды вместе с нею перемещается и свекла по желобу транспортера.

Около свекловичных плантаций проходил оросительный арык шириною 1-1,5 метра и протяженностью в 10-12 километров. Вода из реки Кара-Су подавалась в сторону сахарного завода, уклон канала и, следовательно, скорость течения воды были достаточны, и мы решили использовать этот канал как гидротранспортер.

Однако канал был примитивен, без всякой облицовки русла, с множествами поворотов, давно не чищенный, заросший камышом и тальником. Пришлось его предварительно очистить, но сделать его прямолинейным мы не могли, т.к. техники и рабочей силы у нас не было.

Расставив на местах поворотов канала людей с шестами, чтобы ликвидировать возможные заторы корней, мы все же пустили свеклу по каналу. Мы радовались, что свекла все же поступает на завод по импровизированному гидротранспортеру, но скоро убедились, что примитивный оросительный канал – это далеко не железный и не бетонный гидротранспортер и что без больших работ для превращения этого канала в настоящий гидротранспортер вопроса не решишь. Свекла по пути застревала, была нужна дополнительная рабочая сила, а засоренность канала резко ограничивала возможность перемещения свеклы.

К этому времени правительство выделило заводу дополнительный транспорт, перебои в подаче свеклы на завод снизились, и необходимость в канале сама собой отпала. Наш эксперимент не оправдал себя, но думается, что этот эпизод достаточно ярко показывает, как во время войны люди,

трудившиеся в тылу, всеми силами старались решить трудные хозяйственные задачи, не обременяя государство.

Самоотверженность в труде, проявление инициативы, смелости и изобретательности мысли – все мобилизовывалось на то, чтобы общими усилиями ковать победу над врагом.

Случилось так, что 1944 г. оказался для меня самым насыщенным необычными и трудными делами. Тут сказалась правильная в военных условиях традиция включать в решение разнообразнейших дел работников партийных органов.

Для Казахстана 1944 г. явился очень трудным годом. В связи с недородом и тяжелой зимой 1943-1944 гг. создалось очень тяжелое положение с обеспечением продовольствием населения. Над рядом районов республики нависла угроза голодовки.

Работники аппарата ЦК были направлены для оказания практической помощи местным партийным органам. Была поставлена задача усилить партийно-массовую работу, найти и мобилизовать дополнительные ресурсы для снабжения населения продовольствием.

Я и зав. женотделом ЦК Жангирова Рабига Хангировна были направлены в Кзыл-Ординскую область.

Для меня эта область была выбрана не случайно, ЦК имел в виду то обстоятельство, что Аралгосрыбтрест, в ведение которого входили все рыбопромысловые и рыбоперерабатывающие предприятия Аральского моря, включая и побережье Каракалпакии, курировался отделом пищевой промышленности ЦК, а обстановка в тресте и возможности рыболовецких колхозов и рыбзаводов на Арале мне были хорошо известны. Жангирова же, сама родом из Кзыл-Ординской области, отлично знала особенности и возможности почти каждого района. Это облегчало задачу быстро и конкретно разобраться в обстановке на местах.

Прибыв в обком партии, мы доложили руководству обкома (первым секретарем тогда был Рахимбай Тулебаев) о задачах, поставленных ЦК, и обсудили меры, которые могут быть приняты для облегчения создавшихся трудностей. Было ясно, что главным источником получения дополнительного продовольствия являлась рыба Аральского моря. Мы решили провести большую разъяснительную работу среди рыбаков о необходимости дополнительной добычи рыбы для районов, особо нуждающихся в продовольственной помощи, причем сделать это так, чтобы не нанести ущерба выполнению плана лова рыбы.

Обком партии прикомандировал в нашу бригаду секретаря обкома по промышленности Илью Григорьевича Запорожцева, замечательного человека, опытного партийного работника, блестяще знающего кадры и местную обстановку. А она была сложной. Нужно было усилить помощь населения фронту, изыскать дополнительные ресурсы продовольствия, в чем ощущалась большая нужда. Особенно нуждались детские учреждения, больницы и сельское население отдельных районов.

Решили так: я с Запорожцевым и руководителем Аралгосрыбтреста т. Ерозиди – коммунистом, хорошо знающим рыбную промышленность, – возьмем на себя заботу о рыбных ресурсах, а Жангирова поедет в районы и там вместе с райкомами партии разберется в обстановке, оживит массово-разъяснительную работу, организует сбор средств для нужд фронта и попытается изыскать дополнительные внутренние ресурсы продовольствия.

Отправившись на небольшом директорском судне по всей прибрежной части Аральского моря, мы объехали почти все рыболовецкие колхозы и рыбзаводы. Везде мы проводили собрания колхозников и рыбаков, разъясняли им положение в стране в связи с войной и трудности, создавшиеся в продовольственном положении области.

Никогда не забуду, с каким пониманием отнеслись к нашей просьбе помочь все рыбаки и колхозники. В плохой одежке, почти при отсутствии рыболовецкой спецодежды, зачастую на старых и дырявых лодках и с уже изношенными неводами (трудности войны резко сказались на снабжении орудиями лова рыболовецких хозяйств) и старики, и женщины, и даже дети выходили на лов сверхплановой рыбы. Общими собраниями рыбаков-колхозников и рыбаков гослова единодушно принимались решения отдать безвозмездно в пользу государства, как минимум, по одной полноценной тоне (один закид большого невода) рыбы. А тони были разные. Мы наблюдали в одной бригаде, как забрасывали почти километровый невод и как его вытаскивали примитивными лебедками (колесо с большой ступицей, вращающееся на столбе, врытом в землю, которое за длинное бревно, служащее рычагом, вращали или люди, или лошади и верблюды). Мы были поражены – неводом было вытянуто из моря более 100 центнеров рыбы за один раз.

Таким образом, в фонд помощи государству рыбаки Арала, если мне не изменяет память, дали около 10 тысяч центнеров рыбы.

Но это было не все. На южном побережье Арала на территории Каракалпакии находится Муйнакский рыбомясоконсервный комбинат. Он перерабатывал рыбу, вылавливаемую по южному побережью моря, и параллельным способом перерабатывал на консервы скот, поступающий из Каракалпакии. Готовая продукция в основном отправлялась на север морем в Аральск и распределялась по нарядам сбытовыми организациями Аралгосрыбтреста.

По песчаному побережью Аральского моря водится великое множество черепах, мясо которых к тому времени никак не использовалось. По инициативе партийных и советских организаций Каракалпакии и Казахстана и при активном участии руководства комбината в целях облегчения продовольственных трудностей было организовано производство консервов из черепах. Наша бригада немедленно включилась в эту работу.

Для сбора черепах было привлечено местное население – главным образом, ребяташки и женщины. Собранные живые черепахи в специально

приспособленной таре грузились на верблюдов и караванами отправлялись на Муйнакский комбинат.

Технология переработки черепах довольно сложная. Достаточно сказать, что требуется несколько суток для того, чтобы у черепах окончательно исчезли признаки жизни (даже у обезглавленных). Поэтому требовелось много времени и специальных помещений для того, чтобы подготовить сырье для консервирования. Панцири черепах использовались потом в галантерейной промышленности.

Черепашьи консервы были отличными. Когда они начали поступать на предприятия общественного питания, в больницы и детские учреждения, то приобрели большую популярность. И не удивительно – оказалось, что мясо черепах было очень вкусным и напоминало птичье. Люди, отведавшие эти консервы и не знавшие, что они из черепашьего мяса, начинали гадать: одни говорили, что это – курица, другие – фазан, третьи – телятина и т.п.

Таким образом, организация производства черепашьих консервов также была дополнительным подспорьем для облегчения проблемы с продовольствием.

В этом эпизоде еще раз убеждаешься, как велики были сознательность, патриотизм и инициатива советских людей, глубоко понимавших свою роль в решении трудных задач, вставших перед государством и народом в тяжелые годы войны.

Необходимо описать еще одно событие за период командировки в Кызыл-Ординскую область. Это была моя последняя встреча с секретарем ЦК ВКП(б) тов. А.А. Андреевым.

Однажды меня срочно пригласил к себе первый секретарь обкома партии т. Тулебаев и передал, что со мной хочет говорить секретарь ЦК КП(б) Казахстана т. Скворцов. По телефону т. Скворцов сказал мне, что в Казахстан едет тов. А.А. Андреев, и попросил меня лично проследить, как его встретят в Кызыл-Орде и как подготовятся к этому обкомовцы.

А.А. Андреев ехал специальным поездом из 4 вагонов и решил сделать специальную остановку в Кызыл-Орде. Посоветовавшись в обкоме, мы решили направить в Казалинск лучшего машиниста для того, чтобы он повел поезд А.А. Андреева в Кызыл-Орду. На всякий случай туда (в Казалинск) выехал секретарь обкома партии т. Запорожцев.

Как ни уговаривал я т. Тулебаева привести в порядок помещение обкома партии и главное – единственную легковую машину «эмку», изрядно потрепанную, с грязными чехлами на сидениях, он не послушался моих советов. Тулебаев предполагал, что встреча с А.А. Андреевым состоится в его вагоне, а в город и обком он не поедет, а если и поедет, то на своей машине, которая на этот случай должна находиться в одном из вагонов этого поезда-гаража. Однако я оказался прав.

Андрей Андреевич, выйдя из вагона, сразу же предложил ехать в обком партии на обкомовской машине, чтобы там провести короткое совещание. Его сопровождал зав. сельхозотделом ЦК ВКП(б) т. Козлов, первый

заместитель начальника управления кадров ЦК ВКП(б) т. Шаталин и помощник т. А.А. Андреева тов. Дьяконов.

Всем нам было очень стыдно за эту «эмку» и за захламленность помещения обкома, за обкомовского милиционера, стоявшего в засаленной форме. Но Андрей Андреевич и виду не показал, что заметил все это, настолько он был тактичен, как всегда.

Я зашел в кабинет, где собрались работники обкома и облисполкома, уже после открытия совещания и был до глубины души тронут тем, что А.А. Андреев сразу узнал меня, поздоровался со мною и даже предложил сесть около него.

Совещание было коротким и касалось, главным образом, сельского хозяйства – в частности, мелиорации. Андрей Андреевич остался очень довольным информацией Тулебаева, сделал некоторые замечания и часа через 2 вместе с сопровождавшими его вернулся в вагон.

На вокзале меня подозвал т. Шаталин, поинтересовался, как я живу, и намекнул мне о возвращении в Москву. На это я ответил, что такой вопрос решать не волен.

Предпоследний 1944 год войны с фашизмом оказался для меня особо насыщенным событиями, в которых мне пришлось играть не последнюю роль.

Произошло настоящее и тяжелое чрезвычайное происшествие в работе Казахского отделения «Скотоимпорт». Обнаружилось, что при перегоне баранов, закупленных в Китае и Монголии для Семипалатинского мясокомбината, последняя партия баранов (примерно 120 тысяч голов) попала под морозы, и 71 тысяча из них замерзла в пути.

По указанию из Москвы ЦК партии и Совнарком Казахстана создали специальную правительственную комиссию для расследования этого происшествия. Председателем комиссии был назначен я. Комиссия была очень авторитетной и наделена большими полномочиями. В ее состав входили первый заместитель прокурора республики т. Каленов, заместитель начальника республиканской милиции т. Зеленский, заместитель наркома мясомолочной промышленности т. Липов и начальник зооветеринарного управления Наркомзема республики. Они были очень опытные в своем деле работники, а главное – партийные и благородные люди.

Время тогда было трудное, с любых руководителей спрашивали все очень строго, и после создания особой правительственной комиссии большинство моих товарищей по работе думали, что эта комиссия после расследования гибели 71 тыс. баранов внесет предложение о снятии с работы руководителей обкома и облисполкома, а в отношении руководителей «Скотоимпорта» – обязательное предание их суду по законам военного времени. Откровенно сказать, мы сами – члены правительственной комиссии – были удручены, но в это суровое время всякий виновный должен понести суровую кару.

Учитывая важность задачи и большой объем работы, а также необходимость не предавать гласности детали работы комиссии и ее

первоначальные выводы, нам был выделен специальный вагон Турксиба с двумя проводниками и небольшим запасом продуктов. В этом вагоне мы спали и питались. Еду нам готовила проводница.

Самым трудным вопросом было – как организовать расследование? Решили сначала выслушать объяснения руководителей обкома партии и облисполкома, руководителей «Скотоимпорта», затем найти всю 71 тысячу погибших овец и одновременно тщательно проверит все обстоятельства, при которых совершилось это тяжелое происшествие.

Прибыв в Семипалатинск, мы нашли все руководство обкома и облисполкома в состоянии какой-то растерянности. Эти руководители, естественно, ожидали самых строгих выводов для себя, но, как это не было странно, не принимали никаких мер для расследования происшедшего, если не считать обнаружения отдельных случаев воровства отбившихся от отары овец жителями аулов, мимо которых проходили отары.

А случилось вот что. 21 декабря 1944 г. утром на трассе перегона уже по Семипалатинской области неожиданно прошел сильный дождь, и все бараны промокли на всю толщину слоя шерсти. К вечеру дождь перестал, но сменился к ночи очень сильным морозом, и температура воздуха снизилась более чем до 40 градусов.

Подавляющая часть овец оказалась в ледяном панцире. Однако часть отар все же успела добраться до баз «Скотоимпорта», на которых были укрытия и корм, заблаговременно заготовленный руководством «Скотоимпорта».

Большинство овец до укрытия дойти не успело и в панике разбрелось отдельными группами. В результате образовавшейся на почве ледяной корки бараны были лишены возможности добывать копытами корм, находившийся подо льдом. Голодные и промокшие животные замерзали, сбившись в отдельные группы, причем некоторые из них замерзали даже стоя. Все это мы узнали несколько позже, когда сами объехали эти группы по направлению тракта, уже запорошенные выпавшим снегом.

Порядок работы был у нас таков: каждый член комиссии в сопровождении представителя «Скотоимпорта» в сани, запряженных парой надежных лошадей, и укрывшись добротными тулупами, весь день ездил по направлению тракта перегона, обследуя прилегающую к нему площадь в радиусе 3-5 километров от тракта. Езда была трудная по бездорожью, по снежной целине. Сильный мороз образовал плотную и прочную корку льда, и это позволяло лошадям не проваливаться в снег. Самых баранов видно не было, т.к. обильный снегопад укрыл их полностью, но погибшие животные под снегом образовали небольшие бугорки, которые и давали нам возможность обследовать такие снежные наносы. Если же бугорков не было, т.е. бараны замерзли, не сбившись в группы, то площадь, занятую погибшими животными, мы определяли так: если лошади идут спокойно и не спотыкаются, а наши сани не трясут, то на этой площади искать нечего. Если же сани начинало трясти как по шпалам, значит под снегом лежат замерзшие бараны.

Как только наши сани начинали подсакивать, а лошади спотыкаться, мы выходили из саней, ногами, обутыми в валенки, разгребали снег над заметными бугорками и извлекали с помощью людей из селений около тракта погибших баранов, отправляя их на Семипалатинский мясокомбинат.

Картина была очень тяжелая – огромное поле в несколько гектаров было кладбищем замерзших животных.

Таким путем нам удалось найти всех погибших животных – их оказалась 71 тысяча голов.

Параллельно с этой работой члены комиссии исполняли и специальные задания. Так, в мои обязанности входило выяснение и уточнение некоторых обстоятельств, связанных с этим событием, у руководителей обкома и облисполкома. Зам. начальника республиканской милиции т. Зеленский должен был мобилизовать органы милиции для выявления лиц, воспользовавшихся этим стихийным бедствием для присвоения одного или нескольких баранов, оставших от гуртов. На первом заметителе прокурора республики т. Каленове лежала обязанность организовать скрупулезное следствие для выявления степени виновности работников «Скотоимпорта», а также отдельных представителей местных властей, которые были обязаны каким-то путем вмешаться в происшедшее несчастье. Начальник зооветеринарного управления Наркомзема должен был организовать исследование состояния уцелевшего поголовья, а также контроль за использованием погибших животных, для чего им были привлечены все силы зооветеринарной службы области. Заместитель наркома мясомолочной промышленности т. Липов осуществлял контроль за работой Семипалатинского мясокомбината по переработке поступающего на комбинат скота, в том числе и погибших животных. В этой работе т. Липов был особенно полезен, т.к. перед выдвижением его на пост замнаркома он длительное время руководил комбинатом и знал все тонкости производства и возможности этого предприятия.

Распорядок дня работы нашей комиссии мы установили таким: ранним утром мы отправлялись на поиски погибшего скота, затем – часов в 8 вечера – съезжались в обком и в отведенном нам кабинете второго секретаря обкома обсуждали итоги работы за каждый прошедший день.

В связи с особой важностью работы комиссии и неясностью окончательных выводов по итогам ее деятельности, мы решили до окончания расследования держать в секрете все выявленное и установленное. Это удавалось нам с большим трудом. Особенно интересовался такими – хотя бы предварительными – выводами первый секретарь обкома партии А.Д. Гарагаш и председатель облисполкома т. Байузаков, а также начальник республиканской конторы «Скотоимпорта» т. Шапошников. Приходилось изошряться, отделяться общими фразами каждый раз, когда при встрече с нами они пытались выяснить, чем все происшедшее может кончиться лично для них.

Огромную помощь нам оказал тогдашний заместитель секретаря обкома партии по промышленности М.И. Щеголев. Блестяще зная работу

всех предприятий по городу и области и качества руководителей этих предприятий, Михаил Иванович приложил очень много усилий для того, чтобы создать нормальные условия работы правительственной комиссии: организовал транспорт, подбирал для нас сопровождающих, организовал сбор нужных данных о работе «Скотоимпорта» и мясокомбината, содействовал нам в привлечении к этой нашей работе местных партийных и советских органов и даже следил за обеспечением нас питанием в вагоне.

Проработав до полуночи в обкоме партии, мы уезжали в вагон. На следующее утро повторялось то же самое.

Так продолжалось несколько дней, пока не были найдены все погибшие бараны и не изъят весь украденный скот. В итоге были найдены все почти 120 тыс. баранов, в том числе и 71 тысяча замерзших.

Уцелевший скот перерабатывался обычно, без помех, а вот обработка замерзшего требовала особой технологии. Сначала замерзшую тушу дефростировали (оттаивали), затем снимали шкуру и освежеванные туши складывали на воздухе в штабеля, где они вновь замораживались естественным путем, т.к. стояли сильные морозы.

Когда я увидел эти гигантские штабеля обработанных баранов, внешне казавшихся совершенно свежими, меня охватил ужас. Фронт требовал питания, народ почти голодал, а тут огромное количество мяса должно было пропадать.

Посоветовавшись с членами комиссии и руководителями области, мы пришли к решению изучить вопрос о возможности использования мяса этих баранов для питания людей. Нач. зоветуправления Наркомзема поручил своей лаборатории тщательно исследовать, вредно или нет это мясо для питания. Оказалось, что оно безвредно, т.к. никакого трупного яда в мясе не было. По этому вопросу были сделаны научно обоснованные официальные заключения. Однако, опасаясь реакции населения при использовании этого мяса, мы решили посоветоваться с самим населением. Собрали в нескольких поселках казахов-аксакалов и все им честно рассказали, спросив у них, можно ли пустить такое мясо в пищу либо в натуральном виде, либо после переработки в консервы или колбасы. Аксакалы не возражали, т.к. уже имели такой опыт и свои житейские примеры. Вполне очевидно, что эти люди понимали, что во время войны можно и поступиться кое-какими традициями, в том числе и религиозными. Протоколы таких собраний мы приложили к делу.

На душе у меня сразу как-то полегчало. Ведь речь шла об огромном количестве мяса – около 2 миллионов килограммов, которое можно было употребить в пищу.

Мы дали команду переработать все это сырье на полукопченую колбасу, предполагая, что копчение – вовсе не излишняя мера предосторожности.

Финал этой попытки использовать мясо был для меня неожиданным. В тот же день поздно ночью первый секретарь обкома А.Д. Гарагаш пригласил

меня к себе и сказал, что со мною хочет переговорить по телефону первый секретарь ЦК т. Скворцов.

Быстро соединившись с ЦК, я услышал суровый голос т. Скворцова. Поинтересовавшись, как идут дела, он вдруг сообщил мне о полученной телеграмме т. Микояна и прочитал ее текст. В телеграмме говорилось примерно следующее: «Имею сведения, что председатель вашей комиссии по расследованию о гибели импортного скота Францишин дал указания использовать мясо замерзших животных как пищевое сырье. Предлагаю немедленно пресечь это, а Францишина привлечь к ответственности».

Я был, конечно, очень расстроен и начал объяснять т. Скворцову, что такое решение принято после тщательного лабораторного исследования, а также указал об одобрении населения. Однако т. Скворцов предложил мне это указание немедленно отменить, а всех замерзших баранов направить на ферму чернобурых лисиц в Восточно-Казахстанской области для использования на ферме. Так, конечно, и было сделано.

Одновременно т. Скворцов дал понять мне, что бюро ЦК ждет от комиссии подробного анализа и предложений о строжайших выводах в отношении областных руководителей и руководителей «Скотоимпорта». Таким образом, от погибших баранов остались только одни овчины.

Теперь встал вопрос о главном – кого привлекать к ответственности. Тщательное изучение всех обстоятельств гибели скота показало, что это несчастье явилось исключительно следствием стихийного бедствия, и что со стороны руководства «Скотоимпорта» перегон баранов был подготовлен и организован безукоризненно: по трассе были созданы базы, обеспечены необходимые укрытия (загоны), налицо имелись страховые запасы кормов, перегон скота был обеспечен нужным числом опытных чабанов. Противостоять разразившейся стихии – сначала дождю, потом морозу и пурге – в одни и те же сутки люди были бессильны. Местные власти также приняли все меры к обеспечению нормального перегона скота.

Повторяю: время было трудное. От руководящего состава любого ранга требовалось все по законам военного времени, конкретные виновники должны быть найдены и наказаны. А тут получалось так, что комиссия таких виновных не называла.

Нужно отдать должное членам комиссии. Они нашли в себе мужество отойти от обычных в то военное время традиций обязательно привлекать к ответственности руководящий состав при расследовании таких событий, повлекших за собою большой ущерб для государства. Следует отметить позицию, занятую первым заместителем прокурора республики т. Каленовым. Он помог нам квалифицированно с юридической точки зрения обосновать позицию комиссии вместо того, чтобы, как обычно, по-прокурорски требовать «крови».

В итоге наша комиссия нашла возможным ограничиться только преданием суду отдельных лиц, совершивших кражу импортного скота во время разбушевавшейся стихии. Их было около 50 чел.

Понятно, что параллельно с этим были отмечены некоторые недостатки в работе «Скотоимпорта» и мясокомбината, а также в деятельности обкома и облисполкома по руководству работой «Скотоимпорта». Однако эти недостатки не давали оснований для каких-либо организационных выводов.

Я уже указывал, что руководители обкома и облисполкома до последнего момента с тревогой ждали окончательные выводы комиссии, т.к. были уверены, что в отношении них будут сделаны строгие заключения. Каково же было их удивление и даже благодарность, когда я доложил на бюро обкома окончательное заключение комиссии, в котором никто из руководства не подвергся партийному наказанию и судебному преследованию. Мне показалось, что такая признательность во взглядах областных работников адресовалась не столько комиссии в целом, сколько лично прокурору т. Калену.

В тот же день после того, как наша комиссия возвратилась в Алма-Ату, было созвано заседание бюро ЦК с моим докладом об итогах работы комиссии. Кроме членов бюро, на заседании присутствовали все члены комиссии. Предварительной беседы с руководством ЦК почему-то не было. И когда я закончил доклад, т. Скворцов с удивлением спросил: «А где же предложения о привлечении к ответственности руководителей обкома, облисполкома и «Скотоимпорта»? Я ответил, что таких предложений комиссия внести не может, т.к. речь идет о стихийном бедствии. Были удивлены и другие члены бюро ЦК, т.к. ожидалось предложения о наказании тт. Гарагаша, Байузакова и предании суду т. Шапошникова.

Никто из членов бюро ЦК не решился возразить авторитетному заключению комиссии, и даже в то суровое время все обошлось «без кровопролития».

За работой нашей комиссии следила и Москва, т.е. нарком мясомолочной промышленности СССР т. П.В. Смирнов, начальник Главскотоимпорта т. И.М. Каганович и даже сам А.И. Микоян.

Все беспокоились за судьбу т. Шапошникова, которого хорошо знали и высоко ценили как руководителя и человека. Это был, действительно, очень порядочный человек, отличный руководитель с огромным опытом работы, очень скромный. Наша комиссия сделала доброе дело, не дав этого человека в незаслуженную обиду и сохранив его как работника.

Когда я вскоре попал в Москву в командировку, меня разыскал в гостинице нарком П.В. Смирнов и попросил зайти к нему, выслав за мною машину. Дело было поздно вечером, он прервал всяческие приемы и в присутствии своих заместителей попросил подробно рассказать о работе комиссии и в частности о том, как удалось спасти от суда т. Шапошникова. П.В. Смирнов был очень доволен этим и даже обнял меня. Как бы между прочим т. Смирнов сказал, что и А.И. Микоян остался очень довольным тем, что наша комиссия объективно и обоснованно взяла под защиту т. Шапошникова и оградила его от суда. А.И. Микоян знал и высоко ценил т. Шапошникова, его деловые и человеческие качества.

Признаюсь, что мне это было очень приятно и лестно. Я еще раз с благодарностью вспомнил об объективности и благородстве первого заместителя прокурора республики т. Каленова.

Так завершилась эта история, которая при ином подходе к расследованию со стороны нашей комиссии могла бы привести к роковым последствиям для некоторых руководителей.

Назревала важнейшая хозяйственно-политическая задача – отмена карточной системы на хлеб. Основная тяжесть реализации этого мероприятия ложилась на мое министерство. Нужно было так организовать работу хлебозаводов, чтобы не допустить перебоев в снабжении хлебом торгующих организаций. В этом неоценимую службу сослужил мне мой первый заместитель Ефим Абрамович Вайсбурд, которого я переместил на этот пост с работы директора крупнейшего в Алма-Ате 2-го хлебозавода. Человек он был вдумчивый, знающий производство, спокойный, честный и чрезвычайно оперативный. Благодаря ему я быстро вошел в курс дела, знал состояние работы на каждом хлебозаводе и всегда был готов принять нужные меры, чтобы не допустить ни единого срыва, ни единой точки в вопросе снабжения населения хлебом.

Нужно сказать, что эти сложные мероприятия мы провели блестяще. Ни разу и ниоткуда не поступило ни одной жалобы на работу хлебозаводов. Таким образом, эта важнейшая послевоенная хозяйственно-политическая задача была нами решена.

Из других вопросов, которые мне пришлось решать в министерстве в период моего руководства им, назову только некоторые, на мой взгляд, наиболее важные.

Так, в течение полутора лет была построена новая макаронная фабрика в Алма-Ате вместо сторевавшей несколько лет тому назад полукустарной фабрички макаронного производства. Было положено начало жилищному строительству в системе Министерства пищевой промышленности Казахской ССР, создана строительная база, организованы леспромхозы и т.д.

Время было трудное. Не хватало леса, цемента, кровли, транспорта. Поэтому главной задачей мы поставили перед собою организацию собственного леспромхоза. Это был Кара-Турукский леспромхоз. Решением правительства нам был выделен участок в горах для заготовки тяньшаньской ели. Участок этот находился километрах в 30-40 от с. Чилик. Ни дорог, ни подъездных путей к участку, ни электроэнергии не было, так что все приходилось начинать буквально с нуля.

К организации Кара-Турукского леспромхоза были привлечены все директора Алма-Атинских предприятий пищевой промышленности. В горах была проложена дорога, установлена небольшая гидроэлектростанция, поставлена пилорама, в леспромхоз поочередно посылались рабочие ряда предприятий города.

Особо нужно подчеркнуть сложность вопроса с обеспечением транспортом. Тогда машины были распределены по предприятиям – изношенные, ненадежные, с едва державшимися покрышками, но все же

машины. Мы установили такой порядок: каждый директор обязан был каждую субботу лично возглавлять колонну своих машин и привозить из Кара-Турука лес. Только при соблюдении этого неперемного условия он имел право претендовать на лес для строительства на своем предприятии (в основном для ремонтных работ и строительства складов).

В интересах контроля я завел порядок, при котором я сам тоже выезжал каждую субботу с этими колоннами. Это повышало ответственность директоров за лучшее использование своих колонн. Иногда вместе со мною выезжал и мой заместитель Вайсбурд, а однажды я уговорил Веру¹⁹⁷ съездить с нами.

В результате проделанной тяжелой работы на предприятиях появился лес, а в Главпищеснабе (г. Алма-Ата) был создан постоянный запас леса в 600-700 кубометров.

Несколько позже мы создали и деревообрабатывающие предприятия. Заново были установлены 2 пилорамы, построены столярный цех, механические мастерские и кузницы. Таким образом, мы начали переводить деревообделочные предприятия и строительство в целом на индустриальный режим.

С организацией Кара-Турукского леспромхоза связано еще одно очень важное дело. Учитывая нужду в средних специалистах в нашей стране, мы решили создать свое учебное заведение – техникум пищевой промышленности, но поднять дело совсем заново нам было не под силу. Здесь помогло нам одно обстоятельство: несколько лет тому назад в Алма-Ате сгорел уйгурский театр, целыми остались часть стен и фундамент. До этого 6-7 организаций пытались восстановить здание, но безуспешно – не было леса, и все организации отказывались от этой затеи. И вот мы вместе с опытными строителями, тщательно осмотрев это здание, пришли к выводу, что с помощью Кара-Турукского леса мы можем восстановить здание и превратить его в техникум пищевой промышленности.

Я пошел к председателю Совета Министров т. Ундасынову и попросил его передать остов этого сгоревшего театра нам. Когда я рассказал, что мы уже подвели некоторую базу в смысле организации лесозаготовок, т. Ундасынов как-то сразу оживился и поддержал мое предложение. Более того, он дал обещание помочь нам цементом, кровлей, кирпичом и даже машинами, бывшими ранее на фронте.

И дело закипело. Быстро был составлен проект, сделан заказ леспромхозу, и здание постепенно начало восстанавливаться. Но несколько позже другие организации уже через т. Шаяхметова начали претендовать на это здание – конечно, после того, как мы его восстановили.

Тогда мы переделали начальный проект и кровлю сделали не на фермах от стены до стены, а оперли ее на стены коридора. Изменить положение ферм было уже нельзя.

В здании были 6-7 аудиторий и даже актовый зал со сценой. Была проведена канализация, а в подвальном помещении создано общежитие для

иногородних студентов. Позже мы построили за Главным арыком еще два корпуса под общежития.

Базой для техникума, главным образом, в организации преподавательского персонала и некоторого лабораторного оборудования были некоторые ресурсы Сумского техникума Украины, эвакуированного во время войны на Талды-Курганский сахарный завод.

Строили и создавали это учебное заведение почти все предприятия пищевой промышленности республики: кто готовил оборудование для аудиторий, кто закупал лабораторное оборудование и учебники, кто доставал занавес для сцены в актовом зале, кто приобретал пианино и т.д. Все это приказом министра передавалось техникуму с баланса на баланс. Словом, техникум был создан.

Однако претенденты на восстановленное здание не успокаивались и действовали через ЦК КП(б) Казахстана. Я был вызван к т. Шаяхметову (он был уже первым секретарем ЦК). «Придется передать здание с тем, чтобы возобновить работу уйгурского театра», – сказал мне 1-й секретарь ЦК. Но я, как указано выше, был готов к этому и сказал т. Шаяхметову, что здание под театр использовать нельзя, т.к. кровля опирается не на стены здания, а на коридорные перегородки. Шаяхметов был настолько удивлен нашей хитростью, что даже рассмеялся и был вынужден оставить здание за нами.

Личный архив Е.М. Герасимовой, внучки В.К. Францишина. Подлинник.

№ 1416

Из воспоминаний С.М. Егера¹⁹⁸

1968 г.

[...]*. Мне пришлось прожить в «шараге», созданной Берия вокруг крупнейших русских авиационных специалистов, четыре года. Согнанных из всех лагерей СССР, их в 1936 г. привезли в Болшево, в бывшую трудкоммуну ОГПУ, затем перебазировали в Москву в здание КОСОС ЦАГИ на ул. Радио, а после начала войны отвезли в Омск на завод № 166 НКАП.

В изложенных ниже записках вымысла нет. Выражаясь английской формулой, в них «правда, только правда и одна правда». Но прежде следует попытаться ответить на один вопрос – какова первопричина, вызвавшая появление «шараг»? Думается, она вот в чем.

Государственное устройство России во все времена покоилось на чиновном бюрократизме. Обе революции 1917 г. его не устранили. Более того, распчкование государственного аппарата на два параллельных, дублирующих друг друга сверху донизу, его не устранило. 16 Советов министров и ЦК по числу союзных республик да 20 в автономных вовлекли в него еще тысяч десять чинуш и клерков. Случилось то, чего больше всего боялся Ленин – коммунистический бюрократизм в десятки, сотни раз обогнал царский.

Хлынувшее в аппарат власти пополнение, в большинстве своем состоявшее из людей, не имевших должного образования, и вовсе похороноили инициативу «низов». Демократический централизм требовал у нисходящей иерархии не критического осмысливания спускаемых директив, а беспрекословного их выполнения. Короче говоря, государственный бюрократизм – эта раковая опухоль, проникшая к 1930-м гг. во все звенья партийного и советского аппарата, сделала его к этому времени в сфере научного и технического прогресса недееспособным.

В сфере применения массового человеческого труда иллюзия прогресса еще сохранилась. Сталинские каналы, первые гидростанции, железнодорожные пути, комсомольские города, воздвигаемые горбом и лопатой рабского труда с его чудовищно низкой производительностью, хотя медленно, но входили в строй.

Хуже было с автомобильными и тракторными заводами. Корпуса их возводили быстро, а наладить ритмичную работу годами не могли. И уж совсем скверно было в области разработки и создания образцов новой прогрессивной техники. Тут дело шло к явному провалу. Тут же государственные оборонные конструкторские бюро, ставя перед наркоматами проблемные вопросы, натывались на молчание косного неповоротливого аппарата. Становилось ясным, что если все подобные КБ не подчинить такой организации, которую боятся все, дело может кончиться печально.

Известно, что такая организация всегда была одна – ЧК, ОГПУ, НКВД, КГБ. Когда конструктор обращался за помощью в «верха», его запрос тонул. Когда же под таким вопросом стояла подпись Ягоды, Ежова или Берия, «Сезам» открывался мгновенно, и задача выполнялась с необыкновенной быстротой.

Испытав подобную схему на работниках пресловутой Промпартии и убедившись, что она обладает высоким КПД, «шараги» возвели в ранг панацеи – «пока мы (НКВД) не взяли за классовых врагов, они вредили и тормозили движение страны вперед». Ведь нельзя же было признаться, что вредила и тормозила та самая идея, которая априори была возведена в степень беспорочной. Итак, «стоило нам разоблачить врагов, как они тут же раскаивались и брались за дело». Создавалась идеальная модель, доступная пониманию многомиллионного темного народа: безупречный государственный аппарат, классовые враги, гуманный меч пролетарского правосудия, он занесен, но раскаивающихся не карает. Они (враги) изолируются, постигают новую идеологию, а перевоспитанные приносят на алтарь свободного отечества свои знания и способности. Этакая Аркадия, пасет которую верный соратник, автор «Истории большевистского движения в Закавказье», а возглавляет «отец, учитель и корифей всех наук»¹⁹⁹.

И ведь именно по этой схеме были спроектированы и созданы прямоточные котлы Рамзина, истребитель И-5 Григоровича и Поликарпова, паровозы ФД и ИС, средства связи Куксена и Берга, артиллерийские системы Благонравова и Победоносцева, танки Котина и Косоциора, самолеты Пе-2 и

Ту-5 Петлякова и Туполева, межпланетные ракеты Королева и даже атомные успехи Ландау, Франка, Румера, Круткова и др.

«Счастливым» исключением из этого замечательного списка оказались биологи и сельское хозяйство. С ними Сталин и Лысенко справились без «шараг», попросту поубивав всех сколько-нибудь способных биологов, агрономов и др. специалистов.

Мы часто на страницах прессы негодуем, когда где-нибудь обнаруживается спрятавшийся от расплаты какой-нибудь фюрер СС – и это справедливо. Допустим, что процессов над отечественными эсэсовцами из ГУЛАГа и МВД, из-за того, что может вскрыться, проводить не хотят. Но расстрелять Лысенко и ...** следовало бы. Потеряв в застенках 10 миллионов жизней своих соотечественников, страна могла бы позволить себе добавить к ним еще двух негодяев, не нашедших в себе мужества покончить с собой. [...]***.

Открывается дверь в столовую «шараги» – человек полтора, сидящих за столами, покрытыми белоснежными скатертями, одновременно поворачивают головы, кто-то вскрикивает, кто-то бежит навстречу, много знакомых, дружеских лиц, к нам тянутся руки. Трудно описать эту встречу и чувства, нахлынувшие на нас. Охрана – их человек пять – вежливо, но настойчиво просит успокоиться и занять свои места. Постепенно буря стихает, и мы можем оглядеться. За разными столиками находим А.Н. Туполева, В.М. Петлякова, В.М. Мясищева, И.Г. Немана, С.П. Королева, А.И. Путилова, В.А. Чижевского, А.И. Черемухина, Л.С. Макарова, Н.И. Базенкова – одним словом, весь цвет русской национальной авиационной мысли.

Сотни дружеских глаз смотрят в нашу сторону, как бы успокаивая – «теперь все будет хорошо», а меня берет оторопь – значит, это правда! Значит, все они арестованы! Но ведь это катастрофа! [...]****.

Задаем вопросы и мы. Выясняется, что в ЦКБ-29 три самостоятельных бюро – В.М. Петлякова, которое проектирует высотный истребитель (проект 100); В.М. Мясищева, конструирующего дальний высотный бомбардировщик (проект 102); Туполева, разрабатывающего пикирующий бомбардировщик (проект 103). Кроме того, в стадии формирования четвертое бюро Д.Л. Томашевича, которое будет работать над фронтовым истребителем (проект 101).

Командует этим предприятием – нельзя же говорить, в самом деле, «руководит» – полковник НКВД Григорий Кутепов, бывший слесарь-электрик завода № 39. В 1932 г., когда на этом было создано ЦКБ-39 НКВД, куда свезли арестованных: Н.М. Поликарпова, Л.П. Григоровича, В.Н. Тарасевича, А.В. Надашкевича, И.М. Косткина, В.Л. Коровина, В.С. Денисова и др., Кутепов стал одним из мелких охранников. Видимо, он «работал над собой» и стал «крупным специалистом», если с 1932 г. по 1937 г. вырос настолько, что мог стать «руководителем» ЦКБ-29.

У Кутепова три зама – «руководители»: В. Балашов «руководит» Туполевым, Устинов – Мясищевым, а Ямалутдинов – Петляковым. Кроме

этих трех, в штате ЦКБ еще с десятков офицеров НКВД, выполняющих роль второстепенных начальников. [...]*****.

Но вернемся на землю. Структура КБ-103 выглядела следующим образом: «руководитель» В. Балашов, майор госбезопасности; его зам. Крючков, тоже майор. Оба достаточно серые личности. Маленький штрих рисует их техническую эрудицию. К Устинову, руководящему КБ-102 В.М. Мясищева, обратились два зэка с предложением создать двухтактный бензиновый двигатель для бортового агрегата. «А какие употребляются сейчас?» – поинтересовался тот. – «Четырехтактные», – ответили ему. «Переходить на двухтактные сразу рискованно», – заметил Устинов, – не лучше ли вам заняться трехтактными?». Иначе, как «трехтактный», его с тех пор не называли. [...]*****.

Любопытен социологический анализ списка. В нем: академиков – 6, главных конструкторов – 17, начальников конструкторских бюро – 4, профессоров, докторов наук – 12, директоров заводов, главных инженеров и главных технологов – 16, начальников конструкторских бригад – 12, начальников отделов – 5, военных инженеров, начальников отделов – 4, инженеров – 26.

По национальному признаку: русских – 70, евреев – 18, немцев – 3, венгров – 2, итальянцев – 1, армян – 3, грузин – 1, поляков – 3.

Нужно иметь в виду, что в авиапромышленности, помимо нашей «шараги», функционировали еще две: двигательная и ракетная. Вероятно, мы будем недалеко от истины, если оценим общее количество специалистов, извлеченных триумvirатом Ягода–Ежов–Берия из НКАП, в 450-500 человек. 300 работало в «шарагах», экстраполируя списки, которые мы составили. Человек 100 потерялись в лагерях, и не менее 50-70 были уничтожены. О многих из них мы это знали доподлинно.

Ничего не скажешь – размах достойный. Немногие страны могли бы выдержать подобное кровопускание. Поразителен и цинизм... Умный и доверчивый народ натравливали на лучших сынов Родины, обвиняя их во вредительстве, шпионаже терроре, антисоветской агитации, наперед зная, что через несколько лет, когда их начнут увешивать орденами героев, толпа также легко забудет о прошлом, как в свое время уверовала в него. Примечательны истории некоторых арестантов. [...]*****.

Один из новичков, зайдя в спальню КБ-100 и увидев дремавшего Петлякова в совершенно рваных носках, был потрясен. Человек, за два года до Боинга Б-17 создавший русскую «летающую крепость» – самолет Пе-8 или АНТ-42, и рваные носки? В 1936 г. за четыре года до войны Пе-8 имел: V – 430 км, Н – 12000 м, радиус – 2500 км, с тремя тоннами бомб. Как это бывает и у людей, Пе-8 был неудачником. Сперва его запустили в серию на недостроенном заводе в Казани. Затем выяснилось, что моторы АМ-35 в серии не пошли, назначенному начальником бюро по постройке Пе-8 Н.Ф. Незвалю пришлось переделывать машину под двигатели Чаромского, потом под двигатели Шведова. Сказывалось и отсутствие военной доктрины, замененной шаманскими заклинаниями Ворошилова: «ни пяди своей земли

не отдадим» и т.д. Наконец, чувствовалось влияние на «корифея» референта, который не без задней мысли убеждал того, что нужна только фронтовая авиация. Так или иначе, ЦК и СТО четыре раза снимали и вновь ставили Пе-8 на производство. Мы – не стратеги, и заверений М. Штеменко по поводу того, что страна была подготовлена к войне, не разделяем. Однако мы знаем твердо, что если бы Молотов 14 ноября [1940 г.] в Имперской канцелярии упомянул, что 1000 самолетов Пе-8, способные отвезти в Берлин 5000 тонн бомб, стоят на аэродромах, это сообщение без внимания оставлено не было бы...

15 июня [1941 г.] появляется пресловутое сообщение ТАСС о советско-германском альянсе. Много бед наделало это воистину и действительно вредительское сообщение. В потоке лжи, заполнившем нашу мемуарную литературу, светлым пятном звучат слова Л.М. Сандалова: «Выступление притупило бдительность войск. Командиры перестали ночевать в казармах. Бойцы стали раздеваться на ночь». А ведь это говорится о гарнизоне Брестской крепости. У нас уже в ЦКБ, в глухом тылу, заключенные вздохнули с облегчением: значит, война не так близка, значит, успеем сделать 103-В. Все понимали, что никакой это не ТАСС, что написано оно самим Сталиным, и такова была вера в его безгрешность, что, придя 16-го на работу, вольняги говорили: «Слава богу, не надо закупать продукты, теперь все силы на 103-В».

Прошла неделя. 22 июня был солнечный воскресный день. Вероятно, под впечатлением сообщения ТАСС большинство вольнонаемных разъехалось за город. В огромных залах ЦКБ, почти пустых, только там и тут работают заключенные. За окнами праздничный спокойный город. В открытые окна из парка доносится музыка. Радио у нас в тюрьме не работает, «попки»²⁰⁰ с нами на общественно-политические темы не разговаривают, мы трудимся спокойно.

Часов в 12 мы заметили, как музыка оборвалась, и к репродукторам на улицах и в парке устремились люди. Вот уже толпы их стоят, подняв лица к громкоговорителям. Улицы вымерли, из трамваев выскакивают люди, что-то непоправимое опрокинулось на столицу. Схватившись за решетки, мы силится понять, услышать, что там? Забыв о том, что нас следует отгонять от окон, с нами охранники. Война!

Трудно передать состояние, которое нас охватило. Это крах, все развалилось и погибло. Растерянные эки совершенно не знают, что их ждет. Расходимся мы запоздно, уверенные, что ЦКБ раскassiруют и всех разошлют по лагерям. Думается, это не было стадной паникой, нет, скорее железной логикой. Нельзя же, в самом деле, предположить, что новейшее оружие для борьбы с врагом проектируют и строят те самые государственные преступники, которые совсем недавно «передавали» чертежи этого оружия не кому-нибудь, а немцам!

С трепетом мы ждали утра 23/VI. Что оно нам принесет? Это было поразительно, но ровным счетом ничего, впрочем, неверно. Наутро «попки» пришли в форме, с оружием и противогазами. Позднее противогазы раздали

и нам! Пришедшие на работу вольные ничего нового не принесли. В газетах, которые стали приносить без утайки, тоже, кроме речи Молотова, ничего!

Через неделю мы поняли, что все осталось «статус кво», плохо одно – появились сразу же Минское, Даугавпилское и прочие направления. Очень быстро стало ясно, что из пресловутых «ни пяди своей земли не отдадим врагу» и «малой кровью на чужой территории» не получилось ничего, а скоро могло повернуться, как обычно в таких случаях, репрессиями. Ухудшилось питание. Потом стали заклеивать стекла. Когда появились Смоленское и Киевское направления, нас заставили рыть во дворе щели и перестраивать склад старой дряни в бомбоубежище. Ожидая нас, немного разбирающихся в самолетах и бомбах, занятие это было, очевидно, бессмысленным, и кто-то предложил запеть: «Мы сами копали могилу себе, готова глубокая яма».

Затем ввели светомаскировку, в ЦКБ привезли гомерическое²⁰¹ количество черной байки и вместе с вольнонаемными мы занялись изготовлением штор. По настоянию зэков Кутепов распорядился повесить громкоговорители и развешивать «Правду» и «Известия». Облегчения это ни принесло, и без того было ясно, что отступают. Описания отдельных героических подвигов солдат и офицеров радости не приносили, слишком мрачен был общий фон. Мы понимали, что печатать их нужно, но понимали, почему нас так легко бьют, и почему область за областью мы отдаем.

Поползли слухи об эвакуации, к середине июля она стала очевидной. Теперь, наряду с работой над чертежами, зэки после шести вечера переоблачались в прозодежду²⁰², упаковывали в ящики и сносили их в сборочный цех. Охрана и конвоирование превратились в пустую оперетку. Вот четверо зэков несут тяжелый ящик, за ними шествует здоровый «попка». Навстречу другая, освободившаяся от своего ящика, четверка со своим «попкой». Один из несущих явно слабеет, тогда из встречной партии другой становится на подмогу. В одну сторону идут трое, в другую – пятеро и ничего. Как тут не вспомнить, что производство 100, 102 и 103 несколько месяцев тормозилось только потому, что «тягач»²⁰³ расписывался за арестованного и не мог уследить за двумя.

В ночь с 21 на 22 июля на Москву был совершен первый налет. Мы еще спали в своих опочивальнях, когда завывли сирены и встревоженные «попки», ворвавшись к нам, завопили: «Тревога! Одевайтесь! В бомбоубежище!». Поднялось неопишное столпотворение. Полуодетое, с бессмысленно схваченными ненужными вещами, стадо зэков ринулось по лестнице во двор. Топот ног, крики «попок», потерявших своих арестованных, египетская тьма, растерянность. Кое-как собрались в своей могиле, убежище, потолок которого не то что бомба – ведро с водой пробьет. Минут через 15 после того, как все собрались, пришел АНТ²⁰⁴, полуодетый и босой на одну ногу: «Не нашел одного башмака, какая-то сволочь в панике схватила». Он был крайне раздражен бессмысленностью запикивания нас в погреб и уникальностью своего внешнего вида. «Попка», который привел его, являл собой квинтэссенцию страха – видимо, на лестнице и во дворе ему здорово

досталось от арестанта. Надо сказать, что охранники, а, впрочем, и «руководство» ЦКБ, побаивались его здорово. Наверно, это объяснялось разницей в интеллектах. С одной стороны, незаурядный талант, с другой – ничтожество. Играло роль и третирование. Когда, облизав в сборочном цеху весь самолет и не найдя своего «тягача», он к удовольствию всех рабочих довольных зычным голосом кричал: «Эй! который тут мой, давай сюда побыстрее, иди за мной и не теряйся, мне тебя искать несподручно!». Это производило впечатление.

В конце июля Андрей Николаевич исчез. В последний раз его видели после обеда в кабинете Кутепова. К ужину он не пришел, ночью его койка оставалась свободной. Опять волнение и разговоры. К чести своих коллег нужно сказать, что причин для волнений было за последние месяцы больше, чем достаточно. В 10 часов следующего дня единственный «вольный К»²⁰⁵, как мы его окрестили, Н.И. Базенков, освобожденный с группой Петлякова, сказал, что АНТ освободили, что он дома с семьей и что, видимо, пару дней он на заводе не будет. Сложные чувства обуревали эков. Все они были безумно рады, что старика освободили, и у всех у них возник вопрос: это хорошо, а что будет с нами?

Обстановка в нашем подразделении ЦКБ-29 характеризовалась к моменту освобождения АНТ так: испытания 103-й были закончены, всем было ясно, что это выдающийся самолет, однако, все понимали, что моторов для него нет. 103-5 разбился, но опять-таки моторов для него нет. 103-В – чертежи мы закончили, детали готовы, самолет собирают, готов он будет через месяц, два. Исходя из этого, все основания рассматривать нас, как мавра, который, сделав свое дело, может уйти... Весь вопрос – куда идти мавру?

Чертежи самолета готовы, через некоторое время его соберут, затем военные летчики его испытают, а энский серийный завод будет строить. Наблюдение над серией будут осуществлять «свободные» Туполев и Базенков вкупе с вольными конструкторами. Следовательно, «финита ля комедия нох айн маль», как говорил один из эков. Подобная схема была не слишком глупа, если учесть, что нам о том, что происходит вокруг, никто не говорил ни слова. Все ждали «старика» – казалось, только он, единственный, может все расставить по местам, но его нет. За все время нашей жизни в шараге это были самые трудные дни.

В обед команда – всем экам собраться по спальням. Молча сидят 50 человек по койкам, головы опущены, глаза потухли. Безразличные, готовые ко всему. Входят Балашов, Крючков, три офицера НКВД – никто не обращает на них внимания. Балашов информирует: «Граждане, сегодня ночью ЦКБ эвакуируется. На наше КБ выделено три вагона. Разбейтесь на группы человек по 18-20. Соберите личные вещи и к 23 часам будьте готовы. Постели и питание будут обеспечены». Робкий вопрос «Куда?» остался без ответа. На другой, мучивший всех, вопрос «А семьи?» последовало: «Необходимые указания будут даны». С тупым безразличием все разошлись укладываться. Молчаливые, согбенные фигуры эков пихают внезапно

ставший абсолютно ненужным скарб в мешки. Наверное, так же собирается человек, которому объявили «вышку».

В 22³⁰ за нами заходят «попки», мы бросаем прощальный взгляд на свою спальню, где все-таки прошло два года жизни, и с мешочками и чемоданами трогаемся по парадной мраморной лестнице в новый этап своей жизни. Чем-то он кончится?

Невесело, но все-таки любопытно присутствовать при эвакуации на восток эшелонов с основной ценностью страны, мозгом ее технической мысли! Темно, нигде ни огонька, у ворот – автобусы, суется охрана. Нас выстраивают, считают по головам, при свете фонарика проверяют по спискам, опять проверяют головы, и мы трогаемся. Открываются ворота и здание ЦКБ растворяется во мраке. Вернемся ли мы к тебе и в качестве кого – свободными или зэками? Будет ли это наш город, или в нем будут оккупанты?

Товарная станция Казанской дороги, эшелон, теплушки с зарешеченными окнами, солдаты войск НКВД с винтовками. Куда – в Магадан, Колыму, Востлаг или другой ЛАГ? В качестве кого – строителей грозных машин или «падла»?

По ночному небу шарят лучи прожекторов, охрана говорит вполголоса. Мрачная торжественность, словно перед началом службы в гигантском храме вроде Исаакия или Храма Спасителя. Стоим гуськом у вагона. Подходит конвой, дверь с лязгом распахивают и трое «попок», пересчитывая по головам, сверяя по спискам, впускают в вагон. Вновь лязгает дверь, слышен грохот замочной скобы и «сезам» закрылся. Тишина, никто ни слова.

Покатав нас туда-сюда, эшелон часа в три ночи трогается. Колеса постукивают на стыках, дорога «в никуда» началась. Светает. Мы сидим на тех местах, куда опустились при погрузке, бледные тени «крупнейших специалистов».

В сумрачном свете раннего утра сквозь решетку один из зэков прочел название станции – Куровская. «Куда же мы едем?» – спрашивает он. «На восток, джентльмены, на восток», – отвечает наш штурман Г.С. Френкель.

Часов в 10 поезд останавливается, открывают дверь, подают ведро воды для умывания, чайник с чаем и ящик, в котором 18 паек черного хлеба, 56 кусков сахара. Двое под конвоем несут и выливают парашу. Все! Дверь закрыта, информации не получено.

В лючке с верхних нар видно – рядом эшелон с детьми. Потом мы узнали: из Мурманска, прямо из-под бомб, несчастных собрали в вагоны и на восток. Маленькие испуганные мордочки с недоверием смотрят вокруг. Пекло, на небе ни облачка, мы стоим, вагон накаляется, спутники ропщут. Пришлось рассказать, как ехал в лагерь: в таком же вагоне 48 человек (в основном уголовники), ведро воды утром, ведро вечером, а температура +30⁰. Рассказал, как умер тогда один, и как трое суток у нас его не брали. («Сдать было некуда», – сказал охранник). Все умолкли, вероятно, подумалось: «А, быть может, и нам так придется». Движемся медленно, на вторые сутки к вечеру проехали Волгу. Незнание, куда нас везут и что с нашими семьями,

угнетает. Никто не разговаривает, молча лежат с закрытыми глазами – так легче. На одной из остановок, когда нам из воинского пункта питания принесли в ведрах щи и кашу, к вагону подошел Балашов. Его забросали вопросами, но на основные опять ответов не последовало. Его глупая физиономия оставалась непроницаемо глупой. Ясно одно, что они едут с нами – следовательно, это не эшелон с заключенными, а эшелон ЦКБ, а это значит очень много.

Днем следующих суток рядом встал эшелон с грузами, закрытыми брезентом, с часовыми. Мы быстро распознали контуры 103-В, 102 – значит, и завод с нами. Настроение стало медленно улучшаться, это были объективные свидетельства.

Ночью где-то около Свердловска мы оказались соседями с эшелоном наших вольняг. Они тоже в теплушках, вся разница в оберегавшем нас конвое. Стоя рядом, мы переговаривались, пока один из эшелонов не тронулся. Они с семьями, но куда едут – не знают, о положении на фронте они тоже не ведают ничего. Не правда ли, «странная война»? Правительство, забыло недавние «шапкозакидательские» декларации, забыло и о том, что 150000000 его подопечных все же желают знать, что происходит. Вот так, изредка встречаясь на полустанках, мчатся два потока граждан: один, одетый в зеленое обмундирование, – на запад, другой, полураздетый, – на восток, и оба, как бедные дети из Мурманска, не знают и не понимают ничего.

За Уралом пошли степи, жара становится труднопереносимой, заболел Френкель: на остановке колотим в дверь и требуем врача. На следующей остановке распахивается дверь и в вагоне появляется наш бутырский врач. По инструкции в вагон с заключенными он один входить не может. Конвой подсаживает за ним «попку» (тоже из наших). Но паровоз свистит, начальник захлопывает дверь, и оба остаются в вагоне. Жорж лежит на верхних нарах. Поднимая туда лекаря, я успеваю шепнуть ему: «Г.С.! Выведайте». Фельдшер выслушивает, достает из сумки лекарства, встревоженный, сидит внизу среди нас.

Когда они вылезли, мы набросились на Г.С. Френкеля: «Ну, что?». Похожий на Мефистофеля, бледный, с черной прядью волос, прилипшей ко лбу, завернув простыню, он выпростал руку, поднял палец к крыше и молвил: «Не надо оаций! В Омск, а больше этот кретин ничего, вы понимаете, ничего не знает!». В Омск, так в Омск – тоже неплохо, но тут мы вспомнили: ведь в Омске ни одного авиазавода нет, и тут же решили – врал, подлец!

Через 10 дней, прогрохотав по мосту через Иртыш, мы остановились на ст. Омск. К вечеру прибыли машины, они оказались грузовиками. Здесь провинциальные нравы, нас сажают на пол, по углам «попки» – и в путь. Озираемся с любопытством: провинциальный, одноэтажный город, окна освещены, затемнения нет. Дороги ужасные, машины подсакивают нещадно. Зады наши отбиты как следует. Покрутив по улицам, подъезжаем к двухэтажному дому, похожему на школу, въезжаем во двор, прибыли. Оглядываемся – вокруг высокий забор, в углу общая уборная человек на

пять, около дома рукомойник на 10 сосков. Решеток на окнах нет. «Попки» отсчитывают по 10 голов, разводят по комнатам. Их несколько, в каждой почти вплотную друг к другу стоят 10 солдатских коек, в углу тумбочка, под потолком тусклая лампочка. Дверь в коридор, который пронизывает здание насквозь, в его средней части лестница. Дверь, выходящая на улицу, забита, единственный выход – во двор. Ну, вот она, наша новая шарага, – это вам не Москва.

Идем в разведку по соседним комнатам. Выясняется, что в этом доме размещены все, работающие над 103-В, и оставшиеся не освобожденными петляковцы. Остальных увезли куда-то в другое место. Спросить не у кого. Балашова с Крючковым нет, а «попки» молчат. Они задурены до такой степени, что на вопрос: «Это что – Омск?» один ответил: «Не знаю».

Мы голодны и просим ужин. Старший «попка» извиняется – не приготовлен, просит ложиться спать. Делать нечего – утро вечера мудренее, и мы ложимся. В окно слышно, как у соседей в доме играют григоровского «Пер Гюнта». Под него мы и засыпаем.

Утром грязные, обросшие, начинаем обживать. Умывальники и уборная во дворе, дежурный «попка» сидит на лестнице у двери, второй сидит у калитки забора. Часам к 10 зовут в столовую, теснота адская, но все же кормят – да, кашей, чаем и серым хлебом. От безделья слоняемся по двору, из соседнего дома на нас с любопытством пялят глаза. Неугомонные ребятишки подтягиваются на руках, и их любопытные мордашки появляются над забором то тут, то там. Бедный «попка» не знает, гонять их или нет. Да, видимо, весь московский рокамболь с бдительной охраной государственных преступников придется упростить.

К 12 прибывают Балашов с Крючковым, нас собирают в столовую и мы получаем информацию: «Итак, вы в Омске. Здесь мы будем работать и строить серию 103-В. Подробности узнаете завтра, а сегодня запланирована баня. Кормить нас будут пока здесь, выход за забор не разрешается». Вот, собственно, и все.

Петляковцы интересуются, что будут делать они. «Вливаетесь в КБ 103, и будете работать над 103-В». Затем руководство нас покидает.

В баню идем комнатами, т.е. по 10 чел., с «попкой». Баня далеко, он сажает нас в трамвай, покупает билеты, и мы трясемся в толпе омичей, общаясь со «свободой». Арестантская жизнь оборачивается настоящим балаганом. В бане моемся все 11 человек, вместе с «попкой». Не знаю, за кого нас принимают, но когда он покупает 11 билетов, это вызывает любопытство. Впрочем, раздевшись, мы все одинаковы, и разобрать в наполненной паром бане, кто преступник, кто охранник, затруднительно... Блаженные от мытья и чистоты, таким же манером возвращаемся в шарагу.

На третий день подобной курортной жизни появляется Н.И. Базенков, от которого мы узнаем: никакого авиазавода в Омске нет! Нам отведены военный автосборочный завод и завод тракторных прицепов. На из базе мы должны организовать новый завод 166 и в декабре(!) начать выпуск

самолетов. К нам еще эвакуируется наш 156-й завод, завод 28 из Ленинграда, строивший У-2, и Киевский ремонтный завод № 43.

КБ В.М. Мясищева и Д.Л. Томашевича расквартировали за Иртышом в Кузино. Там на базе ремонтных мастерских, школы летчиков и аэродрома организуется другой новый завод 266. Туполев прибудет через пару дней.

Утром нас выведут на работу – разыскивать в диком хаосе разгруженные с эшелонов наши грузы и сносить их в отведенное место. Где будет ЦКБ – пока неизвестно. Вольняг сейчас распределяют на постой к аборигенам, а пока они ночуют в поле на своих ящиках. «Адски пикантно», – говорят в такой ситуации: уже август, до выпуска самолетов осталось пять месяцев, а нет ни стен, ни крыш, ни воды, ни электричества – ничего. Мы нервничаем, но Николай Ильич бодр: «Вчера сам видел, как в чистом поле работали первые станки! Со всех сторон ввозят заключенных – раскулаченных и уголовников, рядом с площадкой завода организуется лагерь. Будут строить корпуса вокруг работающих станков». Ничего не скажешь – задумано лихо! Мы интересуемся: «А как с морозами?». – «Говорят, с середины октября. Но доживем – увидим», – отвечает Н[иколай] И[льич].

Через день утром нас – Черемухина, Озерова, Соколова, Стерлина, Надашкевича, Сапрыкина, Френкеля, Егера, Немана, Чижевского, Вигдорчика – просят остаться в шараге. Подходит автобус, нас рассаживают и везут к центру города. Огромная площадь, на ней здание театра, а левее большой серый дом новой постройки, у дверей охрана НКВД. Это областное управление, нас уже ждут и проводят в бельэтаж, в приемную. Секретарши, чины с любопытством рассматривают невиданных столичных врагов. В приемной к нам присоединяются Мясищев, Томашевич, Склянский (их привезли из-за Иртыша на пароходе). Как и мы, они ничего не знают, как и нам, им не говорили ни слова – куда, зачем?

Выходит адъютант и просит в кабинет, он велик и роскошно пуст! Через пару минут открывается дверь, и из нее выходят два генерала НКВД, Андрей Николаевич, Кутепов, Базенков и Балашов. Возникает нечто вроде немой сцены в «Ревизоре», мы успеваем заметить блестящие и радостные глаза АНТ. Генерал подходит к столу, берет лист роскошной веленовой бумаги, становится в позу, словно он римский прокуратор, и проникновенным, почти шаляпинским, голосом начинает читать: «По докладу Коллегии НКВД Правительство Союза, учитывая добросовестную работу нижепоименованных специалистов над самолетами (следует перечень машин), постановляет освободить из-под стражи:

1. Черемухина Алексея Михайловича.
2. Озерова Георгия Алесандровича...

Он перечисляет всех 18. Так, в жаркий августовский день 1941 г. мы обрели свою свободу. Следующая партия зэков была освобождена в Омске весной 1942 г.

В 1943 г. сильно поредевшая шарага была разэвакуирована в Москву, но уже на завод 488 в Ростокино. Остатки зэков были освобождены в 1945 г.

Перед этим незначительное их количество куда-то увезли, предположительно – в лагеря. О них мы сведений не имели.

Личный архив В.С. Егера, сына С.М. Егера. Подлинник.

* Опущено мнение С.М. Егера об описании «шараг» в романе А.И. Солженицына «В круге первом».

** Так в документе.

*** Опущено описание прибытия заключенного С.М. Егера в «шарагу» под руководством А.Н. Туполева – ЦКБ-29 в специальной тюрьме НКВД в ЦАГИ, в заводе № 156 НКАП.

**** То же описание ужина, спального места, первых расспросов коллег-заключенных.

***** То же о первых впечатлениях от «шараги», о судьбе заключенных инженеров и ученых в тюрьмах и лагерях НКВД, о надзирателях, о «вольных» сотрудниках ЦКБ.

***** То же перечисление личного состава КБ А.Н. Туполева, в котором отделом компоновки ведал С.М. Егер, и неполное перечисление личного состава ЦКБ-29.

***** То же опущены истории Р.Л. Бартини, К. Сцилларда, Л.С. Термена, Ю.Б. Румера, А.И. Некрасова, С.П. Королева, Ю.В. Калганова, В.С. Денисова, А.В. Надашкевича, Г.С. Френкеля, Ю.А. Круткова, И.Г. Немана, В.А. Чижевского, А.М. Черемухина, В.М. Петлякова, а также описание тюрьмы, тюремного распорядка и быта.

№ 1417

Воспоминания В.С. Семенова²⁰⁶

1960 г.

22 июня 1941 г. меня разбудил около четырех часов ночи звонок посла, только что вернувшегося от Риббентропа.

– Быстро ко мне. Война!

– С кем?

– С нами, быстрее!

Опрометью бросился на второй этаж. Там уже собрались старшие дипломаты. Посол сообщил об объявлении Германией войны Советскому Союзу, рассказал о том, как его ночью вызвали к Риббентропу, предложил распределить обязанности в новой обстановке.

Началась «одиссея» с интернированием и обменом персонала советских учреждений и фирм в странах Западной Европы на немецкий персонал в СССР.

Сложность была в том, что работников советских посольств и их семьи из всех стран Западной Европы нужно было собрать в Берлине. Прямоугольный двор нашего посольства превратился вскоре в настоящий табор. Квартиры максимально уплотнены. Выход в город закрыт сильными нарядами войск СС. Связь с германским МИДом поддерживалась только через В.М. Бережкова.

Хочу еще раз сказать, что отнюдь не все немцы поддерживали войну против СССР. Представитель протокольного отдела германского МИДа первым делом четко назвал ему (В.М. Бережкову) себя и заявил, что он против этой «безумной войны».

– Запомните это, – подчеркнул он и принялся за проверку и составление списков прибывающих лиц.

В здание посольства гитлеровцы не вторгались. По телефону мы узнали, что они ворвались в здание нашего торгпредства, хотя оно пользовалось экстерриториальностью, и штурмуют стальную дверь шифротдела. Работники торгпредства старались отбивать атаки, но дверь была распилена автогеном, и гитлеровцы ворвались туда. Нашим товарищам удалось сжечь документы и шифровальные коды. Для этого использовали не только печи, но и раскаленный железный лист. Со зла немцы бросили шифровальщика на этот лист.

Нас всех объявили интернированными. Мы несколько раз в день устраивали во дворе посольства летучки, на которых советник И.С. Чернышев зачитывал сообщения Информбюро, советского радио и другую информацию. Настроение у всех было боевое. На второй день я попросил разрешения выйти в город с первым секретарем посольства А.М. Коротковым, имевшим срочное поручение. Атмосфера в городе была мрачной: судя по всему, немцы интуитивно чувствовали, что война с Советским Союзом обернется для рейха трагедией.

Немецкие власти пытались осложнить эвакуацию советских людей, задержав в тюрьме наших корреспондентов И.Ф. Филиппова и И.М. Лаврова. Мы решительно заявили, что никто из нас не поедет, если не будут эвакуированы все без исключения. В конечном счете И.М. Лавров появился в Берлине, а И.Ф. Филиппова обещали присоединить к нам в Вене.

В поезде я был назначен комендантом последнего вагона. Промелькнули Альпы, долины Румынии, Югославии, станция Свиленград на болгарско-турецкой границе. Болгарский рабочий, осматривавший буксы, тихо сказал мне:

– Беда! Вас направляют назад...

Доложили послу. Выяснилось, что мы отправляемся в Югославию на станцию Ниш, где будем стоять. Эсэсовцы пытались шантажировать наших людей, утверждали, что нас везут расстреливать.

– Это еще неизвестно, кто кого расстреляет, – отвечали им.

Мы простояли в Нише десять дней под усиленной охраной, а потом снова вернулись в Свиленград. В одно и то же время на границе с Турцией в противоположных пунктах был произведен обмен персоналом советских представительств и посольства Германии в Советском Союзе вместе с послом графом Шуленбургом. Его судьба была трагической. В октябре 1944 г. он был повешен гитлеровцами на крюках за ребра в связи с делом Штауфенберга.

По пути на родину я разговорился с нашим военным атташе генералом Василием Ивановичем Тупиковым – человеком неординарным, ярко одаренным и глубоко эрудированным, способным мыслить категориями стратегии. По его словам, наша страна в 1939-1941 гг. интенсивно наращивала вооружение, но нам не хватило полутора-двух лет для того,

чтобы осуществить необходимую перестройку обороны страны с ее новыми границами и вооружить армию новой техникой.

Гитлер рассчитывал, по мнению В.И. Тупикова, что Советская Армия будет воевать техникой, которая применялась в Испании и Финляндии, а отсутствие крупных естественных преград на европейской долине обещало Германии скоротечность военных действий.

Тупиков говорил, что он внимательно изучил ход операций вермахта в Западной Европе летом 1940 г. В принципе гитлеровцы ничего нового в военной теории не придумали, но умело использовали концепции советского военного теоретика Триандафиллова и других наших военачальников 1920-х и начала 1930-х гг. о характере операций современных армий и о так называемом глубоком бое. Эту свою тактику они будут применять и у нас по шаблону, поэтому не надо копировать их действия во Франции, а действовать иначе.

Советский генерал высказывал убежденность в том, что план «молниеносной войны» Гитлера ждет провал, что мы найдем силы и возможности противостоять натиску фашистского вермахта. Он считал, что войны могло бы и не быть, если бы не авантюризм Гитлера и его мания непобедимости после успешных операций в Западной Европе. Оттянуть войну всеми возможными и невозможными средствами и избежать ее и было основной целью Сталина, который хорошо понимал, какими бедами обернется для Советского Союза война с такой сильной державой, какой была гитлеровская Германия.

28 июля 1941 г. В.М. Тупиков был назначен начальником штаба Юго-Западного фронта и вскоре трагически погиб в боях за Киев. Его прах покоится у подножья Памятнику Славы в Киеве.

Уже приграничные сражения на Юго-Западном фронте и вокруг Киева показали правоту суждений Тупикова и обнаружили первые трещины в планах «молниеносной войны», а битва вокруг Москвы, которую маршал Жуков считал сравнимой только с Берлинской операцией в апреле-мае 1945 г., практически означала их провал.

Почему Сталин не реагировал на сигналы о предстоящем падении так, как мы об этом знаем теперь?

Ответ на этот вопрос, на мой взгляд, касается стратегии, связанной со многими факторами. Исследования последних лет приводят к выводу, что поведение Сталина в начале войны предопределялось всем стратегическим замыслом обороны. Выигрыш времени при потере пространства был, как известно, краеугольным камнем стратегии Ленина при заключении кабального Брест-Литовского договора в марте 1918 г. Армии немецкого кайзера расползлись до Дона, но спустя несколько месяцев бежали, сломя голову, и от Брестского договора не осталось и клочка бумаги.

Как я узнал позднее, для И.В. Сталина была неожиданностью весть о нападении Германии на Советский Союз. Будучи человеком трезвого, логического ума, он с недоумением спрашивал окружающих: «Как же это

могло случиться? Ведь Гитлер подписал себе смертный приговор». И история подтвердила это.

Сталин вместе с Молотовым обдумывал возможность оттяжки войны путем компромиссных решений типа Брест-Литовского мира. Этой же цели служил советско-германский пакт о ненападении. У немецкого дипломата Бернгарда Бюлова есть мысль: «выиграть войну, не давая сражения». Если бы Гитлер предъявил Советскому Союзу какие-либо претензии до войны, их можно было бы рассмотреть. Но, я думаю, Гитлер опасался какого-либо компромисса, который мог бы поставить тормозные колодки под уже готовые к бою немецко-фашистские танки. Поэтому он не захотел слушать Шуленбурга, а кричал: «Через 15 дней все будет кончено». И поэтому посла рейха в Лондоне Дирксена не захотел принять даже Риббентроп.

Конечно, на первом этапе войны советские войска отступали до Москвы и даже до Волги не потому, что Сталин хотел заменить гитлеровцев в ловушку, но потому что эти войска не могли сдержать фронт. А Сталин настаивал на контратаках и изматывании гитлеровских войск, экономя силы. Автоматы и винтовки выдавались не иначе, как по его личному распоряжению. И даже новые фронты составлялись из остатков выходящих из окружения войск.

По числу дивизий на новых границах было сосредоточено вроде достаточно войск. Однако дивизии были укомплектованы численно и по вооружению не более чем на одну четверть состава. Не случайно у Гитлера создавалось впечатление, что, разрезав дивизии и армии у границ или под Киевом и Минском, он уже сокрушил основные силы Красной Армии. Однако, по мнению Сталина, гибелью, несомненной гибелью, было бы преждевременно ввести в действие резервные соединения, готовившиеся в Средней Азии и за Уралом, пока не было уверенности в мощи наших контрударов и способности отбросить вражеские орды.

В своей скрытности Сталин доходил до того, что даже Генштаб не был заранее информирован о деталях подготовки Москвы к обороне, заседания Моссовета на станции метро «Маяковская» 6 ноября 1941 г. и парада на Красной площади 7 ноября, откуда войска отправлялись прямо на фронт.

Большую политику в отношении Германии Сталин обдумывал в одиночку, как это делал и Ленин.

Только думая масштабно и понимая величину угрозы, нависшей над нашей страной, можно справедливо судить о том, кто же на самом деле определял главную идею обороны страны – Жуков или Сталин. Он, конечно, не знал, как Жуков, всех тонкостей военной стратегии и оперативного искусства, но он мыслил более крупными категориями, терпеливо, а порой нетерпеливо выслушивал резкую критику и замечания Жукова и других военачальников в свой адрес. И, не выдавая себя, настойчиво вычерчивал, как орел в небе, рисунок своего одинокого полета.

В Москву я попал через Армению в конце июля 1941 г. и вскоре был назначен заведующим 3-м Европейским отделом НКВД. Особенных событий в те дни не припоминаю. Но когда вермахт стал приближаться к Москве, я

участвовал в рытье траншей на подступах к столице, а потом записался в народное ополчение. Моя семья эвакуировалась в Среднюю Азию. Я был готов отправиться на фронт добровольцем народного ополчения, помаршировав пару недель в саду у здания ВЦСПС. Но в последний момент в числе нескольких был вычеркнут из списка ополченцев В.М. Молотовым. А 20 октября мы получили приказ немедленно готовиться к эвакуации из Москвы. Я сдал в фонд обороны остававшиеся ценности и теплые вещи, взяв с собой только одеяло и подушку. По пути в Куйбышев наш поезд бомбила немецкая авиация, и некоторое время не было никакой еды, кроме кипятка.

Эвакуированных в Куйбышев было много, в том числе, если не ошибаюсь, оркестр и ансамбль Большого театра. Остались в памяти волнующие встречи и одна из них со вторым секретарем ЦК Компартии Литвы А. Адомасом – широко образованным и отважным человеком. Он пришел ко мне попрощаться, сказал, что летит в Литву с группой партийных работников для организации партизанского движения.

– Тебе это будет трудно, дорогой Адомас, ведь евреев в Литве уничтожают без околичностей.

– Ничего, – рассмеялся Адомас, – отпущу бороду под крестьянина и никто не узнает...

Его судьба была трагической. По предательской информации немецкие власти знали, в каком часу и где будут сброшены парашютисты. И они были расстреляны в воздухе, а вместе с ними погиб и Адомас.

Я простудился, была высокая температура. Однажды ко мне пришел заместитель наркома Деканозов²⁰⁷. Увидав, что у меня нет ни кровати, ни матраца и теплого белья, он проявил заботу, и мне дали постель. Немножко стало теплее, да к тому же прикрепили к филиалу кремлевской столовой. Как-то стоя в очереди за кипятком, я увидел Дмитрия Дмитриевича Шостаковича – выдающегося композитора, творчество которого стало классикой XX века. Мне посчастливилось определить его в ту же кремлевскую столовую. Здесь, в Куйбышеве, 5 марта 1942 г. во Дворце культуры состоялось первое исполнение Седьмой симфонии, над которой Шостакович работал в осажденном Ленинграде. Симфония стала музыкальным памятником Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Исполнение этой симфонии, проникнутой высочайшей эмоциональной страстностью и духом истинного гуманизма, имело огромный общественный резонанс не только в нашей стране, но и за рубежом. Ее исполняли в США и Англии. Она звучала как страстный зов к борьбе и победе над фашизмом.

Как заведующий отделом я изредка направлял в Москву Молотову короткие записки по текущим делам и по опыту организации военного хозяйства в Германии. В марте 1942 г. написал, что, судя по архивам, в Англии уже в первые месяцы войны стали работать над материалами о послевоенном урегулировании и целях Британии в войне. Как мне говорили, в мае 1942 г. при Молотове была создана строго засекреченная группа, занимавшаяся вопросами послевоенного устройства, секретарем которой был молодой дипломат Базаров.

Вечерами у нас в комнатке собирались сотрудники наркомата, интересовавшиеся музыкой. Составили маленький ансамбль, особенно выделялся игравший на скрипке референт по Венгрии Гейгер. Он имел за плечами опыт подпольной работы в Венгрии, где его пытали разными изуверскими способами. Он вскоре улетел в Венгрию, где был арестован и погиб в застенках режима Хорти. Рассказывали, что Вышинский²⁰⁸ распекал 3-й Европейский отдел за музыкальные вечера: «Скоро там будут и на бандуре играть».

Настроение у всех было приподнятое и боевое. На заседаниях коллегии НКВД мы слушали доклады по разным направлениям. Помню, мне пришлось выступать по проблемам работы в Германии. Меня резко раскритиковал заместитель наркома С.А. Лозовский²⁰⁹, сказавший почему-то, что мое выступление напомнило ему прения в Государственной Думе царской России. Я так и не понял, за что был удостоен столь оригинального отзыва. Первое время наш отдел работал под его наблюдением. На наших записках с предложениями он неизменно ставил свой гриф «СЛ», и мне было не ясно, что сие означает: согласие ли Лозовского или то, что он читал записки.

В марте 1942 г. меня отозвали в Москву. В Москве В.М. Молотов сказал, чтобы я готовился отправиться советником миссии (посольства) в Швецию.

– Это важный пункт, – заметил нарком. – У нас есть представительство в Болгарии, но практически оно на замке и заблокировано немцами, и в Турции, где у нас мало контактов с Европой. Посол в Стокгольме – Александра Михайловна Коллонтай²¹⁰. Имейте в виду – это не большевичка. Сами управляйтесь.

Познакомившись с материалами по Швеции, отправился с возвратившейся из эвакуации семьей через охваченную войной Карелию в Мурманск. В Мурманске несколько дней мы поджидали британский конвой, сопровождавший караван грузовых судов. Я зашел к секретарю обкома партии, рассказавшему мне о войне в Карелии. Внезапно в кабинете вылетели оконные рамы и двери, а сам собеседник куда-то исчез.

– Вот уже несколько раз бомбят, – рассмеялся секретарь обкома, вылезая из-под стола.

На улице я видел окровавленных людей. Вечером мне с женой и дочуркой дали маленькую кабинку рядом с рубкой капитана на грузовом тепловозе «Пятихатка» – пять тысяч тонн водоизмещения. Той же ночью немецкие бомбы сравняли с землей гостиницу, где мы обитали по приезду в Мурманск.

Баренцево море весной сказочно красивое – солнечные лучи преломлялись в айсбергах разноцветными радугами в полнеба. Но вскоре поднялся шторм, волны накрывали корабль, даже бывалые моряки страдали морской болезнью, а я не только мужественно переносил это испытание, но и испытывал удовольствие от почти перпендикулярного поворота палубы, вспоминал занятия гимнастикой в молодости, помогал пассажирам.

2 мая 1942 г. в районе острова Медвежий навстречу британскому конвою вышли немецкие корабли и подводные лодки, самолеты прямой наводкой палили по «Пятихатке». Все кипело вокруг. На наших глазах вспыхнул советский лесовоз «Маяковский», испустив три сигнала сиреной, он в мгновение исчез в пучине моря. Из десяти грузовых судов, шедших под конвоем, пять были потоплены. Затонул входивший в боевое охранение большой по тем временам английский крейсер «Эдинбург» водоизмещением 35 тысяч т, куда по морским обычаям не приняли женщин, чему я, возможно, обязан жизнью. После этого боя, описанного даже в художественной литературе, движение конвоев с грузами северным маршрутом было приостановлено.

Сражение кончилось, и остатки конвоя двинулись в путь на Исландию. Наша «Пятихатка» должна была идти первой в колонне грузовых судов. Но мы с удивлением и тревогой заприметили, что «Пятихатка» отстает от конвоя, дымки конвоя стали еле видны, потом и совсем исчезли за чертой горизонта. Мы остались одни среди безграничной ледовой пустыни. Разговоры и движение на борту стихли. Каждый понимал, что если вблизи обнаружится немецкая подводная лодка или самолет, от нашего суденышка не останется и воспоминания. Так шли мы сутки в ярком сиянии льдов, сменившемся густым туманом. Капитан сам встал за штурвал, звонили сигнальные колокола, предостерегавшие от столкновения судов, и мы шли, видимо, по приборам ночного видения. Все покрылось мглой, невидимы стали предметы за 5-10 метров.

Как-то утром появилась прорезь в тумане, и мы, увидев дымки оторвавшегося конвоя, пристроились к нему в хвост. Все облегченно вздохнули. Наш капитан – англичанин – оторвался от конвоя, сознавая, что по первому судну немцы ударят из засады где-нибудь по пути в Шотландию.

Проснувшись в светлую ночь, мы увидели землю. Это была Исландия. По правилам военного времени суда воюющих стран не имели права причаливать к берегам нейтрального государства. В Исландии это соблюдалось, и мы оставались на рейде. Посмотрели на бухту – порт Рейкьявик чистенький, свеженький. Казалось, нет красивее места на свете. Вот где хорошо отдыхать летом! У нас в меню появились знаменитые исландские селедки. И снова мы тронулись в путь. Наш капитан был прав. Сперва в Исландии мы шли в зоне сильного тумана, со всех судов конвоя не переставали бить в колокола. Потом на кромке тумана появились немецкие подводные лодки. Я видел с борта тепловоза, как в десяти метрах мимо нас проскочила горбоносая торпеда, вспенивая смертоносный след.

Но все обошлось, и мы прибыли в Шотландию. Матросы говорили, что подлодки сторожат наш поредевший караван, и что только туман спас нас от неминуемой гибели.

Побывали в Эдинбурге, потом заплыли в Темзу, а оттуда нас отправили в приморский курортный городок Сент-Андрюс, где мы пробыли, помнится, пару недель. Я съездил в Лондон.

Посол И.М. Майский принял накоротке и довольно учтиво, но его мысли были, видно, далеки от неоперившейся дипломатической молодежи, направлявшейся в другую страну, ведь ему пришлось волею судеб близко общаться с Черчиллем, Иденом и другими высокопоставленными лицами Британской империи.

Подружился с советником посольства Кириллом Васильевичем Новиковым, лет на десять постарше меня, но тоже недавнего призыва. Новиков был незаурядным дипломатом. Вокруг него всегда собирались способные молодые люди, и он давал им ход и простор. Помню, позднее на заседаниях коллегии МИД СССР он вступал в отчаянные споры, но при этом простодушно признавал, что его рассуждения, может быть, неверны. Молотов и Громыко часто давали ему трибуну, и действительно его даже ошибочные суждения помогали коллективному уму рождать нужное. Молотов говорил, что он «около правды ходит», и охотно слушал интересные заблуждения думающих молодых людей.

Кирилл Васильевич рассказывал о скандинавской трагедии. После провала советско-англо-французских переговоров о предотвращении агрессии в Европе в августе 1939 г. Англия и Франция планировали оккупацию Финляндии, а заодно хотели прихватить и другие Скандинавские страны, чтобы окружить Германию. Заключение Советским Союзом дипломатического соглашения с Финляндией после прорыва Красной Армией линии Маннергейма сорвало англо-французские планы. А когда началась вторая мировая война, гитлеровская Германия перетянула на свою сторону Финляндию, весной 1940 г. оккупировала Данию и прибрала к своим рукам Норвегию. Судьба Швеции повисла на волоске. Различными посулами Германия пыталась втянуть ее в войну. Швеция осталась вне этих событий, объявив о своем нейтралитете.

Швеция пошла на уступки Германии, предоставляя немцам территориальные воды для транспорта судов, а эпизодически и железные дороги – для перевозки немецких войск и военных материалов в Финляндию, зарабатывая на этом немалые деньги. Шли в Германию и большие транспорты с шведской рудой, металлами и другим сырьем. Оккупировать Швецию значило для немцев занять несколько дивизий, но лишних войск против шведов у них не оказалось, и это помогло Швеции сбалансировать. А в феврале 1942 г. в Швеции была объявлена частичная мобилизация резервистов в ответ на предложение Берлина принять участие в войне Финляндии. И немцам, заинтересованным в регулярных поставках шведской железной руды, пришлось довольствоваться уступками шведам, и Балтийское море не стало немецким. Примерно так обрисовал положение К.В. Новиков.

Затем на английском спортивном самолете я вылетел в Стокгольм. Нас преследовал немецкий истребитель, но все обошлось. А следующий самолет был сбит, погибла семья нашего военно-морского атташе в Стокгольме Тарабрина.

8 июня 1942 г. мы прибыли в Стокгольм. У посла Александры Михайловны Коллонтай в середине мая был спазм сердечных сосудов, и она некоторое время находилась в больнице.

Два года совместной работы с ней стали для меня хорошей дипломатической школой.

Александра Михайловна встретила меня и мою семью с присущим ей радушием, заботилась, чтобы все у нас устроилось хорошо, и приглядывалась, конечно, что это за человек явился на такой пост. Она запросила Москву о назначении меня первым советником. Ответ гласил: пока не назначать, пусть войдет в курс дел, а потом будет видно.

Ей было уже за 70 лет, но она держалась с достоинством аристократки, не выдавая страданий, которые причиняла ей временами болезнь. Вокруг Александры Михайловны сложился дружный, боевой коллектив. Ее незаурядное природное дарование, глубокая интеллигентность, широта взглядов, смелый подход к выполнению трудных и порой деликатных задач выделяют ее в моей памяти из многих других дипломатов, с которыми потом приходилось встречаться. Ее нравственный, политический и профессиональный облик был для всех нас примером, он воспитывал и сам по себе.

Можно было бы позавидовать мягкости, душевности и особенной требовательности Коллонтай. Ее принципом была неутомимая и разносторонняя активность – и в воздействии на прессу, и на поведение тех или иных общественных деятелей. Она умела находить такие стороны в сотрудниках посольства, которые могли принести наибольшую пользу. И неудивительно, что из сотрудников миссии СССР в Швеции того времени вышел ряд интересных советских дипломатов и политиков. Ведь нравственный и профессиональный рост личности в значительной степени зависит от того, как с данным человеком работают. Нет плохой земли, а есть плохие хозяева. Я знал послов, которые тесно сотрудничали с кадрами сообразно с их возможностями, склонностями, занятиями, навыками, но наблюдал и таких, которые работали в одиночку или узким кругом людей, и в таком случае школы воспитания работников не получается.

Александра Михайловна, обладавшая общим опытом политической работы, была умелым дирижером. Плохих работников, обывателей, безразличных людей она внутренне не принимала и всячески стремилась от них избавиться.

Александра Михайловна Коллонтай была не просто дипломатом, но и профессиональным революционером. В ней всегда чувствовались дореволюционная закалка, личное знакомство с Лениным, Сталиным, другими руководителями, понимание стихии руководящего центра.

В личной библиотеке Коллонтай на ее квартире были книги преимущественно деятелей II Интернационала – Бебеля, Гильфердинга, Каутского и т.п. А книг Ленина и Маркса не было, и она их не изучала. В беседах со мной она не раз вспоминала о встречах с Плехановым, Лениным, Каутским и др. Загадочно говорила об особой положительной роли, которую

сыграл в ее судьбе Сталин. Во время войны, когда показалось, что на нее темной тенью надвигалась смерть, она продиктовала ему горячее благодарственное личное письмо.

Родом из высокопоставленной аристократической семьи, она порвала со своим кругом, зачитывалась произведениями Плеханова – и он был для нее богом. Ее первая встреча с Плехановым, которого она представляла человеком совершенно необыкновенным, была для нее очень волнующей: вопреки ожиданиям она увидела высокопоставленного учителя, отчасти даже барина, человека, который не снисходил до душевного общения с собеседником, даже если он придерживался тех же идейных позиций. «С Плехановым мне было тяжело», – вспоминала Коллонтай, – «я всегда чувствовала себя провинившейся ученицей». Снисходительность, поучительность и талантливость Плеханова обескураживали ее, поэтому общее впечатление от встреч с ним оставалось смешанным и сложным.

Она нередко рассказывала мне о своих встречах с Лениным, неизменно выделяя его гениальность, простоту обращения и полное отсутствие позы. В ее рассказе Ленин предстал человеком самокритичным, искренним и сильным. Держался он очень просто и, несмотря на широкую известность в партии, ничем не отличался от других людей. Ленин пытался принять внутренний мир человека, с которым общался, ставил вопросы, волновавшие его, интересовался личными склонностями революционеров и их взглядами. В разговорах с собеседником он больше слушал, расспрашивал, чем говорил. Поэтому, по словам Коллонтай, с Лениным было, в общем, легко, у него можно было многому поучиться не только теории, силе логики, но и умению организовать разностороннюю партийную работу. У него не было и тени заносчивости, пренебрежительного отношения, недоверия в силы единомышленников, что чувствовалось нередко у Плеханова. Вместе с тем Ленин был глубоко принципиальным и порой суровым.

Она вспоминала с искренним сожалением об их расхождениях с Лениным, об участии во многих оппозициях после Октябрьской революции, о «каше в своей голове тогда». Ленину было и так тяжело, говорила она, на него обрушивались прежде всего все удары врагов, а мы еще придумывали всякие «измы», непродуманные концепции, приходили к нему со своими скороспелыми идеями. И это в момент, когда он нес на себе гигантскую ношу: руководил и фронтами Гражданской войны, и титанической работой по созданию основ пролетарского государства, и занимался теоретическими проблемами. «Я помню», – рассказывала Коллонтай, – «как мы пришли к нему целой группой из «рабочей оппозиции». Заглянули в кабинет – пусто. Оказывается Ленин, узнав о нашем появлении, надел пальто и кепку и ушел из кабинета через заднюю комнату, не желая входить в ненужный личный конфликт с инакомыслящими, если этого не требовала обстановка».

У нее была интересная манера готовить и писать донесения Центру. Она долго прицеливалась к теме, писала черновики, откладывала написанное в свою потайную папку, исправляла и откладывала вновь. При этом она

добивалась не только ясности мысли, но и, так сказать, «детскости» – простоты изложения.

– Это донесение прочтут наверху, – говорила она, понижая голос и подымая указательный палец с почтением на лице. – А наверху люди, занятые тысячью других дел, усталые, отвечающие за все. Помните, это то же люди, у них те же 24 часа в сутки, но уйма других разнообразных дел. Им можно слать только хорошо проверенные, важные по сути и легко доступные по форме депеши. Ведь не все из них занимаются изо дня в день внешней политикой, большинство другими – военными, экономическими, идеологическими и иными делами. Стиль должен быть доступным, предмет – достойным такого круга читателей. Вы лучше отложите, если возможно по содержанию и срокам, донесение на два-три дня, а потом перечитайте, почеканьте, проверьте и, если найдете подходящим, ставьте подпись, улучшая и уточняя.

Язык ее донесений был негладкий, он топорщился, обращая на себя внимание. Но в этом была истинная культура, шедшая, я думаю, от Герцена.

Мы обычно торопились информировать Москву по разным аспектам событий, и поэтому не всегда удавалось отчеканивать депеши. Случались досадные промахи, за что получали внушения. Учиться приходилось на ходу, помогало обращение к историческому опыту, он во многом способствовал постижению тайн профессии. Я до дыр зачитал многотомную переписку царских дипломатов, стараясь добиться сжатости, емкости, ценности информации. Это была трудная, но необходимая школа.

Находясь в Швеции, я попросил из Москвы и проштудировал сочинения Карла Клаузевица «О войне», В.К. Триандафиллова «О стратегическом развертывании», трехтомный труд Б.М. Шапошникова «Мозг армии», а позднее «Стратегию» под ред. В.Д. Соколовского, о котором позже. Не скажу, чтобы мне, гражданскому по образованию и опыту человеку, много давало это чтение специальной литературы. Однако я приучал себя мыслить с пониманием даже по явно недоступным для меня профессиональным делам.

Несмотря на нездоровье, А.М. Коллонтай держала в поле зрения главные вопросы, верно оценивала особенности политической обстановки и, возвращаясь на работу после перерывов, вызванных болезнью, продолжала, порой совершенно неожиданную по формам и содержанию, деятельность.

Шла тяжелая война, под Сталинградом развернулась кровопролитная битва. Швеция была отрезана от СССР и союзных нам западных стран. Лишь тоненькая нитка авиационного сообщения связывала ее с Англией. Пронемецки настроенная группа буржуазии Швеции была очень влиятельной, и эти настроения питались холодным расчетом дельцов, которые чувствовали конъюнктуру, загребая военные барыши.

Борьба по вопросам внешнеполитической ориентации в Швеции была острой в течение всей войны, и активная работа советских дипломатов была немаловажным компонентом в этой борьбе.

В Москве были тогда опасения, что Швеция вступит в войну на стороне Германии. По этому вопросу у миссии была переписка с Москвой, были резкие ноты Советского правительства насчет транзита через Швецию немецких войск в Финляндию и др. Это сдерживало шведов, было полезно.

Вместе с тем Александра Михайловна верно оценивала национальные особенности шведов, их политическую расчетливость. Она говорила, что шведы – это осторожные, умные и зоркие политики, они привыкли выгодно торговать, а не воевать, умели оценивать события перспективно с учетом опыта истории, а не под влиянием тех или иных конъюнктурных поворотов. Большинство шведской буржуазии опасались втягивания Швеции в войну, она понимала и вспоминала уроки Полтавской битвы 1709 г., даже удивлялась, зачем Петр I разбил Карла XII под Полтавой, охладив тем самым воинственный пыл шведской державы на ряд веков. И Александра Михайловна была твердого мнения, что Швеция в войну не вступит. Она убеждала в этом Центр, что было важно для дислокации советских войск, так как речь шла о Ленинграде и о Северном театре войны. И это подтвердилось. Когда стрелка весов во второй мировой войне стала определенно склоняться в сторону антигитлеровской коалиции, мы уже могли совершенно твердо ответить на запрос Москвы, что Швеция в войну с СССР не вступит. Нейтралитет Швеции имел для нас важное значение, позволяя держать меньшее количество войск на периферии заморской границы Швеции и на советско-финляндском фронте.

В профессионально-дипломатическом отношении у А.М. Коллонтай были свои методы работы. Ее беседы со шведами и представителями дипкорпуса всегда отличались ясной целенаправленностью. Швеция в годы войны была одной из немногих нейтральных стран, а Стокгольм называли «маленьким городом с большими интригами». Важно было иметь информацию не только о положении в Швеции, но и о планах и намерениях вражеской коалиции и воюющих сторон. Решать эти вопросы помогали широкие знакомства посла в самых разных кругах шведского общества – от дворцовых до леворадикальных. Это были высокопоставленные лица, а порой и малозаметные, например, личный врач короля или журналист с выходом на нужные сферы. Она шутя говорила, что дипломат должен иметь таких, по ее выражению, «зайцев», чтобы в любой момент донести в любое место нужные соображения или запросить что-либо. Давние связи были у нее и среди крупных промышленников Швеции, которые определяли основы политики этой страны (семья Валленбергов, владельцы металлообрабатывающих заводов Сандвикен и другие). Для каждого собеседника она находила свой особый язык, основанный на понимании взглядов и положения этих людей, на знании того, что от данного контакта требовалось в тогдашней военной обстановке. И она легко поддерживала нужные контакты в удобоприемлемой, отчасти нарочито подчеркнутой женской форме.

Большую личную роль в этом играл король Густав Бернадот. Он был под стать деду, Жану Батисту, маршалу Франции, сподвижнику Наполеона I,

который уволил его и отправил в Швецию, где был избран наследником шведского престола. Всюду и везде он отстаивал шведские государственные интересы, а в 1813 г. командовал шведскими войсками в войне против Франции. Густав Бернадот занимался лишь крупными вопросами политики, умело процеживая их в высших деловых, правительственных, военных, дипломатических, научных и других кругах страны. И поэтому его конечные оценки были приемлемы для всех. Король спокойно сидел за стенами своего замка, пользуясь уважением управляемых.

Много забот было вокруг транзита немецких войск и материалов через Швецию в Финляндию и обратно. По указанию Москвы мы бомбардировали шведов нотами протеста и меморандумами. Это отрезвляюще действовало на влиятельные круги в Швеции.

В начале 1943 г. из Москвы снова поступил запрос – не вступит ли Швеция в войну против нас? Мотивированно ответили, что шведы будут держаться нейтралитета с креном в сторону Германии, но в войну не ввяжутся. Думаю, что наш ответ имел некоторое практическое значение – ряд советских дивизий был переброшен с северного на другие участки фронта.

В октябре 1942 г. шведскими властями был арестован сотрудник торгпредства Сидоренко, и в ответ на запрос указаний я получил жесткую отповедь: «Вы должны действовать сами твердо и решительно, а не просить беспомощно указаний». Получив такую «порку на воздушных», я обозлился на себя и решил действовать самостоятельно. В Москву я ответил коротко: «Полностью сознаю верность Ваших указаний, обещаю подтянуться».

Сидоренко был арестован на главной улице столицы при передаче военных разведывательных материалов. Улики – неопровержимые. Парень молодой, неопытный. И вот его коллеги стали говорить мне, что Сидоренко начинает «психовать» и может «расколоться». Я обратился к врачам, те перепугались и ответили, что ничего сделать не смогут. Мне надо было найти пути к его освобождению.

Тогда я решил действовать «ва-банк». Обратился к светилу психиатрии Европы тех времен – шефу Института психиатрии Швеции (фамилию, к сожалению, не удержал в памяти). Выслушав меня, он сказал, что осмотрит заключенного. При встрече на конспиративной квартире профессор сказал, что Сидоренко здоров, имеются небольшие отклонения нервного характера. Но он понимает и рад возможности принять участие в битве под Сталинградом. Профессор бывал в миссии на приемах, был в 1936 г. на всемирном конгрессе психиатров в Ленинграде и восхищался духовным миром советских людей и их героизмом.

Я попросил профессора написать свое профессиональное врачебное заключение, к которому сделал пару маленьких поправок.

На приеме у премьер-министра Швеции Пьера Альбина Хансена, лидера социал-демократической партии Швеции, я, показав бумагу, потребовал указанных действий. Он был осторожный, гибкий и очень популярный политик, умевший обходить острые углы.

– Я понимаю Вашу точку зрения, – с уважением ответил премьер-министр.

У дипломатов есть такие заковыристые выражения, которые, ничего не означая, звучат по всему диапазону – от нуля до бесконечности.

Канцлер оставил бумагу у себя, дело получило огласку в печати, и профессора стали вызывать в ведомства: внутренних дел, безопасности, иностранных дел. Упреки. Угрозы. Шантаж. Но профессор заявил, что психическое состояние узника еще хуже, чем он написал, и что оно ухудшается, угрожая внезапными потрясениями. Ему раздраженно указывали, чтобы он не вмешивался не в свои дела, на что тот ответил, что судит о положении чисто профессионально и не думает, что печальный исход будет полезным для Швеции.

Некоторое время тема Сидоренко была чуть ли не главной сенсацией в шведской печати. Суд приговорил его к 12-летнему тюремному заключению. Тем временем сражение под Сталинградом закончилось пленением 6-й армии Паулюса. А борьба за освобождение Сидоренко продолжалась. Здесь не место описанию деталей, но финал истории такой: его поместили в госпиталь, облегчили режим, а спустя год или два вернули без шума в Советский Союз. Надо сказать, что я встречался в дальнейшем с подобными ситуациями не раз.

Провал планов молниеносной войны и Сталинградская битва усилили позиции тех кругов шведской буржуазии, которые были за нейтралитет. К 1943 г. опасность втягивания Швеции в войну практически отпала. 30 августа 1943 г. шведы объявили о прекращении транзита немецких вооружений и боеприпасов по железным дорогам. Оставалась лазейка в виде курсирования почтовых вагонов с немецкой охраной на Финляндию и Северную Норвегию. Продолжался транзит других грузов, «не имеющих военного характера». Тем самым оставалась возможность переброски в Финляндию – для немецкого фронта в Финляндии – фуража, продовольствия, автомашин и др. Сохранялся транзит германских солдат и вооружения через территориальные воды Швеции. Не было отменено и конвоирование немецких транспортов шведскими военными судами с передачей этих транспортов под конвой немцев или финнов в открытых водах Балтики.

Один из видных деятелей шведской социал-демократической партии Гюннар Мюрдаль считал нужным бить именно в эту точку против транзита в территориальных водах. И мы получили подтверждение такой линии наркомом.

На Свирском фронте оставался шведский добровольческий батальон, что было отмечено по нашему сигналу советской печатью. Были опубликованы также сведения о доходах, полученных Швецией за транзит немецких солдат и офицеров (более 80 млн. шведских крон) – и это не считая сумм, уплаченных немцами за использование территориальных вод, за конвоирование транспортов и т.п.

За время пребывания в Швеции у меня установились активные связи с либеральными и демократическими кругами.

Я очень сблизился с датским писателем Мартином Андерсеном Нексе²¹¹. Его роман «Дитте – дитя человеческое» – лучшее, что я читал в то время. Искренность, проникновенная любовь к бедным людям из народа находятся в книге в редкой гармонии с преданностью идеалу. М.А. Нексе было тогда около 70 лет, его жена была моложе его лет на 35. У них было шестеро детей.

М.А. Нексе много рассказывал мне о своей жизни. Будучи студентом, он отправился в пешую прогулку по Европе и в Африку. В Берлине его пригласили, как подымавшуюся литературную звезду Скандинавии, лидеры СДПГ Гильфердинг и Каутский. Они хвалили высокую немецкую культуру, немецких писателей, художников и ученых. Разговор принимал острый характер.

– Нет, Вы мне скажите, кто наследник этой культуры?! Кто преемник? – кипятился Гильфердинг.

– Идиоты, – отрезал юноша.

Разговор был переведен на светские темы, а Нексе покинул это общество.

Как сейчас вижу его огромную львиную голову, его пальцы в раздумии о чем-то важном и значительном. Я поддерживал в годы войны отношения с владельцами заводов «Сандвикен», другими крупными бизнесменами. И я решил устроить в миссии прием для них с женами, пригласив как главного гостя М.А. Нексе. Рядом с ним по значению была супруга одного из тузов шведской индустрии. Она была речистая и тонким голосом пицала что-то свое. Шведы – завзятые протоколисты – молча внимали роскошно одетой даме. И тут я услышал утончившийся голос Нексе: в той же пискливой и явно насмешливой манере он повторял ее репризы. Все были ошарашены. Мне еле удалось ввести разговор в нормальное русло. Я спустился с Нексе как главным гостем по ступенькам лестницы из зала приемов.

– Ну, как вам понравилось? – спросил я ни к тому, ни к сему.

– Идиотуле, – громко ответил знаменитый писатель. Обернувшись, увидел всю компанию, слышавшую и понимавшую, о ком идет речь.

Дипломатически это было для меня уроком необходимости правильного подбора гостей на приемах. Мы дружили с Нексе до конца его дней. Ему было неуютно в Скандинавии, и остаток своей жизни он провел в Дрездене. Высокий, из одного куска вылитый – замечательный человек.

Решающее влияние на наши отношения со Швецией и усиление дипломатической активности в Стокгольме имели победы под Сталинградом и на Курской дуге. Редактор «Гетеборг-хандельс-тиднинген» мужественно заявлял: «Мы должны выйти из столбняка и уже можем возвысить голос, ибо Германия не сможет бросить против нас 20-30 дивизий».

В 1943 г. ко мне стали обращаться представители стран гитлеровской коалиции. Посол Италии провел несколько встреч, излагая соображения и трудности положения правительства Италии, якобы желавшей выйти из войны, но скованной обязательствами перед Германией. Одно время мне пришлось встречаться с представителями трех направлений из Румынии: от

премьер-министра Антонеску, от министра иностранных дел и от короля Михая. Каждый из собеседников просил держать в тайне сам факт наших встреч, не говоря уже о содержании бесед. Пришлось придумывать систему конспирации встреч и особые варианты разговоров. Были легкие зондажи и от венгров. Все эти дела не имели завершения. После зондажей в Стокгольме итальянцы, например, вышли на прямые связи с Москвой.

Более подробно следует рассказать о немецких зондажах в Стокгольме, который в дипкорпусе называли «маленьким городом с большими интригами». Особого внимания заслуживает фигура Бруно Петера Клейста – одного из близких доверенных лиц Риббентропа, оберштурмбаннфюрера, эксперта нацистской партии «по делам востока». В декабре 1942 г. он приехал в Стокгольм без особых поручений. Ему хотелось – хотя бы через створку – посмотреть, что делается в советской стране, как писал он в своих воспоминаниях, проделать через посредника, который имел хорошие связи с советской миссией в Стокгольме, хотя бы «узкую щель» в «восточной стене».

Клейст говорил в своем кругу, что ввиду положения под Сталинградом, где 6-я армия Паулюса попала в окружение, стоит попытаться заключить с Советским Союзом соглашение о прекращении войны в границах 1937 г. Клейст пытался установить связь с А.М. Коллонтай, но она уклонилась от всяких контактов.

6 декабря Клейст беседовал с высокопоставленным шведом, который высказал мысль о необходимости капитуляции Германии на западе с тем, чтобы «иметь возможность сдержать фронт на востоке». Клейст отверг эту идею как «совершенно недискутабельную, поскольку в Европе в то время не было ни американской, ни английской армии, перед которыми можно было бы капитулировать». В то же время, трезво рассуждая, посланец Риббентропа и его единомышленники приходили к выводу, что «капитуляция Германии будет использована западными державами для ликвидации германского экономического и научного потенциала и ее ведущего положения в Европе независимо от того, кто будет управлять страной – Адольф Гитлер или иезуитские священники». Отсюда возникла надежда на возможность сепаратного соглашения с Советским Союзом в целях сохранения единства Германии.

Мне хотелось бы обратить внимание на это высказывание Клейста, которое, по моему пониманию, отчетливо подчеркивает характер настроений в кругах Риббентропа, а может быть, и повыше.

Потом был подключен агент Гиммлера и Канариса – «деловой человек», а проще сказать, коммерсант Клаус – еврей по национальности, работавший двойником и на немецкую разведку, и на советскую, куда он был завербован нашими разведчиками в Каунасе в 1939-1940 гг. Канарис дал очень высокую оценку достоинствам своего агента, представив его своему руководству как знающего и имеющего широкие связи с работниками советской миссии в Стокгольме²¹².

6 декабря 1942 г. Б.П. Клейст имел разговор с Клаусом о положении Советского Союза в то время.

Приведем в изложении Клейста высказывания Клауса: «Э. Клаус довольно убедительно разъяснил, что Советский Союз не собирается воевать «ни на один день, ни на одну минуту больше, чем необходимо, за интересы Великобритании и США. Он не хочет прийти к концу войны обескровленным. Более того, он не может испытывать доверия к США и Великобритании, так как, несмотря на его требования, второй фронт так и не был открыт, не получило Советское правительство и четкого ответа на свои запросы относительно интернированного лидера нацистской партии Р. Гесса, находившегося в Англии, и т.д.».

Далее Клаус отмечал: «Вся тяжесть войны переложена на восток. Высадка в Африке, по-видимому, больше служит фланговому прикрытию от Советского Союза, чем наступлению против держав оси. Из бесед с англо-американскими государственными деятелями и военными следует, что они склоняются к созданию второго фронта на Балканах, что совершенно неприемлемо для Кремля».

Аргументируя заинтересованность Советского Союза в сепаратном мире с Германией, Клаус указал, что, несмотря на советские военные успехи, Красной Армии еще придется освободить тысячи квадратных километров своей территории, оккупированной Германией, неся большие потери в людях, материальных ценностях и времени. Эти оккупированные территории, подчеркнул он, как раз могут стать объектом переговоров. Если такая сделка состоится, то появятся гарантии сохранения мира. Во-первых, Советскому Союзу необходимо будет залечивать свои раны, возместить военный ущерб и начать вновь промышленное строительство. Во-вторых, ему потребуется экономическая помощь, оказать которую может только Германия. В случае же поражения Германии СССР придется уповать только на помощь США, в которой в любой момент может быть отказано.

На соответствующий вопрос Клейста о призыве большевиков к мировой революции Клаус ответил, что от догмы мировой революции как конечной цели сталинского «социализма в одной стране» большевики, само собой разумеется, не откажутся. Но ее не надо понимать буквально, и во всяком случае Сталин не будет подвергать опасности свое государство.

Клейст заметил, что он разговаривает как частное лицо и никаких полномочий не имеет. Добавим, что Клейст отказался от официальной встречи с «Александровым».

Как временный поверенный в делах (А.М. Коллонтай была нездорова из-за перенесенного инсульта) я был отчасти в курсе контактов с Клаусом с 1942 до середины 1943 г. Думаю, что эти контакты со строгим соблюдением норм тогда велись через своих людей резидентом НКВД Б.А. Рыбкиным и его супругой, ведавшей отделом печати миссии (впоследствии известной писательницей Зоей Ивановной Воскресенской). Вторую фазу контактов курировал мой заместитель Разин.

Когда Клейст вернулся в Германию, он при приземлении на аэродроме был сразу же арестован. Его допрашивал сам Э. Кальтенбруннер и держал под домашним арестом две недели. Видимо, военные круги были против каких-либо контактов с нами тогда, надеясь на победное сражение летом 1943 г. у Орла и на Курской дуге.

После сражения на Курской дуге о Клейсте вспомнили. В середине августа 1943 г. Клейст был вызван к Риббентропу и беседовал с ним более четырех часов, но никакого указания не получил. Позднее, после визита Риббентропа в «Волчье логово» Гитлера, Клейсту дали понять, что не может быть и речи о каких-либо переговорах с Москвой. Однако уже через несколько дней Клейст получил от Риббентропа указание восстановить контакт с Э. Клаусом, но это поручение было обусловлено таким множеством «если» и «но», что действия Клейста фактически были лишены какой-либо свободы.

Клаус настойчиво добивался встреч со мной как первым советником миссии в Стокгольме.

Но игра пошла в одни ворота: я принимал письма и имел кодированные разговоры по телефону, о чем докладывал Москве. Потом это затихло. Оказалось, что контакты перевели на работников НКВД в Стокгольме, связной все рассказывал резиденту нашей внешней разведки советнику миссии Разину. А Разин докладывал все в Москву. Упомянутая в нотах Молотова 1943 г. встреча с Клаусом одного из советских работников была проведена, если не ошибаюсь, Андреем Михайловичем Александровым.

Клейст и Клаус были недовольны манерой Александрова, который обставлял разговор бесконечными ссылками на то, что он не уполномочен обсуждать такие вопросы, и уходил от определенных ответов. По моему обычаю я не добивался доклада представителей разведок и довольствовался общими сведениями, поскольку было ясно, что канал работает напрямую в Москву, и что контакты касались очень крупных вопросов – отнюдь не стокгольмского масштаба.

8 сентября 1943 г. Клейст вновь приехал в Стокгольм, чтобы встретиться с Клаусом. 11 октября советская миссия получила анонимное письмо, но с указанием условного адреса, в котором сообщалось о готовности передать в распоряжение советского правительства информацию, содействующую прекращению войны уже в этом году. 10 и 11 ноября 1943 г. миссия получила еще два анонимных письма.

Передавая содержание в Москву, я, будучи поверенным в делах, высказал мнение, что информация неизвестного отправителя вызывает подозрение. 12 ноября Молотов направил послам Великобритании в Москве А. Керру и США А. Гарриману личные ноты «о пробных мирных шагах со стороны немцев, что имело место недавно в Стокгольме». В нотах указывалось, что советская миссия в Стокгольме, «не придавая большого значения этому письму», тем не менее не отказалась выслушать информацию и поручила сделать это одному из своих сотрудников, который встретился с автором письма.

Спустя пару месяцев я получил резкое указание из центра: «прекратить все контакты и пригрозить немецкому лицу обращением к шведской полиции, если он будет пытаться просить о встречах». На этом, сколько я пока знаю, дело прекратилось. Околичностями узнал потом, что Черчилль спрашивал Сталина, какие у нас ведутся разговоры с немцами в Стокгольме, и нет ли опасности сепаратного мира. Сталин задал контрвопросы о переговорах с немцами в Стамбуле (фон Папен встречался с представителями США) и в Берне. Получив заверения Черчилля, что договоренность о незаключении сепаратного мира с рейхом остается в силе, Сталин подтвердил аналогичную позицию Советского Союза, и в Стокгольме было дано вышеприведенное указание. Это было частью дипломатической подготовки Тегеранской конференции трех великих держав 28 ноября-1 декабря 1943 г.

В середине февраля 1944 г. Гитлер распустил службу Канариса Абвер в связи с многочисленными провалами нацистских агентов и присоединил ее остатки к службе безопасности рейха, возглавляемой Гиммлером. Эсэсовцы основательно почистили разведку от агентов еврейского происхождения. Пострадал и Э. Клаус, но вскоре его вновь отыскал Б.П. Клейст.

7 августа 1944 г. А.М. Коллонтай сообщила в НКВД, что, по сведениям американского посланника Х. Джонсона, немецкая миссия в Стокгольме «с помощью сплетен и выдумок» пытается посеять недоверие между союзниками. Во время одной из бесед Джонсон рассказал А.М. Коллонтай, что немецкая миссия распространяет слухи, будто бы к Семенову в два часа ночи на дачу приходил Клейст и оставался довольно долго, по-видимому, ведя переговоры. Клейст у них доверенное лицо, хотя формально занимается коммерцией. Джонсон смеялся, писала в телеграмме А.М. Коллонтай, что для переговоров не требуется ездить за город ночью на дачу. Все же он меня спросил, продолжала Коллонтай, мог ли быть какой-либо зондаж со стороны немцев. А.М. Коллонтай отмела всю нелепость таких слухов и рассказала Джонсону историю с анонимными письмами, поступавшими в адрес советской миссии. В свою очередь она спросила, получает ли Джонсон такого рода письма. Джонсон сказал, что «последнее время не получал, но подобные, также анонимные, письма раньше приходили».

В телеграмме от 16 августа 1944 г. заместитель наркома А.Я. Вышинский, одобрив ответ, который А.М. Коллонтай дала Джонсону, тем не менее поинтересовался: «... правильно ли мы понимаем этот Ваш ответ в том смысле, что Семенов вообще не имел никаких встреч с Клейстом?».

18 августа 1944 г. А.М. Коллонтай ответила: «Разумеется, никакого свидания ни у кого из наших дипработников с Клейстом не было. На такой шаг мы бы никогда не пошли без Ваших указаний».

Английский посол А.К. Керр в личной ноте от 21 августа 1944 г. на имя заместителя наркома А.Я. Вышинского проинформировал его по указанию своего правительства, что германский министр иностранных дел Риббентроп направил германского эмиссара Бруно Клейста в Стокгольм для

установления контакта с советскими представителями «с целью мирных переговоров с СССР». Посол запрашивал, имеет ли советское правительство какую-либо информацию относительно фон Клейста, и предпринимал ли тот какие-либо попытки установить контакт с советскими представителями. Эта информация, писал посол, наряду с общим интересом была бы полезной английскому правительству и с точки зрения определения ценности германского журналиста как источника, через которого была получена упомянутая информация.

В ответной ноте от 4 сентября 1944 г. Вышинский подробно рассказал о фактах присылки анонимных писем, которые советская миссия в Швеции оставила без ответа, и о том, что последнее такое письмо было направлено в МВД Швеции с просьбой «избавить миссию от получения подобных провокационных писем». Одновременно он уведомил посла, что советский посланник А.М. Коллонтай информировала об этой истории американского посланника в Стокгольме Х. Джонсона.

На следующий день английский посол Керр поблагодарил Вышинского за исчерпывающий ответ.

29 августа 1944 г. германское информационное агентство передало заявление представителя МИД Германии на вопрос одного из иностранных корреспондентов относительно слухов об имевшей якобы место попытке установить через нейтральные страны контакт с противником. Представитель Вильгельмштрассе заявил, что «контакт Германии с ее противниками бывает исключительно только на поле сражений. О других контактах не может быть и речи».

Из научного труда известного германского историка Ингеборга Фляйшхауэра, всесторонне проанализировавшего многочисленные документы архивов ФРГ, Великобритании, США и Швеции, известно, что Э. Клаус продолжал свою деятельность до конца войны, поддерживал связи с Б. Клейстом, со шведскими властями, которые после войны потребовали от него за его связь с рейхом покинуть Швецию и выехать в Германию²¹³.

Как явствует из приведенных документов, не только переговоров о сепаратном мире, но даже никаких прямых контактов с немцами у советских дипломатов в Стокгольме не было, в том числе и на даче В.С. Семенова в Лидинге 28 июня 1944 г. в присутствии советского военного атташе Н.И. Никитушева, о которой пишут западные историки. Психологию советских дипломатов того времени прекрасно выразила А.М. Коллонтай, подчеркнувшая, что они никогда не пошли бы на это без указаний Центра, а такого указания не было.

Изложенное выше не исключает, что отдельные немецкие представители, выступавшие против гитлеровского режима, действительно искали контакт с советской миссией, искренне надеясь оказать содействие скорейшему окончанию войны. Но очевидно также и то, что правящие круги тогдашней Германии, уже однажды вероломно обманувшие Сталина, не могли так просто надеяться восстановить его доверие. Поэтому любая их попытка в этом направлении могла и действительно рассматривалась как

провокационная, имевшая неблагоприятную цель посеять недоверие в рядах антигитлеровской коалиции.

Подготовку к выходу Финляндии из войны А.М. Коллонтай всегда считала крупным вопросом. Она поддерживала интерес у шведов и финнов к этому вопросу, нередко в неожиданных формах не упускала подчеркнуть, что Советский Союз много сильнее тех, с кем тогдашние финские правители связали свою судьбу, поддерживала прямые связи с представителями направления, стоявшего в Финляндии за добрососедские отношения с Советским Союзом.

Зондажи от финнов начались после битвы под Сталинградом. Разговоры велись, например, через нашего советника бельгийским послом, выходцем из правящей династии, но поначалу малоопределенные и тягучие. Лишь по мере поворота в ходе войны выдвигались в жестокой борьбе с финской реакцией на передний план те, кто впоследствии был стойким приверженцем внешнеполитической линии «Паасикиви–Кекконен».

Между тем, в 1943 г. у Коллонтай случился острый криз – вследствие инсульта наступил левосторонний паралич, и после двухмесячного лечения ей было предписано пребывание в санатории с ограничением работы до минимума. Нам пришлось взять на себя и эту часть работы. Но главные встречи, например, с Таннером, Паасикиви она оставляла для себя и, по понятным причинам, конспирировала даже от меня. Так, Коллонтай, будучи в санатории Сальчебаден, встречалась с представителями финского правительства Таннера, а также с Паасикиви, выступавшими за установление мира между Финляндией и Советским Союзом. Однако влияние сторонников войны в Финляндии преобладало, и контакты оставались до 1944 г. малозначительными.

Порой эти зондажи развивались и по шведской линии. Финский вопрос всегда наличествовал как важный элемент в политике Швеции, ей было геополитически очень важно, чтобы на шведской границе внезапно не появилась тень советского дозора. И, несмотря на известные трения между шведами и финнами, они, как буржуазные политики, находили общий язык.

Тактика А.М. Коллонтай была направлена на более активное вовлечение Швеции в усилия, направленные на прекращение войны на Севере. Но правительство Рюти–Таннера не хотело соглашения с Советским Союзом. Победные операции Красной Армии под Ленинградом и Новгородом сильно повлияли на ситуацию в Финляндии. Встал вопрос: куда идти и с кем? Росли настроения в пользу соглашения с Советским Союзом. Но Таннер и Рюти упорно цеплялись за союз с Германией.

Для Советского Союза отношения с Финляндией были важной частью послевоенного устройства мира. Советское руководство хотело иметь на северо-западе дружественного соседа, с которым развивались бы полезные контакты и взаимовыгодные отношения. Кроме того, за рубежами Финляндии лежала вся Скандинавия. Таннеровско-маннергеймовская Финляндия была военным врагом. И от этого никуда не уйти. Но был и финский народ, было и будущее. После разгрома немецко-фашистских войск

под Ленинградом и Новгородом финское правительство запросило Советский Союз, на каких условиях Финляндия могла бы выйти из войны. Советское правительство потребовало разрыва отношений с Германией, интернирования находившихся на территории Финляндии немецких войск, отвода финских войск к границам 1940 г. При этом была выражена готовность, чтобы скорее закончить войну и уменьшить количество жертв, пойти на переговоры с Финляндией. Наибольшие трудности представляли для наших вооруженных сил операции по очистке от немецко-фашистских войск северных районов Финляндии, где располагались немецкие войска с задачей любой ценой отстоять район Петсамо (Печенга) с его богатыми приисками никеля.

Но в мае 1944 г. финские руководители прекратили переговоры, отказавшись разорвать отношения с Германией, интернировать или изгнать немецко-фашистские войска из Финляндии. Правящие круги по-прежнему держали курс на продолжение войны с Советским Союзом. Ввиду этого план операций был пересмотрен, и было решено нанести главный удар по войскам на Карельском перешейке и в южной Карелии.

22 июня 1944 г. началось сражение на Свирско-Петрозаводском направлении, а десятью днями раньше войска Ленинградского фронта взяли Выборг. 28 июня наши войска овладели Петрозаводском.

Чем ближе к финской границе, тем упорнее становилось сопротивление финнов. Мосты разрушались, каждый квадратный метр минировался.

Отдельные события переросли местное значение, слились в цепь грозных для врага явлений, поставили Хельсинки перед выбором, что делать дальше. Отчаянное сопротивление финнов не имело никакой перспективы.

21 июля Красная Армия достигла государственной границы Советского Союза. Вершители довоенной политики Финляндии ничего не могли предложить своему народу.

Совместными ударами Ленинградского и Карельского фронтов были потрясены основы финско-германского военного сотрудничества. В начале августа президент Финляндии Рюти ушел в отставку, и вскоре финны запросили об условиях перемирия. 25 августа советское правительство получило официальную просьбу Хельсинки о перемирии.

Когда 4 сентября финны прекратили переговоры, на ряде участков фронта появились финские парламентары, которые с радостью говорили, что война закончена. Но из Москвы был ответ: «Финляндское правительство не приняло еще условий советского правительства». Однако 5 сентября финляндское правительство приняло новые требования, в том числе разоружить германские дивизии на территории Финляндии, и боевые действия на южном участке Карельского фронта были прекращены.

7 сентября 1944 г. в Москву прибыла финская делегация для переговоров.

На крайнем Севере продолжались ожесточенные бои с немцами, не хотевшими оставлять Печенгу.

19 сентября было подписано в Москве соглашение о перемирии. И финны были вынуждены выдворять немецкие силы. Финский МИД заявил германскому послу, что между их странами отношения порваны. Но в Лапландии оставались немецкие войска. К концу октября финны стали расчленять немецкие войска в Петсамо. В течение ноября они медленно двигались дальше. Им понадобилось шесть месяцев, чтобы очистить от немцев район Кильписярвт.

Освобождение оккупированных советских территорий Красная Армия завершила к 30 сентября. В ночь на 29 октября операции фронта под командованием Мерецкова были закончены, а сам он был отозван в Москву и послан на Дальний Восток.

Все эти события развертывались на фронтах боевых действий под непосредственным военным и политическим руководством Ставки Верховного Главнокомандования. В Стокгольме шли как бы аккомпанирующие дипломатические акции. Шведские дипломаты более активно включались в дела, но с определенным креном в сторону Финляндии.

Вывод Финляндии из войны был серьезным ударом по Германии. Это позволило более 40 дивизий Красной Армии перебросить в район Белоруссии, где они участвовали в окружении немецких войск и их пленении в районе Минска («бобруйский котел»).

За работу в последние два года сотрудники миссии были награждены орденами. Я был удостоен ордена Отечественной войны 1-й степени в золоте (это было редкое исключение – гражданские лица, не воевавшие на фронте, в том числе дипломаты, этим орденом не награждались).

В октябре 1944 г. Коллонтай получила указание: «направить Семенова в Москву, который давно тут не был и по приезде мог бы дать более полную информацию о делах в Швеции».

По пути из Стокгольма я сделал остановку в Хельсинки. Было темно, я устроился в какую-то гостиницу, а на всякий случай позвонил А.П. Кузнецову, помощнику А.А. Жданова, сообщив, что я здесь проездом. Заснул. Часа в три ночи звонок: «Вас просит зайти товарищ Жданов. Машина послана». У приемной недоумение: «Не знаю, зачем. Проходите».

А.А. Жданов встретил меня у двери. Заметно погрузневший во время войны он был в расцвете сил. Усадив за стол, принялся рассказывать об обстановке в Финляндии.

– Расскажите там, в Москве, что положение сложное, каждый куст стреляет, и только начинаем завязывать личные отношения.

Потом говорил о впечатлениях офицеров и солдат, побывавших в Европе.

– У нас, конечно, не та высота развития. А все ли так понимают? Космополитизм и забвение интересов родины – сейчас самое опасное во внутренней жизни.

И Жданов несколько раз возвращался к тому, что я должен рассказать об этом в Москве. Я не понимал, кому я должен это рассказывать.

Через час А.А. Жданов вылетал в Ленинград, и предложил мне лететь вместе с ним.

На аэродроме было ветрено и сумрачно. Командир корабля, по внешнему виду похожий на донского казака, переминался с ноги на ногу.

– Погода нелетная, товарищ член Военного совета. Лететь нельзя.

– Мне срочно в Москву. Долетим до Ленинграда?

– Так точно. Но будем лететь над морем у кромки берега. Туман прижимает, видимость 50 метров.

Жданов ушел в передний отсек, забрался на вторую полку и заснул. Я смотрел в окно на бушевавшие волны, самолет здорово трясло, и я стучался головой о потолок, хотя был привязан к сиденью. Показались окраины Ленинграда.

Ленинград сильно пострадал от артобстрелов и блокады. Руководители города устроили мне радушный прием, покатался на машине по городу, очень изменившемуся за годы войны. Вечером я был на концерте в филармонии. Дирижировал высокий и стройный Евгений Александрович Мравинский. Долго не слышал я такой музыки.

– Вас приглашает за сцену дирижер Мравинский, – услышал я. Он провел при мне разбор исполнения оркестром концертной программы: один пропустил паузу, другой хорошо исполнил сольную партию, третий не уловил на таком-то такте оттенков звучания. И все это с чувством вдохновения. Меня удивило личное внимание ко мне Мравинского. Как выяснилось, он – племянник Коллонтай, сын артистки Мариинского театра Мравиной, отсюда его фамилия – Мравинский. Коллонтай много говорила мне о рано умершей талантливой сестре, но о Евгении Александровиче никогда не упоминала.

По прибытии в Москву меня сразу же принял В.М. Молотов.

– Есть мнение назначить вас послом в Швецию ввиду тяжелой болезни Коллонтай.

– Ни в коем разе! – воскликнул я. – За эти годы я надоел шведам, шведы надоели мне. С перемещением битв в Западную Европу Стокгольм уже превращается в провинциальный город. Идет смена кадров в дипломатическом корпусе, почти все страны отзывают активных работников. Остается Финляндия, но там у нас особое представительство, и роль Швеции будет уменьшаться.

– Чего же вы хотите? – удивленно спросил нарком.

– Я – германист. Хотел бы принять участие в работе органов военной администрации в Германии.

– Но ведь там идет война.

– Война к концу. Надо готовиться к переходу от войны к миру. Это сложное и необычное дело.

Спустя пару дней Молотов сказал:

– Ваши соображения приняты во внимание. А пока Вы назначены советником при наркOME иностранных дел с ориентировкой на германское направление. Разбирайтесь в обстановке, давайте соображения.

Готовясь к новой работе, я встречался с Г.М. Димитровым, работниками Политуправления Красной Армии. Связался с наркоматами и ведомствами, которые могли иметь касательство к германским делам. Зарылся в архивы НКВД, в литературу об опыте оккупационной работы разных государств в первую мировую войну, об оккупационной политике Наполеона I во времена итальянских походов, занятия прирейнских областей после его коронации. Встречался с историками, писавшими о Германии, с людьми, знавшими и изучавшими эту страну. Ясно, что впереди была беспрецедентная работа, ибо гигантская, самая жестокая и опустошительная во всемирной истории война могла окончиться лишь крупномасштабными, беспрецедентными решениями.

Вполне понятно, что во всех наркоматах и ведомствах царил обстановка продолжавшейся тяжелой войны и восстановительных работ на выжженных гитлеровцами территориях Советского Союза. Кроме того – и это опять-таки было понятно – соблюдалась строжайшая секретность и запрещалось общаться по крупным вопросам политики с кем бы то ни было и о чем бы то ни было. Должность советника при наркомате иностранных дел СССР без оперативных функций раскрывала передо мной двери многих кабинетов, но мои собеседники слушали меня и смыкали уста, если я осторожно спрашивал об их работе и планах. Да и вопросов задавать не полагалось, это я вполне понимал.

В литературе и архивах – ветер и свист. Сохранились записи лишь о курьезных случаях. Во времена войны говорило оружие, об оккупационных делах крайне жидкий материал. Оккупационную линию Наполеона I общими штрихами обрисовал французский писатель Стендаль, бывший офицером в императорском штабе. Красноречивые документы о приказах императора и поведении французской армии в Москве 1812 г. приводятся в записках и романе Л.Н. Толстого «Война и мир». Император Наполеон I не имел обдуманной оккупационной политики в России, а то, что делалось, носило негативный, отрицательный характер. В дипломатических архивах царской России ничего практически обнаружить не удалось. В мемуарах политиков и дипломатов Англии и Франции о первой мировой войне – лишь отрывочные замечания.

Может быть, так оно и лучше: ведь перед Красной Армией, советским государством и советским народом вставала непостижимая по своей громадности затея.

Шла самая кровопролитная и опустошительная война в мировой истории. Повсюду подымался и крепчал шквал страстей, чаяний, надежд, интересов и стремлений. И даже когда смолкли пушки и были подписаны и вступили в силу первые послевоенные соглашения держав антигитлеровской коалиции, разбушевавшийся океан страстей долго сотрясал страны и континенты всего мира в разных наклонениях и поворотах.

Россия и Германия, Советский Союз и союзные государства и уползавший в свою берлогу тяжело раненый рейх в обломках планов «нового порядка» в Европе и в мире – такого ландшафта еще не знала мировая

история. И нужен был орлиный взгляд, чтобы не только схватить весь этот ландшафт, но и зорко увидеть подробности всюду, где только можно было видеть.

Сейчас принято писать и говорить о начале войны. А высшее напряжение всего сосредоточивается, как свидетельствует опыт истории, в ее финале.

Запомнилась встреча с Георгием Михайловичем Димитровым, бывшим тогда Генеральным секретарем Исполкома Коминтерна. Молодой, энергичный, весьма эрудированный и хорошо знавший условия жизни в Германии Г.М. Димитров был одним из организаторов движения Сопротивления в странах Западной и Центральной Европы, находившихся под фашистской оккупацией либо входивших в гитлеровскую коалицию. Он тесно общался с И.В. Сталиным и проводил в последнюю фазу войны стратегическую линию Коминтерна, направленную на создание антифашистского народного фронта. Широко известный в стране и мире как герой Лейпцигского процесса, превративший суд над Германской Компартией в 1934 г. в суд над Герингом и другими заправилami фашистского режима, Георгий Михайлович поставил передо мной ряд вопросов, которые надлежало обдумать в новой исторической обстановке. Он подчеркивал, что Гитлеру и его близким удалось создать в Германии настроения в пользу фашистского режима двумя методами: во-первых, путем насилия и жестокой расправы над демократическими силами в стране и, прежде всего, Компартией, которая сумела на президентских выборах 1932 г. собрать за своего кандидата Эрнста Тельмана более 4,5 миллионов голосов; во-вторых, путем социальной и националистической шовинистической политики и пропаганды.

Помощник Г.М. Димитрова профессор В.М. Хвостов рассказывал мне потом, что Димитров очень высоко отзывался обо мне как о перспективном работнике. Он обратил внимание на мою склонность к теоретическим обобщениям практического характера и высокую работоспособность. Я только потом мог оценить это внимание, ибо Димитров, несомненно, имел прямое отношение к выработке главных положений, легших в основу курса антифашистско-демократических сил в Германии после ее освобождения от гитлеровской тирании.

Германии уделялось особое внимание, поскольку рейх был тем деревом, повалив которое можно было быстрее покончить с сучьями и побегами других фашистских течений и партий, выросших вокруг рейха и гитлеровской коалиции.

Для меня оставались скрытыми работа 7-го отдела Политического управления на фронтах и в армиях, деятельность Союза немецких офицеров в Красногорске и другая многообъемлющая деятельность, связанная с политической обстановкой, складывающейся при активном участии антифашистов в разных странах Европы. В отличие от моего будущего «напарника» – американского политического советника при американской военной администрации Роберта Мерфи, я не принимал участия в работе

Европейской Консультативной Комиссии в Лондоне, которая в течение 1944 г. вырабатывала основные положения документа о совместном управлении союзными державами Германией после ее капитуляции. Этот документ, получивший позднее название «Декларация о поражении Германии», был подписан в Берлине 5 июня 1945 г.

Мне пришлось также участвовать в комиссии по репарациям, где мне было поручено подготовить материалы по культурному ущербу, нанесенному нашей стране гитлеровским нашествием. А ущерб этот был колоссальный. Очень сильно пострадали музеи и церкви; специальные отряды «золотых фазанов» вывозили в фонды Геринга громадные ценности и в их числе древние иконы. Подсчет был, конечно, приблизительный, ведь сведения с мест были скудные.

Данные о потерях нашей страны от гитлеровской оккупации были опубликованы от имени Чрезвычайной комиссии. Но предложения комиссии по репарациям, которую возглавил вернувшийся из Лондона посол И.М. Майский, были решительно отклонены как политически и фактически несостоятельные. Я находился в кабинете Молотова, когда ему позвонил Сталин и спросил:

– Куда бы назначить Майского? Может быть, членом Академии Наук СССР? Есть у него научные работы?

Молотов отвечал, что есть небольшие исследования по Монголии и какие-то статьи по проблемам международного рабочего движения.

– Ну, что ж, пусть посидит академиком, если нет другой работы. Так И.М. Майский стал звездой первой величины в науке.

В ночь на 11 апреля 1945 г. в комнату Наркоминдела, где я работал над материалами, вошел военный:

– Следуйте за мной, – повелительно сказал он.

Затемненная шторами машина пошла непривычным маршрутом – прямо через Красную площадь, Спасские ворота, мимо подъезда Совета Народных Комиссаров, за угол. Офицеры патруля внутри здания подолгу рассматривали мои документы и меня, словно в них было что-нибудь не такое. В приемной комнате, обшитой до потолка дубовой фанерой, как было тогда принято, ко мне подошел бритоголовый, невысокого роста А.Н. Поскребышев и приветливо сказал:

– Вас приглашает товарищ Сталин.

Поджидая, увидел некоторых членов Политбюро и ГКО, стоявших кругом. Я смущенно пристроился около А.А. Жданова. В кабинет Сталина прошел Молотов и, увидев меня в пестром шведском костюме с цветастым галстуком, только крякнул (как я узнал потом, Сталин не любил пестрых одежд).

И вот я в кабинете Сталина, которого впервые встретил лично. В начале 30-х гг., стоя в студенческом оцеплении у трибуны мавзолея В.И. Ленина, видел его веселым и молодым – он шел, чему-то улыбаясь, своей легкой походкой горца, а в некотором отдалении – другие члены Политбюро. А в кабинете ночью 11 апреля ко мне подошел поседевший,

несколько грузный, знакомый по портретам 66-летний человек, одетый в темный военный френч без воинских знаков, в мягких стоптанных сапогах. Он подозвал Молотова, Вышинского и поручил им составить проект по какому-то вопросу, мне неизвестному.

Молотов и Вышинский быстро ушли, а я остался в кабинете в своем нелепом костюме.

Сталин посмотрел на меня с улыбкой через рыжеватые усы и продолжал свою работу. Предстояла одна из самых крупных и сложных операций войны – форсирование реки Одер и развитие наступления нескольких фронтов на Берлин и другие районы Германии. В конце войны Сталин разослал всех ведущих военачальников в зоны боевых действий (Жукова, Конева, Василевского, Рокоссовского, Баграмяна и других) и принял на себя координацию операций всех фронтов на этом решающем направлении. К тому времени в немецкой действующей армии насчитывалось 5,3 млн. человек. Действующая Красная Армия насчитывала около 6 млн. человек, имея превосходство в артиллерии, танках, авиации. Было ясно, что территорию западнее Одера–Нейссе враг будет удерживать с отчаянным упорством.

На заседании ГКО той ночью рассматривался окончательный план операций по взятию Берлина. Стройный, красивый, интеллигентный, немногословный генерал армии Антонов докладывал план операции 1-го Белорусского фронта по карте, развернутой на широком длинном столе. Сталин около трех часов внимательно слушал доклад, всматривался в карту, расспрашивал о расположении армий, дивизий, некоторых полков, об их командирах, называя многие фамилии. По ходу доклада высказывал соображения и вносил коррективы. Просьбу командующего 1-м Белорусским фронтом маршала Г.К. Жукова подкрепить его дополнительной артиллерией Сталин жестко отвел:

– Что он хочет – всю советскую артиллерию к себе собрать? Пусть использует зенитные пушки по наземным целям...

План в целом ГКО утвердил.

Потом, не теряя ни секунды, Сталин принимал приглашенных им по другим делам работников.

Исполняющий обязанности начальника разведывательного Управления Генштаба генерал И.И. Ильичев докладывал Сталину о допросе пленного румынского генерала. Потом прошли короткие доклады Берии, заместителя председателя СНК В.А. Малышева, некоторых других. Отдельные разговоры шли между присутствовавшими по оперативным делам членами ГКО.

С проектом документа подошли Молотов и Вышинский. Сталин прочитал, кивнул головой и сказал:

– Мы хотим, товарищ Семенов, послать Вас начальником особой правительственной группы к командующему 1-м Украинским фронтом Коневу. Когда сможете вылететь?

– Сегодня утром, – ответил за меня Вышинский.

– Ну, чего же Вы торопитесь, побудьте денек с семьей, сходите в театр.

– Я долго ждал поручения. Разрешите вылететь утром, – возразил я.

– Ну, что ж, коли Вы торопитесь, желаю успеха. Идемте, покажу, куда Вам лететь.

И рядышком в комнате отдыха, где стояла простая железная кровать, Сталин придвинул к огромной карте зоны военных действий армии Конева стул, влез на него и показал пальцем:

– Заган. Там вас встретит генерал армии Иван Ефимович Петров. Докладывайте мне шифром, если будет необходимо.

Эпизод со стулом разрушил психологическую перегородку, сделал все яснее и по-человечески проще.

Итак, за несколько дней до решающей Берлинской операции 16 апреля я прибыл в ставку маршала И.С. Конева начальником особой правительственной группы по выполнению приказа Верховного Главнокомандования о нормализации жизни немецкого населения в районах, освобожденных войсками 1-го Украинского фронта. Командующий фронтом маршал И.С. Конев и начальник штаба фронта генерал армии И.Е. Петров тепло встретили нашу группу молодых советских дипломатов, работавших перед войной в Германии. И.Е. Петров предоставил нашей группе особняк с отдельной шифровальной группой для прямого доклада Центру. Первые недели мы занимались практическими делами по выполнению приказа Верховного Главнокомандования о нормализации жизни немецкого населения.

25 апреля я поехал в штаб-квартиру командующего 1-м Украинским фронтом маршала И.С. Конева, по пути попал в разгар сражения с засевшей в Дубнинских лесах крупной группировкой гитлеровских войск, выбрался окольным путем к Коневу. Доложив о своем прибытии, прождал более получаса приема среди сновавших в кабинет генералов и офицеров, потом, решительно отстранив загородившего дверь дежурного генерал-адъютанта, вошел в кабинет Конева. Он говорил сразу по десятку телефонов и озадаченно уставился на меня, одетого в затрапезный гражданский костюм.

– А, Семенов! Мне звонил о Вас товарищ Сталин.

Конев был в курсе приказа о моем новом назначении. Мы коротко обсудили ход действий. И тут же он стал расспрашивать меня о Берлине, о городских районах, где шли бои.

– Вы знаете Берлин? Веллендорф?

Я пояснил, что это район аристократических особняков.

– Так чего же вы там копаетесь. Быстрее продвигайтесь к центру, – резко скомандовал по селектору маршал.

– Пойдемте обедать, – предложил он.

За обедом, веселый и довольный, Конев запел красивым тенором русскую народную песню «Степь да степь кругом...». Приглашенные к столу участники фронтового ансамбля песни и пляски дружно подхватили припев.

Напряжение снялось, как рукой. Я нередко наблюдал и потом И.С. Конева при решении политических вопросов. Обладая пытливым и острым умом, он быстро ухватывал существо обстановки, находил

интересные решения. Такая особенность подмечалась мною и во многих других военачальниках.

По дипломатическому рангу я был посланником второго класса и на посеребрянных погонах без полос три звезды. Колонны советских воинов, шедшие по улицам погоревших городов, парадным строем маршировали мимо меня, обернув ко мне головы по возгласу офицера: «Смиррррно». «Генерал-полковник» – так прозвали меня в армии...

В памяти остались потрясающие картины: пожарища, развалины домов, кое-как одетые жители, скопления голодающих людей у солдатских кухонь с разливным супом.

Особенно страшная картина в Дрездене. Сильное весеннее тепло с разлагающимися после мартовской англо-американской бомбардировки под развалинами города четвертью миллионов трудов создавало нестерпимое зловоние. В одном из уцелевших зданий заседание Военного совета фронта с участием представителей ЦК Компании Германии А. Аккермана и Г. Собботки. Начальники служб тыла, командиры саперных и санитарных служб, коменданты городов и районов докладывали о положении и мерах по нормализации жизни, разборе руин, налаживании торговли и др. Доклады были четкие и скупые, советские командиры имели опыт налаживания нормальной жизни в опустошенных советских городах и селениях и старались применять его здесь, на немецких территориях.

Резкое столкновение произошло у меня с начальником фронтовой службы «Смерш» Мешиком – заместителем начальника контрразведки СССР Абакумова, который подчинялся непосредственно члену Политбюро Л.П. Берия. При обсуждении персонального состава организовывавшихся немецких органов самоуправления Мешик предлагал кандидатуры по своим соображениям, не считаясь с протестантским по преимуществу составом населения. Группа германистов, которую я возглавлял, представила с учетом местных особенностей другие предложения. Мешик грубо отводил наши соображения, применяя нелитературные выражения. Я потребовал прекращения вмешательства в эти дела и пригрозил доложить И.В. Сталину. Эпизод имел нужные последствия: органы «Смерша» перестали мешать работе по выполнению приказа Верховного Главнокомандования, хотя Мешик запомнил инцидент и затаил на меня злобу.

Позднее Жуков, Соколовский, Чуйков и я не подпускали органы КГБ к делам Советской Военной Администрации (СВАГ), требовавшим конкретного знания обстановки. Как подтвердили последующие события, Берия имел свою «линию» в германском вопросе, но, опасаясь Сталина, не высказывал ее до самой смерти Сталина. Изогранный и ловкий интриган, Берия отомстил Г.К. Жукову и В.М. Молотову, добившись еще при Сталине их временного фактического отстранения от дел.

Нормализация жизни при разрухе, подобной той, которую я наблюдал в Дрездене, была трудной задачей. Энтузиазм местных жителей и советских солдат, участвовавших в выполнении одной и той же нераздельной операции – уборке развалин, из-под которых санитары уносили разлагавшиеся трупы,

вызывала своеобразное повышение жизненной энергии. Санитарные службы армии предупреждали распространение эпидемий. Поощрялось восстановление частных лавочек для торговли нужными населению товарами. Жестко наказывались случаи насилия солдат над местными жителями.

Мне приходилось бывать днями и ночами в помещениях советских военных комендатур. Они были переполнены людьми. Советские коменданты – как правило, строевые офицеры – терялись в толпе просителей. Главными были задачи снабжения населения, но приходили советоваться и по семейным делам, монашки просили лампадное масло...

Но вот подписан акт о безоговорочной капитуляции Германии. Война позади. Наши войска в Берлине. Но за этой победой надо было одержать другую, не менее важную победу – создать такие условия, чтобы больше с немецкой земли не возникала агрессия.

Трудная и длительная борьба за эту вторую победу велась и за столом дипломатических конференций, и в прокуренных комнатухах советских комендантов и органах Советской Военной Администрации. Людям, не пережившим то незабываемое время, трудно даже представить себе ту ситуацию. Многим она казалась тогда почти неразрешимой...

Личный архив Е.В. Семеновой, дочери В.С. Семенова. Подлинник.

№ 1418

Из дневников В.С. Семенова²¹⁴

1963-1978 гг.

1963 г.

26 октября. Всю свою жизнь мне пришлось быть свидетелем или участником, пожалуй, всех крупнейших событий поколения. Люди, которых знал, Бог знает какие... Были и хорошие, и плохие, и крайне отвратительные, изверги рода человеческого... Молотов, Сметона²¹⁵ (Литва), Гитлер, Геринг, Риббентроп, Вайцзеккер²¹⁶, Деканозов, Вышинский, Лозовский, Коллонтай, шведский король²¹⁷, Мартин Андерсен-Нексе (любимый старый друг мой), В. Пик, Ульбрихт, Гротеволь, Жуков, Соколовский, Толбухин, Чуйков, Эйзенхауэр, Монтгомери, де Латр де Тассиньи²¹⁸, Клей²¹⁹, Робертсон²²⁰, Киркпатрик²²¹, Бертольд Брехт, И. Бехер²²², Нагель²²³, Конев, Пушкин²²⁴, Киселев²²⁵, Громыко, Смирнов²²⁶, Черчилль, Эттли, Бидо²²⁷, Ориоль²²⁸, Тольятти, Сталин, Каганович, Хрущев, Косыгин²²⁹, Микоян, Курчатов, Федин, Шостакович, Леонов²³⁰, Кеннеди, Аденауэр, Раск²³¹, Стивенсон²³², Твардовский, Кув де Мюрвиль²³³, Больц²³⁴, Шепилов²³⁵ (Ноев ковчег), Корин²³⁶, Кузнецов В.В.²³⁷ (мой сосед), Асеев²³⁸, Ливанов Б.Н.²³⁹, Ромадин²⁴⁰, Нисский²⁴¹, Сатюков²⁴², Степанов²⁴³, Аджубей²⁴⁴, Андропов, Пономарев, Абрамян²⁴⁵, Мясников²⁴⁶, Насер²⁴⁷, император эфиопский Хайле Силассие, Амер²⁴⁸, Анвар Садат²⁴⁹, шах и шахиня²⁵⁰, король афганский М. Дауд,

Герхардсен²⁵¹, Паасикиви, Кекконен, Гомулка, Геориу-Деж, Чжоу Энь-лай, Рааб²⁵² (Австрия), Крайский²⁵³, Иден, Хьюм²⁵⁴, Сукарно, Секу Туре, Д. Неру, Ракоши, Кадар, Готтвальд, Мэрфи²⁵⁵, Добрынин²⁵⁶ (молодой, но очень способный), Зорин²⁵⁷ и многие, многие другие. По каждому можно было бы писать «мимо-ары» и все они вертятся в каком-то бешеном водовороте жизни: одни – великие в делах своих, другие – напротив, а третьи – просто любопытный осколок эпохи. Пишу одни лишь имена, а мимо проходят дни минувшей жизни моей, словно книга какая, полная сказок, чудес и страшных событий.

А попробую теперь по событиям, в которых участвовать пришлось. Все развлечение, лежа в постели. Смерть В.И. Ленина. Ликбез²⁵⁸. Струнный оркестр при клубе. Комсомольские годы – уком, окрком, обком. Каширская ГЭС. Донбасс-Ровеньки (уголь, по мобилизации). Завод «Динамо». МГУ, МИФЛИ. Ростов-н[а]-Д[ону]. Пединститут. Наркоминдел (не забыть – Потемкин²⁵⁹). Литва и Прибалтика (не забыть – А.А. Жданов²⁶⁰). Гитлеровская Германия и начало войны. Эвакуация через Турцию. Куйбышев. Швеция. Оккупация Германии (главная часть жизни). Москва. 17 июня 1953 г.²⁶¹ Венгерские события. Перелом в партии и разгром группировок. Казнь Берии, Кобулова²⁶², Деканозова и др. Суэцкий кризис. И дальше все события последних лет, когда я все больше больной (с 1958 г). Смерть Жени²⁶³. Пустота вокруг. А тут Лика²⁶⁴ – и снова жизнь?! Что впереди?! Кривая дорога, вперед не видать. [...]*

Президент сел в кресло-качалку, которую я видел на снимках Рузвельта и которая была сантиметров на 30 выше всех остальных стульев и диванов. Мне почему-то вспомнилось, как американцы устраивали в 1945 г. в Западном Берлине для своих военных комендантов специальные помосты, так что их стулья были непременно выше стульев, на которых располагались немцы. [...]*

Кеннеди начал разговор с воспоминаний о том, как он в толпе журналистов брал у Громыко в 1945 г. какое-то интервью – и это говорилось тоже не совсем по-президентски. А[ндрей] А[ндреевич] помнил эту встречу, и можно было представить себе, как 35-летний советский посол давал какое-то интервью 25-летнему журналисту в толпе этих шумных и проворных искателей новостей. [...]*

Когда мы на пути из Нью-Йорка, услышали по радио голос этого человека на шотландском аэродроме в Прествике, этот голос был злой, отрывистый, с придыханиями и затаенным беспокойством. Мне это отчасти напомнило другой голос – в Берлине 22 июня 1941 г.²⁶⁵

10 декабря. Второй день пленума ЦК. Сижу рядом с П.Н. Поспеловым²⁶⁶. [...]*. Потом говорил с маршалом Чуйковым. Он жаловался, что поджимает сердце. Пишет третий том мемуаров о конце войны (1944-1945 гг.) Говорит, что получает из заграницы по первому тому кучу писем, которые «у нас вообще невысказаны, так как это похоже на культ личности». Сетовал, что у нас не дают времени писать, а если пишет кто, то говорят: «Надо его загрузить, а то он пишет». Поэтому для мемуаров

остается только ночь или выходной. В.И.²⁶⁷ рассказывал, что у Соколовского плохо с сердцем, частые приступы. К его «Военной стратегии» много придинок, на которые он отвечал спокойно: «Я дал, что мог, а больше не могу». Жена Соколовского, Анна Петровна, почти все время болеет.

1964 г.

13 марта. В машине думал – хорошо бы написать очерки о современниках старшего и младшего поколения. Например, Вышинский. Он прогремел во время процессов троцкистов и бухаринцев своими речами и манерой допроса. До того был профессором МГУ. Как генеральный прокурор присутствовал при всех расстрелах в Москве и удостоверял смерть осужденных. Вспоминал, как в подвале Лубянки собралась изрядная группа оппозиции и ввели молодого партработника, который озорно и с недоумением воскликнул: «Е... т... м..., куда я попал!..». Потом повели всех, и он получил через глазок в стене положенную ему пулю. Об этих делах он знал много и только изредка пускался в отрывочные воспоминания.

Мое первое знакомство с ним было осенью 1941 г. Тогда в НКВД шло негласное состязание за то, кто будет первым по влиянию на В.М.²⁶⁸ – Деканозов или Вышинский. Первый был силен близостью к органам и лично Берия, второй юридической подготовкой и способностью быстро ориентироваться и формулировать. Пока шло формирование аппарата НКВД, на первом плане был Деканозов, который отличался способностью замечать перспективных людей и двигать их без табеля о рангах, но был груб и окончил только первый курс мединститута. Потом выдвигался на передний план Вышинский, отчаянно борясь с Деканозовым. У Вышинского еще остались прокурорские привычки и, распекая нас за ошибки в документах или просто по скверному настроению, кричал: «Я посажу вам бубнового туза на спину». Не зная, что это такое, я недоумевал, а получив от товарищей краткое пояснение, только хлопал от удивления глазами. Мне все казалось тогда у нас разумным и целесообразным и я считал даже это наполненным таинственного смысла. Впрочем, я познакомился с Вышинским еще в Прибалтике, т.е. летом 1940 г. Об этом потом.

14 марта. Продолжу немного о Вышинском. Впервые его встретил, теперь припоминаю, в Латвии, летом 1940 г. Я был советником полпредства в Литве и вместе с Деканозовым поехал на совещание в Таллин, где был представителем ЦК А.А. Жданов. В Риге присоединился Вышинский. Он показался тогда очень внимательным и любезным человеком, особенно обходительным с обслуживающим персоналом железной дороги и т.п. В Таллине мы были свидетелями антисоветской демонстрации и перестрелки у здания Посольства. Во время перестрелки Жданов упорно не хотел уходить с балкона Посольства, подставляя себя под пули как живую мишень. Мы с Вышинским старались утащить его с балкона или, по крайней мере, прикрыть собою. Тут В. показал себя как лично храбрый человек.

На совещании Жданов председательствовал необычно – он объявил, шутя, открытым «заседание Красной Балтийской Антанты» и вообще каждые 3-4 минуты взрывы хохота господствовали в зале. По молодости лет, меня

все принимали за секретаря, и Жданов произнес даже тост за секретарей, «без которых мы вообще не смогли бы работать». Подготовленный мною в Каунасе проект закона о земельной реформе был принят за образец по всем странам Прибалтики. Тут я впервые на крупном деле убедился, как важно изучать теорию (аграрного вопроса) для практических дел.

Вообще в Каунасе мне приходилось в те дни работать по трое суток, не выходя из кабинета: формировать состав Правительства, разговаривать с кандидатами на замещение ключевых постов, вплоть до начальников крупных ж.-д. станций и т.п. Но это уже особая часть «воспоминаний».

30 апреля. Вчера приехала Лика, и мы (с Вале²⁶⁹) пообедали в ресторане Дома журналистов. Там встретили проф. Хвостова В.М.²⁷⁰ и Земскова И.Н.²⁷¹ Хвостов рассказал эпизод, который мне был неизвестен. Помнится, в 1944 или 1945 г. я был по какому-то небольшому делу у Г.М. Димитрова. Это было в Международном отделе ЦК. Большой кабинет, кожаное кресло, плотный живой человек с усами, известными всему миру. Он что-то мне говорил, жестикулируя и подчеркивая значительные места речи. Хотя встреча эта по содержанию была малозначительной, я почему-то запомнил ее навсегда (как и аналогичную моментальную аудиенцию у В.П. Потемкина, напоминавшего мне умного вельможу екатерининских времен). Так вот Хвостов рассказал, что Г.М. Димитров дал мне после беседы очень лестную оценку. Я возразил, что разговор-то был односторонним, т.к. я больше молчал. «Видимо, он знал Вас по материалам», – отметил В[ладимир] М[ихайлович].

10 мая. 8 ч. утра. На днях я слышал на приеме разговор военных (Малиновский²⁷², Бирюзов²⁷³) и цекистов (Микоян или Подгорный²⁷⁴) о Сталине и Германии. Военные критиковали, что в Калининградской области разрушены ирригационные каналы. «Это вы так разрушили, что с тех пор не восстановили», – возразил Микоян. – «Нет, Сталин сознательно разрушал. Он не верил, что мы останемся в Германии, и боялся, что все это снова будет против нас». – «Да, иначе нельзя понять, почему разрушали». – «Он верил и не верил. У него было две установки. Даже если бы мы не удержались в Германии, то это было бы величайшей победой для России. Понимаете? Но не для коммунистов».

14 мая. Почему-то вспомнился прием в конце войны в особняке МИДа. Как-то в проходе, окруженный несколькими сотрудниками, смотревшими ему в рот, стоял огромный, полный и уже тяжело больной А.С. Щербаков²⁷⁵. Я никогда не встречал его ни до, ни после этого, но врезались в память его громадная фигура и любопытствующий взгляд, обращенный на меня, совершенно незаметного тогда масенького молокососа... Ясно, что это новое поколение, идущее на смену, и любопытно, что оно такое, и грустно немного, что своя-то жизнь уже проходит, и бури гремят уже над другими крышами – правда по соседству, да и тебе еще перепадает, но бьет гроза уже дальше от тебя – и это немножко жалко, хотя хватило-таки гроз и на нашу долю.

Я часто встречаю на приемах людей уходящих времен. Маршал Еременко – простой и симпатичный человек, с открытой душой и

непостижимой симпатией (взаимной), Соколовский – один из наибольших умниц нашей армии, несмотря на болезнь упорно работающий над капитальными трудами о военной стратегии и военном искусстве, Рокоссовский – худой и полужастенчивый человек (с двумя инфарктами), некогда кумир патриотической России и всех девиц ее, Чуйков – замминистра обороны, с одышкой и усталым взглядом, говорящим о скором уходе на покой, и др. А тут же новые, деятельные люди вроде Бирюзова, Гречко, Аджубея и его друзей, Толкунова, Андропова (бедняга болеет гипертонией часто) и др. Смена эпох, смена поколений. Это – живая история, вызывающая уважение к себе по величию прошлых и настоящих действий.

Американский посланник прислал мне обширные воспоминания Мэрфи²⁷⁶ – он прожил очень красочную жизнь и был в центре дипломатических интриг во время войны и долго после нее. Среди многих фото есть и моя 1945 г. – вместе с Соколовским, Жуковым, Монтгомери, Эйзенхауером, Кенигом и Мэрфи. Теперь это уже почти древняя история. И я там такой молодой и задорный, а брюки длинные-длинные – видно, никто не присматривал за нами, они даже волочились по земле.

Счастливые, боевые дни. Я даже не сознавал тогда их значения и своего счастья. Одна работа – день и ночь.

1965 г.

[...]*. 15 мая. С 7 по 12 мая был в ГДР в составе партийно-правит[ельственной] делегации, возглавлявшейся А.Н. Косыгиным. [...]*. В поездке сблизился с Председателем Президиума Верховного Совета Белоруссии В.И. Козловым, организатором партизанской войны в тылу немцев. Он рассказывал о двух встречах со Сталиным во время войны. «Он сказал мне, что есть предложение военных о снабжении партизан танками, артиллерией и др. Они, мол, не учитывают природы партизанской войны и только прикрепили бы вас на место. А вся суть партизан в нападениях на слабые пункты, в отходе и неуловимости». Сталин посоветовал взять легкое оружие, мины и др. Словом, он лично вникал в дело, отнюдь не играя роли орудия «специалистов». «А Хрущев держался в тени и боялся Сталина».

Ту же мысль, но с большой горечью и презрением развивал зам. пред. Совета Министров Украины Н.Т. Кальченко. [...]*.

20 августа. Сегодня на приеме в Кремле имел неожиданно интересный разговор с К.Е. Ворошиловым. Он изредка появляется еще на приемах, плохо слышит, хотя и выглядит хорошо, загоревший и крепкий. Сказал, что много ходит (по 12 км в день), и в этом его спорт, а стоять на приемах не может (видно, кровообращения не происходит так, как при ходьбе). Вначале разговор был малоинтересным: всякие рассуждения насчет конголезцев и их возможном высоком развитии в будущем, когда преодолению нищеты. Затем я заметил, что давно не видал В.М. Он отозвался: «Я тоже давно его не видал. Они все примякли». Я сказал, что несмотря ни на что уважал и уважаю его. «Да, это крупный деятель. Хотя он сыграл нехорошую роль со Сталиным».

«Видите, Сталин был очень оригинальный человек. Он привыкал к людям и верил им, если раз поверил. А В.М. ездил в Берлин после

заклучения договора с немцами²⁷⁷, провел там хорошие переговоры и наговорил Сталину, как его принимали, а принимали хорошо. И Сталин поверил немцам. Когда Черчилль прислал первую телеграмму, что Гитлер готовит нападение на нас, Сталин не поверил. Он выругался матерно на него (любил ругаться матерно!) и сказал, что этот старый черт интригует. Потом Сталин получил вторую телеграмму от Черчилля о том же. Он подошел ко мне и сказал: «Опять твой старый друг болтает, что немцы нападут на нас». И снова обругал Черчилля. Я сказал: «Он мне такой же друг, как и тебе. А почему ты думаешь, что они не нападут?!». Мы ехали тогда в машине. Сталин отрицал, ссылаясь на договор, он верил в него. А наутро немцы напали на нас, и Черчилль был прав... Он хотел предупредить нас, позднее у него были очень хорошие отношения со Сталиным. Сталин так расстроился, что слег в постель... На него так подействовало вероломство немцев. Мы бы никогда этого не сделали – нарушить договор спустя несколько месяцев после подписания!.. Это подло. Только постепенно Сталин овладел собой и поднялся с кровати. И вот в это время В.М. стал говорить, что надо прогнать Сталина, что он не может руководить партией и страной. Мы ему стали объяснять, что Сталин доверчив и у него такой характер. Но Молотов слышать не хотел, он не понимал особенности Сталина. И так далее...

Потом К.Е.²⁷⁸ взглянул на меня так, будто хотел заглянуть в самую душу: «А Вы думаете правильно поступили со Сталиным? После смерти?».

Я ответил, что с самого начала думал и продолжаю думать, что поступили неверно, хотя сужу об этом с других позиций – нельзя сбивать с толку молодежь и развенчивать партию.

«Совсем неверно, – горячо заговорил К.Е. Ведь Сталин стоял у руководства партией 30 лет. 30 лет вел без Ленина по ленинскому пути. И построили другую страну. Надо понять, тогда обстановка совсем другая была, чем сейчас: много было подлых людей, вроде Троцкого, да и в правительстве не было единства. Многие не хотели признавать руководства Сталина. Что же ему оставалось делать?! Ведь если подсчитать, сколько он арестовал и сколько этот... (он не хотел называть даже имени Хрущева), то, я думаю, разницы большой не будет. А страна была другая тогда...».

Я заметил, что Сталин сделал ошибки с репрессиями.

«А Вы думаете, другие не делают ошибок. Все делают ошибки, людей без ошибок не бывает. Это сказки. Надо видеть жизнь, как она есть...».

К нам подошли конголезские женщины, с ними А.И. Микоян, и разговор оборвался. Но я увидел К.Е. с другой стороны, чем прежде, и понял, почему Г.М. Пушкин так ласково о нем говорил. Ведь К.Е. при мне говорил Хрущеву в лицо примерно то же самое, и схватки были жаркие до невозможности. Искренность и честность, а теперь и одиночество, и горечь воспоминаний почувствовал я из этой короткой и неожиданной беседы всей душой. И как сейчас вижу одинокую фигуру К.Е., еще хотевшего продолжить беседу нашу, но меня и его закружило сутолокой приема и продолжения не состоялось. [...]*

1966 г.

20 ноября. История вообще покрывается легендами много позже, а непосредственными участниками она воспринимается как нечто обычное и даже утомительное. Помню, как во время Потсдамской конференции многие умирали от желания выспаться, так как не спали по несколько суток. С.П. Козырев²⁷⁹ засыпал прямо в кресле в секретариате В.М.

С другой стороны, внешне ничем вроде не примечательные люди неожиданно совершают важные дела, которые позднее приписываются «героям»! Я знал члена Военного совета фронта у Жукова – генерала армии Телегина. С виду обычный, курносый человек с вострижкой во взгляде и лице. Он был разжалован в 1946 г. по какому-то неблагоприятному делу, но потом реабилитирован служебно, хотя остался в отставке.

Недавно мне рассказали эпизод из жизни этого человека. В дни острых боев за Москву ему, небольшому чину штаба МВО, сообщили по телефону, что на Москву идет прорвавшаяся танковая часть немцев. Телегин позвонил Берии. Но тот отругал его за паникерство и решительно отверг это сообщение.

Телегин не успокоился, стал организовывать на свой риск оборону, мобилизовал школы курсантов, выслал навстречу все, что нашел пригодным для этой цели, и танки были отбиты, угроза Москве была снята.

В мемуарной литературе военных идет яростный спор вокруг роли Сталина в войне. Рокоссовский, Штеменко и даже Жуков опубликовали воспоминания, благоприятные для Сталина. Другие раньше опубликовали против – в стиле под Хрущева. Такая же борьба идет и среди политиков, причем многие из молодых «профилактически», во имя предупреждения трагедии 1937 г., отчаянно борются против реабилитации самого имени И.В.²⁸⁰ Конечно, приводятся аргументы и факты, перед которыми я не имею ничего для возражений. В общем, я стоял в те годы слишком далеко от гущи событий и не могу поэтому судить о них сколько-нибудь определенно. [...]*

1967 г.

1 августа. [...]*. Я затронул в разговоре [с В.М. Молотовым] воспоминания авиаконструктора Яковлева «Цель жизни». «Это хорошая книжка, – поддержал В.М. «Правда, Яковлев немного приукрашивает свою роль в развитии советской авиации. Но это почти все мемуаристы делают. Трудно удержаться, видно, чтобы не похвалить самого себя. Но в целом Яковлев верно рисует роль Сталина в развитии авиации. Вообще Сталин знал военную технику конкретно, лучше всех нас. И он мог говорить о ней по существу, ставя в тупик даже специалистов. Я прочитал мемуары Воронова, где он ругает Сталина. Я не понял, почему. Это оставило неприятный осадок. Ведь именно Сталин полюбил артиллерию, считал ее «богом войны». Воронов знает, какой вклад сделал Сталин в ее развитие. Его воспоминания необъективны. А у Яковлева – верно».

Далее он перешел к воспоминаниям о политике партии в военном вопросе до войны. «Яковлев был очень молод, как и другие авиаконструкторы. Но нам удалось, кажется, выжать из этой молодежи все,

что можно было. И это дало нам преимущество над гитлеровцами. Вообще у нас было немного возможностей. Поэтому мы сосредоточились на немногих направлениях: танки, авиация, артиллерия. И война показала, что мы выбрали правильные направления. Т-34 был лучшим танком времен войны. Его делал коллектив под руководством, кажется, Миронова с Урала». [...]».

1968 г.

7 апреля. [...]». Были в «Лесных даях». Вспоминали с Мамедовым²⁸¹ и Баскаковым²⁸² минувшие годы. То, что я говорил о роли Сталина в послевоенные годы при строительстве нового строя в Германии было для них внове. А я вспомнил сейчас, как редактор «Известий» Л.Н. Толкунов делился со мной впечатлениями от чтения записей бесед И.В. с немецкими руководителями, которые были сделаны мною. Это, конечно, поразительные документы и они одни лучше всяких слов говорят о размахе доверия этого человека.

Помню мою первую личную встречу с ним. Было это 8 апреля 1945 г. около 2 часов ночи у него в кремлевском кабинете. И.В. сказал, что меня посылают начальником правительственной группы к Коневу в Заган. Сталин пошел в комнату отдыха, встал на стул и указкой показал, где находится этот городок. Кратко обрисовал задачи. Я сэкономил его время и ограничивался, как почти всегда с высшими руководителями, краткими ответами на вопросы, адресованными ко мне. На следующий день я уже летел бредущим полетом в Германию, но И.В. лично позвонил Коневу о моем командировании к нему.

Позже я бывал у Сталина каждые 2-3 месяца с друзьями, тщательно записывал его указания, но опять не вступал в самостоятельный разговор, а строго и точно выполнял все, что он говорил. Этим я приобрел известность в ЦК, где говорили, что мне не надо мешать выполнять поручения и с меня не надо просить проектов промежуточных документов и решений. Однако указания И.В. были настолько ясными, что этого было вполне достаточно. [...]».

11 мая. Взял газету: умер В.Д. Соколовский. [...]». Один из самых высокоинтеллектуальных и одаренных военачальников минувшей войны. О нем уже сейчас можно писать тонны книг. Какая голова, какое сердце, какая утрата! С В.Д.²⁸³ меня связывала многие годы тесная, интимная дружба. Он не допускал никого в семейный круг, кроме меня и Евг[ени] Ник[олаевны].²⁸⁴ Мы подолгу гуляли в лесу в короткие и редкие часы отдыха, умея говорить не на политические темы, а о прошлом (например, об его учительских довоенных годах), о литературе, культуре, о личном. Всегда это стороной касалось политики, партийной жизни. В.Д. был очень скромным, не любил показухи, избегал популярности, хотя она была у него. Помню, на пленуме ЦК, когда выводили Г.К. Жукова, В.Д. с возмущением говорил мне: «Куда он полез? Что он понимает в руководстве партией, страной? Ему поручено было военное дело, он должен был заниматься им, а не общей политикой». А в речи на пленуме критиковал элементы бонапартизма у

Г.К.²⁸⁵, с которым был близок десятилетиями. Он был искренен в этом суждении и, конечно, прав [...]»*.

1969 г.

9 мая. Сегодня День Победы. 24 года тому назад я ехал в этот день на автомобиле из Дрездена в Берлин. На откосах автострады лежали вышедшие из лесов немецкие солдаты, прямо в военной форме. Они напоминали мертвых, если бы не было видно удовольствия отдыха в их изможденных и измученных лицах. Берлин горел, его улицы были завалены обломками зданий, по тротуарам ездили лихие красноармейцы. На домах было написано неизменное «Учтено. Хозяйство Михайлова (или др.)». Несколько дней спустя я забрел в один из особняков Грюневальда. Красивая женщина лет 30-35 пренебрежительно и грустно смотрела на меня, ожидая любых пакостей. Она говорила, указывая на картины и мебель, которые я тогда не «понимал»: «Это все теперь ваше. Берите, что хотите». Но я ничего не хотел и сказал, что мне ничего не надо. Она посмотрела, удивилась, и, как отчужденная от своего любимого мира, который должна была все-таки бросить, медленно передвигалась по комнате. Мне действительно ничего не надо было, и я ушел.

А на вилле под Дрезденом, где я временно остановился, веселая девушка, которую мне придали в качестве домашней хозяйки, разложила передо мной целый мешок янтарных изделий, обделанных в серебро – чего только там не было. Она рассказывала, что все это взяли где-то в Восточной Пруссии из-под развалин ювелирной лавки, и предложила мне весь мешок. Мне это было ни к чему. Я выбрал полтора десятка безделушек наугад, которые и привез в Москву в подарок жене и ее подругам. Это были сущие мелочи, но все вещи на свете, да и женщины, кроме жены, мне представлялись мелочами по сравнению с гигантской исторической трагедией, в финале которой мне довелось играть какую-то, может, просто выходящую роль.

Жизнь завертела в своем бешеном круговороте мою малую судьбу, я самозабвенно бросался в ее бушующие бездны и... к удивлению своему выплывал. Назначение меня политсоветником СВАГа (по представлению маршала Г.К. Жукова) я воспринял тоже как внешнее событие, не затрагивавшее моего существа. Работал дни и ночи, спал по 2-3 часа, спустя год уже мучался болями в сердце и т.п., но жил как птица, не отдавая себе отчета в том, что именно мне приходилось делать.

Когда теперь я вспоминаю иногда о тех днях, месяцах и годах, то задаюсь вопросом – почему именно мне была доверена Германия, почему не А.А. Жданову, Вышинскому, не кому-либо из Политбюро?! И не нахожу ответа. Знаю только, что образование ГДР было историческим действием, в которое вложено было немало труда и десятков тысяч советских людей, включая и мой труд. А тогда я задаю себе вопрос – если в тот великий час истории партия нашла в себе решимость доверить такой пост малоизвестному и ничем не примечательному молодому человеку, то почему же нам в МИДе так трудно найти и отобрать на меньшие посты

действительно способных и беззаветных работников? Почему мы ездим на 5-10 работах, заезживаем их до инфарктов и стенокардий, а не можем найти рядом хотя бы дублеров? [...]*. Просто плохо работаем с людьми, не умеем доверять и проверять, отсеивать и растить. Старые, видно, стали.

А.Г. Ковалев сказал мне вчера, что надо было пройти для выработки кадров школу Германией. Но сейчас нет уже Германии, но есть ЧССР, Румыния, Китай. Есть где формировать характер, воспитывать интеллект. [...]*.

10 мая (суббота). Сегодня гуляли с Ликой и Леной²⁸⁶ по березовой роще и встретили министра здравоохранения СССР Б.В. Петровского [...]*. Б.В. Петровский вспоминал о Сталине. И.В. получил приглашение к Папанину, который построил дачу в виде льдины, бассейн и прочие «роскоши». Сталин приехал, вошел в дачу, не сказав ни слова, вышел, сел в машину и сказал адъютанту: «Дурак!». На следующий день «поместье» конфисковали, отдали под детский сад, его сняли с работы, а один из сподвижников Папанина (Шершнева?), не закончив недостроенной им дачи, сдал ее государству, где и живет сейчас по линии Совмина Б.В. Петровский. «Может быть, в этих мелочах есть свой смысл», – обронил Петровский задумчиво. Кончается тетрадь. Еще один год прошел. [...]*.

Сегодня прочел свою раннюю работу «Гитлеровские планы нового порядка в Европе» (март 1941 г.), написанную в бытность советником Посольства. И.В. читал ее, назвал «образцовой дипломатической работой, только немного длинноватой» (90 стр.). Велел издать, но началась война – другие заботы, другие плоскости. Правда, С.А. Лозовский (тогда нач. Совинформбюро) вернулся в разговоре со мной к этой идее в ноябре 1941 г. Но я уже перегорел к ней, и она была мне неинтересна. Отозвался прохладно – и это решило ее судьбу. Сегодня вижу – эта работа была действительно интересная и даже сегодня сохраняет свежесть. Быть может, теперь я бы уже не написал такое.

1970 г.

15 февраля (воскр[есенье]). А.А. Смирнов рассказывал об эпизоде, о котором пишет А. Гарриман в своих воспоминаниях. Во время Потсдамской конференции Гарриман подошел к И.В. Сталину: «Вот Вы в Берлине. Вероятно, очень рады». «Чему же радоваться?» – возразил Сталин. – «Цари были в Париже».

Видели фильм «Чрезвычайный посол»²⁸⁷. Швеция 2-й мировой войны. Борисова в роли Кольцовой (Коллонтай). Значительную роль играет советник посольства под фамилией Морозов (даже по внешним данным сделали под меня). Кольцова молодая, только под конец фильма старая. Профессионально – это развесистая клюква. Но все сделано трогательно. [...]*. Под конец парад Победы, И.В. Сталин, бросают фашистские знамена. Аплодисменты. Интересно, как это все стало историей. И я, наверное, дряхлый. Завтра 59 лет. [...]*.

27 февраля. Перелистал только что вышедший сборник документов о строительстве антифашистской Восточной Германии (1945-49 гг.). Многие

документы в нем писаны мною, отчасти по прямым указаниям И.В. Сталина. Это целая полоса бессонных ночей и беззаветной работы огромного коллектива советских людей и немецких товарищей. Я стоял за кулисами исторического действия, и мое имя в сборнике упоминается только однажды. Это была моя страсть – работать, оставаясь в тени незаметным. И правильная страсть, похожая чем-то на метания Анри Бейля²⁸⁸. Но Бейль был «только» офицер наполеоновской армии, а я занимал один из двух высших постов в Советской военной администрации в Германии. Полковник Тюльпанов, подчиненный мне, постоянно мелькает в сборнике. Он действительно хорошо работал. То же Соколовский. Однако Ф. Боков²⁸⁹, Дратвин²⁹⁰, Лукьянченко²⁹¹ не имели практически никакого влияния на политические дела в советской зоне, хотя и скрепляли своей подписью почти все важные документы. Так идет обыкновенно история – 9/10 ее находится под водой, подобно айсбергу.

31 марта. Н.П. Фирюбин²⁹² рассказывал эпизоды из жизни партработников времен Сталина. Тогда он был секретарем МГК КПСС. Пришел утром на работу и видит на столе пепельницу из кабинета Сталина. У него потемнело в глазах. Звонит А.Н. Поскребышеву: «Нехорошо, Вы так весь кабинет растащите. Пришлите обратно фельдъегерем». Спрашивает, кто сидел рядом. Отвечает – тт. Паршин²⁹³ и Ванников²⁹⁴. Подозрение на Ванникова. А потом его предупредили, чтобы не садился с Ванниковым, он любил такие шутки.

5 апреля. Были в «Лесных далях». Баскаков рассказывал, что Сталин хорошо относился к Хрущеву и даже по-своему любил его. В Москве он держал его секретарем горкома, а когда стало сложно на Украине, послал туда. Во время войны он посылал его на крутые участки – был членом Военсовета в Сталинграде, под Харьковом, а хотя Киев брать должен был Конев, по просьбе Хрущева Сталин поручил это Ватутину, где членом Военсовета был Хрущев (для этого И.В. специально передал Ватутину танковую армию Ротмистрова, которая входила в подчинение Коневу). Сталину, видимо, нравилось иметь в окружении такого простоватого парня, вроде бы из рабочих, разбитного и ловкого. Но Хрущев погорел на «агрогородах» и затаил обиду. Потом попробовал посчитаться со Сталиным, да просчитался. «Не по сеньке шапка» оказалась.

12 апреля. Вчера был на даче у А.Н. Разговор поначалу был острый, но мало-помалу все стало становиться на свои места. Он пригласил нас с Б.Т. Бацановым²⁹⁵ на обед. Шутит, вспоминал о Сталине, Молотове и т.п. Я очень уважительно отозвался о Молотове. Он это поддержал, но тут же заметил, что В.М. был жестокий человек. «Бывало, принесешь к нему как пред. Совмина записку, в которой говорится о недостатках, а он спрашивает, кто в этом виноват и кого надо наказывать. Отвечаешь, что тут наказывать некого. Он рубает за либерализм и пишет выговор министру. Дескать, сам поймет, за что наложено взыскание». Вспоминал еще и о трудностях, которые встречались при редактировании документов. Мы ему говорили, чем не нравится документ – по форме или по содержанию? Он сердился, почему

разрываем одно от другого. И это замучивало до конца, мы уже соглашались со всем, что он изменит. А в остальном он был самым крупным после И.В. Сталина деятелем.

А.Н. вспоминал также о методе Сталина. Каждый день в 18⁰⁰ было заседание «семерки»²⁹⁶. Повестки дня не было. Сталин приходил с бумагами в кармане и предлагал на обсуждение вопросы. Кроме семи на заседания никто не приглашался. Сталин тут же диктовал текст решений, кто-либо из членов ПБ, по очереди ведший запись, писал, а Сталин заглядывал через плечо и поправлял. Как правило, решения были точными и ясными. Потом и другие члены семерки подымали свои вопросы, а т.к. документы заранее не рассылались, то практически обсуждение было между очень узким кругом лиц. Решения оформлялись через пять минут Поскребышевым, который на заседаниях не присутствовал. [...]*

1971 г.

11 апреля. Днем был разговор в «Лесных далях» с директором Мосфильма Н.Т. Сизовым. Он рассказывал со слов Шолохова следующее. В день 70-летия И.В. Сталина у него на даче собрались только члены Политбюро, Шолохов, специально приглашенный из Вешенской, и был Мао Цзе дун. Мао преподнес Сталину коробку с драгоценностями, которую И.В. тут же передал Светлане и сказал при этом: «Я не могу построить тебе дачу под Москвой, в Крыму или Прибалтике, т.к. дачу конфискуют на другой день после моей смерти». Берия и Маленков стали громко возражать, де мы Вас любим и никогда этого не будет. «Вы первые и выступите против меня», – парировал Сталин. – «Потребовалось 300 лет, чтобы социалистическая Россия поняла значение деятельности Ивана Грозного». И Сталин дал понять, что его ожидает такая же судьба.

«Это похоже на тайную вечерю», – заметил В. Баскаков. А Н.Т. Сизов стал говорить, что о 1930-х гг. сказано далеко не все и очень односторонне: «Это было большое событие и оно возникло не вдруг. К тому времени сформировалась широкая оппозиция Сталину, которая сказала и в ходе 17-го съезда ВКП(б)».

Баскаков возражал, что оппозиции не было среди военных, что Г.К. Жуков уверял, что Уборевич и Блюхер были талантливыми военачальниками, которые могли бы возглавить войска в 1941 г. «Но это не относилось к Якиру, который был скорее агитатор, Тухачевскому, который пил и был бабник, и другим. А кто знает, если бы оппозиция сохранилась, смогли бы мы противостоять Гитлеру?!». [...]*

5 октября. [...]*. Сегодня были у нас в гостях друзья А.В. Фальк²⁹⁷, Абрамян²⁹⁸, Шемякин²⁹⁹, потом Комолов³⁰⁰. Последний рассказывал, что у него были и есть неприятности по пропаганде космоса. Просил помочь, т.к. иначе все-де может быть. Он похудел, но бодрый и драчливый.

Э. Неизвестный ставит надгробие Хрущеву по просьбе Сережи Хрущева³⁰¹ и... Микояна. Это было в завещании Хрущева. Хрущ был все-таки не без нюха на подлинные таланты, хотя он ругал нещадно

Неизвестного. Замысел памятника сложный – он хочет показать все противоречия фигуры.

Абрамян и Комолов рассказывали о Сталине. Абрамян говорил, что Сталин любил слушать и, только поколебавшись, принимал решение. Рокоссовский рассказывал ему, что эпизод в «Освобождении» по Бобруйской операции действительно имел место. Комолов, со слов Жукова, говорил, что Сталин долго обдумывал решения, ходил вокруг да около, но потом проводил линии. И это не только в военном деле, но и в политике.

14 октября, 3⁰⁰ утра. Вчера некоторые товарищи рассказали любопытные подробности о первых днях минувшей войны.

Б.Ф.³⁰² утверждает, что слухи о нескольких днях шока у И.В. были вздором. Сталин работал все эти дни в кабинете у В.М. (вместе в одной комнате), причем всем руководил И.В. Поручение выступить по радио 23 июня было дано В.М. потому, что было не ясно действительное положение на фронтах и даже то, какие государства воюют с Советским Союзом. Наш поверенный в делах в Риме Головкин, получив заявление Чиано о начале войны Италии против СССР и о запрете посольству пользоваться дипсвязью, даже не пробовал предпринять передачу клером³⁰³. Посол Венгрии в Москве ответил В.М., что он не знает о позиции Венгрии. На фронтах была неясность.

В этих условиях решили, что выступить должен второй человек, а И.В. должен остаться в резерве, как более высокая инстанция (выступление И.В. состоялось 3 июля). И это, по мнению Б.Ф., было разумным.

Жданов праздновал в Ленинграде труса. Он и Ворошилов, отправленный сразу командовать Северо-Западным фронтом, фактически считали падение Ленинграда неизбежным. Туда была отправлена комиссия СТО³⁰⁴ во главе с В.М. Молотовым. Т.к. основная железнодорожная магистраль (Москва–Ленинград) была перерезана немцами, ехали окружной. Часть пути В.М. и его спутники, в их числе Лапшов, который и рассказывал это Б.Ф., прошли пешком, обходя полотно железной дороги, пока не увидели бронепоезд, высланный им из Ленинграда. Сначала подумали, что это немцы и приготовились к обороне. Но потом все выяснилось и, приехав в Ленинград, В.М. (и возможно, Г.М. Маленков) предложили снять Ворошилова, навели жестко порядок, а потом уже был подослан Жуков. Военные взяли все в свои руки, и после отъезда Г.К. оборону возглавил Говоров.³⁰⁵

После окончания войны И.В. на приеме впервые провозгласил тост за здоровье Жданова, как «организатора обороны Ленинграда». По словам Б.Ф., Жданов вместо того, чтобы сказать, что это неверно и что организатором обороны был И.В., подошел к Сталину и, будто ничего не было, чокнулся и поблагодарил. «Вообще, он был с ленцой и не сильно крепким руководителем», – заключил Б.Ф.

Редактор «Литгазеты» Чаковский (автор романа «Блокада», видимо, посвященный в архивы и пр.) оспаривал только детали и утверждал, что два с половиной дня И.В. был в Кунцеве. Он, якобы, посмотрел через это время

испуганно на вошедших в комнату внизу дачи членов П[олит]б[юро] и успокоился, когда ему сказали, что решено учредить Комитет обороны с председательством И.В. С того момента он взял все в свои руки.

О Жукове Чаковский давал сложную характеристику – в общем, видимо, верную. Но я не мог ответить насчет характера Г.К. во время войны и привел только факты из оккупации. Главное, что его интересовало: мог ли Г.К. выслушивать иные мнения, чем те, которых придерживался он сам в сложные ситуации. По настойчивости я понял, что многое говорит о противном, но я думаю, что это было тогда, когда у Г.К. уже сформировалось решение или обстановка не терпела промедления. [...]*. Видимо, Сталин не любил присутствия Г.К. в Москве, но ценил его на фронте. После войны это разрешилось отставкой, ускоренной партийной невоспитанностью Г.К. Я высказал мнение, что Г.К. был Бонапартом. «Но гораздо ниже его по государственным способностям. Он мог бы организовать вокруг себя людей, и такое утверждение требовалось бы проверить на практике». Чаковский согласился.

В общем, разговор с Чаковским был интересным. Ясно, что не только историки работают над темой, но подключены и литераторы. И это надо. [...]*.

1972 г.

28 октября, 22⁰⁰. Несколько часов у нас были артистка МХАТ Ира Мирошниченко и кинорежиссер Желакавичус. [...]*. Разговор шел о проекте будущего фильма о первом годе оккупации в Восточной Германии. Я вспоминал о встречах со Сталиным по германским делам. [...]*. 8 апреля 1945 г. Я долго ожидал решения моей судьбы. Еще в октябре 1944 г. меня вызвал Молотов В.М. и сказал, что имеется в виду меня назначить послом в Швецию. Я стал умолять В.М. не делать этого – и я надоел шведам, и они мне, и нечего мне там будет делать после войны. «Лучше атташе, но в Германию». «Но там же война», – возразил В.М. Я ответил, что войне скоро конец и надо готовить оккупационный аппарат. Вот туда и мне место. В.М. крикнул и отпустил меня с миром. И больше не приставал. А мне было ничего неизвестно. От нечего делать я начал изучать архивы МИДа по Скандинавии, натолкнулся на остров Борнхольм, написал В.М., что при случае его надо бы оккупировать и стеснить немцам свободу маневра по Балтике. Он говорил на эту тему со мной, высказывал сомнения, но, помню, все же война решила дела так, что мы остров на какое-то время занимали.

Так, 8 апреля я сидел вечером в МИДе в шведском пестром костюме и ярком галстуке. Мне сказали, чтобы я был готов к вызову в Кремль. Я ответил, что готов. И вскоре меня посадили в автомобиль и повезли в Кремль, а потом необычными путями, со строгой проверкой документов проводили в первый раз «на уголок», где был кабинет Сталина и где я позже много раз у него бывал. Когда я вошел к А.Н. Поскребышеву, меня увидел в моем попугайном виде В.М. и громко крикнул. Я не знал, что Сталин не терпит пестроты в костюмах. Да и я-то случайно надел такой (вернее, купил, а потом и носил, что купил). После этого вскоре сказали: «Войдите». И я

вошел, помню, в кабинет И.В. Он внимательно и с улыбкой в усы посмотрел на меня. Потом стал говорить что-то В.М. и Вышинскому, кажется, о каком-то ответе Эйзенхауэру на фронт. Они ушли готовить проект, а я остался почему-то в кабинете и, стоя, наблюдал за всем, что происходило.

Сталин сначала заслушал доклад начгенштаба А.И. Антонова об операции по прорыву немецкой обороны на Одере. Антонов назвал цифры артиллерии, которую просит Жуков. Сталин строго сказал: «Не давать. У него и так хватит. Он хочет тройное преимущество иметь. Пусть зенитную артиллерию использует для прорыва тоже». И вносил другие коррективы по ходу доклада Антонова, спрашивал по именам командиров, где они, потом занялся положением в районе окружения немцев у Кенигсберга. Потом пришел И.И. Ильичев (тогда – пом. нач. ГРУ) и докладывал о каком-то немецком генерале, которого взяли в плен в Румынии. Потом что-то докладывал Берия, затем вернулись с проектом В.М. и А.Я.³⁰⁶ Тут зачитали телеграмму Эйзенхауэра, который спрашивал, где и когда могут встретиться советские и американские войска. «Что он от меня хочет?» – спросил Сталин, но никто не дал ответа. Он перешел к другим делам и, спустя полчаса, внезапно сказал: «Он хочет знать наши планы. Но я ему ничего не скажу». Присутствовавшие молча согласились с этим. Работа продолжалась. Меня поразило, что Сталин работал, скупое роняя слова и не теряя ни секунды, переходил ко все новым и новым делам. Видимо, это был привычный стиль его работы. Он временами бросал на меня взгляд, и мне показалось, что он не только не недоволен моим присутствием, но даже понимает и ободряет, что я торчу без дела у него в кабинете.

Потом он обратился ко мне: «Мы назначаем Вас руководителем специальной правительственной группы к Коневу». [...]».

О том, что я вышел из Кремля и, заскочив на минутку за чемоданом домой, отправился в МИД и на аэродром, где меня ждал спецсамолет и члены моей группы (человек 12 вместе с машинисткой), я режиссеру не говорил. Помню, что всю группу я узнал только на аэродроме. Это оказались очень хорошие товарищи, с которыми я долго потом работал. [...]».

1973 г.

14 июля. [...]». Недавно завезли к себе на квартиру А.И. Микояна. Он удивлялся живописи, говорил, что не советовал Хрущеву выступать по живописи («Ты же в этом не понимаешь, зачем лезешь?!»). О Сталине отзывался двойственно: «Это был гениальный, но злой человек. Он приказал уничтожить Михоэлса и наградил за это орденом. Потом мы орден отняли, но под суд не отдали – выполнял приказ...». Когда я сказал, что без И.В. мы не выиграли бы войну, он ответил: «Выиграли бы. С таким народом, как русский, выиграли бы». А на замечание, что Хрущев за 10 лет все разорил, возражал: «А что разорил? Кукурузу все равно сажать надо. Конечно, не в Подмосковье...».

3 августа. Вчера умер Вальтер Ульбрихт. Много лет совместной работы связывало меня с ним. Помню первые встречи в 1945 г. Он держался в полутени, занимался организацией власти и внутренними делами зоны и

партии. Отличался большой энергией и целеустремленностью. К тому времени относится совместная работа по организации земельной реформы. Мы ехали с ним в машине с передовыми отрядами Советской Армии, продвигавшимися за отходящими в пределы своей зоны американцами из Тюрингии и Саксонии-Ангальт. В деревне заметили, как самоуверенно и нагло держал себя управляющий помещичьим имением по отношению к крестьянам. Вальтер поговорил с крестьянами, и по дороге у нас в разговорах выкристаллизовалось общее мнение о необходимости безотлагательной реформы. Я принялся за подготовку проектов законов и исполнительных распоряжений, Вальтер и Вильгельм Пик – за организацию работы в партии и блока партий в этом направлении. Работалось дружно и весело. Реформа сблизила нас и лично. Затем мы частенько бывали с Пиком, Ульбрихтом и Гротеволем у т. Сталина. Это давало зарядку на месяцы. Тогда у нас было полное взаимопонимание. Он организовал весной 1946 г. разоблачение концепции Аккермана об «особом немецком пути к социализму». Видимо, тут был и элемент борьбы за лидерство. В организации СЕПГ ведущую роль играли Пик и Гротеволь. Ульбрихт был «мотором партии» (Пик). Он старался занять первое место в партии, сначала затушевывая личность Тельмана, с которым, по слухам, имел стычки, когда Вальтер был секретарем берлинской организации. Потом Ульбрихт пытался зажать и Пика, а особенно Гротеволь, но СВАГ (и ЦК нашей партии) не дали этого сделать, на что Вальтер реагировал нервно. [...]*

19 августа. Вчера были на 50-летию Э.Н. Мамедова в «Лесных далях». Энвер порядком измучен тостами, это не в его нраве, но по-восточному терпению слушал все и улыбался. Были И.А. Бенедиктов (бывший министр сельского хозяйства при Сталине в течение 23 лет, потом посол в Югославии и в Индии, сейчас на пенсии), С.Г. Лапин, Л.М. Замятин, Ковалев, Бацанов, Алхимов и др.

За столом я спросил Бенедиктова, что он думает о Сталине. «Я, знаете, очень уважаю его, хотя имел от него 13 выговоров. Он хорошо понимал положение и перспективы государства, его возможности. На протяжении 23 лет работы министром, на которую был выдвинут 32 лет, имел не менее сотни разговоров со Сталиным. Положение сельского хозяйства было тяжелое, и я видел всякое, особенно во время войны. Ко мне сейчас многие обращаются, чтобы написал мемуары. Я колеблюсь, т.к. писать, что знаю, – не время, никто не напечатает, да и не нужно, а писать по шаблону не хочу. Так вот, расскажу только один случай. Я видел все в деревне: и голод, и то, как пахали женщины, и крайний упадок. В сущности, из деревни все качали, ничего не давая взамен. Я раз собрал материалы и решил откровенно поговорить со Сталиным. Взял толстую папку, говорю: «т. Сталин, надо создавать стимулы деревне, так нельзя». Сталин встал и заходил по кабинету быстро, с беспокойством и в лоб спросил: «Вы что, заготовочные цены хотите поднять?». – «Да». – «И намного?». – «Да, т. Сталин, намного». Объяснил, что центнер картошки покупаем дешевле, чем стоит его перевозка. «Я с Вами согласен», – сказал Сталин. – «Вы правы, и мы это

непрерывно сделаем. Но Вы можете получить от американцев кредит на оборону и индустриализацию?». Я не ожидал этого и сказал: «Не могу». – «Так вот. Когда мы выйдем из положения, то будем вести в деревне такую политику. Обязательно будем. Но сейчас не можем. Сейчас надо продержаться на энтузиазме, пропаганде, политике и даже отчасти (тут он замялся) на применении административных мер. Другого выхода у советской власти нет. Но потом обязательно займемся деревней, и надо будет вкладывать туда очень большие средства. Их у нас нет сейчас. Понимаете?!». Я привел еще несколько примеров бедственного положения деревни. «Ну, тут уж Вы специально для меня подобрали», – возразил Сталин и прекратил разговор».

«Так что он понимал все», – заключил Бенедиктов. – «А сейчас много нагнали на него, свалили все на старика. Это неверно. Это плохо и для нас. Но писать об этом не время и не к чему. Другие дела есть. В деревню сейчас мы вкладываем очень много. Но надо будет еще втрое больше, чтобы выбраться. Это тяжелее индустриализации». [...]»*.

1974 г.

23 ноября, 10³⁰. А тут у меня возникла мысль написать что-нибудь к 30-летию конца войны. Сначала было, думалось, в виде мемуаров, потом стал углубляться и выходить на обобщенное. [...]». Весной 1942 г. решением Политбюро была создана комиссия по разработке целей войны и проблем послевоенного урегулирования во главе с В.М. Молотовым (записка об этом исходила еще в мою бытность зав. 3-м европейским отделом НКВД от отдела). Потом эта работа велась «ab und zu»³⁰⁷ в связи с переговорами с союзниками, с Тегераном, Ялтой, работой ЕКК (Н.В. Иванов³⁰⁸) и др. В 1944 г. она приняла весьма конкретный и целенаправленный характер – например, была создана комиссия по репарациям во главе с И.М. Майским, но результаты ее работы были забракованы, а Майский был убран из НКВД в академики. Причем я был свидетелем разговора В.М. со Сталиным по телефону, когда был решен этот вопрос о том, «куда его девать», а И.В. еще спросил – что именно написал Майский, а В.М. ответил, что несколько мелких работ по английскому рабочему движению.

Кожевников³⁰⁹ первым делом стал оспаривать наличие постановления ЦК весной 1942 г, т.к., дескать, об этом ничего не говорится в 7-[м] томе истории Отечественной войны, который обсуждался и будет каноническим. Я ответил, что судьба канонов – их изменение, и в исторической науке нет канонов, а есть факты и исследование фактов. – «Но почему об этом ничего не говорил А.А. Громыко?». – «Его не было в Москве тогда, он был в США и мог о том не знать». – «Ну, а Земсков?». – «Это милый товарищ, но в политике у него так же здорово клеится, как с женщинами – он до сих пор холост». – «Не знаю, этого не могло быть...». Потом он, [Кожевников], понес какую-то ахинею, что политико-стратегический план Сталина полетел из-за взрыва атомной бомбы американцами, и что он, Сталин, дергал послов, послы командовали главами государств, и ввиду этого получилось то, что получилось, включая всякие там неприятности. Я указал, что «неприятности»

были по законам классово́й борьбы, и что у меня было более сотни бесед со Сталиным по вопросам политической стратегии в послевоенной Германии, которые, между прочим, записаны, и записи читал Л.Н. Толкунов. – «А что Толкунов?! Я его знаю очень давно...». Словом, мне стало ясно, что шел в комнату – попал в другую. Разговор кончился довольно резко и взволнованно. Я сказал, что хорошо, что поговорили, и что теперь понимаю разницу наших взглядов. [...]»*.

27 ноября, 5⁰⁰. Плохо спится. Запишу кое-что из разговоров с Подцеробом.

а) Когда в конце войны в Лейк-Саксесе³¹⁰ наши товарищи жаловались на трудности борьбы с американскими дипломатами-империалистами, В.М. сказал: «Это пустяки. А вот трудно было, когда выступала оппозиция. Они шли серьезно с цитатами, данными, знаниями. Этому надо было противопоставить убедительные аргументы. Вот это было трудно».

б) Жданов трусил в Ленинграде. Он был сибарит. Занимая много постов и в Ленинграде, и в Москве, он отсиживался на даче под Москвой, пока его не прогнал И.В. в Ленинград. [...]»*.

в) Жуков говорил, что, если бы не особенности характера Сталина и его железная воля и орг. талант, мы могли проиграть войну.

г) Д.В. Павлов³¹¹ заметил, что «военные подняли Сталина. Они его подают как пример». Однако на замечание, что это сделано верно, он ничего возразить не мог.

1975 г.

26 марта, 5³⁰. Почему-то чувствую себя тревожно и неудобно. Уже вторую ночь просыпаюсь от частого дыхания и не могу уснуть. А в эту ночь еще и нарастающая безотчетная тревога. Чтобы отвлечься, читаю В.И. Чуйкова «Сражение века». Поначалу показалось, что наши писатели помогли ему, одному из немногих оставшихся народных героев и полководцев, создать сильное полотно. Однако потом В.И.³¹² сбился на описания действий частей (возможно, важное для военных, но малопонятное гражданским) и восторги по поводу героических действий воинов и командиров. Размаха романиста, мастерства композитора у него нет, а товарищи или не смогли оторваться от трафарета, или исполняли формально. Поэтому вижу перед собою Василия Ивановича, с большим сердцем, тяжело дышащего, понимающего, что надо отразить героиню тех дней для потомков и старающегося сквозь боль сделать это, но злящегося, что не получается, как надо...

Когда мы пытались работать над сценарием с Добродеевым, последний и ленинградский кинорежиссер Аранович вернулись со встречи с В.И. Чуйковым расстроенные и потрясенные. «Он стареет, болен и не в состоянии даже оценивать окружающую обстановку. Долго говорил нам о сталинградских днях, сердился, что плохо освещают войну в литературе и искусстве, давал установки. А что он говорил о Вас, мы повторять не будем. Суть: не ориентироваться в оценке действий СВАГ на Семенова, он неверно

это понимает, слушайте, что я скажу...» и т.д. А за день мне говорил дельные вещи.

Конечно, «ориентироваться» на меня в оценке не надо, я был один из многих и, вероятно, всего не видел, а, может быть, и не понимал всего... Но при всем том реакция у него была неадекватная, какая-то личная, тревожная без нужды. Болезнь, видно... А ведь это громадина-человек: не очень грамотный, не всегда ровный и справедливый с людьми, но истинный герой и коммунист. Он не поладил с Гречко, с друзьями в МО, ушел на полугражданку (гражданская оборона страны) и страдает. В этом его недуг на склоне лет. Недуг, наверное, возраста – прежде всего. Не приведи господи, мне заразиться таким недугом. Я наблюдал его и у Соколовского в последние месяцы жизни, а это – один из самых культурнейших полководцев войны. Видимо, происходит под влиянием склероза смещение в интеллекте.

Жаль, что книга не получилась: я хорошо знаю В.И., он мог бы, как Денис Давыдов, прогреметь с такой задумкой на всю планету, как Жуков со своими воспоминаниями. Я люблю этого человека (Чуйкова) и всегда понимаю всю сложность его и его судьбы. И рад, что жизнь свела меня с ним на несколько лет в Германии. Все там было – и ссоры, и драки, и откровенные разговоры, и общие заботы. Надо всем возвышался сложный образ подлинного героя. [...]*.

1977 г. [...]*.

27 февраля. [...]*. Вчера я имел беседу (незаконченную) с Б.Н. Пономаревым о статье насчет диктатуры буржуазии и борьбы за демократию. Б.Н.³¹³ советовал излагать вопрос без упрощений. Затем мы встретили А.А. Громыко. Разговор повернулся в сторону воспоминаний исторического характера. А.А. рассказал о беседе Молотова с Трумэнном по ленд-лизу где-то в 1946 или 1948 г. в Вашингтоне. Присутствовали от нас А.А. и переводчик В. Павлов. Беседа стала приобретать острый характер. Внезапно Трумэн встал и подал руку Молотову: «До свидания, г-н Молотов». Тот в замешательстве отвечал: «До свиданья, г-н президент». И Трумэн улетучился. В.М. и А.А. стали писать телеграмму в Москву. В.М. старался смягчить, и, по словам А.А., получилось, что в таком виде ухода президента вроде и не было. Затусовал инцидент.

А.А. это рассказал в связи с поведением Картера³¹⁴ сейчас: «Мы много еще будем иметь историй с Картером. Он допускает вещи, которых не допускал даже Трумэн. Самое красноречивое подтверждение – одновременное направление послания Генеральному Секретарю ЦК Л.И. Брежневу и письма Сахарову». А.А. заметил, что ничего хорошего от Картера ожидать не приходится.

Вспоминал о Ф. Рузвельте во время Ялтинской конференции. Было видно, что Рузвельт доживает последние месяцы, если не дни. В Ялте он прибалывал, и заседания были нерегулярными. Сталин, Молотов и А.А., как посол, посетили его в палате царицы. Рузвельт не смог и встать. Лежал в постели, не подымаясь. Сталин присел у кровати, Молотов – около. Сходя по лестнице от него, которая отнюдь не имела дворцового характера, Сталин

сказал: «Зачем природа относится так жестоко к этому человеку? Разве она не могла так сделать с кем-либо другим?» После Ялты Рузвельт вскоре умер. Выскочил Трумэн, который после упомянутого инцидента с В.М. форсировал создание НАТО. Дело велось на двухпартийной основе. В нем у американцев участвовали Д.Ф. Даллес, зам. министра обороны Ловетт, лидер республиканцев Ванденберг. [...]*

1978 г. [...]*

11 июня. Я вспоминаю разговор со Сталиным на даче в 1952 г. в присутствии Молотова и др. членов Политбюро. Сталин говорил: «Я знаю, Вы – сын рабочего. Старые представления о рабочем нам пришлось менять после Октября, когда перешли к регулярному строительству социализма. Рабочий показал себя как великолепный разрушитель старого общества, но для строительства нового общества ему не хватало нужных знаний. Они были у буржуазной интеллигенции, но из нее многие колебались. Нам пришлось опираться на детей рабочих, а также крестьян, давать им знания, вооружать их знанием техники, экономики, культуры. Отсюда черпали мы главную опору нашего строительства, его руководства. То же потом и в дипломатии. Кто у нас остался в Политбюро из рабочих? Разве один Хрущев. (Хрущев засуетился и мигом выскочил из комнаты). Да и то у него не хватает знаний. Настоящие руководители строительства вышли из детей рабочих, на них мы и опирались. Возьмите имена ведущих наших хозяйственников, госдеятелей и др. – они дети рабочих. Поэтому упрощенные взгляды приходится изменять. Но связь с классом как ведущей силой при этом остается». [...]*

Личный архив Е.В. Семеновой. Подлинник.

---

* Опущены записи, не относящиеся к периоду Второй мировой войны.

¹ Миляев Леонид Михайлович (1906-1992), военачальник, генерал-майор (1944). Родился в г. Тамбов. Из рабочих. Окончил СШ, пех. училище. После Октябрьской революции 1917 семья переехала в г. Саратов. С 1923 трудился рабочим в совхозе, на лесопильном и молочном з-дах. После окончания курсов стал мастером на молочном з-де. В 1928 призван в РККА. С 1931 ком. взвода войск ОГПУ. После учебы в 1931-1932 в Высшей пограничной школе ОГПУ продолжил службу в г. Иркутск в должности пом. командира див-на по хозяйству. В 1933 находился в длительной командировке, уехав в которую, не успел оформить документально передачу числящегося за ним имущества. По возвращении была обнаружена растрата, за которую в 1934 осудили условно с отсрочкой исполнения приговора и уволили в запас. Работал в системе Осоавиахима в г. Саратов. Был инструктором краевого лагеря, нач. воен.-уч. пункта, штаба лагеря, уч. центра. В 1935 судимость была снята. С 1936 снова в РККА, служил в Тамбовском Краснознам. пех. училище в должности пом. нач. строевого отдела. В 1939 направлен в Одесское пех. училище, где продолжил службу ком. роты курсантов, пом. ком. бат-на курсантов, нач. уч. части бат-на курсантов.

Участник Великой Отечественной войны. Прошел путь от ком. бат-на до ком. 52-й Шумленско-Венской стр. див. в составе 2-го и 3-го Украинских фронтов. Уже 22 июня 1941 в 14 ч. вел бой по разгрому нем. десанта в качестве ком. роты курсантов. Летом и осенью 1941 воевал на Юго-Западном и Западном фронтах ком. разведроты, а затем нач. штаба полка курсантов Одесского пех. училища. В октябре 1941-январе 1942 обучался в Воен. академии им М.В. Фрунзе. По окончании академии нач. опер. отделения, нач. штаба 281-й стр. див., ком. 140-й отд. стр. бр-ды в составе Ленинградского и Волховского фронтов. В 1943 в КА восстанавливалось корпусное звено управления. Л.М. Миляев был назначен нач. штаба 64-го стр. корпуса 57-й армии, воевал в составе Степного (2-го Украинского) фронта, участвовал в боях на р. Северский Донец и р. Днепр. С января 1944 ком. 52-й стр. див. Под его командованием див. была награждена орденами Кр. Знамени, Суворова 2-й ст., удостоена почетного наименования Шумленско-Венская. С 9 августа по 3 сентября 1945 див. в составе 53-й армии Забайкальского фронта участвовала в войне против Японии.

В 1946-1948 учился в Воен. академии им. К.Е. Ворошилова, по окончании которой командовал див., корпусом, был зам. команд. армией. В 1958 уволен в запас. Жил и умер в г. Сочи. Награжден 3 орденами Кр. Знамени, орденом Суворова 2-й ст., 2 орденами Кутузова 2-й ст., орденами Б. Хмельницкого 2-й ст., Кр. Звезды, иностранными наградами. Участник парада Победы 1945 в г. Москва. Почетный гражданин г. Брно (Словакия). Китель, полевая сумка и др. вещи Л.М. Миляева экспонируются в Тамбовском обл. краеведческом музее. (Тамбовская энциклопедия. Тамбов, 2004. С. 331; Личный архив Л.Г. Дьячкова).

² Шерстнёв Григорий Иванович (1898-1944), генерал-майор. В годы Великой Отечественной войны ком. див., корпуса. В октябре 1944 врио ком. 79-го стр. корпуса 3-й ударной армии 2-го Прибалтийского фронта. Погиб, подорвавшись на mine. Похоронен в г. Рига.

³ Козадаев Николай Петрович (р. 1921). Родился в пос. порохового з-да (ныне г. Котовск) Тамбовского у. Тамбовской губ. Окончил 7 кл. В 1937-1940 работал художником промартели «Бытработник» (г. Тамбов). В 1940 призван в РККА. Служил дальномерщиком 393-го отд. зенитного див-на 42-й стр. див (Западный фронт). В августе 1941 был ранен. После излечения в госпитале с марта 1943 ком. отделения 51-го зап. стр. полка (с октября 1943 27-го отд. штрафбата) 24-й зап. стр. бр-ды Северо-Кавказский, Среднеазиатский ВО). Демобилизован в июне 1946. В послевоен. время работал мастером-художником, гравером 7-го разряда з-да № 204 (г. Котовск). Награжден

орденами Отечественной войны 2-й ст., Труд. Кр. Знамени, медалями. (ГАСПИТО. Ф. П-700. Оп. 40. Д. 6. Л. 107).

⁴ Швырев Дмитрий Иванович (р. 1920). Родился в д. Новая Петровка ныне Тогульского р-на Алтайского края. Из рабочих. Окончил 7 кл., шк. ФЗУ в г. Мичуринск. Работал слесарем на Мичуринском з-де им. В.И. Ленина, затем на з-де НАТИ в г. Москва. В 1940 мобилизован в РККА. В годы Великой Отечественной войны принимал участие в боевых действиях в составе 143-го танк. полка (Северо-Западный фронт), 2-го гв. танк. полка 2-й гв. мех. стр. див., затем 6-й гв. Волновахской мех. бр-ды (Калининский, Южный, 4-й и 3-й Украинский фронты). Член ВКП(б) с 1944. После демобилизации в 1948 работал шофером, нач. спецсклада з-да «Комсомолец», ст. орудийным мастером Тамбовского арттехучилища, водителем троллейбуса, шофером, механиком, техником ТВВАКУ летчиков им. М.М. Расковой. С 1973 на пенсии. Награжден орденами Кр. звезды, Отечественной войны 2-й ст., медалями. (ГАСПИТО. Ф. П-735. Оп. 43. Д. 115. Л. 75).

⁵ В феврале 1942 парткомиссией 2-й гв. мех. стр. див. Калининского фронта Д.И. Швырев был принят кандидатом в члены ВКП(б).

⁶ Пирютин Николай Захарович, 1915 г.р.

⁷ Зам. политрука роты – звание, должность сержантского состава РККА.

⁸ Кролевец – город в Сумской обл., Украина.

⁹ Конотоп – город в Сумской обл., Украина.

¹⁰ Варшава была освобождена 17 января 1945.

¹¹ Шумилин Михаил Ильич (1918-?). Родился в с. Полковое Тамбовского у. Тамбовской губ. В РККА с 1939. В годы Великой Отечественной войны служил пом. ком. взвода, наводчиком орудия 2-го зап. арт. полка. Демобилизован в 1946, ст. сержант. В послевоен. годы работал милиционером в г. Тамбов. Награжден орденами Кр. Звезды, Отечественной войны 2-й ст., медалями «За оборону Кавказа», «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». (Музей истории тамбовской милиции УВД по Тамбовской области).

¹² Клейменов Антон Семенович (р. 1921). Родился в д. Усть-Кензарь Тамбовского у. Тамбовской губ. Окончил школу ФЗУ при ТВРЗ в 1937. Работал слесарем-инструментальщиком, агентом ж.-д. отдела связи ст. Тамбов. В октябре 1940 призван в РККА (Московский ВО). Весной 1941 успешно окончил полковую школу, назначен ком. отделения связи 250-го ЗАП. С июля 1941 зам. политрука 22-й батареи 864-го ЗАП. С июня 1942 ком. отделения и старшина 1763-го ЗАП. Демобилизован в октябре 1945, ст. сержант. С февраля 1946 служил пом. оперуполномоченного, оперуполномоченным, ст. оперуполномоченным, ст. инспектором отдела кадров УМВД по Тамбовской обл. В 1965-1987 ст. инспектор, зав. особой частью Тамбовского облисполкома. С декабря 1987 на пенсии. Награжден орденом Отечественной войны 2-й ст., медалями «За оборону Москвы», «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». (ГАСПИТО. Ф. П-735. Оп. 43. Д. 43. Л. 61; Музей истории тамбовской милиции УВД по Тамбовской области).

¹³ Козабцов Сергей Степанович (1918-?). Родился в д. Ключевка Тамбовского у. Тамбовской губ. Окончил 7 кл., Воронежскую школу электрослесарей. Работал в к-зе до

1937, затем на Воронцовском кирпичном з-де (г. Москва). В 1939 мобилизован в РККА. Участник боевых действий в Зап. Белоруссии и Прибалтике. На фронте Великой Отечественной войны с июня 1941. Демобилизован в ноябре 1945. Вернулся в родное село. В 1946 переехал в г. Тамбов, поступил на работу в котельно-мех. з-д электриком. В 1949-1952 работал электриком в УМГБ по Тамбовской обл., на госдаче И.В. Сталина в г. Сочи. С июня 1952 вновь работал на Тамбовском машиностроит. з-де. С 1987 на пенсии. Награжден орденами Славы 3-й ст., Отечественной войны 1-й ст., медалями «За отвагу», «За оборону Москвы», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». (ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 1. Д. 1. Л. 6, Д. 15. Л. 11, 13-14).

¹⁴ Артемьев Павел Артемьевич (1897-1979), генерал-полковник (1942). В РККА с 1918. С 1941 нач. управления опер. войск НКВД. С июня 1941 генерал-лейтенант. В ходе войны командовал войсками МВО, одновременно – Московской зоной обороны (октябрь 1941-октябрь 1943). Награжден 8 орденами. (Военный энциклопедический словарь. М., 1983. С. 48).

¹⁵ Патрин Петр Федорович (1910-?). Родился в с. Рассказово Тамбовского у. Тамбовской губ. Из семьи рабочих. Окончил 7 кл., Тамбовский строит. техникум в 1933. В 1933-1936 служил РККА. Затем работал техником по ремонту зданий хозотдела НКВД Белорусской ССР, КЭЧ Минского гарнизона (г. Минск). На фронте с 22 июня 1941. Служил зав. складом ОВС, нач. поста наблюдения, экспедитором 5-го полка ВНОС (Западный, Закавказский фронты). С февраля 1943 воевал в составе 29-й ЗАД в должностях старшины батареи, зав. складом ОВС, зав. делами тех. части див. (Степной, 1-й и 2-й Украинский фронты). После войны продолжил службу в 29-й ЗАД (Центральная группа войск). В 1947 демобилизован по состоянию здоровья, в течение 2 лет проходил лечение в госпиталях и санаториях. В 1949-1955 не работал. С 1955 работал (с перерывами) в г. Рассказово: прораб АТК, нач. цеха кирпичного з-да, плотник, мастер-ремонтник, транспортировщик кожевенного з-да. С 1987 на пенсии. Награжден орденом Отечественной войны 1-й ст., медалями. (ГАСПИТО. Ф. П-9019. Оп. 1. Д. 1775. Л. 31, 31 об.; Ф. П-2582. Оп. 40. Д. 17. Л. 49).

¹⁶ Малков Петр Матвеевич (р. 1926). Родился в с. Михайловка Тамбовского у. Тамбовской губ. Из крестьян. П.М. Малков в своих воспоминаниях в 2001 написал: «Семья наша состояла из 8 человек: дедушка Савостьян Борисович, отец Матвей Савостьянович, мать Наталья Михайловна, три брата – Николай, я и Виктор, две сестры – Зинаида и Татьяна. Дом наш был построен на два хозяина, через стенку жила семья брата моего отца Малкова Александра Савостьяновича. Жили мы две семьи очень дружно, я не помню, чтобы мы когда-либо ругались. У нас не было двоюродных, все были родные, разночия не было.

Наше село разделялось речкой Сявой. На бугру называлось деревней, а наше, внизу, называлось хутором. В нашем селе было два колхоза: один «Красный боевик», другой – «Новая жизнь». Впоследствии они объединились в один колхоз.

Один пожилой человек Финагин Тихон Андриянович мне рассказал, что в с. Михайловка была одна фамилия – «Малковы». Это было плохо, выбор невест для бракосочетания усложнялся, получалось, что на родне женится. Тогда несколько стариков пошли в церковь к попу и попросили изменить свои фамилии. Тогда и появились другие фамилии – Финагины, Поповы, Гришины, Моисеевы и другие. С этого времени выбор для бракосочетания увеличился. Люди нашего села жили очень дружно, никогда не ссорились между собой, помогали друг другу, никогда не оставят в беде, всегда помогут.

Например: если у семьи похарчилась корова или не отелилась, то все женщины носили каждый день по горшку молока этой семье, и им было достаточно молока. Мужчины после ужина собирались в правлении колхоза, женщины собирались также в свой коллектив. А что характерно, народ на работу шел с песнями и с работы также с

песнями, хотя была трудная жизнь. Молодежь собиралась вечером на лугу, играла гармошка, а молодежь пела и плясала. Вообще, чувствовалось, что жизнь была на подъеме – живая. Двери сараев и амбаров на замки не закрывали, даже дверь в дом на ночь не была закрыта, все было просто, рововства не было.

Как жили материально. Можно сказать, жизнь была тяжелая. Топилась печь навозом, этот тяжкий был труд женщины. Они ворочили кочергами в печи с раннего утра, зато вся пища в русской печи до вечера была горячей. У людей не было чем подогреть пищу, надежда только на печь. Мясо ели очень мало и то где-то осенью. Налоги были большие: 300 кг картошки, 40 кг мяса, 4 кг сливочного масла, 75 шт. яиц куриных. Еще деньги брали, это я не помню сколько. Эти деньги колхозник мог получить за продажу скота или масла сливочного, сметаны. Сами ели обезжиренное молоко. Колхозникам за труд начисляли трудодни, а осенью на них давали зерно, а в неурожайный год вообще не давали. Вот тут-то появилась у некоторых апатия к труду. Появилась поговорка: «За так и так хорошо».

Хочу рассказать несколько о детстве. Я считаю, детство прошло хорошо. Все дети ходили босиком с ранней весны до глубокой осени, в общем – до школы. Купались на речке, в то время речка была очень чистая, много водилось рыбы, а главное, была рядом с домом. Мы все стремились помогать своим родителям и помогали, как могли, любое задание родителей выполнялось беспрекословно. В семилетнюю школу ходили в с. Олышанку, примерно 3-4 км будет. Все равно было весело...

Я лично отслужил в армии 7 лет и 5 месяцев, ушла вся молодость. Я являюсь инвалидом 2-й группы войны». (Личный архив В.Л. Дьячкова).

¹⁷ Малков Николай Матвеевич (1924-1943). Родился в д. Михайловка Тамбовского у. Тамбовской губ., мл. сержант. Погиб в бою 7 октября 1943. Похоронен: Днепропетровская обл., с. Орехово. (Книга Памяти. Тамбовская область. Т. 2. Тамбов, 1994. С. 480).

¹⁸ Финютин Иван Иванович (1921-?), Герой Сов. Союза (1945). Родился в с. Челнаво-Дмитриевское Козловского у. Тамбовской губ. Из крестьян. В 1941 окончил Воронежский технологический техникум. Работал на з-де в г. Калинин. В Кр. Армии с 1941. Механик-водитель САУ 387-го гв. самоходного арт. полка (2-я гв. танк. армия, 1-й Белорусский фронт). Отличился в боях за освобождение Польши. После войны был на парт. и хоз. работе в г. Куйбышев. Награжден орденами Ленина, Отечественной войны 1-й и 2-й ст., медалями. (Тамбовская энциклопедия. Тамбов, 2004. С. 638).

¹⁹ Комаров Андрей Иванович (1914-1999), канд. ист. наук (1967), доцент. Родился в с. Малое Пичаево Моршанского у. Тамбовской губ. Из крестьян. Окончил нач. школу. Работал пастухом, в к-зе «Строитель» Моршанского р-на, выезжал на сезонные работы в Узбекскую и Туркменскую ССР. В 1936-1938 служил в РККА. После демобилизации политрук воен.-уч. пункта Хорезмского обл. совета Осоавиахима (Узбекская ССР). Член ВКП(б) с 1940. В 1940 переехал с семьей в г. Фрунзе, где работал зам. пред., пред. артели «Обувщик» (Киргизская ССР). 20 августа 1941 призван в РККА и назначен комиссаром отд. автороты 39-й отд. курсантской стр. бр-ды (формировалась в г. Алма-Ата). В составе этой бр-ды с осени 1941 принимал участие в Московской битве. С апреля 1942 ст. инструктор политотдела по тыловым частям 88-й стр. див. (сформирована на базе 39-й отд. стр. бр-ды), в составе которой участвовал в боевых операциях на Западном фронте. В марте-августе 1943 находился на курсах ст. политсостава Западного фронта. По окончании курсов замполит 521-го стр. полка 133-й стр. див. (1-й Украинский фронт). В январе 1944 был ранен. После излечения в госпитале назначен замполитом 116-го стр. полка 26-й стр. див. (Одесский ВО). В 1945-1950 обучался в Высшем воен.-пед. ин-те им. М.И. Калинина (г. Ленинград). По окончании ин-та преподаватель, ст. преподаватель

Тамбовского воен. авиац. радиотех. училища. С февраля 1961 подполковник запаса. С сентября 1961 преподаватель, ст. преподаватель, зав. кафедрой истории КПСС и философии ТИХМа. Затем работал зав. методкабинетом ТВВИАУ им. Ф.Э. Дзержинского. С апреля 1987 на пенсии. Награжден 2 орденами Кр. Звезды, орденами Отечественной войны 1-й и 2-й ст., медалями. (ГАСПИТО. Ф. П-735. Оп. 43. Д. 46. Л. 135; Ф. Р-9344. Оп. 1; Вернулись с Победой: г. Тамбов. Т. 1. Тамбов, 2005. С. 338).

²⁰ В письме Л.Г. Дьячкову от 10.7.1967 М.С. Хозин прислал собственноручную выписку: «Выписка из учетной карточки члена КПСС с октября 1918 г.. Парт. билет № 01840472 тов. Хозина Михаила Семеновича, рождения 1896 г. Родился в Тамбовской губернии, Кирсановский уезд, разъезд Тягуновка Р[язанско]-У[ральской] ж.д. Приписан к с. Скачиха Кирсановского уезда. Соц. положение – рабочий. Русский. Образование: окончил ВНУ г. Кирсанов, Саратовское техническое железнодорожное училище в 1913 году; Высшие Академические Курсы при Военной Академии им. Фрунзе в 1925 году; Курсы командиров единоначальников при Военно-политической Академии им. В.И. Ленина в 1929 г.

Трудовая и служебная деятельность:

с 6.1913 – 8.1915 – ст. Кирсанов. Ремонтный рабочий, техник-практикант 5-й дистанции службы пути Ряз[анско]-Ур[альской] жел. дор.

с 8.1915 – 3.1916 – Царская армия, 60-[й] зап. пех. полк г. Тамбов – рядовой, затем 37-[й] Сиб[ирский] стр. полк 10-[й] Сиб[ирской] стр. дивизии Юго-Западный фронт – рядовой, ефрейтор, мл. унтер-офицер

с 3.1916 – 6.1916 – г. Киев, 4-я Киевская школа прапорщиков, курсант

с 6.1916 – 12.1917 – Румынский фронт, прапорщик 37-[го] Сиб[ирского] стр. полка, до демобилизации

с 3.1918 – 8.1918 – ст. Кирсанов, ремонтный рабочий, техник-практикант 5-й дистанции сл[ужбы] пути Р[язанско]-Ур[альской] жел. дор.

с 8.1918 – 10. 1918 – ст. Кирсанов, районный комиссар службы пути и движения Кирсановского районного железнодорожного Совета рабочих депутатов

с октября 1918 – Красная Армия. Дальше смотрите по автобиографии».

В автобиографии М.С. Хозина значится: «В январе 1924 г. меня перевели в Краснодар помощником командира 22-[й] стр. дивизии, откуда осенью этого года убыл в Москву на учебу на ВАК при Академии им. Фрунзе. По окончании ВАК с осени 1925 г. по март 1937 г. я последовательно командовал 31-[й] стр. дивизией в Сталинграде, 34-[й] стр. дивизией в г. Куйбышеве, 38-[й] стр. дивизией в г. Чита, 18-[й] стр. дивизией в г. Ярославле и Петрозаводске. С марта по сентябрь м-ц 1937 г. – командиром 1-[го] корпуса в г. Новгороде. Заместителем ком. войсками ЛВО. С декабря 1938 г. по май 1939 г. – командующим войсками Ленинградского военного округа. С июня 1939 г. до начала Великой Отечественной войны – начальником Академии им. Фрунзе.

По окончании Великой Отечественной войны я работал в должностях: начальника военно-педагогического института Советской Армии, начальника военного института иностранных языков, начальника Высших академических курсов при Академии Генерального штаба и начальника особого факультета той же академии по подготовке офицеров и генералов стран социалистического лагеря.

В ноябре 1963 года я ушел в отставку. В настоящее время принимаю участие в общественной работе. Вот уже третий год работаю секретарем партбюро парторганизации домоуправления № 2 ул. Серафимовича, д. 2».

Награжден 2 орденами Ленина, 4 орденами Кр. Знамени, орденами Суворова 1-[й] и 2-[й] ст., Кр. Звезды, Октябрьской Революции. Умер в г. Москва в 1979. (Тамбовская энциклопедия. Тамбов, 2004. С. 648; Личный архив Л.Г. Дьячкова).

²¹ Резервный фронт образован 30 июля 1941 на Западном направлении на базе фронта резервных армий и фронта Можайской линии обороны.

²² Паасикиви Юхо Кусти (1870-1956), гос. и полит. деятель Финляндии. В апреле 1940-мае 1941 посланник Финляндии в СССР. В ноябре 1944-марте 1946 премьер-министр, в марте 1946-феврале 1956 президент Финляндской Республики.

²³ Чучкалова (до замужества Гежделева) Сифра Шоломовна, врач-педиатр.

²⁴ Петрова Галина Александровна (р. 1921). Родилась в г. Томск. Из семьи учителей. Окончила СШ № 8 г. Тамбов. В 1939 поступила на обучение в Ленинградский пед. ин-т им. А.И. Герцена. В марте 1942 была эвакуирована в Коми АССР, где работала учителем истории СШ, инспектором районо, зав. парткабинетом РК ВКП(б) (Кожвинский р-н). Член ВКП(б) с 1943. В 1945-1947 не работала. В 1947-1950 учитель истории Тирянской СШ, завуч Любковской НСШ (Кардымовский р-н, Смоленская обл.). С 1950 работала ст. пионервожатой, учителем истории и обществоведения СШ № 8 г. Тамбов. С 1975 на пенсии. Награждена орденом Кр. Знамени, медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.». (ГАСПИТО. Ф. П-735. Оп. 43. Д. 76. Л. 125).

²⁵ Котов Митрофан Мануилович (1914-?). Родился в д. Новая Жизнь ныне Вейделевского р-на Воронежской обл. Из крестьян. Окончил 4 кл. Работал в к-зе в родном селе, затем на шахте в Донбассе. В 1936-1938 служил в РККА. После демобилизации направлен в Мичуринское гор. отделение милиции, затем переведен в 1-е отделение милиции г. Тамбов. В марте 1942-апреле 1946 постовой милиционер 16-го отделения милиции г. Ленинград. Член ВКП(б) с 1944. Затем служил в органах милиции г. Тамбов. С 1971 на пенсии. Награжден орденом Кр. Звезды, медалями «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «За боевые заслуги», нагрудным знаком «Отличник милиции». Занесен в книгу Почета УВД Тамбовской обл. (ГАСПИТО. Ф. П-735. Оп. 43. Д. 50. Л. 39; Музей истории тамбовской милиции УВД по Тамбовской области).

²⁶ Жариков Василий Никитович (1918-?). Родился в с. Татаново Тамбовского у. Тамбовской губ. Из крестьян. Окончил Тамбовский техникум механизации с/х в 1939, Киевское воен. танко-тех. училище им. С.К. Тимошенко в 1941. Член ВКП(б) с 1941. Служил ст. техником 52-й автобронетанк. мастерской, зам. ком. по техчасти 20-й отд. эвакуаторной роты (Ленинградский, Волховский фронты). В октябре 1943 направлен для прохождения воен. службы в Тамбовское арттехучилище. Демобилизован в 1947. Работал в к-зе в родном селе, автомехаником Рассказовского торфопредприятия. В 1950-1960 служил зам. ком. роты по техчасти, на преподавательской работе в автошколах (8-й ВМФ). В 1951 окончил курсы Высшей офицерской автошколы. После демобилизации в 1960 работал автомехаником, инженером-механиком с/х в Тамбовском район. сельхозуправлении и др. организациях и предприятиях г. Тамбов (в 1967-1968 ст. инженер автотракторного отдела в/ч в Венгрии). С 1980 на пенсии. Награжден 10 медалями. (ГАСПИТО. Ф. П-735. Оп. 43. Д. 32. Л. 118).

²⁷ Козадаев Владимир Петрович (1923-1997). Родился в с. Кузьмино-Гать Тамбовского у. Тамбовской губ. В 1941 окончил СШ № 1 г. Котовск. 27 июня 1941 призван в РККА и направлен в Мичуринское воен.-инж. училище. По окончании училища на фронтах Великой Отечественной войны.

На хранении в ТОГУ «ГАСПИТО» имеются воспоминания В.П. Козадаева от 29 января 1997, в которых он описал свой боевой путь: «Участвовал в боях на фронтах Вел[икой] Отеч[ественной] войны с апреля 1942 г. по май 1945 г.

С апреля 1942 г. по июнь 1942 г. участвовал в боях на Воронежском фронте в качестве командира саперного взвода. Однажды, возвращаясь с боевого задания, когда прокладывали проходы в проволочных заграждениях, попал под сильную бомбежку. Был контужен, потерял дар речи, сильно заикался, но со временем речь восстановилась.

С июня 1942 по дек[абрь] 1942 г. участвовал в боях на Западном фронте под городами Ржев, Гжатск (ныне Гагарин), Сычевка и др. городами в качестве старшего электротехника батареи в составе 96-го отдельного гвард. минометного дивизиона. За участие в боевых операциях под Ржевом награжден медалью «За отвагу».

2 года – с дек[абря] 1942 г. по дек[абрь] 1944 г. участвовал в боях на Ленинградском фронте. Принимал участие в боях при прорыве (янв[арь] 1943 г.) и окончательном снятии блокады г. Ленинграда (янв[арь] 1944 г.). За участие в боях на Ленинград[ском] фронте награжден орденом Красной Звезды и медалью «За оборону Ленинграда».

Участвовал в боях по освобождению Ленинградской области, а затем по освобождению Эстонии, Латвии и Литвы в составе 96-го отд. гвард. мином[етного] дивизиона.

С дек[абря] 1944 г. по янв[арь] 1945 г. участвовал в боях на 2-м Белорусском фронте. Участвовал в боях при освобождении столицы Польши Варшавы, за что награжден медалью «За освобождение Варшавы».

С января 1945 г. по май 1945 г. участвовал в боях на территории Польши, Германии, в Восточной Пруссии, под городами Гданьск, Гдыня, Штеттин, Кенигсберг и др. городами в составе 5-й гвард. мином[етной] бригады».

Демобилизован в 1947, ст. лейтенант. В 1948-1952 обучался на физ.-мат. фак-те ТГПИ. По окончании ин-та работал учителем мат. и физики в с. Мучкап, г. Котовск. В 1956-1965 дир. 8-милетней школы № 6, в 1965-1969 завуч СШ № 1, в 1969-1977 дир., затем учитель вечерней СШ № 2 при ИТК № 7 (г. Котовск). В 1988 перешел на работу диспетчером на з-д «Алмаз». С 1994 на пенсии. Награжден 2 орденами Кр. Звезды, орденом Отечественной войны 2-й ст., 13 медалями. (ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 5. Д. 1. Л. 53, 53 об.; Энциклопедия города Котовска. Тамбов, 2007. С. 195; Вернулись с Победой: г. Котовск, Мичуринский район. Тамбов, 2006. С. 115).

²⁸ Якубовский Виктор Иванович (1904-?). Родился в г. Тамбов. Из дворян. После лишения в 1929 избирательных прав уехал в Донбасс, работал на шахте. В январе 1930 арестован, осужден по ст. 54-10 УК РСФСР, выслан на 3 г. в Северный край. После освобождения в 1933 работал грузчиком на ж.-д. ст. Нижний Тагил, Березниковском химкомбинате, Камском целлюлозно-бумажном комбинате, медеплавильном комбинате в Казахстане. С 1941 работал на Тамбовском моторорем. з-де. В сентябре 1941 призван в РККА. Служил электромонтером 66-й передвижной рем. базы (Ленинградский фронт). Затем воевал в составе 376-й Кузбасско-Псковской Краснознам. стр. див. После демобилизации в 1945 работал электромонтером в г. Котовск, Тамбовском СМУ, Тамбовской кондитерской ф-ке, Тамбовском з-де подшипников скольжения. С 1964 на пенсии. Награжден орденом Отечественной войны 1-й ст., медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». (ГАСПИТО. Ф. Р-9292. Оп. 1).

²⁹ Тельман Эрнст (1886-1944), пред. КП Германии с 1925. Депутат рейхстага в 1924-1933. В марте 1933 арестован гестапо и заключен в берлинскую тюрьму Моабит. Убит в концлагере Бухенвальд. (Новый энциклопедический словарь. М., 2000. С. 1199).

³⁰ Кобзев Михаил Иванович (1919-1980). Родился в с. Пахотный Угол Тамбовского у. Тамбовской губ. Окончил 7 кл. Работал в к-зе. В 1939 мобилизован в РККА. Окончил Пензенское воен. мин. училище. В годы Великой Отечественной войны ком. батареи 239-

го мин. полка 17-й Киевско-Житомирской ордена Ленина Краснознам. ордена Суворова 2-й ст. арт. див. прорыва РВГК. Демобилизован в 1944, лейтенант.

На хранении в ТОГУ «ГАСПИТО» имеются воспоминания М.И. Кобзева, в которых значится: «В начале сорок пятого вернулся домой инвалидом. Отдыхать не пришлось. Снова встал в строй, этого требовала продолжающаяся война. В местной школе начал работать военруком, воспитателем детей. Несколько раз избирался секретарем парторганизации школы. Когда оставил работу педагога, не сидел дома продолжал работать на рядовой, но очень необходимой должности оператора по приготовлению искусственного молока для выпойки телят в родном совхозе. Несмотря на ухудшение здоровья, находил время для встречи с молодежью, рассказывал о величии подвига советского народа в годы Великой Отечественной войны, активным участником которой был сам».

Награжден 3 орденами и медалями «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «За оборону Ленинграда», чехословацкой медалью «За Дуклу» и др. (ГАСПИТО. Ф. Р-9335. Оп. 3. Д. 29. Л. 4, 6 об.; Вернулись с Победой: Бондарский, Гавриловский районы. Тамбов, 2005. С. 131).

³¹ Хлынина Александра Петровна (1922-2006). Родилась в с. Малая Талинка Тамбовского у. Тамбовской губ. Из семьи ж.-д. рабочего. Окончила Тамбовское педучилище (1940). Работала учителем, зав. нач. школой в Инжавинском р-не. В августе 1942 мобилизована в Кр. Армию. После обучения в 62-м отд. зап. полку радиотелеграфист 80-го отд. полка связи (Волховский фронт). После демобилизации в декабре 1945 работала учителем Малоталинской НСШ, СШ № 8, № 9 г. Тамбов. Член ВКП(б) с 1946. В 1955 заочно окончила филфак ТГПИ. Награждена орденами Славы 3-й ст., Отечественной войны 2-й ст., медалями, в т.ч. медалью «За отвагу». (ГАСПИТО. Ф. П-735. Оп. 43. Д. 109. Л. 159; Д.П. Горбунова. Тамбовчанки в боях за Родину. Воронеж, 1982. С. 38-39).

³² Кузнецов Николай Васильевич (1912-1993), Герой Сов. Союза (1945). Родился в г. Саратов. Из рабочих. Окончил 7 кл., школу ФЗО в 1931. Учился в Саратовском ин-те механизации с/х. В Кр. Армии с 1934. Окончил Энгельсскую школу воен. летчиков в 1934. Участник сов.-финляндской войны 1939-1940. В годы Великой Отечественной войны зам. ком. 58-го бомбардировочного авиаполка (1-я возд. армия, 3-й Белорусский фронт). Совершил 329 боевых вылетов. После войны служил в ВВС. В 1955 окончил Воен.-возд. академию. С 1960 полковник запаса. Проживал в г. Мичуринск. Награжден орденами Ленина, 3 орденами Кр. Знамени, орденами А. Невского, Кр. Звезды, 2 орденами Отечественной войны 1-й ст., медалями. (Тамбовская энциклопедия. Тамбов, 2004. С. 282).

³³ Крыгин Василий Семенович (1923-2008). Родился в Усть-Каменогорском у. Семипалатинской обл. Из семьи крестьян-переселенцев с Украины. Окончил СШ. Работал учителем в ШКМ. В 1941 призван в РККА и направлен в ТКВПУ им. Б.М. Шапошникова. По окончании учебы в 1942 в должности ком. пулеметного взвода направлен на Волховский фронт. Был контужен и тяжело ранен в голову – в оба глаза. В бессознательном состоянии попал в плен. Освобожден из плена амер. армией. Комиссией ЮНРРА был направлен в междунар. санаторий. Затем проходил лечение в госпиталях СА. Несмотря на 2-ю группу инвалидности, работал дир. Белоусовской ШРМ, Согринской школы-интерната, зав. пром. облоно, дир. СШ № 1 г. Усть-Каменогорск (Восточно-Казахстанская обл.). В 1954 заочно окончил Семипалатинский пед. ин-т. Засл. учитель школы Казахской ССР. На пенсии с 1985. С 1987 организатор и 1-й пред. Усть-Каменогорского гор. совета ветеранов войны и труда. Автор книги «О прожитом и пережитом». Награжден орденами Отечественной войны 1-й и 2-й ст., «Знак Почета»,

Октябрьской Революции. (ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 12. Д. 115. Л. 1 об., 14-25, Д. 138. Л. 21).

³⁴ Маркина Идея Михайловна (р. 1925), дочь генерал-майора М.М. Кропачева, нач. ТКВПУ им. Б.М. Шапошникова в 1943-1945. Окончила Воронежский мед. ин-т, врач-стоматолог. Проживает в г. Воронеж.

³⁵ Кропачев Михаил Матвеевич (1902-1972), генерал-майор. В РККА с 1925. В 1925-1941 служил на Дальнем Востоке. С июня 1941 нач. отдела боевой подготовки Харьковского ВО. Получил тяжелое ранение под г. Сталинград. В 1943-1945 нач. Тамбовского Краснознам. пех. училища им. Б.М. Шапошникова. И.М. Маркина, дочь М.М. Кропачева, вспоминает: «Накануне войны после полугодовой учебы в Москве на курсах «Выстрел» мы больше не вернулись на Дальний Восток. Это было для нас большой неожиданностью. Ведь мы с мамой эти полгода жили на их Родине, в Кирове. А до того отец прошел все ступени службы. Я же помню его ком. роты и потом там – на Дальнем Востоке. В той по тем временам престижной армии служилось всем неплохо, да и молоды все были. Ведь отец был очень спортивным человеком, прекрасно сидел в седле. В те времена за успехи в делах дарили коней. Я помню, у папы было 2 лошади: одна в 30-е годы Игривая, а второй – Арбалет – уже в Спасске. Потом они, конечно, оставались в частях, откуда мы уезжали. В 1938 году, когда ввели звание подполковника, отцу, как комдиву, прямо прикрепили еще одну шпалу. Вот так он, наверное, был награжден за честность и усердие. При мне он был и комбатом и комполка. Ну а еще раньше (когда меня еще не было), он служил в Сибири и даже был участником событий на КВЖД, был в Харбине. Много прожито и пережито. Войну он вспоминал с горечью, не любил вдаваться в подробности. Говорил обычно, что винтовками образца 1891 года против танков воевать сложно». (Личный архив В.А. Кокина).

³⁶ «Партизаны в степях Украины» – драма (1943). Режиссер И.А. Савченко. Композитор С.С. Прокофьев. В гл. ролях: Д.Е. Милютенко, Н.М. Ужвий, Б.П. Чирков. (Кино: Энциклопедический словарь/ Гл. ред. С.И. Юткевич. М., 1986).

³⁷ Укр. академический театр им. И.Я. Франко – один из ведущих драмтеатров УССР. Создан в 1920 в г. Винница. В 1923 переведен в г. Харьков, в 1926 – в г. Киев. В июле 1941 театр эвакуирован в г. Тамбов, затем в связи с усложнением обстановки на фронте – в Узбекистан и Казахстан, где были поставлены спектакли «Фронт» А.Е. Корнейчука (1942) и «Русские люди» К.М. Симонова (1943). В 1944 театр возвратился в г. Киев. (Большая Советская Энциклопедия. Изд. 3-е. Т. 26. М., 1977. С. 593-594).

³⁸ Ужвий Наталия Михайловна (1898-1986), укр. сов. актриса, нар. артистка СССР (1944), Герой Соц. Труда (1973). На сцене с 1922. С 1936 в Укр. театре им. И.Я. Франко. Роли: Анна («Украденное счастье» И.Я. Франко), Ковшик («Калиновая роща» А.Е. Корнейчука), Филумена Мартурано («Филумена Мартурано» Э. Де Филиппо) и др. Творчество Ужвий отличалось эмоциональностью, одухотворенностью, филигранной отделкой ролей. Снималась в фильмах: «Выборгская сторона», «Радуга» и др. Лауреат Сталинских премий (1946, 1949, 1951). (Новый энциклопедический словарь. М., 2000. С. 1248).

³⁹ Юра Гнат Петрович (1887/88-1966), укр. сов. актер, режиссер, нар. артист СССР (1940). На сцене с 1907. В 1920 один из основателей, до 1961 гл. режиссер (в 1954-1961 совместно с М.М. Крушельницким) Укр. театра им. И.Я. Франко (Киев). Игре Юры были присущи нар. юмор, сочность бытовых характеристик. Роли: Терешко («Житейское море» И.К. Карпенко-Карого), Фигаро («Женитьба Фигаро» П.О. Бомарше) и др. Поставил спектакли: «Диктатура» И.К. Микитенко (1929), «В степях Украины» А.Е. Корнейчука

(1940), «Горькая доля» М.П. Старицкого (1958) и др. Снимался в кино. Лауреат Сталинских премий (1949, 1951). (Новый энциклопедический словарь. М., 2000. С. 1417).

⁴⁰ Бучма Амвросий Максимилианович (1891-1957), укр. сов. актер, нар. артист СССР. На сцене с 1905. С 1936 в Укр. театре им. И.Я. Франко (г. Киев). Снимался в фильмах: «Ночной извозчик», «Непокоренные», «Иван Грозный», «Подвиг разведчика» и др. Лауреат Сталинских премий (1941, 1949). (Новый энциклопедический словарь. М., 2000. С. 157).

⁴¹ Дмитриев Владимир Валентинович (1923-1979), композитор. Родился в г. Пенза. В 1925-1947 проживал в г. Тамбов. Получил муз. образование в фортепьянных классах муз. школы и училища (Л.В. Уметская, С.М. Глаголев). В 1939 поступил в муз. взвод Тамбовского пех. училища, в 1941-1947 руководитель оркестра ансамбля песни и пляски училища. С 1947 пианист-аккордеонист эстрадно-симфонического оркестра Ленинградского радио и ряда ансамблей. В 1957-1963 руководитель квартета Ленконцерта. Автор оперетт, водевилей («Случайный свидетель», «Ночной незнакомец», «Одесские лиманы», «Русский секрет», «Левша», «Берегите мужчин», «Долгожитель»), увертюры, пьес для эстрадного оркестра и ансамблей нар. инструментов, свыше 150 песен. Лауреат Всесоюз. и Всерос. конкурсов артистов эстрады и конкурсов песни. (Тамбовская энциклопедия. Тамбов, 2004. С. 165).

⁴² Усатюк Петр Исидорович (р. 1924). Окончил ТКВПУ им. Б.М. Шапошникова. В годы Великой Отечественной войны ком. минометного расчета 120-мм миномета, гв. ефрейтор. После демобилизации в мае 1946 на пед. работе. 5 лет работал воспитателем детдома Иртышгэстроя, затем до выхода на пенсию трудился преподавателем химии и биологии в школах г. Усть-Каменогорск. Окончил гос. пед. ин-т в г. Усть-Каменогорск. С 1984 на пенсии. Награжден орденом Отечественной войны 1-й ст., медалями «За отвагу», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», знаком «Отличник просвещения Казахской ССР». (ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 12. Д. 115. Л. 1 об., 32, 35 об., 36).

⁴³ Козлов Федор Агеевич (1924-2006). Родился в с. Трушниково ныне Большеарымского р-на Восточно-Казахстанской обл. Окончил СШ. 10 августа 1942 призван в РККА и направлен в ТКВПУ им. Б.М. Шапошникова. На фронте с апреля 1943. Служил воен. топографом 288-го гв. Краснознам. Кишиневского стр. полка 94-й гв. Краснознам. ордена Суворова Звенигородско-Берлинской стр. див. (Степной, 2-й и 3-й Украинский, 1-й Белорусский фронты). Демобилизован в 1947, ст. сержант. После демобилизации работал учителем рус. яз., лит. и истории в школах Большеарымского, Серебрянского р-нов Восточно-Казахстанской обл. Окончил пед. училище в 1949, гос. пед. ин-т в 1957 в г. Усть-Каменогорск. Член КПСС с 1955. Награжден орденом Отечественной войны 2-й ст., 2 орденами Кр. Звезды, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», знаком «Отличник народного образования Казахской ССР». (ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 12. Д. 115. Л. 10, 12 об.-13 об.).

⁴⁴ Виноградов Аркадий Николаевич (р. 1925). Родился в г. Тамбов. Из рабочих. Окончил школу ФЗО. Работал токарем на з-де «Ревтруд». В ноябре 1942 призван в КА и направлен в Тамбовское арттехучилище. По окончании училища с января 1944 нач. боепитания 2-го мотостр. бат-на 1-го гв. танк. корпуса, с февраля 1944 ком. взвода 1-й гв. отд. мотостр. Калинковической бр-ды (1-й и 2-й Белорусский фронты). После окончания войны служил техником по ремонту вооружения в Группе сов. оккупационных войск в Германии. После демобилизации в 1947 обучался в Тамбовском автомобильном техникуме. Затем работал

шофером в различных организациях г. Тамбов, инструктором автомотоклуба ДОСААФ. Член КПСС с 1963. С 1980 на пенсии. Награжден 2 орденами Кр. Звезды, медалями. (ГАСПИТО. Ф. П-735. Оп. 43. Д. 17. Л. 16).

⁴⁵ Старшинов Владимир Иванович (р. 1924). Родился в д. Приют Козловского у. Тамбовской губ. В августе 1942 призван в РККА и зачислен в 1-ю уч. мин. бр-ду. В январе 1943 направлен на фронт. Воевал в составе 316-го гв. мин. Коростеньского, Померанского Краснознам. орденов Суворова, Кутузова, Богдана Хмельницкого, Александра Невского полка, 1-й орудийный номер – наводчик БМ-13 («Катюша»). Участвовал в боях на Курской дуге, за освобождение Украины, Белоруссии, Польши. Войну окончил в г. Берлин. Демобилизован из СА в апреле 1947. С 1948 служил в органах УВД по Тамбовской обл., подполковник милиции. Окончил Высшую школу МВД СССР. С 1977 на пенсии. Награжден орденами Славы 2-й и 3-й ст., Отечественной войны 2-й ст., медалями «За отвагу», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». (ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 5. Д. 4. Л. 46, 64).

⁴⁶ Имеется в виду 100 гр. водки.

⁴⁷ Морозов Евгений Алексеевич (1926-2005), краевед, парт. деятель. Родился в д. Калиновка Кирсановского у. Тамбовской губ. Из крестьян. Окончил 7 кл. Работал в к-зе. В марте 1943 призван в КА и направлен в уч. стр. полк. В боевых действиях принимал участие с сентября 1944 в составе 18-го гв. стр. полка 6-й армии (1-й Прибалтийский фронт). В октябре 1944 был тяжело ранен. После демобилизации в 1945 обучался в Ржаксинском пед. училище, затем на геогр. фак-те ТГПИ. Член ВКП(б) с 1951. По окончании ин-та работал учителем Бурнакской СШ, затем в комс. органах: 1-й секретарь Жердевского РК ВЛКСМ (1952-1953), зав. отделом студенческой молодежи, секретарь по пропаганде и агитации (1953-1954), зам. зав. отделом по работе среди школьной молодежи и пионеров (1954-1956), руководитель лекторской группы (1956-1959) Тамбовского ОК ВЛКСМ. В 1959-1960 лектор Тамбовского ОК КПСС. В 1960-1984 2-й секретарь Сосновского РК КПСС. В 1984-1995 дир. Тамбовского обл. краеведческого музея, с 1996 ст. науч. сотрудник. Член Союза журналистов России, автор публикаций по истории и культуре Тамбовского края в центр. и местной печати. С 2001 на пенсии. Награжден орденом Отечественной войны 1-й ст., 2 орденами Труд. Кр. Знамени, медалью «За отвагу». (ГАСПИТО. Ф. П-735. Оп. 43. Д. 67. Л. 78; Ф. Р-9066. Оп. 1; Ф. Р-9291. Оп. 10. Д. 1. Л. 54).

⁴⁸ Боднар Александр Николаевич (р. 1918), журналист, полковник. Родился в с. Горчишна Подольской губ. Окончил Голозубинцевский зоотехникум (1938), Харьковское авиац. тех. училище (1940). Участник Великой Отечественной войны, штурман авиаполка дальнего действия. Совершил около 300 боевых вылетов. В 1944 был сбит, ранен, воевал в партизанском отряде на территории Польши. Участник парада Победы 24 июня 1945 в г. Москва. В 1946-1960 служил в авиации Дальневосточного ВО. В 1960-2000 инженер, ст. инженер Центра науч.-тех. информации г. Тамбов. Член Союза журналистов России. Награжден орденами Ленина, Кр. Знамени, Отечественной войны 1-й и 2-й ст., 3 орденами Кр. Звезды, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Москвы», «За оборону Сталинграда», «За оборону Ленинграда», «Партизану Отечественной войны» 1-й ст. и др. (ГАСПИТО. Ф. П-735. Оп. 43. Д. 11. Л. 124; Ф. П-9019. Оп. 1. Д. 1327. Л. 6 об.; Тамбовская энциклопедия. Тамбов, 2004. С. 67).

⁴⁹ Данциг – в то время нем. город в устье р. Висла на Балтийском море. Ныне г. Гданьск в Польше.

⁵⁰ Тильзит – в то время город в Вост. Пруссии. Ныне г. Советск в Калининградской обл. РФ.

⁵¹ Бреслау – в то время нем. город на р. Одер. Ныне г. Вроцлав в Польше.

⁵² Кенигсберг – в то время гл. город Восточной Пруссии. Ныне г. Калининград в РФ.

⁵³ Свиномюнде – нем. город на о. Узедом в Балтийском море, где располагались з-ды по проив-ву ракет Фау. Аванпорт Штеттина (Шецина). Ныне г. Свиноуйсце в Польше.

⁵⁴ Имеются в виду нем. истребители «мессершмитт» М-109Е.

⁵⁵ Л. Проворова (Хмельницкая), лейтенант мед. службы 35-й гв. стр. див.

⁵⁶ Глазков Василий Андреевич (19018-1942), военачальник, генерал-майор. Родился в с. Вердеревщина Тамбовского у. Тамбовской губ. Из крестьян. Окончил нач. школу в родном селе. С 1918 в Кр. Армии. Участник Гражд. войны. Окончил воен. училище и парашютную школу. В 1930-е служил в возд.-десантных войсках, ком. авиац. бр-ды. Участник боев у оз. Хасан (1938). В 1942 ком. 35-й гв. стр. див., отличился в боях за г. Сталинград. Посмертно награжден орденом Ленина. Дивизия, которой командовал В.А. Глазков, награждена орденом Кр. Знамени. Именем В.А. Глазкова названа улица в г. Волгоград, его изрешеченная пулями и осколками шинель находится в Музее обороны Сталинграда. (Тамбовская энциклопедия. Тамбов, 2004. С. 129).

На хранении в ТОГУ «ГАСПИТО» имеются воспоминания Е.Т. Глазковой о муже гв. генерал-майоре В.А. Глазкове от 17 декабря 1973:

«Родился в 1901 году в селе Вердеревщино Бондарского р-на Тамбовской области в семье крестьянина-бедняка. Родители – отец Андрей Степанович, мать – Матрена Макаровна до Октябрьской революции занимались сельским хозяйством.

За этими скупыми строками, взятыми из автобиографии генерал-майора Глазкова В.А., стоит трудное, полное лишений, детство.

В семье Глазковых, кроме Василия, было еще 4 сына: Иван, Яков, Павел и Алексей и одна дочь Анастасия. Семья не голодала, но жила очень скромно. С семи лет Василия отдали в четырехклассную школу в селе Вердеревщино. Учился Василий хорошо, учителя отмечали в нем необыкновенное стремление к знаниям, надеялись, что он будет учиться дальше. Но в год окончания школы умер отец Василия. Время было трудное для семьи. Василий, будучи еще мальчиком, начал работать рассыльным. В детстве, вспоминала его сестра Анастасия, Василий был смелым, бесстрашным. Он летел с горы на лыжах, на льдине или на обледенелом лукошке с невероятной быстротой. Рос Василий крепким, смышленным. Не зря его потом называли «богатырем». Он был хорошим, общительным, справедливым товарищем. В селе Вердеревщино, где жил Василий, разбойничала банда Антонова. От руки антоновских бандитов погиб старший брат Иван. Рос и мужал Василий, росла любовь к народу и ненависть к угнетателям. Молодым пареньком добровольно в 1918 году ушел с оружием в руках защищать молодую Советскую власть. Он прошел по многим фронтам гражданской войны. После разгрома интервентов остался в рядах Красной Армии. Сначала он командовал отделением. Учился, окончил военное училище, стал кадровым командиром. Командовал взводом.

Это был настойчивый, упорный в достижении поставленной цели человек. Он был требовательный к себе и ко всем окружающим. Василий Андреевич заочно окончил школу-десятилетку. Много читал, изучал марксистско-ленинскую теорию. Скромный, дисциплинированный, волевой и мужественный человек, он становится хорошим

воспитателем воинов. Он руководил школой младших командиров. После обучения парашютному делу его назначили командиром авиадесантной бригады. Он стал знатным парашютистом Краснознаменной Дальневосточной Армии. Василий Андреевич был заботливым отцом для своих воинов. Особенно внимательно он относился к новичкам. Перед прыжками с парашютом он требовал внимательной проверки парашютов. Сам непосредственно принимал участие в прыжках. На счету у него были сотни прыжков. Василий Андреевич добросовестно относился к своей работе. Он понимал всю ответственность, которая ложилась на его плечи, ответственность перед страной, советскими людьми, в охране советской границы. Часто в глухую ночь он ходил проверять посты. «Это не шутка, а дальневосточная граница. Нам доверили ее охранять зорко». Любили его солдаты за личную храбрость, за отеческую заботу, за принципиальность.

Василий Андреевич был любящим отцом и мужем. Он очень любил играть с дочерью. Ему приходилось много заниматься, часами просиживал в своем кабинете, готовился поступать в Военную академию, но стоило появиться Кларе, как он прекращал работу. Тяжело переживал Василий Андреевич смерть сначала одной дочери, а затем и второй. Учиться в академии – мечта не осуществилась. 3 мая 1941 года Глазков В.А. вместе с другими командирами направляется на секретное задание. 22 июня 1941 года началась Отечественная война.

И только спустя шесть месяцев я получила первое долгожданное письмо. А за это время Василий Андреевич не раз смотрел смерти в глаза. С боями он вывел из окружения 200 человек, это было под Харьковом.

Потом назначение командиром 8-го воздушно-десантного корпуса и Сталинградский фронт. Письма с фронта были редко. Сохранилось несколько писем. Вот одно из них: «Был на фронте, сейчас получил новое назначение, скоро поеду добивать фашистских людоедов. Будем бить в десять, в сто раз сильнее, чем били до сих пор. Победа будет за нами, враг будет разбит. В. Глазков 19.12.1941».

В другом письме сообщал: «Мне присвоено звание генерал-майора. Это звание накладывает еще большую ответственность за порученное дело...». Василий Андреевич был коммунист, мужественный патриот, он горячо любил свой народ свою Родину». (ГАСПИТО. Ф. Р-9294. Оп. 1. Д. 4. Л. 1-4 об.).

⁵⁷ Мухальченко Григорий Константинович, полковник. 8 октября 1941 с 4-го курса Чкаловского ж-д. техникума в группе студентов (18 чел.) добровольцем ушел на фронт. Был зачислен во 2-й взвод отд. минно-подрывной роты 17-й возд.-десантной бр-ды 8-го возд.-десантного корпуса. После реформирования корпуса старшина 1-й роты 38-го отд. гв. саперного бат-на 35-й гв. стр. див. Принимал участие в Сталинградской битве, в боях за освобождение Воронежской, Ростовской обл. Затем воевал в партизанском отряде «За Советскую Родину» и в составе 58-й гв. стр. див (5-я ударная гв. армия). Войну окончил в г. Прага. (ГАСПИТО. Ф. Р-9055. Оп. 1. Д. 67. Л. 2, 4, 11, 14).

⁵⁸ По тогдашнему штату в стр. роте – 120 чел.

⁵⁹ Козодаев Иван Антонович (1908-?). Родился в с. Солонцовка Тамбовского у. Тамбовской губ. Призван в армию в августе 1941.

В своих воспоминаниях в 1989 И.А. Козодаев написал: «Жили мы всегда в Солонцовке. В семье кроме отца с матерью было три брата и сестра. Жили без помещика, его здесь не было, своя земля была.

В 1914 г. взяли отца Антона Яковлевича в армию. Он был там награжден командованием серебряными часами. Пришел только в 1921 г., раненый. Сразу пригласили его в банду. Он сказал: «Завтра соберусь и приду». А сам на следующий день

подался в Тамбов, на службу. Там он и простыл, лежал больной и в 1922 году умер. А в 1917 г. от эпидемии холеры умерла мать. Так остался без родителей очень рано. Я одно время в школе учился, а потом банда все разогнала. Учили нас в пустом доме, ни бумаги, ни чернил не было.

В 1920-1922 гг. банда свирепствовала, да и голодовки были. Местных, кто позажиточнее, в банде было много. Стояла шайка рядом – в Знаменке, потом в Сатинке. Помню, проходили здесь котовцы – конный отряд, лошади в рядах все в масть подобранные. Они-то банду и разбили. Стреляли из пушки от нашей церкви (Солонцовской) по Лозовке (деревня в 23 км от Солонцовки).

Потом жили большой семьей. 13 человек было. Все вместе, три брата. Федор (брат) женатый, Степан женатый. Жили в одной избе-пятистенке. До 1928 г. жили свободно, легче было, все доступно было – рыбу (какую хочешь) бочками, кадушками привозили. В город торговать ездили: туда – картошку, оттуда – баклажаны (так раньше помидоры называли), все было. Потом начали прижимать, ту же стало. Стали в колхоз загонять. Нас в Солонцовке попозже – году в 1934, а в Лозовке колхоз с 1928 года. Хлеб выгребали, кто в колхоз не идет. Не выполнил хлеб, не сдал норму – на станцию и в Соловки. В Солонцовке домов с десятков таких было. Пошли в колхоз, отдали две лошади, стригунка, сеялку, две телеги. Расстались со скотинкой. Все организовывали свои активисты, иногда уполномоченный приезжал из района. Стали в колхозе работать. Косили самокосками, крюками (косой). Бабы копны здоровые вручную убирали. Был вначале один трактор «Фордзон» на весь колхоз. Давали зерно на трудодни, а народу в доме у нас было много, так что засыпали полностью.

В 1937 году опять голод был, люди скитались по деревням, картошки соберут, лебеды нарвут, мучницы какой, отрубей у богатых спросят, состряпают и едят, а потом рвет с этого. У нас коровка была, одним молоком питались.

Потом слили четыре колхоза в один, наш «Красное Знамя» и еще два влили в Лозовский «Новая жизнь». Там и МТС была, специалисты разные. Федор Антонович (родной брат) три класса образования имел, и пошел на курсы счетоводов. А потом стал бухгалтером в колхозе и был им три года (до войны).

В 1941, когда война началась, Федора первым забрали, он служил писарем в штабе, пропал без вести. Потом Степана взяли, больного взяли, врач его не отдавал, кого-то из своих им там заменили. Он не воевал почти, умер в Саратове, в госпитале». (Личный архив В.Л. Дьячкова).

⁶⁰ Фадеев Петр Николаевич (1903-1998). Родился в с. Царевка Тамбовского у. Тамбовской губ. До войны работал на кирпичном з-де. 28 октября 1941 призван в РККА. Тяжело ранен в бою 1 января 1943. Демобилизован по состоянию здоровья. В своих воспоминаниях он написал: «Приехав домой, в Котовск, я не мог работать, т.к. стал инвалидом войны 2-й группы. Жил со своими детьми. В 1982 г. я ездил в село Кризское на встречу с ветеранами нашего полка. В селе установлен памятник солдатам, погибшим здесь 1 января 1943 г. 38 воинов, защитников Родины, покоятся в братской могиле. Они незримо для живых ежечасно по очереди выходят из могилы на постамент, сменяя друг друга, и как грозные часовые охраняют жизнь и покой живых людей днем и ночью. И не покинут этого поста во веки веков, ради жизни на Земле». (ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 5. Д. 5. Л. 30, 32 об.).

⁶¹ В ТОГУ «ГАСПИТО» имеется на хранении дневник В.П. Баранова, который он вел с конца 1940 по сентябрь 1942, будучи пом. комбайнера и секретарем первичной комс. организации к-за им. К. Маркса Рассказовского р-на. Эпиграфом к своим записям В.П. Баранов избрал древнюю поговорку «Живым – жить, мертвым – в могилу»:

«1941 год

22 июня, 11 часов. Только сейчас был на митинге. Неожиданная весть ошеломила всех. В ночь с 21 июня на 22-е германские войска неожиданно напали на нашу страну. Со

стороны германской авиации подверглись бомбардировке Севастополь, Житомир и ряд других городов. На митинге многие плакали.

28 июня. Идет мобилизация. Берут на фронт мужчин с 1905 года рождения по 1918 г. включительно. В селе повернулась жизнь как-то по-другому. Молодежи на селе осталось мало. Нам предстоит большая работа.

1 июля. Жарко. Нещадно палят лучи солнца. Почти все время проводим на речке. Загораем. Иногда на берегу собирается много ребят, и тогда идут бесконечные толки о войне, о прошлом, мечтаем о будущем и т.д.

Много комсомольцев сегодня едут на трудовой фронт. Наша молодая жизнь идет своим чередом. Вечером берем гармошку и бродим по улицам. Стало заметно скучней. Приходим – начинает светать...

14 июля. Сегодня был на собрании комсомольцев Рассказовского района. На собрании встретил ученицу своего класса Чернову Антонину. Она работает теперь на прядильной фабрике. Рассказала мне, что все комсомольцы нашего класса мобилизованы на трудовой фронт. С комсомольцами уехала пионервожатая школы Люба Медведева.

Доклад на собрании делал секретарь РК ВЛКСМ Зимин. После собрания объявили, чтобы все ребята явились к 11 часам вечера в здание РК ВЛКСМ.

В райком ходили вместе с Сергеем Барановым. С каждым комсомольцем отдельно беседовали Зимин и члены бюро райкома комсомола. Кажется, впервые я почувствовал отвращение и всю сущность настоящей войны. Набирали добровольцев на фронт. На стенах плакаты: «Не быть врагу на нашей земле!», «Уничтожим немецких оккупантов, пробравшихся на нашу землю!»...

8 августа. Можно не заметить, как бежит время, если бы не бросалась в глаза изменяющаяся с каждым днем окраска лета. Давно отцвели яблони. Их ветви теперь сгибаются под тяжестью созревающих плодов. На огородах появились первые огурцы.

Я смотрю на ребятшек, бегущих с соседнего огорода. Один из них меньше всех; он держит край рубашки в зубах и быстро улепetyвает за своими товарищами. Мне видно, как они останавливаются за кустами и делят добытое. Все это заставляет подумать меня о прошлом. Пролетело детство – изменились взгляды на жизнь. По-прежнему уже не выглядит все вокруг. Что-то новое управляет мною. Я хорошо прожил детство. Но кто может сказать мне, что и юность моя будет хорошим воспоминанием в будущем? Никто не может остановить быстрый бег годов. Проходят они и уже не воротятся вновь.

Какие испытания ждут меня впереди? Немного узнал я за свою начинающую развертываться жизнь, больше предстоит мне узнать впереди. Новые, необъятные горизонты друг за другом открываться уже начали передо мной. Я еще ничего не вижу там впереди, но таинственные силуэты новых годов, на которые в минуты раздумья останавливается мой взгляд, сулят мне что-то страшное.

Штатается снова мир. Очередная война развертывается со страшной силой. Еще неостывший от крови «серп смерти пожинает жизни колосья». Зловещая тень смерти реет на большом пространстве земли. Бьют друг друга люди. Рано или поздно я попаду в пучину этой бойни, и, быть может, волна человеческих жертв захлестнет мою коротенькую жизнь. Темно впереди...

13 августа. Первый день работаю весовщиком комбайновой уборки. Я еще ближе знакомлюсь с колхозниками. Иногда около вороха пшеницы рассядутся мужики, и тогда начинаются бесконечные разговоры. Много я слышу за день. Слышу смех, вижу веселые и грустные лица, а иногда вижу красные от слез глаза. Плачет или жена убитого мужа, или мать пропавшего без вести сына. Глядя на них, защемило сердце, болью отзовется в сознании, и тогда крепись – не то заплачешь. Вот и сейчас, когда пишу я, слышу, как плачет мать, слезы катятся по ее лицу, обострившемуся за последнее время.

Возвращаюсь с работы поздно. Иногда брошу сноп на бестарку, лягу на спину и, глядя в звездное небо, долго-долго думаю. Мысли одна за другой под стук колес

назойливо лезут в голову. Помню клуб, переполненный молодежью, когда Борис, Сергей и я организовали вечер самодеятельности. Борис играл на гитаре что-то грустное, тихое, и зрители с уважением смотрели на него. Все это прошло. Не встречаюсь я с Борисом, как было прежде. Только письма, получаемые мной от него, говорят мне, что он живет теперь новой жизнью.

«Война» – одно слово внушает мне что-то такое особенное, отвратительное. С каждым днем уносит она тысячи жертв. Будет ли ей конец когда-нибудь?..

26 августа. Я стоял около весов, когда тракторист Федор Петрович Носков, остановившись неподалеку от нас, взволнованным голосом крикнул: «До свиданья, товарищи!». По его лицу было видно, что у него случилось что-то особенное. Он ниже сдвинул козырек пыльной фуражки и быстро зашагал по дороге.

– В чем дело, Федор Петров?

– Требуют!.. В райвоенкомат требуют! – махнул он нам рукой.

– Всех поберут... Как только и управляться будем?.. – сокрушенно сказал кладовщик, – ить, подумать надо, сколько взято-то!..

Бабы молча насыпали зерно в ящик. Несколько минут мы молчали. Ко мне подошел комбайнер.

– Валентин, пойдем со мной. Может быть, у нас что получится.

Я пошел за ним к комбайну. Ноги то и дело заплетались в траве. Подошли к трактору.

– Ну, так вот и начнем сейчас. Заводи!

Мотор заработал. Я сел за руль. Тронулись. Дядя Илья громко кричал мне с комбайна:

– Вправо! Налево! Так держи!

Руль крутился в моих руках из стороны в сторону. Хедер комбайна уходил то в глубь пшеницы, то почти весь шел над жнивой.

Через час приехала курсантка-трактористка. Но прошло не более получаса, подошла новая беда: у мотора трактора отломился вентилятор. Комбайнер крепко выругался. Рабочий день кончился неудачей. Я вернулся в табор колхоза. Моя роль была сыграна.

1 сентября. Ровно год назад с этого дня мы начинали новый учебный год. Сколько веселого смеха услышишь, сколько новостей узнаешь, сколько товарищей увидишь в этот первый день нового учебного года. В нашем селе закрыты все школы до октября месяца.

Неудержимо бежит время. С каждым днем я приближаюсь к тому дню, когда, как и мои старшие товарищи, пойду в армию.

Тревожно пишут газеты. На подступах к Ленинграду идут ожесточенные бои. Одесса под угрозой окружения. Немцы захватили Кривой Рог, Николаев, Гомель, Смоленск и другие города.

Рассказово наводнили военные. По городу на автомобилях разъезжают полковники, майоры и военные различных званий.

Сегодня был у тетки Лукерьи. Она плачет, когда я встречаюсь с ней. Мне очень жаль ее. От Лени уже три месяца нет писем.

7 сентября. Лунная ночь. Сегодня я назначен патрульным. Я стою на мосту и смотрю на матовую поверхность реки. Тихо. Лишь изредка слышу лай собаки да крик филина из соседнего сада. Я сел на край моста и задремал. Слышу: кто-то идет. Ко мне приближались несколько человек. Окрикнул: передние остановились. Один из них сказал: «Мы – комсомольцы. Идем домой с трудового фронта». Я пропустил их. Чтобы как-нибудь провести время, я тихо пою. Скучно. Где-то недалеко, слышу, веселятся ребята. Я дошел до магазина. Остановился со сторожем. Поговорили. Около дома Белкиной увидел несколько промелькнувших теней. Из открытого окна выглянула Настя и пригласила зайти. Я поставил винтовку в сених и зашел в дом. Нина Красноперова,

Зина, Маруся, Настя и Дуся над чем-то дружно хохотали. Через несколько минут я вышел с Дусей на улицу. Долго гуляли мы, пока крик петуха не заставил нас подумать о ее возвращении. Я проводил ее до дома, а сам пошел к мосту. Третий раз кричали петухи. Часа черед полтора уставший я ушел домой.

9 сентября. Обеденный перерыв. Холодный ветерок создает неприятное ощущение. Я лежу на краю силосной ямы. Внизу передо мной бочки с горючим. Это база. Здесь наливают горючее в тракторы, работающие на колхозном поле. Я поудобней растянулся на свежей соломе. Где-то высоко в небе летал самолет. Легкие облака плывут по небу. Самолет плавал в облаках. Он то нырял, всплывал, купался, то с ревом сверлил воздух над самым табором. Затем рванулся вверх и снова нырнул в облака. Через несколько секунд он штопором падал вниз, пока рука летчика не выровняла и не направила его по прямой, параллельной земле. Самолет шел на посадку. Наблюдения за самолетом вызывают во мне мечты. Много раз я думал об одном и том же – не выйдет ли из меня летчик? Ни война, ни страх перед смертью – ничто не может остановить меня перед желанием стать летчиком.

Мне кажется, я добьюсь осуществления своей мечты. Я буду когда-нибудь летать.

24 сентября. Первый осенний мороз. За рекой почернели от мороза листья помидоров и огурцов. Слышно, как звенит коса, ударяясь о стебли проса. Поле и огороды теряют зеленый цвет. Блестящий лемех плуга режет жниву. Гуд трактора мешается с ревом летающего в небе истребителя. По-новому встречается этот год осень.

Рано утром ходил в колхоз. В поле уже шли скирдовальщики. Бабы о чем-то громко спорили. В таборе колхоза оседлал лошадь и поехал в райком комсомола. Секретаря не было. Решил поехать в школу. На Советской улице я остановился около одной витрины, которая густо была окружена публикой. Наверху витрины надпись: «Окна ТАСС». Один рисунок изображал Гитлера, Риббентропа и Геббельса. Под рисунком надпись:

Кличет Гитлер Риббентропа,

Кличет Геббельса к себе:

«Я хочу, чтоб вся Европа

Помогала нам в борьбе!».

Слышались остроты и замечания по адресу Гитлера. Какой-то рабочий в промасленной спецовке язвительно заметил: «Ишь, гад, чего захотел!». А другой, помоложе, обращаясь к товарищу, сказал: «Он своим подчиненным того гляди зубы повырвет!».

Я поехал дальше. Не доезжая до Комсомольской улицы, встретил девятиклассника Щукина. Поговорили о школе, товарищах, преподавателях и т.д. От него я узнал, что Колька Конюхов учится в Тамбовском аэроклубе, а Сашка Емельянов, закадычный друг, учится на летчика-истребителя.

Солнце катилось к горизонту, когда я прибыл в Спасское.

1 октября. Резкий осенний ветер свистит в телефонных проводах. Далеко вдаль уносятся желтые листья с деревьев. Как огромные льдины, плывут пепельного цвета облака по небу. Грязь. Холодно...

У здания сельского Совета собрались несколько мужиков. Они только что вернулись с колхозных полей. Немного подальше стояли ребята и очень сдержанно разговаривали.

Я вошел в одну из комнат сельского Совета. Она забита людьми. Густой табачный дым окутал потолок. Кто-то открыл окно, но на него тотчас прикрикнули. За столом сидел начальник ВУС при сельсовете тов. Виноградов. Я услышал его слова: «Товарищи, все вы знаете, зачем мы собрались сюда. Наверно, вы читали постановление об обязательном военном обучении лиц мужского пола в возрасте от шестнадцати до пятидесяти лет, поэтому объяснять много не следует. Сегодня мы начнем обучение со строевой подготовки. А сейчас все выходите на улицу...».

У двери толкотня. Поднимается шум. Вместе со всеми я выхожу на улицу. Нас выстраивают. Подается команда и неуклюжий строй двигается с места. Молодежь посмеивается над старшими: «Дядь Евдоким, гляди, у тебя сзади хлястик-то болтается ровно конский хвост! Прoberут тебя командиры за твою неряшливость в строю!». Пожилой Евдоким хмыкает что-то себе под нос и продолжает идти в ногу со своим соседом с такими же, как и у него, мохнатыми бровями и отросшей щетиной на лице. В строю то и дело слышится легкий хохоток. Мы подходим к начальной школе № 2. Навстречу идут опоздавшие.

Один из них с усмешкой на толстых губах подходит к командиру: «Товарищ начальник, разрешите или нет стать в строй?». Сзади слышится ругань. Это примыкают опоздавшие. В селе зажигаются огни. Мы маршируем. Часа через два нас отпускают домой.

Я подходил уже к дому, когда колхозный конюх Петр Иванович догнал меня. Мы разговорились о колхозной жизни.

– А где живет этот... Как его, черта! Ну, тот маленький, что сегодня работал у нас в колхозе?

– А, – вспомнил я. – Еврей, что ли?

– Ну, да...

– Не знаю. Где-то на нашей улице. А что?

– А все-таки, правда, евреи – шкурники. Почему это мы обучаемся, а он не пришел? Говорят, что их никогда не увидишь на фронте. Боятся смерти сильно, что ли?

Я промолчал. Вспомнил первую встречу с Хаэтом. Во время обеденного перерыва я пошел с ним домой. Плохо говоря по-русски, он старался рассказать о себе. Из его слов я понял, что он болен. Два раза бежал он от немцев. Раньше жил он в одном из польских местечек близ границы. 1 сентября 1939 года вспыхнула война между Германией и Польшей. Ему пришлось оставить лавку богатого хозяина и бежать в Белоруссию. Почти два года он жил в Белоруссии, но когда завязалась война между СССР и Германией, снова бежал от немцев. Я слушал его, и мне становилось жалко этого маленького оборванного человека. Боль и обида звучали в его словах. Я остановил Петра Ивановича около своего дома и сказал: «Глупости, не верь никому. Евреи такие же люди, как и мы». Я рассказал ему о Хаэте.

2 октября. Около ста человека заполнили два противоположных класса начальной школы № 2. Ярко горят две настольные лампы. Нам читают «Дисциплинарный устав». Рядом со мной сидит Арнольд Лимберг. Мы только что познакомились. В перерыв я вышел с ним в школьный сад. Постепенно мы разговорились о войне, об учебе и т.д. Арнольд учился в Белоруссии. Отец его, пожилой эстонец, был преподавателем русского языка и литературы в одной из русских школ. Арнольду 19 лет. Он может водить автомобиль и мотоцикл. Когда немецкие оккупанты подходили к г. Минску, Арнольд сам вывез на автомобиле свою семью. Он сокрушенно качает головой, жалуясь на то, что с началом войны их семья стала плохо жить. В Белоруссии Арнольду удалось кончить 10 классов средней школы и получить аттестат об окончании. Теперь он ожидает призыва в армию.

Мы весело болтали под высокой березой, пока взводный командир не крикнул нам. Мы прошли школьный коридор и вошли в класс. Переключка уже началась. Ровно в восемь часов нас отпустили домой. На улице было темно. Моросил дождь. Дорогой Арнольд продолжал рассказывать мне о своей прошлой жизни. Около сельсовета мы остановились. Постояли. Мимо нас, громко разговаривая, шли допризывники. Арнольд подал мне руку и скрылся в темноте.

3 октября. Стрелки домашних часов показывали без пятнадцати минут три часа, когда я пошел из дома в Рассказово. Я решил сходить к секретарю комитета первичной организации школы № 4. Четыре месяца я не был в школе и теперь, приближаясь с

каждым шагом к ее стенам, чувствовал какое-то легкое волнение. Я вошел в дверь, которая точно также скрипнула, как и четыре месяца назад, когда вместе с товарищами приходил на занятия. Я поднялся по лестнице, которая тогда была почти всегда грязной от ног учащихся, а теперь почему-то чистой. В коридоре пусто. На стенах ни одной газеты. Мои шаги гулко раздавались по коридору. Я остановился: меня поразила необычайная тишина. Ни из одного класса до меня не доносился спокойный или крикливый голос преподавателя. Только откуда-то был слышен женский смех. Я открыл дверь школьной канцелярии, как и всегда: «Можно?».

– Пожалуйста!

– Здравствуйте!

И тотчас же голос незнакомой женщины отвечает:

– Здравствуй!

На стенах все те же физические и административные карты. Даже большой глобус рядом с маленьким стоят на прежнем месте. Среди сидящих за столом только один знакомый – географ Алексей Александрович Неплюев. Я подхожу к нему и спрашиваю секретаря первичной организации. Он отвечает с тем же грубоватым тоном: «Школа сейчас не работает, Баранов. Ждем гостей... (Тот же кашель). И секретаря нет пока. Поищи кого-нибудь из членов комитета. Узнай у ребят...».

Я вышел на улицу. У ворот фабрики рядом с витриной стахановцев висел плакат: «Учись распознавать самолеты противника!». Внизу плаката рисунки немецких самолетов Ю-88, Ме-111 и др. Я шел и думал. Мне становилась понятной новая обстановка в школе: тишина в коридоре, классах, чистая лестница. На Комсомольской улице стояли несколько подвод с хлебом: закрыли шлагбаум. Я дождался, когда пройдет паровоз. Из репродуктора, установленного около радиоузла, донеслось: «Внимание, граждане, восемнадцать часов по московскому времени...». Я заспешил. На Советской улице зажглись огни. Около кинотеатра остановился у витрины с последними известиями. Рослый красноармеец читал вслух сообщение Информбюро своему товарищу, который, переминаясь с ноги на ногу, внимательно слушал его.

В кинотеатре демонстрировался киносборник № 3 «Победа за нами!». Я купил билет на второй сеанс. В фойе стояли три лейтенанта и оживленно разговаривали с девушками. Все они, смеясь, смотрели в сторону стройной девушки и лейтенанта, которые ловко лавировали между танцующими. Минут через пятнадцать раздался звонок. Я прошел в зрительный зал и с трудом нашел номер моего сидения. Погас свет, и на экране появилось поле боя. Несколько красноармейцев идут на сложные дела. Они совершают подвиг, который долго останется жить в памяти зрителей.

...Летят фашистские самолеты. Внизу маленькие белые домики. Это город. Но вот на месте домиков образуются черные пятна. Сброшенные бомбы делают свое дело. Город горит. На мостовых и тротуарах лежат убитые при бомбардировке. Низко стелется густой черный дым. С одной стороны входят немецкие солдаты...

Сзади меня кто-то глухо вскрикнул. Я оглянулся. Две женщины широко открытыми глазами смотрели на экран. Кончился фильм, который оставил много впечатлений у зрителей. Все выходят на улицу. Многие возбуждены. Светло. Круглая луна висит над городом. Низко над городом пронесся истребитель. Я зашел в парикмахерскую. Два рабочих, дожидаясь своей очереди, играли в шашки. По радио передавали какой-то концерт. Подстригшись, я вышел на улицу. Было холодно. Незаметно я дошел до Спасского. Где-то играла балалайка. Домой идти не хотелось. Я пошел к Ивановым. Мы долго играли на гитаре. Время было около часа ночи, когда я пожелал им крепкого сна и пошел домой.

10 октября. Сегодня утром мой отец получил повестку. Почти двое суток льет дождь. Мое настроение ни к черту. Пока я бегал за подводой в колхоз, пальто и фуражка

на мне насквозь промокли. Дома собирали необходимые вещи для поездки отца в часть. Мать и сестренка плачут.

Поздно к вечеру все было готово, и мы тронулись в Рассказово. Беспреданно лил дождь. Чтобы не было холодно, я то и дело прыгивал с телеги и бежал рядом по скользкой дороге. В райвоенкомат прибыли ночью. За столом сидел дежурный – молодой паренек в военной шинели – и громко кричал в телефонную трубку. Пока отец разговаривал с каким-то начальником, я грелся около голландки. Было неохота выходить на улицу, когда отец позвал меня. На улице было темно. Грязь хлюпала под ногами лошадей. Мы проехали мост и минут через пятнадцать подъехали к дому наших знакомых. Косой луч света, падающий из окна, освещал палисадник. Мы вошли в кухню, из которой были видны большие настенные часы в соседней освещенной комнате. Хозяйка долго хлопотала вокруг нас, пока на столе не появился ужин. Я устроился спать на диванчике у окна. Всю ночь я не мог уснуть. Мерно тикали часы. В окно дул ветер, и разбитое стекло неприятно дребезжало. Я думал о том, что, быть может, с отцом вижусь в последний раз, и эта мысль не давала мне покоя. Только к утру я согрелся и уснул, но, услышав голос отца, быстро встал. Мы наскоро закусили и пошли в райвоенкомат. Город просыпался: слышались сирены автомашин, где-то пел петух, грохоча по рельсам, прошла дрезина. В райвоенкомате уже толпились мобилизованные, когда мы пришли. Я сел рядом с матерью и изредка посматривал на нее: она плакала. Отец позвал меня к себе и сказал, что мне пора ехать домой. Мы вышли во двор. Что-то больно отозвалось в моей душе, когда отец вытащил из кармана часы – те самые, с которыми он ходил на работу – и отдал их мне. Я простился с ним и пошел домой. Я не заплакал, но на душе было тяжело. На повороте дороги я обернулся: отец прощально помахал мне рукой.

16 октября. Я читаю газету. Советское Информбюро сообщает: «В течение 14 октября наши войска вели бои с противником на всем фронте и особенно ожесточенные на Вяземском, Брянском и Калининском направлениях. После ожесточенных боев наши войска оставили город Мариуполь. В ночь с 14 на 15 октября положение на Западном направлении фронта ухудшилось».

Я перевертываю газету и читаю о потерях английской авиации. Далее шло об уборке колхозного урожая, движении двухсотников и т.д.

Многие не верят в помощь Англии Советскому Союзу. В самом деле: если между Англией и СССР заключен договор о взаимопомощи, то почему же в таком случае Британия не перебросит часть своей армии на помощь Советскому Союзу? Не сделает ли подлости Советскому Союзу его союзница Англия? Ведь были же обмануты ею Франция, Финляндия и Норвегия. Кто же после этого будет уверен в незыблемости Британского соглашения с СССР?

30 ноября. Скучно. Полное одиночество. Чтобы рассеять свои невеселые думы, читаю «Паровой Дом». Но и здесь все напоминает мне войну. В Индии против английских угнетателей вспыхивает восстание сипаев. Мятежные отряды одерживают ряд побед над королевской армией. Но вскоре восстание было подавлено, после чего началась жестокая расправа с восставшими. «В общем итоге к началу 1859 года число погибших офицеров и солдат из туземцев превышало 120 тысяч, а число индусов, поплатившихся жизнью за участие – часто недоказанное – в этом восстании, простиралось до 200 тысяч. Таковы результаты страшных репрессий, против которых Гладстон энергично и не без основания протестовал в английском парламенте».

Я уже не читаю дальше, а думаю над тем, сколько же жизнью унесли вот такие восстания, мятежи и войны со времени рождения первого человека на земном шаре. Должно быть, много! И все эти боины происходят от того, что одни люди имеют захватнические цели, осуществления которых не хотят другие. Будет ли когда-нибудь жизнь без эксплуатации человека человеком, корни которой надо искать в начале жизни первобытных людей? Ведь тогда бы прекратились войны и все эти страшные репрессии, о

которых писал Жюль-Верн, и счастливая жизнь потекла бы на всей площади земного шара, так обильно политой человеческой кровью...

1942 год

4 марта. Полчаса тому назад я проводил комсомольское собрание. Слушали отчет комитета о работе комсомольской организации. Собрание голосовало за удовлетворительную оценку комсомольской работе. Сегодня в колхоз приезжал Лепишко. На собрании он долго говорил о беспорядках в колхозе, о лишении колхозного имущества, о пьянке правления и т.д. Кончив дальнейшую речь, он попрощался с колхозниками и уехал обратно в город. Челны правления остались безнаказанными. Колхозники возмущаются: «Поговорил и уехал!». О безобразии членов правления колхоза я говорил и в райкоме ВЛКСМ, и в политотделе, и прокурору, но везде мне отвечали: «Подожди, мы до них доберемся». Трудно одним комсомольцам восстановить порядок в колхозе. Подходит время подготовки к севу, а в колхозе еще не закончена молотьба и неизвестно, когда она закончится. Председатель пьянствует и не попадает на глаза колхозникам. Наши комсомольцы здорово мешают разгильдиям и пьяницам. Редко бывают собрания без выступлений комсомольцев. Сейчас комсомольская организация имеет шестнадцать комсомольцев.

23 марта. Мое выступление против Полякова не прошло даром. На моем заявлении, в котором я просил сельсовет принять меня на работу заведующего клубом, он написал: «В просьбе отказать как не оправдавшему себя на общественной работе». Я молчу при встрече с ним. Обидно.

27 марта. Сегодня в политотделе услышал приятную новость: снимают с работы главного бюрократа – Полякова. Резонова даже сказала: «Мое пожелание ему – отправиться на фронт». Надоел!..

26 апреля. В колхоз прибыл Евдокимов – работник районного отделения НКВД. За мной приходил нарочный. От него я узнал, что Евдокимов приехал для проведения внутриколхозного семенного займа. Я встретился с ним в здании колхозного правления. Лицо рябоватое. Хитер. Стриженный. Фуражку надвигает глубоко на лоб. Обход колхозников – владельцев домов – начали с девяти часов утра. Некоторых обыскивали. Только вечером закусили в одном доме, а затем продолжали обход. В правление колхоза вернулись в 10 часов вечера. Нас ждали Тюкавин – секретарь РК ВКП(б), Иванова – уполномоченный райкома партии, Мокров – председатель сельского Совета и несколько незнакомых для меня личностей. Мы доложили о ходе нашей работы. Прошло еще полчаса, и все разошлись в разные стороны, чтобы на завтра собраться в этом правлении.

Я шел и думал о своей работе за прошедший день. Мне не понравилось обращение Евдокимова с некоторыми колхозниками. Несколько раз я порывался его остановить. Один раз мне это удалось. Он ничего мне не сказал. Когда мы вышли, он, как бы продолжая прерванный разговор, заметил: «Если мы будем обращаться с людьми мягко, то в поле на следующий год может вырасти бурьян. Никто не даст семян колхозу, если мы не возьмем их сами».

4 мая. Гроза. Льет дождь. Только сейчас одел сухое белье. Прочитал ноту народного комиссара иностранных дел товарища Молотова о зверствах и насилиях немецко-фашистских захватчиков в оккупированных советских районах. Жутко.

5 мая. В поле обычно я выезжаю в 5 или 4 часа утра. Мне нравится работа объездчика колхозного поля. Эту работу я получил 10 апреля. Утренний ветерок всегда вызывает у меня хорошее настроение. Верховая езда несколько не утомляет меня за день. Часто я останавливаюсь около одного излюбленного места у высокого берега реки и смотрю на начинающие зеленеть луга, стада коров, болота, заключенные в рамки зеленой травы, и стаи диких уток над ними. Чертовски красиво бывает, когда первые лучи солнца осветят поверхности многочисленных луж на противоположном берегу. Я долго смотрю на этот клочок природы, так мастерски умеющий отгонять дурное настроение. Иногда я

беру с собой рассказы Ги де Мопассана и в свободную минуту ухожу куда-нибудь в скирды и там с удовольствием читаю. Веселое настроение не покидает меня и тогда, когда у меня кончается рабочий день, и я возвращаюсь к своему дому.

Но сегодня день закончился у меня тем, что я расстроенный и злой уехал домой. Причиной этому послужила нечаянная встреча с человеком – жертвой голода.

Часа в четыре вечера я ехал дорогой мимо аэродрома. С одной стороны дороги лежали авиабомбы, по другую – копны колхозной ржи. Я уже сворачивал на другую дорогу, как вдруг заметил человека, одиноко стоявшего около снопов. Он стоял ко мне спиной и, очевидно, не замечал меня. Я подъехал к нему. Это был мальчик лет четырнадцати. Брови у него испуганно поползли вверх, губы как-то скривились. Он сделал робкий шаг назад и вдруг непонятно залопотал. Я задал ему несколько вопросов, но он не ответил. Я понял, что передо мной стоит глухонемой. Он учился в школе глухонемых, так как я с трудом разобрал, что у него нет отца, живет он один и есть ему совершенно нечего. В руке он держал только что отрезанные колосья. Я хотел сказать ему, чтобы он шел с поля, но, увидев в глазах его слезы, я ничего не сказал. Всю дорогу я мучительно вспоминал эту встречу.

25 мая. Получил повестку о предстоящей медицинской комиссии.

26 мая. Был в райвоенкомате. Медицинская комиссия признала меня годным к службе в военно-воздушном флоте. Очевидно, меня пошлют учиться в школу парашютистов. Мне это не очень нравится.

В районном агитпункте играла гармошка, плясали и пели допризывники. Около двух десятков стриженных парней, рассевшись вокруг стола, читали газеты и журналы. Я взял одну из газет и прочитал об эвакуации последних войск Красной Армии из города Керчи. Новость не из приятных. На Харьковском направлении идут ожесточенные бои. На других участках фронта за последние дни существенного ничего не произошло.

В одном конце залы я заметил накрытый скатертью рояль. К нему легкой походкой подошел гражданин в штатском. Он замечательно исполнил песенку из кинофильма «Истребители».

Затем снова играла гармошка, и плясал допризывник высокого роста, тонкий и стройный. Я разговаривал с Черновой и Давыдовой. В 2 часа ходили в «Дубняк» сдавать нормы на значки. Бегали, прыгали и бросали гранаты.

Фотографировался на частной квартире. Вечером смотрели картину «Богдан Хмельницкий».

28 мая. Проверяю все протоколы общих комсомольских собраний. Немало мною с комсомольцами сделано дел. Жаль расставаться с такими хорошими ребятами.

13 июня. Отец прислал письмо с фронта. Он пишет: «Добрый день, дорогое семейство! Пишу вам письмо совершенно из другой обстановки – с боевого рубежа. Каждый день над нами летают немецкие самолеты, но им не удается сбросить бомбы – огонь зенитных орудий и наши истребители обращают их в бегство. Из моих друзей со мной никого нет, кроме Шеболдина, бывшего комзвода. Жизнь настала боевая. Пишите чаще письма. Целую и смотрю на ваши фотокарточки. До свидания. Ваш отец П.М. Баранов».

14 июня. Два дня тому назад в поле за селом разбился военный самолет. Экипаж выбросился с парашютами. Вчера вечером обломки самолета перевезли в Рассказово.

18 июня. Знакомлюсь с Дусей Лисичкиной. Девушка понравилась мне своей смелостью в разговоре. Я ее никогда не видел днем. Говорят, что она имеет красивые черты лица. Сегодня вечером вместе с ней ездил на военной машине в клуб. Шофер оказался отчаянным парнем. Кузов машины качался из стороны в сторону, и Дуся, сидевшая рядом со мной, весело хохотала. В клубе мне не удалось ее увидеть. Вчера она попросила у меня третью часть «Закономерности». Я дал ей.

28 июня. Немецкие самолеты бомбили Тамбов. Из Спасского было видно, как рвались в воздухе снаряды зениток, лучи прожекторов высоко уходили вверх. Были видны ракеты.

8 июля. Были слышны взрывы фугасных авиабомб. Очевидно, бомбили Тамбов. В Рассказово была тревога.

10 июля. Наши войска оставили Старый Оскол. Ожесточенные бои идут западнее Воронежа.

28 июля. Вчера был у Дуси. Я люблю ее безумно. Стараюсь погасить хоть немного свои страстные порывы и чувства, которые губительно действуют на организм, но это плохо дается мне. Товарищи заметили, что я здорово похудел. Нет минуты, чтобы я не вспомнил о ней. Она везде со мной.

В тот день ночью я приходил с ней к своему дому. Она смотрела на полисадник, на крышу дома, залитую лунным светом, и улыбалась той самой улыбкой, которая мне так понравилась на первой встрече.

В тот же вечер я купался в реке, а она сидела на берегу и смотрела на побескоенную поверхность ее. Потом мы ходили в сад. Раза три прошли по аллее. Простились рано утром.

Вчера видел ее отца. Он уже два дня живет в Спасском. Я чуть не возненавидел его: кто-то сказал, что он возьмет ее. Дуся успокоила меня.

Часто мы говорим о Владимире Маяковском. Оказывается, старший брат Дуси очень любит стихи Маяковского. Смеясь, я сказал: «В таком случае, если увидишь своего брата, передавай привет от влюбленного в Маяковского влюбленному в него же!». Она улыбнулась.

Порой я дохожу до состояния, когда не хочется уходить от нее. Не раз я приходил домой с восходом солнца. Днем на работе после бессонной ночи невольно перед глазами всплывал ее образ. Она настоящий друг мне.

21 августа. У меня радость: с фронта пришел отец.

1 сентября. Зачислен курсантом Тамбовского пулеметного училища. (ГАСПИТО. Ф. Р-9327. Оп. 1. Д. 15, Л. 13-58).

⁶² Гурин Михаил Иванович (1916-?). Родился в д. Троицы Омского у. Акмолинской обл. Окончил Омский пед. техникум в 1936. Работал зав. нач. школой в Крутинском р-не Омской обл. В 1939 призван в РККА. Служил в 90-й танк. бр-де (Юго-Западный, Сталинградский, 2-й и 3-й Украинский, Забайкальский фронты). 4 раза был ранен. Демобилизован в 1961. После демобилизации работал инженером электрогазовой службы ТВВАКУ летчиков им. М.М. Расковой. Награжден 3 орденами Кр. Звезды, орденами Отечественной войны 1-й и 2-й ст., Кр. Знамени, 18 медалями, в т.ч. иностранными (НРБ, КНДР, КНР). (ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 10. Д. 1. Л. 16).

⁶³ Т.е. пленных расстреливали.

⁶⁴ Гутт Лев Владимирович (р. 1922). Родился в г. Тамбов. В 1941 окончил СШ № 1. 25 июня 1941 был зачислен в Тамбовское арттехучилище. По окончании училища воевал техником, нач. арт. вооружения стр. див. С боями прошел путь от г. Сталинград до г. Прага. В августе-сентябре 1945 участвовал в войне с Японией. После войны продолжил службу в Восточно-Сибирском, затем Сибирском ВО, органах госбезопасности. После демобилизации в 1968 работал в Гос. союзном проектном ин-те (г. Новосибирск). (ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 12. Д. 3. Л. 34).

⁶⁵ Панихидников Андрей Алексеевич (1923-1994), Герой Сов. Союза (1945). Родился в с. Стаево Козловского у. Тамбовской губ. Из рабочих. Окончил СШ. В РККА и на фронте с июня 1941. В 1942 окончил Тамбовское кав. училище. Ком. сабельного взвода 12-го гв.

кав. полка 3-й гв. кав. див. 2-го гв. кав. корпуса (1-й Белорусский фронт). Отличился в боях в р-не нас. пункта Фледерборн (Польша). 31 января-1 февраля 1945, когда взвод участвовал в отражении вражеских атак, подбил противотанк. гранатами 2 штурмовых орудия. Был дважды ранен, но продолжал вести бой и не пропустил врага. После войны продолжал службу в армии. В 1951 окончил Свердловский юрид. ин-т. С 1979 полковник запаса. Прорывал в г. Киев. Награжден орденами Ленина, Отечественной войны 1-й и 2-й ст., Кр. Звезды, медалями. (Личный архив Л.Г. Дьячкова; Тамбовская энциклопедия. Тамбов, 2004. С. 429).

⁶⁶ Дьяков Алексей Дмитриевич (1915-?). Родился в д. Юматово Тамбовского у. Тамбовской губ. Призван в армию в 1941, демобилизован в 1947. Рядовой. В послевоен. время работал шофером в различных организациях г. Тамбов. (ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 1. Д. 7. Л. 1, 2; Вернулись с Победой: г. Тамбов. Т. 1. Тамбов, 2005. С. 241).

⁶⁷ Селиванов Иван Гаврилович (р. 1923). Родился в с. Кузьмино-Гать Тамбовского у. Тамбовской губ. Окончил 7 кл. Работал счетоводом Кандауровского сельпо. В 1941 поступил на работу на з-д № 204 г. Котовск. В июне 1942 призван в КА. По окончании учебы в мин. полку был направлен на Северо-Кавказский фронт (62-я отд. морская стр. бр-да). Прошел боевой путь от рядового минометчика до ком. отделения фугасно-огнеметной роты. Войну окончил в составе 4-го Украинского фронта и до 1948 служил в Германии ком. пулеметного отделения. Член ВКП(б) с 1946. После демобилизации работал бухгалтером Кандауровского сельпо, секретарем Кузьмино-Гатьевского с/с. В 1953-1955 рабочий строит. управления г. Жигулевск (Куйбышевская обл.). Затем работал в СМУ № 8 г. Котовск. С 1959 нач. охраны, диспетчер, инструктор противопожарной охраны, рабочий-жестянщик з-да «Алмаз». С 1991 на пенсии. Награжден орденом Отечественной войны 2-й ст., медалями «За отвагу», «За оборону Кавказа», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» и др. (ГАСПИТО. Ф. П-700. Оп. 40. Д. 13. Л. 41; Энциклопедия города Котовска. Тамбов, 2007. С. 295-296).

⁶⁸ Т.е. огнем из 50-мм ротных минометов.

⁶⁹ Плещеев Илья Сергеевич (р. 1922). Родился в с. Туголуково Борисоглебского у. Тамбовской губ. Из крестьян. Семья была раскулачена во время коллективизации. 6 из 10 братьев и сестер умерли от голода и болезней. 8 января 1938 репрессирован отец (10 лет ИТЛ с правом переписки, умер в лагере в 1939). Окончил 7 кл. в Туголуково. В 1937 поступил в Воронежский ж.-д. техникум, но вернулся домой из-за трудностей жизни и учебы вдали от дома. 1 сентября 1938 поступил в Воронежский строит. техникум. Летом 1941 по окончании 3-го курса техникума находился на практике в г. Бежица Брянской обл. В РККА с 1941. Участник Сталинградской битвы, операции «Багратион». Тяжело ранен в августе 1942. В 1946 окончил 10-й кл. вечерней школы в г. Тула и поступил в Московский геологоразведочный ин-т. По окончании ин-та работал геологом в Казахстане и Ср. Азии. Канд. геолого-минералогических наук. Награжден орденами Труд. Кр. Знамени, Отечественной войны 1-й ст., Славы 3-й ст., медалью «За оборону Сталинграда», бронзовой медалью ВДНХ. С 1987 на пенсии. Проживает в г. Москва. (Личный архив В.Л. Дьячкова).

⁷⁰ Кратов Дмитрий Николаевич (1903-1985), Герой Сов. Союза (1945). Родился в с. Алкужинские Борки Моршанского у. Тамбовской губ. Из крестьян. Окончил Ашхабадский гидротехникум (1931), Ташкентский строит. ин-т (1934). Работал в строит. учреждениях в г. Сталинабад. В Кр. Армии в 1925-1927 и с 1941. В годы Великой Отечественной войны ком. 250-го гв. арт.-мин. полка (2-й гв. кав. корпус, 1-й Белорусский фронт). Отличился при прорыве обороны противника и освобождении г. Быдгощ и др.

городов Польши. С 1946 подполковник запаса. Работал на стройках Туркмении, Казахстана, Таджикистана. Проживал в г. Севастополь. Награжден орденами Ленина, Кр. Знамени, Кр. Звезды, Кутузова 3-й ст., 2 орденами Отечественной войны 1-й ст., орденом Отечественной войны 2-й ст., медалями. (Тамбовская энциклопедия. Тамбов, 2004. С. 270).

⁷¹ Бычков Василий Николаевич (1920-1999). Родился в с. Цыпино ныне Топкинского р-на Кемеровской обл. Из рабочих. В 1938 поступил в Новосибирский ин-т воен. инженеров путей сообщения. В декабре 1941 добровольцем ушел на фронт. По окончании Тульского оружейно-тех. училища воевал на Калининском фронте, нач. артснабжения мин. див-на 78-й отд. стр. бр-ды. С мая 1943 арт. техник 190-го гв. арт. полка 65-й гв. стр. див. Участвовал в боях на Западном, Ленинградском, 2-м Прибалтийском фронтах. После демобилизации продолжил обучение в Новосибирском ин-те воен. инженеров ж.-д. транспорта. По окончании ин-та в 1950-1965 служил офицером-диспетчером, пом., зам. воен. коменданта ряда ж.-д. станций Западно-Сибирского, Сибирского ВО, инженером управления передвижения войск Восточно-Сибирской ж.д., зам. ком. в/ч (Забайкальский ВО). В 1965-1971 ст. офицер-инженер штаба ГО Красноярского края, Сибирской оперативного зоны ГО (г. Новосибирск). Демобилизован в 1971, подполковник. С 1975 проживал в г. Тамбов. Награжден орденом Отечественной войны 2-й ст., медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» и др. (ГАСПИТО. Ф. П-735. Оп. 43. Д. 14. Л. 154).

⁷² Мясницын Виктор Александрович (1924-2008), Герой Сов. Союза (1945). Родился в с. Лаврово Тамбовского у. Тамбовской губ. Из крестьян. Окончил 7 кл., из них 5 в Лавровской школе. В 1936-1941 семья жила в Тульской обл. В декабре 1941 вернулся с семьей в с. Лаврово. Работал на Лавровском конезаводе. Чл. ВЛКСМ. Чл. ВКП(б) с 1944. В Кр. Армии с 12 августа 1942. Разведчик 312-го гв. мин. полка (4-я танк. армия, 1-й Украинский фронт). В феврале 1945 гв. ефрейтор Мясницын переправился в р-не Кёбен (Хобеня, Польша) через р. Одер, установил связь с разведгруппой, захватившей плацдарм на зап. берегу, что обеспечило эффективность огня артиллерии в боях за расширение плацдарма. В 1947 демобилизован. Работал в совхозе «Новолядинский» Тамбовского р-на. Награжден орденами Ленина, Отечественной войны 1-й ст., медалями. (Личный архив Л.Г. Дьячкова; Тамбовская энциклопедия. Тамбов, 2004. С. 366).

⁷³ На войне, по данным Книг Памяти Тамбовской области, погибли 294 уроженца с. Лаврово, д. Лавровка и других деревень Лавровского с/с, пос. конезавода № 14. Из этих погибших 29 родились в 1923-1926, в том числе 1 девушка.

⁷⁴ Покровский Александр Петрович (1898-1979), военачальник, генерал-полковник. Родился в г. Тамбов. Из семьи служащего. Окончил гор. нач. училище. В 1916 поступил вольноопределяющимся в армию, окончил школу прапорщиков в г. Москва. После Октябрьской революции вернулся в г. Тамбов, работал в почтово-телеграфной конторе. В 1919 призван в Кр. Армию. Участник Гражд. войны, ком. бат-на и полка. В 1926 окончил Воен. академию им. М.В. Фрунзе. С 1940 адъютант, затем генерал-адъютант зам. наркома обороны СССР. В годы Великой Отечественной войны нач. штаба Группы резервных армий, Гл. командования войск Юго-Западного направления, Юго-Западного фронта, нач. штаба ряда армий и фронтов. После войны нач. штаба Барановичского ВО, затем служил в Генштабе (до 1961). Награжден орденом Ленина, 4 орденами Кр. Знамени, орденами Суворова 1-й и 2-й ст., Кутузова 1-й ст., Б. Хмельницкого 1-й ст., Кр. Звезды, Октябрьской Революции. (Тамбовская энциклопедия. Тамбов, 2004. С. 452).

⁷⁵ Дорогобед (до замужества Мишина) Наталья Федоровна (р. 1922). Родилась в с. Мучкап Борисоглебского у. Тамбовской губ. Из крестьян. Окончила СШ. Работала библиотекарем Мучкапской СШ. В апреле 1942 мобилизована в КА и направлена в 733-й ЗАП. В составе этого полка принимала участие в боевых действиях на Брянском, Центральном, Западном, Северном фронтах, ком. отделения разведки, сержант. Член ВКП(б) с 1944. В 1945-1946 обучалась в Московском юрид. ин-те. В 1946-1953 администратор, машинистка, зав. делопроизводством управления Московского центр. аэропорта «Внуково». В 1953-1958 не работала. С 1958 проживала в г. Тамбов. Работала администратором гостиницы «Тамбов», дир. гостиницы «Колос», зам. дир. объединенного гостиничного хоз-ва, дир. банно-прачечного комбината, инженером управления горкомхоза. В 1965 заочно окончила Тамбовский с/х техникум. С 1977 на пенсии. Награждена орденом Отечественной войны 2-й ст., медалями «За взятие Берлина», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». (ГАСПИТО. Ф. П-735. Оп. 43. Д. 28. Л. 27).

⁷⁶ Рзянин Денис Филиппович (1910-1989), Герой Сов. Союза (1944). Родился в с. Коростелево Борисоглебского у. Тамбовской губ. Из крестьян. Отец в 1918 убит бандитами, вскоре умерла мать. Получил нач. образование. В 1931 выехал на Сев. Кавказ, где работал в совхозе «Асиновский». Затем работал в Грузии. В 1932-1935 ученик пекаря, пекарь 1-го разряда зерносовхоза в Узбекской ССР. В 1935 поступил в автошколу г. Самарканд. По окончании школы работал шофером в зерносовхозе (ст. Ломакино), организации «Союзсовхозприбор» г. Ташкент. В 1942 призван в Кр. Армию. Служил шофером 245-го минометного див-на (6-я армия, 3-й Украинский фронт). Отличился при переправе через р. Днепр. После войны жил в г. Ташкент, работал шофером. Награжден орденами Ленина, Отечественной войны 1-й ст., Кр. Звезды, медалями. (Личный архив Л.Г. Дьячкова; Тамбовская энциклопедия. Тамбов. 2004. С. 497).

⁷⁷ «Мессершмитт», Me-110 – нем. самолет многоцелевого назначения, двухмоторный с разнесенным хвостовым оперением, выпуск 1937, макс. скорость 510 км/ч, дальность полета 1400 км, вооружение: 4 пулемета 7,92-мм (или 2 пушки 30-мм), 2 пушки 20-мм и подвижный пулемет 7,92-мм. В варианте истребитель-бомбардировщик (бомбовая нагрузка: 2 бомбы до 1000 кг и 4 бомбы по 50 кг).

⁷⁸ «Мессершмитт», Me-109 – нем. истребитель, выпуск 1936, макс. скорость 570 км/ч, дальность полета 660 км, вооружение: 1 пушка 20-мм, 2 пулемета 7,92-мм.
«Мессершмитт», Me-109Ф – нем. истребитель, один из двух вариантов Me-109 (наряду с Me-109Г), бывших в строю германских ВВС к 1943.

⁷⁹ Ил-2 – советский штурмовик.

⁸⁰ В годы войны А.П. Фролов летал на нескольких самолетах конструкции А.С. Яковлева – Як-1, Як-7, Як-9Д, Як-Т, Як-3. В описанных эпизодах участвует Як-9Д – истребитель, выпуск 1942, макс. скорость 599 км/ч, дальность полета 850 км, вооружение: 1 пушка 20-мм, 2 пулемета 7,62-мм.

⁸¹ Подшивалин Николай Павлович (р. 1925). Родился в с. Рассказово Тамбовского у. Тамбовской губ. Призван в армию в 1943. Боевое крещение получил в боях под г. Воронеж. Демобилизован в 1950, рядовой. В органах УВД по Тамбовской обл. прослужил более 26 лет. Награжден медалями «За безупречную службу». (Музей истории тамбовской милиции УВД по Тамбовской области; Вернулись с Победой: г. Тамбов. Т. 2. Тамбов, 2005. С. 117).

⁸² Гладиллина Вера Владимировна (1915-?). Родилась в г. Тамбов. Из служащих. Окончила 7 кл., Тамбовский мед. техникум в 1933 г. Работала медсестрой в детясях, затем в Тамбовском воен. госпитале, одновременно занималась на курсах по подготовке в ин-т. В 1935-1940 обучалась во 2-м Московском мед. ин-те. По окончании ин-та направлена в Новодеревенскую район. больницу Рязанской обл., где работала район. педиатром, затем главврачом. 25 июня 1941 г. направлена в ППГ № 697, который формировался в г. Рязань. В годы войны ординатор, ст. ординатор ряда госпиталей (Западный, 1-й Украинский, 2-й Белорусский фронты). Член ВКП(б) с 1943. В марте 1944 была ранена. Демобилизована в октябре 1945, капитан мед. службы. После демобилизации работала врачом в Доме ребенка № 2 г. Тамбов. В июле 1947 переведена в облздравотдел инспектором дет. сектора. С сентября 1947 работала педиатром, затем дет. невропатологом Тамбовской обл. дет. больницы. С октября 1976 на пенсии. Награждена орденами Кр. Звезды, Отечественной войны 2-й ст., медалями. (ГАСПИТО. Ф. П-735. Оп. 43. Д. 20. Л. 159).

⁸³ Малютина Лидия Васильевна (1919-2005). Родилась в г. Славгород Барнаульского у. Томской губ. Окончила СШ, Пермский гос. мед. ин-т. В 1942 мобилизована в РККА. Служила ком. медсанвзвода 11-й лыжной бр-ды 2-й ударной армии Волховского фронта, ст. лейтенант. Принимала участие в боях по снятию блокады г. Ленинград. Демобилизована в 1943 по состоянию здоровья. После демобилизации работала зав. Висимским райздравотделом, терапевтическим отделением медсанчасти медного рудника в г. Дегтярск (Свердловская обл.). С 1969 проживала и работала в г. Котовск, зав. терапевтическим отделением медсанчасти з-да пластмасс. Награждена орденом Отечественной войны 2-й ст., боевыми медалями. (Энциклопедия города Котовска. Тамбов, 2007. С. 234; Вернулись с Победой: г. Котовск, Мичуринский район. Тамбов, 2006. С. 115).

⁸⁴ Бикмухаметова (до замужества Тулупова) Лидия Семеновна (1920-?). Родилась в с. Никольское Тамбовского у. Тамбовской губ. Окончила Тамбовскую ФАШ в 1940. Призвана в армию в 1942, демобилизована в 1945. Ст. сержант. В послевоен. годы работала в эндокринологическом отделении Тамбовской обл. больницы. (ГАСПИТО. Ф. Р-9298. Оп. 1; Вернулись с победой: г. Тамбов. Т. 1. Тамбов, 2005. С. 137).

⁸⁵ Медведева Александра Аркадьевна (1916-?). Родилась в г. Тамбов. Из служащих. Окончила Тамбовское пед. училище в 1934. Работала воспитателем детсада № 21 г. Тамбов. В 1941 заочно окончила Московский пед. ин-т. В январе 1942 мобилизована в КА. Работала медсестрой воен.-сан. поезда № 1053 (Брянский, 2-й Прибалтийский фронты). Демобилизована в декабре 1945, старшина. В послевоен. время работала воспитателем детдома № 9 при з-де «Комсомолец» (был открыт для детей погибших фронтовиков). После закрытия детдома в 1955 воспитатель детсада № 19 при з-де «Комсомолец» С июля 1977 на пенсии. Награждена медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». ГАСПИТО. Ф. П-735. Оп. 43. Д. 63. Л. 128).

⁸⁶ Багрянцева Нина Константиновна (1918-?). Родилась в г. Тамбов. Окончила Воронежский мед. ин-т в 1941. Призвана в армию в 1941, демобилизована в 1947. Майор. (Ф. Р-9328. Оп. 1. Д. 6. Л. 12; Вернулись с Победой: г. Тамбов. Т. 1. Тамбов, 2005. С. 115).

⁸⁷ Шарандина Антонина Яковлевна (р. 1924). Родилась в д. Аполево Ржевского у. Тверской губ. Призвана в армию в 1941, демобилизована в 1945. Старшина. С 1950 работала медсестрой урологического отделения Тамбовской обл. больницы. В своих воспоминаниях в 1986 она написала: «Я люблю свою работу, и до сих пор не могу расстаться с любимым делом – помогать больным в их страданиях. С 1970 года – ударник коммунистического труда. В 1975 году награждена значком «Отличник здравоохранения».

Не один десяток благодарностей. Несколько лет была членом клуба – женщин ветеранов войны. Занимаюсь патриотическим воспитанием молодежи. Часто бываю в школах № 5, 12, в ПТУ, в педучилище. За это награждена многими благодарностями и знаками от секции ветеранов войны. Вот уже пять лет участвую в хоре ветеранов войны. Два раза в неделю ходим на репетиции. Выступаем часто в ПТУ и в школах, на уроках мужества, в санаториях и других учреждениях. И пока бьется мое сердце, я всегда с народом, коллективом». (Ф. Р-9328. Оп. 1. Д. 6. Л. 88, 91; Вернулись с Победой: г. Тамбов. Т. 2. Тамбов, 2005. С. 318).

⁸⁸ Голоднова Зинаида Сергеевна (р. 1923). Родилась в с. Знаменка Тамбовского у. Тамбовской губ. Призвана в армию в 1941, демобилизована в 1943. Лейтенант. (Вернулись с Победой: Жердевский, Знаменский, Инжавинский районы. Тамбов, 2005. С. 235).

⁸⁹ Кузнецова Мария Викторовна (1919-?). Родилась в с. Свищевка Кирсановского у. Тамбовской губ. Окончила Саратовский мед. ин-т, врач-терапевт. Призвана в армию в 1943. Служила в СА до 1958, капитан. После демобилизации работала в 4-й обл. больнице. Награждена орденом Отечественной войны 2-й ст., 12 медалями. (Ф. Р-9328. Оп. 1. Д. 6. Л. 56, 57; Вернулись с Победой: г. Тамбов. Т. 1. Тамбов, 2005. С. 377; Д.П. Горбунова. Тамбовчанки в боях за Родину. Воронеж, 1982. С. 48, 77).

⁹⁰ Старкова Тамара Константиновна (1912-?). Родилась в г. Малоархангельск Орловской губ. Из семьи служащих (отец – адвокат, мать – учительница нач. кл.). В 1930 окончила СШ с пед. уклоном. Работала учителем нач. кл., затем табельщиком на катанинной ф-ке в г. Серпухов. В 1934-1940 обучалась на педиатрическом фак-те Воронежского мед. ин-та. По окончании ин-та направлена зав. жен.-дет. консультацией Пичаевского р-на Тамбовской обл. В марте 1943 мобилизована в КА. В своих воспоминаниях Т.К. Старкова в 1986 написала: «В армию я попала с начала 1943 г. – сначала в полев[ой] госпиталь, затем в эвакогоспиталь 1-го Украин[ского] фронта. Конец войны застал нас в Германии, в г. Бреслау. Наш госпиталь занимался оздоровлением репатриантов, многих из которых надо было серьезно лечить прежде, чем отправить в Союз. Я демобилизовалась в марте 1946 г.». Член ВКП(б) с 1945. После демобилизации работала в Пичаевском р-не зав. дет. консультацией, райздравотделом, главврачом район. больницы. В 1953-1956 зам. зав. Тамбовским облздравотделом. В 1956-1959 дир. медучилища № 1 г. Тамбов. В 1959-1960 дир. дет. ревматического санатория (с. Хоботово). Затем работала гл. педиатром облздравотдела, врачом, зав. орг.-метод. кабинетом Тамбовской обл. дет. больницы. С 1977 на пенсии. Награждена орденами Кр. Звезды, Отечественной войны 2-й ст., «Знак Почета», медалями. (ГАСПИТО. Ф. П-735. Оп. 43. Д. 97. Л. 100; Ф. Р-9291. Оп. 8. Д. 63. Л. 59-60 об.).

⁹¹ Селезнева Александра Никитична (р. 1922). Родилась в пос. Комаровка Кирсановского у. Тамбовской губ. Окончила Курдюковскую НСШ, Тамбовскую фармацевтическую школу. Призвана в армию в 1941. Демобилизована в 1946. Мл. лейтенант. После демобилизации работала ст. лаборантом на кафедре фармакологии Дагестанского мед. ин-та (г. Махачкала). В 1955 переехала в с. Чернавка Красивского р-на Тамбовской обл. С 1961 работала химиком-аналитиком в аптеке г. Тамбов. С 1977 на пенсии. Награждена орденом Отечественной войны 2-й ст., медалями. В своих воспоминаниях А.Н. Селезнева в 1986 написала: «Кроме меня на фронте было 4 брата, один работал на военном заводе. В 1941 году (в декабре) брат Иван уже от второго ранения умер в госпитале Ленинградского фронта. Так что вся наша семья участвовала в Великой Отечественной войне. А мама за воспитание шестерых детей имела награду: «Медаль материнства». (ГАСПИТО.

Ф. Р-9328. Оп. 1. Д. 6. Л. 76, 77; Вернулись с Победой: г. Тамбов. Т. 2. Тамбов, 2005. С. 190).

⁹² Бандурина Прасковья Ивановна (р. 1922). Родилась в с. Пичаево Моршанского у. Тамбовской губ. Из крестьян. Окончила Моршанскую ФАШ в 1940. Работала зав. Большеломовисском фельдшерским участком (Пичаевский р-н). В октябре 1941 мобилизована в РККА. Служила фельдшером 1383-го саперного бат-на (Брянский фронт). С мая 1942 медсестра, затем ст. медсестра сортировочного ЭГ № 1060 (Степной и 2-й Украинский фронты). Член ВКП(б) с 1945. Демобилизована в марте 1946. После демобилизации работала фельдшером, зав. здравпунктом, зав. детяслями, медсестрой ж.-д. больницы (ст. Вязьма Западной ж.д.). В 1952-1954 обучалась в школе профдвижения в г. Минск. По окончании школы секретарь райпрофсожа ст. Вязьма. С 1955 проживала в г. Тамбов, где работала медсестрой, пред. месткома Тамбовской обл. больницы. С 1979 на пенсии. Награждена орденом Отечественной войны 2-й ст., медалями. (ГАСПИТО. Ф. П-735. Оп. 43. Д. 7. Л. 87).

⁹³ Архангельский Николай Васильевич (1916-2005), писатель, драматург, врач. Родился в с. Колюбакино Рузского у. Московской губ. Окончил в 1940 Воронежский мед. ин-т. Участник Великой Отечественной войны, войны с Японией. В 1953-1954 врач в Московской обл. С 1954 работал в хирургическом отделении Тамбовской ж.-д. больницы, в 1961-1976 зав. отделением. Автор пьес, очерков. Пьесы «Печать доверия», «Упорные сердца» поставлены в 1950-е в Тамбовском обл. драмтеатре им. А.В. Луначарского. В 1974 в репертуар театра была включена пьеса «Тропинки». Перу Н.В. Архангельского принадлежат «Записки врача», пьесы для кукольного театра, инсценировка романа А.С. Новикова-Прибоя «Соленая купель». В последние годы создал цикл рассказов о хирургах, вошедших в книги «Возвращение» (2000), «Право на жизнь» (2001). Член Союза писателей России с 1960, возглавлял Тамбовское отделение Лит. фонда СССР. Награжден медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «За победу над Японией».

В своих воспоминаниях Н.В. Архангельский в 2000 написал: «Родился я в селе Колюбакино Рузского района Московской области. Отец после революции работал фельдшером в сельской больнице. Мать вела хозяйство, занималась детьми. В 1919 г. она умирает от тифа.

В том же году (1919 г.) в селе Ярки, что расположилось на берегу Елани, в Воронежской губернии, тоже от тифа умерли дед и бабушка (родители отца). Дед был кузнецом, на всю округу славился своей работой и честностью. Отцу в наследство достался в Ярках пятистенок.

Шла Гражданская война. На станционных путях стояли составы грузовых поездов. Приближалась линия фронта. Отцу вместе с другими семьями разрешили эвакуироваться. Ехали долго, в теплушках, сильно трясло. В Ярках у нас с братом началась беспризорная жизнь, так как отец целыми днями пропадал на работе, в доме постоянно находились его родственники. Нами никто не интересовался, а только все поучали и били, кто хотел и как хотел, чтобы без матери не отбились от рук.

Еще не прошло и года после смерти матери, как отец привел в дом мачеху. Она окончила гимназию, а в Ярках заведовала сельской библиотекой. Мы с братом так и не узнали, как она попала в Ярки. Может, голод, хотя в тот год в селе роскошью были лепешки да похлебка из лебеды.

С этого момента наша беспризорная жизнь закончилась. Мачеха готовила из золы щелок и купала нас с братом. Забыли мы и про холщовые штаны и рубашки без пуговиц, в которых ходили до ее появления у нас дома. В доме у нас были книги, которая она по вечерам читала при свете керосиновой лампы.

После окончания школы поступил в Воронежский медицинский институт. За время учебы мой почерк окончательно испортился. Писали быстро, да к тому же много на латыни. Практику после института я проходил в одной из деревень Тамбовской области. Здесь меня застала война». (Личный архив В.Л. Дьячкова; Тамбовская энциклопедия. Тамбов, 2004. С. 38).

⁹⁴ Мацевская – ж.-д. ст. в Читинской обл.

⁹⁵ Макаров Алексей Трифонович (1922-1988), генерал-майор, Герой Сов. Союза (1946). Родился в с. Красная Криуша Тамбовского у. Тамбовской губ. Из крестьян. Окончил СШ, Мичуринский аэроклуб. В 1942 окончил Балашовскую авиашколу. Ком. звена 187-го гв. штурмового авиаполка (5-я возд. армия, 2-й Украинский фронт). Совершил 118 боевых вылетов. После войны служил в ВВС. Окончил Воен.-возд. академию (1951), преподавал в Воен. академии им. Фрунзе, зам. начштаба ВВС округа. С 1983 в запасе. Проживал в г. Москва. Награжден орденами Ленина, 3 орденами Кр. Знамени, 2 орденами Отечественной войны 1-й ст., орденами Кр. Звезды, «За службу Родине в ВС СССР» 3-й ст., медалями.

В автобиографии А.Т. Макаров в 1972 написал: «Родился 20 апреля 1922 года в селе Красная Криуша, Никифоровского (ныне Тамбовского) района, Тамбовской области в семье крестьянина. После Красной Криуши до 1929 года жил в Калининском поселке того же района. В 1929 году вместе с родителями переехал жить в г. Мичуринск.

В 1934 году умерли отец, а потом и мать. Воспитывался у старших братьев, до осени 1940 года состоял на их иждивении. Весной 1940 г. поступил учиться в Мичуринский аэроклуб, одновременно занимаясь в 10-м классе средней школы.

Помимо указанного выше окончил: в 1951 году – Краснознам. Воен.-возд. академию; в 1955 г. – трехгодичный вечерний университет марксизма-ленинизма, в 1959 г. – адъюнктуру (в гражданке – аспирантуру).

Ученая степень – кандидат военных наук, ученое звание – доцент. Занимаемая должность – старший преподаватель Военной академии им. М.В. Фрунзе.

Женат. Семья – жена, дочь (1948 г. рождения)».

(Личный архив Л.Г. Дьячкова; Тамбовская энциклопедия. Тамбов, 2004. С. 314-315).

⁹⁶ Т.е. стрелок-радист погиб.

⁹⁷ Шапкина Анастасия Васильевна (р. 1921). Родилась в д. Некрасово Тамбовского у. Тамбовской губ. Из крестьян. В своих воспоминаниях в 1992 она написала: «Семья у нас была большая: отец, мать и десятеро детей. Отец работал в колхозе, мама не работала, т.к. было много работы по дому и за нами нужно было присматривать. Братики и сестренки ходили в местную школу, получили среднее образование. Я в 1939 г. закончила среднюю школу с педагогическим уклоном. В 30-м году, когда мне было 10 лет, началась коллективизация. Многих в нашей деревни раскулачивали – тех, кто хорошо работал, у кого было хорошее, сильное хозяйство. Многих ссылали. А в 1935 г. умер отец, а у матери нас десять человек. Жить стало намного труднее, а тут еще в 1936 г. – голод. Весной ходили собирать перезимовавшие колоски и молотили на самодельной мельнице».

Призвана в армию в 1942, демобилизована в 1945. Сержант. (Личный архив В.Л. Дьячкова; Вернулись с Победой: г. Тамбов. Т. 2. Тамбов, 2005. С. 317).

⁹⁸ Кобзева Любовь Дмитриевна (р. 1921). Родилась в с. Пахотный Угол Тамбовского у. Тамбовской губ. Окончила Тамбовский учит. ин-т. В апреле 1942 мобилизована в Кр. Армию. Демобилизована в 1945. После демобилизации работала ответственным

секретарем редакции Бондарской район. газеты, воспитателем Пахотноугловского детдома, товароведом сельпо. С 1977 на пенсии. (Личный архив В.Л. Дьячкова).

⁹⁹ Кулешова Ирина Николаевна (р. 1925). Родилась в г. Тамбов. Демобилизована в 1945. Мл. сержант. (Вернулись с Победой: г. Тамбов. Т. 1. Тамбов, 2005. С. 382).

¹⁰⁰ Попова Мария Ивановна (р. 1922). Родилась в с. Шульгино Тамбовского у. Тамбовской губ. Призвана в армию в 1942, демобилизована в 1945. Сержант. После демобилизации окончила Тамбовское фармацевтическое училище. Работала на Дальнем Востоке. Затем зав. аптекой с. Шульгино (до 1982). (Личный архив В.Л. Дьячкова; Вернулись с Победой: Мордовский район, г. Моршанск. Тамбов, 2006. С. 174).

¹⁰¹ Семенов Александр Васильевич (р. 1925). Родился в с. Иванково Тамбовского у. Тамбовской губ. Из крестьян. Окончил 6 кл. Работал в к-зе в родном селе. В феврале 1943 мобилизован в Кр. Армию. Служил в 22-й гв. стр. див. (2-й Белорусский фронт). После демобилизации в январе 1945 продолжил работу в к-зе. Член КПСС с 1956. С 1980 на пенсии. Награжден медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». (ГАСПИТО. Ф. П-16. Оп. 34. Д. 15. Л. 139).

¹⁰² Имеются в виду винтовки.

¹⁰³ Кольшенко Сергей Иванович (1914-1998), партизан. Родился в г. Моршанск Тамбовской губ. Из рабочих. Окончил СШ, работал шофером в Моршанском РИКе. С начала Великой Отечественной войны призван в Кр. Армию, попал в плен. В декабре 1941 бежал из лагеря военнопленных в с. Сычевка Могилевской обл. Вновь попал в плен, в апреле 1942 бежал из лагеря в г. Борисов. С мая 1942 по октябрь 1943 находился в 128-м партизанском отряде 14-й партизанской бр-ды Могилевской обл. Награжден орденом Кр. Знамени и медалью «Партизану Отечественной войны». Был тяжело ранен (потерял руку). После войны работал механиком в Моршанском химлесхозе. (Тамбовская энциклопедия. Тамбов, 2004. С. 253; Вернулись с Победой: Мордовский район, г. Моршанск. Тамбов, 2006. С. 291).

¹⁰⁴ Мымриков Федор Архипович (1919-?), партизан. Родился в с. Черняное Тамбовского у. Тамбовской губ. Из крестьян. Окончил школу в с. Черняное и Тамбовскую ФАШ. С 1938 в Кр. Армии, военфельдшер. В августе 1941 тяжело контуженным попал в плен. Осенью 1941 бежал из Винницкого лагеря военнопленных. Устроившись фельдшером Козинецкой амбулатории, стал подпольщиком. С октября 1943 фельдшер партизанской бр-ды, участвовал в боевых операциях. В 1944 направлен на службу в Войско Польское, лейтенант мед. службы. В 1948 вернулся в г. Тамбов, работал в санэпидемстанции. Награжден орденами Дружбы народов, Отечественной войны 2-й ст., медалью «За боевые заслуги», польскими наградами. (Тамбовская энциклопедия. Тамбов, 2004. С. 366).

¹⁰⁵ Фролов Николай Михайлович (1924-1987), Герой Сов. Союза (1944). Родился в с. Отхожее Кирсановского у. Тамбовской губ. Из крестьян. Получил неполное ср. образование. Работал в к-зе. В Кр. Армии с 1942. Окончил спецшколу в г. Москва. Ком. диверсионной группы 1-го молдавского партизан. соединения. В тылу врага лично взорвал 10 эшелонов. С 1944 капитан запаса. В 1952 окончил Кишиневский ун-т. Работал дир. школы в г. Кишинев. Награжден орденами Ленина, Отечественной войны 1-й ст., Кр. Звезды, медалями. (Тамбовская энциклопедия. Тамбов, 2004. С. 643).

¹⁰⁶ Клоков Валерьян Дмитриевич (?-1980), партизан, участник франц. Сопротивления. Родился в г. Тамбов. В 1941 мобилизован в РККА. Служил в 3-й бр-де торпедных катеров

КБФ. В одном из боев был ранен, попал в плен и оказался в фашистском концлагере на территории Франции. 6 раз бежал, подвергался за это жестоким пыткам. После очередного удачного побега создал небольшой партизанский интернациональный отряд. Бойцы отряда пустили под откос 2 ж.-д. состава противника, распространяли антифашистские листовки среди населения. По доносу был схвачен и направлен в концлагерь Бухенвальд. После войны работал машинистом на ж.-д. ст. Тамбов. Бюст В.Д. Клокова (скульптор В. Мачихин) экспонируется в ТОКМ. (В рядах народных мстителей (тамбовчане – партизаны Великой Отечественной войны). Буклет. Тамбов, 1984).

¹⁰⁷ На хранении в ТОГУ «ГАСПИТО» имеется автобиография Е.В. Волосевич, в которой значится: «Я, Волосевич (Сахарова) Елена Валентиновна, родилась в г. Тамбов 7 октября 1916 г. Отец мой, Сахаров Валентин Валерьянович, – агроном, окончивший Петровско-Разимовскую академию (теперь – академия им. Тимирязева). Мать, Ольга Дмитриевна, – учительница.

Спустя немного времени после моего рождения, отец мой переехал с семьей в Липецк, где работал агрономом, потом инспектором Грязинского элеватора, а с 1925 г. вся семья переехала в г. Тамбов.

В 1931 г. я окончила школу № 1 г. Тамбова, а в 1932 г. поступила в Тамбовский строительный техникум, который в 1936 г. окончила и стала работать строителем-проектировщиком в горпроекте (ныне – ин-т Тамбовгражданпроект) по 1938 г. В 1938 г. перешла на работу в облстатуправление в сектор капитального строительства на должность старшего экономиста...

В 1945 г. еще до окончания войны мне разрешили вернуться в Тамбов к сыну. В 1945 г. у меня родилась дочь. А я по состоянию здоровья не работала до 1950 г. С января 1950 г. и до марта 1972 г. работала инженером-проектировщиком института «Тамбовгражданпроект»...

С 1972 г. на пенсии. С 1974 г. работала внештатным инспектором Тамбовского горисполкома. Являлась членом совета женщин – участниц Великой Отечественной войны и секретарем группы бывших партизан, подпольщиков и участников Сопротивления во время Великой Отечественной войны. (ГАСПИТО. Ф. П-735. Оп. 43. Д. 18, Л. 63; Ф. П-9019. Оп. 1. Д. 1338. Л. 1, 5).

¹⁰⁸ Лебедев Андрей Степанович (1916-2003). Родился в д. Остров Гривы Холмогорского у. Архангельской губ. Окончил 8 кл. (1930), школу морского ученичества г. Архангельск (1932), школу инструкторов-летчиков в г. Ульяновск (1935), КУКС в г. Москва (1938). В 1938-1941 нач. летной части, ком. отряда Архангельского, Кольчугинского, Вязниковского, Кировского аэроклубов (Архангельская, Ивановская обл.). С ноября 1941 на фронте, зам. ком., ком. авиаэскадрильи 714-го, 45-го гв., 44-го гв. авиапунктов (Юго-Западный, Сталинградский, Донской, Центральный и 1-й Белорусский фронты). После войны продолжил службу ком. авиаэскадрильи в Германии, Московском ВО. С 1947 работал в аэроклубах гг. Ижевск, Киров, Ташкент. С 1956 проживал в г. Тамбов. Работал нач. Тамбовского аэроклуба, инструктором ОК ДОСААФ. Полковник. Награжден 2 орденами Кр. Знамени, орденами Отечественной войны 1-й ст., Кр. Звезды, медалями «За оборону Сталинграда», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «За боевые заслуги». (ГАСПИТО. Ф. П-735. Оп. 43. Д. 56. Л. 32; Вернулись с Победой: г. Тамбов. Т. 1. Тамбов, 2005. С. 396).

¹⁰⁹ На хранении в ТОГУ «ГАСПИТО» имеется автобиография Ю.А. Шебуновой (1922-2008), в которой значится: «Я, Шебунова Юлия Афанасьевна, родилась в 1922 г., в Белоруссии, Витебская область, Лиознянский район, д. Горбово. В 1928 г. родители переехали на постоянное местожительство в Хохлово, Смоленского района (16 км от г.

Смоленска). В 1940 г. окончила Хохловскую среднюю школу. Поступила в Смоленский пединститут на факультет языка и литературы. Но учеба в институте была прервана войной.

24 июня 1941 г. с группой девушек-студенток 1-[го] курса обратилась в военкомат с просьбой послать нас на фронт. Ведь мы посещали курсы медсестер при институте после лекционных занятий (в вечернее время). Военком просьбу отклонил, ссылаясь на то, что призовут девушек 3-го и 4-го курсов. 25 июня после митинга студентов ушли на строительство оборонных сооружений в сторону Белоруссии за город Красный (рытье противотанковых рвов). 12 июля получили распоряжение из штаба нашего института уходить в сторону гор. Смоленска (штаб находился в г. Красный Смоленской области). До Смоленска не дошли, т.к. шли бои на подступах к городу, и 15 июля верхняя часть города была занята врагом. Наша территория была оккупирована фашистами.

Весь период оккупации находилась в с. Хохлово Смоленского района и области. С декабря 1941 г. по май 1943 г. член подпольной группы д. Хохлово (руководитель М.И. Михайлов, учитель). С мая 1943 г. по 25 сентября 1943 г. связная 8-[го] партизанского отряда, входящего в состав соединения «Тринадцать» полка С.В. Гришина.

С 2 октября 1943 г. по октябрь 1947 г. тех. секретарь, затем статистик сектора партучета Сталинского РК ВКП(б) гор. Смоленска. С декабря 1947 г. по апрель 1949 г. – гор. Тамбов, статистик сектора партучета, Центральный РК ВКП(б). С декабря 1947 г. по июль 1950 г. учеба в Тамбовском учит. институте (заочно). С октября 1952 г. по февраль 1955 г. воспитательница детского дома № 9 завода «Комсомолец». С августа 1955 г. учительница начальных классов средней школы № 9 города Тамбова по сентябрь 1978 г. С сентября 1978 г. пенсионерка.

Военно-патриотическая работа в школе, техникумах, член совета клуба женщин-участниц войны «Фронтвичка», уроки мужества, встреча с учащимися (пост № 1). С 1946 г. член КПСС, с 1992 г. член КП РФ.

Награждена орденом Отечественной войны 2-й ст., юбилейными медалями, знаком «Отличник народного образования». (ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 3. Д. 44. Л. 11-12об).

¹¹⁰ Ермаков Юрий Яковлевич (р. 1922). Родился в г. Тамбов. Окончил СШ № 14. Работал технологом на з-де «Ревтруд». В январе 1942 в составе группы комсомольцев направлен в спецшколу № 2 при ЦК КП(б) Белоруссии (г. Москва). По окончании школы в мае 1942 в качестве ком. диверсионно-подрывной группы направлен в 3-ю Белорусскую партизанскую бр-ду. В августе 1943 был ранен. После излечения работал зав. торговделом Красивского РИКа, зав. пунктом «Заготзерно» Инжавинского р-на, воспитателем Успенковского детдома Избердеевского р-на. В 1946-1947 секретарь Избердеевского РК ВЛКСМ. Затем работал зав. Донским клубом Тамбовского р-на, зав. отделом культуры Тамбовского РИКа. В 1956 окончил Воронежскую обл. культурно-просветительную школу. Член ВКП(б) с 1956. Награжден орденами Кр. Знамени, Отечественной войны 2-й ст., медалями «Партизану Отечественной войны» 1-й ст., «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». (ГАСПИТО. Ф. П-1045. Оп. 4. Д. 4511; Ф. П-1184. Оп. 2. Д. 912).

¹¹¹ Архипов Владимир Иванович (1924-?). Родился в г. Тамбов. Обучался в СШ № 8 г. Тамбов. В январе 1942 из 10-го кл. по комс. набору направлен в диверсионную школу. После войны заочно окончил Белорусский гос. ун-т. С марта 1946 на рук. комс. работе в Белоруссии: лектор, зав. особым сектором ЦК ЛКСМБ, секретарь Бобруйского ОК ЛКСМБ. Затем на отв. парт. работе в Белорусской ССР. С 1961 работал ст. преподавателем истории КПСС Гродненского с/х ин-та. Награжден 2 орденами, медалями. (ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 4. Д. 29. Л. 1, 10, 10 об.).

¹¹² С октября 1939 призывной возраст – 18 лет. С 19 лет призывались выпускники ср. школ.

¹¹³ Медников Георгий Фролович (1920-?), партизан. Родился в с. Усть-Кензарь Тамбовского у. Тамбовской губ. Из крестьян. Окончил 7 кл. в с. Коптево, учился в ФЗУ в г. Тамбов. В 1936 переехал в г. Москва, работал слесарем на з-де. В 1940 призван в Кр. Армию. Оказавшись в окружении летом 1941, возглавил партизанский отряд из красноармейцев и местных жителей, действовавший в Белоруссии. После войны жил и работал слесарем в г. Минск. Награжден орденами Ленина, Кр. Знамени, медалью «Партизану Отечественной войны». (Тамбовская энциклопедия. Тамбов, 2004. С. 325).

¹¹⁴ Забавников Вальтер Петрович (р. 1924). Родился в с. Тулиновка Тамбовского у. Тамбовской губ. Окончил 9 кл. Тулиновской СШ. В июле-августе 1941 вместе с одноклассниками участвовал в стр-ве оборонительных сооружений в Брянской обл. По возвращении с труд. фронта работал в охране Тулиновского игольного з-да. В сентябре 1942 добровольно ушел в РККА. С октября 1942 по июль 1943 являлся слушателем Центр. спецшколы радистов № 3 Белорусского штаба партизанского движения. С 5 июля 1943 по 7 августа 1944 радист 550-го отд. партизанского отряда Белостокской обл. Демобилизован в сентябре 1945. После войны работал станочником, маляром, мастером на Тулиновской мебельной ф-ке. (ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 12. Д. 29. Л. 5).

¹¹⁵ Шутов Василий Федорович (1924-1994). Родился в с. Иноземная Духовка Тамбовского у. Тамбовской губ. Из крестьян. Учился в Тамбовской ФАШ. Летом-осенью 1941 работал на стр-ве оборонительных сооружений под гг. Смоленск и Брянск. По рекомендации Тамбовского ОК ВЛКСМ в январе 1942 в возрасте 17 лет был направлен в спецшколу № 2 в г. Москва. Окончив диверсионную школу в августе 1942, возглавил группу подрывников комс. диверсионного отряда им. Н. Гастелло, действовавшего в оккупированной Белоруссии. Лично уничтожил 13 вражеских эшелонов. Был тяжело ранен летом 1944, после выздоровления воевал на Карельском фронте и в войне с Японией. Демобилизован в 1950. Окончил физ.-мат. фак-т ТГПИ. Работал учителем физики, дир. Красносвободненской СШ, школы раб. молодежи № 10 в Тамбове. Награжден орд. Ленина, Кр. Звезды, медалью «Партизану Отечественной войны». (ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 12. Д. 107. Л. 2, 2 об., 12-13); Тамбовская энциклопедия. Тамбов, 2004. С. 681).

¹¹⁶ Трифонов Василий Яковлевич (1918-?), партизан. Родился в с. Рамза Кирсановского у. Тамбовской губ. Из крестьян. Детство провел в родном селе. В 1930-е уехал с отцом в г. Энгельс, работал маляром-штукатуром. С 1938 в Кр. Армии. Участник сов.-финляндской войны 1939-1940. 30 июня 1941 был ранен и попал в плен. Бежал из лагеря военнопленных в Больцано (Сев. Италия). Партизан отряда, ком. бат-на «Сергей Киров» бр-ды «Чезаре Пизакане». После войны жил и работал в Кузнецовском лесничестве (Московская обл.). Награжден 2 итал. орденами, орденом Отечественной войны 1-й ст. (Личный архив В.Л. Дьячкова; Тамбовская энциклопедия. Тамбов, 2004. С. 614).

¹¹⁷ Имеются в виду итальянские фашисты.

¹¹⁸ Милосердов Алексей Ильич (1919-?), партизан. Родился в с. Уварово Борисоглебского у. Тамбовской губ. Из крестьян. Окончил 7 кл. в родном селе, учился в Мытищенском машиностроит. техникуме, Бакинском морском училище. С 1940 служил в г. Кронштадт, на о. Эзель и о. Вилсанди. В начале Великой Отечественной войны раненым был взят в плен. Находился в лагерях военнопленных в Латвии, Польше (Освенцим), Австрии (Маутхаузен), трижды бежал. В июне 1944 бежал из лагеря в г. Линц. После 82 дней

перехода по территории Австрии, Чехии и Словакии попал в партизанский отряд «За Родину». Подрывник. За мужество и отвагу правительством Чехословакии награжден воен. крестом и медалью. После войны работал на Мытищенском машиностроит. з-де. (Тамбовская энциклопедия. Тамбов, 2004. С. 330).

¹¹⁹ Кун Михаил Борисович (1911-?). Из семьи военнослужащего. Его отец был нач. артиллерии у маршала В.К. Блюхера. Окончил ист.-архитектурный ин-т в г. Курск. В 1939-1940 добровольцем участвовал в сов.- финляндской войне, пом. ком. взвода лыжной разведки. В годы Великой Отечественной войны добровольцем ушел на фронт, служил ком. взвода пешей разведки. Под г. Смоленск попал в плен в шталаг № 337. В 1942 отправлен в шталаг № 326 в г. Штукенброк. После войны работал архитектором в проектном ин-те (г. Москва). Награжден орденом Кр. Звезды. (ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 12. Д. 46. Л. 52-54).

¹²⁰ Живо! Быстрей! Выходи! Строиться! (нем.).

¹²¹ Измененный текст песни «Черный ворон», исполняемой актером Б.А. Бабочкиным в роли Чапаева в одноименном фильме (1934, ист.-рев. драма; режиссеры братья Васильевы, композитор Г.Н. Попов).

¹²² Шталаг № 337 в г. Барановичи действовал с 20 октября 1941.

¹²³ Шталаг № 341 в г. Слуцк.

¹²⁴ Гордейчик Федор Иосифович (Гордеев Федор Осипович), житель хут. Березовка, работал по мобилизации в лагере № 337.

¹²⁵ Внимание! Внимание! Смирно! (нем.).

¹²⁶ Встать! Пошел! (нем.).

¹²⁷ Звезда из кр. сукна с серпом и молотом на правом рукаве – знак армейского политработника.

¹²⁸ Подъем, человек! Встать! Встать! (нем.).

¹²⁹ Строки из поэмы А.С. Пушкина «Медный всадник», не дозволенные Николаем I к печати:

И перед младшею столицей
Померкла старая Москва,
Как перед новою царицей
Порфиноносная вдова.

¹³⁰ Лекарь (нем.).

¹³¹ Прочь! Вон! (нем.).

¹³² Хлеб на основе древесных опилок и мякины.

¹³³ У католиков и протестантов Пасха в 1945 праздновалась 1 апреля.

¹³⁴ Все плохо! Да! Все плохо! (нем.).

¹³⁵ Песня времен Первой мировой войны «Лили Марлен» (сл. Х. Лейн). Первоначальное название – «Песня молодого солдата на посту», положена на музыку в 1938 Н. Шульце.

¹³⁶ Ошибка автора – 16-й возд. армией командовал генерал-полковник авиации С.И. Руденко.

¹³⁷ Милованов Петр Иванович (1913-?). Родился в с. Стрельцы Тамбовского у. Тамбовской губ. В 1941 призван в РККА и направлен в 50-й ЗАП. Затем служил рядовым 899-го арт. полка. В мае 1942 попал в плен. Освобожден из плена амер. войсками в мае 1945. (ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 10. Д. 55. Л. 18-20 об.).

¹³⁸ Енин Александр Степанович (р. 1918). Родился в д. Кудрино Тамбовского у. Тамбовской губ. Окончил Тамбовский учит. ин-т. Работал учителем в Знаменском р-не. В 1939 призван в РККА. Окончил Свердловское общевойсковое воен. училище. На фронте с июля 1941. Трижды был ранен и контужен. Демобилизован в 1944, капитан. Награжден орденами Кр. Знамени, Отечественной войны 1-й ст., медалями. (ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 8. Д. 62. Л. 27).

¹³⁹ Имеется в виду Спасо-Преображенский собор.

¹⁴⁰ Верещагина (до замужества Тихомирова) Полина Николаевна (р. 1923). Родилась в с. Нащекино Тамбовского у. Тамбовской губ. Окончила Нащекинскую СШ. 13 июля 1942 мобилизована в Кр. Армию. Служила телефонисткой 346-го артполка 81-й стр. див. (Брянский, Центральный фрнты). По возвращении из отпуска в марте 1944 телефонистка 59-го зап. полка связи, затем радистка 21-й гв. мех. бр-ды 1-й танк. армии (1-й Украинский, 1-й и 2-й Белорусский фронты). Демобилизована в 1945, сержант. В послевоен. время работала бухгалтером Староюрьевского, Избердеевского совхозторга, тамбовского объединения «Продтовары». Награждена 2 орденами Кр. Звезды, орденами Отечественной войны 1-й ст., Трудового Кр. Знамени, 2 медалями «За боевые заслуги», медалями «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина» и др. (ГАСПИТО. Ф. П-735. Оп. 43. Д. 16. Л. 131; Ф. Р-9291. Оп. 8. Д. 63. Л. 11-12 об., 15 об.).

¹⁴¹ Поляков Василий Васильевич (р. 1925). Родился в с. Петровское Тамбовского у. Тамбовской губ. Окончил 10 кл. 4 января 1943 мобилизован в Кр. Армию. 8 января 1944 был тяжело ранен. После длительного лечения в госпиталях демобилизован в марте 1945. С 1950 работал лаборантом, с 1952 учителем географии и астрономии Избердеевской СШ. (ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 12. Д. 65. Л. 2-4, 9, 10).

¹⁴² Сапелкин Василий Алексеевич (р. 1924). Родился в с. Булгаково Кирсановского у. Тамбовской губ. Призван в армию в 1942, демобилизован в 1947. Рядовой. Награжден орденом Отечественной войны 1-й ст., медалями «За отвагу», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». (ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 12. Д. 113. Л. 50, 51; Вернулись с Победой: Бондарский, Гавриловский районы. Тамбов, 2005. С. 322).

¹⁴³ Породин Николай Степанович (1916-1955). Родился в с. 2-я Гавриловка Кирсановского у. Тамбовской губ. Призван в армию в 1941, демобилизован в 1946. (Вернулись с Победой: Бондарский, Гавриловский районы. Тамбов, 2005. С. 308).

¹⁴⁴ Породина Мария Андреевна (1923-1976). Родилась в с. 2-я Гавриловка Кирсановского у. Тамбовской губ. Призвана в армию в 1941, демобилизована в 1945. Ст. сержант. (Вернулись с Победой: Бондарский, Гавриловский районы. Тамбов, 2005. С. 308).

¹⁴⁵ Рогачева Екатерина Васильевна, 1919 г.р.

¹⁴⁶ Чещарин Иван Васильевич (1924-2000), Герой Сов. Союза (1945). Родился в с. Шилово Волоколамского у. Московской губ. Из крестьян. Окончил 7 кл. В Кр. Армии с 1943. Ком. отделения 665-го отд. саперного бат-на 385-й Краснознам. Крычевской див. (50-я армия, 2-й Белорусский фронт). Отличился при форсировании р. Днепр. Был тяжело ранен. Демобилизован в декабре 1944, сержант. После войны жил и работал в г. Моршанск. Награжден орденами Ленина, Отечественной войны 1-й и 2-й ст., Кр. Звезды, Славы 3-й ст., медалями. (ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 1. Д. 1. Л. 14; Тамбовская энциклопедия. Тамбов, 2004. С. 665).

¹⁴⁷ Павлова Антонина Васильевна (1918-?). Родилась в с. Колбино ныне Даниловского р-на Пензенской обл. Ушла на фронт с 3-го курса Саратовского электромех. техникума и была направлена в 46-й жен. полк ночных бомбардировщиков электромехаником, затем стала штурманом. Летала на самолете-бомбардировщике ПО-2 (У-2). Совершила 420 ночных и 79 дневных боевых вылетов. В составе 46-го гв. авиаполка участвовала в обороне Кавказа, наступлении на Кубани и Таманском полуострове, в боях за освобождение гг. Новороссийск, Керчь, Севастополь, территории Белоруссии, Польши. За 2 мес. до окончания войны получила тяжелое ранение. С 1954 проживала в г. Тамбов, работала учителем труда в СШ № 33. Награждена орденами Кр. Знамени, Отечественной войны 2-й ст., Кр. Звезды, медалями. (Д.П. Горбунова. Тамбовчанки в боях за Родину. Воронеж, 1982. С. 12-14, 77).

¹⁴⁸ Поляков Анатолий Никандрович (р. 1925). Родился в с. Петровка Тамбовского у. Тамбовской губ. Из крестьян. Окончил 7 кл. Работал в к-зе «Новая жизнь» в родном селе. В январе 1943 мобилизован в Кр. Армию и направлен в Ульяновское танк. училище. По окончании училища в январе 1944 служил ком. орудия отд. танк. полка 12-й танк. бр-ды (1-й Украинский фронт). Демобилизован в 1945, старшина. После демобилизации работал в к-зе. В своих воспоминаниях А.Н. Поляков в 1993 написал: «В 1950 г. вызвал меня директор МТС Римский, что надо залечивать раны стране после войны. Согласился, отремонтировал трактор ХТЗ и начал работать трактористом. А время шло, техника каждый год обновлялась. Пахали, сеяли, убирали хлеб. Работал комбайнером. Проработал 32 года в совхозе им. Ленина Мордовского района. Трудовая книжка почти вся исписана, за выполнение и перевыполнение плана вспашки зяби и уборки урожая был отмечен премиями и ценными подарками. Имею правительственные награды: 2 ордена Отечественной войны, орден Красной Звезды, два ордена Славы 2-[й] и 3-[й] степени, медаль «За отвагу», «За боевые заслуги», «За победу над Германией в [Великой Отечественной войне] 1941-1945 гг.». (ГАСПИТО. Ф. П-372. Оп. 40. Д. 9. Л. 93; Ф. Р-9291. Оп. 1. Д. 23. Л. 5).

¹⁴⁹ Лунин Георгий Васильевич (1923-2008). Родился в с. Раево Моршанского у. Тамбовской губ. Из крестьян. В октябре 1941 мобилизован в РККА. Окончил 2-е Харьковское танк. училище в г. Самарканд. С января 1943 ком. танка 23-го танк. корпуса 1-й отд. танк. бр-ды (3-й Украинский фронт). Демобилизован в январе 1945. После демобилизации из КА 50 лет прослужил в органах внутр. дел. Награжден орденами Кр. Звезды, Отечественной войны 1-й ст., Труд. Кр. Знамени, медалями, нагрудным знаком «Отличник милиции». (ГАСПИТО. Ф. П-735. Оп. 43. Д. 59. Л. 25; Музей истории тамбовской милиции УВД по Тамбовской области).

¹⁵⁰ Ромашенко Александр Иванович (1918-?). Родился в с. Чистополье Кокчетавского у. Акмолинской обл. Из крестьян. Работал счетоводом, бухгалтером в к-зе. В 1938

мобилизован в РККА. Служил зам. ком. роты по тех. части, нач. связи бат-на 124-го танк. полка 112-й танк. див. (Дальневосточный ВО, Западный фронт). В декабре 1941 был ранен. После излечения в госпитале нач. связи 51-го кав. полка 44-й кав. див., затем 161-го отд. мин. полка 6-го гв. кав. корпуса (Западный, Брянский, Воронежский фронты). В феврале 1943 2-й раз ранен. После излечения нач. связи 1732-го ЗАП, пом. нач. штаба артиллерии 6-го гв. кав. корпуса (Западный, 1-й и 2-й Украинский фронты). В апреле 1945 получил 3-е ранение. После войны продолжил службу пом. нач. штаба, нач. штаба бат-на 10-й, 18-й, 24-й гв. мех. див. (Львовский, Прикарпатский ВО, Группа сов. войск в Германии). Демобилизован в 1958. После демобилизации проживал и работал в г. Мичуринск. Член КПСС с 1962. Награжден 2 орденами Отечественной войны 1-й ст., орденом Отечественной войны 2-й ст., 2 орденами Кр. Звезды, медалями. (ГАСПИТО. Ф. П-513. Оп. 38. Д. 30. Л. 119).

¹⁵¹ Нагорнов Александр Павлович (р. 1922). Родился в с. Козьмодемьяновка Козловского у. Тамбовской губ. В июне 1940 окончил 7 кл. СШ № 52 г. Тамбов. В июле 1941 мобилизован в РККА. Служил телефонистом 78-го ВПС (Западный фронт). В 1942-1943 обучался в Тамбовском арттехучилище. С января 1943 техник, нач. арт. мастерской 667-го гап 35-й гаубично-арт. бр-ды (Северо-Западный, Брянский, 1-й Прибалтийский, Ленинградский, 2-й Белорусский фронты). После войны продолжил службу в ракетных войсках стратегического назначения, ком. див. (Дальневосточный, Прикарпатский, Белорусский ВО, Сев. группа войск). Член ВКП(б) с 1946. С 1962 гв. полковник запаса. После демобилизации проживал и работал в г. Тамбов (контролер, мастер, инженер нач. штаба ГО Тамбовского з-да гальванического оборудования). С 1988 на пенсии. Награжден 3 орденами Кр. Звезды, медалями. (ГАСПИТО. Ф. П-735. Оп. 43. Д. 68. Л. 146; Ф. Р-9291. Оп. 8. Д. 63. Л. 48, 53).

¹⁵² Имеется в виду очередь из 5 патронов, т.е. очень высокий класс стрельбы.

¹⁵³ Епишев Александр Федорович (р. 1925). Родился в д. Липник Обоянского у. Курской губ. Из крестьян. В феврале 1943 мобилизован в Кр. Армию. После обучения в 14-м отд. уч. мотоциклетном полку служил мотоциклистом-разведчиком 12-го отд. мотоциклетного развед. бат-на 1-й танк. армии (1-й Украинский и 1-й Белорусский фронты). После окончания войны продолжил службу в Группе сов. оккупационных войск в Германии. После демобилизации в 1950 обучался в Курской школе паровозных машинистов. Член ВКП(б) с 1953. По окончании школы в 1953 работал пом. машиниста, машинистом, пред. месткома, секретарем паровозного депо ст. Тамбов. В 1959 окончил Заочный Воронежский техникум ж.-д. транспорта, в 1971 Всесоюз. заочный ин-т ж.-д. транспорта. В 1964-1969 зав. пром.-транспортным отделом Советского РК КПСС. Затем работал зам. пред. Советского РИКа, пред., инспектором К-та нар. контроля Советского р-на г. Тамбов. Награжден орденами Отечественной войны 2-й ст., «Знак Почета», медалями. (ГАСПИТО. Ф. П-735. Оп. 43. Д. 31. Л. 25).

¹⁵⁴ Орехова Екатерина Ивановна (р. 1924). Родилась в с. Столовое Тамбовского у. Тамбовской губ. Из крестьян. Окончила Воронежскую ФАШ в 1941. Работала на станции скорой мед. помощи в г. Котовск. В 1942 добровольцем ушла в Кр. Армию. Воен. службу начала ком. сан. взвода 427-го полка 100-й стр. див. на Воронежском фронте. Демобилизована в сентябре 1944, лейтенант мед. службы. В 1945-1951 проживала и работала в Устюжинском р-не Вологодской обл. Член ВКП(б) с 1951. В 1951-1952 акушерка, зав. Шаховским медпунктом Знаменского р-на Тамбовской обл. Затем работала акушеркой, зав. медпунктом к-за «Искра» Рассказовского р-на, фельдшером ст. скорой мед. помощи Рассказовской ЦРБ. Награждена орденом Отечественной войны 2-й ст., медалями. (ГАСПИТО. Ф. П-2582. Оп. 40. Д. 16. Л. 116; Р. 9291. Оп. 12. Д. 3. Л. 118).

¹⁵⁵ Парухин Юрий Макарович (р. 1926). Родился в Тындинском р-не Хабаровского края. По окончании 8 кл. в 1943 добровольцем пошел служить в ВМФ. Окончил школу юнгов на Соловецких островах. Служил радистом-оператором 1-го класса див-на тральщиков Балтийского флота. Демобилизован в 1950. Ст. матрос. Награжден медалью Ушакова. (ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 12. Д. 3. Л. 149, 150; Вернулись с Победой: г. Тамбов. Т. 2. Тамбов, 2005. С. 99).

¹⁵⁶ Дьячков Лев Григорьевич (р. 1921), краевед, канд. ист. наук (1961), доцент. Родился в г. Воронеж. Окончил в 1941 ист. ф-т Воронежского пед. ин-та. Участник Великой Отечественной войны. После демобилизации (1946) зав. отделом Тамбовского ОК профсоюзов. В 1948-1989 преподавал в ТГПИ. Область науч. интересов: история Великой Отечественной войны, история Тамбовского края. Автор 6 книг о героях-тамбовцах. Награжден орденами Кр. Звезды, Отечественной войны 2-й ст., медалями. Лауреат обл. премии им. З. Космодемьянской. (Тамбовская энциклопедия. Тамбов, 2004. С. 175).

¹⁵⁷ Танки ИС-2 – мощные танки, которые пробивали на большом расстоянии считавшиеся немцами непобедимыми их хваленые «королевские тигры» с лобовой броней в 200 мм.

¹⁵⁸ Калибр – 122 мм.

¹⁵⁹ «Солдат с лошадьё» для всех присутствовавших на беседе с Л.Г. Дьячковым означало, что это человек не из нашей армии, не наш – в танк. армиях лошадей не было.

¹⁶⁰ Попов Николай Васильевич (1924-1998), полный кавалер ордена Славы, засл. учитель РСФСР (1960). Родился в с. Чащино Борисоглебского у. Тамбовской губ. Окончил 10 кл., арт. школу, в которой затем служил инструктором. Летом 1944 добился отправки на фронт. Ком. орудия 43-го противотанк. арт. див-на. Отличился в боях за освобождение Польши, при штурме г. Берлин. Был тяжело ранен. После войны окончил пед. училище (экстерном), ист. фак-т ТГПИ (1950). Работал учителем, дир. школы, возглавлял Тамбовские гор. и обл. отделы нар. образования. С 1977 отв. секретарь обл. отделения Педагогического общества РСФСР. Возглавлял обл. штаб походов по местам рев., боевой и труд. славы. Пред. Тамбовского обл. совета ветеранов войны и труда. Награжден также орденом Октябрьской Революции. (Тамбовская энциклопедия. Тамбов, 2004. С. 460-461).

¹⁶¹ Шевченко Павел Леонидович (1915-?). Родился в г. Омск. Из служащих. В 1936 окончил Ивановский индустриальный техникум. В 1936-1938 техник-строитель «Академстрой» (г. Москва). В 1938-1939 служил в РККА. Затем работал ст. техником в НИИ (г. Москва). 1-й день войны вместе с семьей встретил в Литовской ССР, куда был мобилизован на стр-во оборонительных сооружений. В составе инж. войск принимал участие в боевых действиях на Северо-Западном, Карельском, Юго-Западном и 3-м Украинском фронтах. Был дважды ранен. Член ВКП(б) с 1943. С 1948 проживал в г. Тамбов. Работал прорабом, инженером, пред. построикома треста «Тамбовхимпромстрой». В течение 11 лет возглавлял отдел стр-ва и гор. хоз-ва Тамбовского ГК КПСС. Работал на стр-ве з-дов сев. части города, непосредственно руководил стр-вом 2-й гор. больницы, корпуса инфекционной больницы, Дворца Культуры «Юбилейный», реконструкцией з-да «Тамбовполимермаш». Автор книги очерков о строителях Тамбовщины, сборников стихов «Осенние краски» и «Метаморфозы». (ГАСПИТО. Ф. П-735. Оп. 43. Д. 115. Л. 110; «Война прошла через меня...». Стихи участников Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. (из фондов ЦДНИТО). Тамбов, 2001. С. 101, 102).

¹⁶² Аносов Василий Владимирович (р. 1925). Родился в с. Лужки Лихвинского у. Калужской губ. Из крестьян. Окончил 7 кл. Работал в к-зе, на спиртзаводе, стр-ве оборонительных сооружений в Тульской обл. В январе 1943 мобилизован в Кр. Армию. По окончании курсов мл. ком. в апреле 1944 направлен в 381-ю стр. див. Демобилизован в июне 1950. После демобилизации прибыл в Ржаксинский р-н Тамбовской обл. к девушке по переписке. С августа 1950 проживал в г. Тамбов, работал экспедитором, слесарем на заводах «Комсомолец», «Полимермаш». (ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 6. Д. 1. Л. 1- 2 об., 24, 24 об.).

¹⁶³ Крылова Людмила Трофимовна (1921-?). Родилась в с. Богданово ныне Дзержинского р-на Калужской обл. В 1944 с отличием окончила Высший воен. гидрометеорологический ин-т Кр. Армии. С апреля 1944 в действующей армии. В качестве инженера-метеоролога служила в частях 15-й, затем 16-й возд. армий (1-й и 2-й Прибалтийский фронты). Демобилизована в 1946, лейтенант. В 1956 вместе с мужем-авиатором приехала в г. Тамбов, работала синоптиком в метеобюро ТВВАУ летчиков им. М.М. Расковой. С 1975 длительное время ответ. секретарь Тамбовского гор. ком-та ветеранов войны. Награждена орденами Кр. Звезды, Отечественной войны 2-й ст., медалью «За боевые заслуги». («Война прошла через меня...»). Стихи участников Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. (из фондов ЦДНИТО). Тамбов, 2001. С. 38-39).

¹⁶⁴ Шипилов Яков Петрович (р. 1925), Герой Сов. Союза (1945). Родился в с. Старосеславино Козловского у. Тамбовской губ. Из крестьян. Окончил 7 кл. В Кр. Армии с 1943. Окончил Орджоникидзевское пех. училище (1944). Ком. роты 361-го отд. пулеметно-арт. бат-на (40-я армия, 2-й Украинский фронт). Отличился в боях при освобождении Венгрии. После войны служил в ВДВ, мастер парашютного спорта. С 1976 полковник в отставке. Проживал в г. Ростов-на-Дону. Награжден орденом Ленина, 2 орденами Отечественной войны 1-й ст., орденами Отечественной войны 2-й ст., Кр. Звезды, медалями. (ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 5. Д. 5. Л. 58 об.; Тамбовская энциклопедия. Тамбов, 2004. С. 677).

¹⁶⁵ Маслов Павел Николаевич (1924-2005). Родился в с. Скомово ныне Гаврилово-Посадского р-на Ивановской обл. Из крестьян. В Кр. Армию призван в августе 1942 после окончания СШ. Проходил обучение в истребительно-противотанк. бр-де, был назначен ком. уч. отделения. В мае-июле 1943 обучался в Львовском воен.-пех. училище. По окончании училища направлен на должность пом. ком. взвода 239-го гв. стр. полка 76-й гв. стр. див. (Брянский фронт). В сентябре 1943 был ранен. После длительного лечения в госпиталях курсант Казанского танк. училища. По окончании училища с января 1945 воевал ком. танк. взвода в составе 3-го Украинского фронта. После войны продолжил службу в Закавказском ВО. В 1949-1952 обучался в Воен. пед. ин-те СА. По окончании ин-та в 1952-1960 офицер-воспитатель ТбСВУ. В 1960-1965 зам. нач. штаба мотостр. полка, ст. пом. нач. опер. отделения див., ком. мотостр. бат-на в/ч (г. Тамбов). В 1966 продолжил службу в Закавказском ВО. В 1970-1972 находился в спецкомандировке в Сирии. Затем работал преподавателем тактики, зав. методкабинетом Одесского объединенного воен. училища. В связи с реорганизацией училища в 1993 переведен науч. сотрудником в Научный центр Одесского ин-та сухопутных войск, доцент (1996). С 1998 проживал в г. Тамбов. Награжден орденами Кр. Звезды, Отечественной войны 2-й ст., медалями «За отвагу», «За взятие Вены», «За боевые заслуги и др. (всего 28 гос. наград). (ГАСПИТО. Ф. Р-9037. Оп. 1).

¹⁶⁶ Черно книжников Евсей Еремеевич (р. 1921). Родился на хут. Евсеевский ныне Усть-Донецкого р-на Ростовской обл. Из крестьян. Окончил ШКМ, пед. училище с отличием (1937). Затем поступил в Ростовский пед. ин-т. Через некоторое время перешел в

машиностроит. ин-т г. Ростов-на-Дону. В июле 1941 мобилизован в РККА и направлен в танк.-тех. училище (г. Кунгур). С мая 1942 на фронте (Волховский, 1-й Белорусский фронты). После демобилизации в 1946 продолжил учебу в машиностроит. ин-те. По окончании ин-та зам. нач. по уч.-производств. работе дет. труд. воспитательной колонии (г. Маркс, г. Тамбов). В апреле-августе 1953 зав. пром.-транспортным отделом Промышленного РК КПСС. Затем работал гл. инженером Платоновской МТС, дир. Саюкинской, Сампурской МТС. В 1961-1963 ст. инженер тех. отдела Центр. конструкторского бюро г. Тамбов. Затем работал инженером, ст. инженером, зам. нач. цеха, нач. бюро инструментального хоз-ва з-да «Полимермаш». С 1975 нач. отдела НОТ обл. объединения «Сельхозтехника». Награжден орденами Кр. Звезды, Отечественной войны 1-й ст., 3 орденами Отечественной войны 2-й ст., медалями. (ГАСПИТО. Ф. П-735. Оп. 43. Д. 112. Л. 72).

¹⁶⁷ «Армянский» р-н г. Ростов-на-Дону.

¹⁶⁸ Савельева Мария Дмитриевна (р. 1924). Родилась в г. Малин ныне Житомирской обл. Украины. Призвана в армию в 1944, демобилизована в 1945. Ст. сержант. Награждена орденами Кр. Звезды, Отечественной войны, медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «За боевые заслуги» и др. (Музей истории тамбовской милиции УВД по Тамбовской области; Вернулись с Победой: г. Тамбов. Т. 2. Тамбов, 2005. С. 172).

¹⁶⁹ Панин Илья Васильевич (1897-1981), воен. деятель, генерал-майор. Родился в г. Тамбов. Из рабочих. Окончил 4-хклассное гор. училище. Участник 1-й мировой войны, унтер-офицер. В Кр. Армии с 1918. Участник Гражд. войны. Член ВКП(б) с 1927. Окончил в 1935 Воен. академию им. М.В. Фрунзе. Работал в Китае воен. советником при Синьцзянской армии (г. Урумчи). В годы Великой Отечественной войны ком. 54-й стр. див. на границе с Финляндией.

В июле 1954-ноябре 1957 нач. Казанского суворовского училища. По воспоминаниям воспитанников, он «отличался от предшественников некоторыми особенностями характера и поступков, которые не всегда укладывались в наши привычные представления. Он был доступным для общения, высокообразованным, скромным, демократичным, непосредственным. Личным вниманием не баловал, но на коллективных встречах проявлял участие, подлинный интерес к нашей жизни и нашим взглядам, нашему внутреннему миру. Некоторые из ребят злоупотребляли его доверчивостью, иногда допускали нескромные выражения и непристойные выходки, но ему хватало такта и терпения не реагировать на наши шалости соответствующим образом. Он понимал, что наша жизнь, с которой предстоит встретиться за стенами училища, еще научит нас основам военной службы, отшлифует наши характеры. Мы часто видели генерала, прогуливающимся по нашему парку в сопровождении своей жены и дочери, которая, как нам стало известно, была тяжело больна. Видимо, эта личная трагедия накладывала отпечаток и на его отношение к нам, вызывая снисходительность, отеческое прощение. Генерал Панин выпускал нас из училища, из его рук мы фактически получили путевку в большую жизнь, начинающуюся за воротами училища».

Награжден орденом Ленина, Кр. Звезды, 4 орденами Кр. Знамени, медалями, именным оружием. Участник Парада Победы 1945. После отставки в 1957 проживал и работал в г. Тамбов. (ГАСПИТО. Ф. П-9019. Оп. 1. Д. 1374. Л. 1, 2; Личный архив В.Л. Дьячкова; Тамбовская энциклопедия. Тамбов, 2004. С. 429; Вернулись с Победой: г. Тамбов. Т. 2. Тамбов, 2005. С. 95).

¹⁷⁰ Волосатов Александр Герасимович (р. 1925). Родился в с. Бахарево Тамбовского у. Тамбовской губ. В 1942 окончил 9 кл. Сампурской СШ. В январе 1943 мобилизован в КА.

По окончании 3-го Орджоникидзевого пех. училища стрелок 120-го гв. стр. полка, пулеметчик-наводчик 55-го стр. полка (3-й Украинский фронт). В августе 1944-марте 1945 ком. отделения 230-й стр. див (1-й Белорусский фронт). Демобилизован в октябре 1945. Был трижды ранен. После демобилизации работал комсоргом, счетоводом МТС, сельпо (с. Бахарево). В 1954-1991 работал в Бахаревской 8-летней школе. Награжден орденами Кр. Звезды, Отечественной войны 1-й ст., медалями «За отвагу», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», юбилейными медалями. (ГАСПИТО. Ф. П-365. Оп. 40. Д. 2. Л. 58).

¹⁷¹ Горбачев Борис Иванович (р. 1925). Родился в г. Сызрань Самарской губ. Из служащих. В 1943-1944, 1944-1946 курсант 1-го Московского училища связи. В марте-декабре 1944 воевал на 1-й Украинском фронте, радиомеханик 169-й авиабазы особого назначения. Член ВКП(б) с 1945. По окончании училища проходил воен. службу в Прибалтийском, Киевском ВО, ВМС. В 1961 окончил Киевское высшее авиац. воен. училище ВВС. С 1971 в запасе, подполковник. После демобилизации проживал в г. Тамбов. Работал секретарем, консультантом обл. отделения Всерос. общества охраны памятников истории и культуры, инженером обл. штаба ГО. (ГАСПИТО. Ф. П-735. Оп. 43. Д. 22. Л. 80).

¹⁷² Скорее – азиатского происхождения, т.к. амер. японцы во время войны были собраны в лагеря как возможная «пятая колонна» Японии.

¹⁷³ Кочепасов Леонид Серафимович (р. 1925). Родился в д. Кудрино Тамбовского у. Тамбовской губ. Из крестьян. На хранении в ТОГУ «ГАСПИТО» имеется автобиография Л.С. Кочепасова, в которой значится: «Семья наша состояла из 6 чел. Перед войной мы были вынуждены переехать к бабушке в село Ульяновку Бондарского р-на, так как мать одна не в состоянии была прокормить нас, один одного меньше 4-х детей, без посторонней помощи. Мне, старшему, тогда было 12 лет в 1937 г., когда осудили на 10 лет отца и сослали в лагеря без права переписки. По профессии отец был сапожник. Теперь нам сообщили, что он погиб в лагерях Томской обл., и что отец реабилитирован «за неимением состава преступления». Я не буду описывать, какие лишения и принижения пришлось пережить нашей семье, такое еще живо в памяти у многих людей. На новом месте у бабушки стало жить полегче. Я окончил 7 кл. Ульяновской НСШ.

Вскоре началась война. Мужчины ушли на фронт, а на селе остались подростки, старики и женщины. Мы, подростки на лошадях пахали землю, убирали хлеб...

В 1947 г. я переехал в Тамбов к родственнице и поступил учеником работать в мастерскую индпошива обуви, где и проработал до 1950 г. Потом в этом году я окончил 6-месячные курсы бухгалтеров и поступил работать рядовым счетным работником в Тамбовскую психиатрическую больницу, где и проработал до пенсии по возрасту.

Работая в мед. учреждении, я всегда получал поддержку и уважительное отношение ко мне, как инвалиду Отечественной войны, со стороны коллектива и руководства больницы. Это во многом помогло с подбитым здоровьем проработать более 30 лет на одном месте. За что всегда благодарен коллективу, с которым я работал.

Награжден орденом Славы 3-й ст., медалями. (ГАСПИТО. Ф. П-735. Оп. 43. Д. 50. Л. 68; Ф. Р-9291. Оп. 5. Д. 19. Л. 1, 19).

¹⁷⁴ Собкалов Алексей Павлович (р. 1924). Родился в с. Подгорное ныне Калачеевского р-на Воронежской обл. Окончил 7 кл. В июне 1942 призван в Кр. Армию и направлен в уч. стр. полк (г. Муром). С 1943 на фронте, ком. отделения 1-й отд. мотостр. бр-ды 71-й армии (2-й Белорусский фронт). Демобилизован в 1948, сержант. С 1955 проживал в г. Тамбов, служил в опер. отделе Управления милиции УМВД по Тамбовской области, нач. отряда ИТК № 6, № 1, ст. инспектором по личному составу отдела кадров УВД по Тамбовской обл. В течение 7 лет возглавлял Уч. пункт УВД. Ушел на пенсию в 1987 с

должности нач. спецотделения УИТУ УВД по Тамбовской обл. Награжден орденом Отечественной войны 2-й ст., медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «За боевые заслуги», ведомственными наградами – медалями «За безупречную службу» 1-й, 2-й и 3-й ст., нагрудным знаком «За отличную службу в МВД». (Музей истории тамбовской милиции УВД по Тамбовской области; Вернулись с Победой: г. Тамбов. Т. 2. Тамбов, 2005. С. 210).

¹⁷⁵ Лизогуб Андрей Яковлевич (1905-1997).

¹⁷⁶ Чебоненко Николай Николаевич погиб в бою 19 марта 1945.

¹⁷⁷ Леонов Иван Михайлович (1923-2000), Герой Сов. Союза (1945). Родился в с. Беломестная Криуша Тамбовского у. Тамбовской губ. Из крестьян. Окончил 9 кл. и 2 курса автомобильного техникума в г. Тамбов. В Кр. Армии с 1941. В 1944 окончил Тамбовскую авиашколу. Летчик 569-го штурмового авиаполка (4-я возд. армия, 2-й Белорусский фронт). Совершил 106 боевых вылетов. С 1957 майор запаса. Проживал в г. Невинномысск (Ставропольский край). Именем И.М. Леонова названа улица в г. Черкесск. Награжден орденами Ленина, Кр. Звезды, 3 орденами Кр. Знамени, 2 орденами Отечественной войны 1-й ст., медалями. (Тамбовская энциклопедия. Тамбов, 2004. С. 300).

¹⁷⁸ Морозов Иван Васильевич (р. 1922), Герой Сов. Союза (1945).

¹⁷⁹ Долинский Сергей Андреевич (р. 1920), Герой Сов. Союза (1945).

¹⁸⁰ Буздалин Иван Васильевич (р. 1925), педагог, канд. общ. наук, доцент (1984). Родился в с. Новая Чигла Воронежской губ. Из крестьян. В 1942-1943 обучался на курсах шоферов в автошколе (г. Рассказово). В марте 1943 мобилизован в Кр. Армию. Служил пулеметчиком 17-й мотомех. бр-ды (1-й Украинский фронт). В марте 1944 был ранен. После излечения в госпитале шофер 6-й мин. бр-ды (1-й Белорусский фронт). После демобилизации в 1948 учился в Тамбовском автомобильном техникуме, затем в школе милиции МВД СССР (г. Саратов). Член ВКП(б) с 1952. В 1954-1960 работал инспектором ГАИ УВД по Тамбовской обл. Заочно окончил Саратовский юрид. ин-т (1959), ТГПИ (1965). С 1960 на преподавательской работе: учитель труда СШ № 26 г. Тамбов (1960-1962), ассистент, ст. преподаватель кафедры общей физики ТГПИ (1962-1969), ст. преподаватель уч.-консультационного пункта ВЗИСИ (1970-1982), Тамбовского филиала МГИК (с 1982). Награжден орденом Отечественной войны 1-й ст., медалями «За боевые заслуги», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (ГАСПИТО. Ф. П-735. Оп. 43. Д. 14. Л. 22).

¹⁸¹ Севрюков Владимир Антонович (р. 1926). Родился в с. 3-я Александровка Воронежской губ. Работал в к-зе «Доброе начало» Шпикуловского р-на. В сентябре 1943 призван в Кр. Армию и направлен в ВДВ. Служил старшиной мех. роты 114-й гв. Венской Краснознам. возд.-десантной див. С августа 1944 принимал участие в боевых действиях, участвовал в освобождении Венгрии, Австрии, Чехословакии. Дважды был ранен. После демобилизации в августе 1950 работал ст. инженером-технологом, секретарем парткома з-да «Ревтруд». Затем 34 г. на различных руководящих должностях на з-де «Гальванотехника». Окончил заочно Тамбовский автодор. техникум (1959), Московский инж.-эконом. ин-т им. с. Орджоникидзе (1968). Член КПСС с 1965. Награжден орденами Кр. Звезды, Отечественной войны 1-й ст., 3 медалями «За боевые заслуги», медалями «За

отвагу», «За взятие Вены», «За освобождение Праги» и др. (ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 10. Д. 1. Л. 70).

¹⁸² Синельников Петр Андреевич (1912-1993), Герой Сов. Союза (1945). Родился в с. Плоская Дубрава Моршанского у. Тамбовской губ. Из крестьян. Окончил 7 кл. Работал в к-зе. В РККА с 1934. Окончил курсы мл. лейтенантов в 1939. Участник похода сов. войск в Польшу в сентябре 1939. На фронтах Великой Отечественной войны с 1942. Ком. огневого взвода 44-го арт. полка (3-я ударная армия, 1-й Белорусский фронт). Отличился при штурме г. Берлин. После войны продолжал службу в армии. С 1954 майор запаса. До 1985 служил в Тамбовском УВД. Проживал в г. Моршанск. Награжден орденами Ленина, Отечественной войны 1-й ст., 2 орденами Кр. Звезды, медалями. (Тамбовская энциклопедия. Тамбов, 2004. С. 534).

¹⁸³ Губкина (до замужества Степанова) Клавдия Александровна (1921-?). Родилась в г. Тамбов. Окончила Тамбовскую фармацевтическую школу в 1940. Из рабочих. 7 августа 1941 мобилизована в Кр. Армию. Служила нач. аптеки ППГ № 805, пом. нач. аптеки инфекционного госпиталя № 1984, нач. аптеки ХППГ № 4348 (Брянский, Воронежский, Степной, 4-й Украинский фронты). Член ВКП(б) с 1944. Демобилизована в декабре 1945, лейтенант мед. службы. В послевоен. время работала зам. зав. аптекой № 1 г. Тамбов, фармацевтом Тамбовского обл. аптекоуправления. С 1989 на пенсии. Награждена орденом Кр. Звезды, медалями. (ГАСПИТО. Ф. П-735. Оп. 43. Д. 25. Л. 3).

¹⁸⁴ Кибик Владимир Климентьевич (р. 1925). Родился в с. Секретарка Одесского у. Херсонской губ. Окончил 8 кл. В 1943 призван в Кр. Армию. После окончания подготовительных курсов воевал пехотинцем в 287-м гв. стр. полку 95-й гв. стр. див. 5-й гв. армии (1-й Украинский фронт). После войны продолжил воен. службу ком. взвода, ст. офицером арт. батареи в 16-й гв. стр. див. (Центр. группа войск, Прибалтийский ВО). Член ВКП(б) с 1953. После демобилизации в 1956 проживал в г. Тамбов. Работал в 4-м отделении милиции г. Тамбов. Затем возглавлял конвойный взвод Управления охраны общ. порядка Тамбовской обл. В 1961 окончил высшую школу МООП РСФСР. В 1965 назначен зам. нач. отдела службы УООП. Один из организаторов и 1-й ком. отд. оперативного див-на УООП, который вскоре считался одним из лучших в России. На его базе насчитывалось 25 радиофицированных мотоциклов. На каждый маршрут была разработана карточка. Если где-то совершалось преступление, вызывали 3-4 милиционера-мотоциклиста и еще несколько сотрудников, которые перекрывали все улицы в р-не происшествия. Благодаря маневренности милиционеров-мотоциклистов в скором времени уличная преступность сократилась в 2 раза, а раскрываемость составила свыше 80 %. В 1971-1975 возглавлял вневедомственную охрану и див-н милиции Ленинского РОВД г. Тамбов. В 1975-1979 зам. нач. Советского РОВД г. Тамбов. В последующие годы работал юрисконсультom з-да «Электроприбор», ст. арбитром обл. управления торговли. Награжден орденами Славы 3-й ст., Отечественной войны 1-й ст., «Знак Почета», медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За взятие Берлина», «За освобождение Праги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», а также ведомственными наградами – медалями «За безупречную службу», нагрудным знаком «Отличник милиции». (ГАСПИТО. Ф. П-735. Оп. 43. Д. 42. Л. 87; Музей истории тамбовской милиции УВД по Тамбовской области).

¹⁸⁵ Ганюшкин Иван Михайлович (1922-2002). Родился в с. Лаврово Тамбовского у. Тамбовской губ. Из крестьян. Окончил 7 кл. Призван в армию в 1942, демобилизован в 1946. Ст. лейтенант. Награжден медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «За победу над Японией». (Вернулись с Победой: Мордовский район, г. Моршанск. Тамбов, 2006. С. 103).

¹⁸⁶ Имеются в виду представители войсковых частей, набравшие личный состав.

¹⁸⁷ Ананьин Роман Тарасович (р. 1924). Родился в с. Текино Тамбовского у. Тамбовской губ. в старообрядческой семье. В 1935 вместе с семьей переехал в г. Тамбов. Окончил 7 кл. школы № 11. В 1940 поступил в Тамбовский автотранспортный техникум. В мае 1942-апреле 1943 курсант Тамбовского арттехучилища. С лета 1943 на фронте. Был дважды ранен и контужен в боях. Награжден орденами Отечественной войны 1-й и 2-й ст., Кр. Звезды, медалями. По демобилизации из армии продолжил учебу в техникуме и в 1949 закончил его с отличием. В 1949-1954 учился в Днепропетровском горном ин-те им. Артема. В 1954-1959 работал геологом на Украине. В 1959 переведен в Тамбовскую обл. гл. геологом Тамбовской комплексной геологоразведочной экспедиции. С 1989 на пенсии. Проживает в г. Тамбов. (Личный архив В.Л. Дьячкова).

¹⁸⁸ Ст. 58 УК РСФСР 1926 содержала 16 пунктов-квалификаций, предусматривавших наказания за различные виды «контрреволюционных» преступлений.

¹⁸⁹ Рабинович Давид Петрович (1897-1991), воен. педагог, генерал-лейтенант. Участник 1-й мировой войны. С 1918 в Кр. Армии. Окончил в 1932 Ленинградскую арт. академию им. Дзержинского. В 1931-1942 преподаватель, нач. кафедры Тамбовского арттехучилища, в 1941-1943 нач. училища. В 1944-1945 находился на фронте, команд. артиллерией армии. В послевоен. время зам. нач. Пензенского арт. инж. училища. Награжден орденами Ленина, Кр. Знамени, Отечественной войны 1-й и 2-й ст., Кр. Звезды.

¹⁹⁰ Несколько искаженный припев армейской песни, сочиненной в пору «освободительного похода» Кр. Армии в Зап. Украину и Зап. Белоруссию в сентябре 1939. Полный текст песни «Белоруссия родная, Украина золотая» (муз. П. Акуленко, слова В. Луговского, 1939):

Мы идем за великую Родину
 Нашим классовым братьям помочь.
 Каждый шаг, нашей армией пройденный,
 Прогоняет зловещую ночь!
 Припев:
 Белоруссия родная,
 Украина золотая,
 Наше счастье молодое
 Мы стальными штыками оградим!

Над полями, лесами, озерами
 Боевые летят корабли,
 И свобода встает над просторами
 Возвращенной народу земли.

Вражья сила качнется и сломится
 На штыках наших доблестных рот.
 Артиллерией, танками, конницей
 Мы проложим дорогу вперед.
 Припев.

Наших братьев в беде не оставим мы,
 Неразрывен великий народ.

Под знаменами Ленина–Сталина,
Под знаменами дружбы – в поход!

¹⁹¹ Стихотворение Т. Шевченко, положенное на музыку Н. Лысенко.

¹⁹² Нар. название американского автомобиля Dodge WC 52. С 1943 поставлялся по ленд-лизу в Кр. Армию.

¹⁹³ Ксюнин Юлий Порфирьевич (р. 1914). Родился в г. Томск. Из семьи мед. работников (отец – врач, мать – провизор). В 1932-1934 обучался в Сибирском механико-машиностроит. ин-те, затем в Ленинградском высшем воен.-морском инж. училище им. Ф.Э. Дзержинского. По окончании училища в 1939 проходил воен. службу на Тихоокеанском флоте в должностях ком. БЧ-V 2-й бр-ды подводных лодок, пом. нач. уч. отделения, преподавателя спецпредметов уч. отряда подводного плавания. В 1949-1952 нач. воен.-уч. центра, пред. Приморского, Красноярского краевых к-тов Досфлота. В 1952-1960 военпред, ст. военпред контрольно-приемного аппарата управления кораблестроения ВМФ. Инженер-капитан 2-го ранга. С 1960 проживает в г. Тамбов. Работал преподавателем в автотранспортном техникуме, ТИХМе. С 1989 на пенсии. Награжден орденами Кр. Звезды, Кр. Знамени, медалями. (ГАСПИТО. Ф. П-735. Оп. 43. Д. 52. Л. 17).

¹⁹⁴ М-21 – подводная лодка.

¹⁹⁵ Корчагин Николай Яковлевич (1902-?). Родился в г. Ряжск Рязанской губ. Из семьи ж.-д. рабочего. Обучался в Тамбовской гимназии. В январе 1919 добровольно вступил в ряды РККА. Член РКП(б) с 1919. Участник Гражд. войны. В 1924-1929 работал гл. контролером Наркомата финансов СССР на Московско-Курской и Московско-Казанской ж.д. Окончил Московский ин-т нар. хоз-ва им. Г.В. Плеханова. По окончании ин-та уехал на стр-во Турксиба. По окончании стр-ва работал нач. Алма-Атинского ж.-д. эксплуатационного р-на. В 1931-1932 зам. по науч. части, зав. кафедрой, доцент Московского транспортно-эконом. ин-та. Затем нач. 2-го отделения Северной ж.д. (г. Ярославль). В 1935 направлен на стр-во ж.д. Волочаевка–Комсомольск-на-Амуре. В 1937 возглавил инж.-транспортную группу Гл. транспортного управления ВСНХ. После реорганизации ВСНХ нач. транспортного отдела Главнефтеснаба Наркомата нефтяной промышленности СССР. Участник Великой Отечественной войны. В послевоен. время зам. нач. Сов. нефтяного управления в Венгрии, нач. отдела снабжения горючим 2-й гв. танк. армии в ГДР. С 1959 в запасе, инженер-полковник. После демобилизации работал зам. нач. транспортного управления, нач. КРУ Главнефтеснаба при СМ РСФСР. С 1967 на пенсии. Занимался общ. работой, пред. Совета ветеранов комсомола Ждановского р-на г. Москва. Награжден 3 орденами Кр. Звезды, орденом «Знак Почета», медалями «За боевые заслуги» и др. (ГАСПИТО. Ф. П-9019. Оп. 1. Д. 1636. Л. 7, 10, 14, 20-27, 33-36).

¹⁹⁶ Францишин Владимир Константинович (1909-1981). Родился в г. Тамбов. Труд. деятельность начал в 1926 учеником слесаря Тамбовской электростанции. В 1931-1932 служил в РККА. Окончил Киевский технологический ин-т. Работал зам. гл. инженера глицеринового з-да. С 1938 на отв. парт. работе в аппарате ЦК ВКП(б), был пом. зав. пром. отделом, зав. отделом Управления кадров. В 1941 направлен на работу в Казахскую ССР. 7 лет возглавлял отдел пищевой промышленности ЦК КП(б) Казахстана. В 1947-1953 1-й зам. министра и министр пищевой промышленности Казахской ССР. Затем до ухода на пенсию работал управляющим трестом винодельческой и плодоконсервной промышленности Мин-ва легкой и пищевой промышленности Казахской ССР, нач. управления виноградарства, садоводства и виноделия Алма-Атинского совнархоза.

Награжден орденами Отечественной войны 1-й ст., «Знак Почета», медалями. (Личный архив Е.М. Герасимовой).

¹⁹⁷ Вера Алексеевна – жена В.К. Францишина.

¹⁹⁸ Егер Сергей Михайлович (1914-1987), конструктор, доктор тех. наук, профессор, Герой Соц. Труда. Родился на ст. Романовка Саратовской губ. Из семьи железнодорожника. В 1922 переехал с семьей в г. Тамбов, где окончил 7 кл., школу ФЗУ. С 1931 работал на ТВРЗ слесарем, техником в бюро реконструкции. В 1932 поступил в МАИ, работал в Центр. аэрогидродинамическом ин-те. С 1936 нач. конструкторской бр-ды. В 1938 арестован, осужден на 10 лет. В заключении работал в Особом тех. бюро при НКВД. В 1941 досрочно освобожден (реабилитирован в 1955). Работал в опытно-конструкторском бюро, сподвижник академика А.Н. Туполева. Участвовал в разработке различных типов боевых и пассажирских самолетов: фронтового пикирующего бомбардировщика Ту-2, Ту-4, Ту-16, Ту-104, Ту-114, Ту-124, Ту-134, Ту-144, Ту-154. При создании Ту-154 был гл. конструктором. Лауреат Сталинских премий 1949, 1952. В 1958 за создание 1-го в мире реактивного пассажирского самолета Ту-104 удостоен Ленинской премии. Имел воинское звание генерал-лейтенант инженер. Награжден 3 орденами Ленина, орденом Труд. Кр. Знамени, 2 орденами Отечественной войны 1-й и 2-й ст. (Личный архив В.С. Егера; Тамбовская энциклопедия. Тамбов, 2004. С. 38).

¹⁹⁹ Имеются в виду Л.П. Берия и И.В. Сталин.

²⁰⁰ Имеются в виду охранники.

²⁰¹ Т.е. огромное.

²⁰² Прозодежда – производств. одежда.

²⁰³ Имеется в виду конвоир.

²⁰⁴ АНТ – Андрей Николаевич Туполев.

²⁰⁵ Каламбур: вольный каменщик (масон) – вольный конструктор.

²⁰⁶ Семенов Владимир Семенович (1911-1992), сов. дипломат, парт. деятель. Родился в с. Краснослободское (ныне ст. Иноковка) Кирсановского у. Тамбовской губ. Член ВКП(б) с 1938. Окончил Московский ин-т истории, философии и литературы (МИФЛИ) (1937). С 1939 на дипломатической работе в Литве, Германии, Швеции. В 1945-1953 полит. советник при Главноначальствующем Сов. воен. администрации, в последующем – при пред. Сов. контрольной комиссии в Германии. В 1953-1954 Верховный комиссар СССР в Германии, чрезвычайный и полномочный посол СССР в ГДР. В 1954-1955 член Коллегии, зав. отделом МИД СССР. С марта 1955 зам. министра иностр. дел СССР. Участник многих междунар. конференций и совещаний. С ноября 1969 руководитель делегации СССР на переговорах с США по ограничению стратегических вооружений. Член Центр. ревизионной комиссии КПСС в 1952-1966, канд. в члены ЦК КПСС с 1966. Награжден 2 орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, 4 др. орденами, а также медалями. Умер в г. Кельн. (Личный архив Е.В. Семеновой).

²⁰⁷ Деканозов Владимир Георгиевич, нач. гл. управления гос. безопасности НКВД СССР (внешняя разведка) в 1938-1939, зам. наркома (министра) иностр. дел в 1939-1947, полпред в Германии в 1939-1941.

²⁰⁸ Вышинский Андрей Януарьевич, зам. Ген. прокурора и Ген. прокурор СССР в 1933-1939, 1-й зам. наркома иностр. дел в 1940-1946, зам. министра иностр. дел в 1946-1949, министр иностр. дел в 1949-1953, 1-й зам. министра иностр. дел и постоянный представитель СССР при ООН в 1953-1954.

²⁰⁹ Лозовский Соломон Абрамович, зам. наркома (министра) иностр. дел СССР в 1939-1946, зам. нач. Совинформбюро.

²¹⁰ Коллонтай Александра Михайловна, посланник СССР в Швеции в 1930-1945.

²¹¹ Мартин Андерсен-Нексё, датский писатель. Во время войны жил в Швеции, затем в ГДР.

²¹² Эдгар Клаус был направлен адмиралом Канарисом в Стокгольм еще в мае 1941 для установления контактов с сов. дипломатами и др. работниками сов. учреждений в Швеции с целью получения информации о воен.-стратегическом положении в СССР.

²¹³ 1 апреля 1946 (в день его высылки) Э. Клаус умер в шведской больнице от инфаркта.

²¹⁴ В предисловии в предполагаемом издании части его дневников, написанном дочерью Е.В. Семеновой и Б.Л. Хавкиным, говорилось: «Публикуемые записи принадлежат Владимиру Семеновичу Семенову (1911-1992), Чрезвычайному и Полномочному послу, 23 года занимавшему пост заместителя министра иностранных дел СССР. Находясь в этой должности, В.С. Семенов прошел длинный политический путь, начавшийся во времена Н.С. Хрущева и завершившийся в эпоху М.С. Горбачева.

В.С. Семенов родился в семье железнодорожника в небольшом селе неподалеку от города Кирсанова Тамбовской губернии. Через три года началась Первая мировая война, затем – Гражданская. От брюшного тифа, свирепствовавшего на Тамбовщине, умер отец – Семен Гаврилович Семенов. Четверо детей – трое мальчиков и девочка – чудом остались в живых. С детства Владимир сохранил глубочайшее уважение к матери – Лидии Павловне, урожденной Шехониной, взвалившей на свои плечи все заботы о детях. В конце 1920-х годов Семеновы переехали в Москву, где в 1931 г. Владимир поступил в Институт философии, литературы и истории. В студенческие годы он женится на Евгении Николаевне Коноваловой, студентке педагогического техникума и журналистке «Комсомольской правды». В 1936 г. в семье Семеновых появилась на свет дочь Светлана. После окончания института в 1937-1939 гг. Владимир Семенович работал преподавателем, затем помощником директора по научной части педагогического института в Ростове-на-Дону.

Летом 1939 г. произошло событие, изменившее судьбу Семенова: молодого ученого вызвали в столицу на совещание заведующих кафедрами марксизма-ленинизма. В зале заседаний присутствовал нарком иностранных дел В.М. Молотов, на которого доклад Семенова об изучении «Краткого курса истории ВКП(б)» произвел хорошее впечатление. Вскоре в Ростовский пединститут пришел приказ: Семенова откомандировать в Москву в распоряжение НКВД СССР. Так, по «молотовскому призыву», молодой педагог стал дипломатом.

Жизнь В.С. Семенова сложилась так, что он находился в центре политических событий середины и второй половины XX в. Послужной список дипломата богат и разнообразен: 1939-1940 гг. – советник полпредства в Литве; 1940-1941 гг. – советник полпредства в Германии; 1941-1942 гг. – заведующий 3-м Европейским отделом НКВД; 1942-1945 гг. – советник советской миссии в Швеции; 1945-1946 гг. – заместитель политического советника Советской военной администрации в Германии (СВАГ), в 1946-

1949 г. – политический советник СВАГ; 1949-1953 гг. – политический советник Советской контрольной комиссии в Германии (СКК); 1953 г. – заведующий 3-м Европейским отделом, член коллегии МИД СССР; 1953-1954 гг. – Верховный комиссар СССР в Германии и посол в ГДР; 1954-1955 гг. – заведующий 3-м Европейским отделом МИД; 1955-1978 гг. – заместитель министра иностранных дел; 1978-1986 гг. – посол СССР в ФРГ.

Для послевоенной Германии Семенов был фигурой судьбоносной. Но в России о его роли в новейшей германской истории знают немногие. Разумеется, Владимир Семенович был человеком своего непростого времени. Но он обладал той поразительной гибкостью мышления, которая позволяла ему, не предавая идеалы юности, смотреть на проблемы с различных позиций.

Светлана Семенова вспоминала: «Обычно отец и его ближайшие помощники приходили с работы поздно ночью. Вместо того чтобы, сжевав приготовленный ужин, рухнуть в кровать, они начинали играть на рояле, петь, читать стихи и мечтать. Мечтать о том, как в будущем немецкие дети будут изучать классиков германской литературы и как немецкая культура расцветет». Владимира Семеновича очень расстроило название «Сталин-аллее»: он пытался доказать немцам, что Сталин не есть прецедент в истории Германии, и что лучше бы назвать главную улицу Берлина именем Гете или Шиллера. Но «немцы уперлись». При всей своей жесткости в выполнении поставленных перед ним задач, Семенов был, возможно, бóльшим либералом, чем это может показаться на первый взгляд. Именно за либерализм на Семенова «покрикивал» Молотов в июне-сентябре 1953 г. Однако же, Молотов то ли в шутку, то ли всерьез называл В.С.Семенова «нашим гауляйтером в Германии».

В западной печати Семенова величали то «Нестором советской дипломатии», то «серым кардиналом МИДа», то «человеком ГБ» и даже «танком Т-34». Одна немецкая газета дала ему, на наш взгляд, исчерпывающе точную характеристику: «Человек контакта, о котором говорят, что он выглядит как немец, говорит как англичанин, держится как француз, думает как русский». Семенов располагал к себе прессу не только как политик. Он был известен и как ученый, и как публицист, и как знаток и ценитель классической музыки, и, наконец, как один из крупнейших в СССР коллекционеров неофициального современного советского искусства. Его любовь к литературе, музыке, искусству были не прихотью, а формой самосохранения и самовыражения. К нему шла за помощью, как это тогда называлось, творческая интеллигенция – художники, писатели, музыканты, искусствоведы, историки и археологи зная, что он вывернется на изнанку, но постарается помочь. В художественных кругах Семенов был известен как меценат, помогающий и словом и делом выжить независимому от власти искусству.

В 1961 г. страшным ударом для Семенова стала смерть жены Евгении Николаевны. Но через два года у него появляется первый внук – Константин, а вслед за этим вторая жена – Лидия Ивановна и вторая дочь – Елена.

До последних дней жизни Владимир Семенович готовил к публикации своих воспоминания. Он хотел, чтобы его мемуары в первую очередь прочли российские читатели, но в нашей стране воспоминания дипломата так и не были опубликованы. В 1995 г. в Германии была выпущена в свет его книга «Von Stalin bis Gorbatschow. Ein halbes Jahrhundert in diplomatischer Mission 1939-1991. Berlin, 1995. («От Сталина до Горбачева. Полвека дипломатической миссии 1939-1991 гг.»). Но эта книга создавалась с учетом специфики интересов немецких читателей, многие фрагменты воспоминаний в нее не вошли или были сокращены. Кроме того, не задействованным оказался огромный фонд материалов из личного архива Семенова – его дневники и записи служебного и личного характера.

Семенов вел личный дневник с 1963 по 1992 гг. Сохранилось 160 тетрадей, различных по объему (от 40 до 120 страниц), исписанных сложным для прочтения

почерком. Полностью расшифрованы 114 дневников. Дневниковые записи за 1989-1992 гг., когда велась активная работа над книгой воспоминаний, представляют собой не только сброшюрованные тетради, но и отдельные не систематизированные листы. Заметки Семенова – новый исторический источник, не известный общественности. Но личные записи дипломата, по нашему мнению, представляют собой не только академический интерес. Это живой документ эпохи, характеризующий взгляды, привычки, отношения с людьми, характер и образ мыслей их создателя. Как говорил Семенов, «жизнь много сложнее, чем ее описывают любые мемуаристы. Под каждой могильной плитой лежит биография целого поколения. И это безвозвратно». (Личный архив Е.В. Семеновой).

²¹⁵ Сметона Антанас, президент Литвы с 1926 по 1940.

²¹⁶ Вайцеккер Эрнст фон, руководитель политотдела Мин-ва иностр. дел Германии в 1936-1938, статс-секретарь Мин-ва иностр. дел Германии в 1938-1943, посол Германии в Ватикане 1943-1945. В 1984 его сын Рихард фон Вайцеккер был избран президентом ФРГ.

²¹⁷ Карл V Густав.

²¹⁸ Латр де Тассиньи Жан Мари де, в 1943 главнокоманд. войсками движения «Сражающаяся Франция», в 1944 команд. 1-й франц. армией. В 1950-1952 главнокоманд. франц. войсками в Индокитае.

²¹⁹ Клей Люциус Дюбиньон, в 1945-1947 зам. главы амер. воен. администрации в Германии, в 1947-1949 главнокоманд. войсками США в Европе и глава воен. администрации США в Германии.

²²⁰ Робертсон Брайн Хьюберт, в 1945-1947 зам. главы британской воен. администрации в Германии, с 1947 главнокоманд. войсками Великобритании и глава англ. воен. администрации в Германии.

²²¹ Киркпатрик Айвон, 1-й секретарь англ. посольства в г. Берлин в предвоен. годы, в дальнейшем зам. министра иностр. дел Великобритании.

²²² Бехер Иоганнес Роберт, нем. поэт-антифашист, автор текста гос. гимна ГДР, министр культуры ГДР в 1954-1958.

²²³ Нагель Отто, нем. художник-антифашист, один из основателей «Культурбунда» – Союза деятелей культуры ГДР.

²²⁴ Пушкин Георгий Максимович, с 1942 зав. 3-м Европейским отделом Наркомата иностр. дел, в 1945-1948 полит. советник Союзной контрольной комиссии и посланник СССР в Венгрии; в 1949-1952 глава дипломатической миссии СССР в ГДР, в 1952-1954 зам. министра иностр. дел СССР, в 1954-1958 сов. посол в ГДР, верховный комиссар СССР в Германии, в 1959-1963 зам. министра иностр. дел СССР.

²²⁵ Киселев Евгений Дмитриевич, в 1938-1939 сотрудник консульства СССР в г. Клайпеда, в 1940-1941 консул, а затем ген. консул СССР в г. Кенигсберг, в 1945-1948 полит. советник Верховного комиссара СССР в Союзнической комиссии по Австрии, в 1955-1958 посол СССР в Египте, в 1958-1959 посол в ОАР, в 1959-1962 зав. отделом Ближнего Востока МИД СССР, в 1962-1963 зам. Ген. секретаря ООН.

-
- ²²⁶ Смирнов Андрей Андреевич, в 1940-1941 советник полпредства СССР в Германии, в 1941-1943 посол СССР в Иране, в 1943-1949 зав. 3-м Европейским отделом МИД, в 1946-1949 зам. министра иностр. дел СССР, в 1956-1957 посол СССР в Австрии, в 1957-1966 посол СССР в ФРГ, с 1973 зам. министра иностр. дел СССР.
- ²²⁷ Бидо Жорж, премьер-министр Франции в 1946, 1949-1950, один из основателей партии Народно-республиканское движение. В 1944-1954 член правительства Франции. В 1961 вошел в партию ОАС, в 1962 вследствие запрета ОАС покинул Францию. Вернулся в страну после амнистии 1968.
- ²²⁸ Ориоль Венсан, президент Франции в 1947-1954.
- ²²⁹ Косыгин Алексей Николаевич, зам. пред. СМ СССР в 1940-1953, 1953-1956, 1956-1960, председатель СМ СССР в 1964-1980.
- ²³⁰ Леонов Леонид Максимович, писатель и сценарист, академик АН СССР.
- ²³¹ Раск Дин, гос. секретарь США в 1961-1969.
- ²³² Стивенсон Эдлай, один из лидеров Демократической партии США, в 1961-1965 постоянный представитель США при ООН. На выборах 1952 и 1956 был кандидатом на пост президента США.
- ²³³ Кув де Мюрвиль Морис, министр иностр. дел Франции в 1958-1968, премьер-министр Франции в 1968-1969.
- ²³⁴ Больц Лотар, пред. Национально-демократической партии Германии в 1946-1972, министр иностр. дел ГДР в 1953-1965.
- ²³⁵ Шепилов Дмитрий Трофимович, гл. редактор газеты «Правда» в 1952-1956, министр иностр. дел СССР, член-корреспондент РАН в 1956-1957.
- ²³⁶ Корин Павел Дмитриевич, сов. художник и реставратор.
- ²³⁷ Кузнецов Василий Васильевич, зам. пред. Госплана СССР в 1940-1943, пред. Всесоюз. центрального совета профсоюзов в 1944-1953, пред. Совета Национальностей ВС СССР в 1946-1950, посол СССР в Китае с 1953, 1-й зам. министра иностр. дел СССР с 1955, 1-й зам. пред. Президиума ВС СССР в 1977-1986.
- ²³⁸ Асеев Николай Николаевич, рус. поэт.
- ²³⁹ Ливанов Борис Николаевич, актер МХАТ в 1924-1974, нар. артист СССР.
- ²⁴⁰ Ромадин Николай Михайлович, нар. художник СССР, действительный член Академии художеств СССР.
- ²⁴¹ Нисский Георгий Григорьевич, живописец, нар. художник РСФСР.
- ²⁴² Сатюков Павел Алексеевич, журналист, гл. редактор газеты «Правда».

-
- ²⁴³ Степанов Василий Павлович, гл. редактор журнала «Коммунист».
- ²⁴⁴ Аджубей Алексей Иванович, гл. редактор газеты «Известия», зять Н.С. Хрущева.
- ²⁴⁵ Абрамян Арам Яковлевич, хирург-уролог, коллекционер произведений искусства.
- ²⁴⁶ Мясников Александр Леонидович, врач-кардиолог, коллекционер произведений искусства.
- ²⁴⁷ Насер Гамаль Абдель, премьер-министр Египта в 1954-1956, президент Египта с 1956, президент ОАР, включавшей Египет и Сирию, с 1958.
- ²⁴⁸ Амер, премьер-министр ОАР.
- ²⁴⁹ Анвар Садат, пред. Национального собрания Египта в 1960-1968, вице-президент Египта в 1964-1969, президент Египта в 1970-1981.
- ²⁵⁰ Шахиншах Ирана Реза Пахлеви и шахиня Сорайя.
- ²⁵¹ Герхардсен Эйнар Хенри, лидер норвежских социал-демократов, премьер-министр Норвегии в 1945-1951 и 1955-1965.
- ²⁵² Рааб Юлиус, Федеральный канцлер Австрии в 1953-1961.
- ²⁵³ Крайский Бруно, статс-секретарь Мин-ва иностр. дел Австрии в 1953-1959, министр иностр. дел Австрии в 1959-1966, федеральный канцлер Австрии в 1970-1983.
- ²⁵⁴ Дуглас-Хьюм Алек, член палаты лордов британского парламента в 1951-1963, министр иностр. дел в 1960-1963, 1970-1974, премьер-министр Англии в 1963-1964.
- ²⁵⁵ Мэрфи Роберт Даниэл, амер. дипломат, полит. советник при штабе Гл. командования союзных ВС в Европе в 1944-1945, полит. советник при воен. администрации США в Германии в 1945-1949.
- ²⁵⁶ Добрынин Анатолий Федорович, пом. министра иностр. дел СССР в 1955-1957, зам. ген. секретаря ООН в 1957-1960, посол СССР в США в 1961-1986.
- ²⁵⁷ Зорин Валериан Александрович, зам. министра иностр. дел СССР в 1947-1955, 1956-1960, 1963-1965, постоянный представитель СССР при ООН в 1952-1953, 1960-1963, посол СССР в ФРГ в 1955-1956.
- ²⁵⁸ В.С. Семенов в юности преподавал в г. Кирсанов на курсах ликвидации безграмотности.
- ²⁵⁹ Потемкин Владимир Петрович, 1-й зам. наркома иностр. дел СССР в 1937-1940, нарком просвещения РСФСР в 1940-1946.
- ²⁶⁰ Жданов Андрей Александрович, секретарь ЦК ВКП(б) в 1941-1948, 1-й секретарь Ленинградского ОК и ГК ВКП(б).
- ²⁶¹ Имеется в виду операция по аресту Л.П. Берия.

-
- ²⁶² Кобулов Богдан Захарович, 1-й зам. министра внутр. дел СССР Берии в 1953. Его брат, Кобулов Амаяк Захарович, в 1939-1941 был советником полпредства СССР в Германии и легальным резидентом чекистской разведки. Б.З. Кобулов в 1951-1953 занимал должности 1-го зам. нач. ГУЛАГа МВД СССР и нач. Управления по делам военнопленных МВД СССР. Арестован 27 июня 1953 в г. Берлин в кабинете В.С. Семенова. В 1954 Воен. коллегией Верховного суда СССР Б.З. Кобулов приговорен к высшей мере наказания.
- ²⁶³ Семенова Евгения Николаевна (1911-1961), 1-я супруга В.С. Семенова.
- ²⁶⁴ Семенова Лидия Ивановна, 2-я жена В.С. Семенова.
- ²⁶⁵ 22 июня 1941 Гитлер объявил войну СССР.
- ²⁶⁶ Поспелов Петр Николаевич, академик АН СССР, директор Ин-та марксизма-ленинизма в 1953-1967.
- ²⁶⁷ Имеется в виду В.И. Чуйков.
- ²⁶⁸ В.М. – здесь и далее В.М. Молотов.
- ²⁶⁹ Валентина Ивановна Семенова, сестра Л.И. Семеновой.
- ²⁷⁰ Хвостов Владимир Михайлович, историк, академик АН СССР.
- ²⁷¹ Земсков Игорь Николаевич, нач. Ист.-дипломатического управления МИД СССР в 1957-1967.
- ²⁷² Малиновский Родион Яковлевич, маршал Сов. Союза, министр обороны СССР.
- ²⁷³ Бирюзов Сергей Семенович, маршал Сов. Союза, начальник Генштаба ВС СССР.
- ²⁷⁴ Подгорный Николай Викторович, секретарь ЦК КПСС в 1963-1965, пред. Президиума ВС СССР в 1965-1977.
- ²⁷⁵ Щербаков Александр Сергеевич, зам. наркома обороны СССР, нач. ГлавПУ РККА, нач. Софинформбюро.
- ²⁷⁶ Murphy R. Diplomat unter Kriegern. Zwei Jahrzehnte Weltpolitik in besonderer Mission. Berlin, 1964.
- ²⁷⁷ Речь идет о сов.-германском договоре о ненападении от 23 августа 1939 (пакте Молотова–Риббентропа) и о визите В.М. Молотова в г Берлин 12-14 ноября 1940.
- ²⁷⁸ К.Е. – здесь и далее Климент Ефремович Ворошилов.
- ²⁷⁹ Козырев Семен Павлович, в 1939-1943 ст. пом. наркома иностр. дел, в 1943-1945 советник представительства СССР при Франц. К-те нац. освобождения в Алжире, затем советник посольства СССР во Франции, в 1945-1950 зав. 1-м Европейским отделом НКВД (МИД) СССР, в 1966-1983 зам. министра иностр. дел СССР.

-
- ²⁸⁰ И.В. – здесь и далее Иосиф Виссарионович Сталин.
- ²⁸¹ Мамедов Энвер Назимович, 1-й зам. пред. К-та по радиовещанию и телевидению при СМ СССР.
- ²⁸² Баскаков Владимир Евтихианович, 1-й зам. пред. Госкино СССР.
- ²⁸³ Здесь и далее – В.Д.Соколовский.
- ²⁸⁴ Евгения Николаевна Семенова, 1-я супруга В.С. Семенова.
- ²⁸⁵ Г.К. – здесь и далее Георгий Константинович Жуков.
- ²⁸⁶ Семенова Елена Владимировна, дочь В.С. Семенова.
- ²⁸⁷ Правильно – «Посол Советского Союза».
- ²⁸⁸ Анри Мари Бейль – настоящее имя франц. писателя Стендаля.
- ²⁸⁹ Боков Федор Ефимович, в 1945-1946 член Воен. совета ГСОВГ по делам СВАГ.
- ²⁹⁰ Дратвин Михаил Иванович, с июня 1945 зам. нач., с октября 1945 нач. штаба СВАГ, в 1947-1949 1-й зам. главноначальствующего СВАГ.
- ²⁹¹ Лукьянченко Григорий Сергеевич, в 1945-1946 нач. отдела сухопутных войск СВАГ, представитель СССР в воен. директорате Контрольного совета, в 1947-1950 зам., затем нач. штаба СВАГ.
- ²⁹² Фирюбин Николай Павлович, в 1957-1983 зам. министра иностр. дел СССР, супруг Е.А. Фурцевой.
- ²⁹³ Паршин Петр Иванович, с февраля 1939 нарком общего машиностроения СССР. В ноябре 1941 его наркомат был преобразован в наркомат минометного вооружения. С 1946 по 1956 нарком (министр) машиностроения и приборостроения СССР.
- ²⁹⁴ Ванников Борис Львович, в 1939-1941 нарком оборонной промышленности, в 1942-1946 нарком боеприпасов, в 1953-1958 1-й зам. министра ср. машиностроения СССР.
- ²⁹⁵ Бацанов Борис Терентьевич, в 1967-1991 пом. пред. СМ СССР, зав. секретариатом СМ СССР.
- ²⁹⁶ Семерка – собрание членов Политбюро ЦК КПСС.
- ²⁹⁷ Щекина-Кротова Ангелина Васильевна, супруга художника Р.Р. Фалька.
- ²⁹⁸ Абрамян Арам Яковлевич, хирург-уролог, коллекционер произведений искусства.
- ²⁹⁹ Шемякин Михаил Михайлович, рус. художник и скульптор, представитель «неофициального» авангарда.
- ³⁰⁰ Комолов Вадим Герасимович, один из руководителей Агентства печати «Новости».

-
- ³⁰¹ Хрущев Сергей Никитович, сын Н.С.Хрущева.
- ³⁰² Здесь и далее – Б.Ф. Подцероб.
- ³⁰³ Т.е. прямым текстом, без шифра (clair – франц., clear – англ.).
- ³⁰⁴ Имеется в виду Государственный Комитет Оборона (ГКО). Совет труда и обороны (СТО) существовал во время Гражд. войны.
- ³⁰⁵ Ошибка автора – с октября 1941 до лета 1942 Ленинградским фронтом командовал М.С. Хозин (Л.А. Говоров – после М.С. Хозина).
- ³⁰⁶ А.Я. – здесь и далее Андрей Януарьевич Вышинский.
- ³⁰⁷ Время от времени (нем.).
- ³⁰⁸ Иванов Николай Васильевич, в 1944-1945 советник гл. представителя СССР в Европейской консультативной комиссии, в 1946-1948 зам. полит. советника СВАГ (В.С. Семенова).
- ³⁰⁹ Кожевников Федор Иванович, юрист-международник; с 1966 член Постоянной палаты третейского суда в г. Гаага.
- ³¹⁰ Лейк-Саксес (США) – штаб-квартира ООН в 1946-1950.
- ³¹¹ Павлов Дмитрий Васильевич, в 1955-1958 министр торговли СССР, в 1958-1972 министр торговли РСФСР.
- ³¹² В.И. – здесь и далее Василий Иванович Чуйков.
- ³¹³ Б.Н. – здесь и далее Борис Николаевич Пономарев.
- ³¹⁴ Картер Джеймс, президент США в 1977-1981.